SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TS
CHRISTO ET ECCLESIAE

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1871 г.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, Владимірская, д. № 15.
1871.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. ЯНВАРЬ. **1871 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

При этой книгѣ прилагаются: 1) **Портретъ Петра Великаго,** писанный съ натуры въ 1717 г. въ Парижѣ и гравированный на стали въ Лондонѣ, и 2) Алфавитный Указатель личныхъ именъ встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (буквы **А. — И.**)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина

Владимірская, домъ № 15.

1871.

1-я книга «Русской Старины» вышла 1-го января.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева. томъ XX-й. М. 1870 г. 8 д. Цѣна 2 руб.

Въ этотъ томъ вошло окончаніе царствованія Анны Іоанновны: дѣла Польскія, походы Крымскіе, отношенія къ западнымъ державамъ. Двѣ большія главы посвящены обозрѣнію внутренняго быта Русскаго Государства—въ это суровое царствованіе. — Приложенія неважны, какъ по объему, такъ и по содержанію. Далеко не исчерпывая всей массы драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ, почти не замѣчая иностранные источники, ученый историкъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ въ настоящемъ томѣ своего почтеннаго труда довольно много новаго и интереснаго матеріала—мѣстами особенно ярко рисующаго русское правительство и русское общество 1735—1740 гг.

Дѣйствія Русскаго флота во время войны Россіи со Швеціей въ 1788—90 гг. Соч. В. Ф. Головачова: кампанія 1788 г. Спб. 8 д. 1870 г.

Дѣльная и интересная монографія. Составлена спеціалистомъ, знатокомъ морскаго дѣла. Источниками служили архивные документы. При брошюрѣ приложенъ прекрасно сост. планъ Гогландск. сраж. 6-го іюля 1788 г.

Русская историческая Библіографія, годъ седьмой 1861 г. Спб. 8 д. 1870 г. Цѣна 1 руб. 15 коп.

Въ настоящее время, при возростающемъ интересѣ въ русскомъ обществѣ къ исторіи какъ русской, такъ и всеобщей, положительно необходимо имѣть справочную книгу, которая служила бы ключемъ къ отысканію тѣхъ или другихъ историческихъ изслѣдованій, біографій и историч. матеріаловъ—разбросанныхъ въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ. Необходимость такой книги сознана и людьми пишущими, и массою читателей. Трудъ П. П. Ламбина, вполнѣ удовлетворяетъ этой потребности. Съ замѣчательною любовью къ дѣлу и неутомимостью собраны имъ въ «Русск. историч. библіогр.» указанія на малѣйшія замѣтки, либо отдѣльные документы (матеріалы), разбросанные въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ, весьма часто составляющихъ библіограф. рѣдкость. Планъ изданія — оч. хорошъ: въ первомъ отдѣлѣ— «Исторія Россіи», которая дробиться на 17 подраздѣленій, второй отдѣлъ — «Всеобщая Исторія», третій — «Періодич. и поврем. изданія». Три алфавитныхъ указателя, въ концѣ каждаго выпуска, вполнѣ облегчаютъ справки. Лучшимъ же доказательствомъ полноты труда г. Ламбина служитъ то, что въ предшествующихъ двухъ выпускахъ 1859—1860 гг., при шести тысячахъ (безъ малаго) статей, оказались пропущенными указанія только на пять, весьма неважныхъ— замѣтокъ. Пожелаемъ только одного, чтобы Академія Наукъ, иждивеніемъ которой издается «Рус. Истор. Библ.»,— озаботилась расширеніемъ средствъ на изданіе; это, безъ сомнѣнія, ускорило бы выпускъ отдѣльныхъ его частей, а то въ 1871 году любители исторіи и должны довольствоваться: «Русскою Историческою Библіографіей» только за время съ 1855—1861 гг., включительно. Всѣ семь вышедшихъ частей стоятъ не дорого, 6 руб. 65 коп.

Портретная галерея русскихъ дѣятелей изд. А. Э. Мюнстера. Спб. Въ больш. листъ, 2 тома, всего 200 портретовъ съ fax-simile и съ біографіями. Цѣна за оба тома 30 рубл.

Это роскошное изданіе дѣлаетъ большую честь искуству г. Мюнстера, какъ литографа. Большинство портретовъ, вошедшихъ въ галерею, исполнены безукоризненно хорошо; біографіи, — изъ которыхъ главнѣйшія, почти всѣхъ лицъ умершихъ, составлены М. Д. Хмыровымъ,— отличаются вѣрностью, достаточною полнотою и обстоятельностью. Въ галереѣ помѣщены портреты не только опочившихъ дѣятелей, но и живущихъ (послѣднихъ около 70), притомъ какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ: такимъ образомъ—здѣсь помѣщены русскіе государи, полководцы, министры, предстоятели церкви, писатели (собраніе портретовъ ихъ особенно полно) художниковъ, музыкантовъ и артистовъ. Если относительно нѣкоторыхъ, пяти или шести портретовъ (изъ живущихъ лицъ) и можно спросить г. Мюнстера: была ли настоятельная необходимость помѣщать ихъ изображенія, то зато громадное большинство положительно должно было войдти въ этотъ пантеонъ россійскихъ мужей—и вошло, безъ исключенія, въ прекрасно выполненныхъ портретахъ. Нельзя не рекомендовать библіотекамъ, музеямъ, общественнымъ собраніямъ, клубамъ, среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ озаботиться пріобрѣтеніемъ изд. г. Мюнстера. Таковое пріобрѣтеніе облегчается еще тѣмъ, что каждый портретъ галереи можно получить за 50 коп. отдѣльно, слѣдовательно покупателю весьма удобно сдѣлать выборъ портретовъ.

Русскія дѣтскія сказки, собранныя А. Н. Афанасьевымъ. Съ картинками, рисованными Башиловымъ. М. 1870 г. 8-ю д., 2 ч.

Эта книга есть хорошее пріобрѣтеніе для нашихъ дѣтскихъ библіотекъ. Составленная самимъ почтеннымъ собирателемъ сказокъ, ученымъ изслѣдователямъ русскаго народнаго быта, она отличается прекраснымъ выборомъ сказокъ и удачнымъ ихъ расположеніемъ; что касается до внѣшности изданія—то по своему изяществу, оно ничего неоставляетъ желать лучшаго. Въ педагогическомъ отношеніи польза отъ чтенія дѣтьми чисто-народныхъ, хорошо выбранныхъ сказокъ, давно признана всѣми лучшими педагогами.

(смотр. окончаніе на оборотѣ)

Петръ

МОЯ БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

(Записки Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петрова Бакланова, написанныя собственною его рукою).

I.

Я родился въ 1809 году отъ бѣдныхъ родителей, былъ единственнымъ сыномъ. Отецъ мой поступилъ на службу казакомъ, дослужился до чина полковника; онъ постоянно находился въ полку, поэтому не могъ заботиться о моемъ воспитаніи. Мать женщина простая, безъ средствъ, мало думала объ обученіи меня грамотѣ, но родная моя бабка въ одинъ день объявила мнѣ, что я долженъ поступить учиться грамотѣ къ Кудиновнѣ, — грамотная старуха, принимавшая дѣтей къ себѣ въ школу.

У ней, года два, по церковной азбучкѣ, зубрилъ азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій, отъ нея переведенъ къ приходскому пономарю: училъ наизусть «Часовникъ», затѣмъ переведенъ къ дьячку, гдѣ проходилъ псалтырь.

Въ 1816 году отецъ, въ чинѣ есаула, возвратился изъ отечественной войны, а въ 1817 году наряженъ въ Бессарабію въ полкъ Горбикова; взялъ и меня съ собой.

По прибытіи на мѣсто служенія, я былъ порученъ для дальнѣйшей науки грамотѣ сотенному писарю; чрезъ годъ перешелъ къ полковому писарю.

Въ 1823 года полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1823-го по 1825 г. жилъ въ домѣ, занимался въ хозяйствѣ, пахалъ землю, косилъ сѣно и пасъ домашнихъ животныхъ, а о грамотѣ моей не было рѣчи. Отецъ, самъ мало грамотный, не счелъ нужнымъ провѣрить мои знанія, а былъ убѣжденъ, что сынъ, пройдя такія знаменитыя заведенія, подъ ру-

ководствомъ вышесказанныхъ знахарей, былъ дока читать и писать. На дѣлѣ-жь выходило иначе: я не могъ подписать своей фамиліи, а книги читалъ съ величайшимъ трудомъ, что вышло оттого, что мои наставники-писаря мало занимались мною, а у меня не было охоты къ ученью, и я по цѣлымъ днямъ и ночамъ вертѣлся въ казармахъ среди казаковъ, съ жадностью слушалъ разсказы объ отвагахъ предковъ нашихъ по Азовскому и Черному морю, объ Азовскомъ сидѣньѣ, и о разныхъ эпизодахъ въ послѣдующія войны новыми поколѣніями оказанныхъ, и подъ эту гармонію нерѣдко засыпалъ сладкимъ сномъ.

Въ 1825 году отецъ, въ полку Попова, командированъ въ Крымъ; взялъ меня съ собой съ зачисленіемъ въ комплектъ полка. Будучи произведенъ въ урядники, при доставшейся очереди, во время похода, дежурить по сотнѣ, слѣдовало мнѣ при утреннемъ рапортѣ писать рапортички и подписывать ихъ, но я не могъ исполнять ни того, ни другаго. Эта неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца.

По прибытіи въ Крымъ, онъ первымъ долгомъ счелъ отправиться въ городъ Ѳеодосію, гдѣ было уѣздное училище, и бывшему смотрителю этого заведенія, Ѳедору Филипповичу Бурдунову, отдалъ меня пообучиться за условленную цѣну. Благодаря этому честнѣйшему человѣку, въ продолженіе года бытности моей у него, прошелъ я всю премудрость, которой обучаютъ въ уѣздномъ училищѣ и былъ первымъ изъ учениковъ; быть можетъ я бы долго пробылъ у Бурдунова, но мать, оставшаяся одна въ домѣ, въ письмахъ своихъ настоятельно требовала, чтобъ отецъ мой пріѣхалъ со мною въ отпускъ и женилъ бы меня.

Отецъ исполнилъ ея просьбу, а вмѣстѣ съ женитьбой прекратилось дальнѣйшее мое ученье.

II.

Въ 1828 году открылась турецкая война. Полкъ нашъ, по распоряженію начальства, двинутъ въ Европейскую Турцію. Предъ выступленіемъ въ походъ, бывшій Новороссійской генералъ-губернаторъ, князь Воронцовъ, пріѣхалъ въ Крымъ; онъ потребовалъ отъ полка офицера, для посылокъ съ депешами къ великому князю Михаилу Павловичу въ Браиловъ. Отецъ, за смер-

тію командира полка, принялъ его въ командованіе, я же былъ въ полку томъ офицеромъ.

Въ командировку эту назначили меня.

Получивши все нужное къ отправленію, чрезъ Молдавію и Валахію, прибылъ въ Браиловъ; сдавши депеши, дней десять ожидалъ приказанія возвратиться къ полку.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, слышу вызываютъ охотниковъ идти на штурмъ. Не разсуждая, какія могутъ быть последствія, я заявилъ себя желающимъ быть въ средѣ ихъ. Въ полночь весь отрядъ охотниковъ, подкрѣпляемый густыми колоннами пѣхоты, двинулся впередъ; на разсвѣтѣ тихо подошли мы къ главной батареѣ и съ крикомъ «ура» бросились на штурмъ... Что далѣе происходило, сказать не могу по слѣдующей причинѣ: когда мы прибѣжали ко рву, насъ подняло на воздухъ; многіе были засыпаны землей, нѣкоторыхъ отнесло отъ батареи, а мнѣ, кажется, пришлось нѣсколько саженей летѣть по воздуху, какъ птицѣ пернатой.

На другой день я пришелъ въ себя, лежа въ палаткѣ между ранеными.

Штурмъ былъ неудаченъ; потери громадны. Чрезъ пять дней меня выписали изъ госпиталя, какъ выздоровѣвшаго, и я получилъ приказаніе отправиться къ полку, шедшему на мѣстечко Рійны, при впаденіи рѣки Прута въ Дунай. Дождавшись тамъ полка, я первымъ долгомъ счелъ разсказать мою отвагу отцу въ чаяніи получить похвалу; но, увы! вмѣсто похвалъ, отецъ отдубасилъ меня нагайкой, приговаривая: «не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части, а съ ней иди въ огонь и въ воду.»

Полкъ перешелъ Дунай въ Исакчахъ; 22 октября 1828 г. прибылъ къ крѣпости Костенжи; занялъ отъ нея наблюдательную линію по Троянову валу къ Черноводамъ, выше Гирсова на Дунаѣ; здѣсь оставался въ продолженіи зимы потому, что войска наши, бывшія подъ Шумлой и Силистріей, возвращались на зиму въ Молдавію и Валахію, оставивъ сильные гарнизоны въ занятыхъ нами крѣпостяхъ.

Зима была весьма сурова, а потому прошла мирно. Съ открытіемъ весны 1829 г. войска, зимовавшія по лѣвую сторону Дуная, двинулись подъ Шумлу и Силистрію. Полкъ нашъ присоединился къ главнымъ силамъ шедшимъ къ Шумлѣ и въ про-

долженія всего года участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; при этомъ могу упомянуть о слѣдующемъ случаѣ, лично до меня относящемся. Въ іюлѣ мѣсяцѣ армія изъ-подъ Шумли двинулась чрезъ Балканы. 7-го числа, въ числѣ охотниковъ, бросился я вплавь на лошади, чрезъ рѣку Камчикъ. Широта ея не превышаетъ десяти саженъ; подъ картечными выстрѣлами двѣнадцати турецкихъ орудій, стоявшихъ по правую сторону рѣки, мы бросились въ воду; многіе охотники были убиты и утонули, но $^4/_5$-хъ, въ количествѣ 2 т., переправились благополучно, сбили турокъ съ позиціи и тѣмъ дали возможность двинуться нашимъ колоннамъ на переправу.

За такую отвагу я отъ отца получилъ поощрительную награду: нѣсколько нагаекъ въ спину, будто-бы за то, что я позволилъ себѣ пуститься на вороной лошади — а не на бѣлой, эта-де была сильнѣй и надежнѣй, а съ вороною могъ-де я утонуть; на дѣлѣ-же выходило вотъ-что: отцу не хотѣлось, чтобъ я очертя голову бросался во всѣ нелегкія. Понявши наконецъ его и дорожа моею спиной, болѣе не позволялъ себѣ ни на какія отваги.

Отъ Камчика двинулись впередъ. Перейдя Балканы, 11 іюля 1829 года заняли съ бою города Мисеврію и Ахіолъ. 12 іюля, полкъ отца посланъ на рекогносцировку къ укрѣпленному городу Бургасу; вблизи его полкъ встрѣченъ былъ турецкою кавалеріею въ 700 человѣкъ, вступилъ съ нею въ бой, опрокинулъ ее и вмѣстѣ съ ней ворвался въ городъ; вытѣснилъ гарнизонъ, завладѣлъ городомъ съ незначительною потерею: трофеи состояли изъ нѣсколькихъ крѣпостныхъ орудій и мортиръ. За таковую отвагу отецъ получилъ Георгія 4 степени, подо мной убита лошадь и я послѣднимъ вошелъ въ крѣпость.

8-го августа армія, безъ боя, заняла второй столичный турецкій городъ Адріанополь, а по заключеніи мира, 8 января 1830 года, полкъ выступилъ на зимовыя квартиры въ Румилію. 21 апрѣля—выступилъ въ походъ въ Бессарабскую область, для занятія пограничной стражи по рѣкѣ Пруту. 14 августа 1831 г. полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1831 по 1834 годъ, я жилъ въ домѣ.

III.

Весной 1834 года, командированъ на правый флангъ кавказской линіи, въ полкъ Жирова, гдѣ находился до выступле-

нія его въ 1837 году на Донъ. Въ бытность на Кавказѣ, я участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами; особыхъ отличій съ моей стороны, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ казацкихъ, не было, кромѣ развѣ слѣдующаго: полкъ былъ расположенъ по рѣкѣ Кубани; весной 1836 г., по распоряженію начальника кубанской линіи генералъ-маіора Засса, полкъ двинутъ въ полномъ составѣ за Кубань, на рѣку Чамлыкъ. Придя на мѣсто, начали строить укрѣпленіе; чрезъ мѣсяцъ оно было готово. Полкъ расположился въ немъ. Во время постройки ея лошади паслись надъ рѣкой, подъ прикрытіемъ одной сотни; горцы, видѣли эту оплошность и возмамѣрились, во что бы ни стало, отбить весь табунъ у прикрывающей сотни; для того собралось горцевъ болѣе 360 человѣкъ, самыхъ отборныхъ наѣздниковъ изъ князей и узденей. Въ ночь, подъ 4 іюля эта ватага, переправившись чрезъ рѣку Лабу, скрытно перейдя на Чамлыкъ, остановилась ниже крѣпости въ полуторѣ верстѣ въ лѣсу, съ такимъ намѣреніемъ, когда выпустятся на пастьбу лошади, гикнуть изъ засады и угнать всю добычу безнаказанно, потому, что преслѣдовать ихъ было не кому. Полкъ оставался, по ихъ разсчету, весь пѣшій, кромѣ прикрывающей конной сотни; но они горько ошиблись: вмѣстѣ со вступленіемъ полка въ крѣпость, лошади болѣе на пастьбу не выпускались.

По заведенному порядку, дежурные по полку сотенные командиры съ восходомъ солнца должны были высылать разъѣзды вверхъ и внизъ рѣки версты на три, и если, по осмотрѣ мѣстности, ничего сомнительнаго не окажется, начальники разъѣздовъ оставляли на условленныхъ мѣстахъ пикеты, а съ остальными людьми возвращались въ крѣпость. 4-го числа я былъ дежурнымъ; сотня моя имѣла лошадей осѣдланныхъ, люди въ амуниціи. Солнце взошло. Разъѣзды посланы. Выйдя на батарею, я слѣдилъ за ними; посланный внизъ, перейдя ручей Грязнушку, поднялся на высоты, спустился къ Чамлыку; за лѣсомъ мнѣ нельзя было видѣть, какая катастрофа происходитъ съ разъѣздомъ; чрезъ четверть часа показался скачущій всадникъ, оставшійся въ живыхъ изъ пятнадцати разъѣздныхъ: остальные 14 побиты. За нимъ громадная вереница кавалеріи. Я тотчасъ приказалъ моей сотнѣ сѣсть на коней и выступилъ на встрѣчу горцамъ; за полъ версты отъ крѣпости втрѣтился съ ними, но въ бой не всту-

пилъ, считая себя слишкомъ слабымъ, по численности людей: въ сотнѣ было не болѣе ста человѣкъ, а потому я отступилъ къ стѣнамъ крѣпости, ожидая выступленія полка. Горцы, видя свою неудачу, повернулись и шагомъ пошли обратно. Въ крѣпости была страшная неурядица: всѣ бѣгали взадъ и впередъ, не находя что дѣлать.—Является ко мнѣ полковой адъютантъ, передаетъ приказаніе идти за партіею; я двинулся по слѣдамъ ея, но на благородной дистанціи, выбирая на каждомъ шагу выгодную позицію, чтобъ въ случаѣ нападенія спѣшиться, стать въ оборонительное положеніе, — эта спасительная метода принята на всемъ Кавказѣ. Горцы перешли Чамлыкъ, двинулись къ Лабѣ:—между этими рѣками, верстъ на 25, лѣсу нѣтъ, чистое поле, — и въ виду крѣпости бросились на меня въ шашки; бывши готовою къ таковому случаю, сотня спѣшилась, встрѣтила горцевъ батальнымъ огнемъ; болѣе полу-часа я выдерживалъ аттаку: убитыхъ и раненыхъ у меня не было; люди сохранили духъ твердости, горцы-жь оставили 20 тѣлъ. Партія отступила. Пошелъ и я за ней на почтительной дистанціи. Прошелъ версту; крѣпости мнѣ болѣе не было видно. На пространствѣ десяти верстъ я выдержалъ двѣнадцать аттакъ: у меня выбыло изъ строя до 20 человѣкъ.

Послѣ седьмой аттаки я послалъ урядника Никредина къ командиру полка просить подкрѣпленія и сказать, что въ сотнѣ нѣтъ патроновъ.

Послѣ десятой аттаки является Никрединъ, передаетъ въ полголоса отвѣтъ командира: «скажи головорѣзу, если унего нѣтъ патроновъ, то есть пики, а на меня пусть не надѣется».

На вопросъ мой далеко-ли полкъ отъ насъ? Отвѣтъ: «еще, ваше благородіе, изъ крѣпости не выступалъ».

Я былъ пораженъ такою вѣстью. Дождь насталъ проливной. Послѣдовала одиннадцатая атака. Послѣ первыхъ выстрѣловъ ружья замокли, минута настала критическая; къ счастію аттака продолжалась минутъ пять. Партія отступила. Послѣдовалъ и я за ней. Подозвавъ къ себѣ субалтернъ-офицера Полякова*), высказалъ ему наше положеніе, прибавивъ, что какъ у меня, такъ и у него кони добрые и мы могли бы ускакать, но въ такомъ случаѣ

*) Впослѣдствіи убитъ. Я. Б.

на жертву останутся меньшіе братья, а потому: даетъ ли онъ мнѣ честное слово умереть совмѣстно съ братію со славою, не видя сраму?

Отвѣтъ: «хочу умереть честно, а сраму не желаю пережить»?

Поблагодаривши его, я передалъ слѣдующее мое распоряженіе: горцы еще аттакуютъ насъ и, если встрѣтятъ нашу стойкость, тотчасъ отступятъ; нужно пользоваться моментомъ: «слушай, вторая полусотня остается въ твоемъ распоряженіи, съ первою — я брошусь въ пики и, если ты увидишь, что горцы будутъ хоть немного потѣснены, ту-жь минуту подкрѣпи своими пиками; но если перевернутъ меня, успѣвай, въ пѣшемъ строю, стать въ оборонительное положеніе; примкну и я къ тебѣ, и будемъ рубиться на мѣстѣ пока живы». Я не ошибся. Послѣдовала двѣнадцатая аттака. Встрѣтивъ непоколебимое сопротивленіе, горцы повернули отъ насъ, пошли шагомъ. Сотня сѣла на коней. Вдали гремѣлъ громъ и звукъ его много походилъ на гулъ орудійныхъ колесъ. Я обратился къ сотнѣ съ слѣдующими словами: «товарищи! слышите гулъ орудійныхъ колесъ? Это полкъ спѣшитъ къ намъ; горцы безсильны; ружья и пистолеты ихъ также замокшіе, какъ и ваши; нагрянетъ полкъ и передушитъ ихъ какъ цыплятъ; но это бы ничего, а всю славу припишетъ себѣ. Вы-жь цѣлый день выставляли вашу могучую грудь и останетесь не причемъ! Станичники! не допустимъ ихъ воспользоваться нашими трудами. Пики наперевѣсъ! съ Богомъ! впередъ!»

Первая полусотня врѣзалась въ средину; каждый казакъ пронзилъ пикой свою жертву. Эта неожиданная наша смѣлая выходка — поразила горцевъ; вмѣсто того, чтобы отразить насъ, никто не схватился за шашку. Поляковъ не потерялъ момента: съ своею полусотнею подкрѣпилъ меня. Опрокинутые горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать; на пространствѣ 15 верстъ, мы преслѣдовали ихъ до рѣки Лабы. Осталось до 300 тѣлъ, ушло не болѣе 60 человѣкъ *).

Возвращаясь къ полку, я забралъ разсыпанныхъ въ полѣ лошадей, а съ убитыхъ снялъ оружіе; въ плѣнъ никто изъ горцевъ не былъ взятъ потому, что трудно было требовать отъ казаковъ, людей разъяренныхъ, какъ львы, пощады врагамъ.

*) Дѣло это до сихъ поръ памятно на правомъ флангѣ кавказской линіи линейныхъ казачьихъ станицахъ. Я. В.

Подойдя къ крѣпости, верстъ за-пять встрѣтилъ идущій къ намъ полкъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Что за причина была со стороны командира полка бросить меня съ сотнею на погибель — разъяснить не умѣю.

За это дѣло я получилъ Владиміра 4-й степени; Поляковъ — Анну 3-й степени.

IV.

Въ промежутки 1837 г. по 1845-й годъ находился я въ учебномъ полку въ Новочеркасскѣ, и три года въ Польшѣ, въ полку Радіонова. Въ 1845 году, экстренно командированъ на лѣвый флангъ кавказской линіи въ полкъ Шрамкова, отъ котораго, по личному приказанію намѣстника кавказскаго князя Михаила Семеновича Воронцова, принялъ въ командованіе № 20-го полкъ, бывши маіоромъ. Штабъ полка былъ въ укрѣпленіи Куринскомъ. Въ 1850 г. полкъ спущенъ на Донъ, я-жъ, по ходатайству Воронцова, остался на Кавказѣ, принялъ въ командованіе № 17-го полкъ, пришедшій на смѣну № 20-го.

Командовалъ 17-мъ полкомъ по 1853 годъ, и передалъ его подполковнику Полякову *); самъ же я получилъ назначеніе быть начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга, почемуи переѣхалъ въ крѣпость Грозную.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 г., по распоряженію главнокомандующаго Муравьева, потребованъ въ Турцію, подъ Карсъ. Подробное описаніе участія моего въ осадѣ Карса, равно въ штурмѣ его, напечатано въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 567—610.

О службѣ и дѣлахъ на лѣвомъ флангѣ, какъ многочисленныхъ, останавливаюсь описаніемъ, а укажу на нѣкоторые случаи, болѣе любопытные. Съ 1845 г. по 1853-й г. я съ полкомъ моимъ отбилъ у горцевъ до 12-т. рогатаго скота и до 40-т. овецъ; ни одна партія, спускавшаяся съ горъ на Кумыцкую плоскость, не возвращалась безнаказанно, а всегда была уничтожаема и рѣдкому изъ среды ихъ удавалось возвращаться по добру — по здорову. Имѣя вѣрнѣйшихъ лазутчиковъ и платя имъ хорошія деньги, я всегда былъ во-время предупреждаемъ о движеніи горцевъ; нападалъ съ моимъ полкомъ и уничтожалъ такъ, что

*) Однофамилецъ съ бывшимъ моимъ субалтернъ-офицеромъ въ полку Жирова. Я. Б.

горцы къ исходу 1853 г. прекратили свои налеты въ наши предѣлы. Горцы называли меня — даджаломъ, въ переводѣ на русскій языкъ дьяволъ, или отступникъ отъ Бога.

Въ декабрѣ 1851-го года бывшій начальникъ лѣваго фланга, князь Барятинскій вызвалъ меня въ Грозную, гдѣ я получилъ отъ него приказаніе, съ января мѣсяца приступить къ окончанію начатой просѣки отъ укрѣпленія Куринскаго къ рѣкѣ Мичуку, и во что бы то ни стало перейдти ее и очистить лѣсъ по лѣвую сторону, насколько будетъ возможно. При этомъ я долженъ торопиться въ приведеніи въ исполненіе этихъ задачъ потому, что онъ, кн. Барятинскій, выступитъ изъ Грозной на Шалинскую поляну, займется продолженіемъ просѣки къ Автурамъ, отколь двинется чрезъ Большую Чечню, Маіоръ-Тупъ въ Куринскъ, и о боевомъ движеніи заблаговременно дастъ мнѣ знать съ тѣмъ, чтобы я съ моими силами вышелъ на встрѣчу.

5-го января 1852 г. я сосредоточилъ изъ крѣпостей Кумыкской плоскости три баталіона пѣхоты: мой № 17 полкъ, сборный казачій линейный и восемь полевыхъ орудій; приступилъ къ рубкѣ лѣса; въ теченіе мѣсяца дошелъ до Мичука и послѣ боя, продолжавшагося два часа, переправился на лѣвую сторону; очистивъ къ 16-му февралю 1852 г. лѣсъ отъ берега на 100, а по рѣкѣ на 300 саженъ, 17-го числа отпустилъ войска по крѣпостямъ на четыре дня для отдыха, а въ полдень того-жь дня съ башни, стоящей отъ укрѣпленія на версту, дали мнѣ знать: за Мичикомъ, по направленію къ Автурамъ,— слышны не только пушечные выстрѣлы, но даже батальный ружейный огонь. Взявъ четыре сотни моего полка, по просѣкѣ выѣхалъ на Кочколыковскій хребетъ, оттоль услыхалъ въ Маіоръ-Тупѣ сильную перестрѣлку. Я понялъ, что Барятинскій идетъ въ Куринскъ, а какъ Маіоръ-Тупъ отъ Куринска въ 15 верстахъ, то навѣрное ночью получу съ лазутчикомъ записку выступить на соединеніе. Въ этотъ моментъ, по роспускѣ войскъ, у меня осталось три роты пѣхоты, четыре сотни казаковъ и одно орудіе, а поэтому съ высотъ тѣхъ я написалъ записку карандашемъ, въ укрѣпленіе Герзель-Аулъ, въ 15 верстахъ, къ полковнику Ктитореву: оставить въ крѣпости одну роту, а съ двумя при орудіи, выступить ко мнѣ; другую записку отправилъ на постъ Караганскій въ 17 верстахъ; изъ него потребовалъ двѣ сотни казаковъ.

Каждая записка вручена тремъ казакамъ на добрыхъ коняхъ, испытанныхъ въ отвагахъ, съ приказаніемъ доставить, по принадлежности, во что бы ни стало.

Требуемыя части прибыли къ полуночи. Вслѣдъ за ними явился отъ Барятинскаго лазутчикъ съ запиской; сказано въ ней: съ разсвѣтомъ стать между рѣками Мичукомъ и другой рѣкой, и ожидать его отряда. Минутъ чрезъ десять явился мой лазутчикъ и сообщилъ, что Шамиль со всѣмъ своимъ скопищемъ, до 25,000, сталъ за Мичукомъ, противу моей просѣки, и усилилъ сторожевую цѣпь. Имамъ былъ убѣжденъ, что я выступлю на соединеніе съ отрядомъ, и онъ вòвремя успѣетъ воспрепятствовать моему движенію.

Мѣстный наибъ съ почетными стариками,—какъ я узналъ о томъ чрезъ лазутчика моего—явились къ Шамилю съ слѣдующими словами: «Имамъ! напрасно сторожишь старую лисицу на этомъ пути; она не такъ глупа, какъ ты думаешь о ней; она не полѣзетъ тебѣ въ ротъ, а обойдетъ такими путями, гдѣ трудно пролѣзть и мыши!» Но Шамиль отвергнулъ ихъ совѣты, и не принялъ никакихъ предосторожностей въ боковыхъ путяхъ.

Въ два часа ночи, съ четырьмя ротами, шестью сотнями казаковъ, при двухъ орудіяхъ, двинулся я чрезъ Кочкалыковскій хребетъ гораздо правѣй просѣки, безъ дороги, по дремучему лѣсу, такъ что орудія и зарядные ящики чрезъ пни и колоды переносились на рукахъ. Преодолѣвъ всѣ препятствія, съ восходомъ солнца сталъ на указанномъ мѣстѣ; соединясь съ отрядомъ, съ полкомъ моимъ пошелъ въ авангардѣ. Подкрѣпляемый четырьмя баталіонами и восемью орудіями, съ бою овладѣлъ завалами. Расположась въ нихъ, пропустилъ весь отрядъ, послѣднимъ отступилъ чрезъ Мичукъ, и только къ полночи пришелъ въ Куринскъ.

За занятіе заваловъ я награжденъ Георгіемъ 4-й степени; но эта награда куплена цѣною потока крови моихъ братій; изъ полка моего выбыло убитыми: храбрѣйшій маіоръ Банниковъ, до 70 казаковъ, ранено два офицера и до 50 казаковъ; подо мною убиты три лошади.

«Во время рубки лѣса, съ 5 января по 17 февраля 1852 г., былъ слѣдующій случай: въ одинъ вечеръ собрались ко мнѣ баталіонные командиры и офицеры пить чай. Среди этого является мой

знаменитый лазутчикъ Алибей. Когда онъ вошелъ, я привѣтствовалъ его на туземномъ языкѣ: «Маршудю»*). Отвѣтъ: «Марши Хильли» **). Мой вопросъ: «не хабаръ? Мотъ Али» ***).

Вдругъ вся честная компанія обратилась ко мнѣ съ просьбою, чтобы спрашиваемъ былъ лазутчикъ не мною, понимавшимъ туземный языкъ, но чрезъ переводчика, потому что ихъ интересуютъ его вѣсти, которыя я-де могу отъ нихъ скрыть. Не подозрѣвая о чемъ Алибей пришелъ мнѣ сообщить, я приказалъ переводчику передавать на русскомъ языкѣ: «я пришелъ сказать тебѣ: Шамиль прислалъ изъ горъ стрѣлка, который въ 50 саженяхъ, подкинувши яйцо къ верху, изъ винтовки пулею его разбиваетъ; ты завтра идешь рубить лѣсъ, имѣешь привычку постоянно выѣзжать на курганъ, противу оставленной нами за Мичукомъ батареи, вотъ въ ней будетъ сидѣть этотъ самый стрѣлокъ, и, какъ только ты выѣдешь на курганъ, онъ убьетъ тебя. Я счелъ нужнымъ предупредить объ этомъ, и посовѣтовать—не выѣзжать на тотъ курганъ.»

Поблагодаривъ моего Алибея, далъ ему бешкешъ и отпустилъ. Съ восходомъ солнца войска стояли въ ружьѣ. Я двинулъ ихъ къ Мичуку. Надо сказать, что о хабарѣ Алибея ужъ зналъ каждый солдатъ; мое положеніе было отвратительное: не ѣхать на курганъ—явно долженъ показать себя струсившимъ, а ѣхать и стать на курганѣ—быть убитому. Явилось какое-то во мнѣ хвастолюбіе: я рѣшился ѣхать на курганъ****). Не дойдя саженей съ 300, остановилъ колонну; съ пятью вѣстовыми поѣхалъ къ лобному мѣсту; подъ курганомъ остановилъ ихъ; взялъ у вѣстового мой штуцеръ; выѣхалъ на курганъ; сталъ лицомъ къ батареѣ. Не могу скрыть, что происходило со мной: то жаръ, то холодъ обдавалъ меня, а за спиной миріады мурашекъ ползали. Вотъ блеснула на брустверѣ винтовка. Послѣдовалъ выстрѣлъ. Пуля пролетѣла влѣво, не задѣвъ меня. Дымъ разошелся. Стрѣлокъ, увидѣвъ меня сидящяго на лошади, опустился въ батарею. Видѣнъ взмахъ руки—прибиваетъ зарядъ; вторично показалась вин-

*) Здравствуй.

**) Благодарю за здоровье.

***) Что новаго? Разсказывай.

****) Разстояніе отъ кургана, чрезъ рѣку Мичукъ, къ батареи около 150 саженъ. Я. В.

товка; послѣдовалъ выстрѣлъ: пуля взяла вправо, пробила пальто. Ошеломленный невѣрностью выстрѣловъ стрѣлокъ вскочилъ на брустверъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня. Въ эту минуту я вынулъ изъ стремени лѣвую ногу и положилъ на гриву лошади; облокотившись лѣвой рукой на ногу, приложился къ штуцеру, сдѣлалъ выстрѣлъ, и мой соперникъ навзничь полетѣлъ въ батарею; пуля попала въ лобъ, прошла на вылетъ. Войска, стоявшія безмолвно, грянули «ура», а чеченцы за рѣкой выскочили изъ-за заваловъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ своимъ, начали хлопать въ ладоши «якшы (хорошо) Боклу! Молодецъ Боклу!»

Невѣрностью выстрѣловъ стрѣлка я обязанъ немирнымъ чеченцамъ: когда явился къ нимъ стрѣлокъ и началъ хвастаться, что онъ «Боклу *) убьетъ», то на это ему сказали слѣдующее: «О тебѣ мы слышали: ты на лету изъ винтовки пулею разбиваешь яйцо, а знаешь ли, тотъ, котораго хвастаешься убить, такой стрѣлокъ, мы сами видѣли,—на лету изъ винтовки убиваетъ муху! да къ тому-жъ должны тебѣ сказать: его пуля не беретъ, онъ знается съ шайтанами **). Знай, если ты промахнешься, онъ непремѣнно убьетъ тебя».

— «Ну, хорошо, проговорилъ стрѣлокъ, я закачу мѣдную пулю; отъ нея не спасутъ его шайтаны!

Вотъ вся причина, отчего не были вѣрны выстрѣлы; у прицѣливавшагося въ меня, при разстроенныхъ нервахъ, зрачки глазъ расширялись и мѣткость у стрѣлка пропала.

29-го января 1853 г. князь Барятинскій съ войсками изъ Грозной пришелъ въ Куринскъ, и приступилъ къ рубкѣ лѣса на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, съ цѣлью построить укрѣпленіе. Съ 6-го по 17-е февраля лѣсъ на высотахъ и по склону къ Мичуку былъ вырубленъ. Необходимъ переходъ чрезъ Мичукъ; но берега ея, при впаденіи въ нее рѣки Ганзовки, съ обѣихъ сторонъ отвѣсисты саженъ на восемь; по лѣвую сторону Шамиль съ 40,000 скопищемъ, съ десятью орудіями, стоявшими надъ берегомъ въ батареяхъ, построенныхъ изъ фашинъ. Открытый проходъ былъ немыслимъ потому, что потеря въ войскахъ

*) На чеченскомъ языкѣ—левъ.
**) Съ чертями. Я. Б.

могла быть на половину отряда, а успѣхъ сомнителенъ. Требовалось обходное скрытное движеніе.

16-го февраля Барятинскій, вечеромъ, призвалъ меня къ себѣ въ палатку и сказалъ: «дѣдъ*), переходъ чрезъ Мичукъ открытый— вовлечетъ страшныя потери; ты знаешь всю мѣстность, не можешь-ли обойдти во флангъ Шамилю?»

Я попросилъ у него отсрочки на два дня, чтобы чрезъ пластуновъ моего полка найти выше или ниже мѣсто, незанятое непріятелемъ. Въ отвѣтъ сказано: «время нетерпитъ; въ эту же ночь узнать, а съ разсвѣтомъ ты, дѣдъ, окончательно долженъ идти!»

Возвратясь въ мою ставку, призвалъ я знаменитаго начальника команды пластуновъ, урядника Скопина (нынѣ есаулъ), приказалъ ему самъ-другъ осмотрѣть мѣстность верстахъ въ восьми выше по рѣкѣ, къ разсвѣту возвратиться и сказать: удобна-ль переправа, и не сторожатъ-ли тамъ чеченцы?

Скопинъ возвратился и сообщилъ: «переправа удовлетворительна, стражи нѣтъ.»

Ту-жъ минуту я отправился къ Барятинскому, разбудилъ его и передалъ добрую вѣсть.

«А сколько тебѣ, дѣдъ, нужно войска?» спросилъ князь.

Я сказалъ: «позвольте мнѣ взять Куринскаго полка три баталіона, мой полкъ, дивизіонъ драгунъ, нижегородцевъ, сборный линейный казачій полкъ и восемь орудій».

— «Бери и иди съ Богомъ; надѣюсь на тебя, съумѣешь выполнить мое порученіе, я-жь сейчасъ двинусь къ Мичуку, открою артилерійскій огонь и этимъ замаскирую твое движеніе.»

Выходя отъ кн. Барятинскаго, я попросилъ, что если я, сверхъ чаянія, буду непріятелемъ открытъ и завяжется у меня съ нимъ дѣло, то не посылать мнѣ на выручку ни одного человѣка, потому что это будетъ напрасный трудъ, никакія вспомогательныя силы не спасутъ моего отряда, а только увеличатъ потерю.

Съ разсвѣтомъ густой туманъ покрылъ всю мѣстность, съ тѣмъ вмѣстѣ скрылъ мое движеніе. По сѣверному склону Кочкольковскаго хребта двинулся мой отрядъ; пройдя Куринское укрѣпленіе, круто повернулъ лѣвымъ плечомъ и чрезъ дремучіе

*) Такъ онъ всегда называлъ меня. Я. Б.

лѣса и овраги дошелъ до Мичука; переправился никѣмъ незамѣченный, и направился внизъ по Мичуку. Къ часу пополудни туманъ разошелся; Шамиль увидѣлъ меня подходящаго къ правому его флангу. Ошеломленный такимъ нежданнымъ гостемъ, имамъ отступилъ отъ Мичука, и Барятинскій со всѣми своими силами, подъ моимъ прикрытіемъ, двинулся чрезъ рѣку. Потеря, вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ, ограничилась десятью или пятнадцатью убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Кстати замѣчу. Командиръ кабардинскаго пѣхотнаго полка полковникъ баронъ Николаи получилъ Георгія 4-й степени, за смѣлую (!) отвагу: первымъ опустился по веревкѣ въ Мичукъ о бокъ моей колонны. Вотъ ужъ подлинно гласитъ поговорка въ народѣ: не родись красивъ, а родись счастливъ.

А вотъ настоящій, заправскій примѣръ — не только отваги, но и полнѣйшаго самоотверженія: 25 февраля 1853 г., въ сильномъ бою при истребленіи ауловъ Денги-Юртъ и Али-Юртъ, бывши колоннымъ начальникомъ и распоряжаясь войсками, я не обратилъ вниманія на Шавдонку, топкій ручей; чрезъ него безъ моста переходъ—немыслимъ; широта его саженъ семь. По лѣвой сторонѣ пни отъ срубленаго лѣса и колоды, изъ-подъ нихъ нѣсколько десятковъ винтовокъ направлены были въ меня. Мой знаменитый пластунъ Скопинъ, бывши позади увидалъ страшную для меня грозу; выскочилъ впередъ и остановился предо мной; послѣдовали выстрѣлы; пуля пронзила ему правое плечо; облитый кровью, Скопинъ съ лошади не упалъ, и повернувшись ко мнѣ, сказалъ: «ваше превосходительство, это готовилось для васъ, я-жь изъ зависти принялъ на себя; надѣюсь, вы не будете за это ко мнѣ строги». Таковымъ случаемъ былъ пораженъ весь отрядъ.

Скопинъ имѣетъ три знака отличія св. Георгія.

Въ 1857 г. я былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, при кавказской арміи находившихся; въ концѣ 1859 года отчисленъ въ войско Донское, гдѣ, по выборамъ дворянства, въ 1861 году выбаллотированъ окружнымъ генераломъ второго военнаго округа.

Я. П. Баклановъ.

Примѣч. О многочисленныхъ подвигахъ Бакланова, во время его кавказской боевой жизни—ходятъ множество разсказовъ. Старые кавказскіе воины передаютъ ихъ съ особенною любовью. Изъ многихъ эпизодовъ, нами слышанныхъ,

мы позволяемъ себѣ привести изъ записной книжки одинъ,—въ которомъ особенно выпукло выдѣляется типическая черта кавказца-ветерана: именно его преданность долгу до полнѣйшаго самоотверженія. 19 декабря 1853 года, Баклановъ выступилъ изъ крѣпости Грозной съ колонною для рубки лѣса на ближнихъ высотахъ. Отсюда Яковъ Петровичъ услыхалъ производившуюся въ десяти верстахъ, между рѣками Сунжой и Аргуномъ, на Чортугаевской переправѣ, сильную орудійную пальбу. Оставя пѣхоту продолжать работы, Баклановъ съ кавалеріею, состоящею изъ 2500 человѣкъ полковъ казачьихъ, двухъ донскихъ, одного линейнаго и дивизіона дунайскаго войска, пошелъ чрезъ лѣса въ полъ-карьера; пройдя по лѣвой сторонѣ Аргуна верстъ шесть, отрядъ встрѣтилъ горцевъ: они шли, въ количествѣ до 4 т. всадниковъ, къ Аргуну отъ Сунжи. Произошелъ бой. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія,—вся масса непріятелей была опрокинута и бросилась бѣжать, устилая землю трупами. Въ первый моментъ схватки, былъ сильно раненъ, пулею въ лѣвую ногу, старшій сынъ Бакланова — Николай Яковлевичъ. Когда сынъ палъ,— отецъ этого не видѣлъ: онъ былъ въ отдаленіи, во главѣ резерва, который шелъ вслѣдъ за бросившимися въ пики и въ шашки казаками, готовый ежеминутно поддержать удальцовъ. Вдругъ отецъ-Баклановъ наткнулся на командира донского полка—храбрѣйшаго изъ храбрыхъ—полковника (нынѣ генералъ-маіора) Ежова. Полковникъ стоялъ пѣшій и плакалъ. Баклановъ съ укоромъ спросилъ: «Это что значитъ»?

— «Развѣ не видите въ крови вашего храбраго сына», — отвѣчалъ Ежовъ.

Старый воинъ не взглянувъ на сына, съ горячностью обратился къ полковнику Ежову. «что-жъ, что палъ молодецъ казакъ — онъ былъ впереди, но вы-то, господинъ Ежовъ, по какому праву остались надъ однимъ раненымъ, бросивъ на произволъ судьбы ввѣренныхъ вамъ восемьсотъ сыновъ вашего полка? На конь! Къ своимъ храбрымъ сынамъ! Иначе изрублю въ куски!»

Ошеломленный Ежовъ вскочилъ на лошадь и, какъ стрѣла, помчался впередъ. Раненый молодой Баклановъ остался безъ чувствъ на мѣстѣ. Отцу было не до сына; генералъ опасался, что впереди, въ лѣсахъ, могли оказаться еще свѣжія силы горцевъ, которые ударятъ на разстроенныхъ скачкою казаковъ и побѣда смѣнится пораженіемъ. Съ цѣлью предотвратить таковую случайность, генералъ Баклановъ пронесся съ резервомъ впередъ и не только ни на минуту не остановился надъ сыномъ, но даже не счелъ возможнымъ оставить при немъ казака.

Горцы были окончательно разбиты. На возвратномъ пути казаковъ, раненый былъ взятъ на устроенныя изъ пикъ носилки и доставленъ въ крѣпость Грозную. Отъ этой раны, молодой Баклановъ (нынѣ подполковникъ) пролежалъ почти годъ безъ движенія.

Съ 1845 г. по 1853-й г. за многочисленныя дѣла съ горцами, слава о которыхъ долго будетъ жить на Кавказѣ, Я. П. Баклановъ произведенъ въ подполковники, полковники и въ генералъ-маіоры; награжденъ золотою саблею, Владиміромъ 3-й степени, Анною 2-й степени, Георгіемъ 4-й степени и Станиславомъ 1-й степени. Ред.

ЗАПИСКА В. Н. КАРАЗИНА,
ПРЕДСТАВЛЕННАЯ
ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I
чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубея.
1820 г.
(продолженіе) *).

Тетрадь 5-я. Случившееся происшествіе**), по крайней мѣрѣ у насъ, россіянъ, еще не бывалое, заставляетъ меня прибавить къ моимъ тетрадямъ еще одну, хотя и счелъ-было я приличнымъ остановиться съ сими откровенными изъясненіями впредь до рѣшительнаго о томъ приказанія. Происшествіе это я угадывалъ за семь мѣсяцевъ до онаго, въ чемъ могу представить несомнительныя доказательства... Въ послѣдней, или предпослѣдней моей тетради я, кажется, и намекнулъ о немъ, хотя не могу точно увѣрить, не имѣя у себя списка ни съ одной. Впрочемъ оно, само по себѣ, не такъ страшно, какъ нѣкоторые здѣсь воображали, говорили, и какъ, можетъ быть, донесли государю. Напротивъ, изъ него-то я вижу во всемъ блескѣ благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа: и что, взявъ надлежащія мѣры, можно еще спасти его отъ всеобщей заразы. Что ни сдѣ-

---

*) См. декабрскую книжку «Русской Старины» 1870 г., въ которой, — на стр. 541 — 566, помѣщено начало этой объяснительной записки. Она составляетъ одно изъ приложеній къ письму В. Н. Каразина къ императору Николаю Павловичу отъ 18 сентября 1826 г. (Тамъ же стр. 532 — 541). Печатаемое теперь продолженіе «объяснительной записки» (выписки изъ 5-й, 6-й и 7-й тетрадокъ, адресованныхъ Василіемъ Назаровичемъ, въ 1820 году, къ императору Александру Павловичу, чрезъ посредство тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубея), дополняетъ политическую характеристику Каразина. Можно во многомъ не соглашаться съ его воззрѣніями, но нельзя не считать справедливымъ его усердіе къ пользамъ отечества. Ред.

**) Неповиновеніе Л. Г. Семеновскаго полка.

дано для его развращенія, оно не совершилось еще въ той степени, какъ желали и желаютъ враги наши!... Сопротивленіе власти было только отрицательное, то-есть одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ крайнихъ случаяхъ. Русскій еще не способенъ къ прямымъ бунтамъ.

Это адское изреченіе ему еще неизвѣстно! Съ прекраснымъ, вѣрнымъ, нѣкогда любимымъ полкомъ поступлено безъ снисхожденія *). Онъ отданъ тирану перекресту (какъ говорятъ) изъ евреевъ. Его жестокости были не только тяжки, но и отвратительны: показывали явное презрѣніе къ достоинству человѣка, которое въ послѣднемъ солдатѣ должно быть свято сохранено **). Ибо куда будетъ годиться воинъ, если истребить въ немъ чувство чести!.. не взирая на то, что онъ до нѣкоторой степени долженъ быть орудіемъ (машиною)? Жалобы были приносимы неоднократно. Наконецъ они рѣшились нарядно просить объ удаленіи начальника. Единодушіе всего полка въ сей упорной просьбѣ, въ настояніи о ней, составляетъ, можно сказать, всю его вину. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ ни слова, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ залучили и взяли въ крѣпость. Прочія, даже и симъ не оскорбясь, добровольно пошли за нею—въ однихъ шинеляхъ—желая раздѣлять наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!.. О народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни: слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу!.. Такъ ли поступаютъ возмущающіеся полки въ прочихъ земляхъ?

За всѣмъ тѣмъ весьма не неваженъ этотъ случай: во-первыхъ потому, что онъ составляетъ какъ бы первую ступеньку къ лѣстницѣ, которую строитъ для насъ духъ вѣка; во-вторыхъ, по отголосу, который раздается о семъ и въ чужихъ краяхъ и во всѣхъ концахъ нашего государства. Первое оскорбительно только для

---

*) Пріятно мнѣ здѣсь засвидѣтельствовать съ клятвою, что никто не обвиняетъ въ семъ безпосредственно государя! Говорятъ напротивъ, что онъ долго не соглашался сдѣлать Шварца командиромъ сего полка. В. К.

**) Напр. сказываютъ, что онъ приказывалъ плевать въ ротъ солдатамъ, ходилъ къ женатымъ въ спальни ночью и пр. Онъ прибиралъ людей, какъ скотовъ, по цвѣту волосъ и пр. В. К.

нашего честолюбія: ибо мы въ то самое время громко говоримъ, что усмиряемъ другихъ; но послѣднее составитъ истинный вредъ, то-есть подрывъ нашего общественнаго мнѣнія. До сихъ самыхъ поръ оно власть и войска почитало за одно!..

Словомъ, не распространяясь далѣе о причинахъ, я, какъ одинъ изъ старѣйшихъ (давнѣйшихъ) обожателей государя, какъ добрый гражданинъ и какъ отецъ семерыхъ дѣтей, которыхъ жизнь и имѣніе вмѣстѣ съ моею жизнію и имѣніемъ желаю сохранить, опять привязываюсь къ случаю: и опять повторяю то, что написалъ почти за девятнадцать лѣтъ до сего *). Именно (сколько вспомнить могу изъ слова въ слово) «время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства! время замѣнить религіозное къ престолу почтеніе другимъ, основаннымъ на законахъ!» Государь! прибавилъ бы я теперь,—не совсѣмъ вѣрьте поклонамъ и рѣчамъ, которыми васъ встрѣчаютъ, губернаторамъ, которые можетъ быть говорятъ: «все благополучно, все еще по прежнему!» Великая перемѣна произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ. Множество причинъ на сіе дѣйствуютъ: «и день онъ, яко тать пріидетъ!»

Правительство само способствуетъ тому всеусильно, непонятнымъ какимъ-то образомъ, какъ изъяснялъ я отчасти въ прежнихъ моихъ тетрадяхъ и прежде въ бумагѣ 31-го марта сего года. Многое къ сему можно бы прибавить. Я назову (только просто назову) одно лишь: рекрутскій нынѣшній наборъ. Невѣроятно, сколько подвинулъ впередъ общественное мнѣніе наборъ сей, производимый безъ очевидной для народа нужды по его необыкновенному количеству, и въ такое время, когда треть Россіи, можно сказать, уже безъ того приведена въ уныніе недородомъ нынѣшняго лѣта,—предписанный не изъ столицы, гдѣ народъ предполагаетъ государя окруженнаго совѣтомъ, но изъ царства иного!

Но я забывак, что не о дѣйствующихъ сихъ причинахъ теперь рѣчь, но о средствахъ помочь въ предстоящей неминуемой бѣдѣ. Конечно годъ, два можетъ быть и болѣе, еще протянется. Но для того-то я теперь и пишу; для того-то и отважи-

*) Въ бумагѣ къ 12-му декабря 1801 года присланной изъ Москвы: сновидѣніе, въ которомъ Александръ Невскій представленъ бесѣдующимъ.

В. К.

ваю всего себя. Въ противномъ случаѣ жертва эта была бы совершенно безполезною! Графъ Ривароль писалъ нѣсколько поздно: именно въ концѣ 1791-го года *). Я не хочу на него походить. Моя участь должна быть — или ссылка за Байкалъ, пока еще сcылать можно, или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать уже не стану **)!

Мысль, выраженная въ нотѣ г-ну Зеа-Бермудецу при полученіи отъ него увѣдомленія о принятіи королемъ его конституціи кортесовъ, мысль, о которой я готовъ отвѣтствовать жизнію, что она проистекла не отъ подозрительныхъ намъ россіянамъ помысловъ г-на Капо д'Истрія, но безпосредственно изъ благороднѣйшаго сердца государя, мысль, что правители народовъ должны добровольными, ими данными постановленіями предварять постановленія насильственныя, есть одна изъ высочайшихъ истинъ! — Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ сіе было учинено заврременно. Упомянутый теперь лишь Ривароль говоритъ объ объявленіи съ трона, въ народномъ собраніи, Людовикомъ, что онъ дастъ самъ постановленіе: «Quant à la déclaration du 23 Juin, n'est-il pas évident, que si elle eût été donnée six mois auparavant, elle eût fait perdre, non seulement l'idée, mais jusqu'au désir des états généraux». (Rivarol: ouvrage cité incontinent ci-dessous).

Совершенно согласно съ симъ мнѣніемъ одного изъ умнѣйшихъ дворянъ Франціи, сказалъ и одинъ изъ умнѣйшихъ ея демократовъ, I. С. Бальи: «Un ministre me disait quelques jours (après la séance Royale): comment n'est-on pas content? Si le Roi eût donné, il y a dix ans, une pareille déclaration, n'eût elle pas été reçue avec enthousiasme? — Oui, sans doute, il y a dix ans. — Que veut donc l'assemblée? — Elle veut faire et non que vous fassiez» ***). «Il s'élève derrière nous, — восклицаетъ Шатобріанъ спустя

*) Ouvrage inédit du Comte de Rivarol. Paris. 1820 in 8-o, 74 pages. В. К.

**) Очень знаю и чувствую, что сіе мѣсто можно обратить въ смѣхъ. On peut travestir les plus grandes choses, et leur donner une teinte de ridicule, сказалъ тотъ, кто больше всѣхъ на свѣтѣ имѣлъ случаевъ познать сію истину т.-е. Наполеонъ. Но должно смотрѣть на чувства, тому, кто ихъ имѣетъ... В. К.

***) Mémoires d'un témoin de la révolution. Ouvrage posthume de Jean Sulvain Bailly. Paris. An XII. T. 1 p. 180.

почти тридцать лѣтъ,—il s'élève une génération impatiente de tous les jougs, ennemie de tous les Rois; elle rève la république et est incapable par ses moeurs des vertus républicaines. Elle s'avance, elle nous presse, elle nous pousse; bientôt elle va prendre notre place... nous n'avons que deux chôses à opposer aux folies de cette jeunesse: la légitimité, escortée de tous ses souvenirs, environnée de la majesté des siècles, la monarchie représentative, assise sur les bases de la grande propriété, défendue par une vigoureuse aristocratie, fortifiée de toutes les puissances morales et religieuses. Quiconque ne voit pas cette verité, ne voit rien et court à l'abîme; hors de cette vérité tout est théorie, chimère, illusion»!

Сочиненіе сіе Шатобріана читалъ я въ августѣ сего года въ Павловскѣ: но еще въ мартѣ осмѣлился писать тоже самое. Кн. Чарторыскій или другой кто, кому должно принадлежать смѣлое письмо 1807-го года, изъяснялся подобнымъ же образомъ. Согласіе людей, раздѣленныхъ большимъ разстояніемъ, временемъ и другими обстоятельствами, не могущихъ имѣть ни малѣйшей связи между собою, заслуживаетъ, повторяю, нѣкоторое уваженіе... Насъ спасти можетъ единственно немедленное употребленіе въ дѣло просвѣщеннаго дворянства. Но выборъ въ губерніяхъ сборищамъ предоставить кажется еще рано. Множество неудачныхъ выборовъ это доказываютъ. Слѣдовательно, едва ли не должно будетъ прибѣгнуть къ способу предложенному вамъ, сіятельнѣйшій графъ! котораго планъ болѣе всего прочаго испортили кажется уклоненіе въ сторону графа Михайла Семеновича и приглашеніе имъ по его англоманіи молодыхъ демократовъ. Они-то тайно отъ насъ испортили заготовленную бумагу, и все дѣло испортили препровожденіемъ ея, чрезъ графа Капо д'Истрія, который ни почему на свѣтѣ не могъ благопріятствовать патріотическому намѣренію россіянъ*).

Я вседушевно не одобряю нынѣшнихъ конституцій. Наилучшимъ въ томъ доказательствомъ, и къ моему оправданію,

*) Здѣсь В. Н. К. намекаетъ на проэктъ общества, которое должно было составиться изъ значительнѣйшихъ помѣщиковъ для улучшенія быта ихъ крестьянъ и которое должно было, между прочимъ, имѣть въ виду ознакомленіе сихъ послѣднихъ съ здравыми идеями о государственномъ устройствѣ.

Ред.

осмѣливаюсь представить сочиненіе, котораго первыя три главы, поднесенныя въ декабрѣ 1816 года слободско-украинскому дворянству, невѣдомо почему, на вѣкъ заключилъ въ архивъ вамъ ввѣреннаго департамента, министръ народнаго просвѣщенія. Намъ потребно совсѣмъ другое! Начала нашего государственнаго постановленія должны быть отысканы въ религіи и въ древнихъ обычаяхъ нашего отечества. Къ чему эти громкія собранія, уничтожающія власть подобно, какъ и ораторство съ престола, заимствованныя у англичанъ? *) Но государи наши, бывъ представителями Бога вселенной съ могуществомъ, которое по началамъ религіи отъ него **) заимствуютъ, не могутъ, яко человѣки, соединять въ себѣ самихъ его премудрости. Вотъ почему для достойнаго и благотворительнѣйшаго народамъ представленія въ своемъ лицѣ высочайшаго существа, для управленія народами на землѣ, **подобнаго его управленію мірами**, цари наши всегда были внушаемы государственною думою!.. Но дума сія, представляя въ себѣ разумъ цѣлаго царства, не извѣстна была народу своимъ велерѣчіемъ. Дѣйствія ея предваряли всегда торжественныя и невозвратныя изреченія власти державной, но предваряли ихъ тайно. Это было зеркало, въ которомъ цари могли ясно видѣть общественное мнѣніе: что необходимо! **И одно это предупреждаетъ преступныя его изліянія.**

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . ***).

*) Воображаетъ ли государь, что не одинъ почтенный старикъ въ Москвѣ, Курскѣ или Симбирскѣ рветъ на себѣ послѣдній клокъ волосъ отъ стыда и негодованія, что г. д'Истрія заставляетъ его передразнивать Наполеона на мишурномъ тронѣ бывшаго его герцогства? Тотъ же духъ, тѣже обороты, и пр. Нѣтъ! чѣмъ бы ни кончилось, а я поручу одному изъ сыновей моихъ святой долгъ разувѣрить потомство, дабы оно не искало во французскихъ отрывистыхъ фразахъ души моего Александра, который изъ дѣтства не терпѣлъ репрезентацій!.. В. К.

**) Не отъ народа!.. В. К.

***) Считаемъ долгомъ заявить, что мы, по обстоятельствамъ отъ редакціи независящимъ, вынуждены исключить изъ настоящаго историческаго документа **четыре печатныя страницы**. Ред.

Тетрадь 6-я. Энциклопедисты прошедшаго вѣка, чтобы уронить религію, старались сдѣлать ея подозрительною у государей, въ томъ, что якобы она стѣсняетъ ихъ власть, производитъ бунты, и пр. Приверженникамъ къ религіи они представляли государей гонителями. Кондорсетъ въ его «Esquisse des progrès de l'esprit humain» самъ открылъ намъ тайну сего заговора. Подобно, писатели сей системы представляли дворянство въ очахъ народа смѣшнымъ, въ очахъ государя опаснымъ. Махіавелева политика учитъ ссорить между собою своихъ непріятелей, дабы удобнѣе ихъ истребить, одного посредствомъ другого. Чего не было наклепано на дворянство! чего не сказано въ похвалу такъ-называемаго tiers-état! Мы видимъ слѣды разрушительной системы прошедшаго вѣка и въ образѣ мыслей, который приняли государи нашего времени. Ибо воспитатели Датскаго Фридриха-Вильгельма, Франца и самого Александра *), всѣ эти Массоны, Лагарпы и такъ далѣе, были люди напитанные упомянутою системою. Имъ подражали и г. Шторхъ въ своемъ курсѣ, изданномъ ко удивленію добрыхъ россіянъ въ 1815 году **)—къ счастію на французскомъ языкѣ!

Но—безъ предубѣжденія!..

1) Дворянство видимъ мы отъ вѣка во всѣхъ странахъ. Начинавшійся Римъ имѣлъ своихъ патриціевъ, и отагейцы имѣютъ эрисовъ. Иначе быть нельзя, ибо въ народѣ всегда должны отличаться лучшіе люди (ἀρίστοι); невозможно всѣмъ быть равнымъ. 2) Есть ли средство воспрепятствовать родителямъ, чтобъ они, болѣе или менѣе, не сообщали дѣтямъ своего значенія? Уничтожимъ на ми-

*) Который по истинѣ стоитъ выше всѣхъ ихъ своихъ моральнымъ достоинствомъ! В. К.

**) Духъ, въ какомъ писанъ этотъ курсъ (впрочемъ выкраденный изъ другихъ авторовъ, особливо изъ Канара (Canard), котораго г. Шторхъ умышленно нигдѣ не именовалъ), очевиденъ изъ главы о богослуженіи въ пятомъ томѣ (стр. 185). Забавнѣе всего, что онъ нѣсколькими невначущими строками, такъ сказать пришитыми къ концу главы, хочетъ отвести отъ себя укоризну въ явномъ безвѣріи, которое преподавалъ на осьми страницахъ. Вся эта глава не что иное какъ выписка изъ «Recherches sur le despotisme oriental», par Boulanger. (Это одинъ изъ злѣйшихъ враговъ христіанства. Сочиненіе его «Le Christianisme dévoilé» писано съ такимъ остервененіемъ, которому нѣтъ примѣра у другихъ сего рода авторовъ). О, дай Богъ, чтобъ когда-нибудь русскіе воспитывали великихъ князей нашихъ! Желаю сего счастія милому Александру Николаевичу!... Примѣч. В. Н. Каразина 1826 г.

нуту мысленно всякое дворянство въ Россіи; истребимъ титулы. Дѣти ваши, сіятельнѣйшій графъ! прекрасные ваши сыновья (которыми я всегда столько восхищаюсь) тѣмъ менѣе будутъ значить больше сыновей какого-нибудь ремесленника. Воспитаніе, способы къ жизни, дорога къ службѣ, которую вы имъ проложите, все это должно необходимо отличить ихъ. Ничто меня не увѣритъ, чтобъ и дѣти президента, напримѣръ Американскихъ Штатовъ, пользовались одинакимъ уваженіемъ съ дѣтьми поденьщика въ Филадельфіи. И такъ далѣе!.. 3) Вредно-ли это для государства, чтобъ молодые люди, которыхъ родители наиболѣе имѣли средствъ и случаевъ приуготовить ихъ къ мѣстамъ, занимали сіи мѣста дѣйствительно? 4) Уничтоживъ почести и отличія, сію монету государей, какъ говорятъ, что̀ поставить на ихъ мѣсто? Неужели однѣ деньги? Не оподлѣютъ ли чрезъ это чувствованія; и корыстолюбіе, самая низкая страсть въ обществѣ, не возьметъ-ли чрезъ то верхъ надъ всѣми прочими?

Смѣшны, правда, грамоты безъ достоинствъ (смѣшны только,— не вредны!); но также смѣшны и патенты на чины и мѣста, данные государемъ по ошибкѣ. Также смѣшны и купленные докторскіе дипломы. Это злоупотребленіе! И не отъ правительства-ли зависитъ, чтобъ такія злоупотребленія вообще случались колико возможно рѣже, если уже нельзя ихъ совершенно удалить? И вѣрьте, что это правительству несравненно удобнѣе, нежели отыскивать себѣ достойныя орудія власти или законодательства въ толпахъ непріуготовленной и голодной черни. Не отъ правительства-ли зависитъ сдѣлать такъ, чтобъ отнюдь не было преимущества безъ соотвѣтствующей ему обязанности? Чтобъ первое всегда предполагало послѣднюю?.. И таковъ точно смыслъ коренныхъ нашихъ законовъ! Дворянство наше было всегда природнымъ слугою царства, отъ двора государева и его совѣта, до войска, до приказовъ гражданскихъ — и до помѣстіевъ. До помѣстіевъ: ибо управленіе ими, судъ и расправа народа, попеченіе о его благосостояніи и избыткахъ, наполняющихъ государственную казну, есть конечно служба, не менѣе другой! Она должна на себя обращать, какъ и всѣ прочія, вниманіе правительства, его награды, его одобренія, его руководства, его наказанія. Незаботливость у насъ державной власти объ управленіи помѣщиками людей, причтеніе сихъ послѣднихъ въ дѣлу

домашнему—не государственному—вкралась къ намъ изъ чуждой для насъ системы. Это смѣшеніе началъ породило—какъ и всякое другое подобное смѣшеніе—множество золъ: какъ-то, своеволіе помѣщиковъ, ихъ жестокость, ихъ привычку почитать людей, имъ ввѣренныхъ, собственностію, ихъ удаленіе изъ помѣстіевъ въ столицы, слѣдовательно развращеніе ихъ, мотовство, разореніе именитыхъ домовъ, и проч. и проч.

Коль скоро не будетъ преимущества безъ обязанности, именно ему соотвѣтствующей, коль скоро устроить все по словамъ Спасителя «кто изъ васъ хощетъ быти болій, да будетъ всѣмъ слуга»; коль скоро законъ и правительство будутъ блюсти, чтобъ допущеніе въ благородное сословіе было наградою за благородные подвиги, а удаленіе отъ благородныхъ чувствованій неминуемо влекло за собою изъ него извержение, то всѣ сарказмы на дворянство господъ демократовъ исчезаютъ какъ дымъ. И тогда наслѣдственность сихъ обязанностей не токмо не вредитъ пользамъ государства, но утверждаетъ и обезпечиваетъ его силу болѣе всѣхъ прочихъ мѣръ. Установленіе, взятое съ самой натуры и по истинѣ священное!.. Ферранъ доказалъ это, защищая установленія древняго Египта, равно какъ и глубокомысленный Бональ въ его «первоначальномъ законодательствѣ» *).

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . изобрѣтеніе двухъ камеръ, или паче раздѣленіе государственной думы на двѣ камеры, не основано на естествѣ вещи. Оставляю здѣсь обнаруживать прочія несообразности сего учрежденія и доказывать, что такъ-называемая репрезентація народа есть вообще мнимая. Это было бы только повторять себя **). Но позволительно повторить, что всякое понятіе о репрезентаціи восходящей отъ народа со-

*) Потому-то гг. демагоги усердно злословятъ эту книгу! Особливо третьяго тома главу II-ю. В. К.

**) Мысли свои о семъ предметѣ выразилъ я достаточно во второй главѣ рукописи, которая съ начала 1817 года находится въ архивѣ особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ. В. К.

вершенно противно духу религіи, которая громко гласитъ: «нѣсть власть, аще не отъ Бога!» Никто еще не испытывалъ соглашать сего рѣшительнаго текста и ста другихъ, подобныхъ ему, съ началами нынѣшнихъ конституцій!! И никто, конечно, не испытаетъ! Ибо тутъ нѣтъ средины: одно что-нибудь: или отъ сихъ началъ, или отъ христіанской религіи надобно отказаться. Мы зажимаемъ глаза и сами себя обманываемъ. Истины природы въ семъ, какъ и въ тысячи другихъ случаяхъ, совершенно согласны съ религіею, какъ то неоспоримо доказали Бональ и Де-ла-Менне*). «Превозносимыя эти начала народнаго представительства и конституціи, на нихъ основанныя, упадутъ нѣкогда безъ возврата» говоритъ Де-ла-Менне (p. 80). Я въ семъ совершенно увѣренъ, равно какъ и въ томъ, что мы не доживемъ до сего счастливаго времени.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Тетрадь 7-я, 1820 г., ноября 17-го, вечеръ. Время, оставшееся мнѣ для откровеннаго изъясненія моихъ мыслей, столь уже коротко, что я не отлагаю до другаго пріобщить сію седьмую тетрадь къ прежнимъ. Пусть священнымъ издревле числомъ седьмь кончится политическая моя глаголивость**).

Начиная съ первой тетрадки я отступилъ отъ начальнаго моего плана, ибо я увидѣлъ, что онъ заставилъ бы меня писать въ порядкѣ систематическомъ и слишкомъ много. Но для моего предмета непринужденное теченіе мыслей, нѣкоторыя только черты, всего пристойнѣе. Слѣдовательно и теперь ограничусь только нѣсколькимъ изъ многаго, что я сказать хотѣлъ. Двѣ или три строки послѣдняго моего письма къ вашему сіятельству***) показались мнѣ достойными особливаго распространенія. Именно: «напрасно думаютъ, что какую-нибудь истину должно скрывать отъ народа. Отъ него должно

*) Себя назвать я не смѣю вмѣстѣ съ сими отличными людьми, хотя я писалъ прежде ихъ тоже самое. В. К.

**) «И глаголиваго сего ты-ли поставилъ еси на земли?» книга Іова. В. К.

***) Отъ 11-го сего мѣсяца. В. К.

скрывать ложь и бредъ, которые одни вредны, а истину должно сдѣлать только понятною». Не удивляюсь, что своевольныя и развращенныя правительства, признавая такъ-называемыя либеральныя начала за истину, ищутъ скрывать ихъ отъ народа, дабы продолжать господствовать. Но христіанская монархическая система не только не должна быть тайною для кого бы то ни было (не исключая послѣдней черни), но она должна быть всегласно проповѣдуема на улицахъ, на площадяхъ, въ церквахъ, на всѣхъ народныхъ сборищахъ. Должно вразумлять народъ, должно показывать ему очевидно, ощутительно, сходство сей истины съ природою, съ необходимымъ положеніемъ вещей въ мірѣ и обстоятельствъ общества, наконецъ съ религіею. Дѣлается-ли у насъ это?.. Къ сожалѣнію, совсѣмъ нѣтъ; а дѣлается противное. Боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа. Полиція съ жезломъ въ рукахъ,—цензуры, духовная и гражданская, съ затворами для словъ и мыслей, поставлены на стражѣ, чтобъ не прокралась въ народъ какая либо черта сей благодѣтельной системы, успокоивающей всѣ возможныя волненія умовъ. Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣвать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ какъ правительство, противурѣчіемъ самому себѣ, по временамъ показываетъ, какъ будто не имѣетъ никакихъ. Вчера оно превозглашало вольность, издавало на своемъ иждивеніи Бентама и пр. и пр.; сегодня является деспотомъ, непризнающимъ ниже правъ собственности, уважаемыхъ и въ Азіи. Прежде славилось терпимостію вѣръ, отдавая однако должное преимущество отечественной; оставляя расколы въ неуваженіи, нечувствительно возвращало ихъ въ нѣдро церкви; соединяя благочестіе съ просвѣщеніемъ, умѣло дѣлать вѣроисповѣданіе наше привлекательнымъ для цѣлой Европы и плѣнять имъ самыхъ деистовъ; потомъ вдругъ явилось суевѣромъ вѣковъ прошедшихъ даже до того, что въ манифестахъ стало проповѣдывать о святости давно забытыхъ вѣнчиковъ и о необходимости свѣчъ; на свѣчномъ доходѣ основало (какъ будто для игры слова)! просвѣщеніе духовенства; наконецъ, забывъ все это, дѣлается геррн-гутеромъ, въ очахъ простаго народа нарушаетъ святыню праздниковъ и алтарныхъ мѣстъ, гонитъ іезуитовъ за

обращеніе жида, а менонитамъ позволяетъ обращеніе своихъ подданныхъ, издавая проповѣди ихъ на россійскомъ языкѣ мимо духовенства; рукою власти возводитъ католическихъ еретиковъ на каѳедры; гонитъ и смѣшиваетъ всѣ религіи, всѣ начала; учреждаетъ училища, но подчиняетъ ихъ невѣждамъ, или фанатикамъ (одно изъ величайшихъ противурѣчій!) *); запрещаетъ говорить и печатать все то, что не отвѣтствуетъ сему духу мистицизма и вавилонскаго смѣшенія!.. Останавливаюсь писать о другихъ противурѣчіяхъ, еще болѣе оскорбительныхъ для народнаго честолюбія, которое государи наши никогда не переставали уважать, среди своего самовластія отдавая во всемъ отчетъ народу. Но, какъ единственный можетъ быть репрезентантъ моего отечества Россіи, въ настоящія минуты мои, скажу что мы теперь, вмѣсто высокой цѣли правительства нашего еще отъ временъ великаго князя Іоанна Васильевича, цѣли столь славной, выдержанной во всѣхъ частяхъ Екатериною II, столь приличной нашему государству и господствующему въ немъ славянскому племени, стремимся къ раздѣленію самыми быстрыми шагами!.. Секты политическія и религіозныя умножаются. Нѣтъ никакой точки къ соединенію умовъ. Правительство не назначаетъ ея, и очевидно мятется. Это, въ нынѣшній вѣкъ особливо, будетъ имѣть тоже послѣдствіе, какъ-бы сокрытіе знаменъ и повелѣній военноначальника въ общемъ замѣшательствѣ битвы.

Должно всегда спѣшить сообщеніемъ истины человѣкамъ; ибо, въ противномъ случаѣ, ихъ естественное стремленіе искать ея, удовлетворять врожденное любопытство, немедленно замѣнитъ истину ложью. Исключенія изъ сего могутъ быть очень рѣдки, и только въ частныхъ случаяхъ, не системахъ, на которыхъ основывается общественное благо! Сіи должны быть преподаваемы повсюду и всѣми образами: въ предписаніяхъ начальствъ, съ каѳедръ церкви, въ училищахъ высшихъ и нижнихъ, начиная отъ лона матерняго. Бывъ просты сами по себѣ, онѣ

*) Магницкій, напр., всю молодость свою ничѣмъ не занимался кромѣ французскаго вольнодумства и дурныхъ стишковъ. Теперь же ратуетъ за Евангеліе, разогналъ изъ Казани профессоровъ и полагалъ уничтожить всякое преподаваніе философіи въ университетахъ. Жалкимъ г. Карнеевымъ управляетъ его секретарь, знающій только русской грамотѣ, сынъ дьячка. Онъ-то изгналъ аббата Николая изъ Одессы. Сей отличный мужъ получилъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ во Франціи въ совѣтѣ народнаго просвѣщенія. В. К.

могутъ быть самымъ простѣйшимъ, самымъ вразумительнымъ слогомъ выражаемы. Народъ полюбитъ ихъ всѣмъ сердцемъ, подобно какъ и другія понятныя для него истины, къ которымъ онъ приверженъ часто болѣе, нежели высшія состоянія.

Осмѣливаюсь вопросить, какія бы слѣдствія, кромѣ самыхъ лучшихъ, имѣло распространеніе въ россійскомъ народѣ слѣдующаго или подобнаго ему политическаго катихизиса, взятаго изъ природы и изъ религіи?

§ 1. На свѣтѣ невозможно быть всѣмъ равнымъ. И Богъ насъ таковыми не производитъ. Однимъ даетъ онъ больше силы, другимъ больше здоровья, или ума. Одни родятся и растутъ, другіе въ тоже время слабѣютъ и умираютъ, и т. д. Да и вообще ничего нѣтъ совершенно равнаго въ мірѣ между вещами одинакого рода. Звѣзда звѣзды, листъ листа́ больше или меньше.

§ 2. Слѣдовательно между человѣками на землѣ непремѣнно надобно, чтобъ были старшіе и младшіе, богатые и бѣдные, начальники и подчиненные. Этого нельзя избѣжать. Еслибъ, напр., какимъ-нибудь чудомъ случилось, чтобы всѣхъ уравняли, то на другой день уже опять стало бы возвращаться неравенство. Кто умнѣе, или сильнѣе, или прилежнѣе, тотъ бы пріобрѣлъ болѣе другого, напр. глупаго, или слабаго, или лѣниваго, и т. д. *).

§ 3. У всякаго свой умъ и своя воля. Гдѣ двое должны жить вмѣстѣ, то уже надобно, чтобъ одинъ изъ нихъ былъ старшимъ. А безъ того добру не бывать! Это мы видимъ въ супружескомъ союзѣ. Кольми паче, если ихъ должно жить вмѣстѣ десять, сто, тысяча, или болѣе. Слѣдовательно во всякомъ

*) Вотъ одинъ сумасшедшій народъ вздумалъ-было погубить и царя и вельможъ и помѣщиковъ, своихъ благодѣтелей. Что-же вышло? Онъ ничѣмъ не лучше сталъ прежняго: отступилъ отъ Бога, пролилъ море крови, восемь милліоновъ всякаго народа погибло. Наконецъ вмѣсто царя законнаго, царскаго сына, воспитаннаго быть царемъ, воссѣлъ на престолъ хитрый злодѣй. И вельможи и помѣщики опять настали изъ людей подлыхъ, непривычныхъ обращаться съ народомъ и заботиться о его добрѣ, о его нуждахъ. Всякій изъ нихъ сталъ думать только о себѣ: и подати утроились. Теперь, хотя прочіе государи, особливо нашъ всемилостивѣйшій Александръ, возвратили французамъ законнаго государя, роднаго брата убіеннаго ими, смятенія въ народѣ все еще продолжаются и одинъ Богъ вѣдаетъ, какой этому будетъ конецъ!

Примѣчаніе. Подобныя поясненія и примѣры, изъ которыхъ я одинъ только этотъ здѣсь помѣстилъ (какъ бы для опыта), могутъ быть почти при каждомъ параграфѣ. В. К.

соединеніи людей долженъ быть начальникъ: въ домѣ, въ селѣ, въ городѣ, въ области, въ государствѣ.

§ 4. Начальники бываютъ природные, опредѣляемые высшею властью, и выбранные самими подчиненными. Богъ учредилъ такъ, что первые изъ нихъ, то-есть природные, по наслѣдству суть лучшіе изъ всѣхъ. Ибо добрый отецъ воспитываетъ добраго сына, начальникъ и подчиненные знаютъ изъ дѣтства другъ друга. Гордости и жадности бываетъ меньше въ родимыхъ начальникахъ, равно и зависть не можетъ имѣть мѣста въ подчиненныхъ къ нимъ. Всякій изъ дѣтства привыкъ къ своему состоянію. «Нѣсть власть аще не отъ Бога», говоритъ священное писаніе. И власть природная неоспоримо отъ Бога происходитъ, это очевидно, между тѣмъ какъ могутъ быть случаи, что опредѣленіе и избраніе сдѣлаются несогласно съ волею божіею, а только (какъ зло) допускается Промысломъ. Власть опредѣляющая и избирающій народъ могутъ ошибиться въ выборѣ. Чтò, какъ бы напримѣръ, позволить городскимъ, или сельскимъ начальникамъ, опредѣлять, или дѣтямъ, въ семействахъ между себя, выбирать отцовъ?.. (Опредѣленіе, или выборъ имѣютъ мѣсто только тамъ, гдѣ власть и собственность не имѣютъ между собою ничего общаго).

§ 5. Богъ есть единственный источникъ всякой власти; ибо онъ управляетъ міромъ: міръ не можетъ управляться самъ собою. Слѣдовательно почитая власть, т. е. родителей, начальниковъ, государя, мы чтимъ въ нихъ Бога, отъ котораго они поставлены: мы чтимъ въ нихъ образъ божій. Повинуясь имъ, мы повинуемся самому Богу, владѣющему нами и въ сей и въ будущей жизни. «Повинуйтеся убо всякому человѣку начальству Господа ради» говоритъ апостолъ.

§ 6. Никакой власти, никакого начальства на земли не можетъ быть безъ должности; ибо потому-то оно и начальство! Для того-то Богъ и власть далъ, напримѣръ, отцу надъ дѣтьми, чтобъ онъ пёкся о ихъ настоящемъ и будущемъ благополучіи! Всякая власть, всякое старшинство безъ обязанностей, есть злоупотребленіе въ обществѣ и грѣхъ предъ Богомъ. Это суетное изобрѣтеніе человѣческое, а не установленіе божіе!

§ 7. Чѣмъ выше начальство, тѣмъ больше оно должно имѣть

власти, но за то и больше обязанностей, потому и больше должно быть почитаемо.

§ 8. Но высшее начальство для исполненія своихъ обязанностей предъ Богомъ и людьми, имѣетъ надобность въ высшемъ и разумѣ. Помѣщикъ, напр., управляющій селеніемъ, долженъ быть умнѣе отца управляющаго только семействомъ. Губернаторъ, для управленія цѣлою губерніею, имѣетъ нужду въ высшемъ разумѣ нежели помѣщикъ. Наконецъ государь, представляющій послѣднюю степень власти предъ Богомъ, необходимо долженъ заимствовать свой разумъ отъ высочайшей его премудрости. Симъ образомъ открывается необходимость въ Совѣтѣ; ибо разумъ одного человѣка ограниченъ.

§ 9. Добрый отецъ семейства совѣтуется въ затруднительныхъ случаяхъ съ своими семьянами; т. е. съ тѣми, у которыхъ находитъ зрѣлый разумъ. Помѣщикъ призываетъ умнѣйшихъ и безпристрастнѣйшихъ поселянъ въ совѣтъ, или составляетъ изъ нихъ постоянную сельскую думу. Подобно всякое начальство окружаетъ себя совѣтомъ, по мѣрѣ пространства своей власти. Но никакой совѣтъ не можетъ препятствовать власти: это было-бы противно воли божіей, которая ее ввѣрила единому лицу, отъ высшей степени и до нисшей.

...Но сего довольно! Подобнымъ образомъ можно бы объяснить всѣ политическія истины, какъ-то: необходимость и пользу налоговъ, содержаніе войска, и пр. и пр., сдѣлать ихъ понятными простѣйшему уму и пріятными для всякаго сердца. Народъ, снабженный таковыми началами, былъ бы твердъ въ своей привязанности къ правительству, непреклоненъ къ соблазнамъ. Вмѣсто того, теперь, когда онъ, пробуждаясь отъ своего невѣжества, начинаетъ сопрягать вмѣстѣ понятіе о семъ правительствѣ съ понятіемъ о насиліи, грабежѣ и т. п. Чего ожидать *)? Хотятъ успокоить его библіями; но онъ ихъ не читаетъ, не умѣетъ читать, долго не научится, и рѣдко можетъ имѣть къ тому досугъ. Притомъ люди злонамѣренные именно изъ нихъ самыхъ

*) Это чистѣйшая правда: но не обращаясь съ народомъ безпрестанно, нельзя ее узнать. Вотъ вамъ признакъ: Спросите, какъ въ южныхъ губерніяхъ простолюдинъ называетъ подати въ казну? — Техническое его слово есть драча, то-есть то, что сдираютъ съ народу. В. К.

извлекутъ тексты противу монархической власти, если будетъ въ томъ настоять нужда. Ничего нѣтъ сильнѣе и къ сему способнѣе нѣкоторыхъ мѣстъ, напр. I-й книги царствъ (по остервальдской библіи «Samuel») главы VIII. ст. 11—18. Евангелія отъ Матѳея, гл. XVII, 24—27.

А извѣстно, что симъ образомъ распространяются лжеученія, то есть, отдѣльными мѣстами; ибо простолюдинъ ничего несличаетъ, и о томъ, что выше, или ниже приведеннаго ему текста написано, не заботится. Иное дѣло, если-бъ поступлено было такъ, какъ я осмѣлился предложить, помнится въ 1-й изъ сихъ тетрадей, т. е., чтобъ познакомить народъ съ выбранными приличными текстами, переведя ихъ и на простой языкъ! Но напротивъ, воображаютъ, что онъ изъ моря библіи будетъ удить именно то, что надобно правительству, и что вѣроятно позже всего ему попадется.

Словомъ: благородное наше юношество и народъ, который (сказавъ въ переносномъ смыслѣ) также выходитъ уже изъ дѣтскаго возраста, стоятъ въ настоящее время на самомъ опасномъ распутіи. Одно мгновеніе: и они пойдутъ въ тотъ, или другой путь невозвратно!.. Не самовластныя мѣры, ни подслащенныя слова, ниже тонкости французской полиціи *) тутъ потребны, все это дастъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу! — но честность, строгая честность (loyauté), систематическій планъ, основанный, отъ первой буквы до послѣдней, на началахъ христіанскаго-монархическаго правленія!.. Кажется, я сказалъ до сихъ поръ довольно, чтобы увѣрить, что подъ таковыми началами я не конституціонныя (извѣстныя до сихъ поръ подъ симъ именемъ) разумѣю. Дѣло не въ томъ, чтобы у насъ въ Россіи заводить сраженія краснорѣчія мнимыхъ репрезентантовъ съ хитросплетеніями министровъ, постыдныя сраженія прихотей государя и его наемниковъ съ прихотями адвокатовъ, подкрѣпляемыхъ чернію; чтобъ выводить на позоръ цѣлаго свѣта покушенія и не-

*) Сего мѣсяца 5-го или 7-го числа ѣздилъ я къ И. С. Горголи жаловаться ему на полицейскія слѣдованія за моими людьми (кои всѣ грамотные) по поводу какого-то пасквиля. Шедши отъ него пѣшкомъ, пришла мнѣ мысль: предупреждаютъ ли таковыя лазутчества волненія народныя? Отвѣтомъ рѣшительнымъ можетъ служить извѣстная, чудесная исправность французской полиціи, на которую при короляхъ всегда было трачено столько денегъ, и послѣдовавшая тѣмъ не менѣе революція. В. К.

удачи власти; чтобы открыть народному буйству, сосланному у насъ въ питейные дома, великолѣпный театръ, украшенный всѣми эмблемами могущества имперіи. Нѣтъ!... совсѣмъ нѣтъ! . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Какъ можно думать, чтобъ россіяне, всеусильно поставленные подъ вліяніе чужихъ краевъ, продолжали быть спокойными зрителями всеобщаго волненія, или бы еще и сдѣлались орудіями къ его утишенію *). Странно, что благословенный, средній путь, указываемый намъ религіею и обычаями любезнаго отечества издавна, путь, по которому одному вѣкъ можно идти безопасно, остается до сихъ поръ пустымъ! И сіе въ XIX стол., и при Александрѣ,—Траянѣ моемъ!.. Что государи, которые должны быть безпристрастны, почти какъ Богъ, которые, какъ Онъ, должны жить лишь въ жизни милліоновъ существъ разумныхъ, имъ подвластныхъ, управляются честолюбіемъ, желаніемъ поставить на своемъ, какъ обыкновенные люди! Неужели они сію жестокость и непреклонность (свойственную только Наполеонамъ) почитаютъ благородною твердостію, каковую имѣть должно въ добрыхъ намѣреніяхъ? Неужели они предпочитаютъ лучше сто разъ подвергаться ошибкамъ и даже опасностямъ, нежели призвать въ помощь разумъ своего государства? Богъ рѣдко просвѣщаетъ насъ сверхъестественно. Онъ разсѣялъ по лицу земнаго шара свои орудія. Должно употреблять ихъ.

---

*) Предсказавъ уже два или три происшествія, и теперь еще столько же смѣло предсказываю. Не одна тысяча нашихъ солдатъ съ ихъ офицерами останутся въ роскошной Италіи, чтобы въ ней поселиться, если будутъ посланы туда наши войска. Это не можетъ быть иначе: противурѣчіе слишкомъ велико, слишкомъ ощутительно для умовъ, которые уже вышли изъ самаго грубаго невѣжества! Нѣкогда сражались за Мать Пресвятую Богородицу, въ 1812 году, и далѣе, сражались за отечество, и по побужденію народной мести; теперь же какія изобрѣсть побудительныя причины?... Я прислушивался къ разговорамъ солдатъ, слышалъ, что они уже говорятъ и о малости своего жалованья и пр., чего прежде совсѣмъ не было. Духъ разлился далеко! И не напрасно Екатерина столь искусно медлила отправленіемъ войскъ противу Франціи. (Виноватъ! Я не дорожа собою говорю истины, которыя учтивый помѣщикъ села Грузино можетъ быть не скажетъ). В. К.

Напрасно думаютъ, что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Ихъ очень достаточно. Довольно нѣсколькихъ въ каждой губерніи. Нѣтъ и нужды вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить здѣсь *) средоточіе, которое бы дѣйствовало на губернскія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими бы взаимно оживлялось. Нѣтъ никакой нужды въ огромныхъ залахъ, парадныхъ шествіяхъ и рѣчахъ, ниже въ извѣщеніи о всемъ этомъ газетами. Но безстрастная воля государева будетъ освѣщаема, на каждомъ его шагѣ, образомъ приличнымъ и мало извѣстнымъ народу! Совѣтъ не препятствіе... Но мало по малу, нечувствительно, общественное мнѣніе и намѣренія государя сближатся совершенно: поелику онѣ взаимно на себя будутъ дѣйствовать безъ всякаго духа оппозиціи (исчадія и отца возмущенія)! Правительство останется правительствомъ, не исполнительною только властію, по новымъ системамъ. Суды, гражданскій и уголовный получатъ естественныя ихъ верхнія инстанціи, и перестанутъ затруднять государя къ безконечной проволочкѣ дѣлъ и къ соблазну народа. Убудутъ тысячи чиновниковъ, безполезно или и со вредомъ государства получающихъ отъ него содержаніе. Злоупотребленія большею частію исчезнутъ, поелику явятся безъ всякихъ посредниковъ и въ полной своей наготѣ. Возвратится взаимная довѣренность правительства и граждан между собою. Силы и способы государства будутъ увѣданы въ самыхъ ихъ источникахъ. Духъ народный откроется во всемъ своемъ достоинствѣ. Онъ представитъ истинныя начала, на которыхъ должны быть: отечественное постановленіе, законы и образъ управленія. Рабство въ частныхъ владѣніяхъ помѣщиковъ, какъ и въ имперіи вообще, уступитъ мѣсто наслѣдственной, благотворной подчиненности. . .

. . . .

P. S. Долгомъ поставляю приписать здѣсь, какъ человѣкъ приверженный къ государю, что рѣшеніе Его Императорскаго Величества о семеновскомъ полкѣ, объявленное въ приказѣ ар-

*) Въ мѣстопребываніи высшаго правительства. В. К.

мін ноября 2-го, одобряется здѣсь всѣми благомыслящими *). Либеральные находятъ его слишкомъ жестокимъ, а нѣкоторые изъ стариковъ слишкомъ милостивымъ. Доказательство, что оно точно таково, какъ должно. Я, лично, вижу въ немъ чистый разумъ во всей его обширности, и восхищаюсь! Конечно, и сіе и всякое другое рѣшеніе, можетъ имѣть свои неудобства... Таково положеніе вещей!

Метафорическія выраженія на оборотѣ, которыми я кончилъ сію тетрадь, имѣютъ свое основаніе, не взирая на то, что онѣ вылились прямо изъ растроганнаго сердца. Государи и ихъ царства (по духу религіи составляя одно тѣло) должны быть между собою въ томъ отношеніи какъ мужъ и жена. Сія послѣдняя подчинена мужу, яко главѣ; но не раба его, а совѣтница. Природа и религія, имѣя общій источникъ, Бога, представляютъ множество таковыхъ подобій. Жаль только, что гг. мистики, во зло употребляя ихъ, дѣлаютъ религію смѣшною въ очахъ легкомысленнаго народа. Замѣтьте, что въ Азіи, гдѣ жены рабыни, рабы и царства. Но рабыня не рѣдко обманываетъ — иногда простираетъ и руку на господина. Тамъ эгоизмъ сверху до низу. По крайней мѣрѣ это система. . . . .

. . . .

. . . .

Здѣсь оканчиваю. Я говорилъ истину языкомъ потомства. Приношу мольбы государю, котораго обожаю, за отечество, которому преданъ: не за себя!

Василій Каразинъ.

---

*) См. письмо императора Александра I по поводу бунта Семеновскаго полка въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. I, изд. первое стр. 63; изд. второе стр. 480—482. Ред.

СТАТСЪ-ДАМЫ РУССКАГО ДВОРА

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

біографическіе списки П. Ѳ. Карабанова*).

---

40) Графиня Прасковія Александровна Брюсъ, супруга генералъ-аншефа, главнокомандующаго сперва въ Москвѣ, потомъ въ С.-Петербургѣ, графа Якова Александровича Брюса (ум. 30 декабря 1791 г.), дочь генералъ-аншефа, графа Александра Ивановича Румянцева и супруги его, графини Марьи Андреевны, рожд. графини Матвѣевой (см. „Рус. Стар." 1870, т. II, стр. 473, № 5). Родилась 7 октября 1729. Въ супружество вступила въ 1751 г. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1773 г. Умерла въ 1786 г. апрѣля 7, и погребена въ подмосковномъ селѣ Глинкахъ. Графиня Прасковья Александровна, прекрасная, умная, любезная и ловкая женщина, не могла похвалиться своимъ поведеніемъ, потому что имѣла множество любовныхъ связей. Въ концѣ 1779 г. удалилась отъ Двора. Въ 1785 г. Екатерина, возвращаясь изъ Москвы въ С.-Петербургъ, встрѣтилась на дорогѣ съ графинею Брюсъ, ѣхавшей въ Москву въ болѣзненномъ состояніи, взяла ее къ себѣ въ линію, долго бесѣдовала наединѣ, и простилась съ нею навсегда. Ихъ дружество было непритворное.

41) Дарія Васильевна Потемкина, вторая супруга подполковника Александра Васильевича, по отцѣ Кондырева, родилась 1704 г. Оставшись молодою и бездѣтною вдовою послѣ стараго Скуратова, жила у его наслѣдниковъ въ селѣ Большомъ Скуратовѣ, на кіевской дорогѣ (нынѣ принадлежащемъ князю Ивану Леонтьевичу Шаховскому). Престарѣлый Потемкинъ (род. 1673, ум. 1746), житель Смоленской губ., пріѣхалъ на время въ Алексинскую свою деревню,

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II, стр. 468 — 498. Въ напечатанныхъ спискахъ вкрались слѣдующія, незначительныя впрочемъ опечатки: стр. 482, строк. 7: «Бетина» чит.: «Бенигна»;—491 строка 14: «1793 г.» чит. «1703 г.»;— 493, строка 20: «скончалась», чит. «скончался». Ред.

сельцо Маншино (нынѣ принадлежащее Петру Александровичу Лихачеву), нечаянно увидѣлъ вдовую красавицу, влюбился, и началъ свататься, объявивъ себя вдовцомъ въ то время, какъ первая его жена оставалась въ Смоленской деревнѣ. По совершеніи брака, молодая Потемкина узнаетъ свое положеніе, и уже беременная требуетъ свиданія съ утаенною женою. Ея слезы и отчаяніе доводятъ до сострадания добродушную женщину, въ супружествѣ несчастную и преклонную лѣтами: она идетъ въ монастырь и скорымъ постриженіемъ утверждаетъ этотъ бракъ. Отъ него-то родился знаменитый князь Таврическій (въ 1738), который въ торжество мира съ турками, 1775, возведенъ въ графское россійской имперіи достоинство, а мать его принята у двора съ отмѣннымъ благоволеніемъ. Предъ отъѣздомъ императрицы въ С.-Петербургъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Дарьѣ Васильевнѣ пожалованъ большой домъ (нынѣ принадлежащій графинѣ Варварѣ Алек. Протасовой) близъ Пречистенки, въ переулкѣ, примыкавшій къ Голицынскому, въ которомъ жила императрица, съ мебелью изъ комнатъ государыни. 1776 г. въ январѣ мѣсяцѣ ей присланъ статсъ-дамскій портретъ, отлично украшенный бриллiантами, подобный данному графинѣ Зубовой. Ей позволено было, по старости лѣтъ, оставаться въ Москвѣ. Императрица при рескриптахъ, иногда собственноручныхъ, присылала ей подарки: часы, перовники, флакончикъ въ футлярѣ, табакерку изъ кости съ портретомъ, всѣ осыпанные бриллiантами; о послѣдней сказано, что собственныхъ трудовъ на память. 1780 г. она скончалась отъ желчевыхъ камней, 76 лѣтъ; бальзамированное тѣло ея, за невозвращеніемъ отправленнаго къ сыну эстафета, оставалось въ домовой церкви. 13 августа съ большимъ великолѣпіемъ совершилось отпѣваніе у Большого Вознесенія, что на Никитской ул. (на мѣстѣ отчасти застроенномъ новою церковью, былъ нѣкогда малый ея домъ), и препровождено въ подмосковное село Хорошево, а зимнимъ путемъ перевезено въ Смоленскую губернію.

Потемкина была прекрасна и умна. Таврическій въ чертахъ лица имѣлъ съ нею большое сходство. Онъ не любилъ ее за то, что она говорила ему правду насчетъ поведенія его съ родными племянницами; напослѣдокъ письма ея къ сыну летали нераспечатанными въ пылающій каминъ.

Копіи съ 11-ти рескриптовъ Екатерины къ Даріи Васильевнѣ погибли въ 1812 году.

NB. П. Ѳ. Карабановъ былъ внучатнымъ племянникомъ князя Потемкина, и еще помнилъ его мать Дарію Васильевну.

42) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина (Іуліянія) Николаевна Орлова, супруга князя Григорія Григорьевича Орлова (род. 6 октября

1734, ум. 13 апрѣля 1783), дочь генералъ-маіора, с.-петербургскаго оберъ-коменданта, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка секундъ-маіора и св. Александра Невскаго кавалера, Николая Ивановича Зиновьева и супруги его, Авдотьи Наумовны Сенявиной, родилась 19 декабря 1758. Была фрейлиною. Бывъ по отцѣ двоюродною сестрою своего мужа (ибо Николай Ивановичъ и мать Орловыхъ, Гликерія Ивановна были родные братъ и сестра), тайно съ нимъ обвѣнчалась. Признаніе ихъ предъ Екатериною II въ первомъ движеніи сопровождено было жестокимъ гнѣвомъ, съ повелѣніемъ св. Синоду судить ихъ наистрожайшимъ образомъ; но когда дѣло дошло до конфирмаціи, то императрица сказала, что не можетъ судить своего благотворителя, а предоставляетъ сіе суду Божію. Этотъ пагубный бракъ совершился въ 1776 г. и былъ начальной причиной великаго зла: вскорѣ многіе двоюродные братья поженились на сестрахъ своихъ, а именно: князь Голицынъ на Олсуфьевой, Зиновьевъ на Юшковой и проч. Княгиня Орлова пожалована въ статсъ-дамы, и 22 сентября 1777 г. получила орденъ св. Екатерины. Сія несчастная чета явнымъ образомъ наказана за преступленіе: дѣти ихъ рождались мертвыми, и мать очевидно приближалась къ смерти, которая и послѣдовала въ Лозаннѣ 16 іюня 1781. Тѣло ея погребено въ Невскомъ монастырѣ, въ палатѣ, между церковью Благовѣщенія и Сошествія св. Духа. Князь Орловъ пережилъ ее и чрезъ два года скончался въ сумасшествіи съ бѣшенствомъ.

43) Графиня Александра Васильевна Браницкая. (См. въ оберъ-гофмейстеринахъ, „Рус. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 474, № 7).

44) Графиня Екатерина Васильевна Скавронская (Литта). (См. въ гофмейстеринахъ, „Русс. Стар.“ 1870 г. т. II, стр. 476—477, № 4).

45) Графиня Екатерина Петровна Шувалова 2-я, супруга дѣйств. тайн. сов., сенатора, дѣйств. камергера, правленія банковъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій главнаго директора, императорской шпалерной мануфактуры главнаго надзирателя, орденовъ св. Андрея, св. Александра Невскаго, св. Владиміра 1-й ст. кавалера, графа Андрея Петровича Шувалова (род. 23 іюня 1743 г., ум. 24 апрѣля 1789 г. на 46 году), дочь генералъ-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова и супруги его, статсъ-дамы, графини Прасковьи Юрьевны (см. „Русс. Стар.“ 1870 г. т. II, стр. 486—487, № 15). Родилась 2 октября 1743. Въ статсъ-дамы пожалована 1792. Въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины, 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла I. Св. Екатерины 1-го кл. получила 29 мая 1799. Скончалась въ Римѣ 13 окт. 1816 г. 73 л. Тѣло ея

привезено въ Петербургъ, и вмѣстѣ съ супругомъ похоронено въ цер. св. Лазаря въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

46) Графиня Iозефина Георгiевна Потоцкая, рожд. Мнишекъ, 1-я супруга графа Феликса-Станислава Францовича Потоцкаго, бывшаго воеводы и черниорусскаго и польскаго сенатора, 17 ноября 1796 г. переименованнаго въ русскiе генералы отъ инфантерiи, а 30 октября 1798 уволеннаго и скончавшагося 14 марта 1805. Пожалована въ статсъ-дамы въ 1792. Умерла въ 1798 году.

47) Графиня Дарiя Петровна Салтыкова, супруга генералъ-фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова, старшая дочь дѣйств. тайн. сов., посланника при дворахъ датскомъ, прусскомъ, англiйскомъ и посла при французскомъ, графа Петра Григорьевича Чернышова и супруги его графини Екатерины Андреевны, фрейлины, рожд. графини Ушаковой. Род. въ 1739 г. Въ статсъ-дамы пожалована 2 сентября 1793, въ день торжества о мирѣ съ Портою. Орденъ св. Екатерины 1-го кл. пожалованъ 5 апрѣля 1797 г., въ день коронацiи Павла I. Сконч. въ 1802 г.

48) Княгиня Наталiя Владимiровна Салтыкова, супруга генералъ-фельдмаршала, князя Николая Ивановича Салтыкова, дочь рижскаго губернатора, князя Владимiра Петровича Долгорукова и супруги его, княгини Елены Васильевны, рожд. княжны Хилковой, род. въ 1737 г. Въ супружество вступила въ 1762 г. Въ дѣйств. статсъ-дамы пожалована 2 сентября 1793, въ день мирнаго торжества съ турками. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 5 апрѣля 1797 г. Сконч. 7 сентября 1812 и погребена Владимирской губернiи въ селѣ Черкутинѣ. Салтыкова наслѣдовала отъ своей матери всѣ старинныя примѣты и держалась ихъ до суевѣрiя, прiобщивъ къ нимъ много притворства, которое и освобождало ее отъ придворныхъ обязанностей. Была умна, но лукава и скупа. При отправленiи графа Петра Ал. Толстого (который былъ двоюроднымъ братомъ князя Николая Ивановича) посломъ къ французскому двору, княгиня Наталiя Владимiровна, прощаясь съ его женою, графинею Марiею Алексѣевною, полюбившей ее за оригинальный умъ и странности, сказала: „Маша! я сожалѣю, что ты ѣдешь въ Парижъ; тебя французы одурачатъ. Поменьше съ ними говори: они тебѣ объ литературѣ, а ты имъ почему рожь на болотѣ."

— Сем. Гавр. Зоричъ однажды расхвастался предъ графинею Наталiею Владимiровною своимъ богатствомъ, и довершилъ пословицею: „большому кораблю большое плаванiе". Въ это время подошелъ къ нимъ князь Николай Ивановичъ, то Салтыкова сказала: „пропустите его съ лодочкою".

49) Княгиня Наталія Александровна Репнина, супруга генералъ-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина (род. 11 марта 1734 г., ум. 12 мая 1801), дочь генералъ-аншефа и оберъ-шталмейстера, князя Александра Борисовича Куракина и супруги его Екатерины Ивановны Паниной, род. 7 апрѣля 1737 г. Въ супружество вступила 20 января 1754, въ статсъ-дамы 1794. Орденъ св. Екатерины 1-го кл. получила 5 апрѣля 1797, въ день коронаціи Павла. Сконч. въ 1798 г. Княгиня Наталія Александровна погребена была въ окрестностяхъ Вильны. Въ 1812 г., французы, при занятіи этихъ мѣстъ, разбили монументъ, тѣло ея выкопали и открыли гробъ для похищенія украшеній. („Сынъ Отечества" 1812 г. № 11, стр. 224).

50) Графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, рожд. баронесса фонъ-Поссе, вдова генералъ-маіора, барона Отто-Генриха, ум. 4 февраля 1781 г., извѣстная ревностнымъ служеніемъ при дворѣ въ продолженіи 45-ти лѣтъ, род. въ 1743 г. Когда Екатерина II предназначила избрать для воспитанія высочайшихъ своихъ внуковъ особу отличныхъ правилъ и достоинствъ, по преимуществу изъ лифляндокъ, она препоручила этотъ выборъ тогдашнему рижскому генералъ-губернатору, графу Юрію Юрьевичу фонъ-Браунъ, котораго императрица удостоивала отмѣнной довѣренности. Въ ноябрѣ 1783 г. г-жа Ливенъ принята ко двору, а 1794 г. Екатерина пожаловала ее въ статсъ-дамы, и вообще въ послѣдніе годы удостоивала дружескаго обращенія. Павелъ I, въ день коронаціи своей (5 апрѣля 1797) пожаловалъ ей орденъ св. Екатерины 1-го кл. и назначилъ ей 1500 душъ крестьянъ, а 22 февраля 1799 возвелъ ее съ потомствомъ въ графское россійской имперіи достоинство. Александръ I, въ день своей коронаціи (15 сент. 1801) наградилъ графиню Ливенъ особымъ знакомъ отличія, драгоцѣнными браслетами съ портретами какъ своимъ, такъ и имп. Елисаветы Алексѣевны. 1824 г. января 1, когда обѣ сестры, графини Браницкая и Литта, почтены—первая достоинствомъ оберъ-гофмейстерины, а вторая гофмейстерины, то и графиня Шарлотта Карловна награждена богатымъ портретомъ императора Александра I съ цѣпью, для ношенія на шеѣ. 1826 г. августа 22, въ день коронованія императора Николая I, возвеличена со всѣмъ семействомъ княжескимъ достоинствомъ, съ титуломъ свѣтлости. Скончалась 24 февраля 1828 г. 85-ти лѣтъ; при дворѣ наложенъ былъ трауръ на три дня, и, чтобы память о статсъ-дамѣ Ливенъ при дворѣ не прекратилась, то вскорѣ въ это званіе возведена ея невѣстка, княгиня Дарія Христофоровна, рожд. Бенкендорфъ.

При необыкновенномъ умѣ, княгиня Шарлотта Карловна имѣла доброту сердечную, характеръ благородный и твердый. Вся жизнь ея

представляетъ примѣръ къ ревностному подражанію въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Строгимъ и неутомимымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, она скоро приобрѣла любовь и довѣріе великой княгини Маріи Θеодоровны, неограниченная привязанность къ которой была для ея сердца подкрѣпленіемъ и пищею въ долголѣтней жизни. Послѣ извѣстныхъ событій 14 декабря, когда производился судъ надъ мятежниками, княгиня Ливенъ, изъ патріотической ревности, часто говорила, что она не перенесетъ равнодушно, если бунтовщикамъ оказано будетъ помилованіе.

51) Графиня Елисавета Васильевна Зубова, супруга тайн. сов., сенатора, св. Александра Невскаго кавалера, графа Александра Николаевича Зубова, единственная дочь армейскаго прапорщика Василія Воронова (который въ наслѣдство оставилъ ей 1000 душъ крестьянъ), мать свѣтлѣйшаго князя Платона Алекс. Зубова, род. 1742 г.; въ супружество вступила 1759. Статсъ-дамою пожалована 1795. Кавалерственною дамою ордена св. Екатерины удостоена 5 апр. 1797 г., въ коронацію Павла I. Скончалась 29 декабря 1813 г., 71 года, и погребена въ Сергіевой пустыни, что на Петергофской дорогѣ, близъ С.-Петербурга, въ нарочно устроенной погребальницѣ князя и графовъ Зубовыхъ.

Графъ Александръ Никол. род. 6 авг. 1727 г., ум. 20 февр. 1795.

52) Графиня Прасковія Васильевна Мусина-Пушкина, супруга генералъ-аншефа, впослѣдствіи фельдмаршала, Валентина Платоновича, дочь генералъ-аншефа, князя Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго и супруги его, ордена св. Екатерины 1-го кл. кавалера, княгини Настасіи Васильевны, рожд. Волынской, — род. 6 апрѣля 1754 г. Въ статсъ-дамы пожалована первая по восшествіи императора Павла на престолъ, именно 10 ноября 1796 г. (при разборѣ бумагъ покойной императрицы найдено въ отмѣткахъ ея руки: „въ первое пожалованіе Пушкину въ статсъ-дамы"). Орденъ св. Екатерины меньшаго креста получила 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла. Сконч. въ С.-Петербургѣ 26 іюня 1826 г.; въ январѣ 1827 г. тѣло ея привезено въ Москву для погребенія въ Симоновскомъ монастырѣ, въ сооруженномъ ею храмѣ надъ гробомъ супруга (род. 6 декабря 1735 г., ум. 8 іюля 1804 г.).

53) Марія Андреевна фонъ-Рённе (Aurora Maria von Rönne), дочь голштинскаго совѣтника посольства фонъ-Лиліенфельда, вторая супруга генералъ-поручика Карла Ивановича Рённе. Родилась 2 декабря 1752 г. Овдовѣла въ 1786 году. Въ статсъ-дамы пожалована 13 ноября 1796 г. и опредѣлена гофмейстериною двора великой

княгини Анны Θеодоровны. Меньшаго креста св. Екатерины получила 5 апрѣля 1797 г., при коронаціи Павла. Умерла 13 мая 1810 г.

Карлъ-Августъ фонъ-Рённе (von Rönne), сынъ отъ 1-го брака полковника Оттона-Іоганна фонъ-Рённе, род. 172... Поступилъ, 1743 г., въ военную русскую службу. 1756 былъ поручикомъ. 1767 г.—подполковникомъ. 1769 г. іюня 3-го—полковникъ и командиръ Каргопольскаго карабинернаго полка; 1770 г. января 12 разбилъ на голову польскую конфедерацію при мѣстечкѣ Добро (между Калишемъ и Сѣрадземъ), и за это получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст. (3 февраля 1770 г.). 1774 ген.-маіоръ. 1784 ген.-поручикъ. 1786 г. умеръ. Былъ женатъ два раза: 1) на Еленѣ фонъ-Бахманъ, род. 20 января 1748 г. дочери генералъ-маіора. Она съ нимъ развелась и вступила во 2-й бракъ съ ландратомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ фонъ-Таубе. Умерла вдовою сего послѣдняго въ 182...; 2) на Аврорѣ-Маріи фонъ-Лиліенфельдъ (статсъ-дамою). Отъ 1-го брака три сына; отъ 2-го брака: сынъ, умершій за границею не женатымъ, и дочь Каролина-Марія (род. 1783) въ замужествѣ за тайн. сов. графомъ Хрептовичемъ.

54) Софія Ивановна де-ла-Фонъ, вдова дѣйств. стат. сов. Род. 8 августа 1717 г. Была правительницею въ Смольномъ монастырѣ, въ то время, какъ княжна Долгорукая была начальницею онаго (1764, 1765, 1766). Около 30-ти лѣтъ управляла Обществомъ благородныхъ дѣвицъ въ Смольномъ монастырѣ. Имѣла при себѣ, въ Смольномъ монастырѣ совершенныхъ дочерей. Въ статсъ-дамы пожалована императоромъ Павломъ 22 ноября 1796 г. Въ коронацію императора, 5 апрѣля 1797 г. получила меньшой крестъ св. Екатерины, и въ томъ же году, 11 августа скончалась отъ старости, 80-ти лѣтъ. Была реформатскаго исповѣданія; погребальная церемонія отправлена дважды, сперва въ Смольномъ монастырѣ, а потомъ въ реформатской церкви св. Петра. Похоронена на Волковомъ кладбищѣ 14 числа того же мѣсяца, гдѣ и мѣста отыскать невозможно.

55) Графиня Урсула Мнишекъ, супруга литовскаго короннаго маршала (впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов.) графа Михаила Мнишка *), дочь графа... Замойскаго, род. 1760 г. 1787 марта 20, Екатерина II почтила ее орденомъ св. Екатерины, который препровожденъ къ ней императрицею изъ Кіева. При коронаціи Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована въ статсъ-дамы. Скончалась 26 сентября 1806 г. (или 7 октября 1816?).

56) Графиня Анна Павловна Каменская, супруга генералъ-

*) Знаменитаго учредителя оспопрививанія въ Польшѣ и Литвѣ. П. К.

фельдмаршала графа Михаила Өедотовича, дочь подполковника князя Павла Ник. Щербатова и супруги его, княгини Маріи Өеодоровны, рожденной княжны Голицыной, род. 26 сентября 1749 г. Въ супружество вступила 5 апрѣля 1771 г. Въ коронацію Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована одновременно статсъ-дамскимъ портретомъ и орденомъ св. Екатерины меньшаго креста, а супругъ ея возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство съ чиномъ генералъ-фельдмаршала. 1826 г. ноября 16 скончалась скоропостижно отъ удара, 77-ми лѣтъ, и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Можно предполагать, что кончина ея главнымъ образомъ произошла отъ огорченія, ибо въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ, въ коронованіе Николая I, была обойдена къ полученію ордена св. Екатерины 1-го класса по случаю возмущенія 1000 душъ крестьянъ въ Можайскомъ ея имѣніи, съ назначеніемъ опеки.

Графъ Михаилъ Өедотовичъ, род. 8 мая 1738 г., сконч. 12 августа 1809 г. Въ Орловской подгородной вотчинѣ, по обыкновенію, одинъ въ управляемой имъ колясочкѣ объѣзжалъ въ сумерки свои хозяйственныя и фабричныя заведенія, и во время отдохновенія, подъ деревомъ убитъ топоромъ крестьяниномъ, по прозванію Созіонка.

57) Марина Осиповна Нарышкина, супруга оберъ-шталмейстера, Льва Александровича Нарышкина (ум. 10 декабря 1799 г.), дочь малороссійскаго генеральнаго обознаго, Осипа Лукьяновича Закревскаго и супруги его, Анны Григорьевны, рожденной Разумовской, родной сестры фельдмаршаловъ, графовъ Алексѣя и Кирилла Разумовскихъ. Въ коронацію Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована статсъ-дамскимъ портретомъ и бантомъ св. Екатерины. Умерла 28 іюля 1800 года.

58) Елисавета Михайловна Еропкина, супруга генералъ-аншефа, Петра Дмитріевича Еропкина (род. 24 іюня 1724, сконч. 7 февраля 1805 г.), дочь генералъ-аншефа, кіевскаго генералъ-губернатора и св. Александра Невскаго кавалера, Михаила Ивановича Леонтьева и супруги его, Маріи Васильевны, рожденной Эварлаковой, род. въ 1727 г. Въ супружество вступила въ ноябрѣ 1754 г. Въ дѣйствительныя статсъ-дамы и кавалерственныя дамы св. Екатерины вмѣстѣ пожалована въ коронованіе Павла I, 5 апрѣля 1797 г. Скончалась 20 марта 1800 г. 73 лѣтъ, бездѣтною, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ подъ соборомъ. Казалась скупою, но была добродѣтельна и не жалѣла тысячъ рублей въ тихую милостыню и на богоугодныя дѣла.

59) Княгиня Екатерина Александровна Долгорукая, супруга

генералъ-аншефа, при Павлѣ московскаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частію, князя Юрія Владимировича Долгорукова, дочь генералъ-фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина.

Въ 1766 г. участвовала въ славномъ каруселѣ въ С.-Петербургѣ и получила второй призъ. Бракъ ея съ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ совершился въ тайнѣ и долгое время оставался неизвѣстнымъ, ибо учиненъ былъ противъ постановленій церкви, такъ какъ родная сестра ея, графиня Варвара Александровна уже была супругою родного деверя ея, князя Василія Владиміровича. (См. № 82). Когда оба они померли бездѣтными (княгиня въ 17.., а князь въ 1782 г.), только тогда князь Юрій Владиміровичъ началъ домогаться объ утвержденіи своего брака. Ставши на колѣни предъ Екатериною II, онъ сказалъ: „виноватъ, государыня!"—„Не можешь быть виноватъ", отвѣчала императрица. — „Я женатъ!" продолжалъ онъ. — „Дѣло не мое, а святѣйшаго синода", сказано въ отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе ходатайство ея преклонило синодъ утвердить это беззаконное супружество; и, чтобъ уничтожить всякое недоумѣніе, дѣти ихъ, рожденныя до брака, Василій (род. 1776 г. января, ген.-адъютантъ, умеръ 2 сен. 1810 г.), при пожалованіи Екатериною въ офицеры гвардіи, названъ княземъ Долгоруковымъ, а дочь Варвара, въ торжество о мирѣ съ Портою, 2 сентября 1793 г. пожалована фрейлиною и наименована княжною. Сама княгиня Долгорукова, въ коронацію Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована въ дѣйствительныя статсъ-дамы и въ то же время получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста. Сконч. въ декабрѣ 1811 г.

Князь Юрій Владиміровичъ, род. 2 ноября 1740 г., ум. въ декабрѣ 1830 г., на 91 году.

60) Евдокія Михайловна Безбородко, супруга малороссійскаго генеральнаго судьи, Андрея Яковлевича Безбородко, рожд. Забѣло. Въ коронацію Павла, 5 апрѣля 1797 г., за заслуги сына своего, государственнаго канцлера, свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича, заочно почтена статсъ-дамскимъ достоинствомъ, коего знакъ, вмѣстѣ съ орденомъ св. Екатерины 1-го кл., препровожденъ къ ней въ Малороссію.

61) Княгиня Елена Радзивиллъ, супруга палатина виленскаго, князя Михаила, рожд. Пршездзецкая (мать князя Антонія Радзивилла, женатаго на принцессѣ прусской). При коронаціи Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована въ статсъ-дамы и меньшимъ крестомъ ордена св. Екатерины. Скончалась 20 марта 1821 г.

62) Принцесса Луиза Эммануиловна де-Тарантъ, герцогиня

де-ла Тремуль (Louise Emmanuelle de Châtillon, princesse de Talmond-Tarente), пользовалась отличнымъ благоволеніемъ французской королевы Маріи-Антуанетты и была ея статсъ-дамою (dame du palais). Во время революціи переселилась въ Россію и взыскана милостями и покровительствомъ россійскихъ государей. Въ статсъ-дамы и вмѣстѣ орденомъ св. Екатерины меньшаго креста пожалована 20 іюля 1797 г. Женщина добродѣтельная. До конца дней своихъ оставшись приверженною королевскому дому, не преставала сокрушаться о бѣдствіяхъ своего отечества и наконецъ имѣла утѣшеніе дожить до того времени, когда скипетръ французскій возвращенъ былъ роду Бурбоновъ. Затѣмъ вскорѣ скончалась въ С.-Петербургѣ, 22 іюня 1814 („Сѣверная Почта" 1814, № 52). Тѣло ея отвезено во Францію. Была ревностною католичкою и дѣятельнымъ агентомъ католической пропаганды въ С.-Петербургѣ въ царствованіе императора Павла. Жила у графини Варвары Николаевны Головиной, рожденной княжны Голицыной (род. 1766, ум. 1821), съ которою была весьма дружна и которую вмѣстѣ съ дочерьми обратила въ католическую вѣру.

63) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Николаевна Лопухина, вторая супруга князя Петра Васильевича, дочь генералъ-поручика и св. Анны кавалера, Николая Лаврентьевича Шетнева и супруги его,... рожденной Матюшкиной,—род. 1763. Г. Матюшкинъ, досадуя на свою единственную дочь, вышедшую безъ благословенія родителей за Шетнева, отдалъ своему другу, графу Петру Ивановичу Панину въ наслѣдство имѣніе, изъ 3000 душъ состоявшее.

По смерти Матюшкина, графъ Петръ Ивановичъ объявилъ себя опекуномъ малолѣтней, осиротѣвшей его внуки, а потомъ, выдавъ ее за Петра Васильевича Лопухина, возвратилъ ей имѣніе (Бантышъ-Каменскій, біографія графа Петра Ивановича Панина, въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1834, августъ, Т. V).

Въ день коронаціи Павла, 5 апрѣля 1797, пожалована орденомъ св. Екатерины меньшаго креста. Въ статсъ-дамы 6 сентября 1798. 1826, августа 22 получила орденъ св. Екатерины 1-й ст. Умерла въ С.-Петербургѣ, 16 сентября 1839 г. на 76 году, и погребена въ селѣ Красный Яръ (Псковской губ. Порховскаго уѣзда). Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ род. 1744, ум. 6 апрѣля 1827, 82 лѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРХИВЪ

КНЯЗЯ М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО,

(1745—1813)

нынѣ принадлежащій правнуку его Ѳ. К. Опочинину.

III*).

ПИСЬМА М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА КЪ ЖЕНѢ.

1800—1808.

1800 г.

Понедѣльникъ поутру, 29**). Я ѣду встрѣчать короля, однакоже думаю не прежде Михайлова дни. Спектакли при немъ будутъ въ эрмитажѣ первымъ двумъ классамъ; а прежде ѣду; будетъ ли имъ входъ—еще неизвѣстно. Въ четвергъ вѣрно будетъ... Будетъ одинъ большой маскерадъ для дворянства и купечества, благороднымъ всѣмъ быть въ розовомъ, а не инако. Заблаговременно увѣдомляю, для того, что сказываютъ будетъ розовое очень дорого и мнѣ домину розовую надобно будетъ; одинъ балъ въ робахъ; да балы у великихъ князей въ другомъ платьѣ.

*) «Русская Старина» 1870 г. изд. перв. т. I, стр. 249 и 325; изд. второе стр. 483; т. II, стр. 498—514. Въ послѣдней серіи писемъ Кутузова вкралась опечатка: на стр. 501, строка 1-я сверху напечатано: «о не главномъ», читай: «о печальномъ». Ред.

**) Въ августѣ 1796 года Кутузову поручено было встрѣтить на границѣ молодого короля шведскаго, находиться при немъ во время пребыванія въ Петербургѣ и проводить обратно до предѣловъ Швеціи; порученіе важное по причинѣ холодности возникшей между обоими дворами, требовавшее тонкости въ обращеніи, которою отличался Кутузовъ. Въ 1800 году, къ которому, какъ кажется, должно быть отнесено настоящее письмо, — таковое же порученіе вновь возложено на Кутузова и на этотъ разъ оно требовало еще болѣе тонкости, такъ какъ императоръ Павелъ негодовалъ на Густава-Адольфа. Ред.

1803 г. *).

29 марта, Кіевъ....... Здѣсь такая скука, что я не удивляюсь, что многіе идутъ въ монахи. Все равно жить, что въ монастырѣ, что здѣсь въ городѣ....

28 іюля, Горошки.......... У меня рожь и пшеницу всю сжали. Я живу довольно уединенно. У меня молодой человѣкъ, Ергольской, который, ежели не заставишь, двухъ словъ не скажетъ, да одинъ нѣмецъ ученой, который иногда очень много говоритъ....

4 августа, Горошки...... Новымъ экономомъ я понынѣ очень доволенъ; онъ профессоръ; но дай Богъ, чтобы у него было хотя на половину честности противу его ума. А дуракъ и половины не сдѣлаетъ того, что бы можно было сдѣлать. Я три недѣли, и больше, никуда изъ своихъ границъ не выѣзжалъ, и завтра ѣду въ одинъ фольваркъ, за 25 верстъ, гдѣ еще не бывалъ. Хлѣбъ сняли, то есть рожь и пшеницу. Урожай хорошъ, пшеница въ десять разъ родилась, а рожь поменьше, — обманули въ посѣвѣ, — меньше было засѣяно, нежели показали, не то раскрали мужики у эконома. Какъ хлѣбъ весь снимутъ, то приняться надобно за строенія; нѣту ни винницы порядочной, ни одной пивоварни, — что здѣсь важный пунктъ, особливо въ Райгородкѣ. Винокурня будетъ порядочная на восемь котловъ; да надобно много пристроить въ Райгородкѣ для жидовъ. Вотъ мои упражненія.....

23 сентября, Горошки...... Я здоровъ, но грустенъ. Новая бѣда

---

*) 18 іюня 1801 г. Михаилъ Иларіоновичъ наименованъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, вмѣсто графа фонъ-деръ-Палена, и инспекторомъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи. Недолго занималъ онъ эту должность: 29 августа 1802 года его уволили по прошенію. Конецъ этого года, а также 1803 и 1804 гг. Кутузовъ занимается устройствомъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ по имѣніямъ. Въ Волынской губ., у него было имѣніе «Райгородокъ» и «Горошки»; тяжебныя по поводу ихъ дѣла, какъ видно изъ нѣкоторыхъ писемъ Кутузова (нами опущенныхъ), много его безпокоили. Между прочими хозяйственными распоряженіями Мих. Илар. — можно упомянуть о занимавшемъ его въ то время устройствѣ селитряннаго завода, также о продажѣ пеньки, льна, поташа. «Много очень можно бы завести по экономіи но боюсь, — пишетъ Михаилъ Иларіоновичъ отъ 19 апрѣля 1803 г., — что мало время мнѣ будетъ»... Здоровье Кутузова во все это время было хорошо, но онъ жалуется, на то, что «крѣпокъ на лѣвое ухо, иногда худо слышу» (27 апрѣля 1803 г.). «Объ деньгахъ очень забочусь и право объ васъ думаю — пишетъ Кутузовъ въ томъ же письмѣ: слышалъ я, что продается какая-то книга въ Петербургѣ объ водяныхъ коммуникаціяхъ. Сдѣлай милость пришли, мнѣ здѣсь очень нужно, для того, что думаю весьма объ коммерціи».... Кутузовъ завелъ пивоваренный заводъ, устроилъ продажу лѣса и проч. Ред.

у меня сдѣлалась,—вотъ какая: на мѣсто Андреяна, который умеръ, нанялъ я вольнаго, который третьяго дни бѣжалъ какъ я былъ на полѣ, искустно отворилъ ларчикъ и вынулъ всѣ червонцы, которые недавно я получилъ отъ жида за поташъ, и только хотѣлъ размѣнять и шесть тысячъ отправить по первой почтѣ въ Петербургъ. Всѣхъ было 2200 черв. Черезъ двадцать часовъ, не прежде, попали на его слѣдъ. Онъ побѣжалъ чрезъ Житомиръ къ Бердичеву, какъ видно, къ цесарской границѣ. Нѣсколько часовъ потеряли, и оттого, что я пріѣхавъ, тотчасъ посмотрѣлъ на ларчикъ и нашелъ его замкнутый и на томъ же мѣстѣ, и никакъ не подумалъ; и много спустя времени, уже вздумалъ отправить за нимъ въ Житомиръ. Часовъ черезъ двадцать пріѣхалъ мой посланный, Ергольской, и узнали тотчасъ, что онъ удалился на наемномъ извощикѣ въ Бердичевъ. Ергольской поѣхалъ тотчасъ съ исправникомъ и съ повелѣніями отъ губернатора, вслѣдъ за нимъ, до границы. Можетъ быть Богъ дастъ и поймаютъ. Но мнѣ очень грустно. Что мнѣ за несчастія пошли! Ежели не отыщутъ, то долженъ думать какъ занять, чтобы послать въ Петербургъ *).

20 октября, Житомиръ. Я, мой другъ, получилъ твое послѣднее письмо, въ которомъ ты пишешь объ отставкѣ Державина и объ тѣхъ слухахъ, что Розенберга переводятъ въ Крымъ бытто (будто). Я вздумалъ, что очень бы не худо было ежели бы случилось, чтобы меня опредѣлили на мѣсто Розенберга, это мѣсто или въ Кіевѣ было бы очень ловко для моего хозяйства. Будучи такъ близко отъ деревни, можно бы было всякой годъ умножать доходы конечно, а за глазами Богъ знаетъ какъ будетъ, когда и теперь въ глазахъ гдѣ можно обмануть. Но обо всемъ можно услышать и все предохранить будучи близко; я бы объ этомъ тотчасъ написалъ, но Богъ знаетъ къ кому попасть, особливо же угодно ли будетъ великому князю, для того что тутъ его инспекція. Ежели, мой другъ, увидишь Волконскаго, или Уварова, то можно бы объ этомъ и намекнуть...

7 декабря, Горошки. Я теперь, мой другъ, съ перваго декабря долженъ затвориться на цѣлый мѣсяцъ въ Горошкахъ для окончанія дѣлъ съ управителемъ. Во многихъ пунктахъ споры. Я теперь уже гораздо больше въ экономіи знаю, нежели вѣдалъ въ августѣ мѣсяцѣ. Многіе артикулы дохода мнѣ стали извѣстны, которые упра-

*) Въ слѣдующихъ письмахъ Кутузовъ неоднократно возвращается къ продѣлкѣ мошенника, похитившаго у него «безъ малаго 10,000 р.», которые и недѣли не пролежали въ шкатулкѣ Михаила Илларіоновича. Обращаясь къ своимъ домашнимъ, онъ пишетъ: «Фердинанда (Ѳедора Тизенгаузена) благодарю за письмо и прощаю за лѣнь, для того, что я и самъ не очень прилежный человѣкъ, пусть и онъ лѣнится»... (30 сентября, Житомиръ). Ред.

витель гнетъ въ другую сторону..... Мужики русскіе прислали на управителя привеликую жалобу, что ихъ утѣсняетъ управитель, по которой я однако же ничего не сдѣлалъ, а привезу съ собою. Какъ ты хочешь. И всѣ русскіе мужики желаютъ имѣть управителемъ Тяленкова, который прежде управлялъ на дальней дачѣ, и онъ, сказываютъ, дѣйствительно добрый человѣкъ...

30 декабря. Житомиръ.... Сейчасъ ѣду въ Горошки... и беру съ собою одного торговца лѣснаго. Можетъ быть рѣшусь готовить корабельный лѣсъ. Ежели хотя мало увижу надежды, ежели это предпріятіе удастся, то, черезъ года два, вѣрныхъ получать можно прибыли по 10,000 черв. въ годъ, съ одного сего артикула.....

1804 г.

1-го января, Горошки....... Кондиціи на лѣсъ не авантажны; надобно хотя въ отсутствіе мое что-нибудь рисковать и отправлять корабельный лѣсъ. Поташа часть надѣюсь продать скоро. Я теперь отъ обѣдни. Во все время моего здѣсь житья дѣлали новый иконостасъ. Не дуренъ, но еще не совсѣмъ однакоже служатъ въ церкви. Только ризы, пребѣдныя. Надобно бы прислать когда-нибудь....

7-го января, Горошки.... Много очень споровъ съ управителемъ и много уже было ссоры, но надѣюсь, что въ такомъ порядкѣ все оставлю, что далѣе не обманетъ какъ то, что я на обманъ отдаю...

10 марта, Горошки.... Съ государемъ кажется нѣтъ недоразумѣнія объ моемъ отпускѣ, для того, что я ему при прощаньи доложилъ, что не знаю какъ скоро нужды исправлю.

Забылъ тебѣ сказать, что я дорогою заѣзжалъ къ брату Се: Лар: *) и, по несчастію, нашелъ его, кромѣ что тихъ, въ прежнемъ состояніи; много очень говорилъ о трубѣ и просилъ меня отъ этого несчастія его избавить, и разсердился, когда ему сталъ говорить, что этакой трубы нѣту. Я по экономіи въ хлопотахъ. Хлѣбъ прошлаго года не родился и въ нѣкоторыхъ деревняхъ выдохъ скотъ; а это надобно поправлять деньгами...

13-го марта, Горошки...... Я, слава Богу, здоровъ, но въ хлопотахъ по хозяйству. Кромѣ того что расправъ, зима пресильная, долженъ многимъ мужикамъ давать солому, сѣно, хлѣбъ, и сегодня 5 градусовъ и превеликой снѣгъ, что ничего нельзя въ лѣсу работать...

31-го марта, Горошки.... Письма твои, мой другъ, получилъ. Напрасно, мой другъ, меня бранишь, и когда въ хлопотахъ, въ досадѣ, не такъ мысли расположены, чтобы хорошо было писать къ ближ-

*) Семенъ Иларіоновичъ, маіоръ, единственный братъ Михаила Иларіоновича. Ред.

нимъ, и когда и занеможется такъ, что несможешь писать; а что касается до денегъ, то пересылаю и пересылать буду. Къ выѣзду твоему на выкупъ вещей нѣсколько помогу.......

22-го мая, Горошки. Я, мой другъ, готовлюсь тебя принять и не знаю съ чего ты думаешь, что я не хочу, чтобы ты пріѣхала...

26-го мая, Горошки. Послѣднее письмо твое, мой другъ,... получилъ; только пеняю для чего не пишите о балонѣ, кто леталъ и какъ? Узналъ потому, что къ Александрѣ пишутъ...... Погода эти дни хотя изрядная, но не жаркая, и двѣ недѣли было безъ дождя. Вчерась ночью только прошелъ хорошій, и яровое поправится, особливо мой канжутъ, или сезамъ, масличныя сѣмена, которымъ я очень занимаюсь, для того, что сѣется оно въ Индіи и въ Египтѣ. Такъ какъ я здѣсь совсѣмъ безъ компаніи, то бываетъ по вечерамъ очень скучно и множество хлопотъ съ сосѣдями и съ тѣми, которымъ отдаю на аренду...

8-го іюня, Горошки.... Болѣзнь моя, думаю, отъ досады, видя какъ меня безбожно обкрадывали. Экономовъ почти всѣхъ надобно перемѣнить и, ей Богу, нестанетъ мнѣ время всего сдѣлать, что надобно. За новымъ экономомъ надобно хотя нѣсколько времени самому посмотрѣть....

11-го августа, Горошки..... Сдѣлалось у меня маленькое несчастіе: Райгородокъ, который, какъ ты помнишь, третьяго года горѣлъ и только что нынѣшнею весною выстроился, сгорѣлъ опять на прошлой недѣлѣ. Выгорѣло, сгорѣло 45 жидовскихъ корчмъ и до ста лавокъ. Жидъ топилъ сало и выкинуло изъ трубы. Это великая разстройка во всей экономіи. Вмѣсто того, чтобы его увеличить, какъ я думалъ, должно заботиться только, чтобы обстроить погорѣлыхъ и оставить многія строенія нужныя по всей экономіи. Вѣтеръ былъ такой сильный, что не успѣли бѣдные вытащить ничего. Многіе безъ рубашекъ остались....

28-го октября, Житомиръ..... Посылаю два колечка Варвары мученицы. Меньшое—отошли къ княгинѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ Волконской. Обѣщалъ ей при отъѣздѣ, а большое—Авдотьѣ.

Катенька и Дашенька, мои друзья, здравствуйте. Посылаю Авдотьѣ колечко Варвары мученицы, которое давно ей обѣщалъ....

4-го ноября, Житомиръ. Управитель мой дѣлаетъ все очень проворно, однакоже кажется не упуститъ и своего. Можетъ быть я его напрасно подозрѣваю. Признаться должно, что онъ принялъ на собственный счетъ и проворство тысячъ пять рублей, которые онъ точно головою выработать долженъ. Въ годъ—мѣста, какъ войдетъ

все въ порядокъ, то кажется (безъ особливаго несчастія) должно имѣть, безъ малова, до сорока тысячъ доходу.....

Катенька и Дашенька, здравствуйте. Непомню послалъ ли я кольцы Варвары мученицы, изъ которыхъ одно Авдотьѣ?......

10-го ноября, Житомиръ.... Вѣрющее письмо объ рекрутахъ, думаю, пришлю. Только былъ указъ, чтобы за русскія деревни поляковъ неотдавать. Не знаю, въ силѣ ли этотъ указъ въ Петербургѣ; но точно есть при Павлѣ имп....

17-го ноября, Житомиръ. Посылаю, мой другъ, 1000 р., и еще сколько могу, присылать буду до отъѣзда своего. Скучно работать и поправлять экономію, когда вижу, что состояніе такъ разстроено; иногда, ей Богу, изъ отчаянія хочется все бросить и отдаться на волю Божію. Видя же себя уже въ такихъ лѣтахъ и здоровье, что другова имѣнія не наживу, боюсь проводить дни старости въ бѣдности и нуждѣ, а всѣ труды и опасности молодыхъ лѣтъ, и раны, видѣть потерянными; и эта скучная мысль отвлекаетъ меня отъ всего и дѣлаетъ неспособнымъ. Какъ нибудь надобно, хотя на время, себѣ помочь: посмотрю, что можно будетъ сдѣлать на контрактахъ въ Кіевѣ.....

1805 *).

31-го августа, Радзивиловъ. На силу, мой другъ, доѣхалъ сегодня только до границы. Прескверная дорога была отъ самаго Петербурга.... Сегодня въ ночь пускаюсь въ дорогу за границу и скоро надѣюсь войски догнать....

9-го октября, Врунау (Браунау). Меня, мой другъ, извини, что рѣдко иногда пишу. Право хлопотно. Всѣмъ моимъ любезнымъ дѣтямъ и внучатамъ кланяйся. Боже ихъ благослови **).

30-го ноября, въ Венгріи. Пользуясь отъѣздомъ князя Волконскаго, скажу тебѣ, мой другъ, что я, слава Богу, здоровъ. Къ Лизанькѣ принужденъ былъ послать Опочинина, чтобы отвезти ее въ Россію. Письмо, здѣсь прилагаемое къ графу Ивану Андреевичу

---

*) Въ 1805 г., при объявленіи войны съ Франціей—генералу отъ инфантеріи Кутузову ввѣрена 50 т. армія, назначенная дѣйствовать въ союзѣ съ австрійцами. 13 августа войско выступило для соединенія съ австрійцами.

Ред.

**) Кутузову дѣйствительно приходилось «хлопотно» въ это тяжкое время. Ему первому изъ русскихъ главнокомандующихъ пришлось извѣдать борьбу съ Наполеономъ. Между тѣмъ, при самомъ ея началѣ, союзники русскихъ—австрійцы были разбиты 7 октября; ихъ военачальникъ Маккъ положилъ подъ Ульмомъ оружіе. Именно въ Браунау, на баварской границѣ, Кутузову довелось получить объ этомъ извѣстіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ узналъ, что Наполеонъ готовится напасть и на него. Три дня спустя, послѣ приведеннаго выше письма,

Тизенгаузену, вели ему доставить съ осторожностію. Ты слышала конечно объ нашихъ несчастіяхъ. Могу тебѣ сказать въ утѣшеніе, что я себя не обвиняю ни въ чемъ, хотя я къ себѣ очень строгъ. Богъ дастъ увидимся; этотъ меня никогда неоставлялъ *).

3 декабря, Фрейштадтъ, въ Венгріи. Я нахожусь, мой другъ, на походѣ къ Россіи; чрезъ нѣсколько дней буду въ Офенѣ и Пестѣ. Я славу Богу здоровъ довольно, но съ тѣхъ поръ какъ сталъ ночью раздѣваться, почувствовалъ припадки, которыхъ въ жестокихъ трудахъ не чувствовалъ и всѣ кости болятъ. Опочинина послалъ къ Лизенькѣ, чтобы ее отвезти въ Россію; она была по послѣднимъ извѣстіямъ въ Тешенѣ, но отъ Опочинина не имѣю еще извѣстія.....

25-го декабря, Кашау, въ Венгріи. Князь Багратіонъ отправляется въ Петербургъ и просилъ письма. Завтра поѣдетъ фельдъегерь, который его конечно объѣдетъ, и съ тѣмъ буду писать. Не знаю, мой другъ, какъ ты сладишь съ бѣдной Лизинькой **)? Ей здѣсь не сказали объ кончинѣ Фердинанда ***). Дай Богъ ей и тебѣ силу. Около 15-го января буду я съ арміей на границѣ, въ Радзивиловѣ...

Я, слава Богу, здоровъ и опять началъ къ рукѣ прикладывать англійскую мазь. Во всю кампанію не до того было.

1806 г.

15-го января. Броды, за семь верстъ отъ границы. Я третьяго дни пришелъ въ Броды. Нѣкоторые мои полки уже вступили въ границу, а другіе—еще за сто верстъ. Я день за день от-

---

именно 12 октября, Кутузовъ началъ знаменитое въ военной исторіи отступленіе на соединеніе съ остальными войсками ему ввѣренными, которыя только-что входили въ Моравію; 30 октября Кутузовъ разбилъ при Кремсѣ—Мортье (см. относящіеся къ этой эпохѣ письма австрійскаго императора Франца I къ Кутузову, Русская Старина 1870 г. т. I, стр. 325—344 и рескриптъ императора Александра I къ Кутузову за побѣду при Кремсѣ (Русск. Стар. 1870 г. т. I изд. первое, стр. 257; изд. второе, стр. 488—489). Ред.

*) Это письмо отправлено десять дней спустя послѣ аустерлицкаго пораженія, которое нанесъ Наполеонъ тремъ союзнымъ монархамъ. Кутузовъ, какъ извѣстно, невиненъ въ этой битвѣ, весь позоръ ея падаетъ на австрійцевъ. При самомъ началѣ боя—Кутузовъ былъ раненъ въ лицо. Зять его, гр. Θедоръ Ивановичъ Тизенгаузенъ, флигель-адъютантъ, былъ смертельно раненъ, послѣ чего и умеръ. Объ этой-то потери Кутузовъ поручаетъ сообщить вѣсть отцу молодого графа, оберъ-гофмейстеру графу Ивану Андреевичу Тизенгаузену († 1815 г.). Ред.

**) Графиня Елисавета Михайловна Тизенгаузенъ.

***) То-есть мужа ея, графа Θедора Ивановича. Ред.

кладываю переѣхать границу, какъ бидто боюсь уничтожиться. Государь приказалъ, до полученія росписанія, расположиться близко границы. Не знаю на долго-ли; нѣсколько дней подожду; а послѣ напишу письмо и буду проситься въ Петербургъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это было безъ просьбы, а то скажутъ, или подумаютъ, что я напрашиваюсь на совѣты, или хочу быть во дворцѣ. Однакоже нѣсколько дней бы мнѣ и безъ того не можно было отъѣхать. Много дѣлъ, которыя по арміи должно кончить при себѣ.....

28-го ноября, Кіевъ.... Хлопоты мнѣ прибыли съ полками и это меня очень занимаетъ; одного Принца ладить съ комендантомъ уже трудно. . . . . Денегъ жду всякій день и не могу дождаться; повѣрь, что мнѣ это тяжело. Теперь такая глухая пора, что ничего продать невозможно и нѣсколько (денегъ) вѣрно получу скоро....

6-го декабря. Кіевъ...... Очень бы хорошо, мой другъ, тебѣ сюда пріѣхать, и для всего бы хорошо; но надобно погодить. Богъ знаетъ что дѣлается.... *).

Въ декабрѣ. Кіевъ. Посылаю, мой другъ, просьбу къ государю объ отпускѣ меня въ Петербургъ. Я бы желалъ, чтобы государь меня самъ позвалъ, это бы было пріятнѣе въ разсужденіи публики, но ежели уже того не дождешься, то проситься, и для того посылаю къ тебѣ просьбу запечатанную къ государю; ежели увидишь, что не позовутъ, то вели отдать черезъ кого-нибудь, хотя черезъ Ливена; копію съ просьбы прилагаю. Мнѣ право нетерпѣливо хочется васъ видѣть.

Двѣ тысячи червонныхъ получилъ я отъ Злотницкаго и тотчасъ отдалъ въ уплату Высковской. Теперь ищу достать другихъ и достану, надѣюсь. Думаю, что государь мнѣ сколько нибудь поможетъ и для того Павлоградскую деревню погодить продавать.........

Лизанька, мой другъ, береги себя. Богъ тебя благослови съ дѣтками.....

12-го декабря. Кіевъ...... Сегодня у меня балъ и первый разъ въ новой залѣ, которая прошлую осень кончена и это мнѣ дѣлаетъ много хлопотъ........

13-го декабря. Кіевъ. Указъ объ милиціи **) по сей день еще

*) За походъ 1805 г. Кутузовъ былъ награжденъ, 24 февраля 1806 г., орд. св. Владиміра первой степени (см. «Русск. Стар.» т. I, изд. первое, стр. 258; изд. второе 489; въ октябрѣ того же года — наименованъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, съ подчиненіемъ и гражданскихъ дѣлъ; на этомъ посту Кутузовъ оставался до апрѣля мѣсяца 1808 г., когда назначенъ въ Молдавію, въ армію, во главѣ которой стоялъ престарѣлый кн. Прозоровской. Кутузовъ былъ сдѣланъ его помощникомъ. Ред.

**) Манифестъ о временномъ ополченіи или «милиціи» въ 612,000, ратниковъ, состоялся 30-го ноября 1806 г. Ред.

здѣсь не получень. Вѣрющее письмо объ отдачѣ въ рекруты изъ дворовыхъ пришлю. Думаю, что тѣ, которые назначены будутъ въ милицію, безъ нужды, не будутъ отдалены отъ семей ихъ; тогда полезно-ли будетъ отдавать изъ дворовыхъ? Но это все надобно видѣть изъ указа. Какъ бы мнѣ, мой другъ, хотѣлось тебя перевезти въ Кіевъ, но надобно еще посмотрѣть, что сдѣлается на границѣ. Здѣсь не очень для меня весело, всѣ печальны и никакъ не развеселишь....

20-го декабря. Кіевъ.... Я, мой другъ, слава Богу, здоровъ, но не могу сказать, что веселъ, — хлопотъ много. Непріятныя извѣстія, которыя вы прежде насъ всегда знаете, дѣлаютъ, что всѣ печальны. Къ чести поляковъ сказать должно, что и они сіе искренно съ нами раздѣляютъ...

26-го декабря. Кіевъ.... Отправляю сегодня курьера къ государю и съ нимъ къ тебѣ 2000 рублей; курьеръ этотъ отъ меня ѣдетъ по провіантскимъ дѣламъ, въ которыя я принужденъ былъ вступиться и многимъ можетъ быть досадилъ. Мы всѣ здоровы, у меня однакожъ послѣ того, какъ болѣли глаза, и теперь часто побаливаютъ. Сейчасъ былъ у меня митрополитъ и тебѣ посылаетъ благословеніе... Чѣмъ кончился дуель Хрептовича?

1807 г.

3-го января. Кіевъ... Мы такъ мало извѣстіевъ (имѣемъ), что въ арміяхъ дѣлается, что изъ Петербурга получили извѣстіе о побѣдѣ; только еще не знаемъ хорошенько, что такое... Есть у тебя въ библіотекѣ сочиненіе митрополита Сестренцевича объ Римѣ и здѣшнихъ мѣстахъ, пришли пожалуйста поскорѣе.

10-го января. Кіевъ. Вчерась, мой другъ, въ вечеру получилъ твое письмо чрезъ Ергольскую, которой еще не видалъ для того, что не былъ еще у Браницкой, къ которой сегодня поѣду; не знаю какъ мы съ нею будемъ, а я до ее не охотникъ. Я, слава Богу, здоровъ и не могу надивиться всѣмъ чудесамъ Каменскаго. Ежели все правда, что ко мнѣ изъ арміи пишутъ, надобно быть совсѣмъ сумасшедшему *). Письма мои изъ арміи отъ 3 января и послѣ побѣды при Пултускѣ и чего не было только, что отошли наши назадъ на два большихъ марша. Только и французы отъ нихъ далеко....

---

*) Кутузовъ говоритъ объ извѣстныхъ сумасбродствахъ фельдмаршала гр. Михаила Θедотовича Каменскаго, которому въ ноябрѣ 1806 г. ввѣрено было начальство надъ западною арміею. 7 декабря Каменскій пріѣхалъ въ Пултускъ, въ дѣйствующію армію, и послѣ нѣсколькихъ странныхъ распоряженій, самовольн обросилъ свой постъ. Ред.

5-го февраля. Кіевъ... Мы получили извѣстіе объ побѣдѣ надъ Бонапартіемъ *). Дай Богъ. Я нынѣча себя узналъ, что независтливъ...

11-го февраля. Кіевъ....... Сегодня пришла изъ Петербурга реляція объ баталіи при Прейшъ-Эйлау. Это хорошо, но жаль, что Бенигсенъ стоитъ послѣ баталіи въ Кенигсбергѣ и безъ сообщенія съ Эссеномъ; но думаю, что скоро это поправится. Безъ сомнѣнія уже послѣ 27-го числа дѣло было. Бонапарте не можетъ съ бѣшенства чего-нибудь не предпріять. Изъ Эссенова корпуса всѣ генералы ко мнѣ пишутъ, что Николай Захарьевичъ**) во всѣхъ дѣлахъ, которыя только были, чрезвычайно отличается, и вотъ рапортъ отъ генерала Гежицкаго, объ одномъ маленькомъ дѣлѣ, гдѣ былъ Николай. Покажи это Аннушкѣ; пусть не сердится за слово отчаянная храбрость. Это оттого, что писать не умѣетъ. Пришли пожалуйста нѣсколько сткляночекъ того спирту, что курятъ глаза pour la fumigation. Пока только и не болитъ глазъ, пока курю.....***).

20-го февраля. Кіевъ....... Ты пишешь, что надѣемся сладить съ Шведами, это мнѣ вѣроятно, потому что Штедингъ еще не уѣхалъ, да только какъ защитимъ ихъ другія гавани, кромѣ финляндскихъ, отъ англичанъ, Карлскронъ, Штокгольмъ и протчее; притомъ думаю, что ежели Шпрингъ-Портенъ поѣхалъ въ Финляндію, то не о томъ уже только идетъ дѣло, чтобы признать Бонапарта, а ежели объ Финляндіи, то труднѣе кончить безъ войны.....

18-го марта. Кіевъ....... Прозоровской здѣсь живетъ очень смирно и со мною ему не за что поссориться, и часто видаемся, пишемъ съ утра до вечера и много напрасно. Говоритъ много и слава Богу, что не заставляетъ другихъ говорить, для того, что очень глухъ. Бенингсонова армія остановилась, по послѣднимъ извѣстіямъ, пройдя треть дороги отъ Кенигсберга къ Торуни, для того, что французы остановились у Остерроде. Эссеновъ корпусъ отдыхаетъ. Были отъ Бонапарте прокламаціи, что перейдетъ за Вислу, и второе, что оставляетъ Польшу. Первое для того, чтобы усыпить армію нашу, а второе, чтобы усыпить кабинеты, и ни того ни другого не дѣлаетъ. Въ Молдавіи заботятся объ Измаилѣ. Въ Дунай уже пошла флотилія наша.....

25-го марта. Кіевъ. Покойной Авдотьѣ Ильиничнѣ дай Богъ вѣчную память. Хотя и говорятъ, что смерть причину найдетъ, но она бѣдная очевидно умерла отъ грибовъ. Правда, что я очень толстѣю. Вѣроятно-ли, что тѣ кафтаны, которые сшиты въ Петербургѣ

---

*) Побѣда 27 января 1807 г. Беннигсена надъ Наполеономъ подъ Прейсишъ-Эйлау. Ред.

**) Хитровъ, зять Михаила Илларіоновича. Ред.

***) Конецъ письма утраченъ. Ред.

послѣдній разъ, всѣ не сходятся пальца на три. Что-то будетъ какъ установится время. Садъ здѣсь въ домѣ превеликолѣпный, буду себя принуждать ходить и верхомъ ѣздить, а теперь еще рѣдко хорошее время, холодно; хотя въ саду и совсѣмъ сухо... Сегодня Благовѣщенье. Здѣсь нельзя обѣдни прогулять; былъ въ братскомъ монастырѣ и пріѣхалъ домой въ два часа ночью. Пора итти...

1-го апрѣля, Кіевъ. Денегъ, мой другъ, на будущей почтѣ къ тебѣ пришлю, на этой не успѣлъ. Однакоже это не первое апрѣля. Мы въ ожиданіи извѣстіевъ изъ арміи, въ великомъ нетерпѣніи. Вѣдая государя уже при арміи*), это нетерпѣніе умножается; между тѣмъ французскіе корпусы безпрестанно взадъ и впередъ ходятъ, это доказываетъ или великое намѣреніе, или невѣрность въ своемъ положеніи.......

10-го апрѣля, Кіевъ....... Александра Васильевна Браницкая все здѣсь живетъ. Мы съ нею въ дружбѣ и я всякій вечеръ у ней, чаю напьюсь дома и не ужинаю, стало неубыточенъ и можно меня хорошо принимать; только мнѣ съ нею очень весело... Балетъ превеликій, а танцуютъ все такъ, какъ танцовала Сантина, — на тотъ манеръ; и всего лучше будетъ на время, переучитъ всѣхъ. Прости, мой другъ, спѣшу въ церковь.

Кольцы съ мощей Варвары мученицы посылаю.

29-го апрѣля. Кіевъ. Я хожу всякій день поутру по цѣлому часу пѣшкомъ по саду, этимъ хочу лечиться отъ толщины. Въ саду столько соловьевъ, что я и въ Горошкахъ больше не слыхивалъ; для ихъ нарочно держутъ муравьевъ съ яйцами. Погода теперь прекрасная и всѣ фруктовыя деревья цвѣтутъ. Хлѣбы вездѣ хороши, только бѣда, что подводъ много надобно посылать съ провіантомъ къ арміи въ рабочую пору.....

5-го мая. Кіевъ.... У васъ, я чаю, уже извѣстно, что австрійская императрица умерла? Что-то это произведетъ за дѣйствіе въ политикѣ....

16-го декабря. Кіевъ.... Я нѣсколько опечаленъ: Лошаковъ, генералъ, что былъ подъ судомъ, разжалованъ въ солдаты; это было по моему представленію еще изъ Австріи**).

---

*) Государь прибылъ въ Мемель 20 марта 1807 г., а въ главную квартиру арміи въ Бартенштейнъ, гдѣ она находилась, 5 апрѣля. Ред.

**) Генералъ-маіоръ Лошаковъ, шефъ галицкаго полка, разжалованъ въ солдаты «за то, что безъ спроса и позволенія уѣхалъ послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ въ вагенбургъ и потомъ въ Лембергъ». Ред.

1808.

18-го марта. Кіевъ.... Я теперь въ хлопотахъ; снаряжаю двѣ дивизіи въ походъ и много трудностей. Къ Прозоровскому послалъ Бибикова, котораго возвращенія ожидаю; мнѣ бы надобно самому скоро и ѣхать, но заботы здѣшнія задерживаютъ; а ты въ Петербургѣ, ежели кто спроситъ, то сказывай, что думаешь, что я уже уѣхалъ; тамъ не расчитываютъ время, не почтутъ что на многое надобно дождаться разрѣшенія отъ Прозоровскаго, а это не руку подать....

29-го марта. Кіевъ. Я не могъ никакъ по сю пору выѣхать отъ(сюда) должно было получить отвѣтъ на все отъ К. Прозоровскаго; въ письмахъ весьма ласковъ. Объ Антонѣ Яковлевичѣ писалъ я къ Опочинину, что я ему ничего теперь сказать не могу: я не главнокомандующій, и надобно, пріѣхавъ въ Яссы, увидѣть, есть-ли способъ быть ему тамъ съ пріятностію; а мнѣ бы очень его хотѣлось имѣть съ собою. Родофиникина при арміи нѣту, онъ за Дунаемъ съ сербами.... Деньги пришлю по будущей почтѣ; дня черезъ три хочу выѣхать въ Яссы....

Есть указъ, чтобы всѣхъ адъютантовъ, которые родня, отпустить въ полки. Не знаю, что дѣлать съ Бибиковымъ. Письмо къ Волконскому доставь пожалуйста.

4-го апрѣля, Кіевъ. Я, мой другъ, отъѣжаю, изъ Кіева.... такъ засуеченъ, что голова не на мѣстѣ и дорога такая, что не знаю какъ доѣхать; снѣга превеликіе и съ вчерашняго дня зачалась оттепель. Ѣду черезъ Бѣлую-Церковь, гдѣ у Браницкаго остановлюсь на сутки.... Сегодня страшная суббота; отслужу свечера заутреню, а завтра, какъ свѣтъ, поѣду. Посылаю леванскаго кофію, прекраснаго, да ноты Катенькѣ. Есть въ Харковѣ музыкантъ Вичиковскій, который здѣсь давалъ въ контракты концертъ и Катенькѣ, какъ великой музыкантшѣ, посылаетъ свои сочиненія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕРТА КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Настоящій разсказъ сообщенъ изъ города Владиміра. Такъ какъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ передаваемомъ событіи является князь А. А. Суворовъ-Рымникскій, то мы обратились къ князю съ просьбою разсказать нѣкоторыя подробности. Его свѣтлость кн. А. А. весьма обязательно исполнилъ нашу просьбу и мы записали съ его словъ нижеслѣдующій эпизодъ изъ жизни покойнаго Государя Императора. Ред.

Въ 1828 году, наканунѣ взятія крѣпости Варны, на сѣверномъ берегу лагеря графа Воронцова (впослѣдствіи князя) шли переговоры между нашими уполномоченными и турецкими. Начальники войскъ и жители города рѣшились сдаться, но капитанъ-паша заперся въ цитадели и хотѣлъ еще держаться. Государь имѣлъ тогда свое пребываніе на кораблѣ „Парижъ". Къ нему явился статсъ-секретарь Дашковъ съ донесеніемъ, что турецкое начальство объявило, что несмотря на всѣ предосторожности, принятыя нашими войсками на южномъ берегу, каждую ночь изготовляютъ въ Варнѣ челнокъ изъ тростника, и на немъ отправляется черезъ лиманъ нарочный, который, пробираясь лѣсами, переноситъ депеши къ турецкому генералу Омеръ-Вріону и отъ него доставляетъ отвѣты.

Цѣль Омеръ-Вріона была освободить Варну. Противъ него стоялъ генералъ-адъютантъ Бистромъ съ тремя полками 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; подъ его же начальствомъ и позади его, у самаго лимана, стояли два отряда подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Головина и генералъ-маіора Акинфіева.

Статсъ-секретарь Дашковъ донесъ Государю, со словъ начальниковъ войскъ турецкаго гарнизона въ Варнѣ, что главнымъ препятствіемъ къ сдачѣ крѣпости на другой день будетъ служить сообщеніе капитанъ-паши съ Омеръ-Вріономъ посредствомъ челнока и что въ случаѣ, если посланный изъ Варны достигнетъ своей цѣли, т.-е. передастъ письмо Омеръ-Вріону, то этотъ турецкій генералъ бросится всѣми силами на отрядъ генералъ-адъютанта Бистрома и постарается соединиться съ варнинскимъ гарнизономъ,

Выслушавши столь важное донесеніе статсъ-секретаря Дашкова, Государь Императоръ немедленно отправилъ флигель-адъютанта князя Суворова на южный берегъ съ приказаніемъ, объѣхать берега лимана и переговоривъ съ генералами Головинымъ и Акинфіевымъ, ѣхать къ Бистрому и остаться при немъ до слѣдующаго утра. Князю Суворову было высочайше повелѣно объявить генералъ-адъютанту Бистрому, что „онъ головою отвѣчаетъ за удержаніе своей позиціи до слѣдующаго дня."

Ночь прошла благополучно. Омеръ-Вріонъ ничего не узналъ изъ Варны и на другой день крѣпость сдалась. Но вотъ что происходило въ палаткѣ Карла Ивановича Бистрома. Слова, переданныя ему княземъ Суворовымъ отъ имени Государя, крайне огорчили старика и во всю ночь не было возможности окружающимъ его успокоить. Карлъ Ивановичъ припоминалъ славную свою боевую службу, что онъ служитъ четвертому царствованію: служилъ Екатеринѣ II, Павлу I, Александру I и служитъ Николаю I и что слова, переданныя ему княземъ Суворовымъ, молодымъ офицеромъ, составляютъ для него, Бистрома, невыносимое оскорбленіе, что его жизнь принадлежитъ Царю, но что до чести его и Царь не можетъ коснуться.

Послѣ долгихъ объясненій, Суворовъ вышелъ изъ палатки, надѣясь, что Бистромъ успокоится; но вскорѣ пришелъ за нимъ гвардейской пѣшей артиллеріи полковникъ Статковскій, исправлявшій при немъ должность начальника штаба, и пригласилъ его къ Карлу Ивановичу. Вошедши въ палатку, Суворовъ нашелъ Карла Ивановича сидящимъ молчаливо за столомъ, на которомъ лежали бумага, перо и чернила. Здѣсь присутствовали, кромѣ названнаго полковника, генералъ-маіоръ Арбузовъ (команд. л. гв. павловскаго полка) и генералъ-адъютантъ Воропановъ (ком. л.-гв. финляндскаго полка). Карлъ Ивановичъ былъ очень серьезенъ и обращаясь къ Суворову, сказалъ: „Князь! я васъ прошу написать и подписать тѣ слова, которыя вы мнѣ передали отъ имени Государя Императора."

Суворовъ возразилъ, что на это онъ не имѣетъ права, причемъ спросилъ, не сомнѣвается ли его превосходительство въ истинѣ каждаго переданнаго Суворовымъ слова, ибо малѣйшее сомнѣніе въ этомъ случаѣ составило бы для Суворова нестерпимое оскорбленіе.

Карлъ Ивановичъ далъ свое слово, что тутъ нѣтъ и тѣни подозрѣнія.

Полковникъ Статковскій замѣтилъ, что два дня тому назадъ тотъ же посланный отъ Государя, передавая высочайшее повелѣніе начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества барону Дибичу (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому),

имѣлъ долгомъ передать его высокопр—ству тѣже слова, которыя такъ глубоко принималъ нынѣ къ сердцу Карлъ Ивановичъ; что слова тѣ были переданы въ присутствіи его же, Бистрома, и всѣхъ тогда окружавшихъ на позиціи начальника главнаго штаба, а что сегодняшнее порученіе было исполнено въ палаткѣ въ присутствіи только трехъ лицъ, и притомъ самыхъ приближенныхъ его прев—ству.

Бистромъ однако отвергъ всякое сравненіе.

Суворовъ счелъ долгомъ еще разъ объяснить, что высочайшее повелѣніе ему дано въ такую минуту и при столь важныхъ обстоятельствахъ, что, по его мнѣнію, Государь иначе и выразиться не могъ и что если старый и славный слуга четырехъ царствованій и обидѣлся, то милость Царя къ нему слишкомъ извѣстна, чтобы допустить съ его стороны малѣйшее подозрѣніе въ невнимательности Государя къ его славной службѣ и т. д.; но никакія возраженія не помогли. Бистромъ, не возражая ни на что, все твердилъ: „князь, напишите", что наконецъ Суворовъ и исполнилъ.

На другое утро Суворовъ возвратился на корабль „Парижъ." Узнавъ, что Государь находится на сѣверномъ берегу, Суворовъ немедленно явился къ Его Величеству и донесъ какъ объ исполненіи всего даннаго ему порученія, такъ обо всемъ, слово въ слово, происходившемъ въ палаткѣ Бистрома.

Варна сдалась. Государь осмотрѣлъ весь городъ и возвратился на корабль „Парижъ". Нѣсколько минутъ послѣ прибытія Государя на корабль, Суворовъ былъ отправленъ на южный берегъ съ письмомъ къ Бистрому отъ Его Величества. Передавая это письмо, Государь Императоръ прибавилъ: „Скажи Карлу Ивановичу, что я именно потому тебя отправляю къ нему съ этимъ письмомъ, что ты тотъ самый, который передалъ ему тѣ слова, которыя его огорчили". При этомъ незабвенный Государь въ самыхъ милостивыхъ, лестныхъ выраженіяхъ выразилъ свое монаршее „спасибо" Суворову за его совершенную откровенность.

Письмо Императора привело славнаго Бистрома въ восхищеніе: старикъ плакалъ отъ радости, покрылъ письмо поцѣлуями и молился за Царя.

РЫЛѢЕВЪ.

Матеріалы для исторіи русской литературы

1816—1825 гг.

Рылѣевъ принадлежитъ къ числу замѣтныхъ отечественныхъ поэтовъ первой четверти текущаго столѣтія. Произведенія его были помѣщаемы почти во всѣхъ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ и перепечатывались въ журналахъ многіе годы спустя послѣ его смерти.

Не касаясь политической дѣятельности Рылѣева, такъ какъ біографія его напечат. въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1868 г. кн. VI и 1869 г. кн. III,—мы остановимъ вниманіе нашихъ читателей лишь на нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ этого поэта. Дѣлаемъ это въ интересахъ всесторонняго и наиболѣе подробнаго изученія отечественной литературы знаменательнаго въ жизни русскаго общества царствованія Александра I притомъ по весьма уважительному поводу: въ распоряженіе „Русской Старины," какъ мы уже заявляли (Русск. Стар. 1870 г. т. II, стр. 524—526), въ числѣ прочихъ бумагъ литературнаго архива Ѳ. В. Булгарина—поступило довольно значительное собраніе подлинныхъ бумагъ Рылѣева. Сохраненіемъ какъ ихъ, такъ равно и многихъ другихъ немаловажныхъ матеріаловъ,—русская литература обязана покойному Ѳ. В. и его почтеннымъ сыновьямъ Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгаринымъ. Собственно рукописи Рылѣева состоятъ изъ его писемъ, а главное—изъ черновыхъ набросковъ его стихотвореній. Здѣсь, въ самомъ поэтическомъ хаосѣ, нерѣдко съ чудовищно-неразборчивыми помарками, небрежною рукою поэта набросаны—то цѣльныя „Думы", то отрывки изъ нихъ, то отдѣльныя строки и слова—варіанты написаннаго, замѣтки, эпиграммы и прочія мелочи. Просматривая эти бумаги, видишь весь процессъ работы даровитаго писателя... Изъ этихъ произведеній - особенно замѣчательны „Думы" Рылѣева; помимо ихъ литературнаго значенія, онѣ имѣютъ для „Русской Старины" и исто-

рической интересъ: рядъ крупнѣйшихъ русско-историческихъ дѣятелей. каковы: Владиміръ Святой, Мареа Посадница, Іоаннъ III, Артемонъ Матвѣевъ, Яковъ Долгорукій, Петръ Великій, Мазепа, Палѣй, Наталья Долгорукова, Волынскій и друг. одинъ за другимъ являются въ произведеніяхъ Рылѣева. Весьма любопытно при этомъ прослѣдить какою стороною государственной или общественной дѣятельности и какими нравственными качествами—наиболѣе типическіе представители разныхъ эпохъ русской исторіи воздѣйствовали на творческую фантазію поэта.

Разборка и приведеніе въ порядокъ бумагъ Рылѣева представила трудъ немаловажный. По нашей просьбѣ, это дѣло взялъ на себя одинъ изъ сотрудниковъ „Русской Старины“ П. А. Ефремовъ.

Г. Ефремовъ извѣстенъ какъ редакторъ съ замѣчательнѣйшею отчетливостью и полнотою напечатанныхъ собраній сочиненій русскихъ писателей: таковы соч. кн. А. Д. Кантеміра 2 т., изд. 1867—1868 гг., Д. И. фонъ-Визина, изд. 1866 г., В. И. Лукина и Ельчанинова изд. 1868 г., В. И. Майкова, изд. 1867 г. и Лермонтова 2 т., изд. 1862 и 1863 гг. [1]). Въ виду этихъ прекрасно выполненныхъ изданій—мы съ особеннымъ удовольствіемъ воспользовались обязательнымъ вызовомъ П. А. Ефремова разобрать и приготовить къ печати нижеслѣдующіе матеріалы для исторіи русской литературы.

Ред.

I.

ПИСЬМА РЫЛѢЕВА КЪ БУЛГАРИНУ.

I.

Г. Острогожскъ, іюня 20 дня 1821.

Вотъ уже три недѣли, какъ я пирую на Украйнѣ: пью донскія вина и обжираюсь стерлядами; а ты по сіе время не поздравилъ меня съ такимъ благополучіемъ! Ты, будучи самъ однимъ изъ главнѣйшихъ петербургскихъ гастрономовъ, для возбужденія въ своемъ пріятелѣ еще большаго аппетита, не хочешь изъ одной лѣности порадовать меня здѣсь хотя тремя строчками... Но добро-жъ, Сарматъ невѣрный, я отплачу тебѣ и ты не получишь ни сухой стерляди, ни

[1]) Вотъ еще нѣкоторыя изданія П. А. Ефремова: Библіографъ. Сборникъ: Приключеніе короля шведскаго Густава III—сатира В. Петрова. Спб. 1867 г.; Живописецъ—Н. И. Новикова (1772—1773 гг.), изд. 7-е. Спб. 1864 г.; Трутень—Н. И. Новикова (1769—1770 гг.) изд. 3-е. Спб. 1866 г.; Матеріалы для исторіи русской литературы: Опытъ историч. словаря о русск. писат. Новикова и труды по этому предмету: Дмитревскаго, Штелина, Домашнева, Кеппена, Сахарова и друг. Спб. 1867 г. и проч. Ред.

балыка, по возвращеніи моемъ въ Питеръ, если не пришлешь ко мнѣ по крайней мѣрѣ двухъ грамотокъ—сюда, въ мое счастливое уединеніе, гдѣ я такъ доволенъ, такъ блаженствую, что право не хочется и вспоминать о шумной Пальмирѣ Сѣвера...

Давно мнѣ сердце говорило:
Пора, младой пѣвецъ, пора,
Оставивъ шумный градъ Петра,
Летѣть къ своей подругѣ милой,
Чтобъ оживить и духъ унылой,
И смутный сонъ младой души,
На лонѣ нѣги и свободы,
И разцвѣтающей природы,
Прогнать съ заботами въ тиши.
Насталъ желанный часъ—и съ тройкой
Извощикъ ухорской предсталъ;
Залился колокольчикъ звонкой—
И юный другъ твой поскакалъ...
Едва заставу Петрограда
Пѣвецъ унылый миновалъ,
Какъ разлилась въ душѣ отрада,
И я дышать свободнѣй сталъ,
Какъ будто вырвался изъ ада...

—

Теперь я на ярмаркѣ въ городѣ Острогожскѣ, въ которомъ городничимъ Григорій Николаевичъ Глинка, братъ почтеннѣйшаго Ѳедора Николаевича. Я познакомился съ нимъ еще года за два предъ симъ. Тогда онъ былъ вдовъ; но недавно женился въ Москвѣ на одной любезной дѣвицѣ, которая весьма любитъ литературу—и я съ большимъ удовольствіемъ провожу у нихъ время.

Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! – Не знаю чему больше удивляться, тиранству ли Іоанна, или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя—плодъ чтенія девятаго тома:

КУРБСКІЙ.

На камнѣ мшистомъ, въ часъ ночной,
Изъ милой родины изгнанникъ,
Сидѣлъ князь Курбскій, вождь младой,
Въ Литвѣ враждебной грустный странникъ,—
Позоръ и слава русскихъ странъ,
Въ совѣтѣ мудрый, страшный въ брани,
Надежда скорбныхъ россіянъ,
Гроза ливонцевъ, бичъ Казани...

Сидѣлъ—и въ перекатахъ громъ
На небѣ мрачномъ раздавался,
И темный лѣсъ, шумя, кругомъ
Отъ блеска молній освѣщался.
«Далеко родины драгой,
«Далеко отъ подруги милой,—
Сказалъ онъ, покачавъ главой,—
«Я долженъ вѣкъ вести унылой.

«Ужъ болѣ пылкихъ я дружинъ
«Не поведу къ кровавой брани
«И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
«Отъ покорителя Казани!
«До дряхлой старости, влача
«Унылу жизнь въ тиши безславной,
«Не обнажу за Русь меча,
«Гонимъ судьбою своенравной.

«За то, что изнемогъ, отъ ранъ,
«Что въ битвахъ край родной прославилъ,
«Меня неистовый тиранъ
«Бѣжать отечества заставилъ:
«Покинуть сына и жену,
«Покинуть все, что мнѣ священно,
«И въ чуждую уйти страну
«Съ душею, грустью отягченной.

«Въ Литвѣ я нынѣ сталъ вождемъ,
«Но, ахъ! ни почести велики,
«Не веселятъ въ краю чужомъ,
«Ни ласки чуждаго владыки!
«Я все стенаю и грущу,
«И на пирахъ сижу угрюмый
«Чего-то для души ищу
«И часто погружаюсь въ думы...

«И въ хижинѣ и во дворцѣ
«Меня гласъ внутренній тревожитъ
«И мрачность на моемъ лицѣ
«И самое веселье множитъ...
«Увы! всего меня лишилъ
«Тиранъ отечества драгова!
«Сколь жалокъ, рокъ кому судилъ
«Искать въ странѣ чужой покрова!»

К. Рылѣевъ.

Г. Острогожскъ. Іюля 20. 1821.

Если бездѣлка сія будетъ одобрена почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ, то прошу тебя отдать ее Александру Ѳедоро-

вичу въ „Сынъ Отечества“. Прощай. Свидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ добрымъ людямъ, сирѣчь: Н. И. Гнѣдичу, Н. И. Гречу, Барону, также Александру Ѳедоровичу [1]) и проч.... Пиши ко мнѣ на Павловскъ.

Твой другъ К. Рылѣевъ.

II.

С. Подгорная. Августа 8. 1821.

Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ Сѣверную Пальмиру. Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...

Когда отъ русскаго меча
Легли моголы въ прахъ, стеная,
Россію Богъ карать непреставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ, въ странахъ ея обширныхъ,
Повсюду разселилъ,
Чтобы сердца сограждан мирныхъ
Онъ завсегда какъ червь точилъ...

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ— это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды, во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники, въ страшную годину междуцарствія, не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а исправники...

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекаютъ,
Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями напояютъ,
Былъ достояньемъ сихъ враговъ?
Давно-ли крымскіе наѣздники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ и дѣтей и женъ, тягча цѣпями,

---

[1]) Слова: «также Александру Ѳедоровичу» приписаны въ выноскѣ. А. Ѳ. Воейковъ тогда участвовалъ съ Гречемъ въ изданіи «Сына Отечества». П. Е.

Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ,
И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ...
Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

—

Но полно объ этой дряни...

При семъ посылаю нѣсколько моихъ бездѣлокъ. Потрудись показать ихъ почтенному Николаю Ивановичу Гнѣдичу, и если годятся, отдай ихъ Александру Өедоровичу для „Сына Отечества“ [1]).

Прощай, я въ половинѣ сего мѣсяца выѣзжаю, но буду въ Петербургъ не прежде половины сентября, ибо ѣду на своихъ.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ, остаюсь. Твой другъ К. Рылѣевъ.

III.

(Спб. 1825 г. Декабрь).

Любезный Өаддей Венедиктовичъ. Читалъ твое сужденіе о Войнаровскомъ съ чувствомъ. Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отозваться о поэмѣ и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставалъ и вѣрно не перестану любить тебя. Прошу вѣрить этому. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтиться невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей, но по крайней мѣрѣ я не могу, не хочу и не долженъ остаться въ долгу; я долженъ благодарить тебя. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это,—не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что поступокъ мой припишешь человѣку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредитъ мнѣ,— я хочу прочной славы, не даромъ, но за дѣло.

Рылѣевъ.

Слышу, что сужденіе о „Думахъ“ тобою уже написано и что ты ими не совсѣмъ доволенъ, особенно предисловіемъ. Въ такомъ случаѣ

---

[1]) Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. изъ стихотвореній Рылѣева напечатаны: «Курбскій» (№ 29, стр. 129—131), «Святополкъ» № 47, стр. 33—35). «Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу» (№ 50, стр. 175—178). П. Е.

съ Богомъ: печатай и ради Бога ничего не перемѣняй, если не хочешь оскорбить меня"[1]).

Вверху письма написано рукою Булгарина: „Письмо сіе разцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостоинъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать—а я понимаю истинно"—Булгаринъ.

Отвѣтъ на томъ же Рылѣева: „Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаяваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегалъ. Письмо твое и должно остаться у тебя". Рылѣевъ.

„Прежде нежели увидишь меня, поговори съ Александромъ Бестужевымъ: онъ можетъ быть сегодня будетъ у тебя".

—

Примѣч. Приведенное въ первомъ письмѣ стихотвореніе „Курбскій" было напечатано въ изданіи „Думъ" (М. 1825, стр. 85—89), съ слѣдующимъ предисловіемъ: „Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, знаменитый вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго. Въ казанскомъ походѣ, при отраженіи крымцевъ отъ Тулы (1552) и въ войнѣ ливонской (1560) онъ оказалъ чудеса храбрости. Въ 1564 г. Курбскій былъ воеводою въ Дерптѣ. Въ сіе время Грозный преслѣдовалъ друзей прежняго своего любимца, Адашева, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій: ему дѣлали выговоры, оскорбляли и наконецъ угрожали. Опасаясь погибели, Курбскій рѣшился измѣнить отечеству и бѣжалъ въ Польшу. Сигизмундъ II принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему въ помѣстье княжество Ковельское. Отсюда Курбскій велъ бранную и язвительную переписку съ Іоанномъ; а потомъ еще далѣе простеръ свое мщеніе: забылъ отечество, предводительствовалъ поляками во время ихъ войны съ Россіею и возбуждалъ противъ нея хана крымскаго. Онъ умеръ въ Польшѣ. Предъ смертію сердце его нѣсколько умягчилось: онъ вспомнилъ о Россіи и называлъ ее милымъ отечествомъ. Спасаясь изъ Дерпта, Курбскій оставилъ тамъ супругу и девятилѣтняго сына; потомъ въ Польшѣ, вторично женился на княгинѣ Дубровицкой, съ которою король повелѣлъ ему развестися. Кубскій извѣстенъ также литературными своими трудами: онъ описалъ жестокости царя Іоанна и перевелъ нѣкоторыя бесѣды Златоустаго на дѣянія Св. Апостолъ. Въ концѣ XVII вѣка правнуки его выѣхали въ Россію".

Въ печатномъ изданіи не помѣщена 4-я строфа, а послѣдняя читается такъ:

И въ хижинѣ и во дворцѣ
Меня гласъ внутренній тревожитъ,

[1]) Ниже слѣдуютъ двѣ строки тщательно зачеркнутыя; съ трудомъ можно разобрать только: «Воображаю пріемъ..... Гречь можетъ быть никогда безразсуднѣе.....»

И мрачность на моемъ лицѣ
Веселость шумныхъ пиршествъ множитъ...
Увы! злымъ рокомъ я лишенъ
Семьи, отечества драгова.
Сколь жалокъ тотъ, кто осужденъ
Искать въ странѣ чужой покрова.

II.

НЕИЗДАННЫЯ „ДУМЫ“ РЫЛѢЕВА.

Въ бумагахъ Рылѣева сохранилось небольшое число цѣльныхъ, окончательно отдѣланныхъ неизданныхъ стихотвореній; затѣмъ есть подлинники „Думъ“, напечатанныхъ въ изданіи его вышедшемъ въ Москвѣ въ 1825 году. Значительная-же часть бумагъ, кромѣ писемъ, представляетъ черновые наброски печатныхъ стихотвореній, но съ весьма интересными варіантами; нѣсколько черновыхъ, неотдѣланныхъ стихотвореній, небывшихъ еще въ печати и нѣсколько отрывковъ, повидимому, тоже принадлежащихъ къ цѣльнымъ стихотвореніямъ, но, къ несчастію, утратившимся въ болѣе полномъ и связномъ ихъ объемѣ.

Мы выбираемъ изъ этихъ бумагъ все, имѣющее чисто-литературный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющее не лишенный цѣны матерьялъ для характеристики поэта и вообще для исторіи русской литературы двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Прежде всего мы останавливаемся на историческихъ „Думахъ“, которыя, такъ-сказать, были тогда особенно въ модѣ. Этотъ родъ стихотвореній первый ввелъ въ русской литературѣ самъ Рылѣевъ и за нимъ потянулся рядъ подражателей, впрочемъ совершенно бездаланныхъ, съумѣвшихъ довольно ловко схватить всѣ внѣшніе пріемы Рылѣева, считая даже стихотворный размѣръ, имъ употреблявшійся, но не зашедшихъ далѣе формы, въ которую они облекали свою высокопарную, реторическую дребедень, нерѣдко лишенную всякаго содержанія и даже смысла. Чтобъ не быть голословными, укажемъ на два подобныя подражанія, именно: Минихъ (въ „Сынѣ Отечества“, 1821 г.) и Карлъ XII (въ „Календарѣ Музъ“, 1827 г.).

Несмотря однако на безталанность подражателей, они не могли опошлить подлинника, и Думы Рылѣева еще долго послѣ смерти поэта находили читателей и усердно перепечатывались собирателями альманаховъ, безъ сокрытія имени автора, какъ напр., въ альманахѣ „Венера“, изданномъ въ Москвѣ въ 1831 году, за цензурою С. Т. Аксакова (Наталія Долгорукова, Димитрій Самозванецъ и

Смерть Ермака). Въ 1-мъ изданіи „Послѣдняго Новика" И. И. Лажечникова, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1833 году, взяты эпиграфомъ ко многимъ главамъ также отрывки изъ Думъ.

Это обстоятельство, кажется, снимаетъ упрекъ съ нашей цензуры, будто она за имя Рылѣева запрещала перепечатку его стихотвореній. Приведенные факты говорятъ противное, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что тогда едва прошло 5—6 лѣтъ со смерти поэта. Кстати замѣтимъ, что въ томъ-же альманахѣ Венера (ч. 1, стр. 36—38) напечатано стихотвореніе А. Полежаева: „Пѣснь узника", которое во множествѣ рукописей, намъ попадавшихся, всегда приписывается Рылѣеву. Въ собраніе стихотвореній Полежаева оно не вошло, поэтому приводимъ изъ него нѣсколько отрывковъ:

Не слышно шуму городскаго
Въ заневскихъ башняхъ тишина
И на штыкѣ у часоваго
Горитъ полночная луна!

А бѣдный юноша! ровесникъ
Младымъ, цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсни
И отдаетъ тоску волнамъ.

«Прости отчизна, край любезной!
Прости мой домъ, моя семья!
Здѣсь за рѣшоткою желѣзной—
Уже не свой вамъ больше я!

«Не жди меня отецъ съ невѣстой,
Снимай вѣнчальное кольцо;
Застынь мое навѣки мѣсто;
Не быть мнѣ мужемъ и отцомъ!

«Сосваталъ я себѣ неволю,
Мой жребій—слезы и тоска!
Но я молчу... такую долю
Взяла сама моя рука.......

Ужъ ночь прошла... Съ разсвѣтомъ въ златѣ
Давно день новый засіялъ;
А бѣдный узникъ въ казаматѣ—
Все ту-же пѣсню напѣвалъ!...

Любопытно, что въ томъ-же альманахѣ (часть 2, стр. 54—55) перепечатано, безъ подписи, стихотвореніе А. С. Пушкина „Аріонъ", которое относится къ людямъ и событіямъ 1825 г., и это не имѣло никакихъ послѣдствій, хотя впрочемъ за годъ до того

едва-едва не былъ запрещенъ альманахъ Максимовича „Денница" (на 1830 годъ), въ которомъ излишне усердные читатели отнесли къ воспоминанію о Рылѣевѣ слѣдующее, совершенно къ нему не относящееся стихотвореніе Серафимы Тепловой:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!

О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ,
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ!

Обращаемся къ бумагамъ Рылѣева.

Въ нихъ мы находимъ, между прочимъ, два списка. Одинъ, набросанный карандашомъ на оборотѣ окончательно выправленнаго текста Думы: „Артемонъ Матвѣевъ", заключаетъ 21 названіе Думъ, вошедшихъ потомъ въ печатное изданіе, въ иномъ однако порядкѣ[1]), именно: 1. Курбскій (печат. изд. 11), 2. Боянъ (печ. 6), 3. Хмельницкій (16), 4. Смерть Ермака (12), 5. Святополкъ (4), 6. Святославъ (3), 7. Матвѣевъ (17), 8. Петръ въ Острогожскѣ (18), 9. Глинскій (10), 10. Самозванецъ (14), 11. Борисъ Годуновъ (13), 12. Наталья Долгорукова (20), 13. Олегъ Вѣщій (1), 14. Ольга при могилѣ Игоря (2), 15. Волынскій (19), 16. Державинъ (21), 17. Дмитрій Донской (9), 18. Сусанинъ (15), 19. Рогнѣда (5), 20. Михаилъ Тверской (8) и 21. Мстиславъ Удалой (7)".

Другой списокъ заключаетъ названіе Думъ, которыя Рылѣевъ вѣроятно предполагалъ написать, въ чемъ насъ убѣждаютъ найденные болѣе или менѣе полные отрывки, съ соотвѣтственными названіями. Вотъ этотъ списокъ: „Владиміръ. Рюрикъ. Вадимъ. Владиміръ Мономахъ. Василько. Гарольдъ и Елизавета. Пожарскій и Мининъ. Марина. Мароа Посадница. Гермогенъ. Мазепа. Софія. Петръ Великій. Лукьянъ Стрешневъ. Минихъ. Румянцовъ. Суворовъ. Меншиковъ Потемкинъ. Яковъ Долгорукій".

Изъ послѣдняго списка въ печати ничего не появилось, а въ бумагахъ мы находимъ слѣдующіе отрывки:

ВАДИМЪ.

Надъ кипящею пучиною,
Подпершись, сидитъ Вадимъ,

---

[1]) Мы приводимъ этотъ списокъ въ томъ соображеніи, что не составленъ-ли онъ Рылѣевымъ въ хронологическомъ порядкѣ сочиненія,—что безъ сомнѣнія важно для характеристики развитія его таланта. П. Е.

И на Новгородъ съ кручиною
Смотритъ нѣмъ и недвижимъ.

Громъ гремитъ! Змѣей огнистою
Сумракъ [1]) молнія сѣчетъ,
Волховъ пѣной серебристою
Въ берегъ хлещетъ и реветъ [2])

Вотъ ужъ небо въ звѣзды рядится,
Какъ въ узорчатый вѣнецъ,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто въ саванѣ мертвецъ.

Какъ утесъ средь моря каменный,
Какъ полночи вѣчный ледъ
Хладенъ, крѣпокъ Витязь пламенный
Въ грозныхъ битвахъ за народъ.

Несмотря на хладъ убійственной
Сограждан̆ъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.

«До какого насъ безславія
«Довели вражды гражданъ!
«Властелиновъ Скандинавія
«Насылаетъ для Славянъ!...

Окончанія, къ сожалѣнію, въ бумагахъ не имѣется; приведенныя же строфы стихотворенія сохранились въ двухъ набросках: въ первомъ, наиболѣе перепpавленномъ, помѣщены 1, 2, 5 и 6 строфы, во 2-мъ, почти безъ поправокъ, только 1, 2, 3 и 4 строфы. Первая строфа первоначально была написана:

Надъ кипящею пучиною,
На утесѣ сѣвъ Вадимъ,
Съ тяжкой на сердцѣ кручиною
Смотритъ нѣмъ и недвижимъ.

Подчеркнутыя слова потомъ были измѣнены: „Въ даль (туманную) безбрежную съ кручиною". Послѣ-же 2-й строфы начиналась 3-я „Завывай-же буря страшная"; а въ 5 и 6 строфахъ тоже были незначительныя поправки. Варіанты 2-й редакціи мы привели въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

---

[1]) Было: «воздухъ».

[2]) «Брегъ песчаный обдаетъ», а потомъ: «Въ брегъ песчаный съ ревомъ бьетъ».

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ.

ДУМА.

Ни громъ побѣдъ, ни звуки славы,
Ничто Владиміра утѣшить не могло;
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное [1]) чело...

Братоубійствомъ отягченный—
На свѣтлыхъ пиршествахъ [2]) сидѣлъ онъ одинокъ
И тайной мыслію смущенный [3])
Дичился радостей, какъ узнанный порокъ.

Напрасно пѣніе Бояна
И рокотъ струнъ живыхъ ласкали княжій слухъ;
Души не исцѣлялась рана,
И все тревожился и тосковалъ въ немъ духъ [4])!

Однажды онъ съ привычной думой
На длань склоненъ главой, уединясь, сидѣлъ,
И съ дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый [5]) Перуновъ ликъ глядѣлъ.

Вокругъ зеленаго Кургана
Толпами шумными на Теремномъ Дворѣ
Народъ кипѣлъ у Истукана,
Сіявшаго, какъ лучъ, и въ златѣ и въ сребрѣ!...

«Перунъ! твой ликъ я здѣсь поставилъ»,
Вѣщалъ страдалецъ-князь,— «Міроправитель-Богъ! [6])
«Тебя я всѣхъ признать заставилъ,
«И дубъ, священный дубъ передъ тобой возжегъ!

«Почто-жъ не укротишь волненья
«Обуреваемой раскаяньемъ души!

---

[1]) «Важное», потомъ «гордое».
[2]) «Шумныхъ».
[3]) «И думой тайной омраченный», а потомъ: «и тайной думою смущенный».
[4]) Послѣ этого зачеркнуто:

«При свѣтѣ дня и въ мракѣ ночи,
И въ пышномъ теремѣ и въ хижинѣ простой,
Его сверкающіе очи
Тѣнь Ярополкову все зрѣли предъ собой»...

[5]) «Поставленный».
[6]) «Ты испещренный мной», потомъ: «ты мною чтимый Богъ».

«Увы! ужасныя мученья
«Меня преслѣдуютъ и въ шумѣ и въ тиши [1]).

«Молю у твоего Кумира:
«Предѣлъ страданіямъ душевнымъ положи;
«Пересели меня изъ міра
«Или попрежнему съ веселіемъ сдружи!»

Вдругъ видитъ старца предъ собою... [2])
Почтенный, важный видъ: спокойствіе въ чертахъ,
Брада до чреслъ сѣдой волною,
Кудрями волосы сѣдые на плечахъ.

На посохъ странничій склоненный,
Въ десной распятіе златое онъ держалъ;
И въ князя взоръ его вперенный [3])
На душу грѣшника смятенье проливалъ...

«Кто ты?» Владиміръ съ изумленьемъ
И гласомъ трепетнымъ пришельца вопросилъ,
— «Посолъ Творца!» Онъ рекъ съ смиреньемъ,
«Ты Бога вышняго дѣлами прогнѣвилъ... [4])

«Ни въ Чернобогѣ, ни въ Перунѣ,
«Ни въ славѣ, ни въ пирахъ Владиміровъ покой;
«Его ты, грѣшникъ, жаждешь втунѣ;
«Какъ за добычей вранъ, такъ совѣсть за тобой!..

«Но что, о князь, сіи терзанья! [5])
«Тебя, отверженецъ, [6]) ужаснѣйшія ждутъ!
«Наступитъ [7]) часъ—цѣнить дѣянья!
«Воскреснутъ мертвые! [8]) настанетъ страшный судъ!

«И судъ сей будетъ непреложенъ;
«Твое могущество тебя не защититъ!

---

[1]) Зачеркнуто четыре стиха, изъ которыхъ можно разобрать:

«Какъ знакъ души изнеможенной,
. . . . , какъ преступленья знакъ,
Вездѣ тоскою омраченной
Чернѣетъ на . . . . мракъ».

[2]) «Вдругъ старца зритъ передъ собою».

[3]) «Въ очахъ горѣлъ огонь священный и въ душу грѣшника....»

[4]) «Посолъ творца... притекъ съ смиреньемъ!...»
Какъ шепчущій ручей святой проговорилъ.

[5]) «Ея терзанья».

[6]) «Отверженный».

[7]) «Настанетъ».

[8]) «Смертные».

«Тамъ рабъ и царь равно ничтоженъ;
«Всевышній судія на лица не глядитъ.

«Предъ нимъ угаснетъ блескъ короны!
«И князю-грѣшнику одинъ и тотъ-же адъ,
«Гдѣ вѣчный скрежетъ, плачъ и стоны
«Съ рабами низкими властителя сравнятъ.» —

Такъ говорилъ пришлецъ священный.
И пылкій, яркій огнь въ очахъ его блисталъ, [1]
И князь трепещущій, смятенный,
Лія потоки слезъ, словамъ его внималъ...

«О, чѣмъ-же я избѣгну ада?...
«Наставь, наставь меня!...» Владиміръ старцу рекъ;
«Изъ твоего читаю взгляда,
«Что ты, таинственный! спасти меня притекъ!...»

— «Крести себя, крести народы!»
Въ отвѣтъ вѣщалъ святой, «и ты себя спасешь!
«И славу дѣлъ изъ рода въ роды,
«Съ благословеніемъ потомства перельешь!

«Тогда не адъ, блаженство рая
«И вѣчность дивная тебя, Владиміръ, ждутъ,
«Гдѣ сонмы ангеловъ, порхая,
«Предъ трономъ Вышняго твой подвигъ воспоютъ!»

— «Крести-жъ, крести меня, о дивный!»
Въ восторгѣ пламенномъ воскликнулъ мудрый князь...
Наутро звукъ трубы призывный —
И рать Владиміра къ Херсону понеслась...

На новый подвигъ, съ новымъ жаромъ
Летятъ дружинами съ вождемъ богатыри,
Зардѣлись небеса пожаромъ.
Трепещетъ Греція и гордые цари!....

Такъ въ князѣ огнь души надменной,
Остатокъ мрачнаго язычества, горѣлъ:
Съ рукой царевны несравненной
Онъ вѣру самую завоевать летѣлъ. [2])

Дума эта повидимому предназначалась для печати, потому что подъ нею находится полная подпись поэта.

---

[1]) «И тихій, кроткій огнь въ очахъ его сіялъ».
[2]) «Хотѣлъ».

МАРѲА ПОСАДНИЦА.

ДУМА.

Была ужъ полночь. Бранный шумъ
Затихъ на стогнахъ Новограда,
И Марѳы безпокойный [1]) умъ —
Свободы тщетная ограда —
Вкушалъ покой отъ мрачныхъ думъ.

Въ поляхъ сверкали огоньки;
Расположась обширнымъ станомъ,
Близъ озера и вдоль рѣки,
Вдали чернѣли за туманомъ,
Царя отважнаго полки.

Все было въ непробудномъ снѣ;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стѣнѣ,
И Волховъ въ берега крутые
Плескалъ волною въ тишинѣ....

Покой и мракъ среди домовъ....
Вдругъ съ Ярославова Дворища
Звонъ Вѣчевыхъ Колоколовъ—
И грянулъ, бросивъ пепелища,
Народъ со всѣхъ пяти концевъ.

Продолженіе этого стихотворенія въ рукописи оторвано. Третья строфа первоначально была поставлена прежде второй, вслѣдъ за которою была набросана еще строфа, потомъ зачеркнутая:

И долго длилась тишина;
Заря на небѣ зажигалась
И вся окрестная страна
И вся природа пробуждалась,
Покоя сладкаго полна.

Повѣялъ холодъ съ береговъ...
Вдругъ съ Ярославова Дворища и пр.

ЯКОВЪ ДОЛГОРУКІЙ.

ДУМА.

Корабль летѣлъ, какъ на крылахъ,
Шумя уныло парусами,
И зарываяся въ волнахъ,
Клубилъ ихъ и вздымалъ буграми.

---

[1]) «Благородный умъ».

Сѣдая пѣна за кормой,
Рѣкой клубящейся бѣжала,
И шумъ однообразный свой
Съ ревущей бурею сливала.

На шканцахъ шумною толпой
Стояли съ плѣнниками шведы;
Они летѣли въ край родной
Съ отрадной вѣстію побѣды.
Главу склонивъ, съ тоской въ очахъ
И на-крестъ опустивши руки,
На верхней палубѣ въ мечтахъ,
Сидѣлъ отважный Долгорукій.

Онъ говорилъ: [1]) «Родной земли
«Уже не зрѣть страдальцу болѣ;
«Умру, какъ изгнанникъ, вдали,
«Умру съ безславіемъ, въ неволѣ.
«Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
«Вотще пылаю славой дѣдовъ;
«Увы! не притуплю меча
«Объ кости я враждебныхъ шведовъ.

«Ужъ для меня, какъ битвы знакъ,
«Не загремятъ въ полкахъ литавры,
«И не украсятъ мой шишакъ
«Неувядаемые лавры.
«Не буду я, служа Добру,
«Творить вельможамъ укоризны,
«И правду говорить Петру,
«Для благоденствія отчизны...

«Ахъ, лучше смерть въ сѣдыхъ валахъ,
«Чѣмъ жизнь безъ славы [2]) и свободы;
«Не русскому стенать въ цѣпяхъ
«И изживать безъ цѣли годы!»
Такъ рекъ[3]) герой. Межъ тѣмъ вдали
Уже сіяли храмовъ шпицы,
Чернѣлись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вотъ видны [4]) башни на скалахъ;
То Готенбургъ на брегѣ дикомъ —
И шведы, съ пламенемъ въ очахъ,
Привѣтствуютъ отчизну крикомъ!

---

[1]) «И такъ!» онъ пѣлъ.

[2]) «Безъ чести».

[3]) Въ подлинномъ текстѣ оставлено пѣлъ, по недосмотру исправл. 3-й строфы.

[4]) «Мелькаютъ».

Поднявъ благоговѣйный взоръ
И къ небу простирая [1]) длани,
Въ слезахъ благодаритъ пасторъ
И Бога водъ и Бога брани.

Вокругъ него толпы враговъ,
Молясь, упали на колѣна...
Бушуетъ вѣтръ межъ парусовъ,
Корабль летитъ, клубится пѣна.
Катятся слёзы изъ очей
И груди шведовъ орошаютъ;
Они отцовъ, сестеръ, дѣтей
Уже въ мечтаньяхъ обнимаютъ...

Вдругъ Долгорукій загремѣлъ:
«За мной! Расторгнемъ плѣнъ постыдный!
«Пусть слава будетъ нашъ удѣлъ,
«Иль смертію умремъ завидной!...»
Мелькнулъ сверкающій булатъ,
Палъ непріятель изумленный
И завоеванный фрегатъ
Помчался въ Ревель покоренный. [2])

—

Дума эта, какъ видно по рукописи, нѣсколько разъ подвергалась исправленіямъ. Незначительные варіанты въ строфахъ, неподвергшихся передѣлкѣ, мы указали въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а здѣсь указываемъ перемѣны болѣе крупныя. Такъ, послѣ 2-й строфы, сбоку приписаны были четыре стиха и, сообразно съ ними, измѣнены отнесенные повидимому къ нимъ-же четыре заключительные стиха 3-й строфы:

Объ чемъ ты думаешь герой?
Объ чемъ въ уныніи мечтаешь?
Знать, мыслишь о странѣ родной
И плѣнъ постыдный проклинаешь.
Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
Вотще пылаешь славой дѣдовъ;
Уже не притупить меча
Тебѣ объ кости грозныхъ шведовъ.

---

[1]) «Устремляя».

[2]) Приведенная «Дума» передаетъ въ поэтической формѣ дѣйствительное событіе изъ жизни доблестнаго Я. Ѳ. Долгорукаго. Взятый въ плѣнъ въ битвѣ подъ Нарвой, Долгорукій десять лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Въ 1711 г., по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣсколько плѣнныхъ отправлены моремъ въ Умео. Въ числѣ 44-хъ русскихъ—плѣнниковъ, посаженныхъ на одномачтовое небольшое судно, былъ и Я. Ѳ. Долгорукій. Семидесятилѣтній воинъ составилъ заговоръ и овладѣлъ судномъ—обезоруживъ, послѣ схватки, своихъ стражей шведовъ. Корабль былъ направленъ къ русскимъ берегамъ и плѣнники спаслись. Ред.

Кромѣ того эти заключительные стихи, вошедшіе потомъ съ измѣненіемъ въ окончаніе 3-й строфы, первоначально были написаны такъ:

«Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
Въ своей темницѣ безотрадной,
Я буду таять [1]), какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадной.

Съ унылой жизнью догоря,
Потухнетъ къ славѣ жаръ природной,
И ревность къ подвигамъ царя
Замретъ въ душѣ моей свободной.
Напрасно ужасъ битвъ люблю,
Вотще пылаю славой дѣдовъ;
Увы! меча не притуплю
Объ кости я враждебныхъ шведовъ».

5-я и 6-я строфы первоначально читались:

«Прости-жъ на вѣкъ мой край родной;
Тебя я не увижу болѣ,
И кончу дни въ землѣ чужой,
Томясь бездѣйствіемъ въ неволѣ.
Ахъ лучше смерть въ сѣдыхъ валахъ,
Чѣмъ жизнь безъ чести и свободы;
Не русскому стенать въ цѣпяхъ
И изживать безъ цѣли годы.

Не русскому влачить яремъ,
И тяжкій сердцу и постыдной:
Я—завладѣю кораблемъ,
Иль смертію умру завидной!» -
Такъ пѣлъ герой... и пр.

Для начала 5-й строфы былъ еще варіантъ:

«Умру въ бездѣйствіи, въ цѣпяхъ! [2])
Потухнетъ съ жизнью къ славѣ пламень;
И на враждебныхъ берегахъ [3])
Воздвигнутъ мой надгробный камень».

Вздохнулъ герой при мысли сей,
Невольно проступили слезы...

Болѣе всего подверглась передѣлкамъ послѣдняя строфа. Вотъ ея варіанты:

1.

«За мной, друзья!» вдругъ загремѣлъ
Отважный князь, сверкая шпагой,

---

[1]) Вм. «Истаю жертвой».

[2]) «Въ чужбинѣ мой истлѣетъ прахъ», а потомъ: «угасну медленно въ цѣпяхъ».

[3]) «Умру—на чуждыхъ берегахъ».

И съ горстью русскихъ полетѣлъ,
На экипажъ, горя отвагой.

2.

«За мной», друзья! вдругъ загремѣлъ,
Мечемъ сверкая Долгорукій [1])
И съ горстью русскихъ полетѣлъ;
И раздались оружій звуки.
Мгновенно конченъ дерзкій бой;[2])
Предъ русской силой шведы пали [3])
И въ Ревель ихъ корабль стрѣлой
Валы покорные помчали.

3.

«За мной, друзья!» вдругъ загремѣлъ,
Подобно бурѣ, Долгорукій.
«Ура!» Помчался! Бой вскипѣлъ
И раздались оружій звуки.
Лилась недолго кровь ручьемъ;
Враги предъ горстью русскихъ пали
И въ Ревель храбрыхъ съ торжествомъ
Валы покорные помчали.

Укажемъ и еще одну наброску, оставшуюся неотдѣланной:

Услыша гласъ, зовущій въ бой,
Помчались русскіе грозою.
. . . .

—

Затѣмъ изъ остальныхъ „ненапечатанныхъ“ Думъ уцѣлѣли только незначительные отрывки, какъ напр. изъ Думы „Минихъ“ только четыре стиха, которые приведены въ настоящей статьѣ ниже.

III.

ВАРЬЯНТЫ И ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ НАПЕЧАТАННЫХЪ ДУМЪ.

Изъ Думъ, напечатанныхъ въ изданіи 1825 г., нѣкоторыя находятся въ бумагахъ Рылѣева въ полныхъ спискахъ. Пока мы приводимъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчаются болѣе или ме-

---

[1]) «Сверкая взоромъ Долгорукій».

[2]) «Бой съ врагомъ», потомъ: «славный бой».

[3]) «Враги предъ русской силой пали».

нѣе значительные варіанты съ печатнымъ текстомъ. Одной изъ нихъ: Петръ Великій въ Острогожскѣ, предшествуетъ слѣдующая замѣтка Рылѣева:

„Острогожскъ, нынѣ уѣздный городъ Воронежской губерніи, нѣкогда былъ главнымъ городомъ Острогожскаго слободскаго полка. Онъ построенъ въ 1652 году и первоначально населенъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, заднѣпровскими казаками, въ числѣ 1000 человѣкъ пришедшими съ полковникомъ своимъ Дзеньковскимъ. За вѣрныя службы свои противу ногайцовъ и крымцевъ (отъ коихъ въ послѣдствіи почти цѣлый вѣкъ оберегали они границы Россіи), а болѣе еще за оказанныя услуги противъ Виговскаго и Брюховецкаго, получили они отъ царя похвальныя грамоты, право свободнаго винокуренія и нѣкоторыя другія привилегіи. Сіи выгоды и благословенный климатъ привлекли на обширныя земли ихъ множество выходцевъ. Упомянутыя грамоты и права въ послѣдствіи были подтверждены почти всѣми Монархами Россіи, въ томъ числѣ Петромъ, Екатериною и благословеннымъ внукомъ ея. Обитатели края благоденствовали. Года за три предъ симъ благосостояніе страны сей стало приходить въ упадокъ. Неурожай и невозможность съ прежнею дешевизною содержать рогатый скотъ нанесли первый ударъ цвѣтущему состоянію тамошнихъ жителей. Торговля годъ отъ году становится маловажнѣе. Желательно, чтобы попечительное правительство вникнуло и въ другія причины теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствъ края. Я съ своей стороны, смѣю сказать, что свобода винокуренія, которою прежде равно пользовались и богатые и бѣдные всѣхъ сословій, хотя существуетъ и нынѣ для всѣхъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ перешла въ руки однихъ капиталистовъ, отчего для многочисленнѣйшей части дворянства и войсковыхъ жителей, или такъ-называемыхъ черкесовъ, почти единственный источникъ ихъ благосостоянія изсякнулъ совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радѣющій о благѣ отечества.

„Не за излишнее считаю сказать, что на земляхъ острогожскихъ не видали крѣпостныхъ крестьянъ до конца прошедшаго столѣтія. Полковыя земли, доставшіяся въ послѣдствіи разнымъ чиновникамъ острогожскаго полка, были обработываемы вольными людьми или казаками. Нѣкоторые частные безпорядки отъ свободнаго перехода сихъ людей, побѣги на Донъ и нѣкоторыя другія причины были поводомъ къ разнымъ прошеніямъ Екатеринѣ Великой и императору Павлу, въ слѣдствіе которыхъ и состоялся указъ декабря 12 дня 1796 года. Но прикрѣпленные къ землѣ малороссіяне по сіе время называютъ

6*

себя только подданными, какъ бы въ отличіе отъ крѣпостныхъ, коихъ они зовутъ и дразнятъ крѣпаками."

—

„Петръ Великій, по взятіи Азова, въ августѣ мѣсяцѣ 1696 года, прибылъ въ Острогожскъ. Тогда пріѣхалъ въ сей городокъ и Мазепа, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣлы Россіи отъ татаръ. Онъ поднесъ въ даръ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и осыпанную драгоцѣнными каменьями, и на золотой цѣпи щитъ, съ подобными же украшеніями. Преданіе говоритъ, что Мазепа въ то время былъ еще невиненъ. Какъ бы то ни было, но уклончивый, хитрый Гетманъ умѣлъ вкрасться въ милость Петра. Монархъ почтилъ его своимъ посѣщеніемъ, обласкалъ, изъявилъ особенное благоволеніе и съ честью отпустилъ въ Украйну" [1]).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ.

ДУМА.

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.

«Видѣнъ промысла святова
«Надъ тобою дивный щитъ», —
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ, —
«Оглася побѣдой славной
«Моря Чернаго брега,
«Ты смирилъ, монархъ державный,
«Непокорнаго врага.

«Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
«Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ,
«Ты не блещущей порфирой,
«Ты душой своей великъ.
«Чту я славою и честью
«Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
«И губительною местью
«Пролетѣть по ихъ полкамъ.

---

[1]) Конецъ приведенной здѣсь замѣтки, со словъ «Петръ Великій», напечатанъ съ незначительными измѣненіями на стр. 141, изданія 1825 г. П. Е.

«Уснѣжился чорный волосъ
«И булатъ дрожитъ въ рукѣ:
«Но зажжетъ еще мой голосъ
«Пылъ отваги въ казакѣ,
«Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
«Не остыла въ зиму дней:
«Празднество мнѣ—бой кровавый;
«Мнѣ музыка—стукъ мечей!»

Кончилъ—и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ затаилъ...
Въ пышномъ, гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной
Былъ Мазепа, вождь сѣдой,
Можетъ быть еще невинный,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣ-жъ свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну Тихую [1]) влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкой
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ,
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,

[1]) Въ изд. 1825 г. Въ «Сосну тихую» ошибочно, потому что рѣка называется Тихая Сосна. Она впадаетъ въ Донъ и на ней стоитъ г. Острогожскъ.

Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ, въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

АРТЕМОНЪ МАТВѢЕВЪ.

ДУМА[1]).

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ Двора,
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ сносилъ позоръ изгнанья [2]),
Сносилъ съ величіемъ души
Безъ слезъ, безъ скорби, безъ роптанья [3]).

«Когда защитникъ намъ законъ,
И совѣсть сердца не тревожитъ,
Тогда ни ссылка,— думалъ онъ, —
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Вездѣ въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.

«Знать были для граждань моихъ
Мои усилія нетщетны [4]),
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный [5]);
Когда съ родительскихъ могилъ
Народъ мнѣ въ даръ привезъ каменья
И тѣмъ всю нѣжность изъявилъ
Ко мнѣ любви и уваженья;

«Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружитъ

---

[1]) Напечатана въ изд. 1825 г. на стр. 135—142, съ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ приведены нѣкоторыя общеизвѣстныя данныя изъ біографіи Матвѣева.

[2]) Было: «Семь лѣтъ постыдное изгнанье»; а въ печатномъ: «Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья».

[3]) «И роптанья».

[4]) Въ печатномъ: «Для блага согражданъ моихъ усилія мои не тщетны».

[5]) Въ печатномъ за этими стихами пропущено четыре и слѣдуетъ: «Всѣ козни» и пр.

И ненависть моихъ враговъ
Къ безславію для нихъ послужитъ.
Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета и злоба;
Предъ ними не унижусь я;
Мнѣ честь сопутницей до гроба.

«Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
Среди моей позорной ссылки—
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде, пылкій! [1])
Опалой царской нелишенъ
Я гордости той благородной,
Которою лишь одаренъ
Мужъ справедливой и свободной.

«Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царѣ жалѣю.

«На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость!
О государь! [2]) внявъ клеветѣ
Ты оказалъ несправедливость!
Меня ты въ ссылку осудилъ
За толь-что я служилъ полвѣка?
Но я давно тебя простилъ,
О царь! простилъ, какъ человѣка...

«Близь трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство;
Сколь много для царей труда!
Дѣяньямъ ихъ судьей—потомство!
Увы! его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ,
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ».

---

[1]) Въ печатномъ изд. здѣсь слѣдуютъ четыре стиха, измѣненные изъ четырехъ заключительныхъ стиховъ 3-й строфы:

«Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовые.

[2]) Было: «О, Феодоръ!»

Въ печатномъ изданіи добавлена еще строфа:

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
Неся позорной ссылки бремя—
И правоту его души
Предъ свѣтомъ оправдало время.
Другъ истины и другъ добра,
Горя къ отечеству любовью,
Палъ мертвъ за юнаго Петра,
Запечатлѣвъ невинность кровью.

НАТАЛІЯ ДОЛГОРУКОВА[1]).

Настала осени пора:
Въ долинахъ вѣтры бушевали,
И волны мутнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали.
На брегъ сей, дикой и крутой,
Невольно слезы проливая,
Бесѣдовать съ своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребій мой,
Раздастся колоколъ церковный —
И я на вѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной!
О лейтесь, лейтесь же изъ глазъ
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ унылсмъ;
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!»

«Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ,
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.
Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!»

«Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
Я отцвѣтала въ заточеньѣ:
Мнѣ другъ прекрасный и младой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.

---

¹) Напечатано въ изд. 1825 г. на стр. 157—163, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Княгиня Наталія Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитаго сподвижника Петра Великаго. Нѣжная ея любовь къ несчастному своему супругу и непоколебимая твердость въ страданіяхъ увѣковѣчили ея имя».

Ему я спутницей была
Въ странѣ угрюмой и пустынной,
И въ даръ съ рукою принесла
Любовь души своей невинной».

«Онъ жертвой мести лютой палъ,
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.
Свершится завтра жребій мой;
Раздастся колоколъ церковный,
И я навѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной.»

«О лейтесь, лейтесь же изъ глазъ
Вы слезы въ мѣстѣ семъ унылом;
Сегодня я въ послѣдній разъ.
Могу мечтать о другѣ миломъ!
Послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ,
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ».

Тутъ снявъ кольцо съ своей руки,
Она его [1]) поцѣловала,
И бросивъ въ глубину рѣки,
Въ слезахъ вздохнула и сказала: [2])
«Сокройся въ шумной глубинѣ,
О перстень, перстень обручальный,
И въ монастырской жизни мнѣ
Не вспоминай [3]) любви печальной!» —

Обрядъ свершился роковой!
Прости послѣднее веселье:
Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ кельѣ.
Въ постѣ всѣ дни свои влача,
Снѣдаясь грустью безотрадной,
Она погасла [4]) какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадной.

Въ концѣ прибавленъ варіантъ:

Вруча навѣкъ Творцу себя,
Отрекшись жизни сей мятежной,
Не въ правѣ завтра буду я
Воспоминать о страсти нѣжной!...

[1]) Въ печ. «Она кольцо поцѣловала».
[2]) Печ. «Лицо закрыла и зарыдала».
[3]) Печ. «Не оживляй». [4]) «Истлѣла».

Помѣта Рылѣева: „Около Павлограда, близъ сл. Дмитріевки на Самарѣ“ [1]).

Въ изданіи 1825 г. вмѣсто 12 стиховъ слѣдующихъ за 4-мъ стихомъ 4-й строфы напечатано:

«Забыла я родной свой градъ
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить Сибири хладъ
И испытать судьбы превратность».

«Все съ твердостью перенесла,
И бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукаго спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ;
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила».

«Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ какъ радость,
И въ душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость».

«Но завтра, завтра я должна
На вѣкъ забыть о страсти нѣжной;
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ,
И, холодна въ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ,
Мечтать до гроба лишь о гробѣ».

«О лейтесь, лейтесь-же изъ глазъ и пр.

Послѣ 7-й строфы напечатано еще 8 стиховъ:

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблеклый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.

---

[1]) Рѣка въ Екатеринославской губ. Впадаетъ въ Днѣпръ.

Приведемъ еще одну изъ совершенно отдѣланныхъ „Думъ“, именно:

ДЕРЖАВИНЪ.

ДУМА[1]).

(Н. И. ГНѢДИЧУ).

Съ деревъ валится желтый листъ,
Не слышно птицъ въ лѣсу угрюмомъ,
Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
И плещутъ волны въ берегъ съ шумомъ.
Надъ Хутынскимъ монастыремъ
Приметно солнце догорало,
И на главахъ златымъ лучемъ,
Изъ тучъ прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омраченъ,
Младой пѣвецъ бродилъ въ оградѣ;
Но вдругъ остановился онъ,
И заблисталъ огонь во взглядѣ:
«Что вижу я?... На сихъ брегахъ, —
Онъ рекъ,— для сѣвера священной
Державина-ль почіетъ прахъ
Въ обители уединенной?» —

И засіяли, какъ росой,
Слезами юноши рѣсницы,
И онъ съ удвоенной тоской
Сѣлъ у подножія гробницы;
И долго, молча, онъ сидѣлъ,
И мрачною тревожимъ думой
Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
На грустный памятникъ угрюмо,

Но вдругъ восторженный вѣщалъ:
«Что я напрасно здѣсь тоскую?
Нашъ дивный бардъ не умиралъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.

«Онъ долгъ пѣвца постигъ вполнѣ,
Онъ свитъ горѣлъ вѣнокъ нетлѣнной,
И былъ въ родной своей странѣ
Органомъ истины священной.

---

[1]) См. въ изданіи 1825 года на стр. 165 — 172.

Вездѣ пѣвецъ народныхъ благъ,
Вездѣ гонимыхъ оборона
И зла непримиримый врагъ,
Онъ такъ твердилъ любимцамъ трона:

«Вельможу должны составлять
«Умъ здравый, сердце просвѣщенно!
«Собой примѣръ онъ долженъ дать,
«Что званіе его священно;
«Что онъ орудье власти есть,
«Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
«Должны быть польза, слава, честь
«Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній» [1]).

«О такъ! нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда—долгъ его;
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.
Служитель избранный Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, высокій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ:

«Ему невѣдомъ низкій страхъ;
На смерть съ презрѣніемъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ правдивымъ зажигаетъ.
Надъ нимъ кто будетъ властелинъ?
Онъ добродѣтель свѣта цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ думахъ тайныхъ не измѣнитъ.

«Таковъ нашъ Бардъ Державинъ былъ;
Всю жизнь онъ велъ борьбу съ порокомъ;
Судьямъ ли правду говорилъ,
Онъ такъ гремѣлъ съ святымъ пророкомъ:
«Вашъ долгъ на сильныхъ не взирать;
«Безъ помощи, безъ обороны
«Сиротъ и вдовъ не оставлять
«И свято сохранять законы.

«Вашъ долгъ несчастнымъ дать покровъ,
«Всегда спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
«Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ,
«Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ». [2])
Пѣвцу ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?

---

[1]) См. «Вельможа», соч. Державина.

[2]) См. «Къ властителямъ и судіямъ» его же.

Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслію твореній.

«Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы
Поклонникъ пламенный добра,
Ничѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера—
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.

«Творцу ли гимнъ святой звучитъ
Его восторженная лира —
Словами онъ какъ громъ гремитъ,
И вторятъ гимнъ народы міра.
О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Откажетъ ли и самый рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ?

«Ты правъ пѣвецъ: ты будешь жить;
Ты памятникъ воздвигнулъ вѣчный:
Его не могутъ сокрушить
Ни громъ, ни вихорь быстротечный.» [1])
Пѣвецъ умолкъ — и тихо всталъ;
Въ немъ сердце билось—и въ волненьѣ
Вздохнувъ, онъ отходя вѣщалъ
Въ какомъ-то дивномъ изступленьѣ:

«О, пусть не буду въ гимнахъ я,
Какъ нашъ Державинъ, дивенъ, громокъ;
Лишь только-бъ молвилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
«Парилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
«Сѣдую вызывая древность,
«И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
«Къ общественному благу ревность!»

IV.

ПОСЛАНІЯ, ЭПИГРАММА, ОТРЫВКИ.

Изъ цѣльныхъ „ненапечатанныхъ" стихотвореній Рылѣева въ бумагахъ его сохранилось только одно, набросанное во время пребыванія въ Острогожскѣ, т. е. въ іюнѣ 1821 г. Но прежде нежели при-

[1]) См. «Памятникъ», подражаніе Державина Гораціевой одѣ: «Exegi monumentum aere perennius».

ведемъ это стихотвореніе, укажемъ на обстоятельство, его вызвавшее. Извѣстно, что Пушкинъ не признавалъ поэтическаго таланта въ Рылѣевѣ и въ письмахъ своихъ въ особенности подсмѣивался надъ его „Думами", находя въ нихъ анахронизмы (напр. щитъ Олеговъ съ гербомъ Россіи), неточности (напр. лучъ денницы, вм. дневного луча) и т. п. и выводилъ заключеніе, что онѣ „вообще всѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ; всѣ на одинъ покрой, loci topici (sic): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе; національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ". На эту-то замѣтку Пушкина и возражаетъ Рылѣевъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

БЕСТУЖЕВУ.

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный взвѣсилъ;
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ! Не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу.

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Такъ и ко мнѣ, храня со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ,
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

Припомнимъ, что Пушкинъ еще „строже" отнесся къ А. Н. Радищеву... Впрочемъ Рылѣевъ и самъ не весьма высоко цѣнилъ себя, какъ поэта, что видно изъ окончанія приведенной выше думы „Державинъ", изъ стихотворенія „Гражданское мужество" и изъ посвященія Бестужеву-же поэмы „Войнаровскій":

Какъ странникъ грустный, одинокій,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край, съ тоской глубокой,
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.

Внезапно ты явился мнѣ,
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Прими-жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыя чувства;
Я не поэтъ, а гражданинъ [1]).

Эта же мысль находится и въ уцѣлѣвшемъ въ бумагахъ отрывкѣ изъ посланія къ Ѳ. Н. Глинкѣ. Мы не знаемъ чѣмъ именно вызвано это стихотвореніе, но не можемъ не припомнить, что Глинку благодарилъ и Пушкинъ (стих. „Анониму") за то, что онъ отнесся къ нему съ сочувственнымъ стихотвореніемъ въ такое время, когда почти всѣ друзья и знакомые отвернулись отъ находившагося въ опалѣ поэта.

Ты, Глинка, правъ — и твой совѣтъ
На мудромъ опытѣ основанъ;
Но пусть чернитъ поэта свѣтъ:
Ужъ я давно разочарованъ,
И заблужденій прошлыхъ лѣтъ [2])
Въ душѣ [3]) увялъ минутный цвѣтъ...
Я славою не избалованъ,
Но къ благу общему дыша
Къ нему отъ дѣтства [4]) я прикованъ;
Къ нему летитъ моя душа
Его пою на звучной лирѣ
. . . . лѣтъ
. . . .

Страницу, на которой набросано это стихотвореніе, Рылѣевъ началъ словами: „Благодарю тебя поэтъ", но зачеркнулъ ихъ и снова началъ „Горжусь" и далѣе, четыре строки, но потомъ продолжалъ, повидимому, одну изъ „Думъ" и, если не ошибаемся, именно Минихъ:

Кипитъ къ неправдѣ онъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ;

---

[1]) Это посвященіе было уже перепечатано изъ изданія 1825 г. въ «Отеч. Зап.» 1860 г., кн. V, стр. 135 — 136, въ нашей статьѣ: «А. А. Бестужевъ». Ред.

[2]) Было: «юныхъ».

[3]) «Давно увялъ».

[4]) «Душою я прикованъ».

Свободный славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать [1]) не можетъ. —

Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ трономъ.

Сидѣлъ лишь Минихъ одинокъ
И, тайною тревожимъ думой,
Съ презрѣніемъ, какъ на порокъ,
Глядѣлъ на деспота угрюмо.

Потомъ встрѣчается еще наброска, трижды передѣланная:

Свободой, правдой вдохновенный
Отъ знатныхъ сохранилъ я честь,
И не вымѣнивалъ за лесть
Ихъ благосклонности надменной.

Не знаемъ, осталось-ли что-нибудь изъ стихотвореній, которыя поэтъ начиналъ стихами: 1) „Меня плѣняли наши дѣды", 2) „Тамъ, гдѣ Донъ волной лѣнивой", 3) „Свободу сердцемъ обожая", 4) Пѣвецъ свободы, правды, чести", 5) „Тамъ, гдѣ горы мѣловыъя", 6)„ Тогда, какъ смутенъ и взволнованъ", и проч. Сохранились еще слѣдующіе наброски, въ разныхъ листкахъ:

1.

Но черный призракъ мнимой чести,
Борьба души, волненье думъ
И жажда кровожадной мести
Затмили юношескій умъ.....

2.

Въ краю, гдѣ солнце рѣдко блещетъ
На мрачныхъ небесахъ;
Гдѣ Сосва [2]) въ берегъ съ ревомъ плещетъ,
Гдѣ воетъ вѣтръ въ лѣсахъ.
Гдѣ снѣгъ лежитъ двѣ трети года,
Какъ саванъ гробовой,
И полумертвая природа
Чуть оживляется весной.
Гдѣ царство вьюги и мороза,
Гдѣ жизни нѣтъ ни въ чемъ,
Чернѣетъ сумрачно береза
На берегу крутомъ.
Подъ кровомъ хижины убогой....

---

[1]) «Покойно рабствовать».

[2]) Сосва рѣка — въ Тобольской губ., Березовскаго уѣзда, впадаетъ въ Объ, выше Березова. Ред.

3.

Я помню васъ, мои друзья,
Я помню васъ, друзья свободы,
И дикой родины суровые края,
Жилище бурь и непогоды....

4.

Лишь отъ пурпурной денницы
Загорѣлся небосклонъ.....

5.

Что имянинницѣ прелестной
Я пожелаю въ этотъ день?..

6.

Тогда какъ рой друзей младыхъ
Душою вашей очарованъ.....

7.

Вы снисходительны, я знаю;
Порука мнѣ — вашъ милый взоръ;
Я съ вами отъ души болтаю,
Простите вы сердечный вздоръ.....

8.

Они подъ звукомъ трубъ повиты.
Концемъ копья воскормлены,—
Луки натянуты, колчаны ихъ открыты,
Путь свѣдомъ ко врагамъ, мечи наточены.
Какъ волки сѣрые они по полю рыщутъ —
И — чести для себя, для князя — славы ищутъ.
Ничто имъ ужасы войны!

Въ душѣ пылая жаждой славы,
Князь Игорь изъ далекихъ странъ
Къ коварнымъ половцамъ спѣшитъ на пиръ кровавый
Съ дружиной малою отважныхъ сѣверянъ.
Но презирая смерть и пламенѣя боемъ,
Послѣдній ратникъ въ ней является героемъ [1])...
. . . .

9.

Такъ за мечтою легкокрылой
Отъ шумныхъ невскихъ береговъ
Перелеталъ пѣвецъ унылый
Въ страну пустынную снѣговъ...

---

[1]) Этотъ отрывокъ составляетъ переложеніе одного мѣста изъ «Слова о Полку Игоревѣ».

10.

Оставь меня! Я здѣсь молю:
Да всеблагое провидѣнье
Отпуститъ дѣвѣ преступленье,
Что я тебя еще люблю.
Молю: да ненависть заступитъ
Преступной страсти пламень злой, —
И честь, и стыдъ и мой покой
Цѣной достойною искупитъ.

На рукописи Думы „Наталія Долгорукова" находимъ списокъ статей и авторовъ, повидимому, для приготовлявшагося альманаха, такъ какъ нѣкоторыя пьесы этого списка вошли въ „Полярную Звѣзду" на 1825 годъ.

1) Гражданское мужество. Рылѣева.
2) Невинность. Плетнева.
3) Монастырь. М. Дмитріева.
4) Отрывки изъ посланія. А. Пушкина.
5) Романсъ. Дельвига.
6) Ранняя любовь. Норова.
7) Нереида. А. Пушкина.
8) Двѣ басни. И. Дмитріева.
9) Сестрѣ. Баратынскаго.

Жуковскій.
Гнѣдичъ.
Крыловъ.
Вяземскій.
Лобановъ.

Вотъ первое изъ этихъ стихотвореній совершенно въ томъ видѣ, какъ оно напечатано:

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто, кто сей дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, строенъ станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ли, мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты ли геній древнихъ странъ,
Не ты ли сила душъ свободныхъ,
О доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Надежною опорой троновъ!

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой:
Тобою славны на судѣ
И Панинъ нашъ и Долгорукой:
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И страхомъ сталъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ —
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.

Аттилъ и Цезарей и Бренновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой.....
Но много ль было Цицероновъ?....

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ временъ—
Для блага сѣверныхъ племенъ
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ? [1])

Итакъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпора власти и народу.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;

---

[1]) Свое изданіе «Думъ» 1825 г. Рылѣевъ посвятилъ знаменитому умомъ и гражданскою доблестью адмиралу гр. Н. С. Мордвинову.

Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

1825.

На особомъ листѣ, судя по черниламъ, написанномъ очень задолго до всего вышеприведеннаго, встрѣчается эпиграмма на импер. австрійскаго Франца I, несчастнаго противника Наполеона I. Онъ, какъ уже указано въ IV кн. „Русс. Стар." 1870 г. (изд. перв. стр. 344), въ старости сдѣлался кретиномъ и преимущественно занимался битьемъ мухъ особо изобрѣтенными хлопушками.

Весь міръ великостію духа
Сей императоръ удивилъ:
Онъ непріятель мухамъ былъ,
А непріятелямъ былъ муха.

Здѣсь же помѣщено начало большаго стихотворенія. Стиховъ 15 было написано, передѣлано нѣсколько разъ и зачеркнуто. Всѣ они, впрочемъ, вошли въ слѣдующія строфы:

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ,
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.

Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И въ слѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми донцами.

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ,
И тамъ за чашей круговой
Минуты отдыха проводимъ.

Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча.

Такъ сонмы ратниковъ простыхъ
Досугъ безпечный провождали.....

Сбоку листа набросано, по всей вѣроятности, окончаніе какого-нибудь болѣе или менѣе обширнаго и притомъ прекраснаго стихотворенія:

Повсюду вопли, стоны, крики
Надъ бѣлокаменной Москвой,

Лишь временемъ Иванъ Великій
Сквозь огнь, сквозь дымъ и мракъ ночной
Столпомъ огромнымъ прорѣзался
И, въ небесахъ блестя челомъ,
Во всемъ величіи своемъ,
Великой жертвой любовался.

V.

ПОЭМЫ.

Изъ „поэмъ“ Рылѣева въ бумагахъ сохранились всѣ въ болѣе или менѣе полныхъ отрывкахъ. Одинъ изъ такихъ отрывковъ: „Гайдамакъ“, находится въ 7-ми спискахъ, начиная съ первоначальныхъ набросковъ до окончательной отдѣлки, въ которой тѣмъ не менѣе тоже встрѣчаются исправленія. Приводимъ послѣднюю редакцію:

ГАЙДАМАКЪ.

Осенней ночью, близъ кургана,
Въ степи глухой у огонька
Сидятъ одни, во мглѣ тумана,
Два запорожскихъ казака.
Напрасно зоркія ихъ очи
Сквозь черный мракъ угрюмой ночи
Чего-то ищутъ въ дальной мглѣ;
Вотще они къ сырой землѣ
Свое прикладываютъ ухо;
Кругомъ все сумрачно и глухо:
Молчитъ рѣка, безмолвенъ лѣсъ;
Ни звѣздочки среди небесъ.
Объята черной пеленою,
Какъ будто вся природа спитъ,
Лишь налетая вѣтръ порою
Сухой ковылью шевелитъ,
Да кони борзые, на волѣ
Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ.....

«Гдѣ запоздалъ онъ? Ужъ пора
Ему примчаться. Отъ Днѣпра
Тутъ недалеко..... Конь надежный.....
Съ нимъ и въ такую ночь никакъ
Съ дороги сбиться невозможно;
Притомъ лихой и Гайдамакъ!
Пусть ночь удвоя чорный мракъ,
На степь унылую наляжетъ;
Казакъ всегда казакъ: ему
На Запорожіе сквозь тьму
Пустынный вѣтеръ путь укажетъ.....

«Не подстерегъ ли удальца
Въ глуши татаринъ кровожадный?
Ну чтожъ? Пусть такъ: у молодца
Булатъ съ пищалью семипядной,
И въ ясный день и въ часъ ночной
Онъ самъ нерѣдко съ самопаломъ
Стрежетъ враговъ въ травѣ густой...
Иль рыщетъ по степи шакаломъ...

«Я хорошо тотъ помню день,
Когда пришелъ онъ въ нашъ курень
И клятву далъ быть гайдамакомъ,
За Сѣчь свободную стоять
И вѣчно ненависть питать
И къ хищнымъ крымцамъ и къ полякамъ.
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступь, гордый взоръ,
Черты, жупанъ — все родъ высокой
Изобличало въ пришлецѣ.
Прекрасенъ гость былъ черноокой,
Все насъ плѣняло въ молодцѣ;
Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ...

«Всѣ полюбя его, ласкали,
Шутили съ нимъ средь шумныхъ игръ;
Но разогнать его печали
Не могъ никто. Какъ юный тигръ,
На всѣхъ глядѣлъ нахмуря [1]) брови;
Былъ дружбы чуждъ, былъ чуждъ любови,
Леталъ въ пустыняхъ на конѣ,
И увядая въ тишинѣ,
Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ крови.....
Сбылось желанье! Саранчой
Мы понеслися подъ Очаковъ —
И удальствомъ пришлецъ младой
Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.

«Суровъ и дикъ и одинокъ,
Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмый
И нынѣ бродитъ, какъ порокъ,
Въ мѣстахъ глухихъ онъ, съ тайной думой.
Печаль, какъ черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожитъ
Его повсюду и всегда;
Ничѣмъ, нигдѣ и никогда
Ея разсѣять онъ не можетъ.

---

[1]) Было: «насупя».

Ему несносна тишина;
Безъ крови вражеской, безъ боя,
Онъ будто чахнетъ средь покоя.....
Его душѣ нужна война:
Опасность, кровь и шумъ военный
Одни его животворятъ,
И въ бурѣ битвъ покой мгновенный
Душѣ страдающей дарятъ.
Толпой и крымцы и поляки
Не разъ гонимы были имъ;
Какъ Божій гнѣвъ ужасны съ нимъ
Въ набѣгахъ буйныхъ гайдамаки.....
Въ немъ не волнуютъ уже кровь
Младыхъ украинокъ любовь
И вѣрной дружбы гласъ привѣтной;
Давно онъ ко всему примѣтно
Остылъ безчувственной душой;
Въ ней вѣетъ холодъ гробовой
Она какъ черная могила
Его всѣ блага поглотила [1]......

«Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающіе очи;
Темнѣетъ на его челѣ
Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы хотя на мигъ единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его.
Однажды только, увѣряли,
Въ немъ очи радостью сверкали:
То было въ зáмкѣ богача,
Убитаго имъ на Волыни,
Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
Какъ гнѣвъ небесный — саранча;
Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
Гдѣ все погибло безпощадно
Иль отъ огня иль отъ меча.....
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ногъ лежалъ магнатъ;
Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
Вонзилъ онъ съ хохотомъ булатъ....»

Такъ говорили между собою
Про гайдамака молодца
Два заднѣпровскихъ [2]) удальца.

[1]) Исправлено: «погубила».
[2]) Было: «запорожскихъ».

Межъ тѣмъ ужъ началъ за рѣкою
Мерцать на дальнемъ небѣ свѣтъ;
А запорожца [1]) нѣтъ, какъ нѣтъ....
Несется ночь.... И вотъ зарею
Занялся сумрачный востокъ;
Сильнѣй зашевелилъ травою
Передразсвѣтный вѣтерокъ.
Ужъ погасаетъ огонекъ,
И вьется тонкою струею
Во мглѣ рѣдѣющей дымокъ....

Вдругъ конскій топотъ раздается,
Какъ шумъ глухой, изъ далека;
Вотъ громче, ближе... вотъ несется
Конь вороной безъ сѣдока.
Вотъ за могилою степною
Своихъ товарищей узналъ;
Помчался къ нимъ, летитъ стрѣлою
И подбѣжавши, вдругъ заржалъ,
Затрясъ ушами и упалъ
Почти недвижный, бездыханный...
По шеѣ кровь бѣжитъ изъ раны,
Расколотъ рыцарскій сайдакъ
И безобразными клочками,
Обрызганъ кровью, межъ ногами,
Виситъ разорванный чепракъ....

Но гдѣ же грозныйг айдамакъ,
Краса и слава вольной Сѣчи?
Погибъ?... Но гдѣ, когда, [2]) и какъ,
И при какой враждебной встрѣчѣ?...

Быть можетъ дерзкою толпой
Въ глуши захваченный въ неволю,
Въ темницѣ душной и сырой
Клянетъ, въ цѣпяхъ, свою онъ долю.
Иль крымскимъ хищникомъ убитъ,
Въ степи пустынной онъ лежитъ, [3])
И волкъ уже во мракѣ ночи
Терзаетъ трупъ среди травы
И изъ казацкой головы
Орелъ выклевываетъ очи.....

Какъ мы сказали, и эта редакція еще подвергалась исправле-

[1]) Было: «А гайдамака».
[2]) Было: «за что».
[3]) Было: «Непогребенный онъ лежитъ».

ніямъ, изъ которыхъ мелкія мы привели въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Кромѣ того вмѣсто заключительныхъ стиховъ 5-й строфы было:

Мы понеслися подъ Очаковъ,
Щипнули на пути поляковъ...
И удальствомъ пришлецъ младой
И безпощадностью лихой
Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.

Окончаніе стихотворенія, со словъ „Такъ говорили межъ собою", было зачеркнуто и написано снова, а въ первоначальномъ видѣ оно читалось такъ:

Такъ говорили межъ собою
Про гайдамака — молодца
Два запорожскихъ удальца....
Межъ тѣмъ румяною зарею
Ужъ занимается востокъ [1]),
Ужъ чаще шевелитъ травою
Передразсвѣтный вѣтерокъ;
Ужъ погасаетъ огонекъ,
И вьется тонкою струею
Во мглѣ рѣдѣющей дымокъ...
Вдругъ конскій [2]) топотъ раздается
Какъ шумъ глухой изъ далека;
Вотъ громче, ближе... вотъ несется
Конь вороной безъ сѣдока.
Вотъ за могилою степною,
Между высокою травою
Своихъ товарищей узналъ,
Помчался къ нимъ, летитъ стрѣлою,
И подбѣжавши вдругъ заржалъ [3]),
Запрялъ ушами, и упалъ,
Почти недвижный, бездыханный...
По шеи кровь изъ черной раны
Струею на траву бѣжитъ
И безобразными клочками
Обрызганъ кровью межъ ногами
Чепракъ разорванный виситъ [4]).

---

[1]) Было: «Часы идутъ. Уже зарею
Занялся сумрачный востокъ»,
[2]) «Вдругъ, слышутъ».
[3]) «Помчался быстрою стрѣлою;
И подбѣжавши къ нимъ заржалъ».
[4]) Было: «Струится кровь изъ черной раны,
На шеѣ сдѣланной свинцомъ,
И безобразными кусками
Въ крови виситъ между ногами
Чепракъ исколотый кругомъ».

Но гдѣ же грозный Гайдамакъ,
Краса и слава вольной Сѣчи?..
Погибъ?.. но гдѣ, за что, и какъ,
И при какой враждебной встрѣчи?..
Быть можетъ дерзкою толпой
Въ степи захваченный въ неволю,
Въ темницѣ душной и сырой,
Клянетъ, въ цѣпяхъ, свою онъ долю.
Иль крымскимъ хищникомъ убитъ
Въ глуши пустынной онъ лежитъ
И уже волкъ средь мрака ночи
Въ колючемъ тернѣ тѣло рветъ
И въ головѣ казацки очи
Орелъ безжалостно клюетъ.

Замѣтимъ, что послѣдніе 6 стиховъ были передѣлываемы и переписываемы нѣсколько разъ.

Въ печати это стихотвореніе явилось въ 1825 г. въ „Соревнователѣ Просвѣщенія" (часть XXX, № 4, стр. 97—104), подъ заглавіемъ: „Гайдамакъ. Отрывокъ". Оно почти не имѣетъ варіантовъ съ приведеннымъ нами текстомъ, кромѣ, какъ кажется, недосмотровъ корректора и почти ничтожныхъ поправокъ, напр. пропущенъ стихъ о конѣ: „съ нимъ и въ такую ночь никакъ", а черезъ стихъ напечатано: „удалъ отважный гайдамакъ". Напечатано „давно онъ по всему примѣтно". вм. ко всему; осталось: „два запорожскихъ удальца", вм. „заднѣпровскихъ"; пропущенъ стихъ „обрызганъ кровью", и пр. а вмѣсто вольной напечатано: „краса и слава буйной Сѣчи".

Приводимъ отрывки и изъ первоначальныхъ набросковъ этого стихотворенія.

Не вихрь шумитъ среди степей,
Не ястребовъ орелъ гоняетъ:
На ворономъ конѣ летаетъ
За крымцами сѣдой Палѣй.

Осенней ночью близъ кургана,
Въ степи глухой у огонька,
Сидятъ одни, во мглѣ тумана,
Два запорожскихъ казака.
Ихъ лица смуглыя слегка
Багровый пламень освѣщаетъ,
Угрюмый видъ ихъ выражаетъ
И безпокойство и печаль.

Угрюмо, дико все въ природѣ:
Ни звѣздочки на мрачномъ сводѣ
Уныло дремлющихъ небесъ;

Рѣка молчитъ, безмолвенъ лѣсъ;
Лишь налетая вѣтръ порою
Ковылью шевелитъ сухою
Да кони борзые, на волѣ
Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ.

Сквозь черный мракъ сгущенной ночи
Напрасно зоркія ихъ очи
Чего-то ищутъ въ дальной мглѣ.
Вотще они къ сырой землѣ
Свое прикладываютъ ухо.
Кругомъ все сумрачно и глухо....

Послѣ этого сюда перенесена, съ исправленіями, зачеркнутая 3-я строфа:

Молчитъ рѣка, безмолвенъ лѣсъ;
Ни звѣздочки среди небесъ.
Объята черной пеленою,
Какъ будто вся природа спитъ,
Лишь налетая вѣтръ порою
Сухой ковылью шевелитъ;
Да кони и пр.....

Далѣе слѣдуютъ стихи: „Гдѣ запоздалъ онъ?...“ и пр. съ помарками до стиха:

Но что-жъ? Пусть такъ, у молодца
Булатъ съ пищалью семипядной.
Бѣжали робко передъ нимъ
Не разъ и крымцы и поляки.
Какъ Божій гнѣвъ онъ страшенъ имъ,
Какъ страшный вихорь онъ средь драки.
Не разъ конями вмѣстѣ съ нимъ
Топтали мы враждебный Крымъ
И нивы Польши плодородной....
Такъ запорожцы въ тишинѣ
Порой другъ другу говорили....
. . . .
Я хорошо тотъ помню день,
Когда пришелъ онъ въ нашъ курень
И клятву далъ, быть гайдамакомъ,
За Сѣчь свободную стоять
И вѣчно ненависть питать
Противу крымцевъ и поляковъ.
Тогда весьма онъ молодъ былъ,
Красивъ, высокъ, осанистъ, строенъ;
Онъ строго нашъ законъ хранилъ,
И какъ прямой и пылкій воинъ
Тревоги бурныя любилъ,
Но въ сердцѣ что-то онъ таилъ
И былъ душевно неспокоенъ.

Суровъ и дикъ и одинокъ
И нынѣ, какъ тогда угрюмый....

. . . .

Его зловѣщіе глаза.....

Еще прежде было набросано:

Я хорошо тотъ помню день,
Когда къ Палѣю онъ въ курень
На Запорожіе явился.
Набѣгъ съ нимъ первый полюбился...
Будь проклятъ этотъ гайдамакъ.

. . . .

Такъ на досугѣ говорили
Между собою казаки....

. . . .

„Два казака. Гайдамакъ. Его характеръ. Конь прибѣгаетъ безъ него. Будь проклятъ этотъ Гайдамакъ".

„Байракъ. Пень. Барвинокъ. Жупанъ...... Иль сизоперому орлу, иль плотоядному шакалу. Порода..... Спѣсь. Суремки. Суходолье".

Прекрасенъ гость былъ черноокой....
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступь, гордый взоръ,
Черты, жупанъ — все родъ высокой
Изобличало въ пришлецѣ.
Все насъ плѣняло въ молодцѣ;
Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ....

И далѣе до стиха „Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ".

Нерѣдко онъ поля Волыни
Копытами коней оралъ
И, превращая все въ пустыни,
Ихъ польской кровью поливалъ...

Что не могла свершить судьбина,
То сдѣлала Екатерина...

Но гдѣ-же онъ? Давно пора
Ему здѣсь быть изъ-за Днѣпра...
Такъ говорили межъ собою
Два удалые казака....

Какъ плотоядные шакалы
По степи рыщутъ казаки....

Съ копьемъ и съ длиннымъ самопаломъ,
Въ травѣ высокой и густой
Онъ стережетъ врага порой
Иль рыщетъ по степи шакаломъ.....

Палѣй съ ватагой гайдамаковъ
Упалъ внезапно на Очаковъ,
Какъ гнѣвъ небесный — саранча,
Пылая местью кровожадной, —
И все погибло безпощадно
Иль отъ огня, иль отъ меча.

ПАЛѢЙ.

(второй отрывокъ изъ поэмы).

На однихъ и тѣхъ-же листахъ, нерѣдко въ перемежку съ стихами „Гайдамака", набросаны стихи другого отрывка, который въ печати явился въ „Сѣверной Пчелѣ" 1825 г. (№ 2, послѣдняя стр.), подъ заглавіемъ „Палѣй. Отрывокъ изъ новой поэмы". Мы приводимъ его по болѣе связной наброскѣ, относя къ примѣчаніямъ менѣе значительныя поправки.

Не тучи солнце обступали, [1]
Не вѣтры въ полѣ бушевали,
Палѣя съ горстью удальцовъ
Толпы несметныя враговъ
Въ степи пустынной окружали [2]).

Куда укрыться молодцу?
Какъ избѣжать неравной драки?
И тамъ и здѣсь вездѣ поляки...
По смуглому его лицу
Давно ужъ градомъ потъ катится;
Отъ мѣткаго [3]) свинца валится
Съ коня [4]) казакъ за казакомъ...
Уже обхваченъ онъ кругомъ...
Ужъ плѣнъ ему грозитъ позорной,
Но вдругъ одинъ, съ копьемъ въ рукѣ,
Сквозь густоту толпы упорной
Понесся [5]) онъ, какъ вѣтръ нагорной.
Вотъ вправо, влѣво — и къ рѣкѣ...
Коню проворною рукою
Набросилъ на глаза башлыкъ,
Самъ головой къ лукѣ приникъ,
Ударилъ плетью и стрѣлою
Слетѣлъ съ бреговъ отваги полнъ;
И вотъ средь брызговъ и средь волнъ
Исчезъ въ клубящейся пучинѣ...

---

[1]) Было: «затмѣвали».
[2]) Напеч. «Въ пустынномъ полѣ окружали».
[3]) Было: «Отъ вѣрнаго».
[4]) «Кругомъ».
[5]) Напеч.: «несется».

Бушуетъ вѣтръ, рѣка реветъ!
Ужъ онъ спокойно на срединѣ
Днѣпра шумящаго плыветъ.
Враги напрасно мечутъ стрѣлы,
Свинецъ напрасно тратятъ свой —
Разитъ лишь воздухъ онъ пустой,
И невредимо витязь смѣлый
Выходитъ на берегъ крутой [1]).
Конь опѣненный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржалъ;
Казакъ [2]) съ насмѣшкой оглянулся,
Врагамъ проклятіе послалъ
И въ степь глухую ускакалъ [3])...

Начало этого отрывка было переправлено три раза; одну редакцію мы привели въ отрывкѣ „Гайдамакъ"(выше стр. 107), другую вначалѣ этого стихотворенія, а третья читалась такъ:

Не тучи солнце обступали,
Не вѣтры въ полѣ бушевали,
Горсть запорожскихъ казаковъ
Толпы несметныя враговъ
Съ ихъ атаманомъ окружали.

ИСПОВѢДЬ НАЛИВАЙКО.

«Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...

«Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.

«Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть — рай!...

«Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;

---

[1]) Было: «другой»; а прежде написано: «прыгнулъ изъ волнъ на брегъ крутой».

[2]) Напечатано: «Палѣй».

[3]) Было: «И въ Запорожье поскакалъ».

Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло, какъ призракъ.
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ —
Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
«Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
«Пора губить враговъ Украйны!»

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!»

Отрывокъ этотъ имѣетъ только одинъ варіантъ въ рукописи именно, начиная съ 4-го стиха:

Ахъ, еслибъ возвратить я могъ
Порабощенному народу
Блаженства общаго залогъ —
Былую праотцевъ свободу!

„Исповѣдь“ была напечатана въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., вмѣстѣ съ двумя отрывками изъ той же поэмы: Кіевъ и Смерть

Чигиринскаго Старосты. Вотъ что писалъ по этому случаю Рылѣевъ къ А. С. Пушкину:

«Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о Думахъ и Войнаровскомъ. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ нетерпѣніемъ. Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайко, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго Старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди — мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайко, хотя, на оборотъ, въ удальствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что Звѣздочка отниметъ у меня много времени[1]). Петербургъ тошенъ для меня; онъ студитъ вдохновеніе: душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что либо, достойное вѣка нашего; но, какъ бы на зло, желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты обѣщаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обозрѣніе, обѣщалъ прислать свое опроверженіе на Байрона и Бовля — и вѣрно все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ Онѣгина, но по изустнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ и выше добродѣтелей. Пушкинъ! ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бъ ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе! Прощай чудотворецъ. Рылѣевъ.»

«Мая 12 дня 1825 г.

«Бестужевъ еще въ Москвѣ».

---

[1]) Рѣчь объ альманахѣ на 1826 г. Наша статья объ этомъ сборникѣ, не вышедшемъ въ свѣтъ, но на одну треть уже отпечатаннаго, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г., стр. 053. Ред.

О ПОРТРЕТѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

приложенномъ къ 1-й книгѣ «Русской Старины» 1871 г.

Въ бумагахъ покойнаго князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго, посвятившаго нѣсколько лѣтъ на изученіе иконографіи Петра Великаго, есть замѣтка о портретѣ, приложенномъ къ настоящей книгѣ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его замѣтки, въ переводѣ съ французскаго: „Въ 1717 году Гіацинтъ Риго (род. 1659 г. † 1743 г.) написалъ поясной портретъ Петра I, въ бытность его въ Парижѣ и изобразилъ его въ гвардейскомъ мундирѣ. Вотъ что разсказываетъ по этому случаю Голиковъ (Дѣянія Петра Великаго, изд. второе глава VI, стр. 227): „Сей правитель (герцогъ Орлеанскій) просилъ монарха дозволить списать портретъ его. Монархъ на сіе согласился, и два славные того времени живописца Натуаро (Nattier) и Ригодъ (Rigaud) въ сію Государеву въ Парижѣ бытность написали оныхъ два поколѣнныхъ: первый представилъ его въ панцырѣ, а другой, для двора французскаго, въ гвардейскомъ мундирѣ".

„Штелинъ, — продолжаетъ кн. А. Я. Лобановъ-Ростовскій: въ своемъ анекдотѣ (№ 35) предполагаетъ, что одинъ портретъ Петра Великаго, рисованный Риго, привезенъ былъ въ Петербургъ въ 1773 г и купленъ тогда императрицею Екатериною. Достовѣрно то, что портретъ этотъ записанъ подъ № 1756 въ старинномъ французскомъ каталогѣ картинъ, которыя находились въ 1774 году въ галлереяхъ императорскаго дворца въ С.-Петербургѣ *); но теперь объ немъ не имѣется свѣдѣній. Въ императорскомъ эрмитажѣ есть одна голова, къ которой прибавили туловище, по образцу портрета рисованнаго Натье, и который приписываютъ Риго. Объ этомъ произведеніи сложилась легенда, будто бы Петръ Великій въ Парижѣ зашелъ въ мастерскую Риго и увидѣвъ свой портретъ не конченнымъ, вырѣзалъ и унесъ одну только голову; возвратясь въ Россію, государь подарилъ свою добычу цесаревнѣ Елисаветѣ, которая по восшествіи на престолъ, подарила ее въ свою очередь графу Разумовскому; потомокъ же его (гр. С. С. Уваровъ представилъ портретъ въ императорскій эрмитажъ.

Справедлива или нѣтъ эта легенда — скажемъ мы отъ себя — писана-ли „голова" Петра живописцемъ Риго именно въ 1717 г. или въ другое время, какъ бы то ни было, но этотъ любопытный и одинъ изъ лучшихъ портретовъ великаго преобразователя Россіи — по нынѣ служитъ однимъ изъ украшеній Романовской галлереи Зимняго

---

*) Catalogue des tableaux qui se trouvent dans les galleries et dans les cabinets du Palais Impérial de S. Pétersbourg, 1774. in 12. Этотъ каталогъ былъ напечатанъ только въ 60 экземплярахъ.

дворца. Этотъ поясной портретъ, писанъ масляными красками и, по эрмитажной описи, значится подъ № 5355. При нѣсколько внимательномъ его разсмотрѣніи замѣтно, что голова была дѣйствительно вырѣзана и затѣмъ наклеена на другой холстъ, на которомъ и написано туловище.

Слѣдъ вырѣзки переданъ и на нашей гравюрѣ. Настоящій портретъ Петра I, прекрасно передавая его черты за время полнѣйшаго развитія его силъ и мужественной красоты — былъ выбранъ покойнымъ историкомъ Николаемъ Герасимовичемъ Устряловымъ оригиналомъ для гравюры, предназначавшейся въ пятому тому „Исторіи царствованія Петра Великаго". По заказу г. Устрялова художникъ А. Лебедевъ снялъ копію съ этой картины, и съ нея выполнена въ Лондонѣ гравюра г. Гретбачемъ (Greatbeach). За смертью историка, V-й томъ его труда не вышелъ въ свѣтъ, что же касается до гравюры, то редакція „Русской Старины" не остановилась предъ расходомъ довольно значительнымъ и приобрѣла у наслѣдниковъ покойнаго весь, присланный изъ Лондона, заказъ этой гравюры, которая и разсылается при настоящей книгѣ гг. подписчикамъ „Русской Старины".

Ред.

ОТВѢТЪ НА ЗАЯВЛЕНІЕ Г. КИСЕЛЕВА О ПРАВѢ НА ИЗДАНІЕ ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

Въ послѣдней, 12-й тетради „Русскаго Архива" 1870 года напечатано „Заявленіе П. С. Киселева о (будто бы) принадлежащемъ ему правѣ на изданіе записокъ А. Т. Болотова". Г. Киселевъ сообщаетъ, что въ 1863 году имъ „приобрѣтены собственноручныя записки и замѣтки Андрея Тимоѳеевича Болотова", которыми г. Киселевъ и „думалъ современемъ подѣлиться съ читающею публикою". Приобрѣтеніе это сдѣлано было „отъ родного внука автора записокъ, Михаила Павловича Болотова, которому онѣ достались по наслѣдству", и который, при передачѣ ихъ г. Киселеву „въ полную собственность выдалъ, 15-го декабря того же года, письменный документъ, коимъ обязывался отвѣчать передъ своими родственниками, въ случаѣ, еслибы кто-либо изъ нихъ предъявилъ претензію на изданіе въ свѣтъ записокъ" *).

Сообщая затѣмъ, что редакція „Русской Старины", получивъ записки А. Т. Болотова —„отъ родныхъ правнуковъ автора", помѣщаетъ ихъ на страницахъ своего изданія, г. Киселевъ „заявляетъ свои

*) Строки эти подчеркнуты г. Киселевымъ.

претензіи противъ родственниковъ" Михаила Павловича Болотова, т.-е. противъ правнуковъ Андрея Тимоѳеевича и приглашаетъ „редакцію „Русской Старины" оказать ему содѣйствіе къ возстановленію нарушеннаго (будто бы) права его собственности".

Въ отвѣтъ на приглашеніе г. Киселева—мы, прежде всего, приводимъ письмо старшаго правнука Андрея Тимоѳеевича, Владиміра Алексѣевича Болотова:

„Милостивые государи, гг. редакторы „Русской Старины"! Прочтя въ декабрьской тетради „Русскаго Архива" заявленіе г. Киселева о запискахъ А. Т. Болотова, долгомъ считаю объяснить вамъ слѣдующее:

„Послѣ смерти А. Т. Болотова, въ 1833 году, старшему внуку его. а моему отцу, Алексѣю Павловичу, достались двадцать девять томиковъ записокъ его жизни, переписанные имъ самимъ, Андреемъ Тимоѳеевичемъ, на бѣло. Затѣмъ, въ пятидесятыхъ годахъ, при разборѣ его библіотеки досталось младшему внуку его, т.-е. моему дядѣ, Михаилу Павловичу, нѣсколько томиковъ трудовъ Андрея Тимоѳеевича съ разными черновыми рукописными замѣтками и разсказами, которые, по просьбѣ В. Ѳ. Самарина, дядя мой продалъ г. Киселеву. Я же уступилъ вамъ для напечатанія въ издаваемомъ вами журналѣ „Русская Старина" двадцать девять томиковъ—именно тѣ, которые окончательно, на бѣло написаны моимъ прадѣдомъ и которые, какъ изъяснено выше, достались мнѣ по наслѣдству отъ моего отца, старшаго внука Андрея Тимоѳеевича.

„Изъ изложеннаго видно, что, какъ дядя мой Михаилъ Павловичъ, акъ и я располагали отдѣльными манускриптами, и располагали ими на правѣ полной собственности, не нарушая ничьихъ правъ. Что же касается до заявленія г. Киселева о томъ, что Михаилъ Павловичъ Болотовъ, уступая ему имѣвшіяся у него рукописи, оградилъ его право на нихъ, то это огражденіе, какъ свидѣтельствуетъ самъ г. Киселевъ, было противъ претензіи родственниковъ Михаила Павловича и, дѣйствительно, со стороны нашей претензіи не имѣется."

„Примите увѣреніе и проч. Владиміръ Болотовъ.

P. S. „Письмо это, ежели считаете нужнымъ, можете напечатать."

Къ приведенному письму добавлять много нечего. Бѣловой экземпляръ драгоцѣнныхъ для отечественной исторіи записокъ Болотова мы пріобрѣли по особому, заключенному съ Владиміромъ Алексѣевичемъ Болотовымъ, 27-го апрѣля 1870 г., условію. По силѣ этого документа (пунктъ 5-й) нижеподписавшіеся обязались непремѣнно напечатать всѣ пріобрѣтѐнные ими для „Русской Старины" двадцать девять томиковъ записокъ Болотова.

Въ виду несомнѣнной ихъ важности и съ каждымъ томомъ возрастающаго интереса содержанія записокъ Болотова, редакція „Русской Старины“ съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшила исполнить означенное обязательство. Семь томовъ замѣчательнаго труда Андрея Тимоѳеевича получены уже подписчиками нашего изданія; остальные томы, бóльшею частью уже напечатаны, и непремѣнно будутъ разосланы въ приложеніяхъ къ слѣдующимъ книгамъ „Русской Старины“; при этомъ редакція, нещадя издержекъ на улучшеніе своего изданія, постарается расширить объемъ этихъ приложеній, т.-е. вмѣсто трехъ печатныхъ листовъ,—если то представится удобнымъ, будетъ разсылаться по четыре и даже по пяти листовъ, кромѣ текста прочихъ статей журнала *).

Затѣмъ, намъ будетъ весьма пріятно видѣть на страницахъ „Русскаго Архива“ тѣже записки Болотова по другому, черновому ихъ списку, либо тѣ его замѣтки, которыя изложены этимъ трудолюбивымъ и высокопросвѣщеннымъ писателемъ въ прочихъ томикахъ его многочисленнаго собранія рукописей. Въ этомъ отношеніи какъ Н. С. Киселевъ, такъ и П. И. Бартеневъ могутъ быть увѣрены въ искренности нашего удовольствія. Оно и понятно: можемъ ли мы имѣть что-нибудь противъ того, чтобы читатели „Русскаго Архива“ прочитали, хотя въ черновыхъ наброскахъ и отдѣльныхъ замѣткахъ, то, что подписчики „Русской Старины“ получаютъ уже вполнѣ, въ изданіи бѣловой, собственной руки, окончательно отдѣланной рукописи Андрея Тимоѳеевича Болотова.

ВАСИЛІЙ СЕМЕВСКІЙ.
МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ.

*) Въ текстѣ разосланныхъ уже подписчикамъ «Русской Старины» семи частей записокъ Болотова, мы помѣстили 24 рисунка, гравюры съ исполненныхъ самимъ авторомъ; кромѣ того мы приложили портретъ его, факсимиле имъ нарисованнаго. Независимо отъ этого, редакція «Русской Старины», при послѣдующихъ частяхъ записокъ Болотова, помѣститъ гравюру съ прекрасно выполненнаго масляными красками портрета Андрея Тимоѳеевича, а также нѣсколько точныхъ снимковъ съ болѣе характеристическихъ страницъ подлинной рукописи его записокъ. Ред.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ—Михаила Максимовича. Спб. 1871 г. 8. д. 154 стр.

Не смотря на незначительный объемъ этой книжки, въ ней встрѣчаются имѣющія значеніе замѣтки, служащія къ объясненію нѣкоторыхъ, трудныхъ для правильнаго уразумѣнія, лѣтописныхъ сказаній какъ о Кіевѣ, такъ и о Кіевской Руси, также—опредѣленіе мѣстностей Кіевскихъ, о которыхъ спорятъ наши историки;—свѣденія о нѣкоторыхъ личностяхъ, занимавшихся Кіевской стариной, которая едвали кому нибудь извѣстна на столько, на сколько знакома она почтенному сочинителю «Писемъ о Кіевѣ.» Притомъ значительная доля этихъ Писемъ посвящена памяти нашего незабвеннаго геніальнаго іерарха, преосв. Иннокентія (бывшаго архіепископа Херсонскаго). Въ Письмахъ о Кіевѣ помѣщено множество чрезвычайно любопытныхъ Иннокентіевыхъ записокъ къ М. А. Максимовичу; въ этихъ запискахъ, писанныхъ къ нему, иногда карандашомъ, значитъ безъ всякихъ приготовленій и прикрасъ, иногда въ двухъ—трехъ фразахъ, высказывается и многообъемлющая умственная дѣятельность незамѣнимаго Иннокентія, и его прекрасное сердце. Записки Иннокентіевы, сообщенныя въ Письмахъ М. А. Максимовича, послужатъ подспорьемъ къ собранію свѣденій, необходимыхъ для біографіи покойнаго херсонскаго святителя и одного изъ яркихъ свѣтилъ церкви Русской. По случаю скоро имѣющихъ выйдти въ свѣтъ сочиненій Иннокентія, конечно, не замедлитъ явиться и его біографія; а кто будетъ заниматься этимъ дѣломъ, тотъ скажетъ спасибо и М. А. Максимовичу за его Письма; скажутъ ему большое спасибо и почитатели Иннокентіевы, которыхъ у насъ, слава Богу, очень и очень довольно. Независимо отъ данныхъ для біографіи знаменитаго іерарха—въ «Письмахъ» Максимовича представляется нѣсколько неизвѣстныхъ, но чрезвычайно любопытныхъ, свѣденій о Кіевской духовной академіи и университетѣ св. Владиміра, (въ которомъ авторъ «Писемъ» былъ первымъ и славнымъ ректоромъ), и о лицахъ, дѣйствовавшихъ въ томъ и другомъ разсадникѣ русскаго просвѣщенія въ краѣ, который въ то время находился подъ сильнымъ вліяніемъ, особенно сложившихся обстоятельствъ... Эти свѣденія тѣмъ любопытнѣе, что истекаютъ изъ перваго источника.—

Книга издана весьма изящно.

Новая Русская Литература: отъ Жуковскаго до Гоголя включительно. Составилъ В. И. Водовозовъ. Второе, дополненное изданіе. Спб. 1870 г. въ 8 д. стр. 390. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Это положительно одинъ изъ лучшихъ курсовъ новой русской литературы.

Книга г. Водовозова представляетъ не компиляцію, а вполнѣ самостоятельное изслѣдованіе педагога опытнаго, глубоко изучившаго свой предметъ, умѣющаго сосредоточить вниманіе своихъ читателей на изслѣдованіи, заинтересовать его и—такъ сказать—вызвать работу мысли. Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь—одинъ за другимъ проходятъ въ почтенномъ трудѣ г. Водовозова, раскрывая подъ его пытливымъ и зачастую остроумнымъ анализомъ, тѣ сокровища, которыя внесли произведенія ихъ творческой фантазіи въ исторію развитія русской мысли, русскаго прогресса... Съ нѣкоторыми выводами уважаемаго педагога можно не соглашаться и находить, что они сдѣланы не съ исторической точки зрѣнія; можно признавать ихъ нѣсколько односторонними (см. объ Евгеніѣ Онѣгинѣ, отчасти отзывы о Жуковскомъ и проч.); анализъ г. Водовозова иногда мелоченъ,—но во всемъ его трудѣ видишь писателя съ самыми честными, прекрасными убѣжденіями и педагога, главная задача котораго вызвать въ ученикѣ или читателѣ самодѣятельность мысли, и путемъ собственнаго анализа, по многочисленнымъ образцамъ разсѣяннымъ въ книгѣ,—привести его къ твердому, сознательному выводу о томъ или другомъ художественномъ произведеніи, о томъ или другомъ направленіи въ литературѣ. Неизмѣримо далеко оставляетъ за собой подобная книга всѣ, ему предшествовавшіе, курсы Русской Словесности.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, біографич. очеркъ. Спб. 1871. г. 8 д. стр. 496. цѣна 2 руб.

Ученая критика послѣдняго времени строго отнеслась (см. статью г. Забѣлина) къ историч. трудамъ покойнаго Снегирева; тѣмъ не менѣе, для своего времени, этотъ неутомимый труженикъ сдѣлалъ много полезнаго и его разнообразные труды въ области изслѣдованія до—Петровской старины вообще и древностей Москвы въ особенности, пользовались значительнымъ успѣхомъ. По этому нельзя не быть признательнымъ г. Ивановскому за трудъ, который онъ взялъ на себя, соединить въ одномъ изданіи соч. Снегирева. Въ первомъ вышедшемъ томѣ помѣщенъ очеркъ его жизни; если въ этотъ очеркъ издатель ввелъ не мало лишняго, до Снегирева ни сколько не относящагося, если затѣмъ самый разсказъ веденъ не достаточно послѣдовательно, то все таки въ этой книгѣ есть много интереснаго: таковы списки многочисл. трудовъ Снегирева; выдержки изъ его дневника, за время съ 1821-го по 1866 г., отрывки изъ его переписки, и проч. Отъ души желаемъ г. Ивановскому вполнѣ успѣшно окончить предпринятое имъ изданіе.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ"
1871 г., второй годъ изданія.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома,** изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія,** не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ и Москвѣ, — семь рублей** за весь годъ т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30);** въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ домѣ Лисицына,**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому,** или:—**Михаилу Ивановичу Семевскому:** въ **С.-Петербургъ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.**

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолженій **записокъ А. Т. Болотова,** кн. **М. М. Щербатова, Лагарпа, М. А. Бестужева,** и архивовъ кн. **М. И. Голенищева-Кутузова,** кн. **Куракиныхъ,** гр. Штакельберговъ, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина,**—записки: гр. **Г. П. Чернышева,** адмир. **Колзакова,** зап. **И. И. Горбачевскаго,** кн. **С. Г. Волконскаго** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго,** кн. **Барклай-де-Толли,** кн. **А. А. Шаховскаго,** дневн. **В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.), записки поч. лейбъ-хирур. **Д. К. Тарасова,** ак. жив. **А. В. Ступина** (1776—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича;** зап. ак., быв. профес. **А. В. Никитенко,** д. с. с. **И. И. Саіязева,** дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; зап. генер. **Лишина** и полковн. **Замятнина** о 1831 г.; записки **Я. П. Бакланова** о польскомъ возстан. 1863 г. и др. Письма **А. П. Волынскаго** (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ—**А. Г. Пупарева,** письма гр. **Бестужева-Рюмина,** гр. **Панинымъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.) о новостяхъ въ Петербургской жизни; 60 писемъ **Екатерины II** о раздѣлѣ Польши и проч.; переписка **Петра III съ Фридрихомъ II,** письма императоровъ **Павла I, Александра Павловича,** императр. **Елизаветы Алексѣевны; Де-Прерадовича;** гр. **Аракчеева,** кн. **Васильчикова,** гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г. **А. П. Ермолова,** мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова,** письма графа **Толя** (1831 г.), 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховит.,** быв. дирек. лицея **Энгельгардта, Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина,** архит. **Витберга;** проекты и статьи **В. Н. Каразина;** сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; П. К. Щебальскаго;** статьи: профес. **И. Д. Бѣляева; Г. Н. Геннади,** кн. **Н. Н., С. П. и Н. С. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова;** сообщ. **П. А. Степанова, Н. П. Дурова; Н. И. Панова, П. А. Муханова,** кн. **П. Д. Волконскаго,** кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго,** кн. **Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, П. А. Ефремова, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе,** гр. **Э. К. Чапскаго, И. А. Пузыревскаго, В. А. Краснокутскаго; А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, П. П. Ламбина, М. Д. Хмырова, М. Ѳ. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго **князя Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго,** именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. ФЕВРАЛЬ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

При этой книгѣ прилагается: окончаніе Алфавитнаго Указателя личныхъ именъ встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (буквы **Л. — Ѳ.**)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская д. № 15.

1871.

II-я книга «Русской Старины» вышла 1-го февраля.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ

ИЛИ

ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.

1752—1827.

Сынъ священника, затѣмъ пѣвчій, келейникъ и секретарь Сѣвскихъ архіереевъ, впослѣдствіи чиновникъ въ Бѣлоруссіи въ эпоху возвращенія этого края нашему отечеству—Добрынинъ оставилъ послѣ себя весьма интересныя записки. Подлинникъ ихъ занимаетъ двѣ толстыя тетради и дѣлится на три части: первая—обнимаетъ время съ 1752 по 1777 г., вторая—останавливается на 1810 г. и, наконецъ, третья—доведена до 1827 г. Въ первой, самой обширной, авторъ описываетъ дѣтство и молодость, проведенныя имъ въ средѣ низшаго и особенно высшаго духовенства. Эта часть написана Добрынинымъ въ 1787 году, именно въ то время, когда онъ только что вырвался изъ прежней колеи своей жизни, написана имъ на 35-мъ году отъ роду, въ полномъ развитіи физическихъ и душевныхъ силъ, тѣмъ и объясняется необыкновенная свѣжесть и живость красокъ его разсказа. Пишетъ Добрынинъ весьма своеобразно: слогъ его для современнаго читателя покажется мѣстами тяжелъ, какъ вообще языкъ „книжныхъ" людей прошлаго столѣтія, но тяжеловѣсность слога искупается мастерствомъ разсказа и весьма замѣчательнымъ юморомъ. Съ самымъ спокойнымъ тономъ Добрынинъ повѣствуетъ объ уморичѣйшихъ эпизодахъ изъ своей жизни—причемъ нерѣдко является ршеннымъ художникомъ: такъ поразительно живы набрасываемыя бытовыя картины, типы духовныхъ сановниковъ, помѣщиковъ, чиликовъ, губернаторовъ... Необходимо при этомъ замѣтить, что Добрыь писалъ не для печати; тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ его труда, ьма близко знакомый съ современною ему переводною и оригинальною

русскою словесностью (иностранныхъ языковъ онъ не зналъ), авторъ усвоилъ себѣ всѣ пріемы даровитыхъ писателей: онъ почти вовсе не даетъ мѣста такимъ мелочамъ, которыя бы не имѣли ни интереса, ни значенія, но почти всегда выдвигаетъ только такія подробности, которыя чрезвычайно ярко окрашиваютъ современное ему общество и болѣе крупныхъ въ немъ дѣятелей, съ которыми только приходилось ему сталкиваться. Въ этомъ отношеніи особенно хороша первая часть записокъ Добрынина; на нее мы обращаемъ особое вниманіе читателей: многія страницы въ ней положительно напоминаютъ то исполненныя смѣха и слезъ картины великаго художника Гоголя,— то яркіе очерки писателя, столь безвременно сошедшаго въ могилу— Помяловскаго....

Независимо отъ несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ, записки Добрынина для „Русской Старины" дороги еще и тѣмъ, что они какъ бы восполняютъ другой замѣчательный историко-литературный памятникъ: мы разумѣемъ записки Болотова. Какъ автобіографія Болотова является цѣлою эпопеею быта русскаго дворянина XVIII вѣка, во всевозможныхъ сферахъ его дѣятельности, такъ „Жизнь" Добрынина выдвигаетъ на страницы нашего изданія длинный рядъ мастерски абросанныхъ картинъ быта русскаго духовнаго лица того же вѣка, почти тѣхъ же годовъ (1750—1781) и также на всѣхъ ступеняхъ его положенія, начиная съ причетника сельской церкви и кончая архіерейскою каѳедрою....

Рукопись записокъ Добрынина найдена, если не ошибаемся, въ одномъ изъ погостовъ Могилевской губерніи, даровитымъ малороссійскимъ писателемъ, Алексѣемъ Петровичемъ Стороженко и подарена имъ Лукѣ Николаевичу Антропову, отъ котораго „Русская Старина" пріобрѣла эти записки для печати.

Отрывокъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ „Виленскомъ Сборникѣ", изданномъ г. Кулинымъ въ 1869 г.; отрывокъ этотъ не великъ и взятъ изъ начала второй, а также изъ третьей части, именно изъ разсказа автора о его служебной дѣятельности, въ качествѣ чиновника, въ Могилевскомъ намѣстничествѣ. Мы, съ своей стороны, даемъ мѣсто на страницахъ „Русской Старины" только тѣмъ главамъ изъ записокъ Добрынина, которыя не были еще въ печати: при этомъ мы помѣстимъ ихъ не въ цѣломъ рядѣ книгъ „Русской Старины", а съ нѣкоторыми промежутками времени: такой порядокъ изданія этихъ записокъ представляется тѣмъ болѣе возможнымъ, что собственно біографія Добрынина (человѣка, впрочемъ, подобно Болотову, замѣчательно честнаго и во многихъ отношеніяхъ симпатичнаго)—не можетъ представлять большого историческаго интереса, такъ какъ

авторъ „Истиннаго повѣствованія“ не игралъ особенно важной роли ни въ общественной, ни тѣмъ болѣе въ государственной жизни русскаго общества прошлаго вѣка: „повѣствованіе“ его имѣетъ значеніе главнымъ образомъ въ отношеніи бытоописательномъ *). Съ этой стороны, какъ мы уже замѣтили, особенно важна и интересна первая часть, и она, составляя совершенно законченную картину быта русскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ, явится вполнѣ на страницахъ „Русской Старины“. Ред.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Нѣтъ, думаю, ни одного человѣка изъ могущихъ мыслить, которому бы не приходила когда-нибудь мысль: кто я? гдѣ я? откуда я пришелъ? что вижу я? и куда пойду? и подобныя сему задачи. Но всѣ мыслящіе такъ, и желающіе постигнуть и разрѣшить сію сокрытую отъ смертныхъ тайну остаются по прежнему въ глубокомъ о ней невѣдѣніи.

Послѣ сего, осталось ли мнѣ мѣсто писать на тотъ конецъ, чтобы другіе читали? Намѣренье мое состоитъ въ томъ, чтобъ писать сущую правду для собственнаго въ настоящее и будущее время приведенія на память прошедшихъ моихъ лѣтъ и приключеній; писать такъ, какъ пишутся дневныя записки. Слѣдовательно писать небылицы или выдумки было бы тожъ самое, что обманывать самого себя. Во избѣжаніе сего и тонъ моей повѣсти и порядокъ въ ней всего безпорядка основалъ я на пословицѣ покойника моего дѣда: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ — лучше, съ ума не сойдешь».

Сродное однакожъ человѣку любочестіе заставило меня примкнуть сію пословицу, дабы блеснуть, что я мудраго дѣда внукъ......

*) Авторъ, впрочемъ, даетъ довольно много мѣста біографическимъ очеркамъ нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей прошлаго вѣка: необыкновенно типично обрисованы имъ Сѣвскіе архіереи Тихонъ Якубовскій и Кириллъ Флоринскій, епископъ Анатолій Мелесъ, извѣстный ученый архимандритъ Карпинскій, Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, нѣкогда знаменитый участникъ въ іюнскомъ переворотѣ 1762 г., Паленъ, ученикъ Вольтера — Полянскій и многіе другіе, не столь высоко стоявшіе, тѣмъ не менѣе по характерамъ, складу своего развитія или по своей жизни — интересныя лица. Вообще авторы историческихъ повѣстей и романовъ изъ эпохи XVIII вѣка — найдутъ въ «Истинномъ повѣствованіи» Добрынина весьма богатый матеріалъ при составленіи своихъ произведеній. Ред.

§ I.

Время отъ рожденія моего до смерти отца моего, заключающее въ себѣ пять лѣтъ.

Въ безднѣ безначальнаго и безконечнаго времени, предъ разсвѣтомъ, уже былъ 20-й день марта 1752 г., по старому грекороссійскому счисленію, когда природа, по непремѣнному своему закону, употребя орудіемъ мою невинность, слабѣйшіе и едва существующіе члены и невѣдѣніе, терзала утробу моей матери, и наградила ее такимъ во мнѣ подаркомъ, котораго цѣна извѣстна, говорятъ, однимъ только матерямъ. Это значитъ: я родился. Всѣ мои предки, коихъ глубокое начало покрыто неизвѣстностью,—можетъ быть потому, что они не охотники были писать собственныхъ исторій, посвящаемы были на службу алтарю Господню. Въ семъ священномъ званіи нашелъ я въ мірѣ двухъ моихъ дѣдовъ и отца, изъ коихъ дѣдъ мой по отцу жительствовалъ отъ Москвы, въ разстояніи пяти-сотъ верстъ, Сѣвскаго уѣзда*) въ селѣ Радогожѣ**), гдѣ я и родился, а дѣдъ по матери (жилъ) того-жъ уѣзда въ селѣ Неварѣ.

Въ 1756 году, радогожской мой дѣдъ уѣхалъ въ Москву для докончанія тяжебнаго дѣла съ соперниками своими, а въ 1757 г. апрѣля 12 умеръ отецъ мой. Мать моя столько о немъ сокрушалась, сколько недоброхоты нашего семейства радовались, потому что зло во всѣ состоянія вмѣшивается. А дѣдъ, извѣстясь въ Москвѣ о потерѣ сына, впалъ въ горячку, и едва за нимъ не послѣдовалъ, и хотя отецъ мой былъ въ такомъ состояніи, что не могъ бы дать сыну своему лучшаго счастія, нежели имѣлъ самъ, однакожъ то неоспоримо, что я остался сиротою, а мать моя вдовою, да сверхъ того, получилъ я въ наслѣдство шестой годъ отъ рожденія и чувствительное сердце

---

*) Городъ Сѣвскъ нынѣ Орловской губ. Ред.

**) По исторіи россійской, писанной княземъ Щербатовымъ, Радогожъ былъ городъ, и въ разныя времена потерпѣлъ отъ набѣговъ татаръ многія разоренія. При одномъ изъ набѣговъ, какъ говоритъ царственная книга царя Ивана Васильевича и князь Щербатовъ, былъ въ немъ воевода Ѳыновъ (?). А въ мои дѣтскія лѣта, были тамъ, да несомнѣваюсь и нынѣ еще суть, остатки земляной маленькой крѣпости, близъ бывшаго тамъ, при рѣкѣ Нерусѣ, Спасскаго монастыря; но Радогожъ принадлежалъ уже графу Петру Григорьевичу Чернышову по женѣ, которая была изъ роду Ушаковыхъ, а отъ Чернышова достался, по наслѣдству, одному изъ князей Голицыныхъ. Г. Д.

не по мѣрѣ лѣтъ. Я и теперь *) еще не забылъ, какъ въ одну пору въ печальномъ размышленіи уединился въ сарай, и началъ на свободѣ плакать подобно Исмаилу, о которомъ, правду сказать, я еще и не слыхивалъ. Мать, не видя сына дольше обыкновеннаго, по многимъ поискамъ нашедъ меня въ семъ положеніи, спросила о причинѣ плача; я отвѣтствовалъ: «мнѣ скучно, что отецъ мой умеръ!» Она, схвативъ меня на руки, отвѣчала мнѣ на это горькими слезами. Потомъ стала меня утѣшать обѣщаніемъ, что мы поѣдемъ къ дѣду неварскому,—т.-е. къ отцу ея, что и въ самомъ дѣлѣ исполнила, къ чему не меньше принуждена была и притѣсненіями отъ недоброхотовъ радогожскаго моего дѣда, а ея свекра.

§ II.

Переселеніе къ дѣду.

По прибытіи къ дѣду неварскому, жили мы у него съ матерью почти съ годъ, слѣдовательно исполнилось мнѣ шесть лѣтъ, а на седьмомъ, велѣлъ мнѣ дѣдъ положить три поклона въ землю предъ иконою, и началъ мнѣ вступленіе въ науку азбуку, по которой доучилъ меня до «буки-аз-ба». Говорятъ, что «доброе начало—половина дѣла», и на сей-то половинѣ кончилъ мой дѣдъ свой надо мной трудъ. Между тѣмъ, радогожской дѣдъ прибылъ изъ Москвы въ Сѣвской Спасской монастырь, для докончанія въ ономъ, по указу московской духовной консисторіи, тяжебнаго его съ своими непріятелями дѣла. Пишетъ оттуда письмо за письмомъ о присылкѣ къ нему внука его, въ Сѣвскъ, но неварскій ненаходитъ надобности отяготить себя нарочною подводою; такимъ образомъ, жребій мой между двухъ дѣдовъ колебался не малое время, наконецъ, послѣ свѣтлаго праздника десятая пятница рѣшила быть мнѣ у радогожскаго дѣда, ибо въ день оныя бываетъ въ Сѣвскѣ ярмарка, на которую неварскій дѣдъ послалъ племянника своего Степана для покупки сухой донской рыбы, называемой тарань, которая потребна ему была для постныхъ дней на покосъ. При сей оказіи и я отправился, благодаря дѣда, десятую пятницу и сухую рыбу тарань.

---

*) Я сіе пишу 1787 г. апрѣля 19; слѣдовательно мнѣ теперь тридцать пять лѣтъ отъ роду. Г. Д.

§ III.

Переселеніе отъ одного дѣда къ другому.

Радогожскій дѣдъ, увидя меня, схватилъ на руки съ несказаннымъ восхищеніемъ, и прижимая къ груди поминутно, называлъ меня оставленнаго ему отъ Бога на утѣшеніе отраслью и другими именами, какія влагала ему въ уста сердечная горячность. Все сіе меня оживляло, а теченіе цѣлой жизни дало мнѣ отжить и безпримѣрно-нѣжную ко мнѣ любовь моего дѣда, и (убѣдиться) что чувствительность во мнѣ открылась очень рано, и даже всегда предшествовала моему разсудку, сколько я ни работалъ, чтобъ она уступала ему первенство. Истина стиха славнаго Лафонтена владѣетъ мною и теперь во всей силѣ:

«Мы вѣчно тѣмъ, чѣмъ намъ быть въ свѣтѣ суждено:
Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно».

Отскочивши отъ матеріи, возвращаюсь къ ней. Дѣдъ далъ мнѣ, доставши отъ монастырскихъ малярей, нѣсколько деревянныхъ, выточенныхъ, позолоченныхъ и посребренныхъ яицъ. Они мнѣ въ ту пору пріятнѣе были вылитыхъ изъ золота и серебра. Онъ обнадеживалъ меня довести до той премудрости, что буду я умѣть читать и писать. Время доказало, что онъ не солгалъ. Достигши подъ юной возрастъ, могъ я видѣть, что онъ былъ по натурѣ боекъ, памятливъ, понятенъ, горячъ, предпріимчивъ, неустрашимъ въ злоключеніяхъ и терпѣливъ въ горестяхъ, которыхъ ему въ его жизни не недоставало. Долговременные по присутственнымъ мѣстамъ иски правосудія противъ злодѣйскихъ и разбойническихъ на него нападеній, послужили ему къ знанію въ судовѣдѣніи *), и еслибъ къ природнымъ его способностямъ доставало ему воспитанія, которымъ тогда въ Россіи и богачи не всѣ могли пользоваться, то былъ бы онъ человѣкъ

---

*) Радогожъ, принадлежавшій съ деревнями графу Петру Григорьевичу Чернышову, управляемъ былъ смоленскимъ шляхтичемъ Іосифомъ Краевскимъ. Сей Краевскій, не помню, по младенчеству, за что злобствуя на моего дѣда, захватилъ его насильно, затащилъ въ конюшню и мучилъ тамъ на смерть. Я, во возрастѣ моемъ, видѣлъ заросшіе знаки тиранства на тѣлѣ моего дѣда. Смерть жены священника, по тогдашнимъ духовнымъ правиламъ, обязывала вдовца иттить въ монастырь, дабы тѣмъ сохранить святость сана отъ грѣхопаденія. Симъ противосильственнымъ правомъ, и вмѣстѣ съ симъ дѣда моего несчастіемъ пользуясь, его злодѣи потащили его по монастырямъ. Первая вышесказанная тяжкая обида, и другія почти ей подобныя, сдѣлали ему тяжбу за

со способностями къ дѣламъ государственнымъ. А посему не удивительно, что многіе люди бываютъ не тѣмъ, чѣмъ бы они быть могли, еслибы имъ доставало способовъ къ воспитанію и содержанію себя. Я не оспориваю мнѣнія многихъ, «что бѣдность есть мать наукъ и другихъ полезныхъ изобрѣтеній»; но сколько сія мать породила невѣжества и зла, сколько погасила дарованій и добродѣтелей въ самомъ ихъ зародышѣ, на это еще никто не сдѣлалъ выкладки. Равно какъ неоспоримо и то, что достатокъ не меньше можетъ колебать всеобщее и частное спокойствіе смертныхъ въ краткой ихъ жизни, когда къ нему недостаетъ воспитанія, или, при воспитаніи, нравственности. Склонность и нужда познакомили его отчасти съ рукодѣліями: токарнымъ, столярнымъ, портнымъ и книго-переплетнымъ. Онъ ни въ одномъ не былъ совершенъ, потому что никоторому не учился, но все зналъ и занимался для пользы собственной и для услуги другимъ. Между тѣмъ, пока отроческія мои при немъ лѣта протекали, время отдохновенія,—сидя въ лѣтній особливо вечеръ подъ деревомъ подлѣ жилья—сопровождалъ онъ любимою своею пѣснію, которой я по нынѣ не забылъ, потому что и самъ эту, по побужденію его, иногда подтягивалъ. Она слѣдуетъ подъ симъ:

Ахъ! какъ трудно человѣку
Жить безъ счастья въ младомъ вѣку,
Печаль тяжко сокрушаетъ,
Сердце въ скорбѣхъ всегда таетъ.
Ахъ, младыя мои лѣта!
Что дражайши всяка цвѣта!
Въ несчастіи уплываютъ,
Дряхлу старость ожидаютъ;
Когда-жъ пройдетъ цвѣтъ младости,
Не чаешь быть ужъ въ радости.

половину жизни, а потеря жены и дѣтей увеличили горесть! Сіе послѣднее вознаградится хоть на томъ свѣтѣ, поелику здѣсь несчастный заплатилъ наличною монетою; но то останется въ безконечномъ удивленіи, что во всѣ времена трудно или невозможно обиженному найти удовлетвореніе соразмѣрное его обидѣ. Кто первый сказалъ, что «богатство всегда будетъ имѣть предъ всѣмъ перевѣсъ», тотъ не хотѣлъ никого обманывать. Въ дни безсмертныя Екатерины II, ея дѣянія и ея законы: «не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить, безъ суда, мѣщанина и простолюдина», ежели не истребили, по крайней мѣрѣ поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ. Г. Д.

Съ весны зима непріятна,
Ахъ! жизнь наша такъ превратна!
Въ старомъ вѣкѣ нѣтъ покою,
Только болѣзни съ бѣдою;
Тогда счастье хоть бы было,
Ужъ въ старости не такъ мило!
Счастье, гдѣ ты пребываешь?
Или съ звѣрьми обитаешь?*
Престань счастье съ звѣрьми жити
Прійди бѣдну послужити.

Сихъ старинныхъ стиховъ смыслъ открываетъ то, чтó у него было на сердцѣ. Онъ, по чувствамъ своимъ, выбралъ или случайно напалъ на такую пѣсню, которая сходствовала съ его жребіемъ въ жизни. Но не прерывая болѣ собственной исторіи, скажу, что я, подъ опекою моего дѣда живя въ семъ подгородномъ монастырѣ почти три года, выучился не только читать, но и писцомъ уже у монаховъ прослылъ. Архимандритъ, будучи доволенъ чтеніемъ и пѣніемъ моимъ въ церкви, подарилъ мнѣ съ себя полукафтанье зеленой китайки, стеганое на бумагѣ, которое хотя мнѣ и перешили, однакожъ я много въ немъ похожъ былъ на самого архимандрита.

Сей архимандритъ именовался: Иннокентій Григоровичъ. Онъ сдѣланъ архимандритомъ изъ казначеевъ Троицкой Сергіевской лавры въ Сѣвскъ, а изъ сего вскорѣ переведенъ въ Серпуховской Высокой монастырь, а пока еще другой на мѣсто его не прибылъ, управлялъ монастыремъ казначей, отецъ Савва Требартенскій.

Во время сего междовластія, начала братія, по силѣ допускаемыхъ въ монастыряхъ обыкновеній, стомаха ради*) (испивати). Въ такихъ упражненіяхъ, случилось въ одинъ вечеръ старому монаху Иліодору поссориться съ моимъ дѣдомъ. Послѣ сего дѣдъ, повидимому не думая много о пустой ссорѣ—легъ спать, а меня положилъ подлѣ себя. Но чернецъ не былъ столько забывчивъ. Онъ, когда погасили свѣчу и всѣ позаснули, взялъ изъ дровъ полѣно, и пришелъ на соннаго моего дѣда, съ намѣреніемъ въ

*) Въ монастыряхъ употребляемое слово: «выпить стомаха ради». Стомахъ есть слово греческое, значитъ желудокъ, а монахи, уповательно, взяли сей полезный для себя текстъ — изъ святого Павла, который въ посланіи своемъ говоритъ Тимоѳею: «не пій воды, но мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ» (Тим. 5, 23). Г. Д.

потемкахъ его поколотить; но вмѣсто дѣда потрафилъ съ перваго удара по внуку. Я вскричалъ безъ памяти; а дѣдъ, не понимая причины моего вопля, насилу добился отъ меня, что я ударенъ. Тогда дѣдъ мой, не сомнѣваясь, что сей невидимый ударъ есть дѣйствіе человѣколюбія непамятозлобнаго чернца, пошелъ тотчасъ къ казначею. Разбудя его, объявилъ причину своего прихода, и просилъ, чтобъ сіе дѣло разсмотрѣно было сей же часъ на мѣстѣ преступленія. Вслѣдствіе чего, казначей учреждаетъ коммисію изъ собственной персоны, и беретъ къ себѣ въ ассесоры монастырскаго ключника Варѳоломея. Приходятъ они въ нашу келью со свѣтильниками. Допрашиваютъ чернца, чернецъ чинитъ запирательство. Дѣдъ настоитъ, чтобъ черноризца допрашивать подъ пристрастіемъ*), яко по дѣлу уголовному, или онъ «то сдѣлаетъ, что завтрашній день и судимый и судьи забраны будутъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію». Судьи, симъ выговореннымъ изо всей мочи словомъ, приведены были въ страхъ и замѣшательство, тѣмъ болѣ, что ключникъ (былъ) безграмотной, а казначей снаравливалъ моему дѣду за сочиненіе приходныхъ и расходныхъ книгъ. Они отдаютъ чернца дѣду головою; чернецъ, сколько ни былъ простъ, понялъ, что нѣтъ ничего хуже какъ быть судиму обиженнымъ судьею, признается въ своемъ злодѣяніи и падаетъ дѣду въ ноги. Дѣдъ настоитъ, чтобъ виноватый былъ наказанъ по крайней мѣрѣ, ежели не больше, трапезными чотками, съ медленнымъ прочтеніемъ трехъ разъ покаяннаго Давыдова пятдесятаго псалма, по силѣ монастырскаго устава. Чернецъ проситъ пощады, и во избѣжаніе большаго зла, проситъ наложить на себя цѣпь. Дѣдъ, по многимъ препіямъ, остановился на одномъ, чтобъ по наложеніи на монаха цѣпи, посадить его въ пустую башню на цѣлую седмицу подъ запрещеніемъ вкушенія вина и елея, что̀ тогда же и учинено. Такимъ образомъ кончилось дѣйствіе, послѣ котораго монахъ Иліодоръ, хотя уже никогда никого не искалъ по ночамъ бить, однакожъ часто мнѣ снился съ полѣномъ въ рукахъ.

*) Слово: «пристрастіе», происходящее отъ слова: «страхъ» значило въ тѣ времена на правномъ, или юридическомъ языкѣ, «правду открыть посредствомъ истязанія тѣлеснаго». А нынѣ на діалектѣ новѣйшихъ временъ «пристрастіе» значитъ: «правду затмить посредствомъ монополіи, или интересовъ». Г. Д.

Вскорѣ потомъ прибылъ изъ Москвы въ монастырь полный начальникъ, архимандритъ Пахомій, мужъ старый до дряхлости, въ подагрѣ. Не успѣлъ еще онъ осмотрѣться, какъ ужъ братія и вознегодовала на него за нарушеніе прежнихъ монастырскихъ обыкновеній:

1) что онъ въ праздничные и торжественные дни не проситъ братію къ себѣ на водку; 2) что уничтожилъ печеніе по субботамъ блиновъ, а по воскресеньямъ—пироговъ. Въ сіе общество вмѣшался монастырскій, по тогдашнему называемый, «служка» Семенъ Малышевъ, которому было не болѣе 26-ти лѣтъ отъ роду, и который не меньше моего дѣда почитался искусникомъ въ приказныхъ дѣлахъ. Сіе искусство почерпнулъ онъ будучи въ бѣгахъ, и проживая въ городѣ Кинешмѣ въ качествѣ слуги, у тамошняго воеводы Борноволокова, котораго доносомъ своимъ, состоявшимъ не знаю въ какихъ важностяхъ, заставилъ отвѣчать въ тогдашней тайной канцеляріи.

Сей опытный человѣкъ кричалъ и увѣрялъ монаховъ, что архимандритъ богопротивникъ, и что за это надобно на него закричать по первому и второму пункту.

Я, слушая сего скопища заговоры, въ которыхъ сильно охотился понять, что значатъ слова: «по 1-му и 2-му пункту», и догадывался, что 1-й пунктъ значитъ, запрещеніе печь блины, а 2-й—пироги, и винилъ въ моихъ мысляхъ безъ пощады архимандрита за такое преступленіе. Сей скопъ и заговоръ не кончился словами. Служка Малышевъ вбѣжалъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію, закричалъ тамъ употребительное тогда «слово и дѣло» *); почему провинціальная канцелярія, во исполненіе тогдашнихъ законовъ, наложила на премаститую архимандричью старость оковы, отослала съ доносителемъ и свидѣтельми, кои всѣ были монахи, за крѣпкимъ карауломъ, въ тайную канцелярію, гдѣ открылся доносъ, что архимандритъ, во время всенощнаго на торжественный день моленія, приказалъ стихиры читать,

---

*) «Слово и дѣло» значило донесть на кого по 1-му пункту, то-есть, что тотъ виновенъ въ дерновеніи противъ Бога и церкви. По 2-му пункту,—въ оскорбленіи или въ знаніи намѣреній противъ государя и государства и проч.... Для производства таковыхъ дѣлъ учреждено было въ Москвѣ особливое присутственное мѣсто, называемое «тайная канцелярія», подобная во всемъ «инквизиціи», существующей еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ католицкихъ государствахъ. Г. Д.

а не пѣть. Вслѣдствіе сего, хотя ревностный защитникъ 1-го и 2-го пункта наказанъ тѣлесно и отданъ въ солдаты, однакожъ старый архимандритъ, вѣроятно, во всѣ остальные свои дни, не отговариваясь подагрою, всенощныя отправлялъ на распѣвъ.

Окончившаяся такимъ образомъ экспедиція не оставила безъ подозрѣнія и дѣда моего, хотя онъ и не былъ ни доносителемъ, ни свидѣтелемъ, почему оправданный архимандритъ испросилъ отъ московскаго митрополита Тимоѳея повелѣніе, о переведеніи его съ тяжебнымъ дѣломъ въ Николаевскій Столбовскій монастырь, отстоящій отъ Сѣвска на 50 верстъ, куда и я послѣдовалъ за дѣдомъ, 1762 года, на страстной недѣлѣ.

§ IV.

Пребываніе мое въ Столбовскомъ монастырѣ.

По прибытіи моемъ въ Столбовскій монастырь, отстоящій отъ Радогожа верстъ на 7, тамошній архимандритъ Варлаамъ Маевскій, снисходя на просьбу моего дѣда, уволилъ его на житье въ подсудственную сему монастырю Радогожскую пустынь *), отстоящую отъ дому дѣда моего, слѣдственно и отъ дому моего рожденія, на одну версту, а меня оставилъ у себя яко почетную особу въ достоинствѣ аманата, въ самомъ же дѣлѣ для того, что мой дышкантъ ему понравился. Къ тому же, удаленіе моего дѣда надежнымъ было для архимандрита средствомъ, что онъ не будетъ отвѣчать по 1-му и 2-му пункту. По порядку теченія времени, долженъ я себѣ припомнить, что мать моя, жившая по нынѣ у своего отца, а моего дѣда, избрала для себя сего 1762-го года, августа 31 д., блаженное жилище въ Сѣвскомъ женскомъ монастырѣ, съ намѣреніемъ принятія монашества. Припомнивши о семъ, возвращаюсь къ Столбовскому монастырю.

У столбовскаго архимандрита единолѣтное мое пребываніе ничего въ себѣ важнаго и достойнаго свѣдѣнія всему міру не заключаетъ, кромѣ что иногда меня монахи запрашивали въ свои кельи и внушали желаніе, чтобы я отъ юныхъ лѣтъ старался возлюбить добродѣтель и удостоиться полученія ангель-

*) Такъ назывались въ Россіи малые монастыри, а особливо гдѣ нѣтъ архимандрита или игумна, а начальствуютъ въ нихъ іеромонахи, титулуемые: «строителями.» Г. Д.

скаго чина — такъ они свой называли, — между тѣмъ, одинъ нечаянный случай произвелъ въ нихъ обо мнѣ худое мнѣніе. Во время вечерняго въ церкви моленія, въ небытность въ оной архимандрита, — поелику онъ начальникъ, — одинъ изъ чернорizцевъ, отецъ Арсеній, соскочилъ съ лѣваго клироса, поднялъ свою мантію, схватилъ ее въ одинъ узелъ, прижалъ къ самой груди, и началъ по церкви прыгать, какъ обезьяна. Онъ былъ пьянъ. Но мнѣ сіе показалось очень забавно. Я чувствовалъ, что онъ тѣмъ искрасилъ всю нашу вечерню, и мнѣ казалось, что если я сіе дѣйствіе перескажу архимандриту, то онъ заставитъ отца Арсенія еще такъ же попрыгать для забавы; но совсѣмъ противное вышло моему ожиданію. Онъ послалъ о. Арсенія на недѣлю въ хлѣбню—монастырская поварня—дрова рубить, воду носить, муку сѣять, и проч. За сіе всѣ черноризцы меня возненавидѣли, какъ будто всѣ они въ заговорѣ были прыгать по церкви, а архимандритъ полюбилъ (меня) больше прежняго, и, неоднократно заставляя меня представлять дѣйствіе прыгающаго чернца, смѣялся со всѣхъ силъ и прихлопывалъ въ ладони.

До окончанія еще года, архимандритъ переведенъ на ваканцію въ Калугу; а Столбовскій монастырь велѣно приуготовить къ обращенію въ приходскую церковь, съ прочими, уничтожаемыми тогда по всей Великой Россіи, — кромѣ Малой Россіи, — монастырями, а я

§ V.

изъ Столбовскаго монастыря очутился въ Радогожской пустынѣ.

Отправился къ моему дѣду, въ Радогожскую пустынь, гдѣ прожилъ года три слишкомъ, посвящая все время на должность въ церкви чтеца и пѣвца, и, пользуясь праздностью, перебѣгалъ изъ монастыря въ Радогожъ домой, а изъ дому обратно въ монастырь. Иногда же отъѣзжалъ въ столбовское духовное правленіе для помочи тамошнему канцеляристу писать духовныя вѣдомости о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди, отправляемыя каждогодно въ Московскую консисторію, и притомъ, учился у находящагося въ Радогожской пустыни монаха Онуфрія пѣть «по нотѣ». Понятно, что наука сія не дѣлаетъ ни дѣльцомъ штатскимъ, ни служивымъ въ полѣ, ни ученымъ, ни ремесленникомъ, и не заключаетъ въ себѣ нравственности; но я послѣ видалъ многихъ, учившихся въ классахъ, пансіонахъ и проч.—

видѣлъ даже самыхъ учителей и чувствовалъ побужденіе къ подозрѣнію, что они писали духовныя вѣдомости и учились у монаха Онуфрія пѣть по нотѣ.

Въ теченіе сего времени, учреждена въ Сѣвскѣ епархія, почему и прежнее мое обиталище, Сѣвскій Спасскій монастырь, преобразованъ въ домъ архіерейскій, а Радогожская пустынь съ другими многими монастырями, давно уже назначенными къ уничтоженію, уничтожена. Куда же мнѣ дѣваться?

Въ 1765-мъ году повезъ меня дѣдъ въ Сѣвскъ, съ намѣреніемъ пристроить меня тамъ въ консисторію, но консисторіи секретарь Звѣревъ отвѣчалъ, что консисторія уже укомплектована. Надобно вновь искать предмета должностнаго или училищнаго.

Народныхъ училищъ тогда не было въ Россіи; изъ семинарій самая ближняя въ пятистахъ верстахъ, то-есть въ Москвѣ. Да и оныя тѣмъ только хороши, что лучше ихъ не было. А университеты и гимназіи не для насъ, да правду сказать, мы съ дѣдомъ ни о чемъ этакомъ, чего нѣтъ, и помышлять не могли. А пишу о семъ въ настоящемъ времени для того только, чтобъ дать мѣсто разсужденію, каковы у насъ были времена для наставленія и просвѣщенія юношества, и припомнить самому для себя, что непостижимая смертному судьба печется о немъ, какъ мать о младенцѣ, непонимающемъ того, что его берегутъ. Но пока сія мать воздѣйствуетъ съ бо́льшею матернею силою, ходилъ я каждодневно, по желанію моего дѣда, въ домовую вотчинную графа Петра Григ. Чернышова контору, для усовершенствованія себя въ писаніи. Конторы сей образованіе было въ надлежащемъ порядкѣ, а именно: вотчинный управитель, капитанъ Як. Иван. Макрушинъ, прикащикъ и бурмистръ, были присутствующіе члены; земскій писарь — въ качествѣ секретаря. Прочіе рядо́вые приказные были какъ и всѣ, кромѣ управителя — изъ собственныхъ его домовыхъ людей.

Контора состояла изъ двухъ чистыхъ горницъ и раздѣлялась на столы или на повытьи. Судейскій столъ въ первомъ мѣстѣ горницы, за перилами, покрытъ краснымъ сукномъ. На немъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, также повелѣнія и формы графскія, о управленіи вотчиною. Стѣны конторы уставлены изображеніями царской фамиліи въ эстампахъ, и (тутъ же) генеральная всей вотчины ландкарта. Напротивъ конторы, чрезъ большія

сѣни кладовая для храненія государственныхъ денежныхъ сборовъ, и караульня съ комплектомъ сторожей и разсыльщиковъ, и въ особомъ отдѣленіи архивъ. По возрастѣ моемъ, увѣрился я изъ опыта, что порядокъ во всякой части, между большими боярами, исключительно принадлежалъ роду графовъ Черныщевыхъ и графа Шереметева. Итакъ, продолжая усовершенствованіе своихъ талантовъ въ сей академіи, не знающей правописанія, поѣхалъ я, въ 1766-мъ году мая 8-го, съ дѣдомъ моимъ, въ уничтоженный уже, однакожъ не совсѣмъ еще разоренный Столбовской монастырь къ николаеву дню на ярмарку. — Знавъ тамошнія во время сего праздника обыкновенія, не пропустилъ я для себя полезнаго случая. Схватилъ въ канцеляріи духовнаго правленія чернильницу и бумагу, и побѣжалъ въ церковь и сталъ въ окну. Горячіе богомольцы, коими набита была церковь, и кои нанимая священномонаховъ, остававшихся еще тамъ до нѣкотораго времени, отправляли непрерывные молебны, начали ко мнѣ подходить, прося о написаніи именъ ихъ на карточкахъ къ подачѣ священнослужителю, приносящему за нихъ молитвы. Я принялся охотно содѣйствовать горячему усердію однихъ и другихъ, за добровольную плату. И какъ проходя сію должность нѣсколько часовъ, почувствовалъ въ карманѣ плодъ моего труда, состоящій въ нѣсколькихъ гривнахъ, то усугубилъ мою ревность къ услугамъ богомольцевъ и возвысилъ цѣну, что, однакожъ, горячихъ богомольческихъ сердецъ не могло отвратить отъ исполненія ихъ добрыхъ намѣреній, хотя иные и сморщившись мнѣ платили; а я, не разсуждая о грѣхѣ, хотя и въ монастыряхъ живалъ, бралъ спокойно деньги до тѣхъ поръ, какъ уже увидѣлъ, что время пробѣжало къ вечеру на куртагъ, въ каретѣ заложенной безчисленными минутами, въ препровожденіи неисчетнаго числа жребіевъ человѣческихъ, кои всѣ межъ собою столькожъ различествовали, какъ и человѣки, — кромѣ самаго времени, которое сидѣло столь важно и постоянно, что перемѣняя непремѣнно и безпрерывно все, само казалось презирало перемѣну. Сіе явленіе обольстило меня, какъ смертнаго; почему бросился я вслѣдъ за нимъ къ вечеру; но оно, повернувшись тамъ на скользкой и незыблемой своей ногѣ, мгновенно поскакало въ бездну самого себя, оставя мнѣ одну мечту, да тѣ 60 копѣекъ, которыя собралъ я съ богомольцевъ, и которыя за вычетомъ на

фунтъ черносливу, отдалъ всё безъ исключенія любезному моему радогощскому дѣду.

§ VI.

Дѣйствіе судьбы.

По возвращеніи нашемъ изъ Столбова домой, объявилъ дѣду моему управляющій вотчиною графа Петра Григорьевича Чернышова, коллежскій секретарь Яковъ, повелѣніе Сѣвскаго архіерея Тихона Якубовскаго, полученное имъ въ бытность его у сего преосвященнаго на поклонѣ, чтобы дѣдъ представилъ меня къ нему, поелику онъ отъ многихъ уже обо мнѣ извѣщенъ, въ томъ числѣ и отъ управителя, и что я, по общему гласу и мнѣнію, долженъ принадлежать къ штату архіерейскому.

Такая вѣсть тѣшила мое честолюбіе, ибо, въ чувствительныхъ честолюбіе открывается очень рано.—Я мечталъ, не знаю почему, что мнѣ надлежитъ быть при архіереѣ не послѣднимъ лицомъ; къ сему увеличивала еще мою мечту и знакомость прежняго моего жилища.

Но дивиться надобно силѣ привычки! Я желалъ быть при домѣ архіерейскомъ, предузнавалъ, или предчувствовалъ будущую пользу, и не хотѣлъ разстаться съ настоящею жизнію, съ которою разставаясь, грустилъ и плакалъ сильно, воображая, что долженъ быть подъ правилами, или наукою, которыя мнѣ еще неизвѣстны, и которыя стѣсняютъ природу. Мудрено-ли, что простыя дѣвки, а иногда и благородныя, плачучи идутъ замужъ!

Дѣдъ мой, внимая пастырскому гласу, дошедшему къ нему хотя и не по командѣ, повезъ меня въ Сѣвскъ, гдѣ, лишь только вошли мы въ ограду прежняго моего обиталища, встрѣтился намъ самъ архіерей съ немалою ассистенціею. Я хотя и не видывалъ до тѣхъ поръ архіереевъ, однако не сомнѣвался, что съ такою пышностію нельзя быть лицу простого монаха. Но дѣдъ мой, будучи въ сомнѣніи, подошедъ спрашивалъ самого архіерея: въ какую можно пору удостоиться намъ видѣть своего архипастыря?—Архіерей, примѣтя замѣшательство, улыбнулся и отвѣчалъ, чтобъ дѣдъ мой завтра въ 9-мъ часу поутру пришелъ къ архіерею въ переднюю и велѣлъ о себѣ доложить.

Тотъ старый монахъ Иліодоръ, который ударилъ меня ночью соннаго полѣномъ, былъ тогда уже іеромонахомъ и архіерей-

скимъ духовникомъ, и видѣлъ изъ окна своей кельи нашу незнакомую съ архіереемъ аудіенцію; послѣ которой запросилъ онъ насъ къ себѣ, весьма смиренно принялъ, увѣдомилъ насъ, что мы видѣли архіерея, и обѣщалъ свою помощь, если бы она въ какомъ случаѣ понадобилась.

На завтрашній день, по заплатѣ келейному десяти копѣекъ, допущены мы были къ его преосвященству. Онъ сидѣлъ на вызолоченныхъ деревянныхъ креслахъ, въ гарнитуровой темновишневаго цвѣта рясѣ, и въ штофномъ зеленаго цвѣта подрясникѣ. Панагія на немъ висѣла не очень блестящая, кругленькой фигуры, величиною съ мѣдный пятакъ.

Сему православія столпу мы благоговѣйно поклонились въ ноги, а онъ тихимъ голосомъ сказалъ: «А! это тотъ мальчикъ, о которомъ говорили мнѣ многіе; для чего ты давно его ко мнѣ не привезъ? я его назначилъ въ пѣвчіе». Имя пѣвчаго поразило меня, какъ громомъ; мракъ покрылъ чело мое, какъ грозная туча, и слезы покатились дождемъ. Архіерей, примѣтя во мнѣ сырую погоду съ мятелицею, подозвалъ меня къ себѣ поближе, спросилъ о причинѣ плача; мой отвѣтъ былъ, что «я ноты не учился» — смалчивая плутовато о монахѣ Онуфріѣ — «почему и пѣвчимъ быть не гожусь», «а мнѣ бы хотѣлось быть, продолжалъ я чистосердечно, въ консисторіи при перѣ». Тогда архіерей приказалъ мнѣ на столикѣ, стоявшемъ по правую его руку, написать на чистой бумагѣ, диктуя мнѣ самъ: «Премудрости наставникъ, и смысла податель, Слово отчее, Христосъ Богъ».

— «Ты пишешь не худо», сказалъ мнѣ преосвященный: «Надобно теперь поучиться тому, чего мы не знаемъ. У меня и секретарь знаетъ ноту, и самъ я по нотѣ пѣть умѣю; ты, обучившись партесу нотѣ — можешь со временемъ также быть», примолвилъ онъ съ улыбкою, «консисторскимъ у меня секретаремъ». Потомъ, приказано мнѣ съ дишкантистымъ пѣвчимъ запѣть для пробы кантъ, — сочиненія св. Димитрія: «Іисусе мой прелюбезный, сердцу сладосте» и проч., въ которомъ, хотя я и старался слукавить моимъ голосомъ, — ибо партесъ меня тревожилъ, и я думалъ, что такой премудрости немногіе достигаютъ, — однакожъ, несмотря на мою осторожность, его преосвященство, призвавъ изъ консисторіи канцеляриста Андрея

Михайлова, велѣлъ ему написать отъ имени моего прошеніе объ опредѣленіи меня куда его преосвященство заблагоразсудитъ, и съ тѣмъ насъ отпустилъ въ консисторію.

На другой день, послѣдовала на прошеніи резолюція: «Регенту, преподобному отцу Палладію, обучать подателя прошенія партесу, имѣя его въ особенномъ своемъ надзираніи и попеченіи». — Это случилось, если память меня не обманываетъ, мая 16 дня, того (1765-го) года.

Съ симъ жестокимъ для меня декретомъ, — ибо я не желалъ быть пѣвчимъ, — отведены мы къ отцу Палладію, у котораго первому нашему взгляду представилась на столѣ большая бутыль съ настоенною на трифоліи хлѣбною водкою *).

Въ семъ архіерейскомъ домѣ прожилъ я одиннадцать лѣтъ и одинъ съ половиною мѣсяцъ, въ теченіи которыхъ что со мною случилось, означу я слѣдующимъ порядкомъ:

§ VII.

Начало жизни моей въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ.

Архіерей Тихонъ Якубовскій былъ, по своему сану, особа важная, безъ спѣси. Особа въ поведеніи препорядочная, постоянная и по всему образцовая. Всякой день онъ въ обѣднѣ, а утреня и вечерня обыкновенно бывали у него въ залѣ, называемой въ домахъ архіерейскихъ: «крестовая келья». Слѣдственно рано вставать на утреню и потомъ быть готовымъ къ обѣднѣ съ концертомъ и напослѣдокъ въ крестовую къ вечернѣ, было вседневною и непремѣнною обязанностію капелліи.

Послѣ утрени, почти каждодневно, выходилъ преосвященный изъ внутреннихъ покоевъ въ крестовую. Давъ общее всѣмъ осѣненіе и принявши, по уставу греко-восточному, отъ хора пѣвчихъ пѣсенное поздравленіе на греческомъ языкѣ: «исъ полла ети деспота», т. е. на многая лѣта владыко, — давалъ каждому благословеніе. Останавливался на нѣсколько минутъ, велъ обыкновенный разговоръ, а иногда вмѣшивалъ нравоученіе, какое придется по случаю разговора. Онъ, бывши въ Кенигсбергѣ—

*) Трефоліумъ, по-россійски троелистникъ, трава горькая, ростетъ по мѣстамъ болотнымъ. Она очень полезна людямъ скорбутнымъ-цынготнымъ. Мнѣ она извѣстна стала отъ тѣхъ поръ, какъ я для отца Палладія ее собирывалъ и вялилъ въ тѣни. Ботаники, аптекари и медики знаютъ ее прежде, нежели я зналъ отца Палладія. Г. Д.

будучи уже духовнымъ — при миссіи, также въ С.-Петербургѣ, не помню въ которомъ кадетскомъ корпусѣ, учителемъ закона, былъ просвѣщеннѣе, нежели обыкновенный, учившійся и учившій въ семинаріи учитель или проповѣдникъ *).

Въ одну пору архіерей, по обыкновенію своему выходъ послѣ утрени къ намъ въ кресговую и давъ каждому свое благословеніе, спросилъ отца Палладія о успѣхѣ моемъ въ партесѣ. Услыша отвѣтъ, что я понимаю очень хорошо, приказалъ сдѣлать для меня шинель зеленаго тонкаго сукна, не въ примѣръ прочимъ. Всѣ пѣвчіе, особливо тѣ, которые были ближе ко мнѣ лѣтами, завидуя моей шинели, и зная, что я въ обществѣ ихъ быть не имѣлъ охоты, прозвали меня секретаремъ. Но какъ эти насмѣшки меня не безпокоили,— слѣдственно и намѣренье ихъ раздосадовать меня оставалось безъ успѣха, то присовокупили другія двѣ. Они упрекали меня тѣмъ, что я не ношу на шеѣ креста и на рубашкѣ пояса. Это довольно доказываетъ, какимъ невѣжествомъ омрачалось утро моей жизни.

При началѣ осени, отправился преосвященный, по долгу званія апостольскаго, для посѣщенія христіанъ своей епархіи, обитающихъ въ городахъ: Трубчевскѣ, Брянскѣ и Карачевѣ. По пріѣздѣ въ каждый отправлено было въ церквахъ священнослуженіе съ надлежащимъ сану архіерейскому величіемъ. Вездѣ простой народъ тѣснился видѣть святителя, а духовные и дворяне угощали преосвященнаго съ приличнымъ уваженіемъ.

Въ семъ небольшомъ путешествіи хотя должность моя состояла въ томъ, чтобы смотрѣть безочередно за партесными книгами,— поелику я по службѣ былъ всѣхъ моложе, и раздавать ихъ по рукамъ пѣвчимъ, когда надобно было пѣть концертъ, оставляя при себѣ книгу своего голоса и хранить ихъ, однакожъ въ награду того, не малое количество въ одной точкѣ людей, перемѣнные предметы невиданныхъ мѣстъ, достатокъ въ столовомъ содержаніи, свобода и неподверженность строгимъ отчетамъ за такія важныя дѣла, какихъ по духовной службѣ

---

*) Болотовъ, знавшій Тихона Якубовскаго въ Кёнигсбергѣ въ 1760 г. отзывается о немъ такъ «...мужъ прямо благочестивый, кроткій, ученый и такой, который не дѣлалъ стыда нашимъ россіянамъ, но всѣмъ поведеніемъ своимъ пріобрѣлъ почтеніе и отъ самихъ прусскихъ духовныхъ» (См. «Русскую Старину» 1870 г., прилож. стр. 1000). Ред.

совсѣмъ нѣтъ, производили во мнѣ чувствительное удовольствіе, да и были, могу сказать, бо́льшимъ для меня образованіемъ, нежели какъ кто никуда не выѣзжалъ изъ мѣста, въ которомъ родился или кто, выѣхавши въ чужіе краи, предоставлялъ вмѣсто себя замѣчаніе всего хорошаго своимъ слугамъ, а самъ занимался героическимъ подвигомъ—псовою охотой, наилучшимъ въ природѣ даромъ—любовницами,—способомъ къ изощренію ума, къ пріобрѣтенію знакомства и друзей—картами.

Карачевскаго уѣзда, въ Полбинской пустынѣ, назначенной тогда къ уничтоженію, разладился нѣсколько нашъ порядокъ и возмутился покой. Учитель и опекунъ мой о. Палладій, имѣя повидимому врожденную любовь, подъ знаменемъ золотой вольности къ самоволію, скрылся невѣдомо куда. Вскорѣ узнали, что въ ту же пору убѣжалъ изъ Сѣвскаго архіерейскаго дома экономъ, іеромонахъ Арсеній. Единовременное ихъ изъ разныхъ мѣстъ бѣгство, не безъ основанія приписывали тайному ихъ согласію; и какъ сіе случилось въ началѣ октября, то слышно было, или догадывались, что они, подражая нѣжнымъ птицамъ небеснымъ, слетѣли противъ зимы въ теплые Волохскіе края *).

На возвратномъ въ Сѣвскъ пути посѣтилъ преосвященный, въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кретовѣ помѣщика, гвардіи отставного секундъ-маіора Евтиха Ивановича Сафонова. Хозяинъ былъ хоть старикъ, однако радъ гостю; угощалъ два дня хорошо, а проводилъ еще лучше. Сколько архіерей ни уговаривалъ его, чтобы онъ возвратился домой; однакожъ г. Сафоновъ на эту пору былъ упрямъ. Онъ чрезъ нѣсколько верстъ, провожая преосвященнаго по старому маннеру, не давалъ ему можно сказать на каждомъ шагу покою, поилъ разными напитками, кормилъ закусками, плодами—аркіерея и сущихъ съ нимъ. Вся архіерейская скромность и трезвенность не могли устоять противъ чистаго усердія г. Сафонова. Аркіерей расходился и воспѣлъ: «спаси Господи люди твоя», и проч. Хоръ пѣвчихъ вступилъ въ свою должность,—и было за что! хозяинъ того стоилъ. «Спаси Господи» повторяемо было не щадно. Разставшись почти въ ночь, поспѣли въ вышеупомянутый мною уни-

*) Въ тѣ времена россійское монашество находило для себя пріютъ или праздную и независимую жизнь въ Волохскомъ и Молдавскомъ княжествахъ.

Г. Д.

чтоженный Столбовскій Николаевскій монастырь, знакомое мнѣ мѣсто. Сіе угощеніе трезвенной архіерейской натурѣ не дешево обошлось. Онъ проболѣлъ, однакожъ напослѣдокъ, собравшись съ силами, приказалъ передъ полуднемъ собрать всѣхъ своихъ офиціалистовъ. Велѣлъ, чтобы имъ поднесли по рюмкѣ, кто чего хочетъ, а самъ, сидя и опираясь на трость, улыбался между тѣмъ назирая, какъ каждый поправлялъ свое здоровье и желалъ онаго своему доброму архипастырю. Одинъ же только и былъ Сафоновъ, которому удалось искусить преосвященнаго; болѣе никогда и нигдѣ, во всю мою при немъ бытность, не поддался онъ подобному искушенію.

Я обтекъ монастырь, проходилъ прежнія тропинки, вошелъ въ огромную, знакомую мнѣ, но недостроенную церковь, тамъ довелось свидѣть кусокъ кирпича, обратившагося отъ времени въ мелкіе куски; вырѣзанный искусною рукою иконостасъ сложенъ былъ въ одномъ углу и въ половину уже согнилъ и осыпался; крыша сгнила и осыпалась, но стѣнъ ничто не коснулось,—онѣ сложены прочно. Карнизы и около дверей и оконъ пиластры и проч. изъ бѣлаго камня, желѣзныя рѣшетки въ окнахъ сработаны наилучшимъ образомъ; внутри и извнѣ на высотахъ церкви снуютъ безпрерывно воробьи и ласточки, кои отъ давнихъ временъ наслѣдственно вьютъ тамъ свои гнѣзда. Въ обширныя и никогда еще незакрыванныя двери и окны тѣснится свистъ вѣтра и глухой раздается по церкви вой. Гдѣ ты князь Димитрій Кантемиръ, который не успѣлъ довершить своего храма *)? А вы, сыновья его, князь Тимоѳей и князь Сергій, для чего не кончили отцовскаго намѣренія и воли? Потерпѣло-ль бы чрезъ то ваше обыкновенное въ Москвѣ упражненіе во псовой охотѣ, еслибы каждодневно возглашаемо здѣсь было: «создателей святаго храма сего да помянетъ Господь Богъ?»...

Мы выѣхали изъ Столбова. Путь нашъ лежалъ чрезъ Радогожъ, мѣсто моего рожденія; тамъ започивалъ преосвященный въ господскомъ домѣ, принадлежащемъ графу Петру Григорье-

---

*) Еще будучи при архимандритѣ Варлаамѣ Маевскомъ я слыхалъ, что сія церковь заложена и построена князь-Димитріемъ Кантемиромъ, повидимому, по случаю близости сего монастыря къ его владѣнію, изъ коего теперь первое его село обращено въ уѣздный городъ, называемый Дмитровскъ, и что одинъ, наипаче, изъ его сыновей, Тимоѳей, занимался только псовою охотой. Г. Д.

вичу Чернышеву. Я видѣлся съ моимъ дѣдомъ и со всѣми знакомыми. Но мнѣ, особенно при пасмурной осенней погодѣ, показалось все скучнымъ и непріятнымъ, какъ ребенку грудь, отъ которой онъ уже давно отнятъ. Спасской радогожской пустыни, частаго моего пребыванія, уже не было. Она по уничтоженіи уже распродана, а церковь, по повелѣнію преосвященнаго, перевезена въ село, принадлежавшее прежде Сѣвскому Спасскому монастырю, обращенному въ домъ архіерейскій. Оставшіяся кучи щебня, глины, знаки мѣстъ гдѣ было строеніе, охранявшее нѣкогда и мои еще хрящевые составы, дѣйствовали сильно на мою чувствительность. Итакъ, отъ Столбова до Радогожа и Радогожской пустыни все для меня было покрыто душевнымъ мракомъ.

По пріѣздѣ въ Сѣвскъ, я уже не имѣлъ надъ собою особаго инспектора послѣ отца Палладія; я почувствовалъ новую пользу свободы. Онъ былъ человѣкъ съ латынью; до побѣга еще своего онъ успѣлъ меня обрекомендовать ученымъ домовымъ и другимъ чиновникамъ, яко то: катихизатору, экзаминатору, казначею, консисторскимъ членамъ, ризничему и проч., которые, полюбя меня, не пропускали иногда внушать преосвященному, что я такой добрый и добрымъ моимъ поведеніемъ отличаюсь ото всѣхъ тѣхъ, которые хуже меня. Говорятъ, что мнѣніе людей о человѣкѣ производитъ въ мірѣ великія шалости: оно дѣлаетъ нестоющаго счастія — счастливымъ, дурака — умнымъ, умнаго — дуракомъ. Слѣдственно, мнѣніе и жребій суть одно и тоже. Вслѣдствіе сего преосвященный приказалъ мнѣ перейти изъ пѣвческой жить къ казначею, для помощи казначейскому приказному, — и притомъ порučено мнѣ прописаніе поповскихъ и дьяконскихъ грамотъ *), кои доставляли мнѣ годового дохода около шестидесяти рублей, безъ лишенія меня и пѣвческихъ прибылей съ титуломъ моего званія.

§ VIII.

Продолженіе жизни въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ.

Въ началѣ 1768 года преосвященный Тихонъ Якубовскій переведенъ на Воронежскую епархію. Но прежде отъѣзда сво-

---

*) Въ сихъ грамотахъ вписывается на порожнихъ мѣстахъ, оставленныхъ между печатными строками, имя поставленнаго попа или дьякона, также — куда, къ какой церкви? когда посвященъ? и проч. и напослѣдокъ въ началѣ

его на оную, ѣздилъ со всѣмъ штатомъ своимъ для прощанія съ матерью своею въ малороссійское мѣстечко Коропъ—нынѣ уѣздный городъ *); а на мѣсто его произведенъ въ епископы Кирилъ Фліоринскій, который, по пріѣздѣ своемъ, въ недѣлю православія посвятилъ меня въ стихарь, опредѣлилъ меня держать передъ нимъ во священнодѣйствіи чиновникъ-книгу, по которой архіерей священнодѣйствуетъ, принимать и подавать ему пастырскій жезлъ. Стихари разныхъ матерій очень меня веселили, а близость къ архіерею вливала въ меня нѣкое любочестіе. Сей архипастырь, яко видѣвшій большой парижскій свѣтъ, приказалъ, чтобы всѣ окружающіе его, въ его священнодѣйствіи, молодые люди были причесаны съ пуклями подъ пудрою. Не будемъ вопрошать, кстати ли пудра и пукли къ алтарю и къ распущеннымъ по плечамъ волосамъ? Но скажемъ о томъ, что ему не малаго стоило труда приучивать къ сей прихоти заносчивую монастырщину, напротивъ чего я, склоненъ будучи отъ природы къ опрятности до щегольства, всегда его веселилъ спѣшною ческою моихъ волосъ, и былъ у него образцомъ для другихъ......

Кирилъ Фліоринскій родился въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Барышовкѣ. Онъ, будучи въ Кіевѣ студентомъ, взятъ былъ съ прочими ко двору пѣвчимъ, но, не пожелавъ продолжать сей должности, ходилъ на лекціи экспериментальной физики къ профессору Морбаху. Оттуда взятъ митрополит. новгородск. Сѣченовымъ въ учители 4-го класса новгородской семинаріи и посвященъ въ сортъ людей клянущихся быть нищими, и отрекающихся произвольно отъ всего того, что въ жизни есть для смертнаго пріятнымъ. Посему можно догадаться, что онъ постриженъ въ монахи. Потомъ, посланъ въ Парижъ, для отправленія при россійскомъ полномочномъ послѣ священнической должности, откуда, по прошествіи пяти лѣтъ, возвратился въ Россію, сдѣланъ архимандритомъ въ новоторжскій борисоглѣбскій монастырь, изъ коего посвященъ въ архіереи, въ сѣвскую епархію. По его словамъ, онъ избранъ въ сіе достоинство самою императрицею Екатериною Второю, по случаю гово-

грамоты подписываетъ ее самъ архіерей по формѣ: «Божіею милостію... смиренный NN епископъ или митрополитъ» и проч. Г. Д.

*) Коропъ—заштатный городъ Черниг. губ., Кролевецкаго уѣзда. Ред.

ренной имъ къ особѣ ея рѣчи, во время путешествія ея изъ Петербурга, чрезъ Тверь и Торжокъ, въ Москву. Онъ былъ чрезмѣрно пылкаго, высокомѣрнаго и горячаго свойства, твердаго духа и остраго разума. Даръ слова и присутствіе памяти — были первыми его дарованіями; а латинскій и французскій языки, которые онъ хорошо зналъ, придавали ему со стороны другихъ хорошее мнѣніе. Но не знаю, къ какому царству природы надлежитъ приписать ту силу, которая сильна была отвлечь его отъ трезвости, скромности въ языкѣ и въ рукахъ. Свойства его яснѣе будутъ видны изъ описанія его дѣяній, присоединяющихся по временамъ и обстоятельствамъ въ моей исторической матеріи.

Въ прибавку въ счастію моихъ волосъ, архіерей вошелъ однажды съ архимандритомъ Карпинскимъ *) въ казначейскую контору, и увидѣвъ меня пишущаго, похвалилъ мое письмо. Архимандритъ прибавилъ къ тому, что я дѣтина скромный и постоянный, и что бывшій архіерей меня жаловалъ. Я въ первый разъ тогда услышалъ, что скромность и постоянство въ людяхъ не меньше значатъ, какъ и чоска волосъ.

Въ семъ архіерейскомъ домѣ было обыкновеніе, занятое отъ московскаго архіерейскаго дома **), что производящіеся во

---

*) Рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій. Онъ былъ особа въ числѣ ученыхъ; въ латинскомъ языкѣ называли его Цицерономъ. Его сочиненія есть книга печатныхъ проповѣдей. Онъ былъ малорослъ и тонокъ; чрезмѣрно честолюбивъ и горячъ, и иногда чрезмѣрно скроменъ, иногда же чрезмѣрно веселъ, говорливъ и забавенъ. Всѣ архіереи, его временъ, знали его и почитали за ученость, но не любили за самолюбіе. Многіе были изъ его учениковъ архіереями, въ томъ числѣ и оба сѣвскіе, т.-е. Якубовскій и Фліоринскій. Ему неоднократно по старшинству и учености доставалось быть епископомъ,— но,—какъ я слыхалъ отъ преосвященнаго Фліоринскаго,—одинъ изъ синодальныхъ членовъ на сей случай сказалъ: «Онъ по натурѣ пигмей, а думаетъ о себѣ, что онъ съ ивановскую московскую колокольню». А другой: «онъ достоинъ быть архіереемъ, но всю ризницу по своему росту перепортитъ», и, между тѣмъ, какъ великаны пересуживали пигмея и переводили его изъ монастыря въ монастырь, съ архимандріи на архимандрію, то-есть изъ Сѣвскаго-Спасскаго,— что потомъ архіерейскій домъ,—въ Рыльскій Николаевскій; изъ Рыльскаго—въ Голутвинъ, изъ Голутвина въ Бѣлоозерскій Кириловскій,—Карпинскій дожилъ до глубокой старости, и скончался мирно, не получа архіерейства, по причинѣ, что былъ малаго роста и высокаго ума. Г. Д.

**) Сѣвская епархія отдѣлена отъ московской; почему и сѣвскій архіерей именовался съ первыхъ лѣтъ учрежденія: «московской епархіи викарій».

Г. Д.

священно и церковнослужители, посылаемы были отъ архiерея для наученiя ихъ читать, писать, познанiю церковнаго устава и проч. къ почетнымъ заслуженнымъ монашествующимъ и къ пѣвчимъ, и до тѣхъ поръ не были они посвящаемы и опредѣляемы къ мѣстамъ, пока не получали письменныхъ къ архiерею отъ своихъ учителей засвидѣтельствованiй. Сiи засвидѣтельствованiя могли умножать годовые всякаго учителя доходы, до двухъ сотъ рублей, смотря по числу и достатку учениковъ. Его преосвященство удостоилъ и меня сей не безкорыстной должности, чѣмъ сравнялъ меня съ продолжавшими двадцати-лѣтнюю при домѣ службу, хотя мнѣ и отъ роду не было еще 20-ти лѣтъ. Но какъ я не былъ еще искусенъ пользоваться сими неокладными доходами, то и довольствовался всегда тѣмъ, что мнѣ дадутъ. Просители, узнавъ одинъ отъ другого мою добродѣтельную простоту, начали многiе просить посредства консисторскаго члена крестоваго iеромонаха Иринарха Рудановскаго, который близокъ былъ къ архiерею, чтобъ они въ наученiе отсылаемы были ко мнѣ, а не къ другимъ. Простосердечные просители не достигали, что они симъ прошенiемъ обижаютъ правосуднаго консисторскаго судiю. Оскорбленное его корыстолюбiе проникнуло, что по мѣрѣ умноженiя у меня ставленниковъ, уменьшилось бы у него количество оныхъ. Онъ не имѣлъ слабости пренебречь простоту просителей, и разсмѣяться моей невинности. Вмѣсто того, онъ заблагоразсудилъ оклеветать меня архiерею, что будто я изъ корысти подговариваю просителей проситься ко мнѣ въ наученiе; сiю клевету объявилъ мнѣ прiятельски судейской фаворитъ. Извѣстно, что отъ фаворитовъ ничего не скрываютъ; а фавориты, такъ же, не всегда все и не передъ всякимъ скрываютъ. Архiерей, однакожъ, оставилъ докладъ безъ вниманiя. Можетъ быть, онъ видѣлъ что тутъ дѣйствовали корыстолюбiе и зависть. Но чѣмъ меньше имѣлъ Рудановскiй успѣха въ своемъ подвигѣ, тѣмъ болѣе я нажилъ въ немъ для себя непрiятеля. Зло возвышается тѣмъ же правиломъ, которымъ и добродѣтель; оно никогда на первомъ шагу не останавливается. Однакожъ, пока что послѣдуетъ, счастье мое по сему духовному департаменту восходило постепенно, а слѣдующiй случай возвысилъ его еще больше.

Во всякую четыредесятницу принялся его преосвященство

толковать каждодневно въ церкви народу псалтирь. Къ чести его должно сказать, что онъ многія въ оной непонятныя многимъ неученымъ и многимъ ученымъ мѣста, кратко и ясно открывалъ; а мнѣ, стоя въ олтарѣ, вздумалось, пока онъ говорилъ, любопытнѣйшія изъ его толкованій мѣста записывать на-скоро въ тетрадку. Продолжая нѣсколько дней мои замѣчанія, понерадѣлъ единожды схватить съ окна мою тетрадку, какъ архіерей, по окончаніи своего къ народу поученія и изъясненія псалтири, вошелъ въ олтарь. Онъ увидѣлъ и сталъ смотрѣть записки, а я не зналъ за что почтется моя канцелярія. Къ счастію, я сомнѣвался напрасно; ему не противно было читать свое разсужденіе, изъясняющее самыя темныя въ псалтирѣ мѣста.

Онъ подозвалъ меня къ себѣ, и держа въ одной рукѣ мою тетрадку, а въ другую взявъ мою руку, говорилъ мнѣ привѣтствіе и поученіе, почти въ точныхъ словахъ:

«Не одинъ тотъ бываетъ ученъ, кто многимъ учился наукамъ; но и тотъ, кто съ примѣчаніемъ живетъ. Я въ тебѣ нахожу послѣднее. Продолжай такъ, какъ ты началъ. Примѣчай всякое мое слово, не только въ публичныхъ поученіяхъ, но и въ обыкновенныхъ разговорахъ, вѣрь мнѣ, что ты, будучи подъ моимъ руководствомъ, будешь умнѣе всякаго кіевскаго студента; ибо я, по благости Господней, имѣю столько знанія, что меня уже никто учить не въ состояніи».

При моемъ радостномъ замѣшательствѣ, хотя трудно мнѣ было узнать, себя ли онъ больше хвалилъ, или меня одобрялъ, однакожъ я не забылъ, по обыкновенію духовныхъ, пасть ему въ ноги. Казалось мнѣ, что я уже на третьемъ небѣ, и слышу неизреченные глаголы; о свѣтскихъ степеняхъ тогда слабое имѣлъ я понятіе, и мнѣ онѣ казались больше препятствіемъ къ наслѣдованію царства небеснаго, нежели знаками внутреннихъ достоинствъ, и заслугъ государю и отечеству, тѣмъ болѣе, что люди, находящіеся въ свѣтской службѣ, ѣдятъ по постамъ мясо, такъ какъ всѣ иноземцы *).

*) Въ среднемъ уже моемъ вѣкѣ я образумился, что «ежели грѣхъ мясо ѣсть въ постъ, то грѣшнѣе еще убивать животныхъ въ мясоѣдъ», и что какъ духовные, такъ и свѣтскіе наружные знаки достоинствъ не рѣдко бываютъ вывѣсками качествъ дурныхъ и пронырливыхъ людей. Г. Д.

По семъ явленіи и дѣйствіи, я уже никогда не выпущалъ изъ рукъ пера и тетрадки во время толкованія его преосвященствомъ псалтири. Помни, говорилъ я самъ себѣ, что учителя твоего никто учить не въ состояніи, и вѣрно потому, что онъ былъ въ Парижѣ, о которомъ нѣкоторые вояжиры разсказываютъ, что тамъ и ослы перерождаются въ подобныя имъ манежныя лошади».

Питаясь гордыми и всѣмъ псалтырникамъ свойственными мыслями, надулся я не меньше, какъ тотъ кіевской филосовфусъ, который понался на уѣздъ въ инспекторы къ дѣтямъ богатаго господина, и преобразился изъ длинной черкески въ куцый кафтанъ.

§ IX.

Путешествіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ (1768 г.) послѣдовалъ отъѣздъ преосвященнаго въ Глинскую пустынь, отстоящую отъ Сѣвска 70, а отъ Глухова 10 верстъ. Двѣ причины побудили его къ сему отъѣзду: 1-я) приниманіе соковъ, 2-я) защищеніе принадлежащаго той пустынѣ прекраснаго и достаточнаго лѣса, отъ князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, который на ту пору былъ въ рыльскихъ своихъ деревняхъ, и которому тотъ лѣсъ потребенъ былъ на винокурни, состоящія въ ивановской его отчинѣ.

По возвращеніи въ Сѣвскъ, послѣдовалъ — съ дозволенія синода—отъѣздъ преосвященнаго, іюня 9-го въ Кіевъ, на 29 дней, со всѣмъ клиромъ. Путешествіе было очень пріятное въ разсужденіи немалолюдства и погоды.

Въ Батуринѣ сказанный мною выше архимандритъ Карпинскій пошелъ изъ любопытства въ домъ и садъ фельдмаршала графа Разумовскаго, котораго на ту пору не было дома. Потомъ въ старинной земляной замокъ, къ церкви, построенной гетманомъ Мазепою и разбитой Петромъ Великимъ по извѣстному въ исторіи происшествію. Я ввязался за нимъ. Стѣны церкви и внутри два столба, поддерживавшіе нѣкогда куполъ или арку, были еще въ цѣлости. Онъ, зная, что произошло съ сею церковью, съ Батуриномъ и съ Мазепою, во время войны противъ шведовъ и повидимому разсуждая мысленно о происшедшихъ на сихъ мѣстахъ между смертными дѣйствіяхъ, и о проклятіи,

съ печальнымъ видомъ сказалъ текстъ изъ пророка Давида: «проклянутъ тіи, и ты благословиши».

Въ Нѣжинскомъ греческомъ монастырѣ преосвященный литургисалъ. Послѣ чего, греки запросили его изъ церкви на водку, и поднесли ему на тарелкѣ, въ подарокъ, имперіалъ. Архіерей, взглянувъ на жертвоприношеніе, благодарилъ ихъ слѣдующими словами: «Даръ Духа Святаго на сребрѣ не продается. Архіереи россійскіе пользуются опредѣленнымъ монаршимъ содержаніемъ, а въ Греціи они живутъ подаяніемъ. Отдайте-жъ этотъ имперіалъ своимъ нищимъ архіереямъ. Они вамъ спасибо скажутъ».

Македоно-византійцы *) не разсудили испытать десяткомъ имперіаловъ не продающаго на сребрѣ даръ Духа Святаго. Они, будучи знатоки въ оригиналѣ священнаго писанія, боялись чести услышать другой священный текстъ: «Кто пасетъ стадо, тотъ отъ млека его ѣстъ, и отъ шерсти одѣвается», и: «служащіи алтарю, съ алтаремъ дѣлятся». Посему, взявши назадъ имперіалъ, кончили сію дѣйствіе пантомимомъ: «не введи насъ во искушеніе».

Прибывъ въ городъ Козелецъ, заѣхалъ преосвященный, для отдохновенія, къ тамошнему протопопу Дубянскому. Протопопъ, или не предваренъ будучи о прибытіи гостя, или надутъ корыстью полученною отъ двора **) царскаго, не только не встрѣтилъ архіерея, но и въ самыхъ своихъ покояхъ заставилъ дожидать себя довольнее время. Архіерей, между тѣмъ, ходя по горницѣ и разговаривая съ архимандритомъ Карпинскимъ, который всегда при немъ находился, услышавъ шумъ хозяйскаго изъ дальнихъ покоевъ шествія, обратился лицомъ къ большому на стѣнѣ зеркалу. Протопопъ, подошедъ съ низкимъ поклономъ въ бокъ къ архіерею, «проситъ благословенія архипастырскаго». Архіерей, не отвѣтствуя ему, продолжаетъ съ архимандритомъ разговоръ, на счетъ гордости духовныхъ и любостяжанія. Архимандритъ, сообразуясь, какъ ученый, — философіи, какъ духовный — религіи, продолжаетъ лицемѣрно: «порфироносный пророкъ обла-

---

*) Примѣтить надлежитъ, что всякій грекъ, когда его спросишь, изъ которой онъ страны Греціи? отвѣчаетъ: «изъ Македоніи», дабы придать себѣ важности славою Александра, великаго завоевателя. Г. Д.

**) Онъ былъ духовникомъ государыни императрицы Елисаветы Петровны. Г. Д.

далъ цѣлымъ царствомъ, но кротость и незлобіе его суть для насъ, и будутъ для потомковъ нашихъ вѣчнымъ примѣромъ».

Архіерей: «Кое общеніе свѣту ко тьмѣ! кое общеніе Христови съ Веліаромъ!»

Протопопъ сталъ какъ осужденный; принужденъ былъ дослушивать драму, представленную на его счетъ въ его домѣ, а архимандритъ сказалъ погромче: «ваше преосвященство! отецъ протопопъ здѣсь». Архіерей повернувшись сказалъ: «а! я думалъ васъ и дома нѣтъ». Протопопъ извинялся, какъ умѣлъ, и какъ требовало обстоятельство дѣла; а архіерей превратилъ его извиненіе сими миролюбивыми словами: «Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ васъ, и подобныхъ вамъ дураковъ».

Такимъ образомъ, смиренный *) епископъ исправя протопопскую неисправность своею гордостью, выѣхалъ, по отдохновеніи, изъ Козельца съ Карнинскимъ впередъ. Въ числѣ оставшагося назади обоза, находился и я.

Въ обозѣ нашемъ случилось напереди ѣхать поварнѣ, подъ которою вскорѣ что-то повредилось. Пьяный поваръ Степанъ хотѣлъ слѣзть для поправки, но силы ему измѣнили. Онъ упалъ головою внизъ къ лошадямъ, а ноги остались на оглоблѣ, и въ семъ положеніи пребылъ спокоенъ надолго. По сей причинѣ, весь обозъ остановился и разъѣхался безъ порядка по дорогѣ.

Въ самую ту пору, усмотрѣли мы сзади себя скачущихъ вдалекѣ по дорогѣ двѣ кибитки тройками во весь опоръ, съ которыхъ всѣ пассажиры, будучи еще въ самой дальности, машутъ руками и кричатъ, повторяя почти безпрерывно: «съ дороги—съ дороги! право—право!» я понялъ ясное требованіе, свернулъ не только съ дороги, но и убрался въ сторону саженей на 10, съ моею кибиткою. А прочіе, хотя и не всѣ были пьяны, однакожъ вознерадѣли исполнить требованіе скоробѣгущихъ, которые, наскакавши въ одинъ мигъ, выскочили изъ кибитокъ 4 человѣка съ толстыми калмыцкими плетьми. Пьяный поваръ покоился еще въ прежнемъ положеніи, и лежа между колесъ кричалъ: «Государева дорога широка». Но какъ неизвѣстные наши прыткачи накрыли его толстыми своими плетьми,

*) Общій титулъ всѣхъ архіереевъ. Г. Д.

то онъ, мгновенно встрепенувшись, началъ бѣгать въ обѣ стороны дороги, а они, въ догонку, не переставали подгонять его къ измѣренію широты государевой дороги, приговаривая за каждымъ ударомъ: «кабинетъ-курьеру давай дорогу! кабинетъ-курьеру не указывай». Изъ сей приговорки я узналъ о ихъ званіи, если только правду они говорили. Удовольствовавъ такимъ образомъ повара, бросились къ ближней кибиткѣ, въ которой сидѣлъ бѣловолосой дьяконъ Степанъ Лукьяновъ. Онъ былъ боленъ лихорадкою, отъ которой, въ прибавку къ бѣлымъ его волосамъ, побледнѣвъ цвѣтъ его лица, посему они сочли его за сѣдого старика, и за господина всего обоза. Кричать на него: «для чего ты, сѣдой хрѣнъ, не учишь своихъ подкомандныхъ? чортъ ты, или протопопъ?» съ сими вдругъ словами, выдергиваютъ его за руки изъ кибитки. Дьяконъ уже былъ на готовѣ къ измѣренію въ свою очередь широты государевой дороги; однакожъ великодушные курьеры, продержавъ его на одномъ мѣстѣ и влѣпивъ ему въ спину съ полдюжины нагаекъ, ускакали въ свой путь. Они безъ сомнѣнія были бы дальше, если бы не останавливались для такихъ дракъ, безъ которыхъ всякому курьеру обойтиться можно, а особливо такому, которому время назначается отъ кабинета.

Изъ сей трагедо-комедіи вышла польза та, что съ повара соскочилъ хмѣль, а дьякона покинула лихорадка. Посему, посовѣтовалъ я дьякону и повару догнать курьеровъ, и купить хоть одну изъ тѣхъ цѣлительныхъ плетей, которые исцѣляютъ пьяныхъ и лихорадочныхъ. Увѣрялъ ихъ, что въ лицахъ курьеровъ были кіевскіе чудотворцы, которые знали, что двумъ Степанамъ нужно было исцѣленіе. Но дьяконъ, какъ въ горячкѣ, сильно меня бранилъ, даже до того, что бросилъ въ меня бутылку съ микстурой, которая разбилась объ колесо. Я обѣщалъ ему купить бутылку микстуры, если его возобновится лихорадка.

Въ Браварахъ, 18 верстъ отъ Кіева, дождалъ преосвященный всѣхъ своихъ, простоялъ тамъ цѣлый прекрасный день и переночевалъ въ домѣ, принадлежащемъ не помню какому-то монастырю. Изъ сего дома всѣ зданія Кіевопечерской лавры представляются зрителю во всемъ своемъ совершенствѣ. Архіерей во все время своего здѣсь отдохновенія, какъ магнитъ на сѣверъ, направлялъ свой взоръ на Кіевъ, и иногда съ сопровожденіемъ

вздоха. Безъ сомнѣнія, внутреннее движеніе приводило ему на память прошедшую юную кіевскую жизнь; потомъ Петербургъ, Новгородъ, Парижъ, Торжокъ, и, напослѣдокъ, настоящее состояніе, отличное совсѣмъ отъ того, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Кіева студентомъ.

§ X.

Кіевъ.

Назавтра, въѣздъ въ Кіевъ преосвященнаго ознаменованъ былъ колокольнымъ звономъ въ печерской лаврѣ, гдѣ и квартира приготовлена по приказанію начальника лавры архимандрита Зосимы Вальковича.

На другой съ пріѣзда день, преосвященный со всѣмъ своимъ штатомъ пошелъ, въ предшествіи начальника пещеръ, на поклоненіе святымъ мощамъ, почивающимъ въ пещерахъ.

Долгій, подземельный съ закоулками ходъ, изъ-подъ сводовъ котораго души преподобныхъ вознеслись въ селенія небесныя, былъ еще невиданнымъ для меня зрѣлищемъ. Лежащіе по обѣимъ сторонамъ въ сдѣланныхъ впадинахъ гробы съ тѣлами святыхъ, умножили во мнѣ священное почитаніе къ мѣсту, и наводили какое-то непреобразимое удовольствіе. Нетлѣніе, напримѣръ, избіеннаго отъ Ирода младенца—котораго хотя я не видалъ, но видѣлъ ящикъ, довольно высоко прибитый къ стѣнѣ, увѣряло меня въ истинѣ происшествія сихъ временъ, и въ неправости дѣяній сего іудейскаго владѣтеля, котораго вѣра проклинаетъ, а исторія чтитъ великимъ и проч... Мое тогдашнее понятіе покоилось на лонѣ вѣры, и не знало, что міръ сей для человѣка есть лавиринѳъ и загадка.

Въ Кіевѣ прожили мы недѣли съ двѣ, въ теченіе которыхъ преосвященный священнодѣйствовалъ во многихъ монастыряхъ. Кіевскій митрополитъ, Арсеній Могилянскій, принялъ нашего іерарха въ своемъ кіево-софійскомъ архіерейскомъ домѣ и угостилъ обѣденнымъ столомъ.

Прочихъ монастырей начальники принимали сѣвскаго первосвященника *) со всевозможною почестью, и съ обыкновенною въ системѣ духовенства униженностію. Можно сказать, что сіе, украшающее столицу благочестія, общество умѣетъ почтить

---

*) Тогда малороссійскіе монастыри владѣли еще деревнями. Г. Д.

своихъ іерарховъ. А въ Золотоверховскомъ Михайловскомъ монастырѣ прожилъ преосвященный нѣсколько дней съ ряду со всѣмъ штатомъ, въ воспоминаніе проведенныхъ въ семъ монастырѣ юношескихъ своихъ лѣтъ, въ должности писаря, крылошанина,—пѣвчаго—и канонархистра. Архимандритъ сего монастыря Θеоктистъ Мочульскій, давно преосвященному знакомый, знающій языки и счастливыхъ качествъ, принялъ преосвященнаго дружески и угостилъ всѣхъ*).

Кіевскій губернаторъ Воейковъ далъ для преосвященнаго обѣденный столъ.

Въ бытность архіерея въ братскомъ училищномъ монастырѣ, обступили его учители академическихъ классовъ и, между многими задачами, сдѣлали вопросъ: «если бы турокъ или жидъ тонули вмѣстѣ съ христіаниномъ, то котораго изъ нихъ скорѣе должно спасать?» Архіерей отвѣчалъ: «котораго попало». Каждый на этотъ отвѣтъ сдѣлалъ свое движеніе, пошли разныя мнѣнія, и разные толки, потому что не имѣли лучшаго дѣла. А архіерей, между тѣмъ, потребовалъ академическаго журнала того года, въ которомъ обучался поэзіи, и нашелъ въ немъ отмѣтку, сдѣланную рукою учителя Карпинскаго, которая не одобряла ученика Фліоринскаго, и удерживала въ томъ же классѣ еще на одинъ срокъ, какъ такого ученика, который худо учился.

Архіерей, подозвавъ къ себѣ архимандрита Карпинскаго, показалъ ему пальцемъ худое о себѣ свидѣтельство; архимандритъ покраснѣлъ, а архіерей дополнилъ: «ложная ваша отмѣтка опорочила весь академическій журналъ; однакожъ я не истребляю ее теперь. Пусть она служитъ свидѣтельствомъ вашей слабости». О сей отмѣткѣ, послѣ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, случилось мнѣ слышать отъ самого преосвященнаго обстоятельнѣе слѣдующее:

«Архимандритъ Карпинскій,—говорилъ преосвященный,—будучи въ кіевскихъ школахъ учителемъ піитическаго класса, при выпускѣ изъ онаго въ высшій классъ учениковъ, въ числѣ которыхъ и я находился, неудостоилъ меня высшаго класса, мстя за то, что я, когда-то проходя мимо его, и не примѣтя его,

*) Сей архимандритъ былъ потомъ архіереемъ сѣвскимъ и наконецъ бѣлоградскимъ. Имя его есть въ печатномъ словарѣ. Г. Д.

не снялъ шапки; почему и принужденъ я былъ пробыть въ поэзіи до будущаго перевода, при которомъ, — продолжалъ преосвященный — отомстилъ я въ свою очередь своему учителю; ибо когда онъ отмѣтилъ меня достойнымъ, то я противъ того объявилъ, что я, со всею моею прилежностію, худо научился подъ руководствомъ моего учителя, хотя онъ меня и аттестуетъ, почему и продолжалъ ученіе въ поэзіи третій срокъ, въ противность одобренія меня моимъ учителемъ. По сей-то причинѣ, — заключилъ учащій: «не воздавать зла за зло, ни досажденія за досажденіе», памятна мнѣ та отмѣтка, которую я, въ глазахъ Карпинскаго, во искушеніи былъ выдрать изъ книги».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое неугомонное свойство основывается не на слабой памяти и не на добромъ сердцѣ; но объ этомъ не умѣю какъ сказать, что преосвященный всегда, и даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого позора, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ, трикиріями *), — бороду подожжотъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было, въ олтарѣ или среди церкви, а особливо въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружившихъ его непріятелей.

Кіевскіе священнослужители, яко не его подчиненные, хотя свободны были отъ таковыхъ его наглостей, однакожъ необыкновенное позорище, а иногда и касавшееся ихъ ругательство въ мѣстахъ богопочитанія, показалось имъ ужаснымъ, такъ, что они уже въ слѣдующіе дни не хотѣли съ нимъ священнодѣйствовать, почему митрополитъ Кіевскій имѣлъ необходимость употребить всю свою кротость на соглашеніе ихъ къ священнодѣйствію съ нашимъ архіереемъ.

Каково оно ни есть, хорошо или худо, я пишу истину. «Изъ пѣсни слова не выкинешь!» Умудрись-же, кто мастеръ, трафить въ любовь къ такому владыкѣ!

Тако, сѣвскія церкви смиренный епископъ, показавши въ

*) Трикиріями называются подсвѣчники, которыми архіереи осѣняютъ въ церкви предстоящихъ. Г. Д.

богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ душевныя и тѣлесныя свои дарованія, отбылъ, по обыкновенномъ со всѣмъ начальнымъ духовенствомъ и съ губернаторомъ прощаньи, изъ Кіева, и прибылъ въ Сѣвскъ около 10 іюня (1768 г.).

§ XI.

Пребываніе въ Сѣвскѣ, и возложеніе на меня новой должности.

По прибытіи въ Сѣвскъ отдѣлилъ преосвященный отъ консисторіи производство ставленническихъ дѣлъ *), учредилъ особую для нихъ контору, назвалъ ее: «Ставленческою конторою», велѣлъ въ ней присутствовать ризничему, а письмоводителемъ быть мнѣ. Предписалъ своеручно брать со всякаго производящагося въ попы—за производство дѣла, за выучку катихизиса, за бумагу, за письмо и проч. 7 руб., съ дьякона 5 руб., а съ посвящаемыхъ въ стихарь 3 руб. 50 к. съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ собранную сумму раздѣлять на всѣхъ пѣвчихъ. Сіе собственноручное предписаніе прибито въ ставленической конторѣ на стѣнѣ, для свѣдѣнія и исполненія. Такое учрежденіе, какъ онъ самъ говаривалъ, «казалось ему безгрѣшнымъ, поелику оно малою цѣною освобождало просителей отъ тяжкихъ, издревле введенныхъ взятковъ, а наиболѣе обыкновенныхъ по консисторіи: что самое и побудило его отдѣлить отъ оной ставленическія дѣла». Но онъ пропустилъ замѣтить, что большія взятки не видны, ежели они берутся безъ предписанія, а предписаніе меньшихъ, есть уже преступленіе противъ закона государыни императрицы, благоволившей для содержанія духовныхъ сдѣлать достаточное штатное положеніе.

Всѣхъ кандидатовъ на священство и діаконство поручилъ обучать катихизису консисторскому члену крестовому іеромонаху Иринарху—который былъ человѣкъ съ латынью,—и брать съ нихъ въ кружку вышеопредѣленное число денегъ, а мнѣ поручилъ всѣхъ стихарныхъ свидѣтельствовать въ чтеніи, писаніи, знаніи церковнаго устава и катихизиса, и сіе свидѣтельство подписывать на дѣлѣ, которое свидѣтельство было удостоеніемъ ихъ къ посвященію въ стихарь; буде же бы который изъ нихъ не заслуживалъ еще таковаго одобренія, тотъ доучивался въ

*) Ставленниками при архіерейскихъ домахъ называются тѣ просители, которые производятся къ церквамъ, во священно и церковно-служители. Г. Д.

опредѣленной на то ставленической школѣ; при засвидѣтельствованіи же долженъ мнѣ былъ каждый положить, по предписанію, въ общую кружку 3 р. 50 к., а чѣмъ скорѣе кто хотѣлъ засвидѣтельствованія, тѣмъ меньше жалѣлъ прибавки для меня сверхъ кружки, почему и былъ я въ состояніи получше другихъ одѣться, имѣть порядочное бѣлье, и побольше денегъ, нежели кто получаетъ изъ кружки. Хотя преосвященный мнѣ этого и не предписывалъ, однакожъ подалъ случай догадаться, какъ употребить благотворительную его довѣренность. Догадка моя не основывалась на строгой добродѣтели, но на подражаніи людямъ, слывущимъ большею частію честными и расторопными, а притомъ, сама скромность требовала избѣгать честолюбія, чтобъ не прославляли меня слишкомъ добродѣтельнымъ.

Новое сіе введеніе родило во всемъ архіерейскомъ штатѣ, а особливо въ консисторскомъ секретарѣ и приказныхъ, жестокое противъ архіерея негодованіе, а противъ меня самую ядовитую зависть.

Какія изъ сего вышли слѣдствія, сказано будетъ ниже въ 1770 году, а теперь, не прерывая времени, скажу, что въ зиму сего года угодно было преосвященному приняться самому по вечерамъ и по утрамъ учить меня, своего келейнаго, и еще двухъ пѣвчихъ латинскому языку и ариѳметики. Я увѣренъ будучи, что ученье его не легко достанется, ускорилъ сыскать для ариѳметики изъ города купца, который былъ прежде у виннаго откупщика повѣреннымъ и бухгалтеромъ, но за пьянство лишенъ сего достоинства, и держалъ его на своемъ винѣ, пока узналъ, какъ счислять, слагать, вычислять, умножать и раздѣлять.

Будучи подъ его руководствомъ, являлся я всегда къ преосвященному съ исправными рѣшеніями на заданные уроки, а бѣдняки, мои соученики, всегда являлись на ученье подставляя архи-учителю руки, для битья по нимъ деревянною лопаткою, называемою на духовномъ языкѣ, въ именительномъ смыслѣ, п а л я.

Какъ нѣкогда архіерей представлялъ меня имъ образцомъ, то одинъ изъ нихъ во оправданіе свое донесъ, что я имѣю особаго для ариѳметики учителя, но за это архіерей меня похва-

лилъ, принявъ содержаніе учителя за доказательство моей охоты и прилежности къ наукѣ.

Когда дошли мы, т.-е. одинъ я,—до извлеченія радикса квадратнаго и кубическаго, то архіерей для лучшаго намъ понятія ставилъ на столъ деревянную кубическую вершка въ два фигуру, сдѣланную нарочно на сей случай, но фигура наша имѣла почти совсѣмъ другое употребленіе, нежели для чего была сдѣлана. Архіерей часто бросалъ ее черезъ столъ по лбамъ, по головамъ непонятныхъ учениковъ, которые должны были всѣ разомъ за нею бросаться подъ стулья, подъ канапе, подъ столики, если она туда закатится, и паки подавать ее архи-учителю. Посему, извлеченіе нашего радикса похоже было нѣсколько на игру въ мячикъ.

По первому зимнему пути, послѣдовалъ походъ намъ въ городъ Рыльскъ, Бѣлополье, въ мѣстечко Михайловку, и въ прочія по сему тракту лучшія селенія «для осмотра благочинія», къ наблюденію котораго обязаны пастыри данными имъ отъ сунода правилами, коими велѣно имъ каждые три года посѣщать единожды свою епархію, обозрѣвать: «како пребываютъ братія». Сѣять имъ сѣмя евангельскаго ученія, и утверждать въ единовѣріи; явить имъ собою правило вѣры, образъ кротости, воздержаніе учителя, и проч.: все это сдѣлать во столько времени, сколько онаго станетъ на то, чтобъ заѣхать имъ въ лучшіе монастыри и домы, попокоиться и попировать, а не рѣдко получить и подарки.

Въ Рыльскѣ преосвященный говорилъ свои поученія къ народу, наполненныя гоненіемъ на старовѣровъ, и жаркимъ доказательствомъ ихъ заблужденія. А какъ сей старой вѣры держался одинъ изъ дворянъ, оберъ-офицеръ въ отставкѣ, Сисой Воропановъ, то преосвященный столь ярко на него наступилъ, что принудилъ его торжественно въ церкви «проклясть и анаѳемѣ предать» всѣ старообрядческіе толки, и раскольникамъ не покровительствовать. Купцы, выслушавъ съ христіанскимъ терпѣніемъ архіерейскую, въ сильныхъ выраженіяхъ, проповѣдь, и угостя его жирными своими обѣдами, пивами, медами и добрыми наливками, остались по прежнему при старой вѣрѣ и при своихъ промыслахъ. А ревностный свой подвигъ архіерей напослѣдокъ увѣнчалъ обрѣзаніемъ бороды Воропанова; но какъ,

по силѣ древней пословицы: «волосъ глупъ, онъ вездѣ ростетъ», то и Воропанова борода послѣ выѣзда архіерейскаго выросла по прежнему, не меньше архіерейской.

Въ Бѣлопольѣ архіерей изъяснялъ обѣдню; въ прочихъ мѣстахъ говорилъ поученія, сообразуясь свойствамъ и состояніямъ паствы своей. Я и въ семъ походѣ не остался безъ труда. Переписка поученій занимала меня не рѣдко по цѣлой почти ночи, но трудъ сей растворяемъ былъ наградою, отъ часто-посвящаемыхъ ставлениковъ.

Издержки дорожныя не тяготили не только преосвященнаго, но и весь его штатъ, потому что вездѣ было всего совершенное довольство. Промыслъ Вышняго не оставлялъ безъ награжденія труждающихся, поющихъ и предстоящихъ на тотъ конецъ, чтобъ имѣть велію и богатую милость, почему и возвратились домой сыти.

§ XII.

Именины.

1770 года, января 18-го наступило торжество тезоименитства его преосвященства. Я, отъ угобзенія моихъ доходовъ, сдѣлалъ себѣ новую пару платья. Нарядясь въ нея, пошелъ я въ числѣ прочихъ оффиціалистовъ поздравить его преосвященство по утру. Архіерей, увидя меня нечаянно-переодѣтаго въ нѣмецкое платье, ибо я до того времени какъ и всѣ, кромѣ консисторскихъ, одѣвался въ обыкновенныя шинели и сюртуки и, не говоря ни съ кѣмъ, спросилъ: «давно ли ты сдѣлалъ обновку?» «Къ дню тезоименитства вашего преосвященства», отвѣтствовалъ я. «Спасибо», потѣшилъ меня архипастырь.

Потомъ, давъ благословеніе и отпустивъ насъ отъ себя, вскликалъ меня изъ передней кельи, и сѣдше на канапе, говорилъ мнѣ почти точно такъ, какъ слѣдуетъ подъ симъ: «Послушай Добрынинъ, ты знаешь, что у меня сегодня много запрошено гостей къ обѣду; знаешь сколь я люблю порядокъ, и знаешь сколь я нетерпѣливъ тамъ, гдѣ я вижу непорядокъ; посуди-же и познай, могу-ли я быть нынѣшній день спокоенъ? ты знаешь, что у меня келейный Васильевъ, отъ котораго долженъ зависѣть весь порядокъ, любитъ хлебнуть черезъ край; человѣка не имамъ! Иному бы моему брату, русскому архіерею, было сіе нечувствительно, но я—французъ! я имѣлъ случай быть въ Парижѣ разъ, но не буду

и не желаю имѣть случая выбить изъ себя порядка и чистоты парижской. При такихъ моихъ обстоятельствахъ нужна мнѣ твоя служба, которую прими ты на нынѣшній только день вмѣсто моего келейнаго. Я надѣюсь, что ты и въ семъ случаѣ не меньше мнѣ угодишь, сколько я былъ тобою до нынѣ доволенъ».

Я отвѣтствовалъ, что «всѣми силами стараться буду угодить вашему преосвященству; прошу только милостиво перенесть, если я по неопытности моей къ теперешней должности, и по краткости времени,—ибо былъ ужъ 9-й поутру часъ—въ чемъ-нибудь проступлюсь противъ правилъ порядка и чистоты парижской».

Архіерей при семъ всхохотнулъ — можно сказать — противъ природы; ибо онъ не былъ сотворенъ къ искреннимъ веселостямъ и смѣяться не умѣлъ.

— «Нѣтъ, мой другъ, сказалъ онъ, я теперь отъ тебя требую одного только твоего усердія».

Потомъ, взявъ меня за руку, привелъ въ свой кабинетъ, поручилъ шкапъ съ серебромъ и комодъ съ бѣльемъ, принадлежащимъ къ столу.

Когда преосвященный пошелъ въ публичной церемоніи въ церковь на служеніе, то я, именемъ его, потребовалъ отъ консисторіи запискою двухъ канцеляристовъ, стряпчаго, двухъ подканцеляристовъ и двухъ копіистовъ. Каждому опредѣлилъ должности: одному поручилъ подъ счетомъ серебро, другому бѣлье, третьему стекло.

Стряпчему, какъ блюстителю интереса, приказалъ быть въ кухнѣ, чтобъ кушанье отпускаемо было на столъ, подъ собственнымъ его присмотромъ и наблюденіемъ, дабы, паче чаянія, иное блюдо не зашло, вмѣсто архіерейскаго стола, къ какому-нибудь старцу въ келью по прежнему обыкновенію, которымъ и мнѣ пользоваться случалось, а остающееся отъ стола относилось бы въ опредѣленный на то покой.

Буфетъ принялъ я на себя. Потребовалъ отъ ключника по нѣскольку бутылокъ всѣхъ напитковъ, какія въ погребу имѣлись, давъ ему на то реестръ. Остальнымъ приказнымъ приказалъ быть у перемѣны тарелокъ съ помощью гостинныхъ слугъ.

Сей новый штатъ учредилъ я по той нуждѣ, что комплектъ

слугъ преосвященнаго состоялъ изъ одного молодого пьянаго келейнаго, одного изъ пѣвчихъ малолѣтнаго, отправлящаго должность ординарца, одного ключника и двухъ истопниковъ.

До возвращенія изъ церкви, столъ былъ накрытъ въ залѣ, а въ гостинной набрана закуска. За столомъ кушали персонъ до 50. Изъ знатнѣйшихъ, кромѣ духовныхъ—были госпожа полная генеральша Катерина Григорьевна Племянникова, рожденная графиня Чернышова съ дочерью и внучкою, и прочими госпожами и барышнями, изъ мущинъ были воинскіе, штатскіе и гражданство.

Въ продолженіе стола, сталъ я по правую сторону креселъ архіерейскихъ, гордясь представленіемъ изъ себя перваго архіерейскаго служителя. Г-жа генеральша молвила за столомъ: «я у васъ вижу, преосвященный, новаго дворецкаго». Архіерей отвѣтствовалъ: «да, можетъ быть онъ заступитъ это мѣсто». Ея превосходительство, смотря на меня, примолвила: «благородное лицо»; дамы, услыша о благородномъ лицѣ, кинули на меня благородные взгляды. Я простоялъ нѣсколько на семъ смотрѣ; но дабы болѣ не краснѣть, ускорилъ пойти отъ стола, для отправленія по должности своихъ гостей.

Понеже я въ наложенномъ на меня теперешнемъ званіи былъ не опытенъ, то отозвавши въ буфетъ воеводскаго лакея, на знаніе котораго могъ я понадѣяться, потому что господинъ его на столы былъ великой щеголь *), и почествовавши виномъ, спросилъ: «за что мнѣ приниматься, когда встанутъ изъ-за стола?» Онъ меня наставилъ, что «послѣ обѣда пьютъ кофій и проч. и проч., но прежде всего надобно набрать въ гостинной десертъ», заключилъ добрый рабъ и побѣжалъ.

Не мало мнѣ стоило труда узнать и отъискать архіерейскій кофій, а занять было не у кого, въ россійскихъ монастыряхъ не во употребленіи. А домъ архіерейскій, не что иное какъ монастырь. Служители, собранные мною для открытія кофія, согласно показали, что кофій есть, но гдѣ онъ хранится, долженъ знать келейный Васильевъ, для поиска котораго отправлены были нарочные; но только что онъ появился въ буфетъ, тотчасъ и бросился на рюмки стоявшія на подносѣ, какъ желѣзо на магнитъ. А

*) Новгородскій помѣщикъ Иванъ Осіевичъ Пустошкинъ. Г. Д.

какъ онъ сильно уже былъ намагниченъ, то сброся ихъ съ подноса на столъ, почти всѣхъ ихъ ранилъ, нѣкоторыхъ разогналъ по столу, въ полонъ ни одна не досталась, потому что всѣ были порожни; за что я, — возбужденъ будучи тогдашними суетами, бросаясь часто самъ по всѣмъ рядамъ, и находя на всѣхъ почти пунктахъ безтолковщину, — далъ ему сгоряча самую сильную подщочину, на основаніи воинскаго права: «кто пьянъ, тотъ дважды виноватъ».

Между тѣмъ, кофій сысканъ и изготовленъ вышеупомянутымъ моимъ менторомъ, воеводскимъ человѣкомъ.

По окончаніи стола, свѣтскія госпожи вскорѣ разъѣхались по домамъ, а преосвященный, оставшись со своими домашними и съ приѣзжими гостьми, какъ время сближалось къ вечеру, отдалъ приказъ подавать горячій пуншъ.

Въ продолженіе попойки, при свѣчахъ, преосвященный сдѣлалъ мнѣ милостивое предложеніе: «не хочу-ль я опредѣлиться въ консисторію копіистомъ?»

Но, какъ говорится, «другое время, другія и мысли», что самое и со мною случилось. Еслибы званіе консисторскаго копіиста, предложено мнѣ было при вступленіи въ домъ архіерейскій, я охотно бы его принялъ; а въ настоящемъ моемъ положеніи казалось мнѣ, какъ будто меня жалуютъ алтыномъ въ такую пору, когда я не нуждаюсь въ рублѣ. Итакъ, когда я объявилъ мое нежеланіе на предложенную милость, архіерей разсудилъ за благо приняться доказывать мнѣ, при помощи пунша, многія преимущества сопряженныя съ достоинствомъ копіиста. Убѣдительныя его доказательства, столько во мнѣ подѣйствовали, «какъ горохомъ объ стѣну».

Подобаетъ вѣдати, что будучи я взятъ къ услугамъ его преосвященства на одинъ только день, продолжалъ оныя чрезъ всѣ дни пированія.

§ XIII.

Продолженіе и періодъ имянинъ.

Оставшіеся съ архіереемъ духовные гости, изъ которыхъ первые были: рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій, путивльскій игуменъ Мануилъ Левицкій, брянскій игуменъ Тихонъ Забѣла, чолпскій игуменъ Антоній Балабуха, брянскій протопопъ Василій Константиновъ и проч., принуждены были нѣсколько

сутокъ съ ряду, торжествовать день тезоимянитства своего архипастыря, такъ что по неволѣ были совершенно духовными, ибо тѣлесныя ихъ лица потеряли образъ свой и подобіе, кромѣ архимандрита Карпинскаго, который по натурѣ не могъ ничего пить кромѣ чаю и чистой воды.

Всякое дѣло имѣетъ свои послѣдствія: нѣкоторые изъ гостей заболѣли обыкновенными послѣ такихъ трудовъ припадками, и съ изнеможенными чувствами разъѣхались по домамъ. Но игуменъ и протопопъ брянскіе дороже заплатили за имянины. Первый, отправившись въ свой монастырь, почувствовалъ на пути водяную болѣзнь, къ которой онъ былъ почти по природѣ склоненъ, и которую противъ воли раздражилъ и ускорилъ напитками и безсонницею, не въ правѣ будучи выступать изъ шеренги командуемой архипастыремъ; мѣсяца чрезъ четыре полученъ рапортъ, что его преподобіе отправился въ царство безсмертныхъ.

Второй—получилъ горячку, и въ безпамятствѣ забѣжалъ на архіерейскую конюшню; тамъ встрѣтился онъ съ бывшимъ въ числѣ гостей, малорослымъ изъ города Карачева священникомъ Осипомъ Соколовымъ. Соколовъ счелъ, что протопопъ «по дѣйству діяволю съ ума сошолъ». Началъ увѣщевать его отъ писанія, и читать заклинательныя молитвы, дабы отступилъ отъ него злой духъ, который, по словамъ Соколова, «вогнѣздился въ протопопа». Но какъ сія операція ничего путнаго не произвела, кромѣ что протопопъ изрѣдка тихонько вскрикивалъ: «архипастырь Божій! помилуй! Я пить не хочу!» то благоговѣйный Соколовъ, взнесъ сіе дѣло къ архіерею на благоразсмотрѣніе и коль-скоро вступилъ въ келью и сталъ передъ архіереемъ, тотъ-часъ сцѣпилъ руки, вздернулъ плечьми, и подпустивъ глаза подъ лобъ, вѣщалъ: «вотъ до чего, владыко святый, науки доводятъ человѣка! Отецъ протопопъ брянскій, не возмогши ихъ вмѣстити во главу свою, изступи ума, и не вѣсть что глаголетъ, являяся яко неистовъ». «Да не сошолъ-ли ты самъ съ ума?» спросилъ его архіерей, потомъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «поди съ лѣкаремъ посмотри, что сдѣлалось протопопу?»

Мы нашли его стоящаго въ стойлѣ подлѣ конскихъ яслей. Волосы у него висѣли равномѣрно на всѣ стороны, губы сдѣ-

лались темновишневыми, и когда лѣкарь просилъ его показать языкъ, то онъ отвѣтствовалъ: «нѣтъ-нѣтъ, господа келейники, не удастся вамъ меня запоить». Мы тотъ часъ приказали отвести его для пользованія на квартиру къ архіерейской сестрѣ, жившей на братнемъ содержаніи, гдѣ, когда лѣкарь хотѣлъ ему дать холодительный порошокъ, то больной нашъ вскричалъ: «вино-вино-вино!»

Лѣкарь Павелъ Ивановичъ Вицъ не пропустилъ увѣрять его дружески, что это не вино, а холодительный порошокъ, который нужно ему принять по наукѣ медицины теорической и практической, дабы не допустить себя до обструкціи альви, и внутренной гангрены. «Сіе средство—продолжалъ лѣкарь—употребляемъ мы упредительно кровопусканію и визикаторіямъ; ибо теперь у васъ засорившіеся нервы, не имѣютъ надлежащей циркуляціи сангвинисъ, отчего и біеніе пульса у васъ непорядочно». Послѣ сей рѣчи, имѣли мы нужду отца протопопа придержать, и влить въ него насильно красной порошокъ съ водою, на тотъ манеръ, какъ поступаютъ коновалы съ лошадьми.

Протопопъ оздоровѣлъ и уѣхалъ во свое жилище. А между тѣмъ какъ всѣ гости, или лучше сказать страдальцы, разъѣзжались, какъ игуменъ былъ въ водяной болѣзни, протопопъ въ горячкѣ, а Соколовъ читалъ заклинательныя молитвы, келейный Васильевъ принесъ на меня жалобу, за вышесказанную данную ему отъ меня подщочину. За что преосвященный сильно на меня вознегодовалъ, и жалуясь мнѣ прежде на пьянство своего келейнаго, теперь какъ будто предпринялъ защищать оное. Въ заключеніе же своего гнѣва, приказалъ, чтобъ я заплатилъ келейному его Васильеву рубль. Очень ясно, что онъ все сіе дѣло, состоящее въ трехъ канцеляріяхъ, то-есть, въ его гнѣвѣ, въ безпутствѣ келейнаго, и въ подщочинѣ, оцѣнилъ не дороже рубля. Симъ кончилось временное мое служеніе, и я обратился къ первымъ должностямъ.

§ XIV.

Путешествіе въ Кромы и Орелъ и возвѣщеніе.

Отдохнувши отъ тезоимянитства, двинулись «осмотрѣть благочинія» чрезъ Кромы въ Орелъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Въ городѣ Кромахъ, лишь только вступилъ преосвященный въ соборную церковь, тотчасъ обратилъ свое вниманіе на рѣз-

ную женскую статую, вырѣзанную въ ростъ не малорослой женщины, и въ подобіе поселянокъ тамошняго уѣзда, которую Кромскіе жители называли святою пятницею; велѣлъ ее тогда же принять, обшить въ рогожку и поставить подъ колокольню за замокъ на вѣчныя времена.

Народъ жалѣлъ о пятницѣ *), проклиналъ архіерея; архіерей увѣренъ былъ и увѣрялъ, что онъ избавилъ народъ отъ суевѣрія. Смѣяся же, — не знаю къ стати ли, — слѣпой народной привязанности къ дереву, приказалъ своему подьяку Петру Максимову цѣловать зашитую въ рогожку статую пятницы, когда ее выносили изъ церкви. Бѣдный Максимовъ вскорѣ послѣ сего заболѣлъ простудною горячкою и бывши потревоженъ переѣздомъ чрезъ 30 верстъ въ сырую и холодную погоду изъ Кромъ въ Орелъ, умеръ тамъ, на 24-мъ году отъ рожденія. Онъ одинъ былъ сынъ у матери, и архіерей объ немъ жалѣлъ; я плакалъ, а Кромскіе жители, узнавъ о его смерти,—причли смерть его цѣлованію пятницы.

Въѣздъ преосвященнаго въ Орелъ ознаменованъ былъ по всѣмъ церквамъ колокольнымъ звономъ. При каждой проѣзжаемой церкви, священство было въ ризахъ со крестами, дьяконы въ стихаряхъ съ кадилами, дьячки и пономари со святою водою въ чашѣ, со свѣчами въ подсвѣчникахъ. Народъ — по улицамъ, народъ—по заборамъ, и по всѣмъ возвышеніямъ, гдѣ только можно пристать и удержаться. А въ богоявленской церкви, въ которую было ожидаемо шествіе преосвященнаго, набилось всякаго чина и званія, пола и возраста православныхъ христіянъ такъ плотно, какъ въ Ригѣ на корабляхъ укладываютъ мачты.

По выходѣ изъ церкви, поздравляли пастыря съ пріѣздомъ градоначальникъ со всѣми чиновниками. На завтрѣ, все духовенство и купечество,— вчерашніе поздравители, — это было въ 1-мъ часу пополудни, пили у насъ водку, ѣли хлѣбъ, икру, семгу, голандскія сельди, сыръ и проч. Севоднѣшніе — нанесли намъ хлѣбовъ, сахару, чаю, кофію, лимоновъ, рыбы, и проч....

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Городъ Кромѣ состоялъ изъ однодворцовъ, и былъ не лучше обыкновенной деревни, въ которой живутъ, обыкновенно, хлѣбопашцы. Г. Д.

ПОДЩИПА,

ШУТО-ТРАГЕДІЯ,

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА.

1800 ГОДА

ВЪ СЕЛѢ КАЗАЦКОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Вакула.

Царевна Подщипа, его дочь.

Трумфъ, нѣмецкій принцъ.

Слюняй князь, женихъ Подщипы.

Дурдуранъ, гофмаршалъ двора царя Вакулы.

Чернавка, наперсница Подщипы.

Пажъ царя Вакулы.

Цыганка.

Бояре, члены Совѣта царя Вакулы.

Настоящій списокъ „Подщипы“ или „Трумфа“ сдѣланъ мною съ рукописи, доставленной академику Я. К. Гроту Леонидомъ Михайловичемъ Лобановымъ, сыномъ сослуживца и пріятеля Крылова. Михаила Евстафіевича, автора извѣстной біографической статьи: „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова“. Спб. 1847 г.

Рукопись эта написана неизвѣстною рукою, не писарскою, со множествомъ поправокъ, изъ коихъ многія несомнѣнно принадлежатъ Крылову; на заглавномъ листѣ находится свидѣтельство о времени сочиненія пьесы: „Сочинена въ Казацкомъ въ 1800 г.“ *). Помѣщенные въ концѣ настоящаго изданія шуто-трагедіи Крылова варіанты извлечены мною изъ двухъ рукописей **), найденныхъ Я. К. Гротомъ въ бумагахъ Державина, и изъ берлинскаго, кстати сказать, весьма плохаго изданія „Трумфа“ 1859 года. Обѣ Державинскія рукописи написаны писарскою рукою и обѣ не полны; въ одной изъ нихъ, видимо старѣйшей, находимъ въ одномъ мѣстѣ незначительную поправку, сдѣланную рукою Крылова. Что же касается до берлинскаго изданія, то оно отличается такою же чрезвычайною неточностію и множествомъ совершенно произвольныхъ искаженій (см. ниже приложеніе), какія обыкновенно встрѣчаются въ позднѣйшихъ спискахъ „Трумфа“ ***); многочисленность ихъ доказываетъ, что эта пьеса Крылова была весьма распространена въ публикѣ и возбуждала ея интересъ.

Это оригинальное произведеніе нашего баснописца впервые является въ русской, не-заграничной, печати. Первые издатели полнаго собранія сочиненій И. А. Крылова не внесли его въ свое изданіе, потому что нашли это невозможнымъ; но что именно казалось имъ предосудительнымъ въ этой пьесѣ, не объяснено. Полагаютъ обыкновенно, что „Трумфъ“ составляетъ сатиру на время 1796—1801 годовъ; но гдѣ точки соприкосновенія между событіями этой эпохи и событіями, изложенными въ пьесѣ? гдѣ указанія на дѣятелей того времени и на самый ея характеръ,—преданіе о томъ умалчиваетъ. Преданіе однако утвердилось, и заграничная русская пресса еще 11 лѣтъ тому назадъ обратила вниманіе на „Трумфа“. По нашему мнѣнію, она оказала, въ этомъ случаѣ, медвѣжью услугу: послѣ берлинскаго изданія „Трумфъ“, сколько извѣстно, никогда не подвергавшійся запрещенію, сталъ какъ бы запретнымъ плодомъ.. Не будь этого предвзятаго взгляда, „Трумфъ“ сдѣлался бы такимъ же общимъ достояніемъ, какъ

---

*) Казацкое—Кіевское богатое имѣніе князя С. Ѳ. Голицына. Здѣсь Крыловъ провелъ нѣсколько лѣтъ, именно съ 1797 года до весны 1801 г., въ качествѣ пріятнаго собесѣдника весьма расположеннаго къ нему князя Голицына, частію въ должности учителя его дѣтей. См. прекрасную статью академика Я. К. Грота о Крыловѣ въ «Сборникѣ статей» рус. отд. акад. наукъ, 1869 г. т. VI, стр. 34, 38 и друг. Ред.

**) Въ обѣихъ рукописяхъ Державина пьеса названа по имени героини «Подщипа»; точно также названа она въ Лобановской рукописи. В. К.

***) Одинъ изъ такихъ списковъ, весьма сходный съ берлинскимъ изданіемъ 1859 года, былъ доставленъ намъ отставнымъ капитаномъ 1-го ранга Петромъ Васильевичемъ Оконишниковымъ. В. К.

Въ нашей библіотекѣ также есть списокъ «Трумфа» — поступившій къ намъ изъ собранія бумагъ, сколько помню, А. Н. Креницына. Ред.

„Почта Духовъ“, „Каибъ“ и множество басенъ, которыя такъ же чуть-было не подверглись запрещенію, но были спасены покойнымъ генераломъ Дупельтомъ*). Въ этомъ можно быть увѣрену, потому что въ Подщипѣ, въ Слюняѣ, въ Дурдуранѣ—героиняхъ и герояхъ шуто-трагедіи—весьма трудно отыскать что либо русское, а скаредство двора Вакулы прямо противорѣчитъ обычаямъ Петербургскаго двора, который въ прошломъ столѣтіи такъ часто подвергался упрекамъ въ роскоши.

Нѣкоторые же старики даютъ „Трумфу“ другое объясненіе: въ Вакулѣ они видятъ австрійскаго императора Франца I; въ Подщипѣ — его дочь Марію-Луизу, впослѣдствіи супругу Наполеона, но прежде обѣщанную какому-то нѣмецкому принцу, представленному въ лицѣ Слюняя; царскій совѣтъ долженъ представлять знаменитый гофъ-кригсъ-ратъ, а Трумфъ — самого Наполеона. Но и это объясненіе нельзя почесть достойнымъ вѣроятія, потому что, какъ извѣстно, событія, на которыя оно намекаетъ, совершились позже сочиненія пьесы, да и самая ея развязка не согласуется съ ними.

Не правильнѣе ли будетъ предположить, что „Трумфъ“ есть просто пародія на классическую трагедію, господствовавшую на нашей сценѣ въ эпоху его появленія? **В. Ѳ. Кеневичъ.**

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ этой замѣткѣ напомнимъ, что, по свидѣтельству Я. К. Грота, шуто-трагедія Крылова была играна въ эпоху ея созданія въ томъ же селѣ Казацкомъ, гдѣ она и появилась на свѣтъ. Самъ авторъ, весьма талантливый актеръ, игралъ роль Трумфа; роль цыганки онъ нарочно придумалъ для любимой имъ 13-ти-лѣтней ученицы, Маріи Павловны Сумароковой. Многіе годы спустя, Крыловъ разсказывалъ своему сослуживцу, Мих. Евст. Лобанову, что „Трумфъ“ написанъ имъ въ самомъ юмористическомъ расположеніи духа, въ отвѣтъ на приглашеніе радушнаго хозяина села Казацкаго, приглашеніе, обращенное ко всѣмъ молодымъ людямъ бывшимъ въ его домѣ,— выдумывать всевозможныя забавы и потѣхи. При чтеніи „Трумфа“—говорилъ Крыловъ—всѣ помирали со смѣху. „Это самое— весьма справедливо замѣчаетъ Лобановъ: повторяется и теперь со всякимъ, въ первый разъ читающимъ эту пьесу. „Трумфъ“—продолжаетъ біографъ Крылова:—шалость, проказы таланта. Но разсыпать въ шутовской пьесѣ столько веселости, столько остроты и сатирическаго духа—могъ одинъ Крыловъ! И въ русской словесности нѣтъ ничего подобнаго. Созданія характеровъ Вакулы, Подщипы и Слюняя суть созданія каррикатурно-геніальныя!“ „(Жизнь и соч. И. А. Крылова, соч. академика Мих. Лобанова. Спб. 1847 г. стр. 24—30). **Ред.**

---

*) Въ 1849 или 1850 году, когда строгости цензуры дошли до того, что не только прописи, но даже транспаранты печатались съ разрѣшенія цензора, въ Петербургѣ разсказывали, будто цензоръ запретилъ печатать всѣ тѣ басни, въ которыхъ львы и орлы выставлены въ неблаговидныхъ положеніяхъ. Дѣло дошло до III отдѣленія; тамъ общее мнѣніе склонилось на сторону цензора; одинъ Дупельтъ рѣшился высказать противное мнѣніе и поддержалъ его тѣмъ доводомъ, что нелѣпо запрещать печатать то, что знаетъ наизусть вся грамотная Россія. **В. К.**

ПОДЩИПА

шуто-трагедія И. А. Крылова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОДЩИПА И ЧЕРНАВКА.

Чернавка.

Престанете-ль, княжна, крушиться столько вы,
И молодость губить?

Подщипа.

Увы! увы!! увы!!!

Чернавка.

Ахъ! сжальтесь надъ собой! и такъ ужъ вы, какъ спичка,
И съ горя въ неглиже, одѣты, какъ чумичка:
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешетесь, ни пить не просите, ни ѣсть.
Склонитесь наконецъ меня, княжна, послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа.

Чернавка милая! петиту нѣтъ совсѣмъ;
Ну, что за прибыль ѣсть, коль я безъ вкуса ѣмъ?
Сегодня поутру, и то совсѣмъ безъ смаку,
Насилу съѣсть могла съ сигомъ я кулебяку.
Ахъ! въ горести моей до пищи-ль мнѣ теперь!
Ломаетъ грусть меня, какъ агнца лютый звѣрь.

Чернавка.

Лишь надо мѣру знать. Увы! и я не спорю,
Что много есть для васъ причинъ законныхъ къ горю
Съ тѣхъ поръ, какъ Трумфъ нѣмчинъ, красой твоей плѣнясь,
Проклятыхъ свахъ заслалъ и, за отказъ взбѣсясь,
А болѣе за то, что любишь ты Слюняя,
Вошелъ войною къ намъ, все грабя и плѣняя;
Премудрый твой отецъ Вакула, свѣтлый царь,
Въ Сенатѣ будучи, спускалъ тогда кубарь.
Когда о близкой толь бѣдѣ ему сказали.
Всѣ мѣры приняты: указомъ приказали,
Чтобъ шить на армію фуфайки, сапоги,
И чтобъ пекли скорѣй къ походу пироги.
По лавкамъ въ тотъ же часъ за тактикой послали,
Намазали тупей, подкоски подвязали,
Изъ старыхъ скатертей надѣлали знаменъ.
И цѣлый былъ поставъ блинами заваленъ.
Но ахъ! ужъ поздно все! Трумфъ подъ городъ пробрался,
Какъ вихрь въ поляхъ взвился и въ городъ онъ ворвался.
Ахъ! сколько видѣла тогда я съ нами бѣдъ!
У насъ изъ-подъ носу сожралъ онъ нашъ обѣдъ,
Повыбилъ окна всѣ; изъ нашихъ генераловъ
Подѣлалъ онъ себѣ конюшихъ, да капраловъ,
По бѣшенымъ домамъ министровъ разсадилъ,
Всѣмъ графамъ да князьямъ затылки подобрилъ.
И ахъ! — какъ не пришибъ его святой Никола!
Онъ бѣднаго царя пинкомъ спихнулъ съ престола!
Что дѣлать въ крайности и гибели такой?
Вакула наконецъ спастись хотѣлъ тобой
И нѣмцу вдругъ твою онъ руку предлагаетъ.
Любовь и звѣрскія сердца превозмогаетъ!
Согласенъ Трумфъ за то корону возвратить,
И къ свадьбѣ пиво онъ скорѣй велѣлъ варить.

Подщипа.

А бѣдный князь Слюняй, съ его жестокой страстью,
Колико поражонъ такою сталъ напастью!
Увы! изъ дѣтскихъ я къ нему прывыкла лѣтъ,
И съ нимъ завѣтнаго у насъ другъ другу нѣтъ.
Какъ вспомнить я могу безъ слезъ его всѣ ласки,
Щипки, пинки, рывки и самыя потаски!

Дѣлили всѣ мы съ нимъ забавы межъ собой:
Катанья въ масляну, качели о святой;
Другъ безъ друга, увы! мы въ жмурки не играли
И вмѣстѣ огурцы по огородамъ крали.....
А нынѣ, ахъ! за весь его любовный жаръ
Готовится ему несносный столь ударъ!!

Чернавка.

Не спорю, что его опасно то здоровью:
Какъ рѣзомъ въ животѣ, онъ мучится любовью;
Но если спасть должна ты царство и отца,
Княжна! поступкомъ симъ ты всѣ плѣнишь сердца,
И скажутъ всѣ, что ты героевъ всѣхъ не ниже.

Подщипа.

Да, да, разсказывай: рубашка къ тѣлу ближе.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И ДУРДУРАНЪ (съ каплуномъ въ рукахъ).

Дурдуранъ (кланяясь низко).

Княжна! родительскій узнай къ тебѣ приказъ,
И будь готова ты вѣнчаться черезъ часъ.
Сейчасъ лишь каплуна я самъ купилъ на рынкѣ
И нанялъ на вечеръ гудокъ, да двѣ волынки.

Подщипа.

Что слышу!... Ой, умру!... ой тошно!... ой животъ!... (Упадаетъ въ кресло).

Чернавка.

Страшусь! она себя съ печали надорветъ!

Дурдуранъ.

Я знаю всей ея великой жертвы цѣну....
Понюхать бы дала царевнѣ ты хоть хрѣну.

Чернавка.

О бѣдная княжна! злощастная любовь!
Хотя бъ рожèчную скорѣй пустить ей кровь.

Дурдуранъ (ощупывая княжну).

Смотри: копна-копной, не можно съ мѣста сдвинуть.
Не лучше-ль на животъ горшка ей два накинуть?

Подщипа (нѣсколько опамятовшись).

Гдѣ я?... Скажите мнѣ: теперя ночь иль день?

Чернавка (щупая ея голову).

Царевна? что у васъ?

Подщипа.

Ваперы, да мигрень.

Дурдуранъ.

Скрѣпитесь, о княжна! и давши Трумфу руку....

Подщипа.

Нѣтъ, нѣтъ! не вытерплю такую злую муку!
Зарѣжусь, утоплюсь.....

Чернавка.

Опомнитесь, княжна! (Дурдурану).
Ну, если въ подлинну утопится она?

Дурдуранъ.

Царь все предвидѣлъ то, и, страхомъ отчимъ движимъ,
Велѣлъ ей пузыри носить на мѣсто фижемъ,
Чтобъ, если кинется въ рѣку, наверхъ ей всплыть;
А за столомъ велѣлъ лишь жеваннымъ кормить,
Да чтобъ, спустя чулки, ходила безъ подвязокъ....
Но пропадайте вы! Мнѣ съ вами не до сказокъ!
Мнѣ нынѣ случай есть явить весь разумъ мой:
Кухарка, чай, давно въ стряпушьей ждетъ за мной.
А чтобъ гофмаршальскій мой санъ достойно справить,
На кухню каплуна я самъ бѣгу доставить. (Уходитъ).

Подщипа.

Не сонъ ли это все? — Не брежу ль я?....

Чернавка.

Ахъ, нѣтъ!
Но укрѣпись, княжна! се твой женихъ грядетъ!

Подщипа (вставши).

О царскій санъ! ты мнѣ противнѣй горькой рѣдьки!
Почто, увы! не дочь конюшаго я Ѳедьки!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ТРУМФЪ.

Трумфъ.

Старофа ль, анкель мой! прелесна мой княшонъ!
Для плапалушна шасъ, кахта мой пудешь жонъ,
Мой ноши весь не спитъ и серса польна спотся;
Прелесна тфой фикуръ на мой туша шифется.
Куритъ-ли трупка мой, — изъ трупка твой пихтишь.
Или мой кафе пилъ, — тфой въ шашечка сидишь;
Фезтѣ мой фидитъ тфой — на поля и на пушка,
И кочетъ aüf ein Mal уфидѣть на патушка,
Корона, скиптра, тронъ и слафа растѣлить
И фмѣстѣ на слатѣй изъ пушешка палить.

Подщипа.

Конечно, государь! мнѣ много бъ было славы!
Но вспомни, что у насъ совсѣмъ различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я ихъ не терплю;
Противны слизни вамъ, а я ихъ смерть люблю;
Привыкъ ты на войнѣ сносить и жаръ и холодъ,
И къ пищѣ всякой тамъ тебя привадитъ голодъ;
А я лишь выборный люблю вездѣ кусокъ:
Пѣтушьи гребешки, у курочки пупокъ;
Ты всяку дрянь радъ ѣсть, находишь вкусъ въ лягушкахъ,
А я у матушки взросла лишь на ватрушкахъ;
Ты храбръ, но съ нѣжностью и вкусомъ не знакомъ,
И за версту, о князь, воняешъ табакомъ.
Помысли жъ: каково мнѣ быть твоей женою,
Подумай, — государь, — и сжалься надо мною.

Трумфъ.

Фай! што тутъ шалиться? намъ путетъ житъ утѣшна,
Кахта на цѣпки насъ Амуръ сафяшетъ фѣшна:
Изъ крушешка отна мы путемъ пифа пиль,
Изъ трупошка отна тапахъ съ тапой куриль;
Не путетъ мала твой ни домикъ, ни палатка,
Ни платьиса пахатъ, ни санка, ни лошатка;
Все это путитъ далъ. Не тушь mein Herz, не тушь!
Шесна пароль тепѣ: мой путетъ топра мушь.

Подщипа.

Нѣтъ, нѣтъ, о государь! не льсти себя напрасно!
Боюсь, съ тобою мнѣ супружество ужасно!

Трумфъ.

Паись со мной? кафо? — На всѣхъ стрѣляй фелитъ!
Не пось! не тамъ тепѣ, красафисъ мой, фъ опитъ;
На карнафаль къ тепѣ подсунься лишь тѣтинка,
Мой псарь тотшась тафай онъ фухтеля на спинка.
Мой стѣлай, чтобъ нихто на твой не смѣлъ клядить,
И въ спальна сарска нашъ нихто не смѣй кадить:
Ни графа, ни министръ, ни сама генерала,
Отна фельдфебель мой und два иль три капрала.

Подщипа.

Я музыку люблю.

Трумфъ.

О мусыкъ слафна нашъ!
На кларинетъ тепѣ икрай я путитъ маршъ;
Два тонка флейтошка, да тольста два тимпана,
Симфонья на опѣтъ намъ стѣлай съ парапана.

Подщипа.

До танцевъ страстна я.

Трумфъ.

Мой путетъ балъ тафалъ.
И станетъ пилъ тафо, кто не буль тансофалъ.
Мой люпитъ феселъ шить: скакать, плясать, рѣсфиться.
И палькой на дворца сконяитъ веселиться.
Фикляра, фокуса тепѣ на каштa шасъ,
Каметья, кукла, фсе, фсе путетъ пылъ у насъ!

Подщипа.

Я не люблю тебя, мнѣ видъ противенъ твой!

Трумфъ.

Не люпишъ?.... Этофа стерпѣлъ не мошна мой!
Протифна Трумфъ?.... фай, фай! такая поруканья
Тастойна саслушить тешола накасанья.
Некотна тѣфка! твой протифенъ мой фикуръ,
Кохта сфѣтлѣйша ей принцеса тѣлай куръ!
Мой снаетъ все: Слюняй тфой такъ мысли латитъ;
Но мерска сей рифаль я въ микъ на колъ посатитъ.

Смотри, я не шути, кохта пуфай сертитъ.
Люпи мене, коль пилъ не хочешь польна питъ!
Рукаться на мене!... Не тамъ тепѣ поташка;
Коль былъ не хочешь шонъ, такъ мой ты путешь прашка!

Подщипа.

Тиранъ! не устрашишь ты сердце тѣмъ мое:
Въ моемъ несчастьи мнѣ споснѣе мыть бѣлье,
Когда бы только князь Слюняй носилъ мнѣ воду,
Чѣмъ быть супругою столь скверному уроду.

Трумфъ.

Der Teufel!... Я уротъ?... Стерпѣлъ нѣтъ больше мошь!
Ну фотъ заплатъ са фесь моя любовь!... Карошъ!
Мольши! на коротъ стѣсь не путетъ шифъ ни тушка:
Сей-шасъ пошелъ фелѣть на фсѣхъ стрѣляй изъ пушка. (Уходитъ).

Подщипа.

Ступай, тиранъ! твоихъ я ядеръ не боюсь,
О князѣ бѣдномъ лишь своемъ слезами льюсь!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОДЩИПА, ЧЕРНАВКА И СЛЮНЯЙ.

Слюняй (крадется тихонько изъ-за кулисъ).

Князьня! усой, и онъ? Ну, бьятъ, какой сейдитой?
Онъ съядитъ хоть бы съ кѣмъ, хоть съ куцеіемъ Никитой.
Пьеестная! какъ я боюйся за тебя,
Узъ тамъ за двейю я ёзомъ сзай себя.
Ну, такъ и думаю: убьетъ ее до смейти.
На-спю побьяи его отсюда цейти!

Подщипа.

Чтобъ сдѣлалъ ты, мой князь?

Слюняй.

Ну, такъ бы и завый!
Безъ миенькой князны куда бъ я годенъ бый?

Подщипа.

Ужели-бъ симъ мечемъ ты не сразилъ злодѣя?
Скажи, любезный князь, утѣшь меня скорѣя!

Слюняй.

Да, да! подсунься-ка къ его ты паясу:
Вить деевянную я спагу-то носу.

Чернавка.

Возможно-ль государь?

Слюняй.

А какъ бы ты хотѣя?
Мнѣ матуска носить зеѣзной не веѣя.

Чернавка.

Но еслибъ, князь, на васъ напасть дерзнулъ бы кто...

Подщипа.

Чтобъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй.

А ноги-то на сто?
Не бось, какъ дамъ стъецка, такъ поминай какъ звали!

Подщипа.

Увы, любезный князь! съ тобою мы пропали.

Слюняй.

Ой! какъ мнѣ быть, какъ ты съ дьюгимъ пойдесь къ вѣнцу!
Я такъ юбью тебя.... ну пусце еденцу.
Ты знаесь, миля, моей веикой стьястьи;
Подумай, какъ бы намъ спастися отъ напасти.
Кой выйдесь за него, — не быть со мной добью.

Подщипа.

Отъ нажимаціи, одной лишь я умру.
Чернавка милая! бѣги, бѣги скорѣе—
Сказать родителю, что жизнь мнѣ смерти злѣе,
Когда съ Слюняемъ я любезнымъ разлучусь,
Что вѣчно Трумфовой я быть не соглашусь;
Скажи родителю, чтобъ онъ со мной скоряе
Увидѣлся сей часъ тихонько, хоть въ сараѣ,
Чтобъ намъ придумать, какъ Нѣмчина обмануть
И голову ему, какъ пѣтуху свернуть.
Бѣги, лети къ нему!

Чернавка.

Бѣгу, но все напрасно! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ЧЕРНАВКИ.

Подщипа.

Такъ, такъ! напрасно все! и я то вижу ясно.
Но есть еще одно прибѣжище у насъ,
И смерть отъ хищника спасетъ насъ сей же часъ.
Скажи, мой князь, въ любви ты мнѣ не лицемѣришь?

Слюняй.

Хоть пьисягнуть готовъ! Уљи ты мнѣ не вѣишь?

Подщипа.

Готовъ ли вмѣстѣ ты со мною умереть?

Слюняй.

Позяюй!

Подщипа.

Вмѣстѣ намъ пріятна будетъ смерть.
Пойдемъ же, бросимся сейчасъ стремглавъ въ окошко
И сломимъ головы. (Тащитъ его за руку).

Слюняй.

Постой, постой немносько!
Отсей вѣдь высоко. Позаюй бьёсюсь я,
Но тойко, знаесь сто: изъ низняго зійя.

Подщипа.

Я вижу: смерти родъ такой тебѣ ужасенъ.
Но менѣе-ль, скажи, злодѣй для насъ опасенъ?
Вить умирать же намъ, а можетъ, насъ убьютъ.
Пойдемъ же бросимся съ тобою вмѣстѣ въ прудъ,
И Трумфу нашему тѣмъ досадимъ злодѣю.

Слюняй.

Позяюй, — только я вить пьявать не умѣю.

Подщипа.

Жестокій! робостью ты бѣдъ моихъ не множь!
Ну, хочешь ли: вотъ я украла въ кухнѣ ножъ....
Зарѣжемся!... Мы тѣмъ отъ бѣдъ себя избавимъ *).
И наши имена навѣкъ съ тобой прославимъ!

*) Противъ этого стиха рукою Крылова написано карандашемъ весьма четко: себя. В. К.

Слюняй.

Извой.

Подщипа. (Подавая ему ножъ).

Начни жъ.

Слюняй.

Гьяди.

Подщипа.

Увы! я вся дрожу!

Слюняй. (Отдавая ножъ).

Князна! заѣзься ты, я пьездѣ погьяжу.

Подшипа.

О варваръ! такъ-то ты въ любви своей мнѣ клялся?
Гдѣ нѣжность вся твоя, гдѣ пламень твой дѣвался?
Прочь, прочь! я болѣе тебя ужъ не люблю,
И виду твоего, Слюнявый, не терплю!
Прощай!... Быть нѣжнымъ ввѣкъ ты счастія не вкусишь.
Прямой Слюняй, когда зарѣзаться ты трусишь. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЛЮНЯЙ одинъ.

Слюняй.

Да, видись, бьять! насья, небось ты дуяка!
Заѣзся-ка сама, кои юка егка.
А я не пьёмахъ вить, меня ты не обманешь.
Чейкнуться дойго — и, а послѣ и не встанешь.
Нѣтъ, сто ни говои, я смейти не юбью,
Хотя отъ миенькой и гнѣвъ за то тейпью;
Но посьѣ помиюсь, пьивьюся, пьияскаюсь,
И сто я зить хочу,—ей истинно пьизнаюсь.
Ну, пьяво, какъ она ни спой себѣ со мной,
А все-таки вить я — утѣснѣе зивой.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЛЮНЯЙ, ВАКУЛА, ДУРДУРАНЪ, ПАЖЪ съ кубаремъ, ВЕЛЬМОЖИ.

Вакула.

А, слышь ты, господа! Мы столъ велимъ поставить,
Чтобъ царскій мой совѣтъ, какъ надобно исправить,
Да, слышь, подумаемъ.

Дурдуранъ.

Скорѣй внесите столъ.
Боюсь лишь, чтобъ Нѣмчинъ насъ не всадилъ на колъ.

Вакула.

Нѣтъ, въ рынокъ онъ пошелъ теперь за башмаками,
Чтобъ, слышь ты, танцовать ужо на балѣ съ нами;
А у меня межъ тѣмъ подкупленъ ужъ звонарь.........

Пажъ.

Велите ли себѣ спустить теперь кубарь?

Вакула.

Тотчасъ, слышь, погоди! Ну, слышь, чтобъ съ колокольни
Звонарь, какъ сычъ, смотрѣлъ на всѣ мѣста окольни
И далъ бы знать, когда воротится Нѣмчинъ.
Молчи: мы, слышь, ему сготовимъ добрый блинъ.
Садитесь же. (Всѣ садятся. Вакула беретъ первое мѣсто).
Ну, вотъ, бояре, въ чемъ все дѣло:
Насъ сѣмя вражье здѣсь Нѣмчинско одолѣло;
Вѣдь, слышь, сказать—такъ стыдъ, а утаить—такъ грѣхъ:
Я, царь, и вы, вся знать,—мы курамъ стали въ смѣхъ.
Намъ, слышь, по улицамъ ребята всѣ смѣются;
Вездѣ за нами гвалтъ—бѣсъ знаетъ, гдѣ берутся!
Частехонько—ну срамъ!—Нѣмчина веселя,
Подъ царскій, слышь ты, задъ, даютъ мнѣ киселя.
Самъ Трумфъ, ругаться вамъ ставъ зараженъ повадкой,
Слышь, всѣмъ велитъ носить кафтаны вверхъ подкладкой,
И ужъ задумалъ, слышь, содрать съ васъ парики,
Чтобъ лошадямъ своимъ свалять ихъ въ потники.
Такъ, знашь, нельзя-ль самимъ содрать съ него намъ кожу,
Иль, слышь, хоть, отманя къ сторонкѣ, треснуть въ рожу,
Да вонъ и съ челядью отсель его прогнать.
Ну, такъ ли, господа?—Такъ, слышь, сберемъ мы рать.

Слюняй.

Надезя—госудай! вить я въ совѣтъ не нузенъ?

Вакула.

Ты зеленъ еще, князь! Ступай и будь на ужинъ.
Подщипа, слышь ты, мнѣ теперь сказала все....

Слюняй.

Пьепай я!

Вакула.

Я съ тобой ужъ помирилъ ее.
Небось, лишь погоди, я съ басурманомъ слажу.

Слюняй.

Езонъ! Такъ я пойду на голубятню сьязю. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ СЛЮНЯЯ.

Вакула (Встаетъ и подходитъ къ одному изъ вельможъ).

Ну чтожъ придумалъ ты, мой дорогой Совѣтъ?
А, слышь, и въ помощи намъ недостатка нѣтъ. (Подаетъ бумагу).
Прочти, какую намъ сосѣдъ даетъ помогу.
Не безъ кумовъ-то вить и я здѣсь, слава Богу!
Ну, что жъ? Прочелъ ли ты?

Дурдуранъ (Привстаетъ).

Онъ слѣпъ, о государь!

Вакула.

Такъ, слышь ты, не прочтетъ.....

Пажъ.

Прикажете ль кубарь?

Вакула.

Тотчасъ, слышь. (Подходитъ ко второму).
Ну, такъ ты скажи свое, слышь, мнѣнье.
И докажи свое и знанье и умѣнье.
Съ чего бы заговоръ намъ лучше свой начать,
Умненько произвесть и славно окончать?
Ну, что жъ ты думаешъ? Скажи хотя мнѣ слово.

Дурдуранъ. (Привстаетъ).

Онъ нѣмъ, о государь!

Вакула.

Ну вотъ тебѣ здорово! (Подходитъ къ третьему).
Скажи же ты хотя, какъ горю пособить.
А я, ну, право, слышь, не знаю, какъ мнѣ быть.
Эхъ, слышь! Ну что жъ—ты сталъ?... (Толкаетъ его въ бокъ).

Дурдуранъ. (Привстаетъ).

Онъ, государь, не слышитъ!

Вакула. (Къ четвертому).

Хоть ты!

Дурдуранъ. (Привстаетъ).

За старостью, о царь, едва онъ дышитъ!

Вакула.

Ну, братъ, слышь....

Пажъ.

А у меня кубарь готовъ, намятъ совсѣмъ.

Вакула.

Ну, ладно-же, такъ мы въ столовую пойдемъ. (Къ Совѣту).
Вы, слышь-те, вздумайте, да не сходя со стула.
А я, знашь, подмахну вамъ тотчасъ: царь Вакула.
(Уходитъ съ пажомъ).

Дурдуранъ.

Молчите-жъ, ни гу-гу! и думать мы начнемъ;
А что придумаемъ, царю то донесемъ.

(Одинъ послѣ другаго зачинаютъ зѣвать и дремать. Всѣ засыпаютъ и храпятъ. Занавѣсь опускается).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАКУЛА И ПОДЩИПА.

Вакула.

Ну, ну, не видывалъ такой бѣды я съ роду!

Подщипа.

Что, что ты, отче мой?

Вакула.

Ну, ну, радъ, знашь, хоть въ воду!

Подщипа.

Какою новою грозитъ намъ рокъ бѣдой?
Не новою-ль злодѣй идетъ на насъ войной?

Вакула.

Вотъ вздоръ бы, слышь, какой! На то вѣдь есть солдаты!
Пускай бы и дрались они себѣ изъ платы.

Подщипа.

Или противъ твоей особы заговоръ?

Вакула.

Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то! Ты, слышь, болтаешь вздоръ.

Подщипа.

Какое новое насъ горе одолѣло?
Не хлѣба-ль недородъ?

Вакула.

А мнѣ, слышь, что за дѣло?
Я развѣ даромъ царь? — Слышь, лежа на печи,
Я и въ голодный годъ ѣсть буду калачи.
Да дѣло все не въ томъ: моя бѣда сильнѣе;
Ну, слышь ты, ничего мнѣ не было больнѣе....

Подщипа.

Такъ вѣрно Трумфъ....

Вакула.

Ахъ, нѣтъ!

Подщипа.

Такъ что-жъ, о государь?

Вакула.

Ну, слышь, проклятый пажъ мой изломалъ кубарь.
Я имъ съ ребячества до нынѣ забавлялся,
А, знашь, теперь хоть кинь. Ну, такъ бы разорвался!

Подщипа.

Я думала, другой печали сей предметъ,
И, знавши, государь, что собралъ ты Совѣтъ....

Вакула.

То дѣло иншее! Чтобъ имъ придать охотки,
Такъ я послалъ въ Совѣтъ салакушки да водки.
Пускай ихъ думаютъ; авось придетъ чередъ
И намъ, Подщипушка, у нѣмца взять передъ.
Когда-бъ не пажъ, и я бы, можетъ, что затѣялъ;

Да онъ, проклятый, слышь ты, мысли всѣ разсѣялъ.
А вотъ и Дурдуранъ! Слышь, что-то онъ несетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И ДУРДУРАНЪ.

Вакула.

Ну, что же сдѣлалъ, слышь, премудрый мой Совѣтъ?

Дурдуранъ.

Штофъ роспилъ вейновой *), разъѣлъ салакушъ банку,
Да присудилъ, о царь, о всемъ спросить цыганку,
Котора на мосту съ премудростью живетъ
И знаетъ наизусть, что будетъ за сто лѣтъ.
Какъ ѳтымалками **), бѣсами помыкаетъ
И часто за усы ихъ старшаго таскаетъ.
И словомъ, приговоръ Совѣта былъ таковъ,
Что голова ея всѣхъ вмѣстѣ ихъ головъ
Умнѣе во сто разъ, а можетъ быть, и болѣ.

Вакула.

Ну, что же? Вѣдь за ней послать-то въ нашей волѣ.
Пошли-ка поскорѣй!

Подщипа.

Пошли, душа моя!
Поворожиться-ка, кому достанусь я.

Вакула.

Да еслибъ занялъ ты мнѣ для нея полтинникъ....
Скажи-ка, будто я.... ну, знашь ты, именинникъ,
Такъ мнѣ подарками тутъ съ рубль перепадетъ;
А между тѣмъ пускай она, слышь, подождетъ.

Дурдуранъ.

О всемъ придумалъ я и трудность опрокинулъ.

---

*) Этого слова нѣтъ въ Акад. Словарѣ; но по свидѣтельству стариковъ, еще въ 20-хъ годахъ употреблялось выраженіе: вейновая, въ значеніи пѣнника. В. К.

Въ запискахъ Болотова слово вейновая также встрѣчается въ смыслѣ водки. Ред.

**) Отымавка — тряпка, употребляемая при выниманіи изъ печи горшковъ и проч. (Слов. Акад.). В. К.

На капелъ, государь, я пошлину накинулъ,
А за цыганкою послалъ ужъ ходока.

Вакула.

Да вотъ, слышь, и она. Экъ на поминъ легка!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ И ЦЫГАНКА (вбѣгая).

Цыганка.

О чемъ кручиненъ, царь, я что на сердцѣ, знаю!
Ой, дай же рубличекъ, на ручкѣ загадаю,
Все про хорошенько и добренько скажу.
Ой, дай же рубличекъ, царю поворожу.

Подщипа (подаетъ руку).

Скажи, цыганка, мнѣ, да будь лишь справедлива....

Цыганка.

Ой, все я знаю, все! То рученька счастлива....

Вакула (выдергиваетъ руку Подщипы и подаетъ свою).

Постой-ка! руку-то и послѣ можешь дать.
Тутъ, слышь, о царственныхъ дѣлахъ хотятъ гадать.
Скажи-ка — отъ тебя я свѣту ожидаю....

Цыганка.

Да дай же рубличекъ, добренько загадаю.

Подщипа.

Ахъ, мнѣ о жёнихѣ!

Вакула.

Нѣтъ, нѣтъ, слышь! мнѣ скажи....

Дурдуранъ.

Вотъ рубль. (Даетъ деньги).

Вакула.

Да вотъ, слышь, рубль — такъ мнѣ поворожи.

Цыганка.

Богата рученька, разумная головка!
Ой, много мозгу въ ней.

Вакула.

Ну, слышь, прямая колдовка.

Цыганка (смотря на руку Вакулы).

Кручины много есть.

Вакула.

Ну, то-то жъ. Какъ же быть?
Не вздумаешь ли ты, какъ горю пособить.
Отворожи-ка ты отсюда намъ нѣмчина.

Цыганка.

Черноволосый онъ, такой большой дѣтина
На сердцѣ у тебя.

Вакула.

Какъ жерновъ, слышь, лежитъ.

Цыганка.

Онъ худо думаетъ.

Вакула.

Чтобъ взялъ его, слышь, жидъ!

Цыганка.

Все загадала я; но всѣмъ болтать не стану,
А за секретъ скажу лишь только Дурдурану.
Когда исполнитъ онъ совѣтъ мой точно весь,
Такъ вмигъ и съ челядью не будетъ Нѣмца здѣсь.

Вакула (Дурдурану).

Слышь, слушайся-жъ ея!

Дурдуранъ.

Хоть то мнѣ и обидно,
Но если царь велитъ, такъ мнѣ ни чуть не стыдно.

Подщипа.

Скажи, любезная, и мнѣ ты поскорѣй
И худо и добро объ участи моей.

Цыганка.

Прекрасна рученька, талантлива, счастлива;
А есть кручинушка....

Подщипа.

Охъ, тише! я стыдлива.

Цыганка.

Сердечушко твое, княжна, заножено,
Ну, хочетъ, кажется, вонъ выпрыгнуть оно.
Прекрасный молодецъ! какъ яблочко наливно....

Подщипа.

Охъ, стыдно, стыдно мнѣ!

Цыганка.

Однако-жъ не противно?

Подщипа.

Ну, нѣтъ... Да буду ли сегодня я за нимъ?

Вакула.

Княжна! слышь, надо дать подумать время имъ.

Цыганка.

Да дай же рубличекъ!

Вакула.

Молчи! Когда отмщу злодѣю,
Такъ, слышь, сошью тебѣ кумачну тѣлогрѣю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ И ТРУМФЪ (вбѣгая въ бѣшенствѣ).

Трумфъ.

Фай, фай! преклята тфары! собашья скферна дѣлъ!
Какъ мошно думалъ такъ, упилъ меня фелѣлъ?
Прекрасна та прожектъ! Мой ошень плаготäритъ!
Но прежде вся вашъ родъ на фертель мой исшаритъ!

Вакула.

Помилуй, государь, я слышь....

Трумфъ.

Помилуй — нѣтъ!
Проклята ваша тухъ, какъ стерфа пропатетъ.
Я знай вся умысла и фаша загофора:
Сей-шасъ я тфой поярь подслюшалъ у забора.

Дурдуранъ.

Пропали мы!

Вакула.

Бѣда!

Подщипа.

О ты, жестокій рокъ!

Трумфъ.

Да, братъ: и на моя калофка былъ умокъ;
Мой знаетъ плутня тфой, и за такая шашня!
Мой путетъ фасъ сашай на сѣни и на башня,
Да на рапошій домъ фасъ путетъ посылать,
Да кромѣ хлѣпъ да фотъ вамъ кушать не тафать.

Вакула.

Помилуй, государь! Я, слышь, впередъ не буду.
Попуталъ бѣсъ меня.

Трумфъ.

Фонъ, стара песъ, отсюда! (Вакула уходитъ).

Подщипа.

Ужели нѣтъ и мнѣ пощады никакой?

Трумфъ.

О, хитра польно тфой! Мольши, красафисъ мой!
Пошелъ, пошелъ! Теперь мой дастъ на все указа. (Подщипа уходитъ).

Дурдуранъ.

Ни тѣломъ, ни душой....

Трумфъ.

Ты, клупая проказа!
Ты много финофатъ! Маршъ, маршъ, мой каспатинъ!
Твой тотшасъ путетъ сутъ и палошка на спинъ.

Дурдуранъ.

Позвольте выдти мнѣ.

Трумфъ.

Пошелъ, такой сапака!
На фешеръ путу далъ вамъ топра перетряка. (Дурдуранъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТРУМФЪ И ЦЫГАНКА.

Цыганка.

Во мнѣ вѣдь нужды нѣтъ?

Трумфъ.

Постой, красафисъ мой!
Скажи-ка, для шефо твой призванъ на пакой?

Цыганка.

Хорошій молодецъ! Царевна присылала
И о тебѣ со мной все утро прогадала.

Трумфъ.

А што кадалъ такой? Мой скороль шортъ возьметъ,
И скоро ль князь Слюняй на сватьба съ ней пойтетъ?

Цыганка.

Ой, нѣтъ! лишь о тебѣ одномъ она тужила,
И любишь ли ее, о томъ проворожила;
Милѣе никого тебя ей, баринъ, нѣтъ,
И съ нетерпѣніемъ она дня сватьбы ждетъ.

Трумфъ.

Не лшотъ тфой?

Цыганка.

Кстати ли? Подумай самъ ладненько:
Ну, гдѣ есть личико другое такъ бѣленько,
Гдѣ букли толще есть, гдѣ гуще есть усы,
И у кого коса длиннѣй твоей косы?
Гдѣ есть такой носокъ, глазокъ, ротокъ, бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну есть ли дѣвушка иль мужняя жена,
Чтобъ, на тебя взглянувъ, не ахнула она?

Трумфъ.

Мой тумалъ такъ, да князь Слюняй мнѣ тутъ садится (показываетъ на затылокъ).

Цыганка.

Ну вотъ великій страхъ! Я рада побожиться,
Что, можетъ, до того, казался онъ ей милъ;
Но нынѣ ты ея всѣ мысли полонилъ.
Подай-ка рученьку. Ой, тутъ сидитъ дѣвочка,
И о тебѣ съума царева сходитъ дочка.

Трумфъ.

За фѣстошка така не шаль полтинка даль,
Когда бы прафта тфой, цыганошка, сказаль.

Цыганка.

Я съ роду не лгала.

Труифъ.

Такъ тфой не лицемѣришь?

Цыганка.

Взглянись лишь въ зеркало, такъ лучше мнѣ повѣришь.

Труифъ.

Та, та! Тфой прафта есть: мой фашна есть фикуръ!
Поди же, кралишка! Кохта моя амуръ
Успѣха полушить, я кликну тфой въ палата,
И накраштенья тамъ фелика и поката.
Поди, красафисъ мой, на домъ себѣ теперь.

Цыганка.

Спасибо, баринъ мой! (Въ сторону) Впередъ цыганкамъ вѣрь!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТРУМФЪ И СЛЮНЯЙ.

Труифъ (одинъ).

Она сказалъ не лошь: уменъ, знать, эта тѣфка....
Я, прафо, подшутилъ: молотшикъ не въ истѣфка.

Слюняй (вбѣгая и не видя Трумфа).

Ну вотъ и я пьисой!

Труифъ (схватываетъ его).

Поди-ка, пратъ, сюта.

Слюняй.

Ой смейть!

Труифъ.

Мнѣ ната ты!

Слюняй.

Пьисья моя бѣда!
Помилюй, дядюська!

Труифъ.

Нѣтъ, милуй мой не мошна.
Смерть тфой.

Слюняй.

Пьяпай.

Труифъ.

Отъ тфой пришелъ мнѣ польно тошно.

Слюняй.

Отецъ!

Труифъ.

Фай!

Слюняй.

Гьяфцикъ!

Труифъ.

Фэторъ!

Слюняй.

Сокьовисце мое!

Труифъ.

Мольшать!

Слюняй.

Свѣтлѣйсій!

Труифъ.

Ну!

Слюняй.

Мусье!
Помиюй!

Труифъ.

Нѣтъ, тепѣ тамъ топра перебяки?

Слюняй.

Ахъ, батюски! пьопай на мѣсто я собаки!

Труифъ (вынимая шпагу).

Катофся умирай!

Слюняй.

Ой! смейтюська моя!
Помиюй! Цѣмъ тебя пьогнѣвай стойко я?

Труифъ.

Не путетъ польше тфой, Подщипа, тѣлай куры,
Я коншу въ сей минутъ тфой шашнь и вся амуры.

Слюняй.

Ой, ой?

Труифъ.

Но нѣтъ! Хоть тфой нефѣша и уротъ
Я кошетъ пошитай въ тепѣ тфой княша ротъ (вкладываетъ шпагу).

Слюняй.

И въ подьину, я—князь, не тойко бьягоёдный;
А ты со мной спутій поступокъ стой негодный.
(Въ сторону). Авось онъ стьюситъ.

Труифъ (вынимая пару пистолетовъ).

Такъ выпери-шъ люпой!

Слюняй.

(Смотьи-ка, ужъ даитъ!).. Спасибо, гьяфчикъ мой!
Да не заязенъ-и?

Труифъ.

Та, та! Онъ заряшона!
Сейшасъ тафай стрѣляй — княшонъ чей путетъ шона.

Слюняй.

Есть егче!... Дадюска, я съ ёду не стьеяй.

Труифъ.

Ну, ну! не то тотшасъ я пуля посылай.
Стой тамъ!

Слюняй.

Съ умомъ-и ты? застьѣишь вѣдь до смейти.
Князну, юбовь, тебя—чтобъ всѣ побьяи цейти!

Труифъ.

Фай, фай! какой тфой князь? Тфой потла, мерзка трусъ!

Слюняй (кланяясь низко).

Сто хоцесъ! Виноватъ, а смейти я боюсь!

Труифъ.

Стрѣляй!

Слюняй.

Ой, нѣтъ!

Труифъ.

Такъ тфой со мной не кошетъ питься?

Слюняй.

Ну, самъ ты язсуди: гдѣ мнѣ съ тобой возиться.

Труифъ.

Я люпитъ тфой княшонъ.

Слюняй.

Ись тойко не убей!
Я отступьюсь совсѣмъ, вьядѣй позяюй ей!

Труифъ.

Такъ слушай же, Слюняй! Коль смерти тфой поится,
Такъ пыть рифалемъ мнѣ тебѣ стѣсь не гатится.
Смотри же, вышлю я къ тебѣ княшонъ въ минутъ;
Но пуля лобъ тотшасъ, кохта тфой путетъ плутъ.

Княшна укафари тотшасъ со мной шениться,
Или на шпага мой готофа тутъ сатится...
Но фотъ итетъ княшонъ... Красафисъ мила мой!
Смотри тотшасъ фѣншать, иль прочь калофка твой. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЛЮНЯЙ (одинъ).

Слюняй.

Когда бъ она еще со мной не помирясь,
Иль хоть опять бы вновь тепея побьянирясь!
А то бѣда пьисья.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СЛЮНЯЙ И ПОДЩИПА.

Подщипа.

Миръ, миръ любезный князь!
Прости, коль дерзко я сказала, разсердясь.

Слюняй (особо).

Ахти! она меня еще сийнѣе юбитъ!

Подщипа.

Слюняюшка, мой другъ!

Слюняй (особо).

Ну, ну! совсѣмъ погубитъ!

Подщипа.

Жестокій! ты молчишь! Того-ль достойна я,
Когда сильнѣй огня любовь къ тебѣ моя?

Слюняй (особо).

Того-то и боюсь!

Подщипа (плачетъ).

Тронись же хоть слезами.
Взгляни ты на меня умильными глазами.

Слюняй.

Князна! когда ко мнѣ ты истинно нѣзна,
Такъ Тьюмфу юку дать сегодня-зъ ты дойзна.

Подщипа.

Ты-ль это мнѣ сказалъ?... Душа летитъ изъ тѣла!

Слюняй.

Но мнѣ вѣдь гоёва моя не надоѣя!
Тьюмфъ именно сказай: кой сдѣяесь отказъ
И не пойдесь къ вѣнцу съ нимъ сей-зе самый цасъ,
Такъ онъ.... ну, видис-и... все это мнѣ отпьятитъ,
И гоёву съ меня, какъ кацейску (?) схватитъ.
Такъ язсуди-зъ сама.....

Подщипа.

Умри-жъ, любезный мой,
И понеси во гробъ любовь мою съ собой!

Слюняй.

Такъ ты намѣена?....

Подщипа.

Тебя хоть мертвымъ видѣть,
И мертваго любить, а Трумфа ненавидѣть!

Слюняй.

Ахъ! онъ убьетъ меня!

Подщипа.

Мой князь, спокоенъ будь:
Душа твоя ко мнѣ переселится въ грудь.
Ты въ мысляхъ у меня и въ сердцѣ будешь вѣчно!
Я буду вспоминать...

Слюняй.

Бьягодаю сейдецно!
Позаюста, князна, кой юбись ты меня,
Такъ выйди за него...

Подщипа.

Какъ! какъ! чтобъ вышла я?
Ахъ, нѣжности моей ты мѣры всей не знаешь,
Когда поступокъ мнѣ столь гнусный предлагаешь!

Слюняй (особо).

Ну вотъ тебѣ юбовь! (громко) Пьеесная, увы!
За вѣйность эдаку мнѣ быть безъ гоёвы:
Застьѣитъ онъ меня, отказъ его твой взбѣситъ.

Подщипа.

Пусть онъ тебя убьетъ, застрѣлитъ иль повѣситъ,
Но нѣжности къ тебѣ не премѣнить моей.

Слюняй (особо).

Чтобы ты тьеснуя и съ нѣзностью своей!

Подщипа.

Чтобъ я избавила тебя — избави Боже!
Люблю, люблю тебя, — ты мнѣ всего дороже.

Слюняй.

Ахти! бѣда моя! Хоть тисе говои:
Онъ бьиско. Стьястью ты меня не умои.
Задусить онъ меня.

Подщипа.

Пусть онъ тебя задушитъ,
Но вѣрности моей ни мало не нарушитъ.
Чѣмъ я горжусь, о томъ чтобъ стала я молчать!
Люблю, люблю тебя, — и буду то кричать!

Слюняй.

Ей, ей, конецъ пьисой! надезды бойсе нѣту!

Подщипа (громче).

Люблю, люблю тебя! будь то извѣстно свѣту!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ И ПАЖЪ.

Пажъ.

Княжна! немедленно ступай ко алтарю!
Ужъ велѣно звонить къ вечернѣ звонарю;
А если вздумаешь хоть мало куралесить,
То есть приказъ за то Слюняя вмигъ повѣсить.

Слюняй.

Гоюбуська!... пойди, кьясавица моя!

Подщипа (Пажу).

Скажи, что никогда....

Слюняй.

Опомнись.... умей я....
(Пажу) Скази: идетъ.

Подщипа.

Нѣтъ, нѣтъ! скажи тирану...

Слюняй.

Помилюй!....

Подщипа.

Что любить Слюняя не престану,
Что можетъ онъ его повѣсить сей же часъ,
Но не ослабитъ тѣмъ любви взаимной въ насъ.

Слюняй.

Пьекьясная юбовь!

Подщипа.

Скажи, что имъ пылаю!

Слюняй.

Я эдакой юбви зьядѣю не зеяю!...

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ И ТРУМФЪ.

Трумфъ (вбѣгая въ бѣшенствѣ).

Нѣтъ мочи польшъ терпѣлъ! Скафоръ твой коль нейтетъ,
Въ минута сей Слюняй отъ рукъ моя умретъ.

Подщипа.

Нейду, нейду, нейду! Ты бѣсишься напрасно: (обнимая Слюняя).
Имъ вся пылаю я, имъ сердце нѣжно, страстно!

Трумфъ (вырывая у нея Слюняя).

Умри ше!

Слюняй.

Каяуй! изъ тѣя идетъ духъ!

Трумфъ.

Фай! скферна тухъ какой! Какъ тфой фоняетъ вдругъ!

Слюняй.

Не знаю.

Трумфъ.

Какъ не снай?... Фай, носъ моя упила!

Слюняй.

Сто дѣять? со стьястьей зивотъ вѣдь покъивия.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ И ВАКУЛА.

Вакула (вбѣгая).

Ура, ребятушки! а наша, слышь, взяла!.

Труфъ.

Што, што такой?

Вакула.

Да что, слышь, вся бѣда прошла.
Не бойтесь дѣтки! Эхъ нѣмецкій, слышь, проказникъ!
А слышь ты, ужъ теперь на нашемъ полѣ праздникъ.

Труфъ.

Мольши некотна тфарь! Я фасъ!... Къ рушья! къ рушья!

Вакула.

И слышь, какъ не къ ружья? — Самъ бойся батожья!
А все, слышь, сдѣлала премудрая цыганка,
Свертѣла дѣло вмигъ, прямая басурманка!

Подщипа.

Да какъ?

Слюняй.

Пьютовка!

Вакула.

Ну, слышь, съ шайкою своей
По челяди его разсыпалася всей,
Да подпустила всѣмъ заряда два чихотки,
Да во щи пурганцу поболѣе щепотки; —
Такъ, слышь, у нихъ теперь такая чихотня,
А что еще смѣшнѣй — такая бѣготня,
Что наши молодцы ихъ только окружили,
Такъ нѣмцы, слышь ты, всѣ и ружья положили.

Труфъ.

Пропалъ я!

Слюняй.

Что, небось, тепей-то пьить ты спибъ.
Подсунься-ка ко мнѣ, чухонскій стайій гьибъ!

Трумфъ.

Мольшать!

Слюняй (отскакивая).

Ай, экой зьой!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢЖЕ, ЧЕРНАВКА, ЦЫГАНКА И ДУРДУРАНЪ.

Цыганка.

Вотъ на моемъ сбылося!

Дурдуранъ.

Все войско Трумфово, о царь, вамъ поддалося.

Вакула (Цыганкѣ).

А слышь, будь фрейлиной у дочери моей.

Чернавка.

Княжна, васъ въ церковь ждутъ, — спѣшите поскорѣй.

Трумфъ.

Что путетъ съ мой?...

Вакула.

А, слышь, развѣдаюсь съ тобой:
(Дурдурану) Чтобъ парикмахеръ, слышь, гребенкою большою
Сейчасъ, ты знашь, его въ пять пуколь причесалъ;
Одѣлъ бы франтомъ, слышь, жабо бы подвязалъ,
Чтобъ прыгать козачка Трумфъ къ вечеру явился.

Трумфъ.

О пѣтна кѣлофъ мой! (Дурдуранъ его уводитъ).

Слюняй.

Езонъ! за то, что зьийся!

Подщипа.

Ну, что-жъ, къ вѣнцу?

Вакула.

Пойдемъ.

Слюняй.

Готовъ.

Подщипа.

Чего-жъ годить?

Слюняй.

Я въ пойминутоцки!

Подщипа.

На что же уходить?

Вакула.

На что же медлить, слышь?

Подщипа.

Иль тщетно я пылаю?

Слюняй.

Пьеестная князна! Я медьить не зеяю,
И въ цейковь я тотчасъ васъ всѣхъ пеегоню,
Да тойко напеёдъ кой-сто пеемѣню.

1800 г. И. А. Крыловъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Здѣсь мы помѣщаемъ варьянты разныхъ списковъ шуто-трагедіи Крылова; большинство ихъ найдены В. Ѳ. Кеневичемъ, а нѣкоторые и нами въ берлинскомъ изданіи «Трумфа» 1859 г.*). Разночтенія эти мы печатаемъ для бóльшаго удобства не внизу страницъ, а въ концѣ нашего изданія «Подщипы». Противу тѣхъ изъ нихъ, которыя взяты не изъ Берлинскаго изданія, сдѣланы указанія на списки, въ которыхъ онѣ найдены. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчены страницы и строки (счетъ ихъ сверху) изд. «Русской Старины», куда относится тотъ или другой варьянтъ. Такимъ образомъ библіографъ, или будущій издатель полнаго собранія сочиненій Крылова, — для каковыхъ лицъ только и нужно настоящее приложеніе,— безъ всякаго неудобства можетъ возстановить текстъ «Подщипы» по всѣмъ тѣмъ спискамъ, какіе были у насъ въ виду при печатаніи настоящаго изданія.

Перечень дѣйствующихъ лицъ, помѣщенныхъ на стр. 162 взятъ изъ нашей рукописи «Подщипы». Стр. 164, строк. 13: въ неглеже; 15 строк.: не чешитесь; 16 строк.: княжна меня.

Въ Берлинскомъ изд. вмѣсто Чернавка —Чернявка.

Стр. 166, строк. 3: мѣру надо; 4 строк.: причинъ для васъ; 6 строк.:

*) Вотъ заглавный листокъ берлин. изд.: «Трумфъ»: Трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ И. А. Крылова. Берлинъ. 1859. Ferdinand Schneider. Печатано въ типографіи г. Пена въ Наумбургѣ. Въ малую 8 долю 54 стр.

на отказъ; 7 строк.: Пошелъ; 10 строк.: столь; 14 строк.: скорѣй пекли (2-й Держ. списокъ); 16 строк.: замазали; 20 строк.: къ намъ; 21 строк.: Охъ!; 22 строк.: носа; 27 строк.: его тогда Никола (въ обоихъ Державин. спискахъ); 28 строк.: столкнулъ; 30 строк.: желалъ спастись; 31 строк.: И Трумфу руку вдругъ твою онъ предлагаетъ; 34 строк.: велѣлъ скорѣй; 36 строк.: О бѣдный князь Слюняй!....

Стр. 167, строк. 1: Дѣлили вмѣстѣ мы забавы межъ собой; 3 строк.: въ горѣлки (въ Берл. изд. и въ об. спискахъ Держав.); 11 и 12 строки: въ Берл. изданіи опущены; 14 строк.: Да, да, ты сказывай (оба Держ. списка); 16 и 17 строк.: въ Берл. изд. слова: «съ каплуномъ въ рукахъ» и «кланяясь низко»—опущены; 20 строк.: Теперь лишь (обѣ Держ. списка.); 21 строк.: Да наняли; 26 строк.: «Упадаетъ въ обморокъ» 32 строк.: слова: «ощупывая княжну» въ Берл. изд. опущены.

Стр. 168, строк. 1: слова: «нѣсколько опамятавшись» въ 1-мъ Держ. спискѣ и въ Берл. изд.—опущены.; 3 строк.: слова: «щупая ея голову» взяты изъ 1-й Держ. рукописи; 6 строк.: Вапёры, да мидрень (обѣ Держ. рукоп. и Берл. изд.); 10 строк.: Ой нѣтъ! (обѣ Держ. рук.); 14 строк.: Но если подлинно.... (1-я Держ. рукоп.); Ну что, какъ сдуру-то утопится она? (Берлин. изд.); 16 строк.: Нашъ царь предвидѣлъ все: и отчимъ страхомъ движимъ (Берл. изд.); 18 строк.:... броситься...; 20 строк: И чтобъ.... (1-я Держ. ук. и Берл. изд.); 22 строк.: Сегодня ...(Берл. изд.); 23 строк.: стряпущей.... (въ обѣихъ Держ. рукоп.);...... стряпушной.... (Берл. изд.). Въ Академ. словарѣ обѣихъ формъ нѣтъ; тамъ находимъ форму: стряпучая, едвали употребительную; 24 строк.: И чтобы.... (Берл. изд.); 24 строк:.... чинъ.... (обѣ Держ. рук. и Берл. изд.); отъ 27 до 29 строк. въ 1-й рук. Держ. опущены. Въ Берл. изд. также стихъ опущенъ, а слѣдующее напечатано очевидно неправильно:

Подщипа: Ахъ, нѣтъ!.....
Чернявка: Крѣпись же, о княжна....

Стр. 168,—31 строк.: слово: «вставши» въ Берл. изд. опущено.

Стр. 169, строк. 4 и послѣдующія, гдѣ приведены рѣчи Трумфа, въ Берлинскомъ изд. напечатаны безъ многихъ изъ тѣхъ смѣшныхъ неправильностей въ выговорѣ, которыя однако сохранены въ изданномъ нами спискѣ Лобанова. Такъ напр. вмѣсто словъ: «старофа-ль», «прелесна».... «пляпалушна»,... «кахта»... «весь»... «польна».... «сшотся»... «тфой»... «фикуръ».... «туша».... «шивется» «крушешка».... «отна».... и мног. другихъ—въ Берл. изд. читаемъ: Старова.... прелестной.... бляполушна.... когда... всѣ... больна.... шотся.... твой... фигуръ.... душа... живется.... крушечка одна.... и т. д. По многочисленности этого рода искаженій, очевидно свидѣтельствующихъ о томъ произволѣ, съ какимъ издатель Берлин. изд. Трумфа подправлялъ языкъ героя-нѣмчина, мы не приводимъ этого рода отступленія отъ текста нашего списка. 8 строк.:.... пихтить...; 9 строк.:... сидить.....; 12 строк.: вмѣсто слова «скиптра» во 2-й Держ. рук. «слафа», въ Берл. изд:«слява». 12 строк.: вмѣсто «слафа» въ Берл. изд. «сарство»; 15 строк.:.... было-бъ;..... 17 строк.:.... устрицъ есть.... (2 Держ. рук.); 20 строк.:.... проводитъ... (2-я Держ. рук. и Берл. изд.); 23 строк: Ты радъ дрянь всяку ѣсть.... (Берлин. изд.); 26 строк.:.... Ты пахнешь.... (Берл. изд.) 27 строк.:.... каково твоею быть женою; (Берл. изд.); 31 строк: Когда на свѣтѣ насъ любовь сопряшетъ вѣшна: (Берл. изд.); 34 строк.:.... садикъ... (2 Держ. рук. и Берл. изд.); 36 строк.: Все это будетъ твой! Не тужь, мой трукъ, не тужь (Берл. изд.).

Стр. 170, строк. 5: Боюсь? кого? со мной?.... (Берл. изд.); 7 и 8 строки:

На твой кровать къ тебѣ, подсунься лишь дѣтина,
Мой псарь тотчасъ ему дастъ ѳухтеля на спина. (Берл. изд.).

Стр. 170,—12 строк.: вмѣсто «und» въ Берл. изд. «и»; 17 строк.: На кларинетъ тебѣ всегда готова маршъ (2 Держ. рук. и Берл. изд.); 21 строк.: До танцевъя страстна (Берл. изд.); 23 строк.: И будетъ бить....; 25 строк.: Я любитъ веселъ самъ.... (Берл. изд. и 2 Держ. рук.); 26 строк.: Всѣхъ палькой....; 27 и 28 строки: фикляра, фокуса и проч.— эти два стиха вставлены изъ 2-хъ Держ. списковъ и Берл. изд., въ Лобан. спискѣ ихъ нѣтъ; 36 строк.: Какъ! да свѣтлѣйша....; 37 строк.: Слюняй слофа тфой ладитъ (2 Держ. рук.); — Слюняй слова твои такъ ладитъ (Берл. изд.); 38 строк.: О! мерзка сей риваль мой въ мигъ.... (Берл. изд.).

Стр. 171, строк. 8:.... сноситъ.... (1 Держ. рук. и Берл. изд.); 12 строк.: И вотъ....; 15 строк.: Въ 1-мъ Держ. спискѣ эта реплика Подщипы отнесена къ IV-му явленію; 17 строк.: вмѣсто «своемъ» въ Берлин. изд. «одномъ»; 20 строк.: слова: «крадется тихонько изъ за кулисъ» въ Берл. изд. опущены; 28 строк.: Чтобъ сдѣлалъ ты тогда? (Берл. изд.).

Стр. 172, строк. 12: Этотъ вопросъ Подщипы взятъ изъ Берлинскаго изданія, стихъ этотъ въ Берл. изд. два раза повторяется, смотр. стр. 14 и 15. Въ Лобановскомъ же спискѣ вопросъ задаетъ Чернавка, говоря: «Скажи, чѣмъ спасся-бъ ты»? Это едвали ни ошибка. Крыловъ не допустилъ бы въ рѣчи одного лица смѣшеніе единств. и множеств. числа мѣстоименія личнаго:

Чернавка.

Но еслибъ, князь, на васъ напасть дерзнулъ бы кто,
Скажи, чѣмъ спасся-бъ ты? (Лобан. списокъ).

Стр. 172,—17 строк: вмѣсто «любезный»—«безцѣнный»(1-я Дер. рук. и Берл. изд.); На этомъ стихѣ 2-я Держ. рукоп. прерывается; 23 строк.:..... во мнѣ...; 26 строк.: этотъ стихъ въ Берл. изд. отнесенъ къ монологу Слюняя, почему слово «нажимація» перемѣнено на «мазинацію»..; 31 строк.: Увидѣлся бы гдѣ.....

Стр. 173, строк. 17: въ Берл. изд. слова: «Тащитъ его за руку» — опущены; 21 строк.: Да тойко.... (1-я Дер. р. и Берл. изд.); 24 строк.: «Но менѣе-ль тебѣ, скажи, злодѣй опасенъ» (1-я Держ. рук.);—Но менѣе-ль злодѣй, скажи, для насъ опасенъ? (Берл. изд.); 26 строк.:.... съ тобой хотя мы въ прудъ (1 Держ. рук. и Берл. изд.); 33 и 34 строки въ Берл. изд. читаются такъ:

...И наши имена на вѣкъ мы тѣмъ прославимъ.
Начни-жъ! (Подаетъ ему ножъ).
Вотъ ножъ.

Слюняй.

Извой.

Подщипа.

Творецъ, я вся дрожу......

Стр. 174, 16 строка: Прости, будь нѣжнымъ въ вѣкъ! ты счастія невкусишь (Берл. изд.); 21 строка:..... небось насья... (1 Дер. рук.); 22 строка.... когда... (1 Держ. рук. и Берл. изд.); 23 строка: И я.... (1 Дер. р.);—Я самъ.... (Берл. изд.); 24 строк.: въ Берл. изд. этотъ стихъ означенъ точками; 26 строк.: На этомъ стихѣ 1-я рук. Держ. прерывается; 28 строк.:... искьенно.........

Стр. 174,—строк. 29:... пой....; 32 строк.: въ Берл. изд. Вакула неправильно вездѣ названъ Викула; — «Викула съ придворными, Дурдуранъ и Пажъ».; 35 строк..... нашъ совѣтъ.....

Стр. 175, строк. 5: Пошелъ на рынокъ онъ теперь за башмаками; 6 строк..... Ты лучше.... 9 строк.: Прикажите ли вашъ....; 11 строк.: Постой ты, слышь! Бѣги, ну, слышь....; 12 строк.: глядѣлъ....; 14 строк.:... готовимъ....; 21 строк.:.... свистъ богъ..... 24 и 25 строк.: Самъ Трумфъ ругается, ставъ зараженъ повадкой.

Вамъ, слышь, велитъ......

Стр. 175,— 26 строк.:.... сорвать....; 28 строк.: Такъ слышь....; 30 строк.: Въ Берл. изд. этотъ стихъ опущенъ....

Стр. 176, строк. 2: Пьяпай!; 4 строк.: Но я....; 5 строк.: Молчи; 7 строк.: Узіо!; 10 строк.: Въ Берл. изд. слова: «встаетъ и подходитъ» и проч.— опущены, равно и ниже почти всѣ объяснительныя слова, въ скобкахъ,—въ Берл. изд. опущены; 11 строк.: Ну, что придумалъ, слышь....; 12 строк.: А, слышь ты, въ помощи.....; 15 строк.: Ну, что? прочли ли вы? 19—21 строки: въ Берл. изданіи опущены; 23 строк.: Постой ты, слышь! (Другому):

Ну, ты скажи свое намъ мнѣнье...

Стр. 175—28 строка: Ну, чтоже ты молчишь, скажи одно хоть слово; 33 строк.: Скажи хотя ты мнѣ....; 35 строк.: Эхъ, слышь ты! Ну, что сталъ. (Толкаетъ его въ бокъ).

Стр. 177, строка 8: въ Берл. изд. опущена; 13 и 14 строки:

А вы, слышь, думайте, да не сходя со стула,
И помните, что я вашъ мудрый царь Вакула (уходитъ).

Стр. 175,— 16 строка:...... мы думать всѣ начнемъ.

Стр. 177, строк. 29: «Ну, слышь ты, радъ хоть въ воду» 31 строк.: «Какою новою намъ рокъ грозитъ бѣдой»?

Стр. 178, строк. 9: «Какое-жъ, наконецъ».... строк. 26: «А, слышь, теперь хоть брось». строк. 28: «Я думала иной».... строк. 31: Иное дѣло то. 35-я строка и слѣдуюшая — въ берлинскомъ изданіи «Трумфа» вовсе опущены.

Стр. 179, строк. 8:... «разъѣлъ салакушъ банку», строк. 11: «Да». строк. 12: «Какъ атаманъ, она».... строк. 18: «Вѣдь послать за нею въ нашей волѣ. Пошлите поскорѣй»... строк. 22: «Пускай поворожитъ».... строк. 25: «Ну, слышь ты, именинникъ»... строк. 26: «Такъ мнѣ съ подарками и рубль».... строк. 27: .... она пускай... 27 строк.:... обождетъ.... строк. 29: Ужъ все....

Стр. 180, строк. 1: На подданныхъ твоихъ.... Въ берлин. изд. въ явленіяхъ 2 и 3, 4 — 7, объяснит. слова противъ именъ дѣйствующ. лицъ опущены. строк. 8: .... Я, точно, сердце знаю! строк. 9: Пожалуй рубль, такъ я..... строк. 10: Все хорошенько..... строк. 11: Ой дайтъ.... строк. 17: Постой, нѣтъ!.... строк. 18: .... о государственныхъ дѣлахъ.... строк. 19: Скажи мнѣ — отъ тебя совѣта ожидаю. строк. 21: Ой, дайте рубличекъ..... строк. 27: слова: «даетъ деньги» — взято изъ берл. издан. строк. 29: Ну, вотъ...: строк. 31: Счастлива рученька, талантлива головка!

Стр. 181, строк. 2: .... колдова. строк. 6: Ну, что же..... строк. 7: Скажи хотя ты мнѣ..... строк. 8: .... ты отселѣ... строк. 10: Черноволосый тотъ.... строк. 15: Онъ дурно.... строк. 19: Все угадала я! О всемъ.... строк. 20: А на ушко.... строк. 21: .... онъ исполнитъ.... строк. 24: .... слушай-же ее

Стр. 184,—строк. 26: .... мнѣ то.... строк. 27: .... тогда ничуть.... строк. 29: Скажи-жъ, цыганка, мнѣ, да только поскорѣй.

Стр. 182, строк. 3: И хочетъ..... строка 6-я въ Лобановской рукописи пропущена, что и замѣчено на поляхъ карандашемъ. Мы внесли ее изъ берлин. изданія. строк. 6: Ой,.... строк. 8: .... не обидно? строк. 14: Чго-жъ за труды? строк. 22: .... унять меня катѣть? строк. 24: .... весь вашъ.... строк. 24: .... на кухня.... строк. 29: .... ротъ, какъ шервя....

Стр. 183, строк. 5: Я конши тотшасъ всѣ сатански ваша шашня... строк. 15: Чѣмъ я, о государь, виновна предъ тобой? строк. 24 .... тотшасъ дѣляй..... строк.: 26—29 въ берлинскомъ изданіи опущены. строк. 36: .... въ сей покой?

Стр. 184, строк. 5: А што сказала твой? строк. 9: .... все ворожила. строки 24—29: въ берлин. изданіи опущены. строки 32—33: О я-бъ тотша-съ тебѣ на шаль польтина даль, Когда ты, правда, все.....

Стр. 185, строк. 4: Взглянитко въ зеркало.... строк. 6: Да, да!—все правда твой.... строк. 7: Ступай же..... строк. 8: Успѣла полюшить, твой будетъ на палата; строк. 10: Ступай.... строк. 12: Спасибо, баринъ мой, и впредь цыганкамъ вѣрь. строки 15—17: составляютъ въ берлинскомъ изд. особое явленіе—VI-ое, и затѣмъ уже нумерація явленій противъ нашего списка разнится, а именно съ прихода Слюпяя въ нашей рукоп. тоже VI-ое явл., а въ берлин. изд. VII-ое и т. д. строк. 16: .... мене, снать эта тѣвка.... строк. 17: Я, правта, не шушу: молодшикъ не въ истѣвка. строк. 19: Ну вотъ я и... строк. 23: Пьяпай! строк. 33: Ой, смейть! строк. 35: О, твой пришоль мнѣ ошень тошна.

Стр. 186, строк. 6: Феттеръ! строк. 8: Сокьовисце! строки 9—21 въ берлин. изд. читаются такъ:

Труифъ.

Молшать!

Слюняй.

Сіятельный...

Труифъ.

Ну, ну!

Слюняй.

Свѣтвѣйшій!

Труифъ.

Не кришать.

Слюняй.

Отецъ, момнюй!

Труифъ.

Нѣтъ, съ тобой мой кочетъ драка.

Слюняй.

Ой, батюськи, пьяпай на мѣстѣ какъ собака!'

Стр. 186,—строки 28—29: Не будетъ послѣ твой Подщипа тѣлай куръ, А конши сей минутъ твои всѣ съ пей амуръ. строк. 34: Я коншитъ.... строк. 36: И впьявду..... строк. 38: А ты со мной сутій.... Поступокъ твой негодный.

Стр. 187, строк: 6, И твой тотшасъ стрѣляй.... строк. 8, Ой, дядюська! кьянусь я не стъѣяй. строка 11 въ берл. изданіи опущена. строк. 13:.... меня застьѣнжь вѣдь.. строк.: 14.... и все, чтобы побьяи цейти! строк. 33, Некотна, трянна князь! строк. 34: Этотъ стихъ заимствованъ изъ берл. изд. потому, что въ Лобановской рук. онъ видимо искаженъ: Такъ быть рифалемъ мнѣ для тебя не катится. строк.: 36.... въ ротъ тебѣ....

Стр. 188, строк.: 2.... готовься самъ.... строк. 4, «Смотри сей-шасъ меня».... Вторая половина этого стиха въ Лобан. рук. искажена: «или прочь колофъ твой», почему мы замѣнили ее соотвѣтствующими словами берл. изд. строк. 9, Иль хоть опять тепей да вновь бы побъянись, строк.: 10.... моя!.... Эта рѣчь Слюняя не отдѣлена въ особое явленіе въ берл. изд. строк.: 15.... дерзость.... строк.: 28. Этого полустиха нѣтъ въ Берл. изд.

Стр. 189, строк. 11: Въ Берл. изд. этого стиха нѣтъ. строк.: 7, Такъ я, суди сама. строк.: 17, Да.... строк.: 20, И вѣрь, твоя душа ко мнѣ вселится въ грудь. строка 30: За этимъ стихомъ въ берл. изд. слѣдуетъ:

Нѣтъ, не согласна я!...

Слюняй.

Несцастная, увы!
За нѣзность такову, — быть безъ головы

Стр. 189, строк.: 34.... его отказъ твой взбѣситъ.

Стр. 189, стих. 36 по стран. 190, стих. 1 — 18: строк. и въ берлинскомъ изданіи читаются такъ:

Ну, что-жъ? пусть онъ тебя застрѣлитъ или повѣситъ,
Я буду все любить.

Слюняй.

Хоть тисе говои:
Онъ бьиско; стьястью ты меня не умои.

Подщипа.

Такъ пусть узнаетъ онъ, пусть свѣтъ весь намъ измѣнитъ,
Но нѣжности моей нимало не премѣнитъ.
Чѣмъ я дышу, о томъ чтобъ стала я молчать!
Люблю, люблю тебя — и буду то кричать

Слюняй.

Ай, ай! конецъ пьисой! надезды бойсе нѣту!

Стр. 190, строк.: 22.... ступайте къ алтарю. строк.: 25, Тогда..... строк.: 31, Постой, умью вѣдь я! строк.: 33, Сказите, сто идетъ.

Стр, 191, строк.: 8, Несцясная юбовь! строк.: 12,.... бѣды.... строк.: 16, Нѣтъ моши больше жшать! Скажи, коль твой нейдетъ. строк.: 20, Полно.... строк. 32:.... вѣдь покъивия. (Берл. изд.)... зивотъ песёміё (Лобан. спис.).

Стр. 192, строк. 8; .... вѣдь.... строк. 16: Свершила.... строк. 16: Вторая половина стиха опущена. строк. 22: Слышь ты, ... строк. 23: Разсыпалася вмигъ по челяди по всей.

Стр. 193, строк. 14: .... ступайте.... строк. 20: Завилъ бы, слышь, его.... строк. 24: О бѣдный мой каловъ! строки: 27 — 32 въ берлин. изданіи читаются такъ:

Вакула.

Ну, чтожъ? къ вѣнцу!

Слюнявый.

Поздемъ.

Подщипа.

Чего-жъ теперь годить?

Стр. 193, строки 30—34 и стр. 194, въ берлинскомъ изданіи читаются въ слѣдующемъ варьянтѣ:

Подщипа.

О день, счастливый день! И такъ, любезный мой,
Сегодня свадебку отправимъ мы съ тобой.

Слюнявый (Прыгаетъ и поетъ).

Тья-я-я! тья-я-я! Я весей, какъ съ похмѣйя!
Сто дѣять съ ядости? такого я весейя
И съ-йоду не видай.
(Трумфу). Сто, бьятъ? тепей небось,
Не будесь зьится ты: вѣдь къюто усь пьисьёсь.

Стр. 194, строк. 11: И въ цейковъ изо всѣхъ васъ пейвый пьибѣгу.

Сообщ. В. Ѳ. Кеневичъ.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО,
(1745—1813)
нынѣ принадлежащій правнуку его Ѳ. К. Опочинину.

III*).
ПИСЬМА М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА КЪ ЖЕНѢ.

1808 г.

18 апрѣля, Букарестъ...... Теперь, я думаю, государь выѣхалъ къ арміямъ.... Я, слава Богу, здоровъ и не теряю надежды къ скорому миру.... Ежели Богъ дастъ, что сдѣлаю миръ, то боюсь допустятъ ли меня до Петербурга. Впрочемъ, кажется, что мнѣ при арміи дѣлать нечего, мѣста, слава Богу, заняты достойными людьми; всѣ эти надежды, ежели миръ будетъ здѣсь съ турками....**).

20 апрѣля, Яссы. Я, мой другъ, три дни какъ пріѣхалъ въ Яссы и нашелъ, что здѣсь продолжено перемиріе, безсрочно, до заключенія мира. Я, слава Богу, здоровъ и хочу очень беречься отъ лихорадки, которая уже здѣсь начинается..... Князь Александръ Але: принялъ меня очень дружески; ты бы, мой другъ, могла поблагодарить за это княгиню.....

2 мая, Яссы. Я къ тебѣ, мой другъ, пишу по почтѣ, которая, кажется, очень вѣрна. Вчера-сь пріѣхалъ Хитровъ и я ему читалъ при началѣ большую проповѣдь, и онъ обѣщалъ быть благоразуменъ.

---

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. I изд. перв. ст. 249 и 325; изд. втор. стр. 483; т. II, стр. 498;—1871 г., т. III, стр. 49.

**) 1808-й годъ ознаменованъ для Турціи внутренними переворотами, впродолженіи которыхъ былъ свергнутъ съ престола одинъ султанъ и возведенъ другой. Россія стѣсненная принятымъ ею посредничествомъ Наполеона, не могла воспользоваться этими смутами и весь годъ прошелъ между воюющими государствами въ безплодныхъ переговорахъ: въ продолженіи ихъ не сдѣлано ни одного выстрѣла ни на сушѣ, ни на моряхъ театра войны. Ред.

Аннушка и Катенька у меня съ ума нейдутъ. У насъ перемиріе, я съ княземъ очень ладенъ, онъ со мной очень откровенъ. Многимъ однакоже это не очень пріятно. Здѣсь есть при канцеляріи Везакъ, который однакоже себя очень хорошо ведетъ, и никакъ не завидуитъ этому, а есть другіе...

24 мая, Яссы..... У насъ все тихо здѣсь, и князь завтра ѣдетъ осматривать крѣпости, а я остаюсь здѣсь до его пріѣзда, можетъ быть, дней съ пятнадцать.... Бибиковъ покамѣсть остался у меня, а Ушаковъ у князя; но это партикулярно. Дни три какъ женился здѣсь Паленъ, что былъ на Mimi женатъ, на сестрѣ Озерова, что при Вел: Кня: Она недавно разошлась съ мужемъ. Я ее еще не видалъ. Сказываютъ, что очень ловка. Вотъ здѣшнія вѣсти.....

9 іюля, Яссы. Я, мой другъ, хотя несовсѣмъ еще оправился, но ѣду изъ Яссъ въ лагерь къ фельдмаршалу. Отсюда 290 верстъ.... Бибиковъ и Конс. подрались какъ дѣти, оттого, что неучтиво шутили, и такъ зашутились, что уже нельзя было разойтиться......

23 іюля, Текучи. Я, мой другъ, уже нѣсколько дней какъ въ лагерѣ и стою въ квартерѣ...... Мы переходимъ на новый лагерь въ Фокшаны. Войны у насъ нѣтъ. Павелъ Гаври.... Бибиковъ дни три какъ боленъ спазмами. Хочетъ непремѣнно жениться теперь, и оттого занемогъ, что сдѣлали маленькое затрудненіе его отпустить.....

8 августа, Лагерь при Килнени..... Мы стоимъ въ лагерѣ верстъ съ двѣсти отъ Яссъ впереди; и болѣзней, можно сказать, совсѣмъ нѣту; лихорадокъ такъ мало, что у меня и большой домъ, и большая свита и ни у кого лихорадки нѣту.... Я живу въ маленькой изопкѣ, а въ другой черезъ дворъ обѣдаю. Вчерась въ вечеру, сказываютъ, принца Меклебургскаго напоили и выиграли 60,000 рублей....

11 октября, Лагерь при Килненѣ.... Мы все стоимъ на одномъ мѣстѣ; никто невиноватъ, такія обстоятельства; все бы нѣтъ ничего, а только скучно.........

P: Объ отставкѣ Ф... П.....вича не знаю что сказать, похвалить, или похулить; только жаль въ такія молодыя лѣты, себѣ затворить каріеру.

Здѣшнія вѣсти: ты знаешь Гагарина каммеръ-юнкера; онъ отъ князя былъ посланъ курьеромъ въ Вѣну, тамъ нашелъ дѣвушку Глазнапъ съ матерью, влюбился и женился. Она падчерица Чевкина, что былъ губернаторомъ въ Каменцѣ.....

21 декабря, Яссы..... Князь все еще въ Букарештѣ, отъ подагры только легче. А мнѣ вчерась въ вечеру давали здѣшніе бояре балъ, который, имъ, сказываютъ, сталъ въ 1500 червонныхъ. Я бы могъ вечеръ просидѣть и гораздо дешевле...

1809 г.

7 марта, Яссы. Я тебѣ, мой другъ, даю печальную коммиссію. Молодой Шпренгъпортенъ, который прошедшаго лѣта пріѣхалъ съ твоимъ письмомъ, на этихъ дняхъ умеръ. Прилагаю къ отцу письмо, которое кажется надобно доставить къ старику чрезъ жену. Молодой человѣкъ былъ пренесчастливый, всегда въ задумчивости и казался нести какое-то несчастіе, объ которомъ никому не говорилъ.

Теперь скажу свои вѣсти непріятныя, но слава Богу, что такъ прошло. Ты знаешь, что Хитровъ былъ посланъ въ Константинополь, и вотъ что сдѣлалось, отсюда въ 300 верстахъ опрокинулся съ телѣгою и переломилъ себѣ руку, лѣвую; но слава Богу рука хорошо сростается и черезъ двѣ недѣли совсѣмъ выйдетъ. Объ Аннушкѣ и слуху нѣтъ..... Я изъ Яссъ ѣду 17 сего мѣсяца. Съ Богомъ хотимъ войну начинать.

24 марта, Яссы..... У насъ начинается война. Съ Божьей помощью я завтра ѣду въ Фокшаны, гдѣ собрались войски.....

6 апрѣля, 20 верстъ отъ Браилова.... Мы начали военныя дѣйствія, по правдѣ, что еще непріятеля мало..... Хитровъ выздоровѣлъ, но рука еще слаба.

17 апрѣля, при Браиловѣ. Сегодня ѣдетъ курьеръ, мой другъ къ вамъ въ Петербургъ. Я, слава Богу, здоровъ и всѣ, которые около меня. Надѣемся скоро взять Браиловъ. Аннушка, думаю, вчерась только пріѣхала въ Фокшаны, отсюда верстъ семдесятъ, и тамъ остановится;... больше некогда писать; здѣсь хлопотно.....

21 апрѣля, при Браиловѣ. Чтобы ты, мой другъ, не испугалась слуховъ въ публикѣ, не хочу упустить курьера. У насъ было дѣло съ Браиловымъ. Дѣлали малою частью арміи пробу на штурмъ города, который неудался, и мы потеряли нѣсколько людей*). Больше писать некогда...

16 мая, Галацъ..... Состояніе мое здѣсь становится мнѣ тяжело, при всемъ моемъ терпѣніи. Фельдмаршалъ дѣлаетъ все по совѣтамъ другихъ; однакоже за всякую неудачу сердится тутъ же и на меня,

---

*) Перемиріе было прекращено 22 марта 1809 г. Главнокомандующій кн. Прозоровскій получилъ отъ императора повелѣніе перейти Дунай и дѣйствовать рѣшительно. Главный корпусъ собранъ былъ, подъ начальствомъ Кутузова, у Фокшанъ. 8 апрѣля — Кутузовъ обложилъ Браиловъ. Генералъ Гартингъ велъ правильную осаду; 20 апрѣля былъ штурмъ; осаждающіе послѣ осьмичасоваго кровопролитнаго боя, потерявъ пять тысячъ были отбиты.

Ред.

такъ, какъ бы точно дѣлалъ по моему совѣту. Мое положенie тѣмъ тяжеле, что я долженъ скрывать все неудовольствie мое, непоказать никому виду, чтобы неиспортить службы; да и тебя прошу никому объ этомъ не говорить и ко мнѣ объ этомъ не писать. Буду терпѣть, пока смогу...

8 iюня, Галацъ..... Меня кажется поссорили съ княземъ изъ Петербурга; именно думаю княгиня будто что-то говорила и до ней дошло. Я не интригантъ; Богъ съ ними! какъ хотятъ. Буду терпѣть, пока мочь будетъ...

14 iюня, Галацъ..... Скажу тебѣ новость: сейчасъ получаю отъ Государя рескриптъ, чтобы ѣхать въ Вильну, и принять губернiю и должность Корсакова. Отсюда я радъ, но нехочется мнѣ въ Вильну и радъ бы отдѣлаться...

18 iюня, Галацъ.... Касательно моего перемѣщенiя, вотъ что надобно сказать: первое, надобно послушаться тотчасъ и ѣхать къ своему мѣсту, а потомъ надуматься, можно ли служить. Правда, что разстройка моему состоянiю перевозиться совсѣмъ въ Вильну изъ Кiева, и ежели оставятъ при обыкновенномъ содержанiи военнаго губернатора, то, ей-Богу, жить въ Вильнѣ невозможно,— это не Кiевъ. Прозоровской что-то писалъ на меня, то-есть налгалъ, а я имѣю свидѣтелей всю армiю, которая вся, кромѣ подлыхъ интригантовъ. обо мнѣ жалѣетъ. Я этому вижу отъ всѣхъ доказательства.....

19 декабря, (Вильна)..... Вчерась былъ въ концертѣ, гдѣ слышалъ прекрасный дуэтъ, пѣла Франкова и Тарквини, сопрано. Рѣдкiе два голоса.

29 декабря, (Вильна)..... Не подумайте, чтобы меня здѣсь держали веселости, или привязанность къ чему-нибудь; хотя конечно людный городъ и много прiятныхъ людей, но мнѣ ничто не въ диковинку; а ежели бы кто изъ своихъ былъ, то бы мнѣ и въ Горошкахъ было весело. Слышу, что Кудашевъ отпущенъ въ отпускъ, ежели бы хотя ихъ Богъ принесъ ко мнѣ....

Собщ. Ѳ. К. Опочининъ.

Русскіе писатели XVIII-го вѣка

XII *).

Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ.

Есть извѣстіе, что С. Г. Домашневъ родился въ 1746 году (Мат. Ефр., стр. 143 въ прим.), но повидимому онъ родился по крайней мѣрѣ годами пятью ранѣе, ибо въ 1767 году онъ былъ членомъ коммиссіи депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія (Спис. деп., Совр., 1861, кн. 12, прим., стр. 45, подъ № 389), а для выбора въ это званіе нужно было имѣть не менѣе 25 лѣтъ (Ист. свѣд. о Екат. ком. для соч. проекта нов. ул., Ч. I, стр. 5.), слѣд. С. Г. Домашневъ не могъ родиться позже 1742 года. Происхожденіе его въ точности мнѣ неизвѣстно **); но можно полагать, что онъ былъ однимъ изъ сыновей любимой камеръ-фрау императрицы Елизаветы, Анны Дмитріевны Домашневой, которая пользовалась особеннымъ ея довѣріемъ, чѣмъ возбудила зависть; въ 1754 году была она обвинена въ намѣреніи околдовать государыню, арестована вмѣстѣ съ дѣтьми, изъ коихъ меньшой былъ камеръ-пажемъ, и выслана съ ними въ Москву. (Зап. Имп. Ек., стр. 159, подъ 1754 годомъ). С. Г. Домашневъ учился въ Московскомъ университетѣ ***), вмѣстѣ съ фонъ-Визинымъ (Ист. Имп. Моск. унив. стр. 95), съ которымъ остался и потомъ пріятелемъ (Соч. Ф. Виз., изд. Ефр., стр. 357 и 384). Онъ очень рано выступилъ на литературное поприще, печатая много стиховъ и прозы въ издававшихся въ 1760—1763 годахъ въ Москвѣ журналахъ Хераскова „Полезное Увеселеніе" и „Свободные часы" (Ист. Имп. Моск. унив., стр. 93); кромѣ того, многія его стихотворенія остались неизданными (мат. Ефр., стр. 35 и 143, 168 и

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. I, изд. первое стр 463; изд. второе стр. 541; т. II, стр. 74 и 194.

**) Дѣдъ Сергѣя Герасимовича Домашнева, Яковъ, былъ въ 1701 и 1703 гг. писцомъ 2-й статьи и, потомъ, подъячимъ крѣпостныхъ дѣлъ; а отецъ, Герасимъ Яковлевичъ, въ 1760 г., находился коллежскимъ совѣтникомъ и присутствовалъ въ соляной конторѣ. Прим. М. Д. Хмырова.

***) Въ бытность свою воспитанникомъ московскаго университета, С. Г. Домашневъ, по собственному желанію, выраженному въ его челобитной, поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ солдатомъ, и, приказомъ по этому полку, отъ 16 февр. 1760 г., зачисленъ въ 12-ю роту. Вотъ университетскій аттестатъ С. Г. Домашнева, хранящійся вмѣстѣ съ его челобитною, въ дѣлахъ архива л.-гв. Измайловскаго полка: «1759 г. декабря 17 дня, по указу ея императорскаго величества і по определенню канцеляріи імператорскаго московекаго универсітета, дан сеи атестат благородному ученику Сергею Домашневу, втомъ, что он, в битность свою в универсітете, обучался стилю француского языка, гисторіи, геограѳіи і геометріи, све-

198). С. Г. Домашневъ служилъ офицеромъ сперва въ полевыхъ полкахъ, и затѣмъ въ генеральномъ штабѣ (Ibid., стр. 143), и долго путешествовалъ за границей (Слов. Евг., ч. I, стр. 187). Въ 1772 году былъ онъ выбранъ членомъ вольнаго россійскаго собранія при московскомъ университетѣ (Ист. Имп. Моск. ун., стр. 202). Въ то же время участвовалъ онъ въ дѣйствіяхъ противъ турокъ, начальствуя легіономъ албанцевъ, навербованныхъ по приказанію Орлова. Въ семидесятыхъ годахъ пожалованъ онъ былъ камеръ-юнкеромъ и наконецъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ (Слов. Евг., ч. I, стр. 187) и директоромъ академіи наукъ, должность котораго онъ занималъ съ 1775 по 1783 годъ (Ibid.), принявъ ее отъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, который былъ такъ же какъ и его братья главнымъ покровителемъ С. Г. Домашнева (Зап. кн. Дашк. гл. 13). Въ 1767 году С. Г. Домашневъ участвовалъ въ изданіи въ Москвѣ „Переводовъ изъ энциклопедіи", гдѣ напечатаны его переводы двухъ статей по части географіи. (Соврем., 1857, № 7, Смѣсь, стр. 75). Въ томъ же году засѣдалъ онъ въ знаменитой депутатской коммиссіи, какъ депутатъ отъ сумскаго дворянства Слободско-украинской губерніи (Спис. Деп. Соврем., 1861, кн. 12, Прил., стр. 45, подъ № 389) и былъ членомъ частной коммиссіи „О размноженіи народа, земледѣлія и домостроительства" (Ibid., стр. 74). Во время директорства его въ академіи происходилъ, въ 1776 году, пятидесятилѣтній юбилей ея существованія, на празднествѣ котораго онъ говорилъ рѣчь (Слов. Евг., ч. I, стр. 188). Въ 1777 году онъ предложилъ академіи составить „Всеобщее географическое, историческое, политическое, физическое и экономическое описаніе Россіи", но предпріятіе это ограничилось составленіемъ росписанія предметовъ для этого сочиненія (Ibid.). Домашневъ пожалованъ камергеромъ 28 іюня 1778 года (С.-Петерб. Вѣстн., 1778, ч. I). С. Г. Домашневъ хотѣлъ изгнать изъ употребленія букву ѣ (Опытъ кр. ист. русск. лит. Греча, стр. 143) и въ „Академическихъ извѣсті-

---

ликою прилежностью; успехи оказалъ ізрядныя, при томъ поступки і поведеніи такие імеетъ, какъ благородно воспитанному надлежитъ. І ныне, по прошенію ево, записатца ему в военную службу симъ дозволяетца. А по записке (въ службу) імѣетъ онъ, для окончанія наукъ, остатся при университете по прежнему. Чего ради онъ, Домашневъ, симъ атестуется, за подписаниемъ канцеляріи советника імператорского московского університета директора. У подлинного подписано тако: Іванъ Мелиссино. За секретаря актуариусъ Петръ Корнельевъ. Регистраторъ Иванъ Перелывкинъ. У того атестата ея імператорского величества імператорского московского университета печать. Москва». (дѣла архива л.-гв. Измайловскаго полка. 1760. Книга отставнаго повытья).

Примѣч. М. Д. Хмырова.

яхъ“ 1781 года для опыта печаталъ безъ этой буквы одинъ отдѣлъ, подъ заглавіемъ: „Показаніе новѣйшихъ трудовъ разныхъ Академій“ (Соч. Держ., изд. Я. К. Грота, т. 3, стр. 499). Но вообще, время директорства С. Г. Домашнева было періодомъ упадка академіи, если вѣрить всему, что̀ говоритъ о немъ заступившая его мѣсто, какъ директоръ академіи, въ началѣ 1783 года, извѣстная княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Она разсказываетъ о вопіющихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по управленію и экономической и счетной частяхъ Академіи, которыя нашла и исправила, и приводитъ самые нелестные отзывы о С. Г. Домашневѣ самой императрицы (Зап. кн. Дашк., гл. 19). Повидимому онъ дѣйствительно впалъ у ней въ немилость. По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ онъ не получалъ никакихъ наградъ или повышеній и вообще всякія свѣдѣнія о немъ исчезаютъ. Извѣстно только, что онъ умеръ въ 1796 году (Слов. Евг., ч. I, стр. 188). С. Г. Домашневъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Оболенской (род. 1765, ум. 24 марта 1828), дочери подполковника князя Ивана Петровича. (Рос. Род. книга кн. П. Долгор., ч. I, стр. 80 и 81, подъ № 69). Дочь ихъ Варвара Сергѣевна была за Михаиломъ Ѳедоровичемъ Сухотинымъ.

Отдѣльно изданныя произведенія С. Г. Домашнева суть слѣдующія:

1. Ода на восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины II. СПб. 1762. (Соп., № 7173; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

2. Ода на побѣды надъ Турками и на взятіе Хотина. Спб., 1769. Соп., № 7318; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

3. Ода на побѣду, одержанную Россійскимъ флотомъ надъ Турками при Чесмѣ. Спб., 1771. (Соп., № 7216; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

4. Рѣчь о обязанности, которую имѣютъ ученыя общества присоединять къ физическимъ наблюденіямъ и нравственныя. Спб. 1777. (Соп., № 10,026; у Пл. и Смирд. нѣтъ). Эта рѣчь произнесена была авторомъ въ 1776 году, на празднествѣ пятидесятилѣтняго юбилея Академіи Наукъ, о чемъ уже сказано выше.

Новиковъ въ 1772 году приписывалъ С. Г. Домашневу переводъ „Нравоучительныхъ сказокъ“ Мармонтеля, изданный въ 2 частяхъ въ Москвѣ, въ 1764 году. (Мат. Ефр., стр. 35). Но всѣ библіографическія указанія свидѣтельствуютъ противъ этого. Сопиковъ (№10,314), Плавильщиковъ (№ 4886), Смирдинъ (№ 9648) и митрополитъ Евгеній (Слов. св. пис., ч. I, стр. 83) говорятъ единогласно, что этотъ самый переводъ (изданный вторично Новиковымъ же въ Москвѣ, но уже въ 1787—1788 годахъ) принадлежитъ Павлу Ивановичу фонъ-Визину, брату славнаго комика, бывшему съ 1784 по 1789 годъ директоромъ московскаго университета.

Двѣ изъ статей С. Г. Домашнева, появившіяся въ 1762 и 1779 годахъ, а именно „О стихотворствѣ“ и „Отрывокъ“ недавно перепечатаны. (Матер. Ефр., стр. 168 и 196). **М. Н. Лонгиновъ.**

К. Н. БАТЮШКОВЪ.

р. 1788 ум. 1854 г.

Письма его къ Гнѣдичу.

(Сообщены П. А. Ефремовымъ).

V *).

(Финляндія. 1 ноября, 1808).

Я пріѣхалъ благополучно, но по пріѣздѣ сдѣлался боленъ и семь дней лежалъ въ лихорадкѣ; чудомъ вылѣченъ. Тревога, а у меня шпанская мушка на шеѣ; срываю и бѣгу. Мы имѣли двѣ большія сшибки, въ первой много потеряли и князь Долгорукой**), къ сожалѣнію солдатъ, убитъ; а вторая была ночью 30 октября, т. е. третьяго дня. Шведы въ прахъ разбиты; они забрались даже въ нашъ лагерь, но прогнаны съ великимъ урономъ. Я, къ несчастію, оставался въ резервѣ. Петинъ ***) раненъ, сходи къ нему, когда услышишь о его пріѣздѣ въ Питеръ, также и Делагардъ ****) раненъ, впрочемъ егери мало потеряли, а дрались хорошо; вотъ всѣ наши новости. Здѣсь все найти можно; пришли съ этимъ курьеромъ табаку турецкаго, чулокъ теплыхъ, перчатки теплыя и неньги. Да еще закажи хорошему портному гусарскій жилетъ темно-зеленый, это меня

---

*) См. «Русскую Старину» т. I, изд. перв., стр. 65—71; изд. втор. стр. 549—554. Примѣчанія къ издаваемымъ нами письмамъ К. Н. Батюшкова принадлежатъ П. А. Ефремову. Ред.

**) Кн. Мих. Петров. (1780—1808), генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ. О немъ см. «Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ» стр. 136 — 137. Спб. 1840.

***) Ив. Александр. Петинъ былъ тогда поручикомъ л.-гв. егерскаго полка, въ которомъ и Б. былъ прапорщикомъ. Подробности о Петинѣ сообщены Батюшковымъ въ статьѣ «Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій». (Москвитянинъ 1851, № 5).

****) Августъ Осиповичъ де-ла-Гардъ былъ шт.-капит. въ томъ-же полку.

ужасно обрадуетъ. Полковникъ *) меня безъ души любитъ; ходитъ за мной, какъ за сыномъ. Что дѣлаютъ мои сестрицы? Пиши, мой другъ, онѣ меня безпокоятъ. Получилъ ли Абрамъ Ильичъ **) деньги; кланяйся ему и поцѣлуй его дѣточекъ. Я не пишу, потому что разстроенъ послѣ сраженія. Надѣюсь совершенно на отставку. Полковникъ обѣщаетъ ее выхлопотать, но теперь могу (ли), не бывъ ни въ одномъ дѣлѣ, приступить къ сему? Мнѣ не нужно говорить тебѣ, другъ мой, что я тебя люблю. Дай Богъ, чтобъ ты не перемѣнился. Пиши ко мнѣ съ этимъ курьеромъ, исполни мои коммиссіи, особливо жилетъ, да и обувь нужна.

Здѣсь бездѣлица веселитъ и цѣну узнаешь вещамъ, когда ихъ нѣтъ. Скажи Оленину ***), что я его люблю и почитаю. Такъ убитъ духомъ, что лучше кончить, пока перо само не выпало изъ рукъ.

1 Ноября. 1808. Indesalmi. Конст. Батюшковъ.

Напиши мнѣ, гдѣ находится Катерина Θедоровна****).—Если стихи мои напечатаны, то пришли.—Ужели будешь коротко писать? Брось эту привычку, мой другъ.—Пришли леденцу съ имбиремъ, побольше. грудь болитъ.

N. B. Напиши кой-что изъ этого письма сестрамъ. Я не успѣлъ ихъ о всемъ увѣдомить.

VI.

(Финляндія. 1808 г.).

Я къ тебѣ не пишу, потому что ты не пишешь ко мнѣ. Отошли сіе письмо къ сестрицамъ. Если есть письма отъ нихъ, то — его высокородію Петру Егоровичу Свѣчину, на Мойкѣ, близъ Краснаго моста, т.-е. въ вашей канцеляріи, отдать; онъ, Свѣчинъ, перешлетъ вѣрно ко мнѣ. Потрудись, другъ мой, самъ отдать ему въ руки. Пришли мнѣ табаку курительнаго, янтарный чубукъ и нѣсколько русскихъ стиховъ, да балладу Жуковскаго, чѣмъ меня много обяжешь. Я тебя болѣе люблю, нежели ты меня; еслибъ ты былъ въ походѣ, то я бы болѣе, нежели ты для меня, сдѣлалъ. Но, Богъ съ тобой! Кому талантъ, кому два — людей и всегда въ несчастіи собственными боками узнаешь. Прощай и будь здоровъ *****). Батюшковъ.

---

*) А. П. Турчаниновъ.

**) Гревенсъ, мужъ 3-й сестры К. Н-ча, Анны Николаевны. Въ его семействѣ жилъ впослѣдствіи больной К. Н., въ Вологдѣ, до своей кончины.

***) А. Н. Оленинъ тогда былъ статсъ-секретаремъ, помощникомъ главнаго директора императорскихъ библіотекъ (гр. А. С. Строгонова), присутствующимъ въ деп. удѣловъ и экспедиторомъ 4-й экспедиціи госуд. совѣта.

****) Муравьева, жена Михаила Никитича и мать декабристовъ Никиты, Ипполита и Александра.

*****) Это письмо, равно какъ и приводимыя ниже подъ №№ XII, XIII, въ нашей коллекціи имѣются въ копіяхъ, а не въ подлинникахъ. Сохранились-ли послѣдніе и гдѣ они находятся — мы не знаемъ.

VII.

Финляндія, 25 декабря (1808).

Я къ тебѣ пишу три слова. Курьеръ ѣдетъ, а о его отправленіи сію минуту узналъ. Пиши ко мнѣ, мой другъ, о сестрицахъ; я ни одной строки не имѣю. Здоровы-ли онѣ? — Право, сердце кровью заливается отъ скуки. Мы живемъ въ 13-ти верстахъ отъ города Вазы, а Ваза есть городъ вымазанный красной краской.... и болѣе ничего. Пришли, мой другъ, табаку не замедля, поболѣе, и мой чубукъ янтарный, да другой купи хорошій. Пришли книгъ, Бога ради. Какихъ-нибудь русскихъ стиховъ. Купи еще мнѣ чаю фунта два и книгу: Ossian tradotto dall' abate Cesaroti. Я объ ней ночь и день думаю. Къ тебѣ съ симъ курьеровъ обстоятельнаго ничего писать не могу, ибо принужденъ писать на лоскуткѣ. Пиши по-длиннѣе, по-длиннѣе. Ѣздишь-ли ты къ Оленину? Пару перчатокъ теплыхъ не забудь.

Прощай мой другъ, свиданіе наше будетъ за синимъ океаномъ, вдали въ мерцаніи багряномъ.

Ваза, 25 декабря. Конст. Бат.

Посылки отдай въ домѣ Ланского, гофъ-маршала *) на имя Турчанинова **) или лучше въ домъ графини Строгоновой ***): „Въ бригадѣ графа Строгонова. Въ Вазу". Графиня съ удовольствіемъ беретъ на себя пересылать письма офицерамъ.

Здорово-ли у васъ, какъ ты поживаешь?

(Адресъ: Е. В. Н. И. Гнѣдичу, возлѣ Московской съѣзжи въ большомъ каменномъ домѣ, или отдать въ департаментъ граѳа Завадовскаго у Краснаго моста).

VIII.

Городъ Гамели Карлеби. (Финляндія, 1808, декабрь).

Я получилъ письмо твое. Курьеръ ѣдетъ сію минуту. Если есть у тебя письмо, то отдай ему. Когда сестры пришлютъ деньги или письмо, то отнеси ихъ въ домъ гофъ-маршала Ланского, его сыну камеръ-юнкеру и адресуй на имя полковника Андрея Петровича Турчанинова. Пришли съ этимъ курьеромъ кнастеру. Прощай; перешли перчатки сестрамъ и письмо также. Можетъ скоро увидимся, пиши пространнѣе. К. Б.

На маршѣ, декабря 1808.

---

*) Степанъ Сергѣевичъ. Двое молодыхъ Ланскихъ были товарищами Б. по полку.

**) Андрей Петровичъ, полковникъ того-же полка.

***) Гр. Павелъ Александр. Строгоновъ тогда былъ ген.-маіоромъ л.-гв. въ Измайловскомъ полку (р. 1774 ум. 1817). Женатъ былъ на княжнѣ Софьѣ Влад. Голицыной (1774—1845).

IX.

1-го апрѣля 1809.

Любезный другъ, Николай Ивановичъ! Я писалъ къ тебѣ назадъ тому дня четыре, и надѣюсь что ты получилъ письмо мое. Въ какомъ ужасномъ положеніи пишу къ тебѣ письмо сіе! Скученъ, печаленъ, уединенъ. И кому повѣрю горести раздраннаго сердца? Тебѣ, мой другъ, ибо все что меня окружаетъ, столь же холодно, какъ и самая финская зима, столь же глухо какъ камни. Ты спросишь меня: откуда взялась желчь твоя? Право, не знаю; не знаю даже зачѣмъ я пишу, но по сему можешь ты судить о безпорядкѣ мыслей моихъ. Но писать тебѣ, есть нужда сердца, которому скучно быть одному, оно хочетъ излиться.... Зачѣмъ нѣтъ тебя, другъ мой! — ахъ! — Если въ жизни я не жилъ бы другихъ минутъ, какъ тѣ, въ которыя пишу къ тебѣ, то право давно пересталъ бы существовать.

Пиши ко мнѣ чаще, прошу тебя. Почта, говорятъ, установлена, и мы можемъ теперь повѣрять другъ другу чувства сердецъ нашихъ. Пиши хоть о пустякахъ, и это меня разсѣетъ. Выполни по прежнему письму моему и пришли въ точности все, о чемъ тебя просилъ. Увѣдомь меня о сестрицахъ; давно уже отъ нихъ не имѣю извѣстій. Гдѣ онѣ? и что дѣлаютъ? Мнѣ такъ грустно, такъ я собой недоволенъ и окружающими меня, что не знаю куда дѣваться. Повѣришь ли? Дни такъ единообразны, такъ длинны, что самая вѣчность едва ли скучнѣе. А вы, баловни, жалуетесь на свое состояніе!

Этимъ кончу письмо. Ты скажешь, стоило ли труда писать?—Да, стоило, ибо мнѣ легче. Прощай будь счастливѣе.

Надендаль. Конст. Батюшковъ.

Перешли сіе письмо къ Павлу Алексѣевичу *).

X.

Начато 3 мая (1809).

Qu' un ami véritable est une douce chose! скажемъ съ Лафонтеномъ, да прибавимъ еще съ Дмитріевымъ: „Чувствительна душа и въ чужѣ веселится". Я былъ внѣ себя отъ радости, какъ получилъ письмо твое, любезный Николай. Я зналъ, я предчувствовалъ что Танкредъ **) будетъ хорошо принятъ,—но меня еще болѣе радуетъ, отгадай что? Твоя радость. По крайней мѣрѣ ты нѣсколько минутъ былъ въ восхищеніи, я это вижу по твоему письму. Пиши мнѣ пространнѣе обо всемъ: какъ играли, что говорятъ сѣдые ц е н з о р ы и весь арео-

*) Шипиловъ, мужъ 2-й сестры К. Н-ча, Елизаветы Николаевны.

**) Танкредъ—трагедія Вольтера, переведенная Гнѣдичемъ—предст. въ 1-й разъ 8 апр. 1809 г. Особенное впечатлѣніе на зрителей произвела К. С. Семенова (впослѣдствіи кн. Гагарина), въ роли Аменаиды.

нагъ и вся сволочь, и шмели, и трутни и змѣи, и гарпіи, и все, что говоритъ и судитъ своимъ и чужимъ умомъ... и всѣ, какъ говоритъ Мольеръ. „Figure de savant sur les bancs du théâtre.“ Смѣшные судьи! — Скажи еще, не видалъ ли, не замѣтилъ ли тамъ въ тѣни, гдѣ нѣтъ ни луча солнечнаго, ни даже восковой плошки, несчастныхъ освистаниыхъ авторовъ, которые съ скрежетомъ тебѣ прошептали: божественно! — Не видалъ ли адскихъ богинь, которыя живутъ не въ водахъ Флегетона, но въ театральномъ коридорѣ, вопреки Вольтеру и его Генріадѣ:

Là git la sombre envie, a l'oeil timide et louche
Versant sur des lauriers les poisons de sa bouche,
Le jour blesse ses yeux, dans l'ombre étincelants....
Auprès d'elle est l'orgueil, qui se plait et s'admire...
La faiblesse au teint pâle aux regards abattus...
La tendre hypocrisie aux yeux pleins de douceur,
Le ciel est dans ses yeux, l'enfer est dans son coeur.

Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ! Я радъ что хорошо съиграна и думаю, что ты не даромъ потерялъ свое время. Увѣдомь меня, что ты за нее получишь. Я надѣюсь что фортуна не отворотитъ отъ тебя своего лица, вылитаго изъ золота, и не покажетъ тебѣ своей чугунной задницы. Я желаю тебѣ все, что дружба пожелать можетъ.

Мундиры получилъ, а книгъ нѣтъ. Дѣло не о томъ. — Я подалъ просьбу въ отставку (увѣдомь объ этомъ сестеръ, незамедля) за ранами чрезъ К. Багратіона *) и надѣюсь, что скоро выйдетъ рѣшеніе. Такъ нездоровъ, что къ службѣ вовсе не гожусь, хотя и желалъ бы продолжать. Отъ Абр. Ил. писемъ неимѣю; поговори ему, чтобъ онъ хоть строкой увѣдомилъ. Я къ нему раза три писалъ. – Скажи А. Н. Оленину, что я просился въ отставку. Это нужно. Я самъ его увѣдомлю, а о прочемъ и говорить нечего

Et je serais fâché d'être sage à leurs yeux....

Видишь ли, какая память и какъ я ее украшаю въ Финляндіи! Еслибъ ты зналъ, какъ грустно!... Дай всю силу этому слову — и вѣрно обо мнѣ пожалѣешь.

Пожми руку у Радищева **); у него сердце на ладони; я и его не переставалъ любить. — Люди мнѣ такъ надоѣли и все такъ наскучило, а сердце такъ пусто, надежды такъ мало, что я желалъ бы

*) Вѣроятно Петра Ив-ча, который былъ тогда шефомъ полка, въ которомъ служилъ Батюшковъ.

**) Николай Александровичъ, старшій сынъ Ал. Н-ча, автора «Путешествія изъ Петерб. въ Москву». Изъ его сочиненій изданы отдѣльно: «Алеша Поповичъ» и «Чурила Пленковичъ», двѣ поэмы въ стихахъ; написанная имъ біографія отца, такъ и осталась до сихъ поръ въ рукописи у кн. П. А. Вяземскаго.

уничтожиться, уменьшиться, сдѣлаться атомомъ; ты меня вѣрно понимаешь:

Кто сильно чувствуетъ, тотъ сильно выражаетъ....

Долго ли мнѣ ссылаться на другихъ?—Мартыновъ *) написалъ бы здѣсь, въ скобкахъ, естетическимъ перомъ своимъ citer à propos et mal à propos.—Выщипли перья у любви, которая состарѣлась, не вылетая изъ твоего сердца; ей крылья не нужны. А. Ф., право, хороша и давай ей кадить!—Этимъ ничего не возьмешь. Не летай вокругъ свѣчки—обожжешься. А впрочемъ, какъ хочешь - и это имѣетъ свою пріятность, неправда-ли? Я такъ этакъ думаю, на холостомъ ложѣ, перебирая старую быль въ головѣ своей: лучше какъ-нибудь вкушать блаженство, нежели никакъ, а здѣсь въ кого влюбишься? Развѣ въ Анну, Кайсу, Бриту, которыя бы годились въ прислужницы греческимъ Паркамъ. Преузорочныя чухонки!

А когда я любилъ, увѣнчанный ландышами, въ розовой тюникѣ съ посохомъ, перевязаннымъ зелеными лентами, цвѣтомъ надежды, съ невинностью въ сердцѣ, съ добродушіемъ въ пламенныхъ очахъ, припѣвая: „кто могъ любить такъ страстно," или „я неволенъ, но доволенъ," или „нигдѣ мѣста не найду," ты смѣялся злодѣй,—теперь я запою: „я плакалъ, ты смѣялся" и проч.

Le sage est ménager du tems et des paroles!

А я съ тобою такъ разболтался. Пришли книгъ и Капниста по почтѣ, можешь и писать: она регулярно ходитъ. Прошу тебя увѣдомить обо всемъ сестеръ, не замедля.

Я не смѣю и говорить тебѣ, что люблю еще какъ дуракъ и кого? Ты самъ знаешь и знаешь также, о чемъ хочу просить. Женимся, мой другъ, и скажемъ вмѣстѣ: Святая невинность, чистая непорочность и тихое сердечное удовольствіе, живите вмѣстѣ въ бѣдномъ домѣ, гдѣ нѣтъ ни бронзы, ни драгоцѣнныхъ сосудовъ, гдѣ скатерть постлана гостепріимствомъ, гдѣ сердце на языкѣ, гдѣ фортуны не чествуютъ въ почетномъ углу, но гдѣ мирный Пенатъ улыбается друзьямъ и супругамъ... мы васъ издали привѣтствуемъ. Не правда ли? А пока пойдемъ съ рублемъ къ каменному мосту и потомъ направо.

Я вдругъ получилъ извѣстіе, что г. Строгоновъ ѣдетъ, и спѣшу кончить письмо. — Пришли книги. Конст. Батюшк.

Освѣдомляйся у Спиридова, адъютанта Строгонова, какое теченіе приметъ моя просьба и увѣдомляй меня немедленно. Это все можно чрезъ Полозова.

---

*) Извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ, бывшій тогда директоромъ департ. народ. просвѣщенія.

XI.

4 августа 1809. (Изъ деревни.)

Я не писалъ къ тебѣ, другъ мой, и могъ ли писать; сдѣлался такъ боленъ, что хоть брось. Здѣсь все благополучно. Гдѣ ты поживаешь, другъ мой? — Радищевъ пишетъ, что на дачу переѣзжаешь. Пріѣзжай лучше сюда; рѣшись и дѣло въ шляпѣ.

Тебя и нимфы ждутъ объятья простирая,
И фавны дикіе кроталами играя,
Придешь — и всѣ къ тебѣ на встрѣчу прибѣгутъ
Изъ древъ гамадріады,
Изъ рѣкъ обмытыя наяды.
И даже сельскій п—ъ, сатиръ и пьяный плутъ.

А если не будешь, то все перемѣнитъ видъ, все заплачетъ, зарыдаетъ:

Цвѣты завянутъ всѣ, завоютъ рощи дики,
Слезами потекутъ кристальны ручейки,
И, рѣзки испустивъ въ болотѣ ближнемъ крики,
Прочь крылья навострятъ носасты кулики,
Печальны чибисы, умильны перепелки.
Не станутъ пастухи играть въ свои свирѣлки,
Любовь и дружество — погибнетъ все съ тоски!

Вотъ тебѣ два мадригала, а пріѣдешь — и цѣлая поэма. Скажи Аннѣ Петровнѣ, что я ѣхалъ по слѣдамъ Бороздина. Его гдѣ принимали за шпіона, гдѣ за чудака (онъ часто ночью гулялъ), а гдѣ и за статскаго совѣтника. Попроси А. Н., чтобъ онъ не сердился на меня за то, что я съ нимъ не простился. Вотъ пятьдесятъ рублей въ уплату крестовъ; я чаю, ты получилъ отъ фонъ-Мендена или Протасьева *) деньги. Перешли и сіи письма къ Макарову черезъ Радищева. Если заплатилъ деньги за кресты, то оставь сіи деньги у себя, кой для какихъ покупокъ, да пришли мнѣ съ первой почтой плетеный чубукъ для фарфоровой трубки, купи у Голандца; также вакштафу два фунта, у меня нѣтъ ни крохи. Пожалуйста увѣдомь поскорѣе, гдѣ ты и что намѣренъ дѣлать. Vale e me ama. Я къ Радищеву буду писать, если онъ здѣсь въ Питерѣ. Попроси Алек. Петр.**), чтобъ онъ увѣдомилъ меня строчкой, и прислалъ бы книгу, что у него есть о псовой охотѣ.

Конст. Бат.

Я безъ табаку пропалъ.

---

*) Бывшіе сослуживцы по егерскому полку, какъ и Петръ Степ. Макаровъ, упоминаемый вслѣдъ за симъ.

**) Беницкаго.

XII.

(7 августа 1809 г.).

Я къ тебѣ писать не буду. Ты самъ лѣнивъ. Напечатай эти стихи въ „Драм. Вѣстникѣ", чтобы доказать, что я живъ и волею Божіею еще не помре съ печали. Я выбралъ нарочно трудныя мѣста для переводчика. Посланіе къ Тассу *) тебѣ понравится. Марай дурное — воля твоя, — но пожалѣй немного сіе новорожденное дѣтище. Прости до первой почты.

7 августа. К. Б.

XIII.

(19 августа 1809 г.).

Я къ тебѣ пишу мало, потому что боленъ и скученъ, но съ первой почтой буду писать пространнѣе. Увѣдомляй меня почаще; здѣсь въ пустыни и ковчегъ Ноевъ — новость, а у васъ тамъ ничему не удивляются. Изъ твоего письма вижу, что обитаешь на дачѣ, въ жилищѣ Сиренъ. Мужайся, Улиссъ! Здѣсь-же ни одной Сирены; а спутниковъ Итакскаго мужа, который десять лѣтъ плылъ изъ Малой Азіи на каменный и бѣдный островъ, — очень много. Какъ минута можетъ перемѣнить предметы! Я отворилъ окно и вижу: нимфа Іо ходитъ, голубушка, и мычитъ Богъ вѣсть о чемъ; двѣ Леды кричатъ немилосердно. Да, посмотри... тамъ въ тѣни — право стыдно!... бараны, можетъ быть, изъ стада царя Адмета...

Накинемъ занавѣсъ цѣломудрія на сіи сладостныя сцены, какъ говоритъ Николай Михайловичъ Карамзинъ въ Натальѣ. Пожалуста пришли мнѣ стиховъ изъ Петербурга, а я тебѣ пришлю перчатокъ замшевыхъ хоть дюжину.

Ты, можетъ быть, забылъ, что мнѣ нужно разсѣяніе и для того я все говорю о дѣлѣ — (дамскій силлогизмъ). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ; напечатай въ „Цвѣтникѣ", если онъ не завялъ совершенно. А онѣ недурны. На будущей почтѣ я пришлю тебѣ нѣсколько похвальныхъ словъ, а именно вотъ какихъ: поэтъ Сидоръ, что написалъ Потопъ, а рыбы на кустахъ, ну ужъ геній! А Кузьма, что

*) Посланіе это напечатано въ «Драмат. Вѣстникѣ» (ч. VI, стр. 62 — 67), съ примѣчаніемъ, что «его предположено было напечатать въ заглавіи перевода Осв. Іерусалима». Это и 5 другихъ примѣчаній въ изданіи соч. Батюшкова опущены. Вслѣдъ за «Посланіемъ» въ «Др. Вѣст.» былъ помѣщенъ и отрывокъ изъ перевода. Осв. Іерусалима (стр. 68 — 72). Ему предшествовали слѣдующія строки: «Можетъ быть охотники до стиховъ съ снисхожденіемъ прочитаютъ опытъ перевода нѣкоторыхъ октавъ изъ безсмертной Тассовой поэмы. Если не найдутъ высокихъ піитическихъ мыслей, красоты выраженій, плавности стиховъ, то вина переводчика: подлинникъ безсмертенъ». Подпись подъ переводомъ NNN. Въ соч. Батюшкова онъ есть.

сидитъ въ креслахъ на Васильевскомъ Острову, возлѣ Биржи, мастеръ писать... хоть съ виду и не хитеръ, а ума палата!

Я увѣренъ, что эпиграммы по тебѣ, а особливо на женщинъ, Виргиліевъ переводъ и журналиста *).

Гдѣ Радищевъ? Онъ вѣрно въ Москвѣ. Дай его адресъ. Капниста адресъ мнѣ нуженъ необходимо. Пришли мнѣ дамскій сувениръ, на манеръ моей книжки, что купилъ я въ магазинѣ въ 10 или 15 руб. „Др. Вѣстникъ" 11-й части съ 144 листа недостаетъ; пришли мнѣ его неотмѣнно, также Державина, если есть кредитъ; а я тебѣ деньги вышлю съ первой почтой. Надѣюсь, что кресты отправлены; а табаку ожидаю, какъ цвѣтокъ росы. Если можешь прислать турецкаго хорошаго, лучшаго; такого, что нестыдно курить въ магометовомъ раю, на лонѣ гурій, съ аравійскими ароматами, съ алоемъ, шафраномъ, съ анемонами, съ ананасовымъ сокомъ... Ты понимаешь!

Ты получилъ пенсіонъ!

Сердце у меня выскочить хотѣло отъ радости. Ты знаешь, что я въ половину чувствовать не умѣю. Письмо сіе было запечатано, отослано; но опоздало на почту. Приносятъ письмо отъ Радищева и я читаю, что ты получилъ пенсіонъ! Да здравствуетъ князь Гагаринъ!** Я бы желалъ его знать покороче: онъ стоитъ того! Вытолкни его изъ круга нынѣшнихъ господчиковъ: онъ право феноменъ!... Ну, слава Богу, ты имѣешь кусокъ вѣрнаго хлѣба; великое дѣло! Жаль, что меня съ тобою нѣтъ: я-бы по своему праздновалъ это мое благополучіе. Я любилъ всегда Гомера, а теперь обожаю: онъ кромѣ удовольствія неизъяснимаго дѣлаетъ добро человѣчеству. Да тѣнь его потрясется на Олимпѣ отъ радости!

Играйте, о невскія музы,
Играйте во свирѣли, флейдузы!

Скажу съ Тредьяковскимъ и обниму тебя отъ всего сердца, души и помышленія. Весь твой Конст. Батюшк.

---

*) Эпиграммы эти не вошли въ собраніе соч. Батюшкова. Напечатаны онѣ въ «Цвѣтникѣ» 1810 г. № 1 и 3. Вотъ эпиграмма «На переводъ Виргилія,» сдѣланный Мерзляковымъ:

Вдали отъ храма музъ и рощей Геликона
Фебъ мстительной рукой Сатира задавилъ;
Воскресъ уродъ и отомстилъ:
Друзья... онъ душитъ Аполлона!

К. Б—въ.

**) Кн. Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ былъ тогда дѣйствит. камергеромъ и шталмейстеромъ двора ея высочества Екатерины Павловны, назначившей Гнѣдичу пенсіонъ. Князь впослѣдствіи женился на извѣстной К. С. Семеновой.

XIV.

Окончено сентября 6-го, 1809.

Я получилъ письмо твое отъ 23-го и радуюсь твоей радости, печалюсь твоей печали. Ты нажилъ завистниковъ? Но долженъ ли я повторить прежнія слова? Коррадо *) ихъ не родитъ, а переводы Иліады **) и Танкреда имѣютъ сильныя требованія на зависть и злобу. А пенсіонъ? — Брось печаль свою... Я желалъ бы, чтобъ мнѣ завидовали. Къ несчастію, есть люди, которые только жалѣютъ объ моихъ шалостяхъ, можетъ быть, изъ зависти. Я самъ умѣю плечами пожимать и болѣе кстати, нежели они, а языкъ мой? Если начну разглагольствовать въ жару страсти, вспомни, остеръ или нѣтъ? Но оставь Гарпій..... пойдемъ къ Граціямъ, къ Семеновой. Вотъ ей стихи. Если она скромна какъ Кореджіева дѣва, то и тутъ не отказалась бы отъ этой похвалы ***). Все что ты ни напишешь на

*) Донъ Коррадо де Геррера, или духъ мщенія и варварства гишпанцевъ — первый печатный опытъ Гнѣдича, романъ въ 2 ч. (М. 1803).

**) Въ 1809 г. Гнѣдичъ напечаталъ 7-ю пѣснь Иліады, перевед. александрійскими стихами, какъ продолженіе перевода Е. Кострова. В. Кн. Екатерина Павловна, супруга принца Ольденбургскаго, назначила Гнѣдичу, въ поощреніе къ дальнѣйшему труду, по 1000 р. ежегодной пенсіи.

***) Стихи эти напечатаны въ «Цвѣтникѣ» Измайлова и Беницкаго, но ни въ одно изъ собраній соч. Батюшкова не вошли (см. «Цвѣтникъ» 1809. ч. 3, стр. 409 — 410):

Стихи г. Семеновой.

E in si bel corpo piu cara venia.
Тассъ, V пѣснь «Освобожденнаго Іерусалима».

Я видѣлъ красоту достойную вѣнца,
Дочь добродѣтельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастнаго слѣпца,
Я видѣлъ, я внималъ ея сердечну стону,
И въ рубищѣ простомъ почтенной нищеты
Узналъ богиню красоты.

Я видѣлъ, я позналъ ее въ Моинѣ страстной
Средь сонма древнихъ Бардъ, средь копій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моей,
Ея взоръ пламенной, всегда съ душой согласной,
Я видѣлъ — и позналъ небесныя черты
Богини красоты.

О дарованіе, одно другимъ вѣнчанно! *)
Я видѣлъ Ксенію стенящу предо мной:
Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной,

*) Дарованіе поэта и актрисы. (Примѣч. Батюшкова).

этотъ случай, будетъ слишкомъ обыкновенно... Я взялъ перо съ удовольствіемъ и въ первый разъ, можетъ быть, съ пользой и кстати... т. е. для дружества. Можешь это напечатать, но гдѣ? Беницкаго *), котораго въ тайнѣ музы и три четыре человѣка, много, жалѣть будутъ, — я думаю, не стало. Безъ него и Цвѣтникъ такъ завялъ, какъ у меня въ саду послѣ осеннихъ дождей китайскій макъ. Надѣюсь, что Семенова поблагодаритъ, хоть словомъ своей руки; я тѣмъ болѣе на это имѣю права, что съ ней незнакомъ. — Ты теперь совершенно хочешь погрузиться въ Иліаду, какъ Ахиллесъ въ рѣку забвенія. И долженъ! — этого слова ни мой, ни твой желудокъ не варитъ. Однакожъ, что тебя будетъ оживлять, окрылять поэтическій духъ, отгадай? — Зависть; точно она; лучшій способъ ей мстить: молчать и дѣлать.

Что творитъ Ан. Петр. на дачѣ? — Спроси ее гдѣ Ниловы, я къ нимъ хочу писать посланіе. Гдѣ Капнистъ? — Какъ къ нему писать? Про Хераскова трагедію ты говоришь, что академія ее вѣнчала **). Она дѣлаетъ свое дѣло, т. е.

Triste amante des morts elle hait les vivans.

Какой ты чудакъ! — Ни слова будто не могъ сказать Измайлову, либо самъ сходить къ Лесновскому за журналомъ? — Не стыдно-ли? Еслибъ зналъ, что здѣсь время за вещь? — Что крылья его—свинцовыя? — Что убить нечѣмъ? — Ужъ я принужденъ читать пряники Долгорукова***), за неимѣніемъ лучшаго. Пришли Драматическій Вѣст-

---

Боренье всѣхъ страстей въ ней къ ужасу сліянно
Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотой
И счастливъ сей мечтой!

Я видѣлъ — и хвалить не смѣлъ въ восторгѣ страстномъ,
Но нынѣ, истиной священной вдохновенъ,
Скажу, красотъ соборъ въ ней явно съединенъ:
Душа небесная во образѣ прекрасномъ
И сердца добраго всѣ рѣдкія черты,
Безъ коихъ ничего и прелесть красоты.

Ярославль, сентября 6. К. Б.

*) Александръ Петр. Беницкій, очень талантливый писатель и одинъ изъ издателей «Цвѣтника», умеръ 30 ноября 1809 г., 28 лѣтъ отъ роду, о немъ см. въ «Цвѣтникѣ» 1809, ч. IV, стр. 264—267.

**) Мих. Матв. Херасковъ (р. 1733, ум. 27 сент. 1807) незадолго до смерти своей, по задачѣ россійской академіи, написалъ и представилъ въ академію трагедію: «Раздѣленная Россія или Зереида и Ростиславъ». Она признана академіею достойной награды.

***) Сочиненія кн. Ив. Мих. Долгорукаго. Они изданы въ 4 ч. подъ заглавіемъ: «Бытіе сердца моего».

никъ *), но въ полнотѣ. Нѣтъ ли чего новаго? — Я весь итальянецъ, т. е. перевожу Тасса въ прозу **). Хочу учиться и дѣлаю исполинскіе успѣхи. — Стихи свои переправилъ такъ, что самому любо. Право, лучшій судья, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ, самъ сочинитель, если онъ не зараженъ величайшимъ порокомъ и величайшею добродѣтелью — самолюбіемъ. Не издаетъ-ли кто нынѣ журналовъ? — Что новаго? — Не похудѣлъ ли другъ Радищевъ? Каково Яковлевъ играетъ? — Какова погода? — Продаютъ-ли вареную кислоту съ померанцовыми отрубями, осыпанную лавровымъ листомъ? — Живъ ли твой апетитъ? — Долго-ли Мартыновъ исповѣдуетъ и что спрашиваетъ на духу? — Какое обширное поле для эпиграммъ! — Не худо-бы тебѣ прислать мнѣ турецкаго табаку; порадуй же меня и душу мою. Маленькій Катенинъ ***) что дѣлаетъ; онъ съ большимъ дарованіемъ; гдѣ онъ? — Франковы пилюли продаютъ въ антекахъ, въ главныхъ, для тѣхъ, у кого есть языкъ. Пришли ихъ пожалуйста, да ваксы для сапогъ.

Я завожу переписку съ Ч—вой, это преутѣшная и презабавная реляція подвиговъ....

Не влюбленъ-ли ты? — Когда такъ, то . . . . плюнь — и все тутъ. Что значитъ ex fulgore? — Больно жаль Беницкаго! — Жильбертъ въ немъ воскресъ и умеръ. Большія дарованія, рѣдкій, свѣтлый умъ; жаль что залилось желчью; а его болѣзнь, я думаю, превратилась въ нервическую; я на себѣ испыталъ это ужасное положеніе: чувствовать все гораздо сильнѣе, но съ меньшими тѣлесными силами! Поневолѣ призадумаешься и скажешь: что человѣкъ? За что одинъ страдаетъ, другой... но всѣмъ участь одна, всѣ, какъ царь и рабъ, умираемъ и живемъ несчастливы. Но баста! — слишкомъ умно заговорилъ некстати. Пришли табаку турецкаго. Помнишь ли, что Брутъ ****) говорилъ въ сенатѣ, на улицѣ, дома, въ храмахъ, на площади, на с...нѣ? Онъ говорилъ: гибель Карѳагенѣ; я не Брутъ, такъ говорить стану: дай табаку. Я читалъ все это время Княжнина сочиненія. Сколько хорошаго; Сколько ума и соли! — и какое холодное, мерзлое дарованіе! —

---

*) «Драматическій Вѣстникъ» издавался въ 1808—1809 гг. Въ немъ между прочимъ участвовали Н. И. Гнѣдичъ и И. А. Крыловъ. Изданіе это теперь крайне рѣдко.

**) Однако переводилъ и стихами, какъ это показываетъ отрывокъ изъ X пѣсни Осв. Іерусалима, тогда же помѣщенный въ «Цвѣтникѣ». (1809, ч. II, стр. 342—356).

***) Павелъ Андреевичъ, авторъ многихъ стихотвореній и переводчикъ Расина и пр.

****) Ошибка, вм. Катонъ.

У меня есть сосѣдъ, который пишетъ, читаетъ церковную подъ титлами и гражданскую печать, не примутъ-ли его въ академію? — Знаешь-ли какія этимъ членамъ надобны кресла? — Ст...ки. О варвары, о Крашенинниковы, о Тредьяковскіе. — Эта академія не всегда была запакощена, въ ней были, сіяли люди, истинно съ дарованіями. Mais sans un Mécenas à quoi sert un Auguste? — Гдѣ Крыловъ? — Что дѣлаетъ Шаховской и Жихаревъ? — Полозовъ ко мнѣ не пишетъ. Сочини изъ этого письма экстрактъ, да пришли его мнѣ полюбоваться. Ни начала, ни конца! — Жаль, не губи эпиграмъ моихъ въ Цвѣтникѣ; онѣ право не такъ дурны. Да пришли мнѣ Цвѣтникъ, ради Бога. — Что значитъ ex fulgore? Продолженіе впредь. — Посмотрю у меня каминъ погасъ, а на дворѣ стужа.

Итальянскій эпиграфъ очень приличенъ къ Семеновой; это одинъ изъ лучшихъ стиховъ Тассовыхъ (скажу мимоходомъ, что Іерусалимъ — сокровище: чѣмъ болѣе читаешь, тѣмъ болѣе новыхъ красотъ, которыя исчезаютъ во всѣхъ переводахъ), онъ значитъ: въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа. Этотъ стихъ взятъ изъ Энеиды, вотъ латинскій: Gratior et pulchro veniens in corpore virtus. Смиряйся предъ моею ученостью!

Право, мои стихи не дурны. — Какъ понравятся, не знаю?

Растиньяковы кресты отправь съ Семеномъ. 50 р. съ тѣми, что я послалъ, и съ этими, у сего приложенными, составятъ 150. — Кресты и письма отнеси Делагарду самъ; онъ очень любезный малый, другъ Растиньяковъ, — живетъ въ капитулѣ Мальтійскомъ на дворѣ, или отошли, но самому лучше. Купи на остальныя Державина сочиненія, Монтаня непремѣнно и табаку турецкаго. Какъ бы сладостно выкурилъ трубочку!

Если получишь отъ Протасьева, то купи что-нибудь, рублей въ 75, на шею для Вариньки, *) по крайней мѣрѣ приторгуй; не знаю что носятъ. Мнѣ хочется помоднѣе.

Что значитъ ex fulgore?

Бога ради, кресты отправь, извинись предъ Делагардомъ, что я тебѣ не сказалъ по вѣтренности адреса его.

XV.

19 сентября 1809.

Я радуюсь, что письмо мое тебя утѣшило. Могло ли произвесть иное дѣйствіе на сердце, способное раздѣлять въ полнотѣ чувство дружества? — Могъ ли бы я тебя любить, еслибъ душа твоя не отзывалась согласно на голосъ моей дружбы? — Чѣмъ болѣе живу, тѣмъ

*) Младшая сестра К. Н-ча.

болѣе люблю тебя, всѣ даже маловажныя происшествія связываютъ тѣснѣе союзъ дружества. Оно растетъ съ годами, ибо мы гораздо болѣе привязаны другъ къ другу теперь, нежели назадъ тому годъ и болѣе. Любовь совсѣмъ не такъ: эта горячка любви, эти восторги, упояющіе душу, исчезаютъ. — Гдѣ истинная любовь? — нѣтъ ея. Я вѣрю одной воздыхательной, Петраркизму, т. е. живущей въ душѣ поэтовъ, и болѣе никакой. Въ дружбѣ мой девизъ: истина и снисхожденіе. Истину должно говорить другу, но стольже осторожно, какъ и самолюбивой женщинѣ; снисходительну должно быть всегда. Ради сего послѣдняго пункта, и въ силу этого условія, я могу болтать до устали, не правда ли?

Я твоей загадки не понимаю, да и не силюсь понять. Ты хочешь заняться Гомеромъ, и совѣтую. Разстанься, удались отъ писателей. Повѣрь мнѣ, это нужно. Я знаю этихъ людей, они вблизи гораздо болѣе завидуютъ. Хорошо съ ними водиться тому, кто ищетъ одной извѣстности, а не славы. Ты въ первой не имѣешь нужды, а послѣднюю ничѣмъ пріобрѣсть нельзя, какъ трудами. Позволишь-ли дать совѣтъ? — Перечитывая твой переводъ, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что излишній славянизмъ не нуженъ, а тебѣ будетъ и пагубенъ. Стихи твои, и это забывать тебѣ никогда не должно, будутъ читать женщины, а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ. Притомъ, кажется, что славянскія слова и обороты вовсе не нужны въ иныхъ мѣстахъ; ты самъ это чувствовалъ. Но и здѣсь соблюди середину; подвигъ во истину трудный! — Кто хочетъ писать, чтобъ быть читаннымъ, тотъ пиши внятно, какъ Капнистъ, вѣрнѣйшій образецъ въ слогѣ, я не говорю — переводчику Иліады. Повѣрь мнѣ, что еслибъ Костровъ жилъ въ свѣтѣ, то не осмѣлился бы написать сицѣ для колесницы, а свѣтъ или еще значительнѣе слово — urbanité не послѣдняя для тебя выгода; и я думаю, что вечеръ, проведенный у Самариной, или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искуствѣ писать, нежели чтеніе нашихъ варваровъ. Я слогъ ихъ сравниваю съ рѣкой, въ которую нельзя погрузиться, не омочивъ себя. Мнѣ кажется, что гораздо полезнѣе чтеніе Библіи, нежели всѣхъ нашихъ академическихъ сочиненій, ибо въ первой есть поэзія, а Кондильякъ сказалъ: on peut raisonner sans s'éclairer, mais on ne peut pas remuer mon âme d'une manière nouvelle ou agréable, qu'aussitôt je ne sente le beau. Вотъ преимущество стихотворнаго языка. Я не знаю поймешь-ли меня, но мнѣ кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы изъ Мареы Посадницы, нежели Шишкова холодныя творенія.

Подумай, можетъ быть, я сказалъ правду. Какъ мнѣ Беницкаго

жаль! — Я читалъ нынѣ „умнаго и дурака“ въ Таліи *). Онъ какъ предвидѣлъ конецъ свой. Все что ни написано, сильно, даже ужасно, слишкомъ сильно, напитано желчью. Живъ-ли-то онъ?

Увѣдомь меня, какъ Семенова приняла рѣчь мою за Архія? — Я теперь перевожу отъ скуки Тиббула въ стихи**), Тасса въ прозу и перемарываю старые грѣхи. Много прибавилъ и что важнѣе—все переписалъ. Я бы послалъ тебѣ что-нибудь, но берегу до случая, когда могу все отправить вмѣстѣ; хочу велѣть переписать копіи три. Если время будетъ, то пришлю и съ этимъ письмомъ. Въ Цвѣтникѣ и губить нечего. — Отправь кресты, Бога ради, отправь... Я можетъ быть поѣду вскорѣ въ Москву. Хорошо бы и тебѣ туда заглянуть, а?— Какая Аглая у Самариной?—Не Шаликова-ли журнала, обчесавшаяся муза?—Англичанка не сдѣлала ли развязку романа немного поспѣшно? Жаль что я не успѣлъ для нея застрѣлиться холостымъ выстрѣломъ. Напрасно говоришь, что я пишу на какого-то издателя Лук—го ***). Я этихъ ословъ плетьми сѣчь не хочу. Пришли книги, объ которыхъ писалъ прежде, да пиши поболѣе объ дурачествахъ. Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ скучно! — Я теперь-то чувствую, что дарованію нужно побужденіе и ободреніе; бѣда если самолюбіе заснетъ, а у меня вздремало. Я становлюсь въ тягость себѣ и ни къ чему неспособенъ. Не знаю, въ прокъ-ли-то раннія несчастія и опытность? Бѣда, когда разсудка не прибавятъ, а сердце высушатъ. Я пилъ горести, пью и буду пить. Сегодня читалъ я, что Богъ сотворилъ человѣка и размыслилъ, смот. Моисеевы книги въ началѣ. И впрямъ, гдѣ счастіе?—Я его иногда нахожу въ краткихъ напряженіяхъ души и тѣла, ибо тѣло отъ души разлучать не должно, но тѣмъ болѣе отъ напряженія органы изнемогаютъ и горесть тутъ какъ тутъ.

Книги, Бога-ради, пришли „Цвѣтникъ“, Державина и „Драматическій Вѣстникъ“.

XVI.

...Послушай, мой другъ, что я хочу тебѣ сказать. Не что иное, какъ предположеніе, но если ничего никогда не предположишь, то и не

---

*) «Талія или собраніе разныхъ новыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издалъ А. Беницкій. Часть 1-я. Спб. 1807». По смерти Беницкаго Измайловъ сообщалъ въ Цвѣтникѣ» (1809 г. № 11), что 2-я книжка Таліи давно отпечатана, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не выпущена въ свѣтъ. Она такъ и осталась невыпущенною.

**) Переводъ Б—ва «3-й элегіи Тиббулла изъ 3-й книги» напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1809 г. № 23, стр. 198—199, съ подписью К.

***) Эпиграмма Б—ва написана на Глупницкаго. (Цвѣтникъ, 1810, ч. V, стр. 353). Вѣроятно Гнѣдичъ отнесъ ее къ Аристарху Лукницкому. Въ собр.

выполнишь. Притомъ же слова мои пусти на воду, если не годятся. Именно: ты знаешь, что мнѣ 22 отъ роду; кончить вѣкъ свой въ моемъ чинѣ стыдно и глупо; ты знаешь еще, что никогда я ни у кого ничего не просилъ, но тебѣ открыться можно. Еслибъ я чувствовалъ, что ни къ чему неспособенъ, то вѣрно ни слова не вымолвилъ. Ты скажешь, зачѣмъ я перемѣнилъ службу?—Но нѣтъ, ты этого не скажешь, ты знаешь мои обстоятельства. Служить мнѣ надобно, но гдѣ и какъ?—Вотъ въ чемъ дѣло. Не можешь-ли мнѣ посовѣтовать и прочистить дорогу, чрезъ кого-нибудь въ иностранную коллегію, по дипломатикѣ (какъ говоритъ Крыловъ) и я чего-нибудь да стою, т. е. могу быть полезенъ, ибо знаю языки. Но это не хитрость. Гнить не могу и не хочу нигдѣ. А желаю, если возможно, быть посланъ въ миссію; поговори объ этомъ съ людьми умными, нѣтъ ли способа? Я знаю на опытѣ, что иногда слово кстати отъ неважнаго человѣка значительнѣе, нежели сильная протекція. Знаю, что если кто умѣетъ немного цѣнить дарованія, тотъ болѣе склонитъ слухъ къ просьбѣ твоей, нежели какого-нибудь генерала. Посовѣтуйся съ Анной Петровной. На этотъ случай женщины всегда лучше насъ, ибо видятъ то, чего мы не видимъ, ибо, если захотятъ что, то сдѣлаютъ. Но я желалъ бы нѣчто **вѣрное**, ясное, а не надежду, ибо ея гораздо болѣе въ моихъ піитическихъ мечтахъ, нежели въ словѣ **завтра**. Вотъ въ чемъ моя просьба состоитъ. Уважить и нѣтъ — отъ тебя зависитъ. Я бы согласился и безъ жалованья въ Италію, а это важное условіе. Неправда-ли?—Старайся, если можно. Оленина и просить не хочу, ибо я ему многимъ, очень многимъ одолженъ. Есть, правда, средство черезъ Баранова *), и сильное, но ты знаешь, чего мнѣ стоитъ просить за себя!—Гдѣ Михайло Никитичъ!......

Кстати скажу тебѣ, что черезъ мѣсяцъ ѣду въ Москву. Катерина Ѳедоровна сильно приглашаетъ во всякомъ письмѣ, да и мнѣ ее увидѣть хочется.

Не можно-ли поговорить съ Гагаринымъ объ этомъ дѣлѣ? Вся сила состоитъ въ томъ: frappez juste, mais frappez fort, т. е.... Да я слишкомъ заболтался!... и такъ, чтобъ ты не **назвалъ** мечтой мои желанія. Но если, мой другъ, ты войдешь въ мое состояніе, то вѣрно, вѣрно пожалѣешь. Съ моею **дѣятельностью** и **лѣнью**, я буду совершенно несчастливъ въ деревнѣ, и въ Москвѣ, и вездѣ. Служилъ всегда честно, это засвидѣтельствуетъ тебѣ совѣсть моя. Служилъ

соч. Батюшкова она не вошла, какъ и многія изъ пьесъ, помѣщенныхъ въ Цвѣтникѣ, частью съ полной подписью, частью съ подписью: К. Б., или Б., или К., а частью и вовсе безъ подписи. Эпиграмма подписана: 1. 12.

*) Дядя Батюшкова, сенаторъ.

несчастливо, ты самъ знаешь, служилъ изъ креста и того не получилъ, и упустилъ все—даже время, невозвратное время! Теперь съ совершенной пустотой душевной, съ пагубной для меня, я рѣшился, если не пойду служить по этой части, то поѣду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысячъ, что меня разоритъ совершенно, но гнить въ ничтожествѣ не могу. И впрямъ, когда мы посмотримъ на баловней фортуны... Правда, я имъ не завидую.

Риѳма на пря, моря—есть не укоря. Да риѳмы искать, не читавъ стиховъ, все тоже, что лѣчить заочно больного. Не правда-ли, что риѳмы—занятіе преполезное? Какъ ты думаешь? Но риѳмы, скажу безъ смѣху, чѣмъ новѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ разительнѣе, напримѣръ, у меня:

Се третій шествуетъ Алкастій городъ и страшенъ
Какъ древле Капаній у твердыхъ Ѳивскихъ башенъ.

Этого исьма, надѣюсь, не будешь читать Самариной.

XVII.

1-го ноября кончено и послано (1809).

Г-жа Севинье, любезная, прекрасная Севинье говоритъ, что еслибъ она прожила только двѣсти лѣтъ, не болѣе, то сдѣлалась бы совершенною женщиною. Если я проживу еще десять лѣтъ, то сойду съ ума *). Право жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Время летитъ то скоро, то тихо, зла болѣе, нежели добра; глупости болѣе, нежели ума; да что и въ умѣ?... Въ домѣ у меня такъ тихо, собака дремлетъ у ногъ моихъ, глядя на огонь въ печкѣ; сестра, въ другихъ комнатахъ, перечитываетъ, я думаю, старыя письма... Я сто разъ бралъ книгу и книга падала изъ рукъ. Мнѣ не грустно, не скучно; а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту... Что дѣлать? Развѣ поговорить съ тобою?

Я подумалъ о томъ, что писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, и невольно засмѣялся. Какъ иногда человѣкъ бываетъ глупъ!

1-е дурачество: я сравнялъ себя съ Дмитріевымъ, назначилъ себѣ мѣсто ступенью ниже его!... Бога-ради, не напечатай этого! Да и не читай никому.... 2-е дурачество: говорилъ тебѣ о какой-то миссіи... не во снѣ-ли я?... Надѣюсь, что ты это все прочитаешь хладнокровно, пожмешь плечами, положишь въ ящикъ, замкнешь, и дѣлу квитъ. Но кто, мой другъ, всегда бывалъ въ полномъ разумѣ!—И что это разумъ? Что онъ такое? Не сынъ-ли, не братъ-ли, лучше сказать, тѣла нашего? Право, что плели метафизики—похоже на паутину, гдѣ мы,

*) Батюшковъ не угадалъ очень немного: болѣзнь постигла его черезъ 12 лѣтъ.

бѣдныя мухи, увязаемъ, то ногой, то крыломъ, тогда какъ можемъ благополучно и мимо, т. е. и не разсуждать объ этомъ. Послушай Власьевны въ Сбитеньщикѣ *):

Ѳадей. Власьевна, отчего коли спишь, хотя глаза и зажмурены, а видишь?

Власьевна. Это не видишь, а думаешь.

Ѳадей. А что такое думать?

Власьевна. Я и сама не знаю.

Я и самъ не знаю,—безподобное слово!—И впрямъ, что мы знаемъ?—Ничего. Вотъ какъ мысли мои улетаютъ одна отъ другой. Говорилъ объ одномъ, окончилъ другимъ. Немудрено, мой другъ... Въ этой безмолвной тишинѣ, голова—не голова. Однакожъ обстоятельства не позволяютъ выѣхать. Я бы могъ, правда, ѣхать напр. въ Вологду, но что тамъ дѣлать? Здѣсь я, по крайней мѣрѣ, наединѣ, съ сестрой Алек. (Варинька гоститъ у сестры), по крайней мѣрѣ съ книгами, въ тихой пріятной горницѣ—и я иногда веселъ, веселъ, какъ царь. Недавно читалъ Державина: „Описаніе Потемкинскаго праздника“. Тишина, безмолвіе ночи, сильное устремленіе мыслей, пораженное воображеніе, все это произвело чудесное дѣйствіе. Я вдругъ увидѣлъ передъ собой людей, толпу людей, свѣчки, апельсины, брильянты.... Царицу.... Потемкина, рыбъ, и Богъ знаетъ чего не увидѣлъ, такъ былъ пораженъ мною прочитаннымъ. Внѣ себя побѣжалъ къ сестрѣ.... Что съ тобой?... Оно! они!... Перекрестись, голубчикъ!... Тутъ-то я насилу опомнился. Но это описаніе сильно врѣзалось въ мою память. Какіе стихи, прочитай, прочитай, Бога-ради, со вниманіемъ: Ничѣмъ никогда я такъ пораженъ не былъ!

Я надѣюсь, что ты уменъ и не прочиталъ моего послѣдняго письма Аннѣ Петровнѣ. Но если ты совершенно, по симпатіи со мной, потерялъ разсудокъ? Хорошо что ей, а не другому, ибо

Molti consigli delle donne sono
Meglio improviso ch' a pensarvi usciti;
Che questo è speciale e proprio dono
Fra tanti e tanti lor dal ciel legati. Ariosto.

Если не поймешь, хотя не трудно понять твоей высокопарной латыни, то бѣды нѣтъ. Я писалъ къ Капнисту—нѣтъ отвѣта; писалъ къ Алексѣю Николаевичу—нѣтъ отвѣта; нынѣ писалъ къ Ниловымъ, сердце говоритъ будетъ отвѣтъ. Крыловъ родился чудакомъ. Но этотъ человѣкъ загадка, и великая!... Играть, и непроигрываться. Скупость умѣть соединить съ дарованіями и рѣдкими, ибо еслибъ

*) Сбитеньщикъ—опера Княжнина (Спб. 1790).

онъ болѣе трудился, болѣе занимался.:.. но я боюсь разсуждать, чтобъ опять не завраться.—Гоняются ли за тобой утренніе шмели? Мнѣ пришла чудная мысль. Еслибъ, когда я у тебя жилъ, по утру пришелъ юноша къ Милому Генію и тебя-бы не было на ту пору дома, то я такъ бы отбрилъ голубчика.... Не вы ли тотъ великій духъ, который сочинилъ эпитафію на смерть статскаго совѣтника?— Я отвѣчаю: *Я*... Позвольте мнѣ, пораженному явными чертами Генія, простираться, если возможно, до вашей занимательности... Я отвѣчаю все за тебя, какъ Скотининъ на перекличкѣ: *Я!*—Вотъ м. г. моя трагедія.... Кто болѣе вашего, кто справедливѣе васъ оцѣнитъ слабый, мерцающій лучъ неопытнаго Генія?... *Я!*... Тутъ онъ мнѣ начинаетъ читать; читаетъ, а я зѣваю. Наконецъ, есть всему конецъ, и трагедіямъ также, ты входишь... и я указываю на переводчика Гомера и Танкреда...

Вотъ канва, по которой вышить можно что хочешь. Я не знаю, какъ у тебя достаетъ терпѣнія слушать этотъ весь вздоръ? Но не слушать, наживешь враговъ такихъ, которые тебя свѣчой станутъ жечь... Кстати спрошу тебя: что Шаховской написалъ хорошаго? Вотъ еще чудакъ не изъ послѣднихъ. Какъ онъ меня выхвалялъ въ глаза! Такъ что стыдно было за него. Какъ онъ меня, я чай, бранитъ за глаза! Такъ что стыдно за него. Честь Кодру-Жихареву. Не стыдно дѣлаться Панаромъ-Водевильщикомъ? Въ его лѣта, дворянину, съ состояніемъ? Онъ точно съ дарованіями — это меня бѣситъ. Измайловъ плететъ, а не пишетъ. Безъ смака вовсе. Однакожъ его проза вообще хороша и чиста. Что Беницкій? Продлите ему боги вѣку! но онъ уже успѣлъ написать много хорошаго....

Пусть мигомъ догоритъ
Его блестящая лампада;
Въ послѣдній часъ его безсмертье озаритъ:
Безсмертье — пылкихъ душъ надежда и награда!

Я еще могу писать стихи! пишу кое-какъ. Но къ чести своей могу сказать, что пишу не иначе, какъ когда ядъ пса метроманіи подѣйствуетъ, а не во всякое время. Я болѣнъ этой болѣзнію, какъ Филоктетъ раною, т. е. временемъ. Что̀ у васъ новаго въ Питерѣ? Что дѣлаетъ Полозовъ? Онъ не пишетъ ни слова. Что́ Катенинъ нанизываетъ на конецъ строкъ? Я въ его лѣта низалъ не риѳмы, а что-то покрасивѣе, а нынѣ... пятьдесятъ мнѣ било... а нынѣ... а нынѣ...

А нынѣ мнѣ Эротъ сказалъ:
Бѣдняга, много ты писалъ
Безъ устали перомъ гусинымъ.
Смотри, завяло какъ оно!

Не долго притупить одно!—
Вотъ на́, пиши теперь куринымъ.

Пишу, да не пишетъ, а все гнется.

Красавицъ я пѣвалъ довольно
И такъ и сякъ, на всякій ладъ,
Да нынѣ что-то не въ попадъ.
Хочу запѣть — анъ, пѣть ужъ больно.
«Что ты голубчикъ такъ охрипъ?»
Къ гортани мой языкъ прилипъ.

Вотъ мой отвѣтъ. Можно ли такъ состарѣться въ 22 года! Непозволительно!

Какъ тебѣ понравилось Видѣніе?*) Можешь сжечь, если негодится. Этакіе стихи слишкомъ легко писать и чести большой не приносятъ. Инымъ больно досталось. Бобровъ вѣрно тебя разсмѣшитъ. Онъ тутъ у мѣста. Славенофила**) вычеркни, да и все, какъ говорю, можешь предать огню и мечу.

Къ кому здѣсь прибѣгнуть музѣ? Я съ тѣхъ поръ, какъ съ тобою разстался, никому даже и полустишія, не только своего, но и чужого не прочиталъ. Съ какими людьми живу?...

Deux nobles campagnards grands lecteurs des romans
Qui m'ont dit tout Cyrus dans leurs longs complimens....

Вотъ мои сосѣди.... Прошу веселиться!

Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи хладнокровно, т. е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался; все напрасно. Она дѣлается интересною только со временъ Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ: читай басни, ложъ, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и проч., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ. Нѣтъ середины. Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками. Жанъ-Жакъ говоритъ... ...car ne vous laissez pas éblouir par ceux qui disent, que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle de son pays. Cela n'est pas vrai. Il y a des pays dont l'histoire ne peut pas même être lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou négociateur... Какая истина!—Да Писареву***) до этого дѣла нѣтъ. Онъ пишетъ себѣ, что такой-то царь, такой-то князь игралъ на скомонѣхъ, былъ лицомъ бѣлъ, сѣкъ рынду бато-

*) Извѣстное сатирическое стихотвореніе Батюшкова: «Видѣніе на берегахъ Леты».

**) А. С. Шишковъ.

***) Издатель «Калужскихъ Вечеровъ» Александръ Александровичъ.

гами и проч.! Есть-ли тутъ малѣйшее дарованіе?... Не трудъ ли это достойный Тредьяковскаго... и академіи наградою!... Притомъ отъ одного слова русское, некстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ... Скажу тебѣ еще, что я читалъ отъ великаго досуга и метафизику. Многое не понялъ, а что понялъ, тѣмъ недоволенъ. Напримѣръ, сочинитель „Системы Природы" похожъ на живописца, который всѣ краски смѣшалъ въ одно и послѣ кажется говоритъ: отличи, коль можешь, бѣлое отъ чернаго, красное отъ синяго? Наука тщетная и пустая! Это Дедаловъ лабиринтъ, въ которомъ быть надобно, но не иначе какъ съ нитью, т. е. съ разсудкомъ. Жаль, что эта нить тонка и гнила. Сей же самый сочинитель въ концѣ книги, разрушивъ все, смѣшавъ все, призываетъ природу и дѣлаетъ ее всему началомъ. Итакъ, любезный другъ, невозможно никому отвергнуть и не познать какое-либо начало; назови его какъ хочешь, все одно; но оно существуетъ, то-есть существуетъ Богъ. А отъ сего все заключить можно. Я знаю твои мысли, ты знаешь мои, и потому мимоходомъ это тебѣ сказалъ.

Не знаю, читаешь ли ты Анахарсиса? Божественная книга. Не выпускай ее изъ рукъ, ибо она не только быть можетъ путеводителемъ къ храму древности или изящнаго, но исполнена здравой философіи....

У меня мало книгъ, потому-то я одну и ту же перечитываю много разъ, потому-то какъ скупой или любовникъ говорю объ нихъ съ удовольствіемъ, зная, что тебѣ этимъ наскучить не можно.

Писаревъ еще написалъ что-то. Именно: правила для актеровъ*). Я изъ рецензіи вижу, что это вздоръ, даже въ эпиграфѣ ошибка противъ языка, непростительная члену академіи**). Меня убиваетъ самолюбіе этихъ людей. Еслибъ они хотя языкомъ занимались, еслибъ ходя умѣли цѣнить дарованія чужія... Но что̀ я говорю? На это надобенъ умъ, а у нихъ этого-то и недостаетъ.

Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками, и, что еще болѣе, цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели выхваляютъ все старое? Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю, что и ты умѣешь, и такъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патріоты, жаркіе декламаторы не любятъ, или не умѣютъ любить русской земли. Имѣю право сказать это и всякій пусть скажетъ, кто

*) Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера. Спб. 1809.

**) Вѣроятно эта: ...«всѣ стремятся къ совершенству, но не имѣя способностей, тщетно силятся онаго постигнуть».

добровольно хотѣлъ принести жизнь на жертву отечеству... Да дѣло не о томъ: Глинка называетъ Вѣстникъ свой „Русскимъ"*), какъ будто пишетъ въ Китаѣ, для миссіонеровъ или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжатъ, нашептываютъ: русское, русское, русское... а я потерялъ вовсе терпѣніе!

Я посмѣялся твоему толкованію любви. Боюсь, чтобъ ты не учредилъ судъ любви, который существовалъ въ Провансѣ, въ концѣ одиннадцатаго столѣтія. Тамъ эти полезныя задачи разрѣшали всячески и все по-латыни. Красавицы слушали съ удовольствіемъ ученыхъ трубадуровъ, которые такъ хитро умѣли угадывать тайные сгибы ихъ сердецъ. Но насъ никто слушать не будетъ, такъ останемся всякій въ своемъ расколѣ. Притомъ же всякій любитъ какъ умѣетъ, ибо страсть любви есть Протей. Она принимаетъ разные виды, соображаясь съ сердцемъ любовника. Любовь есть.... но:

je me sauve à la nage, et j'aborde où je puis.

Прощай, до свиданія. Конст. Бат.

XVIII.

(1809 г. ноябрь).

...Охъ ты, голова моя ипохондрихіухихическая, не писала-бы ты лучше писемъ въ своихъ припадкахъ. Мнѣ и безъ нихъ тошно; пощади меня.

Голова ты, голова! Сказать Оленину, что я сочинилъ Видѣніе. Какія имѣлъ ты на это права? Ниже отцу родному не долженствовало объ этомъ говорить. Онъ же извинителенъ, ибо не зналъ и впрямь, хочу ли я быть извѣстенъ. Но ты? но ты? стыдно, очень стыдно. По дѣломъ тебя совѣсть мучитъ. Я вѣтренъ, но этого никакъ бы не сказалъ, никому.

Но я тебѣ прощаю отъ души; прости и мнѣ нѣкія глупости — впередъ или назадъ.

Прилагаю у сего оконченное Видѣніе. Произведеніе довольно оригинальное, ибо ни на что не похоже. Теперь, ибо имя мое извѣстно, хоть въ печать отдавай. Я прибавилъ: 1-е, изъ Москвы Шаликовщину; 2-е, русскихъ повивальныхъ Сафъ, которыя пути не знаютъ къ морю. Въ какомъ расположеніи духа ни будь, а ихъ паденіе тебя насмѣшитъ. Ода Лебренова хороша. Прочитай ее снова вопреки твоей головѣ, которая никуда негодится, ниже въ Испаганскую башню, составленную изъ козьихъ головъ. Смотри „Всемірный путешественникъ".

---

*) «Русскій Вѣстникъ» издавался тогда Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою.

Карамзина топить не смѣю, ибо его почитаю. Впрочемъ, я бы могъ написать все гораздо злѣе въ родѣ Шаховскаго. Но убоялся, ибо тогда не было бы смѣшно. Кажется все исправилъ. Тройныя же риѳмы нужны. Французы пишутъ все четырехъ-стопные стихи такими риѳмами. Rimes rédoublées.

Я не хотѣлъ путешествовать въ мечтахъ, но хотѣлъ быть при миссіи на мѣстѣ. Хотѣлъ, лучше сказать, врать. Я знаю, что ты ничѣмъ этому пособить не можешь, да и очень трудно. Слѣдственно про одни дрожди не говорятъ трожды.

Пришли тотчасъ „Видѣніе", да за мои полныя письма пришли хотя одно нетощее въ Вологду, я туда ѣду. Не стыдно ли тебѣ не прислать „Цвѣтника", за труды мои, за стихи Семеновой? Пришли его... Каковъ Глинка? Каковъ Крыловъ? Это живые портреты, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется... Егоровъ ходитъ съ усами... Какъ вы, друзья, ...ствили Заиру?... Висковатаго за виски... Каковъ бы былъ Штаневичъ въ „Видѣніи?" Гадокъ, не правда ли? Захарова... да не обидь всѣхъ... Шаховскаго, голубчика, съ причетомъ, съ адъютантами, янычарами, съ сералью и съ евнухами.... да боюсь его, правду тебѣ сказать... Скажи мнѣ, не читалъ ли Шишковъ, сидящій въ дѣдовскомъ возкѣ... что бранятъ меня... кто и какъ, отпиши чистосердечно... Замѣть, кто всѣхъ глупѣе, тотъ болѣе и прогнѣвается. Къ Оленину я послалъ экземпляръ. Поцѣлуй ручку у Анны Петровны. Я ее люблю и почитаю, и еслибъ не лѣнь, давно бы прислалъ стихи мои... Какъ ея дѣла?...

Перестанутъ ли школьники топить Гермогена?... Перестанетъ ли Писаревъ играть на скомонѣхъ. Ты мнѣ твердишь объ Тассѣ или Тазѣ, какъ будто я сотворенъ по образу и подобію Божьему затѣмъ, чтобъ переводить Тасса. Какая слава, какая польза отъ этого? Никакой. Только время потерянное, золотое время для сна и лѣни. Впрочемъ, первая пѣснь готова. Риѳмъ я не знаю на моря, и скоро, подобно Боброву, стану писать бѣлыми стихами, умру и стихи со мной.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ и нѣтъ его!

Вотъ моя эпитафія.

XIX.

(Декабрь 1809?)

Я вижу, любезный другъ, что съ тобою нужна логика, и діалектика, самая тонкая, и для того боюсь, чтобъ ты не прицѣпился снова къ моимъ словамъ. Ты мнѣ упрекаешь лѣностью? Ты, который лежишь отъ утра до ночи, или дѣлаешь одно только, что тебѣ пріятно, ты, которому желудокъ дороже и самой славы, ты, который пишешь

къ другу своему одни отвѣты лаконическіе, на длинныя его письма, однимъ словомъ ты.... Гнѣдичъ! — Между тѣмъ, какъ я, несчастный (ни слова не хочу прибавить), между тѣмъ, какъ я сижу одинъ въ четырехъ стѣнахъ, въ самомъ скучномъ уединеніи, въ такой тишинѣ, что каждое біеніе маятника карманныхъ часовъ повторяется ясно и звучно въ моемъ услышаніи, между тѣмъ, какъ и надежды не имѣю отсюда выѣхать! Нѣтъ, лучше пожелай мнѣ той твердости духа, которой я часто не имѣю, будучи (вина боговъ!) чувствителенъ къ огорченіямъ, а радостей, клянусь тебѣ небомъ, давно не знаю. Вотъ мое положеніе: я люблю тебя, а кого люблю, того не огорчаю дальнымъ и безплоднымъ разсказомъ, да и къ чему тебѣ плакать? — У тебя и безъ того болятъ глаза, и на мои длинныя рѣсницы часто, очень часто, навертываются слезы, которыя никто, кромѣ Бога, не видитъ.

Что мнѣ дѣлать? — Что начать? Я хочу отписать снова къ Оленину, онъ мнѣ пусть откажетъ; его отказъ легче снести, нежели другаго, оттого, что я его люблю, оттого, что ему многимъ, очень многимъ, одолженъ! — И еще разъ, и въ послѣдній, буду проситься въ чужіе края. На это у меня сто причинъ, а у васъ въ Питерѣ служить ненамѣренъ. И на это есть мильонъ причинъ сильныхъ, важныхъ.

Повѣришь-ли? Я здѣсь живу 4 мѣсяца, и въ эти четыре мѣсяца почти никуда не выѣзжалъ — отчего? — Я вздумалъ, что мнѣ надобно писать въ прозѣ, если я хочу быть полезенъ по службѣ, и давай писать — и написалъ груды, и еще бы писалъ... несчастный! И я могъ думать, что у насъ дарованіе, безъ интригъ, безъ ползанья, безъ какой-то разсчетливости, можетъ быть полезно! И я могъ еще дѣлать на воздухѣ замки и ловить дымъ! Нынѣ бросивъ все, я читаю Монтаня, который иныхъ учитъ жить, а другихъ ждать смерти. А ты мнѣ совѣтуешь переводить Тасса, въ этомъ состояніи?? Я не знаю, но и этотъ Тассъ меня огорчаетъ. Послушаемъ Лагарпа, въ похвальномъ его словѣ Колардо. Son âme (l'âme de Colardau) semblait se ranimer un moment pour la gloire et la reconnaissance, mais ce dernier rayon allait bientôt s'éteindre dans la tombe. Il avait traduit quelques chants du Tasse. Y avait-il une fatalité attachée à ce nom? Я знаю цѣну твоимъ похваламъ, и знаю то, что дружба не можетъ тебя ослѣпить до того, чтобъ хвалить дурное. Но знаю и то, что мой Тазъ или Тассъ не такъ хорошъ, какъ думаешь. Но если онъ и хорошъ, то какая мнѣ отъ него польза, лучше-ли пойдутъ мои дѣла (о которыхъ мнѣ не только говорить, но и слышать гадко), болѣе или менѣе, я буду счастливъ? — Или мы живемъ въ вѣкѣ Людовика, въ которомъ

для славы можно было претерпѣть несчастіе, можно было страдать и забывать свое страданіе?

Къ несчастію, я не враль и не Геній, и для того прошу тебя оставить моего Тасса въ покоѣ, котораго я вѣрно бы сжегъ, еслибъ зналъ, что у меня одного онъ находится. Впрочемъ, я радъ, что тебѣ понравились мои стихи въ Вѣстникѣ, они давно были написаны. Это очень видно *).

Сказать-ли тебѣ анекдотъ? Ник. Наз. Муравьевъ, человѣкъ очень честный и про котораго я вѣрно не скажу ничего худаго, ибо онъ этого нестоитъ, наконецъ, Н. Наз., негодуя на меня за то, что я нехотѣлъ ничего писать въ канцеляріи (мнѣ было 17 лѣтъ) сказалъ это покойному М. Ник.**), а чтобъ подтвердить на дѣлѣ слова свои, и доказать, что я лѣнивецъ, принесъ ему мое посланіе къ тебѣ, у котораго были въ заглавіи стихи изъ Парни, всѣмъ извѣстные:

Le ciel qui voulait mon bonheur
Avait mis au fond de mon coeur
La paresse et l'insouciance — и проч.

Что сдѣлалъ М. Н.? засмѣялся и оставилъ стихи у себя. Quid rides? Fabula de te narratur! — вотъ и твоя исторія. И впрямь, что значитъ моя лѣнь? Лѣнь человѣка, который цѣлыя ночи просиживаетъ за книгами, пишетъ, читаетъ или разсуждаетъ!—Нѣтъ,—говорилъ Мирабо, а Мирабо зналъ, что говорилъ,—еслибъ я строилъ мельницы, пивоварни, продавалъ, обманывалъ и исповѣдывалъ, то вѣрно-бъ прослылъ честнымъ и притомъ—дѣятельнымъ человѣкомъ. Не думай, чтобъ я Мирабо слова взялъ за правило, я его читалъ назадъ тому два года и привожу изъ памяти. Впрочемъ, у меня покои довольно теплы, для общества есть три собаки, апетитъ изрядный, и на мѣсто термометра серебряный рубль, который остался отъ Шведскаго похода; съ этимъ не умрешь съ голоду, а если сойдешь съ ума, то это бездѣлка! Ахъ обстоятельства, обстоятельства—вы дѣлаете великихъ людей!

Но я не хочу походить на старую даму, а ты не докторъ, слѣдственно и полно говорить о себѣ. Львова вышла замужъ за Львова. — Я этого все не понимаю! Леонидъ ко мнѣ пишетъ очень забавно, а объ этомъ ни слова. Да помилуй у Ф. П. 10 человѣкъ дѣтей! — Чудеса! — Мое письмо очень скучно, затѣмъ-то я прилагаю у сего письмо кн. Вяземскаго, которое тебя вѣрно насмѣшитъ. Но пришли его обратно, ибо оно мнѣ нужно. О Жуковскомъ ничего не

*) Вѣроятно «Воспоминанія 1807 г.», напечатаны въ 21 кн. «Вѣстникѣ Европы» 1809 г.

**) Мих. Никитичу Муравьеву, у котораго служилъ Батюшковъ.

знаю. Я съ нимъ жилъ три недѣли у Карамзина *), и на другой или третій день уѣхалъ въ деревню. Онъ въ Бѣлевѣ, вѣрно боленъ, или пишетъ. Пришли что нибудь въ Вѣстникъ, а къ нему писать буду. Да еще тебѣ упрекъ. Миръ праху Беницкаго! — былъ уменъ, да умеръ! — а тебѣ не стыдно-ли не написать ни строчки въ его похвалу, не стихами, а прозою.

Зачѣмъ не извѣстить людей, что жилъ нѣкто Беницкій и написалъ „на другой день"?—Зачѣмъ не помѣстить это біографическое извѣстіе не въ журналъ фабриканта Измайлова, а въ „Вѣстникѣ"? Пробудись, Брутъ! — Что такое намаралъ еще Шихматовъ! — Я читалъ Каченовскаго рецензію въ журналѣ, а его поэмы не видалъ, да и видѣть не хочу. Попроси Измайлова, чтобъ онъ мнѣ прислалъ „Цвѣтникъ", я его не получалъ съ апрѣля или мая, а онъ хорошъ для деревни. Пришли, сжалься, какихъ нибудь книгъ и еще бумаги почтовой, руб. на пять, писать не на чемъ. Прощай.

Что я за писатель писемъ! – И что писать къ Баранову, и какая тутъ политика? Охъ вы люди! — Или у меня ни ума, ни разсудка нѣтъ! —а вы перемудрили ученые!—Чѣмъ ты занятъ? Переводишь ли Гомера? А я его нынѣ перечитываю и завидую тебѣ, завидую тому, что у тебя есть вѣчная пища! — Бога-ради пиши поболѣе объ Иванѣ Мат., что онъ дѣлаетъ? — и какъ? Я этого человѣка люблю, потому что онъ, кажется, меня любитъ.—Вяземскаго письмо очень забавно. Неправда-ли? Поклонись Полозову, и скажи ему отъ меня: Богъ съ вами!—Поклонись Самариной, я душой свѣтлѣю, когда ее вспоминаю. А Ниловы неблагодарные. Не видишь ли Петина? Вотъ добрый другъ.

XIX.

Рождество (25 декабря. 1809).

Я получилъ твою хартію, рѣчь, писанную стилусомъ на египетскомъ папирусѣ — получилъ, прочиталъ и — и, сперва пожалъ плечами, а потомъ сказалъ: простительно ему обманываться — онъ меня любитъ и желаетъ добра!

Я былъ очень боленъ лихорадкою, самою злою, да и теперь весьма слабъ и пишу насилу.—Что отвѣчать мнѣ на твои приглашенія? Ахъ любезный другъ! Я писалъ къ Оленину — нѣтъ отвѣта. Зачѣмъ же я поѣду въ Петербургъ, и на кого могу надѣяться, и кого буду просить! — Я? — Просить!!! — И какое мнѣ дадутъ мѣсто, для меня способное, послѣ того, которое я, баловень, занималъ у незабвеннаго, для меня, Михаила Никитича? Всѣ твои надежды меня радовали,

*) Вѣроятно лѣтомъ 1809 г.

знаешь ли почему, потому что онѣ мнѣ доказывали твою дружбу, которая меня единственно утѣшаетъ. Дай руку, любезный другъ, дай руку, я ее прижму посильнѣе, и ты, можетъ быть, почувствуешь всю мою благодарность, и ты, можетъ быть, скажешь или сердце твое скажетъ: онъ стоитъ меня! — Ты мнѣ пишешь о томъ, о другомъ и о третьемъ, но я въ этомъ случаѣ опытнѣе тебя; я знаю людей, знаю, что они не всегда готовы на услугу; этого мало: я не могу просить всякаго безъ разбора, первое потому, что не всѣхъ уважаю, а второе потому, что лѣнивъ духомъ.

Однимъ словомъ, я бросилъ намѣреніе ѣхать на службу, на долго-ли, не знаю? — Но теперь довольно покоенъ, ибо не желаю ничего съ большимъ апетитомъ. Ѣду въ Вологду на недѣлю, стану принимать хину, и если вылѣчусь, то отправлюсь въ Москву, а по веснѣ на кавказскія воды, ибо путешествіе сдѣлалось потребностію души моей. . .

Ты мнѣ забавенъ съ твоими предразсудками! И напрасно сердишься на кн. Вяз., который меня истинно любитъ, а много-ли такихъ людей! — Кромѣ его ума (а онъ очень уменъ), онъ весьма добрый малый. Не знаю какъ узналъ, что я не ѣду, потому что ожидаю оброку съ деревень, и что-же? предложилъ свой кошелекъ, но съ такимъ добродушіемъ, что письмо его меня тронуло. Деньги его мнѣ ненадобны: я отказалъ ихъ, но я ему не менѣе за то обязанъ. Это не бездѣлка, такой поступокъ! Согласись самъ, ибо ты довольно знаешь свѣтъ и жителей земноводнаго шара!

Признаюсь, что я пожалъ плечами, прочитавъ твое приглашеніе и причины, на которыя ты опираешься: что въ Москвѣ я буду писать хуже. Я гривны не дамъ за то, чтобъ быть славнымъ писателемъ, ниже Расиномъ, а хочу быть счастливъ. Это желаніе внушила мнѣ природа въ пеленахъ. Притомъ же, мирты тѣнь и льдины *) написаны мною на Петергофской дорогѣ, назадъ тому лѣтъ семь. Я знаю, что это дурно, это то, что итальянцы называютъ freddura. — Кстати, пришли мнѣ замѣчанія на „Мечту,“ хоть на лоскуткѣ, иначе я на тебя буду сердитъ!

Я смѣялся увѣщаніямъ, не читать Мирабо, д'Аламберта и Дидерота. Это, и впрямъ, отъ Гнѣдича — забавно! Давно-ли ты сталъ

---

*) Это относится къ «Мечтѣ», стихотворенію Батюшкова, напечат. вскорѣ въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. № 4. Первоначально оно было напечатано въ Любителѣ Словесности 1806 г. Указываемое мѣсто стихотворенія читается:

«О сладостна мечта, ты красишь зимній день

. . . .

И между свѣтлыхъ льдинъ являешь миртовъ тѣнь.

капуциномъ? Гомеръ, конечно, Гомеръ, но его читать нельзя безъ скуки во всю свою жизнь, ибо поэзія не есть ремесло. Притомъ же:

Le véritable esprit sait se plier à tout,
On ne vit qu' à demi quand on n'a qu'un seul goût.

У тебя умъ великъ, а разсудокъ малъ. Мнѣ переводить Расина Положимъ и такъ. Но переводить Эсѳирь — дѣло вовсе невозможное; первое потому, что ее никогда не представляютъ; второе потому, что она на сценѣ должна быть холодна, какъ ледъ, и есть дѣло совершенно безплодное; третіе потому, что, принявшись за нее, я буду долженъ цѣлый годъ заниматься однимъ дѣломъ, ибо я съ малолѣтства воспитанъ въ страхѣ Расина. У меня есть славная эдиція „Эсѳири" съ замѣчаніями Boisjermain, но обстоятельствами, болѣзнію и наконецъ, всѣмъ и всѣми я такъ обезкураженъ, что за это дѣло никакъ не примусь.

Я надѣюсь, что ты сдѣлаешься членомъ Ликея, это тебѣ очень не трудно, а потомство скажетъ: былъ нѣкій и были нѣкіи! — О это весьма утѣшно! — Но такъ какъ ни одна дама не поѣдетъ слушать Захарова, Писарева, Шихматова и съ компаніей, то я совѣтую, затѣмъ, чтобъ не уронить своей славы обществу, нѣкоторымъ членамъ переодѣваться въ женскія платья, напр. Крыловъ — въ видѣ Сафы, Карабановъ — подъ покрываломъ Коррины, Хвостовъ — въ видѣ Венеры Анадіомены или Филометы, весь нагой, на ученыхъ скамьяхъ моглибъ произвести большой эффектъ, и я скажу: вотъ Греція!

XX.

Вологда (декабрь 1809).

Я пишу тебѣ изъ Вологды, откуда, если судьбы непреклонныя, неумолимыя, препятствовать будутъ, долго не выѣду. Если же напротивъ.... то адресуй письма свои въ Москву. Ты ѣдешь въ Москву, ибо ѣдешь въ Малороссію, но ты ѣдешь въ Малороссію, такъ какъ ѣдешь въ Москву, т. е. никогда, да и что тамъ дѣлать, тебѣ нелюдимому? Меня же Катерина Ѳедоровна зоветъ къ себѣ столь убѣдительно.... (Не знаю, мой другъ, любитъ ли кто меня, какъ она? можетъ быть въ привязанности другихъ кроется интересъ, но въ ея дружествѣ, ничего, кромѣ той привязанности, каковую мы чувствуемъ къ человѣку нами обязанному). Будь это сказано мимоходомъ. — Итакъ, если въ теченіе двухъ недѣль не получишь писемъ отъ меня, то адресуй въ Москву на имя К. Ѳ. Муравьевой; Батюшкову въ Арбатской части, на Никитинской улицѣ, въ приходѣ Георгія на Всполье, № 237.

Спасибо за „Видѣніе," я душевно радъ, что оно тебѣ понрави-

лось. Пришли его назадъ, ибо, по чести, у меня на черно, ниже строчки нѣтъ. Я сжегъ нарочно, чтобъ послѣ прочитать на свѣжій умъ и, переправить. Пришли не замедля. — Не стыдно ли, что „Иліады" экземпляръ не прислалъ мнѣ. Твое же посланіе недостойно тебя; посылаю его тебѣ съ замѣчаніями. Растянуто, и дурно написано. Меньше славянизма и плавнѣе, ибо это сочиненіе, а не переводъ. Мысль же, что Екатерина смотритъ на внуку, безподобно и можетъ быть прекрасно выражена. Это ново и благородно. — Ты хочешь, чтобъ я бранилъ Шаховскаго? Не много-ли это? — Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона или Палиссота? — Впрочемъ, я буду писать Дунціаду, гдѣ всѣхъ помѣщу на мѣстѣ.... Миръ праху твоему, Беницкій! Мы съ нимъ увидимся въ царствѣ неизвѣстности, гдѣ ни дурныхъ стихотворцевъ, ни дураковъ, ни злодѣевъ.... Ниловы! они въ Питерѣ! — а я писалъ къ нимъ въ Тамбовъ! Ниловы! Ниловы! Нилова — которая — которую — ее опасно видѣть!

Не накидывай на себя дурь, мой другъ, не говори, что люди съ ума сошли. Ты не Жанъ-Жакъ, ты не потребуешь себѣ велегласно статуи, нѣтъ. Но анекдоты тобою описаны, что можно ихъ назвать образцомъ огорченнаго стиля. Я и сержусь и смѣюсь. Ты-же...

Это письмо начато давно, всѣ дни проводилъ въ хлопотахъ....

ВАСИЛІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ СУХОРУКОВЪ.

Донской писатель.

Не только каждая національность, а каждая страна, каждый закоулокъ имѣютъ свои симпатіи и антипатіи; у каждаго изъ нихъ есть свои герои, свои мученики, свои предатели. Имена такихъ лицъ долго живутъ среди народа, — и счастливо то населеніе, которое не переживаетъ памяти объ этихъ людяхъ. Къ числу своихъ героевъ-мучениковъ донской народъ до сихъ поръ причисляетъ Василія Дмитріевича Сухорукова, память о которомъ сохранилась на всемъ протяженіи Донской Области: имя его до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произносятъ въ донскихъ палатахъ и хижинахъ. Эта личность, обязанная своею извѣстностью единственно своему свѣтлому уму, прекрасному образованію и постоянному труду, испытала много горя, въ которомъ и сошла въ могилу. Поставленный въ необходимость разойтись во взглядахъ съ кн. Чернышовымъ, сильнымъ человѣкомъ того времени, Сухоруковъ палъ навсегда, отягченный же-

стокими преслѣдованіями. Василій Дмитріевичъ былъ въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, Пушкинымъ, Корниловичемъ и многими другими современными знаменитостями. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по составленію „Историческаго и Статистическаго описанія земли Войска Донскаго"—до сихъ поръ единственнаго матеріала, изъ котораго можно почерпнуть хоть что-нибудь дѣльное о донскомъ бытѣ; онъ участвовалъ въ „Русской Старинѣ", издававшейся А. Корниловичемъ. Его статья: Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, напечатанная въ этомъ историческомъ сборникѣ на 1825-й годъ, читалась на Дону съ жадностью. Оно и понятно. По интересу содержанія, простотѣ и правдивости изложенія, это было первое печатное сочиненіе, воспроизведшее донскую казачью жизнь во всѣхъ прелестяхъ ея домашняго очага. Сухоруковъ несъ тяжелые труды по дѣлу составленія „Положенія объ управленіи Войскомъ Донскимъ", что̀ его сблизило съ бывшимъ военнымъ министромъ княземъ Чернышовымъ и что было впослѣдствіи причиною горькой участи талантливаго труженика. Удаленіе отъ дѣлъ доставило Сухорукову возможность войти въ прекрасныя отношенія съ княземъ Паскевичемъ, въ то время главнокомандующимъ кавказской арміей, въ которую Сухоруковъ былъ командированъ какъ опальный. Паскевичъ много хлопоталъ за „умнаго донца", но ничего не могъ сдѣлать. Будучи командированъ въ Финляндію, Сухоруковъ и тамъ пріобрѣлъ отличное уваженіе всѣхъ, кто отличалъ умъ и знаніе отъ невѣжества и вкрадчивости. Сухоруковъ умеръ въ началѣ сороковыхъ годовъ чуть не въ нищетѣ и въ томъ же чинѣ, въ которомъ попалъ въ опалу.....

Графиня Растопчина, проѣзжая на Кавказъ въ тридцатыхъ годахъ, оставила въ Аксайской станицѣ стихотвореніе: „Къ Дону", которое впослѣдствіи, если не ошибаюсь, было напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ". Стихи эти разошлись по донскому краю очень скоро и Сухоруковъ въ тоже лѣто послалъ Растопчиной „Отвѣтъ Дона" въ Пятигорскъ по почтѣ. Графиня-поэтъ возвратилась въ Россію уже другимъ путемъ. Предлагаемый „Отвѣтъ Дона" до сихъ поръ живетъ чуть не въ каждомъ грамотномъ донскомъ семействѣ, и я печатаю „Отвѣтъ Дона" не съ какою-либо иною цѣлью, а только для того, чтобы сохранить это произведеніе, начавшее уже искажаться по милости многочисленныхъ и грамотныхъ и неграмотныхъ переписчиковъ. Я отдаю его въ журналъ, носящій имя, давно знакомое всему Дону.

Если позволятъ обстоятельства, я постараюсь препроводить въ „Русскую Старину" біографію Сухорукова, а также и автографы

тѣхъ русскихъ литераторовъ, съ которыми Сухоруковъ состоялъ въ перепискѣ. Часть этихъ автографовъ помѣщена въ бывшей и прекратившейся подъ моею редакціей газеты „Донской Вѣстникъ“, а часть ихъ и самое описаніе жизни Сухорукова не могли быть напечатаны въ провинціальномъ изданіи по нѣкоторымъ грустнымъ причинамъ.

Алексѣй Карасевъ.

30 декабря 1870 года. С.-Петербургъ.

КЪ ДОНУ.

Ты-ль это Донъ? Какой ничтожный,
Какъ мелокъ, какъ спокоенъ ты!
О, сколь ошибочны и ложны
Разсказы шумныя молвы!
Тебя-ли, Донъ, не величали
Преданья, пѣсни прежнихъ дней,
Тебѣ-ль отцы не повторяли
Привѣты дѣдовскихъ рѣчей?
И что-жъ теперь?... Ты въ ложѣ узкомъ
Безжизненнымъ болотомъ спишь;
Ты не бушуешь, не кипишь,
Ты дряхлъ, ты хилъ.... ты, въ царствѣ русскомъ,
Цвѣтущемъ жизнью молодой,
Противусмысленъ, Донъ сѣдой!
Увы, не тоже ли бываетъ
Межъ человѣческихъ сыновъ?
Не такъ-ли слава съ облаковъ
На недостойныхъ ниспадаетъ?
Толкуетъ свѣтъ, толпа кричитъ,
Гремитъ хвалой въ ушахъ любимца,
А на поэта-нелюбимца
Главой киваетъ и хулитъ.
А ты, непризнанный, забытый,
Недосказавшійся пѣвецъ, —
Твой лавръ созрѣетъ знаменитый;
Потомство правдою своей
Воздастъ тебѣ, воздастъ обильно!
Подумай: славенъ Донъ безсильный, —
А не воспѣты межъ степей
Текутъ Уралъ и Енисей.

Гр. Растопчина.

ОТВѢТЪ ДОНА.

За что, скажите, нѣтъ привѣта
Мнѣ отъ прекраснаго поэта?
Чѣмъ заслужилъ я злой укоръ?
За что, негодованья полный,
Онъ на мои сѣдыя волны
Нанесъ неправедный позоръ?

Тогда какъ я межъ берегами
Зеркальный токъ кристальныхъ водъ
Безъ шуму, бурь и непогодъ
Ковромъ развертывалъ предъ вами, —
И такъ послушенъ, кротокъ, тихъ
Вашъ утлый челнъ катилъ на нихъ —
Меня вы славить не хотите!
Я дряхлъ и хилъ, вы говорите:
Не хилъ, не дряхлъ, а древенъ я,
Во времени мнѣ нѣтъ преданья
И вѣчность — лѣтопись моя:
Я современникъ міозданья!
И недвижимъ я съ этихъ поръ
Какъ говоритъ мнѣ вашъ укоръ!
О, какъ я вольно разливался
И часто грозно я шумѣлъ
Безсмертной славой русскихъ дѣлъ
И, какъ они, не истощался!
Не я-ль ярмо татарскихъ силъ
Въ своихъ волнахъ похоронилъ
И Русь святую возвеличилъ?
Не я-ль преграду протянулъ
И безнадежно ограничилъ
Черкеской вольности разгулъ?
И вашу родину, и васъ
Спасалъ не я-ли столько разъ?
Я вамъ не нравлюсь. Не за то-ли,
Что не даю моихъ я водъ
На произволъ мятежной воли,
Вѣтровъ и буйныхъ непогодъ*),
Что глубину мою, стремнины
Я позволяю преплывать
И вольныя мои равнины
Ладьямъ ничтожнымъ измѣрять?
Пускай..... Быть можетъ для народа
Ношу я блага на волнахъ, —
За что же мнѣ моей свободой
Лишать нужду надеждъ и благъ?
Величьемъ, милостью гордиться
Я не хочу промежъ степей,
Какъ вашъ Уралъ и Енисей
Волной ничтожною струиться....
Вы говорите: грязенъ я, —
Но вы видали-ль какъ объята
Бываетъ искрами заката
Моя алмазная струя?
Не грязенъ я, а кротокъ, тихъ:

*) Намекъ на польскія симпатіи Растопчиной. А. К.

Лишиться жаль лучей златыхъ.
Но вы, графиня.... О, теперь
Для васъ я буду лютый звѣрь,
Я вамъ отмщу за поруганье
Когда, презрѣвъ грозу, мятежъ,
Моихъ страстей негодованье,
Дерзнете стать на мой рубежъ.
Для васъ я тишину нарушу,
Хребетъ мой грозно вознесу
И поэтическую душу
Я мыслью робкой (?) потрясу.
О, какъ свирѣпо я завою
И хладною моей волною,
Шипящей, острой какъ змѣя,
Васъ обовью злодѣйски я
И.... нѣтъ, не бойтеся, графиня,
Я мщенья не питаю къ вамъ
И вновь кристальною равниной
Велю упасть моимъ волнамъ....
Я понесу безъ бурь, смятеній
Къ родной странѣ вашъ милый геній,
А съ нимъ мечты кавказскихъ горъ
И ваше нѣжное созданье.
Я упою вашъ слухъ и взоръ
Отрадою воспоминанья,
И въ тишинѣ прекрасныхъ думъ
Навѣрное вашъ свѣтлый умъ
Мое величіе сознаетъ—
И ваша дивная рука
Тогда роскошно увѣнчаетъ
Сѣдыя волны старика!

В. Сухоруковъ.

Сообщ. А. А. Карасевъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

ПРЕДАНІЯ, ЗАМѢТКИ, АНЕКДОТЫ.

I.

Мнѣніе великаго князя Александра Павловича объ Аракчеевѣ въ 1799 г.

„Превратность судьбы человѣка непостижима! Прежнее мнѣніе императора Александра объ Аракчеевѣ не давало повода предполагать, что когда-нибудь человѣкъ этотъ будетъ связанъ тѣсною дружбою съ государемъ. Слѣдующій разсказъ очевидца убѣдитъ въ этомъ:

„Въ царствованіе императора Павла — въ артиллерійскомъ арсеналѣ хранилась старинная колесница для артиллерійскаго штандарта. Она была обита бархатомъ и выложена золотымъ галуномъ и кистями. Одинъ артиллерійскій солдатъ, найдя возможность пробраться сквозь довольно рѣдкую чугунную рѣшетку окна, обрѣзалъ галунъ и кисти и унесъ ихъ незамѣтнымъ образомъ отъ стоящаго при томъ зданіи караула. Въ то время ни одинъ малѣйшій случай не могъ скрыться отъ Павла, и Аракчееву надо было донести объ этомъ государю. Но Аракчеевъ поставленъ былъ въ недоумѣніе — родной братъ его, Андрей Андреевичъ командовалъ тѣмъ артиллерійскимъ баталіономъ, отъ котораго находился караулъ при арсеналѣ во время случившейся покражи. Однако медлить было нельзя. Аракчеевъ донесъ ложно государю, что во время происшествія содержался караулъ отъ полка Г. Л. Вильде. Павелъ незамедлилъ исключить Вильде изъ службы. Генералъ этотъ, изумленный внезапною немилостію государя, обратился къ гр. Кутайсову, объяснивъ несправедливость и клевету Аракчеева. Кутайсовъ (онъ былъ въ ссорѣ тогда съ Аракчеевымъ) поспѣшилъ открыть Павлу истину.

„Въ тотъ вечеръ былъ у государя балъ въ Гатчинѣ. Аракчеевъ, ничего неподозрѣвая, явился во дворецъ, но лишь Павелъ его зави-

дѣлъ — послалъ чрезъ фл.-ад. Котлубицкаго приказаніе Аракчееву ѣхать домой. — На слѣдующее утро послѣдовалъ высочайшій приказъ объ исключеніи барона Аракчеева *) изъ службы за ложное его величеству донесеніе. На вахт-парадѣ этого дня вѣсть объ Аракчеевѣ радостно пронеслась между присутствующими. Великій князь Александръ Павловичъ, прибывъ также до начала развода на плацъ, подошелъ къ генер.-маіору П. А. Туч.... съ словами:

„А слышалъ ты объ Аракчеевѣ? и знаешь кто вмѣсто его назначенъ?"

„Знаю, ваше высочество, — Образанцевъ." — „Каковъ онъ?" — Онъ пожилой человѣкъ, можетъ быть не такъ знаетъ фронтовую часть, но говорятъ, добрый и честный человѣкъ".

„Ну слава Богу," отвѣчалъ Александръ: „эти назначенія настоящая лоттерея, могли бы попасть опять на такого мерзавца какъ Аракчеевъ" **).

(Собственноручная замѣтка одного государств. дѣятеля, скончавшагося въ недавнее время).

II.

Убійство любовницы гр. Аракчеева Настасьи Шумской (Минкиной).

Въ неизданныхъ запискахъ покойнаго собирателя книгъ и рукописей, Сулакадзева ***), занесено подъ 1825 г. слѣдующее: „10-го сентября, въ 5 часовъ утра, въ четвергъ, въ селѣ Грузинѣ у графа А. А. Аракчеева зарѣзали Минкину, Настасью Ѳедорову (бывшая жена матроса), жившую въ домѣ графа болѣе двадцати лѣтъ экономкой; сынъ ея, флигель-адъютантъ Шумскій, но только мало отъ него утѣхи; говорятъ, будто чрезмѣрно пьетъ и неуважаеться ни мало, что онъ какого званія.

---

*) Аракчеевъ отставленъ отъ службы 1-го октября 1799 г. и до конца царствованія Павла оставался въ опалѣ. Первые два года царствованія Александра — объ Аракчеевѣ также не вспоминали. Принятъ онъ вновь на службу только 14 мая 1803 г. Ред.

**) Аракчеевъ въ эпоху его отставки былъ уже графомъ, именно съ 5 мая 1799 г. Ред.

***) Записки эти занимаютъ множество маленькихъ тетрадокъ мелко написанныхъ — часть ихъ находится въ библіотекѣ Н. П. Дурова, а другая въ собраніи рукописей А. Н. Неустроева. Оба эти лица, — постоянные сотрудники «Русской Старины» — изъявили полнѣйшую готовность сообщать на ея страницы наиболѣе интересныя выдержки изъ записокъ (довольно впрочемъ нескладно написанныхъ) Сулакадзева. Авторъ записокъ, чиновникъ Министерства Финансовъ, скончавшійся еще не такъ давно, — былъ большой любитель исторіи и страстный библіоманъ. Многія изъ книгъ его библіотеки, испещренныя на поляхъ замѣтками Сулакадзева, — поступили въ книгохранилище пишущаго эти строки. Ред.

„Сей случай чрезвычайный, ибо она утромъ, вставши, сѣла писать, (это было въ 5-мъ часу), какъ вошли къ ней многіе изъ ихъ дома самыхъ ближнихъ людей и даже женщины, коихъ считается, по объявленнымъ сознаніямъ ихъ, 8 человѣкъ; по первымъ признаніямъ говорили, что при ней находящаяся дѣвка 15 лѣтъ, нестерпя ее въ разное время наказаній и даже предъ симъ случаемъ жестоко ее наказавъ, обѣщалась еще продолжить за ея вины истязанія, которая, пришедъ въ поварню къ брату своему повару, просила ножа для сего, но онъ, чтобы сохранить будтобы сестру, вмѣстѣ съ нею вошедъ, совершилъ сіе злодѣйство; но теперь, по послѣднимъ допросамъ, видимо, что многіе участвовали и даже будтобы все селеніе, ибо видѣвшіе разсказываютъ, что она (Настасья) лишена жизни съ ужасными насиліями: голова отрѣзана, руки съ пальцами изрѣзаны, ротъ перерѣзанъ и во многихъ мѣстахъ тѣло изранено жесточайшимъ образомъ; по этому видно, что она боролась съ убійцами.

„Графу дали знать, ибо онъ былъ въ селеніяхъ за 30-ть верстъ. Онъ возвратился съ докторомъ и видя ее столь жестоко изуродованною, растерзалъ на себѣ платье, кинулся на ея тѣло, и тридцать часовъ провелъ не вкушая пищи. Едва его уговорили ее схоронить Фотій, извѣстный Юрьевскій архимандритъ, и нѣкоторые генералы.

„Команду сдалъ по поселеніямъ генералъ-маіору Эйхлеру, а по совѣту и дѣла комитета въ С.-Петербургѣ ввѣрилъ его довѣренному—Муравьеву.

„Онъ отказывается отъ всего управленія всѣми дѣлами *).

Графъ ее (Настасью) столько уважалъ, что когда гробъ ея опустили въ могилу, онъ кинулся туда, весь растерзанный горестію, и кричалъ съ самаго начала, какъ ее увидѣлъ: „рѣжьте меня! лишайте, злодѣи, жизни! вы отняли у меня единственнаго друга! Я теперь потерялъ все“, и его едва вытащили израненаго отъ ушибовъ изъ могилы.

„По изслѣдованіи оказалось: главные виновные—трое, кои и отосланы въ уголовную палату въ Новгородѣ: 1-я—дѣвка, 2-й—поваръ, братъ ея и 3-й—кантонистъ.

„Муравьева Аракчеевъ не принялъ къ себѣ; чѣмъ кончится?

„Чихачевъ полицеймейстеръ былъ тоже подъ ея покровомъ, покойной Настасьи въ Грузинѣ, и тоже недопущенъ и уѣхалъ.“

Сообщ. А. Н. Неустроевъ.

---

*) Виновнымъ вѣроятно будетъ примѣрное наказаніе. Сулоқадзевъ.

III.

Никто такъ искусно неисцѣлилъ гр. Аракчеева отъ сердечной раны, нанесенной ему трагической кончиной его любовницы Настасьи, какъ преданный ему П. А. Клейнмихель.—Ему поручилъ графъ разобрать бумаги покойницы, и тотъ орлинымъ взглядомъ своимъ тотчасъ открылъ изъ дѣлъ покойницы — преступную связь съ лицомъ постороннимъ. Съ видомъ какого-то отчаяннаго торжества онъ повергаетъ улики преступленія къ стопамъ своего благодѣтеля. Благодѣтель пошатнулся... но мало по малу любовь уступаетъ какой-то ярости — и въ изступленіи ужасномъ, графъ бѣжитъ къ могилѣ несчастной. Отворяетъ доску, подъ которой таилась надпись — выраженіе нѣжнѣйшихъ чувствъ любовника — топчетъ эту надпись, плюетъ на нее, произнося ругательства праху возлюбленной. Петръ Андреевичъ Клейнмихель, говорятъ, съ видомъ живѣйшаго участія къ скорби благодѣтеля своего — плюнулъ на прахъ измѣнницы три раза.... Сильно было средство — но дѣйствительно, такъ хорошо зналъ Петръ Андр. всѣ изгибы человѣческаго сердца. Съ тѣхъ поръ онъ усовершенствовался*).

(Собственноручная замѣтка того же лица, которому принадлежитъ замѣтка: «Мнѣніе в. к. Александра Павловича»).

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Статья о Рылѣевѣ **) такъ меня заинтересовала, что я хоть коекакъ и какъ попало, спѣшу набросать нѣсколько мыслей объ этомъ человѣкѣ и пр. Начну сначала и по цифрамъ

1.

Съ Рылѣевымъ я былъ знакомъ. Онъ былъ членомъ „Вольнаго Россійскаго Общества“ (соревнователи просвѣщенія и благотворительности тожъ), гдѣ я былъ президентомъ и гдѣ Пушкинъ, вся лицейская дружина и всего человѣкъ до 40-а засѣдали каждую недѣлю

---

*) Священники Грузинскаго собора передавали преданіе объ уничтоженіи портрета Настасьи иначе. П. А. Ефремовъ лѣтъ десять тому назадъ слышалъ отъ нихъ и отъ старика дворецкаго въ Грузинѣ, будто портретъ Настасьи до самой смерти Аракчеева висѣлъ въ его кабинетѣ, а надгробная плита съ ея именемъ лежала рядомъ съ плитой надъ его могилою, еще при жизни Аракчеева приготовленною. Только послѣ смерти своего благодѣтеля—П. А. Клейнмихель изорвалъ портретъ Настасьи и велѣлъ выкинуть доску. Близъ собора погребенъ отецъ Настасьи крестьянинъ — Ѳедоръ Минкинъ, плита надъ его могилой цѣла и въ настоящее время. Ред.

**) См. «Русскую Старину» т. III стр. 64—113. Ред.

въ домѣ Войвоцы. Познакомясь и съ доброю, любезною женою Рылѣева, я крестилъ у нихъ сына (*), и всегда былъ почитателемъ прекраснаго (по моему мнѣнію) таланта моего кума — таланта всегда энергичнаго, всегда подтепленнаго огнемъ.

2.

Рылѣевъ (я помню это время) былъ въ Острогожскѣ, гдѣ познакомился съ братомъ моимъ Григоріемъ и гдѣ ему было такъ хорошо! — Тамъ бы ему, голубчику, и оставаться.... и ничего бы и не было!!.. а то самъ, вопія и стеня, потянулся опять въ Петербургъ и — запутался. Онъ былъ человѣкъ съ сердцемъ, но голова не была довольно холодна! — Да надобно вѣдь знать и то время! Если рыбу, разгулявшуюся въ раздольныхъ моряхъ, засадятъ въ садокъ, и та всплескиваетъ на верхъ, чтобъ вздохнуть вольнымъ Божьимъ воздухомъ: — душно ей! И душно было тогда въ Петербургѣ людямъ, только-что разставшимся съ полями побѣдъ, съ трофеями, съ Парижемъ и прошедшимъ, на возвратномъ пути, чрезъ сто тріумфальныхъ воротъ почти въ каждомъ городкѣ, на которыхъ на лицевой сторонѣ написано: „Храброму Россійскому воинству," а на обратной: „Награда въ отечествѣ!" — И эти разгулявшіеся рыцари попали въ тѣсную рамку обыденности, въ застой совершенный, въ монотонію томительную, въ дисциплину Шварца и проч. Ну вотъ и пошли мечты и помыслы....

3.

Рылѣевъ, какъ жаль, какъ и многіе тогда, самъ на себя наклёпывалъ! Все изъ того, чтобъ какъ-нибудь да выплеснуть — выказаться изъ садка! Совсѣмъ онъ не былъ обжора, а пишетъ къ Булгарину: „я обжираюсь и проч.!" Это, тогдашняя черта, водилось и за Пушкинымъ: придетъ бывало въ собраніе, въ общество и разшатывается. „Что вы, Александръ Сергѣевичъ!" — „Да вотъ выпилъ 12-ть стакановъ пуншу!" А все вздоръ, и одного не допилъ! А это все для того, чтобъ выдвинуться изъ томящей монотоніи и глухой обыденности и хоть чѣмъ-нибудь да проявить свое существованіе. Хотѣли воли, поля и дѣятельности. — Но Рылѣеву эта привычка нахватывать на себя дорого обошлась! Мнѣ сказывали, что онъ и предъ тайнымъ судомъ будто выговорилъ: „отъ меня все зависѣло! — Я все могъ остановить и всему дать ходъ!" А мнѣ и теперь кажется, что этого не было: не замѣтно было его особеннаго вліянія никакого! — И 14-го числа, когда еще можно было ходить около каре, изъ котораго вы-

*) У Рылѣева, сколько намъ извѣстно, осталась только дочь. Ред.

тягивался В. К. Кюхельбекеръ, я увидѣлъ Рылѣева, въ старомъ фракѣ, смирно стоявшаго въ сторонѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „смотрите, что затѣяли! вышли на голую площадь и думаютъ устоять — есть ли тутъ толкъ?!".

4.

А Думы Рылѣева вѣдь вышли съ большимъ блескомъ и надѣлали много шума! — Должно замѣтить, что до того времени никто не продавалъ своихъ пьесъ: даромъ отдавали въ журналы, и первый Войековъ заплатилъ за Думу Рылѣеву 100 р. ас. Послѣ и Пушкинъ сталъ брать по червонцу за стихъ — и пошли.

5.

Ну, какъ я смѣялся! вышла пословица: „и на васъ, мудрецовъ (все достающихъ, все извѣдывающихъ), случилась проруха!" — пьеса: „Не слышно шуму городскаго и пр.!" отнюдь не Полежаева и нисколько не Рылѣева! Это просто одного моего знакомаго*) и въ ней (въ печати) не достаетъ одного куплета. Она написана точно подъ землею, но какъ-то выскользнула на свѣтъ, попала въ Кіевъ, положена тамъ на ноты и распѣвалась по разнымъ мѣстамъ.

6.

А Серафимы Тепловой стихотвореніе обошлось вѣдь не совсѣмъ даромъ: братъ Сергѣй Николаевичъ**) просидѣлъ за него сутки подъ арестомъ, пока объяснилось, что дѣло шло о покойномъ другѣ сочинительницы.

9 января 1871 г. Ѳ. Н. Глинка.

---

*) Въ такомъ случаѣ не самого ли Ѳедора Николаевича? Опущены не одинъ, а два куплета; въ сборникѣ «Венера» изъ котораго стихотвор[illegible] перепечатано, оно прямо приписано А. Полежаеву. Почему же почти 40 л[illegible] никто этого не опровергнулъ? Ред.

**) Сергѣй Николаевичъ Глинка, бывшій цензоромъ, а до того издател[illegible] «Русскаго Вѣстника». Ред.

Печатается изданіе редакціи „Русской Старины“:

„Сборникъ снимковъ съ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVIII и XIX вѣковъ“.

Находящееся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ большое собраніе весьма интересныхъ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ русскихъ лицъ на поприщахъ государственной, общественной, ученой, литературной и артистической дѣятельности — подало мысль редакціи „Русской Старины“ издать, при участіи Ѳ. К. Опочинина, „Сборникъ снимковъ“ съ наиболѣе важныхъ или почему либо характеристическихъ документовъ.

Нынѣ печатается **первый выпускъ** сборника. Въ него войдутъ снимки писемъ частью цѣликомъ, частью значительныхъ отрывковъ, дѣятелей эпохи Александра I-го — именно болѣе **семидесяти пяти** личностей.

„Сборникъ снимковъ“ печатается въ форматѣ большаго листа, на хорошей бумагѣ и составитъ красивый альбомъ. Цѣна сборника **три** рубля.

Гг. подписчики на „Русскую Старину“ 1871 г., при высылкѣ **семи** рублей на журналъ, могутъ прилагать **три** рубля за „Сборникъ снимковъ писемъ“, который и будетъ имъ высланъ немедля по его отпечатаніи. Подписавшіеся въ редакціи „Русской Старины“ за пересылку „Сборника снимковъ“ ничего не платятъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ѳ. БАЗУНОВА ВЪ СПБ. (Невскій, д. № 30) ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сборникъ М. И. Семевскаго, историческихъ и юридическихъ актовъ XVII и XVIII в. Москва. 1869 г. 8 д. **Цѣна 50 коп.**

Записки М. И. Глинки 1804—1854 гг., въ четырехъ частяхъ; изд. «Русской Старины». Спб. 8 д. 1870 г., съ приложеніями: **рисунка,** исполненнаго академикомъ **М. О. Микѣшинымъ** въ память произведеній Глинки, **изображенія** надгробнаго памятника Глинкѣ и **снимка** съ предсмертнаго его письма. **Цѣна 2 руб.** Сборъ съ продажи этой книги обращается въ пользу фонда на сооруженіе памятника Глинкѣ. (Осталось за распродажей 134 экз.).

Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Спб. 1870 г. Разсказы очевидцевъ и лицъ пострадавшихъ въ бунтѣ. Изданіе «Русской Старины» (осталось за распродажею — 80 экземп.). **Цѣна 1 руб. 25 коп.**

Дневникъ Корба, 1698—1699 гг. Изд. подъ редакціей **М. И. Семевскаго.** М. 1869 г. Въ виду поступающихъ на эту книгу требованій заявляется, что эта книга распродана до послѣдняго экземпляра.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ и Москвѣ**, — **семь рублей** за весь годъ т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ домѣ Лисицына.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ С.-Петербургъ, **Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.**

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. **записокъ Болотова**, кн. **Щербатова, Добрынина, Лагарпа, М. А. Бестужева**, и архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. Штакельберговъ, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина**, — записки: гр. **Г. П. Чернышева**, адмир. **Колзакова**, зап. **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, кн. **Барклай-де-Толли**, кн. **А. А. Шаховскаго**, партиз. **Дениса Давыдова**; дневн. **В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); записки поч. лейбъ-хирур. **Д. К. Тарасова**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1776—1861 г.), быв. попеч. **Д. П. Рунича**; зап. **Н. И. Греча** (біографія **Ѳ. В. Булгарина**); зап. **А. В. Никитенко, И. И. Свіязева**, дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; зап. генер. **Лишина** и полковн. **Замятнина** о 1831 г.; записки **Я. П. Бакланова** о польскомъ возстан. 1863 г. и др. Письма **А. П. Волынскаго** (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ — **А. Г. Пупарева**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Панинныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); 150 неиздан. писемъ **Екатерины II**; переписка **Петра III съ Фридрихомъ II**, письма императоровъ: **Павла I, Александра Павловича**, императр. **Елизаветы Алексѣевны**; **Де-Прерадовича**; гр. **Аракчеева**, кн. **Васильчикова**, гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховит.**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина**, архит. **Витберга**; проекты и статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева; Н. С. Тихонравова, Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова; П. А. Степанова; Н. П. Дурова; А. Н. Неустроева**; сообщ. **П. А. Муханова**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова; Ѳ. К. Опочинина, П. А. Ефремова, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе**, гр. **З. К. Чапскаго**, кн. **Гагарина, В. А. Краскокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, М. Д. Хмырова, М. Ѳ. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго **князя Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. В. Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. **МАРТЪ.** 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, Владимірская, д. № 15.
1871.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
или
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.
1752—1827.

---

§ XIV *).

(продолженіе).

Мы прожили (въ 1770 г.) въ Орлѣ до самаго праздника Вознесенія. Въ продолженіе сего времени были частыя архіерейскія священнослуженія, частыя посвященія ставлениковъ, частые у граждань обѣды и вечеринки съ хоромъ пѣвчихъ до бѣла-свѣта, подобныя торжеству тезоименитства его преосвященства. Когда же преосвященный не въ гостяхъ, то содержаніе намъ было отъ приготовленной заблаговременно складки священно-и церковно-служителей, по заведенному обыкновенію. Все хорошо! слѣдующее только приключеніе помѣшало благу нашего пастыря:

Во единъ отъ дней, во время толкованія въ церкви псалтири, когда началъ преосвященный, по обыкновенію, присовокуплять нравоученіе къ народу, то разсудилось ему, для придачи силы и краснорѣчія своему нравоученію, называть старообрядцевъ с... ными сынами, и плевать на суевѣрной народъ, чрезъ налой**), на которомъ лежалъ передъ нимъ псалтырь. Орловцы, [illegible]дъ торгующій и несѣдячій, вездѣ бывающій и нигдѣ не[illegible]авшій проповѣдей подобнаго стиля. Они начали разно объ [illegible] толковать, а одинъ изъ граждань, по прозванію Овчинни-

---

[*] См. «Русскую Старину», 1871 г., т. III, стр. 119—160.

[**] Налой—греческ.—на которомъ кладутъ и читаютъ книги въ церквахъ.

Г. Д.

ковъ, гдѣ-то проговорился, что архіерей часто заговаривается въ забывчивости, какъ такой человѣкъ, у котораго голова всегда не порожня. Къ большой архіерейской досадѣ, стало всѣмъ извѣстно, что Овчинниковъ это говорилъ не аллегорически, не метафорически, не иронически и не критически, но исторически. Архіерей увѣдомленъ о семъ отъ вѣрнаго Архангельской церкви священника, который искалъ быть протопопомъ, требовалъ отъ гражданскаго правительства купца сыскать и сѣчь безъ милости, яко разорителя свѣта ученія. Онъ желалъ и самъ, по примѣру святого Иліи, схватить ножъ, но рѣзать уже было нѐкого: Овчинниковъ былъ осторожнѣе студныхъ вааловыхъ пророковъ, онъ убрался изъ города заблаговременно, не дожидаясь, чтобъ его уловили, а священникъ Архангельской церкви не получилъ протопопства, вѣроятно потому, что всѣ знатнѣйшіе старообрядцы упросили архіерея, убѣдительнѣйшими способами, возвысить въ сіе достоинство богоявленскаго отца Алексѣя, который на нихъ и на Овчинникова не доносилъ.

Обидѣвшійся пастырь жалился письменно Сѵноду. Онъ защищался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обвинялъ Овчинникова, то-есть: вѣрою, закономъ, саномъ, должностію и проч. и просилъ отмщенія. Сѵнодъ ему не отвѣчалъ, безъ сомнѣнія потому, что многіе слушатели орловскихъ поученій — имѣющіе по торговлѣ съ Петербургомъ связь — перетолковали тамъ дѣло не столь важнымъ, чтобы обвинить Овчинникова или оправдать архіерея.

Обращаясь къ собственной исторіи, долженъ повторить, что ставленическая контора и въ походѣ была въ моемъ письмоуправленіи, почему, въ какую бы улицу въ Орлѣ я ни пошолъ, вездѣ находила меня толпа просителей, кои потомъ составляли мой конвой, провождали безотвязно до самой квартиры, представляя между тѣмъ свои мнѣ просьбы, съ обѣщаніемъ точнаго числа за мою имъ помочь воздаянія. А другіе ничего такъ не твердили, какъ «что они бѣдны! они прожились! они проѣлись! До́ма у нихъ остались старики, да малые дѣти и проч...» Первый сортъ просителей выслушивалъ я съ пріятнымъ видомъ и чистосердечнымъ увѣреніемъ о моемъ имъ пособіи и отпускѣ въ домы́, и устаивалъ на словѣ; а второй разрядъ просителей отбывалъ какимъ-нибудь пустословіемъ, изъ котораго нельзя было ни надѣяться, ни отчаяваться.

Случай и интересъ острятъ разумъ и учатъ злу такихъ людей, которые, родяся въ бѣдности, лишены были надлежащаго образованія сердца и разума! Такъ я думалъ въ созрѣлыхъ уже лѣтахъ, ощущая въ себѣ недостатокъ воспитанія, которому я не причиною и которой отвращать, самому собою, стоило мнѣ не малаго труда. Но въ дальнѣйшее теченіе моей жизни и службы испыталъ, что многіе благовоспитыванные ничего меньше не имѣютъ, какъ истинной чести и добродѣтели; кромѣ наружныхъ пріятностей, служащихъ не рѣдко для добрыхъ, но простыхъ сердецъ пищею, которая въ пріятномъ вкусѣ бываетъ смертоносна.

Въ одну ночь, трудясь я обыкновенно за ставленическими дѣлами, положилъ руки на голову на бумаги, лежащія предо мною на столѣ, дабы до тѣхъ поръ, пока страница, которую я дописалъ, засохнетъ, минутно себя успокоить—это былъ разсчетъ тогдашнихъ моихъ лѣтъ!—но минута меня обманула. Она протянулась на столько времени, во сколько свѣча оплыла, обвалилась на столъ, хватила за бумаги, и допустила пламя до моихъ пальцевъ. Я вскочилъ такъ, какъ вскакиваютъ ожогшись, началъ руками и платкомъ бить по бумагамъ, утушилъ пожаръ скорѣе, нежели тушатъ его въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть полицмейстеры. Мнѣ принесли сѣдящему уже во тьмѣ свѣчу, и я нашелъ, къ счастію моему, что сгорѣли пустыя, ненужныя бумаги: да въ одномъ только дѣлѣ отгорѣли понемногу углы, которые тотчасъ я подклеилъ вишневымъ клеемъ, и отгорѣвшій упадокъ приписалъ собственною рукою. Потомъ, когда началъ приклейку и подложенной вмѣстѣ съ нею допросъ обрѣзывать, дабы сравнить съ дѣломъ, то перехватилъ неосмотрительно пополамъ ножницами архіерейскую собственноручную резолюцію съ помѣтою. Эта бѣда хуже пожара! Я подклеилъ и резолюцію; но боясь архипастырскаго правосудія, пошелъ я къ нему съ дѣлами и слѣдующими къ подписанію грамотами попозднѣе обыкновеннаго, дабы между дневнымъ и свѣчнымъ свѣтомъ удобнѣе могла скрыться моя приклейка.

Архіерея встрѣтилъ я ѣдущаго съ оберъ-провіантъ-мейстеромъ Д. В. Астафьевымъ, который ему еще въ Торжкѣ былъ добрый пріятель. Онъ, увидя меня съ ношею бумагъ, и притомъ расчесаннаго въ нѣсколько пуколь, распудреннаго и въ башмакахъ съ блестящими пряжками, приказалъ остановить карету

велѣлъ мнѣ сѣсть напротивъ, и примолвилъ Астафьеву: «Это у меня такой надежной». Потомъ, взявши меня за свободную отъ бумагъ руку, сказалъ: «продолжай Добрынинъ такъ, какъ ты началъ».

Милостивыя слова, и первой разъ сидѣнье съ архіереемъ въ каретѣ, произвели бы во мнѣ безпримѣрную радость, если бы не тревожила меня приклейка.

Архіерей, прибывъ къ Астафьеву и въ продолженіе тамъ пріятельской вечеринки, всѣ грамоты подписалъ и надлежащія резолюціи положилъ, не примѣтивъ къ успокоенію моему моей подклейки, чему я не меньше радовался, какъ дозволенію сѣсть въ карету.

Въ прохожденіе сей должности, по мѣрѣ прибытка въ моемъ карманѣ, умножалась противъ меня и зависть, какъ натуральной спутникъ планеты счастія, а можетъ быть сіе зло было и противъ зла. Оставимъ это разсуждать искусникамъ въ моральный химіи. — Въ приходной канцеляріи злобились и роптали на меня приказные, кои производили дѣла только слѣдственныя, въ которыхъ трудъ безъ награды, а къ ставленическимъ, въ которыхъ награда почти безъ труда, не имѣли права касаться.

Съ другой стороны, всѣ оставшіеся въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ, практикованные любостяжатели напряженную противъ меня питали злобу. Консисторскій судья Иринархъ, о которомъ я выше говорилъ, былъ въ семъ комплотѣ не послѣдній, — потому, что и его кружечный сборъ, по случаю нашего похода, порученъ былъ мнѣ съ тѣми же правилами.

Сопостаты мои, до возвращенія еще нашего въ Сѣвскъ, приняли въ наступательной противъ меня союзъ архіерейскую сестру *). Всѣ они вмѣняли мнѣ въ важное преступленіе, что я, пользуясь, по ихъ мнѣнію, одинъ прибытками, не присылаю имъ подарковъ.

Правда, что я худой былъ политикъ; но то еще справедли-

*) Она была за соборнымъ ключаремъ, котораго преосвященный пощупалъ палками въ своей спальнѣ, за какое-то празднословіе, и потомъ сослалъ въ какой-то Кіевскій монастырь, по сношенію съ начальникомъ онаго, гдѣ и скончался сей несчастный человѣкъ, а сестра осталась при братѣ съ малолѣтними дочерьми, изъ которыхъ старшая помолвлена была за меня, о чемъ скажется на своемъ мѣстѣ. Г. Д.

все, что я и самъ пользоваться не умѣлъ. Двадцатилѣтній мой вѣкъ и монастырское, въ протчемъ хотя ограниченное воспитаніе, но въ семъ случаѣ весьма достопочтенное, чтобъ не обидѣть ближняго, были тому основаніемъ.

§ XV.

Выѣздъ изъ Орла и проч. и проч.

Наконецъ, въ день Вознесенія выѣхали мы изъ Орла такъ же, какъ и въѣхали, при колокольномъ звонѣ, поелику священство и звонари не смѣли не сдѣлать сего грома; но на заборахъ и на крышахъ никого уже не было, кромѣ обыкновенно ходящихъ по улицамъ, у которыхъ какъ будто на лбахъ было написано, что они всѣ сердятся за толкованіе псалтири, или пошептываютъ: «по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ».

По пріѣздѣ уже въ Сѣвскъ, открылся мнѣ яснѣе вышесказанный противъ меня заговоръ. Прибывшіе изъ Орла увѣряли сѣвскихъ моихъ завистниковъ, что я по меньшей мѣрѣ вывезъ изъ Орла тысячу рублей.

Сочтено у нихъ было точное число посвятившихся ставлениковъ, и положено, по произвольному примѣру, какое число каждый могъ мнѣ дать. Можетъ быть они и не ошибалися въ своей смѣтѣ, но ошиблись во мнѣ.

Послѣ, но нескоро узналъ я изъ опытовъ и примѣровъ заслуженныхъ корыстолюбцевъ, что я вмѣсто капитала пользовался только процентами, ибо вывезъ только сто руб. да пару платья.

Консисторскій секретарь Звѣревъ, хотя впрочемъ и добрый человѣкъ, не вытерпѣлъ, чтобы не сказать, что онъ согласился бы помѣняться со мною на мѣста, если бы ему чинъ не мѣшалъ.

Какъ искра въ пеплѣ, такъ злобная зависть въ моихъ непріятеляхъ тлѣла донынѣ, и дѣйствовала минами, или подкопомъ; но вскорѣ воздѣйствуетъ она порядочнымъ приступомъ или штурмомъ.

Уже мой владыка, начиненъ будучи дурнымъ обо мнѣ мнѣніемъ, началъ громогласно при многихъ случаяхъ гласить: что, «онъ до меня давно добирается», изреченіе, несообразное ни

съ саномъ, ни съ правиломъ воспитанія, но въ духовномъ деспотизмѣ — обыкновенное.

Между тѣмъ, какъ я тревожился и ожидалъ не зная самъ чего, архіерей разрѣшилъ мое недоумѣніе слѣдующимъ маневромъ.

Во время оно, егда его преосвященство священнодѣйствовалъ, и по принесеніи безкровныя жертвы шествовалъ отъ престола къ своей каѳедрѣ *), на которой, по чиноположенію грековосточной церкви, долженъ онъ былъ сѣсть и выслушать читаемыя мною, вмѣсто его, благодарственныя молитвы, за то, что онъ удостоился приобщиться святыхъ таинъ; то, вмѣсто всего этого, схватилъ онъ меня за волосы обѣими руками весьма плотно, и впился въ нихъ, какъ клещъ въ тѣло. Мужчина онъ былъ большой, сухощавый и сильный; слѣдственно руки его не были похожи на пуховыя. Во всемъ пространномъ алтарѣ не осталось мѣста ни на вершокъ, съ котораго бы мы не подняли пыли. Первый ударъ моими ногами былъ объ ноги малорослаго архимандрита Карпинскаго, который въ надлежащей важности отпрыгнулъ къ окну,—хотя мнѣ и не досужно было разсматривать, въ какой кто важности, куда прыгалъ. — Нѣкоторые сослужащіе и причетники разсѣялись по разнымъ мѣстамъ алтаря, нѣкоторые выбѣжали въ церковь, всѣ высматривали изъза плечей одинъ другого, ожидая съ благоговѣніемъ, со страхомъ и трепетомъ окончанія святительскаго на мнѣ рукоположенія. Кадмъ дракона не убивалъ съ такимъ мужествомъ, волкъ агнца не терзалъ съ такою жадностью, Сампсонъ, злясь на филистимлянъ, не связывалъ съ такимъ проворствомъ лисицамъ хвостовъ, и даже самый Духъ праотцу Іакову не ломалъ лядвіи столь безжалостно, какъ сей пастырь меня по алтарю Господню потаскивалъ. Онъ до тѣхъ поръ меня изъ рукъ не выпустилъ, пока не осталось въ нихъ все то, что оными захватываемо было, кромѣ самой головы и шеи, по которымъ досталось только нѣсколько кулачныхъ совковъ и оплеухъ, подъ пѣніемъ концерта. Можно сказать: что онъ для того и облачился, чтобы отправить

*) Кресла или стулъ съ положенною на немъ пуховою подушкою, которая обыкновенно покрывается бархатомъ или атласомъ. На сей каѳедрѣ архіереи садятся въ церкви во время своего служенія, въ доказательство, — какъ они говорятъ, что «онъ властелинъ церкви». Г. Д.

надо мною во всей славѣ сію церемонію. Я не расположенъ былъ замѣчать и видѣть повѣствуемую мною акцію, но меня удостовѣряли объ ней послѣ всѣ самовидцы единословнымъ сказаніемъ.

Наконецъ гнѣвъ утолился, разъяренный іерархъ утрудился, настала тишина, открыта моя вина. Какая вина? Вина та, что предъ каѳедрою не было орлеца *). Тогда архимандритъ, посмотрѣвъ на архіерея учительски, далъ ему знать, сдѣлавъ изъ себя полную мину, о добротѣ сего происшествія,—не знаю только, для меня ли онъ сдѣлалъ сей видъ неудовольствія, или для архіерея, или для своихъ ногъ, по которымъ ему досталось моими.

Архіерей сѣлъ уже на каѳедрѣ; — разумѣется, что орлецъ былъ уже у него подъ ногами; — я началъ ему сгоряча драть благодарственныя по причащеніи молитвы, которыхъ ни онъ, ни я отъ жару не понимали. Онъ однакожъ ѣлъ, сидя, мягкую просфору и запивалъ краснымъ кагорскимъ виномъ, а я читалъ въ молитвахъ, чтобы «благодареніе его преосвященства было ему въ радость, здравіе и веселіе; въ страшное же и второе пришествіе сподобленъ онъ былъ стати одесную».

Пришедъ я въ мою горницу, пустился въ глубокое малодушіе. Предался самой горькой печали, не меньше отъ побоевъ, какъ и отъ стыда, не разсуждая, что сей стыдъ раздѣлялъ со мною самъ архіерей. Пораженный скорбію въ душѣ и тѣлѣ, сѣлъ я на стулъ и просидѣлъ безчувствительно до самаго вечера, положа голову на столъ. Казалось мнѣ, что я не спалъ и видѣлъ, какъ архіерей въ алтарѣ, инымъ бороды рветъ, иныхъ свѣчами подпаливаетъ, а ко мнѣ бросается таскать. Предъ вечеромъ я образумился и узналъ, что все это мнѣ мечталось въ жару. Мнѣ сказали; что я, сидя на стулѣ, спалъ и бредилъ. Ночь мнѣ была такова-же, какъ и день; а въ наступившее утро архіерей посѣтилъ меня самъ: онъ не спрашивалъ, чѣмъ я боленъ, а только осмотрѣлъ пульсъ и языкъ, и вышедши изъ моего покоя, возвратилъ ко мнѣ служителя своего съ увѣреніемъ, что «его преосвященство гнѣва на меня не имѣетъ». Я обрадовался крѣпко сему благоволенію. Какое различное дѣйствіе радостнаго духа съ печальнымъ! Я вдругъ сдѣлался здоровъ или,

*) Орлецъ, на которомъ становятся архіереи вмѣсто подстилки. Онъ круглой фигуры на подобіе блина. Въ діаметрѣ вершковъ около 12-ти, съ вышитымъ изображеніемъ орла. Г. Д.

по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось. Одѣлся и пошолъ въ ставленическую контору къ должности. Не писалъ я тамъ и получаса, какъ пронялъ меня жестокій ознобъ. Ризничій, от. Гедеонъ *), въ покояхъ котораго была и контора, видя, что со мною дѣлается худо, далъ мнѣ тотчасъ свою постелю, въ которую я и повалился, ибо не въ силахъ уже былъ пройти чрезъ подворье до своего покоя.

Послѣ озноба слѣдовалъ жаръ, которой хотя лишилъ меня памяти, однако-жъ не отнялъ мученія, чувствуемаго въ жестокой горячкѣ. Уже болѣзнь меня осилила такъ, что и помощь подать было поздно, по мнѣнію городового лекаря. Мать моя пришла изъ женскаго монастыря. Она видѣла, что положеніе мое предвѣщаетъ мою кончину, а ей самой непрерывную болѣзнь во всѣ остатки дней. Отдавшись натуральной любви, начала она горько сокрушаться, произнося такія слова, какія матерняя любовь могла изобрѣсть при потерѣ ея послѣдняго сына. Ее увѣрили, что присутствіе ея для меня вредно; почему и убѣдили ее возвратиться въ монастырь, хотя на нѣсколько времени.

Самая жестокость болѣзни продолжалась девять дней, въ продолженіи которыхъ совершили надо мною священныя таинства. Всѣмъ казалось, что перевѣсъ былъ къ смерти; а особливо, когда я напослѣдокъ приутихъ такъ, что сомнительно было, заснулъ ли я, или уже испустилъ послѣднее дыханіе—какъ вдругъ, неожиданно,—я чихнулъ!

Секунда чиханія была для меня столь несносный и премучительный ударъ, какъ-бы голова моя въ мелкія части разлетѣлась. Но тотъ же самой ударъ произвелъ собою теченіе изъ носа крови, которая сперва полилась почти непрерывною струею, а потомъ, мало-по-малу уменьшаясь, перестала, наполнивши тарелки три глубокихъ. Я тотчасъ заснулъ спокойно на цѣлыя сутки. Проснувшись, припомнилъ что я боленъ, и самъ себѣ не вѣрилъ, въ самомъ ли дѣлѣ голова моя не болитъ, или не въ другой ли уже я жизни? На ту пору вошелъ ко мнѣ пѣвчій Козьма Вышеславцевъ**), который во всю мою болѣзнь былъ при

*) Братъ его родной Ириней Братановскій въ Вологдѣ былъ епископомъ. Г. Д.

**) Онъ былъ изъ «архіерейскихъ дѣтей боярскихъ» по стариннымъ россійскимъ правамъ, и принадлежалъ къ новогородскому архіерейскому дому; но по нерадѣнію предковъ его, попалъ въ служители Хутынскаго монастыря.

мнѣ безотлучно изъ единаго ко мнѣ доброхотства и пользовалъ холодительнымъ питьемъ и перевязками по пульсамъ. Онъ меня спросилъ: каково мнѣ послѣ крови? Но городовой лекарь, который меня не пользовалъ, потому что ему опоздали сказать о моей болѣзни, пресѣкъ, вошедши, нашъ разговоръ. Онъ, посмотря на мой языкъ, сказалъ съ веселымъ видомъ: «жаръ миновался, завтра вели для себя сдѣлать ячменную кашицу съ курицею; а послѣ надобно будетъ дать не очень крѣпкое пургаторіумъ для очищенія внутренностей отъ вредныхъ гнилостей». Вскорѣ пришелъ ко мнѣ изъ архіерейскихъ покоевъ осмидесятилѣтній старикъ, называемый Палѣй*). Онъ мнѣ разсказалъ, что архіерей въ продолженіе моей болѣзни часто меня посѣщалъ, а его, Палѣя, призывая иногда къ себѣ, вопрошалъ: какъ онъ думаетъ? выздоровѣю-ль я? Онъ бранилъ вспыльчиво—разсказываетъ Палѣй—свою сестру, и отдавалъ, въ случаѣ моей смерти, весь грѣхъ на ея душу.

Черта прекрасная! но похожа на Пилатову, который, давши

Онъ былъ хорошій чтецъ, пѣвецъ, писецъ, игрокъ на гусляхъ, и умѣлъ услужить, почему и взятъ былъ хутынскимъ архимандритомъ Парфеніемъ, бывшимъ потомъ преосвященнымъ епископомъ, въ келейные; но при всѣхъ его полезныхъ способностяхъ и добрыхъ качествахъ, имѣлъ онъ несчастіе пить запоемъ, почему, отставъ отъ смоленскаго, присталъ къ нашему архіерею въ число пѣвчихъ. Во время одного запоя ознобилъ онъ лѣвой руки всѣ персты, которые ему и отпилили; излечившись, присталъ въ капеллію къ рыльскому помѣщику Алексѣю Васильевичу Ширкову, и тамъ вскорѣ умеръ. Вѣчная ему память! если бы сей полезный пьяница меня не приберегъ, то можетъ быть я умеръ бы между трезвыми и проповѣдывающими добродѣтель — воздержаніе. Читавши въ моей жизни словарь о людяхъ, отличившихся дарованіями или добродѣтельми, по истинѣ, нахожу многихъ не лучше его. Напр. «онъ былъ искусной проповѣдникъ слова божія. Процвѣталъ въ 1598 году, но его проповѣди до насъ не дошли». Подобное въ житіяхъ св. отцовъ: «бѣ нѣкто Авва въ пустынѣ, пріиде къ нему нѣкій братъ и бесѣдова съ нимъ о спасеніи души. Богу нашему слава». Г. Д.

*) Сей Палѣй вывезенъ былъ преосвященнымъ въ прошломъ году изъ Кіева, по старому между ими знакомству, и жилъ при архіереѣ безъ всякой должности, кромѣ что иногда архіерей шучивалъ надъ нимъ—сколько можно шутить нраву крутому и свирѣпому, слагая на имя его канты, и описывая въ оныхъ охоту его къ водкѣ и худое портное мастерство,—худыми кіево-малороссійскими стихами. Исторія его потому была архіерею извѣстна, что они были пріятельми въ кіевскомъ петропавловскомъ монастырѣ, ѣдали изъ одного горшка и пивали изъ одной бутылки. Очень ясно, что были старые артельщики. Г. Д.

іудеямъ воинскую команду распять Христа, умылъ руки въ доказательство своей невинности въ убивствѣ праведника.

Вскорѣ послѣ болѣзни, я предпринялъ выпрыгнуть изъ постели; но слабость не удержала меня на секунду на ногахъ, и я нѣсколько времени спустя имѣлъ нужду свалиться опять въ постелю. Потомъ, мало-по-малу укрѣпляясь, оздоровѣлъ такъ, какъ обыкновенно оздоравливаютъ больные. А преосвященный тѣмъ временемъ отправился, по указу святѣйшаго Сѵнода, въ Черниговъ, погребать тамошняго преосвященнаго **Кирилла Ляшевецкаго** († 14 мая).

По случаю прикосновенія къ матеріи о смерти сего преосвященнаго, разскажу я приключеніе, случившееся предъ его смертію, которое причинило, или по крайней мѣрѣ ускорило его кончину, и о которомъ слышалъ я отъ своего архіерея вотъ какъ:

Преосвященный черниговскій былъ нѣсколько времени боленъ. Потомъ болѣзнь прошла, оставалась одна слабость; почему онъ и не оставлялъ шолковаго, стеганаго шлафрока, по обыкновенію духовныхъ, съ двумя или тремя парами застежекъ.

Въ семъ-то роковомъ шлафрокѣ легъ онъ, будучи въ слабости, въ постель, въ вечернее время, раньше обыкновеннаго, и читая книгу заснулъ. Во время сна свѣча оплыла, обвалилась на подушку, часть постели мгновенно охватилась огнемъ, а преосвященный не пробуждается, къ чему уповательно причиною было и слабое его здоровье, требовавшее, натурально, послѣ болѣзни пріятнаго сна. Огонь коснулся шлафрока. Преосвященный почувствовалъ, что это не ванна. Онъ выскочилъ изъ постели, началъ рвать на себѣ горящій и всѣми застежками застегнутый шлафрокъ. Но гдѣ ни хватитъ руками, вездѣ находитъ огонь; а шлафрокъ, чѣмъ болѣ размахивается, тѣмъ скорѣе на воздухѣ охватывается огнемъ. Между тѣмъ, пока на отчаянной его крикъ сбѣжались усердные архіерейскіе служители, которые на ту пору, по обыкновенію монастырскому, заботились о томъ, какъ бы ѣсть, пить и спать исправно, и разорвали огненный шлафрокъ, преосвященный, не совершенно еще оправившійся отъ первой болѣзни, перепугался, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обгорѣлъ. Послѣ чего заболѣлъ вторично и — умеръ.

Кто хочетъ чтеніемъ заняться при свѣчи,
Тотъ берегись дремать, чтобъ не сгорѣть спючи.

Уже я дописался до того времени, въ которомъ кончится настоящее мое званіе и въ которомъ начнется будущее. До сихъ поръ былъ я пѣвчимъ съ кантатою *), былъ подьякомъ съ чиновникомъ **), маршаломъ съ пастырскимъ жезломъ, былъ въ ставленической конторѣ канцлеромъ, и собирая въ кружку деньги, былъ вѣрнымъ казначеемъ, съ помочью преподанной мнѣ отъ его преосвященства ариѳметики; былъ иногда у переписки поученій и другихъ рукописей; но теперь послѣдуетъ со мною такая важная эпоха, которою долженъ я начать.

§ XVI.

Новое достоинство.

Сего 1770-го г. августа въ 24-й день очень рано потребованъ я къ архіерею. Предсталъ я къ нему въ пол-лежащему на канапе и встрѣтившему меня сими священными словами: «слыши! приклони ухо твое, забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея», — (слова прор. и царя Давида), — потомъ продолжаетъ:

«Отъ давняго времяни намѣреніе мое было, сдѣлать тебя къ себѣ поближе. Прилежность и исправность твоя во всѣхъ возлагаемыхъ на тебя должностяхъ, и точное исполненіе всѣхъ моихъ приказаній, давно побуждаютъ меня отличить тебя отъ всѣхъ, находящихся въ моемъ домѣ. Отъ сего дня долженъ ты быть при мнѣ келейнымъ на мѣсто отринутаго за пьянство В.»

Услыша объявленіе, на священномъ языкѣ, жестокой для меня милости, остолбенѣлъ я, какъ Лотова жена. Зналъ я, что въ теченіе трехъ годовъ, девять келейныхъ бѣжали отъ святительскихъ его рукъ, вслѣдствіе чего и отвѣтъ мой состоялъ въ томъ, чтобъ его преосвященство оставилъ меня при прежней милости, а вновь бы къ ней ничего не прибавлялъ; ибо я отвѣчать за нея не въ силахъ по слабости моего здоровья и сложенія. Представлялъ я необыкновеніе мое и несклонность къ службѣ такого рода. Не пропустилъ, что природныя его преосвященства дарованія, просвѣщенныя наукою и зрѣніемъ иностранныхъ государствъ, требуютъ опытнаго человѣка. «Ты-то

*) Книга партесная, нотная. Г. Д.

**) Книга, по которой отправляютъ архіереи священнослуженіе. Г. Д.

и будешь у меня, прервалъ архіерей горькую мою рѣчь, такой келейный, какого я давно предполагалъ въ мысляхъ, если ты такъ обо мнѣ понимаешь». Я тысячу разъ на себя досадовалъ, что я самъ свое дѣло испортилъ своимъ объясненіемъ, досадовалъ, не понимая того, что своенравный сильный—всякое безсильнаго объясненіе можетъ обращать во свою пользу.

«Не тревожитъ-ли тебя то», спросилъ архіерей, какъ будто зная мои мысли, «что отъ меня 9 келейныхъ отошли нечестнымъ образомъ? Инако и быть не могло, продолжалъ онъ, ибо ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ ни ума, ни вѣрности, ни порядочнаго поведенія. А человѣкъ, неимѣющій совокупно сихъ трехъ квалитетовъ, ни въ какую благородную должность не годится. По крайней мѣрѣ, быть такому не при мнѣ. Напротивъ того, качества добрыя въ тебѣ я найти не сомнѣваюсь, а паче съ моимъ наставленіемъ. Сверхъ того, съ талантомъ твоего правильнаго письма, ты можешь быть при мнѣ кабинетнымъ секретаремъ; ты же знаешь,—примолвилъ онъ,—что прежніе мои служители назывались келейными только отъ моихъ подчиненныхъ, а отъ меня въ семъ достоинствѣ признаваемы не были».

Симъ послѣднимъ словомъ могъ я быть увѣренъ, что архіерейскіе келейники суть такое твореніе, которое должно быть возводимо на свою степень самими архіереями, посвящаемыми Сѵнодомъ, слѣдовательно такой келейный не дальше отъ сѵнодальнаго члена, какъ третье лицо.

Между тѣмъ, какъ чувствительность меня томитъ, неумолкавшій архіерей продолжаетъ: «Мое намѣренье выше и благороднѣе, нежели ты думать можешь: мое намѣренье, чтобъ различествовать мнѣ съ моимъ келейнымъ именемъ только и должностію, но душу имѣть съ нимъ одну». Много еще подобнаго говорено, чего ни припомнить нельзя, ни писать нѣтъ нужды; но что написано, то самая истина, изъясненная точными архіерейскими словами, такъ какъ и вездѣ, гдѣ только бываетъ онъ прикосновенъ къ моему перу, есть вѣрный списокъ и тонъ его слова.

Я должень признаться, что до тѣхъ поръ не весьма былъ добраго мнѣнія о характерѣ его сердца; ибо когда онъ смѣется, то смѣхъ его бывалъ самый ядовитый, съ сопровожденіемъ ругательства на весь свѣтъ, а не сангвинической. Когда онъ гово-

ритъ, то кричитъ съ написаннымъ на лицѣ его недоброхотствомъ и злобою ко всему человѣческому роду. Когда кому что даритъ, то съ бранью и съ упрекомъ, что принимающій того не стоитъ и проч.

Но выговоренныя въ теперешней авдіенціи съ сильнымъ увѣреніемъ, и съ важнымъ видомъ, послѣднія его слова, перемѣнили меня въ одну минуту. Они впечатлѣлись во мнѣ и произвели самое хорошее мнѣніе о справедливости и нѣжныхъ чувствованіяхъ преосвященнаго, или лучше сказать, неопытность моя ослѣпилась великолѣпными увѣреніями, не зная того, что нѣтъ ничего легче, какъ большому человѣку заставить маленькаго всему вѣрить, подобно какъ модному и бывалому въ свѣтѣ щеголю не трудно обмануть невинную дѣвку; вслѣдствіе чего, и бросился я преосвященному въ глубокомъ молчаніи въ ноги, по обыкновенію монастырскому, которое есть изъ главнѣйшихъ артикуловъ воспитанія въ оградѣ словеснаго стада. А онъ, поднявъ меня, благословилъ, поздравилъ и призналъ келейнымъ. Такимъ обрядомъ совершилось посвященіе мое въ новое достоинство, обязывавшее меня «имѣть съ архіереемъ одну душу, и быть при немъ кабинетнымъ секретаремъ».

Излишне было бы описывать подробно начало и продолженіе келейничихъ моихъ занятій; однако-жъ, чтобы не совсѣмъ объ нихъ умолчать, скажу хоть о такихъ, которыя мнѣ скорѣе въ мысль впадутъ.

Прежде всего сдѣлано мнѣ отъ преосвященнаго наставленіе наблюдать чистоту въ покояхъ, имѣть на своемъ трудѣ и отчетѣ гардеробъ и буфетъ; что и отправляемо было мною нѣсколько дней постоянно, въ продолженіе которыхъ я самъ собою былъ доволенъ и въ первый разъ узналъ на опытѣ извѣстное мнѣніе, что «порядокъ есть душа вещей». Но мое узнаніе на опытѣ владыко святый *) не замедлилъ въ пухъ разбить, о чемъ слѣдуетъ ниже.

Потребно вѣдать, что его преосвященство страстный былъ охотникъ до черныхъ работъ, кирпичъ и известь обжигать, и проч., почему имѣлъ обыкновеніе, вставая очень рано, забирать на оныя съ собою весь свой келейный штатъ, состоящій

*) Титулъ россійскихъ архіереевъ въ Малороссіи. Г. Д.

изъ дежурнаго, малаго пѣвчаго, изъ двухъ истопниковъ и нѣсколькихъ сторожей и дровосѣковъ, дабы они, по его словамъ, праздны дома не оставались; а посему, такъ какъ я оставался дома, то мнѣ одному настояла необходимость, сверхъ предписанныхъ мнѣ должностей, приниматься своеручно за метлы и щетки, за почистку столовыхъ ножей, подсвѣчниковъ, тазовъ и проч., не раздѣляя ни съ кѣмъ сей чести. За все сіе сперва совѣстился я приниматься, но видя, что всего сего требовалъ отъ меня архіерей безъ церемоніи, на силу опомнился, что мнѣ рокъ судилъ, безъ суда, попасться въ чорную работу. При всякомъ пріёмѣ за сіи работы, мечталось мнѣ какъ въ горячкѣ и звенѣло въ ушахъ: «помни, что ты имѣешь съ архіереемъ одну душу, и что ты теперь у него кабинетный секретарь».

Между тѣмъ, кабинетный секретарь и общая душа стѣсняли чувствительную иль слабую мою душу до глубокой унылости; ибо, хотя я родился и росъ въ бѣдности, однакожъ чувствовалъ въ высочайшей степени, что природа меня не сотворила рабомъ, и что сама она противится теперешнему моему жребію. Правило «молись и трудись» мнѣ было извѣстно, но я вѣрилъ ему не слѣпо. Я разумѣлъ, что оно принадлежитъ человѣку благородному, должностному, гражданину, и проч., а не рабу, или невольнику, стенящему подъ игомъ самонравія. Однакожъ, не выпущая изъ памяти архіерейскихъ, при принятіи меня, обнадеживаній, мечталъ я въ свое облегченіе (сіе называютъ, не знаю почему, надеждою, безъ которой, увѣряютъ насъ же называльщики, будто бы и жить нельзя), что неприличная и непринадлежащая мнѣ работа владыкѣ моему въ примѣтѣ, что не хочетъ ли онъ испытать мое терпѣніе и трудъ и что, наконецъ, прекращающая всѣ поземельныя работы зима, возвратитъ къ своимъ должностямъ весь архіерейской штатъ, и тѣмъ поставитъ меня на пьедесталъ кабинетнаго секретаря, имѣющаго съ архіереемъ одну душу. Но сія мечта была не что иное, какъ мечта.

Въ одинъ день послѣ полудня, когда я занимался около бѣлья, считая бѣлое и готовя въ мытье чорное, прибѣжалъ ко мнѣ архіерей запыхавшись, и въ зѣльной ярости оглушилъ меня громогласнымъ вопросомъ: «былъ ли ты сегодня въ церкви?» Я въ страхѣ и трепетѣ, противъ неожиданнаго грома, отвѣтство-

валъ, что былъ; «слышалъ ли евангеліе?» слышалъ! — Потомъ опомнился, что я лгу, ибо нельзя мнѣ было быть, во-первыхъ за недосугомъ, а во-вторыхъ потому, что и самъ архіерей, кромѣ посвященія ставлениковъ, никогда въ церковь не-~~жало~~-валъ. Но его ярому преосвященству не было нужды ни во лжи моей, ни въ правдѣ, ни въ церкви, ни въ евангеліи. Онъ продолжаетъ въ жаркомъ гнѣвѣ: «въ церкви читано евангеліе: «идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ», а тебя цѣлый день нѣтъ при мнѣ, да еще и въ такую нужную пору, когда я самъ съ работниками изъ новостроющейся церкви вычищаю щепу».

Я, не дожидаясь болѣ, и радуясь что понялъ, къ чему клонился изреченный его преосвященствомъ съ толикою ревностію священный текстъ, поскакалъ въ новостроющуюся церковь, и очищалъ съ работниками на ряду щепу и всякой соръ, подъ собственнымъ надзираніемъ преосвященнаго; а вечеромъ, возвратясь въ покои, не ушолъ отъ жестокой брани за дневныя по покоямъ запущенія во время бытности моей на работѣ, равно и за оставленную на полу черноту, которая лежала до возвращенія нашего въ покои.

На завтра, на разсвѣтѣ, приказалъ подавать чай, но вмѣстѣ съ приказаніемъ схватилъ на себя теплые сапоги, полушубокъ, ухатую шапку, и ускакалъ подъ колокольню, гдѣ тогда планировали землю. А когда я пошелъ доложить, что чай готовъ, то на докладъ мой состоялась конфирмація, чтобъ я взялъ носилки и носилъ съ прочими работниками землю; во исполненіе которой, и трудился я цѣлое утро въ потѣ лица за грѣхъ праотца Адама. Прочее время проходило въ подобныхъ упражненіяхъ, дающихъ мнѣ преимущество имѣть съ архіереемъ одну душу. Сверхъ того, казнилъ онъ меня всякой день бранью за то, что у меня волосы становились малы. Я приносилъ оправданіе, что причиною тому недавно прошедшая горячка, и что посему они еще меньше станутъ, или и совсѣмъ вылезутъ. Но мое оправданіе отвергаемо было съ пущею бранью, отъ которой я во искушеніи уже былъ суевѣрить, не заключали-ль въ себѣ и мои волосы такъ, какъ Сампсоновы, какой-нибудь тайны?

Но мое подозрѣніе было основательнѣе, когда я началъ замѣчать, не тронулся ли преосвященный въ умѣ, или не имѣетъ ли отъ природы нѣкотораго степени сего несчастія. И въ самомъ дѣлѣ,

когда я не былъ къ нему такъ близокъ, то странная его натура не столько мнѣ была подозрительна. Я сообщилъ мое подозрѣніе выше-упомянутому мною К. Вышеславцеву.

«Ты этимъ не шути, отвѣчалъ онъ мнѣ. Я помню, продолжалъ Вышеславцевъ, когда покойный преосвященный новгородскій Димитрій Сѣченовъ назначилъ его на проповѣдь, то онъ надъ сочиненіемъ оной съ ума сошолъ и былъ долго боленъ» *).

Хотя такая вѣсть меня еще не удостовѣрила, однако, приложа къ ней образъ архіерейскаго поведенія, она увеличила мое подозрѣніе.

Вскорѣ за симъ услышалъ я (не подавая уже повода къ сей матеріи), города Путивля отъ священника Стефана, бывшаго прежде при архіереѣ служителемъ, что преосвященный часто бываетъ сердитъ въ безпамятствѣ, и часто говоритъ безъ надобности и понятія, подобно лунатику. Отецъ Степанъ былъ постарше меня вдвое. Онъ примѣтя, что я ничего ему не отвѣчаю, продолжалъ: «я вижу, что ты мнѣ не вѣришь! посмотри же, какъ архіерей одинъ будетъ въ кельи во время новомѣсячія, и прислушай! Ты увидишь, что я тебѣ не солгалъ».

§ XVII.

Новомѣсячіе.

Преосвященный избавилъ меня отъ терпѣнія. Въ первое новомѣсячіе примѣтилъ я, что онъ сердитѣе и задумчивѣе обыкновеннаго, и чаще началъ меня бранить за умаленіе волосъ. Я уже не думалъ болѣ и примѣчать, какъ, сверхъ моего недуманья, случилось мнѣ, будучи въ буфетѣ, услышать разговоръ, происходившій въ гостиной. Зная, что нѣтъ никого съ архіереемъ, вскочило мнѣ на умъ новомѣсячіе, вслѣдствіе чего взялся я, по наставленію отца Стефана, посмотрѣть и прислушать. Изъ темнаго буфета, сквозь стеклянныя и недотворенныя двери, виднѣе и слышнѣе мнѣ было, нежели изъ-за кулисъ, и абіе очи мои узрѣша и уши услышаша сицевая:

Архіерей, ходя по гостиной горницѣ, то съ важностію, то съ скоростію, говорилъ нѣсколько тихо; потомъ, остановившись вдругъ, крикнулъ:

---

*) Онъ тогда былъ іеромонахомъ и учителемъ въ новгородской семинаріи синтаксическаго класса. Г. Д.

«Я принцъ-архіерей, я не такой лапотникъ, какъ другіе русскіе архіереи. Я былъ на театрѣ свѣта, меня учить никто не въ состояніи! Пріидите—истяжемся, сице глаголетъ сѣвскій архіерей.» Много еще было подобнаго въ сей рѣчи, въ которую вмѣшивалъ его свѣтлость и священные тексты. Потомъ, слышны были имена звѣрей, скотовъ, плавающихъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ, какъ-то: медвѣдей, лосей, слоновъ, лошадей, коровъ, лягушекъ, сверчковъ, мухъ.

Я очень былъ увѣренъ, что сей разговоръ не есть чтеніе Аристотеля, который, какъ я слыхалъ отъ ученыхъ, писалъ о естествѣ животныхъ. Наконецъ вотъ развязка: его княжеское преосвященство именами вышесказанныхъ тварей называлъ тѣхъ персонъ, которыхъ онъ, ходя и бѣгая по горницѣ, бранилъ, и изъ которыхъ мнѣ многія извѣстны были по именамъ, а особливо сѵнодальные члены и другіе архіереи.

Тутъ уже я увѣрился о сказанномъ мнѣ отъ Вышеславцева, отъ патера Стефана и о своемъ подозрѣніи, но купно и потерялъ съ симъ остатокъ надежды къ лучшей когда-либо жизни; ибо, что можетъ быть бѣдственнѣе въ жизни, какъ служить начальству и пастырю, который увѣренъ о себѣ, что онъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, и долженъ быть выше и блистательнѣе всѣхъ на свѣтѣ! Уже я пересталъ думать о достоинствѣ кабинетнаго секретаря и объ одной въ двухъ тѣлесахъ душѣ, какъ въ одну ночь преосвященный, проснувшись, кликнулъ меня, лежа въ постели. А когда я въ темнотѣ подошелъ для принятія приказа, то онъ спросилъ меня:

«Хочешь ли ты жениться?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

«Когда хочешь, то вотъ тебѣ невѣста, которая живетъ у сестры. Она мнѣ доводится своя. Ну, когда хочешь, такъ женись».

— Нѣтъ, не хочу, отвѣтствовалъ я.

«Да для чегожъ?»

— Мнѣ еще рано жениться.

«Ну поди», заключилъ архіерей темную нашу авдіенцію.

Я зналъ эту толстую дѣвку. Она иногда прихаживала ко мнѣ въ постные дни за рыбою для архіерейской матери и сестры. Она еще не имѣла 26-ти лѣтъ, и была одна изъ находившихся

при архіерейской сестрѣ бѣдныхъ ея сродницъ, отправлявшихъ у нея должность прачекъ и служительницъ.

Возлегши на мою постелю, далъ я свободу своему разсудку руководствовать мною, какъ онъ хочетъ. Съ помощію его, толконулся я ко внутреннимъ моимъ движеніямъ, и не нашелъ въ нихъ ни пылинки согласія съ архіерейскимъ предложеніемъ. Разсудокъ говорилъ мнѣ: «ты еще молодъ, ты долженъ о себѣ мыслить и промышлять, сколь можно лучше. Предложеніе тебѣ архіерейское есть доказательствомъ, что онъ тобою не дорожитъ, а если онъ предлагаетъ тебѣ изъ доброхотства, то посуди, что должно думать о его смыслѣ?» — Словомъ: сей путеводитель, надѣлавши много вопросовъ, отвѣтовъ, задачъ, разрѣшеній, одобрилъ превосходно мое заключеніе, что я отказался отъ чести свойства съ принцемъ-архіереемъ и его новомѣсячіемъ.

Я, поблагодаря моего наставника, уснулъ и спалъ такъ, какъ всѣ спятъ молодые люди, съ тѣмъ только изъятіемъ, что мнѣ ложась послѣ архіерея, и вставая прежде его, не оставалось въ сутки болѣ 4½ часовъ на успокоеніе. Природа же съ настоящею моею участью столь не соглашалась, что я не возроптал бы на время, если бы оно мнѣ позволило выспать 10 часовъ съ ряду. А если владыко нашъ, въ теченіе дня найдетъ кого спящимъ, то тотчасъ поднимаетъ изо всей мочи крикъ и бросается искать палки, если ее на ту пору въ рукахъ не случится. Пробужденный симъ обрядомъ, спрашивай сколько хочешь: что прикажете? что надобно? ничего не услышишь, кромѣ брани, крика, ругательства; и тѣмъ кончится вся церемонія, хотя-бъ это было и не въ новомѣсячіе.

Въ наступившее утро никакихъ изъ нашей ночной матеріи не видно было слѣдовъ; но за обѣдомъ преосвященный далъ знать, что онъ предлагалъ мнѣ о женитьбѣ не спросонья, ибо когда поставили на столъ плоды, то онъ, схвативши яблоко, бросилъ его въ меня изо всей силы такъ, что креслы его на аршинъ откатились съ нимъ назадъ, напоминая вмѣстѣ съ замахомъ ночныя мои слова: «тебѣ еще рано жениться», и когда бы я не уклонился въ сторону, то лобъ мой не остался бы безъ контузіи. А у его преосвященства такой обычай, что когда разъ не попадалъ, то въ другой разъ тогда же не повторялъ, до-

вольствуясь первымъ импетомъ *), каковъ бы онаго успѣхъ ни былъ, а сія благотворительная въ мудреной природѣ черта показывала, какъ будто онъ опомнивался, что сдѣлалъ ужъ слишкомъ много.

Всѣмъ, сидящимъ за столомъ **), непонятна была наша роль, однакожъ никто не смѣлъ вопросити объ открытіи таинства, въ ней заключающагося.

Но какъ я послѣ стола и по отшествіи архіерея открылъ ея родникъ всѣмъ желавшимъ нетерпѣливо его знать, то всѣ меня поздравили непрерывнымъ на мой счетъ смѣхомъ. Мнѣ однакожъ было не до смѣха. Примѣчанія достойно, что самый робкій человѣкъ дѣлается отважнымъ, когда доводятъ его до крайности. Я смекнулъ дѣломъ, и пошолъ тотчасъ къ архіерею.

Онъ, сѣдя въ спальнѣ на постелѣ, стригъ маленькую собачку, приговаривая къ ней по-французски, и взглянувъ на меня сказалъ: «это значитъ: бархатныя лапы», а я отвѣтствовалъ: «нижайше прошу ваше преосвященство уволить меня отъ теперешней должности къ прежней». Онъ бросилъ ножницы на одѣяло, вздернулъ носомъ къ верху, покраснѣлъ, собачка соскочила, все это сдѣлалось въ одинъ моментъ.

Вопросъ: Что тебя къ этому побудило?

Отвѣтъ: Тѣ же самыя причины, которыя я, и при принятіи меня, представлялъ вашему преосвященству. Я не сроденъ къ такой должности, какую теперь имѣю...

«То-есть, ты не хочешь», сказалъ архіерей, и не давши мнѣ на то отвѣчать, примолвилъ священный текстъ: «маловѣре! почто усумнился еси?» Потомъ, помолчавши нѣсколько секундъ, скочилъ, какъ уколотый булавкой, вбѣжалъ въ кладовую, которая граничила со спальнею, — и началъ оттуда чрезъ порогъ бросать на помостъ цѣлыя выдѣланныя лисицы ***).

---

*) Латинское слово impetus — нападеніе, ударъ. Г. Д.

**) Съ нимъ тогда обѣдали братъ его, кіевской академіи студентъ, и инспекторъ брата Трипольскій, партикулярный еще учитель семинаріи, Сидорскій и членъ консисторіи Рудаковскій. Г. Д.

***) Лисица живая или мертвая, есть та, которая съ мясомъ, и еще не ободрана. Мѣхомъ лисьимъ называется много подобранныхъ и сшитыхъ лисицъ въ одно мѣсто. А какъ назвать должно однимъ словомъ содраную съ лисицы кожу съ волосомъ, и выработанную для раздѣленія ее на лисьи мѣхи, того я въ россійскомъ академическомъ словарѣ не нашелъ. Можетъ быть, не въ томъ мѣстѣ искалъ, гдѣ надобно искать. Г. Д.

Набросавши дюжины съ полторы: «вотъ возьми»—сказалъ, «сдѣлай себѣ шубу, а чего не достанетъ, тогда скажи. Сукна на покрышку можешь самъ купить». Я желалъ разумѣть, что онъ мнѣ ввѣряетъ только выборъ сукна, но то разумѣлось, противъ моего желанія, чтобы я и деньги свои употребилъ, ибо онъ примолвилъ: «Деньги имѣешь». Итакъ, двое мы съ преосвященнымъ соорудили одну шубу, которая явилась въ міръ въ достоинствѣ миріаго нашего трактата, и которую получилъ я вмѣсто отпуска, благодаря сватовства и новомѣсячія.

Въ сіе время—въ сентябрѣ—проѣзжалъ изъ Петербурга на митрополію кіевскую, митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, бывшій с.-петербургскій архіепископъ. Онъ угощаемъ былъ у нашего преосвященнаго, и у сѣвскаго воеводы Пустошкина. Погостивши на семъ перепутьи дни съ три, выѣхалъ изъ Сѣвска въ Гамалевскій, епархіи своей, монастырь, созданный въ лѣсу гетманомъ Скоропадскимъ, гдѣ и прожилъ болѣе года, по причинѣ свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ заразы, увѣренъ будучи, что для него нужнѣе всего отъ чумы предосторожность, а для кіевскихъ жителей молитвы его могутъ и издали дойти.

По первому зимнему пути запросилъ преосвященнаго въ гости дѣйствительный камеръ-геръ Михайло Ивановичъ Сафоновъ, въ домъ его, состоящій Путивльскаго уѣзда въ слободѣ Тернахъ, которая пожалована ему отъ императрицы Елисаветы Петровны при крещеніи ею сына его, и которая разстояніемъ отъ Сѣвска верстъ на полтораста.

§ XVIII.

Гостепріимство.

Камеръ-геръ встрѣтилъ преосвященнаго на крыльцѣ. Тогда сдѣлалась мокрая съ холодомъ непогодь; вслѣдствіе чего преосвященный и возгласилъ камеръ-геру при первой встрѣчѣ, что хотя время и не хорошо, однакожъ въ эту пору года и въ лучшихъ климатахъ бываетъ худо.

По входѣ въ залъ, хозяинъ сдѣлалъ гостю наиучтивѣйшее привѣтствіе, ловкія и ласковыя его слова давали въ немъ знать человѣка придворнаго *); тогда было три часа пополудни, и ку-

*) Онъ былъ женатъ на придворной же, рожденной графинѣ Гендриковой и былъ вдовъ, имѣлъ пьянаго сына и двухъ дочерей прекрасныхъ. Г. Д.

шанье было уже на столѣ; не тратя времени, хозяинъ сказалъ: «пора кушать, ваше преосвященство».

Съ началомъ стола, загремѣла вокальная и инструментальная музыка. Музыканты одѣты были чисто, пѣвцы въ бѣломъ одѣяніи, и большею частію похожи были то на мопсовъ, то на борзыхъ; брюнетки были какъ мухи въ сметанѣ, а блондинки, какъ сыръ въ молокѣ,—иной бы подумалъ, что это сдѣлано въ угодность ревнивой женѣ, если-бы камеръ-геръ не былъ вдовъ. Они начали концертомъ, кладки г-на Рачинскаго*) «Радуйтеся Богу помощнику нашему», играли и пѣли прекрасно. Я слушалъ и зѣвалъ съ восхищеніемъ, потому что зрѣлище сіе было для меня еще новое въ такомъ совершенствѣ. Слуги услуживали проворно, а господа за кушаньемъ не уступали имъ въ проворствѣ. Хозяинъ былъ веселъ и привѣтливъ. Все шло своимъ чередомъ, и всѣ, казалось, готовы были продолжать веселости, какъ владыка нашъ, повернувшись къ своему дежурному малому пѣвчему, стоявшему за нимъ съ тарелкою, крикнулъ-гаркнулъ, громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ:

«— Посмотри, скотъ! какой малой»—указывая на одного изъ музыкантовъ—«да какъ хорошо на скрыпкѣ играетъ, а ты съ вора выросъ и ничего не умѣешь! Становись на колѣни!»

Малой грянулъ на колѣни. Я съ горестію потерялъ желаніе видѣть его преосвященство порядочнымъ въ такомъ домѣ, гдѣ каждому пріятно было веселиться. Я сердился на новомѣсячіе. Всѣ на это странное явленіе обратили глаза. Архимандритъ Карпинскій покраснѣлъ. Хозяинъ отворотился къ оркестру, видя, что гость имѣлъ дерзновеніе домъ его сдѣлать публичнымъ мѣстомъ наказанія, во время обѣденнаго стола. Каждый почувствовалъ непріятное въ себѣ движеніе. Одинъ только преосвященный продолжалъ спокойно обѣдъ, и всталъ изъ-за стола въ одну пору съ осужденнымъ.

Въ послѣдующіе два дни видѣли мы домовую церковь, довольно хорошо украшенную, хотя деревянную, конюшню, манежъ; были зрителями одного театральнаго представленія и натуральнаго въ горѣ погреба, гдѣ ставилось и хранилось вино собствен-

*) Славный капельмейстеръ, при музыкѣ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Мнѣ случилось послѣ видѣть его въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Мужъ, на лицѣ котораго ознаменовано наичувствительнѣйшее сердце. Г. Д.

наго винограда. Я видѣлъ въ залѣ картину дома, въ которомъ родился великій Петръ. Наружныхъ лѣстницъ много; окны квадратныя, во вкусѣ русской простоты; подъ рисункомъ написаны стихи Александра Сумарокова:

Въ россійской области въ семъ домѣ рокъ былъ щедръ.
Дохнулъ отъ небеси небесный россамъ вѣтръ.
Природа извела сокровище изъ нѣдръ:
Въ семъ домѣ родился, великій россіянъ Петръ!

Преосвященный во всю нашу бытность, препровождаемую кушаньемъ, дессертомъ, закусками, музыкою и ласковымъ хозяйскимъ пріемомъ, былъ очень недоволенъ, что такое гостепріимство связано съ порядкомъ, связывающимъ у него руки, ноги и языкъ.

На четвертый день, позавтракавши, отъѣхалъ домой. По пути заѣхали въ путивльскій Молчанскій монастырь, гдѣ приняты были игуменомъ Мануиломъ Левицкимъ и угощены. Подъ образомъ и подъ именемъ «благочинія» забавлялись осмотромъ церкви и церковныхъ утварей. Въ одной,—помнится,—воскресенской церкви, показали преосвященному большой молитвенникъ въ листъ, въ переплетѣ подъ бѣлымъ пергаментомъ, въ позолоченномъ обрѣзѣ. Очень новъ и чистъ. Повидимому, его хранили, какъ рѣдкость. При началѣ книги, на первомъ бѣломъ листѣ, написанъ рукою вкладчика стихъ стариннымъ малороссійскимъ, смѣшаннымъ съ польскимъ, языкомъ:

«Гды будешь по сей кнызѣ благаго благоты тако:
Не рачь, молю, и мене въ увъ часъ забываты».

Писано твердымъ, и по тогдашнему времени не худымъ малороссійскимъ почеркомъ и подписано: «Иванъ Мазепа полковой асаулъ».

Преосвященный взялъ его въ свою библіотеку, которая потомъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ и съ молитвенникомъ умерла. А если-бы любостяжательность іерарха не тронула сей вещи съ своего мѣста, она бы и теперь и на будущія времена служила для церкви памятникомъ тѣхъ извѣстныхъ по исторіи временъ, въ которыя жилъ вкладчикъ, бывшій потомъ гетманъ Мазепа, и кончившій жизнь свою вмѣстѣ съ измѣною Петру Великому, во время войны противъ Карла XII, короля шведскаго.

Многіе путивльскіе купцы, которые были побогаче другихъ,

удостоены архипастырскаго ~~благословенія и~~ посѣщенія, гдѣ обыкновенно, при воплѣ вокальной архіерейской музыки, пили и ѣли чрезъ цѣлый день, а въ монастырь къ игумену возвращалися спать. Хозяинъ нашъ былъ человѣкъ бывалой, вѣдомой и добрый. Въ младолѣтствѣ своемъ находился онъ при кіевскомъ митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ дворецкимъ, и въ управленіи деревень, слѣдственно старинный архіерейскій солдатъ и знатокъ всѣхъ по части духовной обрядовъ и подробностей. Онъ находилъ удовольствіе заслуживать любовь и доброе о себѣ мнѣніе у знатныхъ духовныхъ лицъ и имѣлъ непорочное любочестіе, кому можно тѣмъ хвалиться. Чему всегдашнимъ у него доказательствомъ была книга въ переплетѣ съ подлинными къ нему письмами отъ преосвященнаго митрополита московскаго Тимоѳея Щербацкаго, Тихона епископа воронежскаго, бывшаго сѣвскаго и другихъ духовныхъ властей.

Сіи письма, хотя не заключали важной въ себѣ матеріи, но поелику писаны особами, посвятившими себя словесности и регулярной жизни, то и не была въ нихъ потеряна граматическая правильность, риторическая пріятность, и иногда дружескія, благопристойныя и остроумныя шутки. Все сіе было для меня полезнымъ навыкомъ, а паче въ такія времена, когда рѣдко гдѣ умѣли правильно мыслить и говорить, кромѣ академиковъ, которые питаются очень жирно и не приносятъ государству пользы ни на булавочную головку, кромѣ задачъ праздностію порожденныхъ.

По выѣздѣ изъ Путивля заѣхали по пути въ селѣ Есманѣ къ священнику отцу Ивану Лѣвицкому, кіевской епархіи. На ту же самую пору случилось туда же заѣхать одному изъ малороссіянъ, котораго попъ-хозяинъ поименовалъ полковникомъ Гриневымъ.

Лишь только сей Гриневъ сошелся съ нашимъ архіереемъ, то вдругъ невѣдомо изъ чего начались у нихъ диспуты философическіе, теологическіе, физическіе, математическіе, астрономическіе, астрологическіе, метафизическіе, филантропическіе и проч. Они бросалися изъ матеріи въ матерію, другъ противъ друга кричали, утверждали, опровергали, важничали, смѣялись, сердились, хохотали, садились, вставали, ходили, бѣгали, — крику полны горницы, а дѣла ничего. Двадцать часовъ съ лишнимъ у меня невы-

ходилъ подносъ изъ рукъ — съ рюмками, стаканами, чашками безъ кушанья, въ спорахъ при попойкѣ, а конца ничему не было видно. Уже я лишался силъ, хотя подвигъ сей былъ уже для меня и не новой, какъ къ счастію моему и ихъ, они поссорились.

Гриневъ бросился въ свой покой, архіерей, возсѣвъ на лавку, не могъ уже встать, завалился за столъ и заснулъ. Проснувшись, незаботились другъ съ другомъ видѣться и спросить о здоровьѣ. Они разъѣхались по домамъ, оставя споръ свой рѣшить академикамъ, которымъ нѣтъ лучшаго дѣла.

Вышеупомянутый игуменъ Мануилъ вскорѣ послѣ сего, будучи въ Сѣвскѣ череднымъ консисторскимъ членомъ, сообщилъ мнѣ, что отъ камеръ-гера Сафонова приготовлены были для архіерея, въ бытность его въ Тернахъ, многіе подарки, состоящіе въ лошадяхъ, коврахъ, коляскѣ, салфеточныхъ и скатертныхъ полотнахъ и прочихъ своего завода и работы вещахъ, кои работаются у него съ отличнымъ искуствомъ. «Но все сіе, говорилъ игуменъ, оставлено, когда увидѣлъ Сафоновъ, что онъ у себя, вмѣсто архіерея и вояжира, угощаетъ бурлака, который тѣмъ опаснѣе, что знаетъ языки и во многомъ свѣдущъ».

Еслибы я исторію мою дополнилъ важнѣйшими или достойнѣйшими любопытства описаніями, то не имѣла бы она исторической истины. Природа не сотворила меня лгать и любить ложь, почему миѳологію, метафизику, кабалистику и романсы безъ нравственности почитаю и для себя мертвыми, и себя для нихъ мертвымъ. Я люблю говорить то, что понятно, и люблю слушать то, что ясно и полезно. Для меня понятно, наприм., возстановить и утвердить порядокъ правленія, но не на мой вкусъ: «поставить зданіе на незыблемыхъ столбахъ политическихъ». Я могу написать: изнеможеніе или остатокъ законной силы и власти, но никогда не напишу: «единая тѣнь колоссальнаго могущества». Я могу написать: паденіе государства и его законовъ, но не напишу: «потеря тяжести, равновѣсія политическихъ постановленій». Кто такъ пишетъ, тотъ моей своеобычливости кажется такимъ аптекаремъ, который въ одной ступѣ толчетъ исторію съ механикой.

Я могу говорить: французы уклонились отъ порядка, истины, должности, но не скажу: «французы уклонились отъ знаменъ философіи». Я могу говорить, что духовенство могло бы произ-

вости споры за вѣру, проклятія и козни, но не скажу: «что духовенство зажгло бы религіозную войну». Я разумѣю значеніе: отвратительнаго самолюбія, но гнушаюсь «гнуснымъ эгоизмомъ». Мнѣ понятно: изступленіе народа во время всеобщаго мятежа, но отвратителенъ «энтузіазмъ народа въ сію эпоху революціонной бури». Мнѣ понятно: французы зараженные изступленіемъ своихъ соотечественниковъ, но смѣшно: «наэлектризованные сообщительнымъ энтузіазмомъ французскихъ патріотовъ». Я разумѣю: ужасное смятеніе народа въ такой уже было степени, что всякая преграда благоразумія—безсильна была отвратить его, но стыжусь разумѣть: «рѣка революціонная, которой берега низко опущены, разливалась съ такою быстротою, что уносила съ собою всѣ оплоты, которыми хотѣли поздно удержать ее». Нѣтъ никакого таинства, что кровожаждущему Робеспьеру отрублена голова на эшафотѣ, 9-го термидора, при радостномъ рукоплесканіи всего народа. Но не кстати загадка: «Глухой ревъ, который бываетъ предтечею бури, возвѣстилъ ея приближеніе, 8-го термидора громъ загремѣлъ, а 9-го термидора ударъ совершился». Стрѣльцы, физики и канонеры говорятъ, что прежде совершается ударъ, а послѣ ударяетъ громъ; у нашихъ ораторовъ напротивъ. Пусть такъ пишетъ современникъ мой Сегюръ: онъ человѣкъ государственный. Пусть такъ переводитъ соотечественникъ мой Измайловъ: онъ умѣетъ говорить по-французски и я люблю читать его Евгенія Лукича, представляющаго не картину, но истинную исторію: Я люблю собственный тонъ моихъ родовитыхъ предковъ, кои переводили, напримѣръ, троянскую исторію, писали царственную книгу царя Ивана Васильевича, не исключая и чудесъ, безъ которыхъ въ тѣ времена нельзя было обойтись. Люблю «Древнюю Россійскую Вивліоѳику» и еще, если угодно, люблю «Жизнь Никона патріарха», который не былъ умнѣе моего архіерея. А келейникъ его Шушеринъ, который писалъ его жизнь, былъ тоже что и я, съ тою только разницею, что онъ писалъ жизнь своего патріарха съ примѣсомъ къ ней чудесъ, а я пишу дѣянія моего принца-архіерея безъ прибавки къ нимъ постороннихъ чудесъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАТСЪ-ДАМЫ РУССКАГО ДВОРА

ВЪ XVIII и XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

біографическіе списки П. Ѳ. Карабанова *).

---

64) Графиня Іуліана Ивановна фонъ-деръ-Паленъ, единственная дочь барона Іоганна Эрнеста фонъ-Шеппинга (приверженца принца Карла Саксонскаго, соперника Бирона), супруга графа Петра Алексѣевича, генерала отъ кавалеріи (род. 17 іюня 1745, ум. въ Митавѣ 15 февраля 1826). Родилась 1753 г. Орденъ св. Екатерины 2-го кл. получила 7 ноября 1798. Въ статсъ-дамы пожалована 17 апрѣля 1799. Сопровождала въ Вѣну великую княгиню Александру Павловну, послѣ брака ея съ эрцгерцогомъ, и въ память этого получила два браслета съ портретами, окруженными жемчугомъ, хранящіеся въ семействѣ Паленъ. Скончалась въ Митавѣ 1 марта 1814, на 61 году („Сѣверная Почта" 1814, № 23).

65) Княгиня Анна Петровна Гагарина, супруга генералъ-маіора, генералъ-адъютанта и державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго командора, князя Павла Гавриловича, дочь дѣйств. тайн. сов. 1-го кл., свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина и первой супруги его, Прасковіи Ивановны рожденной Левшиной,—род. 8 ноября 1777. Въ 1798 г. отецъ ея сперва переведенъ былъ изъ Московскаго сената въ Петербургскій, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ генералъ-прокуроромъ. По прибытіи въ С.-Петербургъ, она пожалована 6-го сентября 1798 въ камеръ-фрейлины. 22 февраля 1799, въ званіи камеръ-фрейлины получила орденъ св. Екатерины 1-й степени. Расположеніе Павла къ Аннѣ Петровнѣ сохранилось въ немъ по самую его кончину. 14 дек. 1798 г. она пожалована кавалерственною дамою большого креста державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, великаго пріорства греко-

---

*) См. „Русскую Старину" 1870 г. т. II, стр. 468–498; 1871 г. т. III стр. 38—48.

россійскаго. Между тѣмъ князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ и Анна Петровна съ молодыхъ лѣтъ знали другъ друга и взаимно нравились. Это было извѣстно императору. Рѣшившись ихъ обвѣнчать, онъ далъ повелѣніе, при первомъ благопріятномъ случаѣ прислать кн. Гагарина съ донесеніемъ изъ арміи Суворова въ Петербургъ. По прибытіи его, возложилъ на него командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго и ввелъ его къ Аннѣ Петровнѣ. 11 января 1800 г. она благодарила императрицу за дозволеніе вступить въ замужество; самое бракосочетаніе совершилось при дворѣ 8 февраля 1800 г.

Скончалась 25 апрѣля 1805, и погребена въ церкви св. Лазаря въ Невскомъ монастырѣ.

66) Княгиня Варвара Ивановна Италійская, графиня Суворова-Рымникская, вдова генералиссимуса князя Александра Васильевича (род. 13 ноября 1727, сконч. 6 мая 1806), дочь генералъ-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, — род. 1753, (по другимъ извѣстіямъ 28 августа 1750). Въ супружество вступила въ 1774. Въ статсъ-дамы пожалована въ коронацію императора Александра I, 15 сентября 1801, и того же числа возложенъ на нее орденъ св. Екатерины 1-го кл. Скончалась въ Москвѣ 8 мая (по друг. извѣст. въ іюнѣ) 1806, 52 лѣтъ, и погребена въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ.

67) Графиня Екатерина Александровна Головкина, супруга гофмаршала великаго князя Петра Ѳеодоровича, потомъ дѣйств. тайн. сов. графа Гаврилы Ивановича Головкина, дочь генералъ-фельдмаршала графа Александра Ивановича Шувалова и супруги его, графини Екатерины Ивановны, рожденной Костюриной, — род. 1733. Въ пребываніе двора въ Москвѣ, 1749 г. ноября 24, императрица Елисавета, при выходѣ на придворный балъ, сама размѣняла новобрачавшихся перстнями и со всѣмъ дворомъ пила за ихъ здоровье. („С.-Петербургскія Вѣдомости" 1749, № 97, стр. 773). 1750, октября 14, въ С.-Петербургѣ совершилось брачное сочетаніе въ придворной церкви, въ присутствіи ея величества и ихъ высочествъ. Новобрачная для свадебнаго торжества отвезена въ домъ князя Никиты Юрьевича Трубецкого, который былъ маршаломъ. Императрица со всѣмъ дворомъ прибыла въ 11-мъ часу, и присутствовала на балѣ и ужинѣ.

На другой день, т.-е. 15-го числа, было повтореніе торжества („С.-Петербургскія Вѣдомости" 1750 г. № 84, стр. 670. Нащокинъ—102). Въ коронованіе императора Александра, 15 сентября 1801 г. пожалована статсъ-дамскимъ достоинствомъ и орденомъ св. Екатерины меньшаго креста. Съ 1802 по 1816 г. имѣла постоянное пребываніе въ Женевѣ, а потомъ въ Парижѣ, гдѣ и скончалась 1821 г., 88 лѣтъ. Ея

мужъ, графъ Гаврила Ивановичъ былъ внукомъ канцлера, Гаврилы Ивановича, перваго графа Головкина, роднымъ племянникомъ умершаго въ Сибири графа Михаила Гавриловича, и двоюроднымъ дядею послѣдняго графа Головкина, Юрія Александровича. Ихъ дѣти: графъ Алексѣй Гавриловичъ, камергеръ, скончался бездѣтнымъ въ 1823 г., и графиня Елисавета Гавриловна, по прозванію Мигуша, скончалась незамужнею въ 1818 г. на дорогѣ въ Кёнигсбергъ.

Еще при жизни своей, графиня Головкина утвердила огромное наслѣдственное имѣніе въ родѣ графовъ Шуваловыхъ.

68) Княгиня Анна Михайловна Прозоровская, супруга генералъ-фельдмаршала князя Александра Алекс. Прозоровскаго, дочь генералъ-аншефа, князя Михаила Ник. Волконскаго и супруги его, княгини Елисаветы Алексѣевны, рожд. Макаровой, род. 28 іюня 1747 г. (въ надгробномъ памятникѣ годъ невѣренъ). Была сговорена за князя Петра Михаиловича Голицына, генералъ-поручика, который, по проискамъ князя Потемкина, убитъ на дуели 17 ноября 1775 г. Въ статсъ-дамы пожалована въ коронацію императора Александра, 15 сентября 1801; того же числа получила бантъ ордена св. Екатерины, а дочь ея пожалована въ фрейлины; 1809 апрѣля 18 получила орденъ св. Екатерины 1-го кл. Путешествовала съ императрицею Елисаветою Алексѣевною въ чужіе края, и, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, получила въ знакъ признательности небольшой ея портретъ въ медальонѣ, украшенномъ брилліантами, который всегда носила на цѣпи. Скончалась 29 сентября 1824 г., 77 лѣтъ.

69) Графиня Анна Васильевна Остерманъ, супруга дѣйств. тайн. сов., графа Ѳедора Андреевича Остермана, дочь статс. сов. Василія Борисовича Толстого и супруги его Даріи Никитичны, рожденной Змѣевой, род. 15 февраля 1732 г. Орденомъ св. Екатерины меньшаго креста пожалована 5 апрѣля 1797 г. въ коронацію Павла. Въ статсъ-дамы пожалована 12 декабря 1801. Скончалась 23 мая 1809 г., 77 лѣтъ, бездѣтною, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

Графъ Ѳедоръ Андреевичъ родился въ С.-Петербургѣ 21 марта 1723 г., принятъ отъ купели цесаревною Анною Петровною 1-го апрѣля. Умеръ въ Москвѣ бездѣтнымъ 10 ноября 1804 г.

70) Авдотья Ильинична Голенищева-Кутузова, вдова адмирала 1-го класса (на фельдмаршальскихъ правахъ) Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, дочь инженеръ-генералъ-поручика Ильи Александровича Бибикова и 2-й его супруги Варвары Никитичны, рожденной Шишковой, — сестра знаменитаго Александра Ильича Бибикова, родилась 11 апрѣля 1743 г. Въ кавалерственныя дамы ор-

дена св. Екатерины пожалована 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла. Въ статсъ-дамы пожалована 18 ноября 1806 г. Скончалась 9 марта 1807 и погребена въ Александро-невскомъ монастырѣ, въ палатѣ между церквами Благовѣщенія и Сошествія св. Духа.

Иванъ Логиновичъ родился 1 сентября 1729 г. Служилъ 60 лѣтъ и изъ рядовыхъ кадетъ дослужился до первѣйшаго чина. Скончался 12 апрѣля 1802 г., и погребенъ вмѣстѣ съ супругою.

17) Графиня Прасковія Кирилловна Гудовичъ, супруга генералъ-фельдмаршала, графа Ивана Васильевича, четвертая дочь генералъ-фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго и супруги его графини Екатерины Ивановны, рожденной Нарышкиной (см. № 24). Не была фрейлиною. Въ кавалерственныя дамы пожалована 15 сентября 1801 г., въ коронацію Александра. Въ статсъ-дамы пожалована 18 ноября 1806 г. Скончалась 2 октября 1808 и погребена въ Невской лаврѣ.

72) Княгиня Наталія Петровна Голицына (la princesse Moustache), супруга бригадира князя Владиміра Борисовича, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, посланника при разныхъ дворахъ, графа Петра Григорьевича Чернышева и супруги его, двора императрицы Анны фрейлины, графини Екатерины Андреевны, рожденной графини Ушаковой, (см. № 47). Родилась 17 января 1741 г. Въ 1766 г. (11 іюня) въ карусели, совершившейся въ С.-Петербургѣ по соизволенію Екатерины II *), сія дѣвица графиня Чернышева, съ дѣвицею графинею Екатериною Александровною Бутурлиною (впослѣдствіи княгиня Долгорукая и статсъ-дама, см. № 59) и фрейлиною, бывшею уже въ замужествѣ, Анною Васильевною Лопухиною, по отцѣ Панинoю, отъ прочихъ отличилася и выиграли призы: графиня Чернышева получила 1-й призъ **), Бутурлина—2-й призъ, а Лопухина—3-й призъ. Въ семъ же 1766 г., послѣ карусели, вступила въ супружество. Меньшой крестъ ордена св. Екатерины получила 15 сентября 1801 г. въ коронацію Александра I. Въ статсъ-дамы пожалована 18 ноября 1806 г.; сперва портретъ препровожденъ былъ къ ея дочери, графинѣ Софіи Владиміровны Строгоновой, которая оный возвратила государю съ просьбою пожаловать имъ, вмѣсто нея самой, ея мать. Скончалась въ С.-Петербургѣ 20 декабря 1837 г., 97-ми лѣтъ;

*) На сей случай выбита медаль, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Екатерины, а на другой карусельнаго зданія; кругомъ надпись: «Съ Алфеевыхъ на невскіе брега. Іюля 11 дня, 1766 г.» (Reichel. Russland. № 2324).

**) Розу изъ бриліантовъ, которая до сихъ поръ хранится у ея внука, свѣтлѣйшаго князя Владиміра Дмитріевича Голицына.

тѣло ея перевезено въ Москву и 2 января 1838 г. опущено близъ супруга въ больничной церкви Евѳимія Великаго.

73) Княгиня Александра Николаевна Волконская, супруга генерала отъ кавалеріи, члена государственнаго совѣта, Оренбурскаго военнаго генералъ-губернатора, ордена св. Андрея, св. Георгія 2-го класса кавалера, князя Григорія Семеновича Волконскаго (р. 30 января 1742 г., † 17 іюля 1824), старшая дочь генералъ-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина и супруги его княгини Наталіи Александровны, рожденной княгини Куракиной (т. III, стр. 43, № 49). Родилась 1757 г. Меньшой крестъ св. Екатерины получила 20 іюля 1797 г. Въ статсъ-дамы пожалована 1 января 1808 г. Имѣла орденъ св. Екатерины 1-го класса съ алмазами и исправляла должность оберъ-гофмейстерины. Умерла въ С.-Петербургѣ 23 декабря 1834 г., 78 лѣтъ, и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

74) Марія Алексѣевна Нарышкина, супруга оберъ-камергера, Александра Львовича Нарышкина (р. 14 апрѣля 1760 г., † 21 января 1826 г.), дочь адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина, родилась 9 марта 1762 г.; 1767 іюля 3 принята для воспитанія въ общество благородныхъ дѣвицъ, учрежденное Екатериною въ 1764 г. Этотъ пріемъ былъ второй („С.-Петербургскія Вѣдомости" 1767 г., прибавленіе къ № 55). 19 сентября 1775 г. получила въ награжденіе императрицынъ вензель на сѣрой лентѣ съ одною серебряною полоскою. Въ 1779 г., послѣ обыкновеннаго 12-лѣтняго срока, выпущена изъ общества благородныхъ дѣвицъ. Въ фрейлины пожалована 11 декабря 1781; 1799 г., мая 29 получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста. 1808 г. января 1 пожалована въ статсъ-дамы. Скончалась 30 декабря 1822 г., 60 лѣтъ.

75) Графиня Гедвига Понтусовна Армфельдъ, супруга шведскаго, впослѣдствіи русскаго генерала-отъ-инфантеріи, графа Густава Максимовича Армфельда, рожденная графиня де-ла Гарди. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1811 г. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 30 августа 1814 г. Умерла въ Стокгольмѣ 21 января 1832 г.

76) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова-Смоленская, супруга генералъ-фельдмаршала князя Михаила Илларіоновича, дочь инженеръ-генералъ-поручика, Ильи Андреевича Бибикова и 2-й супруги его Варвары Никитичны Шишковой, сестра Авдотьи Ивановны Кутузовой (см. № 70). Родилась 5 ноября 1754 г. Въ супружество вступила 27 апрѣля 1778 г. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла; въ статсъ-дамы 30 августа 1812 г., въ награду

за труды ея супруга, по случаю Бородинской битвы (26 августа 1812). По смерти ея мужа (16 апрѣля 1813) рескриптомъ изъ Дрездена отъ 25 апрѣля 1813 г., на ея имя, опредѣлено ей все содержаніе, которое получалъ ея мужъ; рескриптомъ же отъ 4 декабря 1813 г. на имя министра финансовъ Гурьева пожаловано ей въ пенсіонъ по смерть полное заграничное содержаніе ея супруга, изъ 86,000 р. асс. состоявшее. Скончалась 23 іюля 1824 г. и погребена въ церкви сошествія св. Духа въ Невскомъ монастырѣ.

77) Свѣтлѣйшая княгиня Елена Ивановна Барклай-де-Толли, супруга генералъ-фельдмаршала князя Михаила Богдановича Барклай-де-Толли, дочь эстляндскаго дворянина Смиттенъ (изъ дома Бенгофъ). Въ супружество вступила въ 1793 г. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины меньшаго креста пожалована 26 марта 1809 г. Въ статсъ-дамы 30 августа 1814 г. Скончалась въ 1828 г.

78) Княгиня Антонина Станиславовна Витгенштейнъ, супруга фельдмаршала князя Петра Христіановича, рожденная Снарская, дочь польскаго дворянина. Родилась 11 (22) марта 1779. Въ супружество вступила въ 1798 г., графъ выбралъ ее по сердцу, потому что она была не знатна и не богата. Получила орденъ св. Екатерины 2-го класса 25 іюля 1812 г. за разбитіе Удинò подъ Клястицемъ (18 іюля); сверхъ того назначенъ ей по смерть пенсіонъ въ 12,000 руб. Пожалована въ статсъ-дамы 12 января 1820 г., при полученіи извѣстія о смерти 2-го ея сына. Умерла 15 іюля 1855 г.

Князь Витгенштейнъ родился 26 декабря 1768 г. въ Нѣжинѣ, умеръ въ Лембергѣ на пути къ водамъ, 30 мая 1843 г. 75 лѣтъ.

78) Юлія Өедоровна Адлербергъ, рожденная Багговутъ. Родилась въ Ревелѣ 15 октября 1760 г.; 1802 г., апрѣля 12, полковница Адлербергъ назначена въ начальницы общества благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ, съ присвоеніемъ ей, по сему званію, титула превосходительства и съ преимуществами ея предмѣстницы. Орденъ св. Екатерины 2-го класса получила 24 апрѣля 1824.— Въ дѣйствительныя статсъ-дамы пожалована 24 февраля 1824.— 1835 г., іюля 22, въ память императрицы Маріи Өеодоровны, учреждено ежегодное торжество при вновь освященномъ великолѣпномъ храмѣ Воскресенія Христова въ Смольномъ монастырѣ, который наименованъ соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній; начальница, за болѣзнію, не присутствовала, но императоръ и императрица, почтивъ ее двукратнымъ посѣщеніемъ, удостоили ее пожалованіемъ ордена св. Екатерины 1-го класса въ знакъ вниманія къ 33-хъ-лѣтнему ея попеченію о воспитаніи множества дочерей россійскаго дворянства. Умерла въ С.-Петербургѣ 20 сентября 1839 г., 79 лѣтъ.

79) Елисавета Петровна Глѣбова-Стрѣшнева, супруга генералъ-аншефа Өедора Ивановича Глѣбова (р. 31 декабря 1734 г., ум. 29 ноября 1799), дочь генералъ-аншефа, Петра Ивановича Стрѣшнева. Родилась 21 февраля 1751 г. Въ супружество вступила 1772 по смерти родителя (5 сентября 1771 г.), бывъ сговорена при жизни его. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г. въ коронацію Николая I. Скончалась 4 декабря 1837 г. и погребена обще съ супругомъ въ Донскомъ монастырѣ. Мать ея, Наталія Петровна была дочь любимца Петра I, носившаго его портретъ, генералъ-маіора Петра Петровича Яковлева.

80) Княгиня Наталія Ивановна Куракина, супруга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Алексѣя Борисовича Куракина, дочь коллежскаго совѣтника Ивана Сергѣевича Головина и супруги его Екатерины Алексѣевны, рожденной княжны Голицыной, родилась въ 1767 г. Бантъ ордена св. Екатерины получила 5 апрѣля 1797 г. въ коронацію Павла. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г. въ коронацію Николая I. Умерла въ С.-Петербургѣ отъ холеры, 2 іюля 1831 г.

81) Княгиня Екатерина Өедоровна Долгорукова, супруга дѣйствительнаго тайнаго сов. князя Василія Васильевича Долгорукова (род. 1752 г., ум. въ С.-Петербургѣ, въ мартѣ 1812 г.), дочь оберъ-гофмаршала князя Өеодора Сергѣевича Барятинскаго и супруги его княгини Маріи Васильевны, рожденной княжны Хованской, фрейлины Екатерины II. Родилась 29 октября 1769 г. Въ супружество вступила въ январѣ 1786 г. Пожалована въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 9 апрѣля 1816 г. Въ статсъ-дамы 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 15 апрѣля 1841, предъ бракосочетаніемъ Наслѣдника. Скончалась въ С.-Петербургѣ 30 октября 1849 г., 80 лѣтъ. Дѣти ея: князь Василій Васильевичъ, обершталмейстеръ; князь Николай Васильевичъ оберъ-шенкъ, дочь—статсъ-дама княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова (см. № 99).

82) Княгиня Марія Васильевна Кочубей, супруга государственнаго канцлера князя Виктора Павловича Кочубей, дочь дѣйствительнаго камергера, Василія Семеновича Васильчикова (родного брата Александра Семеновича Васильчикова) и супруги его Анны Кирилловны, рожденной графини Разумовской. (См. въ фрейлинахъ). Воспитывалась не у родителей, а у своей тетки Наталіи Кирилловны Загряжской, рожденной графини Разумовской. Вступила въ бракъ съ вице-канцлеромъ графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ въ 1799 г. Пожалована въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 22 іюля

1804 г. Въ статсъ-дамы 22 августа 1826 г. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 15 апрѣля 1841 г. предъ бракомъ Наслѣдника. Скончалась въ 1844 г.

83) Наталія Өедотовна Плещеева, супруга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сергѣя Ивановича Плещеева, дочь генералъ-маіора и военной коллегіи члена Өедота Михайловича Веригина. 1791 г. февраля 15, выпущена изъ С.-Петербургскаго общества благородныхъ дѣвицъ (шестого пріема). Фрейлина великой княгини Маріи Өеодоровны. Бантомъ св. Екатерины пожалована 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла. Была предметомъ кратковременнаго его благорасположенія, что́ возбудило крайнее неудовольствіе Е. П. Нелидовой, еще бывшей тогда въ силѣ. Въ статсъ-дамы—22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Орденъ св. Екатерины 1-го кл. получила 4-го февраля 1851 г., въ день бракосочетанія великой княгини Екатерины Михаиловны съ герцогомъ Мекленбургскимъ. Умерла въ февралѣ 1855 г.

84) Графиня Прасковья Николаевна Гурьева, супруга министра финансовъ, графа Дмитрія Александровича Гурьева, дочь лейбъ-гвардіи поручика графа Николая Владиміровича Салтыкова и супруги его графини Анны Сергѣевны, рожденной княжны Гагариной. Орденъ св. Екатерины 2 кл. получила 18 ноября 1806 г. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Умерла въ 1830 г.

85) Княгиня Татьяна Васильевна Голицына, супруга генерала отъ кавалеріи, московскаго генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, дочь бригадира Василія Алексѣевича Васильчикова и супруги его княгини Екатерины Иларіоновны, рожденной Овцыной (дочери Иларіона Яковлевича Овцына, зажиточнаго псковскаго и новгородскаго помѣщика) *). Родилась въ 1781 г., двойничная съ братомъ .... Васильевичемъ Васильчиковымъ. Въ фрейлины пожалована 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла. Въ супружество вступила 6 февраля 1800; бракъ ихъ совершенъ при дворѣ. Меньшой крестъ св. Екатерины получила 30 августа 1814 г. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Скончалась 28 января 1841 г., 59 лѣтъ, и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

86) Графиня Марія Алексѣевна Толстая, супруга генерала отъ инфантеріи графа Петра Александровича (род. 12 марта 1770 г., ум. 28 сентября 1844 г.), дочь генералъ-маіора князя Алексѣя Борисовича Голицына и супруги его княгини Анны Георгіевны (до-

*) Иларіонъ Яковлевичъ былъ генералъ-поручикомъ и св. Александра Невскаго кавалеръ, умеръ 1775 г.

чери генералъ-аншефа, грузинскаго царевича Георгія Вахтангѣевича). Родилась 13 августа 1772 г. Принята фрейлиною ко двору, вмѣстѣ съ двумя сестрами, въ 1793, предъ бракосочетаніемъ великаго князя Александра Павловича. Вышла за генерала отъ инфантеріи графа Петра Александровича Толстого. Въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины пожалована 30 августа 1805 г. Въ дѣйствительныя статсъ-дамы 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I, и въ томъ же году, 25 декабря умерла отъ горячки; погребена въ Донскомъ монастырѣ. Она имѣла умъ оригинальный, съ необыкновенными странностями. Мужъ ея, бывши ближайшимъ родственникомъ и воспитанникомъ князя Николая Ивановича Салтыкова, всегда имъ былъ покровительствованъ, и чрезъ него дослужился до чиновъ. Они были двоюродные братья, по матери князя Салтыкова, Анастасіи Петровны, рожденной графины Толстой. (Сравни въ III т. „Р. С.“ стр. 42 №48).

87) Княгиня Александра Яковлевна Заіончекъ, рожденная Пернетъ (Pernet), вдова генерала отъ инфантеріи князя Іосифа Заіончека, намѣстника царства польскаго съ 1815 г. до кончины своей, послѣдовавшей въ 1826 г. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Умерла 1 февраля 1845 г., достигнувъ почти 100 лѣтъ.

Заіончекъ пожалованъ былъ княземъ польскимъ отъ Александра I, 17 апрѣля 1818. Не оставилъ мужского потомства.

88) Графиня Софія Адамовна Замойская, рожденная княгиня Чарторижская, супруга президента сената царства польскаго, графа Станислава Александровича Замойскаго (род. 1775, ум. въ мартѣ 1856). Родилась въ 1778 г. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Умерла въ 1837 году.

89) Екатерина Владиміровна Апраксина, супруга генерала отъ кавалеріи, бывшаго смоленскаго военнаго губернатора, Степана Степановича Апраксина (род. въ Ригѣ 13 іюля 1757 г., ум. въ Москвѣ 8 февраля 1827 г.), дочь бригадира князя Владиміра Борисовича Голицына и супруги его княгини Наталіи Петровны, рожденной графини Чернышевой (см. выше № 72). Родилась 30 мая 1770 г. Она была двоюродною племянницею Степану Степановичу. Общая ихъ бабка, Елена Леонтьевна Кокошкина, въ 1702 г. вышла за Ѳедора Карповича Апраксина, а по смерти его, за графа Андрея Ивановича Ушакова; отъ перваго брака рожденъ фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ, а отъ второго графиня Екатерина Андреевна, вышедшая въ замужество за графа Петра Григорьевича Чернышева; Степанъ Степановичъ былъ сынъ означеннаго фельдмаршала Степана Ѳедоровича, а у графини Екатерины Андреевны была дочь княгиня Ната-

лія Петровна Голицына, мать Екатерины Владиміровны. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 22 іюня 1804 г. Въ статсъдамы 20 апрѣля 1827 г. Орденъ св. Екатерины 1-й ст. получила 4 февраля 1851 г., въ день бракосочетанія великой княгини Екатерины Михаиловны съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ. Умерла 15 февраля 1854 г.

90) Княгиня Дарья Христофоровна Ливенъ, жена генерала отъ инфантеріи князя Христофора Андреевича, дочь генерала отъ инфантеріи Христофора Ивановича Бенкендорфа (род. 1749, ум. 10 іюня 1823 г.). Воспитывалась въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ, была девятаго выпуска, бывшаго въ февралѣ 1800. За годъ до онаго, въ 1799 г., пожалована въ фрейлины. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 12 января 1816 г., по случаю бракосочетанія великой княгини Екатерины Павловны съ королемъ Виртембергскимъ. Въ статсъ-дамы 29 февраля 1828 (см. „Р. С.“ т. III стр. 43, № 50). Умерла въ Парижѣ 15 января 1857 г.

91) Екатерина Александровна Пашкова, супруга оберъ-егермейстера Василія Александровича (род. 25 марта 1764, ум. 2 января 1834 г.), дочь графа Александра Петровича Толстого и супруги его Авдотьи Львовны, рожденной Измайловой. Родилась 24 января 1768 г. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 9 февраля 1816, въ бракосочетаніе великой княгини Анны Павловны. Въ статсъдамы 21 апрѣля 1828 г. Умерла 24 декабря 1835. Погребена, съ мужемъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. (См. №№ 102 и 109).

92) Марія Антоновна Броницъ, вдова оберъ-гофмаршала польскаго двора, тетка княгини Ловичъ. Наканунѣ коронованія Николая I, въ Варшавѣ польскою короною, 11 мая 1829 г., пожалована въ статсъ-дамы.

93) Графиня Изабелла Ивановна Соболевская, рожденная Грабовская, супруга президента административнаго совѣта Царства Польскаго. Наканунѣ коронованія Николая I въ Варшавѣ, 11 мая 1829 г. пожалована въ статсъ-дамы.

94) Княгиня Елисавета Алексѣевна Варшавская, графиня Паскевичъ-Эриванская, супруга генералъ-фельдмаршала князя Ивана Ѳедоровича, дочь коллежскаго совѣтника Алексѣя Ѳедоровича Грибоѣдова и супруги его, Александры Сергѣевны, рожденной княжны Одоевской. 1823 г. декабря 12 пожалована въ кавалерственныя дамы орд. св. Екатерины. 1829 іюня 16 пожалована въ статсъдамы. 1846 г. мая 25 получила орд. св. Екатерины 1 кл. Умерла въ Берлинѣ въ 1856 г. 30 апрѣля.

95) Графиня Анна (Женни) Егоровна Дибичъ-Забалканская

супруга генералъ-фельдмаршала графа Ивана Ивановича (род. 1 мая 1785, ум. отъ холеры въ селѣ Клещевѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Пултуска, 29 мая 1831 г.), рожденная баронесса фонъ-Торнау, племянница генералъ-фельдмаршала князя Барклай-де-Толли, родилась 2 ноября 1798 г. Въ супружество вступила въ Варшавѣ 19 марта 1815 г. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1829 г. Умерла въ Спб. 13 марта 1830 г., 31 года, бездѣтною. Погребена съ мужемъ на Волковомъ иновѣрческомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

96) Графиня Марія Станиславовна Гутаковская, рожденная Соболевская, вдова президента польскаго сената. Родилась въ 1766 г. Пожалована въ статсъ-дамы 13 іюня 1830 г., во время пребыванія Николая I въ Варшавѣ. Умерла 28 декабря 1843 г.

97) Варвара Дмитріевна Муханова, супруга оберъ-шталмейстера Сергѣя Ильича Муханова (род. 27 іюня 1762, ум. 20 марта 1842 г.), рожденная Тургенева; мать ея—Анна Ѳедоровна Ушакова. Родилась 19 февраля 1774 г. пожалована въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 18 апрѣля 1809 г., въ статсъ-дамы 7 ноября 1831 г. Скончалась 13 іюля 1845 г., 72 лѣтъ, и погребена обще съ супругомъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

98) Княгиня Софія Григорьевна Волконская, супруга министра императорскаго двора, князя Петра Михаиловича, дочь генерала отъ кавалеріи князя Григорія Семеновича Волконскаго и супруги его, княгини Александры Николаевны, рожденной княжны Репниной (см. выше № 73). Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 30 августа 1814, въ статсъ-дамы въ 1832 г.

99) Княгиня Анна Григорьевна Бѣлосельская-Бѣлозерская, супруга обершенка, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Александра Михаиловича (ум. 26 декабря 1809 г.), дочь статскаго совѣтника Григорія Васильевича Козицкаго и супруги его, Екатерины Ивановны, рожден. Мясниковой, изъ купечества. Княгиня Анна Григорьевна родилась въ 1767 г. Была кавалерственною дамою орд. св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста; также почетнымъ членомъ императорскаго вольнаго экономическаго общества. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1832 г. Умерла 14 февраля 1846 г. Отецъ ея былъ статсъ-секретаремъ Екатерины II и подъ руководствомъ ея составлялъ извѣстный наказъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФРИДРИХЪ II и ПЕТРЪ III.

1762 г.

Въ концѣ 1761-го года положеніе Фридриха Великаго было отчаянное: шестилѣтняя, славная борьба его съ многочисленными врагами казалось привела его къ окончательной гибели. Прусская провинція и Вестфалія были въ рукахъ непріятелей, Глацъ и Швейдницъ завоеваны, Кольбергъ и бо́льшая часть Помераніи заняты русскими; Австрія считала Силезію почти въ своемъ владѣніи; наступающій годъ сулилъ ей рядъ легкихъ и блистательныхъ побѣдъ надъ ея смертельнымъ врагомъ. Гибель Фридриха II-го до того была очевидна, что Марія-Терезія нашла возможнымъ, для сбереженія расходовъ, распустить до 20,000 войска. У Фридриха были отняты послѣднія средства къ борьбѣ: пособіе со стороны Англіи прекратилось, Саксонія была истощена, оставшіеся у него провинціи разорены въ конецъ, участь Пруссіи рѣшена была всей Европой. Судьба рѣшила иначе....

25-го декабря 1761 г. на престолъ русскій вошелъ Петръ III. Русскіе изъ противниковъ Пруссіи дѣлаются ихъ союзниками, изъ союзниковъ австрійцевъ — становятся ихъ врагами; между двумя государями завязывается дѣятельная переписка, освобождаются съ той и другой стороны военноплѣнные, русскій корпусъ получаетъ приказаніе стать подъ знамена прусскія, идутъ переговоры о новой и рѣшительной кампаніи Россіи съ Даніей; Россія гарантируетъ за королемъ прусскимъ всѣ прежнія и будущія его завоеванія... Австрія испугана, поражена; положеніе ея дѣлается болѣе опаснымъ, чѣмъ въ пору самыхъ славныхъ успѣховъ Фридриха; но умираетъ Петръ III, и семилѣтняя борьба Пруссіи съ Австріей заключается, въ 1763 году, Губертсбургскимъ миромъ.

Изъ исторіи этой борьбы мы представляемъ нѣсколько весьма интересныхъ страницъ: взаимныя отношенія Пруссіи и Россіи въ первой половинѣ 1762 года по подлиннымъ документамъ того времени: это переписка Фридриха II-го съ Петромъ III-мъ. Документы эти имѣются у насъ въ копіи, снятой съ подлинниковъ покойнымъ Н. Г. Устряловымъ и имъ намъ сообщенной. Являясь нынѣ впервые въ печати, переписка 1762 года представляетъ собою драгоцѣнный матеріалъ для объясненія исхода Семилѣтней войны. На страницахъ „Русской Старины" настоящіе матеріалы получаютъ особое значеніе: они восполняютъ обстоятельный разсказъ А. Т. Болотова о любопытной эпохѣ царствованія Петра Ѳедоровича *).

Мы приводимъ восемь писемъ Фридриха II-го и семь отвѣтовъ на нихъ Петра III-го. Тѣ и другія писаны на французскомъ языкѣ; мы передали ихъ въ возможно близкомъ переводѣ. Подлинныя письма Петра сохранились, какъ отмѣчено въ сборникѣ Устрялова, въ отпускахъ, изъ которыхъ пять написаны имъ собственноручно; накиданы они вообще небрежно, на большихъ полулистахъ сѣрой бумаги, съ широкими полями,— писаны безъ знаковъ препинанія, крупнымъ почеркомъ, со многими недописками и неправильностями черновыхъ набросковъ.

Письма Фридриха II, всѣ собственноручныя, писаны на четвертушкахъ сѣрой, тогдашней почтовой бумаги, мелкимъ почеркомъ, также почти безъ знаковъ препинанія **).

Ред.

---

*) См. въ Прилож. къ «Русской Старинѣ» 1871 г. второй томъ записокъ Болотова, ч. IX, стр. 166—175, 193-224, 225—239, 257-273.

**) Для знакомства съ слогомъ и орѳографіей подлинниковъ приводимъ по одному изъ писемъ Фридриха II и Петра III, въ томъ видѣ, какъ они переданы въ сборникѣ Н. Г. Устрялова:

«Monsieur mon frere! Votre Majesté Imperialle voudera bien que je la felicité sur Son avenement au Trone je l'assurè que de tout Les Compliments qu'Elle resevera, Sur ce Sujet il n'en est aucun ausi sincere que Le mien ni que personne ne luy souhaite plus de prospirité que moy, ni ne desire plus de retablir La bonne et ansiene harmonie entre Les Deux etats, que de Malheureuses intrigues de mes enemis ont troublèz pour des avantages etrangers, en un mot Votre Majesté Imperialle me trouvera dans les dispositions ou Elle peut me Souhaitér a Son Egard, je lui demende de meme la Continuation de sa presieuse amitié en l'assurant de la Haute estime avec la quelle je Suis Monsieur mon frere De Votre Majesté Imperialle le tres fidelle et bon frere Frederic.

Переписка Фридриха II съ Петромъ III.

I.

6-го февраля 1762 г. Бреславль.

„Государь мой братъ! Поздравляю ваше величество съ восшествіемъ на престолъ; я могу васъ увѣрить, что изъ всѣхъ полученныхъ вами поздравленій, нѣтъ ни одного болѣе искренняго поздравленія; никто болѣе меня не пожелаетъ вашему величеству — благоденствія и возстановленія между двумя государствами хорошихъ отношеній, которыя, къ несчастію, враги мои изъ иноземныхъ выгодъ интригами нарушили; однимъ словомъ, ваше императорское величество найдете меня въ наилучшемъ расположеніи, какое возможно только желать въ отношеніи къ вамъ; продлите только, прошу васъ, безцѣнную ко мнѣ дружбу вашего величества. Примите увѣреніе въ высокомъ уваженіи, съ которымъ есмь, Государь мой братъ, вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій и добрый братъ Фридрихъ.

II.

15-го февраля 1762 г. С.-Петербургъ *).

„Господинъ мой братъ! Ваше величество увѣдомлены уже чрезъ посредство моего генералъ-поручика, князя Волконскаго, что всегда за удовольствіе себѣ почитая подавать вамъ удостовѣрительные опыты моей дружбы и моего прилежанія всему тому соотвѣтствовать, что ваше величество пріятнаго или обязательнаго для меня сдѣлать изволили-бъ. Неумедлилъ я ни мало потребные указы отправить, дабы плѣнные вашего величества, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были, сколь скоро отъ помянутаго князя Волконскаго мнѣ донесено, что ваше величество, освобождая моихъ плѣнныхъ, ревнуете съ вашей стороны тотъ узелъ утвердить, который уже съ давняго времени насъ обоихъ соединялъ, и который вскорѣ наши народы соединить имѣетъ. Согласно симъ взаимнымъ

Вотъ одно изъ писемъ Петра: «Monsieur mon frére! Comme vostre adjutant Monsieur de Steuben part je n'ai pas voulue laisser echapper un occasion si agreable pour moy de vous donner des assurances reiterées de mon amitié sans fin que je conserverai toute ma vie pour Vostre Majesté, monsieur pourra dire de bouche ma maniere de penser dont il a este tout les jours temoins oculaire au reste cest un brave garçon et un officier autant que je my entend qui scai parfaitement le service je vous le recomende comme un homme qui scest par sa bonne conduite attiré l'estime de tout le monde».

*) Современный переводъ съ французскаго, руки тайнаго секретаря Петра III—Д. В. Волкова.

склонностямъ, не могу я долѣе здѣсь удерживать вашего генералъ-поручика Вернера и вашего полковника графа Горта, хотя всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ бы я ихъ при моемъ дворѣ. Я не могу (безъ того) обойтись, (чтобы не) отдать справедливость ихъ поведенію и ревности, которую они къ службѣ вашего величества являть не переставали, такъ что первому изъ нихъ неусумнился я довѣрить мои мнѣнія, а потому и прошу ваше величество благосклонно его выслушать и вѣру тому подать, что онъ съ моей стороны вамъ донесетъ. Но ваше величество крайне обяжете меня, когда соизволите къ поданнымъ уже мнѣ дружбы вашей опытамъ присовокупить еще единый, дозволяя Вернеру въ мою службу вступить и показуя Горту отличную и единственную милость, которой онъ уповать смѣетъ: премѣняя нынѣшнее состояніе его полку въ состояніе напольнаго полка. Одинъ здѣсь, а другой - въ арміи вашего величества, будутъ мнѣ залогомъ вашей дружбы*) и свидѣтельствомъ для всего свѣта сентиментовъ почтенія и преданности, съ коими я есмь, господинъ мой братъ вашего величества добрый братъ и другъ Петръ **).

III.

22 февраля 1762 г. Бреславль.

Государь мой братъ! Я не могъ отпустить г. Гудовича **), не вручивъ ему письма къ вашему императорскому величеству. Я исполненъ

*) Всѣмъ извѣстно, что «Петръ Ѳедоровичъ съ самаго дѣтства, о чемъ свидѣтельствуетъ его знаменитая супруга, чувствовалъ особенную склонность къ Фридриху II; сначала тутъ не было ничего удивительнаго, но потомъ это пристрастіе дошло до высшей степени». Въ продолженіи войны 1756 — 1761 г. великій князь съ трудомъ скрывалъ то глубокое огорченіе, какое причиняли ему побѣды союзниковъ надъ пруссаками; онъ рѣшительно считалъ прусскія войска — непобѣдимыми; есть извѣстія, вошедшія и въ русскія изданія («Столѣтіе Россіи съ 1745—1845 г.» Н. Полеваго, I, 74), что Петръ Ѳедоровичъ въ бытность свою великимъ княземъ употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобъ отвратить бѣдствія, разразившіяся надъ Фридрихомъ II. О дружбѣ Петра III и участіи въ то время въ положеніи Фридриха смотр. «Зап. Екатерины II» стр. 204; также Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin. 1858 г., и Geschichte des russischen Staats von Dr. Ernst Herrmann. Hamburg, 1853 г. V, стр. 131 и друг. Ред.

**) Французскій черновой отпускъ также руки Волкова; письмо это адресовано: «Его величеству королю Прусскому, Господину моему брату», отдано для передачи по адресу генералъ-поручику Вернеру, 15 февраля 1762 года.

***) Гудовичъ, Андрей Васильевичъ, род. въ 1731 г., воспитывался въ Кёнигсбергѣ, Галлѣ и Лейпцигѣ; въ 1757 г. обратилъ на себя вниманіе наслѣдника престола верховою ѣздою и нѣмецкимъ языкомъ, который зналъ въ совершенствѣ; въ концѣ 1761 г. Гудовичъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ, по вос-

благодарности и искреннѣйшей признательности къ вашему императорскому величеству за дружбу, въ которой вы меня увѣряли, и на которую съ своей стороны во мнѣ можете положиться: у меня чувствительное сердце и благодарная душа.

Я просилъ г. Гудовича подтвердить вашему величеству о моихъ чувствахъ и увѣрить васъ, что я высоко цѣню дружбу, которую ваше величество издавна мнѣ оказывалъ и доказательства которой я вижу ежедневно. Я узналъ, что корпусъ графа Чернышева получилъ приказаніе отдѣлиться отъ австрійцевъ *). Надо быть совершенно безчувственнымъ, чтобы не сохранить вѣчной признательности къ вашему величеству. Да угодно будетъ небу помочь мнѣ найти случай доказать мою признательность на дѣлѣ; ваше величество можете быть увѣреннымъ, что чувство благодарности никогда во мнѣ не изгладится и что я за высокую честь для себя почту выказать вашему величеству мое великое уваженіе и искреннюю дружбу, съ которой я есмь, Государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ Фридрихъ.

IV.

(Безъ означенія числа).

Государь мой братъ! Такъ какъ адъютантъ вашъ г. Штубенъ (Steuben) ѣдетъ, то я не хотѣлъ упустить столь пріятнаго случая,

---

шествія же на престолъ Петра III-го посланъ въ Берлинъ съ предложеніемъ мира Фридриху; произведенъ потомъ въ генералъ-маіоры и получилъ 15,000 душъ въ старообрядческихъ слободахъ.—При Екатеринѣ II онъ отказался отъ службы и болѣе 30-ти лѣтъ провелъ въ черниговской своей деревнѣ; велъ жизнь въ высшей степени странную: проводилъ все свое время лежа на диванѣ и отличался необыкновенной экономіей.—Четыре дня спустя по восшествіи своемъ на престолъ, въ 1796 году—императоръ Павелъ вызвалъ Гудовича въ Петербургъ самымъ дружескимъ рескриптомъ, произвелъ его въ генералъ-аншефы, пожаловалъ орд. Александра Невскаго. Одичалый старикъ не долго однако оставался при дворѣ; онъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ и умеръ въ 1808 году, завѣщавъ похоронить себя въ той самой рубашкѣ, въ которой онъ былъ 4 іюля 1762 г. (Бант.-Каменскій, Словарь, 1836 г. II с. 164—165). Ред.

*) Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, род. въ 1722 г., ум. въ 1784 году; въ 1744 г. былъ каммеръ-юнкеромъ при великомъ князѣ; переведенный нѣсколько лѣтъ спустя въ армію, онъ быстро возвысился во время войны съ Пруссіей.—Въ 1760 году—генералъ-поручикъ и кавалеръ Александра Невскаго, Чернышевъ въ главѣ отдѣльнаго отряда занялъ Берлинъ; въ 1761 году—Петръ III ввѣрилъ ему начальство надъ 20,000 войскомъ, присоединеннымъ къ прусской арміи.—Кромѣ помощи войскамъ Пруссіи, русскій императоръ, въ 1762 г. спѣшилъ цѣлымъ рядомъ услугъ—выказать свою дружбу Фридриху: такъ, онъ воспретилъ рубку прусскихъ лѣсовъ, одарилъ значительными суммами жителей Помераніи, разоренныхъ русскими войсками, уступилъ свои магазины въ Старгартѣ. Фридрихъ, съ своей стороны, вознаградилъ жителей княжества Ангальтъ-Цербстскаго, родины Екатерины, за собранныя съ нихъ контрибуціи. Ред.

чтобъ не повторить вамъ увѣренія въ безконечной дружбѣ, которую сохраню къ вашему величеству до конца моей жизни.—Господинъ Штубенъ можетъ изустно передать вамъ мой образъ мыслей, котораго онъ былъ ежедневнымъ очевидцемъ (monsieur pourra dire de bouche ma maniere de penser dont il a este tous les jours temoins oculaire). Это славный малый и славный офицеръ, и сколько я слышалъ, онъ хорошо знаетъ службу. Рекомендую его вамъ, какъ человѣка, умѣвшаго хорошимъ поведеніемъ привлечь общее къ себѣ уваженіе *).

V.

3 марта 1762 г. Бреславль.

Государь мой братъ! Покойная императрица россійская имѣла нѣкогда прусскій орденъ; я поручилъ г. Гольтцу (Goltze) предложить такой же вашему императорскому величеству. Льщу себя надеждой, что вы примите его въ знакъ дружбы и искреннихъ отношеній, въ которыхъ желаю быть съ вами.—Вы обязывали меня еще до вступленія вашего на престолъ и несчетное число разъ обязали меня съ того недавняго времени, какъ вы на престолѣ! Я хотѣлъ бы имѣть возможность доказать всю глубину моей благодарности; чувство признательности начертано въ моемъ сердцѣ, оно никогда въ немъ не изгладится. Льщу себя надеждой, что представится случай и я на дѣлѣ докажу всю благодарность; въ ожиданіи его, прошу ваше величество удовольствоваться заявленіемъ о томъ искренняго моего желанія; желаніе это проистекаетъ прямо изъ сердца, изъ чувствъ уваженія и благодарности, ихъ я питаю къ вашей особѣ. Но я никогда бы не кончилъ объ этомъ предметѣ, еслибы говорилъ все что думаю. Не дивитесь, ваше императорское величество! Поступая столь благородно, столь необыкновенно, какъ рѣдко поступаютъ въ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, вы должны ожидать къ себѣ удивленія, которое столь справедливо вызвано дѣяніями вашего величества.—Первыя же распоряженія вашего величества, по восшествіи на престолъ, привлекли на васъ благословенія всѣхъ вашихъ подданныхъ и самой благомыслящей части Европы *). Да будетъ

*) Черновые отпуски какъ этого письма, такъ и послѣдующихъ №№ 6, 10, 12 и 14 на франц. языкѣ,—какъ отмѣчено въ нашемъ сборникѣ, писаны рукою Петра III-го, со многими помарками, безъ означенія числа и мѣста отправленія, а также и безъ подписи имени. Ред.

*) Восшествіе на престолъ Петра III-го, дѣйствительно, сопровождалось неслыханными дотолѣ милостями къ его подданнымъ: однимъ изъ первыхъ его распоряженій уничтожена Тайная Канцелярія, наводившая въ свое время ужасъ, бо́льшій, нежели наводила инквизиція въ Испаніи (свидѣт. англійскаго посла Кейта—въ Россіи, въ депешѣ отъ 29 янв. 1762 г.). 18 февраля 1762 г. изданъ указъ о вольности дворянства и съ торжествомъ объявленъ въ Сенатѣ

царствованіе ваше долго и счастливо, желаю этого какъ братъ, истинно привязанный къ особѣ вашей! На что ваше императорское величество можете положиться и что я хочу имѣть возможность доказать это, что я есмь, Государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ Фридрихъ.

VI.

Петръ III къ Фридриху II.

(Безъ означенія числа).

Государь мой братъ! Орденъ, присланный мнѣ съ г. Гольтцемъ (Goltz)—есть новое доказательство дружбы, существующей столько лѣтъ между нами и которая, надѣюсь, никогда не будетъ прервана. Вы были такъ добры, вспомнили объ моихъ прежнихъ услугахъ, оказанныхъ вамъ, вы сказали, что хотя я и недавно на престолѣ, но вы мнѣ многимъ обязаны; могу васъ увѣрить, я не искалъ и ничего не ищу—кромѣ вашей дружбы, свидѣтелями этого, я надѣюсь, всѣ офицеры вашей арміи (jesper que tous les Offciers de vostre armée ont été les temoins de ma maniere de penser envers vous) *). Ваше величество конечно смѣетесь надо мной, когда вы хвалите такъ мое царствованіе, дивитесь ничтожностямъ, тогда какъ я долженъ удивляться дѣяніямъ вашего величества; добродѣтели и качества ваши—необыкновенны,

самимъ императоромъ, къ величайшему восторгу громаднаго сословія дворянъ;—множество лицъ возвращены изъ ссылокъ; для народа сдѣлано благодѣтельное распоряженіе—уменьшена цѣна на соль, уничтожено наказаніе въ арміи и во флотѣ кошками, множество лицъ осыпано наградами, весьма немногіе изъ прежнихъ недоброжелателей Петра—вмѣсто ссылки и т. п. знаковъ опалы, какъ это бывало—удалены отъ должностей безъ всякой жестокости и проч. Нельзя не замѣтить, что однимъ изъ главнѣйшихъ пособниковъ Петра III въ его лучшихъ распоряженіяхъ былъ тайный секретарь его, Дмитрій Васильевичъ Волковъ (ум. 1785 г.). Это былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, въ совершенствѣ зналъ нѣмецкій языкъ; онъ хорошо вѣдалъ интересы своего отечества и взаимныя отношенія европейскихъ державъ. Опытный въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, Волковъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Россіи.—Весьма интересны неизданныя письма Волкова, въ которыхъ онъ объясняетъ положеніе свое при Петрѣ III-мъ. Смотр. отзывъ Болотова о Д. В. Волковѣ во II т. Прил. къ „Русск. Стар." стр. 225.

*) Быть можетъ, императоръ ссылается на свидѣтельство тѣхъ прусскихъ офицеровъ, которые были выписаны имъ въ то время обучать русскія войска прусскому строю и маневрамъ. Увлеченіе къ подражанію прусскимъ образцамъ было таково, что вся русская армія была одѣта такъ, какъ одѣвались войска Фридриха II-го. Лейбъ-Компанія, составлявшая нѣкогда стражу Елисаветы, была замѣнена голштинскими войсками, т. е. нѣмцами, ихъ осыпали преимуществами и поставили выше гвардіи.—Принцъ Карлъ Саксонскій—въ 1759 году успѣвшій выхлопотать себѣ Курляндское герцогство—выгнанъ Петромъ III, собственно потому, что Карлъ нѣкогда былъ въ числѣ противниковъ Фридриха II-го, и

я ежедневно вижу въ васъ одного изъ величайшихъ героевъ въ свѣтѣ (des qualités peu communs dans le monde tout les jours voyant en vous un des plus grands heros du monde).

Впрочемъ, ваше величество позвольте мнѣ увѣрить васъ въ наикрѣпчайшей моей дружбѣ и позвольте рекемендовать вамъ г. Гольтца.

VII.

20-го марта 1762 г. Бреславль.

Государь мой братъ! Ваше императорское величество долженъ быть вполнѣ увѣренъ, послѣ всѣхъ доказательствъ вашей ко мнѣ дружбы, что я всегда готовъ предупредить ваше императорское величество во всемъ, что можетъ быть вамъ пріятно; вамъ стóитъ только сказать — и вы можете положиться на меня (что все будетъ исполнено).— Вы просите генерала Вернера—располагайте имъ, какъ вамъ заблагоразсудится; но такъ какъ я теперь совершенно безъ генераловъ и имѣю на рукахъ сильную войну, то не позволите ли генералу Вернеру сдѣлать еще эту кампанію *)? Впрочемъ, если вамъ угодно взять его и ранѣе, то онъ будетъ у ногъ вашихъ, къ назначенному вами времени. Почту за удовольствіе прислать къ вамъ и графа Горта (Hort), лишь только позволятъ это мои обстоятельства. Я ничѣмъ болѣе существеннымъ не могу доказать вашему величеству той благодарности, которая вызвана въ моемъ сердцѣ вашими великодушными поступками. Преслѣдуемый всей Европой, я въ васъ нахожу друга; я

между прочимъ въ битвѣ при Цорндорфѣ (1758 г.) явилъ особенную трусость. Трусость Карла, при рыцарскихъ склонностяхъ Петра Ѳедоровича, до того его возмутила, что онъ еще въ 1759 году писалъ своей теткѣ, императрицѣ Елисаветѣ—что отказывается отъ всѣхъ сношеній съ ея гостемъ (принцъ Саксонскій хлопоталъ тогда въ Петербургѣ о Курляндскомъ герцогствѣ); взойдя на престолъ Петръ III поспѣшилъ его выгнать изъ Курляндіи. См. нашъ „Очеркъ царствованія Петра III“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1867 г. кн. VII, VIII и IX. Ред.

*) Кампанія 1762-го года состояла въ слѣдующемъ: Прусскій полковникъ Беллингъ (о немъ упоминаетъ Петръ въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ писемъ), удачно дѣйствуя въ сѣверной части Помераніи противъ шведовъ, ускорилъ заключеніе мира Швеціи съ Пруссіей (миръ этотъ заключенъ 11-го мая 1762 г.); самъ Фридрихъ старался вытѣснить Дауна, — австрійскаго главнокомандующаго, изъ сильной позиціи, близъ занятой имъ крѣпости Швейдницъ: русскіе казацкіе отряды какъ ревностно прежде жгли и грабили прусскія селенія, такъ теперь партизанскими отрядами уничтожали австрійскіе магазины.. Въ моментъ рѣшительной битвы съ Дауномъ — Фридрихъ получилъ извѣстіе объ отреченіи отъ престола Петра III-го; Чернышевъ получилъ приказъ стянуться въ Польшу, но замедлилъ покинуть Фридриха и этимъ далъ ему возможность разбить австрійцевъ. Ред.

въ васъ нахожу государя не желающаго содѣйствовать порабощенію Германіи—Австрійскому дому; вы мнѣ протянули руку помощи, когда я былъ почти въ крайности! Вашему величеству не покажется страннымъ, что я вполнѣ вамъ довѣряюсь; да и кому же могу я лучше довѣриться? Я питаю къ вамъ вѣрную и безсмертную дружбу (amitié fidele et imortele); прошу васъ быть со мной на дружеской ногѣ; я буду держать себя такъ несмотря ни на какія испытанія, и сочту себя счастливымъ, когда въ состояніи буду убѣдить ваше императорское величество въ этихъ чувствахъ моего сердца и въ высокомъ почтеніи, съ которымъ есмь, государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ и другъ Фридрихъ.

VIII.

23-го марта 1762 г. Бреславль.

Государь мой братъ! Я былъ бы самый неблагодарный и недостойный изъ людей, еслибы не чувствовалъ и вѣчно не благодарилъ бы васъ за великодушныя дѣянія вашего императорскаго величества. Ваше императорское величество прощаетъ медленность, открываетъ измѣну моихъ союзниковъ, помогаетъ мнѣ въ то время, когда весь свѣтъ меня покинулъ и я единственно вашей особѣ обязанъ тѣмъ, что случается со мной счастливаго. Вамъ угодно получить отъ меня проектъ заключенія мира,—посылаю его, потому что вашему императорскому величеству это угодно, но ввѣряюсь другу—распоряжайтесь съ этимъ проектомъ какъ находите нужнымъ, я все подпишу; ваши выгоды—мои, я не знаю другихъ. Природа надѣлила меня чувствительнымъ и благодарнымъ сердцемъ; я искренно тронутъ всѣмъ, что для меня сдѣлано вашимъ императорскимъ величествомъ. Съ этой минуты смотрите на меня, какъ на союзника, я никогда не въ состояніи заплатить за все, чѣмъ вамъ обязанъ; я горжусь тѣмъ, что могу быть благодарнымъ, лишь бы только средства мои могли сравняться съ моимъ искреннимъ желаніемъ (вполнѣ васъ отблагодарить); заключите миръ какой вамъ угодно; ваши желанія—будутъ моими; клянусь вамъ: интересы ваши—мои интересы, никогда отъ нихъ я не отдалюсь.—Не могу удержаться, чтобъ не сказать, что добродѣтели вашего величества служатъ примѣромъ всѣмъ государямъ, привлекаютъ къ вамъ сердца всѣхъ честныхъ людей. Отнынѣ все чѣмъ могу я васъ обязать, все что вамъ нравится, все что отъ меня зависитъ, все будетъ сдѣлано, чтобы убѣдить ваше императорское величество, что я готовъ предупреждать всѣ ваши желанія.—Посылаю графа Шверина. Онъ будетъ имѣть честь представить это письмо; я долженъ бы былъ присылать къ вашему императорскому величе-

ству лицъ высшихъ чиновъ, но еслибъ вы знали положеніе, въ которомъ нахожусь я теперь, то увидали бы, что мнѣ невозможно посылать такихъ лицъ, ихъ нѣтъ, всѣ въ дѣлѣ. Въ теченіи этой войны я потерялъ 120 генераловъ, 14 въ плѣну у австрійцевъ; мы опустошены ужасно (notre Delabrement est affreuse)! Я отчаялся бы въ своемъ положеніи, но въ великомъ и въ величайшемъ изъ государей Европы нахожу еще вѣрнаго друга; разсчетамъ политики онъ предпочитаетъ чувство чести. Ахъ! да не покажется вамъ страннымъ, что я все мое довѣріе возлагаю на васъ (ne trouve par Etrange que je mets toute ma Confiance en Elle), если я употреблю это во зло, то ваше императорское величество мнѣ скажите. Чувства признательности и вѣчной преданности запечатлѣны въ моемъ сердцѣ; вѣрьте, ваше императорское величество, ничто въ свѣтѣ ихъ не только не можетъ изгладить, но напротивъ, чувства глубокаго почтенія и безконечнаго уваженія моего къ вамъ, если это только возможно, все возрастаютъ. Съ этими чувствами я есмь, Государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ и вѣрный союзникъ до гроба Фридрихъ.

IX.

10 апрѣля 1762 г. Бреславль.

Государь, братъ мой! До сихъ поръ я могъ явить слабые знаки моей благодарности и дружбы, но я не отказываюсь отъ надежды вполнѣ отблагодарить васъ и въ продолженіи всей моей жизни не упущу случая доказать вашему императорскому величеству, что вы были дружны съ человѣкомъ благодарнымъ. Вы одинъ изъ самыхъ могущественныхъ государей въ свѣтѣ, но не императору, а человѣку, искреннему другу я вполнѣ довѣрился и привязался къ нему на всю свою жизнь чувствомъ вѣрной и непоколебимой дружбы. Я смотрю на ваши интересы, какъ на мои собственные и смѣло довѣряю вамъ все касающееся до меня. Господинъ Гольтцъ (Goltz) будетъ имѣть честь передать вашему императорскому величеству все, что извѣстно мнѣ о датчанахъ, о туркахъ и татарахъ*). Я весьма доволенъ, что Гольтцъ оправдалъ мою рекомендацію: я знаю его за человѣка честнаго. Отъ меня ему наказано во всемъ согласоваться съ вашими же-

*) Съ Даніей сношенія петербургскаго двора сдѣлались весьма непріязненны со дня вступленія на престолъ Петра III-го. Императоръ, еще будучи великимъ княземъ, весьма дорожилъ обладаніемъ Голштинскаго герцогства.— Воспитанникъ голштинцевъ, онъ всегда имѣлъ представителей герцогства при себѣ и въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы окружилъ себя цѣлымъ отрядомъ изъ голштинскихъ солдатъ; между тѣмъ Данія издавна отхватила часть Голштиніи. — Императорскому полномочному, Сальдерну поручено было

ланіями. Ваше императорское величество распоряжайтесь мной вполнѣ: вы почтили меня необыкновенной дружбой! Могъ ли я послѣ этого послать ко двору вашему интрнгановъ? не было ли бы это противно тѣмъ чувствамъ, которыя я къ вамъ питаю? И я не сдѣлалъ этого, напротивъ, я сказалъ Гольтцу: „не прибѣгайте ни къ хитростямъ, ни къ интригамъ; въ отношеніяхъ вашихъ къ императору истина и откровенность пусть будутъ вашими единственными руководителями; государь этотъ чистосердеченъ — и я также, пусть же нашъ счастливый союзъ пребудетъ незапятнаннымъ интригами и происками недостойными честныхъ людей!"

Надѣюсь, ваше императорское величество, одобритъ и утвердитъ военную инструкцію, данную мной г. Гольтцу; датчане показывали видъ, что хотятъ занять Любекъ, однако остановились на Травѣ; слабое правительство датское боится начать дѣйствовать, равно боится положить оружіе; ваше императорское величество сдѣлаете изъ этихъ людей все что захотите. Если бы я могъ здѣсь, какъ и во всемъ, что касается вашихъ интересовъ, споспѣшествовать вашимъ видамъ, — то это была бы моя главнѣйшая обязанность. Разсчитывайте на меня, не спрашивая даже согласія, укажите только на случаи, гдѣ и чѣмъ могу я быть полезенъ? Будьте увѣрены, что я предупрежу во всемъ, что будетъ отъ меня зависѣть! Повторяю: я смотрю на ваше императорское величество не какъ на государя, но какъ на лучшаго моего друга въ цѣломъ свѣтѣ! этому другу я многимъ обязанъ и ему во что бы ни стало хочу показать мою благодарность. Чувства признательности къ вашему императорскому величеству я сохраню до могилы. Съ наивысочайшимъ уваженіемъ, государь мой братъ, вашего императорскаго величества есмь добрый братъ и союзникъ Фридрихъ.

X.

Петръ III къ Фридриху II.

(Безъ означенія числа и мѣсяца).

Государь мой братъ! Я въ восхищеніи отъ прекраснаго мнѣнія, какое имѣетъ обо мнѣ ваше величество. Вы знаете въ продолженіи сколькихъ лѣтъ я былъ привязанъ къ вамъ, дѣлалъ все безъ всякаго интереса, рисковалъ всѣмъ, служа вамъ съ величайшимъ усердіемъ и при-

требовать отъ Датскаго двора возвращенія отнятой области, но датчане отказались и тогда Петръ III дѣятельно сталъ заботиться о войнѣ съ врагами Голштинскаго дома. 60,000 русскихъ войскъ стали готовиться къ походу, начальство ввѣрялось графу П. А. Румянцову, самъ императоръ непремѣнно хотѣлъ стать во главѣ экспедиціонной арміи: смерть поразила его среди этихъ приготовленій. Ред.

вязанностью *). Ваше величество можете себѣ представить, что послѣ столькихъ лѣтъ постоянства захочу ли я думать иначе—васъ зная (такъ хорошо) какъ (знаю я васъ) теперь **). Ваше величество высказываетъ прекрасное обо мнѣ мнѣніе, ввѣряется, даетъ на мой произволъ составленіе условій мира, обѣщаетъ мнѣ союзъ, который будетъ наипріятнѣйшимъ для меня. Имѣя союзникомъ достойнѣйшаго изъ государей Европы, я буду недостойнѣйшимъ во вселенной, если не постараюсь сдѣлать все возможное на свѣтѣ, чтобы доказать вашему величеству, что вы довѣрились человѣку, который не захочетъ употребить во зло и не обманетъ ***). Позвольте же сказать, ваше величество, что г. Гольтцъ (Goltz) говорилъ мнѣ, что вашему величеству желательно и было бы для васъ весьма выгодно, чтобъ я не только гарантировалъ за вами Силезію и графство Глацъ, но и тѣ завоеванія, которыя вы моглц-бы еще сдѣлать, пока не будетъ мира между вами и королевой-императрицей. Я буду въ восторгѣ (j'en suis charmé) и готовъ на все, но съ своей стороны желалъ бы, чтобы относительно Даніи ваше величество сдѣлали бы тоже: гарантировали бы за мной Голштинію и все что я потерялъ въ Шлезвигѣ и другую половину Датской Голштиніи, чтобы вознаградить меня за всѣ расхищенія. Я буду въ восторгѣ, если это дѣло между мною и датчанами кончится дружески; но буде случится, что они заставятъ меня взяться за оружіе, то я буду просить ваше величество заключить такое же условіе со мной: обезпечить за мной то что я буду въ состояніи взять у датчанъ, чтобы разомъ заключить съ ними миръ — славный для моего Голштинскаго дома ****). Увѣренъ, что вы не сдѣлаете никакихъ затрудненій, бывъ столь же вѣрнымъ моимъ другомъ, какъ и истиннымъ сыномъ Германіи. Я не въ состояніи довольно выразить,

---

*) «Je suis si charmé de la manière dont Vostre majesté, pensé si bien de mois vous scaver que depuis tant d'années je vous ai esté attaché n'ayant aucun interet a le faire austre que de risquer le tout en vous servant dans mon paix dasleur le faisant avec le plus grand zele et attachement que je pouvais...»

**) ...«si apres tant d'années de constance je voudroit penser autrement vous connoissant autant que je vous connoit...»

***) ...«ayant le plus digne prince de toute l'Europe allié que ne seraÿ je dont le plus indigne de L'univers si je ne chercherai de faire tout au monde pour lui demontrer quelle n'a pas mis sa confiance dans une personne qui en voudruit abuser ou qui voudroit la tromper...»

****) ...«je priere Vostre Majesté de faire la même condition avec moy de me garantir ce que je pourroit prendre au Danois pour faire avec eux un fois un paix Glorieuse pour Ma Maison de Holstein...»

какъ думаю объ васъ *). Въ предыдущемъ письмѣ вы писали относительно генерала Вернера и г. Горда (Hordt), которыхъ я просилъ у васъ. Причины слишкомъ убѣдительны, чтобы я могъ противорѣчить, какъ объ г. Гордѣ, такъ и о г. Вернерѣ. Будьте увѣрены, что я ничего не захочу выгадать себѣ во вредъ истинному другу, какимъ почитаю я ваше величество **). Пишете вы въ письмѣ, доставленномъ г. Шверинымъ (Swerin), что я открылъ вамъ измѣну союзниковъ вашихъ, это доставляетъ мнѣ живѣйшее удовольствіе ***); увѣряю васъ, что пребуду всегда, вашего величества, добрый братъ и вѣрный союзникъ до смерти".

XI.

Фридрихъ II къ Петру III.

24 апрѣля 1762 г., г. Бреславль.

Государь мой братъ! Письма вашего императорскаго величества тѣмъ болѣе радуютъ меня, что я получаю въ нихъ новыя доказательства неоцѣненной дружбы вашего величества; послѣднее письмо доставило мнѣ еще живѣйшее удовольствіе: я вижу изъ него, что

*) «... que ne vous puisse exprimer assez par la comment je pense envers vous...»

**) ...«soyez assuré que je ne voudroit rien gagner en sachant de faire du tort a un vraÿ ami comme j'estime Vostre Majesté».

***) Дѣло здѣсь идетъ, кажется, вотъ о чемъ: 26 января 1762 г. князь Голицынъ доносилъ изъ Лондона императору Петру Ѳеодоровичу объ отъѣздѣ г. Вронзена, въ качествѣ англійскаго посла, къ петербургскому двору и о разговорѣ, который онъ, кн. Голицынъ, имѣлъ съ де-Бюттомъ—государственнымъ секретаремъ. Изъ этого разговора, между прочимъ, оказывалось: англійское правительство хочетъ сохранить дружбу и согласіе съ Россіей; отъ доброй воли русскаго императора зависитъ дать миръ Европѣ; англійскій кабинетъ въ особенности хочетъ узнать, на какихъ условіяхъ заключитъ миръ Россія съ Пруссіей; кабинетъ убѣжденъ, что Фридрихъ не можетъ и не долженъ купить миръ иначе, какъ съ значительными пожертвованіями; Англія не можетъ вести войну въ угоду прусскому королю и давно пора заключить миръ; объ убѣжденіи въ этомъ смыслѣ прусскаго короля писано было англійскому послу при немъ, но англійскій кабинетъ мало надѣется на успѣхъ, такъ какъ ему извѣстны льстивыя надежды Фридриха на помощь Россіи.—По словамъ де-Бютта, говорившаго отъ лица короля и министровъ, Англія находитъ надежды Фридриха несбыточными; правительство Англіи не хочетъ допустить мысли, чтобъ русской императоръ когда-либо предпочелъ прусскаго короля своимъ естественнымъ союзникамъ (австрійцамъ) и выгоды Пруссіи—выгодамъ вѣнскаго двора; Англія не желаетъ отзыва русскихъ войскъ отъ австрійской арміи; она не хочетъ, чтобы Фридрихъ получилъ чрезъ то средства продолжать борьбу... Извлеченіе изъ этой важной депеши, копія съ которой имѣется въ нашихъ бумагахъ, было переслано изъ Петербурга въ Бреславль къ Фридриху и за эту-то передачу свѣдѣній благодарилъ король. **Ред.**

ваше императорское величество увѣрены въ совершенной моей преданности вашей особѣ. Вы никогда не ошибетесь, и я обязаннымъ себя считаю дать вамъ вѣрныя доказательства всегда, когда ни представился бы только случай. Ваше императорское величество имѣетъ неотвержимыя права на владѣнія, отторгнутыя изъ-подъ власти дома вашего въ смутное время. Вы имѣете право ихъ потребовать; къ тому же и война даетъ вамъ право завоеванія; я не удовольствуюсь только гарантіей за вами всего того, что вы найдете нужнымъ, независимо отъ этого, я добиваюсь чести способствовать предпріятіямъ вашего императорскаго величества. Распоряжайтесь же Штетинскимъ портомъ и всѣмъ что я имѣю, какъ вашей собственностью; назначьте число войскъ, которыхъ угодно, чтобы я присоединилъ къ вашимъ, однимъ словомъ, совершенно не стѣсняйтесь и просто скажите, чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ? А если недостаточно войскъ, которыхъ угодно будетъ присоединить, то я еще добавлю, не дожидая требованій. Хотя я и старъ, и изломанъ, но самъ пошелъ бы противъ вашихъ враговъ, еслибъ зналъ, что принесу пользу — жертвуя собою для столь достойнаго государя, для такого великодушнаго и рѣдкаго друга; къ сожалѣнію, усилія враговъ моихъ противъ меня нынѣшній годъ такъ велики, что ваше императорское величество сами изволите понять невозможность, въ которой я нахожусь выполнить мои желанія; но если что-либо поможетъ мнѣ въ эту кампанію, и если ваше императорское величество имѣете намѣреніе прервать сношенія съ датчанами, то я употреблю всѣ усилія, какія только будутъ возможны, чтобы содѣйствовать вашимъ намѣреніямъ. Я не въ состояніи довольно возблагодарить ваше императорское величество за всѣ знаки дружбы, какія я получилъ отъ васъ. Вы великодушно предлагаете мнѣ вашу гарантію и ваши войска; будьте увѣрены, я вполнѣ чувствую всю цѣну столь благороднаго поступка. Все что хотите вы сдѣлать для меня — принимаю я съ живѣйшею благодарностью. Если вамъ угодно — дать мнѣ изъ своихъ войскъ тысячъ 14,—съ тысячью казаковъ то этого будетъ достаточно для усиленія меня противъ враговъ; а чтобъ вполнѣ быть милостивымъ, то пришлите ихъ сюда, въ Бреславль, въ концѣ мая или въ началѣ іюня мѣсяца. Этимъ вы удвоили бы огромныя одолженія, которыми уже обязали меня. Вы можете быть увѣреннымъ, что войска ваши не будутъ подвергнуты опасности и съ ними не поступятъ по недостойной привычкѣ нѣкоторыхъ государствъ, которыя, сберегая собственныя силы—жертвуютъ союзниками *). Глядя на ваши войска —

*) Намекъ на австрійскихъ главнокомандующихъ графа Дауна, барона Лаудона и другихъ, съ которыми именно за это безпрестанно доводилось

я всегда буду думать о вашемъ величествѣ и буду говорить себѣ: войска эти принадлежатъ достойнѣйшему изъ государей, лучшему другу моему во вселенной! Ваше императорское величество можете распоряжаться всѣми принадлежащими мнѣ: генералъ Вернеръ поѣдетъ въ Петербургъ — тотчасъ по окончаніи войны; не знаю, позволите ли мнѣ рекомендовать своего совѣтника господина де-Салерна (Salleren) *)? Ваше императорское величество не будете имъ недовольны, я-бъ его не рекомендовалъ, еслибъ не видѣлъ въ немъ искренней и безкорыстной привязанности къ вашей особѣ, что вездѣ рѣдкость **). Могу ли я выразить всю мою благодарность вашему императорскому величеству, въ состояніи ли я буду доказать, до какой степени сердцемъ привязанъ я къ вамъ, какъ высоко мое уваженіе и искренняя дружба, съ которой я есмь, государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ, вѣрный другъ и союзникъ до конца жизни Фридрихъ.

ссориться русскимъ фельдмаршаламъ Салтыкову и Бутурлину въ кампаніяхъ 1759, 1760 и 1761 годовъ. Австрійцы зачастую выставляли русскимъ исполнять самые трудные и самые опасные планы, въ виду сохраненія собственнаго войска; отъ этого происходили въ лагерѣ союзниковъ несогласія, отсутствіе единодушія въ дѣйствіяхъ, медленность, преждевременныя отступленія, нежеланіе пользоваться побѣдами; а всѣмъ этимъ прекрасно умѣлъ пользоваться Фридрихъ. Ред.

*) Кажется, здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстномъ Сальдернѣ. Гельбигъ (стр. 375) говоритъ, что этотъ гольштинецъ назывался Саллерномъ и потомъ уже, вышедши въ люди, принялъ древнюю прусскую фамилію Сальдернъ, которая вначалѣ протестовала противъ такого самозванства, но потомъ замолчала. Онъ же говоритъ, что Сальдернъ еще при Елизаветѣ служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и занялъ въ ней довольно видное мѣсто. Но это не противорѣчитъ рекомендаціи Фридриха II, который говоритъ объ „искренней и безкорыстной привязанности его“ къ Петру III, изъ чего можно заключить, что Фридрихъ рекомендуетъ Петру человѣка, знающаго уже русскаго государя и пребывающаго въ Россіи. Извѣстно, что впослѣдствіи, при Екатеринѣ, Сальдернъ сдѣлался изъ поборниковъ правъ Россіи на Гольштинію ревностнымъ сторонникомъ уступки ея Даніи, гдѣ и былъ русскимъ посланникомъ. Въ началѣ 1771 года онъ назначенъ былъ посломъ въ Варшаву, гдѣ и пробылъ до осени 1772. Онъ много содѣйствовалъ (1773) уступкѣ Гольштиніи и потомъ впалъ въ немилость. Сальдернъ пережилъ Екатерину.

Примѣчаніе М. Н. Лонгинова.

**) Въ распоряженіи «Русской Старины», между прочими матеріалами, находится довольно большое собраніе подлинныхъ, весьма характеристичныхъ писемъ Сальдерна, человѣка замѣчательнаго въ свое время; — мы сообщимъ ихъ впослѣдствіи времени на страницахъ нашего изданія. Ред.

XII.

Петръ III къ Фридриху II.

(Безъ означенія числа. Вѣроятно въ первой половинѣ мая 1762).

Государь мой братъ! Такъ какъ знаки пріязни вашей ко мнѣ — съ вашей стороны все прочнѣе и прочнѣе, и превзошли мои ожиданія, то я ни минуты не замедлю, чтобы благодарить васъ и поклястся вамъ въ безконечной дружбѣ. Въ письмѣ, отъ 24-го апрѣля, ваше величество одобряете притязанія, которыя я имѣю на датчанъ *), обѣщаете мнѣ гарантію и корпусъ вашихъ удивительныхъ войскъ, цѣнить которыхъ я умѣю. Предлагаете вы мнѣ Штетинскій портъ, говорите, чтобы я, не стѣсняясь, дѣйствовалъ въ вашей странѣ, какъ въ моей собственной. Но пріятнѣе всего былъ я удивленъ, когда прочелъ, что вы сами вызываетесь идти противъ моихъ враговъ. Бывши еще великимъ княземъ и до настоящей минуты я не иначе почиталъ васъ, какъ величайшимъ героемъ въ свѣтѣ и вдругъ васъ допустить жертвовать вашею жизнью! Послѣ столькихъ утомительныхъ походовъ, вы готовы идти противъ моихъ враговъ — этотъ послѣдній знакъ дружбы превосходитъ всѣ другіе и долженъ меня болѣе, чѣмъ когда-либо привязать къ такому любезному государю, какова особа вашего величества **).

Какъ ваше величество былъ такъ довѣрчивъ, что далъ мнѣ открытый листъ относительно мира, я посылаю его съ вашимъ достойнымъ адъютантомъ, графомъ Шверинымъ. Надѣюсь, что ваше величество не найдетъ въ немъ (т. е. въ мирномъ трактатѣ) ничего, что могло бы относиться (до моего) собственнаго интереса; я не хочу, чтобы имѣли право сказать, что я предпочелъ собственный интересъ вашему, г. Гольтцъ можетъ быть свидѣтелемъ ***). Что до союзнаго

*) .... „approuve.... les pretentions que jai sur les Danois“....

**) .... «etant grand-Duc jusqu'a cette minute de vous regarder comme le plus grand heros au monde peux le quelle il se serois laissée sacriffier mille fois dire que vous apres tant des fatigues vous voudriez aller contre ses ennemis cette derniere marque d'amitié surpasse tous les autres et doit plus que jamais mattacher a un prince si aimable comme la personne de Vostre Majeste!»....

***) .... „j'espere que Vostre Majesté ni trouvera rien qui pourroit se resentir daucun interet propre ne voudrant jamais quon pourroit dire que j'aurai preferé le mien au sien Monsieur de Goltz en peat-estre mon temoin“.... Трактатъ между Пруссіей и Россіей былъ подписанъ 24 апрѣля 1762 года госуд. канцлеромъ граф. Мих. Лар. Воронцовымъ по размѣнѣ взаимныхъ полномочій съ прусскимъ полковникомъ, королевскимъ адъютантомъ, камергеромъ барономъ Гольцомъ, въ VIII-ми статьяхъ; сущность ихъ слѣдующая:

межъ нами договора, то онъ будетъ готовъ чрезъ нѣсколько дней, и чтобы задержка его не могла помѣшать вашему величеству противъ вашихъ враговъ, которые также и мои, я приказалъ генералу Чернышеву сдѣлать все возможное, чтобъ прибыть по крайней мѣрѣ въ началѣ іюня въ вашу армію съ 15,000 регулярнаго войска и 1,000 казаковъ. Ему приказано—состоять въ распоряженіи вашего величества *). Чернышевъ лучшій—(генералъ) послѣ Румянцова, котораго я не могу отозвать, онъ противъ датчанъ; но если-бы Чернышевъ и ничего не зналъ (бы), то онъ не можетъ худо дѣйствовать подъ командой столь великаго генерала, каковъ ваше величество.

(Такъ какъ генералъ Кноблаухъ (Knoblauch) долженъ вскорѣ отправиться къ вашему величеству, то я рекомендую его вамъ, какъ стараго и вѣрнаго слугу прусскаго дома **).

Такъ какъ ваше величество позволили мнѣ не стѣсняться, то прошу васъ, какъ добраго союзника и друга, сдѣлать сдѣлку съ датчанами..... если есть дѣла въ Берлинѣ, подъ наблюденіемъ вашего

---

1) Вѣчный миръ Россіи съ Пруссіей; 2) русскій императоръ умиротворяетъ Германію; 3) прусскій король обѣщаетъ не только не вступать ни въ какіе договоры, противные русскимъ и русско-гольштинскимъ интересамъ, но и уничтожить всѣ прежніе договоры, противные этой статьѣ; 4) предать съ обѣихъ сторонъ вѣчному забвенію прошедшее; 5) публиковать о семъ мирѣ немедленно по размѣнѣ ратификацій; 6) росс. императоръ въ два мѣсяца возвратитъ королю прусскому всѣ области, земли, города, мѣста и крѣпости, ему принадлежащіе и въ теченіи войны росс. оружіемъ занятые; 7) обѣщаетъ примирить королей шведскаго съ прусскимъ; 8) ратификаціи имѣютъ быть размѣнены въ шесть недѣль. 8 Іюня 1762 г. заключенъ трактатъ оборонительнаго союза Россіи съ Пруссіей на 20 лѣтъ въ XX статьяхъ. Въ секретныхъ артикулахъ трактата прусскій король обязывался содѣйствовать императору въ возвращеніи Герцогства Шлезвигскаго, а императоръ гарантировалъ за Пруссіей—Силезію и графство Глацкое. Права Курляндію защищать и герцогство въ ней доставить двоюродному дядѣ императора принцу Георгію Гольштинскому. Защищать право вольнаго избранія короля въ Польшѣ. Какъ объ этихъ трактатахъ, такъ вообще о всей дипломатической исторіи Петра III,—въ русской литературѣ есть весьма обстоятельная и интересная монографія: она принадлежитъ П. К. Щебальскому. (Политическая система Петра III. М. 1870 г. стр. 184). Необходимо впрочемъ замѣтить, что при всемъ обиліи матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи г. Щебальскаго по предмету его изслѣдованія, нынѣ печатаемая нами переписка Фридриха II съ Петромъ III не была ему извѣстна. Ред.

*).... „lui ordonnant de faire tout son possible de ce que Vostre Majeste lui commandera c'est le meilleur que nous avons apres Romantzow"....

**) Строки въ скобкахъ — въ подлинникѣ зачеркнуты. Замѣч. въ сборникѣ копій. Ред.

величества *) и будьте такъ добры включить въ договоръ о мирѣ, который будетъ со шведами, чтобы они помогли мнѣ своимъ флотомъ противъ датчанъ.

XIII.

Фридрихъ II—Петру III.

4-го мая 1762 года. Бреславль.

Государь мой братъ! Я только-что принялъ курьера, посланнаго ко мнѣ, по приказанію вашего императорскаго величества, господиномъ Гольтцемъ; тороплюсь отвѣчать, чтобы сказать вамъ съ чистосердечіемъ и искренностью, съ которыми обязанъ (говорить) вамъ все, что знаю и думаю относительно датчанъ. Извѣстія о нихъ присланы ко мнѣ отъ моего министра, котораго до сихъ поръ не опасался этотъ дворъ и онъ (министръ) имѣлъ возможность узнать нѣкоторые анекдоты; по нимъ можно судить о слабости и нерѣшительности датскаго двора. Имъ (т.-е. датчанамъ) очень бы хотѣлось получить часть Гольштиніи, которою владѣетъ ваше императорское величество, но у нихъ нѣтъ смѣлости завладѣть ею; они расположились лагеремъ за Травой, чтобы завладѣть Любекомъ въ случаѣ, если войска вашего императорскаго величества вступятъ въ Мекленбургію; они даже предполагаютъ имѣть лагерь въ Мекленбургіи, гдѣ навѣрно захотятъ выгодно укрѣпиться, чтобы оспоривать у войскъ вашего императорскаго величества входъ въ Гольштинію. Но до сихъ поръ я вижу въ этомъ только оборонительныя мѣры. У Жермена (Germain)—25,000 человѣкъ, къ нему долженъ присоединиться принцъ Бевренскій (de Bevren), принцъ ведетъ—6,000 человѣкъ норвежцевъ, такъ что вся эта армія составляетъ корпусъ въ 31,000 воиновъ. Многіе солдаты дезертируютъ и при первомъ отступленіи, которое армія эта вынуждена будетъ сдѣлать,—треть арміи разбѣжится. Если ваше императорское величество хочетъ получить часть Гольштиніи, столь несправедливо отнятой у вашихъ предковъ, то не должно ждать, чтобы датчане уступили ее добровольно — надо будетъ сражаться, чтобъ получить ее и я считаю (это) обстоятельствомъ весьма возможнымъ; чтобы (однако) ваше императорское величество не предприняло, я въ вашемъ распоряженіи, ничто не разлучитъ меня съ вами и

*) Это мѣсто въ подлинникѣ такъ.... «je la prie dont comme un bon allie et amy de faire avec les Danois ce comodement sylya affaire à Berlin sous la mediation de Vostre Majesté....» Готовясь къ войнѣ, Петръ въ тоже время старался, но кажется только для виду, при посредствѣ короля прусскаго, устроить конгресъ въ Берлинѣ для обсужденія распри своей съ Даніей.

Ред.

вашими выгодами. Итакъ, я буду говорить съ вами откровенно объ этой войнѣ, какъ говорилъ бы, еслибъ былъ генераломъ въ вашей службѣ или еслибъ долженъ былъ самъ вести эту войну: первое, на что смотрю я, какъ на основаніе всѣхъ военныхъ предпріятій — это магазины, потому что въ это время года ничего не найдешь, фуражировать начинаютъ только съ конца іюня, а собрать хлѣбъ съ новой жатвы можно только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, если же требуется мука, для печенья хлѣбовъ, то (въ ожиданіи ея) продлится еще мѣсяцъ. Соображаясь съ непріятельскими силами, я думаю, что русская армія въ Гольштиніи должна быть въ 46,000 человѣкъ регулярнаго и хорошо укомплектованнаго войска и 4,000 казаковъ. Припасы для этихъ войскъ могутъ быть взяты въ Россіи или въ Ливоніи, въ Курляндіи и Данцигѣ, надобно, значитъ, знать хотя приблизительно, сколько понадобится для такого корпуса. Приблизительно 2,000 четвертей муки въ мѣсяцъ и 8,000 четвертей овса, на май и іюнь мѣсяцы. Свѣдущіе люди могли бы купить хлѣбъ (въ зернѣ) экономнѣе и дешевле въ мѣстахъ гдѣ они находятся, но придется запасы (въ такомъ случаѣ) везти моремъ, подъ прикрытіемъ флота. Можно бы сдѣлать складъ или въ Висмарѣ или въ Ростокѣ; сколько мнѣ извѣстны намѣренія датчанъ, нельзя очень льстить себя надеждой предупредить ихъ въ Любекѣ: датчане ближе къ нему, нежели русскіе; пока войска вашего императорскаго величества будутъ въ походѣ, они имъ уже завладѣютъ. Городъ могъ бы еще держаться, но такъ какъ горожане боятся за свои дома, то они сдадутся, повидимому, при первыхъ угрозахъ датчанъ. Я прошу 50,000 солдатъ для этой экспедиціи, чтобъ вести ее въ совершенствѣ, чтобъ возможно было окружить корпусомъ укрѣпленный лагерь, который устроятъ датчане, и чтобы возможно было вытѣснить ихъ изъ-за рѣкъ, за которыми они задумаютъ расположиться дабы отступленіями выиграть время. Съ 50,000-ми человѣкъ можно сбить ихъ со всѣхъ постовъ, и если понадобится взять Любекъ, то онъ, конечно, не долго продержится; тамъ-то въ особенности надо сдѣлать большой магазинъ для всей арміи, чтобъ потомъ распространить дѣйствія къ Ytzehoe *) и оттуда къ Ренсбургу. Къ сему прилагаю опись датскаго флота **);

*) Городъ въ Гольштиніи.

**) При письмѣ приложенъ, руки Фридриха II-го, списокъ датскаго флота: названы корабли, командиры ихъ, означено число пушекъ на каждомъ кораблѣ. Такимъ образомъ, въ первой эскадрѣ линейныхъ кораблей у датчанъ было: 50-ти-пушечныхъ — 6; 60-ти-пушечныхъ — 5; 70-ти-пушечныхъ — 6; 90-пушечныхъ — 1; всего 18-ть. Фрегатовъ — 9, на нихъ — 218 пушекъ; въ резервной эскадрѣ — линейныхъ кораблей — 6, на нихъ — 390 пушекъ, да — 2 фрегата съ 76-ю пушками. Ред.

необходимо, чтобъ вашъ (флотъ) превосходилъ датскій; совѣтую, если у васъ недостанетъ кораблей, просите въ Швеціи. Шведы будутъ колебаться, затруднятся даже отвѣтить, но если вы серьезно ихъ понудите, то, полагаю, они не въ состояніи будутъ отказать. Къ тому же датчане ни отъ кого не могутъ получить помощи: англичане — отказали, голландцы не въ состояніи помочь, французы также не окажутъ помощи; на морѣ мѣшаютъ имъ англичане, а на сушѣ заграждаютъ имъ путь войска принца Фердинанда и моего племянника; такъ что главное, на что̀ остается единственно обратить вниманіе— это припасы; арміи союзниковъ сильно обобрали хлѣба въ Мекленбургѣ, въ Гановерѣ и Саксенбургѣ, (Saksi Lauenbourg), такъ что если (русскіе) разсчитываютъ добыть нѣкоторую помощь въ своемъ продовольствіи изъ этихъ провинцій, они могутъ обмануться, что однако разстроитъ экспедицію, а это можно предупредить, обративъ самое серьезное вниманіе на столь важный пунктъ и не начинать экспедицію прежде, нежели все будетъ хорошо заготовлено. Я говорю вашему императорскому величеству такъ, какъ совѣтовалъ бы самъ себѣ, еслибъ пришлось мнѣ самому предпринять эту экспедицію; совѣтую также имѣть подъ рукою людей, хорошо знающихъ страну: они будутъ вначалѣ служить проводниками и будутъ разузнавать о передвиженіяхъ непріятелей. Безъ сомнѣнія, Гольштинія снабдитъ васъ ими, да ихъ можно за бездѣлицу достать, сто̀итъ только поискать старательнѣй. Я не знаю, кому ваше императорское величество поручаетъ командованіе этой арміей: сами ли вы берете на себя главное начальство или поручаете кому-либо изъ вашихъ генераловъ? Ваше императорское величество скажетъ: зачѣмъ я вмѣшиваюсь, и вы справедливы; я знаю, что мнѣ никоимъ образомъ не слѣдуетъ совать свой носъ въ ваши дѣла, но я говорю съ вами не какъ государь, но какъ частное лицо, какъ другъ, который ничего не скрываетъ отъ своего друга, что у него на сердцѣ. Вы всегда вольны дѣлать все что угодно вашему императорскому величеству, и если вы не одобряете меня, то скажите это просто. Признаюсь вамъ, я сильно желалъ бы, чтобы ваше императорское величество короновали бы уже себя: эта церемонія заставляетъ народъ благоговѣть, а онъ привыкъ уже видѣть своихъ государей коронованными. Откровенно скажу вамъ, я недовѣряю русскимъ. Всякая другая нація благословляла бы небо, даровавшее ей государя съ такими превосходными и удивительными достоинствами, какими одарены ваше императорское величество, но эти русскіе, чувствуютъ ли они свое счастіе? А проклятая кровожадность кого-нибудь не дастъ ли ему слу-

чай найти свои выгоды въ образованіи заговора или возмущенія въ странѣ въ пользу принцевъ Брауншвейгскихъ *)?

Припомните ваше императорское величество, что случилось въ первое отсутствіе императора Петра I-го, родная сестра котораго возстала противъ него; предположу, что какой-нибудь несчастный съ безпокойной головой взволнуетъ страну въ вашемъ отсутствіи, чтобы снова возвести на престолъ Ивана, и что онъ (т.-е. заговорщикъ) составитъ заговоръ съ помощью иностранныхъ денегъ, съ цѣлью выпустить Ивана изъ тюрьмы, (предположу) что онъ взволновалъ войска и другихъ несчастныхъ, которые соединятся съ нимъ—не придется ли тогда бросить войну съ датчанами, хотя бы она была весьма успѣшна, не придется ли тогда вернуться и наскоро потушить пожаръ въ собственномъ домѣ? Эта мысль, когда пришла мнѣ въ голову, заставила меня содрогнуться, и совѣсть во всю жизнь укоряла бы меня, если-бы я не сообщилъ ее

---

*) «.... je Luy avoûe dons que je Voudrois fort qu'Elle se fut deja fait Couronnér, parce que Cette Ceremonie en impose a un peuple qui est dans la Coutume de voir couronner les Souverains, Je Luy dirai franchement que je me Defie des Russes, Toute autre nation beniroit le Ciel d'avoir un prince qui a d'ausi eminentes et admirables qualitez que Vostre Majesté Imperialle ma, mais ces russes Sentent-il le bonheur et la Maudite venalité de quelque particuellér ne pourrait il point Luy faire trouvér Son interet a formér une faction ou une revolte dans le pais en faveur de ces princes de bronswic? que Vostre Majesté Imperialle Se rapelle ce qui ariva a la premiere apsence de l'Empereur piere I, dont la propre Soeur Conspira Contre Luy, Qu'Elle Supose donc pour un Moment que quelque malheureux, a tete remuante comansat par Cabaler dans Son absence pour replacér cet Jvan sur le Tronne, et qu'il format une faction à l'aide de l'argent etrangér pour Sortir cet Ivan de la prison, et qu'il debauchat des troupes et d'autres malheureux qui se joignissent a Luy, ne faudroit il pas quitér en ce cas la Guerre Contre les Danois quand meme tout y prospereroit pour retourner en hatte etteindre le feux qui bruleroit sa propre maison; cette idée m'a fait tremblér quand elle m'est venûe dans l'esprit et je me ferois une Consiance, et un reproche toute ma vie si je ne l'avais Communiquée a Vostre Majesté Imperialle, je suis ici dans le fond de l'Allemagne, je ne Conois point Sa Cour, ni ceux aux quels Vostre Majesté Imperialle peut prendre une veritable Confiance ni Ceux qui peuvent Luy etres suspectes, ainsi c'est a Ses hautes lumieres, a Desserner aux dont Elle doit se defiér ou nom; je crois donc que si elle veut prendre le Commendement de Son Armée, que Sa sureté demande Qu'Elle se face Couronnér auparavant, et que pour n'avoir rien a Craindre dans Son Empire, qu'Elle amene dans Sa Suite toute Les perssonnes suspectes et qui pouvoit entreprendre contre Elle et meme ceux pour peu qu'on puisse les Soupsonnér, Elle Sera sure par ce moyein la, et ces gens ne Luy Seront Guerre a charge a Sa Suite, pour agir plus surement encore il faudroit obligér tout les ministres etrangers quels qu'ils soyent de la Suivre, car ce Seroit auter de la Russie toute les Semences de rebellion et d'intrigue, et Vostre Majesté Imperialle pour s'en debarasser les pouroit toujours envoyér, a Rostoc ou a Wismar dans quelque lieu deriere l'armée etc...»

вашему императорскому величеству. — Я здѣсь въ срединѣ Германіи, я вовсе не знаю двора вашего, ни тѣхъ, кому ваше императорское величество можете вполнѣ довѣриться, ни тѣхъ, кто можетъ быть опасенъ. Съ вашей высокой предусмотрительностью должно разобрать, кого вы должны опасаться. Я полагаю однако, если вамъ угодно будетъ принять начальство надъ арміей, то собственная безопасность требуетъ, чтобы вы прежде короновались, а чтобъ не имѣть чего бояться въ своей имперіи—надо привезти въ свитѣ своей всѣхъ подозрительныхъ особъ, которыя могли бы предпринять противъ васъ, если только они подозрительны.... Такимъ образомъ, вы будете спокойны, и эти люди вовсе не обременятъ васъ въ свитѣ; чтобы дѣйствовать еще вѣрнѣе, надо бы заставить всѣхъ иностранныхъ министровъ, безъ различія, слѣдовать за вами; этою мѣрою вы взяли бы изъ Россіи всѣ сѣмена возстанія и интригъ; а чтобъ вашему императорскому величеству избавиться отъ нихъ, всегда ихъ можно оставить въ Ростокѣ или въ Висмарѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ позади арміи, что и воспрепятствуетъ имъ передавать датчанамъ ваши предположенія. Признаюсь, я съ удивленіемъ узналъ, что австрійскій посланникъ началъ подслащать свои рѣчи въ Петербургѣ: это неестественно, такъ какъ извѣстно, что дворъ австрійскій уязвленъ, что и заставляетъ меня подозрѣвать какіе-либо виды или затѣваемую интригу австрійскаго двора; но если ваше императорское величество хотите отлучиться изъ имперіи вначалѣ своего царствованія, то вы предупредите величайшее несчастіе, которое могло бы быть вызвано отсутствіемъ вашимъ, если возьмете съ собою и удалите (такимъ образомъ) изъ Россіи всѣхъ поджигателей и тѣхъ, которые могли бы произвести смуты во время вашего отсутствія. Я нисколько также не сомнѣваюсь, что вы оставите соглядатаевъ, на которыхъ вполнѣ можете надѣяться, гольштинцевъ или ливонцевъ, они наблюдали бы за всѣмъ и предупредили бы малѣйшія движенія, которыя произойдутъ *). По истинѣ прошу у васъ прощенія во всемъ, что вамъ написалъ, но мое сердце, истинная нѣжность, чистосердечная привязанность къ вашей особѣ—заставляютъ меня сказать, что я думаю. Душой и тѣломъ заинтересованъ я въ сохраненіи вашей жизни, да и какъ мнѣ не желать тысячу благоденствій тому, кто одинъ во всей Европѣ протянулъ мнѣ руку помощи въ моемъ несчастіи, тому— кто объявляетъ себя моимъ другомъ въ то время, когда союзники мнѣ измѣняютъ **), тому—кто заключаетъ со мной столь благородный и

---

*) «..... je ne doute pas non plus qu'Elle laisse des Surveillans affidés sur les quels Elle puisse compter des Holsteinois ou des Livoniens qui ayent l'oeil à tout et qui previenent les moindres mouvemens qui pouroient se faire»...

**) Измѣну въ союзникахъ своихъ Фридрихъ главнымъ образомъ видѣлъ

великодушный миръ.—Передъ Богомъ, у меня нѣтъ другой политики относительно вашего императорскаго величества, какъ заставить васъ подумать о предупрежденіи несчастій, ихъ надо опасаться, и тѣмъ сохранить друга, который для меня безцѣненъ. Умоляю васъ размыслить о томъ, что я вамъ написалъ *), и будьте увѣрены, что когда вы меня спросите о моихъ чувствахъ, я скажу вамъ о нихъ съ чистосердечною откровенностью; сверхъ того, вы меня найдете всегда готовымъ ко всему, что вы только заблагоразсудите предпринять. Какъ неразлучный другъ вашъ, я буду содѣйствовать, по обстоятельствамъ своимъ, всѣми силами въ затруднительныхъ положеніяхъ, во всемъ, что ваше императорское величество пожелаетъ.

Это чувство сохраню до могилы и пребуду съ величайшимъ уваженіемъ и нѣжнѣйшею дружбою, государь мой братъ, вашего императорскаго величества, добрый братъ и вѣрный союзникъ до конца жизни Фридрихъ.

XIV.

Петръ III къ Фридриху II.

(Безъ означенія числа и мѣста).

Государь, мой братъ! Какъ вижу по письму отъ этого мѣсяца, ваше величество не имѣли другихъ извѣстій отъ своего министра въ

со стороны англичанъ; но Петръ III всѣми силами радѣлъ, чтобъ вновь привлечь правительство Англіи на помощь Пруссіи. Графу Воронцову (Мих. Ларіоновичу, канцлеру) дана была императоромъ инструкція, въ первомъ пунктѣ которой было сказано: «Надо сдѣлать все на свѣтѣ, чтобъ поставить англійскаго короля въ тѣже хорошія отношенія, въ какихъ онъ былъ прежде съ прусскимъ королемъ». Въ остальныхъ пяти статьяхъ инструкціи предписывалось: открыть королю и англійскому народу—всѣ хитрости любимца графа Бютта противъ прусскаго короля, выставить весь стыдъ, въ который повергнется англійская нація, если правительство ея заключитъ миръ съ Австріей; сдѣлать всевозможное для отвращенія прежней пріязни англійскаго короля къ Даніи; дѣлать всѣ усилія для привлеченія Англіи въ союзъ съ Пруссіей и Россіей, выставлять все хорошее, что могло бы произойти изъ этого союза и выставляя съ другой стороны все дурное, что выйдетъ, если союзъ этотъ не состоится. Въ особенности предписывалось дать понять Англіи, что, не вступая въ союзъ съ Пруссіей и Россіей—она разорится, такъ какъ не получитъ лѣса для мачтъ, кожъ, желѣза, конопляннаго масла и проч. сырыхъ произведеній—которыя она во множествѣ получаетъ изъ Россіи; наконецъ всѣ сообщенія англійскаго правительства русскому послу въ Лондонѣ приказано было немедленно сообщать уполномоченному прусскаго короля.—Копія съ этой инструкціи была препровождена отъ Петра III къ Фридриху II.

Ред.

***) «. . . . de la faire pensera prevenir les malheurs qui Sont à craindre et de conserver un Ami qui pour moi est d'un prix instimables, je la Conjure de donner quelques reflexions, a ce que je viens de Luy Ecrire...»

Копенгагенѣ, кромѣ того, что тамъ ни о чемъ не думали, какъ объ оборонѣ. Могу васъ увѣрить, что я получилъ совершенно иныя извѣстія отъ генерала Румянцова, который мнѣ пишетъ, что не только полковникъ Беллингъ (Belling) его увѣдомилъ, но еще маіоръ Фетто (Fettau), состоящій въ моей службѣ—писалъ, что датчане готовились къ кампаніи, и чтобы ее возможно было скорѣе начать, они уже выдвинули Буловена (Bulowen) впередъ съ гренадерами арміи для вступленія въ Мекленбургію, что до генерала Жермена, онъ просилъ-было у города Любека позволенія провести чрезъ него колонну, но городъ отказалъ и ставитъ пушки на укрѣпленіяхъ. Какъ извѣстіе, сообщенное полковникомъ Беллингомъ генералу Румянцову не могло быть прислано безъ особеннаго приказанія вашего величества, то я не могу довольно возблагодарить васъ и увѣрить въ всегдашней, тойже дружбѣ; прошу васъ только дать тѣже приказанія принцу Беверскому (Bevern) въ Штетинѣ, чтобъ онъ помогалъ Румянцову столько, сколько можетъ.

Чтобъ возвратиться къ дѣлу, ваше величество пишетъ мнѣ о провіантѣ: я уже отдалъ приказъ обо всемъ и надѣюсь, что ни въ чемъ не будетъ недостатка; что же касается до флота — онъ не въ очень хорошемъ состояніи, кромѣ той части, которая пойдетъ въ Кольбергъ— прикрытіемъ небольшихъ судовъ съ хлѣбомъ; относительно шведскаго флота, я не думаю, чтобы это предпріятіе могло осуществиться, такъ какъ извѣстно, что они слишкомъ хороши съ французами, чтобы что-либо сдѣлать безъ ихъ совѣта, а потому надо думать только объ войнѣ на сушѣ.

Ваше величество пишетъ, что, по вашему мнѣнію, по отношенію къ народу я долженъ короноваться прежде нежели ѣхать въ армію; надобно однако вамъ сказать, что (такъ) какъ война эта почти уже началась, то я не вижу вовсе средства короноваться прежде, именно относительно самого народа, такъ какъ я не могу совершить коронованіе съ великолѣпіемъ, къ которому привыкъ народъ. Я не могу короноваться — потому что ничего не готово и ничего за скоростью нельзя здѣсь найти; что же касается принца Ивана, онъ у меня подъ крѣпкой стражей*), и если бы русскіе хотѣли мнѣ зла, они

*) . . . «Vostre Majesté m'écrit qu'elle pensoit que je devoit me faire couronner auparavant d'aller a l'armee par apport a la nation il faut dont que je lui dise que comme cette guerre est presque a commencer je ne voit point la moyen de me faire couronner auparavant par a port meme de la nation pour la faire avec la magnificence qu'il sont accoutumé je ne la pourroit pas faire n'ayant rien trouver ici dans la vitess pour ce qu'il du Jwan je lai sous une forte garde et s'il les Russes mauvoit voulue du mal il l'aurois deja longtemps pue faire voyant que je ne prends guarde a moÿ me remettant toujours a la garde du Bon Dieux allant a piedt par la rue come Goltz en est le temoin je peut vous l'as-

давно могли бы мнѣ сдѣлать, такъ какъ я вовсе не остерегаюсь, предаю себя на сохраненіе Богу: хожу пѣшкомъ по улицамъ, свидѣтелемъ тому—Гольтцъ. Могу васъ увѣрить, что когда умѣютъ взяться за нихъ (русскихъ), то можно на нихъ положиться. А что бы подумали обо мнѣ эти самые русскіе, когда-бъ увидѣли, что я остаюсь дома во время войны въ моемъ отечествѣ, они, которые никогда не желали иного, какъ имѣть государя, а не женщину, это я самъ разъ двадцать слышалъ отъ моихъ собственныхъ солдатъ моего полка: „Дай Богъ, говаривали они, чтобы вы скорѣй стали нашимъ государемъ, чтобы намъ не быть болѣе подъ владычествомъ женщины“, а что еще сильнѣе: не стану ли я себя упрекать всю свою жизнь въ подлой трусости и съ горести, конечно, я умру, такъ какъ я увижу въ себѣ единственнаго изъ государей своего рода, оставшагося дома во время войны, которую ведутъ, чтобы возвратить несправедливо отнятое у моихъ предковъ и я во многомъ потерялъ бы уваженіе вашего величества, еслибы это сдѣлалъ. Что касается до предосторожностей, обѣщаю вашему величеству, что всѣ будутъ приняты, какъ въ отношеніи иностранныхъ министровъ, такъ и относительно (назначенія) наблюдателей, которыхъ оставлю здѣсь. Затѣмъ мнѣ остается только благодарить ваше величество за всю дружбу, которую вы оказываете моей особѣ. Прошу васъ помогать мнѣ вашими безцѣнными совѣтами и будьте увѣрены, что я ими очень дорожу; обѣщая вамъ быть всю жизнь мою.

P. S. Какъ (когда) маршалъ Минихъ будетъ настойчиво спрашивать васъ относительно графства Виртемберга, то прошу ваше величество отвѣтить ему, что вы отдали его въ мое распоряженіе.

---

surer que quand on scait se prendre avec eux on peut aussi estre sur d'eux et Vostre Majesté que penseroit ces memes Russes de moy voyant que je resteraÿ au logis dans un temps de guerre dans mon pais natal eux qu'il pont jamais souhaité austrement que d'estre sous un maistre et pas sous une femme ce que j'ai moy meme vingt fois entendue de mes propres soldats de mon regiment disant: Dieux fasse que vous serez au plus vite nostre Maitre pour qut nous ne cogors (?) plus sous la domination d'une femme et ce qu'il est le plus fort ne m'auroit je pas a me reprocher toute ma vie une poltronerie lache dont je mourirait surement de chagrin estant le premier Prince de ma maison qu' il aurait resté au logis dans une Guerre qui se fait pourra voir ce qu' on avoit arraché injustement a se ancestres et Vostre Majesté perdroit beaucoup de son estime pour moy s'il je le feroit»....

XV.

Петръ III—Фридриху II.

Май 1762 г. С.-Петербургъ *).

Государь мой братъ! Вы меня совершенно смутили вашими похвалами, такъ что я не знаю какъ и отвѣчать на нихъ. Ваше величество говоритъ относительно мира, что я заключилъ его безинтересно. Могу васъ увѣрить, что я ничего не сдѣлалъ кромѣ того, что подсказало мнѣ мое сердце; оно мнѣ напомнило прежнюю привязанность, которую питалъ всегда къ вамъ и которую ваше величество ежедневно заставляете усиливаться, выказывая мнѣ свой прямой и дружескій образъ мыслей, который конечно безпримѣренъ и который я вполнѣ цѣню. Ваше величество говоритъ, между прочимъ, въ своемъ письмѣ, что не вѣритъ, чтобы родные братья могли бы сдѣлать для него то, что я дѣлаю. Могу васъ увѣрить въ этомъ отношеніи и не хвалясь скажу: не думаю, чтобы кто-нибудь изъ братьевъ былъ къ вамъ такъ привязанъ и такъ вѣренъ какъ я; я убѣжденъ, что ни одинъ изъ собственныхъ подданныхъ вашихъ не привязанъ болѣе моего къ вашему величеству. Сошлюсь на г. Гольтца, я ему совѣтовалъ всегда очень остерегаться, ничего не дѣлать такого, изъ чего можно бы было заподозрить что-либо противное вашимъ интересамъ.

Ваше величество, желая показать мнѣ истинную свою дружбу, преисполнили меня радостью предложеніемъ мнѣ въ своей славной арміи—С.-Петербургскаго полка.—Я былъ бы весьма неблагодарнымъ, еслибы въ ту-же минуту не принялъ бы этотъ прекрасный полкъ; я обѣщаю вашему величеству, что вы не дали полкъ лѣнивцу; я постараюсь улучшить его самыми красивыми людьми моей страны. Ваше величество доставило бы мнѣ еще большее удовольствіе, еслибы отправили его въ корпусъ полковника Беллинга, чтобы я могъ его имѣть съ собою противъ датчанъ. Предложеніе ваше принять полкъ въ моей арміи меня еще болѣе обрадовало, но какъ собственные глаза вѣрнѣе, я думаю, что когда прибуду самъ въ армію, то выберу одинъ полкъ, который своею храбростью и красотою былъ бы достоинъ столь великаго героя каковъ ваше величество; что касается до формы, прошу васъ самихъ выбрать, лишь только бы платье было зеленое. Впрочемъ, я ничего не могу сказать какъ только (то), что я съ всевозмож-

---

*) Французская копія сего письма, руки тайнаго секретаря—Дмитрія Васильевича Волкова; письмо Фридриха II, на которое переведенное нами (№ 15-й) служитъ отвѣтомъ, не имѣется въ нашемъ сборникѣ копій. Ред.

ною привязанностью, государь мой братъ, вашего величества добрый братъ и вѣрный союзникъ до смерти Петръ. С.-Петербургъ.

Май, 1762 г.

P. S. Такъ какъ я только что вспомнилъ одинъ полкъ очень хорошій въ дѣлѣ, то предлагаю его вашему величеству: это второй Московскій полкъ князя Репнина. Онъ почтетъ за величайшую честь быть подъ вашимъ начальствомъ и представиться съ упомянутымъ полкомъ вашему величеству.

Примѣч: Въ числѣ первыхъ распоряженій Екатерины II, по восшествіи ея на престолъ, было объявленіе 7 іюля 1762 г. о томъ, что коронованіе ея будетъ совершено въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ. — Вѣроятно, что эта поспѣшность могла быть слѣдствіемъ совѣта, найденнаго ею въ одномъ изъ писемъ Фридриха къ Петру. Что до политическихъ отношеній Россіи, то онѣ тотчасъ измѣнились: графъ Чернышовъ получилъ приказъ возвратиться съ корпусомъ своимъ въ Россію, генералъ-поручикъ Воейковъ получилъ приказаніе объявить, что войска наши будутъ продолжать занимать завоеванныя области (вопреки трактата 24 апр. 1762 г.). — Причину нарушенія трактата съ Пруссіей русскіе писатели объясняютъ тѣмъ, что Екатерина полагала непріязненнымъ къ себѣ Фридриха; но пересмотрѣвъ его письма къ Петру III, она будто бы нашла въ одномъ изъ нихъ совѣтъ: „не дѣлать быстрыхъ переворотовъ въ государствѣ; щадить нравы и обычаи народа; только въ крайнихъ случаяхъ приниматься за нововведенія и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ болѣе слѣдовать внушеніямъ благороднаго и нѣжнаго сердца его супруги, которое никогда не ошибется въ выборѣ благихъ мѣръ, чѣмъ горделивой и часто обманчивой увѣренности въ собственныхъ силахъ“.—Эти строки, замѣчаютъ русскіе писатели, обезоружили монархиню и съ Пруссіей заключенъ дружественный союзъ. Въ какой мѣрѣ справедливо существованіе письма, изъ котораго приводится отрывокъ русскими писателями, не знаемъ; по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ сообщенномъ намъ Н. Г. Устряловымъ сборникѣ копій съ подлинной переписки Фридриха II съ Петромъ III-мъ.

Ред.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II

къ

ГРАФУ СТАКЕЛЬБЕРГУ.

1773—1793.

Печатаемыя въ „Русской Старинѣ“ письма императрицы Екатерины II къ графу Стакельбергу относятся къ дѣламъ польскимъ, отчасти и къ курляндскимъ (съ 1773 по 1791) и къ шведскимъ (съ 1791 и 1793). Письма, адресованныя Екатериною II въ Варшаву, обрисовываютъ нѣкоторыя черты ея политики въ отношеніи Польши, касаясь, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ дѣлъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ (№№ 1, 2, 7, 12 и друг.) весьма характеристичны. Письма же, полученныя отъ императрицы графомъ Стакельбергомъ во время бытности его въ Стокгольмѣ, безъ исключенія всѣ, имѣютъ чрезвычайно-важный историческій интересъ, такъ какъ изъ нихъ видно намѣреніе Екатерины сблизиться сколь возможно тѣснѣе со Швеціею для возстановленія прежняго порядка во Франціи, и образовать сѣверную силу изъ Россіи, Швеціи и Даніи для противодѣйствія Англіи и Пруссіи, которыя, по мнѣнію Екатерины II, поддерживали изъ своихъ политическихъ разсчетовъ революціонную анархію во Франціи.

Графъ Оттонъ-Магнусъ Стакельбергъ, съ которымъ переписывалась Екатерина II, по происхожденію лифляндскій дворянинъ, родился въ 1736, умеръ въ 1800 году. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ русскихъ дипломатовъ прошлаго столѣтія, занимая мѣсто посланника при варшавскомъ, мадридскомъ и стокгольмскомъ дворахъ. Въ 1775 году Стакельбергъ былъ возведенъ императоромъ Іосифомъ II въ графское достоинство Римской имперіи. Переписка его съ императрицею хранилась въ архивѣ родного его внука, генералъ-адъютанта графа Эрнеста Густавовича Стакельберга (род. 1813 г.), бывшаго русскимъ посломъ въ Парижѣ и умершаго тамъ же, въ 1869 г.; архивъ

этотъ хранился въ маіоратномъ имѣніи графа въ Изенгофѣ, въ Эстляндіи. Маіоратъ вмѣстѣ съ архивомъ перешелъ къ племяннику послѣдняго его владѣльца,—гвардіи полковнику и флигель-адъютанту графу Отто Оттовичу Стакельбергу. Просвѣщенному сочувствію графа Отто Оттовича къ разработкѣ отечественной исторіи мы обязаны, при посредствѣ графа Эмерика Карловича Чапскаго, представленіемъ настоящаго драгоцѣннаго собранія историческихъ документовъ на страницахъ „Русской Старины" *).

Всѣ французскія письма съ начала до конца писаны собственною рукою императрицы. Они напечатаны въ „Русской Старинѣ" безъ малѣйшихъ измѣненій; ихъ слогъ и длинные періоды представляютъ не мало затрудненій для точнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гладкаго перевода. Съ своей же стороны, при переводѣ ихъ, мы старались удержать въ точности каждую мысль, приближаясь къ оригиналу—насколько это было возможно,—и въ отношеніи самагоизложенія **). Что же касается писемъ на русскомъ языкѣ, то они не были писаны самою Екатериною. Поэтому, при изданіи ихъ, мы для бо̀льшей ясности держались современныхъ правилъ орѳографіи и разстановки знаковъ препинанія. При каждомъ русскомъ письмѣ приложенъ французскій его переводъ, и это заставляетъ предполагать, что графъ Стакельбергъ былъ плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ и даже, быть можетъ, вовсе не зналъ его. Само собою разумѣется, что мы нашли совершенно излишнимъ помѣщать эти переводы съ русскаго подлинника на франц. языкъ.

Ред.

---

*) Независимо отъ большого собранія писемъ Екатерины II,—гр. О. О Стакельбергъ и гр. Э. К. Чапскій представили въ распоряженіе «Русской Старины» письма великаго князя Павла Петровича, короля прусскаго Фридриха II,—множество писемъ послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа, короля шведскаго Густава III,—князя Потемкина и другихъ лицъ, замѣчательныхъ въ исторіи XVIII столѣтія. Всѣ эти письма,—равно какъ черновые брульены депешъ гр. О. М. Стакельберга, знаменитаго представителя Россіи при государствахъ западной Европы,—постепенно явятся на страницахъ нашего изданія. Долгомъ считаемъ изъявить глубочайшую нашу признательность гр. О. О. Стакельбергу и гр. Э. К. Чапскому за сочувствіе и содѣйствіе «Русской Старинѣ» къ обнародованію памятниковъ, проливающихъ свѣтъ на весьма важные моменты въ отечественной исторіи прошлаго столѣтія. Ред.

**) Переводъ писемъ принадлежитъ Маріи Михайловнѣ Бобрищевой-Пушкиной. Ред.

I.

Письма Екатерины II по дѣламъ польскимъ.

1773—1791 г.

I.

(Переводъ).—Господинъ баронъ Стакельбергъ. Письмомъ моимъ на этотъ разъ я желаю обратить ваше вниманіе на то, чтобы на предстоящемъ сеймѣ неповредили интересамъ герцога Петра Курляндскаго*); его въ настоящее время сильно безпокоятъ два дѣла. Во-первыхъ, недоразумѣнія съ дворянствомъ по поводу депутата избраннаго противъ его воли чрезвычайно безразсудно и видимо сдѣлано на зло, несмотря на то, что его слѣдовало выбрать сообща съ герцогомъ и послать на сеймъ для соблюденія общихъ интересовъ. Всякаго рода козни какъ тайныя, такъ и явныя противъ герцога мнѣ положительно не нравятся; я чую въ нихъ саксонскій духъ, который стремится если не уничтожить дѣло моихъ рукъ, то, по меньшей мѣрѣ, пытается испортить его въ сущности хотя и жалкими и чрезвычайно неудачными придирками, но цѣль ихъ слишкомъ очевидна. Другое дѣло безпокою-

*) Сынъ извѣстнаго Бирона, который, въ 1772 г., еще при жизни своей уступилъ ему свои герцогскія права. Въ 1795 году герцогъ Петръ отказался за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ верховныхъ правъ надъ Курляндіею въ пользу Россіи. **Ред.**

I.(Подлинникъ). Monsieur le Baron de Stakelberg. Je Vous écrit celle-çi pour Vous enjoindre d'avoir attention qu'a la Diete presente il ne Soit fait aucun tort aux interets du Duc Pierre de Courlande, il a deux affaires qui le tracasse beaucoup dans le moment present. La premiere Sa mesintelligence avec La Noblesse au Sujet du Deputé que celle ci a élu malgre lui et avec beaucoup d'inconsequence et d'animosité, tandis qu'ils en devoit envoyer un conjointement avec le Duc a la Diete pour veiller au bien commun. Toute les maniganсes ouvertes ou cachées qu'on fait contre ce Duc ne peuvent que me deplaire, j'y trouve une odeur Saxone qui ne tend pas a moins qu'a detruire mon ouvrage ou au moins a le traverser par des chicanes meprisables au fond mais toujour incommode et dont la visée ne Sauroit ce cacher. L'Autre affaire qui tracasse encore ce meme Duc, est un procès que Son frere ce malheureux Prince Charle lui veut intenter, au Sujet d'une convention faite du vivant de leur Père et qu'il pretend renverser en plaidant devant les Tribunaux de Justice mercenaire de la Pologne. Il remue deja beaucoup a ce Sujet au dire de Son frère le Duc de Courlande. Je Vous recomande les interets du Duc mon protegée et mon ouvrage entant que la justice Soye de Son coté, je souhaite

щее того-же герцога—процессъ, который затѣваетъ братъ его, несчастный принцъ Карлъ по поводу условія, сдѣланнаго ими еще при жизни отца,—условія, которое онъ надѣется уничтожить силою продажныхъ судовъ Польши. Онъ уже много хлопочетъ объ этомъ, какъ говоритъ братъ его герцогъ Курляндскій. Поручаю вамъ блюсти интересы герцога, состоящаго подъ моимъ покровительствомъ, и моего дѣла насколько позволитъ справедливость. Я желаю ему спокойствія и мира, — ему и его землѣ. Вы должны дѣйствовать въ этомъ случаѣ со свойственною вамъ осторожностью и кротостью; качества эти я такъ цѣню и уважаю въ васъ. Продолжайте такъ, какъ вы начали; я особенно довольна тѣмъ, что вы избѣгаете всякаго рода придирки, что вы не признаете ихъ силой и, по возможности, удаляете отъ дѣла крутыя мѣры. Желаю вамъ успѣха и добраго здоровья. Екатерина.

Царское-Село. 26 мая 1773 года.

II.

(Переводъ).—Петербургъ, сего 5 августа 1774 г. Господинъ баронъ Стакельбергъ. Изъ письма вашего отъ 22 іюля я вижу, что вы, какъ добрый и ревностный патріотъ, раздѣляете мое довольство миромъ *), также какъ и баронъ Синій (вотъ настоящее его имя), вашъ старый другъ и товарищъ, который, вопреки дружеской связи и сходству съ вами, непремѣнно умретъ отъ удара, вслѣдствіе несваренія въ желудкѣ; тогда какъ вы отправитесь, какъ вамъ извѣстно, навѣрное отъ

*) Рѣчь идетъ о Кучукъ-Канарджійскомъ мирѣ, заключенномъ между Россіею и Турціею 10-го іюля 1774 года.

Son repos et Sa tranquilité et celui de Son pays. Vous traiterés Ses interets avec cette prudence et cette douçeur qui Vous est naturelle, que j'estime en Vous et dont je fait tant de cas. Continués comme Vous avés commençés, je Suis surtout tres contente de voir que Vous évités toutes les méchancetés que Vous Separés cellesçi d'avec la vigeur et que Vous ecartées autant que faire ce peut tout les actes de Violence. Au reste je Vous souhaite un heureux Succès et une bonne Santé. Caterine.

a Czarskocelo ce 26 May 1773.

à St. Petersb. ce 5 d'Aout. 1774.

II. (Подлинникъ). Monsieur le Baron de Stakelberg. Par Votre lettre du 22 Juillet je vois qu'en bon et zelé patriote Vous partagé mon contentement Sur la paix, et celui de M-r le Baron de Grosbleu (voila Son vrai nom:) Votre ancien Ami et Compagnon, qui cependant malgré les liaisons et analogies intime avec Vous ne mourra jamais que d'une appoplexie d'indigestion, tandis que Vous Vous en irés comme Vous le savés pour Sur de la jaunisse, non pas tout a fait de celle que la prosperité de nos Voisins, Vous donera, mais bien de celle dont Vous étiés menaçés certain Printems a Czarskojé çelo lorsque

желчи, которая разольется въ васъ безъ сомнѣнія не при видѣ благоденствія нашихъ сосѣдей, но отъ бѣды грозившей вамъ въ памятную вамъ весну въ Царскомъ Селѣ, когда съ одной стороны васъ поражали лютеранскія проповѣди, а съ другой трогательныя и чувствительныя сцены полуиспанскаго романа. Вашъ собратъ, несмотря на духъ противорѣчія, не заикнулся о мирѣ, его вѣроятно бѣситъ то, что ему тутъ не къ чему придраться; это доказываетъ намъ—догадливымъ людямъ, что миръ хорошъ; правда, миръ нѣсколько замазываетъ ротъ многимъ и главнымъ образомъ относительно тѣхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ ручались головою, что они рѣшены несправедливо.

Нѣсколько дней послѣ пріѣзда графа Румянцова, который привезъ эту новость, я видѣла весь дипломатическій корпусъ въ Ораніенбаумѣ; дѣйствительно веселы были только датскій и англійскій посланники, прусскій и австрійскій были немного грустнѣе, вашъ другъ Браницкій поражалъ своей вытянутой физіономіей, Испанія – имѣла смущенный видъ; Франція, огорченная, задумчивая, прохаживалась одиноко, скрестивъ руки на груди; Швеція лишилась аппетита и сна, о Саксоніи, какъ вамъ извѣстно, никогда не говорится; поэтому и я умолчу о ея таинственныхъ чувствованіяхъ. Впрочемъ, мы вели себя очень скромно въ отношеніи къ нимъ и они какъ-бы не слыхали ни слова о мирѣ; миръ такъ славно говоритъ самъ за себя, что мнѣ и незачѣмъ было о немъ распространяться. Да благословитъ васъ небо, господинъ баронъ, да прострется это благословеніе даже на собачекъ вашей супруги, да будетъ у нихъ такое же многочисленное потомство, какъ у друга Тома, который самъ-четырнадцать прогуливается въ са-

---

Vous Vous trouviés entre les preches Lutheriens et le tracasseries agreables et touchantes d'un Roman mi parti Espagnol. Votre confrere malgre Son esprit de contradiction n'a pas Souffle le mot Sur la paix, je Suppose qu'il enrage de ne pouvoir rien y trouver a redire, cela nous prouve a nous autres gens a grandes combinaisons, que la Paix est bonne, il est vrai quelle ferme la bouche un tantinet a tout plein de gens Sur plus d'un article et particulierement Sur ceux ou on Se tuoit de persuader au Genre humain le contraire de la realité. J'ai vuë quelques jours après l'arrivé du jeune Cte Romenzow avec cette nouvelle tout le corps Diplomatique a Oranienbaum, je n'ai trouvée de vraiment guai que les Envoyés de Danemark et d'Angleterre, celui de Prusse et d'Autriche avoit une nuance de moins, Votre Ami Branitzki avoit la façe un peu allongé. L'Espagne étoit consternée, la france triste, morne, ce promenant tout Seul les bras croisé. La Suede avait perdu l'apetit et le Someil, de la Saxe Vous savés qu'il n'est jamais question, ainsi je ne parlerai point de Ses Sensations imperceptibles. Au reste nous avons été tres modestes vis a vis d'eux, et casi ils n'ont pas entendu parler de la paix; Elle parle Si bien bien d'elle meme que je n'ai que faire d'en parler beaucoup. Que le Ciel Vous benisse

дахъ Царскаго Села. Кстати, вы бы не узнали этихъ садовъ, такъ много я въ нихъ сдѣлала измѣненій и улучшеній. Прощайте, баронъ, будьте здоровы и продолжайте служить мнѣ такъ, какъ доселѣ. Екатерина *).

III.

(Переводъ). Господинъ баронъ Стакельбергъ. Графъ Браницкій **) настоятельно просилъ меня передать вамъ въ этомъ письмѣ, что во все время его пребыванія здѣсь, онъ непрерывно заявлялъ, что нѣтъ поляка болѣе его преданнаго моей державѣ и лично мнѣ. Зная графа уже много лѣтъ и признавая его въ высшей степени честнымъ человѣкомъ, я, по справедливости, не могу въ то же время сомнѣваться въ его увѣреніяхъ. Надѣюсь, что по возвращеніи графа въ отечество, его поведеніе будетъ вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ чувствамъ, которыя имъ были высказаны здѣсь и самое лучшее, что вы можете сдѣлать— поддерживать это, доставляя ему возможность проявить его доброе расположеніе; итакъ, я была бы очень рада, еслибъ вы, кромѣ того, обезпечили его на родинѣ въ матеріальномъ отношеніи, какъ онъ того

*) Изъ всего собранія писемъ Екатерины II—напечатанныхъ нынѣ «Русской Стариной», только это письмо—было уже издано. Именно въ сочиненіяхъ Екатерины II, изд. Смирдина, (т. III, 1850 г. стр. 369) помѣщенъ русскій переводъ этого письма, но съ большими противъ подлинника ошибками. **Ред.**

) Браницкій, Францискъ-Ксаверій (въ Россіи графъ Ксаверій Петровичъ), королевскій великій гетманъ, потомъ генералъ отъ инфантеріи русской службы † 1819 года. Онъ былъ женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, родной племянницѣ князя Потемкина. **Ред.

Monsieur le Baron que cette benediction S'etende meme jusque Sur la Meute de Madame Votre épouse, puissiés Vous voir et carresser autant de rejettons de Ses favoris que j'ai le plaisir d'en voir de l'Ami Tom, qui ce promene lui quatorzieme dans les jardins de Czarskoçelo. Vous ne reconnoitreïés point ceux çi, Soit dit par parenthese, Si Vous les voyés, tant j'ai fait faire de changemens et d'embellissemens. Adieu Baron portés Vous bien et continués a me Servir comme Vous avés fait jusqu'ici Caterine.

III. (Подлинникъ). Monsieur le Baron de Stakelberg. Le C-te Branitski ma fait prier instament de Vous faire cette lettre pour Vous dire qu'il n'a pas discontinués depuis Son arrivé jusqu'a Son depart d'ici de me protester qu'il ni avoit pas de Polonois plus attachés a mon Empire et a moi personellement que lui, comme je connois le Cte: Branitzky depuis longues années et que je lui ai reconnue un fond de probité inalterable je ne puis Sans lui faire tort revoquer en doute Ses protestations. J'espere qu'a Son retourdans Sa patrie Sa conduite repondra parfaitement au dispositions qu'il ma marqués içi, et Vous ne Saurés mieux faire qu'en les cultivant et en lui fournissant les occasions favorables pour les deployer, en consequences de quoi aussi je Serai tres contente

желаетъ; объ этомъ графъ Панинъ дастъ вамъ болѣе точныя свѣдѣнія. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина.

Царское-Село сего 24 августа 1774 года.

IV.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Зная готовность вашу приводить въ исполненіе мои намѣренія, я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что вы употребите всѣ старанія къ окончанію дѣла о покупкѣ Шклова *), такъ какъ вы бы навѣрное исполнили порученіе князя, еслибъ взялись за него. Прощайте, небо да благословитъ васъ. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 1 февраля 1778 года.

V.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Шведы, по вашимъ разсказамъ, имѣютъ обыкновеніе говорить: Sie so? ja so (вы такъ? да такъ), а Спаситель говоритъ въ Евангеліи, которое вы читали и слышали только на нѣмецкомъ языкѣ: „Wer Ohren hat zu hören der höre, wer Augen hat zu sehen der sehe (имѣяй уши слышать, да слышитъ, имѣяй очи видѣть, да видитъ); посланникъ имѣетъ, я полагаю, и то и другое; но, говоря безъ обиняковъ, вотъ въ чемъ дѣло: я желала бы, чтобы вы, конечно ловкимъ образомъ, выговорили

*) Мѣстечко въ Могилевской губерніи. По присоединеніи этого края къ Россіи—Шкловъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ и подаренъ кн. Потемкину, послѣ того уже Шкловъ, по распоряженію же Екатерины II, пріобрѣтенъ для Зорича. Ред.

Si Vous lui obtenés dans Sa patrie les avantages du coté de la fortune qu'il desire et Sur lesquels le Cte: Panin Vous instruira plus particulierement, Adieu portés Vous bien. Caterine.

a Czarskoçelo ce 24 d'Aout 1774.

IV. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg, conoissant Votre empressement a remplir mes intentions, je ne doute nullement que Vous employerés Vos Soins a faire terminer Selon Nos desirs l'affaire de l'achat de Sklow, car Vous auriés reussi a faire la delegation Princesse (sic) Si Vous l'aviés entrepris. Adieu que le Ciel Vous benisse. Caterine.

a St: Petersb. ce 1 fevreïer 1778.

V. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte Stakelberg. Les Suedois Selon Votre tradition on coutume de dire Sin so, ja so, et Notre Seigneur dit dans l'Evangile que Vous n'avés lu ni n'entendés qu'en Allemand wer Ohren hat zu hören der höre, wer Augen hat zu sehen der sehe, or un Ambassadeur a l'un et l'autre comme je Supose, mais Sans tant tourner autour du pot Voiçi tout net dequoi il S'agit. Je Souhaiterai que Vous negoçié tres habillement cela va Sans dire un Ruban de l'aigle Blanc a confier entre mes mains, il ne Sera

мнѣ условіе распорядиться однимъ орденомъ Бѣлаго Орла; я хочу дать его человѣку въ чинѣ генералъ-маіора, имя котораго выписывать здѣсь мнѣ кажется лишнимъ. Доставьте мнѣ этотъ орденъ къ 20-му сентября и примите заранѣе мою благодарность, хотя дѣло еще не сдѣлано. Да благословитъ и наградитъ васъ Богъ. Прилагаю къ сему посланіе отъ одной изъ вашихъ старыхъ или новыхъ знакомыхъ личностей, которую рекомендую вамъ съ очень хорошей стороны. Екатерина.

Петергофъ, сего 18 іюля 1778 года.

VI.

(Переводъ). Господинъ посланникъ. Такъ какъ процессъ полковника Каховскаго съ графомъ Огинскимъ *) въ польскомъ судѣ еще не оконченъ, то я повторяю вамъ приказаніе обратить должное вниманіе на это дѣло и, насколько возможно справедливо и по закону, рѣшить его. Екатерина.

19 сентября 1778 года.

VII.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Со всѣхъ сторонъ я слышу жалобы курляндскаго дворянства на ихъ герцога. Знайте, что мое правосудіе недопускаетъ, чтобъ какимъ бы то ни было образомъ вы покровительствовали несправедливостямъ съ его стороны. Кромѣ того, я желаю, чтобъ на сеймѣ по этому дѣлу вы дали полную свободу правдѣ и не стѣсняли подачу голосовъ.

*) Михаилъ-Казиміръ Огинскій, великій гетманъ литовскій, р. 1731 † 1801 г. Ред.

---

donné par moi qu'a unne personne du rang de General Major mais dont je ne trouve point a propos d'Articuler le nom ici tout au long, faite moi avoir cela vers le 20 Septembre et reçevés en d'avance mes remerciment comme d'une chose faite quoiqu'Elle ne le Soye pas encore. Que le Ciel Vous benisse et Vous tienne en joye, Sijoint Vous trouveré la messive d'une de Vos ancienne ou nouvelle connoissance que je Vous recommande fortement. Caterine.

à Peterhof ce 18 Juillet 1778.

VI. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur. Comme le Procés du Collonel Kachowsky avec le Comte Oginsky au Tribunal de Pologne n'est pas encore decidé, je vous reitere mes ordres la dessus d'appuyer cette affaire autant qu'il vous Sera possible de lui rendre Justice conformement au Loix. Caterine.

le 19 de Septembre 1778.

VII. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. J'entend de tout coté de forte plainte de la Noblesse de Courlande contre leur Duc. Je veux bien que Vous Sachiés que mon équité exige qu'en aucune façon les injustiçe ce de Duc ne Soyent protegées par Vous. Je veux en outre et je Souhaite que Vous laissiés a la Diete dans cette affaire comme en toute

Сверхъ того я желаю, чтобъ вы представили мнѣ полный отчетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла и не принимали никакихъ приказаній, кромѣ моихъ. Екатерина.

С.-Петербургъ, 20 октября 1778 года.

VIII.

Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Повелѣваю вамъ этимъ письмомъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ защищать интересы города Риги и лифляндскихъ моихъ подданныхъ по дѣлу курляндскихъ таможенъ противъ покушеній герцога. Не обращайте вниманія ни на какіе совѣты, рескрипты, приказы или письма, противные этому, откуда бы они ни были. Вы ограничитесь единственно моими приказаніями по этому дѣлу. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 21 октября 1778 года.

IX.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Письмомъ моимъ отъ 21 октября я вамъ ясно выразила, что было бы противно моей чести и правосудію, въ какомъ бы то ни было случаѣ, оправдывать несправедливость и насиліе. Я еще разъ повторяю это и прибавляю къ тому, что если я на случай, упомянутый въ данныхъ вамъ, два года тому назадъ, приказаніяхъ, сочла нужнымъ не обращать до поры до времени вниманія, то въ настоящее время я не противъ него, теперь отъ этого не страдаютъ ни интересы государства, ни слава, ни справедливость. Екатерина.

С.-Петербургъ, 24 октября 1778 г.

---

autre libre court a la justiçe et que Vous ne geniés point les Suffrages. De plus je desire encore que Vous me rendiés un compte exacte de la marche que prendrons Ses affaires et que Vous n'ayés égard a aucune autres ordres qu'au miens. Caterine.

à St. Petersb: ce 20 d'Octobre 1778.

VIII. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. Je Vous ordonne par celle çi de la façon la plus expresse, de Soutenir les interets de la Ville de Riga et de mes Sujets de livonie dans l'affaire des Douanes de Courlande contre les attentats du Duc. Vous n'aurés aucun égards au recommandations rescripts ordres ou lettres contraire a celleci qui pourroit Vous etre addressés de quelques part quelles puissent Vous venir, mais Vous Vous conformerés uniquement a ce que je Vous ordonne Sur cette affaire. Caterine..

à St. Petersb: ce 21 d'Oct. 1778.

IX. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. Par ma lettre du 21 d'Octobre je Vous ai tres distinctement articulé que ma gloire et mon equité ne me permettoit en aucune maniere de Proteger l'injustice et l'oppression, je Vous le reïtere par celle çi, j'y ajoute que Si le cas marqués

X *).

Господинъ посолъ графъ Стакельбергъ. По содержанію отвѣта вашего на письмо мое отъ 11 сентября 1778 г. по дѣлу полковника Каховскаго съ гетманомъ Огинскимъ, я не нахожу ничего болѣе вамъ вновь предписать, какъ только повторительно препоручить вашему радѣтельному старанію, чтобъ помянутый Каховскій не остался безъ надлежащаго, по справедливости, удовольствія въ дѣлѣ его. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина.

Санктпетербургъ, октября 8 дня, 1779 года.

XI.

Господинъ посолъ графъ Стакельбергъ. Удостовѣрившись изъ многихъ опытовъ, что большія издержки денежныхъ суммъ въ Польшѣ не принесли никакой существнтельной и прочной пользы, мы, по случаю предстоящаго сейма въ сей республикѣ, разсудили за благо изъявить вамъ волю нашу, что мы не намѣрены терять по напрасну иждивенія, слѣдственно и не позволяемъ вамъ дѣлать никакихъ новыхъ расходовъ, кромѣ пенсій, прежде отъ насъ пожалованныхъ, и потому высылать сюда векселя, кои не только здѣсь принимаемы не будутъ, но и возвращены будутъ къ вамъ. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, мая 1 дня, 1780 года.

XII.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Я усмо-

---

*) Подлинники №№ 10 и 11 писаны на французскомъ языкѣ, но рука секретаря, а не Екатерины II, почему здѣсь и опускаются; переводъ же принадлежитъ 1779 и 1780 годамъ.

---

dans les ordres que je Vous ai donné il y a deux ans et que j'ai trouvés appropos de Susprendre alors existoit je ne m'y opose point des que l'interet de l'état, la gloire, et la Justice Sont a l'abri de tout reproches. Caterine

à St: Petersb: ce 24 d'Octobre 1778.

XII. (Подлинникъ не руки Екатерины II). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. J'ai vu par Votre lettre au Comte Panin du $\frac{14}{25}$ février que l'eveque de Chelm Ryllo a passé en Gallicie Autrichienne. je Suis d'autant plus charmée qu'il ait par pris ce parti, que sa nomination à l'Archeveché de Polotzk ayant échouée, je suis libre à présent d'en disposer en faveur de mes propres Sujets, que je dois preferer toujours aux etrangers. Il m'est impossible de donner la main à la reunion de cet Archeveché avecla dignité metropolitaine du Rit uni dans la personne du Sieur Smogorzewsky, parceque la qualité de citoyen de mon Empire est incompatible avec celle de la Republique de Pologne; et comment peut-on servir deux maitres ensemble? Vous voyez bien Monsieur l'Ambassadeur, que si vous avez vos raisons politiques pour me proposer cette affaire, j'ai aussi de ma part des circonstances, des conjonctures et des conjectures qui me dictent un autre avis.

трѣла изъ вашего письма къ графу Панину отъ $\frac{12}{23}$ февраля, что епископъ Хельмскій, Рылло, переѣхалъ въ австрійскую Галицію. Я довольна этимъ, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ не осуществилось его назначеніе епископомъ въ Полоцкъ, и я свободно могу располагать имъ въ пользу своихъ собственныхъ подданныхъ, которыхъ непремѣнно должна предпочитать чужимъ. Я положительно не могу содѣйствовать соединенію этой архіепископской власти съ саномъ митрополита уніатскаго, въ лицѣ г. Смогоржевскаго, потому что достоинство гражданина моей имперіи несовмѣстимо съ достоинствомъ польскаго республиканца; да и какъ же можно служить двумъ господамъ? Итакъ, вы видите, господинъ посланникъ, что если у васъ есть политическія причины, на основаніи которыхъ вы предлагаете мнѣ это дѣло, то и я, по различнымъ обстоятельствамъ, да и по своимъ соображеніямъ, должна держаться противнаго мнѣнія.

Что касается іезуитовъ, то всякій разъ, когда нунцій будетъ говорить вамъ о желаніи папы обнародовать у меня буллу, которую вынудилъ у него испанскій король *), вы объявите ему отъ моего имени, что мое искреннее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ мои бѣлорусскія школы. То, что по требованію самого короля полезно въ Испаніи, не годится у меня, потому что на то нѣтъ моего согласія. Примѣръ короля прусскаго для меня не законъ **). Если

*) Извѣстная булла папы Климента XIV: «Dominus et redemptor noster», изданная имъ 13 іюля 1773 года по настоянію короля испанскаго Карла III и уничтожившая орденъ іезуитовъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ. Ред.

**) Король Фридрихъ Вильгельмъ II приказалъ закрыть въ Пруссіи школы, устроенныя іезуитами при предшественникѣ его, Фридрихѣ Великомъ.

Quant aux jesuites, chaque fois que Monsieur le Nonce vous insinuera le desir du Pape que je fasse publier la Bulle extorquée par le Roy d'Espagne vous lui insinuerez de ma part que mon desir sincere est que le Pape laisse dans un profond repos mes ecoles de la Russie Blanche. Ce qui fait loix utile pour l'Espagne le Roy d'Espagne ayant lui même exigé, n'en peut faire pour moi parceque mon consentiment y manque. L'exemple du Roy de Prusse n'en est pas un pour moi. S'il a detruit Ses ecoles; telle a eté Sa volonté: la mienne est que les ecoles existent. Si le Nonce vous parlera d'excommunication, vous lui rappellerez les Schismes et les Heresies auxquelles de telles demarches ont donné lieu des les tems les moins éclairés: D'ailleurs ils feront comme il leur plaira. Personne à ma place ne poussa la tolerance plus loin que moi. Cette tolerance a ramenée dans le giron de l'église Grecque plus d'une Peuplade Heretique et bien des Schismatiques qui ci-devant se brûlaient eux-memes ne se brulent plus, mais vont à notre eglise. En un mot jamais tolerance ne Servit mieux l'église des Apotres. Il est etonnant qu'on s'accroche tant à un institut utile tant qu'on le laissera occupé des ecoles, tandisque tant de faineants, mendiants etc., et par la meme dignes d'etre extirpés, comme nuisibles

онъ уничтожилъ свои школы, то на это была его воля; я желаю, чтобы онѣ существовали. Если нунцій будетъ говорить вамъ объ отлученіи отъ церкви, то вы ему напомните, что такія дѣйствія съ самыхъ непросвѣщенныхъ временъ порождали расколъ и ересь; впрочемъ они могутъ дѣлать, что хотятъ. Никто на моемъ мѣстѣ не простиралъ такъ далеко своей вѣротерпимости; она возвратила въ лоно православной церкви болѣе чѣмъ одно поселеніе еретиковъ и множество раскольниковъ, которые передъ тѣмъ сами себя сожигали, теперь этого больше не дѣлаютъ, а ходятъ въ нашу церковь; словомъ, никогда вѣротерпимость не оказывала такихъ услугъ апостольской церкви. Странно, такъ придираются къ полезному уставу тамъ, гдѣ онъ касается школъ, и въ то же время столько лѣнтяевъ, нищихъ и т. д., достойныхъ преслѣдованія, какъ существенно вредные, терпимы и имъ даже покровительствуютъ. Вы воспользуетесь передъ нунціемъ этими моими соображеніями, съ которыми я считала нужнымъ васъ познакомить, такъ какъ они достойны быть приняты къ свѣдѣнію. Впрочемъ, этой весной я предприму путешествіе въ Бѣлоруссію и ближе познакомлюсь со школами, которымъ покровительствую. Затѣмъ прошу Бога, господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Екатерина.

Петербургъ, $\frac{5}{16}$ мая (?) 1780.

XIII.

(Переводъ). Господинъ графъ Стакельбергъ. Повелѣваю вамъ разузнать со всевозможной точностью, какимъ образомъ и кто побудилъ короля польскаго послать орденъ Бѣлаго Орла каммергеру

à la bonne police sont soufferts et protegés. Vous ferez usage vis-à-vis du Nonce de ces miennes reflexions que je n'ai pas voulu vous laisser ignorer, parcequeelles meritent d'etre prises ad notam. Au reste je vais faire en Russie Blanche un voyage ce printems et je verrai de plus pres les ecoles que je protege. Sur cela je prie le bon Dieu, Monsieur l'Ambassadeur, qu'il vous aye dans Sa Sainte et digne garde. Caterine.

Petersbourg ce $\frac{5}{16}$ Mais 1780.

XIII. (Подлинникъ). Monsieur Le Comte de Stakelberg. Je Vous ordonne de Vous informer avec toute l'exactitude possible par quel canal et par qui le Roy de Pologne a été porté a envoyer l'Ordre de l'aigle blanc au Cham: Landskoy, et je ne puis donner a cellui çi la permission de reçevoir cet Ordre sans etre eclairci au vrai sur ce point; et je ne manquerai pas de renvoyer l'ordre tel qu'il a été aporté Si Votre reponse ne remplira point cette prescription Strikte que je Vous fait par Ses lignes. Caterine.

a Petersb: ce 26. Juin 1780.

Je Vous renvoye l'ordre parceque je hait l'intrigue. Reponde moi avec ce Courier.

Ланскому *); я не могу позволить ему принять орденъ до тѣхъ поръ, пока мои сомнѣнія не разрѣшатся; я не подумаю ни минуты отослать этотъ орденъ, такъ какъ онъ есть, если въ вашемъ отвѣтѣ не исполните того точнаго предписанія, которое дѣлаю вамъ въ этихъ строкахъ. Екатерина.

Петербургъ, 26-го іюня, 1780.

Отсылаю вамъ орденъ, потому что терпѣть не могу интригъ. Отвѣчайте съ этимъ же курьеромъ.

XIV **).

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, дѣло нашего генералъ-маіора Ивана Чернышева ***), съ хорунжимъ короннымъ, графомъ Потоцкимъ, и что онъ по сіе время не могъ одержать окончанія онаго. Мы препоручаемъ вашему попеченію и прилежному настоянію, чтобъ онъ въ просьбѣ своей скорѣйшее получилъ рѣшеніе по самой справедливости, уполномочивая васъ сказать отъ имени нашего его величеству королю польскому, что мы подтвержденіе его о доставленіи правосудія помянутому Чернышеву примемъ знакомъ искренней его къ намъ дружбы, такъ какъ можете вы внушить этимъ особамъ, до коихъ сіе дѣло касается, что мы, не требуя въ пользу нашего подданнаго ничего иного, кромѣ правосудія и непродолжительнаго конца, примемъ ихъ подвигъ въ томъ съ особливымъ благоволеніемъ. Равнымъ образомъ не оставьте вы его и въ другихъ надобностяхъ, гдѣ онъ къ заступленію вашему прибѣгнуть можетъ. Пребываемъ навсегда къ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, декабря 26, 1780 г.

XV.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. По повелѣнію нашему вы получите отъ вице-канцлера, графа Остермана, полныя наставленія для совершеннаго окончанія извѣстнаго Юліусова дѣла ****), коихъ точное исполненіе мы вамъ наисильнѣйшее подтверждаемъ, не

---

*) Ланской? Александръ Дмитріевичъ Ланской родился 8 марта 1758 г. Въ флигель-адъютанты пожалованъ въ 1780 году, потомъ былъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-поручикомъ. Находился въ случаѣ съ 1780 года по самую смерть — 26 іюня 1784 г. Ред.

**) Подлинники №№ 14 по 20 не собственной руки Екатерины II, почему здѣсь и опущены.

***) Иванъ Львовичъ Чернышевъ р. 1736—1793 г., отецъ бывшаго военнаго министра, князя Александра Ивановича Чернышева. Ред.

****) Въ чемъ заключалось это дѣло, мы доискаться не могли. Ред.

скрывая отъ васъ, что какъ рѣшеніе того дѣла стараніями вашими будетъ намъ весьма угодно; такъ напротивъ того продолженіе и новыя въ немъ затрудненія не могутъ намъ быть пріятны. Достиженію въ семъ успѣхѣ наибольше пособствовать можетъ, когда вы съ барономъ Тугутомъ, какъ въ семъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, будете поступать, какъ съ министромъ дружественной намъ державы, отвращая все то, что можетъ производить взаимную остуду и недовѣренность. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, января 25, 1781 г.

XVI.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Я предъ симъ писала къ вамъ объ употребленіи стараній вашихъ въ пользу генерала-маіора Чернышева, который имѣетъ въ Польшѣ дѣло о недвижимомъ имѣніи. Увѣдомившися, что оное вскорѣ рѣшено быть должно, вновь препоручаю вамъ способствовать со стороны вашей всевозможнымъ образомъ, чтобъ помянутому генералу-маіору доставлено было скорое и справедливое удовлетвореніе. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 3 дня, 1781 года.

XVII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ васъ писемъ, генералъ-маіоръ Чернышевъ посылаетъ всѣ крѣпости свои и другія доказательства, потребныя по его дѣлу, съ секундъ-маіоромъ Михалевымъ, который снабденъ отъ него повѣреннымъ письмомъ. Я и при семъ случаѣ подтверждаю вамъ о показаніи со стороны вашей всякаго благопристойнаго пособія къ скорѣйшему доставленію правосудія въ дѣлѣ его, Чернышева; а между тѣмъ, дабы крѣпости его въ цѣлости сохранены быть могли, не оставьте приложить старанія, чтобы изъ оныхъ сдѣланы были засвидѣтельствованныя копіи и обыкновенныя, тамъ отъ судовъ получаемыя, выписи, дабы не было нужды употреблять оригиналовъ. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 31 дня, 1781 года.

XVIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Имѣя извѣстія, что великій князь и великая княгиня будутъ въ Прагу къ первымъ

числамъ сентября, и зная желаніе ихъ поспѣшить своимъ сюда возвращеніемъ, я нахожу, что для нихъ самая ближайшая и удобнѣйшая дорога есть отъ Кракова прямо на Полоцкъ, оставляя Варшаву въ лѣвой сторонѣ. Но какъ для проѣзда ихъ потребно будетъ не малое число лошадей; то я поручаю вамъ приложить о томъ стараніе у тамошняго правительства, дабы къ проѣзду ихъ высочествъ по той дорогѣ сдѣланы были нужныя распоряженія *). О числѣ лошадей и о времени ихъ проѣзда снеситеся съ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ **). Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 19, 1782 г.

XIX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Когда уже по осмотрѣ генерала Комаржевскаго назначенная прежде дорога для возвращенія великаго князя и великой княгини изъ Кракова прямо на Полоцкъ оказалась вовсе непроѣздимою, то и предполагаю перемѣнить оную отъ Гродны на Ригу, о чемъ вы не оставьте донести его величеству королю польскому, и взять надлежащія мѣры къ проѣзду ихъ высочествъ сею дорогою. Пребываю впрочемъ съ непремѣннымъ благоволеніемъ вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, сентября 19, 1782 г.

XX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Тому уже близко года, что со стороны родственниковъ принца Людвига Виртембергъ-Штутгардскаго я увѣдомлена была о желаніи его сочетаться бракомъ съ дочерью князя Адама Черторижскаго ***). Находя многія въ томъ неудобности, я сказала имъ откровенно мои мысли о семъ союзѣ и потому не могла ожидать, чтобъ помянутый бракъ имѣлъ мѣсто. Не могу не примѣтить вамъ, что вы не прежде къ министерству моему написали о сей матеріи, какъ когда уже означенный принцъ, пріѣ-

---

*) Дѣло идетъ о путешествіи, предпринятомъ в. к. Павломъ Петровичемъ со второю супругою своею въ государства Европы. Осенью 1781 г. в. к. выѣхалъ изъ Спб. и возвратился въ него 20 ноября 1782 г. См. «Русскую Старину», т. I, изд. перв. стр. 297—299; изд. второе, стр. 128—130.

**) Николай Ивановичъ Салтыковъ, впослѣдствіи князь и генералъ-фельдмаршалъ, р. 1736 † 1816 году.

***) Князь Адамъ-Казиміръ, бывшій польскимъ посломъ въ Петербургѣ (р. 1733 † 1823), отецъ извѣстнаго князя Адама, приближеннаго императора Александра I. Дочь его княжна Марія (р. 1765 † 1854) вышла замужъ, несмотря на противодѣйствіе Екатерины II, за принца Людвига Виртембергскаго. Ред.

хавъ въ Варшаву для исполненія своего намѣренія, хотя, конечно, его намѣреніе долженствовало вамъ быть извѣстнымъ, и хотя вы обязаны были заврeменно о томъ отозваться и, соображая разныя тутъ невмѣстныя обстоятельства, требовать и ожидать отсюда отвѣта. Не принявъ съ моей стороны никакихъ о семъ бракосочетаніи увѣдомленій, я нахожу нужнымъ предписать вамъ, чтобъ вы, наблюдая за всѣми поступками князя Черторижскаго и его родственниковъ, или согласниковъ, старались отвращать всякое дѣйствіе, которое бы могло только клониться къ проложенію дороги ему, или новобрачному къ выбору на престолъ польскій, въ случаѣ ваканціи онаго, ибо то отнюдь не согласуетъ съ видами моими. Впрочемъ, дабы они не ласкали себя надеждою на пособіе вѣнскаго двора, не премину я изъясниться съ тѣмъ дворомъ о сущей въ томъ невозможности. Между тѣмъ ожидаю, что вы впредь подобныя событія заранѣе предусматривать, меня объ оныхъ тотчасъ извѣщать и, по долгу званія вашего, всякія изъ оныхъ невыгоды для интересовъ россійскихъ отвращать не оставите. Пребываю вамъ благосклонна. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, декабря 3, 1784 г.

Сообщ. гр. О. О. Стакельбергъ и гр. Ѳ. К. Чапскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ*).

род. 1773 † 1842 г.

Помѣщая на страницахъ „Русской Старины“ изъ общаго семейнаго архива Филадельфа Васильевича Каразина, еще нѣсколько документовъ, знакомящихъ съ дѣятельностью его достойнаго родителя, Василія Назаровича, считаемъ не лишнимъ напомнить нашимъ читателямъ главнѣйшіе факты изъ біографіи этого замѣчательнаго человѣка.

В. Н. Каразинъ, виновникъ существованія въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія и харьковскаго университета, родился 30 января 1773 г. въ Харьковской губерніи, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кручикѣ, которое дано было его отцу, полковнику Назару Александровичу Каразину, Екатериною II, въ награду за военные подвиги во время турецкой войны, окончившейся славнымъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. На 10-мъ году возраста лишился своего отца. Находился тогда въ частномъ пансіонѣ, въ Харьковѣ. По собственному побужденію подалъ фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому,—который проѣзжалъ въ то время чрезъ Харьковъ и зналъ его покойнаго отца,—просьбу о принятіи его въ военную службу. Былъ записанъ въ орденскій кирасирскій полкъ, шефомъ котораго былъ графъ. Продолжалъ учиться въ пансіонахъ въ Харьковѣ и въ Кременчугѣ. На 18-мъ году поступилъ на дѣйствительную службу лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ, сержантомъ. Докончилъ образованіе

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II стр. 532 и 1871 г. т. III стр. 16 «Письмо В. Н. Каразина къ имп. Николаю Павловичу, отъ 18-го октября 1826 г. съ приложеніемъ писемъ его же къ имп. Александру I-му и къ гр. В. П. Кочубею 1820 г.»;—см. также въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 307: «Польскій вопросъ въ 1839 г.», статья В. Н. Каразина. Ред.

слушая лекціи въ горномъ корпусѣ. Зналъ основательно языки латинскій, французскій и нѣмецкій; на родномъ—писалъ въ 90-хъ годахъ какъ пишутъ теперь. Любилъ особенно естественныя и политическія науки. При Павлѣ хотѣлъ оставить Россію, но былъ задержанъ на границѣ. Получилъ всемилостивѣйшее прощеніе за откровенность признанія, что бѣжалъ отъ строгости правленія. Опредѣленъ къ статскимъ дѣламъ по государственному казначейству. По собственному желанію, высочайше одобренному, занимался разборомъ архивовъ: иностранныхъ дѣлъ и разряднаго въ Петербургѣ и въ Москвѣ для собранія матеріаловъ къ исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Матеріалы эти передалъ государственному казначею, за что и былъ награжденъ производствомъ черезъ чинъ.

При вступленіи на престолъ Александра I, Каразинъ подалъ записку о необходимыхъ въ Россіи преобразованіяхъ. Былъ приближенъ къ особѣ государя императора. Пользовался особою монаршею милостію три съ половиною года. Въ это время учреждено, по проектамъ Каразина, министерство народнаго просвѣщенія, пересмотрѣны уставы всѣхъ академій и университетовъ, основанъ новый университетъ въ Харьковѣ на суммы пожертвованныя, по его убѣжденіямъ, мѣстнымъ дворянствомъ и купечествомъ, и предположено еще два: въ Новгородѣ и въ Казани. Въ 1804 году вышелъ въ отставку, замѣтивъ охлажденіе къ нему государя*). Предлагалъ свои услуги на пользу Сербовъ, которые искали тогда покровительства Россіи. Получивъ отказъ, удалился на свою родину и предался любимымъ своимъ за-

*) Къ охлажденію этому не мало содѣйствовали такія, напримѣръ, вещи: читается на одномъ изъ эрмитажныхъ литературныхъ вечеровъ трагедія Шиллера «Донъ-Карлосъ»—съ боку раздается въ полголоса, но такъ, чтобъ государь слышалъ: «и у насъ уже являются маркизы де-Поза» (намекая этимъ на податливость государя къ мнѣніямъ Каразина, подобно какъ Донъ-Карлосъ былъ податливъ къ мнѣніямъ маркиза де-Поза). Или: посылается Каразинъ по секретному порученію въ Калугу, государь ему туда пишетъ; по возвращеніи встрѣчаютъ его словами: «а, ты уже хвастаешься всѣмъ моей съ тобою перепиской»!—а Каразинъ и не думалъ ею хвастаться, ни съ кѣмъ даже не говорилъ о ней и самъ удивленъ былъ въ Калугѣ тѣмъ, что письмо привезено ему было на квартиру самимъ почтмейстеромъ, явившемся въ полной формѣ, между тѣмъ какъ ни почему, кромѣ развѣ печати, нельзя было догадаться отъ кого письмо было. Или: «по моему, ваше величество, это есть вѣрнѣйшее средство нажить 5 милліоновъ враговъ и возбудить противъ себя мнѣніе всей цивилизованной Европы», — замѣчаетъ совоспитанникъ царскій, по поводу поданной Каразинымъ записки о присоединеніи уніатовъ къ прежней ихъ церкви;—и записка оставляется безъ послѣдствій, а Каразинъ теряетъ довѣріе, и много подобныхъ случаевъ было. Ред.

нятіямъ: домоводству и естественнымъ наукамъ, въ особенности химіи. Далъ своимъ крестьянамъ неотъемлемую собственность и обезпечилъ ихъ личность отъ помѣщичьяго произвола. Устроилъ въ селѣ кожевенный и селитроваренный заводы на новыхъ началахъ, открытыхъ ему наукою. Учредилъ въ Харьковѣ филотехническое общество, высочайше одобренное въ 1811-мъ году, имѣвшее цѣлію развитіе въ полуденномъ краѣ Россіи земледѣлія и промышленности. Хлопоталъ объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ европейской и азіатской Россіи метеорологическихъ обсерваторій для приведенія метеорологіи въ науку точную, полезную въ общежитіи; предлагалъ приспособленіе паровъ къ движенію судовъ на простѣйшихъ началахъ, а также къ отопленію домовъ. Заботился и словомъ и дѣломъ: о сбереженіи лѣсовъ; о дешевѣйшемъ храненіи зернового хлѣба; о продовольствіи армій и флотовъ, во время походовъ, концентратами съѣстныхъ припасовъ, не подвергающимися порчѣ и требующими весьма мало мѣста; о тушеніи пожаровъ примѣсью въ воду химическаго состава, очень недорого стоющаго; объ очищеніи рѣкъ въ городахъ самымъ простымъ способомъ; объ улучшеніи винодѣлія, и проч. — Скончался въ Николаевѣ, возвращаясь изъ Крыма (гдѣ дѣлалъ опыты новаго способа винодѣлія) въ Харьковъ, 4 ноября 1842 года. Былъ женатъ на внукѣ писателя дѣяній Петра Великаго, Ив. Ив. Голикова, падчерицѣ перваго свекло-сахарнаго заводчика въ Россіи инженеръ-генералъ-маіора Бланкеннагеля, Александрѣ Васильевнѣ; имѣлъ многихъ дѣтей, изъ которыхъ нынѣ находятся въ живыхъ только трое: дочь, живущая въ Харьковской губерніи, Пелагея Васильевна и два сына, Филадельфъ Васильевичъ, живущій въ Петербургѣ и Николай Васильевичъ, живущій въ Москвѣ.

Вслѣдъ за нашей замѣткой о жизни В. Н. Каразина — считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько строкъ, сообщенныхъ намъ Ф. В. Каразинымъ. Строки эти, вызванныя нѣкоторыми критическими отзывами, помѣщенными въ газетахъ по поводу письма В. Каразина 1826 г, („Русск. Стар." 1870 г., т. II, стр. 532 и 1871 г., т. III, стр. 16). объясняютъ сущность взгляда В. Н. на проектированное имъ государственное устройство Россіи. Вотъ замѣтка Ф. В. Каразина:

„Въ природѣ проявляются, вездѣ и во всемъ, двѣ силы, одна другой противуположныя: одна притягиваетъ къ себѣ все, другая отталкиваетъ; одна положительная, другая отрицательная; плюсъ и минусъ; кислородъ и азотъ; жаръ и холодъ; свѣтъ и тьма.

„Серёдка между этими двумя силами, между этими двумя крайзонтями, точка ихъ уравновѣшенія, производитъ правильное

движеніе. Уклоненіе въ ту или другую сторону гибельно: тѣло летитъ или въ бездонную пропасть, или въ недосягаемую высь. И замѣчательно что дѣйствіе, производимое обѣими крайностями, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, однокачественно: металлъ, снятый съ огня и съ трескучаго мороза—одинаково жжетъ безвѣріе и суевѣріе—одинаково вредны для обществъ.

„Въ политическомъ отношеніи крайности суть: деспотизмъ и анархія; безграничность единовластія и необузданность воли каждаго гражданина; Іоаннъ Грозный и Робеспьеры съ компаніей. Серёдка, политическая истина: монархія, опирающаяся на общественное мнѣніе.

„Этой серёдки придерживался В. Н. Каразинъ отъ начала своего политическаго поприща и до конца жизни. И за это его называли, и до сихъ поръ,—увы!—называютъ въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ двойственнымъ и даже забавнымъ....

„Онъ былъ убѣжденъ, что соединеніе самостоятельности власти съ свободою каждаго выражать свое мнѣніе—возможно; что это есть единственная форма правленія, обезпечивающая благоденствіе страны*). А при такомъ убѣжденіи нельзя было не считать гибельнымъ для страны всякое сопротивленіе установкѣ такого правленія. Вотъ почему онъ одинаково возставалъ и противъ произвола власти и противъ ея раздробленія. Къ послѣднему стремились тайныя общества, которыя онъ и называлъ злокозненнымъ духомъ, парившемъ надъ Россіей, и считалъ святою обязанностію каждаго добраго гражданина противудѣйствовать ему.

„Гдѣ-же тутъ двойственность?!!

„Въ чемъ же тутъ забавность?!! **Ф. Каразинъ.**

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что идеалъ правленій есть республика, но только (бездѣлица!)—тамъ, гдѣ послѣдній земледѣлецъ можетъ, по образованію, быть самъ президентомъ. **Ф. Каразинъ.**

Поправки. Считаемъ не лишнимъ оговорить слѣдующія маленькія погрѣшности, нами замѣченныя въ статьѣ В. Н. Каразина: «Рус. Стар.» 1871 г. т. III стр. 16 (въ примѣчаніи) вмѣсто: «не считать справедливымъ» должно быть: «не отдать справедливости». Стр. 17, на предпослѣдней строкѣ, вмѣсто «раздается», д. б. — «раздастся». Стр. 31 (въ примѣчаніи) вмѣсто: «абата Николая» д. б.— «абата Николя». Стр. 33, отъ верху 14 строка, вмѣсто: «сдѣлаются» д. б.— «дѣлаются». Стр. 34, отъ верху 11 строка, вмѣсто: «Совѣтъ», д. б. — «совѣтъ» Стр. 35, пятую строку соединить съ шестою. **Ред.**

I.

Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи.

Разсужденіе, читанное В. Н. Каразинымъ въ собраніи С.-Петербургскаго общества любителей словесности.

1-го марта 1820 года *).

Россія, отечество наше, отечество двадцати различныхъ племенъ, слившихъ кровь свою въ единый народъ, счастливо соединенныхъ подъ одною державою, идетъ быстрыми шагами къ просвѣщенію: общей цѣли человѣческаго рода. Конечно, ея правительство есть то орудіе Провидѣнія, которому мы должны предоставить наибольшее, наиважнѣйшее въ семъ участіе. Но не обязаны ли и мы ему вспомоществовать?... Кто станетъ утверждать противное, тотъ въ душѣ своей рѣшительно отрицаетъ у насъ сладкія обязанности гражданина и сына отечества.

Два главнѣйшія средства есть для распространенія и утвержденія началъ, соотвѣтствующихъ просвѣщенію. Первое: воспитательныя и учебныя заведенія; второе: общественное, т.-е., публичное наставленіе. Сіе послѣднее лишь совмѣстно съ возможностію частныхъ людей; ибо вліяніе ихъ на упомянутыя заведенія, при мощномъ и непрерывномъ вліяніи правительства, едва ли что можетъ значить. Но публичное наставленіе совершается съ бо́льшимъ уже приличіемъ служителями вѣры въ храмахъ ея, учеными въ издаваемыхъ ими книгахъ. Выраженію ученый, я даю здѣсь все пространство французскаго слова: homme de lettres. Ученые, для совокупнаго дѣйствія, составляютъ изъ себя сословія, повсюду просвѣщенными правительствами допускаемыя.

Мысль, что мы должны имѣть ученыя общества и ученыя повременныя изданія, какъ другіе образованные народы ихъ имѣютъ, слишкомъ неопредѣленна! Я желалъ бы знать, каковымъ, въ настоящемъ положеніи нашемъ, должно быть этимъ обществамъ, этимъ изданіямъ, для достиженія цѣли?... Всякій видитъ, что онѣ, т.-е. первыя, чрезъ послѣднихъ должны дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Къ величайшему нашему счастію у насъ, россіянъ, мнѣніе это об-

---

*) Въ письмѣ В. Н. Каразина къ императору Николаю I, помѣщенному во II-мъ томѣ «Русской Старины», упоминается объ этомъ разсужденіи (см. стр. 535); почему и считаемъ нужнымъ представить его нашимъ читателямъ, какъ необходимое къ тому письму приложеніе. Настоящій документъ, какъ и всѣ находящіеся въ распоряженіи «Русской Старины» бумаги Каразина — сообщены намъ почтеннымъ его сыномъ, Ф. В. Каразинымъ. Ред.

разуется въ такомъ вѣкѣ, который ясно открываетъ послѣдствія различныхъ системъ вѣковъ прошедшихъ. И сіе общественное мнѣніе, если оно составится вполнѣ, тѣмъ будетъ чище, тѣмъ спасительнѣе, что оно начало образоваться въ высшихъ классахъ народа. Достойнѣйшее духовенство, военные и гражданскіе чиновники, служащіе правительству, помѣщики, лучшее купечество, благовоспитанные художники: не чернь, собирающаяся изъ питейныхъ домовъ на площади, какъ въ Англіи и Франціи, будутъ у насъ имѣть голосъ. Посему, любимыми основаніями нашихъ писателей (независимо даже отъ личныхъ началъ ихъ) не могутъ быть ни мнимыя права человѣчества, ни свобода совѣстей, столько препрославленныя и столько во зло употребленныя въ XVIII вѣкѣ. Порядокъ, естественная зависимость одного состоянія отъ другого, взаимныя ихъ должности и услуги, добрые нравы для всѣхъ, постепенное просвѣщеніе по приличію каждаго состоянія: просвѣщеніе, безпосредственно дѣйствующее на пользы каждаго, а не устремляющее духъ въ гаданія—таковы будутъ политическіе предметы наши! Къ счастію, иные и по всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ не возможны. Если бы легкомысліе усиливалось производить, а учрежденный за нимъ надзоръ могъ допускать сочиненія въ другомъ духѣ; то кто станетъ имъ рукоплескать?.. *). Съ другой стороны, святая привычка, наслѣдованная нами отъ нашихъ предковъ, привычка уважать старѣйшихъ, не совсѣмъ еще изглажена чужеземнымъ воспитаніемъ и чужеземными обычаями. Супружескія и родственныя связи составляютъ еще предметъ общаго почтенія. Религія никогда еще не была у насъ публично оскорблена. По таковымъ причинамъ, необузданность юношеская, сколь великою ея ни предполагать при нерадивомъ иногда, или при лицемѣрномъ воспитаніи (ибо и то, и другое одинакія слѣдствія производитъ!) не можетъ имѣть у насъ никакого вліянія на общественное мнѣніе.

Изъ сего слѣдуетъ, что вольныя наши общества, если только онѣ хотятъ значить нѣчто и дѣйствовать, по необходимости должны быть составлены изъ людей ума зрѣлаго, или, по крайней мѣрѣ, неиспорченнаго, допускающаго благонамѣренное вліяніе на себя просвѣщенной опытности. Другое условіе, которое также истекаетъ изъ

---

*) Erunt verba et voces, praeterelaque nihil. Я иногда дивлюсь статьямъ иныхъ нашихъ журналовъ. Готовъ побожиться хотя, что это дѣлается безъ всякаго намѣренія: а такъ! просто по нашей (русской привычкѣ) копировать иностранныхъ. Сюда принадлежитъ прославленіе разныхъ американскихъ областей, ихъ конституцій, и т. д. Подумали бы хоть разъ эти господа, кому у насъ адресуютъ свои они восклицанія?.. Наши Санкюлоты читать не умѣютъ.

В. Каразинъ.

обстоятельствъ: потребно, чтобъ люди сіи имѣли познанія. И Ломоносовъ имѣлъ ихъ, уже въ первой юности нашей литературы! Но теперь, когда публика требуетъ занятій, болѣе мужественныхъ, нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзіею, которая только что поэзія; прозою, которая не представляетъ уму никакихъ новыхъ полезныхъ истинъ? Подобно, какъ соглашаюсь, чтобы такъ-называемыя легкія стихотворенія и переводы невинныхъ романовъ были забавою домашнихъ бесѣдъ, игрою изощряющею умъ для произведеній болѣе важныхъ; подобно, я охотно допускаю дружескія собранія молодыхъ людей, провождающихъ вечера во взаимномъ себѣ упражненіи, въ правилахъ и тонкостяхъ словесности. Но ... выносить въ публику, какъ бы въ наставленіе ея, переводъ пустой повѣсти, или нѣсколько строкъ завостренныхъ риѳмою *), верхъ достоинства коихъ то, что онѣ писаны не противъ грамматики, кажется мнѣ столь же непростительнымъ, какъ и сословія публичныя, утвержденныя правительствомъ, употреблять на распространеніе таковаго дѣтства. - Нѣтъ, мм. гг., сіи почтенныя сословія должны имѣть возвышеннѣйшую цѣль. Онѣ должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Онѣ должны вспомоществовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ державной власти устроеннымъ; скажу болѣе: онѣ должны стараться превзойти ихъ въ дѣятельности буде возможно, стараться вознаградить, если что ими упускается. Отважившись на себя обратить вниманіе цѣлаго отечества, 50-ти губерній, 50-ти царствъ можно сказать: ибо есть царства Европы, уступающія и пространствомъ и числомъ народа одной изъ губерній россійскихъ; особливо, дѣйствуя изъ столицъ, каковы: Москва и С.-Петербургъ, изъ средоточія нашего правительства, законовъ, людкости, просвѣщенія,—общества сіи могутъ ли посрамить себя. Не обязаны-ль онѣ разливать полезныя знанія, образовать вкусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ, другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ, е намнъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями, еслибъ онѣ явились! Сколько побудительныхъ причинъ!.. Какъ, мм. гг., науки естественныя, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенчествуютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣвероамериканцевъ даже, которые не составляли еще и народа тогда, какъ мы имѣли уже Екатерину!— А у насъ, въ цѣлой Россіи, нѣтъ ни од-

*) Выраженіе А. С. Хвостова. В. Каразинъ.

наго періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько занимательныхъ! Дворянство, живущее въ деревняхъ, тщетно обращаетъ взоры свои на обѣ столицы; добрые горожане отдаленныхъ уѣздовъ, не имѣя библіотекъ, ждутъ почты съ журналами нашими, какъ путникъ въ томящій зной зачерпнутой изъ ключа воды.—А мы будемъ преподавать всѣмъ имъ шарады на гор—охъ *), соблазнительныя элегіи и стишки въ альбомы!... преподавать не стыдясь; и называться соревнователями просвѣщенія!... Позвольте мнѣ думать лучше о сословіи, которому мы дали такое имя, такія правила, которое поручили такому покровительству; въ которое мы пригласили членовъ, каковъ знаменитый нашъ исторіографъ, въ которое готовы вступить люди, извѣстные по своимъ знаніямъ, которое, напослѣдокъ, существуетъ въ столицѣ, обращающей на себя взоры исполинской нашей Россіи и другихъ земель **).

Весьма справедливо, мм. гг., сравниваютъ жизнь царствъ, жизнь человѣчества вообще, съ жизнію человѣка въ отдѣльности. Младенецъ требуетъ игръ, юноша забавъ, а мужъ радостей другого рода. Въ XV и XVI вѣкахъ предѣлы словесности, въ собственномъ смыслѣ, весьма рѣзко отдѣлялись отъ учености. За то, ученость эта отзывалась съ каѳедръ и въ книгахъ самымъ суровымъ образомъ. Надменная ея, нахмуренная физіогномія ужасала, между тѣмъ какъ смѣющіяся музы бесѣдовали приторнымъ языкомъ о бездѣлицахъ. Здѣсь должно было встрѣчать одни цвѣты, тамъ одни тернія. Но съ тѣхъ поръ, какъ научились о самыхъ важныхъ, отвлеченнѣйшихъ вещахъ, говорить пріятно, когда блескъ краснорѣчія и безцѣнные перлы поэзіи начали одѣвать философію, собственно такъ-называемая словесность, словесность безъ цѣли, мало привлекаетъ. Это орудіе, а не предметъ искусства: краски, не картина! Такъ и быть должно въ настоящее время, въ вѣкъ возмужалости.

Вмѣсто того, чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣже дарованія, тоже счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ, опишемъ лучше путешествія, дѣйствительно совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего. Исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ

---

*) Т.-е. горохъ. См. Соревнователь 1819 г., кн. XI, стр. 103. **В. Каразинъ.**

) Одинъ изъ почтеннѣйшихъ мужей въ государствѣ, попечитель нашъ графъ В. П. Кочубей, сказалъ при поднесеніи ему нами адреса: «Отъ васъ, милостивые государи, совершенно отъ васъ зависитъ быть полезными и общество ваше сдѣлать значительнымъ въ самой большой мѣрѣ!... И я готовъ буду вамъ вспомоществовать!» Какой совѣтъ въ короткихъ, скромныхъ словахъ! **В. Каразинъ.

нравы ея разновидныхъ обитателей, отъ кочующаго на льдахъ полярныхъ чукчи, до индѣйца, благоговѣйно поклоняющагося бакинскому огню. Или съ Тацитомъ и Карамзинымъ испытаемъ углубиться въ исторію народовъ. И такъ далѣе... Прекрасныя начала къ сему у насъ сдѣланы въ нѣсколькихъ книжкахъ „Соревнователя" 1818 и 1819 годовъ. Немногіе еще въ Россіи бесѣдовали о наукахъ языкомъ, имъ соотвѣтствующимъ, и притомъ привлекательно: другое, особливо для насъ, россіянъ, необходимое условіе! Помѣщая же иногда, разнообразія ради, другіе отрывки, или и повѣсти, сочиненныя или переведенныя (хотя бы то было изъ первѣйшихъ авторовъ!), прежде всего разсмотримъ, точно ли они ведутъ къ вышеизъясненной цѣли? Да и переводы могутъ ли служить образцами въ своемъ родѣ? Ибо мы должны дѣйствовать и на языкъ.

Для поэзіи же какое поле передъ нами!... Пора перестать быть подражателями только. Ломоносовъ, Державинъ, малое число извѣстныхъ новѣйшихъ драмматиковъ и баснописцевъ указали намъ богатство отечественныхъ рудъ, у самаго лишь входа къ нимъ, такъ сказать. Сдѣлаемъ изъ языка боговъ *) достойное употребленіе! Вмѣсто того, чтобы нѣжить, баловать воображеніе людей праздныхъ, не лучше-ль испытать рукою грацій разбудить въ сердцахъ любовь къ наукамъ, къ должностямъ, къ изящной простотѣ во вкусѣ и нравахъ, къ жизни въ городахъ и селахъ, свойственной просвѣщенному человѣку, къ истинной благотворительности во всякомъ кругу дѣйствія **)? У самихъ васъ, мм. гг., я видѣлъ уже прелестнѣйшіе образцы въ семъ родѣ. Какая-нибудь басня Ѳ. Н. Глинки ***), какая-нибудь идилія В. И. Панаева, нѣсколько сценъ изъ трагедіи Б. М. Ѳедорова****), которыя имѣлъ я удовольствіе слышать, въ ожиданіи появленія въ свѣтъ ихъ цѣлаго, бывъ какъ цвѣты разбросаны среди другихъ статей нашего журнала, украсятъ его конечно, и вмѣстѣ будутъ соотвѣтствовать благородной цѣли, которую мы имѣть должны. Не почитайте меня педантомъ, мм. гг., съ сѣдыми моими волосами охуждающимъ то, что меня самого восхищало въ молодости, школьною своею

---

*) Такъ называли въ древности поэзію. В. Каразинъ.

**) Рѣдко можно благотворить деньгами; а еще рѣже одними деньгами. В. Каразинъ.

***) Наприм.: Дитя и птичка. 1819 г. кн. VII, стр. 89. Равно и въ прозѣ неужели, наприм., письмо г. Лажечникова, которое печатается во II книжкѣ 1820 г. или сцены изъ комедіи г. Загоскина: Добрый-малый, которыя были читаны въ собраніи, менѣе занимательны для самаго воображенія, нежели иной помѣщенный у насъ романъ? В. Каразинъ.

****) Смерть Кесарева. Авторъ въ ней обнаруживаетъ не республиканскія начала, и весьма удачно состязуется съ Вольтеромъ. В. Каразинъ.

ферулею разгоняющимъ Эротовъ, опрокидывающимъ чаши Анакреоновы, смѣшно возстающимъ на новыхъ Овидіевъ и Тибулловъ. Никто имъ не возбраняетъ писать элегіи и прельщать ими Кориннъ. Но позвольте усумниться въ томъ, что ежели бы при Августѣ или Траянѣ Римъ имѣлъ періодическія сочиненія, и при томъ издаваемыя обществомъ, удостоеннымъ покровительствомъ государя, элегіи тѣ нашли въ нихъ мѣсто *).

Будемъ все читать здѣсь на вечернихъ нашихъ бесѣдахъ: но печатать станемъ только обдуманное, только прямо полезное! Сдѣлаемъ даже распредѣленіе, чѣмъ кто изъ насъ долженъ заняться на сей конецъ.

Я сокращаю мои разсужденія, мм. гг., сказавъ, что нашъ Соревнователь долженъ быть, кажется, издаваемъ на другихъ правилахъ. Работая два мѣсяца въ комитетѣ, имъ исключительно занимающимся, я нашелъ по собственнымъ опытамъ, что никоимъ образомъ невозможно его улучшить въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Почему и беру теперь смѣлость предложить о назначеніи нѣсколькихъ (не болѣе трехъ, если можно) избранныхъ особъ, для составленія плана на предбудущее время, который бы больше соотвѣтствовалъ первымъ двумъ статьямъ высочайше утвержденнаго устава нашего.

Василій Каразинъ.

Примѣч. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что В. Н. Каразинъ въ эпоху составленія «разсужденія» былъ помощникомъ предсѣдателя въ томъ самомъ обществѣ любителей «русской словесности», дѣятельность котораго онъ близко принималъ къ сердцу. Ред.

II.

Письмо В. Н. Каразина къ Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, отъ 30 января 1810 г., изъ Москвы.

Въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашего превосходительства отъ 12-го октября прошедшаго года, вы изволили требовать отъ меня увѣдомленія: „какимъ образомъ повинности съ поселянъ моихъ, мнѣ, какъ помѣщику, слѣдующія, обращены въ денежный счетъ, и какія по сему установлены мною однажды навсегда правила?“

На письмо это я имѣлъ честь отвѣчать немедленно, не удовлетворивъ однакожъ вашему требованію, а покорнѣйше просилъ только

*) Не имѣю кажется нужды оговаривать, что я не всѣ элегіи, даже и не всѣ шарады желаю отклонить отъ помѣщенія въ нашемъ журналѣ. Дѣло только въ томъ, чтобъ онѣ строго соотвѣтствовали цѣли. В. Каразинъ.

повременить пока я, какъ человѣкъ обремененный, по положенію моему, домашними суетами, найду довольно досуга, чтобъ написать сіе увѣдомленіе, которое съ подробностями своими можетъ быть обширно: ибо оно содержитъ въ себѣ весь образъ моихъ мыслей о помѣщикѣ и поселянахъ, на которомъ основаны мои сельскія учрежденія.

По случаю бытности моей теперь въ Москвѣ, имѣя довольно свободнаго времени, я обязанностію поставляю не медлить болѣе исполненіемъ моего долга; но прошу простить меня, м. г., если мое письмо перейдетъ предѣлы письма обыкновеннаго.

Славная задача с.-петербургскаго вольнаго экономическаго общества, предложенная въ 1766 году: „что́ полезнѣе для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственность землю, или только движимое имѣніе? И какъ далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?“ будетъ моимъ предметомъ, ибо она болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшена на моемъ имѣніи.

Признаюсь вашему превосходительству, что задача эта занимала меня отъ самой моей молодости, когда я, въ 1792 году, вступилъ въ управленіе наслѣдственнаго мнѣ имѣнія, пожалованнаго императрицею Екатериною II моему покойному отцу. Но мысли мои, въ то время, были весьма различны отъ нынѣшнихъ. Я не избѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы. Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ въ началахъ осьмнадцатаго вѣка. Обманутое воображеніе наше носилось тогда въ мечтательномъ мірѣ, который не былъ, и едва-ли когда можетъ быть дѣйствительнымъ: въ мірѣ, который предполагаетъ людей совершенными, слѣдовательно достойными вольности неограниченной и власть дѣлаетъ только выраженіемъ общей воли. Разсѣялась сія мечта для всѣхъ,—и для меня. Власть, въ умахъ самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея, стала тѣмъ, чѣмъ была она искони, т.-е. однимъ изъ первѣйшихъ средствъ, Провидѣніемъ употребляемыхъ для всевозможнаго счастія на сей землѣ;—не выраженіемъ общей воли (которая прямо общею никогда быть не можетъ), но изліяніемъ самого Божества, которое на единоначаліи и нисходящей подчиненности основало всю природу (начиная отъ системъ солнечныхъ и до роевъ пчелиныхъ), подчинивъ въ свою очередь единоначаліе: въ механикѣ небесной законамъ своей верховной мудрости, въ обществахъ человѣческихъ законамъ разума и совѣсти, и въ средѣ животныхъ безсловесныхъ законамъ инстинкта. Но какъ въ человѣкѣ разумъ и совѣсть могутъ быть затемняемы страстями,

то и надлежитъ законы, диктуемые первыми, облечь въ форму ненарушимаго завѣта, подъ сѣнію котораго единоначаліе и становится идеаломъ общественнаго управленія. Диктаторство, въ критическихъ обстоятельствахъ республикъ, подтверждаетъ эту истину; да и самые президенты Американскихъ Штатовъ, напримѣръ, не суть-ли тѣже монархи? названіе не перемѣняетъ существа вещи; вся разница только въ большей или меньшей продолжительности одной и той же верховной власти и въ способѣ ея осуществленія. Но, спрашивается: почему практика, продолжающаяся 2—3 года, лучше практики продолжающейся 20—30 лѣтъ? и почему случайно избранный, неподготовленный къ своему дѣлу, лучше наслѣдственнаго, сколько возможно подготовленнаго къ оному? Мы никогда лучше не дѣйствуемъ къ общему благу, какъ когда оно есть вмѣстѣ и наше собственное; поэтому, воля единовластнаго монарха, осѣненнаго скрижалею законовъ разума и совѣсти, не можетъ быть иная, какъ токмо клонящаяся къ пользѣ его подданныхъ. Зависть и корысть, эти основы страстей, не могутъ имѣть мѣста въ лицѣ, поставленномъ выше всѣхъ и вполнѣ обезпеченномъ въ матеріальной жизни; между тѣмъ какъ онѣ невольно разгораются въ кругу цѣлаго сонма людей, поставленныхъ будто бы на стражѣ благосостоянія другихъ и которые, однакожъ, сами безпрерывно стремятся, наперерывъ другъ передъ другомъ, стать выше всѣхъ и быть наиболѣе обезпеченными въ житейскихъ потребностяхъ. Для узнанія же общественныхъ нуждъ, такъ какъ никакой смертный не можетъ въ одно и тоже время самъ проникать всюду, достаточно въ помощь единовластію дать общественное мнѣніе, т.-е. свободу всякому выражать свое воззрѣніе на вещи,— не въ парламентахъ и на площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати. Таково убѣжденіе, укрѣпившееся во мнѣ особенно послѣ воцаренія нынѣшняго нашего, возлюбленнѣйшаго монарха; и по всему видимому, это убѣжденіе сдѣлалось теперь, къ счастію, убѣжденіемъ и большинства моихъ соотечественниковъ.

Но по истинѣ должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошедшаго изступленія имѣютъ еще и по нынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ почтенные, признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, продолжаютъ отвергать оную въ малыхъ, изъ которыхъ первые состоятъ! Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою, начала различныя?... Политическія истины, коль скоро онѣ таковыми признаны, необходимо должны быть повсюду и во всѣхъ приложеніяхъ истинами, подобно какъ и физическія. Признавать, что монархи, а не національные конвенты нуж-

ны для большихъ обществъ, государствами называемыхъ, — видѣть, что единоначаліе есть то, что утверждаетъ домашнее счастіе семействъ, или малыхъ обществъ, и въ то же время воображать, якобы общества селеній, образующихъ средній разрядъ между обѣими, — составляя царства и заключая въ себѣ частныя семейства, — якобы сіи общества могутъ быть на республиканскихъ началахъ, это совершенно тоже, какъ притягательную, напримѣръ, силу признавать въ солнцѣ и въ мелкихъ частяхъ, изъ которыхъ состоятъ обращающіяся кругомъ него планеты, и отвергать ее въ цѣломъ составѣ каждой планеты!... Въ государствѣ монархическомъ, всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь; и—слѣдовательно: помѣщики, для благосостоянія селеній земледѣльческихъ, столько же нужны, сколько монархи для подданныхъ вообще, и также точно дѣйствія помѣщиковъ должны быть направляемы законами, начертанными для нихъ властію верховною.

Если доказано, что ни въ какомъ случаѣ наемникъ не можетъ быть пастыремъ и приставъ радѣть съ усердіемъ хозяина о добрѣ, въ которомъ онъ лично не участвуетъ, то слѣдуетъ само собою, что казенныя селенія земледѣльцевъ не могутъ, подъ вліяніемъ временныхъ, никакими узами съ ними несоединенныхъ начальниковъ, столько содѣйствовать къ благосостоянію государства монархическаго, сколько управляемые помѣщиками. Управленіе первыхъ, какъ оно ни усовершено со времени учрежденія губерній, таково-ли, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ счастію, выгодамъ имперіи, и меньше затрудняетъ правительство? Поощряетъ-ли оно ихъ къ трудолюбію, способствуетъ-ли дѣятельно къ хозяйственнымъ ихъ оборотамъ, украшаетъ-ли села полезными для человѣчества заведеніями, защищаетъ-ли отъ притѣсненія сосѣдей? Не видимъ-ли мы примѣровъ, что сколь ни малъ оброкъ казенныхъ поселянъ въ сравненіи съ получаемымъ помѣщиками, оный, при всей строгости земской полиціи, ежедневно представляетъ большія недоимки? Ибо всякое хозяйство, безъ главнаго надзора и раздѣленія работъ, безъ знанія, которое бы имъ распоряжало, упадаетъ. Природная человѣку лѣность, во всѣхъ состояніяхъ, дѣлаетъ его равнодушнымъ къ тѣмъ пользамъ, которыя сколько-нибудь отдалены. И сія лѣность одолѣваетъ особливо человѣка непросвѣщеннаго, ибо потребности его ограниченнѣе, грубыя же его страсти скорѣе способны возбудить вредную дѣятельность, чѣмъ полезный трудъ. Простолюдинъ, не бывъ управляемъ, едва можетъ и въ самыхъ счастливыхъ климатахъ пріобрѣсть самое необходимое для своего существованія и для удовлетворенія (и то не безгрѣшнаго)

государственнымъ повинностямъ. Справедливость этого доказывается между прочимъ тѣмъ, что у насъ въ Россіи ярманки снабжаются произведеніями преимущественно отъ помѣщичьихъ людей; казенные поселяне бываютъ промышленными развѣ только при берегахъ судоходныхъ рѣкъ и на большихъ дорогахъ; и промышленность эта отнюдь не есть трудолюбіе, а скорѣе жадность къ корысти, неприносящая государству истиннаго добра: предметами оной не добываніе изъ матери земли, а перекупка хлѣба, заведеніе харчевень, и т. п. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ упомянутые поселяне наибольшею частію предаются скитающейся жизни, вздорнымъ тяжбамъ, или пьянству. Я смѣло ссылаюсь на самого васъ, м. г., и на губернаторовъ всѣхъ прочихъ губерній.

Скажутъ мнѣ: стòитъ только просвѣтить земледѣльца, — и онъ будетъ умѣть самъ хорошо вести хозяйство безъ помощи чужой опеки. Просвѣтить! легко сказать, но не легко сдѣлать. Какія средства и какое время на сіе потребны? А пока, чтò дѣлать?...

Обращаюсь къ упомянутой задачѣ вольнаго экономическаго общества: „полезнѣе-ли, чтобъ крестьянинъ имѣлъ свою собственную землю", и пр. Предположимъ, что сіе полезнѣе. Что же послѣдуетъ изъ такого разрѣшенія вопроса? Надлежитъ дать всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ особую, отдѣльную отъ помѣщичьей землю. Какъ же это сдѣлать? Неужели сіе благодѣяніе земледѣльцамъ, быть можетъ еще только мнимое, а не истинное, начать истинною несправедливостію: отнятіемъ земель у помѣщиковъ? Благоразумное правительство коснется-ли священнаго права собственности, позволитъ-ли себѣ такое явное отступленіе отъ началъ, на которыхъ въ обществахъ человѣческихъ все основано? А купить эти земли, — откуда возьметъ оно на это денегъ? Надѣлать ассигнацій? Но чѣмъ ихъ гарантировать? Трудомъ тѣхъ же поселянъ? Но въ какое тяжелое положеніе будутъ они этимъ поставлены!... Или, оставивъ помѣщикамъ дошедшее отъ предковъ ихъ достояніе, правительство позволитъ ихъ поселянамъ удалиться въ степи, которыя имъ предложитъ? Но возможно-ли это? И что же будутъ дѣлать помѣщики со своими землями, обращенными въ пустыни?... Вотъ въ какой безвыходный лабиринтъ ведетъ сія задача, съ перваго взгляду мудрая и человѣколюбивая!..

Вопросъ: полезно-ли имѣть земледѣльцу свою собственную землю,— весьма подобенъ слѣдующему: „полезно-ли для государства, если каждый работникъ на фабрикѣ будетъ имѣть свой собственный станъ?" Онъ можетъ быть разрѣшенъ двумя совершенно различными и другъ другу противурѣчащими положеніями, и обое будутъ имѣть свои до-

казательства: ибо, если собственность привязываетъ насъ къ дѣлу и возбуждаетъ трудолюбіе, то, съ другой стороны, просвѣщенный надзоръ за работою и то расположеніе оной, которое требуетъ особеннаго воспитанія, или досуга, усовершаютъ издѣлія и обращаютъ ихъ въ большую пользу государству. Но еслибы, вмѣсто сего вопроса, неимѣющаго опредѣленной цѣли, предложить другой, напримѣръ: „полезно-ли предоставить фабрикантамъ безпредѣльную власть надъ ихъ мастеровыми, не заботясь о ея употребленіи, или лучше сдѣлать злоупотребленія оной невозможными? Полезно-ли болѣе пещись о наставленіи и направленіи къ добру небольшого числа хозяевъ, нежели о неудобномъ и тяжкомъ, человѣческую бдительность превышающемъ, наставленіи многочисленныхъ работниковъ? Полезно-ли соединить хозяевъ и работниковъ, кромѣ взаимной ихъ, корыстной связи, такими отношеніями, которыя бы служили къ общественному добру?..“ То разрѣшеніе сихъ вопросовъ не будетъ подлежать никакой трудности. Я смѣю даже думать, что оно, у всѣхъ здравыхъ умовъ, какъ бы начала ихъ ни разнствовали, выдетъ одинакое.

Много, особливо же съ половины минувшаго столѣтія, писано о злоупотребленіи власти. Но представлены-ли пользы, происходящія отъ нея на землѣ? Мнѣ мнится видѣть физиковъ, которые бы истощали всѣ тонкости ума и знанія своего на увѣреніе во вредѣ, происходящемъ отъ огня. Если огонь сожигаетъ и разрушаетъ, то онъ же освѣщаетъ, грѣетъ и къ питанію способствуетъ. Все зависитъ единственно отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ. Власть осуществляющая приговоры разума и человѣколюбія, есть, конечно, одно изъ первыхъ благотвореній для смертныхъ. И неужели нѣтъ средствъ, особливо въ маломъ, подчиненномъ кругу, сдѣлать ее безвредною? Корыстолюбіе, большею частію, творитъ злодѣевъ, не столько природныя влеченія ко злу. Поставьте ему предѣлы — и злоупотребнія власти станутъ большею частію несбыточными.

Этимъ и кончу слишкомъ, и безъ того, длинныя мои разсужденія въ которыя я счелъ необходимымъ войти прежде изложенія самаго дѣла, ибо на нихъ оно основано. Но время вамъ дорого, и потому не распространяясь болѣе, сошлюсь только, въ заключеніе, на прекрасное сочиненіе одного изъ нашихъ соотечественниковъ, писанное въ 1785 году: „О неудобствахъ въ Россіи дать (въ настоящее время) свободу крестьянамъ, или сдѣлать ихъ собственниками имѣній“. Я имѣю его въ рукописи и жалѣю, что сіе, прямо патріотическое, произведеніе опытнаго и глубокомысленнаго старца, такъ мало извѣстно

Донесу вашему превосходительству, что въ сельскихъ учрежде хвінъ, которыя привлекли на себя вниманіе ваше, я ничего не изо

брѣталъ собственнаго, но только старался воспользоваться тѣми указаніями, которыя давно существуютъ или въ смыслѣ государственныхъ законовъ, или въ умоначертаніи народномъ.

Помѣщика разумѣю я наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому правительство, давъ землю для населенія, ввѣрило, чрезъ то, попеченіе о людяхъ (поселянахъ) на оной жить имѣющихъ и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что̀ принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами: однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ.

Сія должность почтенна, не взирая на число ввѣренныхъ людей. Дабы исполненіе ея, по слабости человѣческой, не разстроивалось иногда пристрастіемъ къ собственной пользѣ, счелъ я за необходимое отдѣлить ее совершенно отъ того отношенія, въ какомъ ставитъ меня собственность, то-есть: земли, лѣса, мельницы и проч., ибо собственностію моею людей, какъ то ниже вы изволите увидѣть, я отнюдь не почитаю. Они, въ глазахъ моихъ, на ряду со мною суть подданные только государства. Вы конечно изволили уже примѣтить, что я, въ этомъ смыслѣ, избѣгаю самаго имени „крестьянинъ“, котораго мы по справедливости чуждаться должны, ибо оно есть наслѣдіе отъ татаръ, нѣкогда тирановъ нашихъ: это уничижительная печать, положенная ими на чело нашихъ предковъ: „христіанинъ“, или „крестьянинъ“ и рабъ значило у нихъ, увы! одно и тоже. Намъ-ли увѣковѣчивать этотъ синонимъ?..

Отдѣляя владѣніе собственностію отъ власти начальника (т.-е. правъ хозяина) я не только не ослабляю сей послѣдней, но еще усиливаю ея довѣренностію, которая, въ этомъ порядкѣ вещей, должна неминуемо развиться въ сердцахъ моихъ поселянъ, между тѣмъ какъ при обыкновенномъ смѣшеніи обоихъ сихъ отношеній помѣщика къ его людямъ, ей никогда не можетъ быть мѣста.

Для таковаго отдѣленія, дабы оно не было мечтательное, нужно было съ точностію опредѣлить повинности, которыя мнѣ, хозяину, приходятся съ поселянъ законно, за владѣніе ими моею собственностію, и единственно на семъ владѣніи основать ихъ.

Владѣніе, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, возраста, пола,— не можетъ быть равное: слѣдовательно и повинности не могутъ быть иныя, какъ только соотвѣтствующія симъ обстоятельствамъ. Первое правило!

Послѣ сего нужно было изобрѣсти непреложное мѣрило (масштабъ) какъ для оцѣнки моей собственности, поступающей во владѣніе поселянамъ, такъ и для оцѣнки повинности, которую они мнѣ за то платятъ. Опредѣленное число денегъ не могло, ни въ какомъ случаѣ, для меня служить симъ мѣриломъ, ибо цѣна (valeur) денегъ измѣняется отъ прибыли и убыли ихъ въ губерніи и отъ другихъ обстоятельствъ. Опредѣленная мѣра хлѣба была бы вѣрнѣе; но опытъ доказываетъ, что отношеніе цѣнъ хлѣба къ цѣнамъ работъ, отъ вліянія постороннихъ для земледѣлія причинъ, также подвержено непостоянству. Итакъ, оставалось взять за непреложное, т.-е. во всѣхъ случаяхъ и во всѣ послѣдующія времена для обѣихъ сторонъ безобидное мѣрило, именно: одинъ день земледѣльческой работы. Дѣлая по сложности среднюю оцѣнку сего дня, чрезъ каждые пять лѣтъ, и опредѣляя все прочее посредствомъ этой оцѣнки, могу я быть увѣренъ, что ни я, ни поселяне мои не будемъ въ значительномъ проигрышѣ другъ противъ друга. Ваше превосходительство изволите усмотрѣть это немедленно на самомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1805 года сдѣлана была въ селѣ моемъ Кручикѣ оцѣнка рабочаго дня, при которой приглашены были, кромѣ моихъ поселянъ, и посторонніе. По сложности, составленной изъ показанія каждаго, кто что вспомнить могъ за весь годъ, оказалась средняя цѣна онаго тридцать копѣекъ (на собственныхъ харчахъ работника). Цѣна же одной десятины хорошей пахатной земли, продаваемой безъ нужды продавца и въ раздробь, оказалась въ околоткѣ нашемъ сорокъ пять рублей, или, что тоже, цѣна ста пятидесяти дней работы. (По нѣкоторымъ соображеніямъ я заключаю, что во всякое время, въ средней полосѣ Россіи, посредственно населенной, цѣна десятины пахатной земли должна равняться средней цѣнѣ 150-ти дней земледѣльческой работы. Говорю въ средней, ибо въ другихъ мѣстахъ цѣны земли и работы будутъ въ другой соразмѣрности, судя по населенію. Но, чтобы сказать мимоходомъ, не выступая изъ предмета, я думаю, что сложное содержаніе между собою сихъ двухъ цѣнъ могло-бъ для государственной экономіи послужить основаніемъ величайшей важности). Цѣна десятины сѣнокосу оказалась сорокъ рублей, или цѣна 133¹/₃ дней работы. Цѣна дерева, употребленнаго на избу поселянина, на дворъ его и все селидбище, поставлена средняя круглымъ числомъ сто рублей, или 333¹/₃ дней работы. Цѣна кубической сажени дровъ, на мѣстѣ и съ рубкою того, кто оные покупаетъ, три рубля, или 10 дней работы. Цѣна ежегодныхъ потребностей разнаго рода въ лѣсѣ на земледѣльческія орудія, на починку огорожи и проч. поставлена въ три же рубля, или 10 дней работы.

Ваше превосходительство, какъ начальникъ попечительный, входящій во всѣ подробности ввѣренной вамъ губерніи, лучше многихъ другихъ изволите знать, что цѣны сіи суть самыя среднія въ окрестностяхъ Богодухова, гдѣ находится мое имѣніе: онѣ скорѣе могли бы назваться низкими, нежели высокими.

Каждому поселянину, вошедшему въ совершеннолѣтіе, дается, если онъ не имѣлъ прежде, по наслѣдству отъ отца, семь съ половиною десятинъ пахатной земли, полдесятины подъ усадьбу его и одна десятина сѣнокосу; и это въ одной-ли окружной межѣ, или въ разныхъ мѣстахъ, по раздѣленію полей,—то и другое какъ онъ самъ заблагоразсудитъ получить. Отводъ въ одной межѣ называется, соотвѣтственно здѣшнему народному наименованію, хуторъ такого-то (по имени поселянина); а каждыя 2½ десятины (или 6000 квадр. саженей) земли въ полѣ, равно какъ и десятина сѣнокосу въ своемъ мѣстѣ, называется: въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ полѣ участокъ такого-то. Сіе отведенное ему владѣніе ограничивается ямами, изъ которыхъ въ каждой обязанъ онъ послѣ, въ приличное время, посадить по одному дикорастущему плодовитому дереву. Оное огородится и составитъ сколько примѣтный, столько же и красивый межевой знакъ. Между тѣмъ, владѣльцу хутора или участка дается родъ укрѣпленія на сію собственность: именно цыдулка изъ толстой, клееной бумаги, которая имѣетъ фигуру отведеннаго участка, съ показаніемъ его смежностей и странъ свѣта, и съ надписью: „такого-то — т.-е. 1, 2, или 3 поля—такой-то участокъ поселянина такого-то“. На оборотѣ же: „данъ ему, такому-то, безповоротно и наслѣдственно на извѣстныхъ условіяхъ“. Затѣмъ слѣдуетъ мое подписаніе. Такимъ образомъ, сей видъ служитъ каждому владѣльцу не только обезпеченіемъ, что оный ему принадлежать будетъ на всегдашнія времена,—если только онъ будетъ съ своей стороны выполнять условія, т. е. сопряженную съ владѣніемъ повинность помѣщику; но служитъ еще и планомъ, разрѣшающимъ споры, какіе могли бы произойти отъ сосѣдей запашкою, или другимъ образомъ.

Если новый поселянинъ не имѣетъ дому и двора по наслѣдству отъ отца или другихъ ближнихъ, то ему отводится мѣсто и дается весь нужный для постройки лѣсъ. Если же потребно будетъ, то выдаются и деньги въ заемъ изъ сельской общественной суммы, о которой я ниже буду имѣть честь донести. Сему поселянину, на ряду съ другими, будетъ отпускаться изъ лѣсовъ моихъ ежегодно: во-1-хъ четыре кубическія сажени дровъ: число по смѣтѣ нѣсколькихъ лѣтъ найденное для отопки одной семьи достаточнымъ; а во-2-хъ весь

нужный ему ремонтъ для земледѣльческихъ орудій и огорожи. Вотъ чего онъ своему помѣщику стóитъ.

Теперь увидимъ, что по вышепоказанной оцѣнкѣ слѣдуетъ помѣщику съ него получать?

1) За владѣніе 7½ десятинами пахатной, полдесятиной усадебной и одною десятиной сѣнокосной земли, составляющими вообще по цѣнѣ на (8.45 + 40) 400 рублей, принимая сію сумму капиталомъ постоянно находящимся въ его рукахъ, по справедливости слѣдуетъ хозяину капитала получать законные шесть процентовъ, что составитъ въ годъ,	24 руб., или цѣна 80 дней работы.
2) За домъ и дворъ, который онъ построилъ и всегда возобновлять можетъ на счетъ помѣщика, полагая оный, какъ выше сказано, въ 100 руб., слѣдуетъ	6 » » » 20 » »
3) За четыре куб. сажени дровъ изъ лѣсовъ помѣщичьихъ, каждая по 3 р.	12 » » » 40 » »
4) За ремонтъ земледѣльческихъ орудій и проч.	3 » » » 10 » »
Итого за все	45 руб., или цѣна 150 дней работы.

И больше уже никакихъ повинностей поселянинъ не знаетъ въ отношеніи помѣщика, и сверхъ того облегченъ въ отношеніи казенныхъ податей, какъ сказано будетъ ниже.

Ваше превосходительство конечно не упустите замѣтить, какимъ удивительнымъ образомъ второй итогъ согласуется съ извѣстнымъ человѣколюбивымъ указомъ блаженной памяти государя императора, въ которомъ повелѣно раздѣлять дни недѣли по равной части на барщину и собственное дѣло крестьянъ: изъ 300 рабочихъ дней въ году (круглымъ числомъ) половина и здѣсь принадлежитъ поселянину, но съ тою только разностію, что и остальныхъ 150-ти не требуется отъ него въ натурѣ, т.-е. непремѣнно работою.

Итакъ, первый изъ вышеозначенныхъ итоговъ, 45 рублей, представляя только оцѣнку 1805-го года, можетъ измѣняться каждые пять лѣтъ при новой оцѣнкѣ; но второй, или цѣна 150-ти дней работы, пребудетъ навсегда постоянною мѣрою повинностей такого поселянина, который владѣетъ 8-ю десятинами пахатной земли и одною десятиною сѣнокоса. И симъ количествомъ онъ уже непремѣнно владѣть долженъ. Почему непремѣнно? спросите вы. Поелику государственный порядокъ требуетъ, чтобъ поселянинъ мой былъ земле-

дѣлецъ, а не праздный человѣкъ: 7½ десятинъ есть такая норма обработки, которая опытомъ дознана по силамъ одному рабочему семьянину, нелѣнящемуся, при нашемъ благословенномъ грунтѣ. „Но онъ можетъ быть нанялъ бы въ другомъ мѣстѣ землю дешевлѣ?“ Не спорю: въ сосѣдствѣ моемъ есть казенныя селенія, которыхъ жители, разорясь отъ праздности или безразсчетныхъ промысловъ, могутъ пай свои отдавать дешевле. Но я землю мою почитаю государственнымъ капиталомъ мнѣ или моему предку пожалованнымъ на тотъ конецъ, чтобы онъ приносилъ свои законные проценты. И если бы въ самомъ дѣлѣ я получалъ нѣкоторое излишество противу повольной цѣны, всегда сомнительной и всегда колеблемой обстоятельствами, то сей избытокъ былъ бы не что иное, какъ справедливо слѣдуемое мнѣ жалованье: сельское общество, которому я служу, обязано мнѣ платить оное какъ лицу, представляющему для него высшее правительство; а между тѣмъ и поселяне мои, — смѣло могу сказать это, — не промѣняютъ своего положенія на положеніе поселянъ сосѣднихъ казенныхъ селеній.

Отъ дачи участка чрезъ десять лѣтъ, то-есть выждавъ время, нужное чтобы поселянинъ ощутилъ всю цѣну владѣнія своего, дается ему разрѣшеніе закладывать, или продавать оный, лишь бы закладъ, или продажа не измѣняли слѣдуемыхъ мнѣ повинностей, и притомъ заимодавецъ, или покупщикъ былъ житель если не самого села Кручика, то по крайней мѣрѣ не дальняго отъ него мѣста.

Всякій поселянинъ можетъ требовать, при возрастаніи своего хозяйства, новаго участка земли, на тѣхъ же условіяхъ. Дробленіе участковъ на меньшія мѣры, чѣмъ 2½ десятины въ каждомъ изъ 3-хъ моихъ полей, счелъ я сколько для меня затруднительнымъ, столько же и для самихъ поселянъ невыгоднымъ. Сказанная мѣра составляетъ большею частію правильные параллелограмы по 120 саж. въ длину и по 50 саж. въ ширину. Основаніемъ дѣленія полей на три части послужили у меня дороги, изъ которыхъ одна ведетъ въ губернскій городъ, а другія проселочныя; такимъ образомъ я въ состояніи легко обозрѣвать попечительность каждаго земледѣльца на его собственномъ участкѣ и могу, не имѣя въ этихъ участкахъ ничего своего, — взыскивать, наставлять или ободрять не опасаясь, чтобы кто-нибудь подозрѣвалъ во мнѣ человѣка радѣющаго о своемъ добрѣ.

Вышесказанная сумма годовой повинности (45 р.), остающаяся безъ перемѣны съ 1805 года, вносится поселянами по четвертямъ года впередъ, т.-е. по 11 р. 25 к. каждый разъ. Впрочемъ, какъ оно ни маловажно судя по заработкамъ, не рѣдко составляющимъ по 15 р.

въ мѣсяцъ и болѣе, не всѣ еще мои поселяне расположили себя къ платежу ея: есть нѣкоторые, придерживающіеся еще прежняго моего порядка и называются половинщиками. Повинность ихъ раздѣляется на двѣ части: лѣтнюю и зимнюю. За лѣтнюю, или за пользованіе полемъ и сѣнокосомъ, слѣдовало бы имъ взносить цѣну 80-ти дней работы; но вмѣсто того они отдаютъ мнѣ половину чистаго дохода съ своихъ участковъ самими произведеніями, располагая какъ полные хозяева своимъ временемъ и получая отъ меня половинное количество сѣмянъ для посѣва. Счетъ основывается на числѣ копенъ при уборкѣ и на среднемъ вымолотѣ, дабы избѣжать мелочныхъ разсчетовъ; привозка мнѣ зерна дѣлится на три срока: въ ноябрѣ, въ январѣ и въ мартѣ. Что принадлежитъ до зимней повинности: за избу, дрова, и пр., составляющей цѣну 70-ти дней работы, то тѣ, которые не уплатятъ оной (и рѣдкіе не уплачиваютъ) отработываютъ по вольному съ ними договору за каждую особенную работу. Напримѣръ: вызываются охотники перевезть столько-то саженей дровъ изъ такого-то мѣста, или нарубить ихъ; являются желающіе, которыми иногда бываютъ должники, иногда же и уплатившіе свою повинность; могутъ случиться и совсѣмъ посторонніе поселяне; пойдетъ торгъ, цѣна состоится такая-то отъ сажени; и по окончаніи работы она, въ первомъ случаѣ, т.-е. когда работавшій былъ должникъ, ставится ему въ счетъ суммы, которую онъ долженъ въ мое хозяйство; во второмъ же платятся наличныя деньги. Разсчетъ бываетъ каждый мѣсяцъ по тетрадкамъ, которыя розданы всѣмъ поселянамъ, подобно какъ изъ иныхъ домовъ, въ большихъ городахъ, раздаются оныя мастеровымъ разнаго рода и поставщикамъ припасовъ. Такимъ образомъ, ни поселянинъ не отягощенъ, ни я работою не обманутъ, что по лѣности здѣшняго народа чаще перваго могло бы случиться, еслибы считать оную барщиною. Половинщиковъ остается уже въ селѣ моемъ немного, и я надѣюсь, что въ скоромъ времени всѣ перейдутъ на чистый оброкъ на вышеизложенныхъ началахъ, хотя я ихъ къ тому не принуждаю.

Не обязываю я также отнюдь всѣхъ моихъ поселянъ быть непремѣнно земледѣльцами, хотя и убѣжденъ, что хлѣбопашество, въ нашихъ мѣстахъ, есть наиполезнѣйшее для государства занятіе; но терплю и мастеровыхъ. Терплю только, сберегая все возможное мнѣ ободреніе берущимъ участки. Вотъ мѣры, объясняющія уравненіе тѣхъ и другихъ между собою.

Родители вольны отдавать дѣтей своихъ въ наученіе мастерствамъ; но они въ семъ случаѣ не получаютъ никакого особливаго пособія. По изученіи и достигши совершенныхъ лѣтъ, ремесленникъ получа-

етъ, также какъ и земледѣлецъ, избу, дворъ и прочее, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ; и хотя участка ему уже не дается, но тѣмъ не менѣе онъ обязанъ вносить помѣщику, деньгами или работою своею, цѣну полныхъ 150-ти дней земледѣльческой работы въ годъ. Излишняя, повидимому, плата, состоящая въ цѣнѣ 80-ти дней, есть какъ бы пеня за устраненіе отъ хлѣбопашества. Впрочемъ, такъ какъ пеня эта не велика, то хорошій мастеровой легко ее уплачиваетъ; для плохого же, неуспѣвающаго выработывать столько, она служитъ указаніемъ возвратиться въ состояніе родительское; — и земля отводится ему коль скоро онъ того потребуетъ. Симъ способомъ желалъ я уменьшить число посредственныхъ ремесленниковъ, лишь отягощающихъ собою общество, не заграждая впрочемъ пути уму, расположенному къ искусствамъ и который одинъ можетъ приносить пользу.

Мастеровыхъ ищу я удержать въ селѣ, гдѣ они менѣе могутъ развращаться нежели въ городахъ. Но и въ семъ случаѣ не употребляю принужденія. Живши въ селѣ, они имѣютъ потребности къ жизни за плату подлинно низкую, ибо помѣщеніе, съ отопленіемъ, стóитъ ему въ годъ всего 70-ть дней земледѣльческой работы, что составляетъ всего 21 р., за которые онъ никакъ не можетъ имѣть того же въ городѣ, а пища также несравненно дешевле чѣмъ тамъ; это уже само собою заставляетъ его предпочитать жизнь сельскую городской. Но тѣмъ не менѣе онъ обязывается платить мнѣ урочную повинность за свое жилище, если пожелаетъ жить въ городѣ, и паспортъ выдается ему не иначе, какъ на этомъ условіи. Для мастерового хорошаго и трезваго это не составляетъ препятствія, но посредственный и поведенія мало-надежнаго долженъ по необходимости предпочесть жизнь въ селѣ своемъ, гдѣ онъ отъ сосѣдей провинціаловъ довольно будетъ имѣть работы.

Наконецъ, что принадлежитъ до моихъ дворовыхъ людей, то они, до времени остаются еще на обыкновенномъ основаніи. Но послѣ они должны состоять или изъ вольнонаемныхъ слугъ, или же изъ дѣтей такихъ родителей, которые, за большимъ ихъ числомъ, не въ состояніи бы прокормить и воспитать всѣхъ, отдадутъ ихъ въ услуженіе, сдѣлавъ со мной добровольное условіе; чему и есть уже примѣры. Слово послѣ, употреблено мною въ томъ предположеніи, что при незапрещеніи моемъ дворовымъ людямъ переходить въ землепашцы и даже поощреніе ихъ къ тому, они, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени сдѣлаются всѣ таковыми.

Имѣя въ настоящее время еще нѣкоторое количество нерозданной пахатной и сѣнокосной земли, я обработываю её собственнымъ

скотомъ и наемными людьми, въ ожиданіи пока умножающіеся мои поселяне потребуютъ отъ меня участковъ. Сверхъ того есть у меня мельницы, которыя я также предпочтительно отдаю въ содержаніе своимъ поселянамъ, по вольнымъ съ ними договорамъ; есть и извѣстныя вашему превосходительству небольшія фабрики; но еслибъ этого всего и не было, то чистый, изъ недвижимости собственно получаемый мною доходъ на вышеобъясненныхъ началахъ таковъ, что не заставляетъ меня раскаяваться въ томъ, что я промѣнялъ мнимыя выгоды порабощенія барщинскаго и угнетеніе поселянъ множествомъ мелкихъ поборовъ, на сіе, сходное съ законами всѣхъ земель и съ пользою человѣчества учрежденіе, которому основаніемъ служитъ только одно чистое право собственности. И еслибъ не долги, которые не ради моихъ прихотей надѣланы мною, то при всей неважности моего имѣнія, я считалъ бы себя, со всѣмъ моимъ семействомъ, сколько бы оно ни умножалося, совершенно обезпеченнымъ и счастливымъ, глядя на возрастающее благосостояніе моихъ поселянъ. Но меня тревожить мысль: что̀ станется съ ними въ случаѣ моей смерти, которая, быть можетъ, не далека уже, судя по непрочности моего здоровья?... Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобъ сдѣланный мною опытъ улучшенія ихъ быта не прошелъ безслѣдно послѣ меня! И вотъ я, ободренный благосклоннымъ вопросомъ вашего превосходительства о моихъ сельскихъ учрежденіяхъ, объяснивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ исполняются у меня на дѣлѣ, рѣшаюсь всепокорнѣйше просить васъ тутъ же, начальникъ благодѣтельный и человѣколюбивый, въ случаѣ безвременной моей смерти, испросить у верховнаго правительства то слово, которое бы дало имъ твердое бытіе, если только вы изволите найти ихъ правильными и дѣйствительно обѣщающими народное добро. Если же Богу угодно будетъ продлить мою жизнь и благословить умноженіе моихъ поселянъ до того, что у меня не достанетъ земли для раздачи имъ, то я все-таки долженъ буду обратиться, черезъ ваше же, можетъ быть, посредство, къ державной власти для всемилостивѣйшаго разрѣшенія на отводъ имъ гдѣ-нибудь, въ необъятномъ пространствѣ Россіи, пустопорожнихъ земель, въ полной увѣренности, что сіи истинные вѣрноподданные государства принесутъ ему болѣе пользы чѣмъ иноземные колонисты, стоющіе казнѣ столькихъ заботъ и издержекъ и отбывающіе столь сомнительную службу русскому народу.

Но я до сихъ поръ объяснилъ вашему превосходительству только матеріальный бытъ моихъ поселянъ. Остается сказать нѣсколько словъ о ихъ гражданскомъ устройствѣ.

Устранивъ отъ себя, вышепредставленнымъ способомъ, всѣ под-

робности попеченія о личной пользѣ, которыя бы развлекали меня при обыкновенномъ порядкѣ вещей, превращали бы изъ господина въ надзирателя только работъ, я могъ быть и самъ нравственно свободенъ. Мнѣ не оставалось ничего болѣе, кромѣ должностей въ отношеніи моего собственнаго семейства и той обязанности въ отношеніи моихъ поселянъ, которую возлагали на меня, казалось, религія и правительство. (Я не говорю о наукахъ, занимающихъ свободные мои часы: и ихъ, къ счастію, легко соединить съ обѣими упомянутыми обязанностями).

Поселяне мои должны были имѣть полицію и судилище. Число сихъ подданныхъ государства не велико: одного мѣста могло быть довольно для представленія обоихъ мѣстъ. Еще въ 1793 году была учреждена мною на образецъ думъ, существующихъ въ городахъ, сельская дума. Она состояла изъ двухъ стариковъ, выбранныхъ самими поселянами, и меня какъ ихъ предсѣдателя. Имѣла, съ тѣхъ поръ, писаря, записку засѣданій, сумму для общественныхъ нуждъ и нѣкоторыя правила. Но частыя мои отлучки изъ дому, и служба въ С.-Петербургѣ, не позволили мнѣ заняться симъ учрежденіемъ такъ, какъ я желалъ. И можетъ быть это сдѣлалось къ лучшему: ибо множество идей моихъ созрѣли съ тѣхъ поръ. Послѣ отставки въ 1804 году я обратился къ моему любимому мечтанію, и уже какъ мужъ, не какъ юноша.

Теперешнее образованіе Кручанской сельской думы есть слѣдующее:

1) Она имѣетъ мѣсто своихъ засѣданій въ особомъ порядочномъ и внутри приспособленномъ къ своей цѣли строеніи въ серединѣ села (бывшее жилье моего покойнаго отца).

2) Время урочныхъ засѣданій: одинъ день въ недѣлю, а именно четвертокъ. Впрочемъ, бываютъ собранія и сверхъ положенныхъ, если особыя нужды того требуютъ.

3) Имѣетъ членами: меня, въ лицѣ предсѣдателя; старшаго выборнаго, который есть вмѣстѣ и церковный староста; младшаго выборнаго, который, завѣдывая сельскою полиціею, называется благочиннымъ. Къ числу членовъ можно причесть и священника, который нерѣдко засѣдаетъ съ нами вмѣстѣ, и надзирателя должностей. Это одинъ старый офицеръ, который послѣ 35-лѣтней службы живетъ у меня на покоѣ. Онъ есть у насъ родъ прокурора и въ отсутствіи моемъ заступаетъ мое мѣсто, также при производствѣ такихъ дѣлъ, которыя лично до меня касаются, или до моей собственности, и гдѣ я по общему началу, что „истецъ и судья не могутъ быть въ одномъ

лицѣ", не присутствую.—Письмоводецъ думы есть особо опредѣленный на то писарь изъ воспитанниковъ приходскаго моего училища.

4) Сіи люди получаютъ жалованье, а именно:

Старшій выборный цѣну ста сорока дней работы въ годъ (или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 42 рубля).

Младшій выборный, цѣну двухъ сотъ дней работы (или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 60 рублей): (болѣе старшаго, поелику другая должность его, благочиннаго, больше отвлекаетъ его отъ дому, слѣдовательно общество обязано вознаградить его упущенія по собственному хозяйству).

Надзиратель, — цѣну 400 дней работъ (по нынѣшней оцѣнкѣ 120 рублей).

Писарь,—цѣну 80 дней работъ (по нынѣшней оцѣнкѣ 24 руб.). Въ дополненіе къ этому жалованью ему позволено: 1) брать за внесеніе условій между поселянами въ назначенную для того книгу, 1/50 долю ихъ цѣны, и 2) получать небольшіе, опредѣленные подарки отъ примиряющихся въ ихъ ссорахъ, если онъ успѣетъ согласить ихъ не доводя до суда.

5) Деньги на сіе жалованье берутся изъ общественной суммы села, которую, для бо́льшаго ея уваженія, назвалъ я по имени прихода: крестовоздвиженскою, и положилъ хранить въ церквѣ. О составленіи оной донесу ниже.

6) Дума для всѣхъ своихъ дѣлопроизводствъ имѣетъ пять книгъ:

первая, есть обыкновенная записка, или протоколъ засѣданій. Въ одномъ столбцѣ сей записки показано, о чемъ разсуждаемо было; въ другомъ, что положили; въ боковыхъ двухъ графахъ отмѣчается день разсужденія и день исполненія приговоровъ. Сія записка пишется писаремъ и подписывается мною и членами, а въ отсутствіи моемъ, надзирателемъ и членами (по неграмотности выборныхъ,—такъ какъ они гораздо старѣе моего училища, они имѣютъ свои печати).

вторая книга—есть приходо-расходная общественной суммы. Ведется она также писаремъ, но суммы вынимаются и выдаются въ присутствіи священника и по крайней мѣрѣ одного выборнаго. Къ ней принадлежитъ: книга долговая, для записки раздаваемыхъ въ заемъ денегъ поселянамъ, по приговорамъ думы.

четвертая,—книга условій, родъ крѣпостной и маклерской вмѣстѣ. Въ оную писарь вноситъ всѣ условія, дѣлаемыя жителями села (кто бы они ни были, неисключая и помѣщика); также данныя на дворовыя, огородныя мѣста и пр. Она начата запискою тѣхъ условій, на которыхъ я отдалъ участки полей поселянамъ, и я предоставляю

себѣ, рано или поздо, утвердить актъ сей по начальству, дабы онъ имѣлъ всю силу закона для моихъ наслѣдниковъ. Что принадлежитъ до полной значительности онаго при моей жизни, то, благодарю Бога! поселянамъ моимъ и на мысль не приходитъ въ томъ сомнѣваться.

Наконецъ, пятая книга—алфавитный реестръ всѣхъ въ прошедшее пятилѣтіе случившихся дѣлъ, который служитъ для разныхъ выправокъ. Роды дѣлъ, которыя кто имѣлъ, роды винъ, за которыя съ кого послѣдовало взысканіе, дѣлаютъ еще сію книгу истинною характеристикою поселянъ, необходимою для полиціи.

7) Порядокъ засѣданій думы не имѣетъ ничего особаго. Я старался его учредить бравши въ примѣръ существующій въ присутственныхъ мѣстахъ. Держась спасительныхъ началъ монархическаго правленія, я долженъ былъ предоставить себѣ ту власть, которая 103-ею статьею учрежденія о губерніяхъ дана губернатору въ губернскомъ правленіи, и еслибы отъ меня сіе зависѣло, то я выборнымъ охотно далъ бы право, по разуму той же статьи, доносить о неправильномъ какомъ или противузаконномъ моемъ поступкѣ высшему начальству, и именно: губернатору, или губернскому предводителю дворянства, но только не уѣзднымъ мѣстамъ, стать подъ которыми, по нынѣшнему ихъ составу, для всякаго помѣщика конечно будетъ прискорбно. Надзирателю должностей предоставилъ бы я также право представленій о томъ же губернскому начальству. Такимъ образомъ, мое учрежденіе никогда не обратилось бы въ игру власти. Но все это можетъ быть сдѣлано только тогда, когда учрежденіе это получитъ одобреніе высшей власти.

8) Законы, на которые мы ссылаемся въ рѣшеніяхъ и приговорахъ, суть не иные какъ общіе государственные; ибо нѣтъ никакой причины, препятствующей распространять ихъ на помѣщичьихъ поселянъ, хотя сего нигдѣ гласно и не сказано. По сему началу дѣла опекъ наслѣдства и личныя ссоры разбираются по извѣстнымъ узаконеніямъ. Дѣла прямо уголовныя, еслибы онѣ къ несчастію случились, одни изъ сего естественно исключаются, такъ какъ они принадлежатъ до мѣстъ на сіе верховнымъ правительствомъ учрежденныхъ.

Но на такія обстоятельства, въ коихъ общіе законы молчатъ, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ принадлежащихъ до полиціи, нравовъ и проч., сдѣланы особенныя постановленія думы, на которыя и бываетъ ссылка. Въ примѣръ того и другого я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству двѣ выписки изъ засѣданій думы. О нѣсколькихъ предметахъ, однакожъ, я обязанностію считаю донести вамъ обстоятельнѣе, именно: о сельской полиціи, о распо-

рядкѣ относительномъ до рекрутскаго набора, объ опекѣ и малолѣтныхъ, объ училищѣ и о собраніи общественной суммы, изъ чего послѣдняго само собою объяснится и то, что принадлежитъ до взноса казенныхъ податей.

1) Все, что принадлежитъ до земской и внутренней полиціи села, ввѣрено благочинному. Получаемыя по сей части предписанія уѣздной полиціи ему немедленно препровождаются для исполненія. То изъ нихъ, что должно быть вѣдомо всѣмъ поселянамъ, онъ же оповѣщаетъ слѣдующимъ способомъ: село, вмѣсто кварталовъ городскихъ, раздѣляется на десятки дворовъ, т.-е. отчислено, по сосѣдственному между собою положенію, около десяти дворовъ, болѣе или менѣе, которые и составляютъ то, что называется 1-мъ 2-мъ и такъ далѣе десяткомъ. Хозяева домовъ обязаны, каждый по очереди, три дня сряду отвѣчать за порядокъ своего десятка. Они приходятъ каждый вечеръ въ думу извѣщать благочиннаго о томъ, что случилось у нихъ и принимать приказанія, если какія есть. Въ крайнихъ же случаяхъ и сами немедленно берутъ предписанныя мѣры на мѣстѣ, а между тѣмъ извѣщаютъ благочиннаго.

Обязанность думы не ограничивается механическими, такъ-сказать, распоряженіями, общими ей съ городскою полиціею. Нравственность поселянъ есть первый ея предметъ. По ограниченности того круга, который она обнимаетъ, и по власти, которую заимствуетъ отъ помѣщика, бдѣніе за симъ ей удобнѣе нежели начальствамъ городовъ. Изъ приложенныхъ выписокъ, о которыхъ я имѣлъ честь упомянуть выше, ваше превосходительство можете уже отчасти видѣть, какъ далеко у насъ простирается нравственное надзираніе. Донесу вамъ, что оно начинается уже въ училищѣ. Употреблены всѣ средства, чтобы у молодыхъ поселянъ уваженіе къ вѣрѣ, законамъ и начальству (т.-е. порядку), а также къ чистотѣ нравовъ вошло въ привычку гораздо прежде, нежели сіе будетъ изъясняться разсудку ихъ. По малости времени рано еще видѣть вполнѣ плоды сихъ распоряженій, но надѣюсь имѣть нѣкогда это счастіе. Народъ нашъ чрезвычайно способенъ къ хорошимъ впечатлѣніямъ, но надобно чтобы они поддерживались примѣромъ и властію. Власть всегда готовая взыскивать, власть нелицепріятная, неумолимая, должна быть у него въ виду. По сей причинѣ не отринуто у насъ тѣлесное наказаніе. Дѣти и народъ, который едва ли не повсюду въ состояніи же дѣтей, по разуму, неразвитому въ однихъ лѣтами, а въ другомъ образованіемъ, не могутъ быть, кажется мнѣ, закономъ освобождены отъ такого наказанія. Но оно, конечно, должно имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ стыдъ не дѣйствуетъ уже, и опредѣляться неинаиче какъ съ крайнею береж-

ливостію и съ постепенностію. Нашъ сельскій уставъ полагаетъ отъ 3-хъ и до 20-ти ударовъ обыкновенною лозой, но приговорамъ думы. Подъ категорію проступковъ, караемыхъ такимъ образомъ, подведены слѣдующіе: 1) всякаго рода непослушаніе начальству, происходящее собственно отъ упрямства, этого коренного зла въ человѣкѣ, обнаруживающагося пренебреженіемъ порядка установленнаго властію. (Тутъ разумѣется и обида кому-либо должность исправляющему, хотя бы онъ и не начальникъ былъ, оказанная въ видѣ мщенія за сіе исправленіе должности); 2) взятка, или кража, или другой подобный проступокъ при исполненіи порученія *); 3) драка при народѣ; 4) неуваженіе старшихъ, дошедшее до безчинія (разумѣется неуваженіе къ родителямъ, тестю, тещѣ, старшимъ братьямъ, и пр.), также лживый поступокъ, оказанный противъ старшихъ; 5) безчиніе, сдѣланное въ церквѣ и всякое другое неуваженіе святой нашей религіи, явно учиненное. Вообще имѣлись въ виду такіе проступки, которые показываютъ противудѣйствіе установленному порядку, или злоупотребленіе власти.

Неисправляющіеся послѣ всѣхъ опытовъ, какъ упорные, такъ и порочные поручаются помѣщику, чтобъ онъ удалилъ ихъ изъ села. Отдача въ солдаты есть та мѣра, которую я положилъ употреблять въ подобныхъ случаяхъ, буде неисправимый подходитъ подъ условія рекрутскаго пріема; въ противномъ же случаѣ счелъ позволеннымъ воспользоваться правомъ, который законъ даетъ, къ сожалѣнію, продавать людей; и это единственный случай, въ которомъ подобное право можетъ быть употреблено. Вырученныя за продажу деньги, или рекрутская квитанція поступаютъ въ пользу общества, которое должно быть вознаграждено за лишеніе своего члена.

Можетъ быть ваше превосходительство изволите заключить изъ непризнанія моего и барщины (или, какъ у насъ говорятъ, панщины) и продажи людей, что я отвергаю вовсе такъ-называемое крѣпостное право (т.-е., по моему, право подчиненности поселянъ своимъ помѣщикамъ)? Напротивъ! я считаю его очень важнымъ, ибо оно служитъ для отечества моего обезпеченіемъ, что поля не будутъ безплодными степями, что промыслы останутся въ своихъ предѣлахъ, и что полиція городовъ не будетъ отягощена надзоромъ надъ людьми безъ собственности, которые, не имѣя ничего терять, тѣмъ легче могутъ себѣ позволить беззаконныя средства къ пріобрѣтенію. Но я хотѣлъ бы только, чтобъ злоупотребленія этого права были искоренены, а главнѣйшими изъ сихъ злоупотребленій суть: барщина,

*) Кража въ другихъ случаяхъ наказывается у насъ арестомъ и пенею только.

т.-е. произволъ въ пользованіи трудомъ поселянъ, безсудныя наказанія и продажа ихъ какъ вещей! Я допускаю даже выходъ изъ подчиненности ихъ помѣщикамъ, но только тогда, когда выходящій приготовленъ къ самостоятельной жизни. Всякой поселянинъ, который, взнося въ общественную сумму цѣну рекрута, поставленную у меня навсегда, какъ вы ниже изволите увидѣть, въ цѣну 2000 дней работы (по нынѣшней оцѣнкѣ въ 600 рублей), пожелаетъ перемѣнить свое званіе, немедленно получаетъ отпускную. И въ семъ случаѣ отпускная разумѣется свидѣтельствомъ, которое законы государства требуютъ въ томъ, что предъявитель можетъ безвредно перемѣнить родъ жизни. Сумма, взносимая имъ, доказываетъ неоспоримо: 1) что онъ не будетъ въ тягость никакому обществу, ибо онъ, за продовольствіемъ себя и семейства, могъ своими трудами пріобрѣсть ея; 2) что онъ болѣе сего имѣетъ въ запасѣ и чувствуетъ себя способнымъ къ другому званію, или къ пользѣ обществу въ городахъ, ибо безъ того не было-бъ ему никакой нужды мѣнять извѣстныя выгоды на неизвѣстныя. Онъ все, земледѣльческое собственно, имѣлъ за такую цѣну, за которую не можетъ получить въ другомъ мѣстѣ. Начальства же избѣжать — не можетъ входить и въ мысль его, такъ какъ онъ пріученъ къ тому, что господская власть есть только такое же начальство, какое онъ встрѣтитъ во всякомъ другомъ состояніи, только болѣе заинтересованное въ его собственной пользѣ. Гдѣ власть неупотребляется во зло, тамъ она любезна. Впрочемъ легко доказать можно, что никогда законы наши не разумѣли подъ именемъ власти помѣщика безчестнаго права располагать человѣкомъ какъ скотомъ. Предоставимъ иностранцамъ выражать то, къ чему мы на языкѣ нашемъ и слова не имѣемъ (Leibeigenschaft) и послѣ ужасаться своего собственнаго выраженія!..

Понужденіе къ выполненію долговыхъ и другихъ обязательствъ также естественно принадлежитъ до полиціи, отъ которой поведеніе никакого поселянина укрыто быть не можетъ. Должникъ, неоплатный безъ вины его, получаетъ пособіе изъ общественной суммы, или отъ доброхотныхъ дателей, которыхъ вызывать дума поручаетъ священнику. Неоплатный же по нерадѣнію, которое всегда подразумѣвается, если должникъ не докажетъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, отъ которыхъ онъ пришелъ въ несостоятельность, отдается въ услуженіе кому онъ долженъ и до окончательной выплаты лишается распоряженія своимъ достояніемъ, которое отдается въ опеку.

2) Рекрутская повинность исполняется у меня слѣдующимъ способомъ:

Благочинный, получивъ по начальству предписаніе о предстоя-

щемъ рекрутскомъ наборѣ, оповѣщаетъ о томъ поселянъ чрезъ десятскихъ, о которыхъ сказано выше. Немедленно составляется въ думѣ списокъ всѣхъ поселянъ отъ 19 и до 29 лѣтъ возраста безъ исключенія (дворовые мои люди вносятся въ оный на ряду съ другими). На таковыхъ отмѣченныхъ поселянъ раскладывается цѣна рекрута, которая, вмѣстѣ съ издержками на его отдачу единожды навсегда положена въ 2000 рабочихъ дней (что составляетъ по нынѣшней оцѣнкѣ 600 рублей). Раскладка дѣлается неравномѣрно, но соображаясь росту, лѣтамъ, семейству и достатку поселянина. Для примѣра донесу вамъ, что нынѣшній разъ на нѣкоторыхъ пришлось по 2 рубля, а на другихъ по 20. Малорослые, на достаточнѣйшихъ изъ которыхъ полагается не свыше цѣны десяти дней работы (нынѣ трехъ рублей), должны непремѣнно заплатить свою долю, ибо наборъ есть повинность общественная, въ которой неминуемо должно всякому участвовать, но не въ равной, однакожъ, мѣрѣ, а смотря по тому, какъ природа и другія обстоятельства способствуютъ къ освобожденію его отъ оной. Подходящимъ къ указной мѣрѣ роста предоставляется на волю внести свой пай, или явиться къ вынинанію жеребья. Сіе послѣднее происходитъ въ думѣ; вынувшій жеребій, каждый по своему номеру, представляется въ рекрутское присутствіе и пріемъ рѣшитъ кому надлежало быть отданнымъ. Буде бы случилось, что всѣ внесутъ положенное на нихъ по раскладкѣ, то дума назначаетъ сама нѣсколькихъ поселянъ, которыхъ она, по заключеніямъ своимъ, охотнѣе можетъ отдать; сама раздаетъ имъ номера и тотъ же постепенный порядокъ наблюдается при представленіи ихъ въ рекрутское присутствіе. Въ семъ случаѣ взятому въ рекруты деньги возвращаются. Употребленіе собранной такимъ образомъ суммы есть слѣдующее: во-первыхъ, изъ оной отдается рекрутъ со всѣми къ отдачѣ принадлежащими расходами, какъ-то: верхнимъ и нижнимъ одѣяніемъ, доставкой, и пр.; во-вторыхъ, изъ оной же взносятся рекрутскія деньги, кому слѣдуетъ, за излишекъ противу чётнаго числа душъ, слѣдовательно, нѣтъ уже надобности въ новой раскладкѣ на эти оба предмета, какъ сіе въ другихъ мѣстахъ обыкновенно дѣлается; въ-третьихъ, удовлетворяются заимодавцы отданнаго въ рекруты, буде таковые имѣются. Остальныя затѣмъ деньги будутъ храниться въ общественной кассѣ, яко принадлежащій ему собственно капиталъ, съ котораго указные 6 процентовъ препровождаются ему ежегодно, каждый разъ по полученіи отъ него черезъ почту извѣстія о его адрессѣ и отъ начальника роты, или эскадрона, гдѣ онъ служитъ, аттестата въ томъ, что онъ похвальнаго поведенія. Напослѣдокъ, по возвращеніи его изъ службы на покой, или въ гар-

низонъ, капиталъ сей отдается ему въ цѣлости, яко пособіе на обзаведеніе его домомъ. Ежели служивый изъ сдаточныхъ села Кручика, бывъ отъ службы уволенъ, пожелаетъ поселиться на своей родинѣ, то дума немедленно отводитъ ему дворовое мѣсто, а помѣщикъ предоставляетъ навсегда урочныя десятины пахатной земли и сѣнокоса безъ взысканія обыкновенной повинности. Сіи два пособія, казалось мнѣ, по справедливости долженъ имѣть служившій столько лѣтъ за отечество отъ того мѣста, которое его на свѣтъ произвело. По сей-то причинѣ принятъ вышепоказанный періодъ жизни отъ 19 до 29 лѣтъ, не простирая его далѣе до указныхъ годовъ; ибо назначать въ рекруты въ 30 и болѣе лѣтъ, значило бы сулить ему самую печальную будущность: возвратившись со службы онъ не будетъ уже имѣть силъ заводить дома, ниже семейства имѣть, хотя бы случаи службы и не отняли у него здоровья. Въ случаѣ смерти на службѣ нашего рекрута, капиталъ его возвращается въ пользу общества, которое его составило, т.-е. причисляется къ общественной суммѣ.

Иные, въ семъ распоряженіи о наборѣ будутъ можетъ быть охуждать то, для чего женатые люди не исключены изъ упомянутаго списка отмѣченныхъ? Но я отдачу холостыхъ единственно, почитаю большимъ проступкомъ противъ здравой политики. А почему?... Дабы сберечь здѣсь время и мѣсто, предоставляю собственной проницательности вашего превосходительства.

3) По смерти поселянина, имѣвшаго участки поля, или хуторъ, одинъ изъ его сыновей, имъ самимъ назначенный, или, если онъ не успѣлъ сего сдѣлать, назначенный думою, вступаетъ въ права владѣнія оставленной собственности. Прочіе сыновья, буде кто изъ нихъ не отданъ въ наученіе ремеслу, немедленно получаютъ отъ меня урочные участки; сиротскіе остаются, до возраста малолѣтныхъ, на такомъ же основаніи, какъ и даваемые отставнымъ солдатамъ, т.-е. съ нихъ не взыскивается никакой повинности. Казалось мнѣ, что долгъ мой есть пещись о сиротахъ и дать имъ собственность прежде, нежели можно будетъ требовать отъ нихъ возмездія. Не мнѣ-ли принадлежитъ, рано или поздо, пристроить ихъ и дать имъ движимую собственность, дабы привести ихъ въ состояніе пользоваться и недвижимою? Дача участковъ въ малолѣтствѣ сіе замѣняетъ, ибо таковые участки, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ, какое по наслѣдству сиротѣ принадлежитъ, отдаются подъ опеку избранному отъ думы поселянину, получающему, въ вознагражденіе за свой призоръ, десятую долю собираемаго съ полей дохода. (Въ законѣ о дворянскихъ опекахъ положено только пять процентовъ, но призоръ опекуна-земледѣльца требуетъ

болѣе трудовъ). Или же предоставляется ему, во избѣжаніе счетовъ, сиротскіе участки обработывать въ собственную свою пользу, платя въ общественную казну ежегодно урочную съ каждой десятины повинность, за вычетомъ только десятой доли. И въ семъ случаѣ было нужно назначить уступку, дабы заохотить опекуновъ обработывать сіи участки предпочтительнѣе нежели брать ихъ на собственный свой счетъ у помѣщика. Собираемыя тѣмъ или другимъ образомъ деньги, за отдѣленіемъ того, что необходимо на содержаніе малолѣтнаго (который вездѣ въ деревняхъ, начиная отъ пяти лѣтъ, снискиваетъ уже себѣ собственнымъ трудомъ пропитаніе), вносится въ общественную кассу. Дума ведетъ счетъ симъ деньгамъ и процентамъ съ нихъ, ибо она сама отдаетъ въ ростъ избытки своей суммы и съ преимущественными процентами. И весь накопленный капиталъ, который иногда простираться можетъ до 300 р., по совершеннолѣтіи хозяина, выдается ему на обзаведеніе.—Если никто изъ назначаемыхъ думою не пожелаетъ взять на себя опекунской должности (что и случилось недавно съ нѣкоторыми сиротами), то званіе опекуна по всѣмъ правамъ принадлежитъ мнѣ. И въ такомъ случаѣ я, подобнымъ же образомъ, обработывая сиротскіе участки наемными людьми въ мою пользу, дѣлая иногда на нихъ самые полезные для поселянъ моихъ опыты, взношу принадлежащія за нихъ деньги въ общественную кассу на упомянутомъ же основаніи. Мать таковыхъ сиротъ опека обязана содержать на счетъ всѣхъ ихъ, до совершеннолѣтія сына, получающаго отцовское наслѣдіе, удѣляя ей, сверхъ того что она собственными трудами пріобрѣсти можетъ, пристойную сумму. Если послѣ умершаго поселянина останутся только дочери, то одна изъ нихъ равнымъ образомъ получаетъ въ наслѣдство отцовскіе участки. Прочія, по усмотрѣнію думы, или отдаются въ наученіе какому либо ремеслу, или получаютъ отъ помѣщика участки полей и сѣнокосу, на томъ же основаніи какъ и сыновья, до совершеннолѣтія ихъ. А потомъ, или же при выходѣ въ замужество, онѣ съ своихъ участковъ начинаютъ платить только половину повинности противу мужчинъ. Вдова, оставшаяся безъ дѣтей, наслѣдуетъ также участки своего мужа съ обязанностію половиннаго же платежа; и въ обоихъ случаяхъ сей половинный платежъ продолжаетъ имѣть мѣсто, доколѣ участки по наслѣдству не перейдутъ въ мужскія руки. Въ случаѣ выхода въ замужество вдовы, или дѣвицы, имѣющей участки, въ другое селеніе (казенное, или помѣщичье), она съ мужемъ своимъ властна продолжать пользоваться ими съ тою же повинностію, или же уступить ихъ мнѣ, или одному изъ поселянъ Кручика, по добровольному условію. Но дѣтямъ, прижитымъ съ иносельнымъ мужемъ, въ наслѣдство оставить уже не можетъ. Плата за выводъ

невѣстъ совершенно уничтожена у меня. Сосѣдственные, казенные или помѣщичьи, поселяне имѣютъ незатворенныя двери сватать ихъ (съ нѣкоторыми изъ помѣщиковъ я сдѣлалъ въ семъ разумѣ взаимное обязательство; впрочемъ, родители должны предварительно извѣстить думу о томъ, куда они выдаютъ свою дочь). Эта мѣра, вмѣсто потери невѣстъ для собственныхъ моихъ поселянъ, которою меня угрожали, сдѣлала то, что я имѣю довольно женщинъ за моими людьми изъ казенныхъ селеній.

4) Училище состоитъ также подъ вѣдомствомъ думы. Она отпускаетъ на оное ежегодно цѣну ста тридцати дней работы, сверхъ экстраординарныхъ издержекъ на починку строенія, построеннаго мною на сей предметъ. Цѣна тридцати дней работы употребляется на подарки вещами ученикамъ, которые отличились при испытаніи, или ихъ родителямъ, если отличіе замѣчено со стороны благонравія. А цѣна ста дней работы (по нынѣшней оцѣнкѣ 30 руб.) идетъ въ жалованье учителю. Въ дополненіе къ сему предоставлено ему право получать съ родителей учениковъ, по предварительному съ ними условію, въ годъ за каждаго отъ цѣны 3-хъ дней работы, до цѣны 30-ти дней, смотря по достатку поселянина. Испытанія бываютъ при членахъ думы и родителяхъ; приглашается также и смотритель уѣзднаго училища. Постороннихъ посѣтителей поставлено за правило не имѣть, ибо при простомъ семъ училищѣ, основанномъ на началахъ христіанской религіи, не терпится ни одно средство, несогласующееся съ нею, къ числу которыхъ принадлежитъ возбужденіе тщеславія. Кончившимъ свое ученіе въ приходскомъ училищѣ села Кручика не возбраняется переходить въ уѣздное и тамъ продолжать свои науки на иждивеніи родителей. Постановлено, что въ случаѣ, если губернское начальство, по сообщенію къ нему университета, отзовется ко мнѣ, что кто-либо изъ дѣтей моихъ поселянъ въ уѣздномъ училищѣ обнаружитъ таланты необыкновенные, обѣщающіе, что онъ внѣ земледѣльческаго званія можетъ принести вящшую пользу государству, то я сообразно тому, что сказано выше о возрастныхъ поселянахъ, немедленно выдаю ему отпускную. Но въ семъ случаѣ губернское начальство должно взять на себя понужденіе законнымъ порядкомъ выбывающаго поселянина ко взносу опредѣленной цѣны 2000 дней земледѣльческой работы въ общественную сумму села Кручика, разумѣется въ то время, когда онъ службою государству, или исполненіемъ другого званія по талантамъ своимъ, получитъ къ тому возможность; ибо, — первое правило, безъ вѣрной надежды на выгоднѣйшую жизнь нѣтъ нужды перемѣнять званія, къ которому кто принадлежитъ; и, — второе, — общество должно быть вознаграждено за потерю своего члена: оно лишилось одного изъ орудій къ несенію общихъ тягостей.

5) Остается мнѣ донести вашему превосходительству о составленіи общественной суммы, о которой я столь часто упоминалъ. Я основалъ сіе составленіе на понятіи моемъ о податяхъ вообще; и оно есть слѣдующее:

Предметъ собиранія податей можетъ быть четверолкій, судя по ихъ назначенію. 1) На содержаніе правительства, пекущагося о цѣлости и благоустройствѣ общества; 2) на охраненіе сей цѣлости извнѣ (содержаніе войска и департамента иностранныхъ сношеній); 3) на охраненіе въ самомъ обществѣ личной безопасности каждаго гражданина (содержаніе полиціи и уголовныхъ судовъ), и 4) на охраненіе и обезпеченіе права собственности (содержаніе гражданскихъ судовъ). Первыя три назначенія предполагаютъ личную или такъ-называемую, въ чужихъ странахъ, поголовную подать, независящую отъ сборовъ съ имущества, которые, однакожъ, также, болѣе или менѣе, должны въ ней участвовать. Послѣднее же предполагаетъ одни только сіи сборы. Такимъ образомъ я вижу, что только два рода повинностей основаны на самомъ свойствѣ вещи; или, точнѣе сказать, что существуетъ одинъ только родъ собственно подати, и одинъ—сборовъ. Послѣдній, въ строгомъ смыслѣ, можетъ имѣть два или три вида, не болѣе. Подать личная, или просто подать, должна быть всеобщая, не терпящая никакого исключенія, но умѣренная и для всѣхъ равная, поелику всѣ, отъ первѣйшаго богача, до послѣдняго работника въ рубищахъ безъ собственности и пріюта, имѣютъ одинакую нужду въ охраненіи цѣлости общества, въ охраненіи личной безопасности и въ охраненіи права собственности. Сборъ же съ имѣній, напротивъ, долженъ соотвѣтствовать самимъ имѣніямъ.

Личная подать имѣетъ свои величайшія неудобства, но ихъ отвратить можно. Кто, напримѣръ, сомнѣвается въ томъ, что равный платежъ съ младенца, который едва успѣлъ родиться на свѣтъ, который есть только новое бремя своему отцу, и съ взрослаго юноши въ полномъ цвѣтѣ силъ его, есть несправедливость? Что таковой платежъ есть даже жестокость, противная здравой политикѣ, вызывающей умноженіе народа и видящей въ немъ свою славу? Земледѣлецъ, обремененный уже пятью сыновьями, изъ которыхъ и старшій не доставляетъ еще никакой ему помощи, а требуетъ содержанія, порадуется ли рожденію шестого? Не покусится-ли онъ, напротивъ, на умерщвленіе въ себѣ чувства, влекущаго его къ бѣдной его половинѣ? Не позавидуетъ-ли тому презрѣнному товарищу его, который, бросивъ земледѣліе и жену, развращается въ городахъ? Къ счастію, при кроткомъ нашемъ правительствѣ и умѣренности личной подати сіи неудобства меньше ощутительны.

Извѣстно, что ни въ одномъ селеніи, помѣщичьемъ-ли то, или казенномъ, подать не собирается по словамъ ревизской сказки, хотя итогъ ея служитъ основаніемъ податей. Перемѣны, случающіяся ежегодно въ семействахъ отъ ревизіи до ревизіи, препятствуютъ тому; слѣдовательно, ежегодно бываютъ новыя раскладки. Индѣ выпускаютъ, обыкновенно, умершихъ и бѣжавшихъ; для наполненія же суммы вводятъ новорожденныхъ; недостатки за симъ раскладываютъ на все общество. Въ другихъ мѣстахъ сложность слѣдующаго ко взносу въ казначейство раскладываютъ на работниковъ селенія, т.-е. на тягла, или заставляютъ ихъ обработывать, сверхъ барщины, участокъ земли, произведенія котораго обращаютъ на уплату всѣхъ казенныхъ повинностей; и такъ далѣе.—Я, принужденъ бывши также изобрѣтать средства для сего домашняго уравненія казенныхъ податей, за взносъ которыхъ я, какъ помѣщикъ, отвѣтствую, разсудилъ расположить взысканіе ихъ съ тѣхъ только поселянъ, которые достигли совершеннаго возраста; но съ тѣмъ, что они въ слѣдующіе двадцать лѣтъ повинны заплатить всю недоимку за протекшіе до ихъ совершеннолѣтія двадцать лѣтъ, съ процентами ея. По прошествіи сего времени, т.-е. послѣ сорокового года ихъ жизни, остается имъ платить только одинакую подать въ продолженіи двадцати же лѣтъ; наконецъ, послѣ 60-го года жизни и сія уничтожается. Способъ сей казался мнѣ представляющимъ великія выгоды: во-1-хъ) платежъ будетъ постоянно соотвѣтствовать естественнымъ періодамъ силы человѣческой; во-2-хъ) молодые люди, при самомъ вступленіи своемъ на поприще общественной жизни, поставлены въ необходимость трудиться и быть хозяевами, и это должно обратиться въ привычку на цѣлую ихъ жизнь; въ-3-хъ) они, сверхъ того, поощрены каждый къ бракамъ, ибо знавши, что неминуемо долженъ онъ платить отъ совершеннолѣтія своего опредѣленную подать, и чрезъ двадцать лѣтъ сряду одинакую, найдетъ для себя выгоднѣе поспѣшить жениться и прижить дѣтей, за которыхъ онъ уже не платитъ государству, но которые могутъ ему помогать, бывъ подростками, т.-е. за нѣсколько лѣтъ еще до окончанія срока двойного платежа отцовскаго и до наступленія ихъ собственнаго; въ-4-хъ) пощажены отцы, имѣющіе большія семейства; въ-5-хъ) совершенно освобождены старики, съ нуждою могущіе снискивать себѣ пропитаніе, и тягость платежа снята съ дѣтей, у которыхъ они доживаютъ остатокъ жизни.

По причинамъ, объясненнымъ ниже, платежъ казенной подати взялъ я собственно на себя: ибо *я* имѣю счетъ съ уѣзднымъ казначействомъ и *я* получаю отъ него квитанціи. Взысканіе же помощи мнѣ на пла-

тежъ сихъ податей расположилъ по общему мѣрилу моему, цѣнѣ рабочаго дня, слѣдующимъ образомъ:

Выше сказалъ я, что поселянинъ, по самому безобидному для него счету, издерживаетъ 150 рабочихъ дней въ году, или ихъ цѣну, на то, чтобъ имѣть собственность. Равное же число дней, при помощи обыкновенныхъ благодѣяній природы, совершенно достаточно на то, чтобы заставить сію собственность принести лихву свою, т.-е. его продовольствіе. Воскресенья и сверхъ оныхъ десять праздниковъ слѣдуетъ исключить: сіи 62 дня необходимо должны посвятиться религіи, отдохновенію и радостямъ жизни. Затѣмъ остается еще три дня въ году. Куда приличнѣе употребить ихъ какъ не на службу государству, т.-е. на взносъ личной подати?

На семъ основаніи принялъ-было я цѣну трехъ дней земледѣльческой работы мѣрою казенной повинности для одного лица, уравнивая всѣ возрасты. Три дня работы въ году, или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 90 копѣекъ, не составитъ никакого затрудненія и для неимѣющаго вовсе собственности подданнаго. Но вышедшій въ нынѣшнемъ году высочайшій манифестъ заставилъ меня прибавить еще четвертый день и назначить постоянную мѣру казенной повинности для всѣхъ живущихъ у меня людей мужескаго пола, въ 1 р. 20 к. Это и продолжится до тѣхъ поръ пока правительство, выведя изъ обращенія избыточное число ассигнацій, возстановитъ цѣну денегъ, слѣдовательно и личная подать, которая на массѣ ихъ въ государствѣ основана, естественно уменьшена будетъ. Но 1 р. 20 к., неплатимые втеченіи 20 лѣтъ, составятъ, съ процентами, сорокъ четыре рубля; слѣдовательно, молодой поселянинъ, вступая въ совершеннолѣтіе, будетъ нести на себѣ казеннаго долгу 44 р. Онъ можетъ или уплатить оный единовременно, или, что для него гораздо выгоднѣе, расположить выплату на слѣдующіе 20 лѣтъ. Если, по примѣру 20-лѣтняго банка, и взявъ въ разсужденіе прибавленный нынѣ шестой процентъ, также рискъ, предстоящій для казны отъ смертныхъ случаевъ, вмѣсто прежнихъ банковыхъ осьми положить десять процентовъ ежегоднаго взносу съ капитальной суммы, то прійдется ему платить по 4 р. 40 к., а съ приложеніемъ ежегодной, или текущей подати (1 р. 20 к.), всего пять рублей шестьдесятъ копѣекъ; т.-е. цѣна $18^{2}/_{3}$ дней работы въ годъ (а по прежнему предположенію 14 дней),—между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ отцамъ семейства приходится очень часто платить въ полтора раза болѣе сказанной суммы.

Чтобъ доказать вашему превосходительству, что казна не потеряла бы ничего при такомъ распоряженіи, донесу, съ живого примѣра, что, по счету въ селѣ моемъ, подать четырехъ

рублей двадцати копѣекъ для взрослыхъ до сорока-одного года жизни, и девяноста копѣекъ отъ сорока одного года до шестидесяти-перваго года составляетъ	418 р. 50 к.
Подать пяти рублей шестидесяти коп. для первыхъ, и рубля двадцати коп. для послѣднихъ, составила бы	558 » — »
Наконецъ подать семи рублей для первыхъ, и одного руб. пятидесяти коп. для послѣднихъ составила бы	697 » 50 »
Дѣйствительно же платимая, на основаніи итога ревизской сказки, подать, съ накладными и пр., составляетъ	478 » 89 »

Я положилъ навсегда довольствоваться первою суммою, основанною на взысканіи съ взрослыхъ земледѣльцевъ цѣны 14 дней работы, какъ бы ни были многочисленны ихъ семейства, а цѣну трехъ дней работы отъ сорокъ перваго до шестьдесятъ перваго года жизни. Недостающее же къ тому въ массу казенной подати, какова бы она ни была въ предбудущее время, долгомъ поставилъ прибавлять изъ собственныхъ денегъ, чтобъ не дѣлать перемѣны въ едва установившихся постановленіяхъ.

До сихъ поръ я говорилъ вашему превосходительству о личной подати, принадлежащей государству. Перехожу къ общественному сбору.

Село мое, какъ ни мало по числу жителей, но имѣетъ тѣже надобности, какъ и большія общества (города, столицы). Ежели я сему малому обществу возвращаю всѣ его гражданскія права и себя заключаю въ предѣлахъ съ нимъ общихъ, то самая справедливость требуетъ, чтобъ оно несло тѣ повинности, которыя охотно принимаютъ на себя большія общества ради сохраненія собственности и личной безопасности, сихъ двухъ главныхъ предметовъ общественной жизни. Имѣя судъ и расправу, на правилахъ основанные, имѣя полицію, поселяне мои должны содѣйствовать къ ихъ содержанію. Несправедливо было бы возложить всю сію тяжесть на меня одного: я не что иное какъ ихъ согражданинъ. Приношеніе имъ моего времени, моего покоя, есть уже жертва, которая остается неоплаченною. Прилично-ли требовать отъ меня новой?

Итакъ, обращаясь къ вышеизображенному понятію о подати и сборѣ, я суммы, потребныя на содержаніе моего малаго общества въ порядкѣ, располагаю уже не на лица, но на имущества.

По расчисленію нуждъ нашихъ достаточно, если каждый владѣлецъ участковъ внесетъ въ пользу общества съ десятины пахатной земли цѣну полутора дни работы въ годъ; что составляетъ,—оцѣня десятину какъ выше сказано, въ 150 дней работы, сотую долю цѣны ея. Сѣнокосъ считать не слѣдуетъ, какъ на продовольствіе одного скота служащій. Около тысячи десятинъ пахатной земли состоитъ

въ пожизненномъ оброкѣ, т.-е. въ полномъ владѣніи у моихъ поселянъ; что составитъ сумму, равную цѣнѣ 1500 дней работы. Я получаю отъ сей земли доходъ равный съ ними, ея владѣльцами; слѣдовательно справедливость требуетъ, чтобъ и я платилъ обществу равную всей сложности ихъ сумму. Но какъ я, по личнымъ для меня отношеніямъ, въ которыхъ они нисколько ни участвуютъ, принадлежу и къ другому, большому обществу, т. е. государству, котораго я членъ прежде ихъ, или лучше сказать, для котораго я, по законамъ, въ одномъ моемъ лицѣ всѣхъ ихъ представляю, то и долженъ я раздѣлить сей мой платежъ на двѣ доли, ибо собственность у меня одна, а обязанностей двѣ: въ отношеніи малаго и въ отношеніи большого обществъ. Не входя въ вычисленія, неудобовозможныя по неимѣнію данныхъ задачи, обѣихъ сихъ моихъ обязанностей (какъ, напримѣръ, въ отношеніи поселянъ, вспоможеніе имъ въ недородѣ, и пр. и пр.), скажу только, что мнѣ казалось, что я, какъ помѣщикъ владѣемой ими земли, плативъ половину того, что всѣ они вообще вносятъ, дѣлаю едва ли не болѣе, нежели отъ меня потребовано быть можетъ. Другую половину долженъ я сберегать на тѣ сборы, которыхъ большое общество въ правѣ требовать отъ меня, какъ отъ своего сочлена. Въ отношеніи къ нему все имѣніе мое есть моя собственность, и она призрѣна и ограждена правительствомъ посредствомъ войска, судебныхъ мѣстъ, полиціи... Въ семъ-то разумѣ я отдѣляю часть другой половины общественныхъ сборовъ на дополненіе казенной съ поселянъ моихъ подати; въ семъ разумѣ несу, безъ участія ихъ, всѣ платежи по экстраординарнымъ отъ правительства предписаніямъ.

Весь сборъ, поступающій ежегодно на общественныя нужды села въ его кассу, составляетъ теперь, на вышеизложенномъ основаніи, 675 рублей, или, по неизмѣняемому счету, цѣну двухъ тысячъ двухъ сотъ пятидесяти дней работы.

Сія сумма не только совершенно достаточна на всѣ наши нужды, но, при помощи доходовъ чрезвычайныхъ, остается еще избытокъ, употребляемый на раздачу поселянамъ въ займы, какъ выше я имѣлъ честь донести. Чрезвычайные доходы, и притомъ важнѣйшіе изъ нихъ, извѣстны уже изъ сказаннаго выше; сверхъ того причисляются къ нимъ: добровольныя приношенія отъ богатыхъ поселянъ, пени съ виноватыхъ, сборъ съ отпусковъ изъ села (въ обузданіе тѣхъ, кои, по дурной привычкѣ къ промысламъ, среди самаго лѣта ходятъ за солью или за рыбой), двадцатый улей каждую осень, собираемый со всѣхъ пчельныхъ хозяевъ, и проч. Само собою разумѣется, что и помѣщикъ подчиненъ сему послѣднему сбору на ряду съ другими.— Ваше превосходительство можете судить о нашей общественной Кре-

сто-Воздвиженской суммѣ изъ того, что въ прошедшемъ году вошло въ кассу 1717 рублей съ копѣйками, полагая, однако, въ семъ же счету и казенныя подати, составляющія 478 р. 89 коп.

Въ числѣ расходовъ я еще не именовалъ: 1) жалованье священнику, составляющее цѣну 833⅓ дни работы, или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 250 руб.; 2) жалованье дьячку и пономарю, вообще 331½ дн. раб., или 100 р., кромѣ участковъ земли, которыми они владѣютъ на ряду съ поселянами, но безъ взысканія съ нихъ повинности. Священникъ и они не получаютъ уже никакой платы отъ поселянъ за исполненіе своей должности, т.-е. за мірскія требы. Распоряженіе это, освобождающее ихъ отъ всякой, отъ поселянъ и меня, зависимости, подтверждено уже святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ въ 1806 году. 3) Цѣна ста дней работы ежегодно назначается для награжденія отъ думы двухъ лучшихъ земледѣльцевъ, изъ которыхъ одинъ получаетъ цѣну 80-ти дней, а другой, какъ accessit, 20-ти. Сіе награжденіе дѣлается торжественно по окончаніи жатвы, и именно въ храмовой нашъ праздникъ Воздвиженія Креста Господня.—4) Расходы на починку церкви; 5) содержаніе сельской аптеки и подлекаря; 6) жалованье сторожу при думѣ, и наконецъ 7) матеріальное (канцелярское) ея содержаніе.

Я бы могъ донести вамъ, м. г., еще нѣчто о правилахъ, на которыхъ раздается общественная сумма поселянамъ въ займы; о сбереженіи и разведеніи лѣсовъ отдачею ихъ также въ собственность поселянамъ, на опредѣленныхъ правилахъ; о мѣрахъ, которыя приняты для ограниченія разныхъ привычекъ здѣшняго народа, вредныхъ земледѣлію; о способѣ взысканія долговъ, и проч. и проч. Но я опасаюсь занять васъ подробностями, кои меньше достойны замѣчанія вашего нежели то, что̀ я необходимостію счелъ сказать до сихъ поръ. Но чтобы нѣкоторымъ образомъ замѣнить и сей недостатокъ, я прилагаю у сего алфавитъ постановленій нашихъ вообще, такъ какъ они внесены въ записки думы. По крайней мѣрѣ содержанія оныхъ будутъ вамъ извѣстны.

Изъ всего вышепредставленнаго мною ваше превосходительство можете судить: помѣняются ли мои поселяне на состояніе работниковъ англійскихъ фермеровъ, работниковъ, лишенныхъ не только всякой недвижимой собственности, но большею частію и всякой надежды имѣть ее когда-либо? Вы, также, лучше меня можете судить: нашелъ ли я середину между безпечностію капиталиста, для котораго ubi bene ibi patria и употребленіемъ помѣщичьихъ людей какъ рабовъ, которымъ упрекаютъ насъ чужестранцы? Впрочемъ я отнюдь не вообра-

жаю себя изобрѣтателемъ; я знаю, напротивъ, множество сельскихъ учрежденій подобныхъ моему и увѣренъ, что мысль о таковомъ отношеніи между помѣщиками и ихъ поселянами, какое я здѣсь имѣлъ честь изобразить, есть общая мысль россійскаго дворянства, и какъ бы ему врожденная. Тысячи благодѣтельныхъ заведеній въ разныхъ мѣстахъ, отъ Двины и Волги до Днѣстра,—искренняя привязанность бо́льшей части поселянъ къ ихъ помѣщикамъ, несомнительно это доказываютъ. Я вижу, съ одной стороны, начальниковъ, которымъ званіе представляетъ способы быть просвѣщеннѣе своихъ подчиненныхъ, а собственная польза и честь, кромѣ другихъ чувствованій, велятъ любить ихъ;—съ другой, вижу дѣтей, которымъ нужны отцы. Правда, можно находить въ пространномъ нашемъ царствѣ и противное тому, но,—есть-ли въ природѣ вещей добро безъ зла? И какое званіе свободно отъ упрековъ, что въ немъ были изверги? Взгляните на исторію..

Политическія начала наши основываются не на Парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи другой, несравненно древнѣйшей: на Библіи. Цари наши не суть репрезентанты народа (мечтаніе нелѣпое!), но репрезентанты Того, Который „владѣетъ царствами и ему же хощетъ даетъ". Въ нашей системѣ каждый членъ великой лѣстницы существъ представляетъ, для подчиненныхъ себѣ, то первообразное лицо, которое его на чреду поставило. Симъ обезпечивается подчиненность, а подчиненностію обезпечивается порядокъ въ государствѣ. Древняя, донынѣ въ буряхъ вѣковъ и перемѣнъ уцѣлѣвшая въ Россіи гіерархическая зависимость—есть нить связующая Государя съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Государь—сіе средоточіе подчиненности и порядка, приводящее собою постепенно все въ движеніе, озаряющее все, есть уже послѣдній видимый предметъ всеобщаго почитанія; но гіерархическая нить, скрываясь отъ бренныхъ нашихъ очей, идетъ далѣе; она оканчивается тамъ, у престола Монарха міровъ.

Въ заключеніе сего письма откровенно скажу вамъ, м. г., какъ одному изъ просвѣщеннѣйшихъ чиновниковъ въ Имперіи, слѣдующую мысль: Правительство наше, подлинно-благотворное по свойству своему и по личнымъ качествамъ возлюбленнѣйшаго нашего государя, едва-ли не болѣе могло бы сдѣлать пользы русскому народу вліяніемъ, какое оно въ состояніи имѣть на помѣщиковъ, направленіемъ, какое въ силахъ дать всѣмъ поступкамъ ихъ, чѣмъ освобожденіемъ такъ-называемыхъ рабовъ, тѣмъ или другимъ способомъ, изъ мнимой неволи. Я смѣю думать также, что тѣ изъ насъ, мелкопомѣстныхъ, которые разрѣшаютъ сей государственный узелъ, соединяющій всѣ состоянія, обманываютъ самихъ себя, воображая, что они дѣлаютъ добро. Они слагаютъ съ себя почтенное бремя, Провидѣніемъ и ко-

ренными законами на нихъ возложенное, для того чтобъ съ капиталами своими погрязнуть въ лѣности и развращеніи городовъ, чтобъ быть праздными зрителями, а не орудіями хода государственнаго.

Имѣю честь быть, съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокою преданностію, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Василій Каразинъ.

Января 30 дня 1810 года.

III.

Записка, препровожденная мая 5-го дня 1820 года къ императору Александру Павловичу графомъ М. С. Воронцовымъ и княземъ А. С. Меншиковымъ, чрезъ руки статсъ-секретаря графа Каподистрія.

„Нѣсколько помѣщиковъ, бывъ одушевлены чистымъ доброжелательствомъ къ любезному нашему отечеству Россіи, искреннѣйшею благодарностію къ великому ея государю и чувствованіемъ обязанностей дворянства, къ которому за честь поставляютъ принадлежать, имѣютъ намѣреніе составить общество подъ руководствомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, котораго цѣлію должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ. Они увѣрены, что таковое удаленіе единаго справедливаго и важнаго порицанія, которому дворянство, среди всей славы отечества своего, подвергается въ глазахъ просвѣщенныхъ народовъ, есть въ настоящее время дѣло не только справедливое, но и благородное. Но, какъ всякое подобное намѣреніе не можетъ и не должно имѣть своего начала безъ высочайшаго соизволенія, то и повергается сія мысль на всемилостивѣйшее воззрѣніе премилосердаго государя нашего, безпрестанно пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ“.

Примѣчаніе на копіи съ записки: Подлинную записку подписали, кромѣ вышеозначенныхъ гг. генералъ-адъютантовъ, братья Александръ и Николай Тургеневы, и, можетъ быть, еще кто; но мнѣ неизвѣстно.

В. Каразинъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ ОПЕРЫ „РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

До сихъ поръ очень мало извѣстно о томъ, какъ составлялся планъ капитальнѣйшаго созданія Глинки, второй и послѣдней его оперы: „Русланъ и Людмила“. Всѣ, относящіяся до этого предмета свѣдѣнія ограничивались немногими строками, помѣщенными самимъ Глинкой въ его Запискахъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Первую мысль о „Русланѣ и Людмилѣ“ подалъ мнѣ нашъ извѣстный комикъ князь Шаховской; по его мнѣнію, роль Черномора слѣдовало писать для Воробьевой. На одномъ изъ вечеровъ у Жуковскаго, Пушкинъ, говоря о поэмѣ своей: „Русланъ и Людмила“, сказалъ, что онъ многое бы передѣлалъ; я желалъ узнать отъ него, какія именно передѣлки онъ предполагалъ сдѣлать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намѣренія“. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Въ 1837 или 1838 году, зимою, я игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки Руслана. Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтуринъ; онъ взялся сдѣлать планъ оперы, и написалъ его въ четверть часа подъ пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану. Около того же времени познакомили меня съ капитаномъ свитскимъ Ширковымъ, какъ съ человѣкомъ, вполнѣ способнымъ написать либретто для новой моей оперы. По моей просьбѣ, онъ написалъ для пробы каватину Гориславы „Любви роскошная звѣзда“, и часть перваго акта. Опытъ оказался очень удовлетворителенъ, но вмѣсто того, чтобъ сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы, я сейчасъ принялся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическомъ движеніи и ходѣ пьесы, полагая, что это можно было уладить впослѣдствіи“. Въ третьемъ мѣстѣ Глинка говоритъ про осень и зиму

1841 года: „Мнѣ дома было такъ хорошо, что я очень рѣдко выѣзжалъ, а сидя дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время большая часть оперы была готова. Осмотрѣвшись, однакоже, я нашелъ, что общей связи между частями новой моей оперы не было. Чтобы помочь этому, я пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Нестора (Кукольника) и Мишу Гедеонова, сверхъ того былъ у меня на обѣдѣ и Владиславлевъ. По причинѣ отъѣзда Ширкова въ Украйну, Кукольникъ и Гедеоновъ взялись помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы... Такимъ образомъ, стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали Маркевичъ *), Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я". Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія о составленіи плана либретто для „Руслана и Людмилы".

Но эти свѣдѣнія очень неудовлетворительны, во-первыхъ по нѣкоторому заключающемуся въ нихъ противорѣчію, а во-вторыхъ по неполной ихъ точности. Нельзя не признать противорѣчіемъ того, что сначала сказано, что опера сдѣлана по плану Бахтурина (1838 г.), а потомъ въ другихъ мѣстахъ говорится, что при сочиненіи оперы ни плана, ни хода пьесы вовсе не было соображено, не было также никакой общей связи между частями оперы, и цѣлое сведено изъ отдѣльныхъ частей оперы лишь зимою 1841 г., т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ до 1-го представленія. Но гораздо существеннѣе другая неточность, встрѣчаемая въ запискахъ Глинки — неточность такого рода, что необходимо теперь защитить Глинку противъ его же самого. Когда сочинялась опера „Русланъ и Людмила", Глинка отнесся къ плану ея вовсе не такъ легкомысленно или небрежно, какъ надо было-бы представить себѣ, опираясь только на его записки. Изъ имѣющихся теперь на лицо новыхъ документовъ оказывается, что гораздо раньше его совѣщанія съ Кукольникомъ, Гедеоновымъ и Владиславлевымъ, за цѣлыхъ три года до тѣхъ поръ, самимъ Глинкою былъ составленъ очень обстоятельный и полный планъ будущей его оперы,—такой планъ, который конечно не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, но за то свободенъ отъ многаго, за что не разъ нападали на либретто „Руслана". Въ нынѣшнемъ видѣ этой оперы, всякому бросаются въ глаза многіе пробѣлы, пропуски въ содержаніи, дѣлающіе то, что иныя сцены утратили свою связь съ другими, предшествовавшими; всякій чувствуетъ, что чего-то не хватаетъ въ сюжетѣ, точно изъ оперы вырѣзали вонъ нѣкоторыя ея части; въ иныхъ

*) «Маркевичъ (говоритъ Глинка при описаніи своего пребыванія въ Малороссіи, въ 1838 году) помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и подделалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы».

мѣстахъ оказывается, вслѣдствіе того, недостатокъ дѣйствія, и отдѣльные номера оперы являются чѣмъ-то въ родѣ концертныхъ пьесъ. Но по первоначальному плану, въ составъ оперы должно было войти именно все то, чего ей теперь недостаетъ; здѣсь сохранены всѣ необходимые, главные мотивы и событія, какъ они стоятъ въ поэмѣ Пушкина, и, войди они въ составъ либретто, безъ сомнѣнія геніальная опера Глинки выиграла-бы очень много со стороны драматическаго движенія. Она была-бы теперь безупречна даже и въ отношеніи сценическомъ.

Но этого не случилось. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, быть можетъ по совѣту друзей (которыхъ, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ часто и слишкомъ покорно слушался), а можетъ быть и по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, но Глинка измѣнилъ первоначальный свой планъ, и, надо признаться, во многихъ отношеніяхъ, къ невыгодѣ оперы. Этотъ-то первоначальный планъ мы и имѣемъ теперь возможность сообщить нашей публикѣ.

Свѣдѣнія о первоначальномъ планѣ оперы „Русланъ и Людмила" заключаются въ небольшой нотной тетради, принадлежавшей Глинкѣ, и подаренной имъ одному изъ ближайшихъ пріятелей его, Петру Александровичу Степанову *). Тетрадь эту далъ Глинкѣ, въ концѣ 1838 года, Несторъ Кукольникъ, написавъ на первой страницѣ: М. И. Глинкѣ, благословляя на сотвореніе „Руслана и Людмилы", посылаетъ Н. К.; Глинка приписалъ внизу: 6 ноября. Въ Запискахъ своихъ, описывая зиму 1838 года, Глинка говоритъ: „Кромѣ упомянутыхъ пяти пьесъ (персидскій хоръ, маршъ Черномора, баллада Финна, каватина Гориславы: Любви роскошная звѣзда, каватина Людмилы: Грустно мнѣ, родитель дорогой) въ то уже время были записаны темы съ соображеніями контрапунктическими въ тетрадку, данную мнѣ для того Н. Кукольникомъ; она теперь находится у П. Степанова". Но Глинка ошибся, сказавъ, что въ этой тетради заключаются только „темы съ соображеніями контрапунктическими": напротивъ, и темъ и соображеній контрапунктическихъ здѣсь очень мало, и тѣ и другія являются лишь въ видѣ исключеній, а все дѣло состоитъ въ общемъ планѣ оперы, про который Глинка совершенно и забылъ, когда писалъ свои „Записки" въ 1854 — 1855 году. Съ разрѣшенія П. А. Степанова, которому принадлежитъ записная тетрадь Глинки, я привожу здѣсь изъ первоначальнаго текста „Руслана и Людмилы" все самое существенное и интересное.

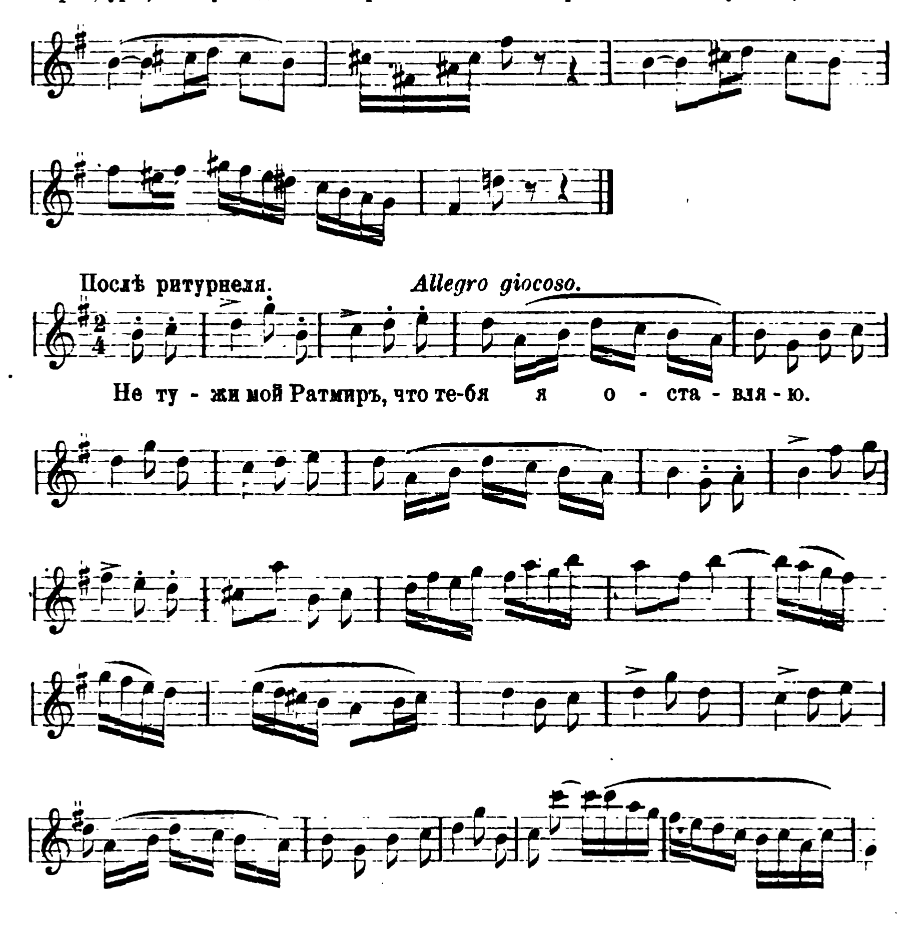
---

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и комендантъ въ Царскомъ-Селѣ. П. А. Степановъ—весьма обязательно сообщилъ намъ свои «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ»; онѣ будутъ напечатаны въ «Русской Старинѣ». Ред.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

№ 1. Заздравный хоръ. NB (еще не дѣланъ, donc carte blanche). Долженъ состоять изъ двухъ частей:
a) Maestoso, b) Vivace.
Нѣсколько возгласовъ не помѣшаютъ въ теченіи, а особливо въ началѣ хора.

№ 2. Cavatina Людмилы. Послѣ ритурнеля Andante capricioso.

(Здѣсь дальше идетъ мелодія первой части каватины Людмилы, съ обозначеніемъ подъ нею, въ немногихъ мѣстахъ, баса. Но за этою первою частью не предполагалось хора «Не тужи дитя родимое», существующаго нынѣ въ партитурѣ, и переходъ отъ первой части ко второй былъ слѣдующій):

Обращеніе къ другому жениху въ другомъ родѣ. Гр. Вельегорскій совѣтуетъ сдѣлать это послѣднее плавнѣе прежняго; потомъ снова первый мотивъ, а тамъ еще разъ второе обращеніе, или pendant къ оному, и потомъ заключеніе аріи.

№ 3. Финалъ (еще вовсе не дѣланъ). Состоять будетъ изъ слѣдующихъ частей:

a) Allegro moderato maestoso. Призваніе боговъ на новобрачныхъ, ихъ отвѣты и a parte двухъ жениховъ.

b) Похищеніе Людмилы. Vivace.

c) Adagio. Оцѣпенѣніе и постепенный выходъ изъ него. Канонъ.

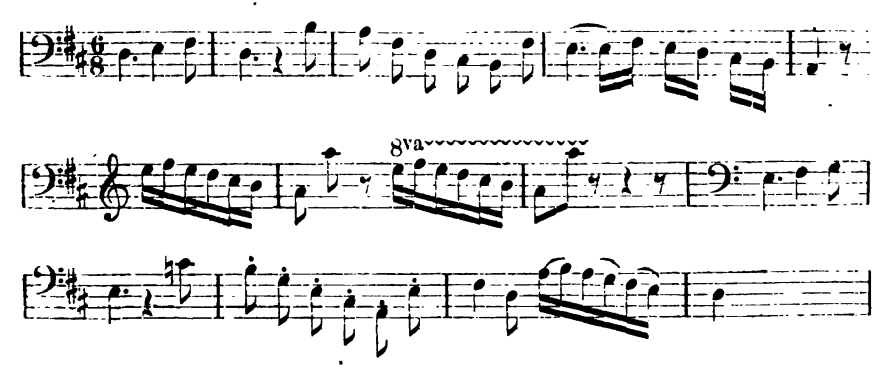
d) Andante или Moderato. Входъ Ивана Царевича *), его Cavatina, и

e) Stretta, въ коей пѣніе Ивана Царевича господствуетъ, и фраза Ивана Царевича должна быть повторяема другими и перемѣшана съ хоромъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

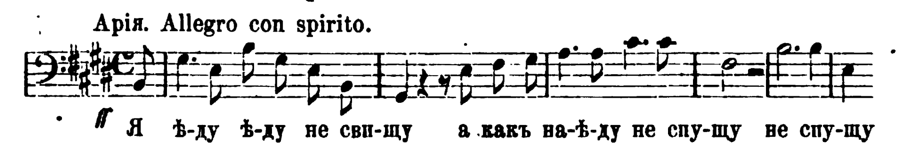
№ 4. Баллада Финна. Слова Пушкина, только придѣлать нѣсколько речитативу и краткій дуэтъ. NB. Ивана Царевича въ семъ актѣ не желаю.

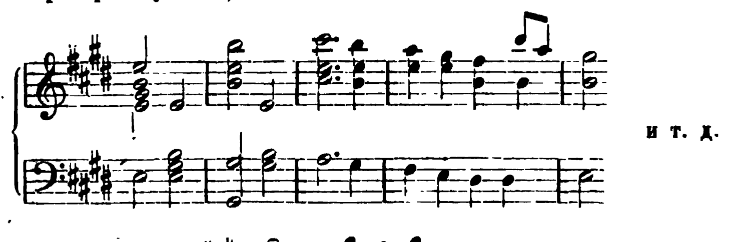
№ 5. Сцена Фарлафа и его арія. Вся Allegro и buffa.



№ 6. Сцена и арія Руслана. Большой речитативъ (chan-

*) Иванъ Царевичъ — братъ Людмилы, какъ видно изъ дуэта № 14.

tant), гдѣ Русланъ вооружается, по временамъ обнаруживаетъ ревность. En mi-mineur.

(Послѣ этого непосредственно слѣдуетъ существующее въ партитурѣ аллегро аріи Руслана):



Подъ темой и т. д. подписаны слова самого Глинки: «Ты, Людмила, ты вѣрна мнѣ будешь», а передъ началомъ второй половины аріи снова повторена тема: «Я ѣду, ѣду не свищу, а какъ наѣду не спущу».

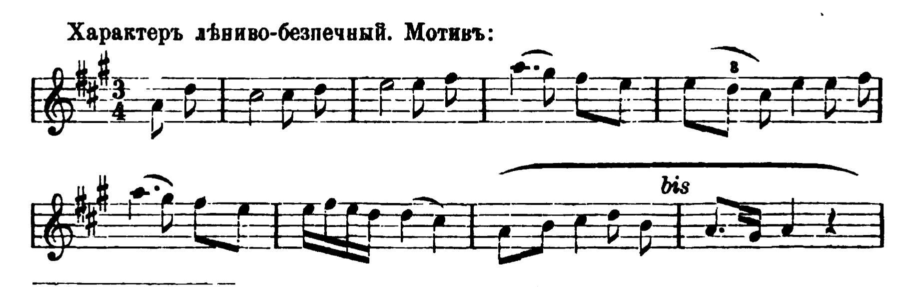
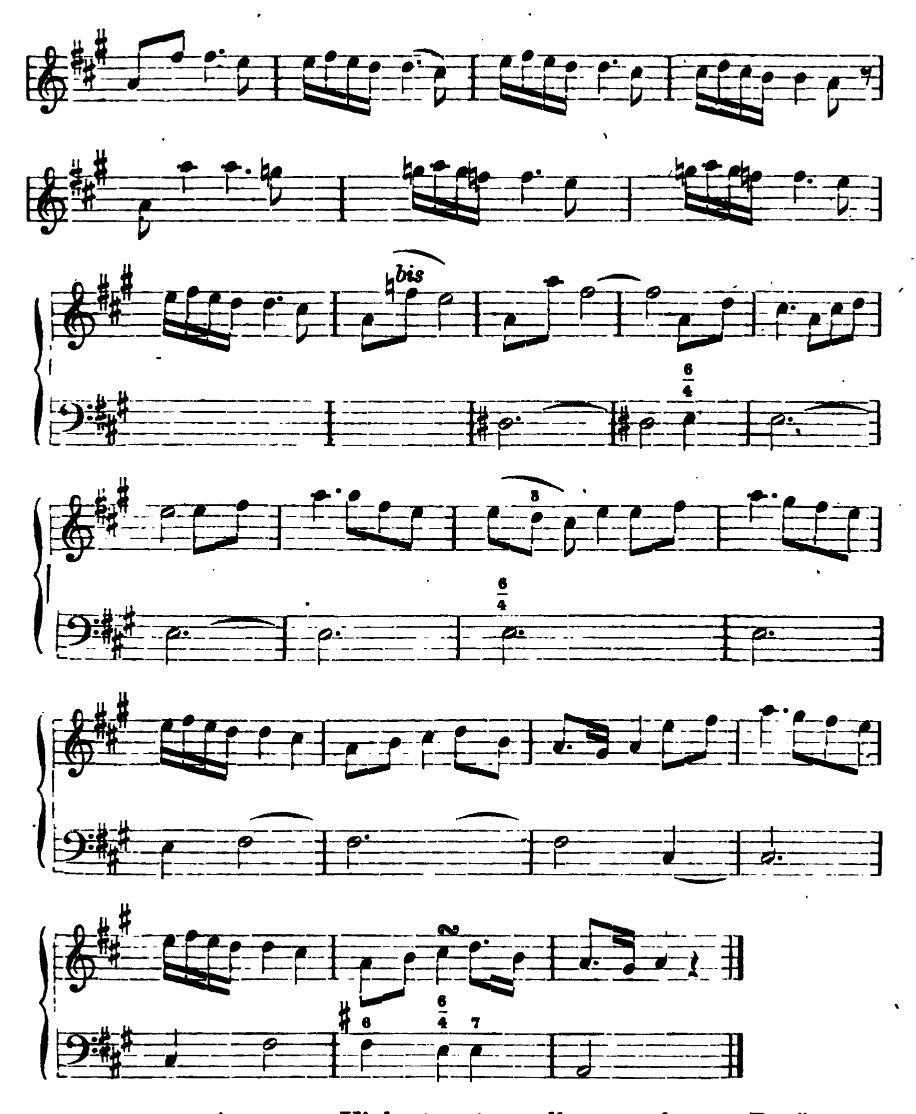
№ 7. Сцена Руслана съ головою. NB. Нельзя заимствовать слова изъ Пушкина.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

№ 8. Персидскій хоръ. (Слова Пушкина). En mi-majeur.

№ 9. a) Cavatina Милолики (дать ей другое имя*).

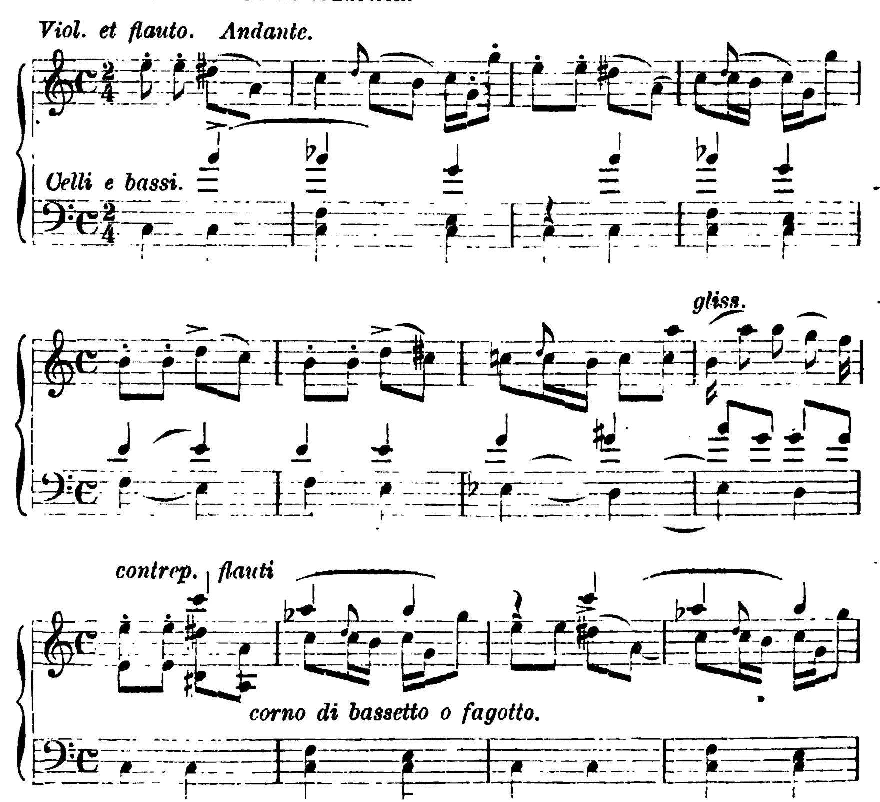
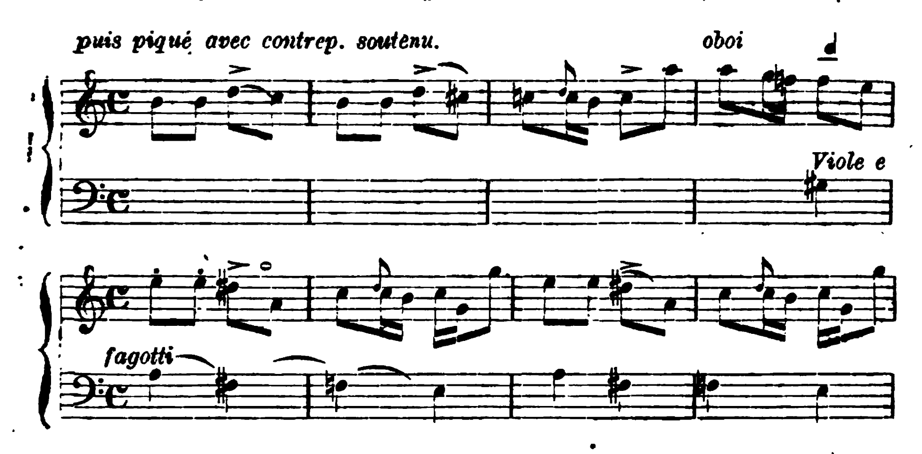
b) Хоръ дѣвъ, игриво-насмѣшливо-фантастическій, въ ré-mineur; окончить amoroso въ fa-majeur.

№ 10. Cavatina Ратмира. Andante commodo assai (A-Dur).

*) Имя «Милолика» замѣнено впослѣдствіи именемъ «Горислава».

Accomp.: Viole tenuto, cello arp. lento. Вслѣдъ за Andante Recitativo, въ коемъ Ратмиръ объясняетъ дѣйствіе на него очарованія замка и, наконецъ, Allegro agitato appassionato должно выразить страстные порывы сладострастія.

№ 11. Танцы: a) Entreé ($\frac{6}{8}$, E-Dur, G-Dur); b) Adagio ($\frac{4}{4}$, C-Dur, G-Dur); c) Variations ($\frac{2}{4}$, G-Dur, E-Moll, C-Dur etc.); d) Coda ($\frac{6}{8}$, G-Dur, avec surprise).

№ 12. Квартетъ. Финалъ (съ хоромъ женщинъ). Содер-

жаніе: Вбѣгаетъ Миловика, бросается къ Ратмиру. Ратмиръ, плѣненный дѣвами, колеблется, она упрекаетъ ему въ двойной измѣнѣ — онъ готовъ уступить ея просьбамъ, но дѣвы пѣніемъ и танцами болѣе и болѣе увлекаютъ его, наконецъ доводятъ очарованіе до того, что онъ болѣе не узнаетъ прежней своей любовницы. Милолика въ отчаяніи бросается искать помощи у входящаго Руслана, но онъ, вмѣсто того, чтобы успокоить ее отъ вліянія чаръ гарема, самъ чувствуетъ къ ней невольную склонность и увлекается до того, что наконецъ преслѣдуетъ ее — Милолика въ крайней степени отчаянія — является Иванъ Царевичъ — дѣвы остаются неподвижны — упреки Руслану — соединеніе Ратмира съ Милоликой. Для конца дѣвы и замокъ расходятся.

Мотивъ de la séduction.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Внутренность Черноморова зàмка).

№ 13. Сцена Людмилы. Послѣ краткаго, но блестящаго речитатива —

Lento.

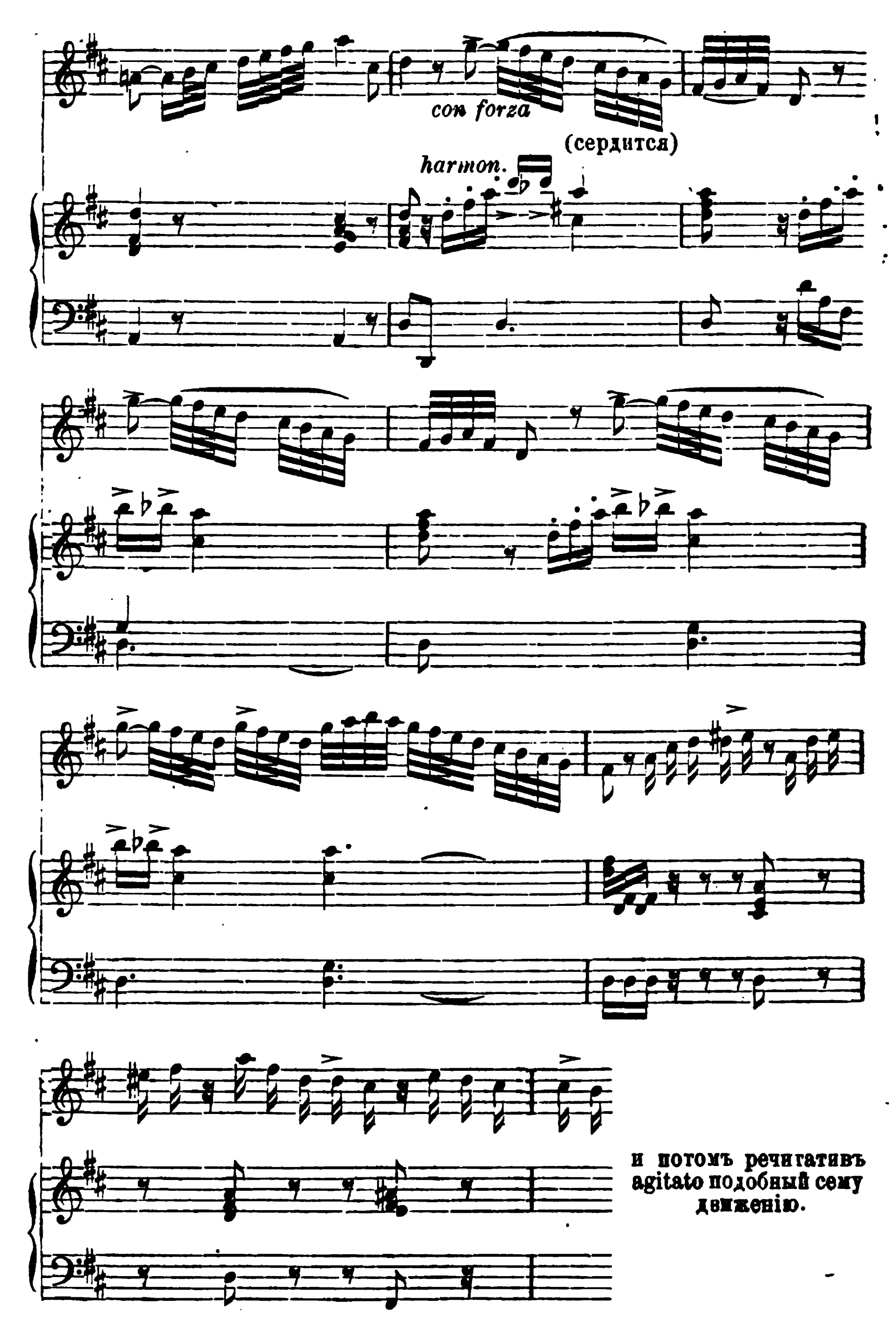
Людм.

Oboi. (Тоска по Русл.) Clarin. Quatuor.

Орк.

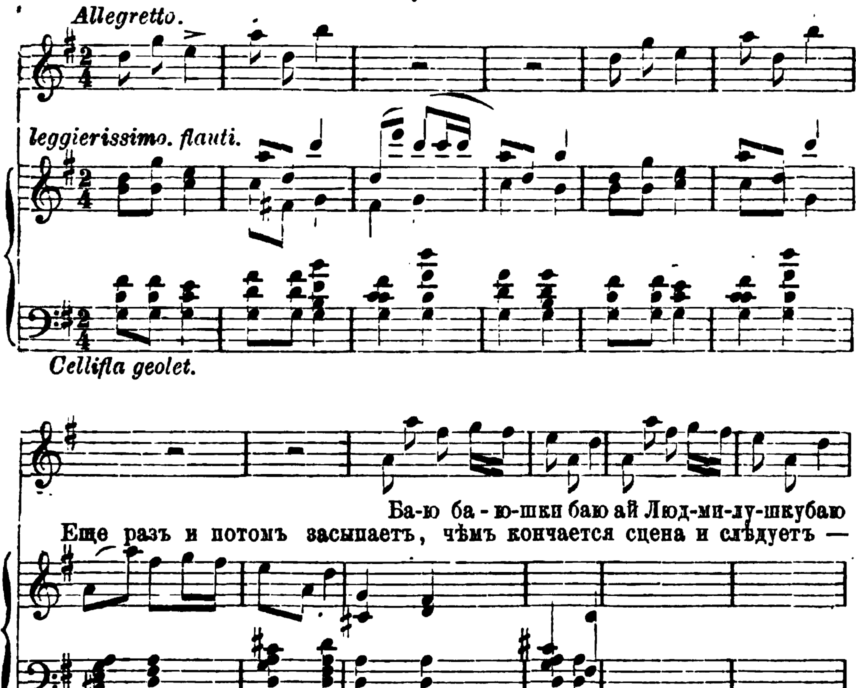
sf p sf p

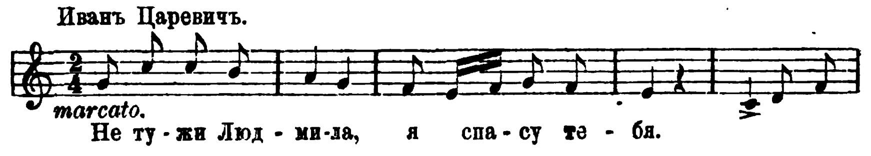
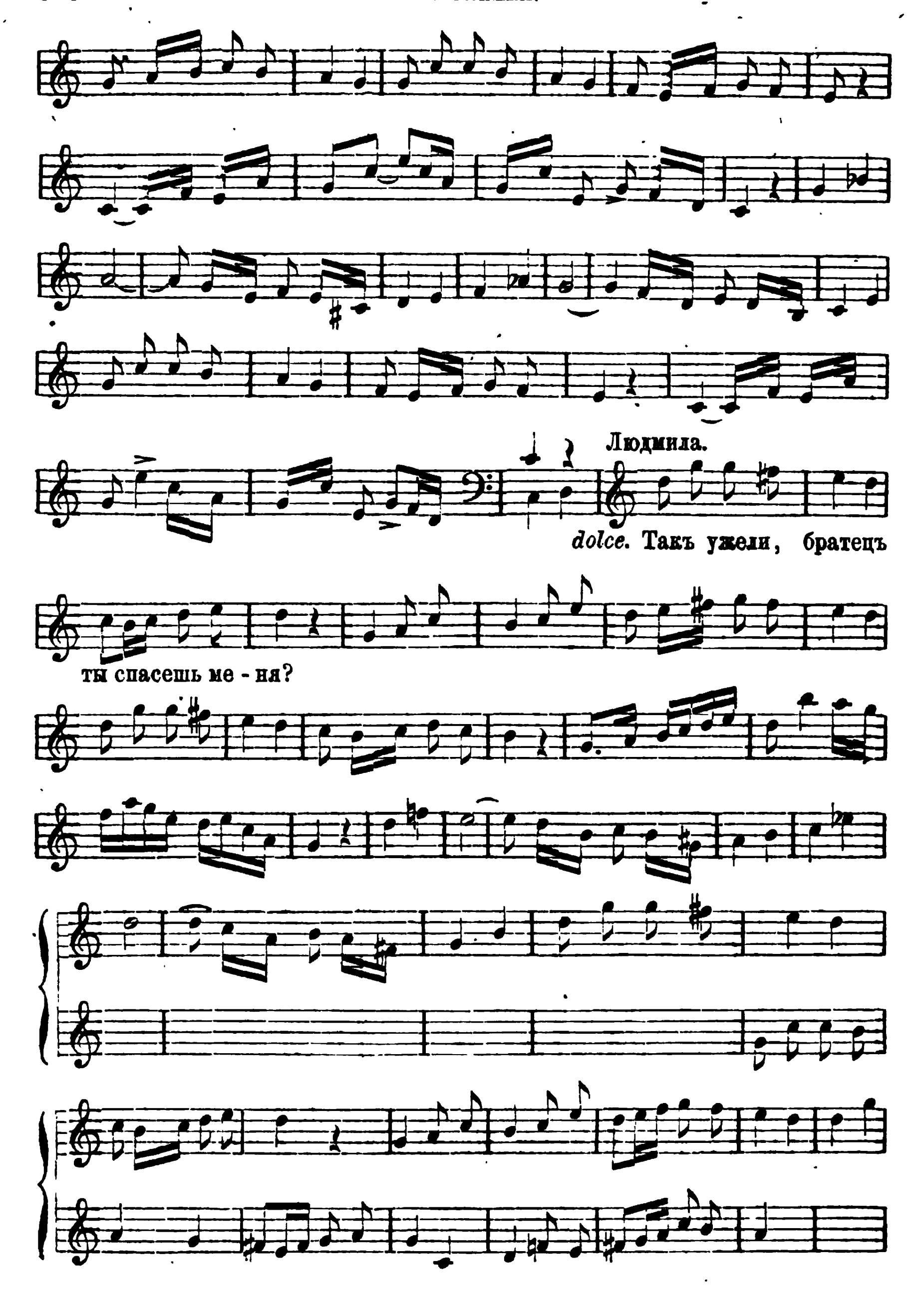
pizz. senza bassi

pizz.

Послѣ речитативъ кончается торжественно; она призываетъ имя Руслана, бросаясь въ воду—ее вы-

таскиваютъ русалки, и снова тоска по Русланѣ, мотивъ въ H-Moll. Пѣніе хотя и съ перемѣнами, но подойдетъ подъ тотъ-же метръ, потомъ также пасажи въ D-dur, гдѣ она сердится, но речитативъ вмѣсто agitato долженъ быть томителенъ. Голодъ ее мучитъ, и она воображаетъ, что падаетъ въ обморокъ. Потомъ куранты; она готова соблазниться, но рѣшается на послѣднее: повѣситься.

Людмила сама себя убаюкиваетъ на качеляхъ.



№ 14. Дуэтъ. Приходъ Ивана Царевича прерываетъ сонъ и сцену — краткій речитативъ и потомъ слѣдующее Allegro:

Adagio фантастическое, описаніе страннаго могущества. Черномора. Вдали раздаются звуки Черноморова марша. Финалъ дуэта Vivace agitato.

№ 15. a) Маршъ.
b) Краткій речитативъ между Людмилою и Черноморомъ. Людмила съ негодованіемъ отвергаетъ объясненіе любви Черномора.
c) Татарское pà.
d) Сраженіе (battaglia).

№ 16. Финалъ. Тріо съ хоромъ между Русланомъ, Ратмиромъ и Милоликой. Сцена ревности Руслана, нашедшаго Людмилу погруженною въ сонъ. Ратмиръ и Милолика тщетно стараются утѣшить его.

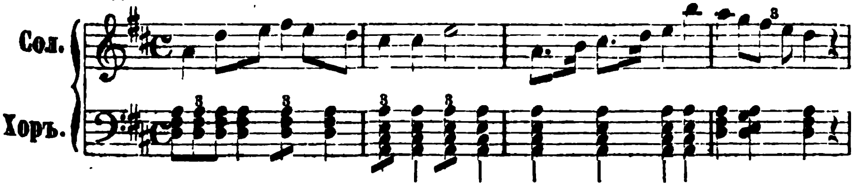
ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

№ 17. a) Романсъ Ратмира. Припѣвъ: Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость.
b) Дуэтъ Наины съ Фарлафомъ (Duettino). Убіеніе Руслана и похищеніе Людмилы.

№ 18. Дуэтъ между Ратмиромъ и Иваномъ Царевичемъ.
a) Agitato
b) Призваніе Финна.
c) Allegro. Финнъ воскрешаетъ Руслана.

№ 19. Квинтетъ, и выходъ дѣйствующихъ лицъ со сцены.

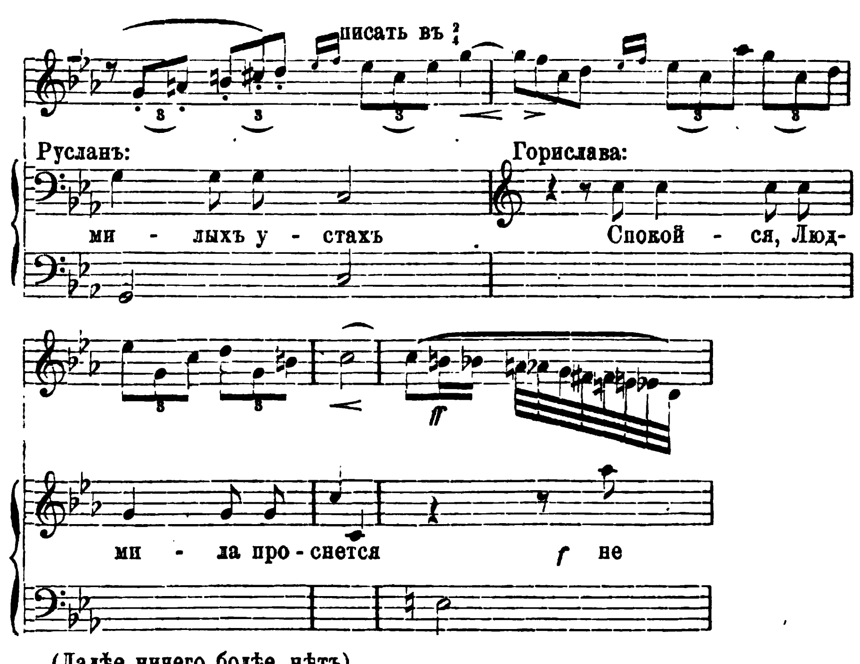
№ 20. Финалъ оперы. За катафалкомъ, на коемъ лежитъ спящая Людмила, находиться должно два оркестра, духовой и трубачи, а также и хоръ.
a) Хоръ съ оркестрами въ глубинѣ театра. Содержаніе горестное.
b) Тоска отца по дочери и недоумѣніе Фарлафа.
c) Приходъ витязей и пробужденіе Людмилы.
d) Всеобщая радость.

Послѣдній мотивъ:

Судя по черниламъ и почерку весь этотъ планъ оперы написанъ въ одно

время, за разъ. Но дальше въ той-же тетради, пропустя нѣсколько бѣлыхъ листовъ, въ болѣе позднее время написанъ, на двухъ страницахъ, отрывокъ изъ финала 4-го дѣйствія; здѣсь участвуетъ уже «Горислава» (прежняя «Милолика».

Andante mosso.

Фигура ревности

Далѣе написано соло кларнета и речитативъ Руслана: «О жизни отрада», въ сопровожденіи выписанной выше фигуры аккомпанемента; послѣдніе такты этого отрывка написаны слѣдующимъ образомъ:

(Далѣе ничего болѣе нѣтъ).

Сличая первоначальный планъ оперы съ нынѣшнимъ ея либреттомъ, мы находимъ слѣдующее:

1) По прежнему плану, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ должно было находиться одно новое, нынѣ несуществующее: Иванъ-Царевичъ, братъ Людмилы, по-видимому юноша, и назначенный собственно для того, чтобъ въ ансамбляхъ былъ на лицо теноръ, такъ какъ Ратмиръ долженъ былъ исполняться контръ-альтомъ, а Финнъ (теноръ) рѣдко имѣлъ возможность являться на сценѣ.—Изъ числа же нынѣшнихъ дѣйствующихъ лицъ, Наина и Фарлафъ имѣли гораздо болѣе значительныя роли, чѣмъ теперь, а Черноморъ не былъ нѣмъ, какъ нынь-

че, и участвовалъ въ отдѣльной сценѣ съ Людмилой. Такимъ образомъ, волшебный элементъ получалъ несравненно болѣе важности, смысла и интереса, въ сравненіи съ нынѣшнимъ либретто.

2) По прежнему плану, опера должна была состоять изъ 20-ти нумеровъ; нынѣ ихъ въ оперѣ 27, а такъ какъ существующіе теперь 4 антракта въ прежнемъ планѣ не упомянуты, и дуэтъ Финна съ Русланомъ числился прежде въ одномъ нумерѣ съ балладой Финна,— то въ общемъ итогѣ число нумеровъ было почти совершенно одинакое.

3) Прежде предполагались слѣдующіе нумера, оставленные потомъ Глинкой безъ исполненія:

а) Каватина Ивана-Царевича (1-й актъ).

б) Хоръ волшебныхъ дѣвъ послѣ аріи Милолики-Гориславы (3-й актъ).

в) Дуэтъ Ивана-Царевича съ Людмилой (4-й актъ).

г) Речитативъ между Людмилой и Черноморомъ (4-й актъ).

д) Дуэтъ Наины съ Фарлафомъ (5-й актъ).

е) Дуэтъ Ратмира съ Иваномъ-Царевичемъ (5-й актъ).

ж) Сцена Финна съ Русланомъ — воскрешеніе этого послѣдняго (5-й актъ).

з) Квинтетъ: Иванъ-Царевичъ, Ратмиръ, Русланъ, Финнъ и Наина.

Сверхъ того, изъ числа существующихъ теперь нумеровъ, Иванъ-Царевичъ участвовалъ въ финалахъ 1-го и 3-го акта: въ первомъ изъ нихъ (въ послѣдней стреттѣ) онъ долженъ былъ занимать то мѣсто, которое теперь занимаетъ Ратмиръ, а въ концѣ финала 3-го акта онъ долженъ былъ исполнять нынѣшнее назначеніе Финна: уничтожить зàмокъ Наины и разрушить дѣйствіе ея чаръ на Ратмира и Руслана. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что лицо Ивана-Царевича было едва-ли не лишнее, и нынѣшнее либретто ничего не потеряло, лишившись его.

4) Самыя существенныя различія нынѣшняго либретто противъ прежняго встрѣчаются въ 3-мъ и 5-мъ актѣ. По прежнему плану тутъ вовсе не было той безсвязности и отрывочности, которыя теперь слишкомъ замѣтны въ этихъ частяхъ оперы; напротивъ все шло очень последовательно, и дѣйствіе развивалось на основаніи мотивовъ, очевидныхъ для зрителя.—Въ нынѣшнемъ 3-мъ актѣ сначала исполняется „персидскій хоръ": „Ложится въ полѣ мракъ"; пропѣвъ его, хористки уходятъ со сцены, безъ всякой причины. Затѣмъ является Горислава, и, пропѣвъ свою арію,—уходитъ, тоже безъ всякой причины. За нею, входитъ Ратмиръ и поетъ свою арію; слѣдуютъ танцы, и потомъ снова является (опять безъ всякой причины) Горислава и съ нею прежній хоръ дѣвъ. По первому плану, все это было совершенно иначе. Сначала шелъ

хоръ волшебныхъ дѣвъ Наины — это былъ призывъ, изъ среды очарованнаго зàмка, къ Ратмиру, ѣдущему по дорогѣ, мимо зàмка Наины. При послѣднихъ звукахъ этого хора вбѣгала Горислава и высказывала влюбленную тоску свою, въ разлукѣ съ Ратмиромъ. Хоръ волшебныхъ дѣвъ, не уходившихъ все это время со сцены, обращался къ ней „съ игривой насмѣшливостью", такъ что Горислава должна была уйти, не будучи въ состояніи вынести ихъ насмѣшекъ. Между тѣмъ являлся Ратмиръ и начиналъ свою сцену тѣмъ, что „объяснялъ дѣйствіе на него очарованія зàмка", а потомъ выражалъ страстные порывы сладострастія, такъ что послѣ его аріи хоръ волшебныхъ дѣвъ (не являющихся вновь, а все время остававшихся на сценѣ) продолжалъ все болѣе и болѣе увеличивать чародѣйственное вліяніе свое на страстнаго юношу.— Въ концѣ дѣйствія, Русланъ снова „соединялся съ Гориславой" (чего въ нынѣшнемъ финалѣ 3-го акта вовсе нѣтъ), и этимъ объяснялся романсъ 5-го акта: „Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость, она мнѣ возвратила вновь мою утраченную младость". Въ 5-мъ актѣ царствуетъ, въ настоящее время, наибольшая темнота и путаница. Что сталось съ Людмилой, послѣ того, какъ Русланъ увезъ ее изъ черноморова зàмка, какимъ образомъ она исчезла, и какъ вдругъ очутилась, вмѣстѣ съ Фарлафомъ, опять въ Кіевѣ, какимъ образомъ волшебный перстень, данный Финномъ Ратмиру для воскрешенія Людмилы, вдругъ оказывается въ рукахъ Руслана, и откуда берется самъ Русланъ снова въ Кіевѣ — все это остается для зрителя совершенно необъяснимымъ, и представляется какою-то удивительнѣйшею путаницей. Въ первоначальномъ планѣ не было ничего, въ этомъ мѣстѣ оперы, темнаго и страннаго. Сначала представлялся станъ Руслана и Ратмира, ѣдущихъ въ Кіевъ съ отбитыми у врага Людмилой и Гориславой; они остановились на ночлегъ, всѣ въ станѣ спятъ, кромѣ одного Ратмира, мечтающаго о возвращенной имъ возлюбленной. Послѣ своего страстнаго романса, Ратмиръ, утомленный, какъ и прочіе его спутники, располагался и самъ на покой; во время его сна являлся тайкомъ Фарлафъ, ведомый злой волшебницей Наиной, убивалъ Руслана и, похитивъ погруженную въ волшебный сонъ Людмилу, быстро исчезалъ вмѣстѣ съ нею со сцены. Въ это время показывался Иванъ-Царевичъ, будилъ Ратмира, разсказывалъ ему о похищеніи, и оба призывали Финна, который воскрешалъ Руслана и вручалъ ему волшебный перстень для того, чтобъ пробудить Людмилу. Все это давало новые и богатые мотивы для композитора, и должно было внести много дѣйствія въ первую половину 5-го акта, нынче, въ сценическомъ отношеніи, совершенно ничтожную.— Во второй половинѣ этого-же акта, приходъ Ратмира съ Гориславой и Русланомъ былъ уже вполнѣ мотивированъ

и развязка оперы развита совершенно удовлетворительно.—Въ концѣ сценаріума 5-го акта мы встрѣчаемъ слова, кажущіяся на первый взглядъ непонятными: „Тоска отца по дочери, и недоумѣніе Фарлафа". Что значитъ это „недоумѣніе", къ чему и къ кому оно относится? Мы получаемъ объясненіе этимъ загадочнымъ словамъ, прочитавъ програму финала 5-го дѣйствія" по рукописи, принадлежащей теперь императорской публичной библіотекѣ, и относящейся къ одному времени съ настоящимъ первоначальнымъ планомъ оперы *). Тутъ написано „Отецъ съ презрѣніемъ упрекаетъ Фарлафа, что тотъ не можетъ разбудить Людмилы. Отвѣтъ Фарлафа или обращеніе къ публикѣ, выражающее недоумѣніе и негодованіе на Наину"... Въ нынѣшней партитурѣ этотъ мотивъ, къ сожалѣнію, также утраченъ.

5) Что касается до самой музыки, то мотивы, въ томъ видѣ, какъ они записаны Глинкой въ ихъ первоначальномъ планѣ, объясняютъ многія его намѣренія. Такъ, наприм., мы узнаемъ, что нисходящія гаммы въ началѣ аріи Людмилы 4-го акта должны были выражать, что она „сердится"; мотивъ нынѣшняго хорика (G-Dur) „Мирный сонъ" имѣлъ первоначально значеніе просто колыбельной пѣсни „баю-баюшки-баю", а фигура басовъ, послѣ прихода Руслана въ финалѣ 4-го же дѣйствія (см. выше) означала — ревность Руслана. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что если въ теченіе времени съ 1838 по 1842-й годъ ухудшилась программа оперы, то вмѣстѣ съ тѣмъ, сама музыка ея выиграла безмѣрно много. Именно этотъ періодъ времени долженъ почитаться эпохой высшаго и стремительнѣйшаго развитія музыкальнаго генія Глинки. Судя по первоначальному плану, въ то время, когда Глинка начиналъ сочинять свою оперу, въ 1837 и 1838 году, многіе изъ первобытныхъ его мотивовъ были слабы и незначительны, иногда даже просто плохи (наприм. мотивы для сцены Фарлафа во 2-мъ актѣ, мотивъ дуэта Ивана-Царевича съ Людмилой въ 4-мъ актѣ, послужившій впослѣдствіи для довольно слабаго дуэта Ратмира съ Финномъ, мотивъ для заключительнаго хора оперы, allegro первой аріи Людмилы, allegro аріи Руслана). Почти все самое значительное, все самое великое изъ того, что существуетъ нынче въ оперѣ (интродукція и финалъ 1-го акта, сцена Фарлафа, первыя двѣ части аріи Руслана, волшебные хоры и хоръ „Погибнетъ" 4-го акта, финалъ 5-го акта), все это не только сочинено, но и задумано лишь въ 1840 и 1841 годахъ. Исключеніе состав-

*) Отчетъ имп. публ. библ. за 1867-й годъ, стр. 44—45. Тамъ было высказано ошибочное предположеніе, что программа 5-го акта назначалась для барона Раля, аранжировавшаго военную музыку. Теперь ясно, что она была назначена для либреттиста. В. Стасовъ.

ляютъ: персидскій хоръ, баллада Финна и маршъ Черномора, сочиненные уже въ 1838 году.

6) Наконецъ, на вопросъ: не есть ли весь этотъ первоначальный планъ „Руслана и Людмилы“ тотъ самый планъ, который „въ четверть часа написалъ Бахтуринъ“ въ 1838 году, — кажется можно отвѣчать теперь съ полною вѣроятностью, что это по коренному основанію дѣйствительно тотъ самый планъ, но уже вполнѣ пройденный и обдуманный Глинкой, и въ этомъ убѣждаютъ многочисленныя художественныя подробности, могущія принадлежать одному лишь композитору. Въ числѣ ихъ надо указать и на метръ, въ иныхъ мѣстахъ опредѣленный самимъ Глинкой. Такъ, напримѣръ, для заздравнаго хора онъ назначилъ, для начала, метръ

Дѣ-ла да-вно ми-нув-шихъ дней

◡ — ◡ — ◡ — ◡ —

или же:

◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡

для конца:

◡ ◡ — ◡ ◡

Для конца финала 1-го акта размѣръ „весьма краткій“, какъ-то:

Ты меня
На Руси и проч.

Въ заключеніе замѣтимъ, что уже начиная писать оперу, Глинка опредѣлилъ, въ какомъ тонѣ должна быть сочинена каждая пьеса, и отъ этого уже не отступалъ, до самаго окончанія оперы. Кажется единственное исключеніе составляетъ арія Ратмира, перенесенная изъ тона *A* въ тонъ *B*.

В. В. Стасовъ.

ЛУИЗА ѲЕДОРОВНА
ВИСТИНГГАУЗЕНЪ.

Начальница Патріотическаго Института.

† 1847.

Мы получили печатаемую вслѣдъ за симъ статью при слѣдующемъ письмѣ:

«Во II-мъ томѣ «Русской Старины» 1870 г. (стр. 131) прочла я разсказъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело на воспитанницъ патріотическаго института событіе 14 декабря 1825 года.

«Я сама воспитывалась въ этомъ институтѣ и въ это время была тамъ, почему могу засвидѣтельствовать, что помянутый расказъ неоснователенъ: всякой благомыслящій человѣкъ, даже прочтя его, догадается, что если тогда начальница института и дѣйствительно кому-либо шутя сказала, что слышанная пальба была наказаніемъ за то, — что дѣвицы рѣдко говорятъ по-французски, то это конечно было сказано съ намѣреніемъ прекратить дальнѣйшіе разспросы дѣтей о причинѣ пальбы и заставить ихъ прилежнѣе заниматься языкомъ, сдѣлавшимся столь необходимымъ въ жизни. Между тѣмъ напечатанное въ Р. С. бросаетъ какую-то смѣшную тѣнь на бывшую начальницу, тогда какъ извѣстно всѣмъ, что г-жа Вистинггаузенъ (Wistinghausen) — была умная, почтенная дама, рѣдкая начальница, посвятившая себя вполнѣ своимъ обязанностямъ, которую любили и воспитанницы и служившіе съ ней и всѣ знавшіе ее. Въ подтвержденіе словъ моихъ, препровождаю статью, которую одна изъ моихъ подругъ-товарокъ, какъ называли мы другъ друга въ институтѣ, просила меня напечатать. Помѣщая ее въ «Русской Старинѣ», я надѣюсь, что правдивый разсказъ моей пріятельницы вполнѣ изгладитъ въ вашихъ читателяхъ то дурное и несправедливое впечатлѣніе, какое статейка во II-мъ томѣ вашего изданія могла бы поселить въ нихъ о достойнѣйшей во всѣхъ отношеніяхъ женщинѣ». **П. К. Яковлева.**

Съ своей стороны мы можемъ засвидѣтельствовать, что г-жа П—ли, сообщившая анекдотъ изъ времени пребыванія своего въ Патріотическомъ Институтѣ въ 1825 г., отнюдь не имѣла намѣренія набросить тѣнь на бывшую свою начальницу. Она вполнѣ раздѣляетъ съ своими совоспитанницами чувства безпредѣльнаго уваженія къ памяти г-жи Вистинггаузенъ. Разсказъ же свой г-жа П—ли привела какъ доказательство того авторитета, какимъ поль-

зовалась Луиза Ѳедоровна между дѣвицами ввѣреннаго ей института: невинная шутка ея, какою безъ сомнѣнія было замѣчаніе о выстрѣлахъ направленныхъ противъ заговорщиковъ 14 декабря, была принята дѣвицами за непреложную истину. Возможность подобной шутки не отвергаетъ и г-жа Яковлева. Во всякомъ случаѣ, мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто интересной замѣткѣ о Л. Ѳ. Вистинггаузенъ, достойной сподвижницѣ трехъ императрицъ въ ихъ заботахъ о воспитаніи дочерей русскаго дворянства.

Ред.

Желая передать святую для меня память о бывшей въ теченіи тридцати лѣтъ начальницей Патріотическаго института, Л. Ѳ. Вистинггаузенъ, — другимъ ея питомкамъ, которыя бы также помянули о ней добрымъ словомъ, мнѣ пришло на мысль посвятить ея личности небольшую замѣтку, продиктованную мнѣ чувствами искренней глубокой благодарности.

Я поступила въ патріотическій институтъ почти въ одно время, какъ Луиза Ѳедоровна была переведена туда изъ начальницъ Дома Трудолюбія, что нынѣ Елисаветинскій Институтъ. Въ то время она имѣла при себѣ пять дочерей, которыя кромѣ старшей, бывшей уже замужемъ, по мѣрѣ своего возраста, начинали ходить въ классы и учиться вмѣстѣ съ нами. Съ ними однако Луиза Ѳедоровна обходилась точно также, какъ и со всѣми нами; къ нимъ она даже была взыскательнѣе и требовала, чтобы онѣ служили примѣромъ другимъ. Не стану и говорить о томъ, съ какою любовію обходилась она съ нами, какъ, можно сказать, изучала характеръ каждой, старалась истреблять дурныя наклонности, поощрять хорошіе поступки,—ограничусь только разсказомъ о томъ, что̀ извѣстно мнѣ самой; такъ какъ я, окончивъ ученіе въ институтѣ, оставалась въ немъ до самой кончины незабвенной нашей maman.

Немногія изъ воспитанницъ института были дочери достаточныхъ родителей, бо̀льшая часть, какъ и теперь, поступаютъ туда дѣти бѣдныхъ отцевъ. Одинъ изъ послѣднихъ, имѣвшій трехъ дочерей и сына, и содержавшійся скромнымъ жалованьемъ по службѣ и небольшими посторонними занятіями, желалъ дать дочерямъ своимъ образованіе, и изъ скудныхъ своихъ средствъ платилъ за старшую въ патріотическій институтъ. Когда узнала это maman — да позволено мнѣ будетъ употреблять это названіе, оно такъ тѣсно соединено въ моемъ сердцѣ съ именемъ моей покойной благодѣтельницы, такъ точно и такъ кратко выражаетъ ея къ намъ отношенія, мы такъ привыкли къ нему, что я и не могу назвать ее иначе — когда она узнала о томъ, она приняла искреннее участіе въ семействѣ и, по ея ходатайству, другая сестра дѣвицы была помѣщена бывшею пред-

сѣдательницею патріотическаго общества Е. А. Уваровою на казенный счетъ; третья на счетъ экономическихъ суммъ, сына успѣла она своими связями помѣстить въ горный институтъ. Я указала здѣсь одинъ примѣръ, но они были безчисленны. Сестеръ и многихъ другихъ бѣдныхъ воспитанницъ она старалась принимать на счетъ институтскихъ или экономическихъ суммъ, и были примѣры, что такимъ образомъ воспитывалось нѣсколько сестеръ, одна за другой.

Что касается до надзора за воспитанницами, за порядкомъ въ домѣ, за всѣми лицами, принадлежащими къ институту, то мы не могли надивиться, когда находила она время за всѣмъ смотрѣть, все видѣть. Она была съ нами безпрестанно, въ дортуарахъ, въ классахъ, за столомъ. Обѣдала она всегда съ нами, даже и тогда, когда замужнія ея дочери, зятья, или кто-либо изъ знакомыхъ обѣдали у нея въ ея комнатахъ, и потому насъ кормили всегда хорошо. Въ 1827 г., когда институтъ поступилъ подъ высшее покровительство императрицы Александры Ѳеодоровны и покойный государь обратилъ содержаніе его на инвалидный капиталъ, дабы дать возможность воспитывать бо́льшее число дочерей бѣдныхъ раненыхъ, повелѣно было расширить помѣщеніе институтскаго дома, а дѣвицъ перевели на лѣто въ Царское Село, въ Александровскій дворецъ, и императрица Марія Ѳеодоровна, живши въ Павловскѣ, часто посѣщала насъ. Пріѣхавъ однажды къ намъ во время обѣда, она, разумѣется, нашла за столомъ нашимъ и maman, и возвратясь въ Павловскъ, призвала къ себѣ статсъ-секретаря своего, покойнаго Гр. Ив. Вилламова.

„Знаете ли, какую радость я видѣла?—сказала она ему. Въ Патріотическомъ институтѣ начальница обѣдаетъ за однимъ столомъ съ дѣтьми. Это надобно завести и въ нашихъ институтахъ".

— „Я это давно знаю"—отвѣчалъ Григорій Ивановичъ — „но не думаю, чтобы мы согласили на то нашихъ статсъ-и кавалерственныхъ дамъ".

Упомяну здѣсь кстати, что въ Царскомъ Селѣ мы тогда блаженствовали. Всякій вечеръ водили дѣвицъ гулять въ аллею, гдѣ встрѣчались мы съ царскими дѣтьми и играли съ ними. Самое большое наказаніе для провинившихся было то, что ихъ не брали гулять вмѣстѣ съ другими.

Я уже сказала, что мы удивлялись дѣятельности maman. Несмотря на постигшіе ее сильные удары (потеря четырехъ взрослыхъ дочерей и сына), она нимало не оставляла свои занятія по институту. Мы никогда не видали ее больною, и не понимали, когда она отдыхаетъ и спитъ, потому что часто по ночамъ обходила она дортуары; днемъ же — ее видѣли постоянно вездѣ, и дѣвицы говорили:

„что это такое? никуда нельзя выдти, вездѣ встрѣтишь maman; вотъ ужъ отъ нея нигдѣ не скроешься“. Всегдашнимъ своимъ обращеніемъ съ дѣвицами, она такъ хорошо знала каждую, что если она которую-либо изъ нихъ поймаетъ невзначай за чѣмъ-либо нехорошимъ или тамъ, гдѣ ей быть не должно, то виновная никакъ не смѣла ей солгать, думая, что она по лицу ея узнаетъ правду. Дѣти называли ее всевѣдущей. Императоръ Николай Павловичъ отозвался о Луизѣ Ѳедоровнѣ, что она геніальная женщина.

Дѣвицы изъ старшаго класса дежурили у ней цѣлый день и, такимъ образомъ, она ближе знакомилась съ ними и узнавала ихъ характеръ.

Послѣ обѣда она обыкновенно садилась у дверей и всѣ дѣвицы попарно проходили мимо ея; на каждую она смотрѣла съ большимъ вниманіемъ, и вообще когда замѣчала, что которая-либо изъ нихъ блѣдна или скучна, призывала ее къ себѣ, разспрашивала объ ея здоровьѣ, отъ чего она грустна, и если послѣднее было отъ какихъ-либо обстоятельствъ, семейныхъ или институтскихъ, старалась помочь и поправить. У трудно-занемогшихъ, она часто проводила на казенномъ тюфякѣ подлѣ больной цѣлыя ночи, давала ей сама лекарства, и ухаживала такъ, какъ только можетъ ухаживать мать за любимымъ ребенкомъ; тутъ не различала она, хорошая или дурная дѣвица была больна; ко всякой она была добра и внимательна и старалась исполнять даже ея прихоти. При обходѣ больницы врачемъ, она всегда находилась сама и наблюдала, чтобы приказанія доктора о каждой были строго исполняемы. Послѣ перестройки дома, спальня ея была подлѣ лазаретной комнаты, гдѣ лежали больныя трудныя, и чуть ночью которая-нибудь изъ нихъ застонетъ, maman уже подлѣ, разспрашиваетъ, утѣшаетъ, успокоиваетъ.

Никакія родства, знакомства, связи не имѣли вліянія на отношенія maman къ дѣвицамъ: для нея были всѣ равны; она отличала и поощряла хорошихъ, взыскивала съ дурныхъ, чьи бы дѣти онѣ ни были. Одну вновь поступившую дѣвицу посадили въ классѣ между другими; она спросила у своей сосѣдки, кто ея отецъ, и когда та сказала, что поручикъ, новенькая объявила, что не хочетъ сидѣть возлѣ дочери поручика, такъ какъ отецъ ея князь. Maman стояла сзади и слышала это. По окончаніи класса, она взяла пріѣзжую за руку, поставила передъ дѣвицами и стала дѣлать ей наставленія и стыдить; съ тѣхъ поръ между дѣвицами не было и рѣчи о званіи каждой.

Въ 1824 г., во время наводненія, maman такъ много хлопотала, заботилась о пострадавшихъ и помогала имъ, что примѣръ ея оду-

шевилъ и всѣхъ дѣвицъ. Мы всѣ стали просить у нея дозволенія отказаться отъ хлѣба, который давали намъ за завтракомъ, въ пользу несчастныхъ. Намъ дозволили это и мы смотрѣли въ окно, когда выносили корзину съ хлѣбомъ; какъ радовались мы видя, какъ бѣдные бросались на хлѣбъ и въ одну минуту опустошали корзину, и какъ благодарили мы maman за то, что могли хотя чѣмъ-нибудь помочь пострадавшимъ. Въ это же время она заставила насъ шить для бѣдныхъ бѣлье изъ нашего стараго; вообще старое бѣлье наше никогда не продавалось, а отдавалось бѣднымъ. Намъ строго воспрещено было, при вышиваніи по канвѣ, бросать кончики и обрѣзки шерсти, мы должны были собирать ихъ и потомъ все это отдавалось бѣднымъ, которые вязали изъ того чулки.

Во время холеры въ 1831 г. институтъ былъ запертъ; maman во все время не выѣзжала никуда, и никто изъ постороннихъ не былъ впускаемъ; когда пріѣзжали къ maman ея замужнія дочери или зятья, то она сходила внизъ въ швейцарскую, откуда въ окно выставляли на тротуаръ стулья и такъ она съ ними разговаривала. Между дѣвицами и дамами не было ни одного несчастнаго случая; но между прислугой были. Какъ скоро заболѣвалъ солдатъ или кто-либо, хотя и ночью, ей сейчасъ давали знать: она немедленно приходила сама, распоряжалась о поданіи первой помощи и смотрѣла, какъ отправляли больного въ госпиталь. Вообще она весьма часто обходила весь домъ и нижнія комнаты, гдѣ помѣщалась прислуга, смотрѣла, чтобы вездѣ наблюдалась чистота и былъ свѣжій воздухъ; когда штатъ института увеличился, по ея ходатайству была сдѣлана пристройка для помѣщенія солдатъ. Казармы содержались въ большомъ порядкѣ и чистотѣ, потому что знали, что начальница часто ходила туда.

Классныя дамы бо́льшею частію были изъ воспитанницъ института, и потому maman знала ихъ характеръ и способности. При выборѣ ихъ, она всего болѣе обращала вниманіе на ихъ нравственность. „Учителя у нихъ есть и безъ того — говорила она — но дамы должны служить для дѣвицъ образцами нравственности“. Обходилась она съ ними какъ съ своими дѣтьми и хотя притомъ была также взыскательна, но любила доставлять имъ удовольствія: брала ихъ съ собою въ театры, когда покойные военные генералъ-губернаторы, графъ Эссенъ и Храповицкій, присылали билетъ на свою ложу, и сверхъ того отпускала ихъ въ концерты и спектакли, если онѣ имѣли случай или возможность посѣщать ихъ; въ такомъ случаѣ она сама не рѣдко дежурила за отпущенную даму, заставляла читать, диктовать, спрашивала уроки, однимъ словомъ, исполняла всѣ обязанно-

сти, пока дама не возвращалась. Пепиньерокъ по воскресеньямъ и праздникамъ возила она къ замужней дочери, гдѣ доставляли имъ всевозможныя удовольствія. Кромѣ того, она посылала пепиньерокъ съ старшею классною дамою во всѣ институты на публичные экзамени—тогда они еще были,—приказывая имъ внимательно замѣчать все, какъ и что онѣ найдутъ, и если усматривала что-либо хорошее въ другомъ заведеніи, немедленно вводила и у себя.

Пепиньеркамъ, получавшимъ тогда всего по 6 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ, къ большимъ праздникамъ maman дѣлала болѣе или менѣе значительные подарки.

Всѣ вышедшія дѣвицы въ скорби и несчастіи прибѣгали къ maman, въ полной увѣренности, что онѣ найдутъ покровительство и помощь. Тѣ, которыя поступали въ гувернантки или компаньонки, обязаны были вести съ нею переписку; если она узнавала, что мѣсто нехорошо, то, до пріисканія другого, брала дѣвицу къ себѣ въ институтъ. Она хлопотала не только объ нихъ, но и объ ихъ родныхъ, дѣтяхъ и проч., и какъ она пользовалась общимъ уваженіемъ, то очень охотно исполняли ея просьбы. Случалось, что къ ней, въ крайнихъ обстоятельствахъ, обращались и такія воспитанницы, которыми въ институтѣ она была недовольна: она точно также заботилась и объ нихъ и никогда, ни однимъ словомъ не давала имъ почувствовать прежнее ихъ поведеніе. „Ее и безъ того наказала судьба", говорила она намъ.

Всякій день посѣщала она классы, во время преподаванія, и если что-нибудь ей не нравилось, просила учителя зайти изъ класса къ ней и дѣлала ему замѣчанія. Учителя со всѣми своими нуждами относились къ ней, какъ къ матери и, разумѣется, она, сколько могла, исполняла ихъ просьбы. Такъ обращалась она и со всѣми служащими въ институтѣ. Разъ замѣтила она, что одинъ изъ нихъ былъ очень скученъ и озабоченъ, она стала разспрашивать его и узнала, что онъ задолжалъ и обязанъ уплатить довольно значительную сумму. Денегъ у maman не было; она отдала ему свои жалованные брилліанты, съ тѣмъ, чтобы онъ заложилъ ихъ; причемъ взяла съ него слово никому не говорить о томъ. Когда онъ поправился, выкупилъ брилліанты и возвратилъ ихъ maman.

Доброта ея была извѣстна всѣмъ: въ теченіе мѣсяца накоплялось у ней много писемъ отъ бѣдныхъ; по полученіи жалованья, она въ каждый пакетъ вкладывала деньги и отсылала; когда же ей замѣчали, что у ней самой ничего не осталось, она отвѣчала: „мнѣ ничего не нужно".

20 іюля 1847 г., въ воскресенье, она вдругъ почувствовала себя

дурно въ то время, когда подана уже была карета, чтобы ѣхать съ пепиньерками обѣдать къ замужней ея дочери, жившей на дачѣ; до того она все была на ногахъ и передъ тѣмъ, по обыкновенію, обошла всѣ этажи дома. Ввечеру ея не стало. Императрица Александра Ѳеодоровна почтила рескриптомъ старшую дочь ея, изъявивъ въ немъ все сожалѣніе свое о потерѣ столь достойной женщины и примѣрной начальницы заведенія.

Въ бумагахъ покойной осталось много собственноручныхъ записокъ императрицъ: Елисаветы Алексѣевны и Александры Ѳеодоровны, показывающія, какъ высоко онѣ уважали ее. Государыня, сообщая Л. Ѳ. о какомъ-либо распоряженіи, которое ей желательно было сдѣлать, обыкновенно прибавляла: „если и вы такого же мнѣнія".

Сердечно любившія покойную, воспитанницы желали непремѣнно поклониться праху доброй своей maman и, съ высочайшаго соизволенія, полтораста дѣвицъ высшаго класса института, 17 августа 1847 года, печальною процессіею, прошли по улицамъ Васильевскаго острова, на Смоленское кладбище, и такъ, припадая къ могилѣ, каждая, съ мольбой и слезами, положила букетъ на дорогую могилу.

Въ день ея кончины, 20 іюля, по высочайшему повелѣнію, нѣсколько лѣтъ служили по ней панихиды въ церкви института, въ собраніи всѣхъ дѣвицъ.

Я описала факты. Не прибавляю отъ себя ничего, какъ ни полно сердце мое благодарностію и любовью къ незабвенной maman.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Ma chère Madame de Wistinghausen, Vous connaissez ma constance dans mes anciens attachements, et malgré votre rare modestie, vous devez avoir la conviction, que vous avez bien contribué de votre part à rendre mon attachement pour vous aussi sincère que durable; le temps et l'éloignement n'y changent rien. Je m'en apperçois aux regrets que j'éprouve de n'être pas présente à la prochaine solennité de notre cher Institut Patriotique et du plaisir que j'ai à me transporter souvent en pensée auprès de vous, à vous retrouver comme une bonne mère au milieu de nos chères élèves. Et tout cela est accompagné de mes bénédictions maternelles et de mes voeux les plus ardents pour votre contentement et pour le bonheur de celles dont le ciel vous a confié la direction; soyez persuadée et dites le bien à nos chères enfants, que vous êtes un sujet fréquent de mes réflexions et de mes prières. Tous les rapports concernant l'Institut sont si favorables et si honorables pour vous, qu'ils me confirment dans l'opinion que la bénédiction de Dieu repose sur vos travaux et que le Ciel continuera à bénir vos soins et vos peines. Connaissant vos sentiments, c'est une grande satisfaction pour moi, que de pouvoir vous donner

l'assurance, que mon auguste Epoux, Sa Majesté l'Empereur, partage avec moi l'approbation que j'ai accordée de tous temps à votre zèle distingué et qu'il forme avec moi les mêmes voeux pour vous et nos chères élèves. Je vous offre, à l'occasion de la présente sortie, un petit souvenir, en vous en conservant un autre dans mes sentiments, qui resteront toujours ceux d'une sincère estime et d'un véritable attachement et avec lesquels je ne cesserai jamais d'être votre très affectonnée Alexandra.

Palerme le 20 Décembre 1845.

Приписано Императрицею собственноручно:

Ich umarme Sie noch ganz besonders, liebe, gute, beste Wistinghausen, Gott erhalte Sie unseren Hause und mir noch viele Jahre.

Ar.

II.

Милостивая государыня Луиза Ѳеодоровна! По волѣ государя императора, я имѣлъ счастіе повергнуть на высочайшее его величества разсмотрѣніе списокъ съ всемилостивѣйшаго рескрипта, коимъ государынѣ императрицѣ благоугодно было удостоить васъ въ 20 день минувшаго декабря, по случаю настоящаго выпуска окончившихъ ученіе воспитанницъ Патріотическаго института.

Его императорское величество, на докладной запискѣ моей съ приложеніемъ означеннаго рескрипта, сего числа собственноручно написать соизволилъ: „Въ полной мѣрѣ заслуженное; дай Богъ ей здоровья, она неоцѣненна для пользы заведенія“.

Съ искреннимъ удовольствіемъ сообщая вамъ о столь лестномъ монаршемъ отзывѣ, прошу покорнѣйше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ, милостивая государыня, почтеніи и преданности. Н. Лонгиновъ.

18 января 1846.

III.

Madame de Kniajevitch!—La perte irréparable que vous venez de faire, vous et votre soeur, madame de Christiani, m'engage à vous témoigner la part sensible, que je prends à votre profonde affliction. Il n'y a sûrement que la religion seule, qui puisse maintenant vous fournir des consolations; néanmoins j'ai esperé, que dans votre légitime douleur vous éprouveriez quelque adoucissement en songeant qu'elle est partagée par ceux, qui ont connu votre défunte et respectable mère. Plus j'ai été à même d'aprécier ses rares qualités durant sa longue et honorable carrière, comme supérieure de l'Institut Patriotique, plus mes regrets sont vifs de la voir enlevée par la mort à la charge importante, que malgré son âge avancé, elle remplissait encore si scrupuleusement et avec un zèle si bien entendu. Les élèves, qui se trouvent à l'Institut, ainsi que celles qui l'ont quitté, ne manqueront certainement pas de s'associer à notre affliction, en pleurant celle, dont toute l'existence n'a été vouée qu' à les entourer d'une sollicitude maternelle. Tous ses regrets ne doivent être considérés que comme un hommage, rendu à une vertu, qui actuellement sans doute jouit d'une récompense, que le Ciel seul pouvait lui accorder.

C'est avec les sentiments de bienveillance que je suis votre affectionnée Alexandra.

Alexandrie, ce 25 Juillet 1847. Сообщ. П. К. Яковлева.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Указъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, данный въ 1661 году, 18 мая.

„Учали на Москву и во всякія наши царя и великаго князя градъ многіе еретики и разные нѣмецкіе люди приходити и стали просить они нашея царскія службы и мы, государь и великій князь всея Россіи, собрали мы наши архіепископы, епископы, архимандриты и іереи на думу и положили мы о томъ съ думными людьми ихъ б....кихъ дѣтищъ, еретиковъ и всякихъ нѣмцовъ на воеводства не посылать и къ воеводствамъ не опредѣлять, а быть имъ б....кимъ дѣтищамъ только на Москвѣ и записыватися имъ по черной сотнѣ, а въ службу нашу царскую вступатьворамъ въ ратную и то по нуждѣ.

Данъ на Москвѣ, лѣта отъ Р. X. 1661 мая въ 18 день. На подлинномъ печать царская".

Указъ печатанъ (?) церковною печатью съ оговоркою: „Дать только кому надлежитъ вѣдать и безъ нужды хоронить въ тайнѣ".

Сообщ. Ам-Бекъ-Гасабовъ.

Примѣч. Въ письмѣ, при которомъ сообщена намъ копія съ приведеннаго выше документа, г. Ам-Бекъ-Гасабовъ говоритъ:

«.... Указъ этотъ найденъ у меня, въ семействѣ Макаровыхъ, отецъ которыхъ занимался историческими изслѣдованіями. Копія съ подлинника найдена въ бумагахъ покойнаго М. Макарова».

Очень бы желательно видѣть подлинникъ указа, но едвали онъ существовалъ. Мы приводимъ копію только какъ курьезъ. Ред.

Къ исторіи преподаванія «Русской Исторіи» въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Циркуляръ Попечителя С.-П.Б. Учеб. округа. Канцелярія, ст. 2. 20 іюня 1850 года № 3,431. О книгѣ г. Устрялова.

Конфиденціяльно.

Г. директору училищъ Петербургской губерніи.

Въ „Начертаніи русской исторіи" для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненіи профессора Устрялова, въ періодѣ о самозванцахъ, сказано: „Между тѣмъ, какъ западная Русь была взволнована уніею,

иного рода потрясеніе поколебало Русь восточную и едва не предало ее въ руки иноплеменниковъ. Источникомъ этого потрясенія было странное событіе, доселѣ еще вполнѣ не разгаданное, случившееся за семь лѣтъ до восшествія Бориса на престолъ, при Өеодорѣ Іоанновичѣ—смерть младшаго брата царскаго Димитрія".

Такъ какъ мѣсто это можетъ истолковано быть превратно, а книга Начертаніе русской исторіи употребляется какъ руководство въ учебныхъ заведеніяхъ с.-петербургскаго округа, то министръ народнаго просвѣщенія (князь Ширинскій-Шихматовъ) сдѣлалъ распоряженіе объ исправленіи этаго мѣста въ ней, при слѣдующихъ изданіяхъ. Между тѣмъ, его сіятельство предписываетъ принять мѣры по округу, что (бы?) при преподаваніи въ общественныхъ заведеніяхъ русской исторіи по прежнимъ изданіямъ книги г. Устрялова, было поясняемо, что доселѣ не вполнѣ разгаданное событіе при убіеніи царевича Димитрія есть--близкое участіе Бориса Годунова въ этомъ злодѣяніи, которое остается покрытымъ непроницаемою тайною; отчего и происходитъ, что одни историки обвиняютъ его сильными доводами, а другіе защищаютъ его, приписывая все дѣло услужливымъ клевретамъ Бориса—Битяговскому и Казалову (sic), которые совершили злодѣйство безъ его вѣдома.

Вслѣдствіе конфиденціяльнаго предложенія г. министра народнаго просвѣщенія по сему предмету отъ 18 сего іюня за № 1,067, даю знать о семъ циркулярно по ввѣренному мнѣ округу къ точному наблюденію при преподаваніи русской исторіи.

Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа Муссинъ-Пушкинъ.

Поправка. Въ «Русской Старинѣ» 1871 года, т. III, стр. 212, въ примѣчаніи о сынѣ извѣстнаго Радищева, между прочимъ, сказано: «написаная имъ біографія отца такъ и осталась до сихъ поръ въ рукописи у кн. П. А. Вяземскаго». По свѣдѣніямъ нами полученнымъ — эта замѣтка оказалась не совсѣмъ точною. Біографіи Радищева у кн. П. А. Вяземскаго нѣтъ, и никогда не было. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ концѣ 20-хъ годовъ, кн. Вяземскій встрѣтился въ Пензѣ съ сыномъ Радищева и просилъ одолжить его, если можно, нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями объ отцѣ его. Радищевъ въ самомъ дѣлѣ написалъ, по просьбѣ князя, три — или четыре, а много пять, сколько помнитъ кн. Вяземскій, страничекъ. Но по содержанію своему, въ нихъ никакой біографической цѣнности не было, а былъ одинъ поверхностный очеркъ уже извѣстныхъ обстоятельствъ, и болѣе что-то въ родѣ послужного списка, такъ что эта статья осталась у кн. П. А. безъ употребленія, чего бы, разумѣется, не было, если бы онъ могъ путнымъ образомъ ею воспользоваться. Вслѣдствіе этого, мы охотно устраняемъ малѣйшую тѣнь упрека въ томъ, что біографія Радищева будто бы такъ и осталась въ рукописи у кн. Вяземскаго.
Ред.

Опечатки. Въ III томѣ «Русской Старины» просимъ нѣкоторыя изъ ошибочно напечатанныхъ словъ исправить и читать такъ: стр. 104, строка 3 снизу: «Дубельтъ»; — стр. 172, строка 12 снизу: отъ «маживацін»; — стр. 184, строка 10 снизу: «побожиться»; — стр. 186, строка 19 сверху: «перетряхи»; — стр. 189, строка 6 сверху: «кодейиску» (кочерыжку); стр. 214, строка 12 сверху: «сельскій попъ; стр. 224, строка 12 сверху: «гордъ». — На стр. 233 и 235 нумера писемъ XX и XXI. **Ред.**

Печатается изданіе редакціи „Русской Старины“:

„Сборникъ снимковъ съ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVIII и XIX вѣковъ“.

Находящееся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ большое собраніе весьма интересныхъ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ русскихъ лицъ на поприщахъ государственной, общественной, ученой, литературной и артистической дѣятельности — подало мысль редакціи „Русской Старины“ издать, при участіи Ѳ. К. Опочинина, „Сборникъ снимковъ“ съ наиболѣе важныхъ или почему либо характеристическихъ документовъ.

Нынѣ печатается **первый выпускъ** сборника. Въ него войдутъ снимки писемъ частью цѣликомъ, частью значительныхъ отрывковъ, дѣятелей эпохи Александра I-го — именно болѣе **семидесяти пяти** личностей.

„Сборникъ снимковъ“ печатается въ форматѣ большаго листа, на хорошей бумагѣ и составитъ красивый альбомъ. Цѣна сборника **три рубля.**

Гг. подписчики на „Русскую Старину“ 1871 г., при высылкѣ **семи** рублей на журналъ, могутъ прилагать **три** рубля за „Сборникъ снимковъ писемъ“, который и будетъ имъ высланъ немедля по его отпечатаніи. Подписавшіеся въ редакціи „Русской Старины“ за пересылку „Сборника снимковъ“ ничего не платятъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ѳ. БАЗУНОВА ВЪ СПБ. (Невскій, д. № 30) ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сборникъ М. И. Семевскаго, историческихъ и юридическихъ актовъ XVII и XVIII в. Москва. 1869 г. 8 д. **Цѣна 50 коп.**

Записки М. И. Глинки 1804—1854 гг., въ четырехъ частяхъ; изд. «Русской Старины». Спб. 8 д. 1870 г., съ приложеніями: **рисунка,** исполненнаго академикомъ **М. О. Микѣшинымъ** въ память произведеній Глинки, **изображенія** надгробнаго памятника **Глинкѣ и снимка** съ предсмертнаго его письма. **Цѣна 2 руб.** Сборъ съ продажи этой книги обращается въ пользу фонда на сооруженіе памятника Глинкѣ. (Осталось за распродажей 104 экз.).

Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Спб. 1870 г. Разсказы очевидцевъ и лицъ пострадавшихъ въ бунтѣ. Изданіе «Русской Старины» (осталось за распродажею — 30 экземп.). **Цѣна 1 руб. 25 коп.**

Дневникъ Корба, 1698—1699 гг. Изд. подъ редакціей **М. И. Семевскаго. М. 1869 г.** Въ виду поступающихъ на эту книгу требованій заявляется, что эта книга распродана до послѣдняго экземпляра.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома,** изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія,** не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, — **семь рублей** за весь годъ, т.-е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ домѣ Лисицына.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому,** или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому:** въ **С.-Петербургъ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.**

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, кн. Щербатова, Добрынина, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голенищева-Кутузова, кн. Куракиныхъ, гр. Стакельберговъ, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина, — записки: гр. Г. П. Чернышева, адмир. Колзакова, зап. И. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго (1812 — 1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевскаго, кн. Барклай-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партиз. Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева; В. К. Кюхельбекера (1831—1841 гг.); поч. лейбъ-хирур. Д. К. Тарасова, ак. жив. А. В. Ступина (1776—1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Рунича; зап. Н. И. Греча (біографія Ѳ. В. Булгарина); зап. А. В. Никитенко, И. И. Свіязева; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; зап. генер. Лишина и полковн. Замятнина о 1831 г.; Я. П. Бакланова; Ѳ. М. Толстаго: Воспомин. о Глинкѣ; Н. В. Берга: воспомин. о Гоголѣ; и др. Письма А. П. Волынскаго (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара (1782 г.); 150 неиздан. писемъ Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра Павловича, императр. Елизаветы Алексѣевны; Кулибина; гр. Аракчеева, кн. Васильчикова, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, мнѣнія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховит.; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина, архит. Витберга; проекты и статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; П. К. Щебальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣляева; Н. С. Тихонравова, Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова; П. А. Степанова; Н. П. Дурова; А. Н. Неустроева; сообщ. П. А. Муханова, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе, гр. Э. К. Чапскаго, кн. Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ѳ. А. Бюллера, М. Ѳ. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
или
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.
1752—1827.

---

§ XIX *).

Новый годъ 1771.

Въ новый годъ съѣхались въ домовую архіерейскую церковь къ обѣдни всѣ штатскіе чиновники и гражданство, а послѣ обѣдни были у преосвященнаго съ поздравленіемъ. Я для того новымъ годомъ начинаю, чтобы привязать къ нему слѣдующую нашего покроя повѣсть:

Всѣ архіереи имѣютъ обыкновеніе принимать въ новый годъ поздравительныя рѣчи отъ находящихся при нихъ ученыхъ людей и отъ учащагося юношества. Въ соблюденіе сего обыкновенія и нашему преосвященному были таковыя — говорены послѣ обѣдни, въ большомъ залѣ, при вышесказанной публикѣ, Кіевской академіи слушателемъ богословіи студентомъ Иваномъ Трипольскимъ, который былъ при братѣ архіерейскомъ инспекторомъ; студентомъ Василіемъ Садорскимъ, который обучалъ малыхъ пѣвчихъ латинскому языку, и нѣсколькими учениками. Но какъ между сихъ должно было, по очереди, говорить архіерейскому бра- **), то онъ, сказавши нѣсколько словъ, пришелъ въ замѣшательство остановился на сихъ словахъ: «ваши святые подвиги», стараясь збудить свою память снова: «ваши святые подвиги», борясь съ смятеніемъ, которое сильно имъ овладѣло, лишь началъ го-

*) См. «Русск. Стар.» т. III, 1871 г. стр. 119 и 247.

**) Петръ Фліоринскій. Ему было 18 л. отъ роду. Г. Д.

ворить въ третій разъ: «ваши святые подвиги», какъ вдругъ архіерей крикнулъ изо всей силы: «а ваши какіе?» Вся публика, не исключая и самыхъ стариковъ-купцовъ, не удержались отъ смѣха. А архіерей подъ это продолжалъ проповѣдническимъ громкимъ голосомъ: «и ты скотина, и тотъ оселъ, кто тебя училъ; поди, корова, ѣшь сѣно, видно что ты не за свое принялся дѣло».

Такимъ образомъ, братъ брата поздравя съ праздникомъ, увеселили публику больше, нежели всѣ риторическія студентскія привѣтствія. Однакожъ инспекторъ **Трипольскій**, будучи человѣкъ чувствительный, или малодушный, не выдержалъ публичной брани. Онъ бросился въ свой покой и тамъ, взвалясь на постель, питалъ цѣлый день глубокую задумчивость, безъ пищи и питья. Я, сжалясь надъ его чувствительностію, ослабилъ къ вечеру страданіе души его нѣсколькими рюмками вина и кускомъ жареной телятины. Онъ мнѣ былъ благодаренъ и сказалъ: «ты лучше умѣешь утѣшать, нежели мой ученикъ говорить рѣчи».

Между тѣмъ бывалъ я иногда у вышесказаннаго консисторскаго члена Иринарха **Рудановскаго**. Онъ тѣмъ сноснѣе началъ со мной жить, что я, со вступленія моего въ новую должность, не управлялъ уже по конторѣ ставленическими дѣлами, почему всѣ мнѣ перестали завидовать, а стали бояться и искать моей дружбы, не для того, чтобы кто ею дорожилъ, и не для того, что я имѣю иногда честь тазы чистить, но для того, чтобы я, по обыкновенію архіерейскихъ фаворитовъ, не наушничалъ архіерею на виновныхъ и невинныхъ.

Къ намъ присталъ въ союзъ вышесказанный учитель латинскаго языка Садорскій, который вкрался къ Рудановскому въ полную дружбу, а на похвалу меня истощалъ краснорѣчіе всѣхъ латинскихъ авторовъ. Онъ, при всякомъ свиданіи, находилъ во мнѣ новое достоинство, коимъ имѣлъ охоту занимать свой панегирическій языкъ. Иринарха онъ обыкновенно называлъ «отцемъ», а меня—«братомъ и другомъ». Теперь понятна вся наша родословная. Я иногда прерывалъ его, говорилъ ему, что онъ небережно льститъ; но онъ умѣлъ насъ обоихъ увѣрить, что онъ говорилъ отъ чистаго сердца, безъ лести, почему и были иногда у насъ разговоры о преосвященномъ общи и откровенны, которые хотя ничего въ себѣ, кромѣ правды, не заключали, однакожъ тѣмъ нарушается всеобщій порядокъ правленія, если подчиненные нео-

позволяють себѣ говорить о начальникахъ худо *). Чувствовалъ я нѣкоторое облегченіе, когда говорилъ съ человѣкомъ, охотно со мною, какъ казалось, раздѣлявшимъ мою горесть.

Въ прибавку къ такому облегченію, показалъ я Рудановскому письмо, писанное преосвященному отъ сvнодскаго оберъ-секретаря Остолопова. Оно было отвѣтное на то, которымъ преосвященный изъяснялъ сдѣланную ему сvнодомъ несправедливость, когда многіе архіереи, будучи, по его мнѣнію, ниже его во всемъ, переведены на высшія, или лучшія епархіи, а онъ позабытъ или обойденъ. Остолоповъ отвѣтствовалъ ему: что «я хотя истинный вашему преосвященству другъ, но мое по сvноду дѣло секретарское, почему и услужить вамъ, въ разсужденіи перемѣщенія, былъ не въ правѣ, да и впредь увѣрить не осмѣливаюсь» и проч. Письмо сіе увѣрило насъ, что намъ не остается надежды сбыть съ рукъ святого владыку и избавиться отъ его архипастырскаго ига. Сіе самое и было побужденіемъ къ показанію мною Остолопова письма Рудановскому.

Въ зрѣлыхъ уже моихъ лѣтахъ, я самъ чувствую ошибки юныхъ моихъ лѣтъ, но нахожу неоспоримою истиною то, что и самаго опытнаго, пожилого можно испортить, если его всегда обижать.

Рудановскій вскорѣ послалъ въ сvнодъ прошеніе о переводѣ его на житье въ который-нибудь изъ малороссійскихъ монастырей. Скоро послѣдовалъ желаемый указъ съ помощью брата его, сvнодскаго секретаря Григорія Ивановича Рудановскаго, вслѣдствіе чего и отбылъ онъ подъ шумомъ громогласнаго ругательства нашего архипастыря къ епархіальному своему архіерею, кіевскому митрополиту, имѣвшему тогда пребываніе свое, какъ выше сказано, въ Гамалѣевскомъ монастырѣ.

Теперь, по всѣмъ правиламъ тогдашняго моего легковѣрія, подлежало мнѣ играть съ Садорскимъ дуэтъ, но онъ разсудилъ съиграть соло, какъ слѣдуетъ ниже.

Во единъ отъ дней примѣтилъ я, что архіерей мой пришелъ

---

*) Можетъ быть кто вопроситъ: «когда ты можешь такъ разсуждать, такъ для чего же ты теперь пишешь о другихъ, забывая скромность?»

Отвѣтъ: «для того, что я теперь нахожусь въ качествѣ историка, который, по званію своему, долженъ трудъ свой украшать правдою, такъ какъ піитъ — ложью, а ораторъ — празднословіемъ». Г. Д.

съ работы изъ рощи, съ весьма задумчивымъ лицомъ, которое мнѣ было тѣмъ замѣчательнѣе, что тогда не было новомѣсячія. Мое примѣчаніе увеличилось, когда я узналъ, что онъ противъ обыкновенія цѣлый день въ рощѣ пробылъ безъ работы, ходя и разговаривая съ Садорскимъ наединѣ, отославъ отъ себя даже и дежурнаго малаго, котораго должность была ходить за нимъ и который о семъ меня увѣдомилъ. Сіе увѣдомленіе просвѣтило меня, что Садорскій снялъ съ себя маску сыновства и дружбы и явился въ своемъ природномъ видѣ. Подозрѣніе мое было справедливо.

По утру архіерей натощакъ, когдя я явился къ нему по должности, сѣлъ въ кресло и потирая рукою то чело, то бороду, при томъ краснѣя и чихая, спросилъ меня такимъ тономъ, изъ-подъ котораго видна была досада его и смятеніе: «какіе у васъ съ Иринархомъ происходили обо мнѣ разговоры?»

— Я не могу припомнить,—отвѣчалъ я:—а ежели что случилось, то мы необыкновеннагó ничего не говорили.

— «А письмо,—возгласилъ архіерей—какое ты показывалъ Иринарху? и какую ты имѣлъ причину вступать съ нимъ въ столь тѣсный союзъ?»

По счастію, нападеніе сдѣлано не въ расплохъ: приготовленъ будучи замѣчаніемъ, я тотчасъ отвѣчалъ: «письмо я показать не усумнился потому, что въ немъ не было никакого секрета, и мы читали его съ сожалѣніемъ, что другіе архіереи перемѣщаются, а ваше преосвященство остаетесь забытыми...»

— «Нѣтъ, неблагодарный,—закричалъ архіерей вскочивши съ креселъ: тебѣ не въ пору меня обманывать! Я тебя увѣряю архіерейскимъ словомъ, что одинъ тебѣ остался путь къ спасенію, то-есть: ежели ты откроешь всѣ ваши скопы и заговоры».

Я по истинѣ не зналъ и не имѣлъ что ему открывать, кромѣ того, что мы иногда обнаруживали другъ другу противъ его справедливое свое неудовольствіе. Видно, что Садорскій въ полной мѣрѣ сохранилъ достоинство своей подлой души; видно, что онъ навралъ много небывалицы. Вслѣдствіе сего началъ я его преосвященству кабинетныя нашего тріумвирата дѣла изъяснять безъ трусости тако:

«Я все, что могу припомнить, донесу вашему преосвящен-

ству чистосердечно. Прошу только имѣть терпѣніе меня выслушать».

— «Ври все», крикнулъ лихой владыко.

«Когда въ разговорахъ нашихъ, продолжалъ я, доходило до вашего преосвященства, то мы оба были согласны въ томъ, что ваше преосвященство весьма обидно поступаете съ подчиненными и вмѣстѣ приверженными къ вамъ. Вы ихъ ругаете безпрерывно и повсемѣстно, а иногда и рукамъ даете волю, единственно для того, что вамъ такъ угодно, отъ чего натурально подчиненный теряетъ къ вамъ преданность. Притомъ мы сердечно желали, чтобъ ваше преосвященство получили бо́льшей степени епархію для того, чтобъ намъ остаться покойнымъ; но когда увидѣли изъ письма Остолопова, что вы остаетесь у насъ по прежнему, то такая вѣсть нанесла намъ уныніе и мы почли сіе знакомъ божія гнѣва къ намъ. Позвольте ваше преосвященство имѣть подчиненному нѣжныя чувства и не запретите ему чувствовать всю тягость обиды, причиняемой отъ васъ...»

— «Ба! крикнулъ архіерей, да кто тебя научилъ этакому краснорѣчію? а терпѣніе гдѣ?» еще сильнѣе онъ гаркнулъ.

«Да будетъ ли пріятно,—отвѣчалъ я:—вашему преосвященству, чтобъ подчиненные ваши были увѣрены, что они осуждены на терпѣніе единственно для того, что вамъ досталось быть въ Сѣвскѣ? Однакожъ я оправдать себя не смѣю, а прошу меня простить,—и съ симъ словомъ кинулся ему въ ноги, безъ чего духовные отнюдь не прощаютъ, говоря при томъ, — «что я всю истину сказалъ, которую, не сомнѣваюсь, подтвердитъ и Садорскій».

— «А онъ почему знаетъ?» спросилъ лукаво архіерей раскраснѣвшись.

«Онъ, отвѣтствовалъ я чистосердечно, былъ межъ нами второй членъ, да не сомнѣваюсь, что онъ же и смутилъ душу вашего преосвященства по обыкновенію подлыхъ людей, кои хотятъ сыскать для себя счастье на пагубѣ другого».

— «Нѣтъ, сказалъ архіерей, онъ поступилъ какъ честный и благородный человѣкъ; я ему больше довѣряю, нежели тебѣ; а ты долженъ благодарить его за то, что онъ подалъ случай истребить возрастающее въ тебѣ зло».

Проговоря еще нѣсколько подобныхъ словъ, окончилъ невкусную для меня авдіенцію, а къ-себѣ потребовалъ

которымъ и пробылъ до самаго полудня, не допуская къ себѣ никого.

Послѣ полудня конференцъ-секретарь, еже есть Садорскій, приходитъ ко мнѣ и возглашаетъ: «я твой предатель!» А я ему отвѣчалъ, повторяя архіерейскія слова: «я долженъ тебя благодарить за то, что ты подалъ случай истребить возрастающее во мнѣ зло, которому однакожъ не ты ли самъ больше былъ причиною, нежели я?» Онъ началъ переcѣменивать глазами, какъ воръ при уликахъ. Потомъ принялся-было за фразы и силлогизмы, но я сказалъ ему на отрѣзъ, что не хочу ни слушать, ни говорить. Тогда онъ вытащилъ изъ кармана листъ бумаги, на которомъ написано было рукою его, но мысльми общими съ архіереемъ, прошеніе отъ имяни моего съ объясненіемъ: якобы я предъ Иринархомъ «порицалъ его преосвященство человѣкомъ злобнымъ, обидчикомъ, лихоимцемъ и проч. И что я, убѣжденъ будучи совѣстію, раскаяваюсь въ моемъ согрѣшеніи и прошу прощенія съ тѣмъ, что уже болѣе никогда вышеписанными именами изображать его преосвященство не стану, ни на словахъ, ни на письмѣ, ниже какими іероглифами, ни на пескѣ, ни на водѣ, ни на воздухѣ ни на.... словомъ: ни на чемъ, а прошедшее потщусь загладить вѣрною моею службою и приверженностію» и проч.

Сія челобитная тотчасъ была мною, въ угодность архіерею, подписана почти такъ:

«Словесная овца и
«безсловесный рабъ».

Обильная матерія челобитную распространила на третью страницу. По всему видно было, что работали ее двое ученыхъ запершись. Архіерей, получа ее отъ меня лично, съ обыкновенными монастырскими поклонами, положилъ на столъ свою панагію и велѣлъ мнѣ на ней присягнуть во утвержденіе челобитной. Отъ сего времени служилъ я его преосвященству по прежней должности, а онъ противъ меня остался на прежнемъ основаніи, потому что не присягалъ.

Дѣло сіе тѣмъ не кончилось. Преосвященный, подъ видомъ посѣщенія кіевскаго митрополита, поѣхалъ къ нему въ Гамалѣевскій монастырь *). Тамъ, призвавъ Иринарха, взялъ его на ис-

*) Гамалѣевскій пустынно-харлампіевскій Рождества Богородицы, 2-го класса мужской монастырь, бывшій въ кіевской, нынѣ въ черниговской епархіи, находится близъ мѣстечка Воронежа, въ лѣсу подлѣ села Гамалѣевка. Ред.

пытаніе и усовѣщаніе *). Иринархъ—какъ я послѣ отъ него самого слышалъ,—со мною въ рѣчахъ не разбился, поелику «истина всегда бываетъ единогласна». Слѣдственно много открылось лжи на сторонѣ Садорскаго. Какъ бы то ни было, когда я сообщилъ Иринарху, что сіе изслѣдованіе родилось отъ предательства насъ Садорскимъ, то онъ объявленіе мое выслушалъ безъ удивленія и безъ досады; а я столько былъ простъ и увѣренъ въ немъ, что изъ равнодушія его ничего не заключилъ, а только недоволенъ былъ за то, что онъ не сердился на Садорскаго такъ, какъ я.

Съ годъ уже времени спустя, архіерей, при случаѣ наитія на него добраго духа, сказалъ: что Садорскій оклеветалъ меня ему, по соглашенію съ Иринархомъ. Изъ чего я заключаю, но заключаю уже тогда, когда пишу мою исторію, т.-е. тогда, когда мнѣ отъ роду течетъ четвертый десятокъ—что архіерей почиталъ молодость мою за простодушную и неопытную, а Садорскаго и Иринарха за исправныхъ мошенниковъ, кои, можетъ быть, хотѣли что-нибудь извлекать изъ моего простодушія. И ежели преосвященный не болѣе во мнѣ находилъ вины, какъ только неопытную молодость, то, казалось бы, меня надлежало бы наставить, а я всякое добро понимать и его держаться былъ способенъ. Но ежели безъ причинъ ничто не бываетъ, то я слуга покорный новомѣсячію, доставившему мнѣ причину воскликнуть въ горести:

«О всесильная непостижимость! почто ты не сотворила человѣковъ столь крѣпкими какъ скотовъ, для собственнаго ихъ спокойствія, слѣдовательно и блаженства! Но я первый не хочу пользоваться блаженствомъ такого рода, которое нераздѣльно съ природою скота. Итакъ, по волѣ твоей святой, пользуясь существомъ, правомъ и жребіемъ человѣка, имѣя недостатокъ въ воспитаніи, не имѣя помочи отъ истинныхъ, благоразумныхъ и благотворительныхъ друзей человѣчества, выходя самъ собою изъ круга простоты народной, и доходя безъ руководства до лучшаго

*) Въ семъ мѣстѣ надлежитъ замѣтить, что архіерей зналъ за собою что-нибудь такое, чего онъ сильно опасался; ибо для такихъ пустяковъ, кои мною выше обнаружены, кажется ему нельзя было столько суетиться и безпокоиться.

Г. Д.

политическаго состоянія, пилъ я на семъ топкомъ и болотистомъ пути неоднократно полную чашу горести!»

Въ сію бытность мою въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, видѣлъ я въ церкви портреты создателей и снабдителей его деревнями—гетмана и гетманшу Скоропадскихъ. Гетманъ изображенъ нѣсколько сухощавымъ, съ булавою въ рукѣ, а гетманша—пріятнѣйшею, молодою, полновидною, нѣсколько продолговатаго лица, съ хусточкою (платокъ), сложенною въ рукахъ. Оба въ національномъ малороссійскомъ одѣяніи.

А ежели у большихъ особъ ничего не должно пропущать безъ замѣчанія, то скажу, что я могъ замѣтить у нашего хозяина митрополита кіевскаго. Онъ во время обѣда, часто подвигая къ себѣ разныя съ вялою рыбою блюда, провозглашалъ: что, его «мать съ малолѣтства вялою рыбою закормила» и потому онъ до нея великій охотникъ.

Въ продолженіе стола, его святѣйшество опытами удостовѣрилъ всѣхъ, что онъ говорилъ сущую правду.

Опорожнивши нѣсколько тарелокъ съ любимымъ его кушаньемъ, повелъ разговоръ, что онъ, живши долгое время въ Петербургѣ, привыкъ къ тамошнимъ обрядамъ и обыкновеніямъ. А теперь, когда пріѣдетъ въ Кіевъ, не знаетъ, что начать: слѣдовать ли малороссійскимъ обыкновеніямъ, или малороссіяне должны принаровляться къ его петербургскимъ ухваткамъ?

Весь, сидѣвшій за столомъ, свято-кіево-митрополитанскій штатъ, приподнявшись благочестно и благоговѣйно, отвѣтствовали, почти въ одно слово, что весь Кіевъ долженъ себѣ за образецъ взять его святѣйшество. Мой принцъ-архіерей видя, что все уже съиграно, заключилъ монологомъ: «ваше преосвященство,—сказалъ онъ,—заслужили уже то у отечества, чтобъ ни въ какомъ случаѣ себя не женировать». Далѣ, сколько я въ митрополита ни вслушивался, ничего отъ него основательнѣе не слыхалъ, какъ «разсужденія о пользѣ и преимуществѣ вялой рыбы, и его самого» *).

*) Добрынинъ говоритъ о митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ Гавріилѣ Кременецкомъ. Пожалованъ онъ митрополитомъ кіевскимъ изъ санктпетербурскихъ архіепископовъ—22 сентября 1770 г., скончался 1783 г., августа 8 дня. Ред.

По возвращеніи нашемъ въ Сѣвскъ, Садорскій взялъ верхъ. Отворенъ ему сталъ входъ къ архіерею во всякое время.

Я неоднократно въ моей жизни былъ свидѣтелемъ той истины, что ежели человѣкъ старается всегда повредить другому, то надобно оставить его на произволъ судьбы съ симъ несчастнымъ ремесломъ. Онъ произвольно добѣжитъ съ нимъ до участи достойной себя. Сіе случилось и съ Садорскимъ. Онъ, не покидая ремесла, началъ вывѣдывать пѣвчихъ, кои обучалися у него латинскаго языка и дежурили у архіерея, въ чемъ проводитъ архіерей время чрезъ всѣ 24 часа. Можетъ быть намѣреніе его было и невинно, ежели онъ хотѣлъ собственно для себя занять благой примѣръ. Но я зная, что архіерей великій непріятель такимъ невиннымъ намѣреніямъ, не почелъ за нужное обращать плутовство въ невинность, а объявилъ ему доносъ и доносителя.

Какъ вѣрный бытописецъ, слѣдственно и любитель правды, не долженъ я сердиться, если кто обвинитъ меня за то, что я согрѣшилъ противъ священнаго закона, который зла за зло воздавать не велитъ. Впрочемъ, кто знаетъ? можетъ быть, я тогда смотрѣлъ на текстъ, который не запрещаетъ платить тою же мѣрою, какую мы отъ другихъ получили, хотя бы то было «око за око и зубъ за зубъ».

Итакъ, почти въ одну минуту дѣла мои приняли хорошій видъ. Архіерей почелъ меня за вѣрнаго человѣка, который въ точности наблюдаетъ свою присягу, а Садорскаго за такого, какимъ я—его, а архіерей—меня не задолго предъ симъ признавали.

Садорскій приглашенъ былъ, по частому обыкновенію, къ столу. За столомъ архіерей, по обыкновенію, но сверхъ обыкновеннаго, началъ обнаруживать свой гнѣвъ самымъ жаркимъ, яркимъ, язвительнымъ гласомъ, проницающимъ отъ поверхности земной до предѣловъ превыспреннихъ, отъ поверхности земной діаметрально до Америки, просверливая землю и все встрѣчающееся въ ней, не изъясняясь никому, что ему надобно, чего онъ тамъ ищетъ, и кто прогнѣвалъ его смиреніе. Въ такихъ попыхахъ, схватываетъ со стола графинъ съ водою, ударяетъ со всѣхъ силъ объ полъ: графинъ въ мелкія части разбивается, брызги воды въ туманъ обращаются. Громъ по залѣ и покоямъ раздается.

Садорскій вздрогнулъ на своемъ стулѣ.

— «А ты чего дрожишь, спросилъ его изо всей мочи архіерей: — видно ты чувствуешь свое плутовство? Ты бродяга! Каналья! вонъ изъ-за стола! вонъ изъ зала! вонъ изъ дому! въ метлы его»!

Такимъ образомъ, его преосвященство самъ разсмотрѣлъ дѣло, самъ написалъ опредѣленіе и самъ исполнилъ, въ одинъ часъ; присутственнымъ мѣстамъ было бы работы на три мѣсяца, не полагая въ сіе число справокъ и аппеляціонныхъ сроковъ. Єадорскій выгнанъ изъ дому навсегда. Изгнаніе его въ чувствительнѣйшемъ моемъ сердцѣ не произвело жалости, напротивъ скажу, что оно произвело, къ стыду человѣчества, склонное во мнѣ удовольствіе.

Вскорѣ послѣ сего донесено преосвященному, что собственноручное его росписаніе *) унесено изъ ставленической конторы невѣдомо кѣмъ. Вскорѣ открылось, что это смастерилъ сѣвской воздвиженской церкви дьячокъ Захарка, что и дѣйствительно было. Онъ, сорвавши его со стѣны, препроводилъ при своей бумагѣ въ сvнодъ. Преосвященный приказалъ его взять, посадить въ цѣпь и отдалъ въ солдаты. Къ поступленію съ нимъ такимъ образомъ не трудно было сыскать причину. Онъ былъ гуляка, почти до пьянства, буянъ, лѣтъ ему не было еще 30-ти. Взглянувъ на него, тотчасъ прочитаешь на лбу его: «смерть — копѣйка, голова — наживное дѣло». Какъ бы то ни было, архіерей отдалъ въ солдаты своего доносчика, не дождавшись ничего отъ сvнода, и тѣмъ съ самаго начала далъ худой видъ своей справедливости и своей невинности.

Въ постъ Филипповъ **) дьячка велѣно сенатомъ и сvнодомъ возвратить изъ воинской службы, а преосвященному велѣно, чтобъ онъ далъ въ сvнодъ объясненіе противъ донесенныхъ на него пунктовъ, изъ коихъ первый былъ — собственноручное предписаніе, второй, собственныя взятки. Прочіе же пункты,

*) Росписаніе, о которомъ я упомянулъ въ § XI-мъ. Г. Д.

**) Постъ Филипповъ не потому называется, что Филиппъ—постился, но потому, что начинается сряду послѣ праздника св. апостола Филиппа 15-го ноября (Праздникъ въ честь св. апостола Филиппа 14-го ноября) и въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ я родился и жилъ, больше знаютъ постъ Филипповъ, нежели ноябрь и декабрь; больше употребляютъ названіе дней, нежели названіе мѣсяцевъ и чиселъ, какъ будто они живутъ только 7 дней. Г. Д.

относящіеся къ должностямъ природы, или, какъ говорятъ, слабостямъ человѣческимъ, больше имѣли правдоподобія, нежели доказательства. Однакожъ на все надлежало отвѣтствовать, когда уже дошло до вопросовъ.

До сего времени, казался мнѣ преосвященный твердаго и непобѣдимаго духа; но по полученіи сvнодскаго указа, храбрость его уснула. Онъ сдѣлался вдругъ изъ лютаго тигра (котораго я не видывалъ) кроткимъ ягненкомъ, перестал клясть Овчинникова, пересталъ проклинать Орловскихъ старовѣровъ, пересталъ бранить членовъ святѣйшаго сvнода, прекратилъ драки и брань въ церкви и дома. Уныніе и печаль на лицѣ его изобразились. Онъ прибѣгнулъ къ совѣтамъ многихъ законоискусниковъ *), которые, повидимому, худо его обнадеживали, ибо, когда я къ нему, по выходѣ ихъ, входилъ, то находилъ его въ пущемъ смущеніи и задумчивости. Онъ иногда говаривалъ и къ нѣкоторымъ въ Петербургъ писывалъ, что «не клевета доносчика его тревожитъ, которая сама по себѣ разсыплется, но то одно съ ногъ его валитъ, что сѣвскій архіерей подъ судомъ». По моему же мнѣнію, весьма несносно для человѣка гордаго, когда его допрашиваютъ.

§ XX.

1772-й годъ.

1772-го года февраля 8-го, брата своего и инспектора Трипольскаго отправилъ онъ въ Петербургъ, перваго въ пансіонъ къ профессору Морбаху, а второго къ преосвященному петербургскому съ рекомендаціею, яко человѣка учившагося въ Кіевѣ латинскаго языка и принявшаго смиренное намѣреніе вступить въ монашество, дабы послѣ достигнуть архіерейской шапки. Ему препоручены были отвѣтные въ сvнодъ пункты и просительныя ко многимъ по сей матеріи письма.

Трипольскій отписалъ изъ Петербурга, какъ оные, кѣмъ приняты и что въ комъ произвели. Объяснилъ, между прочимъ, сколь худо онъ принятъ сvнодальнымъ оберъ-прокуроромъ Чебыше-

*) А законоискусники-то въ провинціи кто? Два въ провинціальной канцеляріи секретаря, третій протоколистъ, а четвертый отставной губернскій секретарь, славный во всей Бѣлогородской и Орловской губерніи ябедникъ тогдашнихъ временъ, Иванъ Коробовъ. Г. Д.

вымъ, который выговаривалъ ему суровымъ образомъ, что въ Петербургѣ подарки не въ обыкновеніи въ такомъ случаѣ, въ какомъ ему сѣвскій архіерей подноситъ. «А когда я, пишетъ Трипольскій, усиливался съ просьбою о принятіи ихъ, то онъ закричалъ: «слуги, возьмите это все и выбросьте вонъ съ этимъ докучнымъ человѣкомъ».

«Тогда я,—продолжаетъ коммиссіонеръ:—видя, что хотятъ со мною поступить не въ силу просьбы, подхватилъ ящикъ съ конфектами и проч. и съ пособіемъ слугъ трафилъ на извощика безпрепятственно. Изъ сего ваше преосвященство видите, заключилъ Трипольскій, что мнѣ съ грибами къ нему вызваться было нельзя».

Ежели грибы сіи были ~~архіерейскіе~~, то тѣмъ-то Трипольскій и худо сдѣлалъ, что не вызвался съ ними прежде.

Какъ бы то ни было, такое увѣдомленіе не порадовало преосвященнаго; но мнѣ оно было не безполезно, потому что чѣмъ болѣе имѣлъ онъ съ какой стороны непріятныхъ вѣстей, тѣмъ болѣе изъ свирѣпаго становился тихимъ и скромнымъ. И онъ довольно могъ бы поправить свое дѣло, еслибы на семъ остановился, ибо сvнодъ на отвѣтные его пункты долго молчалъ— какъ будто желая примѣтить, не перемѣнится ли онъ въ образѣ жизни. А между тѣмъ сvнодальные члены весьма искренно, благосклонно и прямо братски къ нему писывали, обнадеживая, «что собственноручное его предписаніе не относится къ корыстолюбію, или къ противорѣчію законамъ, но къ истребленію большихъ закрытыхъ взятокъ» и проч.; однакожъ отвѣтчикъ не умѣлъ воспользоваться добрыми къ нему сvнодальныхъ членовъ расположеніями.

Скромность свою чувствовалъ онъ тягостію несносною для него; терпѣніе—ненавидѣлъ, какъ природнаго своего врага. Онъ, покрѣпившись съ небольшимъ полгода, свергнулъ съ себя обѣ сіи ноши, которыя для другихъ въ своихъ поученіяхъ называлъ «добродѣтелями, пробивающими дорогу къ вѣчному блаженству».

Онъ началъ гласить съ помощью рюмокъ, стакановъ, чашекъ, что сvнодъ, не въ силахъ будучи найти резолюцію на премудрые его отвѣтные пункты, не знаетъ, чѣмъ рѣшить дѣло. Сvнодъ, по его мнѣнію, былъ бѣдный судія, которому отъ сѣвскаго архіерея пришло въ тупикъ! Тако ему вѣщающу, часто

возглашалъ: «Кого Богъ хочетъ наказать, у того прежде отниметъ умъ, и нечестивый, пришедъ въ бездну золъ, нерадити начинаетъ»,—не остерегаяся и не подозрѣвая, къ кому служитъ сей священный текстъ.

Одобряемъ будучи во всемъ такими знатоками приказныхъ дѣлъ, которые за блаженство почитали, что архіерей раздѣляетъ съ ними крикливую бесѣду, рюмку и стаканъ—пустился во все больше обыкновеннаго и, чѣмъ многолюднѣе случалось у него собраніе, тѣмъ больше распространялся онъ съ ругательствомъ на сѵнодальныхъ членовъ, именуя каждаго выдуманными имъ прозвищами. Оберъ-прокуроръ Чебышевъ не былъ забытъ въ сихъ поэмахъ. Словомъ, онъ возстановилъ и умножилъ прежній безпорядокъ жизни.

Уже сѵнодальные члены, слыша, безъ сомнѣнія, о его поведеніи, перестали къ нему писать и отвѣчать, а онъ, не переставая пить, бранить и бить встрѣчнаго и поперечнаго, бросаясь на нихъ самъ, сдѣлалъ изъ себя человѣка неистоваго больше, нежели былъ прежде.

Сколь такой родъ поведенія былъ ему безполезенъ, откроется послѣ, а теперь отправляюсь я съ его преосвященствомъ и совсѣмъ штатомъ или клиромъ въ Трубчевскъ, Брянскъ и Карачевъ для обозрѣнія, по долгу званія апостольскаго, «како пребываютъ братіи» и чтобы утвердить ихъ въ правилахъ вѣры, посѣять зерна добродѣтели, гдѣ должно утвердить насажденная, гдѣ можно, служащимъ олтарю съ олтаремъ подѣлиться.

Августа въ первыхъ числахъ (1772 г.) мы выѣхали и прибыли проѣздомъ въ Площанскую богородицкую пустынь.

Благодатная пустынь! Нельзя о тебѣ замолчать! Ты уединяешься въ лѣсу сосновомъ и березовомъ, имѣешь каменную церковь, довольное число келій, хотя деревянныхъ, но покойныхъ и теплыхъ. Написанные на вратахъ твоихъ лики являютъ собою обитателей твоихъ, посвятившихъ себя уединенію, съ намѣреніемъ трудиться для спокойствія душевнаго и для избѣжанія суетъ мірскихъ. Ты имѣешь чистѣйшую воду рѣчную и ключевую. Тебя отъ солнечнаго зноя осѣняютъ деревья; тебя же они охраняютъ отъ свирѣпыхъ вѣтровъ. Ты вмѣщаешь въ себѣ до 60-ти человѣкъ, монашествующихъ и бѣльцовъ, именующихся братіями. Твой начальникъ, титулуемый строитель, тѣмъ только

отличаетъ свое начальство отъ рядовыхъ братій, что онъ первый на молитвѣ въ церкви,—гдѣ вечеръ, заутро и полудне благословляютъ Господа,—и первый на работѣ, гдѣ копаютъ, сѣютъ, садятъ и собираютъ плоды. Твоя чада вяжутъ мрежи, работаютъ рѣзцами и другими орудіями. Они подносятъ посѣтителямъ прекрасно сработанныя и окрашенныя трудовъ своихъ ложки, блюдцы, тарелки; сплетенныя искусно разныхъ мѣръ и величинъ корзинки и проч., не требуя за то вознагражденія и не подавая ни малѣйшаго къ тому вида желанія, благодарны отъ всего сердца тѣмъ, что имъ дадутъ. Твой уставъ ведетъ каждаго, посѣщающаго тебя, въ общую трапезу, предлагаетъ ему свой хлѣбъ и все то, что сварено для братьевъ. А для отличнаго гостя начальникъ и братія не опасаются соблазна изготовить птицу, а если угодно, такъ и барана; хотя сами строжайше удалены отъ брашенъ сего рода, даже до того, что самые юные бѣльцы не соглашаются, ни подъ какимъ видомъ, нарушать сей добродѣтели воздержанія. Часы на колокольнѣ опредѣляютъ время, положенное для молитвы и работъ. Притекающіе въ твой храмъ, истинные поклонники, не находятъ въ твоей оградѣ ничего оскорбляющаго чистоту ихъ сердечныхъ расположеній.

Да будетъ слава и честь господину Апраксину, хранящему тебя въ нѣдрахъ своего владѣнія:

Здѣсь услышалъ я исторію, частію отъ самого настоятеля и частію отъ братій и даже отъ послушниковъ, которая, повидимому, всѣхъ ихъ занимала и которую собравши въ одно, выйдетъ слѣдующая!

Въ началѣ временъ сего монастыря или пустыни, былъ въ ней настоятель инокъ Іоасафъ. Онъ, по нѣсколько-лѣтнемъ сею обителью управленіи, сдалъ ее другому брату, а самъ удалился въ непроходимую пустыню *); тамъ живя многія лѣты, препровождалъ время въ молитвѣ, въ постѣ, въ рукодѣліи келейномъ, рубилъ дрова, носилъ воду, копалъ, садилъ, сѣялъ. Его при томъ добрый нравъ привлекалъ къ нему много посѣтителей. Многіе, приходя, просили у него постриженія въ монашество, а онъ имъ и не отказывалъ. Сими постриженцами наполнялъ онъ свои любимые монастыри, или пустыни: Площанскую, Бѣлобереж-

*) Казалось бы, что это брянскій и карачевскій лѣсъ, называемый Кривой. Г. Д.

скую, Полбинскую, Барщевскую, изъ которыхъ, по всеобщемъ въ Россіи уничтоженіи лишнихъ монастырей, осталась только одна Площанская, на собственномъ содержаніи.

Сѵнодъ провѣдалъ о ревностномъ его собираніи словеснаго стада, и неоднократно посылалъ повелѣнія его взять; но святого мужа грѣшнымъ людямъ уловить было трудно. Его многочисленные ученики, подобно разставленной стражѣ, узнавали обо всемъ заблаговременно и наставнику давали время спокойно переходить изъ одного скита въ другой *). Да и самыя тогдашнія правительства, почитая святость его, попускали ему охранять себя; а онъ, между тѣмъ, постригая въ монашество желающихъ, гласилъ: «грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ». Первенствующій сѵнода членъ, митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, видя, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ, возгласилъ нѣкогда: «кто можетъ сказать, что у насъ нѣтъ патріарха? Есть патріархъ, который не боится ни епархіальнаго архіерея, ни сѵнода». А отецъ Іоасафъ, продолжая постоянно принятый имъ образъ жизни, скончалъ благополучно въ пустыни дни свои въ старости маститѣ и погребенъ въ Площанской пустынѣ.

Достойно замѣчанія, что сей престрогой — по словамъ его учениковъ—для себя пустынножитель, былъ снисходителенъ для своихъ учениковъ. Онъ имъ говаривалъ: «пейте и ядите, дѣти мои. Бѣсъ никогда ни пьетъ, ни ѣстъ, да народу пакость творитъ! пейте и ядите во славу Божію; вашъ вѣкъ того требуетъ; но не упивайтеся и не объѣдайтеся, да не возрадуется врагъ нашъ о васъ!»

Мои вѣтреныя тогдашнія лѣта не были любопытны узнать и видѣть его могилу; вмѣсто того я охочь былъ взлѣзть на колокольню, и видѣлъ нечаянно большой колоколъ съ надписью имяни сего почтеннаго старца.

Пробывши два дни въ Площанскомъ сіонѣ *), выѣхали на третій—въ Трубчевскъ. Въ Трубчевскѣ осматривалъ преосвящен-

---

*) Скитъ—пустынное обиталище, родъ монастыря, только безъ церкви. Г. Д.

*) Человѣкъ обогащенный знаніемъ можетъ сказать: «Сіонъ есть гора въ Іерусалимѣ, на которой стоялъ домъ Давидовъ, а Площанская пустыня значитъ: плоскость. Почему же писатель жизни своей называетъ ее сіономъ?» Ну, виноватъ, какъ Каинъ, а перемѣнять не стану. Г. Д.

ный благочинія въ церквахъ. Мы пробыли въ немъ дней семь безъ скуки.

Чолнскаго монастыря, подвѣдомственнаго Кіевопечерской лаврѣ, отстоящаго отъ города верстъ на 7, игуменъ Антоній Балабуха, прибывъ къ архипастырю на поклонъ, способенъ былъ умножить удовольствіе на пирахъ трубчевскихъ. А потомъ, запросилъ онъ преосвященнаго со всѣмъ штатомъ и прочими гостьми въ свой монастырь*). И тамъ-то дали дёру всему тому, отъ чего смертный въ жизни бываетъ мертвецки пьянъ! Изъ всѣхъ гостей, гостинныхъ слугъ и архіерейскаго штата, коихъ было всего народа человѣкъ болѣе 40, едвали четвертая часть осталась праведниками. Само по себѣ разумѣется, что моя душа не была въ числѣ первыхъ трехъ частей, ибо авторъ долженъ другихъ только глушить пороками, хотя бы и не было ему противно, на случай надобности, англійское пиво.

На второй день къ вечеру возницы наши разсудили запрягать лошадей, что и побудило къ выѣзду гостей и хозяина, которые не заботились знать, какимъ мановеніемъ вывезены они изъ дома молитвы для доставленія ихъ обратно въ Трубчевскъ.

На пути архіерей, по обыкновенію, остановился со всѣмъ караваномъ, сталъ въ кругѣ всѣхъ и велѣлъ подавать англійское пиво. Потомъ отвернувшись отъ всѣхъ, кромѣ меня, прочь и пользуясь тишиною и пріятностью ночи, началъ инкогнито обходить всѣ повозки и засматривать въ нихъ.

Продолжая должность страннаго дозора, нашелъ на 60-ти лѣтняго старика, иподіакона Гавріила Антонова, который, обремененъ будучи лѣтами и напитками, лежалъ брюхомъ на повозкѣ, а нижняя половина тѣла висѣла съ повозки, и касаясь слегка земли, опиралась объ нее такъ, что нельзя было отгадать виситъ ли онъ, стоитъ ли онъ или лежитъ? Архіерей, подскоча, ну гвоздить его ногою въ задъ, какъ будто отгадывая загадку.

Старикъ, почувствовавъ привѣтствіе, собралъ силы, встрепенулся, схватилъ архіерея въ охапку. Архіерей покушался вырваться, но старикъ ему доказалъ, что онъ безъ силы въ рукахъ. Они оба подняли шумъ, на который сбѣжались всѣ до единаго,

---

*) Чолнскій Спасскій Трубчевскій 3-го класса мужской монастырь находится въ Орловской губ., въ восьми верстахъ отъ города Трубчевска. Выстроенъ монастырь въ XVI ст. однимъ изъ кн. Трубецкихъ. Ред.

и старикъ между тѣмъ разсмотрѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло съ своимъ владыкою. Вслѣдствіе чего игуменъ Балабуха, трубчевскій протопопъ, трубчевскій воевода и прочіе духовные и свѣтскіе сановники, принявъ на себя должность судей, кричали всѣ разомъ и порознь и какъ кому пришлось. Иной говорилъ: «біяй вѣрна или невѣрна, да извержется»; иной восклицалъ: «его же любитъ, наказуетъ». Свѣтскіе гласили статьи изъ третьей главы военнаго артикула, а архіерей вопилъ: «Князю людей твоихъ да не речеши зла»!

Наконецъ, не отступая отъ большинства голосовъ, соблюдаемаго на всемъ земномъ шарѣ, — можетъ быть потому, что большинство голосовъ имѣетъ на своей сторонѣ и большинство рукъ—отдали въ полную и беззащитную волю овцу сильному пастырю; вслѣдствіе чего овца-иподіаконъ повалился ему въ ноги. Приказано ему лезть на большое сухое дерево, стоявшее тутъ же при дорогѣ. И когда старость его съ ослабѣвшими отъ вина силами и съ помощью другихъ вскарабкалась по сучьямъ на высоту, то архіерей велѣлъ ему кричать по-кукушечьи. Странно, забавно было и жалко слышать, или лучше сказать: каждому слышалось по-своему, какъ плачущій старикъ, истончивая басистый свой голосъ, віолончелилъ сквозь слезы: «куку-куку». Ему подладило громогласнымъ смѣхомъ все духовное и свѣтское сумасбродство, отчего чрезъ все время нашего простоя разливалося по лѣсу непрерывное эхо.

Обрядъ выѣзда нашего изъ Трубчевска въ Брянскъ производился по сему же церемоніалу.

§ XXI.

Брянскъ.

Въ Брянскѣ на первый случай остановились въ Свѣнскомъ Новопечерскомъ монастырѣ *), подвѣдомственномъ Кіевопечерской лаврѣ, отъ города въ верстахъ 2-хъ, по приглашенію того монастыря начальникомъ, игуменомъ Палладіемъ.

---

*) Свѣнскимъ называется по рѣкѣ именуемой Свѣнь. Но простой народъ по-нынѣ называетъ его «Свинскимъ монастыремъ». Монастырь преогромный, богато и выгодно отстроенный—весь каменный, кромѣ настоятельскихъ келій. Бывшій печерскій архимандритъ, Лука Бѣлоусовичъ, имѣлъ охоту и воз-

Начавши съ хозяина, скажу, что игуменъ сей былъ человѣкъ соединяющій въ себѣ духовнаго со свѣтскимъ. Хорошъ собою, брюнетъ, благообразный, съ лакированными глазами и чистымъ голосомъ, великій мастеръ шутить и умѣлъ этотъ даръ употреблять кстати. Его критическій разумъ никого не обижалъ, напротивъ съ каждаго скучнаго лба сбивалъ морщины и заставлялъ смѣяться. Не диковинка, что его всѣ тамошніе дворяне любили, а можетъ быть — и дворянки. Ярманка тогдашняя, продолжающаяся тамъ каждогодно въ сентябрѣ, около 4-хъ недѣль, на которую обыкновенно съѣзжается множество дворянства, умножила торжества архіерейскія.

Потомъ, переѣхали въ Брянскій Петропавловскій монастырь, подвѣдомственный нашему іерарху, въ которой собралось на проѣздъ все духовенство, штатскіе, тамошніе чины и нѣсколько дворянства. Въ продолженіи дней 15-ти архіерей въ монастыряхъ и въ нѣкоторыхъ церквахъ священнодѣйствовалъ, когда ему заблагоразсудилось. Всякой почти день прошенъ онъ бывалъ къ знатнѣйшему купечеству на обѣды, куда и слѣдовалъ всегда въ сопровожденіи немалочисленной свиты.

Въ усугубленіи роскоши, истинный сынъ церкви, старый помѣщикъ Ѳаддей Петровичъ Тютчевъ запросилъ пастыря въ свой дворянскій домъ, отстоящій отъ Брянска верстъ на 15, со всѣмъ множествомъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ.

Обозъ или караванъ нашъ состоялъ изъ многочисленныхъ разноманерныхъ колесницъ, принадлежащихъ людямъ разнаго состоянія,—архіерею со штатомъ, игуменамъ, протопопу, дворянамъ, чиновникамъ воинскимъ и штатскимъ.

Мы пріѣхали къ г. Тютчеву подъ вечеръ. У воротъ его дома церковь каменная, снаружи хороша, и внутри, какъ мы видѣли послѣ, украшена не скупою рукою. Двуэтажный домъ, хотя деревянный, однакожъ выгоденъ и огроменъ. Меблированъ богато и со вкусомъ, и при свѣчахъ показался онъ мнѣ еще ве-

---

можность, при тогдашнемъ владѣніи деревнями, выстроить его превосходно, хотя безъ наблюденія орденовъ архитектуры и назвалъ Новопечерскимъ; а церковь выстроена на коштъ государыни императрицы Елисаветы Петровны при жизни еще ея величества. Сія чадолюбивая мать—которыя царствованіе у многихъ называется златымъ вѣкомъ — любила свой законъ и свою церковь, чтила духовенство и уничтожила смертную казнь.

Г. Д.

ликолѣпнѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Расположеніе покоевъ, ихъ многочисленность, обои, картины, комоды, шкафы, столики, бюро,—краснаго дерева; все сіе въ надлежащемъ порядкѣ и чистотѣ, а затѣмъ уже слѣдуетъ по порядку: вмѣсто подсвѣчниковъ—шандалы, вмѣсто занавѣсокъ—гардины, вмѣсто зеркалъ и паникадилъ—люстра; вмѣсто утвари—мебель, вмѣсто приборовъ—куверты, вмѣсто всего хорошаго и превосходнаго— «тре біенъ» и «сюпербъ». Вездѣ вмѣсто размѣра—симметрія, вмѣсто серебра—аплике, а слугъ зовутъ «ляке».

Камердинеръ, который былъ въ шелку и въ натяжкѣ, показалъ мнѣ покой, назначенный для архіерея со всѣми принадлежностями.

Архіерей, вопреки своей неутомимости, сказалъ, напившись чаю, что ему надобенъ покой. Раздѣвшись съ помощью моею и возлегши на одръ, сказалъ онъ мнѣ: «посмотри-ка мимоходомъ, что̀ нашъ хозяинъ и гости? гдѣ и какъ»?

Я, перешедъ покоя съ три отъ архіерейской спальни, увидѣлъ изъ дверей послѣдней горницы въ залѣ гостей, коихъ было персонъ болѣе 50-ти обоего пола, сидящихъ за великолѣпнымъ ужиномъ, а въ первомъ мѣстѣ хозяина въ халатѣ и колпакѣ. Его старость, богатство и дружба гостей давали ему на сію вольность привилегію, несмотря на то, что онъ имѣлъ чинъ выпущеннаго изъ гвардіи армейскаго поручика.

Возвратясь, донесъ я о сіяніи на столѣ хрусталя, серебра, о числѣ гостей и о всемъ великолѣпіи и чистотѣ, сколько можно было вскользь примѣтить. На досугахъ прибавилъ я, что я видѣлъ нашего хозяина, какъ Юпитера на Олимпѣ въ сонмѣ боговъ и богинь.

«Да каково-жъ эти боги, спросилъ архіерей, нападаютъ на нектаръ и амвросію»?

— «Безъ пощады, отвѣчалъ я; стукъ ложекъ, ножей и вилокъ похожъ на пальбу бѣглымъ огнемъ».

По такомъ, подобномъ сему празднословіи, архіерей сказалъ мнѣ напослѣдокъ: «ну, принимай же свѣчи, поди—оканчивай свое любопытство, какъ тамъ боги ѣдятъ».

Я заспѣлъ подъ конецъ ужина. Лишь только я сталъ обокъ кресла господина хозяина, какъ онъ оглянулся, схватилъ съ себя колпакъ и вдругъ опять вскинулъ его на голову, соско-

чилъ съ креселъ, схватилъ меня обѣручь за плечи, говоря между тѣмъ: «сядь, мой другъ, сядь на моемъ мѣстѣ, пожалуй покушай; я вижу, что тебя его преосвященство жалуетъ, пожалуй сядь, а я на тебя посмотрю, какъ на преосвященнаго». Отъ сихъ послѣднихъ искреннихъ словъ, ближайшіе гости довольно неосторожно засмѣялись, а я тѣмъ временемъ успѣлъ изъясниться, что я доволенъ буду, когда мнѣ позволено будетъ на эту пору быть на ряду съ вашими оффиціантами. «Ну, воля твоя», кончилъ добрый господинъ. При окончаніи стола, онъ выбирая блюда въ кушаньяхъ отдавалъ ихъ слугамъ и приказывалъ, посматривая на меня: «это его милости».

По окончаніи ужина готовъ уже былъ для меня особый столъ. Кушанья и напитковъ поставлено было столько, что можно было удовольствовать двухъ Максиминовъ или четвертую часть Кротонскаго Милона. Слуги предстояли мнѣ тѣмъ порядкомъ, какъ и барину своему. Чѣмъ болѣ я старался держать себя въ надлежащей позиціи, тѣмъ болѣ чувствовалъ тягость чести.

На завтрѣ увѣдомилъ я преосвященнаго обо всемъ. Онъ выслушалъ, очень былъ доволенъ хозяиномъ и мною. Лишь только я вышелъ, чтобы одѣться по формѣ, встрѣтился со мною въ залѣ самъ хозяинъ, въ коротенькой епанечкѣ гишпанскаго покроя малино-цвѣтнаго бархата, на соболяхъ. Онъ спросилъ меня: «можно ли войти къ его преосвященству»? Я отвѣчалъ: «кто смѣетъ въ вашемъ домѣ затворить двери вашему высокородію?» Онъ меня обнялъ и поцѣловалъ, говоря между тѣмъ: «о, мой другъ! ты умный слуга». Приписавъ мнѣ сію честь, явился онъ къ архіерею въ спальню, а я пошелъ одѣваться.

Еще я не причесался, какъ камердинеръ г. Тютчева, пришедъ ко мнѣ, разсказалъ разговоръ своего барина съ моимъ архіереемъ. «По сдѣланіи утренняго привѣтствія баринъ мой— говоритъ камердинеръ:—заговорилъ объ васъ и непрестанно хвалилъ васъ, отдавая притомъ справедливость преосвященному, что онъ васъ выбралъ. А преосвященный отвѣтствовалъ, что онъ не жалѣетъ, что сдѣлалъ къ вамъ привычку и что вы, кромѣ другихъ должностей, отправляете у него должность и кабинетнаго секретаря». Я, поблагодаря камердинера за искренній переносъ доброй вѣсти, ничего столько въ продолженіе цѣлаго дня

не слыхалъ, какъ только многочисленные въ разныхъ углахъ дома похвальные о себѣ разговоры.

Уже въ тогдашнія мои лѣта, могъ я дивиться и самъ себя вопрошать: «не съ ума-ль сошли эти люди? за что они меня хвалятъ»? Но съ теченіемъ жизни пришло время, что я не имѣлъ нужды въ подобныхъ случаяхъ вопрошать себя, поелику присмотрѣлся и видѣлъ, что люди єуть такое созданіе, которое въ одну и ту же пору хвалитъ, порочитъ, клевещетъ съ равномѣрнымъ жаромъ, успѣхомъ, основаніемъ, легкомысліемъ; а нерѣдко бываетъ, что и на важныхъ степеняхъ люди бываютъ хвалимы по ихъ степенямъ и счастію, но не по ихъ заслугамъ и достоинствамъ.

Это еще не конецъ. Угодно было року, чтобы похвалилъ меня и капельмейстеръ г. Тютчева, который былъ породою изъ смоленской шляхты *), росту выше средняго, лѣтъ 30-ти, лицо имѣлъ кругленькое, подобное маятнику стѣнныхъ часовъ. Клубоподобную его небольшую головку прикрывалъ осыпанный пуклями паричокъ; взглянувъ на него, нельзя было не замѣтить, что онъ самъ собою былъ доволенъ. Такой манерный капельмейстеръ, дабы участвовать въ тотъ день во всеобщей матеріи, подступилъ ко мнѣ по-рыцарски, и отведши къ окну, началъ со мною дружескую рѣчь.

«Братецъ,—говорилъ онъ:—ты мнѣ полюбился. Я о тебѣ слышалъ много хорошаго; да скажи пожалуй, для чего ты вчера за столъ-то не сѣлъ? вѣдь Ѳаддей-то Петровичъ, знаешь-ли какой человѣкъ? онъ хуже тебя садитъ съ собою».

Я отвѣчалъ ему, что, «въ этомъ не сомнѣваюсь, потому, что я самъ это вчера примѣтилъ изъ послѣдней тарелки». По счастію моему или обоихъ насъ, я говорилъ съ такимъ человѣкомъ, который на все былъ согласенъ, или изъ вышеприсанной явленной ко мнѣ любви, или позабылъ, что онъ вчера занималъ за столомъ послѣднюю тарелку.

Въ семъ домѣ слышалъ я, какъ вся фамилія Тютчевыхъ— собравшись изъ разныхъ домовъ въ гости—мущины, женщины, юноши, дѣвицы и малыя дѣти, проклинали память фельдмаршала

*) Въ царствованіе уже Екатерины Великія дворяне Смоленской губерніи упривилегированы называться и писаться «дворянами», а до сихъ поръ ихъ называли и писали: «смоленскою шляхтою». Г. Д.

графа Миниха, за то, что онъ, подъ образомъ службы, за собственную будто-бы личную обиду, велѣлъ разстрѣлять полковника Тютчева, — помнится, роднего брата нашему гостепріимному—въ царствованіе Анны императрицы.

§ XXII.

Другой Тютчевъ и третій Тютчевъ.

На третій день выѣхали со всею здѣсь бывшею компаніею на обѣдъ къ дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Никифоровичу Тютчеву же. Тутъ пріемъ, хотя не столько былъ пышенъ, однако соотвѣтствующъ генеральскому дому; а имѣлъ еще лучше, что во всемъ была благоразумная умѣренность. Отобѣдавъ, поскакали, почти всѣмъ соборомъ—кромѣ нѣсколькихъ мало по малу разъѣзжавшихся—къ маіору Николаю Андреевичу Тютчеву же, имѣющему домъ и владѣніе свое въ смежности.

Праведное небо! тебѣ единому извѣстно, сколько здѣсь пролито, или лучше сказать, влито англійскаго пива, бишеву, пуншу! Сіе страшное сраженіе началось при самомъ пріѣздѣ вечеромъ, и при самой пріятнѣйшей погодѣ въ саду, хотя уже былъ и сентябрь. Самъ хозяинъ прежде всѣхъ доказалъ, что онъ радъ гостямъ. Его повели точно такъ, какъ понесли изъ саду въ спальню, лишеннаго зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Но съ симъ геройскимъ изнеможеніемъ онъ напалъ не на слабыхъ.

Іерархъ, будучи хотя въ томъ же подвигѣ, но еще въ крѣпости силъ, возгремѣлъ на хозяйскихъ слугъ, предстоящихъ ему со всѣми принадлежностьми гостепріимства, что «баринъ ихъ сдѣлалъ смертный грѣхъ, уступя преждевременно съ своего мѣста, въ противность всѣхъ регламентовъ, за что и подлежитъ онъ духовному суду».

Игуменъ Палладій и протопопъ брянскій стараясь потушить бѣду, крикнули слугамъ, чтобы они подавали поскорѣе все, что есть въ погребу, какъ можно больше. Весь хоръ гостей апплодировали проектъ. До двухъ тысячъ зажженныхъ плошекъ, и расположенныхъ по саду, по рѣшеткѣ окружающей садъ, и частію на дворѣ имѣли зрительми только слугъ.

Уже въ 10-мъ часу по утру, хозяинъ воскресъ, а преосвященный предъ тѣмъ только-что уснулъ; било три часа по полудни, а преосвященный въ самую пору покоится. Тщетно хозяинъ и многіе изъ гостей навѣдывались и вопрошали о его пробужденіи. Забавно было слышать, какъ всякій изъ нихъ, отходя отъ дверей архіерейской спальни, бурчалъ сморщившись: «пора обѣдать, четвертый часъ».

Наконецъ, въ началѣ 5-го часа, пробудило преосвященнаго среди самаго покоя нечаянное приключеніе, безъ котораго бы ему не проснуться до полуночи. Онъ кликнулъ меня раза съ три сряду весьма скоропостижно, и очень негромко. Нетрудно было понять, что надобно быть чему-нибудь необыкновенному. Лишь только я показался въ дверь, какъ поразилъ меня непріятный . . . . Со всевозможною скоростію, сказалъ онъ мнѣ сидя въ постели: «не впускай никого». О проклятое англійское пиво,—подумалъ я въ сердцахъ,—надѣлало ты намъ хлопотъ полонъ носъ! По счастію, преосвященный . . . . Но что я говорю: но счастью! Какое тутъ счастье, если они всѣ были . . . .? вслѣдствіе чего, я разставилъ карaульныхъ съ такою поспѣшностью, какой требовала важность приключенія, съ запрещеніемъ впущенія въ нашу комнату какого бы то чина и званія кто ни былъ. А между тѣмъ съ перемѣною . . . . *), кончили все съ желаемымъ успѣхомъ.

Архіерей, показавшись хозяину и гостямъ, преподалъ всѣмъ миръ и благословеніе. Хозяинъ спросилъ по обыкновенію: покойно-ль ночевалъ его преосвященство? Архіерей отвѣчалъ правду, что спалъ спокойно; но само по себѣ вышло лучше, что объ окончаніи сна не случилось вопроса, а то бы архіерею надлежало рѣшиться солгать противъ своего сана, въ коемъ находясь должно всегда говорить правду.

Сію тайну скрывала по днесь непроницаемая завѣса временъ. Изъ сего можно заключить, что есть на свѣтѣ великое множество такихъ неизвѣстностей, которыя оставили потомство въ

---

*) Здѣсь опущено пятнадцать словъ, которыя мы не нашли удобнымъ печатать. Ред.

вѣчномъ о себѣ невѣдѣніи, и которыя могли бы быть украшеніемъ историческаго пера.

Отобѣдавши при свѣчахъ, простился преосвященный съ хозяиномъ, и уѣхалъ, по предназначенію, въ домъ помѣщицы Марьи Родіоновны Безобразовой, состоящій въ селѣ Морачевѣ, по пути въ Брянскъ. Тамъ, въ ожиданіи гостя, сдѣлано было свѣчное освѣщеніе ко всѣмъ многочисленнымъ въ покояхъ окнамъ.

Гость принятъ былъ со всѣми обрядами, приличными его сану, угощенъ ужиномъ. Отужинавши, разсудилъ за благо совершить въ туже ночь кругъ своего путешествія возвращеніемъ въ Брянскъ. Но на выѣздѣ изъ села, выскочилъ изъ кареты и пошелъ къ стоящей тамъ церкви. Я послѣдовалъ за нимъ; а онъ сѣлъ на обширный угробный камень и началъ возглашать, повторяя: «кто здѣсь погребенъ?»

На голосъ прибѣжали: игуменъ Палладій, протопопъ брянскій, десятоначальникъ, а потомъ мало-по-малу собрался весь штатъ.

Протопопъ отвѣчалъ, что здѣсь погребенъ помѣщикъ этого села г. Безобразовъ. «А, это тотъ, — крикнулъ архіерей, — который попа убилъ?»

«Такъ носилась молва»—отвѣчалъ протопопъ, «однакожъ по дѣлу не дойдено».

— «Пой ему анаѳема!» воскликнулъ архіерей.

Весь хоръ пѣвчихъ загремѣлъ «анаѳема», такъ точно, какъ поютъ въ недѣлю православія, когда проклинаютъ Мазепу, Гришку Отрепьева и всѣхъ грѣшниковъ, потомъ всѣмъ усопшимъ христіанамъ вѣчную память, а живущимъ—многая лѣта. Но какъ все сіе сопровождаемо было всѣмъ тѣмъ, что случилось въ бутылкахъ и въ погребцахъ, то часто, въ несоблюденіи командующаго архіерейскаго гласа, пѣли вмѣсто вѣчной памяти—многая лѣта, а въ мѣсто анаѳемы—вѣчную память.

Такимъ нашимъ порядкомъ простоявши часа съ полтора, пустились мы, при тихой темнотѣ, прямо въ Брянскъ, и прибыли туда вмѣстѣ съ днемъ.

Напослѣдокъ, наступило время оставить Брянскъ и посѣтить Карачевъ. Усердное, при напиткахъ, провожанье брянскими духовнаго и свѣтскаго чина жительми, причиною было, что намъ

нѣсколько дней сряду запрягали и отпрягали лошадей. Наконецъ мы выѣхали въ ночную пору; ибо всякой день для насъ былъ малъ, однако-жъ при колокольномъ въ ближайшихъ церквахъ звонѣ, которой въ такую пору не меньше походилъ на церемонію, какъ и на тревогу.

Одинъ изъ усердныхъ провожателей, г. маіоръ Петръ Аѳанасьевичъ Бахтинъ, сѣлъ въ берлинъ съ архіереемъ и игуменомъ Палладіемъ, а мнѣ пришлось сѣсть на его верховую лошадь въ качествѣ предводителя его людей,—коихъ было человѣкъ съ восемь, обмундированныхъ по-карабинерски, потому что баринъ ихъ служилъ въ карабинерномъ полку, и воспѣвающихъ за мною самыя солдатскія пѣсни:

«Сударушка
Варварушка,
Не гнѣвайся на меня
Что я не былъ у тебя, и проч.»

По переѣздѣ нѣсколькихъ верстъ г. Бахтинъ, высунувшись изъ берлина, кликнулъ меня, повторяя громогласно: «твоя—лошадь! твое—сѣдло! твои—пистолеты!». Принимать подарки было для меня дѣло не новое, почему и не пропустилъ я, подъ громомъ его пѣсенниковъ, салютовать его шляпою.

Потомъ преосвященный далъ ему отпускное свое благословеніе; а онъ, сѣвши на запасную лошадь, отъѣхалъ съ миромъ и съ потеряніемъ, какъ я думалъ, лошади съ приборомъ. Но мы съ архіереемъ обманулись. Бахтинъ, въ наступившую зиму будучи у архіерея въ гостяхъ на именинахъ, истребовалъ и отобралъ все деньгами, говоря, что онъ продалъ, а не подарилъ. Отецъ Палладій хотя могъ бы быть свидѣтелемъ подарка или продажи, но его на именинахъ не случилось, къ тому же и по закону для доказательства истины одного свидѣтеля не довольно. Итакъ, г. Бахтинъ получилъ плату за подарокъ. Но ежели подарокъ былъ выпрошенный, то онъ дурнѣе дурной продажи и дурного подарка.

Исторія не должна умолчать, что отецъ Палладій слѣдуетъ за нами повсюду, и присутствіе его съ нами во всѣхъ дворянскихъ домахъ дѣлаетъ всегда всѣмъ удовольствіе. Онъ, не помышляя быть забавнымъ, никогда безъ новой матеріи въ собраніе не является. Напримѣръ, либо описываетъ печерскихъ со-

борныхъ старцевъ, либо подражаетъ русскимъ бурлакамъ, нѣжинскимъ грекамъ, сельскимъ попамъ, извощикамъ, престарѣлымъ боярамъ, и словомъ: всякой родъ состоянія могъ онъ представлять въ такомъ забавномъ и непринужденномъ видѣ, какъ нельзя лучше.

На границахъ Брянскаго съ Карачевскимъ уѣзда, встрѣтилъ насъ карачевскій протопопъ — нощи сущей — со свѣтильники и съ небольшимъ числомъ священно-и-церковно-служителей, не помню въ какомъ-то селеніи, въ которомъ онъ столько времени дожидался своего архіерея, сколько дней и ночей звонили при провожаніи насъ изъ Брянска.

§ XXIII.

Карачевъ.

Подъ Карачевъ подъѣхали вечеромъ, и остановились при церкви бывшаго Тихонова монастыря, котораго каменное и деревянное строеніе, еще и по уничтоженіи его, въ цѣлости пребывало и часть онаго занята была, повидимому, какою-то казенною складкою. Тутъ прошенъ былъ преосвященный съ дороги на чай отъ нѣсколькихъ дворянъ, ~~штатскихъ дворянъ~~, штатскихъ чиновниковъ и отъ бывшаго карачевскаго воеводы, Елисея Алексѣевича **Хитрова**, отставленнаго — не припомню — за грѣхи, или за дѣла богоугодныя. Помню только, какъ всѣ тогда говорили, что онъ отставленъ не за добродѣтель, — если это говорили люди добродѣтельные.

Сей Елисей, будучи тогда въ компаніи, вызвался къ отцу Палладію—держащему въ рукѣ покалъ съ виномъ: «Что, отецъ Палладій! если бы къ этакому винцу, да прежнія монастырскія деревеньки!» — Да! отвѣчалъ отецъ Палладій, подлаживая тѣмъ же тономъ: «если бы къ этакому винцу, да прежняя карачевская воеводская канцелярія!» Весь Карачевъ апплодировалъ громко и Палладію на камилавку наложилъ лавровый вѣнокъ за то, что онъ не зная Хитрова близко, трафилъ въ него какъ въ мишень.

На ночь отъѣхали въ Николаевскій одринскій монастырь, отстоящій отъ города верстъ на восемь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ Ѳ. М. ТОЛСТАГО.

По поводу „Записокъ М. И. Глинки".

I.

Записки М. И. Глинки конечно не предполагались для печати, потому что, писанныя въ 1854-мъ году (какъ значится въ I-мъ томѣ «Рус. Стар.» стр. 392), слѣдовательно après coup, какъ выражаются французы, многое въ нихъ не провѣрено, многое пропущено и нерѣдко случаются такія интимныя показанія, которыя покойный М. И. наврядъ ли имѣлъ намѣреніе выводить на свѣтъ божій.

Въ предисловіи къ запискамъ отъ редакціи «Русской Старины» сказано, между прочимъ: «Издавая теперь вполнѣ записки М. И. Глинки, мы надѣемся оказать услугу не только людямъ спеціально занимающимся музыкой, для которыхъ значеніе этихъ записокъ неоцѣнимо, но и вообще содѣйствовать уясненію того любопытнаго періода нашей исторіи, который характеризуется такимъ необычайнымъ развитіемъ у насъ художественнаго творчества».

«Спеціально занимающіеся музыкою», какъ выражается почтенная редакція,—въ правѣ были бы ожидать отъ записокъ М. И. болѣе существенной пользы, такъ какъ онѣ писаны величайшимъ изъ нашихъ композиторовъ не въ юности, не шагъ за шагомъ а въ полной зрѣлости, опытности и при совершенномъ развитіи громаднаго таланта. Въ этомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи пользы «Записки» могли бы быть существеннѣе, если бы въ нихъ было поболѣе музыкально-художественныхъ воззрѣній; но

какъ матеріалъ къ будущей біографіи М. И. и какъ живыя страницы изъ нашей недавно-прошлой общественной жизни, записки эти дѣйствительно неоцѣнимы.

Какъ бывшій пріятель, и одно время весьма близкій человѣкъ къ покойному, я читалъ записки эти съ сердечнымъ волненіемъ; прошлое живо предстало въ памяти и собственныя мои воспоминанія, нахлынувъ волною, невольно излились на бумагу. Странно покажется, можетъ быть, что живой человѣкъ говоритъ о себѣ какъ о мертвомъ; подобная исповѣдь, замѣтятъ вѣроятно многіе, пригодна только для замогильныхъ записокъ. Замѣчаніе это не лишено нѣкотораго основанія,—но, во-первыхъ, не я первый, не я послѣдній прибѣгаю къ подобнымъ объясненіямъ, а во-вторыхъ, я отживаю свой вѣкъ, стою на краю могилы и совершенно покончилъ уже, надѣюсь, съ треволненіями жизни.

....Личность моя выведена тутъ на показъ потому только, что она служитъ, такъ сказать, исходною точкою приводимыхъ мною воспоминаній, служащихъ для пополненія картины общественныхъ нравовъ и художественной жизни той эпохи, о которой упоминается въ запискахъ покойнаго Михаила Ивановича.

II.

Въ первой части «Записокъ» (т. I стр. 392-я «Русской Старины», 1870 года), говоря о юношескихъ своихъ впечатлѣніяхъ, М. И. выражаетъ, между прочимъ, слѣдующую мысль: «Будучи уже нѣсколько знакомъ съ увертюрами Керубини и Мегюля, я, однакоже, сознаюсь въ своемъ тогдашнемъ невѣжествѣ, слушалъ съ большимъ удовольствіемъ и увертюры Россини».—Это происходило вовсе не отъ невѣжества, а оттого, что у Глинки сильно звучала мелодическая струнка, что̀ и оказывается какъ въ романсахъ его, такъ и въ операхъ. Не знаю, что будетъ впослѣдствіи, но пока популярностію у насъ пользуются только тѣ произведенія, которыя отличаются мелодичностью. — Изъ множества романсовъ М. И. наиболѣе популярные безспорно: «Не называй ее небесной», «Только узналъ я тебя», «Сто красавицъ свѣтлоокихъ», и нѣкоторые другіе, отличающіеся мелодичностью.—Верстовскій, Алябьевъ,

Варламовъ, мелкія сошки, конечно, въ сравненіи съ М. И., но принадлежавшіе къ его же эпохѣ, были также въ свое время весьма популярны по мелодичности ихъ произведеній. Я знаю по собственному опыту, что изъ двухсотъ романсовъ, напечатанныхъ мною въ періодъ времени отъ 1828 до 1838 года, только тѣ попали въ шарманки и распѣвались въ свое время по всей Россіи, которые отличались мелодичностью, какъ-то: «Кисейный рукавъ», «Не дивитеся друзья», «Не вчера ли въ хороводѣ» и нѣкоторые другіе.—Это доказываетъ, что въ то время всѣ мы были менѣе или болѣе склонны къ мелодичности и что нынѣшнее стремленіе къ чистой декламаціи тогда еще не проявлялось.—Вотъ почему я полагаю, что М. И. напрасно обвиняетъ себя въ тогдашнемъ, какъ онъ выражается, невѣжествѣ; увлекаясь музыкою Россини, онъ только повиновался внутреннему, присущему ему влеченію къ мелодичности.—Фраза о невѣжествѣ выставлена имъ «a. posteriori», когда итальянская музыка надоѣла ему и онъ искалъ новый путь и новыхъ формъ для выраженія своихъ мыслей; но тогда М. И. нетолько-что не питалъ никакой ненависти къ итальянцамъ, но напротивъ увлекался итальянскою музыкою, итальянскимъ пѣніемъ и даже итальянцами, и въ особенности итальянками. Тогда я видался съ М. И. почти ежедневно и уговорилъ его учиться итальянскому языку у Марокоти, о чемъ онъ и упоминаетъ на 487 стр. I-го т. «Русской Старины»; но не знаю почему М. И. умалчиваетъ, что въ то время мы учились итальянскому языку предпочтительно у дочери Zamboni, очаровательно исполнявшею въ «Сорокѣ-воровкѣ» контральтовую партію (роль Pipo).

Не знаю также отчего М. И. говоритъ, что хотя мы (Толстые) и принадлежали къ высшему обществу, но были милые, веселые люди и не брезгали жаренымъ картофелемъ съ лукомъ. Положительно могу завѣрить, что у насъ, Толстыхъ, и помыслу никакого не было о какихъ-либо подраздѣленіяхъ на нисшее и высшее общество, и что для меня лично общество М. И. и его семейство представлялось высшимъ идеаломъ образованности и любезности.

М. И. упоминаетъ съ удовольствіемъ о серенадахъ, которыми мы угощали жителей Черной рѣчки (стр. 489), но онъ забываетъ о другихъ любезностяхъ нашего веселаго обще-

ства. — Эти любезности, которыя можно назвать просто шалостями или даже проказами, доказываютъ, что мы не имѣли нималѣйшаго притязанія на чопорное званіе членовъ высшаго общества.

Для характеристики тогдашней эпохи, я полагаю не излишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ проказахъ.

Въ Строгоновомъ саду находился тогда какой-то древній саркофагъ — мраморная полуразвалившаяся гробница. Не помню кому-то изъ насъ пришло въ голову забраться однажды ночью въ эту гробницу, и показаться оттуда, облаченнымъ въ простыню, запоздавшимъ въ паркѣ влюбленнымъ парочкамъ. Вѣсть о появленіи ночного привидѣнія въ паркѣ разнеслась съ быстротою молніи по всей Черной рѣчкѣ. Это намъ очень понравилось. Вскорѣ привидѣнія стали появляться не только въ Строгоновомъ паркѣ, но во всѣхъ концахъ Черной рѣчки. Жители всполошились и перетрусились не на шутку. Веселая наша компанія тѣмъ болѣе пришла въ восторгъ, и не довольствуясь пѣшеходнымъ по явленіемъ привидѣній, посадила ихъ на коней. Шалуны скакали по ночамъ, одѣтые въ бѣлые саваны, и для вящей тревоги жителей стрѣляли изъ пистолетовъ. Безчинство это обратило наконецъ на себя вниманіе мѣстной полицейской власти, и тутъ произошелъ пассажъ, ярко характеризующій распорядительность тогдашней полиціи. Объ освѣщеніи улицы деревни Черной рѣчки фонарями тогда и помину не было; вслѣдствіе чего, съ потушеніемъ комнатныхъ лампъ и свѣчей, деревня повергалась въ тьму кромѣшную. Однажды, возвращаясь поздно вечеромъ, въ числѣ пяти или шести человѣкъ, мы шли чинно и смирно вдоль по улицѣ, какъ вдругъ шедшій впереди повалился со всѣхъ ногъ а за нимъ другой и третій. На упавшихъ тотчасъ налетѣли какіе-то люди и на улицѣ появился фонарь. Оказалось, что для поимки привидѣній, безпокоющихъ обывателей, полиція придумала слѣдующее остроумное средство: поперегъ улицы протянута была веревка на аршинъ отъ земли, и такъ какъ зги божіей не видать было, то весьма естественно, что наткнувшіеся на неожиданное препятствіе попадали какъ мухи. Къ счастью, что бывшая съ нами дама, ни въ чемъ конечно неповинная по части привидѣній и притомъ на сносѣ беременная, къ счастью, говорю я, что она не наткнулась на препятствіе, а то быть бы

бѣдѣ! Полицейскіе служители и любопытствующіе столпились около нашей группы, и насъ хотѣли-было препроводить въ полицейское управленіе; но когда одинъ изъ насъ шепнулъ на ухо становаго или квартальнаго (не помню, какъ тогда называлась полицейская власть на Черной рѣчкѣ) имя и званіе сопровождавшей насъ дамы, то произошла сцена точь-въ-точь напоминающая финалъ «Севильскаго цырульника» *). Полицейскій растерялся, приложилъ руку къ шляпѣ, и дрожащимъ голосомъ закричалъ на будочниковъ, держащихъ насъ за руки: «Дураки, олухи, не смѣть трогать»! Мы однакожъ этимъ не удовольствовались, и потребовали, чтобъ несчастный полицейскій отправился съ нами на дачу той дамы, одно имя которой спасло насъ отъ ареста, для составленія формальнаго акта о происшедшемъ. Какъ мы ни важничали, но проказы, въ которыхъ нѣкоторые изъ уловленныхъ посредствомъ веревки дѣйствительно участвовали, вышли бы вѣроятно наружу и конечно не прошли бы имъ даромъ, еслибы несчастный полицейскій не поступилъ опрометчиво. Въ рапортѣ своемъ онъ помѣстилъ, что въ числѣ пострадавшихъ отъ паденія находился сынъ австрійскаго посла графа Фикельмона. Графъ Фикельмонъ жилъ тогда дѣйствительно на Черной рѣчкѣ, но у него была только малолѣтняя дочь, а сына не было. Бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ П. В. Кутузовъ воспользовался этою ошибкою, чтобы замять дѣло. А не худо было бы проучить веселую компанію, потому что отъ нашего веселья солоно приходилось нашимъ чернорѣцкимъ обывателямъ.

Мы представляли нѣчто въ родѣ общества «enfants terribles», измышлявшаго разнаго рода демонстраціи, которыя, если и забавляли нѣкоторыхъ, то для другихъ могли быть очень непріятны. У насъ были даже отличительные признаки для членовъ общества, — а именно: голубыя вязаныя шапочки съ серебряною кисточкою и такимъ же позументомъ. Не помню, принадлежалъ ли М. И. къ «голубымъ», какъ насъ называли, сомнѣваюсь, потому что онъ бывалъ на Черной рѣчкѣ только наѣздомъ, и вѣроятно не участвовалъ въ такъ-называемыхъ «пожарныхъ продѣлкахъ»; эта послѣдняя забава состояла въ слѣдующемъ:

---

*) Е. Н. Хитрово, рожденная княжна Вяземская, племянница гр. Кочубея, тогдашняго предсѣдателя государственнаго совѣта. Ѳ. Т.

У насъ завелась пожарная труба, и конечно скорѣй для поливки немощеной улицы, чѣмъ изъ предосторожности въ случаѣ пожара. Кому-то однажды пришло въ голову заложить тройку въ эту трубу и въ сумерки проскакать вдоль всей Черной рѣчки. Можете себѣ представить, какой переполохъ произвело появленіе этой скачущей во весь опоръ тройки съ пожарною трубою, въ улицѣ, унизанной деревянными, удобосгораемыми домиками. Между тѣмъ «голубые», проскакавъ на другой конецъ деревни, преспокойно принимались поливать цвѣты на балконѣ и въ палисадникѣ тогдашней французской актрисы, красавицы Эммы.

Какъ все это сходило намъ съ рукъ—теперь и объяснить трудно!

М. И., упоминая о серенадахъ, которыя мы распѣвали на Черной рѣчкѣ, забылъ сказать, что въ тоже время мы писали съ нимъ въ запуски фуги подъ руководствомъ Миллера, на котораго намъ указалъ покойный графъ М. Ю. Віельгорскій.

Миллеръ былъ дѣйствительно, какъ выражался графъ, воплощенный контрапунктъ. «На яву и въ сладкомъ снѣ» онъ только и бредилъ канонами, фугами и двойнымъ контрапунктомъ. Хотя М. И. вскорѣ опротивѣли наши упражненія, но весьма можетъ быть, что великолѣпные контрапункты, которыми изобилуютъ его оперы, имѣютъ источникомъ тогдашнія его занятія съ старикомъ Миллеромъ.

На стр. 490 (т. I «Русской Старины») М. И. говоритъ, что мы ѣздили за 200 верстъ, въ Новгородскую губернію, въ село Марьино, къ графинѣ Строгоновой *). Но въ то время тамъ владычествовала безраздѣльно княгиня Голицына (извѣстная всему Петербургу подъ названіемъ Princesse moustache), мать графини и князя Дмитрія Владиміровича, бывшаго московскаго генералъ-губернатора.

Дѣйствительно, князь Сергѣй Голицынъ (Фирсъ), Глинка и я, мы прожили тогда дней десять въ Марьинѣ и исполнили тамъ между прочимъ нѣсколько сценъ изъ «Севильскаго цырульника». Глинка былъ Фигаро, Фирсъ—Бартоло, а я—Альмавива.

Помню между прочимъ, что въ то время въ Марьинѣ были также нѣсколько придворныхъ пѣвчихъ (по какому случаю по-

*) Марьино принадлежало гр. Строгоновой. Ѳ. Т.

пали они за 200 верстъ отъ столицы, объяснится ниже) и что М. И. пришелъ въ ужаснѣйшій азартъ, сопряженный даже съ нервнымъ разстройствомъ по слѣдующему случаю:

Глинка написалъ какую-то баркаролу для тенороваго голоса въ сопровожденіи хора. Баркарола написана была въ la-bemol и не представляла ничего особенно затруднительнаго и даже ничего особенно эффектнаго. Мелодія, чисто въ итальянскомъ вкусѣ, шла гладко и плавно, и только. Я зналъ свою партію твердо и нисколько не опасался за вѣрность интонаціи заканчивающаго баркаролу верхняго la-bemol. Но каково было мое удивленіе, когда на репетиціи, при окончаніи пьесы, Глинка громко вскрикнулъ и изъ оркестра вскочилъ на сцену. Я сильно сконфузился, думая что переврал̀ъ, но оказалось, что волненіе М. И. произошло не по моей винѣ.—Одному изъ придворныхъ пѣвчихъ (Телегину) вздумалось взять вмѣсто нижняго la-bemol, контръ la-bemol, т.-е. октавою ниже.—Это произвело такой необычайный, потрясающій звукъ, что Глинка, не слыхавшій до того времени, какъ онъ утверждалъ, ничего подобнаго, пришелъ въ азартъ.

Онъ, какъ я сказалъ выше, вскочилъ на сцену, отыскалъ виновника потрясающаго звука, и съ волненіемъ упрашивалъ «нельзя ли еще ниже». Контрабасистъ удовлетворилъ М. И. и спустился еще на полутонъ,—но этотъ звукъ уже не имѣлъ той силы и звучности.

Не безынтересно мнѣ кажется (все-таки для характеристики эпохи) остановиться нѣсколько на замѣчательной личности княгини Голицыной, у которой мы гостили съ М. И. въ 1828-мъ году.

Грибоѣдовъ восклинулъ въ «Горе отъ ума»:

Что за тузы въ Москвѣ,
Живутъ и умираютъ!

Про покойницу «Princesse moustache» можно по справедливости сказать, что она была также тузъ, да и какой еще!

Въ Петербургѣ (она жила, если не ошибаюсь, въ Малой Морской) къ ней ѣздилъ на поклоненіе въ извѣстные дни весь городъ, а въ день ея имянинъ ее удостоивала посѣщеніемъ вся царская фамилія. Княгиня принимала всѣхъ, за исключеніемъ государя императора, сидя и не трогаясь съ мѣста. Возлѣ ея креселъ стоялъ кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ и на-

зывалъ гостей, такъ какъ въ послѣднее время княгиня плохо видѣла. Смотря по чину и знатности гостя, княгиня или наклоняла только голову или произносила нѣсколько менѣе или болѣе привѣтливыхъ словъ; и всѣ посѣтители оставались повидимому весьма довольны. Вотъ какимъ вліяніемъ и авторитетомъ пользовалась княгиня въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ.

По милости Фирса (кн. С. Голицына), и я попалъ однажды на подобную церемонію, и радъ-радехонекъ былъ, что княгиня не сказала мнѣ ни полслова,—что̀ подало мнѣ возможность поклониться молча, такъ показалась мнѣ она важна и внушительна.

Предупредительность и вниманіе высшихъ властей къ княгинѣ были поистинѣ изумительны; такъ, напримѣръ: единственно для нея, фабриковали въ воспитательномъ домѣ особаго рода карты, увеличеннаго формата. Тою же предупредительностію объясняется и появленіе придворныхъ пѣвчихъ за 200 верстъ отъ столицы и притомъ въ такой мѣстности, къ которой не вело ни шоссейныхъ дорогъ, ни желѣзныхъ конечно, о которыхъ впрочемъ и помину еще не было. Да не подумаютъ, что княгиня Голицына привлекала къ себѣ роскошью помѣщенія или великолѣпіемъ угощенія. Вовсе нѣтъ! Домъ ея въ Петербургѣ не отличался особенною роскошью; единственнымъ украшеніемъ парадной гостинной служили штофные занавѣсы, какъ теперь помню, жолтыя, да и тѣ довольно полинялыя. Ужина не полагалось, временныхъ буфетовъ, установленныхъ богатыми вазами и сервизами, также не полагалось, а отъ времени до времени разносили оршадъ, лимонадъ и незатѣйливыя конфекты. Вотъ и все! Въ Марьинѣ обстановка была еще скромнѣе. Такъ, напримѣръ: для Глинки, Фирса и меня была отведена одна комната, и для троихъ одинъ только умывальникъ. У насъ происхо̀дили преуморительныя сцены изъ-за этого умывальника. Фирсъ постоянно ворчалъ на Глинку, упрекая его за продолжительное полосканье: «Mimosa—басилъ онъ, потягиваясь съ кровати,—полно тебѣ полоскаться, вѣдь ты не утица». Особенно смѣшного въ этой фразѣ ничего не было, но мы хохотали до слезъ—и это повторялось ежедневно! О златая, безпечная молодость—не вернуть тебя никакими воспоминаніями!

Въ одиннадцать часовъ звонокъ призывалъ насъ къ общему

завтраку, и тутъ происходила патріархально-придворная церемонія. Собравшіеся обитатели Марьина ожидали появленія княгини, которая ровно въ половинѣ двѣнадцатаго выходила изъ внутреннихъ апартаментовъ, опираясь на руку одной изъ близкихъ родственницъ и мѣрно постукивая костылемъ. Всѣ присутствующіе почтительно ей кланялись и слѣдовали за нею въ столовую. Въ то время, когда мы гостили въ Марьинѣ, насъ садилось за столъ не менѣе тридцати человѣкъ. Княгиня, съ почетными гостями помѣщались на казовомъ (т.-е. верхнемъ) концѣ, а молодежь — на противуположномъ.

Когда, бывало, мы слишкомъ разшумимся, что происходило не отъ возбужденія винными парами, потому что вина за завтракомъ не полагалось и на столъ ставились только кружки съ квасомъ и домашнимъ пивомъ, то княгиня постучитъ бывало костылемъ, и тотчасъ же водворялось на время почтительное молчаніе.

Почему и какъ существовала подобная дисциплина, объяснить я не берусь, но что это было дѣйствительно такъ, а не иначе, за это ручаюсь*).

III.

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго пребыванія въ Марьинѣ, М. И. уѣхалъ въ Италію (въ 1830-мъ году), и я на нѣкоторое время потерялъ его изъ виду, такъ какъ, несмотря на дружескія наши отношенія, тогда мы еще не переписывались.

Въ 1832-мъ году мнѣ привелось также побывать въ Италіи. Узнавъ, что Глинка проживаетъ въ Миланѣ, я поспѣшилъ въ этотъ городъ. Свиданіе наше было самое радушное, дружеское, можно сказать, и Глинка обрадовался мнѣ какъ родному; я нашелъ однакожъ, что въ физическомъ отношеніи онъ очень перемѣнился. Лицо его какъ-то осунулось, глаза потеряли отчасти присущій имъ блескъ,—вообще замѣтно было, что онъ сильно хандрилъ. — Однакожъ живой обмѣнъ мыслей и юношескія воспоминанія расшевелили Михаила Ивановича и у него вскорѣ появились проблески прежней веселости.

*) Біографію кн. Н. П. Голицыной (la princesse Moustache), см. въ III т. «Русской Старины», стр. 275, въ спискахъ «статсъ-дамъ» № 79. Ред.

Въ первый день моего пріѣзда въ Миланъ, мы не разставались съ нимъ ни на минуту съ утра до поздней ночи. Наговорившись до сыта, я проголодался и около пяти часовъ напомнилъ М. И., что пора бы и пообѣдать.

— «Дѣйствительно пора, согласился онъ, но ты постой, первый нашъ обѣдъ въ Миланѣ долженъ совершиться съ нѣкоторою торжественностью. — Хозяйка моя, Signora Giuseppe Abbondio—мастерски стряпаетъ, но она уже въ честь мою нѣсколько обрусѣла; а мы отправимся на piazzo del Domo — въ Albergo del Pazzo—тамъ я угощу тебя какъ слѣдуетъ, по миланскому вкусу».

Мы отправились, и Глинка заказалъ, по его выраженію, кровно миланскую стряпню, а именно: неизбѣжную поленту (это еще довольно вкусно и сытно), потомъ какой-то фрикасе изъ лягушекъ, на который я и смотрѣть не могъ безъ отвращенія, фритуры изъ какой-то неприличной части барана и еще кой-что въ такомъ же родѣ.—Кромѣ поленты, я почти ничего не ѣлъ, а Глинка подсмѣивался и уписывалъ всего на славу, забывъ и хандру и свой plexus solare, на котораго утромъ еще онъ сильно жаловался.

— «Что братъ», приговаривалъ онъ, запивая лягушекъ бѣлымъ туземнымъ виномъ,—«это небось не по-россейски! Не извольте гузыниться—съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ!»

Я провелъ съ Глинкой десять дней.

Разговоры наши вращались, конечно, около одного и того же предмета, т.-е. около музыки, и хотя Глинка и говоритъ (стр. 592, т. I, «Русская Старина»), что «въ 1833-мъ году мысль о національной музыкѣ начинала уже въ немъ проявляться, но еще не въ оперной формѣ», но я полагаю, что онъ перепуталъ эпохи въ «Запискахъ». Я очень хорошо помню, что въ бытность мою въ Миланѣ, въ 1832-мъ году, онъ развивалъ уже мнѣ подробно планъ задуманной имъ большой пятиактной національной оперы. Послужилъ ли этотъ планъ впослѣдствіи основаніемъ оперы «Жизнь за Царя», не ручаюсь, но положительно помню, что задуманный сюжетъ былъ вполнѣ національный, съ сильно патріотическимъ оттѣнкомъ и довольно мрачный. Я также очень хорошо помню, что въ то время онъ уже игралъ мнѣ тему «Какъ

мать убили» и указывалъ съ любовію на контрапунктъ «Все про птенчика мой Ваня».

— «А каковъ двойной контрапунктикъ»? приговаривалъ онъ, выдѣлывая то лѣвою, то правою рукою, нынѣ столь извѣстную фразу. О словахъ въ то время и рѣчи не было, но мысль разукрасить простую, народную мелодію всѣми ухищреніями, какъ онъ выражался, музыкальной премудрости, вполнѣ уже созрѣла въ головѣ Глинки.

— «Тѐмы *)-то останутся тѣже», говаривалъ онъ своеобразнымъ ему языкомъ, «и покрой сарафана или кафтана останется тотъ же; но ужъ, что касается до прочихъ другихъ украшеній — такъ мое почтеніе! По этой части скупиться ужъ не станемъ!»

Слова эти я слышалъ въ концѣ 1832-го года, т.-е. тогда, когда громадные планы о національной оперной музыкѣ находились у М. И. только еще въ зародышѣ, такъ сказать; но онъ сдержалъ слово, и дѣйствительно не «поскупился», такъ какъ «Жизнь за Царя» и «Русланъ» представляютъ до сихъ поръ неисчерпаемыя сокровища всѣхъ возможныхъ контрапунктическихъ, ритмическихъ и гармоническихъ ухищреній ....

Вспоминаю, между прочимъ, слѣдующій довольно любопытный фактъ:

Однажды, засидѣвшись поздно вечеромъ на балконѣ Albergo del Pazzo, любуясь громаднымъ бѣломраморнымъ соборомъ, освѣщеннымъ яркою луною и вдыхая съ наслажденіемъ мягкій бархатный воздухъ (эпитеты эти принадлежатъ Глинкѣ) осенней миланской ночи, мы разговорились о возможности выраженія звуками различныхъ душевныхъ настроеній.

Надъ головами нашими на прозрачно-голубомъ небѣ плылъ яркій мѣсяцъ, а подъ ногами скользили, шуршали шелковыми платьями и лепетали черноокія миланки.—Безпредѣльный сводъ небесъ и бѣломраморный соборъ, съ цѣлымъ полчищемъ изящныхъ статуй, представляли конечно несравненно болѣе грандіозное зрѣлище, чѣмъ скользящія у ногъ нашихъ черноокія миланки, а между тѣмъ поэтическіе наши помыслы обратились къ симъ послѣднимъ.

*) Тѐма, т.-е. музыкальная мысль. Ѳ. Т.

— «Хорошо было бы», заговорилъ Михаилъ Ивановичъ, «написать нѣчто въ родѣ баркаролы на слѣдующую тему: мѣсяцъ пронизываетъ лучами небольшую комнату, ну хоть въ уровень съ нами (въ третьемъ этажѣ). Въ глубинѣ, на бѣлоснѣжной постели, покоится молодая, красивая итальянка. Шелковистые, густые черные ея волосы размѣтались и покрываютъ плечи и грудь — но не совсѣмъ! (и Глинка подмигнулъ). Красавицѣ не то, чтобы душно — а такъ себѣ, очинно пріятно — и нѣга и страсть просвѣчиваютъ у нея въ каждой жилкѣ.... А, какъ ты думаешь? Вѣдь все это какъ есть можно выразить въ музыкѣ».

Я расхохотался! «Ну конечно—отвѣчалъ я — и луну и черные волосы, все это цѣликомъ можно изобразить звуками!»

— «Не говори пустяковъ», внушительно возразилъ М. И., «черные волосы сами по себѣ; но вотъ душевное-то настроеніе, производимое подобнымъ зрѣлищемъ — вотъ это-то, говорю я, цѣликомъ можно выразить музыкою».

Разговоръ на этомъ и окончился. — Вскорѣ мы разстались, я поѣхалъ въ Неаполь, а Глинка остался въ Миланѣ.—Съ той поры мы стали переписываться и эта переписка продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Я не привожу здѣсь писемъ Глинки, потому, что кромѣ горячихъ дружескихъ изліяній, въ нихъ нѣтъ ничего особенно интереснаго въ художественномъ отношеніи; между прочимъ, въ одномъ изъ этихъ писемъ, мѣсяца два спустя послѣ моего отъѣзда изъ Милана, Глинка писалъ: «А помнишь ли нашъ разговоръ на балконѣ? Я стою на своемъ — и непремѣнно передамъ звуками, если не самую картинку, то впечатлѣніе, производимое подобною обстановкою». Это меня подзадорило и я, припоминая все сказанное въ то время, попробовалъ осуществить мысль поданную Глинкою. — Мнѣ подвернулись французскія слова: «Dans sa course brûlante, Ah! que la nuit est lente», которыя хотя и не совсѣмъ подходили подъ данную тему, но въ общемъ смыслѣ выражали приблизительно ту же мысль.

Вообразите же мое удивленіе, когда, возвратясь въ Россію два года спустя, я нашелъ уже напечатаннымъ извѣстный романсъ или вѣрнѣе баркаролу Глинки: «Венеціанская ночь». Это не только тотъ же размѣръ, но въ первой фразѣ таже тональность и таже мелодія, нота въ ноту, за исключеніемъ окон-

чанія фразы*) Странное, непонятное это совпаденіе я приписываю глубокому впечатлѣнію, которое произвели на меня слова Глинки—иначе объяснить это невозможно.—Возразятъ можетъ быть, что въ романсѣ «Тихо Брента протекала», нѣтъ ни «черныхъ волосъ», ни «луны».—Это правда; но характеръ этой баркаролы совершенно соотвѣтствуетъ тому настроенію духа, въ которомъ мы находились оба, и Глинка, и я, въ то время, когда бесѣдовали на балконѣ Albergo del Pazzo.

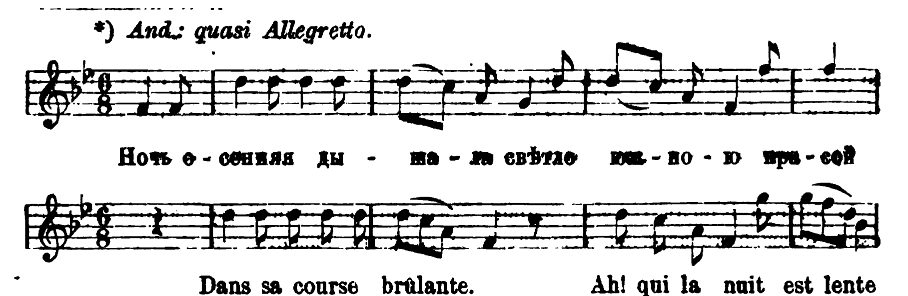
IV.

.....Возвратясь въ Петербургъ, въ концѣ 1834-го года, я засталъ М. И. погрузившагося уже, по его выраженію, по самую маковку въ музыкальное творчество.

Либретто «Жизнь за Царя» не было еще написано, но планъ оперы выработанъ былъ уже вполнѣ; бóльшая часть мелодій, съ контрапунктическою ихъ разработкою, и предполагаемою оркестровкою записаны въ особую тетрадку.

Въ этотъ періодъ времени мы рѣже видѣлись съ Мих. Ив., оставаясь однакожъ въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Причиною этого разъединенія, я полагаю, были слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, въ то время Глинка углубился въ творчество задуманной имъ оперы, во-вторыхъ, тогда начался уже романъ его съ Маріею Петровною (романъ окончившійся столь печально), и наконецъ съ своей стороны, я неожиданно попалъ въ то время въ самыя высшія придворныя сферы и вращался совершенно въ другомъ кругу. Я позволю себѣ нѣсколько распространиться на этотъ счетъ, такъ какъ въ воспоминаніяхъ моихъ объ этой эпохѣ жизни выразится сочувствіе блаженныя памяти государыни императрицы Александры Θедоровны къ развитію и преуспѣянію вокальной музыки.

---

*) *And.: quasi Allegretto.*

Двоюродныя мои сестры, графиня Фикельмонъ (жена тогдашняго австрійскаго посла) и графиня Е. Ф. Тизенгаузенъ (фрейлина ея величества *), распространили при дворѣ слухъ, что возвратясь изъ Италіи, куда я ѣздилъ, по словамъ ихъ, для усовершенствованія въ искусствѣ пѣнія, я сдѣлалъ будто бы большіе успѣхи и привезъ оттуда множество романсовъ собственнаго сочиненія. Въ сущности, въ Неаполѣ я предпочтительно занимался изученіемъ теоріи музыки подъ руководствомъ знаменитаго контрапунктиста Раймонди. Впрочемъ, я дѣйствительно написалъ тамъ нѣсколько романсовъ и распѣвалъ ихъ довольно удачно тѣмъ теноровымъ голосомъ, о которомъ М. И. съ похвалою отзывается въ первой части своихъ записокъ.

Хотя я зналъ отъ двоюродныхъ моихъ сестеръ о распространяемыхъ ими слухахъ, но весьма удивился, получивъ однажды приглашеніе отъ министра двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, явиться къ нему на вечеръ. Повѣсточный лакей объяснилъ мнѣ, что вечеръ этотъ удостоенъ будетъ посѣщеніемъ высочайшихъ особъ. Признаться сказать, что приглашеніе это встревожило меня не на шутку.

Пріѣхавъ въ назначенный часъ въ зимній дворецъ, на половину министра двора, я узналъ, къ величайшему моему смущенію, что въ тотъ же вечеръ будетъ пѣть знаменитая въ то время пѣвица Гейнефетеръ. «Heinefetter», именующая себя, неизвѣстно почему, уменьшительнымъ русскимъ именемъ «Катинька», была женщина солидная, одаренная огромнымъ, звучнымъ голосомъ. Въ этотъ вечеръ пѣла она болѣе часу и все громогласныя пьесы, какъ-то: арію «Агаты» изъ Фрейшюца, «Erlkönig» Шуберта и многія другія, и пѣла ихъ, должно сказать, отлично.

По окончаніи утвержденной для Гейнефетеръ программы, государыня императрица подозвала меня къ себѣ. Я чувствовалъ, что настала минута испытанія, т.-е., что отъ меня потребуютъ исполненія одного изъ романсовъ, не въ мѣру расхваленныхъ моими доброжелательницами, и признаюсь, что приближался къ государынѣ съ сердечнымъ замираніемъ. Но въ высшей степени

*) Дочери Елисаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой-Смоленской, бывшей въ первомъ замужствѣ за графомъ Тизенгаузеномъ.

Ѳ. Т.

благосклонное и даже привѣтливое обращеніе ея величества ободрило меня. Вслѣдствіе этого я довольно смѣло подошелъ къ фортепіано, но вновь сильно сконфузился по случаю слѣдующаго обстоятельства. Государь императоръ, не предупрежденный вѣроятно о желаніи ея величества, всталъ съ своего мѣста по окончаніи программы, начертанной для Гейнефетеръ, а за государемъ встали, конечно, и всѣ присутствовавшіе. Я не зналъ, на что рѣшиться: сѣсть за фортепіано, когда самъ государь и весь дворъ остаются стоя, я полагалъ неприличнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неловко, казалось мнѣ, ослушаться государыни императрицы. Ея величество разрѣшила мое недоумѣніе, приказавъ поставить свое кресло возлѣ самаго фортепіано и пригласивъ меня спѣть что-нибудь неотлагательно. Такимъ образомъ, первый спѣтый мною романсъ, всѣ присутствующіе, за исключеніемъ императрицы, прослушали стоя, и это имѣло, признаюсь откровенно, весьма неблагопріятное вліяніе на твердость моего голоса. Я пропѣлъ этотъ романсъ (какой-то простенькій, ничтожный романсъ) дрожащимъ голосомъ, невнятно выговаривая слова, и во время пѣнія отчетливо сознавалъ, что я произвожу на слушателей весьма неудовлетворительное впечатлѣніе. Ея величество замѣтила мое смущеніе и попросила государя императора на время удалиться въ другія комнаты. Когда зала опустѣла, и возлѣ фортепіано остались только государыня императрица, великія княжны Марія и Ольга Николаевны и виновницы моего при дворѣ присутствія, двоюродныя мои сестры, я ободрился и кажется удачно пропѣлъ, особенно зарекомендованный моими доброжелательницами романсъ: «La jalousie» *). Исполненіе этого романса рѣшительно изгладило невыгодное впечатлѣніе, произведенное первымъ романсомъ, и съ этого достопамятнаго для меня вечера я очень часто, въ теченіи многихъ годовъ, пѣвалъ по цѣлымъ вечерамъ у государыни императрицы. Случалось, что по приказанію ея величества, я садился за фортепіано въ девять часовъ и не покидалъ его вплоть до ужина, т.-е. до одиннадцати.

Поощренный благосклоннымъ сочувствіемъ къ вокальной музыкѣ государыни императрицы, я писалъ романсъ за романсомъ, и нерѣдко писалъ ихъ на слова, указываемыя ея величествомъ.

---

*) Романсъ этотъ не былъ напечатанъ. Ѳ. Т.

Мѣсто мое за фортепіано занималъ иногда графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, но репертуаръ его былъ весьма ограниченъ. Сколько я помню, онъ пѣвалъ только три романса, собственнаго его сочиненія «Pour la première fois», «Любила я», и «Воронъ къ ворону летитъ». Въ сущности, у графа голоса не было, и притомъ же онъ сильно картавилъ, упирая на букву эръ,—но пѣлъ онъ съ большимъ выраженіемъ, и былъ вообще, какъ это свидѣтельствуетъ Глинка, отличный музыкантъ. Однажды, это было года три послѣ перваго моего дебюта при дворѣ, графъ прислалъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія *):

«Любезный другъ! Государыня императрица изъявила желаніе имѣть на прилагаемыя слова подходящую музыку. Третій день я ломаю себѣ голову надъ этими виршами и ничего путнаго придумать не могу. Это происходитъ оттого вѣроятно, что я не питаю особеннаго вкуса къ сладкимъ стишкамъ, мнѣ нужно что-нибудь по-забористѣе. Неудастся ли тебѣ сладить съ этою поэзіею? Попробуй счастье, и если удается, то привози съ собой сегодня на вечеръ, ибо государыня желаетъ имѣть музыку на эти слова — въ скорѣйшемъ времени».

Я написалъ музыку на романсъ: «S'il avait su, quelle âme il a blessée»**) и въ тотъ же вечеръ представилъ его государынѣ. Хотя музыка, написанная мною на эти слова, была, признаться сказать, довольно ничтожная, но графъ Віельгорскій подхваливалъ ее, и государыня императрица приняла ее весьма благосклонно. Съ этого вечера, романсъ этотъ причисленъ былъ къ репертуару любимыхъ ея величества пьесъ.

Эта эпоха моей жизни оставила во мнѣ неизгладимыя и неисчерпаемыя воспоминанія, но я ограничиваюсь двумя эпизодами, свидѣтельствующими о благосклонномъ сочувствіи покойной государыни императрицы къ вокальной музыкѣ.

V.

Пока я вращался въ высшихъ придворныхъ сферахъ, распѣвая мелкіе, разнокалиберные (по музыкальному стилю и по направленію) романсы, Михаилъ Ивановичъ Глинка воздвигалъ себѣ мало по малу, въ тиши и уединеніи, прочный, незыблемый памятникъ, исписывая ежедневно по нѣсколько страницъ партитуры «Жизнь за Царя».

---

*) Записка была написана по-французски, но я полагаю излишнимъ передавать ее здѣсь въ оригиналѣ. Ѳ. Т.

**) Романсъ этотъ также не былъ напечатанъ. Ѳ. Т.

«Работа шла успѣшно», говоритъ онъ (стр. 63, т. I «Русской Старины»)—всякое утро сидѣлъ я за столомъ и писалъ по шести страницъ мелкой партитуры, той самой что у Энгельгардта».

Черновая партитура эта, по счастью сохранившаяся, верхъ совершенства и съ внѣшней матеріальной ея стороны.

«Написана она почти безъ помарокъ, съ необыкновенною отчетливостью и даже, можно сказать, изящно, потому что не только каждая четверть находится подъ соотвѣтствующею ей четвертью во всѣхъ партіяхъ, но каждая точка и даже двойная точка въ двувязныхъ нотахъ поставлены на своемъ мѣстѣ, и равняются, такъ сказать, по ранжиру. Для нашего брата — музыканта — просто заглядѣнье!»

Слова эти написаны были мною въ 1854-мъ году, при подробномъ разборѣ оперы «Жизнь за Царя».

Въ началѣ 1835-го года я нерѣдко заходилъ къ М. И. и, заставая его за работою, становился за его стуломъ и безмолвно слѣдилъ за перомъ. Въ то время Глинка неохотно вдавался въ разговоры и даже, когда не писалъ партитуры, мало принималъ участія и въ разговорахъ и во всемъ его окружавшемъ. Я чувствовалъ, сознавалъ, что подъ перомъ Глинки созидается что-то, долженствовавшее увѣковѣчиться, но яснаго отчета о стремленіяхъ композитора еще себѣ не отдавалъ. Тѣмъ не менѣе, то, что я видѣлъ, но еще не слыхалъ, поглядывая на партитуру изъ-за плечъ М. И., навело меня на раздумье.

Я понялъ, какъ ничтожна безхарактерная космополитическая музыка, неимѣющая твердой, родной почвы подъ собою. Я понялъ, что для выраженія во всей полнотѣ глубокаго чувства недостаточно пріятной, ласкающей слухъ мелодіи; что декламація, интересъ и разнообразіе гармоніи и ритма составляютъ, такъ сказать, плоть и кровь серьезнаго музыкальнаго произведенія. Подъ вліяніемъ этихъ вновь зародившихся во мнѣ мыслей, я написалъ цѣлый рядъ не то романсовъ, не то пѣсней (не знаю въ точности, какое названіе придать тогдашнимъ моимъ измышленіямъ), въ которыхъ я пытался выражать звуками каждое слово, каждое душевное волненіе, не стѣсняясь ни гармоніею, ни правильностью ритма, ни даже сохраненіемъ однообразія такта *).

Въ числѣ чисто декламаціонныхъ пьесъ, я написалъ между

---

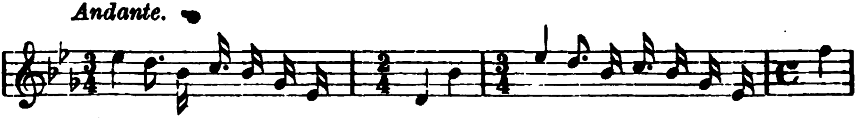
*) Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ «Нѣтъ, ты не женщина земная» первый тактъ 3/4 — второй 2/4, третій опять 3/4, а четвертый 4/4. Это я написалъ

прочими, въ то время, романсъ на слова Хомякова: «Когда гляжу, какъ чисто и зѐркально твое чело», подавшій поводъ впослѣдствіи къ довольно неловкому отпирательству со стороны знаменитаго живописца Карла Павловича Брюлова. Вотъ какъ это случилось.

Хотя постоянное мое мѣстожительство было въ Петербургѣ, но я (съ 1833-го года) часто бывалъ въ Москвѣ. Тамъ было у меня множество знакомыхъ, пріятелей—и даже доброжелателей,—тамъ же я написалъ бо́льшую часть своихъ романсовъ и попалъ на пóдатливыхъ и усердныхъ издателей. Со времени появленія въ печати романса «Кисейный рукавъ» (романса въ мелодическомъ отношеніи чисто итальянскаго склада) нотный магазинъ Грессера и Миллера, на Кузнецкомъ мосту, печаталъ мои произведенія цѣлыми дюжинами. Весною 1835-го года я находился въ Москвѣ, куда прибылъ также К. П. Брюловъ, прославившійся въ то время знаменитою своею картиною «Послѣдній день Помпеи». Московское общество встрѣтило Брюлова, разумѣется, съ распростертыми объятіями и большимъ почетомъ. Для него устроивались обѣды, вечернія собранія. Карла Павловича носили, какъ говорится, на рукахъ и каждый старался показать ему Москву и московское общество съ наипривлекательнѣйшей точки зрѣнія.

Въ то время въ Москвѣ славилась своею красотою Александра Васильевна К... и въ гостинной ея собирался кружокъ отборной московской интеллигенціи. У нея часто бывали Хомяковъ, Чаадаевъ, Орловъ (Михаилъ Ѳедоровичъ), Павловъ (Николай Филипповичъ) и многіе другіе. Брюлова не преминули конечно повезти къ Александрѣ Васильевнѣ, у которой я съ нимъ и познакомился.

Въ первый же вечеръ нашего съ нимъ знакомства, его угостили моимъ пѣніемъ, такъ какъ пѣніе мое составляло тогда неизбѣжную модную принадлежность. Въ то время я только-что

съ цѣлью не растягивать и не повторять безъ нужды словъ, то-есть, для правильной декламаціи.

написалъ «Когда гляжу» на слова Хомякова, посвященныя имъ, если не ошибаюсь, чуть ли ни Александрѣ Васильевнѣ.

Романсъ этотъ (и слова и музыка) былъ написанъ въ одну ночь, послѣ продолжительной дружеской бесѣды и оживленныхъ споровъ на счетъ музыки вообще и музыкальной декламаціи въ особенности. Подъ вліяніемъ этихъ споровъ и разсужденій, романсъ вышелъ дѣйствительно довольно своеобразный и показался моимъ доброжелателямъ чѣмъ-то новымъ, небывалымъ въ области нашего тогдашняго, современнаго искусства. Орловъ и Хомяковъ въ особенности восторгались имъ и заставляли меня, при каждомъ удобномъ случаѣ, распѣвать и повторять его по нѣсколько разъ въ теченіи вечера. Такъ было и въ тотъ вечеръ, когда я встрѣтился съ Брюловымъ у Александры Васильевны; повтореніямъ и преувеличеннымъ похваламъ не было конца, и я опасался, что и пѣніе мое, и я, и благопріятели мои, надоѣдимъ до крайности знаменитому художнику. Опасенія мои однакожъ были, какъ оказалось, напрасны.

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій (авторъ «Двойника»), у котораго Брюловъ остановился, пріѣхавъ въ Москву, сообщилъ мнѣ, нѣсколько дней спустя, слѣдующій характеристическій разговоръ.

«Ну что? какъ понравилась тебѣ наша московская красавица?» спросилъ Перовскій.

— Чудно хороша! отвѣчалъ К. П.—смѣсь Мурилло съ Рафаэлемъ; но слышалъ ли ты «Когда гляжу»?

«Это что за штука?»...

— Арія, романсъ—какъ хочешь назови, написанный въ честь вашей красавицы.

«Понятія не имѣю», отвѣчалъ Перовскій.

— Жаль, потому что, если я не ошибаюсь, штука эта не дюжинная, продолжалъ Брюловъ. Слушая этотъ романсъ, я на первыхъ нотахъ не могъ дать себѣ отчета, что это такое: пѣніе или просто декламація. Сначала я слышалъ только звучные стихи, и тотчасъ понялъ, разумѣется, мысль и намѣреніе поэта; но оказалось, что мысль поэта дополнялась, развивалась и даже видоизмѣнялась, такъ сказать, посредствомъ звуковъ, сопровождающихъ декламацію. Слѣдовательно, тутъ шли параллельно, или въ совокупности, двѣ мысли, дополняющія и объясняющія одна

другую: литературная и музыкальная. Какъ бы это объяснить словами? Ну хоть слѣдующимъ сравненіемъ: «вкусная приправа къ лакомому кусочку». Понимаешь?

Почему поэтическій Брюловъ прибѣгнулъ къ такому гастрономическому сравненію—не знаю. Но теперь положительно могу сказать, что въ сужденіи его многое слѣдуетъ причислить къ излишнему увлеченію. Вѣроятно, что впечатлѣніе, произведенное на художника пластическою красотою хозяйки, воздѣйствовало и на музыкальныя его впечатлѣнія, и сумма этихъ двухъ впечатлѣній перепуталась у него въ головѣ. Романсъ, о которомъ онъ отзывался съ такимъ восторгомъ, есть дѣйствительно попытка чистой декламаціи, подкрашенной музыкальными звуками, но только попытка и никакъ не болѣе. Въ «Когда гляжу» есть грубые эффекты, отъ которыхъ меня и въ то время уже коробило, но я не могъ придумать, чѣмъ ихъ замѣнить*). Какъ бы то ни было, но разговоръ, переданный мнѣ Перовскимъ, врѣзался у меня въ памяти и мнѣ, конечно, было весьма лестно, что музыка моя произвела, какъ я имѣлъ тогда поводъ предполагать, такое глубокое впечатлѣніе на знаменитаго нашего художника.

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго вечера мы расстались, и я не видѣлся съ Брюловымъ болѣе года.

Весною 1836-го года я встрѣтился съ нимъ у Глинки. Въ то время у Михаила Ивановича часто происходили спѣвки или репетиціи, благополучно и достославно доканчиваемой имъ оперы «Жизнь за Царя». Репетиціи эти дѣлались съ квартетомъ и при участіи Воробьевой, Петрова и другихъ оперныхъ пѣвцовъ.

Въ тотъ вечеръ, когда я встрѣтился съ Брюловымъ, у М. И. исполнялись уже на чистоту терцетъ перваго дѣйствія, дуэтъ третьяго, квартетъ того же дѣйствія, арія въ лѣсу, и наконецъ «Ахъ не мнѣ бѣдному», арія и квартетъ эпилога.

Невозможно изобразить словами, какое громадное, подавляющее, такъ сказать, впечатлѣніе произвела на присутствующихъ эта задушевная музыка, эти родные, какъ бы знакомые, присущіе всѣмъ и каждому изъ насъ звуки, но облеченные, изукрашенные всѣми прелестями гармоніи и контрапункта. Въ бук-

*) Такъ напримѣръ, тутъ есть цѣлый рядъ септъ-аккордовъ въ третьемъ поворотѣ, т.-е. въ самомъ вычурномъ изложеніи этого аккорда. Ө. Т.

вальномъ смыслѣ слова, мы плакали, какъ дѣти, и поздравляли другъ друга съ зачатіемъ новой зари для отечественнаго искусства.

Въ концѣ вечера передъ закускою, Брюлову, на мою бѣду, вдругъ пришла на память московская красавица, и по рикошету вспомнилъ онъ также и о тогдашнемъ моемъ пѣніи.

— А слыхали ли вы, вдругъ воскликнулъ онъ, указывая на меня, вотъ этого господина?

Присутствующіе переглянулись, а М. И. отвѣчалъ съ улыбкою: «Еще бы! мы съ нимъ пѣвали неоднократно и даже италіанобѣсновались». (Глинка начиналъ уже италіанофобничать).

— Помнишь, въ Марьинѣ, Фигаро? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

«Помню, отвѣчалъ я глухимъ голосомъ», чувствуя, что мнѣ становится очень неловко.

— Не о томъ рѣчь, заговорилъ опять Брюловъ,—слыхали ли вы когда-нибудь, какъ онъ декламируетъ собственнаго своего произведенія штучки? Спойте-ка, любезнѣйшій, то, что вы пѣли, или лучше сказать, декламировали, годъ тому назадъ, у Александры Васильевны.

«Я остолбенѣлъ. «Помилуйте, заговорилъ я, что это вамъ вздумалось, Карлъ Павловичъ! Вы меня тупымъ ножемъ рѣжете! Послѣ того, что мы сейчасъ слышали и отъ чего у насъ до сихъ поръ мурашки по тѣлу бѣгаютъ; послѣ голосовъ слышанныхъ нами артистовъ, голосъ мой покажется жужжаніемъ мухи, а музыка моя сапоги въ смятку».

Присутствующіе расхохотались, но Брюловъ не унялся: «Не скромничайте, любезнѣйшій, настаивалъ онъ, не ломайтесь пожалуйста, и позвольте мнѣ свое сужденіе имѣть. Увѣряю васъ, что то, что я слышалъ въ Москвѣ, будетъ и здѣсь оцѣнено какъ слѣдуетъ».

Глинка съ своей стороны не уговаривалъ, но и не заступился за меня, такъ что раба божьяго, дабы онъ «не ломался» усадили за фортепіано. Я собралъ всѣ мои наличныя и физическія, и душевныя силы, и отхваталъ «Когда гляжу» такъ, какъ никогда въ жизни ни прежде, ни послѣ не пѣвалъ я этого романса. Съ послѣдними звуками никто не шелохнулся, никто не

сказалъ ни единаго одобрительнаго слова; только послѣ минутнаго молчанія Михаилъ Ивановичъ возвысилъ голосъ:

— «А кажется, что верхній sol сталъ у тебя позвучнѣй съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не слыхалъ.» И только!

— Не говорилъ ли я вамъ, сказалъ я, обращаясь къ Брюлову, что мы съ вами провалимся: я съ своимъ пѣніемъ, а вы съ вашею рекомендаціею.

Но каково же было мое удивленіе и жестокое разочарованіе, когда К. П., самъ видимо сконфуженный, возразилъ на это, съ необыкновенною увѣренностію: «Да это совсѣмъ не то». Дѣйствительно это было совсѣмъ не то! Для художника Брюлова тутъ недоставало присутствія пластической красоты московской красавицы и преувеличенныхъ подхваливаній Хомякова и Орлова. Тѣмъ дѣло и кончилось,—мы пошли закусывать, а злосчастному романсу послужили эпитафіею слова художника-отступника «Да это совсѣмъ не то».

Я нѣсколько забѣжалъ впередъ, но для полной характеристики моихъ артистическихъ неудачъ я позволю себѣ вернуться назадъ.

VI.

Поощренный салонными моими успѣхами, я задумалъ еще въ 1834-мъ году написать одноактную оперу; но такъ какъ въ то время всѣ мы находились еще менѣе или болѣе подъ вліяніемъ или нѣмецкой, или итальянской, или даже французской (предпочтительно Оберовской) музыки, то я избралъ готовое французское либретто, подъ названіемъ «Le médecin malgré lui». Оперу свою, впрочемъ, я не предназначалъ для публичнаго исполненія, а написалъ ее для сестры Алексѣя Ѳедоровича Львова, Марьи Ѳедоровны (нынѣ замужемъ за г. Ростовскимъ), для себя и еще для двухъ любителей. Алексѣй Ѳедоровичъ, съ которымъ я былъ въ то время въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, захотѣлъ непремѣнно принять на себя оркестровку оперы, и дѣйствительно инструментовалъ ее съ любовью и весьма удачно. Дѣло у насъ закипѣло, и съ небольшимъ въ три недѣли все было готово, партіи расписаны и разучены. Въ декабрѣ того же 1834-го года опера моя исполнена была у вдовы поэта Державина при многочисленномъ и, можно сказать, из-

бранномъ собраніи. Въ числѣ слушателей находился, между прочимъ, министръ двора князь Волконскій. По окончаніи представленія, къ величайшему моему удивленію, князь, который, какъ извѣстно, особенною привѣтливостью не отличался, подошелъ ко мнѣ, и лестно отозвавшись о моемъ произведеніи, и въ особенности объ исполненіи, присовокупилъ, что пьесу можно было бы поставить на Михайловскомъ театрѣ.

«Но у французской труппы нѣтъ пѣвцовъ», возразилъ я.

— «Да вѣдь поютъ же они!»—замѣтилъ князь.

«Водевили поютъ,—отвѣтилъ я нѣсколько обиженнымъ тономъ:—но съ этимъ пѣніемъ не справятся».

— «Такъ переведите на русскій языкъ, мы наберемъ вамъ пѣвцовъ».

Впослѣдствіи я узналъ, что князю Волконскому поручено было свыше сдѣлать мнѣ это предложеніе, на случай успѣха домашняго нашего исполненія. Для начинающаго композитора нѣтъ ничего заманчивѣе, какъ мысль о скорѣйшей возможности выступить на открытое широкое композиторское поприще. Понятно, что предложеніе министра двора привело меня въ сильное волненіе. Я очень хорошо понималъ, что произведеніе мое не имѣетъ надлежащихъ качествъ, требуемыхъ отъ лирическаго произведенія, что оно незрѣло и носитъ на себѣ какой-то космополитическій, полу-французскій, полу-итальянскій отпечатокъ. Но искушеніе предстать предъ публикою превозмогло справедливыя мои опасенія, и я рѣшился принять предложеніе князя Волконскаго. Однакожъ, какъ бы для очистки совѣсти, я поѣхалъ посовѣтоваться съ Михаиломъ Ивановичемъ.

Глинка внимательно пересмотрѣлъ партитуру и произнесъ слѣдующія на вѣки памятныя для меня слова:

— «Съ подобными пустячками (онъ такъ и сказалъ пустячками) нашему брату, русскому композитору, выступать предъ публикою не слѣдуетъ. Намъ предстоитъ задача серьезная! Выработать собственный свой стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу. Если твоя оперетка будетъ имѣть успѣхъ, и это весьма возможно при непрочности музыкальныхъ воззрѣній большинства нашей публики, то этимъ ты повредишь музыкальному развитію публики; а если ты провалишься, то упадешь духомъ и это повредитъ собственному твоему развитію.

Отложи-ка ты, любезный другъ, твою оперетку въ сторону, космополитическое это произведеньице, и продолжай писать романсы. Можетъ и набредешь на новыя какія-либо формы камерной нашей музыки, которая отъ нѣмецкихъ лидеровъ отстала, а къ коренной, родной пѣснѣ не пристала».

Мудрыя эти слова засѣли у меня въ памяти, но, къ сожалѣнію, не поколебали моей рѣшимости поставить на сцену «космополитическій» мой «продуктъ»—какъ выразился Глинка. Переводъ либретто принялъ на себя двоюродный мой братъ, Өедоръ Сергѣевичъ Чернышевъ, авторъ весьма извѣстной въ то время сказки «Царь Русскій и Царь Нѣмецкій». Я жилъ тогда у братьевъ своихъ, служившихъ въ Преображенскомъ полку, въ казармахъ у Таврическаго сада и по этой причинѣ весь полкъ (я говорю объ офицерахъ) принялъ живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи. Подъ руководствомъ Чернышева, можно сказать, что все общество офицеровъ трудилось, конечно шутя, надъ переводомъ либретто. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что слѣдовало подобрать стихи подъ готовую уже музыку и притомъ же подъ музыку, написанную на французскіе стихи, которые съ русскимъ стихотвореніемъ не имѣютъ ничего общаго. Отъ этого происходили презабавныя сцены; такъ, между прочимъ, когда общество переводчиковъ, порядкомъ натрудило себѣ мозги въ теченіи цѣлаго вечера, чтобы подобрать слова подъ какую-то мелодію, кто-то предложилъ слѣдующіе стихи:

...Пляши, хоть тресни,
Нѣтъ! пойте пѣсни.

и при громкомъ смѣхѣ предложеніе это чуть-чуть не прошло, такъ утомились переводчики подыскивая слова подъ несчастную мелодію.

Осенью 1835 года оперета подъ названіемъ: «Докторъ въ хлопотахъ», съ прибавленіемъ нарочито написанныхъ мною къ ней танцевъ, была представлена на Михайловскомъ театрѣ. Такъ какъ при первомъ представленіи офицеры Преображенскаго полка присутствовали въ полномъ составѣ, то успѣхъ былъ совершеннѣйшій. Меня вызывали множество разъ—и я, появляясь въ директорской ложѣ, пресерьезно раскланивался, прижимая руку къ сердцу, въ знакъ благодарности, но твердо памятуя слова Глинки: «съ такими пустячками русскому композитору высту-

пать предъ публикою не слѣдуетъ». Во время второго представленія преображенцы были въ караулѣ и, слѣдовательно, присутствовать не могли. Признаться сказать, что я ожидалъ полной неудачи, но по окончаніи оперетты опять былъ вызванъ. Успѣхъ второго представленія слѣдовало приписать танцамъ, потому что публика замѣтно оживилась только во время танцевъ, чудесно исполненными первыми тогдашними танцовщицами Пейсаръ и Круазетъ. Участіемъ этихъ танцовщицъ я былъ обязанъ вниманію тогдашняго директора императорскихъ театровъ Александру Михайловичу Гедеонову, который самъ предложилъ мнѣ прибавить танцы, дабы нѣсколько скрасить оперету, по его выраженію. Опытъ доказалъ, что почтеннѣйшій Александръ Михайловичъ былъ совершенно правъ: танцы не только скрасили, но и выручили оперету на второмъ представленіи. На третьемъ представленіи вновь присутствовали всѣ офицеры Преображенскаго полка, и дѣло шло какъ по маслу. Рукоплесканіямъ и вызовамъ конца не было. Но... неизвѣстно почему? и какъ? — Но послѣ третьяго успѣшнаго, черезъ-чуръ даже успѣшнаго представленія, «Докторъ въ хлопотахъ» снятъ былъ съ репертуара и похороненъ на вѣки вѣчные въ нотномъ архивѣ дирекціи императорскихъ театровъ.

Съ тѣхъ поръ я даже никогда и не видалъ партитуры!

Достойно замѣчанія, что теноровую партію въ моей оперетѣ пѣлъ нынѣ знаменитый драматическій нашъ артистъ Василій Васильевичъ Самойловъ.

VII.

Не внявъ мудрому совѣту Михаила Ивановича, я чувствовалъ себя въ отношеніи его какъ бы провинившимся, и вмѣсто того, чтобы принести чистосердечное покаяніе, я, какъ это часто бываетъ въ жизни, перестал посѣщать Глинку и послѣ претерпѣнной мною неудачи (не по приговору публики, а по распоряженію дирекціи театровъ) уѣхалъ изъ Петербурга не попрощавшись съ Михаиломъ Ивановичемъ. Это была наша первая размолвка, и я долженъ сознаться, что размолвка эта произошла по моей винѣ. Вотъ почему, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ (весной 1836 года), Глинка встрѣтилъ меня довольно холодно, и не выразилъ своего мнѣнія насчетъ романса,

зарекомендованнаго Брюловымъ (какъ сказано выше), а ограничился только замѣчаніемъ, что верхній мой Sol усилился во время отсутствія моего изъ Петербурга. Я и въ то время понялъ этотъ тонкій оттѣнокъ, но изъ ложной неумѣренной гордости не захотѣлъ вдаваться въ объясненія съ Глинкою.

Выше сказано, что я уѣхалъ изъ Петербурга не простившись съ М. И.; обстоятельства задержали меня въ Москвѣ и въ деревнѣ слишкомъ полтора года, такъ что, къ величайшему моему огорченію, я не присутствовалъ 27-го ноября 1836 года при великомъ торжествѣ русскаго музыкальнаго исскуства, при первомъ представленіи «Жизни за Царя». Когда я услыхалъ эту оперу въ первый разъ, въ полномъ ея составѣ и при сценической обстановкѣ, то я такъ былъ пораженъ широтою размаха и глубиною замысла, заключающагося въ возведеніи «въ перлъ созданія», по выраженію Гоголя, русской простонародной мелодіи, что вся музыка, писанная до того времени на русскій текстъ, показалась мнѣ дѣтскимъ лепетомъ. Прослушавъ «Жизнь за Царя», я пришелъ къ сознанію, что въ этой оперѣ занялась новая заря для русской лирической музыки, и что отнынѣ писать иначе нельзя для русской сцены; но для того, чтобы идти по стезѣ указанной великимъ композиторомъ, необходимы были гигантскія силы, а я ихъ въ себѣ несознавалъ и потому твердо рѣшился: на оперное поприще не выступать болѣе.

До 1847 года я твердо держалъ этотъ обѣтъ; но въ этомъ году, къ сожалѣнію, искусился и написалъ двухактную оперу на итальянскій текстъ. Послѣдствія этой второй моей попытки на оперномъ поприщѣ я считаю не лишнимъ разсказать.

VIII.

Появленіе (въ 1842-мъ году) «Руслана и Людмилы» сбило меня съ толку. Я глубоко сочувствовалъ музыкальнымъ красотамъ, въ изобиліи разсыпаннымъ въ этой второй громадной оперѣ Глинки; но мнѣ казалось, что въ ней М. И. отступилъ отъ первоначальнаго своего плана, т.-е. отъ намѣренія, какъ сказано выше, возвести въ перлъ созданія русскія, простонародныя мелодіи, разукрасивъ ихъ всѣми прелестями гармоніи и контрапункта. Въ то время мнѣ показалось, что Глинка уклонился отъ указаннаго имъ самимъ пути и, пытаясь создать рус-

свую фантастическую музыку, приближался къ Веберовскому стилю. Впослѣдствіи я понялъ, что это не совсѣмъ такъ, но, досадуя въ то время на Глинку за то, что онъ, по моему мнѣнію, уклонился отъ первоначальнаго своего громаднаго замысла, я не очень-таки восторгался новою оперою. Графъ Віельгорскій и многіе другіе предпочитали также «Жизнь за Царя» — «Руслану и Людмилѣ»; Глинка это зналъ и подчасъ съ горечью отзывался о нашемъ непониманіи. Мнѣ въ особенности онъ никакъ не могъ простить предпочтеніе, оказываемое мною первой его оперѣ.

— «Тамъ есть остатки italienische tralalala,—говаривалъ онъ съ горькою усмѣшкою: — и вотъ, что тебя прельщаетъ».

Какъ бы то ни было, но уклоненіе Глинки, какъ мнѣ казалось, отъ первоначальнаго замысла, сбило меня съ толку и привело къ раздумью. Тутъ, на бѣду мою (въ 1843-мъ году), наѣхали къ намъ первоклассные итальянскіе пѣвцы, и весь Петербургъ предался, какъ выражался Глинка, «итальянобѣсію». Съ зимы 1843-го года воцарилось у насъ владычество итальянской музыки, такъ что даже образцовыя, громадныя оперы Глинки отодвинуты были, увы! на второй планъ, стали исполняться рѣже, и наконецъ самая русская труппа стала мало по малу распадаться; одно время, изъ всѣхъ исполнителей геніальныхъ произведеній Глинки, оставался только Петровъ, на подобіе несокрушимой Оссіановской скалы. Я долго воздерживался, долго прислушивался къ общественнымъ толкамъ и наконецъ не утерпѣлъ: написалъ оперу на итальянскій текстъ и въ итальянскомъ, конечно, стилѣ. Главную роль предназначалъ я Віардо, но она не была ангажирована на сезонъ 1848 — 1849 гг. и я вынужденъ былъ передать роль Birichino — Ангри, пѣвицѣ несравненно менѣе даровитой. Роль тенора исполнялъ Гардони, а роль «buffo» въ первый разъ въ своей жизни, какъ онъ утверждалъ, Тамбурини. На репетиціяхъ итальянцы предсказывали моей оперѣ несомнѣнный успѣхъ, что можетъ засвидѣтельствовать графъ В. А. Соллогубъ, присутствовавшій нерѣдко на репетиціяхъ. Ангри, которая послѣ здѣшняго сезона должна была отправиться въ Лондонъ, такъ была убѣждена въ эффектности ея партіи, что потребовала у лондонскаго антрепренера для своего дебюта въ Ковенгарденскомъ театрѣ «Biri-

chino di Parigi». По этому случаю я даже подписалъ условіе, въ которомъ было сказано: «что такой-то антрепренеръ обязуется поставить «Birichino di Parigi» на такой-то сценѣ, если означенная опера будетъ имѣть успѣхъ въ Петербургѣ». Вознагражденіе автору за право исполненія оперы въ Лондонѣ, опредѣлено было въ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Хотя графъ Сологубъ и говорилъ во время репетицій: «что меня трясетъ лихорадка ожидаемаго успѣха» (il a la fièvre du succès), но я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, мнѣ все казалось, что я пою съ чужого голоса и что похвалы, расточаемыя мнѣ итальянцами, вовсе мною незаслужены.

Насталъ наконецъ день испытанія. Согласно предсказанію итальянцевъ, первое представленіе прошло дѣйствительно весьма удачно. По окончаніи оперы меня вызывали нѣсколько разъ. Второе также. Третье представленіе удостоила своимъ присутствіемъ государыня императрица Александра Ѳедоровна, и ея величество соблаговолила призывать меня въ ложу для изъявленія высочайшаго ея благоволенія. По окончаніи спектакля, обращаясь къ тогдашнему директору театровъ, ея величество выразила желаніе видѣть повтореніе оперы еще разъ въ ближайшемъ представленіи итальянцевъ. Но, увы!.. участь второго моего опернаго дѣтища была уже порѣшена!

Директоръ, предоставивъ мнѣ раскланиваться съ публикою, вызывавшею меня, тутъ же на мѣстѣ, при свѣтѣ лампы, освѣщавшей комнатку, примыкающую къ директорской ложѣ, сообщилъ мнѣ содержаніе высочайшаго повелѣнія, полученнаго имъ во время спектакля. Въ предписаніи министра двора сказано было, что по случаю неудовольствія, изъявленнаго нѣкоторыми изъ абонирующихся въ итальянской оперѣ, на то, что имъ даютъ вмѣсто произведеній, пользующихся европейскою извѣстностью, оперу неизвѣстнаго, начинающаго композитора, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: «снять съ репертуара оперу «il Birichino di Parigi» и воспретить впредь постановку на итальянской сценѣ произведеній русскихъ композиторовъ». Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе! Ударъ пришелся тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ разительнѣе оказывался контрастъ между радушнымъ настроеніемъ духа, одушевлявшимъ меня за минуту до этого, и уныніемъ, овладѣвшимъ мною мгно-

венно. Съ одной стороны лестное для меня привѣтствіе государыни императрицы, рукоплесканіе публики, поздравленіе артистовъ и надежды на будущую свѣтлую артистическую дѣятельность, а съ другой — мракъ и застой! Въ особенности взволновала меня мысль, что смертный приговоръ, постигшій мое произведеніе, распространяется на произведенія и другихъ русскихъ композиторовъ, осужденныхъ на долгое молчаніе, такъ какъ русская труппа находилась тогда, по случаю охватившей Петербургъ итальяноманіи, въ полномъ разстройствѣ и въ ближайшемъ будущемъ не предвидилось въ то время ея возстановленіе. Что я выстрадалъ въ то время, сказать трудно, но успокоившись и поразмысливъ хорошенько, я долженъ былъ сознаться, что постигшій запретъ вполнѣ основателенъ. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, да и къ какой стати, русскимъ композиторамъ поддѣлываться подъ итальянскій стиль. Вотъ правдивый разсказъ объ участи, постигшей «Birichino di Parigi». Запрещено было ставить на итальянской сценѣ произведенія русскихъ композиторовъ, мало извѣстныхъ, поддѣлывающихся подъ итальянскій стиль; но не воспрещено было итальянцамъ исполнять образцовыя произведенія въ переводѣ, а между тѣмъ въ «Запискахъ» незабвеннаго М. И. Глинки сказано, между прочимъ:

«Жизнь за Царя» не была дана итальянцами, потому что публика была недовольна отъ неудачныхъ попытокъ русскихъ композиторовъ (Львова и Толстаго) и жестоко раздражена послѣ великолѣпной неудачи (fiasco) оперы il Birichino di Parigi... Вышло высочайшее повелѣніе не принимать на итальянскій театръ произведеній русскихъ композиторовъ. Gloire a M-r...»!

Ни въ какомъ случаѣ, повторяю я, высочайшее повелѣніе не могло относиться къ оперѣ М. И., заслужившей уже громадную извѣстность; ставили же въ переводѣ на итальянской сценѣ «Фрейшюца», «Гугенотовъ» и другія образцовыя произведенія; но весьма можетъ быть, что люди, ко мнѣ недоброжелательные, желая поссорить меня съ Глинкою, представили ему дѣло иначе, увѣряя его, что я причиною непостановки «Жизни за Царя» на итальянской сценѣ. Сколько мнѣ помнится, Глинка не былъ ни въ одномъ изъ представленій «Birichino», иначе я убѣжденъ, что онъ никогда не написалъ бы свидѣтельство о великолѣпномъ фіаско несчастной моей оперы. Предъ русской публикою, предъ публикою, прочувствовавшею и оцѣнившею «Жизнь за Царя», композиторъ, поддѣлывающійся подъ италь-

янскій ладъ, заслуживалъ, конечно, полнѣйшаго fiasco; но этого положительно не было, въ чемъ ссылаюсь на очевидцевъ и преимущественно на графа Соллогуба *), присутствовавшаго и на репетиціяхъ и на представленіяхъ «Birichino» **).

IX.

Должно сказать, впрочемъ, что только изъ записокъ покойнаго я узналъ, къ величайшему моему огорченію, до какой степени недоброжелатели мои успѣли возстановить противу меня добродушнаго, но до крайности впечатлительнаго, нервознаго Михаила Ивановича. При жизни онъ никогда не давалъ мнѣ почувствовать ни словомъ, ни дѣломъ своего противу меня неудовольствія. По прежнему онъ принималъ меня довольно ласково, и хотя я замѣчалъ въ послѣднее время пребыванія М. И. въ Петербургѣ значительное съ его стороны ко мнѣ охлажденіе, но я приписывалъ это неудовлетворительному состоянію его здоровья и нашимъ зрѣлымъ лѣтамъ. До объясненій, однако же, дѣло никогда не доходило, о чемъ душевно сожалѣю, потому что мнѣ легко было бы опровергнуть взводимыя на меня клеветы и незабвенный М. И. не внесъ бы, конечно, въ свой дневникъ тѣхъ незаслуженныхъ укоризнъ на мой счетъ, которыя нынѣ находятся въ его запискахъ. Чему же, какъ не напускному, привитому ему раздраженію приписать слѣдующія слова М. И. Говоря о великолѣпной оркестровой фантазіи, написанной на извѣстный мотивъ «Камаринской», Глинка, между прочимъ, замѣчаетъ:

«Могу увѣрить, что я руководствовался при сочиненіи этой пьесы единственно музыкальнымъ чувствомъ, не думая ни о томъ, что происходитъ на свадьбахъ, какъ гуляетъ православный народъ и какъ можетъ запоздалый пьяный стучать въ дверь, чтобы ему отворили. Несмотря на это Ѳ. М. Т. (Ростиславъ) на репетиціи «Камаринской» самъ говорилъ мнѣ, что онъ, объясняя государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ мой камаринской въ послѣдней части этой пьесы, а именно гдѣ сперва волторны держатъ педаль на Fis (не держатъ, а отбиваютъ), а потомъ трубы на С.,—сказалъ ея величеству, что это мѣсто изображаетъ, какъ пьяный стучится въ дверь избы. Это соображеніе мнѣ кажется *пріятельскимъ угощеніемъ*, которымъ не разъ потчуютъ въ жизни»!

---

*) Смотри въ приложеніи письма Соллогуба и Ферреро. Ѳ. Т.

**) Неужели Глинка имѣлъ дѣйствительно намѣреніе поручить итальянцамъ исполненіе «Жизнь за Царя»? Можно ли вообразить себѣ какого-либо итальянскаго пѣвца, хоть даже Лаблаша, въ ролѣ Сусанина? Ѳ. Т.

Возможно ли истолковать въ предательскомъ смыслѣ предложенное мною истолкованіе! Дѣйствительно, покойная государыня императрица спросила у меня однажды, что должно обозначать это внѣ гармоническое (впрочемъ до поразительности эффектное) постукиваніе волторнъ и трубъ—и я объяснилъ по крайнему моему уразумѣнію. «Мнѣ кажется, сказалъ я, что въ камаринской, въ этомъ удивительномъ scherzo, достойномъ подписи самого Бетховена, преобладаетъ юморъ, и весьма можетъ быть, что эти внѣтональныя постукиванія должны изображать постукиванія въ дверь подгулявшаго русскаго мужичка». Вотъ слово въ слово мой отвѣтъ ея величеству, и слова эти впослѣдствіи я въ точности сообщилъ М. И. Спрашивается? Возможно ли придать имъ смыслъ какого-либо недоброжелательства или пріятельскаго угощенія, какъ выражается Глинка, а между тѣмъ вотъ что сказано на стр. 179-й «Записокъ»:

«Знаменитый нашъ критикъ (слово знаменитый подчеркнуто и конечно въ ироническомъ смыслѣ) по глубокому пластическому воззрѣнію, не нашелъ ничего лучше и умнѣе какъ только то, что пьяный толчется въ дверь.»

X.

По возвращеніи М. И. въ Петербургъ (въ 1854 году) вокругъ него составился кружокъ новыхъ, незнакомыхъ мнѣ личностей. Сколько я могъ замѣтить всѣ они были люди умные, образованные и дорожили, какъ и я, славою лучшаго нашего отечественнаго композитора; но смотрѣли на призваніе Глинки съ другой точки зрѣнія, чѣмъ я. Я видѣлъ въ Глинкѣ геніальнаго основателя русскаго опернаго стиля, на началахъ указанныхъ въ оперѣ «Жизнь за Царя», а они смотрѣли на него съ космополитической точки зрѣнія и видѣли въ немъ, если не ошибаюсь, продолжателя Вебера и Бетховена. Какъ ни старался я сблизиться съ означеннымъ кружкомъ, старанія мои остались безъ успѣха и я окончательно раздражилъ ихъ противъ себя, напечатавъ въ предисловіи къ разбору «Жизнь за Царя» выписку изъ письма, адресованнаго мнѣ г. Улыбышевымъ (авторомъ біографіи Моцарта), въ которомъ сказано было между прочимъ:

«En lisant vos articles, je me suis dit bien de fois, avec un orgueil naïf, que l'on pardonne aux viellards: oui, Rostislaff est mon héritier légitime—le seul véritable critique musical qu'il y ait parmi les russes».

Слѣдуетъ замѣтить, что тогда еще не появлялись въ печати блистательныя, но часто парадоксальныя статьи А. Н. Сѣрова, ни статьи В. В. Стасова. Тѣмъ не менѣе, я поступилъ неосмотрительно, и теперь вполнѣ сознаю, что появленіе въ печати вышеупомянутыхъ строкъ должно было подѣйствовать весьма раздражительно на людей, нераздѣляющихъ вполнѣ моихъ воззрѣній... Однакожъ я и не подозрѣвалъ еще въ то время, до какой степени сильно было это раздраженіе, а между тѣмъ недоброжелатели мои пользовались моимъ невѣдѣніемъ для возстановленія болѣе и болѣе противу меня Михаила Ивановича.

Однажды, послѣ появленія въ «Сѣверной Пчелѣ» подробнаго разбора оперы «Жизнь за Царя», я предложилъ Михаилу Ивановичу прочитать ему мои статьи. Глинка согласился. Мнѣ очень памятенъ этотъ вечеръ, глазъ на глазъ.

Глинка почти все время въ продолженіи чтенія расхаживалъ неслышными шагами (онъ былъ въ халатѣ и въ туфляхъ), поглядывая на меня изъ-подлобья и не дѣлая (во время чтенія) никакого замѣчанія. Желая объяснить, по какой причинѣ я принялся за подробный техническій разборъ въ 1854 году оперы, появившейся въ 1836 году, въ предисловіи къ разбору я написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Главнѣйшая и такъ сказать задушевная причина, побудившая меня выступить на неблагодарное поприще музыкальной критики, не что другое, повѣрьте, какъ сердечное мое участіе къ произведеніямъ отечественныхъ нашихъ композиторовъ. Мысль, что геніальныя творенія М. И. Глинки не были еще разобраны, изслѣдованы и оцѣнены по достоинству, преслѣдовала меня безотвязно—и я рѣшился приняться за перо, какъ говорится набить себѣ руку, и, заслуживъ довѣріе просвѣщенной публики, высказать все что у меня было на душѣ, и представить художническое значеніе нашихъ композиторовъ (и въ особенности Глинки) въ настоящемъ его свѣтѣ *).

Далѣе, желая объяснить цѣль и стремленія Михаила Ивановича, я доказывалъ, что въ оперѣ «Жизнь за Царя» онъ прокладывалъ новый путь для лирическаго нашего искуства.

«Движимый національнымъ чувствомъ и проникнутый до глубины сердца выразительностью и задушевностью народныхъ мелодій, Глинка задумалъ,—говорилъ я,—выработать, въ горнилѣ собственнаго вдохновенія, такъ сказать, мелодіи, почерпнутыя изъ народныхъ источниковъ и возвысить ихъ до лиризма», и проч. и проч.

Почти вся рецензія написана въ этомъ нѣсколько диѳирам-

*) Съ цѣлію возбудить довѣріе читающей публики, я и напечаталъ выписку изъ письма Улыбышева. Ѳ. Т.

бическомъ тонѣ и слѣдовательно обиднаго въ ней, кажется, ничего не было; а между тѣмъ, во время чтенія, я замѣчалъ, что М. И. все болѣе и болѣе хмурится, и не дѣлая никакихъ возраженій, только изрѣдка наклоняетъ голову, какъ бы въ знакъ иронической благодарности, когда похвалы заходили уже слишкомъ далеко по его мнѣнію.

По окончаніи чтенія, Глинка наконецъ прервалъ молчаніе и высказалъ слѣдующее, достойное замѣчанія мнѣніе:

— «Благодарю тебя за доброе намѣреніе, но я нахожу, что разборъ твой цѣли не достигаетъ. Вдаваясь съ излишкомъ въ нѣкоторыя техническія подробности, ты ничего этимъ не объясняешь, а между тѣмъ упускаешь изъ виду то именно, на что слѣдовало бы указать въ видахъ полезнаго предостереженія для другихъ русскихъ композиторовъ. Зачѣмъ ты не сказалъ, напримѣръ, что въ русскомъ стилѣ не слѣдуетъ вводить итальянскую кабалету, какъ напримѣръ: «Меня ты на Руси»?

«Но, помилуй, — воскликнулъ я въ ужасѣ: — мелодія эта проникнута русскимъ духомъ!»

— «Да! но форма отзывается итальянщиной. Возможно ли, чтобы такой человѣкъ какъ Сусанинъ, вздумалъ бы повторять слово въ слово, только квинтою ниже, наивныя изліянія сироты Вани? Зачѣмъ ты не указалъ на неумѣстность коды въ томъ же дуэтѣ? «На великое намъ дѣло только путь намъ укажи»,—вѣдь отъ нея такъ и разитъ итальянщиной! Понимаешь ли?»

Глинка оживился и долго указывалъ на отступленія, сдѣланныя имъ въ «Жизни за Царя» отъ «коренного, раціональнаго, по его выраженію, русскаго опернаго стиля».

— «Нѣтъ, любезнѣйшій,—сказалъ онъ въ заключеніе:—такъ рецензіи писать не слѣдуетъ; взялся за критику, такъ и пиши правду-матку, а похвалой никого не удивишь».

Я былъ пораженъ воззрѣніями М. И. на недостатки собственнаго произведенія, но я положительно утверждаю, что я нисколько не обидѣлся его замѣчаніями, а напротивъ, отъ души благодарилъ за откровенно высказанное имъ мнѣніе.

Вообразите же, какое горькое чувство долженъ былъ я испытать, прочитавъ слѣдующее письмо М. И. Глинки:

...«Несмотря на успѣхъ моей молитвы, N (нѣкогда пріятель) возстаетъ

противъ нея. Странно, кажется, а вотъ въ чемъ дѣло: онъ сердитъ на меня отчасти за то, что я не пришелъ въ восторгъ, когда онъ съ самодовольною улыбкою и прихваливая себя, читалъ мнѣ разборъ «Жизни за Царя». Что-жъ дѣлать, всякій воленъ думать какъ хочетъ: я никогда не считалъ N глубокимъ музыкантомъ. Разборы его не только не убѣждаютъ меня въ противномъ, но ясно изобличаютъ, что взглядъ его на музыку остался также поверхностенъ и однообразенъ» *).

Изъ этого письма видно, что кружокъ, возненавидившій меня за неосторожную публикацію лестнаго о моихъ критическихъ статьяхъ отзыва Улыбышева, достигъ своей цѣли, т.-е. возстановилъ окончательно Глинку противъ меня, обвинивъ меня въ небываломъ, съ моей стороны, порицаніи его «Молитвы». Предположеніе, что я будто бы разсердился за то, что М. И. не пришелъ въ восторгъ, слушая мой разборъ, также выдумано моими недоброжелателями, потому что я никому, конечно, не хвалился неодобреніемъ, высказаннымъ Глинкою.

Ничто однако не поколеблетъ уваженія моего къ священной для меня памяти Глинки и вѣру мою въ громадныя услуги, оказанныя имъ русскому музыкальному искусству. Убѣжденіе это такъ прочно и твердо—какъ гранитъ и металлъ, изъ котораго вскорѣ соорудится народный памятникъ, воздвигаемый въ честь достославнаго нашего соотечественника.

Въ жизни, также какъ и на полѣ битвы, необходимы: мужество, стойкость и неутомимый трудъ. Враговъ презирать не слѣдуетъ, но и бояться ихъ не подобаетъ! «Выстрадать продолжительную жизнь—не поле перейти»; но если невзгоды и неудачи, встрѣтившіяся на пути жизни, происходили не по нашей винѣ, а потому только, что обстоятельства сложились такъ, а не иначе, то унывать не слѣдуетъ. Но, не унывая, не слѣдуетъ пренебрегать указаніями опыта. Извѣстное изреченіе: «Si jeunesse savait—et si viellesse pouvait» исполнено глубокаго смысла. Въ виду этого изреченія, я и рѣшился выставить мою личность на показъ и привести нѣсколько страницъ изъ многолѣтнихъ моихъ воспоминаній на пользу и въ назиданіе трудящагося молодого поколѣнія.

---

*) «Русскій Архивъ», 1869 г., тетрадь 2-я, письмо къ Булгакову.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Выписка изъ письма гр. В. А. Соллогуба къ Ѳ. М. Толстому 20 декабря 1870 г.

...Я очень хорошо помню, какъ М. И. Глинка игралъ однажды у князя Одоевскаго свою „Камаринскую“ и объяснялъ намъ, что вотъ идетъ пьяный мужичокъ и, отыскавъ съ трудомъ избу, стучится въ дверь. Въ запискахъ своихъ Глинка обижается такимъ истолкованіемъ и приписываетъ его тебѣ. Фактъ объясняется просто. Геніальныя вещи пишутся просто, безъ задней мысли, какъ бы сами собою. Вначалѣ самъ авторъ не придаетъ имъ никакой важности. Глинка написалъ камаринскую въ шутку, какъ Даргомыжскій написалъ свой казачокъ. Но шутка Глинки приняла размѣры колоссальные, и онъ увѣровалъ въ свое произведеніе только впослѣдствіи. Гете тоже написалъ первую часть Фауста спроста; но когда ему начали объяснять, что̀ онъ хотѣлъ будто выразить, онъ самъ тому повѣрилъ, онъ написалъ уже дѣйствительно обдуманную, но относительно и слабую вторую часть Фауста. Геній творитъ самобытно по чутью, а не по соображенію. Когда Гоголь началъ соображать, онъ погибъ и дошелъ до ребячества относительно оцѣнки своихъ произведеній. Глинка въ свою очередь отрекся отъ главной прелести своей камаринской, т.-е. отъ колорита и живописности, которыхъ не гнушались ни Моцартъ, ни Бетховенъ, ни Веберъ, ни особенно Мендельсонъ. Въ послѣдніе годы своей жизни творецъ „Жизни за Царя“ становился приверженцемъ музыки аскетической, музыки для музыки, безъ примѣси житейскихъ, вещественныхъ элементовъ. Онъ занимался много музыкой церковной,—и понятно, что шутки съ камаринскимъ мужичкомъ казались ему святотатствомъ. Прежнія веселости были давно забыты.

Относительно представленія твоей оперы Birichino di Parigi въ запискахъ Глинки сказано неточно, а второпяхъ и подъ вліяніемъ досады, весьма легко объяснимой. На русской сценѣ пѣли Степанова, Леоновъ, Шемаевъ и Петровъ, артисты добросовѣстные, никогда неимѣвшіе впрочемъ притязанія соперничать съ пѣвшими въ Петербургѣ итальянцами: Рубини, Тамбурини и Віардо. Слышать свою музыку на сценѣ исполненную такими знаменитостями, не могло не быть любимой мечтой каждаго композитора. Но этимъ самымъ воспользовался, во-первыхъ, А. Ѳ. Львовъ. Опера его Bianca et Gualtiero, написанная по плохому либретто флейтиста Guillou, была исполнена поименованными великими артистами. Опера по вялости сюжета не имѣла особаго успѣха и возбудила даже неудовольствіе нѣкоторыхъ абонентовъ, заявившихъ, что они платятъ большія деньги, чтобъ слушать извѣстныя уже всемірно произведенія. Въ этомъ заявленіи была доля правды. Для дебютовъ назначаются вообще не первостепенные, а второстепенные театры. Появленіе твоей оперы Birichino di Parigi усугубило это неудовольствіе. Но опера твоя была тѣмъ не

менѣе принята весьма радушно. Театръ былъ всегда полонъ. Тебя каждый разъ вызывали. Тамбурини былъ неподражаемо хорошъ въ роли каррикатурнаго старика. Представленія прервались роковымъ запрещеніемъ допускать русскія оперы на итальянской сценѣ. Вотъ въ чемъ заключался fiasco, — и этотъ-то fiasco былъ собственно для Глинки чувствительнымъ ударомъ. Вотъ отчего онъ съ такою горечью отмѣтилъ въ своихъ запискахъ «Gloire à M. T.», хотя упрекъ въ сущности несправедливъ и ты самъ конечно ни въ чемъ не виноватъ. Но Глинка терялъ надежду слышать свое произведеніе, истолкованное первыми артистами въ мірѣ. Этому я и приписываю тотъ оттѣнокъ недоброжелательства, который проглядываетъ въ его отзывахъ о тебѣ.

Глинка былъ человѣкъ непреклонный въ убѣжденіяхъ, и я самъ это испыталъ, когда началъ писать для него либретто къ „Жизни за Царя". Музыка у него была написана прежде словъ. Я отказался отъ чести быть его сотрудникомъ, по поводу польскаго акта, на который онъ смотрѣлъ, по моему убѣжденію, какъ на интермедію, тогда какъ я хотѣлъ ввести дѣйствіе. Я его разумѣется не переупрямилъ...

II.

Письмо артиста Ферреро къ Ѳ. М. Толстому.

Faisant partie de l'orchestre de l'Opéra Italien depuis plus de 25 ans—j'ai assisté à toutes les répétitions du „Birichino du Parigi"— ainsi qu'aux trois représentations. Je puis certifier en conséquense que cet opéra n'a pas fait fiasco, comme on le dit et que l'auteur non seulement n'a pas été sifflé—comme on le pretend—mais qu'il a été applaudi et même rappelé à plusieurs reprises. Baveri (le chef d'orchestre dans ce temps), Tamburini, Gardoni et la Angri pouraient le certifier au besoin.

Jean Ferrero, Artiste à l'orchestre de l'opéra Italien.

S.-Pétersbourg, le 23 Janvier 1871.

..... Отъ „Birichino di Parigi" остался только кадриль, написанный на мотивы этой оперы извѣстнымъ русскимъ капельмейстеромъ К. Н. Лядовымъ. Онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ Birichino, что съгоряча написалъ означенный кадриль до перваго еще представленія— и я очень хорошо помню, что Лядовъ упросилъ меня снабдить его письменнымъ дозволеніемъ о напечатаніи кадриля—и такъ какъ за кулисами письменнаго стола не находилось, то я подписалъ дозволеніе на спинѣ какого-то обязательнаго ламписта.

Все это, мнѣ кажется, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что противъ несчастнаго моего Birichino не было, какъ нынѣ утверждаютъ, особеннаго раздраженія и что произведеніе это, впрочемъ не замысловатое, не постигло, какъ говорятъ, великолѣпное фіаско.

Ѳ. М. Толстой.

СТАТСЪ-ДАМЫ и ФРЕЙЛИНЫ РУССКАГО ДВОРА

ВЪ XVIII и XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

біографическіе списки П. Ѳ. Карабанова *).

---

99) Княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова, супруга шталмейстера, тайнаго совѣтника князя Сергія Николаевича, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Василія Васильевича Долгорукова и супруги его княгини Екатерины Ѳедоровны, рожденной княжны Барятинской (см. выше № 81). Родилась 1791. Въ фрейлины пожалована 22 іюля 1808 г. Въ статсъ-дамы—30 іюня 1835 г.; 28 августа 1856 г. получила орденъ св. Екатерины 1-го кл. Умерла 1862 г., въ декабрѣ.

100) Графиня Марія Дмитріевна Нессельродъ, супруга государственнаго канцлера, графа Карла Васильевича, дочь министра финансовъ, графа Дмитрія Александровича Гурьева и супруги его, графини Прасковіи Николаевны, рожденной графини Салтыковой (см. выше № 84). Въ фрейлины пожалована 2 ноября 1802. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 12 января 1816, въ бракосочетаніе великой княгини Екатерины Павловны съ королемъ Виртембергскимъ. Въ статсъ-дамы 21 апрѣля 1836. Умерла скоропостижно отъ апоплексическаго удара, въ Гастейнѣ (въ Тиролѣ) въ августѣ 1849 года.

101) Княгиня Елисавета Николаевна Чернышова, супруга военнаго министра, князя Александра Ивановича, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, графа Николая Николаевича Зотова и супруги

---

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II стр. 468—498; 1871 г. т. III стр. 38—48; 272—282. Просимъ исправить вкравшуюся на стр. 276 опечатку: напеч.: Илья Андреевичъ Бибиковъ, читай: «Илья Александровичъ Бибиковъ». На стр. 277 ошибочно напечатанъ два раза № 78, вслѣдствіе чего послѣдующіе нумера до 98 нумера единицею болѣе того, какъ они должны быть

Ред.

его, графини Елены Алексѣевны, рожденной княжны Куракиной. Въ статсъ-дамы пожалована 5 декабря 1837. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 5 декабря 1850 г.

102) Княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова, 2-я супруга генерала отъ кавалеріи, князя Илларіона Васильевича *), дочь оберъ-егермейстера, Василія Александровича Пашкова и супруги его Екатерины Александровны, рожд. графини Толстой (см. стр. 281, № 91). Въ статсъ-дамы пожалована 5 декабря 1837 г.

103) Княгиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова, жена генералъ-фельдмаршала, князя Михаила Семеновича, рожд. графиня Браницкая, дочь графини А. В. Браницкой (т. II, № 7). Въ фрейлины пожалована 3 ноября 1807. Въ кавалерств. дамы 22 іюня 1823. Въ статсъ-дамы 15 августа 1838. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 5 декабря 1850.

104) Графиня Елисавета Андреевна Бенкендорфъ, супруга генерала отъ кавалеріи, графа Александра Христофоровича (род. 1783, умер. 11 сентября 1844), рожденная Захаржевская, вдова генералъ-маіора Павла Гавриловича Бибикова. Меньшой крестъ св. Екатерины получила 12 декабря 1824. Въ статсъ-дамы пожалована 25 мар. 1839. Скончалась въ январѣ 1858 г.

105) Графиня Юлія Ѳедоровна фонъ-Баранова, дочь статсъ-дамы Ю. Ѳ. Адлербергъ (см. № 78). Въ фрейлины пожалована 14 апрѣля 1806. Находилась гофмейстериною при великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, и, наканунѣ ея бракосочетанія, 1 іюля 1839, пожалована въ статсъ-дамы. Въ день же бракосочетанія великой княжны Ольги Николаевны, 1 іюля 1846, возведена въ графское россійской имперіи достоинство, съ распространеніемъ на ея потомство; въ рескриптѣ сказано: „за отличное попеченіе при воспитаніи великихъ княженъ". 26 августа 1856 г. получила орденъ св. Екатерины 1 класса. Умерла 12 іюля 1864. Съ 1855 до 20 октября 1860 г. состояла въ должности гофмейстерины императрицы Александры Ѳедоровны.

106) Графиня Розалія Александровна Ржевуская **), рожденная княжна Любомирская. Въ статсъ-дамы пожалована 31 мая 1845 года. Родилась въ Conciergerie, въ Парижѣ, во время французской революціи. Умерла въ Варшавѣ $\frac{\text{30 декабря 1864}}{\text{11 января 1865}}$. Мужъ пропалъ безъ вѣсти (Венцеславъ Ржевускій).

107) Графиня (впослѣдствіи княгиня) Ольга Александровна Орлова, супруга графа (князя съ 1856 г.) Алексѣя Ѳедоровича Ор-

*) Роднаго брата княгини Т. В. Голицыной, см. № 85.

**) Дочь французскаго генералъ-маіора, князя Александра Любомирскаго († 1807) и супруги его Розы Ходкевичъ († 2 сентября 1792 г.).

лова (умер. 9 мая 1861), дочь тайнаго совѣтника Александра Александровича Жеребцова и супруги его Александры Петровны, рожд. княжны Лопухиной (во второмъ бракѣ за графомъ Адамомъ Адамовичемъ Ржевускимъ). Въ статсъ-дамы пожалована 30 іюля 1847.

108) Баронесса Цецилія Владиславовна Фредериксъ, рожденная графиня Гуровская. Пожалована въ статсъ-дамы 30 іюня 1847, умерла 29 апр. 1851. (По смерти любимаго сына, барона Дмитрія Петровича, убитаго на Кавказѣ, перешла въ православіе).

109) Графиня Евдокія Васильевна Левашова, вторая супруга графа Василія Васильевича (р. 1783 † 23 сентября 1848), дочь Василія Александровича Пашкова, и супруги его Екатерины Александровны, рожд. графини Толстой (см. стр. 291, № 91). Въ статсъ-дамы пожалована 20 апр. 1848. Умерла 186...

110) Прасковья Ивановна Мятлева, супруга тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго камергера, Петра Васильевича (род. 13 декабря 1756, умеръ), старшая дочь генералъ-фельдмаршала, графа Ивана Петровича Салтыкова и супруги его, графини Даріи Петровны, рожд. графини Чернышовой (см. т. III, стр. 42, № 47). Родилась 1772. Была фрейлиною Екатерины II. Въ супружество вступила въ 1795. Въ статсъ-дамы пожалована 20 апр. 1848. Умерла...

111) Княгиня Екатерина Алексѣевна Волконская, супруга генералъ-лейтенанта князя Дмитрія Петровича, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, государственной коммерцъ-коллегіи президента, ярославскаго и вологодскаго генералъ-губернатора, Алексѣя Петровича Мельгунова и супруги его, Наталіи Ивановны, рожд. Салтыковой. Родилась 18 мая 17.. года. Въ супружество вступила въ 1790 году. Въ статсъ-дамы пожалована 5 декабря 1848. Скончалась въ 1853.

112) Графиня Клеопатра Петровна Клейнмихель, рожденная Переверзева; въ 1-мъ бракѣ Ильинская, во 2-мъ бракѣ жена генер. отъ инфант. графа П. А. Клейнмихеля. Пожалована въ статсъ-дамы 22 августа 1851. Умерла во Франціи 16 января 1865.

113) Графиня Екатерина Михайловна Рибопьеръ, супруга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оберъ-камергера графа Александра Ивановича Рибопьера, дочь генералъ-поручика Михаила Сергѣевича Потемкина и супруги его Татьяны Васильевны, рожд. Энгельгардтъ (см. въ фрейлинахъ Екатерины II, № 50). Пожалована въ статсъ-дамы 23 апрѣля 1854 (о фамиліи Рибопьеръ см. въ фрейлинахъ Екатерины II, № 31).

114) Елисавета Михайловна Бутурлина, рожден. Комбурлей,

вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Дмитрія Петровича Бутурлина. Пожалована въ статсъ-дамы 23 апрѣля 1854. Умерла въ...

115) Княгиня Дарья Алексѣевна Шаховская, рожд. графиня Мусина-Пушкина, супруга генерала отъ инфантеріи князя Ивана Леонтьевича. Пожалована въ статсъ-дамы 18 ноября 1854.

116) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Александровна Дадьянъ-Мингрельская, правительница Мингреліи, рожденная княжна Чавчавадзе, вдова генералъ-маіора князя Давыда Леоновича. Пожалована въ статсъ-дамы 26 авг. 1856. Въ окт. 1853 получила орденъ св. Екатерины 1 ст.

117) Княгиня Агаѳоклея Николаевна Горчакова, рожд. Бахметева, жена намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. Пожалована въ ст.-дамы 26 авг. 1856.

118) Графиня Марія Васильевна Адлербергъ, рожд. Нелидова, жена министра императорскаго двора. Пожалована въ статсъ-дамы 26 августа 1856, сконч. 25 авг. 1870.

119) Княгиня Екатерина Дмитріевна Долгорукова, жена оберъ-шенка князя Николая Васильевича, дочь генерала отъ кавалеріи князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Родилась 22 нояб. 1801. Въ статсъ-дамы пожалована 23 апрѣля 1861.

120) Графиня Наталія Дмитріевна Протасова, родная сестра предыдущей, вдова оберъ-прокурора св. Синода, графа Николая Александровича. Родилась въ 1805. Въ статсъ-дамы пожалована 23 апр. 1861. Въ гофмейстерины пожалована въ мартѣ 1865.

121) Графиня Юлія Петровна Строгонова, дочь португальскаго графа д'Алмейда д'Ойенгаузенъ (Almeyda d'Oyenhausen), въ первомъ бракѣ за португальскимъ посланникомъ въ Мадритѣ, графомъ да Ега (da Ega), во 2-мъ бракѣ за оберъ-камергеромъ, графомъ Григоріемъ Александровичемъ Строгоновымъ. Родилась 1783. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1862. Скончалась 2 ноября 1864.

122) Марія Павловна Леонтьева, рожденная Шипова, вдова генералъ-маіора, начальница института общества благородныхъ дѣвицъ, извѣстнаго подъ названіемъ Смольнаго монастыря. Въ статсъ-дамы пожалована 7 іюня 1867.

123) Графиня Леопольдина Францовна Бергъ, рожденная графиня Чикошъ, жена фельдмаршала. Въ статсъ-дамы пожалована 7 іюня 1867.

124) Графиня Габріела Старженская (рожденная Старженская, супруга графа Михаила Ксаверіевича?) умерла въ 1866 году.

КАМЕРЪ-ФРЕЙЛИНЫ.

При императрицѣ Аннѣ:

1) Г-жа Трейденъ, родная сестра герцогини Биронъ, была весьма слабаго здоровья. Въ 1733 г. вышла за генералъ-маіора Людвига Бисмарка, перешедшаго изъ прусской въ русскую службу (Записки Миниха, стр. 65). Онъ былъ впослѣдствіи (5 сентября 1739) генералъ-аншефомъ; 10 ноября 1740 лишенъ чиновъ; 17 янв. 1742 снова пожалованъ въ генералъ-аншефы; умеръ 4 октября 1750 года.

2) Г-жа Вильманъ.

3) Принцесса Биронъ, дочь герцога. Пожалована 14 февраля 1740, въ торжество о мирѣ съ турками и получила богатѣйшій портретъ.

При императрицѣ Елисаветѣ:

4) Княжна Варвара Алексѣевна Черкасская. (См. въ „статсъ-дамахъ" № 22).

5) Княжна Екатерина (Смарагда) Дмитріевна Кантемиръ (см. въ „статсъ-дамахъ" № 32).

При Петрѣ III:

6) Графиня Елисавета Романовна Воронцова, дочь ген.-аншефа графа Романа Илларіоновича Воронцова и супруги его, графини Маріи Ивановны рожд. Сурминой (она умерла 19 апр. 1748 и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ. См. „Описаніе С.-Петербурга" стр. 435). Графиня Елисавета Романовна родилась 13 авг. 1739. Обще съ старшею сестрою, графинею Маріею Романовною, была весьма рано отличена милостями императрицы Елисаветы Петровны; еще съ дѣтства въ 1750 г. обѣ сестры назначены были въ фрейлины и жили во дворцѣ. 1762, іюня 9, въ торжество мира съ Пруссіею, Петръ III возложилъ на графиню Елисавету Романовну орденъ св. Екатерины. По достовѣрному преданію извѣстно, что Петръ III имѣлъ намѣреніе постричь свою супругу Екатерину и обвѣнчаться съ Елисаветою Воронцовою. При отреченіи своемъ отъ престола, Петръ III, чрезъ Михаила Львовича Измайлова, письменно просилъ императрицу Екатерину II отпустить его въ свое отечество, Голштинію, съ Елисаветою Романовною и Андреемъ Васильевичемъ Гудовичемъ (манифестъ 6 іюля 1762). Екатерина II, лишивъ Воронцову ордена и камерфрейлинскаго званія, отправила ее къ родственникамъ. Въ 1765 г. Елисавета Рома-

новна вступила въ супружество съ стат. сов. Александромъ Ивановичемъ Полянскимъ, который умеръ въ глубокой старости, 28 нояб. 1818, и погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Екатерина II, желая показать великодушное забвеніе прошедшаго, въ 1782 г. пожаловала въ фрейлины рожденную у Полянскихъ дочь, Анну Александровну. Елисавета Романовна умерла 2 февр. 1792 г., 52 лѣтъ. и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ. (Mémoires de Catherine II, p. 128).

При Екатеринѣ II:

7) Княжна Анна Сергѣевна Долгорукова, дочь дѣйств. ст. сов. князя Сергія Петровича и супруги его, княгини Ирины Петровны, рожд. княжны Голицыной. Родилась въ маѣ 1719. Избрана Екатериною II, въ 1764, въ главныя начальницы новоучрежденнаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ (Смольномъ) монастырѣ, и при опредѣленіи своемъ получила камерфрейлинскій портретъ. Присутствовала въ совѣтѣ сего общества 1764, 1765 и 1766. Княжна Долгорукова была начальницею, а г-жа Лафонъ при нею правительницею (см. въ „ст.-дамахъ“ № 54). Бывши уволена какъ отъ двора, такъ и отъ должности начальницы Смольнаго монастыря, княжна Долгорукова поселилась въ Москвѣ, гдѣ и скончалась 13 марта 1778 и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

8) Александра Васильевна Энгельгардтъ. (См. въ „оберъ-гофмейстер.“ № 7).

9) Анна Степанова Протасова, дочь дѣйств. ст. сов., сенатора и св. Анны кавалера, Степана Өедоровича и второй супруги его, Анисьи Никитичны*), рожденной Орловой. Родилась въ 1745 году. Бывши двоюродною племянницею свѣтлѣйшему князю Орлову, пожалована Екатериною II въ фрейлины. Продолжительная довѣренность, ею пріобрѣтенная, обратилась для государыни въ привычку и наконецъ въ дружескую связь. Въ 1785 г. Екатерина наименовала Анну Степановну камерфрейлиною и наградила ее богатѣйшимъ портретомъ. Съ этого времени по самую кончину монархини Протасова была съ нею неразлучна и сопутствовала ей въ 1785 и 1787 г. въ обоихъ походахъ въ Москву; послѣдній былъ возвратный отъ Крыма. Шуточное прозваніе „Королевы“, данное ей Екатериною, приличествовало ея виду и осанкѣ и сохранилось по самую кончину императрицы. Въ день коронованія Павла, 5 апр. 1797 г. пожалованъ ей орденъ св. Екатерины 2 кл. Въ коронацію Александра I, 15 сент.

*) Анисья Никитична (род. 1721, ум. 1775) была, по отцѣ своемъ, двоюродною сестрою князя и графовъ Орловыхъ.

1801, возведена въ графское россійской имперіи достоинство, а 17 того же сентября, по прошенію ея, пожалованное ей графское достоинство распространено на родныхъ ея племянницъ, дочерей умершаго ген.-поручика Петра Степановича, фрейлинъ Варвару, Вѣру и Анну, ровно какъ и на дѣтей умершаго бригадира Александра Степановича: сына Степана (онъ умеръ юнкеромъ 24 іюня 1809, 16 л., погребенъ въ Донскомъ монастырѣ) и дочь Анну, съ повелѣніемъ внести ихъ въ заготовленную для нея грамоту. Въ послѣднее время жизни она была слѣпа. Скончалась 12 апр. 1826, и погребена въ церкви Сош. Св. Духа въ Невскомъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ. (Анна Степановна еще имѣла сестру Елисавету Степановну Протасову, которая умерла въ сумасшествіи въ 1840 году и погребена въ Донскомъ монастырѣ).

При Павлѣ:

10) Екатерина Ивановна Нелидова, дочь армейскаго поручика („С.-Петерб. Вѣдом." 1765, № 66). Родилась 12 дек. 1756, поступила въ общество благор. дѣвицъ (Смольный монастырь), 1-го пріема. Въ 1774 г. 11 мая, при раздачѣ награжденій отъ учрежденнаго въ общ. благор. дѣвицъ совѣта, Екатерина Ивановна, которая прежде имѣла сѣрую ленту съ двумя серебряными полосками, получила таковую же съ тремя, а въ 1775, сент. 19, ей данъ въ награжденіе императрицынъ вензель на бѣлой лентѣ, вмѣсто бывшаго прежде на сѣрой лентѣ съ тремя серебряными полосками. При выпускѣ оттуда (1776) назначена, 14 іюля 1777, фрейлиною къ вел. княг. Маріи Θедоровнѣ (бракъ Маріи Θедоровны съ вел. княз. Павломъ Петровичемъ совершенъ былъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того, а именно 7 окт. 1776). Ловкимъ обращеніемъ и умомъ, а наиболѣе твердостію, Нелидова не замедлила обратить на себя вниманіе вел. князя. За восемь мѣсяцевъ до вступленія Павла на престолъ удалилась въ Смольный монастырь. По восшествіи Павла, снова вызвана ко двору, и получила шифръ. Въ день его коронаціи, 5 апр. 1797, почтена достоинствомъ камеръ-фрейлины, и ей данъ императрицынъ портретъ, украшенный бриліантами вмѣстѣ съ орденомъ св. Екатерины 2-го кл. Въ 179... вниманіе императора къ Наталіи Θедоровнѣ Плещеевой (см. въ „ст.-дамахъ" № 83), было причиною немаловажнаго смятенія. Екатеринѣ Ивановнѣ приказано было немедленно выѣхать изъ Петербурга, со всѣми ей преданными лицами (въ томъ числѣ и Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову) и жить въ отдаленіи отъ столицы. Скончалась 2 янв. 1839 г., 82 лѣтъ. По смерти Павла, имп. Марія Θедоровна имѣла въ ней друга.

11) Княжна Анна Петровна Лопухина. (См. въ „ст.-дамахъ" № 65).

При Александрѣ I:

12) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, дочь генерала-аншефа графа Алексѣя Григорьевича и супруги его Авдотьи Николаевны, рожден. Лопухиной. Родилась въ 1785 г. По случаю ея рожденія, Екатерина II писала во время путешествія изъ Москвы водою по Волхову, въ іюнѣ 1785, къ доктору Циммерману: „Я видѣлась въ Москвѣ съ чесменскимъ героемъ, графомъ Орловымъ. Онъ заботится о своей молодой женѣ, которая родила первое дитя, и къ несчастію дочь. Почитая его не совсѣмъ искуснымъ ихъ воспитывать, желала бы я ему сына, которому онъ служилъ бы образцомъ". (Философ. переписка Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ, стр. 31). Изъ фрейлинъ пожалована въ камеръ-фрейлины 12 декабря 1817. Жила въ собственномъ домѣ въ Новгородѣ, близъ Юрьева монастыря; 5 октября 1848 она, собираясь въ С.-Петербургъ, отслушала въ монастырѣ литургію, пріобщилась св. Тайнъ и зашла къ архимандриту, какъ мгновенно скончалась отъ нервическаго удара на 64 году отъ рожденія. Похоронена тамъ же въ монашескомъ одѣяніи, по причинѣ тайнаго постриженія въ послѣднее свое пребываніе въ Кіевѣ.

При Николаѣ I:

13) Александра Гавриловна Дивова, дочь статскаго совѣтника Гаврилы Никифоровича и супруги его, Маріи Абрамовны, рожден. Евреиновой. Родилась 21 февраля 1772. Въ фрейлины пожалована 15 сентября 1793; въ камеръ-фрейлины въ коронацію Николая I. 22 августа 1826. Скончалась 11 февраля 1827 и погребена на фарфоровомъ заводѣ, при церкви Спаса Преображенія.

14) Екатерина Петровна Валуева,—родилась въ ноябрѣ 1774. 16 февраля 1791 выпущена изъ Общества благородныхъ дѣвицъ (шестого пріема). Опредѣлена въ фрейлины къ великой княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ, а при восшествіи Павла на престолъ получила фрейлинскій знакъ (6 ноября 1796). 1813 г. декабря 19, императрица Елисавета Алексѣевна выѣхала изъ С.-Петербурга за границу, и въ ея свитѣ была статсъ-дама княгиня Прозоровская (№ 68) и любимая фрейлина Валуева. Путешествіе продолжалось три года. Была весьма привязана къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Въ память того, по ея кончинѣ, получила камеръ-фрейлинскій знакъ въ коронацію Николая I, 22 августа 1826. Орденомъ св. Екатерины 2 кл. пожалована 1 іюня 1846, въ бракосочетаніе великой княгини Ольги

Николаевны съ наслѣдн. принцемъ Виртембергскимъ. Умерла въ 1848 году, 74 лѣтъ.

15) Княжна Варвара Михайловна Волконская, дочь бригадира, князя Михаила Петровича и супруги его, княгини Елисаветы Петровны, рожден. княжны Макуловой,—сестра министра императорскаго двора, князя Петра Михайловича. Родилась въ 1778 году. Въ фрейлины пожалована 6 іюня 1799 къ великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ; въ камеръ-фрейлины 15 апрѣля 1841, наканунѣ бракосочетанія Наслѣдника (Александра II). Орденъ св. Екатерины 2 кл. получила 4 іюня 1846, въ день бракосочетанія великой княгини Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Умерла въ 1866 году.

При Александрѣ II:

16) Графиня Екатерина Өедоровна Тизенгаузенъ—внучка князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Въ камеръ-фрейлины пожалована 6 декабря 1852.

17) Анна Алексѣевна Окулова. Въ камеръ-фрейлины пожалована 26 августа 1856 г. Умерла 13 февраля 1861.

18) Графиня Антонина Дмитріевна Блудова. Въ камеръ-фрейлины пожалована 17 апрѣля 1863.

19) Княжна Екатерина Владиміровна Львова. Въ камеръ-фрейлины пожалована... января 1865.

ГОФЪ-ФРЕЙЛИНЫ.

Въ царствованіе Петра I, при его супругѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

1) Дѣвица Марія Гамильтонъ, камеръ-фрейлина и любимица царицы Екатерины Алексѣевны. За третью беременность и за умерщвленіе младенца осуждена Петромъ I на смерть, и въ присутствіи самого царя воспріяла смертную казнь. . . . . Однажды деньщикъ Петра I, Иванъ Михайловичъ Орловъ, бывъ потребованъ къ государю въ необыкновенное время, услышалъ, что онъ крайне на него гнѣвенъ, заключилъ, что причина тому открытіе любовной его связи съ камеръ-фрейлиною Гамильтонъ. Вошедши, упалъ къ ногамъ Петра и сказалъ: „Виноватъ! люблю Маріюшку!“ Государь, не вѣдая того, началъ добиваться, давно-ли? „Три года“, отвѣчалъ Орловъ. „Бывала ли беременна, и рождала ли дѣтей?“ „Была, и рождала мертвыхъ дѣтей“. Послѣ сихъ рѣчей, она была призвана, уличена въ убійствѣ трехъ младенцевъ и осуждена на смерть. Императрица чрезвычайно любила эту несчастную, и употребила всѣ старанія, чтобы спасти ея: но ни просьбы царицы Прасковіи Өедоровны, лю-

бимой невѣстки Петра, ни заступничество прочихъ довѣренныхъ особъ не подѣйствовали: на другой же день голова ея была отрублена. Это случилось въ 1719 году. Орловъ былъ наказанъ годовымъ заключеніемъ въ крѣпости. (Дополн. къ „Дѣяніямъ Петра I". Т. XVIII, стр. 305)*).

2) Анна Ивановна Крамеръ, дочь нарвскаго купца и судьи въ ратушѣ. Родилась въ 1694. По взятіи русскими отечественнаго города, она вывезена была въ Вологду, потомъ въ Казань къ Апраксину; отъ него послана была въ подарокъ къ генералу Балку, который отдалъ ее гофмейстеринѣ Гамильтонъ. По смерти дѣвицы Гамильтонъ, Екатерина приняла ее къ себѣ первою камеръ-юнгферою. Въ этомъ званіи Крамеръ пріобрѣла совершенную довѣренность какъ царицы, такъ и царя. Въ 1716 году сопровождала ихъ въ Копенгагенъ и Голландію. Когда царевичъ Алексѣй Петровичъ умеръ въ въ крѣпости (26 іюня 1718), царь взялъ ее туда съ генераломъ Вейде, гдѣ она одѣвала тѣло умершаго. Послѣ была гофъ-фрейлиною и награждена Екатериною I имѣніемъ близъ Риги. Наконецъ находилась гофмейстериною при великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, сестрѣ Петра I, а по кончинѣ ея (22 ноября 1728), удалилась въ Нарву, гдѣ и умерла въ 1770 г., 76 лѣтъ отъ рожденія.

3) Авдотья Иродіоновна Кошелева, дочь отъ 1-й супруги ген.-поручика Иродіона Мих. Кошелева, шталмейстера и кавалера ордена св. Александра Невскаго (5 сент. 1747), умершаго въ 1760 году. Послѣ второго брака ея отца съ Матреною Ивановною, дочерью пастора Глюка**), Авдотья Ивановна сдѣлалась извѣстною императрицѣ Екатеринѣ I и поступила къ ней въ гофъ-фрейлины. Въ 1728 году была уже въ замужествѣ за Василіемъ Андреевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ.

4) Графиня Анна Гавриловна Головкина. (См. въ „ст.-дам." № 9).

5) Анисія ... Толстая, гофъ-фрейлина двухъ императрицъ, Екатерины I и Анны Іоанновны. При первой изъ нихъ упоминается въ день погребенія Петра I. („Описаніе порядка при погребеніи Петра Великаго", стр. 27). При второй въ день ея коронаціи 28 апр. 1730 („Описаніе коронаціи императрицы Анны Іоанновны", стр. 41).

6) Графиня NN. Мануиловна Девьеръ, дочь ген.-лейтенанта, ген.-полицмейстера и ордена св. Александра Невскаго кавалера, графа Мануила Девьера и супруги его, родной сестры князя А. Д. Менши-

*) Подлинное розыскное дѣло о дѣтоубійствѣ, совершенномъ Гамильтонъ— напечатано въ нашей статьѣ: «Фрейлина Гамильтонъ» («Отечеств. Зап.», 1860 г., кн. IX). **Ред.**

**) О судьбѣ другихъ дочерей пастора Глюка см. въ «ст.-дамахъ» № 7.

кова. (О бракѣ Девьера съ княжною Меншиковою, см. „Helbig, Russische Günstlinge, стр. 94). Графиня Девьеръ находилась гофъ-фрейлиною въ царствованіе Петра I, при его супругѣ, и упоминается въ церемоніи погребенія сего государя (стр. 27). Въ 1726, предъ кончиною императрицы, во время отсутствія Меншикова, составился противъ него заговоръ, въ которомъ, кромѣ другихъ, принялъ участіе и его зять, графъ Девьеръ. Заговоръ этотъ, по возвращеніи Меншикова, разрушенъ. Тѣмъ не менѣе, Меншиковъ, питая злобу къ Девьеру, воспользовался своею силою при Петрѣ II, чтобы отмстить своимъ врагамъ. 26 апр. 1727 г. Девьеръ былъ лишенъ чиновъ, графскаго достоинства, имѣній, наказанъ кнутомъ, и сосланъ въ Сибирь, въ Якутскъ. Вѣроятно, и дочь его послѣдовала за нимъ, потому что при коронаціи императрицы Анны Іоанновны не упоминается между фрейлинами. Въ 1743 февр. 14 императрица Елисавета возвратила Девьеру графское достоинство, чинъ и орденъ.

7) Варвара Михайловна Арсеньева (см. въ „оберъ-гофмейстеринахъ“ № 1).

При императрицѣ Аннѣ:

8) Графиня Екатерина Андреевна Ушакова, единственная дочь ген.-аншефа, графа Андрея Ивановича Ушакова (род. 1672, графъ 1744, ум. 10 марта 1747) и супруги его, Елены Леонтьевны, рожденной Кокошкиной (въ первомъ супружествѣ бывшей за Өедоромъ Карповичемъ Апраксинымъ; отъ нихъ рожденъ ген.-фельдмаршалъ Степанъ Өедоровичъ Апраксинъ; сравни въ „ст.-дамахъ“ № 33). Родилась 22 окт. 1715. Въ коронацію императрицы Анны Іоанновны, 28 окт. 1730, именована въ числѣ фрейлинъ. Вышла въ 1738 за дѣйств. тайн. сов., посланника при дворахъ датскомъ, прусскомъ, англійскомъ и посла при французскомъ дворѣ, графа Петра Григорьевича Чернышова. Умерла 25 сент. 1779 и погребена въ Невскомъ монастырѣ. Графъ Петръ Григорьевичъ родился 25 марта 1712, ум. 20 авг. 1773 и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ.

9) Анна Алексѣевна Салтыкова, старшая дочь Алексѣя Петровича и сестра ген.-аншефа, Ивана Алексѣевича. Находилась фрейлиною при коронаціи императрицы Анны Іоанновны. („Описаніе коронов. импер. Анны“, стр. 41). Императрица отмѣнно ее жаловала; въ свободное отъ государственныхъ дѣлъ время, растворивъ двери изъ спальни въ фрейлинскую комнату, приказывала, по тогдашнему обычаю, своимъ фрейлинамъ пѣть пѣсни, и преимущественно любила голосъ Анны Алексѣевны. Но за интригу съ Степаномъ Алексѣевичемъ Колычовымъ она была выслана отъ двора и жила, по родству, у графини Екатерины Ивановны Головкиной („ст.-дамы“ № 13),

супруги тогдашняго вице-канцлера, графа Михаила Гавриловича. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, Анна Алексѣевна награждена особливымъ домомъ и содержаніемъ; но, войдя въ неоплатные долги, была тайно вывезена изъ Петербурга своимъ родственникомъ, тайн. сов. Михаиломъ Семеновичемъ Козловскимъ, и жила у него въ его рязанской деревнѣ. Наконецъ, по близости, водворилась въ Аграфенину пустынь, гдѣ и скончалась въ старости послѣ 1775 года.

10) Софія Алексѣевна Салтыкова, меньшая сестра вышеописанной (№ 9), именована въ числѣ фрейлинъ императрицы Анны Іоанновны при коронованіи этой государыни. („Описаніе коронованія", стр. 41). Была въ замужествѣ за ген.-поручикомъ Алексѣемъ Венедиктовичемъ Татищевымъ. Сынъ ея, графъ Николай Алексѣевичъ, рожденъ въ 1736 году.

11) Княжна Александра Александровна Меншикова, дочь генералисимуса, свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, и супруги его, княгини Даріи Михайловны, рожд. Арсеньевой. Родилась въ 1712 г.,— крещена Петромъ І-мъ 4 дек. 1712. При торжественномъ обрученіи сестры своей, свѣтлѣйшей княжны Маріи Александровны, съ императоромъ Петромъ II (29 іюня 1727), она получила орденъ св. Екатерины. Въ это время князь Меншиковъ намѣревался выдать ее за наслѣднаго принца Ангальтъ-Дессаускаго, о чемъ уже и происходили переговоры. Въ томъ же году, при паденіи родителя (8 сент. 1727) она лишена ордена и вмѣстѣ съ нимъ сослана Тобольской губ. въ городъ Березовъ. На дорогѣ, не доѣзжая до мѣста назначенія, эта несчастная лишилась (1728) ослѣпшей отъ слезъ матери, потомъ (1729) старшей сестры, императорской невѣсты, и наконецъ (22 окт. 1729) своего отца. Въ 1731, императрица Анна возвратила ее съ братомъ изъ ссылки. По пріѣздѣ въ Москву, они были представлены государынѣ въ дорожномъ платьѣ и пожалованы: она—въ фрейлины, а братъ— въ прапорщики гвардіи. Въ слѣдующемъ 1732 году, февр. 3 дня императрица во дворцѣ сама церемоніально обручила ее съ барономъ Густавомъ Бирономъ, ген.-аншефомъ и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка маіоромъ, роднымъ братомъ герцога Курляндскаго; бракосочетаніе ихъ совершено въ томъ же мѣсяцѣ. Въ 1736, окт. 13, Александра Александровна умерла въ С.-Петербургѣ отъ родовъ, 24 лѣтъ, и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ Благовѣщенской церкви.

12) Княжна Марія Дмитріевна Кантемиръ, дочь Молдавскаго господаря (въ Россіи тайн. сов. и сенаторъ) князя Дмитрія Антіоховича Кантемира, и первой его супруги княгини Кассандры (Алек-

сандры) Сергѣевны, дочери Волошскаго господаря Сербина (Сергія) Кантакузена (см. въ „ст.-дамахъ“ № 1). Родилась 29 апр. 1700 года. Пожалована въ фрейлины императрицы Анны Іоанновны, но, по причинѣ болѣзни, была уволена отъ двора въ Москву; она тамъ скончалась 9 сентября 1754 г. и погребена въ Греческомъ Николаевскомъ монастырѣ *).

13) Марія Михайловна Салтыкова. Родилась 24 мая 1710. Была фрейлиною при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и въ ея царствованіе вышла за бывшаго чрезвычайнаго посланника нашего при Датскомъ дворѣ, потомъ тайн. сов., воронежскаго губернатора, дѣйств. камергера и св. Анны кавалера, Алексѣя Михайловича Пушкина. Скончалась 18 мая 1785 и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

14) Анна Алексѣевна Татищева, дочь ген.-аншефа, ген.-полицмейстера, дѣйств. камергера и св. Александра Невскаго кавалера, Алексѣя Даниловича Татищева († 21 сент. 1760). Фрейлина двухъ императрицъ, Анны и Елисаветы, и упоминается при коронаціи послѣдней. Была первою супругою Петра Ивановича Панина, бывшаго тогда полковникомъ и еще неимѣвшаго тогда графскаго титула; свадьба ея совершилась С.-Петербургѣ, во дворцѣ, 8 февр. 1748 года. („Спб. Вѣдом.“ 1748, № 13, стр. 102). Панинъ, живши 16 лѣтъ въ этомъ супружествѣ, имѣлъ отъ онаго 17 дѣтей, изъ коихъ ни одного не осталось въ совершенномъ возрастѣ. Анна Алексѣевна умерла 27 окт. 1764 (Порошинъ, стр. 99). Тогда Панинъ женился на фрейлинѣ Маріи Родіоновнѣ Ведель, отъ которой имѣлъ пять дѣтей (изъ коихъ только два осталось въ живыхъ).

15) Марѳа Васильевна Шереметева. Родилась 4 іюля 1724. Передъ коронаціей Елисаветы Петровны пожалована къ императрицыну двору въ фрейлины, и упоминается въ церемоніи. Въ супружество вступила 20 февр. 1744, съ Петромъ Ѳедоровичемъ Балкомъ (впослѣдствіи ген.-лейтен., дѣйств. камергеръ и кавал. св. Александра Невскаго и св. Анны), и вѣнчана въ придворной церкви въ присутствіи нареченной невѣсты вел. кн. Петра Ѳеодоровича (Екатерины II); это была первая свадьба, которую видѣла Екатерина по пріѣздѣ въ Россію (см. записки Храповицкаго, въ Отеч. Зап. 1824, январь, № 45, стр. 49). Марѳа Васильевна овдовѣла въ 1762; сама скончалась 7 января 1792, бездѣтною, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Петръ Ѳедоровичъ Балкъ, род. 12 марта 1712, ум. 20 апр. 1762;

---

*) Подробности о княжнѣ Кантемиръ находятся у Бюшинга: Magazin, XI. Theil, Seite 489, 490. und 494). Ред.

погребенъ въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Шутками своими веселилъ императрицу Анну и льстилъ Бирону, но ни въ какія дѣла не былъ допускаемъ (Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ, стр. 51).

16) Анастасія Степановна Лопухина, дочь ген.-поручика, ген.-кригскоммиссара, дѣйств. камергера и св. Александра Невскаго кавалера, Степана Васильевича, и супруги его, Наталіи Өедоровны, рожд. Балкъ (см. въ „ст.-дамахъ“ № 14). Родилась 16 окт. 1725 года. Въ коронацію императрицы Елисаветы Петровны, 25 апр. 1742, упоминается въ числѣ фрейлинъ. Въ супружествѣ была за тайн. сов. и дѣйств. камергеромъ, графомъ Николаемъ Александровичемъ Головинымъ. Скончалась 24 февр. 1799, 75 л., и похоронена въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Четыре сестры: Доротея, Юліана, Якобина и Аврора, баронессы фонъ-Менгденъ, изъ древнѣйшей лифляндской фамиліи, особенно взысканныя могущественнымъ герцогомъ Бирономъ, вызваны были ко двору императрицы Анны Іоанновны. Старшія три тогда же опредѣлены фрейлинами, а четвертая поступила въ это званіе уже при принцессѣ-правительницѣ.

17) Баронесса Анна-Доротея фонъ-Менгденъ, статсъ-фрейлина, вступила, 20 февр. 1739, въ супружество съ Іоанномъ Эрнестомъ, графомъ фонъ-Минихъ, сыномъ фельдмаршала, родивш. 10 янв. (нов. ст.) 1708 г. Вѣнчаніе совершено лютеранскимъ пасторомъ въ большой залѣ дворца, въ присутствіи императрицы, которая въ приданое пожаловала 400 руб. денегъ и множество бриллiантовъ („Зап. Миниха“ 132 и 133). Эта свадьба совершалась съ великою и пребогатою церемоніею. Наслѣдникъ Курляндскій, принцъ Петръ ѣздилъ за женихомъ. Цесаревна Елисавета Петровна и принцесса Анна вели невѣсту къ вѣнчанію, а жениха велъ принцъ Петръ; потомъ для свадебныхъ гостей во дворцѣ былъ обѣдъ, а въ вечеру балъ, послѣ котораго новобрачные отпущены въ домъ отца его; на другой день былъ обѣдъ у фельдмаршала, а вечеромъ еще балъ во дворцѣ („Спб. Вѣдом.“ 1739, № 16, стр. 125).

18) Баронесса Юліана фонъ-Менгденъ, вторая сестра, первѣйшая любимица правительницы Анны, совершенно ею овладѣвшая. Безпредѣльная безпечность отвлекала несчастную принцессу отъ необходимости государственныхъ занятій и ускорила ея паденіе. Юліана ссорила легкомысленную правительницу съ ея супругомъ и способствовала ей относительно графа Линара, польско-саксонскаго министра, за котораго, въ угодность правительницѣ, была уже сговорена. 13 іюля 1741, даны были ему росс. ордена св. Андрея и св. Александра

Невскаго, а по окончаніи брака готовилось для него оберъ-камергерское достоинство; но переворотъ государственныхъ дѣлъ въ пользу цесаревны Елисаветы все это уничтожилъ (Манштейнъ, II, 120, 121 и 122).

19) Баронесса Якобина фонъ Менгденъ, третья сестра, сопутствовала Юліанѣ во время ея изгнанія.

При правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ:

20) Баронеса Аврора фонъ-Менгденъ, четвертая сестра. Упоминается, по старшинству фрейлинъ, при торжественномъ коронованіи императрицы Елисаветы Петровны („Записки Екатерины II", стр. 72). Этою государынею выдана, 1749, за дѣйств. тайн. сов. лейбъ-медика Іогана Германа, графа Лестока. Графиня Лестокъ вовлечена была въ несчастіе своего мужа и перенесла оное съ великимъ постоянствомъ.

21) Княжна Софія Васильевна Одоевская, дочь князя Василія Юрьевича Одоевскаго, и супруги его, княгини Маріи Алексѣевны, дочери послѣдняго князя Лыкова, съ отличіемъ принятой при дворѣ Петра I. Была первою статсъ-фрейлиною принцессы-правительницы. Вышла замужъ, 26 окт. 1741, за камергера, барона фонъ-Лиліенфельда. По манифесту 29 авг. 1743 включена въ число заговорщиковъ противъ императрицы Елисаветы Петровны; за участіе, непристойныя и зловредныя слова, осуждена къ отсѣченію головы; но, по разрѣшеніи отъ бремени, наказана плетьми и послана въ ссылку. Ея супругъ посланъ въ его деревню безвыѣздно. Когда княгинѣ Одоевской объявили, что дочь ея Лиліенфельдъ заключена въ Петропавловскую крѣпость, то старуха закрыла себѣ лицо руками, пробыла нѣсколько въ этомъ положеніи, и потомъ продолжала посторонній разговоръ. Софія Васильевна умерла бездѣтною. Она была родною сестрою дѣйств. тайн. сов., сенатора и св. Александра Невскаго кавалера, князя Ивана Васильевича Одоевскаго, у котораго было 10,000 душъ крестьянъ, въ томъ числѣ и славная „Лава", данное въ приданое его сестрѣ баронессѣ Лиліенфельдъ и ему возвращенное.

При императрицѣ Елисаветѣ:

22) Мавра Егоровна Шепелева, (см. въ „ст.-дамахъ" № 18).

23) Графиня Анна Карловна Скавронская. (См. въ „обергофмейстеринахъ" № 4).

24) Графиня Марія Семеновна Гендрикова (см. въ „обергофмейстеринахъ" № 3).

25) Графиня Екатерина Карловна Скавронская. (См. въ „ст.-дамахъ" № 28).

26) Графиня Мароа Семеновна Гендрикова (см. въ „ст.-дамахъ" № 25).

27) Анна Васильевна Салтыкова, дочь дѣйств. тайн. сов. Василія Өедоровича Салтыкова и супруги его ст.-дамы Маріи Алексѣевны, рожд. княжны Голицыной (см. въ „ст.-дамахъ" № 17).

Родилась 24 іюня 1729. За участіе родителей своихъ при восшествіи императрицы Елисаветы на престолъ („Зап. Шаховскаго", I 74), а именно за то, что Василій Өедоровичъ, одѣвшись въ крестьянское платье, проныpствомъ своимъ много способствовалъ императрицѣ, она, на 13-мъ году отъ рожденія, пожалована фрейлиною (18 дек. 1741, въ день рожденія императрицы), и жила во дворцѣ; мать ея въ тотъ же день пожалована въ ст.-дамы („Спб. Вѣдом." 1741. № 102, стр. 814). Неограниченная рѣзвость Анны Васильевны выводила всѣхъ изъ терпѣнія, а императрица смѣялась и покровительствовала. Наконецъ своенравіе ея превратилось въ дерзость, раздражавшую саму Елисавету. Однажды, на придворномъ балѣ, Анна Васильевна явилась въ точно такомъ головномъ уборѣ, какъ императрица. Елисавета, желавшая быть неподражаемою, приказала подать ножницы и, поставивъ Салтыкову на колѣни, собственноручно выстригла ей передніе волосы, по тогдашнему названію а-ла-кокъ (à la coq). Братъ ея, Александръ Васильевичъ (бывшій потомъ дѣйств. ст. сов. и св. Анны кавалеромъ), несправедливо оправдывавшій сей поступокъ, самъ прозванъ „а-ла-кокъ". Вскорѣ послѣ сего, 10 нояб. 1747, ее выдали за князя Матвѣя Алексѣевича Гагарина, родного брата графини А. А. Матюшкиной (см. оберъ-гофм. № 6), бывшаго потомъ ген.-маіоромъ и лейбъ-гв. Семеновскаго полка секундъ-маіоромъ (род. 27 апр. 1725, ум. 10 марта 1793). Супружество было несогласное; супруги жили въ разныхъ домахъ. Княгиня Анна Васильевна скончалась 16 мая 1799 и обще съ супругомъ похоронена въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Дѣтей у нихъ не было.

28) Скворцова.

29) Княжна...... Алексѣевна Гагарина, дочь князя Алексѣя Матвѣевича Гагарина и супруги его, баронессы Шафировой. Была фрейлиною при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Бывши помолвлена съ камергеромъ, княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, скончалась отъ горячки въ 1746 году. Голицынъ женился потомъ на ея младшей сестрѣ, княжнѣ Даріи Алексѣевнѣ (см. въ „ст.-дамахъ", № 36). На мѣсто ея, ко двору выписана изъ Москвы старшая ея сестра, княжна Анна Алексѣевна (впослѣдствіи графиня

Матюшкина, см. въ „обергофмейст.“ № 6.—Смотри „Записки Екатерины II“, русс. перев., Лондонъ, 1859, стр. 54).

30) Екатерина Алексѣевна Каръ, дочь дѣйств. ст. сов. и св. Анны кавалера, Алексѣя Филипповича Каръ и супруги его, бывшей гофмейстериною великой княжны Наталіи Алексѣевны, сестры Петра II. Родилась 5 окт. 1724. Императрица Елисавета Петровна пожаловала ее въ фрейлины. Въ супружество вступила 6 ноября 1745, съ ген.-поручикомъ, шталмейстеромъ, дѣйств. камергеромъ и св. Александра Невскаго кавалеромъ, княземъ Петромъ Михайловичемъ Голицынымъ (род. 30 дек. 1702, сконч. 19 апр. 1760). Императрица Екатерина II, въ день коронаціи своей, 22 сент. 1762, оказала ей отличное благоволеніе и единственное въ сей день, пожаловавъ ей въ вѣчное и потомственное владѣніе, данное ей по смерть, вѣдомства дворцовой канцеляріи Ростовскаго уѣзда, село Угодичи, съ деревнями, всего 946 душъ. Сконч. 16 февр. 1804 и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Дѣтей не было. (Въ родословіи князей Голицыныхъ, помѣщенномъ въ Древн. росс. Вивліоѳикѣ. т. XVII, она по ошибкѣ названа ст.-дамою).

31) Агаѳія Яковлевна . . . . Сомнительная фрейлина, а скорѣе, кажется, камеръ-юнгфера. Еще до 1746 г. была въ супружествѣ за кол. сов. и кафеенкомъ императрицы Елисаветы, Александромъ Ульяновичемъ Саблуковымъ. Она была въ великой милости у Елисаветы Петровны. Въ 1754 г. нояб. 15 императрица подарила ей пѣсню своего сочиненія и собственною рукою писанную. Скончал. 15 апр. 1769, 52 лѣтъ.

32) Екатерина Ивановна Нарышкина (см. въ „ст.-дамахъ“ № 24).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II

КЪ

ГРАФУ СТАКЕЛЬБЕРГУ.

1773—1793.

XXI *).

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Мы ожидали, что за точными нашими предписаніями, вамъ данными, охранять польскаго коронныго гетмана графа Браницкаго при цѣлости имѣнія его Бѣлоцерковскаго, даннаго ему въ собственность на сеймѣ, коего всѣ постановленія обнадежены нашимъ ручательствомъ, не будетъ онъ обезпокоенъ никакими притязаніями; но нынѣ увѣдомляемся, что скарбовый департаментъ**) произвелъ требованія на мѣстечки Боярку и Каменный Бродъ, издавна къ Бѣлоцерковскому старосту принадлежащія. Таковыя со стороны казенной затрудненія графу Браницкому наносимыя, вамъ должно отвращать, внушивъ его величеству королю и чинамъ, въ дѣлахъ участіе имѣющимъ, наше непремѣнное желаніе, дабы означенный гетманъ сохраненъ былъ при цѣлости имѣнія, стараніемъ нашимъ ему доставленнаго, и притомъ давъ знать рѣшительно, что мы, продолжая всегда наше къ нему особливое благоволеніе и покровительство, не можемъ попустить, чтобъ ему какое-либо

---

*) См. «Русскую Старину» 1871 г. т. III, стр. 310—325. Напечатанныя въ предисловіи къ нимъ замѣтки просимъ исправить такъ: графъ Отто Магнусовичъ Стакельбергъ, эстляндскій дворянинъ. Извѣстный посолъ въ Парижѣ гр. Э. Г. Стакельбергъ скончался въ Парижѣ $\frac{30 \text{ апрѣля}}{12 \text{ мая}}$ 1870 г. Послѣ его кончины фамильныя бумаги рода графовъ Стакельберговъ сосредоточились въ маіоратѣ Изенгофъ, принадлежащимъ старшему брату посла, гр. Отто Густавовичу, сынъ котораго, флигель-адъютантъ гр. Отто Оттовичъ Стакельбергъ, сообщилъ намъ эти документы при посредствѣ графа Э. К. Чапскаго. **Ред.**

**) Учрежденіе соотвѣтствовавшее въ Польшѣ министерству финансовъ.

предосужденіе учинено было. Ожидая вашего по сему донесенія, пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 19, 1785 года.

XXII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Препровождая симъ графа Платера, по имѣніямъ его находящагося въ числѣ подданныхъ нашихъ, препоручаемъ вамъ въ надобностяхъ его и справедливыхъ исканіяхъ стараться подкрѣплять вашими заступленіями и ходатайствами въ пользу его у его величества короля польскаго и правительства тамошняго. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, марта 4, 1785 г.

XXIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Мы ожидали, что повелѣнія наши, неоднократно къ вамъ посланныя въ пользу польскаго короннаго гетмана графа Браницкаго, возъимѣютъ то дѣйствіе, что онъ останется спокойнымъ въ полномъ владѣніи, безъ малѣйшаго ущерба, староствомъ Бѣлоцерковскимъ такъ, какъ всѣ его принадлежности въ данной ему грамотѣ изображены, и какъ оныя всегда издавна разумѣлись; но нынѣ новыя получаемъ отъ него прошенія о защищеніи его противъ чинимыхъ ему безпокойствъ во владѣніи нѣкоторыми мѣстностями, къ тому староству принадлежащими. Подтверждаемъ потому и нынѣ прежнія наши предписанія о всемѣрномъ со стороны вашей стараніи и настояніи, чтобъ, какъ выше сказано, пожалованное имѣніе графу Браницкому такъ, какъ оно въ данной ему грамотѣ поименовано и всегда издавна принадлежало, сохранено было безъ малѣйшаго ущерба, чтобъ дѣла его по справедливости и безъ отлагательства окончены были, и чтобъ онъ воспользовался надлежащимъ защищеніемъ противъ неосновательныхъ къ нему прицѣпокъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 24, 1785 г.

XXIV.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ! Польскій коронный гетманъ графъ Браницкій, намѣренъ будучи требовать, чтобъ имя его исключено было изъ ненавистнаго процесса извѣстной Угрюмовой*), просилъ нашего въ пользу его старанія. Пріемля за благо всѣ

*) Авантюристка, принадлежавшая къ числу загадочныхъ личностей, участвовавшая въ заговорѣ нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ противъ короля Станислава Августа Понятовскаго. Ред.

тѣ увѣренія, кои онъ о своей вѣрности и усердіи къ его величеству королю и ко всему, что благо прямое республики польской составляетъ, и удостоивая его во всякомъ случаѣ нашего благоволенія и покровительства, поручаемъ вашему попеченію и настоянію, чтобъ онъ, графъ Браницкій, въ прошеніи его получилъ надлежащее удовлетвореніе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 25, 1785 г.

XXV.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. По дружбѣ его величества короля польскаго ко мнѣ, поручаю вамъ просить его, чтобъ онъ почтилъ первымъ орденомъ своимъ Бѣлаго Орла генералъ-маіора Ермолова *). Какъ скоро оный получите, доставьте ко мнѣ прямо. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 17, 1786 г.

XXVI.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Получивъ орденъ Бѣлаго Орла, мною требованный для генералъ-маіора Ермолова, поручаю вамъ засвидѣтельствовать его величеству королю польскому благодареніе мое за готовность, съ каковою его величество удовлетворилъ моему ходатайству, препроводя сіе увѣреніями о моей искренней къ сему государю дружбѣ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюля 6, 1786 г.

XXVII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. По случаю сближенія сейма въ Польшѣ, мы почитаемъ излишнимъ давать вамъ новыя наставленія, тѣмъ болѣе, что извѣстны вамъ предположенія наши о сохраненіи въ сей сосѣдственной намъ республикѣ тишины и добраго согласія между членами правительства ея, о соблюденіи должнаго уваженія къ королю, коего дружественныя къ намъ расположенія и добрыя намѣренія касательно отечества его намъ совершенно вѣдомы, и о подкрѣпленіи тѣхъ, которые безпристрастными ихъ подвигами вамъ въ достиженіи цѣли, нами желаемой и выше сего начертанной, содѣйствуютъ и впредь пособствовать будутъ.

---

*) Ермоловъ Александръ Петровичъ, генералъ-поручикъ, род. 1754 † 1836 г. былъ въ случаѣ съ начала 1785 г. Въ іюлѣ 1786 г. удалился отъ двора и поѣхалъ путешествовать. Ред.

Римскій императоръ, по искренней съ нами дружбѣ и неразрывному союзу, между державами нашими благополучно пребывающему, сдѣлалъ двору нашему, чрезъ министерство его, увѣренія о стараніи своемъ, дабы со стороны князя Черторижскаго всякій подвигъ и безпокойство по извѣстному ненавистному дѣлу Угрюмовой были отложены. Мы поручаемъ вамъ употребить равныя попеченія, дабы и прочіе, кои считали бы себя замѣшанными въ семъ дѣлѣ, остались въ покоѣ, и тѣмъ всякое въ наступающемъ сеймѣ смятеніе было отвращено. Не сомнѣваемся нимало, что и графъ Браницкій, вѣдая наше къ нему особливое благоволеніе, не только не учинитъ подвига вопреки таковому желанію нашему, но еще, по усердію его къ намъ, будетъ вамъ пособствовать къ успокоенію духовъ тамошнихъ и къ упрежденію всего, что можетъ обратиться въ замѣшательство. Вы сообщите ему сію волю нашу, удостовѣря его о продолженіи нашей къ нему милости и неотъемлемомъ отъ него и дома его нашемъ сильномъ покровительствѣ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюля 17, 1786 года.

XXVIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Удостоивъ покровительства нашего племянника великаго коронного гетмана графа Браницкаго генералъ-фельдцейхмейстера литовскаго князя Сапѣгу и епископа Плоцкаго Шембека, по просьбамъ и дѣламъ ихъ поручаемъ вамъ надлежащимъ образомъ подкрѣплять вашими пособіями, поколику то можетъ сходствовать съ справедливостью. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 28, 1786 г.

XXIX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Послѣ отправленія къ вамъ повелѣній нашихъ относительно сближающагося въ Польшѣ сейма и приложенія стараній, дабы извѣстное ненавистное дѣло Угрюмовой не было поводомъ къ безпокойствамъ и смятеніямъ, представленъ намъ отъ великаго коронного гетмана графа Браницкаго проектъ артикула конституціи для отвращенія и малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности его къ королю и отечеству его, составленный въ умѣренныхъ и благопристойныхъ израженіяхъ, какъ то вы изъ приложенія усмотрите. Мы поручаемъ вашему попеченію, чтобъ дѣло сіе, какъ съ одной стороны сходственно съ желаніемъ помянутаго

короннаго гетмана, такъ и съ другой со всевозможнымъ предохраненіемъ тишины на сеймѣ, распоряжено было, о чемъ вы съ нимъ откровенно изъяснитесь и положите на мѣрѣ; а какъ тутъ равнымъ образомъ нужно будетъ, чтобъ и князь Черторижскій не преступилъ предѣловъ умѣренности, то не оставьте снестись съ римско-императорскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и употребить пособіе двора его, чтобъ сей князь такъ учредилъ свое на сеймѣ поведеніе, дабы всякое распаленіе духовъ могло быть отдалено. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, августа 28, 1786 г.

XXX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Прилагая у сего копіи изъясненія архіепископа полоцкаго, соединенной съ римскою церковью, Ираклія Лисовскаго и письма нашего генерала и бѣлорусскаго генералъ-губернатора Пассека объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ всегда къ епархіи помянутаго архіепископа, кои отъ нея отторгнуты за выѣздомъ изъ Россіи предмѣстника его, нынѣшняго митрополита уніатскаго Смогоржевскаго, повелѣваемъ, какъ изображенными въ означенныхъ бумагахъ доводами, такъ и другими по свѣдѣнію вашему средствами, подкрѣпить требованіе архіепископа Лисовскаго и, къ удовлетворенію оному, учинить наисильнѣйшія домогательства, увѣдомя насъ объ успѣхѣ въ томъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, октября 7, 1786 г.

XXXI.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Отъ вице-канцлера извѣщены вы будете, какой отвѣтъ по волѣ моей данъ имъ генералъ-поручику Котаржевскому отъ его величества короля Польскаго присланномъ по случаю намѣренія его видѣться со мною. Вы на семъ основаніи распорядите ваши отзывы внушая, что сверхъ препятствій со стороны короны Польской, недозволяющихъ королю выѣзжать за предѣлы республики, относительно пріѣзда его въ Кіевъ встрѣчается еще и то неудобство, что точное время моего въ семъ городѣ пребыванія неизвѣстно, ибо я намѣрена, смотря по возможности пути, осмотрѣть околичныя мѣста губерній Малороссійскихъ; слѣдственно для свиданья моего съ его величествомъ иного средства нѣтъ, какъ пріѣздъ его во время плаванія моего по Днѣпру, на галеру противъ Трехтемирева или Канева, гдѣ суда мои могутъ для

обѣда или отдохновенія остановиться на нѣсколько часовъ. Что принадлежитъ до желанія вашего, я позволяю вамъ пріѣхать въ Кіевъ послѣ того, какъ вы по сей матеріи успѣете все учредить. Пребываю всегда вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, декабря 2, 1786 г.

XXXII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. По вступленіи генералъ-фельдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго во владѣніе имѣніями, въ Польшѣ имъ купленными, повелѣваемъ вамъ защищать его право, охранять отъ привязокъ и ябедъ, и въ потребномъ случаѣ употреблять ваше заступленіе у короля и Совѣта, предлагая имъ, что мы по особливому благоволенію нашему къ помянутому генералу-фельдмаршалу, отличными его предъ нами заслугами пріобрѣтенному, интересуяся въ его благосостояніи, всякое съ ихъ стороны къ нему уваженіе и снисхожденіе примемъ признательно. Пребываю всегда вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, іюля 3, 1787 г.

XXXIII.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Вы извѣстили меня въ одной изъ предыдущихъ депешъ о желаніи короля Польскаго, переданномъ вамъ имъ самимъ, стать во главѣ вспомогательнаго корпуса, который онъ долженъ заготовить мнѣ, если договоръ, заключающійся между нами, состоится. Отдаю полную справедливость тѣмъ побужденіямъ, которыя внушили ему подобную мысль,

---

XXXIII. (Подлинникъ за подписью Екатерины II.) Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stackelberg. Vous m'avez rendu compte dans une de Vos précédentes dépêches du désir que le Roi de Pologne Vous a témoigné de se mettre à la tête du corps auxiliaire qu'il doit me fournir, si le Traité qui se négocie maintenant entre Nous a lieu. Je rends parfaitement justice au motif qui lui a suggéré une pareille idée, mais je dois croire qu'en considerant de plus près l'état des choses sa Majesté aura d'Elle même abandonné cette idée. D'un coté le beosin de contenir toute fermentation en dedans et de veiller aux mouvemens du dehors rend sa présence indispensablement nécessaire dans le centre de son Royaume, de l'autre ce corps auxiliaire peu nombreux par lui-même, le sera encore davantage lorsqu'en conséquence de la répartition que j'en ai faite dans l'autre dépêche que je Vous adresse aujourd'hui, il sera partagé entre mes deux armées. Un tel commandement devient tout-à-fait disproportionné à la dignité d'un tel chef. Mais si son patriotisme et son amour de la gloire doivent encore éclater de cette manière il en trouvera plus facilement l'occasion dans celle que lui présente la perspective d'une possibilité qu'en vertu de ce

но полагаю, что, вникнувъ глубже въ положеніе дѣлъ, его величество откажется отъ этой мысли. Съ одной стороны необходимость сдерживать внутреннія смуты и слѣдить за движеніями извнѣ требуетъ его присутствія въ центрѣ королевства; съ другой стороны этотъ вспомогательный корпусъ не многочисленный самъ по себѣ, еще болѣе уменьшится въ своемъ составѣ, когда вслѣдствіе распоряженія, сдѣланнаго мною въ депешѣ, которую сегодня отправляю къ вамъ, онъ раздѣлится между моими двумя арміями. Начальство надъ такимъ отрядомъ не соотвѣтствуетъ величію такого начальника. Но если его любви къ отечеству и къ славѣ суждено выказаться еще съ этой стороны, то онъ скорѣе найдетъ случай къ этому въ предстоящей возможности въ силу того же договора счесть себя обязаннымъ стать во главѣ всей націи и итти на защиту своей союзницы или даже своего отечества. Въ такомъ случаѣ я не только буду довольна его рѣшимостью самому стать во главѣ войска; но съ радостью подчиню его начальству всѣ тѣ мои полки, которые присоединятся къ его войску. Хоть я и убѣждена въ томъ, что всѣ эти соображенія будутъ вполнѣ согласоваться съ послѣдующими соображеніями самого короля, не сообщайте ихъ ему до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не заговоритъ съ вами объ этомъ дѣлѣ. Екатерина.

Царское Село, 12 мая, 1788 г.

XXXIV.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Вамъ не безъизвѣстно, что князь Потемкинъ-Таврическій по праву уроженца, дарованному ему Польской республикой, сдѣлалъ очень значительныя пріобрѣтенія землями въ этой странѣ. Онъ разумѣется желалъ бы

---

même Traité il se vit dans l'obligation de se mettre à la tête de toute sa nation pour se porter à la défense de son alliée ou même de sa propre patrie. Dans ce cas non-seulement j'applaudirai à la résolution qu 'il prendra de mettre sa propre personne en avant, mais je me ferai un plaisir de soumettre à ses ordres toutes celles de mes troupes qui se joindront aux Siennes. Quoique je suis persuadée que toutes ces considérations seront parfaitement d'accord avec celles que le Roi aura faites lui-même, Vous ne les lui communiquerez que dans le cas qu'il revienne à Vous parler sur cette matière. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stackelberg, en Sa sainte et digne garde. Catherine.

à Czarsko Selo, ce 12 May 1788.

XXXIV. (Подлинникъ за подписью Екатерины II.) Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stackelberg. Vous n'ignorez pas qu'en vertu de l'indigénat accordé par la République de Pologne au Prince Potemkin-Tavriczeskoy il a fait dans ses états des acquisitions très-considérables en fonds de terres. Il en

спокойнаго владѣнія и безопасности отъ непріятныхъ столкновеній, которыя могли бы возникнуть вслѣдствіе безпокойнаго нрава его сосѣдей и другихъ претендентовъ на эти земли. Въ такомъ справедливомъ дѣлѣ я не могу не оказать моего покровительства подданному, столь достойному по заслугамъ, которыя онъ уже оказалъ и продолжаетъ оказывать государству. Я препоручаю вамъ слѣдить самымъ бдительнымъ образомъ за всѣмъ, касающимся этого дѣла, и позаботиться не только о томъ, чтобы князь не былъ потревоженъ или обезпокоенъ въ мирномъ пользованіи своими вполнѣ законнопріобрѣтенными правами; но даже если бы пришлось для этого провести на слѣдующемъ сеймѣ нѣсколько конституціонныхъ актовъ, то не пренебрегать никакими попытками, чтобы эти акты вошли въ силу. Я прошу содѣйствія короля Польскаго по тому же дѣлу въ письмѣ, копію съ котораго прилагаю тутъ же *). Вы скажете его величеству, что я буду ему особенно обязана за участіе его въ устраненіи затрудненій по этому дѣлу. Затѣмъ молю Бога, господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Екатерина.

Царское Село, 12 мая 1788 г.

XXXV.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Предписавъ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору князю Вяземскому назначить на расходы по варшавскому посольству

*) Копіи этой въ предоставленномъ намъ собраніи писемъ Екатерины II— не имѣется. Ред.

souhaiteroit comme de raison une possession tranquille et à l'abri des tracasseries que l'humeur contentieuse de ses voisins ou autres prétendans à ces terres pourroit être tentée de lui susciter. Dans une chose si juste je ne puis pas me dispenser d'accorder ma protection à un sujet aussi recommandable par son mérite et les services qu'il a rendus et continue de rendre à l'État. Je Vous recommande donc de la manière la plus forte de veiller dans toutes les occasions non-seulement à ce qu'il ne soit pas troublé ou inquiété dans la paisible jouissance de droits aussi legitimement acquis, mais même s'il fallait à cet effet faire passer quelques actes constitutionnels à la diète prochaine, de ne négliger aucune démarche pour les remporter. Je demande le concours du Roi de Pologne pour le même objet dans la lettre que je lui écris et dont je joins ici une copie. Vous direz à ce Prince que je lui serai particulièrement redevable de toutes les facilités qu'il apportera de son côte dans cetté occasion. Sur ce je prie Dieu qu 'il vous ait, Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stackelberg en Sa sainte et digne garde. Catherine.

à Czarsko Selo, ce 12 Mai 1788.

сто тысячъ рублей, изъ числа оныхъ всемилостивѣйше жалуемъ вамъ двадцать тысячъ рублей въ награжденіе издержекъ вашихъ, какъ тѣхъ, кои по случаю бывшаго въ Гроднѣ сейма вы имѣли, такъ и предлежащихъ еще при вновь собираемомъ сеймѣ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, августа 28, 1788 г.

XXXVI.

(Переводъ съ современной французской копіи). Господинъ графъ Стакельбергъ. Польскій сеймъ по-моему можно сравнить съ рѣкой, гонимой вѣтромъ противъ теченія, дѣлающей впродолженіи нѣсколькихъ часовъ тщетныя усилія побороть природу. Я не сомнѣваюсь, что преобладающая партія на этомъ сеймѣ обрадуется, когда узнаетъ, что король Прусскій и его министерство все еще предлагаютъ мнѣ возобновленіе союзнаго договора съ тѣмъ, чтобы только достигнуть посредничества для возстановленія общаго спокойствія. Если вы полагаете, что эти извѣстія могутъ произвести благопріятное для насъ впечатлѣніе въ Польшѣ, то вы можете ихъ обнародовать, не грѣша противъ истины; мнѣ предлагаютъ даже очень выгодныя условія; когда постановлю свое рѣшеніе, я васъ объ этомъ извѣщу. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина.

Вы конечно знаете о взятіи Очакова?

Въ С.-Петербургѣ, 15 декабря, 1788 г.

XXXVII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Сейчасъ получила я отъ вице-адмирала принца Нассау-Зигенъ *) чрезъ сына вашего, гвардіи поручика **), котораго я въ подполковники пожаловала, добрую вѣсть о совершенно одержанной побѣдѣ 13-го сего мѣсяца надъ шведскимъ галернымъ флотомъ, между островами Купща-Мулимъ и Котка; адмиральское судно и еще четыре большія суда, одна галера и одинъ куттеръ взяты, множество офицеровъ и болѣе тысячи плѣнныхъ попались въ наши руки; изъ шведскаго галернаго

*) Принцъ Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ р. 1745 † 1805 г. въ Парижѣ. Одинъ изъ извѣстныхъ кондотьери прошлаго столѣтія. Служилъ сперва во французской, потомъ въ испанской и, наконецъ, въ русской службѣ. Онъ одержалъ побѣду надъ турецкимъ флотомъ въ 1788 году, потомъ два раза надъ шведскимъ въ 1789 и 1790 гг., но вскорѣ потерпѣлъ самъ сильное пораженіе при Свенксзундѣ. Ред.

**) Старшій сынъ графъ Оттонъ-Зосимъ † въ 1814 г. Ред.

флота тутъ осталась небольшая часть, которая загнана въ рѣку Кюмень. Съ симъ радостнымъ извѣстіемъ васъ поздравляю и пребываю вамъ доброжелательна. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, августа 15, 1789 г.

XXXVIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Не имѣя давно уже отъ васъ никакого свѣдѣнія о коадьюторѣ митрополіи кіевской, епископѣ переяславскомъ Викторѣ, который по самымъ лживымъ клеветамъ поляками захваченъ и содержится подъ стражею, повелѣваемъ увѣдомить насъ немедленно о состояніи его и объ обстоятельствахъ дѣла, объ немъ производимаго, а между тѣмъ наисильнѣйшее стараніе употребить, дабы сей архіерей скорѣе освобожденъ былъ изъ заключенія, невинно имъ претерпѣваемаго. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, января 30, 1790 г.

XXXIX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Въ дополненіе къ тѣмъ наставленіямъ, которыя вы по волѣ моей чрезъ вице-канцлера получаете, я нужнымъ нахожу предписать, чтобы вы по настоящимъ дѣламъ удержались отъ всякихъ на письмѣ декларацій, отговаривая отъ того же и римско-императорскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, потому что я, для пользы службы моей, считаю на нынѣшнее время сходнѣе спокойно смотрѣть на неистовства поляковъ, въ собственный ихъ вредъ обратиться могущія, нежели ускорять дальнія безпокойства. Самыя словесныя ваши внушенія и объясненія долженствуютъ быть располагаемы съ крайнею осторожностью съ людьми, которые всякое слово переносятъ непріятелямъ и завистникамъ нашимъ. Сверхъ того, видѣвъ изъ послѣднихъ депешъ вашихъ, что вы писали къ графу Нессельроде *) въ Берлинъ, дабы онъ старался узнать мысли министерства тамошняго по пункту наслѣдства престола Польскаго, не могу оставить безъ примѣчанія, чтобъ вы таковыхъ препорученій не дѣлали, ибо помянутый министръ имѣетъ отсюда достаточныя наставленія, какъ и о чемъ говорить съ симъ кабинетомъ, отъ котораго, конечно, никогда дружественнаго и чистосердечнаго поступка ожидать не можно. Пребываю вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 7, 1790 г.

---

*) Графъ Максимиліанъ-Юлій Вильгельмъ Карлъ (р. 1724 г. † 1810 г.) отецъ бывшаго государственнаго канцлера графа К. В. Нессельроде. Ред.

II.

Письма Екатерины II по дѣламъ шведскимъ.

1791 — 1793.

XL.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Не премените передать отъ моего имени шведскому королю, что личное мужество, выказанное имъ особенно ярко подъ Выборгомъ, когда онъ прорвался черезъ мой флотъ и вышелъ изъ залива, возвысило мое мнѣніе о его храбрости; что это мое расположеніе къ нему обратится въ глубокое уваженіе, если его величество геніемъ своимъ побѣдитъ искушенія, которыми враги мои стараются отклонить его отъ тѣснаго союза со мною. Вы скажете ему, что турки не замедлятъ заключить миръ со мною, что они съ радостью согласятся на умѣренныя условія, предложенныя мною, не смотря на всѣ старанія отклонить ихъ отъ этого. Вы скажете ему, что пруссаки очень жалѣютъ, что зашли такъ далеко, что они не знаютъ, какъ выпутаться и что они, быть можетъ, уже въ настоящую минуту ведутъ со мною посредственные или непосредственные переговоры, что англичане гораздо больше потеряютъ въ военномъ и торговомъ отношеніи, нежели выиграютъ, ведя войну съ нами, что поляки, безъ сомнѣнія, не начнутъ ни первыми, ни пока они одни, что наконецъ если только на меня нападутъ, я буду защищаться всѣми силами и средствами противъ всѣхъ докучливыхъ придирокъ со стороны моихъ враговъ. Но если шведскій король, мой близкій родственникъ и другъ, еще объявитъ себя моимъ союзникомъ, помощникомъ и рыцаремъ, то враги мои и вся Европа увидятъ, что сѣверъ съумѣетъ поставить преграды новымъ диктаторамъ. Небо да благословитъ ваши переговоры. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 16 апрѣля, 1791 года.

XL. (Подлинникъ весь руки Екатеринѣ II). Monsieur le Comte de Stakelberg, Vous ne manqueré pas de dire de ma part au Roy de Sucde que la valeur personnele qu'il a montré Surtout lorsqu'il sortit a travers ma flote du Golphe de Vibourg ma donné fort grande opinion de Son Courage, et que cette disposition ce changera en admiration des que je verrés que Sa Majesté aura vaincu par Son Genie toute les tentations par les quelles Mes Ennemis tachent de le detourner de se lier étroitement avec moi. Vous ne Lui laisseré pas ignorer que les Turks ne manqueront pas de faire avec moi leurs Paix trop heureux de l'obtenir aux conditions moderées que j'ai proposées malgré toutes les peines qu'on ce donne pour les en detourner. Vous Lui disai que les Prussiens Sont audesespoir d'avoir poussé les choses Si loin, qu'ils ne Savent comment ce tirer d'affaires, et que peut etre meme dans ce moment ils negorient deja avec moi directement et indirectement. Que les Anglois perdront et par leurs armement et par leurs Commerce infiniment plus qu'ils ne gagnerons avec nous a guerroyer. Que les Polonois tres assurement ne commenceront ni Seul ni les premièrs avec Nous. Que je me defenderoit au reste avec toutes mes forces et ressources contre toute la Kyriele de mes enemis, si je suis attaqués et que si le Roy de Suede mon psreche parent et mon Ami deja, se declaroit mon Allié et mon aide et mon Chevalier, mes ennemis et l'Europe verrois que le Nord Sait poser des digue au Dictateurs nouveaux. Adieu que le Ciel benisse Votre Negoçiation. Catherine.

a St. Petersb. ce 16. d'Avril 1791.

Сообщ. гр. Ѳ. О. Стакельбергъ и гр. Э. К. Чапскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙНАРОВСКІЙ,

ПОЭМА ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

. . . . . Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria. . . . .
Dante.

1825.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустный, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Прими-жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыя чувства;
Я не поэтъ, а гражданинъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бездѣтный гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Объѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705-мъ году Войнаровскій посланъ былъ на службу царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству графа Головина, а въ 1707-мъ году мы уже встрѣчаемъ его атаманомъ пятитысячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меншикова, откуда и возвратился онъ осенью того же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій, въ рѣшительную минуту впаденія Карла XII въ Украину, отправился къ Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меншиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности — разсказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отъѣхалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показалъ видъ, будто разгнѣвался на племянника, и чтобы удалить отъ себя тягостнаго нажидателя, полковника Протасова, упросилъ его исходатайствовать лично у Меншикова прощеніе Войнаровскому за то, что тотъ уѣхалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и приплученіе части казацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за симъ немедленно, и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣнценоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ хану крымскому и турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противъ Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго коронныть воеводою Царства Польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ полковника шведскихъ войскъ, и по смерти Мазепы назначилъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однакожъ Войнаровскій потерялъ блестящую и вѣрную надежду быть гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его

въ преемники сего достоинства, отклонилъ отъ себя беззмельное гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орлику 3.000 червонныхъ къ имени гетмана и заплативъ Кошевому 200 червонцевъ за склоненіе казаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, Войнаровскій пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де-Саксъ.—Между тѣмъ какъ счастіе ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240.000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ по требованію россійскаго резидента Беттахера. Однакожъ, вслѣдствіе протестаціи вѣнскаго двора, по правамъ нейтралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго, отдаться милости Петра I, предала его во власть русскихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ, неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири въ 1736 и 1737-мъ годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго и нравъ его видѣнъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не ввѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ одни личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меншиковымъ; наконецъ, ловокъ и обходителенъ, ибо тщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ графомъ, если бы любезный дикарь сей не имѣлъ тонкости свѣтской; однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, Войнаровскій, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуться въ такую славную эпоху, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка— лицъ, равно присвоенныхъ исторіи и поэзіи, ибо превратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. А. Бестужевъ.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

ПОЭМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ
Съ толпой преступниковъ усталой
Дружина воиновъ придётъ;

Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынной,
Неся богатый свой ясакъ,
Лѣсной тунгузъ, и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ;
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ,
Почти убитаго тоской,
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье.
Такъ въ душу мрачную влетитъ,
Подъ часъ, спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ......

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной;
Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ странъ Днѣпра казакъ проворной
Въ своемъ нарядѣ бовоемъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

«О край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать;
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать.

«Горитъ напрасно пламень пылкій,
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.
«О край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать:
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать».

Сказалъ; пошелъ по косогору;
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ:
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезёнъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужъ примѣтно.
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ; смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной,
Рукою дерзкой и безстыдной
Въ чело вклейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ предъ бурей мрачнымъ днёмъ.
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ—
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ;
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ;
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ;
На всѣхъ сурово онъ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной:
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынный завлечёнъ
Къ познаньямъ страстію высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды

Любилъ разсказы стариковъ
Про Ермака и казаковъ,
Про ихъ отважные походы
По царству хлада и снѣговъ;
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому
Или по добрямъ и горамъ.
Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Кангалацкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климатъ жестокой и суровой,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій—
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Невидно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на спину рога.
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... вдругъ выстрѣлъ!... быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ,
Окровавленный, упадаетъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ,
И зритъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ.
Окутанный дахою чорной,
И въ длинношерстномъ чебакѣ,
Охотникъ ловкой и проворной....

То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылой,
Все душу странника страшило...
Но трепеща въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,

Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
«Ктобъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога;
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
И въ глушь нечаянно попалъ;
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»—
«Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ ли до ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки скудной:
Пойдемъ—тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной».

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже виденъ сводъ небесъ...
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ
И одинокій и унылой,
Дремучій лѣсъ осеребрилъ
И юрту путникамъ открылъ.
Пришли—и ссыльный торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая молчаливой,
И каждый въ сталь ударъ кремня,
Въ углу обители пустынной,
То дуло озарялъ ружья,
То ратовище пальмы длинной,
То саблю, то конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ...
Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ,
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытной
Съ нимъ о Сибири разговоръ.
Въ какое-жъ Миллеръ удивленье

Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ:
Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину, съ тоскою
Два года Миллеръ, какъ чужой,
Бродилъ бездомнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой.
Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
Онъ неожиданно, въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвесть бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдого пришлеца,
Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза у обоихъ сверкали;
Они другъ друга понимали;
И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ и сонъ отрадный,
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былъ.

«Ты знать желаешь, добрый странникъ,
Кто я, и какъ сюда попалъ?—
Такъ незнакомецъ продолжалъ,—
Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
Они не поняли-бъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя.
Ты все поймешь, ты все оцѣнишь,
И несчастливцу не измѣнишь....

«Дивись же, странникъ молодой,
Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый:
Въ одеждѣ дикой и простой,
Узнай—сидитъ передъ тобой
И другъ, и родственникъ Мазепы!
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой

Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ неразъ, съ тоской глубокой....
Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
Брожу, какъ остовъ, очи впали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
И какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому споснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага.

. . . .

И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски уснувшей на мгновенье.
Признаться-ль, странникъ: я бъ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ! можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой....
Но зналъ и я, когда-то, радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье,
И пылкой юности мечты.

«Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
Я часто за Палѣемъ вслѣдъ,
Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало кони быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ и глухихъ.
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги.
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ
И малой горстью толокна.
Въ неотразимые наѣзды
Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ,
Дружины грозныя громили,
Селенія и грады въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали,
И, трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ.

«Однажды, увлеченъ отвагой
Я съ малочисленной ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Ударилъ на толпы враговъ.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смѣшалися въ рядахъ,
И строясь далѣ, на холмахъ.
Намъ уступали поле драки.
Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій гласъ...
Поля и стонутъ и трясутся...
Глядимъ—со всѣхъ сторонъ на насъ
Толпы враждебныя несутся...
Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ
Въ дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотѣлъ:
Враги все болѣ насъ стѣсняли
И, наконецъ, покинувъ бой,
Мы степью дикой и пустой
Разсыпались и побѣжали...
Погоню слыша за собой,
И раненый, и изнуренный,

Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страшася въ плѣнъ попасть презрѣнный.

«Ужъ Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежемъ родной страны
Ужъ хутора вдали мелькали.
Ужъ въ куреняхъ я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ—вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался,
И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

«Одинъ, вблизи степной могилы,
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно, помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ;
Въ степи пустынной изчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.

«Все было тихо... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила.
И одинока, и блѣдна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;
Ужъ я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
И зрю: покрытая серпяномъ,
Казачка юная стоитъ,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.

«О незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебѣ,
На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдальцу упоенье!
Я не забылъ его съ тѣхъ поръ;
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи
И полный состраданья взоръ.

Я помню радость дѣвы нѣжной,
Когда страдалецъ безнадежной
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень.
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ;
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всѣ утѣхи находилъ
Въ моей казачкѣ черноокой;
Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
И облегчалъ недугъ жестокой.
Въ часы безсонницы моей,
Она, приникнувъ къ изголовью,
Сидѣла съ тихою любовью
И не сводя съ меня очей.
Въ часъ моего успокоенья
Она ходила собирать
Степныя травы и коренья,
Чтобъ ими друга врачевать.
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасной взоръ бродилъ,
И я казачку непримѣтно
Душою пылкой полюбилъ.
Въ своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковалъ, кипѣла кровь!
Но скоро пылкая любовь
И въ милой дѣвѣ запылала...
Настала счастія пора!
Подругой юной исцѣленный,
Съ душей, любовью упоенной,
Я обновленный всталъ съ одра.
Недолго мы любовь таили,
Мы скоро жаръ сердецъ своихъ
Ея родителямъ открыли,
И на союзъ сердецъ просили
Благословенія у нихъ.

«Три года молніей промчались
Подъ кровомъ хижины простой;
Съ моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
Въ кругу рѣзвящихся дѣтей,
На мирномъ лонѣ сладострастья,
Съ казачкой милою моей
Вполнѣ узналъ я цѣну счастья.
Угрюмый гетманъ насъ любилъ,

Какъ дѣдъ, дарилъ малютокъ милыхъ,
И наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Батуринъ насъ переманилъ.

«Все шло обычной чередой.
Я счастливъ былъ; но вдругъ покой
И счастіе мое сокрылось;
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летятъ на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ-подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій;
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственные клики.

«Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всѣхъ скрывался,
Молчалъ—и собиралъ полки.
Однажды позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ;
Вхожу и слышу: «Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою;
Давно хотѣлъ открыться я
И важную повѣрить тайну;
Но напередъ завѣрь меня,
Что ты при случаѣ себя
Не пожалѣешь за Украйну».

—«Готовъ всѣ жертвы я принесть,—
Воскликнулъ я,—странѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой;
Себѣ одну оставлю честь.»—
Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.
Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:

«Я зрю въ тебѣ Украйны сына;
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ—
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ:
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ.

Имъ чувствъ высокихъ не дано;
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы,
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ; я это вижу;
Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью.
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью!
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра
Но—покоряяся судьбинѣ,
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!...
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье,
Успѣхъ невѣренъ—и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье!
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ!...»

«Началомъ бѣдъ моихъ была
Сія бесѣда роковая!
Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
Съ тѣхъ поръ, о родина святая!
Лишь ты всю душу заняла.
Мазепѣ предался я слѣпо,
И, другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.
Ахъ, можетъ, былъ я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя;
Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
Тираномъ почиталъ царя...
Быть можетъ, увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему,
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму,
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой,
Но, ахъ! вдали страны родной
Могу-ль всегда быть равнодушенъ?

Рожденный съ пылкою душой
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною,
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой—бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ,
Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей...
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
Почто съ безславіемъ иль славой
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы! умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокій рокъ;
Умру я—и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужъ было ясно и свѣтло,
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
Но въ юрту день не проникалъ;
Скользя сквозь вѣтьви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя
Лучъ одинокій ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дотлѣли,
Лишь угли красные блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.

Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разсказъ,
И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ......

«Видалъ ли ты когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль поднимая дикій вой,
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи?...
И мы, порвавъ подданства цѣпи,
На гласъ отчизны и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей.

«Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ,
Я степи кровью обагрилъ,
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости русскихъ притупилъ.

«Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
Часъ битвы роковой приспѣлъ—
И мы отчизну погубили!
Полтавской громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпой
Противъ Петра не устоялъ!
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему—и мы съ Мазепой.

«Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ

Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...
Однажды въ полночь подъ лѣскомъ,
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ.
Вокругъ синѣла степь глухая,
Луну затмили облака,
И тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа подъ костромъ сосновымъ
Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
Какъ другу открывался мнѣ:

— «О какъ невѣрны наши блага!
О какъ подвластны мы судьбѣ!
Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
Уже насталъ конецъ борьбѣ.
Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье погубило
На вѣкъ страны моей родной
Свободу, славу и покой!...
Но мнѣ-ли духомъ унижаться,
Не буду рока я рабомъ;
И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться,
Когда сражался я съ Петромъ?
Такъ, Войнаровскій, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Всѣ способы, всѣ средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоенъ я въ душѣ своей;
И Петръ и я—мы оба правы;
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для блага родины моей!»—
Замолкнулъ онъ; глаза сверкали;
Дивился я его уму;
Дрова треща ужъ догорали.
Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
Облокотясь, вождь сѣдой,
Волнуемъ тайно мрачной думой,
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
«Что новаго въ странѣ родной?»—

«Я изъ Батурина недавно,—
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ;—
Народъ Петра благословлялъ,
И радуясь побѣдѣ славной,
На стогнахъ шумно пировалъ;
Тебя-жъ, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ украинцы повсюду;
Дворецъ твой, взятый на копье,
Былъ преданъ намъ на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь—и брань и поношенье!»

«Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ,
За гетмана пылая местью,
Стояли молча передъ нимъ,
Поражены ужасной вѣстью.
Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ,—
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,
Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю.
Но знаю то, что затая
Родство, и дружбу, и природу,
Его сразилъ бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ народу.

«Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!

«Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,

Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
Быть можетъ—думалъ я, рыдая—
Украйны мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая...

«Увы! предчувствіе сбылось:
Судьбы велѣньемъ самовластной,
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось...

«Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ,
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ;
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрой,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И задыхаясь, увѣрялъ,
Что Кочубея видитъ съ Искрой.

— «Вотъ, вотъ они!... при нихъ палачъ!—
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху, —
Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова....
И вотъ другая!.... всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!...»

«То въ ужасѣ, порой, съ одра
Бросался онъ въ мои объятья:
«Я вижу грознаго Петра!
Я слышу страшныя проклятья!
Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
Съ кадильницъ вьётся ѳиміамъ....
Митрополитъ, грозящій взоромъ,
Такъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:

Мазепа проклятъ въ родъ и родъ;
Онъ погубить хотѣлъ народъ!»

«То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь,
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ;
То горько плакалъ и рыдалъ,
То дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ.
То въ память приходя порою,
Онъ очи, полныя тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

«Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй;
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку....
Къ нему я бросился, взялъ руку;
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза остановясь смотрѣли,
Потъ проступалъ, онъ отходилъ....
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,
И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
«О Петръ! О родина!» — воскликнулъ.
Но съ симъ въ страдальцѣ замеръ гласъ,
Онъ вновь упалъ, главой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ,
И вздохъ послѣдній испустилъ....
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ;
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной....

«День грустныхъ похоронъ насталъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О странникъ! странникъ! всѣ мечтали,
Что мы съ Мазепой погребали
Надежду родины своей.

Увы! послѣдній долгъ герою
Чрезъ силу я отдать успѣлъ.
Въ тотъ самый день внезапно мною
Недугъ жестокой овладѣлъ.
Я былъ ужъ на краю могилы:
Но жизнь во мнѣ зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова началъ я страдать.

«Бендеры мнѣ противны стали.
Я ихъ покинулъ и летѣлъ
Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ,
Разсѣять мракъ своей печали,
Но, ахъ, напрасно! рокъ за мной
Съ неотразимою бѣдой,
Какъ духъ враждующій, стремился:
Я схваченъ былъ толпой враговъ,
И въ вѣчной ссылкѣ очутился
Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ....

«Ужъ много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
Въ глухой и дикой сторонѣ
Спасеніе и упованье
Была святая вѣра мнѣ.

«Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,
Грустилъ я часто поневолѣ.
Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ — врага, иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижу-ль я своихъ друзей?
Такъ я души покой минутной
Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ безпріютной,
Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьѣ,
Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала.

«Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой;
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
И свирѣпѣлъ морозъ жестокой;
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался, между горъ
Въ боку былъ видѣнъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней, и что же?... Узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!...

«Узнавъ объ участи моей
Она изъ родины своей,
Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
О странникъ! тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье.
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я,
Начальникъ самъ того не знаетъ,
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

«И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску въ душѣ высокой.

«Ахъ, говорить ли, странникъ мой,
Тебѣ объ радости печальной
При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?

«Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней:
Отца и матери страданья
Имъ не судилъ узнать Творецъ;

Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ.

«Съ моей подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать.
Но, ахъ! не долго счастье длилось;
Оно, какъ сонъ, исчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Болѣзнію изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ.
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
Но часто, тайно отъ меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ничѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасной!
«Мой другъ! — сказала мнѣ она —
Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана;
Но, другъ, есть лучшая страна:
Ты по душѣ ея достоинъ.
О, тамъ мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать!»
Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей.
И, наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири хладной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душной, безотрадной.

«Могильный, грустный холмъ ея

Близъ юрты сей насыпалъ я.
Съ закатомъ солнца я, порою,
На немъ въ безмолвіи сижу,
И чудотворною мечтою
Лѣта протекшія бужу.
Все воскресаетъ предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И съ чистою своей душою
Невозвратимая жена.

«О странникъ! память о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
И плачетъ сладостно о другѣ.

«Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой
И свойства добрыя ея,
И пылкій умъ, и образъ милой!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила.
Съ какою живостью объ немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ Москаль;
Они ни разу, и случайно,
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной
Въ самомъ страданьи сохранить.
. . . .
. . . .

«Съ утратой сей отъ бѣдъ усталой,
Съ душой для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но тяжкой жизнью недовольной,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила

И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтить славныхъ съ дѣтства я привыкъ;
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.
Но онъ достоинъ укоризны;
Сограждан самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ.
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ-бъ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю....
Мнѣ надо жить; еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ...»
. . . .
. . . .

Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
Съ лица изчезнулъ мракъ печали,
Глаза слезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
О чемъ страдалецъ сей молился;
Онъ самъ невольно прослезился,
И несчастливцу руку далъ,
Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
Въ знакъ дружбы вѣрной, домогильной....

Дни уходили съ быстротой.
Зима обратно налетѣла
И хладною рукой одѣла
Природу въ саванъ снѣговой.

Въ пустынѣ странникъ просвѣщенной
Страдальца часто навѣщалъ,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединенье
Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
Къ страдальцу-другу поспѣшалъ.
Морозъ трещалъ. Глухой тропою

Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой нартѣ мчалъ.
Уже онъ ловитъ жаднымъ взоромъ
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной,
Кровъ одинокой и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

«Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Скажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимыя края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенья земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной
И мирный домъ твоихъ отцовъ!»
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его нейдетъ.
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтной
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
Всё пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
«Всё въ запустѣньи!—мыслитъ странникъ,—
Кудажъ сокрылся ты, изгнанникъ?»
И думой мрачной отягчёнъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ —
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣньи роковомъ:
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Черновые наброски „Войнаровскаго“.

Приведя полную поэму „Войнаровскій“, остановимся на черновыхъ набросках ея [1]). Они всѣ написаны рукою Рылѣева и, судя по незначительнымъ помаркамъ, представляютъ одну изъ послѣднихъ редакцій. Сначала въ заглавіи было написано: „Ссыльный“. (Отрывокъ изъ поэмы); потомъ это зачеркнуто и поэма озаглавлена: „Войнаровскій“. Часть первая.

Такъ какъ полный, исправленный текстъ поэмы передъ глазами читателей, то не дѣлая особыхъ подстрочныхъ примѣчаній, мы только отмѣчаемъ особымъ шрифтомъ тѣ стихи и слова, которые разнятся отъ напечатанныхъ выше, а подъ строками ограничиваемся указаніемъ зачеркнутыхъ или измѣненныхъ стиховъ и словъ черновой редакціи.

Вотъ самый текстъ:

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ,
И юртъ бревенчатыя [2]) стѣны.
Кругомъ *высокій* частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И *съ высоты* [3]) на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ.
Вдали шумитъ *сосновый* боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся *высокихъ* горъ
Разнообразныя вершины....

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ *съ вѣтромъ* непогода,
И часто [4]) мрачны облака...

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ напомнить, что рукописи нынѣ печатаемыя, принадлежатъ къ той коллекціи подлинныхъ бумагъ Рылѣева, которая сохранилась у Ѳ. В. Булгарина и весьма обязательно предоставлена въ наше распоряженіе его сыновьями Б. Ѳ. и В. Ѳ. при посредствѣ Т. А. Сосновскаго. Изъ этого собранія произведеній поэта—нѣкоторыя стихотворенія помѣщены въ № 1 «Русской Старины» 1871 года. П. А. Ефремовъ привелъ эти бумаги въ порядокъ и обставилъ ихъ библіографическими и прочими примѣчаніями. **Ред.**

[2]) Было: «берестяныя». [3]) «Съ гордостью». [4]) «Вѣчно».

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы,
И продолжительной, и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ
Съ толпой преступниковъ усталой
Дружина [1]) воиновъ придетъ.
Иль за якутскими мѣхами
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ
Заходитъ [2]) съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой;
Все зашумитъ, засуетится;
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынной,
Неся богатый свой ясакъ,
Тунгузъ, корякъ, и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ...

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ.
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской,
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье.
Такъ въ душу мрачную влетитъ
Подъ-часъ спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя [3]) прояснитъ...
Во времена-жъ иныя года
Все мертво въ сей странѣ глухой,
Какъ грозная ея природа,
Мертва жестокою зимой.

Но кто украдкою изъ дому
Идетъ столь раннею порой
По берегу рѣки крутому
Съ винтовкой длинной за спиной.
Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
И перетянутъ кушакомъ,

---

[1]) «Команда». [2]) «Приходитъ». [3]) «Тирана». Слѣдующіе же за этимъ 4 стиха въ рукописи зачеркнуты.

Какъ странъ Днѣпра казакъ проворный
Въ своемъ нарядѣ боевомъ. [1])
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И съ видомъ нестерпимой муки
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

«О край родной, поля родныя,
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!
Горитъ напрасно пламень пылкій;
Я не могу полезнымъ [2]) быть,
Средь дальной и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть!
О край родной, поля родныя,
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!»

Сказалъ; пошелъ по косогору;
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ изчезъ въ глуши лѣсной...
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва стоустая вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужъ примѣтно
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ; смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной
Рукою дерзкой и безстыдной [3])
Въ чело [4]) вклейменной палачёмъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ:
Покоенъ онъ; но такъ въ покоѣ

---

[1]) «Щегольскомъ». [2]) Это слово подчеркнуто въ рукописи и сбоку поставлено NB. [3]) Два стиха очеркнуты кругомъ, а послѣдній вовсе зачеркнутъ, въ предыдущемъ же первоначально было: «обидной», вмѣсто «постыдной». [4]) «Въ лицо».

Байкалъ предъ бурей мрачнымъ днемъ!
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ,—
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ;
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ;
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ;
На всѣхъ сурово онъ [1]) глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной;
Въ укромномъ домикѣ, въ глуши,
Работалъ для вѣковъ въ тиши,
Съ судьбой боролся своенравной,
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой,
Въ сей край пустынный привлеченъ
Къ познаньямъ страстію высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ разсказы стариковъ
Про Ермака и казаковъ,
Про ихъ отважные походы
По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому,
Или по дебрямъ и горамъ. [2])
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климатъ жестокой и суровой,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
И мракъ и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на спину рога.

---

[1]) «Съ суровостью». [2]) Въ бѣловой рукописи здѣсь прибавлено 4 стиха, вошедшихъ и въ печатное изданіе.

Вдали, межъ соснами, мелькаетъ;
Летитъ... Вдругъ выстрѣлъ!... Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ,
Окровавленный, упадаетъ...

Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ;
И зритъ, къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахою чорной
И въ длинношерстномъ чебакѣ,
Охотникъ ловкой и проворной.
То ссыльный былъ. Тутъ Миллеръ съ нимъ,
Въ глуши подъ кедромъ вѣковымъ,
Тогда увидѣлся впервые... [1]).

„Они познакомились. Неизвѣстный выводитъ Миллера изъ лѣсу; угощаетъ его въ своей хижинѣ. Видъ, слова и благородство мыслей и чувствъ ссыльнаго возбуждаютъ въ Миллерѣ любопытство узнать его покороче—и ссыльный, убѣжденный имъ, по нѣкоторомъ сопротивленіи, открывается, что онъ Войнаровскій, другъ и родственникъ Мазепы и продолжаетъ [2]):

Рожденный съ пылкою душой,
Съ надеждой быть полезнымъ краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ угрюмой и глухой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною;
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой—бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу:
Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ [3])

То ссыльный былъ. Суровый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,

[1]) Три послѣднихъ стиха зачеркнуты, равно какъ и все слѣдующее изложеніе, помѣщенное у насъ между чертами, до словъ «въ кручинѣ». [2]) Было: «Онъ продолжаетъ». [3]) Продолженіе въ листѣ оторвано. Новый полулистъ начинается стихомъ: «То ссыльный былъ» и проч.

И незнакомца видъ унылой,
Все душу странника страшило.
Но трепеща въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,
Преодолѣлъ онъ ужасъ свой,
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.

«Кто-бъ ни былъ ты,—онъ такъ вѣщалъ,—
Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога;
Гнавъ звѣря, я съ тропы [1]) сбѣжалъ,
И въ глушь нечаянно попалъ;
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»
— «Она осталась за тобой
Верстъ за пятнадцать иль поболѣ; [2])
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ-ли до ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле.
Уже вечерняя пора;
Но близко мой заимокъ скудной.
Пойдемъ. Тамъ въ юртѣ до утра,
Ты отдохнешь съ охоты трудной». [3])

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже видѣнъ сводъ небесъ...
Сокрылось солнце золотое:
Настала ночь. Вотъ [4]) мѣсяцъ всплылъ
На небо мрачно-голубое;
Вотъ лѣсъ дремучій осребрилъ,
И юрту путникамъ открылъ...
Пришли—и ссыльный торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ
Вдругъ сталъ стучать кремнемъ въ огниво
И искры сыпались на трутъ, [5])
Мракъ освѣщая молчаливой.
И каждый въ сталь ударъ кремня—
Въ углу обители пустынной

---

[1]) «Стези». [2]) «Верстъ за десять или поболѣ». [3]) Четыре послѣднихъ стиха были написаны прежде:

Близка ужъ вечера пора;
Невдалекѣ мой кровъ убогой;
Иди за мной; въ немъ до утра
Ты отдохнешь хотя немного.

[4]) «Вдругъ». [5]) Вмѣсто четырехъ послѣднихъ стиховъ было:

Пришли—и ссыльный молчаливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ
Вдругъ сталъ стучать кремнемъ въ огниво
И тонкою струей на трутъ
Посыпалися искры живо.»

То дуло озарялъ ружья
То лезвіе палёмы длинной,
То саблю, то конецъ копья...
Глазъ съ незнакомца неспуская,
Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ свой тайный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ.

Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ засвѣтилъ,
Печурку, молча, затопилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатерью накрылъ.
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытный
Съ нимъ о Сибири разговоръ.
Съ отвѣтомъ каждымъ становилась
Ихъ рѣчь живѣе и живѣй,
И вдругъ, нечаянно склонилась
Къ судьбѣ народовъ и царей...
Въ какое Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ!
И кто-бы не былъ пораженъ?
Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Простясь съ родной своей страною,
Два года Миллеръ самъ съ собою
Подъ-часъ бесѣдовалъ въ глуши;
Но тутъ—въ пустынѣ отдаленной
Впервые онъ тоску души
Отвелъ бесѣдой просвѣщенной.

Четыре стиха: „Съ отвѣтомъ" и проч. зачеркнуты, равно какъ и 6 послѣднихъ, которые въ печати явились уже въ исправленномъ видѣ.

II.

Замѣтка объ изданіяхъ Войнаровскаго.

Печатное изданіе „Войнаровскаго" вышло въ Москвѣ, въ первой половинѣ 1825 года. Печаталось оно въ типографіи С. Селивановскаго и процензировано было еще въ январѣ мѣсяцѣ того года. Позволяемъ себѣ, ради курьеза, привести тотъ длинный паспортъ, которымъ во времена оны цензурное вѣдомство снабжало выпускаемыя въ свѣтъ изданія и который, на нашихъ глазахъ, все болѣе и

болѣе сокращался, пока не обратился наконецъ въ одну строчку: „одобрено цензурою", а потомъ: „дозволено цензурою", строчку, наконецъ вовсе исчезнувшую съ изданій болѣе чѣмъ въ 10-ть печатныхъ листовъ. Вотъ что напечатано на изданіи поэмы Рылѣева: „Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ цензурный комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для цензурнаго комитета, другой для департамента министерства народнаго просвѣщенія, два экземпляра для императорской публичной библіотеки и одинъ для императорской академіи наукъ. Москва, 1825 года генваря 8 дня. Сію рукопись разсматривалъ экстра-ординарный профессоръ, надворный совѣтникъ Николай Бекетовъ".

Поэма Рылѣева напечатана въ 8 д. л. и весь текстъ занимаетъ XXIV и 64 страницы. Изъ нихъ на III-й стр. помѣщено посвященіе „А. А. Бестужеву", а на V-й—коротенькое предисловіе, объясняющее (повидимому болѣе для цензора) смыслъ поэмы: „Можетъ быть читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло-ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія.—Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ великаго государя,—но истина восторжествовала и Провидѣніе наказало измѣнника".

VI—XVII стр. заняты „жизнеописаніемъ Мазепы", которое составлено А. Корниловичемъ, человѣкомъ близкимъ Рылѣеву по своимъ убѣжденіямъ, извѣстнымъ издателемъ перваго сборника, спеціально посвященнаго изслѣдованіямъ по русской исторіи XVIII ст. и археологіи, явившагося подъ именемъ "Русской Старины„. Жизнеописаніе это довольно кратко и состоя изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, теперь уже не имѣетъ историческаго значенія. Непосредственно за нимъ (стр. XVIII—XXIV) слѣдуетъ „жизнеописаніе Войнаровскаго", составленное А. А. Бестужевымъ, которое мы привели въ своемъ мѣстѣ, какъ необходимое для знакомства съ малоизвѣстною личностью героя поэмы.

Текстъ самой поэмы занимаетъ 50 страницъ, а послѣднія 14 стр. заняты примѣчаніями къ ней.

Цензурою 1825 г., повидимому, было исключено только три стиха, вза-

мѣнъ которыхъ поставлены точки *); въ дѣйствительности же было исключено пять стиховъ, но два пропуска не были вовсе обозначены и указаніемъ на нихъ служилъ только недостатокъ риѳмъ въ напечатанныхъ стихахъ **). Подъ строками сдѣлано было нѣсколько очень „наивныхъ“ примѣчаній, не вошедшихъ въ наше изданіе, потому что ихъ нѣтъ въ рукописи и потому что самъ Рылѣевъ, въ письмѣ къ А. С. Пушкину, объясняетъ происхожденіе ихъ цензурными условіями, поясняя также, что и ходатайство о прощеніи Войнаровскаго возложено было имъ на Миллера единственно для цензора (см. окончаніе поэмы: „съ отрадной вѣстью о прощеньи“ и пр.). Для образчика этихъ „подстрочныхъ“ примѣчаній укажемъ на одно. Мазепа говоритъ:

«И Петръ и я—мы оба правы»,

потому что живемъ для славы и для пользы своей родины; а подъ строкою замѣчено: „Это голосъ безразсуднаго отчаянія Мазепы, разбитаго подъ Полтавою. Удивительна дерзость, сравнивать себя съ Петромъ.“ Удивительное примѣчаніе! скажемъ мы и порадуемся, что нынѣ печать отчасти избавлена отъ необходимости прибѣгать къ подобнымъ поясненіямъ.

Дополнительныя примѣчанія въ концѣ поэмы напечатаны только къ первой части ея. Во второй части также 11 стиховъ отмѣчены цифрами для указанія примѣчаній; но ихъ нѣтъ ни въ печати, ни въ одномъ изъ множества (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) обращающихся донынѣ въ рукописи списковъ поэмы. Можетъ быть, спѣша окончаніемъ печатанія книги, Рылѣевъ не хотѣлъ задерживать ее составленіемъ примѣчаній, или можетъ быть они не были напечатаны единственно для ускоренія выпуска книги изъ типографіи.

Всѣхъ примѣчаній къ 1-й части напечатано 18 нумеровъ. Мы не приводимъ ихъ вполнѣ, потому что ихъ нѣтъ въ нашихъ рукописяхъ ***) и потому что многія изъ словъ, требовавшихъ въ то время

*) Въ концѣ поэмы еще въ двухъ мѣстахъ поставлены точки, но это сдѣлано самимъ авторомъ. П. Е.

**) Впрочемъ, вообще говоря, «Войнаровскій» пострадалъ въ 1825 году отъ цензурныхъ прижимокъ немного. Этому онъ обязанъ, какъ намъ разсказывали, Петру Александровичу Муханову († 1854 г.), одному изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени. Мухановъ живо интересовался отечественною литературою, много самъ для нея работалъ—и плѣнясь поэтическими красотами «Войнаровскаго», употребилъ всѣ старанія, чтобъ провести его сквозь цензурныя колодки. Ред.

***) Въ нашемъ собраніи рукописей есть нѣсколько списковъ «Войнаровскаго»; изъ нихъ особенно красиво и тщательно написанъ тотъ, который сообщенъ намъ М. В. Кюхельбекеромъ. Ред.

подробнаго объясненія, теперь ужъ въ этомъ не нуждаются. Сдѣлаемъ только небольшое исчисленіе ихъ.

Пояснены были примѣчаніями слѣдующіе стихи:

1) И юртъ бревенчатыя стѣны. Юрта—жилище дикихъ сибирскихъ обывателей и пр. 2) Неся богатый свой ясакъ. Ясакъ—подать мѣхами съ сибирскихъ народовъ. 3) Онъ не варнакъ. Варнакъ—публично-наказанный и заклейменный преступникъ. 4) Байкалъ предъ бурей. Байкалъ — святое озеро; съ подробнымъ географическимъ описаніемъ. 5) Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной. Миллеръ—довольно обширная и полная біографія (стр. 52—58). 6) Окутанный дахою черной. Даха—шуба вверхъ шерстью изъ шкуры дикой козы. 7) И въ длинношерстномъ чебакѣ. Чебакъ—большая теплая шапка съ ушами. 8) Но мы вблизи заимки скудной. Заимка—загородный домъ съ огородомъ, родъ дачи. 9) То ратовище пальмы длинной. Пальма—длинный, широкій и толстый ножъ, укрѣпленный въ березовыхъ ратовищахъ, обшитыхъ кожею, съ которымъ охотятся на лосей, медвѣдей и пр. 10) Проворно жирникъ засвѣтилъ. Жирникъ—ночникъ съ масломъ или жиромъ. 11) Примѣч. къ стиху: „И другъ и родственникъ Мазепы“ пропущено. Замѣтимъ, что нумерація печатныхъ примѣчаній сбита и послѣ 5-го (о Миллерѣ) назначено 7-е („Даха“). Съ 12-го, за пропускомъ 11-го, они сравниваются съ указаніями текста. 12) Я часто за Палѣемъ вслѣдъ. Палѣй—приведены историко-біографическія свѣдѣнія о немъ и о гетманѣ Самусѣ. 13) Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ. Ватага—малоросс. слово—толпа, шайка и пр. 14) Гайдамакъ—удалецъ или же разбойникъ, собственно татарское слово—означающее бродягу или бѣглеца. 15) И малой горстью толокна. Толокно—мука изъ пересушенаго овса, причемъ объяснено еще слово кулишь, кошь и вареніе кашицы въ походахъ, а потомъ на чумакованьи. 16) Ужъ хутора вдали мелькали. Хуторъ—деревушка или даже домъ всторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. 17) Ужъ въ куреняхъ я зрѣлъ огонь. Курень—хижина или землянка, въ какихъ и понынѣ еще живутъ многіе черноморскіе казаки; нѣсколько куреней состояли прежде подъ вѣдѣніемъ особаго старшины, куреннаго. 18) Одинъ, вблизи степной могилы. Курганы—высокія земляныя насыпи, служившія общими могилами на мѣстахъ сшибокъ малороссовъ съ татарами и поляками.

Вотъ сущность всѣхъ напечатанныхъ примѣчаній. Но въ самомъ текстѣ отмѣчено еще 4 стиха, къ которымъ примѣчанія не напечатаны. Мы перечислимъ и эти стихи, вмѣстѣ съ отмѣченными во 2-й части: 19) Могила уныло съ вѣтромъ говорила; 20) Надъ мною хищный вранъ леталъ; 21) И зрю: покрытая серпяномъ: 22) пропущенъ; 23) Ужъ

близокъ часъ, близка борьба. Во 2-й части. 1) Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы; 2) Едва на окна ледяныя; 3) Для пользы родины моей; 4) Теперь и брань и поношенье; 5) Когда-бъ онъ сталъ врагомъ народу; 6) Отчизну мнѣ напоминая; 7) Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ; 8) Онъ погубить хотѣлъ народъ; 9) пропущено; 10) Не раздѣлять со мной страданье; 11) Его на быстрой нартѣ мчалъ.

Выше мы сказали, что до сихъ поръ распространены во множествѣ списки „Войнаровскаго" *), но забыли упомянуть, что списки эти относятся исключительно къ концу 20-хъ и началу 30-хъ годовъ. Это показываетъ, съ какой жадностью читалась тогда поэма и конечно не изъ участія къ печальной судьбѣ поэта, а благодаря достоинствамъ самой поэмы, представляющей весьма крупное явленіе въ русской литературѣ того времени. Даже Пушкинъ, довольно неблагосклонно относившійся къ стихамъ Рылѣева, осыпалъ похвалами поэму „Войнаровскій", причемъ сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣтокъ относительно нѣкоторыхъ стиховъ въ поэмѣ. Вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ на нихъ Рылѣевъ:

„Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмельницкаго. Послѣдняго хочу сдѣлать въ шести пѣсняхъ: иначе не все выскажешь".... (12 янв. 1825 г.).

„Благодарю тебя, милый чародѣй,—пишетъ Рылѣевъ въ другомъ письмѣ къ Пушкину:—за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно; особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филиппики за нашего великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова **). Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого лѣнтяя, какъ я; лучше написать что нибудь новое.....

„Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія..."

„.... Думаю,—замѣчаетъ Рылѣевъ въ письмѣ отъ 10 марта 1825 г. къ Пушкину:—что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешься, что онъ нѣсколько общипанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни....."

„Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ—

*) Такое обиліе списковъ мы встрѣчали, кромѣ «Войнаровскаго», только для первыхъ четырехъ главъ «Евгенія Онѣгина». П. Е.

**) Цензоръ.

вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты завсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ..."

Изъ этихъ отвѣтовъ ясно видно, на что именно обратилъ вниманіе Пушкинъ, напр. отчего нѣтъ хвалы Петру Великому въ устахъ Миллера; но для насъ совершенно непонятенъ общій выводъ, къ которому пришелъ Пушкинъ о Мазепѣ: „Однако-жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость...." (Соч. Пушкина, IV, 531). Отзывъ этотъ явился уже по кончинѣ Рылѣева. П. А. Ефремовъ.

Въ заключеніе этой замѣтки считаемъ необходимымъ сказать, что изданіе „Войнаровскаго" 1825 г. не единственное *). Тридцать лѣтъ спустя по выходѣ его въ свѣтъ появились новыя изданія этой прекрасной поэмы. Вотъ они:

Войнаровскій. Поэма К. Рылѣева. Берлинъ. Въ типографіи К. Шульцъ; 1857. (Въ малую осьмушку).

Тоже. Изданіе второе. Берлинъ. Въ типографіи Тровича и сына. 1857. (Въ 8-ю д. л.).

Сочиненія К. Рылѣева. Берлинъ. Въ типографіи Петца, въ Наумбургѣ. 1860 г. (Въ 8-ю д. л.). Войнаровскій напечатанъ въ этомъ изданіи безъ предисловія и примѣчаній, помѣщенныхъ въ изданіи 1825 г.

Думы. Стихотворенія К. Рылѣева. Лондонъ. Въ типографіи Свентославскаго 1860 г. (Въ 32-ю д. л.). Это изданіе есть подстрочная перепечатка изданія 1825 г.

Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Лейпцигъ. (Въ 8-ю д. л.) 1861 г. Войнаровскій помѣщенъ здѣсь на стр. 200—260 и составляетъ перепечатку изданія 1825 г. безъ всякихъ варьянтовъ, дополненій и возстановленій тѣхъ стиховъ, которые въ свое время, противъ воли автора, были искажены, либо вовсе опущены.

Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева. Съ его жизнеописаніемъ, сост. г. Фуксомъ. Наумбургъ. Въ типогр. г. Петца. 1862. Въ 16 д. л. XXIII и 227 стр. Войнаровскій здѣсь занимаетъ стр. 91—138. Примѣчанія напечатаны всѣ, кромѣ подстрочныхъ и нѣкоторые изъ пропущенныхъ стиховъ возстановлены. Статья Корниловича не перепечатана.

Вообще же говоря всѣ семь изданій „Войнаровскаго", не выключая самаго перваго 1825 г., неудовлетворительны, и мы очень рады, что могли представить на страницахъ „Русской Старины" возможно полный и исправный текстъ, притомъ съ варьянтами по подлинной рукописи автора, — поэмы, которая приводила современниковъ поэта въ восхищеніе и до нынѣ занимаетъ въ исторіи отечественной литературы довольно видное мѣсто. Ред.

---

*) Это изданіе еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Экземпляръ, поступившій въ мою библіотеку былъ купленъ въ 1830-хъ гг. за 200 руб. ассигн. Ред.

КАРАМЗИНЪ и ПУШКИНЪ.

Письма ихъ къ Д. Н. Бантышу-Каменскому.

1818—1835.

Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (род. 1778, ум. 1850), письма къ которому приведены ниже, принадлежитъ къ замѣчательнымъ дѣятелямъ въ области литературы отечественной исторіи. Карамзинъ справедливо писалъ къ нему, что онъ „идетъ по слѣдамъ незабвеннаго своего родителя". Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, управлявшій Московскимъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, извѣстенъ многими историческими трудами: таково его „Историческое извѣстіе объ Уніи", „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ" и вообще ему принадлежатъ до тридцати изданій и сочиненій по части исторіи, богословіи, древняго языкознанія и словесности. Онъ скончался 20 января 1814 г. Дмитрій Николаевичъ былъ младшій сынъ почтеннаго труженика. Съ отличнымъ образованіемъ, Д. Н. соединялъ замѣчательную любовь къ словесности, но въ особенности къ исторіи и археологіи. 18-ти лѣтъ отъ роду онъ напечаталъ первое свое сочиненіе („Россіянинъ при гробѣ патріарха Гермогена", 1806 г.), черезъ три года издалъ описаніе путешествія въ Молдавію, Валахію и Сербію, а въ 1812 г. выпустилъ въ свѣтъ: „Описаніе дѣяній полководцевъ и министровъ Петра Великаго"—съ портретами. Съ этого достопамятнаго года труды Д. Н. по части отечественной исторіи дѣлаются непрерывными; біографія, имъ составленная: „Амвросія Зертисъ-Каменскаго, архіепископа московскаго"; „Собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ императорскихъ орденовъ"; „Исторія Малороссіи", въ 4-хъ частяхъ, 1822 г.; новое и исправленное изданіе этого труда въ 1830 г. въ 3-хъ томахъ, со множествомъ портретовъ; „Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ (Спб. 1840 г., 4 ч.) и въ особенности—громадный трудъ: „Словарь достопамятныхъ людей русской зем-

ли" изд. 1836 г. въ 5 частяхъ и дополненіе къ нему изд. 1847 г. въ 3-хъ томахъ—до сихъ поръ остаются весьма важными пособіями для занимающихся отечественной исторіей.

Письма Карамзина и Пушкина къ Д. Н. напечатаны нами буквально съ автографовъ, весьма обязательно сообщенныхъ дѣтьми покойнаго—Николаемъ Дмитріевичемъ и Елисаветою Дмитріевной.

Ред.

Мнѣніе Карамзина о сочиненіяхъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго.

Извлеченія, сдѣланныя покойнымъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ изъ дипломатическихъ актовъ Древней Россіи, принадлежатъ исторіи и могутъ быть изданы, безъ нарушенія правилъ государственной скромности. Не только Россія, но и вся Европа съ того времени перемѣнилась: старыя тайны не имѣютъ связи съ новыми, открытіемъ своимъ питая единственно любопытство умовъ дѣятельныхъ и способствуя просвѣщенію. Исправнымъ отъ государя императора одобреннымъ изданіемъ сочиненій г. Каменскаго мы почтили бы память сего незабвеннаго мужа, который жилъ любовію къ отечеству и нравственности. Н. Карамзинъ.

Спб. 8-го апрѣля 1818 года.

(Подлинное отправлено къ г. статсъ-секретарю, графу Каподистрію, для поднесенія его императорскому величеству 5-го мая 1818 года).

Письмо Карамзина къ Д. Н. Бантышу-Каменскому.

Царское Село, 23 окт. 1822.

Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ! Приношу вамъ искреннѣйшую благодарность за обязательное доставленіе мнѣ вашего любопытнаго творенія. Я прочиталъ нѣсколько главъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Вы идете по слѣдамъ вашего незабвеннаго родителя, который прославилъ себя трудомъ общеполезнымъ.

Съ душевнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Карамзинъ.

Письма А. С. Пушкина къ Д. Н. Бантышу-Каменскому.

I.

Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе: познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь что въ другой разъ буду щастливѣе. Покамѣсть прошу, Ваше Превосходительство, принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

14 дек. 1832-го г.

II.

Милостивый государь Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести Вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоцѣнный знакъ Вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть и такъ же гравируется. Съ нетерпѣніемъ буду ждать Біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностію.

Жалѣю что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ Вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такова человѣка каковъ вы послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

1 мая, 1834. Спб.

III.

Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ! Не знаю какъ Васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матерьяловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я Вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о Русскомъ Conversations Lexikon. Великое множество біографическихъ статей, Вами заготовленныхъ, могли бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете-ли Вы въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу Васъ выбрать меня въ свои повѣренные, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою, Александръ Пушкинъ.

3 іюня 1834. Спб.

IV.

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ! Съ благодарностію отсылаю къ Вамъ статьи, коими по Вашему благоразположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе Ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разкащика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ

укоризны, научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу Васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: На стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50.—Изъ примѣчанія къ пятой главѣ (16) вмѣсто Табалылъ, Табинскъ.

Съ глубочайшемъ почтеніемъ и благодарностію, честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

26 янв. 1835. Спб.

Адресъ: «Его Превосходительству Милостивому Государю. Дмитрію Николаевичу Бантышу-Каменскому, въ Москвѣ, въ книжную лавку Ширяева».

V.

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Съ крайнѣй досадою узналъ я что давно уже отосланныя ваши бумаги, все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю получили ли вы исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ Вашими бумагами тому-же безпечному комисіонеру.

Поручая себя Вашей благосклонности съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

2 апрѣля 1835.

Адресъ: «Его Превосходительству Милостивому Государю Дмитрію Николаевичу Б.-Каменскому».

Сообщ. Н. Д. и Л. Н. Бантышъ-Каменскіе.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ.

Письма его къ Фурманну.

Писаны къ П. Р. Фурманну, довольно извѣстному романисту и сочинителю дѣтскихъ книгъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ; онъ умеръ въ 1856 году. Эти письма Сенковскаго относятся къ тому времени, когда Фурманнъ былъ редакторомъ с.-петерб. полицейскихъ вѣдомостей (съ 1852 — 55 г.). Сенковскій въ эти годы занимался химіей и, преслѣдуемый цензурою, вздумалъ вмѣсто литературы заняться фабрикаціей табаку, соединившись съ лицомъ, которое и рекомендуетъ въ письмахъ. В. Стоюнинъ.

I.

Carissimo, пріймите благосклонно подъ ваше редакторское покровительство добраго и умнаго человѣка, который постигъ духъ табаку и разумъ папиросовъ и въ которомъ мы принимаемъ большое участіе. Дѣло идетъ о напечатаніи объявленія, достойнаго его папиросовъ, которыя превосходятъ всѣ донынѣ извѣстные, какъ солнце превосходитъ звѣзды. Воскурите этотъ ѳиміамъ и разсудите. Дайте ему наставленіе, что онъ долженъ дѣлать, потому что изъ редакціи ему зачѣмъ-

то возвратили представленное имъ объявленіе. Я сбираюсь къ вамъ съ изъявленіемъ преданности и благодарности за ваши добрыя и дружескія ласки ко мнѣ, и на дняхъ ударю лично челомъ передъ вами. Вашъ душевно преданный Сенковскій.

NB. Онъ ужасно желаетъ увидѣть объявленіе свое въ печати въ субботу, а зовутъ его Herr Kaull.

II.

Почтеннѣйшій и добрѣйшій Петръ Романовичъ! Мой сотрудникъ, табачный фабрикантъ Андрей Самойловичъ Кауль, прибѣгаетъ черезъ меня къ вашему покровительству. Онъ желаетъ имѣть опредѣленное мѣсто вверху третьей страницы вашей газеты на нѣсколько недѣль сряду—чего ваши подчиненные не смѣли пожаловать ему безъ вашего разрѣшенія, когда вы были больны. Сдѣлайте дружеское одолженіе, дозвольте ему явиться въ свѣтъ съ своими сочиненіями въ великодостойномъ видѣ. А почему онъ мой сотрудникъ, о томъ слѣдуетъ объясненіе. Пейкеръ *) запрещалъ все, что я ни напишу — ну рѣшительно все; не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ обратиться отъ литературы къ промышленности, и я записался въ купцы— открылъ табачную лавочку и фабрику — и вотъ мы трудимся съ Каулемъ, который обладаетъ мудростью дѣлать неслыханные табаки, папиросы и сигары. Неслыханныя сигары еще не готовы: первые экземпляры ихъ будутъ представлены вамъ на критику, которую, надѣюсь, выдержатъ онѣ побѣдоносно. Маленькія мои познанія въ химіи и растительной фіозологіи, которыя цензура уничтожала въ печати, пригодились отлично въ приложеніи къ обработкѣ табаковъ. Жаль, что вы трубки не курите: вы-бы удивились превосходству табаковъ Кауля моего; есть Кауль не мой, другой, братъ его, тоже табачный фабрикантъ, но плохой, и ихъ не должно смѣшивать. Но если любите курить папиросы по испански, то есть свертывать ихъ собственноручно изъ свѣжаго, влажнаго табаку, что гораздо лучше всякихъ сигаръ, легко и здорово для груди, потому что онѣ даютъ дымъ влажный, мягкій, а не сухой и острый, раздирающій дыхательные органы, то прикажите моему сотруднику Каулю доставить вамъ знаменитѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ табаковъ, Джебейли **), растущаго въ Ливанскихъ горахъ и въ которомъ я сидѣлъ и учился по арабски ***): удивитесь! Послѣ того никакого другаго курить не станете. Прощайте. До свиданія, голова трескается отъ боли. Вашъ душевно преданный Сенковскій. Сообщ. В. Я. Стоюнинъ.

*) Цензоръ, читавшій журналъ «Библіотека для Чтенія». В. С.

**) Названіе мѣстечка. В. С.

***) Сенковскій былъ извѣстный знатокъ арабскаго языка, который практически изучалъ онъ въ юности на мусульманскомъ Востокѣ. В. С.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Указы императрицы Елисаветы Петровны.

I.

„Указъ нашему кабинету в знесенныя в комнату нашу по нашему указу изъ онаго кабинета денги минувшаго марта 31 дня: четыреста рублевъ, да сего апрѣля 7 числа 6 т. руб. і того 6400 р. повелѣваемъ записать в расход въ 11 д. апрѣля 1744.

В Москвѣ в Головинском домѣ.“

Внизу помѣчено:

«Изъ сихъ денегъ ея императорское величество изволила пожаловать господину дѣйствительному тайному совѣтнику и первому лейбъ-медику Лестоку, за благополучное пущеніе ея императорскому величеству крови, того 7 числа апрѣля, пять тысячъ рублевъ».

Сообщ. **П. Н. Петровъ.**

II.

Ея императорское величество изволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ, во время божественныя службы въ придворной ея императорскаго величества церкви, ежели кто, — какого-бъ чина и достоинства ни былъ, — будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящиками, какія обыкновенно бываютъ въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать вновь: для знатныхъ чиновъ — мѣдныя вызолоченныя, а для посредственныхъ — бѣлыя луженыя, а для прочихъ чиновъ — простыя желѣзныя*). Того ради Придворная контора, во исполненіе онаго ея императорскаго величества имяннаго указа приказали: вышеписанные

---

*) Этого послѣдняго разряда ящикъ можно видѣть въ Царскосельскомъ арсеналѣ. **Ред.**

ящики съ цѣпями заказать сдѣлать оловянишному мастеру Давиду Осипову и сколько на то на нихъ матеріаловъ употреблено будетъ и за какую цѣну оные сдѣланы будутъ, о томъ велѣть въ Придворную контору отрепортовать, при чемъ и тѣ ящики представить въ Придворную контору и о томъ ему, Осипову, объявить. Дмитрій Шепелевъ *).

Января 6-го дня 1749 г.

Сообщ. Н. Я. Максимовъ.

Распоряженіе императора Павла объ улучшеніи русскаго языка.

I *).

Высокоблагородный и почтенный С.-Петербугской губерніи господинъ губернской прокуроръ. Государь мой! За долгъ себѣ поставляю рекомендовать вамъ, дабы вы во отношеніяхъ вашихъ ко мнѣ и во всѣ судебные мѣста по какимъ бы то нибыло дѣламъ изъяснялись самымъ чистымъ и простымъ слогомъ, употребляя всю возможную точность и стараясь изъяснить лучше самое дѣло, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ всегда избѣгать! о исполненіи чего имѣете вы дать ваши предписанія и подчиненнымъ вамъ прокурорамъ и совокупно съ ними наблюдать, дабы оное въ самой точности исполнено было и во всѣхъ присудственныхъ мѣстахъ С.-Петербургской губерніи, объявя имянно что на сіе есть высочайшая воля его императорскаго величества. Вашего высокоблагородія покорный слуга К. А. Куракинъ.

№ 749. Декабря 29 дня 1796 года.

(Его высокоблагородію Татищеву). сообщ. А. Г. Пупарёвъ.

II.

Высочайшее повелѣніе 1797 года объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими.

Слова отмѣняемыя:	Въ замѣнъ ихъ повелѣно употреблять:
Обозрѣніе.	Осмотрѣніе.
Врачь	Лекарь.
Выполненіе	Исполненіе.
Пособіе	Помощь.

*) Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ оберъ-гофмаршаломъ двора императрицы Елисаветы Петровны. О немъ см. въ запискахъ Болотова т. I, стр. 133 — 138. Ред.

**) Печатный циркуляръ кн. Куракина 1796 г. разосланнъ при указѣ с.-петербургскаго губернскаго правленія 13 февраля 1797 г. Ред.

Слова отмѣняемыя:	Въ замѣнъ ихъ повелѣно употреблять:
Преслѣдованіе	Посланной въ погоню.
Сержантъ	Унтеръ-офицеръ, хотя и прежде отставленъ.
Общество	Этого слова совсѣмъ не писать.
Граждане	Жители или обыватели.
Отечество	Государство.
Приверженность	Привязанность или усердіе.
Стража	Караулъ.
Степень	Классъ.
Отрядъ	Деташементъ или команда.

Сообщ. **В. С. Глинка** изъ бумагъ покойнаго издателя «Русскаго Вѣстника» **С. Н. Глинки**.

Число 12 въ жизни императора Александра I.

Странную случайность представляетъ число двѣнадцать въ жизни покойнаго императора Александра Павловича.

Онъ родился 12-го декабря 1777 года, то-есть двѣнадцатаго числа, двѣнадцатаго мѣсяца.

Шведы подступили къ Кронштадту въ 1789 году на двѣнадцатомъ году его возраста, первый разъ двѣнадцать.

Взошелъ онъ на престолъ 12-го марта 1801 года, на 24 году отъ рожденія, что составляетъ второй разъ двѣнадцать.

Нашествіе французовъ было въ 1812 году, на 36 году жизни императора Александра; въ числѣ 36 содержится три раза двѣнадцать.

Скончался въ 1825 году, на 48 году отъ рожденія — четыре раза 12 = 48, бывъ болѣнъ двѣнадцать дней.

Царствовалъ 24 года — два раза двѣнадцать.

Вотъ еще любопытное замѣчаніе, касательно примѣненія чиселъ къ изреченію, столь вѣрно обозначающему характеръ императора Александра: „И посла мірови ангела кротости“. Переведите буквы на цыфры славянскія, выходитъ:

И	8.
п	80
о	70
с	200
л	30
а	1
	389

м — 40
і — 10
р — 100
о — 70
в — 2
и — 8

230

а — 1
н — 50
г — 3
е — 5
л — 30
а — 1

90

к — 20
р — 100
о — 70
т — 300
о — 70
с — 200
т — 300
и. — 8

1068

По сложеніи этихъ цифръ вмѣстѣ, получится число 1777, то-есть, именно тотъ годъ, когда родился императоръ. Онъ родился 12-го числа 12-го мѣсяца (т.-е. декабря). Прибавьте эти цифры, т.-е. 42 къ 1777 — выйдетъ 1801 годъ, — годъ вступленія его на престолъ; къ этому году прибавьте число 24, т.-е. лѣта царствованія, получите 1825 — годъ кончины.

Итакъ, рожденіе императора Александра было 1777 г. 12 мѣс. 12 числа.

Вступленіе на престолъ 1802 г. 3 мѣс. 12 числа.

Кончина 1825 г. 11 мѣс. 19 числа.

Расположите эти числа слѣдующимъ образомъ:

Годы.		Мѣсяцы и числа.	
1 7 7 7	(1777) рожденіе.	1 2 1 2	(12 декабря).

Годы.		Мѣсяца и числа.	
1 8 0 1	(1801) вступленіе на престолъ.	1 2 3	(12 марта).
1 8 2 5	(1825) кончина.	1 9 1 1	(19 ноября).
48 лѣтъ жизни.		24 г. царствованія.	

Сообщ. **М. И. Богдановичъ.**

ПОДРАЖАНІЕ

XIII главѣ 1-го посланія Коринѳенамъ

Святаго апостола Павла.

Пусть злые люди вѣнецъ сплетаютъ,
Оставимъ ихъ самихъ съ собой;
А наши души возлетаютъ
Къ небесной истинѣ святой!
Пролейся въ сердце огнь небесный!
Коснись, настрой псалтырь мою
На голосъ музамъ не извѣстный,
Любви Христовой пѣснь пою!
Но что мнѣ въ пѣснѣ голосистой,
Хотябъ въ ней ангельскій былъ гласъ,
Когда огонь любви сей чистой
Въ душѣ моей совсѣмъ угасъ.
Мнѣ пѣснь не дастъ той жизни вѣчной,
Которую любовь даетъ,
Какъ звукъ кинвала скоротечный
Такъ пѣснь раздастся и умретъ.
Что пользы въ разумѣ высокомъ?
Что мнѣ въ познаніи небесъ?
Къ чему мнѣ зрѣть премудрымъ окомъ
Всю связь безчисленныхъ чудесъ?
Чтò безъ любви всѣ созерцанья?
Къ чему мнѣ знать судебъ законъ?
Безъ ней высокія познанья
Суть только призракъ, прахъ и сонъ!
Хотя-бъ чрезъ мощной вѣры силы
Я камни въ воду претворялъ,
Хотя бы мертвыхъ изъ могилы
По гласу вѣры вызывалъ,
Хотя бы горъ хребты высоки
Единымъ словомъ колебалъ,
Иль обращая вспять потоки
Я солнца бѣгъ останавлялъ!
Но что мнѣ въ томъ, коль огнь любовный
Въ послѣдній оный день суда,

Не воскреситъ мой тлѣнъ грѣховный
Къ небесной жизни навсегда!
Хотя-бъ стяжанія презритель
Богатства нищимъ расточалъ!
Иль вѣры своея ревнитель,
Въ оковы тѣло заключалъ!
Но если подвиговъ высокихъ
Не есть источникомъ любовь,
Вотще-бъ въ мученіяхъ жестокихъ
Я проливалъ холодну кровь!
Любовь съ киченьемъ незнакома
Для самолюбія чужда,
Одною простотой вѣдома
Не знаетъ гордости слѣда.
Къ стяжаньямъ рукъ не простираетъ
Коварствъ не знаетъ никакихъ,
Враговъ по имени лишь знаетъ,
Чтобы молиться и за нихъ!
Сердца другихъ собою мѣритъ
Творцу всю душу предаетъ,
Всего надѣется и вѣритъ
И благодарны слезы льетъ.
Она не вѣдаетъ преграды
Не знаетъ гдѣ конецъ — любить,
И самый верхъ для ней награды
За ближнихъ душу положить!
Всегда кротка и справедлива,
Безъ малодушія — скромна,
Безъ дерзости — правдолюбива,
Безъ честолюбія — славна!
Собою жертвовать готова
Въ спокойной ревности своей,
Не зная страха никакого,
Идетъ небесною стезей!
Ей тернъ путей не преграждаетъ
Идетъ на высоту стремнинъ,
Стремнинъ, которыхъ ужасаетъ
Холодны души видъ одинъ! —
Таковъ твой путь царица міра
Таковъ твоихъ дѣяній плодъ!
Таковъ твой съ райскаго эмпира
Благотворителенъ приходъ!
Такъ огнь твой, души распаляетъ,
Такъ вѣрныхъ чадъ твоихъ живитъ,
Такъ всѣ сердца въ одно сливаетъ,
И моремъ радостей поитъ! —
Когда падутъ небесны своды
Въ послѣдній, время, разъ вздохнетъ,
И съ умирающей природы
Одежды тлѣнныя сорвётъ.
Когда исчезнетъ область вѣры
Покровъ гаданія спадетъ,
Прейдутъ наружныхъ дѣлъ примѣры,
Тогда звѣзда твоя взойдетъ
Въ душахъ очищенныхъ свѣтлѣе,
Зажжетъ сердца — и пламень твой
Горя яснѣе и яснѣе
Пребудетъ всѣхъ небесъ душой!
Представь какъ бренныя созданья
Послѣдній ангелъ истребитъ.....
И на остаткахъ мірозданья
Одна въ вѣнцѣ любовь стоитъ.

Одушеви, о душъ царица!
И научи меня любить,
Наставь меня не зрѣть на лица
И истину во всемъ хранить!...

Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, Павелъ Сергѣевичъ.

Чита, 1829 г. Сконч. 13 февраля 1865.

Сообщ. **Баронъ А. Е. Розенъ.**

Некрологъ: 25 января 1871 года скончался генералъ-лейтенантъ Владиміръ Ивановичъ Фелькнеръ. Еще за недолгое время до своей внезапной кончины Владиміръ Ивановичъ бывалъ неоднократно у пишущаго эти строки, постоянно и весьма живо интересуясь собраніемъ и изслѣдованіемъ памятниковъ новѣйшей русской исторіи. Генералъ Фелькнеръ былъ человѣкъ весьма образованный и до послѣдняго дня своей жизни слѣдилъ за литературой и наукой, въ особенности же его занимали политическая и военная исторія. Ему принадлежитъ интересная статья, напечатанная во II-мъ томѣ „Русской Старины" (стр. 132) подъ заглавіемъ: „14-ое декабря 1825 г.". Въ нашемъ же распоряженіи находились двѣ любопытныя рукописныя статьи покойнаго: „Калишскіе маневры" и „Описаніе путешествія, совершеннаго въ свитѣ наслѣдника цесаревича, нынѣ царствующаго государя императора Александра Николаевича, въ Стокгольмъ". Послѣдняя статья особенно любопытна и мы только за три или за четыре недѣли до кончины автора возвратили ее ему для нѣкоторыхъ сокращеній. Надѣемся, что почтенные родственники покойнаго—изъ уваженія къ его памяти—исполнятъ его желаніе и подѣлятся этими статьями съ читателями „Русской Старины". Генералу Фелькнеру принадлежатъ также нѣкоторые военно-историческіе очерки, напечатанные въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и въ Военномъ Сборникѣ". **Ред.**

Поправки: Н. И. Голубевъ сообщилъ намъ слѣдующую замѣтку: «Въ шутотрагедіи Крылова «Подщипа», стр. 185, стихъ 5 сверху, въ рѣчи Слюняя напечатано:

И гоёву съ меня, какъ кацейску (?) схватитъ.

«Подчеркнутое слово должно быть напечатано коцейску, и, значитъ, если не ошибаюсь, кочерыжку».

Предположеніе безъ всякаго сомнѣнія безошибочное, и мы уже оговорили эту поправку на стр. 374, тѣмъ не менѣе, кстати замѣтимъ, что съ полнымъ вниманіемъ воспроизводя въ печати текстъ Лобановской рукописи «Подщипы» мы не позволили себѣ исправленіе такихъ словъ, разночтеній которыхъ не нашли въ прочихъ, имѣющихся у насъ спискахъ; въ берлинскомъ же изданіи «Трумфа» весь стихъ съ «коцейской» или «кочерыжкой» опущенъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. МАЙ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

При этой книгѣ „Русской Старины" 1871 г. приложены: а) литографическій снимокъ съ картины Профессора В. И. Якоби: «Арестъ Бирона», рисунокъ на камнѣ исполненъ самимъ художникомъ; б) два плана къ запискамъ Болотова (въ текстѣ запис.).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г.

Портретъ А. Л. Витберга, рисунокъ проектированнаго имъ Храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ память 1812 г., равно портреты и снимки съ писемъ проч. замѣчат. русскихъ дѣятелей будутъ помѣщаемы при послѣдующихъ книгахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.
1871.

V-я книга «Русской Старины» вышла 1-го мая.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столѣтія, Василія Александровича Даудова. Трудъ Н. Н. Селифонтова, Спб. въ 8 д., изд. Археогр. Коммиссіи, стр. 196.

До послѣдняго времени внутренній бытъ служилаго русскаго сословія до—Петровской Руси, вообще говоря, довольно мало извѣстенъ: матеріалъ для этого знакомства разсѣянъ по всевозможнымъ изданіямъ, но онъ не сведенъ въ одну цѣлую и обширную картину, въ которой обрисовывался бы со всѣхъ сторонъ какъ общественный, такъ и частный бытъ русскаго дворянства XVII в. Далеко не вполнѣ восполняетъ этотъ недостатокъ сказанія иноземныхъ путешественниковъ по Московіи XVII в., и еще недостаточнѣе извѣстія, какія мы находимъ въ запискахъ немногихъ русскихъ людей, изъ того же времени. — Въ послѣдніе однако годы начинаютъ появляться монографіи, задачи которыхъ восполнить этотъ недостатокъ нашей исторической литературы. Къ числу такихъ трудовъ принадлежитъ «Очеркъ», составленный Н. Н. Селифонтовымъ. Книга эта составляетъ весьма пріятную новинку для любителя отечественной исторіи: вокругъ Даудова, (р. 1620 † около 1701 г.) личности тѣмъ то и интересной, что она не исключительная, не выходящая изъ ряду ни въ историческомъ отношеніи, ни по какимъ либо дарованіямъ, — весьма старательно сгрупировано множество документовъ, за время, съ 1630 г. по конецъ XVII в., которыя воскрешаютъ предъ нами положительно всѣ стороны жизни русскаго служилаго сословія: тутъ и служба въ посольствахъ, и посылки на воеводства, — со всѣми подробностями судебнаго и административнаго управленія городами и областями; здѣсь и помѣщичій бытъ той эпохи: раздѣлъ имѣнія, свѣдѣнія о переходѣ недвижимыхъ имуществъ, о помѣстныхъ окладахъ съ придачами и. т. д.; переходы имуществъ — посредствомъ купли, продажи, обмѣна, посредствомъ выдѣла въ приданое; — обращеніе помѣстья въ вотчину и т. п. Трудъ г. Селифонтова представляетъ намъ и волокиты по тогдашнимъ приказамъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ; тутъ же находятся крестьянскія отписки къ ихъ помѣщикамъ чрезвычайно живо рисующія бытъ крестьянъ того времени. Къ актамъ приложенъ весьма отчетливо составленный указатель упоминаемыхъ въ нихъ предметовъ.

Рукописное отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ I-й: Церковно-Славянскія рукописи.—Русскіе пергаменты. Трудъ Петра Гильтебрандта. Вильна, 1871 г. въ 4-ю д., стр. XXXVI и 231.

Предисловіе г. Гильтенбрандта къ его почтенному труду заключаетъ въ себѣ любопытный очеркъ исторіи Виленской библіотеки,—съ тѣми драгоцѣнными собраніями рукописныхъ памятниковъ Западной Россіи, которыя вошли въ составъ этого книгохранилища; въ статьѣ составителя книги читатель найдетъ много данныхъ, весьма важныхъ для лицъ интересующихся литературой исторіи Литовской Руси и вообще мѣстной археографіей. Самый каталогъ состоитъ: 1) изъ перечневой описи 82-хъ церковно-славян. рукописей XI—XVII стол. и 75 русскихъ пергаменовъ (XVI и начала XVII стол.). Каждый манускриптъ описанъ съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ для удовлетворительности такого труда условій: не забыты ни филологическія, ни палеографическія замѣтки; приведены изъ памятниковъ выписки болѣе важныхъ мѣстъ; изложено содержаніе пергаментовъ и т. д.: 2) изъ описательнаго указателя лицъ, мѣстъ, предметовъ и реченій — встрѣчающихся въ настоящей книгѣ. Нельзя не порадоваться, что такая библіотека какъ Виленская, — для упроченья и развитія которой предстоитъ еще преодолѣть не мало препятствій,—не мыслимыхъ ни въ одномъ изъ прочихъ городовъ Россіи, — будетъ имѣть съ такою полнотою и знаніемъ дѣла составленное описаніе главнѣйшихъ своихъ для науки сокровищъ.

Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, соч. Петра Пекарскаго. т. I-й. Спб. 1870 г., въ 4-ю д., стр. LXVIII и 774. Ц. 4 рубля.

Книгѣ предпослано обозрѣніе обширнаго академическаго архива, давшаго матеріалъ «Исторіи Академія»; далѣе слѣдуетъ обзоръ мѣръ и предположеній по части распространенія просвѣщенія и знаній въ Россіи при Петрѣ Великомъ; — учрежденіе имъ Академіи Наукъ; положеніе Академіи при Екатеринѣ I-й; — публичныя собранія и ученыя собранія академиковъ въ старину; — плохое положеніе Академіи Наукъ въ первую эпоху ея существованія относительно матеріальнаго обезпеченія; заботы о приглашеніи извѣстныхъ ученыхъ въ Члены Академіи; вредъ отъ

(смотр. окончаніе на обертке).

АРЕСТЪ и ССЫЛКА БИРОНА.

8-го ноября, 1740-го года, въ третьемъ часу ночи, офицеры лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, находившіеся въ караулѣ на главной гауптвахтѣ зимняго дворца, были внезапно разбужены адъютантомъ фельдмаршала Миниха, подполковникомъ Манштейномъ, который сообщилъ имъ, что мать малолѣтняго императора Ивана Антоновича, принцесса Анна Леопольдовна, имѣя поручить имъ важное и секретное дѣло, проситъ ихъ немедленно явиться къ ней.

Такое позднее и неожиданное приглашеніе чрезвычайно изумило офицеровъ; однако они поспѣшили повиноваться. Манштейнъ провелъ ихъ чрезъ черную лѣстницу дворца, прямо въ уборную принцессы. Анна Леопольдовна тотчасъ-же вышла къ нимъ, сопровождаемая фельдмаршаломъ и любимой фрейлиной своей, баронессой Юліаной Менгденъ. Миловидное лицо принцессы было

Источники: 1) Дѣло о капитанъ-поручикѣ Дурново, въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Кн. 61, стр. 477 и слѣд.—2) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древ. рос. М. 1862. Ч. 1, стр. 28—143.—3) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи,-Пекарскаго. С. П. Б. 1862. Стр. 188—196.—4) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. М. 1817. Стр. 203.—Записки князя Я. П. Шаховскаго. М. 1821. Ч. 1, стр. 39-41.—6) Записки императрицы Екатерины II. Лондонъ. 1859. Стр. 91.—7) Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства. М. 1831. Ч. 2, стр. 74.—8) Исторія города Ярославля, Троицкаго. Ярославль. 1853. Стр. 76.—9) Политическая система Петра III,—Щебальскаго. М. 1870. Стр. 145—148.—10) Два эпизода изъ царствованія Екатерины II,—Барона Ѳ. Бюлера. «Рус. Вѣст.» 1870. № 3, стр. 116.—11) Memoires sur la Russie, par Manstein. Paris. 1860. t. 2. Pg. 124.—12) Materialien zu der russischen geschichte, f. Schmidt Phiseldeck. Riga. 1777. T. 2. S. 188-196.

С. Ш.

блѣдно, глаза заплаканы; нетвердымъ, прерывающимся отъ сильнаго внутренняго волненія Голосомъ, она, въ короткихъ словахъ, передала офицерамъ, что регентъ имперіи, герцогъ Курляндскій Биронъ, ежедневно наноситъ ей и ея супругу всевозможныя оскорбленія и униженія; что онъ намѣревается выслать ее съ семействомъ за границу, съ цѣлью захватить окончательно въ свои руки правленіе государствомъ; что она не можетъ болѣе переносить его грубыхъ и неблагородныхъ поступковъ съ ней, считаетъ обязанностію своей, для общаго блага, противодѣйствовать его честолюбивымъ замысламъ и потому рѣшилась арестовать его; что порученіе это возложено ею на фельдмаршала Миниха и она надѣется, что офицеры, всегда отличавшіеся преданностію къ государю и отечеству, не откажутся повиноваться и помогать своему начальнику въ предпріятіи, отъ исхода котораго зависитъ счастіе и спокойствіе цѣлой имперіи.

Слезы и одушевленіе принцессы, справедливость жалобъ ея противъ человѣка, всѣми втайнѣ ненавидимаго, не могли не вызвать сочувствія къ ея дѣйствительно тягостному и унизительному положенію. Офицеры, ни минуты не колеблясь, отвѣчали, что они готовы исполнить приказаніе принцессы и обѣщали не жалѣть жизни для достиженія успѣха. Отвѣтъ этотъ привелъ Анну Леопольдовну въ такое восхищеніе, что она, зарыдавъ, бросилась на шею къ фельдмаршалу; потомъ обняла офицеровъ и умоляла ихъ не медлить.

Успокоивъ и упросивъ принцессу во всемъ положиться на него, Минихъ отправился вмѣстѣ съ офицерами къ главному караулу, вызвалъ его въ ружье и, обратясь къ солдатамъ, сказалъ:

— «Хотите-ли вы государю служить? Вѣдаете, что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ (Елизаветѣ Петровнѣ), племяннику ея (герцогу Голштинскому), императору и родителямъ его есть утѣсненіе и надобно его взять!»

Солдаты въ одинъ голосъ отвѣчали: «готовы государю съ радостью служить!»

Тогда фельдмаршалъ спросилъ: «ружья у васъ заряжены-ль?» и, узнавъ что не заряжены, велѣлъ зарядить; затѣмъ, оставивъ на гауптвахтѣ при знамени, одного офицера и сорокъ рядовыхъ,

съ остальными восьмидесятью человѣками пошелъ къ лѣтнему дворцу, гдѣ тогда жилъ Биронъ *).

Не доходя шаговъ двухъсотъ до дворца, Минихъ послалъ Манштейна впередъ объявить приказаніе принцессы офицерамъ, находившимся въ караулѣ у регента; они не только не оказали никакого сопротивленія, но даже предложили свои услуги для арестованія Бирона.

Получивъ такое благопріятное извѣстіе, Минихъ велѣлъ Манштейну идти съ двадцатью гренадерами въ комнаты регента и взять его живого или мертваго.

Манштейнъ, войдя во дворецъ и боясь встревожить герцога шумомъ, приказалъ своимъ спутникамъ слѣдовать за собою издали. Часовые, стоявшіе въ покояхъ регента, зная Манштейна въ лицо, всюду пропускали его, полагая, что онъ посланъ къ герцогу съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Пройдя нѣсколько комнатъ, Манштейнъ остановился въ недоумѣніи. Онъ не зналъ гдѣ была спальня герцога и опасался спросить объ этомъ у служителей. Послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, Манштейнъ рѣшился идти на удачу. Пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверью запертой на ключъ; къ счастію, по оплошности слугъ, она не была задвинута сверху и снизу задвижками, а потому Манштейнъ безъ особенныхъ усилій отворилъ её. Здѣсь онъ нашелъ герцога и герцогиню, спавшихъ на широкой двухспальной кровати такимъ крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ, что стукъ произведенный дверью не разбудилъ ихъ.

Манштейнъ подошелъ къ кровати, отдернулъ занавѣсъ и громко сказалъ, что желаетъ говорить съ герцогомъ. Герцогъ и герцогиня проснулись, и, испуганные его голосомъ, подняли крикъ. Биронъ соскочилъ на полъ и намѣревался спрятаться подъ кровать, но Манштейнъ, находившійся у той стороны постели гдѣ лежала герцогиня, быстро обѣжалъ кругомъ, бросился на него,

---

*) Деревянный лѣтній дворецъ существовалъ съ 1732 г., въ лѣтнемъ саду, на мѣстѣ нынѣшней великолѣпной рѣшетки. Здѣсь императрица Анна Ивановна ежегодно проводила исходъ лѣта и начало осени и здѣсь же умерла, 17 октября 1740 г., не успѣвъ переѣхать, по обыкновенію, въ зимній дворецъ. 19 октября, младенецъ-императоръ Иванъ Антоновичъ былъ церемоніально перенесенъ, по приказанію регента, изъ лѣтняго дворца въ зимній; самъ же регентъ остался въ лѣтнемъ дворцѣ, располагая быть у тѣла покойной императрицы до дня погребенія, назначеннаго на 23-е декабря. С. Ш.

крѣпко обхватилъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли солдаты.

Этотъ моментъ изображенъ на прекрасной и въ историческомъ, и въ художественномъ отношеніяхъ картинѣ профессора Валерія Ивановича Якоби; снимокъ съ нея здѣсь прилагается. Художникъ вводитъ насъ въ роскошную спальню регента. У входа часовой и группа солдатъ-преображенцевъ въ походной формѣ. Обѣ половинки дверей распахнуты настежъ. Спальня озарена яркимъ свѣтомъ брошеннаго на стулъ фонаря. Съ этимъ фонаремъ, безъ сомнѣнія потайнымъ, Манштейнъ прошелъ по комнатамъ дворца, прежде чѣмъ добраться до спальни. Выплывшая луна озарила сосѣднюю съ спальней комнату. У кровати поверженъ Биронъ; онъ тщетно хватается за шпагу; стулъ, шпага и китайскія ширмы летятъ на полъ. Вся фигура Бирона сдѣлана весьма схожею съ лучшими его портретами, но такъ какъ герцогъ захваченъ въ постели, поэтому въ моментъ борьбы мы его видимъ безъ парика, что, разумѣется, даетъ другой видъ его головѣ и лицу. Фигуру Манштейна художникъ поставилъ такъ, что лица его не видно; сдѣлано это, безъ сомнѣнія, потому, что портретъ Манштейна до сихъ поръ не найденъ, и неизвѣстно даже, былъ ли онъ когда-либо изданъ. На крикъ Манштейна бѣжитъ старый офицеръ, съ эспантономъ и съ шарфомъ, готовый перевязать ненавистнаго правителя. На лицѣ стараго гренадера, безъ сомнѣнія, видѣвшаго цѣлый рядъ дворцовыхъ переворотовъ съ 1725-го г., читаешь выраженіе удовольствія и радости. Онъ какъ и вся эта группа, исполнена ненависти къ Бирону....

Подлинная картина г. Якоби, составляющая собственность Н. Д. Бенардаки, занимаетъ въ длину — сажень, въ высоту — два аршина. Комната Бирона отдѣлана въ китайскомъ вкусѣ, какъ и было дѣйствительно во дворцѣ Анны Ивановны; надъ кроватью занавѣси голубого бархата, подбитыя желтымъ атласомъ; онѣ шиты гербами герцога и золотомъ. Одѣяло атласное, ваточное, стеганое, бѣлое съ цвѣтами. Стулъ у постели обдѣланъ золотомъ и обитъ малиновымъ бархатомъ; на полу богатый красноватаго цвѣта коверъ. На фигурномъ, золотомъ обдѣланномъ, столѣ — шкатулка съ андреевской звѣздой и голубою къ ней лентою; тутъ же лежитъ парикъ герцога. У кровати легкія китайскія ширмы. Рубашка на герцогѣ кружевная, съ блондами. Изъ-за кровати видно начало зеркала, въ широкой рамѣ.

Вся картина исполнена жизни, движенія и отличается, какъ вѣрностью исторіи, такъ—и замѣчательнымъ мастерствомъ отдѣлки *).

Продолжаемъ прерванный нами разсказъ г. Шубинскаго. **Ред.**

---

*) Помѣстивъ снимокъ съ картины г. Якоби, считаемъ необходимымъ напомнить нашимъ читателямъ перечень другихъ произведеній этого художника. Вотъ главнѣйшія картины кисти г. Якоби, 1857 г.: «Лимонщикъ-продавщикъ фруктовъ» (мал. сер. медаль). 1858 г. «Татары-продавцы халатовъ» (больш. сер. медаль). 1859 г. «Свѣтлый праздникъ нищаго» (мал. золот. медаль) — эта картина принадлежитъ нынѣ гр. Штейнбоку. 1860 г. «Привалъ арестантовъ» (больш. золот. медаль). Эта картина, имѣла полнѣйшій успѣхъ на выставкѣ того года; она составляетъ собственность г. Третьякова. Въ 1861 году г. Якоби посланъ отъ Академіи Художествъ за границу, гдѣ и пробылъ семь лѣтъ. Близкое изученіе лучшихъ художественныхъ произведеній западной Европы не могло не воздѣйствовать весьма благотворно на упроченіе и развитіе молодого худож-

Биронъ оборонялся отъ Манштейна и его гренадеровъ съ мужествомъ и силою отчаянія. Онъ барахтался, отбивался на право и на лѣво кулаками и нѣсколько разъ вырывался изъ рукъ обступившихъ его преображенцевъ. Ожесточенные этимъ сопротивленіемъ, солдаты пустили въ дѣло приклады, сбили регента съ ногъ, заткнули ему ротъ платкомъ, связали руки офицерскимъ шарфомъ, накинули на него солдатскую шинель, вытащили вонъ, посадили въ нарочно приготовленную Минихомъ карету и отвезли въ зимній дворецъ.

ника. Онъ работалъ непрестанно, и не только Петербургъ, но и Лондонъ (въ 1862 г.) и Парижъ (въ 1867 г.) видѣли на своихъ выставкахъ (въ Парижѣ и въ Лондонѣ на всемірныхъ выставкахъ) произведенія г. Якоби. Между прочимъ, къ этимъ годамъ относятся слѣдующія его картины: «Полдень» (двое нищихъ освѣщены солнцемъ, имъ подаетъ милостыню женщина). «Осень» (дѣвочка съ мальчикомъ). 1863 г.: «Закатъ»; «Знахарка» (подлинникъ принадлежитъ г. И. Ламанскому). «Шифонье»; 1864 г. «Террористы умѣренные» —картина была на выставкѣ того года подъ названіемъ «Робеспьеръ» (принадлежитъ К. Т. Солдатенкову); «Голова Колиньи и герцогъ Гизъ» (соб. г. Мазурина). За эту картину художникъ получилъ званіе Академика. 1868 — 1869 г.: «Какъ аукнется, такъ и откликнется» (кошкѣ стригутъ ногти); «Выходъ изъ тарторіи» (фигуры пьяныхъ); «Политика послѣ завтрака» (картина принадлежитъ К. Т. Солдатенкову); «Тарантелла на зубахъ» (фигуры цыганятъ), «Модная мать», «Бандуристъ» и нѣсколько другихъ картинъ и эскизовъ; большая часть ихъ воспроизводитъ разныя стороны Римскаго быта; въ этомъ городѣ художникъ провелъ нѣсколько лѣтъ.

По возвращеніи изъ-за границы, г. Якоби обратился къ сюжетамъ изъ отечественной исторіи. Извѣстно, что въ послѣднее десятилѣтіе изслѣдованія новѣйшей отечественной исторіи сдѣлали значительные успѣхи; вслѣдствіе этого художнику представляется богатый матеріалъ. Изучивъ его съ полнѣйшимъ вниманіемъ, г. Якоби остановился на одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ: «Арестъ Бирона». Этотъ эпизодъ имѣетъ не одинъ только драматическій интересъ, онъ важенъ и по своему значенію для всей русской исторіи прошлаго столѣтія: въ ночь на 8-е ноября 1740 года Россія руками же нѣмцевъ, освободясь отъ Бирона, освободилась вмѣстѣ съ нимъ отъ цѣлой тучи бездушныхъ, чуждыхъ нашему отечеству проходимцевъ, которые, нерѣдко добираясь до самаго кормила правленія, сосали русскія деньги, русскую кровь.... Въ самомъ дѣлѣ, ни честолюбивый Минихъ, ни исполнительный Манштейнъ, низвергая Бирона, ужъ, конечно, не подозрѣвали, что они подготовляютъ паденіе цѣлой ватаги иноземцевъ-авантюристовъ, въ томъ числѣ и свое собственное, и очищаютъ путь вполнѣ русской женщинѣ,—дочери Великаго Петра, —къ россійскому престолу, а съ нею выдвигаютъ и ея сторонниковъ: Разумовскихъ, Воронцовыхъ, Шуваловыхъ, Бестужева-Рюмина; за ними Панинымъ, Румянцова и друг., людей, конечно, съ разными способностями, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ русскихъ....

Картина «Арестъ Бирона» оцѣнена Академіею Художествъ вполнѣ по своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ: В. И. Якоби сдѣланъ Профессоромъ. **Ред.**

Герцогиня въ одной рубашкѣ выбѣжала на улицу вслѣдъ за своимъ мужемъ, увлекаемымъ солдатами. Одинъ нихъ притащилъ ее, полумертвую отъ страха и окоченѣвшую отъ холода, къ Манштейну и спросилъ что съ нею дѣлать? Манштейнъ велѣлъ отвести герцогиню обратно во дворецъ, но солдату показалось тягостнымъ исполнить такое порученіе, и онъ бросилъ жену регента въ снѣгъ. Караульный капитанъ, увидя герцогиню въ этомъ положеніи, приказалъ одѣть её и отнести въ комнаты *).

Вслѣдъ за регентомъ были арестованы и отвезены подъ караулъ въ зимній дворецъ: братъ его, командиръ измайловскаго полка, Густавъ Биронъ и любимецъ его—кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ то время, какъ Манштейнъ съ двадцатью гренадерами рѣшалъ судьбу Бирона, Анна Леопольдовна, въ борьбѣ со страхомъ и надеждою, томимая неизвѣстностью, ходила по пустыннымъ заламъ дворца. Войдя въ пріемную комнату, гдѣ спалъ, бывшій въ эту ночь дежурнымъ, сынъ фельдмаршала, каммергеръ Минихъ, принцесса, обезсиленная душевной тревогой, въ изнеможеніи сѣла къ нему на кровать. Тотъ проснулся, вскочилъ и, ничего не зная о происходившемъ, съ испугомъ смотрѣлъ на Анну Леопольдовну.

— «Знаешь-ли, мой любезный Минихъ», трепещущимъ голосомъ сказала ему принцесса, «что̀ предпринялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать регента. Дай Боже, чтобы это благополучно удалось.»

Изумленный Минихъ старался успокоить её, увѣряя, что если отецъ его рѣшился на такой смѣлый поступокъ, то вѣроятно принялъ надежныя мѣры къ обезпеченію успѣха. Нѣсколько успокоенная этими словами, принцесса пошла въ комнату малютки-императора, куда вскорѣ явился и мужъ ея, принцъ Антонъ Ульрихъ. Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ они ожидали извѣстій отъ Миниха.

---

*) Биронъ былъ женатъ на Бенигнѣ-Готлибъ Тротта-фонъ-Трейденъ, род. въ 1703 г. ум. въ 1783 г. Отъ этого брака онъ имѣлъ двоихъ сыновей: Петра, род. въ 1724 г., бывшаго потомъ герцогомъ Курляндскимъ и умершаго въ 1800 г., и Карла, род. въ 1728 г. ум. въ 1801 г., и дочь Гедвигу-Елисавету, род. въ 1727 г., бывшую съ 1759-го г. замужемъ за барономъ А. П. Черкасовымъ и умершую около 1796-го года. (См. «Русскую Старину» т. II, стр.482 —483). С. Ш.

Фельдмаршалъ не замедлилъ вывести супруговъ изъ ихъ тягостнаго положенія. Онъ самъ доложилъ принцессѣ объ арестованіи регента и поспѣшилъ разослать гонцовъ ко всѣмъ министрамъ и другимъ сановникамъ, съ объявленіемъ о такомъ радостномъ событіи и приглашеніемъ прибыть во дворецъ для принесенія поздравленія принцессѣ. Съ тою-же цѣлью приказано было всѣмъ, находившимся въ Петербургѣ, полкамъ собраться на дворцовой площади. Минихъ позаботился также послать двухъ преданныхъ ему офицеровъ въ Москву и Ригу, для взятія подъ стражу тамошнихъ генералъ-губернаторовъ, Карла Бирона и генерала Бисмарка, зятя регента.

Вѣсть о низверженіи Бирона мгновенно облетѣла городъ и произвела общій, искренній восторгъ. Не болѣе какъ черезъ часъ, дворцовый лугъ, набережная Невы, нынѣшняя Милліонная, и другія улицы, прилегавшія къ дворцу, буквально запрудились придворными экипажами, войсками, проходившими на свои мѣста съ знаменами и барабаннымъ боемъ и народомъ, стекавшимся со всѣхъ концовъ Петербурга. Всюду слышались крики радости, поздравленія, цѣлованія... Принцесса приказала выкатить толпѣ нѣсколько бочекъ вина. Они были встрѣчены громкими «ура»! и роспиты въ одну минуту. Во многихъ мѣстахъ запылали огни; солдаты и горожане, смѣшавшись между собой, пестрыми группами расположились около костровъ, яркое зарево которыхъ, освѣщая эту оживленную картину, было видимо далеко въ окрестностяхъ. Иностранные послы и придворные, не имѣя возможности подъѣхать ко дворцу въ экипажахъ, оставляли ихъ и пѣшкомъ, съ трудомъ проталкиваясь сквозь густыя массы народа, добирались до покоевъ принцессы, гдѣ уже толпилось множество офицеровъ и другихъ должностныхъ лицъ. Въ наскоро составленномъ собраніи изъ первѣйшихъ чиновъ двора, было положено просить Анну Леопольдовну принять, до совершеннолѣтія ея сына, правленіе, съ титуломъ «правительницы и императорскаго высочества». Принцесса, выслушавъ это рѣшеніе, разумѣется, тотчасъ же согласилась на него. Всѣ присутствовавшіе немедленно отправились въ придворную церковь, гдѣ, послѣ благодарственнаго молебствія, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, присягнули въ вѣрности императору и новой правительницѣ.

Биронъ содержался до утра 9-го ноября въ караульной зимняго дворца, а потомъ, вмѣстѣ съ семействомъ, былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Для изслѣдованія его преступленій правительница учредила особую коммиссію, которая, окончивъ черезъ пять мѣсяцевъ свои занятія, признала герцога Курляндскаго виновнымъ: въ насильственномъ захватѣ обманомъ регентства на время малолѣтства императора, намѣреніи удалить изъ Россіи императорскую фамилію съ цѣлью утвердить престолъ за собой и за своимъ потомствомъ, и во множествѣ другихъ второстепенныхъ преступленій *). По единогласному рѣшенію членовъ коммиссіи, Биронъ былъ приговоренъ къ смертной казни— четвертованіемъ; но правительница замѣнила этотъ приговоръ вѣчнымъ заточеніемъ, съ конфискаціей всего движимаго и недвижимаго имущества.

Согласно совѣту кабинетъ-министра князя Черкасскаго, долгое время бывшаго сибирскимъ губернаторомъ, правительница назначила мѣстомъ ссылки Бирона городокъ Пелымъ (нынѣ слобода Тобольской губерніи, Туринскаго уѣзда), разстояніемъ отъ Петербурга около 3,000 верстъ. Для помѣщенія Бирона съ семействомъ было приказано немедленно выстроить въ Пелымѣ небольшой домъ со службами и обнести его со всѣхъ сторонъ высокимъ палисадомъ. Планъ наружнаго фасада и внутренняго расположенія дома, состоявшаго всего изъ четырехъ комнатъ, былъ начерченъ фельдмаршаломъ Минихомъ, конечно, не предполагавшимъ въ ту минуту, что это же самое мѣсто скоро сдѣлается его двадцатилѣтней тюрьмой.

Для сопровожденія Бирона и надзора за нимъ въ Пелымѣ были назначены лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Викентьевъ, поручикъ Дурново и двѣнадцать человѣкъ солдатъ отъ разныхъ полковъ.

Въ инструкціи, данной изъ кабинета конвойнымъ офицерамъ, приказывалось: «содержать арестантовъ подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ неисходно и всегдашнее смотрѣніе имѣть, чтобъ никто изъ нихъ никакимъ образомъ уйти не могъ

---

*) Подробное извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла надъ Бирономъ напечатано въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1862 г. ч. I, стр. 28—149. С. Ш.

и въ тамошнюю ихъ бытность никого къ нимъ не допускать, бумаги и чернилъ не давать».

На содержаніе Бирона съ семействомъ было велѣно отпускать «изъ сибирскихъ доходовъ» по 15-ти рублей въ сутки (т.-е. 5,475 р. въ годъ). Для услугъ съ ссыльными были отправлены два лакея, Александръ Кубанецъ и сибирякъ Илья Степановъ, двѣ женщины—«дѣвка арапка Софья» и «дѣвка турчанка Катерина» и два повара. На содержаніе всѣхъ ихъ положено выдавать «особливо по 100 рублей въ годъ».

Такъ какъ Биронъ, его жена и дѣти были лютеранскаго вѣроисповѣданія, то правительница приказала послать въ Пелымъ пастора, назначивъ ему 150 рублей ежегоднаго жалованья.

Вмѣстѣ съ Бирономъ былъ сосланъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, «за тяжкую вину, вмѣсто смертной казни», лекарь Вахтлеръ. Караульнымъ офицерамъ было предписано держать его подъ крѣпкимъ карауломъ и, въ случаѣ надобности, употреблять для леченія арестантовъ.

13-го іюня 1741-го г., Викентьевъ и Дурново повезли Бирона и его семейство, подъ конвоемъ, изъ Шлиссельбурга. Они ѣхали тихо, съ частыми и продолжительными роздыхами и прибыли въ Пелымъ лишь въ началѣ ноября *).

Внезапный переходъ отъ могущества и неограниченнаго самоуправства къ ничтожеству и забвенію, произвелъ въ характерѣ Бирона рѣзкую перемѣну и подѣйствовалъ на его крѣпкое здоровье. Онъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, впалъ въ уныніе и вскорѣ по пріѣздѣ въ Пелымъ серьезно заболѣлъ. Лекарь Вахтлеръ не могъ оказать страждущему помощи потому, что не имѣлъ съ собой необходимыхъ лекарствъ; достать же ихъ скоро не было никакой возможности. Считая свою болѣзнь

---

*) Пелымъ лежитъ близъ сліянія двухъ рѣкъ: Пелыми и Тавды. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ дремучими первобытными лѣсами хвойныхъ породъ. Окрестности его на далекое пространство никогда не были обитаемы по причинѣ множества «зыбуновъ» или бездонныхъ пропастей, обманчиво покрытыхъ зеленью и цвѣтами. Вѣчно сырая почва этого края заключаетъ въ себѣ необыкновенно растительную силу: кедръ, ель, сосна, пихта и лиственница достигаютъ здѣсь часто четырехъ саженъ въ объемѣ и до тридцати саженъ въ вышину. Ловля и продажа звѣрей и рыбъ, въ изобиліи наполняющихъ пелымскіе лѣса и рѣки, составляютъ единственный источникъ пропитанія жителей—полудикихъ вогуловъ. Въ теченіи зимы, продолжающейся отъ октября до мая, сообщеніе Пелыма съ другими сибирскими городами крайне

неизлечимой, Биронъ готовился къ смерти, проводилъ цѣлые дни въ религіозныхъ бесѣдахъ съ пасторомъ или читалъ библію и другія священныя книги. Къ довершенію несчастій герцога, 28-го декабря, въ полночь, въ его спальнѣ загорѣлся, отъ лопнувшей печной трубы, потолокъ. Огонь быстро охватилъ весь домъ, такъ что караульные солдаты съ трудомъ успѣли вытащить изъ пламени арестантовъ и часть ихъ пожитковъ. Викентьевъ перевезъ Бирона съ семействомъ въ городъ и помѣстилъ въ домѣ у воеводы.

Въ началѣ января 1742-го года, до Пелыма достигла вѣсть объ арестованіи малолѣтняго императора и его родителей и о восшествіи на престолъ цесаревны Елисаветы Петровны. Новость эта оживила Бирона. Во время своего значенія, онъ оказалъ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколько услугъ и потому могъ надѣяться, что она, сдѣлавшись императрицей, вспомнитъ о немъ и облегчитъ его участь. Надежды его не замедлили оправдаться. 28-го января, въ Пелымъ прискакалъ сенатскій курьеръ съ императорскимъ указомъ, возвращавшимъ герцогу полную свободу и шлезвигское имѣніе Вартенбергъ, полученное имъ въ подарокъ отъ прусскаго короля еще въ 1731-мъ году и конфискованное у него вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, при ссылкѣ.

Биронъ, еще неоправившійся отъ своего недуга и съ трудомъ ходившій по комнатѣ, поспѣшилъ оставить Пелымъ. Онъ намѣревался проѣхать прямо въ Курляндію, но на дорогѣ внезапно получилъ новый указъ императрицы, которымъ ему повелѣвалось отправиться въ Ярославль и жить тамъ безвыѣздно. Причина, вызвавшая подобное распоряженіе, неизвѣстна. По словамъ саксонскаго резидента Пецольда, оно произошло вслѣд-

затруднительно по случаю глубокихъ снѣговъ; лѣтомъ же обитатели его получаютъ необходимыя для жизни припасы водою, по Тавдѣ.

Изъ современнаго Бирону описанію Пелыма видно, что городокъ этотъ состоялъ тогда изъ небольшой деревянной крѣпости или, вѣрнѣе, острога, вооруженнаго двумя мѣдными пушками и четырьмя чугунными пищалями, двухъ церквей, и нѣсколькихъ десятковъ обывательскихъ домовъ. Въ крѣпости жили: воевода, два фискала, надсмотрщикъ крѣпостной конторы, пять боярскихъ дѣтей и шестьдесятъ рядовыхъ казаковъ и пушкарей. Число горожанъ неизвѣстно.

Домъ, назначенный для помѣщенія герцога Курляндскаго и его семейства, былъ выстроенъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости, на крутомъ, обрывистомъ берегу Тавды, лицомъ къ густой, непроницаемой тайгѣ. С. Ш.

ствіе настояній князей А. М. Черкасскаго и Н. Ю. Трубецкого, руководившихся при этомъ личными интересами и враждой къ Бирону. Какъ бы то ни было, Викентьевъ и Дурново, миновавъ, согласно присланному имъ секретному приказанію, Москву, 26-го марта привезли бывшаго регента въ Ярославль, гдѣ для жительства его былъ отведенъ большой каменный магистратскій домъ съ садомъ, на берегу Волги *).

Трудный и далекій путь усилилъ болѣзнь герцога и принудилъ его опять слечь въ постель. Императрица, находившаяся въ это время въ Москвѣ, узнавъ объ опасномъ положеніи Бирона, послала къ нему своего лейбъ-медика Лестока. Послѣдній пробылъ въ Ярославлѣ нѣсколько дней и не только помогъ герцогу своимъ искусствомъ, но, по возвращеніи ко двору, исходатайствовалъ ему значительныя льготы. Государыня дозволила Бирону принимать къ себѣ всѣхъ, кого онъ пожелаетъ и выѣзжать самому въ гости и на охоту, однакожъ не далѣе какъ на двадцать верстъ кругомъ Ярославля, «за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ», то-есть, въ сопровожденіи караульнаго офицера. Сверхъ того, по приказанію императрицы, Бирону были присланы изъ Петербурга, принадлежавшіе ему, библіотека, мебель, посуда́, охотничьи собаки, ружья, экипажи́ и нѣсколько лошадей.

Такимъ образомъ, благодаря снисходительности Елисаветы Петровны, герцогъ могъ пользоваться въ Ярославлѣ нѣкоторой свободой и удобствами. Однако, несмотря на это, и самъ Биронъ и его семейство были очень недовольны своимъ новымъ положеніемъ, жаловались на недостаточность отпускаемаго имъ содержанія и тяготились неволей и зависимостью отъ караульныхъ офицеровъ.

Въ особенности досадовала на свою судьбу дочь Бирона, Гедвига-Елизавета. Оторванная отъ блестящей придворной среды, въ которой постоянно стремились всѣ ея помыслы и желанія, она страшно скучала и считала себя несчастнѣйшимъ существомъ на землѣ. Тоска и досада Гедвиги-Елизаветы усиливались еще болѣе отъ постоянныхъ преслѣдованій отца, нелю-

---

*) По отъѣздѣ Бирона изъ Ярославля, въ 1761-мъ году, домъ этотъ былъ передѣланъ въ острогъ, а въ 1820-мъ году изъ кирпичей его построена первая полицейская часть. С. Ш.

бившаго её за то, что она была горбата и нехороша собой. Биронъ имѣлъ крайне вспыльчивый и раздражительный характеръ. Малѣйшая неудача или непріятность приводили его въ сильный гнѣвъ, который онъ обыкновенно изливалъ на своихъ приближенныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ, преимущественно передъ всѣми, доставалось, разумѣется, нелюбимой дочери. Съ первыхъ же дней по пріѣздѣ въ Ярославль, Гедвига-Елизавета начала придумывать средства избавиться отъ отцовскаго гнета и снова занять мѣсто при дворѣ. Она постаралась, прежде всего, расположить въ свою пользу вліятельныхъ лицъ, жившихъ въ городѣ, надѣясь черезъ ихъ ходатайство и связи достигнуть своей цѣли; но скоро убѣдившись въ несбыточности этой надежды, обратилась къ другому плану,—написала письмо къ начальнику тайной канцеляріи, графу Шувалову, и просила его принять участіе въ ея положеніи. Когда и это не привело ни къ какому результату, Гедвига-Елисавета рѣшилась на отчаянную попытку бѣжать изъ отцовскаго дома. Удобный случай для этого представился, однакожъ не ранѣе 1749-го г. Въ этомъ году императрица переѣхала со всѣмъ дворомъ въ Москву и, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицкую Лавру. Узнавъ о пребываніи государыни въ полуторастахъ верстахъ отъ Ярославля, Гедвига-Елисавета поспѣшила привести въ исполненіе свой замыселъ. 15-го апрѣля, ночью, она явилась къ женѣ ярославскаго воеводы, Бобрищевой-Пушкиной, и, обливаясь слезами, объяснила ей, что давно уже чувствуетъ душевную потребность принять православіе, но что отецъ, не желая допустить до этого, подвергаетъ её такимъ жестокимъ преслѣдованіямъ, которыя она не въ силахъ болѣе переносить. При этомъ, принцесса неотступно умоляла Пушкину немедленно отвезти её въ Троицкую Лавру, гдѣ она хотѣла лично просить императрицу о заступничествѣ и покровительствѣ. Пушкина обрадовалась случаю обратить на себя вниманіе государыни, и въ ту же ночь отправилась съ Гедвигой-Елисаветой въ Лавру.

По пріѣздѣ въ монастырь, Пушкина представила принцессу графинѣ Шуваловой, занимавшей при императрицѣ должность первой статсъ-дамы. Гедвига-Елисавета съумѣла поддѣлаться къ старой графинѣ и возбудила въ ней такое горячее участіе къ себѣ, что Шувалова взялась ходатайствовать за нее передъ

государыней. Благодаря этому обстоятельству, принцесса была выставлена въ глазахъ императрицы несчастной жертвой родительскихъ преслѣдованій, будто бы навлеченныхъ ею усердіемъ къ православной вѣрѣ. Елисавета Петровна была, какъ извѣстно, чрезвычайно религіозна и предана церкви, а потому поступокъ принцессы заслужилъ полное ея одобреніе. Она сочла священной обязанностью принять подъ свое покровительство «бѣдную овечку» и приказала привести её къ себѣ. Явясь къ императрицѣ, Гедвига-Елисавета упала на колѣни, зарыдала и не могла произнести отъ смущенія ни одного слова.... Императрица растрогалась, обласкала принцессу и обѣщала тотчасъ же по возвращеніи въ Москву присоединить её къ православію. Дѣйствительно, черезъ три недѣли послѣ этого, Гедвига-Елисавета торжественно приняла православіе въ церкви Головинскаго дворца, причемъ получила имя Екатерины Ивановны. Такъ какъ принцесса не имѣла никакихъ средствъ къ существованію, то императрица придумала для нея должность главной надзирательницы надъ фрейлинами, съ весьма, впрочемъ, ограниченнымъ содержаніемъ.

Бѣгство дочери и въ особенности переходъ ея въ православіе, привели Бирона въ страшное отчаяніе и негодованіе, такъ что императрица, узнавъ о нравственномъ состояніи герцога и опасаясь, чтобы онъ, въ порывѣ горя, не покусился на свою жизнь, сочла нужнымъ послать караулившему его офицеру предписаніе «имѣть неустанное за онымъ Бирономъ наблюденіе, дабы какого зла себѣ не учинилъ и въ какомъ разсужденіи далѣе будетъ состоять, о томъ секретно доносить и для гулянья съ нимъ ѣздить самому, а другихъ не посылать.» Однако опасенія императрицы оказались напрасными. Биронъ остался живъ, черезъ нѣсколько недѣль совершенно успокоился и даже, уступая желанію государыни, простилъ дочь.

Въ это же время Бирону приходилось испытывать еще и другія непріятности. По своей неуживчивости и раздражительности, онъ безпрестанно ссорился съ капитанъ-поручикомъ Дурново, который былъ назначенъ, въ 1745-мъ году, вмѣсто Викентьева, старшимъ приставомъ при герцогской фамиліи. Ссоры эти превратились наконецъ въ явную вражду и Дурново, пользуясь своею властью, началъ дѣлать Бирону разныя притѣсненія и придирки. Герцогъ неоднократно жаловался на грубость и при-

дирчивость Дурново ярославскому воеводѣ, но жалобы эти почему-то оставлялись безъ послѣдствій и только въ 1753-мъ году косвеннымъ путемъ дошли до государыни. Елисавета Петровна тотчасъ же велѣла смѣнить Дурново и отдать его подъ судъ при сенатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица выразила желаніе, чтобы Биронъ подробно сообщилъ о всѣхъ сдѣланныхъ ему обидахъ и притѣсненіяхъ. Такое вниманіе привело герцога въ восхищеніе. Онъ поспѣшилъ написать императрицѣ письмо, которое впервые печатается, и притомъ вполнѣ, съ подлиннаго современнаго перевода, сохранившагося въ дѣлахъ Архива Мин. Иностран. Дѣлъ:

«За всѣ тѣ высочайшія милости, которыя ея императорское величество, въ первый день ея величества высоко-славнаго государствованія, намъ бѣднымъ, въ самой крайней нуждѣ и утѣсненіи оказать повелѣла, и которыми ея величество, и по сей часъ такъ щедро и милосердно, жаловать благоволитъ, что мы ко освященнымъ сея великія монархини стопамъ, со всеподданническимъ благодареніемъ припадаемъ, всенижайше прося, чтобъ оное высокоматернее милосердіе намъ и впредь пожаловано было.

«Пріѣхавшій, марта 25 дня, гвардіи капитанъ-поручикъ г. Булгаковъ, по указу правительствующаго сената, намъ объявилъ, чтобъ мы наши жалобы на бывшаго у насъ на караулѣ капитанъ-поручика Дурного подали; во исполненіе котораго, съ должнѣйшимъ послушаніемъ то приносимъ.

«Какъ мы въ нашей крайней бѣдѣ, высочайшею ея императорскаго величества милостію обрадованы были, то съ самаго того времени офицеры насъ подъ честнымъ и свободнымъ надзираніемъ имѣли, такожъ мы на самихъ ихъ ссылаемся, представляя ихъ свидѣтелями, какимъ образомъ мы со всеглубочайшимъ почтеніемъ всегда старались ничего не предпринять, чтобъ въ противность всеосвященному соизволенію нашей всемилостивѣйшей императрицы было.

«А какъ команду принялъ офицеръ Дурной, то мы многія обиды и огорченія чрезъ восемь лѣтъ отъ него терпѣли. Понеже онъ безъ причины перемѣнилъ приказъ въ его командѣ, чтобъ моихъ дѣтей безъ солдатъ съ двора не выпускать, которые во все время безъ караула выхаживали, и для того часто,

какъ только ему угодно явится, караулъ къ воротамъ приставлялъ, а потомъ, какъ они такимъ образомъ по недѣли содержаны были, и его злость минется, то онъ опять караулъ отъ воротъ въ надлежащее мѣсто свесть, и во всемъ по прежнему порядку поступать велитъ. А когда дворъ въ С.-Петербургѣ благоволилъ находиться, въ то время мы отъ него по большей части обиды нести принуждены были, понеже онъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года моимъ дѣтямъ, когда они хотѣли отъ наигорчайшаго своего уединенія проходиться, наижесточайшимъ образомъ чрезъ солдатъ не дозволилъ.

«А какъ мы изъ высочайшей ея императорсваго величества милости россійскихъ пять поваровъ имѣли, то оный офицеръ Дурной имъ приказалъ по недѣлѣ у себя варить и имѣть дневанье, такожъ и сіе многимъ здѣшнимъ жителямъ извѣстно, сколь долгое время тогда опасно прилипчивая болѣзнь въ его домѣ находилась, понеже здѣшній городской лекарь его двѣнадцать человѣкъ (болѣвшихъ) салваціею вылечилъ, и такъ двое лучшихъ поваровъ ушли, а по нашему мнѣнію, по причинѣ той, опасались, чтобъ и они сею злою болѣзнію заражены быть не могли, такожъ и для избѣжанія многихъ побоевъ, понеже онъ часто ихъ въ самую работу изъ моей кухни бралъ; у партикулярныхъ людей, также у нѣкоторыхъ солдатъ стряпать принуждалъ, а на мѣсто двухъ ушедшихъ и одного умершаго исходатайствовалъ онъ, чрезъ свой ложный аттестатъ, одного непотребнаго малаго, который за его мошенническія злодѣйства всегда презрителенъ былъ, такожъ года съ два въ тюрьмѣ сидитъ, при здѣшней провинціальной канцеляріи. Теперь уже легко усмотрѣть можно, съ какимъ попеченіемъ и огорченіемъ мы часто за столъ со слезами саживались, также по крайней нуждѣ (понеже 2 ушли, одинъ умеръ и одинъ подъ карауломъ) должны мы были одного иностраннаго—принять, которому мы, хотя оное намъ также весьма трудно было, изъ однихъ намъ, только на столъ назначенныхъ, денегъ плату давать должны.

«Какъ мы въ Ярославль пріѣхали, то сперва здѣсь высочайшая милость нашей всемилостивѣйшей императрицы присланнымъ указомъ объявлена, чтобъ намъ хорошая квартира дана была, что такъ и учинено, однако оный домъ магистратскій, а сколь долго мы въ немъ живемъ, я всегда починивать при-

казывалъ, многое къ тому пристроилъ и нашимъ коштомъ 11 лѣтъ содержанъ, что намъ весьма трудно, и для того пришли въ долги, понеже намъ сверхъ того не дѣлалъ, но когда магистратъ что велитъ построить, то онъ не зналъ, сколько ему своего неудовольствія въ томъ показать, и съ нами грубо поступалъ, которое я и моя бѣдно-опечаленная фамилія 8 лѣтъ молчаливо терпѣли, чтобъ просьбою не могли утрудить.

«А сверхъ того всякому извѣстно, что сей офицеръ Дурной не въ показанныхъ ему палатахъ живетъ, такожъ дрова и все другое отъ магистрата получаетъ, а мы по сіе число все покупать должны, изъ чего ясно видно, что Дурной не въ силу всемилостивѣйше даннаго ему указа съ нами поступалъ; но противное оказывалъ, ибо онъ за насъ, ни въ какомъ случаѣ, не вступался.

«Надъ нѣкоторыми нашими служителями желалъ Дурной господствовать, понеже онъ имъ жалованье безъ моего вѣдома, по своему благоразсужденію давалъ.

«Изъ г. Петербурга и по нынѣ не имѣли мы въ нашемъ крайнемъ несчастіи болѣе двухъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна турчанка, а другая арабка, а понеже первая замужъ вышла, то мы должны и послѣднюю, по его многократному требованію и сватовству (что каждому извѣстно), чтобъ быть только лишь отъ него въ покоѣ, въ сію пришедшую осень за пастора отдать.

«А почему Дурной оной арабкѣ (и чрезъ его милостивое стараніе учинившейся пасторшѣ) еще и по сіе время непринадлежащее жалованье выдаетъ, то мнѣ оное неизвѣстно, однакожъ намъ его сватовство (которое для посмѣянія всему городу было) весьма чувствительно; ибо моя супруга, въ часто случающихся ей въ болѣзни припадкахъ, по нынѣ никого на ея мѣсто не имѣетъ.

«Еще-жъ капитанъ-поручикъ Дурной искалъ людей на насъ доносить, что будто-бы они были обижены, имъ совѣтовалъ, и приказалъ прошеніе написать, которое въ подлинникѣ находится, и письменно доказать можно, что его злое намѣреніе туда простиралось, желая насъ въ худую славу, также и при высочайшемъ мѣстѣ тѣмъ насъ въ ненависть и немилость привесть.

«Въ Шлиссельбургѣ двое изъ нашихъ воспитанниковъ отъ

насъ отпущены, изъ которыхъ одинъ былъ тунгузецъ, а другой кубанской татаріи; и какъ мы онаго последняго примѣтили (что его худое поведеніе до того касалось, понеже онъ злыми и богопротивными людьми къ тому приведенъ), приказалъ я его въ здѣшнюю провинціальную канцелярію отослать, ибо мы опасались, чтобъ онъ еще какого злодѣйства неучинилъ; оный малый, именемъ Александръ, въ упомянутой канцеляріи, сколько лишь намъ извѣстно, слѣдующее объявилъ:

«Прошлаго года, какъ онъ отъ меня посланъ былъ къ господину Дурнову, оный ему сказалъ, что онъ дворцовый служитель, потомъ обнадеживалъ его, что ежели оный малый не желаетъ у насъ служить, то за него стараться будетъ, только чтобъ онъ на насъ ему жалобу принесъ; по которому обѣщанію онъ, Александръ, тѣмъ наиболѣе къ нему присталъ, а намъ невѣренъ сталъ, понеже ему показались обнадеживанія и обѣщанія капитанъ-поручика Дурнова, къ томужъ онъ часто видѣлъ, какъ худо онъ съ нами поступаетъ, и изъ квартиры безъ караула многократно невыпускалъ.

«Научалъ онъ на моего меньшаго сына отставнаго сержанта бить челомъ.

«Солдата Линева безъ наказанія и изслѣдованія отпустилъ, что онъ, стоя на караулѣ, у малаго нѣсколько рублей денегъ отнялъ.

«По дальнему допросу сказалъ, что онъ, Александръ, по вышеобъявленному обнадеживанію господина Дурнова, осмѣлился, во вторникъ на первой недѣлѣ сего великаго поста, чтобъ убѣжать за его ослушаніе должнаго наказанія, уйти къ господину Дурнову и искать у него защищенія; чего ради капитанъ-поручикъ ему приказалъ на насъ доношеніе написать и ему подать, на что Александръ отвѣтствовалъ, что онъ того сдѣлать не можетъ, понеже онъ о своихъ господахъ ничего худаго не знаетъ.

«О семъ его неслыханномъ поступкѣ ярославская канцелярія лучшее извѣстіе подать можетъ. А послѣ допроса онаго Александра въ провинціальной канцеляріи, намъ онъ обратно отданъ, откуда на другой день по утру, какъ онъ одѣвалъ моего большаго сына, изъ его горницы, по приказу господина капитанъ-поручика Дурнова, сержантомъ и солдатами взятъ подъ караулъ,

и къ нему отведенъ; а что онъ тамъ съ нимъ дѣлалъ, то намъ неизвѣстно; и для того мы принятаго здѣсь нашего нѣмецкаго служителя къ нему посылали, чтобъ о томъ провѣдать, котораго офицеръ тотчасъ арестовалъ, и хотѣлъ-было его приказать сѣчь. Чрезъ часъ послѣ того пришелъ онъ (Дурнаго) къ намъ совсѣмъ перемѣнившись изъ лица, отъ злости. Къ нашему счастію случились тогда быть находящимся при канцеляріи подполковнику Артамону Левашову и отставному маіору Коковцеву, безъ которыхъ свидѣтелей чаятельно онъ о какомъ собственно изобрѣтеніи на насъ бѣдныхъ правительствующему сенату отрепортовалъ, и говоритъ мнѣ съ угрозою: знаю ли я кто онъ таковъ? и какъ я дерзновеніе принялъ, безъ его позволенія, того малаго въ здѣшнюю провинціальную канцелярію послать? А я ему отвѣтствовалъ весьма инаково и упустительно, что я къ нему тогда стоявшаго у насъ на караулѣ сержанта Шипова посылалъ, чтобъ онъ малаго допросилъ, такожъ по прошествіи нѣкотораго времени и самъ ему припамятовалъ, чтобъ онъ что хотѣлъ съ нимъ сдѣлалъ, только я отъ него ничего въ отвѣтъ неполуча, принужденъ былъ упомянутаго малаго въ здѣшнюю провинціальную канцелярію отослать. Упомянутый сержантъ Шиповъ стоялъ тогда при томъ, и сказалъ оное своему командиру, въ глаза, что онъ о всемъ вышеупомянутомъ ему объявлялъ, такъ какъ я ему приказывалъ.

«Потомъ (Дурнаго) осердившись сказалъ, что онъ «равно какъ бы былъ у свиней». Меньшой мой сынъ отвѣтствовалъ: «мы не хотимъ браниться; довольно того, что подполковникъ и маіоръ слышатъ, какъ вы насъ подчиваете».

«Господинъ Дурной, повторяя свои прежнія слова, сказалъ, что онъ «еще хуже былъ, какъ у свиней». Сей его гнѣвъ такимъ образомъ умножился, что онъ съ великою яростію изъ дому вышелъ, и караулъ у воротъ приставилъ, со строгимъ объ насъ приказомъ.

«Когда мои дѣти ему прежде того о его поступкахъ представляли, то онъ, по своему обыкновенію, экскузами отличался, или удивительно проклиная исправить хотѣлъ, мы-же всегда противное тому провѣдывали.

«Такія его многократныя перемѣны въ его приказахъ, которые онъ своей командѣ давалъ, понеже мы думали, что оныя высочайшимъ указомъ повелѣно, и о томъ у насъ немалое без-

покойство, печали и великія алтераціи причинились. Мы же все оное сносили, и въ молчаніи уединенномъ на высочайшую ея императорскаго величества милость уповали, которую мы всегда признаваемъ, и за перемѣну капитана, припадая къ стопамъ, благодареніе приносимъ, и со всесовершеннѣйшимъ почтеніемъ, о высочайшемъ благополучіи нашей всемилостивѣйшей императрицы вѣчно Всемогущаго, съ искреннимъ тщаніемъ, и изъ истиннаго подданства, вѣрнонижайшими сердцами, молить будемъ. Марта 30 дня, 1753 года. Е. Іоганъ. Г. Ф. К. *)».

«Переводилъ переводчикъ Николай Дурасовъ».

Дурново, сдавъ команду и арестантовъ смѣнившему его капитанъ-поручику Преображенскаго полка Булгакову, отправился въ Петербургъ и явился въ сенатъ, гдѣ на предложенные ему вопросные пункты далъ, 3-го іюня 1753 г. слѣдующее показаніе:

«Въ бытность мою при Биронѣ съ фамиліей, чтобъ дѣти его Бирона, хотя прежде безъ караула и выхаживали, но по усмотрѣннымъ мною причинамъ, безъ солдатъ съ двора невыпущать я приказывалъ для того, чтобъ безъ присмотра съ двора не сходили, ибо оные живутъ въ разныхъ покояхъ, а часовому на крыльцѣ усмотрѣть не можно; а иногда тотъ караулъ отъ воротъ и сводилъ и приказывалъ отпускать ихъ съ присмотромъ, и то я чинилъ въ силу данныхъ мнѣ 1741 года, ноября 29 дня и 1749 года, іюня отъ 4 числа, указовъ; а когда они проходиться хотѣли, то отъ меня запрещенія не было, а позволяемо было, съ тѣмъ чтобъ за ними солдаты были, а безъ того-бъ неходили.

«Поваровъ я у себя по недѣлѣ варить и дневанье имѣть никогда неприказывалъ, точію, которые отъ него Бирона смѣнялись, то изъ нихъ двухъ по смѣнѣ, за пьянствомъ ихъ, въ квартиру отпускать не велѣлъ, а приказывалъ имъ быть на моей квартирѣ по недѣлѣ безъисходнымъ; а стряпать ихъ какъ у себя, такъ и у постороннихъ и у солдатъ непринуждалъ, а когда у меня или у постороннихъ случались компаніи, то какъ я, такъ и посторонніе, для стряпанья прашивали тѣхъ поваровъ у него Бирона и съ его позволенія употребляли. На мѣсто-жъ убылыхъ поваровъ, одного поварскаго сына Черкасова, который прежде

*) Т.-е. Herzog von Kurland. С. Ш.

жилъ у меньшаго его, Биронова, сына и потомъ учился на той же его Бироновой кухнѣ, и, по прошенію отца его, онаго повара о опредѣленіи его на кухню къ нему Бирону я въ сенатъ представлялъ, о чемъ и ему Бирону тогда жъ до представленія сказывалъ, на что и онъ Биронъ говорилъ, чтобъ представить, почему и представилъ и указъ получилъ; а непотребства и злодѣйства тогда за нимъ никакого видно не было.

«Въ отведенномъ ему Бирону домѣ о починкѣ и пристройкѣ ему Бирону въ магистратъ представить не только недозволять или запрещать, но и самъ я о томъ въ магистратъ словесно неоднократно представлялъ и всегда починки и пристройки исправляемы были отъ того магистрата.

«Я жилъ въ отведенномъ отъ магистрата домѣ и дрова получалъ отъ того магистрата, по ихъ доброй волѣ, безъ принужденія, а кромѣ дровъ ничего не получалъ; а Бирону отпуска дровъ и ничего другаго отъ магистрата не было и я безъ указа не требовалъ, а покупалъ онъ Биронъ изъ получаемыхъ на содержаніе свое денегъ отъ себя.

«Служителямъ опредѣленное жалованье каждому порознь раздавалъ я какъ и прежде меня сначала другими офицерами раздавалось, съ его Бирона воли, черезъ унтеръ-офицеровъ, кои деньги изъ казны принимали; а о выдачѣ арабки за пастора никакого требованія и сватовства я не употреблялъ, но точію доказывалъ ему Бирону, что пасторъ желаетъ на ней жениться и для того ко мнѣ приходилъ; и выдана она, по приказу его Бирона, самимъ имъ Бирономъ и у него Бирона въ домѣ.

«Никакихъ людей доносить на него Бирона ни о чемъ я не искалъ и никому не совѣтовалъ и прошеній подавать не приказывалъ.

«Служителю его Бирона Александру того, якобы онъ дворцовый, не говаривалъ; а говорилъ что онъ опредѣленный и обстоитъ въ спискѣ у нихъ служителемъ и что ежели онъ не желаетъ у него служить, то-чтобъ за него я старался—никогда не обнадеживалъ; точію оный служитель Александръ на большаго его Бирона сына однажды пришедъ ко мнѣ, на первой недѣлѣ великаго поста нынѣшняго года, жалобу приложилъ о битьѣ его и о худыхъ поступкахъ, къ которымъ его онъ, Бироновъ сынъ, принуждалъ. И о томъ я приказывалъ ему доношеніе къ себѣ

подать для того, что ежели-бъ слѣдовало что представить, то представилъ-бы, а о прочемъ ему-бъ Бирону объявить, а на меньшаго его сына ни въ чемъ бить челомъ отставнаго сержанта я не научалъ; но только приходилъ ко мнѣ отставной гвардіи сержантъ съ жалобою на него, Биронова сына, въ битьѣ жены его, съ чего я посылалъ его сержанта ту жалобу принесть къ отцу его Бирону, точію оный сынъ его недопустилъ; и потомъ того сержанта къ нему Бирону я съ тою жалобою приводилъ, котораго они и удовольствовали; а на солдата Линева никакой жалобы я неслыхалъ, и у какого малаго тотъ солдатъ нѣсколько денегъ отнялъ,—о томъ я извѣстенъ не былъ; а про служителя Александра я, увѣдавъ, что онъ былъ содержанъ въ провинціальной канцеляріи, посылалъ унтеръ-офицера привести къ себѣ для спросу: для чего онъ въ той канцеляріи задержанъ былъ? о чемъ его я самъ и спрашивалъ письменно; а изъ покоевъ-ли его Бирона его брали, или на дворѣ, того я не вѣдаю; и по спросѣ того-жъ числа отпустилъ, и что по спросу оказалось, въ сенатъ репортовалъ. А пришедшаго тогда ко мнѣ отъ него Бирона нѣмецкаго служителя неарестовалъ, но токмо съ показанія онаго Александра, что его тотъ нѣмецкій служитель въ канцелярію отводилъ, приказывалъ я въ квартирѣ своей ему подождать, пока освѣдомлюсь: не собою-ль онъ то дѣлалъ, а сѣчь его никакого намѣренія не имѣлъ.

«Такихъ рѣчей ему Бирону: знаетъ-ли кто я таковъ, и какъ онъ Биронъ дерзновеніе принялъ, безъ моего позволенія, того малаго въ провинціальную канцелярію послать, я ни при комъ никогда неговорилъ, а говорилъ ему Бирону, что какъ онъ Биронъ послалъ того служителя, необъявя мнѣ, и то весьма не хорошо, ибо ему въ канцелярію никакого сношенія имѣть не должно, а что ему Бирону надобно, то-бъ объявилъ мнѣ.

«На оное Биронъ мнѣ хотя и говорилъ, якобы онъ того служителя принужденъ въ провинціальную канцелярію послать, для того будто отъ меня никакого отвѣта неполучилъ; но точію я ему отвѣтствовалъ, что предъ тѣмъ временемъ присылалъ онъ Биронъ ко мнѣ требовать солдатъ, чтобъ того служителя высѣчь, почему сержантъ съ солдатами и посланы были, но потомъ онъ Биронъ тому сержанту объявилъ, что уже онъ его простилъ, и сѣчь не хочетъ, о чемъ и самъ мнѣ объявилъ, а притомъ ему

Бирону того, что я, ровно какъ-бы былъ у свиней—неговаривалъ и на отвѣтствіе большаго его Бирона сына такими рѣчами, что я еще хуже былъ какъ у свиней, я не повторялъ; а говорилъ съ учтивостію такимъ образомъ, что: хотя-бы я и у свиней былъ, то-бъ и тутъ долженъ о своемъ вѣдомствѣ знать, а мнѣ о посылкѣ того малаго и сообщено не было, и потомъ я вышедъ отъ нихъ изъ дому, у воротъ караулъ приставить велѣлъ, съ такимъ о нихъ приказомъ, какъ и письменно отъ меня дано на основаніи мнѣ даннаго указа, дабы изъ двора безъ присмотра не сходили.

«Я имѣлъ высочайшіе ея императорскаго величества указы, каковы въ оригиналѣ и опредѣленному на смѣну мнѣ офицеру сданы; грубыхъ поступковъ и обидъ имъ Бирону съ фамиліею непоказывалъ, а вышеобъявленнымъ образомъ, какъ здѣсь показано, поступалъ я въ силу тѣхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ.

«И о всемъ вышеозначенномъ показалъ я самую истину, и ничего неутаилъ подъ опасеніемъ военнаго суда.

«Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Степанъ Дурново».

Сенатъ, повидимому, очень равнодушно отнесся къ дѣлу Бирона съ Дурново. По крайней мѣрѣ, снявъ съ послѣдняго показаніе, онъ не счелъ нужнымъ дополнять и продолжать слѣдствіе и только лишь пять съ половиной мѣсяцевъ спустя поднесъ императрицѣ докладъ, который также приводимъ здѣсь въ подлинникѣ:

«Высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ, объявленнымъ въ сенатѣ чрезъ господина генералъ-адъютанта и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова, марта 14 дня, сего 1753 года, повелѣно находящагося въ Ярославлѣ при бывшемъ герцогѣ Биронѣ лейбъ-гвардіи капитана Дурново, о коемъ вашему императорскому величеству извѣстно, что явился въ нѣкоторыхъ непорядочныхъ противъ его, Бирона, поступкахъ, чего ему и въ инструкціи не написано, другимъ оберъ-офицеромъ смѣнить и какіе онъ непорядки чинилъ, о томъ отъ реченнаго бывшаго герцога взявъ извѣстіе, сенату чрезъ кого надлежитъ изслѣдовать и вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доложить.

«По тому вашего императорскаго величества высочайшему указу, на смѣну находящагося въ Ярославлѣ, при помянутомъ бывшемъ герцогѣ Биронѣ капитана-поручика Дурнова, отправленъ изъ сената съ указомъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Булгаковъ, который его, Дурнова, и смѣнилъ; а о чинимыхъ имъ Дурновымъ непорядочныхъ противъ Бирона поступкахъ, взятое отъ него Бирона на нѣмецкомъ діалектѣ, за его рукою, извѣстіе, прислалъ при рапортѣ своемъ, такожъ и онъ Дурновъ явился въ сенатъ.

«И по переводѣ того извѣстія на россійскій діалектъ, противъ онаго по учиненнымъ вопроснымъ пунктамъ, онъ капитанъ-поручикъ Дурновъ передъ собраніемъ сената допрашиванъ. И во исполненіе онаго вашего императорскаго величества указа, означенное отъ него Бирона взятое за его рукою извѣстіе, въ переводѣ и съ допроса копіи, вашему императорскому величеству сенатъ всеподданнѣйше при семъ поднося, представляетъ:

«Хотя онъ Дурновъ въ допросѣ своемъ въ показанныхъ на него противъ Бирона непорядочныхъ поступкахъ и производимыхъ ему Бирону обидахъ и не признался, слѣдствія же и очныхъ ставокъ не произвожено, но правительствующій сенатъ изъ собственнаго его Дурнова въ допросѣ показанія, усматриваетъ его Дурнова, противные даннымъ ему указамъ и непорядочные съ обидою ему Бирону и его фамиліи, поступки, а именно:

«1) По своей волѣ онъ Дурновъ къ воротамъ караулъ приставлялъ, а иногда сводилъ и опять приставлялъ, съ приказаніемъ дабы изъ двора безъ присмотра не сходили, чрезъ что ему Бирону и сомнительство наносимо было, якобы по особо данному указу такъ съ ними поступать велѣно; а ему Дурнову кромѣ данныхъ ему отъ вашего императорскаго величества ноября 29 дня 1741 года, марта 30 дня 1742 года, іюня 4 дня 1749 года, указовъ, по которымъ велѣно куда они выгти похотятъ болѣе 20 верстъ, то ихъ за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ отпускать и во удовольствіи снабжать, дабы они ни въ чемъ нужды не имѣли; другихъ въ отмѣну оныхъ, никакихъ указовъ дано не было; почему ему Дурнову въ приставливаніи къ воротамъ карауловъ перемѣнъ собою чинить и тѣмъ имъ сомнѣніе наносить не надлежало.

«2) Изъ опредѣленныхъ къ нему Бирону поваровъ, двухъ онъ Дурновъ на квартирѣ своей, якобы за пьянствомъ ихъ безъисходныхъ удерживалъ и неотпускалъ; на квартиру жъ свою дрова онъ Дурновъ отъ магистрата получалъ, безъ указнаго повелѣнія, а Биронъ изъ даваемыхъ на его содержаніе покупалъ.

«3) Служителямъ его Бирона опредѣленныя изъ казны деньги онъ Дурновъ команды своей черезъ унтеръ-офицеровъ раздавалъ и въ то вступался собою не дѣльно, ибо по данному ему Дурнову указу велѣно опредѣленныя на содержаніе всѣхъ ихъ деньги, также если есть и оставшіе у офицеровъ, которые уже имъ подлежатъ отдать, и впредь принимая изъ подлежащихъ мѣстъ, отдавать имъ въ руки, а офицерамъ, состоящимъ при нихъ на караулѣ, до тѣхъ денегъ не касаться.

«4) Служителю его Бирона, Александру, который на большаго Биронова сына жалобы ему Дурнову приносилъ, онъ Дурновъ толковалъ, что де онъ опредѣленный и обстоитъ въ спискѣ у нихъ служитель, и о той жалобѣ доношеніе къ себѣ подать приказывалъ; и потомъ изъ покоевъ его Бирона, черезъ посланнаго унтеръ-офицера, того служителя для спроса къ себѣ бралъ и пришедшаго отъ Бирона для провѣдыванія нѣмецкаго служителя въ квартирѣ своей удерживалъ, что ему Дурнову чинить не надлежало.

«Сверхъ же того онъ Дурновъ и персонально имъ Бирономъ неучтиво такими рѣчьми говорилъ, что хотябъ онъ Дурновъ и у свиней былъ, тобъ и тутъ долженъ о своемъ вѣдомствѣ знать, и потомъ онъ Дурновъ, вышедъ отъ нихъ изъ дому у воротъ караулъ приставлялъ, въ чемъ и въ допросѣ своемъ не заперся.

«За такіе его Дурнова, въ бытность при немъ Биронѣ, непорядочные поступки, что съ нимъ учинить повелѣно будетъ, сенатъ проситъ вашего императорскаго величества высочайшаго указа. А до полученія онаго сенатомъ опредѣлено ему капитанъ-поручику Дурнову, яко находящемуся подъ слѣдствіемъ, отъ полку жалованье производить половинное. Подлинное подписали: Александръ Бутурлинъ, князь Борисъ Юсуповъ, Иванъ Бахметьевъ, князь Иванъ Щербатовъ, князь Иванъ Одоевской. 14 ноября, 1753 года».

Докладъ этотъ, подобно множеству другихъ бумагъ, пред-

ставлявшихся на разсмотрѣніе императрицы, пролежалъ болѣе двухъ лѣтъ безъ всякой резолюціи и Дурново, считаясь подъ судомъ при сенатѣ и получая половинное содержаніе, находился въ полку и исполнялъ всѣ служебныя обязанности. Наконецъ, въ 1755-мъ году, онъ былъ произведенъ изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи въ полковники въ армію. Видя въ своемъ производствѣ какъ бы признаніе своей невиновности, Дурново подалъ на высочайшее имя прошеніе и ходатайствовалъ о выдачѣ ему удержаннаго жалованья и раціоновъ за все время бытности подъ судомъ. Тогда дѣло его вторично было доложено государынѣ, которая изустно повелѣла освободить Дурново отъ суда, оставивъ просьбу его о выдачѣ удержаннаго жалованья безъ удовлетворенія.

Что касается Бирона, то въ 1762-мъ году, при восшествіи на престолъ Петра III, онъ, какъ извѣстно, получилъ свободу и просилъ разрѣшенія ѣхать въ Курляндію; но императоръ, намѣревавшійся сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ своего дядю принца Георга Голштинскаго, удержалъ его въ Петербургѣ и послѣ долгихъ переговоровъ принудилъ подписать отреченіе отъ герцогскихъ правъ на Курляндію въ пользу принца Георга. Однако императрица Екатерина II, вскорѣ послѣ своего воцаренія, устранила сдѣлку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и возстановила перваго во всѣхъ его правахъ.

Биронъ управлялъ Курляндіей до 1769-го года, когда, одряхлѣвъ совершенно, передалъ власть своему старшему сыну Петру. Биронъ умеръ въ Митавѣ, 17-го декабря 1772-го года. Бальзамированный трупъ его, съ горбатымъ носомъ и жесткими чертами лица, одѣтый въ бархатный коричневый кафтанъ французскаго покроя съ нашитой на груди андреевской звѣздой, покоится въ склепѣ герцогскаго дворца и до сихъ поръ показывается желающимъ за цѣлковый, заплаченный кистеру.

С. Н. Шубинской.

Примѣчаніе. Въ распоряженіи „Русской Старины“ находится статья, составленная, по нашей просьбѣ, гофмейстеромъ барономъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Бюлеромъ, однимъ изъ потомковъ, по женской линіи, герцога Бирона, статья о портретахъ Бирона. Лучшіе изъ нихъ—находятся у г. Бюлера. Статья эта, равно снимокъ съ почерка герцога и одинъ изъ наиболѣе схожихъ портретовъ Бирона будутъ помѣщены въ нашемъ изданіи. Професоръ В. И. Якоби весьма обязательно предложилъ нарисовать портретъ Бирона на камнѣ, съ котораго и будетъ исполненъ литографическій снимокъ. Ред.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
или
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.
1752—1827.

---

§ XXIII *).

Карачевъ. 1772 г.

(продолженіе).

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней бытія нашего въ Николаевскомъ Ординскомъ монастырѣ близъ города Карачева, преосвященный не пробылъ безъ дѣла. Онъ, осматривая въ церкви благочинія, обрѣлъ рѣзной образъ св. Николая, которой былъ въ длину почти съ пол-аршина, а въ ширину по препорціи, и былъ изображенъ въ полномъ своихъ временъ архіепископскомъ облаченіи, то-есть: въ ризахъ, подризникѣ, епитрахилѣ, омофорѣ, въ митрѣ на головѣ, съ набедреникомъ на бедрѣ. Въ одной протянутой рукѣ евангеліе, а въ другой мечъ. Сей послѣдній былъ, безъ сомнѣнія, ревностнымъ знакомъ сего мирликійскаго пастыря, на защищеніе ученія евангельскаго. Но дѣло не въ символахъ и не въ позиціи, а вотъ въ чемъ:

Онъ весь былъ осыпанъ мастерски жемчугомъ различной величины, дабы симъ удобнѣе различить одно одѣяніе отъ другого и живѣе изобразить складки или сгибы одеждъ. А митра, омофоръ, епитрахиль, евангеліе, и другія приличныя мѣста, всѣ

---

*) См. «Русскую Старину» т., III, 1871 г., стр. 119, 247 и 395. На стр. 399-й, строка 1 снизу пропущены слова: Садорскаго, съ....». Ред.

были наложены бриллiантами самой,—какъ говорили знатоки,—лучшей воды *).

Епископъ церкви Сѣвскiя, нашедъ въ такомъ изображенiи и убранствѣ архiепископа церкви мирликiйскiя, велѣлъ его при себѣ очистить, какъ мать родила, а обнаженную деревянную рѣзьбу поставить въ церковную ризницу для храненiя, на манеръ кромской пятницы, поставленной подъ колокольню. (См. § XIV).

Изъ жемчуга и каменья сдѣлалъ потомъ архiерей, прикупя къ нимъ потребное количество, архiерейскую шапку, крестъ и панагiю, — которыя, думаю, находятся и по нынѣ въ ризницѣ Сѣвской каѳедральной церкви, ежели послѣ не случилось тамъ еще такогожъ архiерея, который охотникъ обдирать и передѣлывать церковныя вещи.

Потомъ переѣхалъ въ городъ и остановился въ полковомъ домѣ, сдѣланномъ отъ города для полковника князя Долгорукова, квартировавшаго тамъ съ коннымъ полкомъ, а на ту пору отсутствовавшаго.

Въ городѣ преосвященный священнодѣйствовалъ въ разныхъ храмахъ, посвящая обыкновенно во священники и церковнослужители. Не нужно повторять, что трудъ сей сопровождается всегда какою-нибудь наградою.

Нескучный нашъ игуменъ от. Палладiй не отлучался отъ архiерея, забавляя его и всю компанiю прiятными для всѣхъ шутками, да и благую онъ часть избралъ! ибо, попивая и покушивая, не обходился онъ и безъ подарковъ, какъ отъ преосвященнаго, такъ отъ помѣщиковъ и протчихъ, принимавшихъ у себя архiерея.

Комнатную архiерейскую компанiю умножалъ еще собою Карачевскiй помѣщикъ артиллерiи капитанъ Иванъ Осиповичъ Соколовъ съ отцемъ своимъ, священникомъ, тѣмъ самимъ, который въ запрошедшемъ 1770-мъ году, надъ Брянскимъ протопопомъ, получившимъ на архiерейскихъ имянинахъ горячку, читалъ заклинательныя молитвы.

Напослѣдокъ, его преосвященство, преподавъ городу Карачеву миръ и благословенiе, отъѣхалъ, аки второй Язонъ со зла-

*) Образъ сей—какъ тогда говорили—дала въ церковь нѣкая игуменья, по имени Ираида. Она была изъ какой-то знатной фамилiи. Помнится изъ фамилiи Воейковыхъ. Г. Д.

тымъ руномъ, или какъ Діонисій съ эскулаповою ризою и брадою *), къ вышесказанному капитану Соколову въ деревню, гдѣ принятъ былъ со всею свитою, какъ домашній гость, безъ дальнихъ церемоній, понеже въ продолженіе нашего путешествія капитанъ съ отцомъ и съ нами, а мы съ ними и съ Палладіемъ составляли одно семейство.

Сверхъ сего, было у преосвященнаго и другое намѣреніе, родившееся отъ внушенія ему капитаномъ Соколовымъ и женою его. Вслѣдствіе чего, и пробирался онъ въ домъ къ помѣщику, гвардіи капитану Андрею Ивановичу Касагову, въ родѣ своемъ послѣднему, о которомъ внушено преосвященному, что онъ, по примѣру премудраго іудейскаго царя Соломона, имѣетъ у себя турецкій гаремъ и держится обыкновеній златаго вѣка, когда всѣ люди, какъ говорятъ, были въ естественномъ законѣ**). Почему преосвященный часто проговаривалъ: «Гряду обрѣсти заблудшую***) овцу и наставить ее на путь правый».

Между тѣмъ, въ домѣ Соколова происходили у насъ пѣніе и лики. Мы часто пѣвали, такъ-называемую, «столповую греческаго распѣва херувимскую», которая еще и до нынѣ въ московскомъ успенскомъ соборѣ во употребленіи, и другую столповую же «напѣва кіево-печерской лавры». Когда пѣли первую, то командовали артиллеріи капитанъ съ отцомъ; а когда вторую, то брали первенство архіерей съ Палладіемъ и со мною, а они только подтягивали, подобно какъ мы въ первой. Само по себѣ разумѣется, что у насъ не было безъ примо и секундо, однакожъ вообще хоръ нашъ не былъ удивительнаго совершенства, а особливо въ столповомъ русскомъ напѣвѣ, въ которомъ если бы употребить примо и секундо, то надобно испортить оригиналъ.

Въ одну пору, только что мы распѣлись, и не успѣли еще

---

*) Учившіеся въ классахъ должны лучше знать, а мнѣ помнится, что одинъ изъ Діонисіевъ, государей Сиракузскихъ, пришедъ въ капище, снялъ съ эскулапа золотую ризу, говоря, что «она лѣтомъ тяжела, а зимою не грѣетъ». Потомъ, отвязавъ отъ него же золотую бороду, сказалъ: «и отецъ твой Аполлонъ былъ безъ бороды». Мой архіерей не лучше поступилъ со святымъ Николаемъ. Г. Д.

**) Въ подлинникѣ слѣдуютъ зачеркнутыя слова: «то есть онъ дѣлаетъ все то, чего ему хочется». Ред.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «погибшую». Ред.

исполнить всего каждодневнаго порядка, какъ вбѣжавшій къ намъ Соколова слуга, запыхавшись доложилъ: «Касаговъ пріѣхалъ».

Архіерей приказалъ тотчасъ всѣмъ заступить свои мѣста, оставилъ пѣніе и все что было въ рукахъ, дабы нуждающагося, но не требующаго исправленія гвардейца, не совратить собственнымъ примѣромъ еще больше съ пути праваго, или бы, по крайней мѣрѣ, не утвердить его въ настоящемъ его положеніи. На сей конецъ онъ, вскоча въ спальню, порядочно расчесался и опрыскался духами; на сей конецъ, — говорю я, какъ честный повѣствователь,—а не на тотъ, чтобы заглушить обоняніе арака; а Касаговъ, между тѣмъ занялся въ особомъ покоѣ съ Палладіемъ. Палладій, поговоря съ нимъ малое время, вошелъ къ архіерею и донесъ, что Касаговъ дрожитъ, «очень примѣтно, что онъ вѣдаетъ о внушенномъ вашему преосвященству его поведеніи». Архіерей отвѣчалъ важно: «невѣжду страхомъ спасаютъ, отъ огня восхищающе». Потомъ вышелъ къ Касагову въ препровожденіи моемъ и игуменовомъ.

Касаговъ, по принятіи благословенія, сказалъ, что онъ за долгъ свой почелъ быть у его преосвященства, и—просилъ къ себѣ въ домъ, а преосвященный легко согласился къ такому дѣлу, которое и безъ просьбы намѣренъ былъ исполнить, почитая посѣщеніе свое долгомъ апостольскимъ и зная изъ опыта, что прошло уже то чорствое время, въ которое пастыри словесныхъ овецъ не носили при поясѣ мѣди, и почитали временную нищету вѣчнымъ богатствомъ.

Въ Касаговѣ видѣлъ я человѣка тихословнаго и совсѣмъ не похожаго на такого буяна, какъ объ немъ говорено со стороны г-на Соколова. Росту онъ былъ средняго, сложенія слабаго. Лицо имѣлъ круглое, хотя не сухое, однако блѣдноватое; лѣтъ съ небольшимъ 30-ти. Въ немъ видны были слѣды барина и надлежащаго воспитанія, но примѣтно было, что онъ въ разговорахъ силился припомнить то, что повидимому отъ неупотребленія позабылъ. Онъ откланялся и отъѣхалъ домой, а мы принялись опять продолжать и оканчивать свои дѣла.

По прибытіи въ его село, преосвященный, по обыкновенію,— для отличныхъ церквей—пошелъ прежде всего, въ препровожденіи своего клира въ церковь. Церковь хотя была каменная,

но въ крайнемъ запущеніи и нечистотѣ. Священно и церковнослужители отъ взысканія за сіе были свободны, потому что преосвященному внушено, якобы они отъ безпорядочнаго помѣщика загнаны до чрезвычайности. Но вопреки сему безпорядку, когда приблизились къ дому, господинъ Касаговъ встрѣтилъ гостя съ порядочною пушечною пальбою, съ учрежденныхъ у него батарей.

Обѣденной столъ былъ достаточенъ, но безпорядочень. Слуги его услужить не умѣли; примѣтили всѣ, но никто не зналъ, отчего хозяинъ за столомъ сдѣлался пьянъ. Преосвященный во все это время соблюлъ свою важность, пилъ очень мало и велъ бесѣду приличную доброму пастырю. Евангельская притча о заблудшемъ сынѣ, растворенная больше природнымъ ему велерѣчіемъ, нежели школьною риторикою, растрогала возлежащихъ на трапезѣ до того, что ихъ чуть бы не проняло до слезъ, если бы это было не за столомъ; одинъ только Касаговъ былъ ни тронутъ, ни равнодушенъ, ни твердъ, ни слабъ, ни веселъ, ни печаленъ, и для того, былъ онъ внѣ всѣхъ характеровъ *).

Пастырь, не говоря ни слова съ хозяиномъ съ самаго пріѣзда, всталъ изъ-за стола, приказалъ закладывать лошадей къ отъѣзду. Очень ясно, что на исправленіе совратившейся съ пути праваго души не много было употреблено труда. Однакожъ, хозяинъ, какъ будто поправляя пастырское нерадѣніе, двинулся просить его погостить; съ убѣдительными просьбами онъ не собрался, хотя и довольно уже протрезвился, рѣчь его была хладнокровна, вяла, медлительна. Когда же увидѣлъ, что преосвященный просьбѣ его не внимаетъ,—бросился въ другую комнату къ Палладію и Соколову съ прошеніемъ, чтобъ они помогли ему упросить преосвященнаго, по крайней мѣрѣ переночевать, ежели не болѣ. Они охотно взялись за то, чего **) ожидали отъ Касагова, но какъ преосвященный и на ихъ просьбу еще упорствовалъ, или притворствовалъ, то гвардеецъ нашъ грякнулъ передъ нимъ на колѣни, и вспыльчиво заговорилъ: «если ваше преосвященство у меня не заночуете, то я застрѣлюсь». Сіе краснорѣчіе убѣдило пастыря ночевать, который тогда же рекъ: «душу спасти, или погубити!»

*) Далѣе зачеркнуто: «натуральнымъ людямъ». Ред.

**) Зачеркнуто: «по согласію съ архіереемъ». Ред.

Когда архіерей, отужинавъ, легъ спать, и хозяинъ тоже, то мнѣ показалось еще рано, какъ и въ самомъ дѣлѣ было; я пошелъ въ комнату къ велегласному нашему игумну въ намѣреніи у него посидѣть, пока спать захочу. Тамъ нашелъ я Соколова съ женою и еще персоны съ четыре благороднаго люду. Лишь только я къ нимъ подъявился, то всѣ въ одно слово встрѣтили меня: «легокъ на поминѣ». Соколова жена, взявши меня за руку, сказала: «мнѣ давно хотѣлось съ тобою поговорить». Мы пошли подальше отъ всѣхъ и сѣли въ углу на софѣ *), а Соколовъ вслѣдъ намъ не пропустилъ сказать:

«Смотри же, господинъ молодчикъ, не сведи жены-то моей съ ума!»

— Неизвольте опасаться, отвѣчалъ я, мы въ вашихъ глазахъ на этой софѣ все кончимъ, что намъ надобно будетъ.

Сей случайно-вырвавшійся двусмысленный отвѣтъ произвелъ во всѣхъ великой смѣхъ; а отецъ Палладій, радъ будучи оказіи, заигралъ въ свою лирическую трубу, а мы подъ симъ шумомъ начали нашъ разговоръ:

Г-жа Соколова. «Какъ вы думаете о здѣшнемъ господинѣ**) и о всемъ его домовствѣ?»

Я. Въ такъ короткую пору нельзя было ничего еще думать, сударыня! Однакожъ, безъ дальнихъ замѣчаній, не трудно видѣть: старинный домъ, множество слугъ, и, что г-нъ Касаговъ очень не бѣденъ; но для порядка, какому надлежало бы быть въ большомъ и достаточномъ господскомъ домѣ, не достаетъ, мнѣ кажется, его самого.

Г-жа Соколова. «Вы видѣли все, что можно было видѣть. Я вамъ прочее дополню: Андрей Ивановичъ Касаговъ родился въ Петербургѣ. Покойная, неподражаемаго милосердія императрица Елисавета Петровна была ему воспріемницею. Въ бытность отца его тамъ по долгу службы, воспитыванъ онъ былъ прилично его роду и достатку. Оставшись по смерти отца, отпросился онъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ въ домовой отпускъ. Прибывъ въ этотъ отцовской домъ, въ которомъ мы теперь, и будучи въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, пустился онъ во всѣ пороки, въ какіе только можетъ завлечь себя недозрѣлая молодость, при пособіи худыхъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «на канапе». Ред.

**) Зачеркнуто: «хозяинѣ». Ред.

склонностей, имѣя при себѣ, вмѣсто дядьки, полную волю, богатство и множество служителей, готовыхъ исполнять желанія молодого господина. А это ужъ вѣдомое дѣло, что для большей части слугъ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ имѣть молодого барина, обращающагося въ своевольствѣ. Онъ сдѣлалъ изъ своихъ людей съ пол-роты солдатъ, самъ ихъ обучилъ, самъ ими управляетъ, предводительствуетъ и жалуетъ въ чины. Не было бы порицательно, еслибъ онъ употреблялъ ихъ для собственной съ гостьми забавы; но они употребляются имъ, или подъ именемъ его, его домоправительми къ обидѣ сосѣдей, къ наглости и притѣсненію людей безпомощныхъ, и даже самыхъ тѣхъ, которые у него въ гостяхъ бываютъ, почему никто уже у него изъ знаменитыхъ и благомыслящихъ людей никогда не бываетъ, ни его къ себѣ не принимаетъ. Онъ завелъ у себя гаремъ, наполнилъ его дѣвками разнаго состоянія. Въ числѣ ихъ находилась любимая его султаньша, сего села поповна, которую когда отецъ предпринялъ-было освободить, то заплатилъ своею жизнію; ибо неизвѣстно, куда онъ дѣвался. Всѣ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи подозрѣваютъ, что попъ истребленъ по его приказанію, дабы не обличалъ явнаго его грѣха и не лишилъ бы любовницы. Но какъ нѣтъ въ семъ дѣлѣ истца и доказывателя, то злодѣйство можетъ быть навеегда останется закрыто, къ большей пагубѣ души его».

Я. Гдѣ-жъ этотъ его гаремъ, сударыня?

Г-жа Соколова. «Передъ пріѣздомъ преосвященнаго онъ его распустилъ. Дай Господь Богъ, — тутъ она вздохнула, — чтобъ онъ по отъѣздѣ опять его не собралъ! Вотъ примѣръ жалкаго сиротства при великомъ изобиліи *)»!

Я. Что-жъ онъ, сударыня, за сирота, если онъ въ своемъ гаремѣ имѣетъ много нянекъ?

Г-жа Соколова. «И въ подлинну такъ!»

Я. Для чего-жъ, сударыня, къ командѣ его не требуютъ, если прошелъ срокъ домовому отпуску?

Г-жа Соколова. «Требованъ онъ былъ неоднократно и въ команду; но онъ, то болѣзньми, то другими не дѣльными при-

---

*) Тогда еще не было дворянскихъ опекъ и опекуновъ, которые теперь, подъ своею священною должностью, нерѣдко оставляютъ питомцу въ наслѣдство разоренное имѣніе, неоплатные долги и на всю жизнь тяжбу. Г. Д.

чинами отговаривался, пока наконецъ узнали о его сумасбродной жизни, и, по волѣ монаршей, не исключая изъ службы формально, забыли объ немъ, какъ объ мертвомъ, оставя навсегда въ теперешнемъ чинѣ, который данъ ему въ его малолѣтствѣ, въ знакъ милости покойной императрицы къ его родителю. И такъ, годовой его отпускъ продолжается лѣтъ съ 10-ть, да и кончится безъ сомнѣнія съ его жизнію. Ему теперь не болѣе 33-хъ лѣтъ. Посмотрите-жъ! Не представляетъ ли онъ старика, болѣзньми отягченнаго, лишившагося крови и натуральной въ цвѣтущихъ лѣтахъ бодрости? а причиною тому любовныя дѣла и пьянство. Примѣтили-ль вы, каковъ онъ былъ за обѣдомъ? таковъ онъ и день и ночь! Стола ни обѣденнаго, ни ужиннаго у него не бываетъ. Лишь только онъ проснется, то подадутъ ему чайную чашку любезнаго его напитка, котораго онъ называетъ чеф ра̀съ, и который на какую-то траву настоянъ простою хлѣбною водкою. Около полудня поднесутъ ему на тарелкѣ двухъ жареныхъ воробьевъ. Рѣдко случается, чтобъ онъ ихъ обѣихъ съѣлъ. Вотъ весь его столъ! и я при всякомъ съ нимъ свиданьи умножаю болѣзнь моего сердца, видя жизнь его—Богу противную и людямъ несносную, и въ такомъ разстройствѣ со дня на день очевидно во гробъ его влекущую».

Я. «Ваше чувствительное разсужденіе, сударыня, дѣлаетъ честь вашему сердцу. Однако-жъ, судя по каждодневнымъ зрѣлищамъ, много на свѣтѣ требующихъ исправленія; но ихъ всѣхъ ни исправить, ни оплакать нельзя, если они сами о себѣ вознерадѣютъ».

Г-жа Соколова. «Да! Я васъ и не предувѣдомила! Онъ мнѣ свой доводится. И хотя свойство наше не ближнее, однако-жъ ближе меня нѣтъ никого, потому что онъ послѣдній въ родѣ; почему и надлежало бы мнѣ быть наслѣдницею его имѣнія, но онъ и помыслить объ этомъ не хочетъ. Та-та причина и побудила насъ согласить преосвященнаго къ посѣщенію его дома, дабы его преосвященство пастырски его наставилъ на истинный путь. Мы, съ помочью отца Палладія, нѣсколько уже предувѣдомили о семъ преосвященнаго. Вы, мой голубчикъ, жизнь моя! имѣете случай раньше всѣхъ завтре быть у его преосвященства. Не позабудьте ему внушить, что вы отъ меня слышали».

Такимъ образомъ я, дослушавъ жалостливую рѣчь, составленную на тотъ конецъ, чтобы добродѣтельной боярынѣ съ мужемъ быть наслѣдницею имѣнія послѣдняго въ родѣ, увѣрилъ ея нѣжность, что «я за счастіе почитаю, сударыня, услужить вамъ; всякое ваше препорученіе, легко мнѣ исполнить. *Но*» — при выговореніи *но*, боярыня примѣтно покраснѣла, хотя это было и при свѣчи; а я, совѣстясь не проговорился-ли чѣмъ, пришелъ также въ замѣшательство, — быть можетъ, что мое но къ чему-нибудь бы и послужило; но мнѣ въ тѣ поры, кромѣ простыхъ наружныхъ замѣчаній, ничто постороннее ни въ голову, ни въ сердце не входило, потому, что изъ монастырскихъ жителей, хотя и бываютъ иногда добрые и богобоязливые люди, но въ любовныхъ дѣлахъ всѣ вообще великіе невѣжи, отъ архіерея до звонаря. Между тѣмъ, намъ подносили, и мы, — кромѣ барыни, — по возможности, пили. Наконецъ, я пошелъ на ночлегъ, повторивъ напередъ боярынѣ увѣреніе, непремѣнно оклеветать Касагова, дабы послѣ сего, имѣя что прощать, скорѣе принудить его къ признанію наслѣдницею госпожу Соколову.

Она была изъ фамиліи Касаговыхъ; будучи дѣвицею, влюбилась въ поповича Соколова, когда онъ въ домѣ ихъ обучалъ дѣтей читать и писать, съ которымъ такъ скрытно обвѣнчалась, что не прежде о томъ узнали, какъ уже мать вознамѣрилась выдать ее за молодого дворянина. Тогда она безбоязненно открыла, что уже имѣетъ мужа, съ которымъ вѣнчана. Старуха, натурально, потревожилась и въ первомъ движеніи гнѣва изгрызла бы мужа и жену зубами, но на Руси в ѣ н е ц ъ, д ѣ л а к о н с и с т о р с к і я, равно какъ у католиковъ matrimonia consumata, имѣютъ свою силу и дѣйствіе. А Соколовъ былъ уже артиллеріи сержантомъ, и находился въ С.-Петербургѣ при канцеляріи фельдцейхмейстера графа Ш у в а л о в а, у котораго отецъ его, Соколова, будучи полковымъ священникомъ, былъ духовникомъ; все это совокупно содѣлало «бракъ честнымъ и ложе непорочнымъ» *), вслѣдствіе чего и мать нашлась матерью дѣтямъ; а Соколовъ происходя чинами, по милости духовнаго сына его отцу, вышелъ наконецъ въ отставку, съ чиномъ артиллеріи капитана, и жилъ въ деревнѣ съ женою, которую онъ приобрѣлъ трудами

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «ложе нескверным». Ред.

за ученье *). Сосѣди его, древніе дворяне, хотя не были ему непріятельми, однакожъ судили о немъ такъ, какъ судятъ мои соотечественники о часахъ, стальныхъ вещахъ, и проч.: «хороши! говорятъ они, однакожъ не англійскія и не французскія». Равно и тѣ говорили: «Онъ умный малый, да жаль что поповичъ». Подобно сему, старинные поляки говаривали отъ чистаго сердца: «что-жъ! что Кіевъ имѣетъ много святыхъ! Да они не изъ шляхетства».— Prostóta.

Поутру, только-что проснувшемуся, но еще утопающему въ пуховикѣ за спасеніе душъ пастырю, старался я докладъ мой сдѣлать случайнымъ, что называется: «къ рѣчи пришло».

Я началъ съ партретовъ **), представляющихъ во весь ростъ нашего хозяина и его дѣда, кои были въ нащей горницѣ. Дѣдъ написанъ былъ съ лысиною, почти до затылка, съ бородою сивою, клинообразною, и не очень долгою, въ длинномъ кафтанѣ русскаго стариннаго покроя, темнопесочнаго цвѣта, застегнутомъ во все брюхо, большими въ одинъ рядъ, шаровидными желтыми пуговицами, въ красныхъ сапожкахъ, и стоялъ натурально; а внукъ съ низенькимъ тупейчикомъ, припудренъ сѣдѣе своего дѣда, въ гвардейскомъ зеленомъ мундирѣ, стоялъ въ четвертую позицію, съ шляпою въ рукахъ.

Смотря на нихъ, заговорилъ я преосвященному, что: «различіе ихъ кафтановъ не дѣлаетъ ихъ различными въ образѣ жизни».

Архіерей. А почему?

Я. — «Я слышалъ отъ его домашнихъ, что дѣдъ его скончался отъ любострастной болѣзни, такъ — внуку и непростительно уже не быть похожу на своего предка». Словомъ, я, пересказавши все, что слышалъ отъ боярыни, и не щадя ни живыхъ, ни мертвыхъ, — хотя и зналъ наизусть всѣ десять заповѣдей — прибавилъ еще, что мнѣ на умъ взошло, по обыкновенію архіерейскихъ келейниковъ, за то, что Касаговъ не старался сдѣлать наслѣдницею своего имѣнія госпожу Соколову съ мужемъ, и что угощалъ насъ отъ всего сердца, какое онъ имѣлъ.

«Не знаю, сказалъ архіерей выслушавъ мой докладъ, что мнѣ съ этимъ извергомъ дѣлать! чуть ли я не отлучу его отъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «трудами причетническими за ученье». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «картинъ». Ред.

сословія православныхъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незазорное и благочинное». Но по выходѣ изъ спальни и послѣ чаевъ, кофіевъ, подана была закуска; за нею слово — за слово, о стороннихъ матеріяхъ; потомъ, послѣдовалъ обѣдъ; послѣ обѣда повторяемо было тоже, что передъ закускою, передъ обѣдомъ и за обѣдомъ. Не видали какъ прошелъ маленькій день, и явился вечеръ. Къ вечеру зажженъ былъ фейерверкъ, сдѣланный собственными его людьми. И хотя я потомъ въ жизни моей видалъ многократно лутчіе и безпримѣрно богатѣйшіе фейерверки, но никогда уже не случилось видѣть, чтобы каждая штука выгорала такъ совершенно и безостановочно, и чтобы между догараніемъ одной и зажиганіемъ другой штуки не проходило ни секунды празднаго времени. Ужинъ и почти вся ночь прошли не въ скукѣ.

Назавтра, Касаговъ поутру вывелъ свою армію, состоящую человѣкъ изъ 24-хъ и командуя оною самъ, на широкомъ своемъ дворѣ, производилъ свои маневры и сильной ружейной огонь. Архіерей и всѣ гости смотрѣли изъ оконъ и съ крыльца на сію эволюцію капральства, а Касаговъ, по воинскому артикулу, подходилъ къ архіерею для принятія приказовъ, архіерей же въ семъ случаѣ заимствовался наставленіемъ отъ капитана артиллеріи и отца его, бывшаго полковаго попа.

Потомъ, во время обѣденнаго стола, производилась на дворѣ за здоровье пьющихъ пушечная пальба, почти безпрерывно. Напослѣдокъ, хозяинъ, одаривши архіерея и всѣхъ находившихся въ его свитѣ вещами и деньгами, а меня однимъ имперіаломъ и дорогимъ турецкимъ ружьемъ, и отпустивши гостей пьяныхъ слишкомъ, остался по прежнему съ своимъ чефрасомъ и съ поповною.

Спустя мѣсяца четыре послѣ нашего отъѣзда, Касаговъ умеръ. Соколовъ предпринималъ вступить въ наслѣдство принадлежащаго ему по женѣ. На сей конецъ поѣхалъ онъ въ Петербургъ; тамъ онъ безъ труда приобрѣлъ благодѣтеля, господина Самойлова, Николая Борисовича, который былъ тогда сенаторомъ и временщикомъ по связи родства съ тогдашнимъ славнымъ счастливцемъ княземъ Потемкинымъ *). Онъ

*) Николай Борисовичъ Самойловъ, тайн. совѣтникъ, сенаторъ, былъ женатъ на старшей сестрѣ кн. Г. А. Потемкина Маріи Александровнѣ. — Это

принялъ Соколова въ Петербургѣ на все свое содержаніе, возилъ его съ собою по большимъ домамъ, рекомендовалъ его какъ человѣка достойнаго покровительства, которой ему по женѣ доводится свой. Послѣ оглашенія, что Соколова жена Самойлову родня — чему и самъ Соколовъ былъ свидѣтелемъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что быть въ свойствѣ съ большимъ бариномъ льстило его суетности — Самойловъ получилъ по Касаговѣ наслѣдство, состоящее изъ хорошихъ и достаточныхъ деревень, съ господскимъ домомъ, со всѣми къ нему принадлежностьми и важною движимостью, а Соколовъ возвратился домой съ надеждою, что онъ при открытіи Орловскаго намѣстничества получитъ предсѣдательское мѣсто въ верхнемъ земскомъ судѣ *).

§ XXIV.

Продолженіе возвратнаго путешествія.

1772—1773.

Соколовъ и Палладій отправились по домамъ, а мы, «творя извѣстнымъ званіе и избраніе преемничества апостольскаго», заѣхали того-жъ уѣзда въ село Кретово — на пути, ведущемъ въ Сѣвскъ, къ помѣщику отставному гвардіи секундъ-маіору Евтиху Ивановичу Сафонову, къ тому самому, о которомъ я говорилъ подъ § VII-мъ. Сей Сафоновъ давно уже велъ съ архіереемъ бранную переписку за то, что онъ желалъ выгнать изъ своего села попа за его грубости, а архіерей тому препятствовалъ.

Подъѣхавъ подъ крыльцо дому, архіерей остановился, лежа въ дормесѣ духовнаго колибра **). Хозяинъ вскорѣ показался въ халатѣ тѣлеснаго цвѣта и въ туфляхъ. Онъ былъ росту выше средняго, довольно тученъ, видъ имѣлъ барина въ старинномъ форматѣ. Скудоволосая, сивобѣлая маленькая коса перетянута шнуркомъ при самомъ затылкѣ. Архіерей межъ подушками спросилъ его — довольно громкимъ голосомъ: «что ты за человѣкъ»?

отецъ знаменитаго генералъ-прокурора и государственнаго казначея Александра Николаевича Самойлова († 1812 г.). Дочь Николая Борисовича—Екатерина была въ замужствѣ за героемъ 1812 г.—Раевскимъ. Ред.

*) Повѣствованіе самого Соколова. Г. Д.

**) Это было около 3-го часа пополудни, слѣдственно давно послѣ деревенскаго и монастырскаго обѣда, или послѣ столичнаго завтрака. Г. Д.

«Я здѣшній хозяинъ», — отвѣтствовалъ старикъ твердымъ голосомъ.

Архіерей. Ты Евтихъ Сафоновъ?

Сафоновъ. «Я Евтихъ Сафоновъ».

Архіерей. А почему ты осмѣливаешься надписывать ко мнѣ на пакетахъ: «его преосвященству отцу Кириллу»? Будто бы къ своему попу! Развѣ ты не знаешь архіерейскаго титула?

Сафоновъ. «А какъ же тебя назвать? Вѣдь ты мой отецъ, а я твой сынъ, то я такъ къ тебѣ и пишу. А другихъ титуловъ между нами я не знаю».

Архіерей. А! ежели такъ, будь же ты мой сынъ! вотъ тебѣ— протягивая руку — мое отеческое благословеніе. Пиши ко мнѣ и впредь такъ, какъ писалъ: не перемѣняй своей формы.

По семъ странномъ переговорѣ, сынъ отца вытаща изъ колыбели *), пошли вверхъ по дурной широкой лѣстницѣ, въ огромные, дурной архитектуры хоромы, которые снаружи представляли старинной боярской, бревенчатой и необитой домъ о двухъ жильяхъ, а внутри изобильной, какъ полную чашу.

По первомъ простомъ и чистосердечномъ привѣтствіи, хозяинъ представилъ преосвященному своего сына, лѣтъ около 23-хъ, и изъяснился такъ: «Чувствую изнеможеніе силъ, для того и выпросилъ я въ отпускъ изъ Петербурга сына моего. Онъ прежде служилъ пажемъ при дворѣ, а нынѣ служитъ гвардіи офицеромъ.— Отецъ мой! Не забудь! помяни меня во время приношенія безкровныя жертвы. Погреби мой бренный трупъ. А ты, Иванъ Евтиховичъ — взглянувъ на сына — дай тогда знать преосвященному, какъ я умру».

У нѣжнаго сына — при цѣлованіи руки у отца и у архіерея, — слезы градомъ покатились.

Хотя рогъ изобилія и Церера хозяину по именамъ не были извѣстны, однакожъ они въ его домѣ обитали во всемъ своемъ могуществѣ. Правда, хозяинъ не дошелъ до изящнаго вкуса, а потому и не имѣлъ у себя ни капельмейстера, ни балетмейстера, ни фейерверкмейстера, ни кухмейстера, ни шталмейстера, ни гофмейстера, ни иллюминацій, ни душистыхъ помадъ, ни шампанскихъ, ни венгерскихъ, ни бургонскихъ, ни англійскихъ (винъ)—

*) Вмѣсто зачеркн.: «колесницы». Ред.

кои нерѣдко бываютъ очень яснымъ *) таинствомъ плоти и крови измученныхъ **) крестьянъ; — не было у него и аранжерей, для украшенія которыхъ иногда дорого покупается персикъ и абрикосъ, чтобъ наткнуть его на шпильку при деревѣ; но —

все его изобиліе изъ собственной домашней экономіи состояло не въ блестящихъ важностяхъ ***), но въ русскихъ бездѣлкахъ: у него было множество разнаго въ зернѣ и въ снопахъ хлѣба; полна пространная конюшня лошадей разныхъ породъ, коихъ онъ имѣлъ свой заводъ; полны скотные дворы скота и кладовыя—всякихъ мелочей, какъ-то: холста, суконъ, кожъ, воску, меду, масла коровьяго, конопляннаго и проч.—вся такая не малоцѣнная громада составляла одногодовой приходъ. Къ сему принадлежитъ превеликой подъ его хоромами погребъ, хранящій отъ временъ, покрытыхъ неизвѣстностію, разномѣрныя бочки, боченки, бутыли, бутылки, и дополняемый каждогодно, да живетъ безконечные вѣки, во славу и хвалу сотворшаго и назидающаго его. Тамъ, при нѣкоторыхъ стѣнахъ ****), на перекладинахъ, сдѣланныхъ на укрѣпленіяхъ, на подобіе наръ, отъ низу вверхъ до половины стѣны, а въ нѣкоторыхъ, въ сдѣланныхъ искусствомъ впадинахъ, на подобіе кіевскихъ пещеръ, помѣщены разнаго сорта водки, разныя наливки и меды, превратившіеся отъ времени, почти въ непонятные, но полезные и винообразные вкусы — а бѣлое его съ игрою пиво превосходитъ всѣхъ пивъ англійскихъ и нѣмецкихъ.

Въ сей-то бахусовъ храмъ, владыка дома, храня древнее свое обыкновеніе, завелъ на другой вечеръ угощенія, нашего владыку со всѣмъ его клиромъ; гдѣ учрежденной на таковыя случаи серебреной вызолоченой ковшъ, отвѣдавъ изъ нѣсколькихъ бочонковъ, далъ себя почувствовать всѣмъ вкушавшимъ отъ него, и былъ причиною, что архіерей задѣлъ словомъ хозяйскаго сына, которой съ ковшомъ не знакомился. Молодой человѣкъ почувствовалъ во всей силѣ, что онъ гвардіи офицеръ, и далъ объ этомъ знать архіерею въ самыхъ благородныхъ выраженіяхъ. Потомъ изъяснилъ, что неограниченная любовь, почтеніе и ува-

*) Вмѣсто зачеркн.: «понятнымъ». Ред.
**) Вмѣсто зачеркн: «умученныхъ». Ред.
***) Вмѣсто зачеркн.: «бездѣлкахъ». Ред.
****) Вмѣсто зачеркн.: «около стѣнъ». Ред.

женіе*) къ его родителю, удерживаютъ его въ границахъ терпѣнія. Далѣ сцѣпился съ архіереемъ на французскомъ языкѣ; архіерей, которому повидимому отъ гвардейца приходило въ тупикъ, просилъ старика отца войти въ посредничество къ примиренію. Старый Сафоновъ сказалъ сыну: «Иванушка! оставь. Самъ старъ будешь, послушай меня старика». Сынъ бросился въ слезахъ цѣловать отцовскія руки, потомъ архіерейскія; потомъ всѣ трое перецѣловались. Потомъ, давно дожидавшійся ковшъ возобновилъ походъ форсированнымъ маршемъ. Потомъ архіерей, яко проповѣдникъ мира и непріятель тишины и спокойствія, напалъ на миротворца хозяина, за то, что тамъ на стѣнѣ усмотрѣлъ онъ образъ какого-то святаго, котораго, по мнѣнію архіерейскому, страдала святость въ погребу. Хозяинъ имѣлъ терпѣніе выслушивать и переносить все въ молчаніи. Но когда архіерей возопилъ: что «велитъ во всѣхъ бочонкахъ дны повыбивать», тогда хозяинъ, какъ будто проснувшись, закричалъ во свою очередь изо всей силы: «Да кто тебѣ дастъ? знаешь ли, что я въ домѣ господинъ? ты имѣешь власть вязать меня въ церкви, а я тебя свяжу въ моемъ погребу».

Архіерей не помедлилъ защититься священнымъ текстомъ: «Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ», хотя это и по захожденіи уже солнца происходило. Въ знакъ примиренія, архіерей получилъ бочку наливки, несмотря на то, что подвластныхъ поповъ за подобные въ подрывъ откупа матеріалы разстригалъ, хотя они ихъ и покупали.

Хозяинъ и гость не были въ силахъ ужинать. А по утру, хозяинъ, въ залогъ христіанской къ архіерею любви, снялъ съ себя золотой крестъ, который носилъ отъ юныхъ лѣтъ, и надѣлъ на архіерея. А архіерей обязался, по пріѣздѣ въ Сѣвскъ, первымъ для себя поставить дѣломъ и долгомъ, сдѣлать для Сафонова новый, съ приличною надписью, и доставить или возложить на него во утвержденіе пріязни и братства. Послѣ вкуснаго обѣденнаго стола, мы отправились въ Сѣвскъ.

По пріѣздѣ, посѣтилъ преосвященнаго воевода Пустошкинъ въ тотъ же вечеръ, съ прочими чиновниками. Отъ него услышали мы съ патріотическимъ удовольствіемъ, что отъ правитель-

---

*) Вмѣсто зачеркн.: «повиновеніе». Ред.

ства послѣдовало уже обнародованіе о присоединеніи Бѣлорусскаго края къ имперіи россійской. Я не могъ тогда и помыслить, чтобы Бѣлоруссія когда-нибудь стала моимъ обиталищемъ, въ которой я теперь пишу мою исторію.

Союзомъ любви и братства Сафонова преосвященный не долго пользовался. Мѣсяца чрезъ полтора прибѣжалъ нарочный отъ сына съ извѣстіемъ, что отецъ перешелъ въ царство безсмертныхъ, и съ прошеніемъ о погребеніи его по сдѣланному завѣщанію. Преосвященный сильно опечалился *), съѣздилъ, похоронилъ, сказалъ надгробное слово; фамилія пожелала его имѣть. Я по дозволенію списалъ, мнѣ за то заплатили, а архіерею и всему его штату—за всѣ труды и подвиги, и мы возвратились тою же дорогою. Не помню, далъ ли преосвященный на память сыну крестъ, по силѣ сдѣланнаго съ отцемъ его обязательства.

Сохраняя сколько можно порядокъ времени, долженъ сказать, что въ сіе самое время, любезнѣйшій сердцу моему радогожской мой дѣдъ и воспитатель пріѣзжаетъ и входитъ ко мнѣ раздѣлить свою печаль: весь его домъ и съ пожитками въ ночную пору сгорѣлъ. «Любезный мой внукъ — продолжаетъ онъ – все бы еще эта бѣда не бѣда! Но я не задолго предъ пожаромъ лишился и своей любовницы, которая, самъ ты знаешь, сколько и тебя присматривала, обмывала и лелѣяла, какъ своего родного».

— Что ей сдѣлалось дѣдушка?

— «Смерть ее похитила! Если что было мнѣ въ моей старости отрадою и утѣшеніемъ, то все уже съ нею умерло. И самъ я не тотъ уже твой дѣдъ, которой тебя съ горячею любовію воспитывалъ, но тѣнь уже его ты видишь предъ собою».

— Что тебѣ теперь надобно, дѣдушка?...

— «Монастырь, любезный мой внукъ, монастырь, къ которому судьба завременно уже меня пріучила».

Я доставилъ ему мѣсто въ Глинской пустынѣ, отстоящей отъ Глухова верстъ на 10-ть, въ которой онъ въ силахъ еще былъ не поладить съ настоятелемъ. А по сей причинѣ—согласно его желанію и моей при архіереѣ возможности—переведенъ былъ

---

*) Далѣе слѣдуетъ въ подлинникѣ зачеркнутая авторомъ приписка: «ежели можетъ печалиться или радоваться человѣкъ находящійся подъ запрещеніемъ вкушенія всѣхъ въ одномъ пунктѣ радостей и печалей, горестей и сладостей». Ред.

онъ въ Рыльскій, Николаевскій монастырь, гдѣ поживши съ годъ времени, умеръ. Тамошній настоятель архимандритъ Вонифатій Борейко увѣдомилъ меня о семъ слѣдующимъ коротенькимъ письмомъ: «многія лѣты архипастырю нашему и тебѣ, другъ мой любезнѣйшій! А дѣдушка твой Богу душу отдалъ». Смерть его перенесъ я неравнодушно. Но описаніемъ моей жалости не нужно умножать моей исторіи. Я, не стараясь помнить, никогда уже не могу забыть его безмѣрнаго ко мнѣ доброхотства и любви. А между тѣмъ,

1773 г. Архіерей, будучи великой непріятель праздности, подвизаясь цѣлыя ночи за ужинным столомъ съ сестрою, съ матерью, съ нѣкоторою монастырскою братіею, приглашаемою по его приказанію, съ консисторскими членами, иногда же съ приглашенными изъ города юриспрудентами, продолжалъ пѣніе, питье, разговоры, крики, задачи, силлогисмы, стихописаніе, игру на гусляхъ, и—если угодно—польскій танецъ, которому былъ великій мастерище выше упомянутый мною Рыльскій архимандритъ Вонифатій Борейко, бывшій прежде базиліяномъ, слѣдовательно урожденный для танцовъ полякъ. Такимъ образомъ убивая время, вспало единожды его преосвященству на умъ, написать для забавы пріятелю своему, сѣвскому воеводѣ Пустошкину, у котораго онъ часто обѣдывалъ, ругательной кантъ. Онъ начинается такъ:

Здравствуй, храбрый молодецъ,
Виждь, что чести есть конецъ.
Грудью достаютъ то многи
Смертной не страшась дороги,
Чтобъ отечеству служить,
И за то чинъ получить и проч....
. . . .
Вздумалъ паки наконецъ,
Чтобы въ службѣ не былъ льстецъ,
Патріота вдругъ личину
Принялъ *), чтобъ найтить причину
Человѣкомъ слыть честнымъ,
Въ штатской службѣ сталъ инымъ и проч....

Я столько его написалъ, сколько могъ припомнить. Для понятія же, каковъ онъ былъ весь, довольно и этого.

Можетъ быть кто потребуетъ симъ стихамъ перевода или

*) Вмѣсто зачеркн.: «вздумалъ». Ред.

толкованія. Ну, да какого тутъ перевода или смысла желать, когда что пишется за ужиннымъ, протяженнымъ на цѣлую ночь столомъ? Довольно, если риѳмы хороши, и нѣтъ ни одной полубогатой. Что же касается до меня, то я доволенъ былъ случаемъ положить его на ноту. Хоръ пѣвчихъ его воспѣлъ. Кантъ былъ безподобной, это правда. Кантъ былъ хорошъ, это неправда. Какъ бы то ни было, мы его полюбили какъ свое рожденіе. Слушайте, слушайте къ чему дѣло идетъ, и чѣмъ оно кончится!—

Кантъ пѣвали за обѣдами и ужинами, и какъ случилось. Архіерейскому удивлялись сочиненію всѣ попы и протопопы, а меня хвалили за ноту. Кантъ, архіерей и я вошли уже во всеобщую молву, но изъ разныхъ состоящую мнѣній, о узнаніи которыхъ никто меньше не заботился какъ я. Слушайте-жъ, слушайте! такъ кричатъ въ англійскихъ парламентахъ.

Лекарь городовой, тотъ самой, которой меня послѣ горячки лечилъ кашицею съ курицею, схватилъ у архіерея, съ дозволенія его, кантъ, дабы воспользоваться изящнымъ сочиненіемъ. На завтрѣ архіерей опомнился и послалъ меня въ городъ, возвратить отъ лекаря кантъ. Я встрѣтилъ его выходящаго изъ квартиры. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что пришлетъ кантъ, а теперь онъ идетъ въ Казанскую церковь къ обѣднѣ. «И я съ вами помолюсь».—

— Нѣтъ! За чѣмъ же вамъ дожидаться? Я тотчасъ пришлю послѣ обѣдни.—«Такъ вы теперь вернитесь».

Лекарь перемѣнился въ лицѣ, однакожъ не вернулся. Въ церкви онъ еще два раза принимался меня увѣрять, что онъ пришлетъ послѣ обѣдни; но я, не желая возвратиться безъ исполненія зачѣмъ посланъ, достоялъ обѣдню, до конца. Возвратясь въ квартиру, лекарь перевернулъ на столѣ свои каталоги, скотской лечебникъ, календарь, приподнялъ связку бумагъ, тронулъ иготь, звякнулъ пестикомъ и сказалъ, что кантъ куда-то завалился, и что онъ его отыщетъ и самъ доставитъ къ архіерею. Я, возвратясь, донесъ обо всемъ архіерею. Онъ немного призадумался, а я не сомнѣвался, что кантъ у воеводы. Между тѣмъ лекарь, недоволенъ будучи, что я, настоятельнымъ моимъ требованіемъ и неполученіемъ отъ него канта, открылъ въ половину его плутовство, сказалъ воеводѣ, что кантъ моего сочиненія, а не архіерейскаго; чему служитъ въ доказательство и рука, которою онъ писанъ, а нота подтверждаетъ. Архіерейской

же сестрѣ жалился, что я помѣшалъ ему въ церкви помолиться; сестра передала брату, а братъ мнѣ съ придачею, что я въ самомъ дѣлѣ не хорошо сдѣлалъ, что нарушилъ душевное спокойствіе человѣка молящагося. Это еще не конецъ. Кантъ лекарь возвратилъ; но вскорѣ послѣ сего воевода, мстя мнѣ за кантъ, увѣрилъ архіерея, что доноситель на него, Захарка, имѣетъ со мною сношенія. Воевода былъ не дуракъ. Онъ зналъ архіерейскій недовѣрчивый и легковѣрный нравъ *). Примѣтя же изъ движеній архіерейскихъ успѣхъ своихъ козней, припомнилъ онъ и о кантѣ на мой счетъ, выставляя свидѣтелемъ лекаря. Архіерей чистосердечно ему сказалъ, что это неправда, и что самъ онъ, архіерей, учинилъ сіе подъ веселое время и просилъ его, воеводу, простить ему дружески пастырское его дурачество **).

Дѣло на счетъ канта кончено, и я передъ воеводою правъ. Но гдѣ сыскать воеводѣ способъ признаться, что онъ меня, въ разсужденіи сношеній съ доносителемъ на архіерея, оклеветалъ въ отмщеніе за кантъ? такъ и осталось! А архіерей въ такихъ случаяхъ любилъ вѣру и ей безпрекословно повиновался.

Я не знаю, чтобы онъ со мною сдѣлалъ? Но движенія его ничего добраго не предвѣщали. Казалось по всему, что онъ рѣшился меня распять, не предавая понтійскому Пилату игемону. Бѣгство праведника не разъ уже бывало на земномъ шарѣ, въ силу права природы, внушающаго тако: «бѣжка не хвалятъ, а съ нимъ хорошо».

Къ покоямъ нашимъ примыкался храмъ Божій. Я скрылся въ него предъ обѣднею подъ жертвенникъ, и тамъ лежа выслушалъ обѣдню. Это было на день архангела Михаила, т.-е. 8-го дня ноября. Я слышалъ какъ архіерей, взошедши на клиросъ къ своимъ пѣвчимъ, затянулъ съ ними концертъ «Идеже осѣняетъ благодать твоя, архангеле, оттуда діяволя прогонится сила». По

*) Вмѣсто зачертки: «характеръ». Ред.

**) Обо всемъ этомъ, спустя года полтора, самъ архіерей, будучи въ хорошемъ духѣ, мнѣ пересказывалъ, и мы по сему разсуждая, открыли одинъ другому глаза. Я долженъ сказать, что когда такой благотворной духъ на него находитъ, то представляетъ онъ особу, обворожающую каждаго слушателя своимъ основательнымъ, краткимъ, чистосердечнымъ словомъ. Но сіе такъ рѣдко съ нимъ случается, что едва ли въ цѣлый годъ можно считать нѣсколькими часами. Г. Д.

голосу и языку услышалъ я, что голова его преосвященства была уже слишкомъ полна благодати.

При окончаніи обѣдни, пономарь Назарій поднялъ занавѣсъ жертвенника для какой-то ему церковной надобности, и меня увидѣлъ. По окончаніи обѣдни, церковь и примыкающіеся къ ней боковые покои, чрезъ которые вошелъ я въ церковь и которыми надѣялся выттить, были заперты. Довольно ясно, что я святой арестантъ, и что пономарь Назарій прислужился предательствомъ меня. Большая въ окнѣ шиба найдена мною надежнѣе жертвенника, и справедливо: меня пришли взять въ чаяніи, что я ихъ буду дожидаться подъ жертвенникомъ. Но я уже покоился въ одной изъ стоящихъ въ каретномъ сараѣ каретъ, въ которой размышляя, не зналъ что̀ придумать, а между тѣмъ, сѣдя уже слишкомъ сутки, ослабѣлъ и почувствовалъ жаръ. Въ такомъ положеніи я найденъ и представленъ къ архіерею, крайне уже, къ моему счастію, изнемогшему и страждущему отъ обыкновенныхъ подвиговъ. Мы оба были больны, только отъ разныхъ причинъ. Архіерей одолѣлъ сказать мнѣ, почти невразумительно:

«А! ты явился!» и тотчасъ заснулъ на стульяхъ, а я пошелъ въ свою комнату. Мнѣ пришли сказать, что тотъ пономарь Назарій, которой объявилъ обо мнѣ архіерею, и которой за упускъ меня вчера былъ взятъ подъ стражу, только-что теперь повѣсился. Я отъ тѣхъ поръ закаялся класть канты на ноту *).

Еще архіерей не проснулся, какъ принесли съ почты указъ отъ синода, чтобъ онъ отвѣтствовалъ во всемъ безпрекословно коммиссіи, учрежденной по имянному повелѣнію, состоявшемуся на докладъ синода, поднесенный вслѣдствіе доноса дьячка Захарки, на которую наряжены: черниговскій архіерей Θеофилъ, Гамалѣевскаго монастыря архимандритъ Антоній Почека, да двое свѣтскихъ, полковникъ и маіоръ, потому что и воевода прикосновенъ былъ къ сей же коммиссіи, кажется по тѣмъ преступленіямъ, что архіерей у него часто обѣдывалъ, и что принялъ отъ архіерея въ солдаты доносителя.

Доноситель-дьячекъ столько былъ расторопенъ, что успѣлъ уже доставить къ первому своему доносу прибавленіе объ обод-

*) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: «а архіерей пить не закаявался». Ред.

раніи жемчуга и каменья съ образа св. Николая, изъ которыхъ архіерей будто-бы сдѣлалъ сестрѣ своей пряжки. Сіе послѣднее, хотя была глупо-ядовитая ложь, однакожъ надлежало на все отвѣтствовать и признаться въ ободраніи, и въ употребленіи на архіерейское церковное украшеніе, чѣмъ соблазнялась вся народная простота, и оскорблялся общій порядокъ.

§ XXV.

Другое время, другія и мысли.

1773—1774.

Архіерей, проснувшись и прочитавши указъ, — оставилъ все, бросился въ постелю. Коммиссія по пріѣздѣ расположилась въ городѣ. Духовнце коммиссіонеры имѣли вѣжливость предварить подсудимаго своимъ посѣщеніемъ; потомъ, чрезъ нѣсколько дней требуютъ его въ коммиссію, а онъ сказывается больнымъ. Коммиссіонеры, желая его посѣтить въ постели, пригласили съ собою *) городового лекаря; но лишь только показались къ нему въ келью, то онъ, увидя лекаря, выпрыгнулъ изъ постели и началъ имъ объяснять, что «онъ архіерей, а не мужикъ, и что ему должно вѣрить, если онъ сказывается больнымъ, а не свидѣтельствовать». Коммиссіонеры имѣли умѣренность сказать: что, «они пришли его посѣтить и пожалѣть о слабомъ состояніи здоровья его преосвященства». Архіерей стыдился уже признать себя больнымъ, потому что имѣлъ неосторожность громко и много говорить, скоро по покоямъ бѣгать и выгнать вонъ лекаря, котораго воротили уже изъ-за-воротъ водки пить.

Въ продолженіе коммиссіи, у архіерея моего возобновилась задумчивость. Я въ эту пору вздумалъ поучиться дѣлать фейерверки. А поводомъ къ сему былъ одинъ изъ отпущенныхъ на волю предъ смертью господина Касагова человѣкъ, который, получа свободу искать пристанища, явился ко мнѣ. Мы, или лучше сказать, одинъ онъ, надѣлали ракетъ, колесъ, фонтановъ и другихъ штукъ; мы не забыли связать и узелка изъ двухъ начальныхъ литтеръ, знаменующихъ имя преосвященнаго: Кириллъ Фліоринскій: . Все сіе дѣлано было въ особомъ отдаленномъ покоѣ и архіерею не было извѣстно. Въ самомъ параксизмѣ

*) Вмѣсто зачеркн.: «на завтра». Ред.

архіерейской задумчивости, я доложилъ ему, что у насъ передъ крыльцомъ радостные огни дожидаются приказа — которые тотчасъ и загорѣлись. — Онъ смотрѣлъ на нихъ съ удовольствіемъ. Задумчивость его пропала. А дабы она не возвратилась, велѣно подать — что Богъ послалъ — изъ погребцовъ или шкафовъ.

Случившіеся на ту пору домовой лекарь и сестра, которая не знаю почему-то подошла съ братомъ подъ одну коммиссію, составили société — бесѣду.

По утру преосвященный далъ знать консисторіи, что онъ въ сей день будетъ въ оной своею особою присутствовать. Его ожидали тамъ съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. И не обманулись; ибо ежели благодѣяніе не есть дѣло маловажное*), такъ онъ произвелъ меня формально канцеляристомъ. Въ семъ случаѣ похожъ я былъ на того фельдцейхмейстера, который получаетъ орденъ за талантъ своего артиллеріи сержанта.

Служащіе въ консисторіи, соперниствуя моему чину, приступили съ просьбами къ преосвященному. Они представляли, что давно вступили въ службу, ревностно трудятся, въ штрафахъ и наказаніяхъ не были, въ чемъ ссылаются на формулярные списки, и, того ради, просятъ произвести и ихъ канцеляристами. Архіерей имъ отвѣчалъ, что «произведеніе теперешняго канцеляриста не можетъ вамъ быть ни въ примѣръ, ни въ обиду, потому что онъ въ корреспонденціяхъ моихъ былъ и есть у меня правою рукою.» Справедливъ этотъ отказъ или нѣтъ, получившій давшаго не судитъ, и это было, есть и будетъ: кого хотятъ наградить, заслугу сыщутъ, — кому хотятъ отказать, резолюція готова, а для меня неоспоримо то, что полезнѣе дѣлать фейерверки, нежели канты класть на ноту.

И тако проходили часы, дни, недѣли, мѣсяцы цвѣтущей моей юности, какъ наступилъ и 1774-й годъ.

1774 г. Вышесказанная прибывшая коммиссія, ни должности преосвященнаго не уменьшила, ни свободы его не связала. Почему въ самую лучшую лѣтнюю пору отправился преосвященный — Путивльскаго уѣзда въ слободу Терны, для посѣщенія г-на Сафонова, сына того порядочнаго — но уже скончавшагося — отца, о которомъ говорено въ 1770-мъ году моего повѣствованія.

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «есть истинное добро». Ред.

На пути заѣхали въ Глуховской Петропавловской монастырь, въ которомъ пребывающій на пенсіи и управляющій монастыремъ епископъ Анатолій Мелесъ, въ почесть гостю приказалъ звонить въ колокола и палить изъ можжиръ, а самъ встрѣтилъ его на крыльцѣ, въ китайчетомъ халатѣ цвѣта вороньяго крыла, съ непокровенною главою и босикомъ. Онъ прежде всего изъяснился, что хотя онъ и монахъ, но священнодѣйствуя въ прошедшую противъ турокъ войну на хребтахъ корабельныхъ, привыкъ къ пороху и къ пушечному грому. Гость отвѣтствовалъ: «я былъ въ Парижѣ при послѣ, куда военные громы не досязали, такъ у меня въ домѣ нѣтъ ни пушекъ, ни можжировъ». Послѣ сего вояжиры наши пошли въ покои къ обѣденному столу. Мой архіерей также раздѣлся, однакожъ не разувался. На другой день распрощались и мы выѣхали въ Путивль. Въ Путивльскомъ-Молчанскомъ монастырѣ переночевавъ у добраго хозяина игумена Мануила Левицкаго, взяли и его съ собою въ Терны, куда и прибыли подъ вечеръ.

Новой молодой владыка Терновъ съ деревнями, встрѣтилъ преосвященнаго передъ слободою въ каретѣ. Онъ былъ лѣтъ 22-хъ, роста средняго, круглолицъ, полонъ, бѣлъ, нѣженъ, хорошъ собою и жиренъ. Екипажи наши поставлены на гостинномъ дворѣ, и комнаты для архіерея и всего штата отведены тамъ же. Послѣ хорошаго ужина легли спать, и надѣялись, что завтра для насъ будетъ еще лучше *).

Возставше отъ одра и сна, увидѣлъ я, что въ господскомъ домѣ тѣже были люди и вещи, которыхъ я видѣлъ и при отцѣ, но не было никого и ничего на своемъ мѣстѣ, и все казалось безъ души. Послѣ чаевъ и кофіевъ молодой баринъ посѣтилъ архіерея, и походя оба кое-гдѣ, пошли въ большіе покои, гдѣ столъ накрывали. Я старался что-нибудь услышать отъ молодого Сафонова, но изъ него ни ползло, ни лѣзло. Смотря на него, по наружности онъ долженъ быть Аполлонъ бѣлокурый, но по внутренности вселился въ него Момусъ**), кромѣ момусова остроумія.

---

*) Далѣе зачеркнуто: «но надежда—цыганка». Ред.

**) Момусъ—шутъ боговъ. Митологисты наши говорятъ, что Момусъ единожды сказалъ: «Боги были пьяны, когда сотворяли человѣка. Проспавшись—не могли безъ смѣха взглянуть на свое твореніе». Г. Д.

Это примѣч. было первоначально въ подлинникѣ такъ: «Момусъ—богъ дурачества, ежели это богъ». Ред.

Когда пришло време садиться за обѣденный столъ, хозяинъ нашъ оказался пьянъ, аки вторый Касаговъ. Будучи въ семъ счастливомъ состояніи, схватилъ въ другой горницѣ крѣпостную свою пѣвицу за руку и тащилъ ее къ столу. Игуменъ Путивльскій Мануилъ Левицкій, будучи ему близко знакомъ, и бывши отцу его хорошій пріятель, подскоча вырвалъ ее у него, и пхнулъ обратно въ ту же горницу, изъ которой она вытащена, а его двинулъ *) въ ту, гдѣ сидѣлъ архіерей съ другими, и сказалъ ему: «кушанье на столѣ.» Сѣли за столъ, всего было преизбыточно. Сей прочнаго заведенія столовой части,-сынъ не успѣлъ еще разрушить.

Музыканты потащились къ аркестру: иной ладилъ свой инструментъ, иной его клалъ, иной губы развѣся зѣвалъ, а пѣвицы всѣ смѣялись. Стали играть. Сколько играли, столько и ошибались, или не радѣли, на лицахъ написано было безпутство.

Все въ домѣ доказывало, что нѣтъ уже отца, господина и хозяина. Среди угощенья и музыки никогда во мнѣ уныніе столько не дѣйствовало, какъ при воспоминаніи порядочнаго отца, который, безъ сомнѣнія, не желалъ, чтобы наслѣдникъ разрушилъ всѣ его насажденія.

Послѣ обѣда, уже подъ вечеръ, архіерей подошедши къ аркестру, и будучи насыщенъ земныхъ благъ, крикнулъ: «играйте.» Капельмейстеръ,—крѣпостной человѣкъ и мужъ сказанной пѣвицы и барской любовницы,—крикнулъ: «Не слушай.» Всѣ музыканты и пѣвицы пришли въ замѣшательство. Сюда же примкнулись, со стороны архіерея, ряды пѣвчихъ, протодіаконъ, игуменъ и я. Всѣ начали говорить кто какъ хотѣлъ, и поднялся шумъ. Насыщенный съ гостьми хозяинъ, чтобъ не быть празднымъ лицомъ, пробился сквозь толпу, схватилъ архіерея за крыло клобука и крикнулъ во всю мочь: «собакъ!»

Архіерей, не дожидаясь, чтобъ его затравили, скокнулъ со всѣхъ ногъ въ квартиру со всѣмъ клиромъ, проповѣдуя на бѣгу: «Аще гонятъ вы—васъ—во градѣ, бѣгайте въ другой, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ отрясая». А я вслѣдъ приговаривалъ: «Стопы моя направи по словеси твоему. Капитанъ же, хозяинъ, удовольствовавшись тѣмъ, что одержалъ храбро планъ, препровожденъ

*) Вмѣсто зачеркн.: «сунулъ.» Ред.

съ капельмейстершею въ тріумфѣ цѣлымъ аркестромъ до самой спальни. О семъ послѣднемъ тогда же повѣствовали его домослужители, которые всегда бываютъ самые вѣрные повѣствователи.

Мы ночевали не въ Сафонова домѣ, но у протопопа той же слободы. По утру посланъ былъ нарочной за архіерейскою тростью, которую вчера схватить не успѣли. Посыланной возвратившись донесъ, что хозяинъ встрѣтился съ нимъ нечаянно въ дверяхъ залы, въ рубашкѣ, безъ всего и туфлей. Въ сей позиціи спросилъ о здоровьѣ преосвященнаго, и услыша, что преосвященный отъѣзжаетъ, вскричалъ въ удивленіи: «Ахъ! я думалъ онъ будетъ у меня обѣдать; карету! штаны! мыться! гнать!»

Архіерей, желая чтобъ за нимъ гонялись, выѣхалъ какъ можно скорѣе. На побѣгѣ завидя погоню, сдѣланную въ почесть ему, приказалъ скорѣе гнать. Мы—въ деревню, Сафоновъ тутъ. Архіерей въ крестьянскую избу, Сафоновъ на дворѣ. Его не пускаютъ къ архіерею, онъ просится, и увѣряетъ, что онъ трезвъ, что при немъ нѣтъ ни капельмейстера, ни капельмейстерши, ни собакъ, и что онъ гонится какъ тѣнь за тѣломъ, безъ котораго жить не можетъ. Будучи допущенъ, добился прощенія, закрывши лицо платкомъ, дабы показать, что прошеніе его было слезное. Архіерей тому повѣрилъ. Капитанъ былъ съ запасомъ, а и у насъ не безъ онаго. Начали мирный трактатъ поливать. Побранились. Сафоновъ закричалъ: «собакъ!» Архіерей ускакалъ впередъ, а хозяинъ не былъ столько плохъ, чтобъ въ другой разъ гнаться за такимъ епископомъ, которой не мастеръ прощать.

Бѣдный Сафоновъ, провождая жизнь пьяную и безпутную, вскорѣ послѣ отъѣзда преосвященнаго женился и вскорѣ умеръ. Преосвященный не имѣлъ причины жалѣть, что съѣздилъ и похоронилъ покойника, потому что тесть его изъ его имѣнія наградилъ за всѣ издержки, и даже за то, чтобы преосвященный покойника простилъ и разрѣшилъ отъ тѣхъ грѣховъ, когда онъ хотѣлъ преосвященнаго собаками травить.

Въ Путивльскомъ монастырѣ у Мануила нашего только-что переночевали. Выѣхавъ, поспѣли къ обѣду въ построенный въ лѣсу, на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, Петропавловскій Глуховскій *) къ ожидавшему уже нашего сухопутнаго,—мор-

*) Монастырь Петропавловскій, хотя называется Глуховскимъ, однако же онъ отъ Глухова отстоитъ на 20 верстъ. Г. Д.

скому епископу Анатолію Мелесу. Онъ принялъ гостя со всѣми прежними обрядами и съ прибавленіемъ къ онымъ, что во весь вечеръ и во всю ночь палили изъ можжировъ и звонили въ колокола. Оба архіерея съ игумномъ и прочими, всю лѣтнюю пріятную ночь ходили по монастырю и около церкви съ фонарями, а по утру очень рано, взлѣзли на колокольню и звонили съ прочими на ряду. Я видя, что колоколовъ довольно, и любя по натурѣ колокольной звонъ, кликнулъ туда же нѣсколько пѣвчихъ и начали звонить пуще прежняго. Кому не доставало тянуть за веревку, тотъ билъ по колоколу палкою. Словомъ, мы подняли такой звонъ и пальбу, каковыхъ безъ сомнѣнія не было во дни святого Дмитрія Ростовскаго, которой будучи въ семъ монастырѣ игумномъ, построилъ каменную церковь среди монастыря, которая и понынѣ въ совершенной крѣпости, съ надписью въ срединѣ надъ аркою имени построившаго.

Въ самый развалъ нашихъ торжествованій прибыла духовная коммиссія по указу святѣйшаго синода, слѣдовать и судить нашего хозяина, по доносу на него пречестнаго іеромонаха отца Антонія, который въ нашемъ же сословіи пилъ, ѣлъ, звонилъ и палилъ, и котораго доносъ состоялъ въ томъ, что архіерей Анатолій заключаетъ монаховъ въ тюрьму безвинно, бьетъ ихъ палками, не ходитъ никогда въ церковь, не одѣвается, всегда босикомъ, а только пьетъ, да гуляетъ и палитъ изъ можжиръ, которыя перелилъ изъ колоколовъ, снятыхъ имъ съ колокольни.

Коммиссіонеры Лубенскаго монастыря архимандритъ Паисій, Густынскаго монастыря игуменъ Іосифъ и письмоводитель попъ Продьма привезли съ собою запаснаго игумна, въ качествѣ администратора, которому велѣли тотчасъ принять весь монастырь съ доходами въ свое наблюденіе и распоряженіе.

Нашъ Анатолій въ одинъ мигъ истрезвился, пересталъ палить, обулся въ сапоги, умылся, расчесалъ волосы и бороду, одѣлся въ рясу, покрылся клобукомъ, навѣсилъ панагію, намоталъ на руку янтарныя четки. Въ такомъ видѣ явился онъ на другой день, очень рано, къ моему архіерею и повалился ему въ ноги, возглашая вмѣстѣ съ поклономъ: «Наставниче! спаси мя, погибаю!» А сей ему въ отвѣтъ: «Дуракъ! почто усумнился еси? Меня велѣно судить за взятки, за грабежи церковные, за . . . . . да я не робѣю». Потомъ намаркировалъ ему отвѣты

противъ доноса. Напослѣдокъ мы видя, что реформа монастырскаго правленія нарушила нашъ порядокъ, ну *) впередъ! и пріѣхали въ Глуховъ. Коммиссіонеры остались въ монастырѣ, и Анатолій—съ нами.

Въ Глуховѣ мы остановились у отца протопопа Корнилія Іевефовича. Земскій судья Сергій Сидоровичъ Дергунъ и коллежскій совѣтникъ Яковъ Павловичъ Козельскій**), Малороссійской коллегіи членъ***), посѣтили нашего преосвященнаго, и увидя нечаянно Анатолія во всей формѣ, знавъ напередъ, что онъ любилъ босоту, воскликнули: «Ахъ, ваше преосвященство! какъ къ вамъ все это пристало!... Ну для чего бы вамъ всегда такъ-то не одѣваться? Вы бы къ намъ пожаловали, а мы бы къ вамъ когда пріѣхали, и у насъ бы было райское препровожденіе времени». Анатолій отвѣчалъ въ постоянномъ видѣ: «А для чегожъ вы не упредили мое дурачество вашимъ благимъ совѣтомъ! Греки говорятъ: гдѣ проливается вино, тамъ купаются слова, а мое можетъ быть не одно и дѣяніе искупалося въ немъ». Полковникъ Козельскій былъ человѣкъ ученой и литераторъ: онъ сказалъ Анатолію: «Я, прочитавъ вашу рѣчь, которую вы говорили предъ государынею императрицею, и которую мнѣ изъ Петербурга прислалъ пріятель, всегда хранилъ почтеніе къ вашимъ дарованіямъ».

Мнѣ разсудилось эту рѣчь помѣстить здѣсь. Мой архіерей получилъ ее отъ Козельскаго. Она у меня понынѣ уцѣлѣла и нашлась между бумагами. Послѣ я ее видѣлъ уже и въ печати:

Рѣчь, говоренная епископомъ Анатоліемъ, возвратившимся изъ Архипелага, 1772 г. октября 7 дня.

Всемилостивѣйшая государыня!

Созерцая освященное лице вашего императорскаго величества, чувствую радость, коя ощущаема сердцемъ, неизреченна устами. Вижду предо мною всѣ красоты міра собранныя воедино. Се то средоточіе славы, которое на подобіе солнца кажется не-

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «отправились». Ред.

**) Козельскій знакомъ былъ моему архіерею отъ тѣхъ временъ, когда они вмѣстѣ ходили на лекцію экспериментальной физики въ Петербургѣ. Г. Д.

***) До открытія намѣстничествъ въ Глуховѣ была малороссійская коллегія. Г. Д.

движимо, но лучи свои по всему свѣту простираетъ. Се Екатерина! О! кто мнѣ дастъ витійство, соразмѣрное милостямъ, кои я пріялъ и пріемлю отъ руки монаршей. Кто устроитъ языкъ мой, да возглаголю слово царицѣ, моей матери? Я сидѣлъ во тьмѣ, и внезапу облиста мя свѣтъ велій. Узникъ сталъ свидѣтель чудесъ твоихъ на водахъ многихъ. Я зрѣлъ корабли твои между разсѣянными по Архипелагу островами, на подобіе острововъ колеблющіеся, и тысящами мѣдныхъ гортаней могущество твое морю и туркамъ возвѣщающія. Стоялъ на хребтахъ ихъ, среди героевъ, священникъ, и счастіемъ твоимъ осѣнялъ къ побѣдамъ твоихъ мореходцевъ. Малъ въ братіи моей посреди церкви, на далекихъ брегахъ громомъ имени твоего раздающихся, пѣлъ тя, и во храмѣ сердца моего дондеже есмь пѣти не престану. Не умру несчастливъ! Смерть закроетъ старцу очи, Екатерининой славою насыщенныя, славою и купно ея лицезрѣніемъ. Се верхъ моего благополучія! Но что воздамъ блаженства и дыханія моего виновницѣ? кромѣ единаго желанія: да будетъ, монархиня, жизнь твоя столь долголѣтна, сколь она, безъ сравненія, нужна Россіи. Да будетъ здравіе твое столь невредимо, сколь одолженія твои вселенной велики.—Яко же роса аермонская нисходитъ на горы сіонскія, тако да снидетъ на тя съ небесъ благословеніе. Живъ Господь Вседержитель и кто на ны? Живы Екатерина самодержица и Павелъ всероссійскій наслѣдникъ. Привергающіеся же къ стопамъ ихъ, во вѣки не погибнутъ».

Господинъ Дергунъ угощалъ во своемъ домѣ архіереевъ обѣденнымъ и ужиннымъ столомъ, а г. Козельскій компанировалъ, яко человѣкъ корпусо-кадетскій. Тутъ же былъ и малороссійской коллегіи прокуроръ Семеновъ, человѣкъ богатой, пузатой, скупой и неучоной. Говорили, что онъ хорошо знаетъ свою должность; а что онъ ѣлъ и пилъ хорошо, о томъ не нужно было и спрашивать. При окончаніи ужиннаго стола, шепнулъ я преосвященному, что у насъ есть нашей работы связка разныхъ горючихъ малыхъ фейерверочныхъ штучекъ. Архіерей далъ мнѣ сигналъ открыть канонаду въ горницѣ. Неожиданный трескъ, хлопотня, розданные людямъ колеса, все это вдругъ загорѣлось, зашумѣло и не меньше надымило. Дамы, сидѣвшія за столомъ повскакивали съ мѣстъ, а брошенные по полу огни тѣмъ болѣ за ними отъ волненія воздуха гонялись, чѣмъ болѣе они убѣгали. Мой

архіерей, зажегши самъ на свѣчѣ фонтанъ, бросилъ на петропавловскаго архіерея, и трафилъ ему въ самую бороду. Борода сильно засвирщѣла, и бросилась къ бѣгающимъ, смѣющимся, кричащимъ, ахающимъ чепчикамъ и токамъ, и вмѣшавшись между ими, составила странную труппу.

По сгорѣніи фейерверка, нашли прокурора Семенова въ жалкомъ положеніи, на котораго во время происходившихъ шалостей никто не имѣлъ вниманія. Онъ просилъ, Бога ради, милости, воды и кто чѣмъ можетъ ему помочь, ибо онъ, имѣя наклонную къ аппоплексіи природу, едва отъ порохового дыма не задохся, а причиною сему больше то, что онъ и по натурѣ не могъ терпѣть порохового запаха, почему и выскочить былъ не въ силахъ изъ покоевъ. Опамятовавшись, онъ напомнилъ, по должности, что таковыя шутки противны законамъ, поелику онѣ могутъ быть смертоносны; а архіерей мой отвѣчалъ, что блюстителю законовъ не было лучшаго времени умереть какъ въ этомъ дыму, потому что погребли бы его два архіерея, которые оба подъ судомъ.

§ XXVI

Параграфъ двадцать-шестой, а о чемъ? значитъ въ немъ.

1774—1777 г.

Возвратясь домой, занимался его преосвященство отвѣтствованіями по требованіямъ коммиссіи; а между тѣмъ, прогуливаясь единожды въ хорошій вечеръ и полнолунную ночь по саду, примыкающемуся къ покоямъ,—съ матерью, сестрою, племянницею, Путивльскимъ игуменомъ Левицкимъ,—вздумалъ мимоходомъ для забавы при небольшихъ, шумъ головной умножающихъ, капляхъ, заручить за меня родную свою племянницу, дочь находящейся при немъ сестры. Въ семъ случаѣ былъ я похожъ на Волтерова Гурона, котораго ловили окрестить. Что касается до невѣсты—Татьяна Осиповна ее звали,—она была ребенокъ милый, лѣтъ 14-ти, и мое сердце знало ей цѣну. Но что касается до страннаго и несчастнаго свойства моего благодѣтеля и будущаго дяди, не предвѣщалъ я для себя ничего добраго изъ нашего союза и страшился быть отягощенъ его милостями; а потому и чувствовалъ непреоборимое затрудненіе вступать съ нимъ въ свойство. Какъ-бы-то-ни-было, я получилъ перстень алмазный, а невѣста кольцо—алмазное же, которые повидимому у преосвященнаго приготов-

лены уже были. Все это происходило въ саду, при лунномъ сіяніи, слѣдственно мы съ невѣстою были счастливѣе тѣхъ, которыхъ, при началѣ міра, за любовныя дѣла гнали изъ сада вонъ. Хотя все сіе, по мнѣнію нашему, происходило секретно, однакожъ, несмотря на секретъ, прослылъ я скоропостижно архіерейскимъ племянникомъ.

Въ послѣднемъ сего года мѣсяцѣ, разсудилъ преосвященный посѣтить городъ Орелъ. Коммисія негодовала за намѣреніе и отлучку, но онъ того не уважалъ.

1775 г. На пути, въ городѣ Кромахъ, остановились у протопопа Кромскаго и прожили все праздничное время до 8-го числа января новаго года. Причиною сему были отъѣзды архіерейскіе въ уѣздъ по домамъ дворянскимъ, куда онъ прошенъ бывалъ какъ рѣдкой гость и пастырь стада, а я оставался за болѣзнью на квартирѣ.

8-го числа января мы выѣхали изъ Кромъ и прибыли въ Орелъ того-жъ дня подъ вечеръ.

Съ самаго пріѣзда до свѣтлаго праздника, прожито въ Орлѣ хорошо. Порядокъ жизни былъ таковъ же, какъ и на всякомъ мѣстѣ; а послѣ праздника, многіе компаніоны разъѣхались по домамъ деревенскимъ, а иные скучившись единообразными бесѣдами и подвигами, оставили пастыря безъ овецъ и владыку безъ рабовъ.

Здѣсь преосвященный въ великій еще постъ увѣдомленъ былъ о смерти своего брата и сподвижника епископа Анатолія Мéлеса. — Вздохнувши по немъ, сказалъ: «дуракъ былъ покойникъ! съ его ли умомъ переливать колокола въ можжиры?» А послѣ праздника пришла вторая вѣсть: что, коммиссіонеры Сѣвскіе, кончивъ чтó имъ было предписано, разъѣхались по домамъ и по монастырямъ. Сіе обстоятельство и годовое время придали охоту преосвященному къ возвращенію домой. Но не всякое дѣло такъ скоро исполняется какъ говорится, и не человѣкъ случаемъ, а случай человѣкомъ управляетъ. Да какъ же онъ управляетъ? Онъ посылаетъ къ преосвященному проѣзжающаго чрезъ Орелъ переводчика Ивана Голѣневскаго, который былъ при должности въ Полоцкѣ; а знакомъ преосвященному еще отъ тѣхъ временъ, когда они были вмѣстѣ при дворѣ императорскомъ

пѣвчими *). Еще поручикъ Герасимъ Орловскій, который посланъ былъ изъ Глухова отъ начальства куда-то чрезъ Орелъ и который былъ знакомъ, частыми своими въ Сѣвскѣ пріѣздами и счастливымъ даромъ природы, которымъ пользуясь, напивался и наѣдался въ сопровожденіи шутокъ и уловокъ, дѣлающихъ для другихъ смѣхъ. Сей вскорѣ ускакалъ въ предписанной ему путь, а Голѣневскій дождался, пока оба возлегли съ хозяиномъ невзначай, одинъ—на канапе, а другой—на стульяхъ; обувенны въ сандаліяхъ и въ приличной каждому чистотѣ и опрятности, подобно тѣмъ воинамъ, которые и спящія имѣютъ осторожность, дабы непріятель не напалъ въ расплохъ.

Но какъ нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣчнаго и постояннаго, то и спящимъ надлежало проснуться, и гость уѣхалъ, а хозяинъ формально возлегъ на одръ, поелику требовало того изнеможеніе силъ. Уже проходило двое сутокъ, какъ преосвященный недомогалъ и питался только чаемъ, кремортартари и лимонадомъ. Въ продолженіе сего, какъ я единожды вошелъ въ спальню, онъ сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ: «за чѣмъ сюда пускать Орловскаго? до шутокъ ли мнѣ теперь? Онъ съ одного угла горницы прыгнулъ на другой, и говоритъ: Богородица Дѣва радуйся». Я отвѣчалъ, что «уже четвертый день какъ Орловскаго въ городѣ нѣтъ».—«Да, отвѣчалъ преосвященный:—жаръ во мнѣ дѣйствуетъ»!

Напослѣдокъ, надобно было выздоровѣть и выѣхать. Зазвонили, но никто насъ не проводилъ, кромѣ протопопа и нѣсколькихъ священниковъ по должности; что походило не меньше на провожанье живыхъ, какъ и на провожанье мертвыхъ.

По пріѣздѣ домой, я уже не пошелъ къ преосвященному въ покои, къ первой моей должности. По мѣрѣ теченія лѣтъ моихъ и архіерейскихъ, и другихъ обстоятельствъ, власть его надо мною, натурально ослабѣвала, почему я и въ силахъ былъ дѣйствовать по собственному желанію, не прося на то отъ него позволенія.

---

*) Этому Ивану Голѣневскому принадлежитъ стихотвореніе, имѣющееся и въ моей библіотекѣ: «Плачь по блаженной и вѣчно достойной памяти императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ»; напечатано въ листъ, при акад. наукъ, въ 1762 г. См. объ этомъ «Плачѣ» въ нашемъ очеркѣ царствованія Петра III-го «Отеч. Записки» 1867 г. кн. VIII, стр. 756 и друг. Ред.

Мнѣ не легко изъяснить мои тогдашнія внутреннія, сражающіяся между собою движенія. Мнѣ только то было ясно и чувствительно, что я, родившись человѣкомъ, не имѣю прочнаго названія въ обществѣ, и что имѣю непреоборимое отвращеніе къ образу жизни моего архіерея и къ его качествамъ.

Я передвинулъ мои пожитки въ стоящіе близъ воротъ два покоя, примыкающіеся одною стороною къ тому же саду, къ которому и архіерейскіе покои, съ другой, боковой, полуденной стороны примыкались. Онъ въ неудовольствіи спрашивалъ причины, а я представлялъ слабость здоровья, что и въ самомъ дѣлѣ было. Онъ обнаружился удержать меня при себѣ по прежнему, а я требовалъ рѣшительно письменнаго увольненія, какъ отъ него, такъ и отъ консисторіи, — поелику былъ канцеляристомъ, — съ которыми бы могъ выѣхать для опредѣленія себя въ царскую службу. Наконецъ архіерей позволилъ мнѣ имѣть сіи, по желанію моему, особые покои.

Итакъ, началъ я жить отшельнически, не зная еще и самъ на какой конецъ; однакожъ ощущалъ въ моей душѣ, что сдѣланной шагъ для меня полезенъ. Покойцы мои прибралъ я не по монастырски. Архіерей иногда жаловалъ ко мнѣ посидѣть, а иногда присылывалъ весь свой столъ и самъ у меня кушивалъ, иногда съ консисторскими членами и секретаремъ, иногда съ сестрою и племянницею, а иногда одинъ со мною. Да въ сей только милости и состояло все его для меня содержаніе; — и, кромѣ сего, долженъ я былъ питаться собственнымъ иждивеніемъ. Такимъ образомъ протекло больше половины 1775, весь 1776 и первая половина 1777 года.

Въ первое лѣто моего отшельничества, въ августѣ мѣсяцѣ, выпросилъ я дозволеніе путешествовать въ Польшу на Бердичевскую ярмарку. Мой трактъ лежалъ чрезъ Глуховъ, Королевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Кіевъ, Васильковскую таможню и Бѣлую-церковь. Преосвященный далъ мнѣ письма: въ Глуховъ къ члену коллегіи Козельскому, дабы онъ снабдилъ меня подорожною въ Кіевъ; къ кіевскому митрополиту Гавріилу Кременецкому, къ архимандриту Кіево-печерской лавры, къ архимандриту Кіево-Михайловскаго монастыря Исаіи, которымъ препоручалъ меня въ ихъ милость и благословеніе; къ кіевскому купцу Дмитро́вичу, который, имѣя у се-

бя на процентахъ нѣсколько архіерейской казны, долженъ былъ вспомочь меня для ярмарки деньгами на покупки архіерейскія; въ Васильковъ, къ директору тамошней таможни Ивану Никитичу Болтину, дабы онъ позволилъ и помогъ мнѣ переѣхать чрезъ границу, яко человѣку не бѣглому. Итакъ, подъ сими парусами направилъ я мое сухопутное шествіе на долгихъ съ однимъ при мнѣ служителемъ, и подъ самою хорошею погодою прибылъ въ Глуховъ; остановился у тамошняго протоіерея отца Корнилія Іезефовича,—у котораго обыкновенно и преосвященный мой останавливался — и съ сей первой моей дистанціи отписалъ къ преосвященному съ возвратившимся при лошадяхъ человѣкомъ.

Пріятнѣйшая погода, хорошой и знакомой городокъ, солидной и благоразумной съ латинью и свѣдѣніями мужъ, хозяинъ, удержали меня тутъ 2½ дня.

Мой отецъ Корнилій былъ для Глухова живой своихъ временъ историческій архивъ, и не мертвой—прошедшихъ. Вслѣдствіе чего и по случаю единовременнаго со мною чрезъ Глуховъ проѣзда сенатора Теплова, разсказалъ онъ мнѣ бывшій съ нимъ прежнихъ временъ разговоръ.

«Григорій Николаевичъ Тепловъ,—говоритъ отецъ Корнилій:—когда былъ въ Глуховѣ при гетманѣ Разумовскомъ правителемъ канцеляріи, или лучше сказать: политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ, манторомъ и проч., то иногда ко мнѣ прихаживалъ пріятельски посидѣть.—Говоря обо всякой всячинѣ, такъ, какъ вы теперь со мною»—прильстилъ мимоходомъ вѣжливый священникъ,—«разсказалъ онъ единожды два случая или произшествія изъ первоначальнаго своего состоянія.

«Въ ребячествѣ моемъ»,— говоритъ Тепловъ:—«когда мнѣ было лѣтъ около 9-ти, играли равныхъ насъ ребятишекъ съ десятокъ на улицѣ, бѣгали, рылись въ пескѣ, глинѣ, и кто какъ хотѣлъ. Вдругъ увидѣли, что мимоѣзжая карета остановилась. Мы бросили игры и смотрѣли на нея. Узнали, что это былъ нашъ архіерей Ѳеофанъ Прокоповичъ *). Онъ также смотрѣлъ

*) Не могу припомнить, въ которомъ это городѣ. Судя по Прокоповичу, должно быть въ одномъ изъ трехъ, то-есть, или во Псковѣ, или въ Новѣгородѣ, или въ Петербургѣ, въ которыхъ сей знаменитый архіерей имѣлъ свои должностныя пребыванія. Г. Д.

на насъ въ окно. Потомъ велѣлъ намъ подойти къ себѣ, далъ всѣмъ руку, и нѣкоторыхъ останавливая, о чемъ-нибудь спрашивалъ, желая повидимому узнать какъ кто отвѣчаетъ. Дѣло дошло до меня».

Прокоповичъ: Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

Тепловъ: Гриша.

Прокоповичъ: Кто твой отецъ?

Тепловъ: Солдатъ Николай Тепловъ.

Прокоповичъ: «Гдѣ онъ служитъ? Отчего имѣетъ пропитаніе? Сколько у него дѣтей?» и проч. и проч. — Напослѣдокъ, подавая еще руку: «скажи своему отцу, чтобъ онъ завтра пришелъ съ тобою къ архіерею, и сказалъ бы келейному, чтобъ онъ объ васъ доложилъ».

«Мы всѣ разбѣжались съ вѣстьми»,—продолжаетъ Тепловъ,— «каждый куда хотѣлъ *), и вездѣ проповѣдывали, что архіерей насъ благословлялъ, и что Теплову съ отцомъ велѣлъ приттить къ нему. На завтрѣ, отецъ мой умылъ меня чистою водою, расчесалъ волосы, помылъ ноги, надѣлъ на меня бѣлую рубашечку, подпоясалъ по ней покромочкою, и возложилъ на шею мѣдный крестикъ на шнуркѣ. Тутъ весь мой былъ мундиръ. Мы пришли къ архіерею и стали въ пространныхъ сѣняхъ. Чрезъ нихъ изъ одной половины въ другую бѣжалъ келейникъ, и спросилъ отца моего скоропостижно: «что ты, старикъ?»....

«Когда мы допущены къ преосвященному, то онъ, взявъ меня за крестикъ, спросилъ: «кто тебѣ это далъ?».... «Батюшка»....— «Нѣтъ, сказалъ архіерей, это вамъ навѣсилъ Владиміръ».—Потомъ спросилъ отца: «хочешь ли ты отдать мнѣ своего сына?»....

Отецъ: Я съ радостью бы хотѣлъ, да онъ записанъ въ государеву школу....

Архіерей: Ты только пожелай, прочее все я на себя беру. Я въ немъ предвижу прокъ.

«Мой старикъ прослезился отъ благодарности, — и отпущенъ съ миромъ, а я остался въ пансіонѣ архіерейскомъ».

Второе происшествіе:

«Когда я» — продолжаетъ Тепловъ, — «учился уже въ Пе-

---

*) Зачеркнуто: «и куда могъ». Ред.

тербургѣ *), то оскудѣлъ въ одеждѣ, а наипаче износилъ штаны скорѣе другого платья. Нужда—изобрѣтатель всего. Я натянулъ полотно на блейтъ-рамы, и ну писать штаны, представляя ихъ на тесемкѣ, нацѣпленной на деревянный гвоздь, вколоченный въ стѣну. Мои соученики насмѣхались предмету, но моя твердость въ исполненіи намѣренія была непобѣдима. Я продолжалъ работу постоянно, а имъ это подавало больше причины къ смѣху и къ насмѣшкамъ. Одинъ говорилъ: «пишетъ свой партретъ», другой—«для друга—подарокъ», иной мимоходомъ подкрикиваетъ: «не ошибись въ мѣркѣ!» иной съ важнымъ видомъ говоритъ: «не мѣшайте, братцы, Теплову приводить къ концу великія его намѣренія». Словомъ, я продолжалъ писать мои штаны подъ стрѣлами самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ. Безъ нужды и безъ терпѣнія не могъ бы я кончить моей работы. По окончаніи же чувствовалъ внутренно, что работа удалась, и терпѣніе уже торжествовало, не зная еще, чѣмъ оно наградится. Схватя мою картину, понесъ ее въ домъ... **), въ которомъ я зналъ, что принимаютъ охотно всякія, подобныя моему произведенію, малости, дабы ободрять трудъ молодыхъ учащихся, награждая ихъ больше, нежели чего стòитъ вещь. Въ домѣ N N повеселились надъ картиною, хвалили ее передъ барынями, спрашивали ихъ мнѣнія, нѣтъ ли въ ней какого недостатка и дали мнѣ цѣлую горсть серебреныхъ денегъ. Я побѣжалъ въ ряды, выбралъ по мѣрѣ штаны, бросилъ старые, положилъ въ оба новые кармана деньги — которыхъ, за уплатою, осталось на доброй сюртукъ, явился къ моимъ соученикамъ, и ударяя передъ ними по обоимъ карманамъ, сказалъ моимъ насмѣшникамъ: «въ мѣркѣ не ошибся».

Отецъ Іезефовичъ, пересказывая мнѣ сію исторію, примолвилъ: «какъ мы были теперь у него на пріѣздѣ, и я зàмѣтилъ, что онъ обошелся со мною по прежнему, то сказалъ я ему тихонько: «теперь вашему превосходительству не нужны живописные штаны.» Онъ разсмѣялся и сказалъ вслухъ: «напоминаніе

---

*) Не могу припомнить, въ казенномъ ли какомъ училищѣ, или въ томъ же архіерейскомъ пансіонѣ. Г. Д.

**) Протопопъ именно сказалъ, въ чей домъ, но я точно не могу припомнить, а похоже, какъ будто на одинъ изъ двухъ домовъ: или Шувалова, или Нарышкина. Г. Д.

прежнихъ временъ пріятно. Покойный преосвященный Прокоповичъ и самъ бы теперь доволенъ былъ, что онъ въ своихъ догадкахъ обманулся; онъ иногда на меня говаривалъ: этотъ мальчикъ имѣетъ немаловажные дары природы, да только несчастливъ;—а теперь я,—принявшись за орденъ,—по милости государыни, имѣю ленту» *).

§ XXVII.

Ѣзда въ Кіевъ, въ Польшу и возвращеніе въ Сѣвскъ.

Отъ Глухова до Кіева чрезъ триста верстъ перебѣжалъ я очень скоро. На пути встрѣтился съ турецкимъ посланникомъ, ѣхавшимъ послѣ войны и замиренія въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ.—Я свернулъ съ дороги саженей на 15, но арапъ, прискакавъ ко мнѣ верхомъ, сталъ напротивъ при самыхъ моихъ лошадяхъ. Я велѣлъ остановиться; а онъ поднялъ долгую свою клюку вверхъ, говорилъ громко по-турецки или по-арабски. Я сказалъ ему громогласно: «миръ, миръ!» онъ отвѣчалъ по-русски: «ты туда пошолъ, я туда пошолъ», и поскакалъ отъ меня за своими. Послѣ, кому я это разсказывалъ, мнѣ говорили, или угадывали, что это долженъ быть шутъ.

*) Приведенные Добрынинымъ разсказы о Тепловѣ относятся къ Григорію Николаевичу Теплову, одному изъ замѣчательныхъ людей какъ на государственномъ поприщѣ, такъ и на литературно-ученомъ—въ царствованіе Екатерины II. Тепловъ род. во Псковѣ, по однимъ извѣстіямъ въ 1720 г., по другимъ въ 1725 г. Если вѣрить Гельбигу (Russische Günslinge изд. 1809 года стр. 313), Тепловъ былъ сынъ истопника въ александро-невской лаврѣ, въ Спб. Такъ какъ у него не было фамиліи, то архіерей (?) далъ ему прозваніе Тепловъ, чтобъ тотъ помнилъ свое происхожденіе. Тепловъ воспитывался въ петербургской семинаріи, учрежденной на Новогородскомъ Карповскомъ подворьѣ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. По окончаніи наукъ—былъ учителемъ семинаріи. Посланъ за границу, въ 1736 г. записанъ въ академіи наукъ—студентомъ, въ 1741 г. сдѣланъ адъюнктомъ. Въ царствованіе Елисаветы—Тепловъ является воспитателемъ графа Кирилла Разумовскаго и именемъ его управляетъ съ 1745 г. всею академіею наукъ. Въ 1750 г. воспитанникъ Теплова сдѣланъ гетманомъ Малороссіи; въ теченіи четырнадцати лѣтъ Кириллъ Разумовскій правитъ обширнѣйшимъ краемъ подъ руководствомъ своего умнаго и хитраго воспитателя. Немилость Петра III къ Теплову (бывшему въ 1762 г., въ Спб., въ чинѣ дѣйст. ст. совѣтника) вдвинула сего послѣдняго въ рядъ сторонниковъ Екатерины II. Онъ дѣлается однимъ изъ усерднѣйшихъ заговорщиковъ, и въ дни низверженія Петра III—Тепловъ пишетъ извѣстный манифестъ, исполненный жестокихъ обвиненій, частью справедливыхъ, частью зло преувеличенныхъ противъ Петра III. За этотъ трудъ

Въ Кіевѣ принятъ я на квартиру въ монастырь Верхомихайловскій, архимандритомъ Исаіею. Онъ, получа отъ меня архіерейское письмо и при немъ сто рублей ассигнаціями въ церковь *), принялъ меня ласково и угощалъ во всѣ дни хорошимъ столомъ. Съ нами всегда садилось человѣкъ отъ 6 до 8-ми. Въ семъ числѣ были молодые монахи, которые хотя были не великіе мудрецы, но поелику были «мондровныя» **), не любили молчать, они знали, Валахію, Молдавію, Сербію, часть Греціи и Польши, и прочія мѣста, гдѣ возможно было мѣститься и проходить людямъ такого сорта какъ они; лекарь Ив... Кричевскій, который былъ немногимъ постарше меня, и съ которымъ мы, увидясь, скоро свели дружбу, какъ обыкновенно водится между молодыми людьми; нечаянной семидесятилѣтній патеръ іеромонахъ Θеофанъ Зеленевскій, который, показавшись за столомъ, и будучи еще бодръ, схватилъ меня за голову и началъ ее цѣловать, гдѣ попалъ, говоря: «вы мнѣ Ансона читывали». Я равномѣрно былъ радъ нечаянному свиданію. Но никто другой не зналъ, какихъ временъ знакомство мы воспоминали. Вскорѣ, однакожъ, самъ Исаія припомнилъ, что патеръ Зеленевскій прожилъ съ годъ у сѣвскаго архіерея

Тепловъ получилъ 20 т. руб. Въ ноябрѣ 1762 г. Тепловъ сдѣланъ членомъ коммисіи о духовныхъ имѣніяхъ; въ апрѣлѣ 1763 г.—онъ опредѣленъ статсъ-секретаремъ къ принятію прошеній поступающихъ къ государынѣ; въ 1767 г.—тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и т. д. Въ 1775 г. Тепловъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Умеръ 30 марта 1779 г. Тепловъ оставилъ по себѣ память человѣка обширной учености (ему принадлежитъ нѣсколько изданныхъ при жизни же его сочиненій), ревнителя просвѣщенія (онъ преобразовалъ академію наукъ, составилъ проектъ учрежденія университета въ Батуринѣ и т. д.); но въ тоже время, злого, лукаваго, пронырливаго честолюбца, не останавливавшагося ни предъ какими средствами для удовлетворенія жажды къ почестямъ и отличіямъ. Имя Теплова примѣшивается иноземными писателями къ нѣсколькимъ темнымъ дѣяніямъ второй половины XVIII вѣка.

Въ предѣлахъ епархіи Кирилла Флїоринскаго, героя бытописанія Добрынина, именно въ Орловской губерніи, Карачевскомъ уѣздѣ находилось имѣніе Григорья Николаевича Теплова—село Молдовое. **Ред.**

*) Архіерей мой часто бывалъ въ этотъ монастырь вкладчикомъ, потому что онъ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ немъ на монастырскомъ содержаніи. **Г. Д.**

) На славяно-духовно-польскомъ языкѣ «мондровный» значитъ, на божественномъ-французскомъ: «вояжиръ». По значенію же слова: «мондровать»—кажется съ польскаго на россійскомъ — значитъ мудрствовать, а на греческомъ значитъ: философствовать. Слѣдовательно — по моему силлогисму—всякаго праздношатающагося или безпашпортнаго бродягу, можно называть философомъ. **Г. Д.

во мзду трудовъ, употребленныхъ имъ древле по долгу учителя въ синтаксисѣ для нашего архіерея, — который тогда былъ его ученикомъ.

Преосвященнаго митрополита Гавріила Кременецкаго нашелъ я часу въ 9-мъ предъ полуднемъ въ загородномъ домѣ. Поднесъ ему письмо, а онъ мнѣ далъ свое архипастырское благословеніе; такимъ образомъ поквитавшись, разстались. Отъ него заѣхалъ я къ намѣстнику катедральнаго его Софійскаго монастыря, игумену Мелхиседеку, который былъ мнѣ нѣсколько знакомъ, отъ свиданія въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, когда его митрополитъ жилъ въ ономъ, опасаясь свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ заразы.

Поговоря съ нимъ кое-о-чемъ, довольно долго, и сдѣлавшись знакомы больше нежели прежде, спросилъ я его, «что такъ скоро преосвященный митрополитъ меня отпустилъ? Здоровъ ли онъ? или не занятъ ли? или»....

Намѣстникъ: Онъ здоровъ и свободенъ, такъ какъ я и вы; тутъ нѣтъ никакого или.

Я: Что-жъ тутъ на мѣсто или?

Намѣстникъ: Сказать ли? Будь же скроменъ. Скромность есть тѣсная подруга съ благоразуміемъ. — Митрополитъ терпѣть не можетъ, ежели кто чисто, а наипаче щегольски одѣтъ. Это его болѣзнь или самонравіе. Но особѣ его сана и его премаститыхъ лѣтъ позволительно и то, и другое.

Я: Ну кто-жъ это зналъ, что къ вашимъ премаститымъ лѣтамъ нельзя было показаться, не почистивши трубы?

Повеселившись со скромнымъ и благоразумнымъ отцемъ-намѣстникомъ на счетъ самонравія, и управившись съ водкою и закускою, разстались. — Въ Золотоверховскій монастырь поспѣлъ я къ самому обѣду. За столомъ услышалъ, что мнѣ на Бердичевскую ярмаку нельзя поспѣть, потому что до нея верстъ ста съ полтора, а она оканчивается сегодня и завтре; на Бѣлоцерковскую-же, — до которой верстъ съ 60, — поспѣю въ самую пору, потому что она простоитъ еще дней 12. — Узнавши, что мнѣ не для чего спѣшить, явился я на завтре, предъ полуднемъ, Кіевопечерскія лавры къ отцу архимандриту Зосимѣ Валькевичу, съ письмомъ моего архіерея. Онъ позволилъ, по просьбѣ моей, поводить меня по пещерамъ, и пригласилъ

обѣдать. За столомъ сидѣло всѣхъ человѣкъ съ шесть. Съ нами же обѣдалъ генералъ Масловъ, въ камлотномъ малиноваго цвѣта сюртукѣ, съ кавалерскою на немъ звѣздою, а самъ съ бородою *). Я прежде подумалъ, что онъ чѣмъ-нибудь боленъ, и для того, по нѣкоторымъ бываемымъ иногда въ такихъ случаяхъ душевнымъ наклонностямъ — похотѣлъ найтить на нѣкоторое время свой покой въ монастырѣ; но мнѣ сказали, что онъ живетъ здѣсь съ намѣреніемъ вступленія въ монашество. Онъ хотя былъ уже лѣтъ семидесятъ, однакожъ свѣжъ и крѣпокъ, и разсказывалъ за столомъ нѣкоторыя мѣста изъ жизни Петра Великаго довольно порядочно и памятливо, и согласно съ бытописаніемъ. Отъ Кіево-печерской лавры поспѣлъ я послѣ обѣда къ славному проповѣднику Левандѣ. Онъ принялъ меня въ своемъ домѣ пріятно и угощалъ монастырійскимъ виномъ. Изъ малолѣтныхъ его сыновей можно было видѣть, что они въ отцѣ своемъ имѣютъ наилучшаго попечителя о ихъ воспитаніи. — На завтре захотѣлось мнѣ видѣть Самуйловича, академическаго отмѣнныхъ дарованій учителя. Онъ принялъ меня сократически: послѣ общихъ изъясненій и общаго разговора, онъ говорилъ о безсмертіи души, а я доказывалъ о тлѣнности тѣла.

Проведя такимъ образомъ въ Кіевѣ дней съ пять, и получа отъ купца Дмитровича — который былъ тогда райцею **) въ магистратѣ — по письму архіерейскому—подкрѣпленіе въ деньгахъ, выѣхалъ на мою бѣлоцерковскую ярмарку чрезъ Васильковскую таможню. Въ Васильковѣ директоръ таможни, Иванъ Никитичъ Болтинъ ***) по письму архіерейскому пропустилъ меня за границу, яко товаръ, не дѣлающій ущерба своему отечеству. Я достигъ Бѣлой-церкви, и нашелъ въ ней дурную деревню, кляшторъ, не помню какого ордена католицкихъ монаховъ, каменную въ развалинахъ церковь, въ одномъ которыя углу отправ-

---

*) Это тотъ самый Яковъ Андреевичъ Масловъ, о которомъ пишетъ Болотовъ въ своихъ запискахъ т. I стр. 178 и друг. изд. «Русск. Стар.» 1870 г. Ред.

**) Ратманъ. Г. Д.

***) Онъ извѣстенъ по сочиненію возраженія на Леклерка. Онъ сочиненіе сіе — будучи въ Сѣвскѣ въ гостяхъ у шурина своего, воеводы Пустошкина,—сообщилъ моему архіерею, и я читалъ его еще въ рукописи. Архіерей сказалъ объ немъ свое мнѣніе: «что оно дышетъ патріотизьмомъ и историческою истиною». Г. Д.

ляется уніатское священнослуженіе. Она построена была извѣстнымъ гетманомъ Иваномъ Мазепою, такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли тамошніе жители. Ярмарка довольно была многолюдна; товаровъ было много и дешевы, въ сравненіи съ цѣнами россійскими.

Я въ первый еще разъ увидѣлъ тогда племя еврейское, и въ душѣ моей выработывалась его исторія съ какими-то особливыми чувствованіями. Я воображалъ, что исторія священная, церковная и гражданская насъ не обманываютъ, ибо я теперь вижу потомковъ тѣхъ людей, коихъ имена—хотя не всѣхъ—священны, однакожъ для всѣхъ на земномъ шарѣ, держащихся вѣры христіанской, достопамятны. Я представлялъ себѣ: Ѳару, Авраама, Исаака, Іакова, Ревекку, Рахиль; двѣнадцатерыхъ братьевъ, отъ которыхъ начались 12 колѣнъ; Моисея, Аарона, Іисуса Навина и Халева; веселую Маріанну, смѣлую Юдифъ, любезную Есѳирь и проч.... Самуила и другихъ пророковъ; Сампсона и другихъ судей; Саула, Давида, Соломона, Іеровоама и Ровоама; раздѣленіе народа на Іудеевъ и Самарянъ, одерживанныя ими въ теченіи многихъ лѣтъ побѣды надъ непріятелями; ихъ междоусобныя крамолы и неоднократное забираніе ихъ въ плѣнъ вавилонской, гдѣ пѣли они горькую свою пѣснь: «На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона, и проч. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей! Прильпни языкъ мой гортани моему! и проч. «Дщи Вавилоня окаянная! Блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень*)!»

Видно имъ тамъ не хорошо было! Я, руководствуясь исторіею, видѣлъ ихъ въ моемъ воображеніи возвращающихся изъ плѣна во свое отечество; потомъ порабощенныхъ игу римлянъ и въ напряженной злости, происходящей отъ ревности къ святому закону, неизбѣжной ни въ какой религіи, и вопіющихъ: «кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Не имамы царя, токмо кесаря», и наконецъ разсѣянныхъ за бунтъ наилучшимъ изъ римскихъ государей по всему земному шару.

Я, всматриваяся въ новыя ихъ для меня лица и одѣянія, желалъ по нимъ проникнуть въ глубину древности, дабы найти:

*) Послѣднія строки со слова «дщи»—въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.

не осталось-ли въ нихъ чего-нибудь такого, чѣмъ удовлетворяется любопытство и самое любомудріе; однакожъ ничего другого не достигъ, кромѣ того, что они примѣтно похожи на своихъ предковъ, которые обокрали у египтянъ сребро и золото, по согласію святаго пророка Моисея, который потомъ, ушедши съ ними и съ покражею изъ Египта, прошелъ чудеснымъ образомъ черезъ море, удостоился получить скрижали завѣта, и тогда же ихъ разбилъ, осердившись на народъ, такъ точно, какъ бы генералъ, осердившись на солдатъ, разодралъ данное ему именное царское повелѣніе.

Увы! народъ возлюбленный Вѣчному! — такъ вѣщала мнѣ задумчивость моя—ты почти непосредственно говаривалъ съ Богомъ, и безъ чудесъ ничего не начиналъ и не дѣлалъ. Наказаніе египтянамъ за утѣсненіе тебя, раздѣленіе моря для прохода твоего, столпъ огненной ночью и облачной днемъ, остановленіе солнца, паденіе стѣнъ Іерихонскихъ, манна съ неба, вода изъ камня, и проч... суть твоя слава и доказательство, что ты былъ народъ возлюбленный Богу; ты теперь, какъ говоритъ одинъ писатель, занимаешься на ярманкахъ «обрѣзываніемъ червонцевъ!» и потерявши собственную землю и «царствіе Божіе», обитаешь спокойно на иждивеніи языка, имѣющаго и то и другое.

Окруженъ мрачною неразрѣшимостью временъ, дѣяній, повѣствованій, накупилъ я суконъ, полусуконъ, полотенъ, батистовъ, платковъ, чулковъ и проч... и выѣхалъ обратно.

Въ Васильковѣ получилъ я отъ господина Болтина отвѣтное къ преосвященному письмо, и прозрачную, на подобіе янтарной, табакерку. Сей знаменитой авторъ и пошлино-собиратель, при всякомъ со мною разговорѣ, кормилъ своихъ журавлей. Счастливый даръ природы, который доказываетъ, что великіе люди могутъ въ одну пору заниматься многими дѣлами *).

Въ Кіевѣ митрополита нашелъ я страждущаго судорожными припадками, почему и на письмо архіерея моего отвѣчать онъ

*) Иванъ Никитичъ Болтинъ, впослѣдствіи генералъ-маіоръ, членъ военной коллегіи и россійской академіи, р. 1734 г. Директоромъ васильковской таможни назначенъ въ 1776 г. на каковомъ мѣстѣ пробылъ до 1780 г. Умеръ въ 1792 г. Замѣчательное сочиненіе его: «Примѣчанія на исторію Россію Леклерка»—изд. въ 1788 г. въ 2-хъ томахъ. Извѣстная полемика Болтина съ кн. Щербатовымъ принесла много пользы въ разработкѣ древняго періода отечественной исторіи. Ред.

былъ тогда не въ силахъ. Я повторя мое свиданіе со всѣми прежними кіевознакомцами и получа, въ знакъ благословенія, Кіевопечерскія лавры отъ отца архимандрита Зосимы Валькевича молитвенникъ и псалтирку, продолжалъ обратной путь.

Возвратившися въ Сѣвскъ, далъ отчетъ о моемъ путешествіи и водворился въ мою отшельническую келью, гдѣ въ теченіе времени часто посѣщала меня мать моя, останавливались пріѣзжавшіе къ архіерею гости, или по надобностямъ, духовныя и свѣтскія лица; забавлялись съ хозяиномъ гуслями; а скрипка была у меня въ запасѣ, для умѣющихъ. И келья моя и самый образъ жизни были между состояніемъ свѣтскимъ и монастырскимъ. За всѣмъ тѣмъ, я, противъ воли моей, всегда тревожился невѣдомо откуда происходившимъ вопросомъ: «что я теперь? и что буду впредь? и гдѣ мой хлѣбъ насущный?»

Сей непостижимый зародышъ вопроса мучилъ меня безпрестанно, и непримѣтно направилъ на стезю къ непостижимому Провидѣнію, управляющему судьбами человѣковъ. Я обратилъ къ нему мой безпрерывной вздохъ и чѣмъ меньше видѣлъ для себя человѣческой помочи, тѣмъ болѣ находилъ справедливымъ, что человѣкъ, рожденный отъ подобныхъ себѣ и ими оставленный, принадлежитъ къ герольдіи добраго и всеобщаго Отца дѣтей. Мой душевный вопль часто опирался на томъ священномъ и моему состоянію приличномъ словѣ: что, когда люди, будучи по природѣ злы, даютъ просящимъ дѣтямъ своимъ хлѣбъ, то неужели самая Благость откажетъ мнѣ тогда, когда мнѣ попеченіе ея нужно?

Пользуясь свободою времени, читалъ я разныя книги, которыми давно уже запасся. Я сердился на пространство древнегреческой и римской исторіи, но былъ доволенъ переводившимъ оныя господиномъ Тредьяковскимъ, который, на отечественномъ языкѣ, много просвѣтилъ своихъ единоземцовъ. Употребленныя изрѣдка въ переводѣ сего достопочтеннаго мужа славянскія слова, придаютъ много важности и силы историческому смыслу, несмотря на злословіе, истекающее отъ зависти тѣхъ славныхъ насѣкомыхъ, кои ни строкою полезною отечеству не услужили.

Квинтъ Курцій не меньше плѣнилъ меня какъ на девяти-

лѣтнемъ моемъ возрастѣ Бова-королевичъ *). Изъ россійскихъ творцовъ, ни которого я не читалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ Сумарокова. — Я столько къ нему привыкъ, что могъ различать его стихотворенія и узнавать ихъ безъ надписи**), хотя бы ихъ еще и не читывалъ. Въ нѣкоторыхъ романическихъ сочиненіяхъ мѣстà чувствительности, и пожертвованія, меня поражали. Но описанія обыкновеннаго волокитства приставали ко мнѣ, какъ горохъ къ стѣнѣ. «Чувства мои, говоритъ въ подобномъ случаѣ Фридрихъ Великій, не въ совершенствѣ къ тому сотворены».

Прочитавъ нѣкоторые переводы Лесажа, Волтера и Монтескю, мнѣ внушилось, что проповѣди епископовъ греческаго— Иліи Менятія, россійскаго—Гедеона Псковскаго, суть спасительныя нравоученія, произведенныя усиліемъ навыка, ограниченнаго властью закона. Но сочиненія первыхъ трехъ суть явленія, отверзающія умственной глазъ подобныхъ имъ человѣковъ, и оживотворяющія ощутительно душу мыслящаго существа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Познакомившись съ хронологіею, мнѣ очень полюбилась шутка одного иностраннаго писателя, который, въ переводѣ на россійскій, говоритъ: «не диковинка выставить предъ свѣтомъ великими дѣла Александра Македонскаго, если онъ имѣлъ при себѣ секретаремъ Квинта Курція». Г. Д.

**) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «между другихъ творцовъ». Ред.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II

КЪ

ГРАФУ СТАКЕЛЬБЕРГУ.

1773—1793.

XLI *).

Князь Александръ Алексѣевичъ**). Отправляемому нынѣ въ Стокгольмъ нашему тайному совѣтнику графу Стакельбергу повелѣваемъ на проѣздъ и на расходы его выдать четыре тысячи червонныхъ изъ казначейства, для остаточныхъ суммъ учрежденнаго. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 16, 1791 года.

XLII.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Такъ какъ, вслѣдствіе моего второго разговора съ вами, легко могло возникнуть какое-нибудь недоразумѣніе, то я очень рада высказать вамъ письменно свое мнѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ съ королемъ шведскимъ***), по поводу которыхъ вы будете съ нимъ объясняться. Прежде всего вы должны согласиться со мною, что намъ было бы хуже всего, еслибъ онъ пошелъ на насъ въ союзѣ съ другими врагами. Вамъ извѣстны

---

*) См. «Русскую Старину», т. III, стр. 310—325; 474—484. Ред.

**) Вяземскій, бывшій въ то время генераломъ-прокуроромъ.

***) Густавъ III — р. въ 1746 г., вступилъ на престолъ въ 1771 году и въ слѣдующемъ году усилилъ королевскую власть въ Швеціи, уничтоживъ значеніе дворянства и сената. Въ 1788 году онъ началъ войну съ Россіею, но шведскій флотъ былъ разбитъ при Гохландѣ. Данія заключила союзъ съ Россіею, но подъ вліяніемъ Англіи, Пруссіи и Голландіи принуждена была объявить себя нейтральной. Швеція одна вела войну съ Россіею и послѣ неудачнаго сраженія нашего флота съ шведскимъ, Екатерина II заключила въ 1790 году миръ съ Густавомъ IV и стала стараться о сближеніи съ нимъ въ виду совершившихся въ то время событій во Франціи. Вся переписка императрицы относится къ этому предмету. Ред.

условія, которыя онъ предлагалъ мнѣ, желая заключить союзъ, и безъ сомнѣнія мнѣ было бы гораздо пріятнѣе видѣть въ немъ союзника, нежели врага. Его условія невыгодны для Россіи особенно въ военное время, вотъ почему ихъ старались смягчить въ контръ-проектѣ. Если контръ-проектъ не понравится шведскому королю, тѣмъ болѣе что онъ (король) выставляетъ намъ на видъ всѣ выгоды, которыя вытекаютъ для него изъ союза съ королемъ прусскимъ, англійскимъ и турками, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ попытаться склонить его по крайней мѣрѣ къ нейтралитету, предлагая нѣкоторыя уступки съ нашей стороны, т.-е. тѣ, которыя содержатся въ нашемъ отвѣтномъ проектѣ, чтобы онъ не перешелъ на сторону нашихъ враговъ. Говорятъ, будто-бы англичане хотятъ, съ позволенія его величества шведскаго короля, занять Ловизскій портъ; это было бы въ высшей степени невыгодно для насъ,— портъ этотъ превратился бы въ очень короткое время въ складочное мѣсто контрабанды. Надѣюсь, что король шведскій не согласится на это. Такая легкая уступка своихъ портовъ другимъ народамъ не можетъ согласоваться съ его интересами; правда, въ Готенбургѣ онъ устроилъ нѣчто подобное для французовъ, но тамъ это не имѣло никакихъ послѣдствій. Если шведскій король, какъ прежде казалось, выскажетъ вамъ желаніе присоединиться къ намъ въ смыслѣ союза и приметъ обширный проектъ семейнаго договора (pacte de famille) во имя вѣчнаго нерасторжимаго мира трехъ сѣверныхъ державъ—Россіи, Швеціи и Даніи, то я съ радостью соглашусь на это и сдѣлаю, конечно, все, отъ меня зависящее, сообразно съ интересами моей земли;

XLII. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Stackelberg. Comme dans la Seconde conversation que J'ai eue avec Vous, il pourroit qu'il ce fut glissé quelque mes entendu entre Nous, je Suis bien aise de Vous dire par écrit ce que je pense sur les affaires presente avec le Roy de Suede et celle que Vous allés traiter avec Lui. D'abord Vous conviendrés avec moi que la plus penible Situation pour nous seroit celle ou il nous attaqueroit en commun avec d'autres ennemis. Vous avés vu les offres qu'il m'a fait de ce lier avec moi, et assurement j'aime infiniment mieux l'avoir pour Ami que pour ennemis. Ses offres a Lui ne laisseroit pas que d'etre onereuses a la Russie et surtout en tems de guerre, et voila pourquoi on a taché de les moderer dans le contre projet. Mais si se contre projet deplaisoit au Roy de Suede, d'autant plusqu'il ce vente des grandes offres que Lui font le Roy de Prusse celui d'Angleterre et les Turks. Alors il faudroit tacher au moins de le porter a la Neutralité en Lui offrant de notre coté quelque Surplus, cet a dire ce que contient notre contre projet, pour qu'il ne ce joigne point a Nos ennemis, l'on pretend que les Anglois demande a S. M. Suedoise le port de Louisa, ce projet nous seroit extremement nuisible, parce que cet endroit deviendroit un depot de contrebande dans peu d'année, j'espere que le Roy de Suede se refusera parce qu'il ne sauroit etre de Son propre interet de ceder ainsi Ses ports a

точное опредѣленіе границъ было бы прямымъ слѣдствіемъ подобнаго договора, и, можетъ быть, тотчасъ же обнаружило-бъ всю его пользу. Я это послѣднее предположеніе считаю почти невозможнымъ: Швеція и Данія безъ сомнѣнія выставятъ условія, которыя затянутъ дѣло. Впрочемъ, относительно всего сказаннаго мною необходимо сообразоваться съ обстоятельствами и выбрать лучшее; настоящее же положеніе дѣлъ требуетъ, во чтобы то ни стало, предупредить нападеніе государя, который уже доказалъ, какъ мало его связываютъ всякаго рода трактаты, на добросовѣстность котораго никто ужъ болѣе не разсчитываетъ. Но, съ другой стороны, шведскій король очень умный человѣкъ и далеко не равнодушенъ къ славѣ; я думаю, онъ не захочетъ пренебречь случаемъ добыть ее сообща съ нами въ дѣлѣ освобожденія Сѣвера отъ англо-прусской диктатуры и постановки надежнаго оплота противъ дерзкихъ ея притязаній. Его величество едва-ли предпочтетъ для своей державы подчиненное положеніе относительно этой диктатуры семейному договору и дружбѣ съ Россіей, которая современемъ можетъ поддержать наслѣднаго принца, его сына. Вотъ когда обнаружатся отеческія чувства шведскаго короля. Для большей ясности сказаннаго мною, я кончу тѣмъ, съ чего по настоящему слѣдовало-бы начать: ваши переговоры должны заключать въ себѣ три главныхъ пункта: во-первыхъ,—помѣшать королю присоединиться къ нашимъ врагамъ для общаго на насъ нападенія; во-вторыхъ, постараться склонить его къ нейтралитету въ томъ случаѣ, если бы, въ третьихъ, неудалось привлечь его къ семейному сѣверному союзу.

---

des Nations etrangeres, il est vrai qu'a Gothenbourg il a fait un etablissement dans ce genre la pour les François, mais qui n'a eue aucune Suite. Si Vous trouviés le Roy de Suede disposé come il l'a parut, a ce joindre a Nous dans le Sens de faire cause Commune avec Nous, et d'adopter le Grand Projet du Pacte de famille pour unir par un traité perpetuel d'amitié et de secour mutuel toutes les trois Puissance du Nord La Russie la Suede et le Danemarck, alors avec un tres grand empressement je donnerois bien aisement ma Sanction a un traité qui perpetueroit la Paix de Nos contrée, et dans ce cas je ferait assurement tout ce qui dependeroit de moi sans nuire toutefois aux interets majeurs de mon Empire pour façiliter une pareille union, et le reglement des frontieres pourroit aller de pair avec pareil traité et en prouveroit tout de suite peut etre l'utilité. Je regarde ce dernier projet comme difficile parce que la Suede et le Danemark feront naitre d'égale difficulté, qui pourront devenir de longue haleine. Enfin surtout ce que je viens de dire, il Sera bon de consulter ce qu'il y aura de plus aisé a faire Selon les circonstance; et assurement celle du moment exigent d'éloigner une nouvelle attaque d'un Prince qui aprouvé deja le peu de cas qu'il fait des Traités, et Sur la bonne foi duquel personne ne ce confie. Mais d'un autre coté comme le Roy de Suede a beaucoup d'esprit et qu'il est Sensible a la gloire je pense qu'il ne Sauroit etre indifferent a celle qu'en

Вотъ все, что я хотѣла вамъ сказать; затѣмъ молю Бога да благословитъ Онъ ваше дѣло. Екатерина.

Въ СПБ., сего 17 апрѣля.

XLIII*).

Графъ! Ваши два письма отъ $\frac{10}{21}$ мая и $\frac{15}{26}$ того же мѣсяца были мнѣ доставлены, одно за другимъ, въ свое время. Изъ перваго я съ удовольствіемъ узнала о вашемъ пріѣздѣ въ Стокгольмъ и о той поспѣшности, какую приложилъ король шведскій для вашего съ нимъ свиданія. Частые переговоры, которые были слѣдствіемъ этого до его отъѣзда, кажется не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ его намѣренія придать, по крайней мѣрѣ, видимую искренность обнаруженному имъ желанію — сблизиться со мною посредствомъ союза. Я не стану входить въ разсужденіе о томъ, произошло ли изъявленіе такой поспѣшности въ отношеніи къ вамъ изъ желанія увеличить предложенія со стороны дворовъ англійскаго и прусскаго, или же оно было внушено этимъ. Увѣреніе ваше, что король до сихъ поръ ни о чемъ еще не договорился съ этими дворами, меня успокоиваетъ въ настоящую минуту; отъѣздъ его въ Ахенъ и Спа служитъ указаніемъ въ пользу того мнѣнія, что нынѣшнимъ лѣтомъ е. в. не рѣшится ни на какое наступательное противъ меня предпріятіе, и что, сообразуясь съ положеніемъ дѣлъ въ королевствѣ, онъ не двинется

*) Переводъ этого письма принадлежитъ Жозефинѣ Константиновнѣ Піотровской. Ред.

---

commun nous reviendroit d'avoir délivrés le Nord de la Dictature Anglo Prussienne, d'avoir posé une Digue et une Digue Solide contre leurs tres insolentes pretentions, et que S. M. Suedoise ne Sauroit preferer d'etre le tres humble Serviteur de cette dictature, au Pacté de famille et a l'amitié de la Russie pour son Royaume et au Soutient qu'en peut esperer avec le temps le Prince Royal Son fils. S'est bien dans ce moment la qu'on reconnoitra les entrailles Paternelles du Roy. Pour la clarté de ce que je vient de dire je finirai par ou j'aurois pu commencer, c'est a dire que Votre Negoçiation contient trois point Principaux qui Sont: Primo d'empecher ce Prince de ce joindre a nos ennemis pour nous attaquer. Secondo, de tacher de le rendre Neutre, Si Tertio on ne pourroit le porter au Pacte de famille pour le Nord. N'ayant plus rien a Vous dire je prie le Ciel qu'il benisse Votre negociation. Catherine.

a St. ce 17 d'Avril.

XLIII. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Stakelberg. Vos deux lettres du $\frac{10}{21}$ May et celle du $\frac{15}{26}$ du meme mois, m'ont été remise consecutivement en leurs tems. Par la premiere j'ai aprêse avec satisfaction Votre arrivée a Stockholm et l'empressement que le Roy de Suede a mis a Votre entrevue avec Lui. Les frequentes conferences qui en ont été la suite jusqu'au moment de Son depart, paraissent ne laisser aucun doute sur Son

впередъ, чтобы доставить удовольствіе упомянутымъ дворамъ, которые бы очень желали снова побудить его къ этому, обѣщая ему помощь и поддержку. Поддаться опять на такую приманку будетъ не безопасно для шведскаго короля; небольшая помощь, которую онъ получилъ прежде,—когда считалъ себя участникомъ ихъ игры,—должна была заставить его испытать все неудовольствіе. Кромѣ того, вамъ должно быть не безъизвѣстно, что договариваясь съ королемъ шведскимъ, съ цѣлью напустить его на насъ, оба двора чрезвычайно затруднены тою ролью, какую они принялись играть въ отношеніи къ намъ. Результатомъ такихъ затрудненій не была посылка англійскаго флота въ Балтійское море, какъ объ этомъ, казалось, заявило извѣщеніе короля англійскаго, сдѣланное парламенту; но вслѣдствіе малой охоты, какую выразилъ англійскій народъ, начать съ нами несправедливую, безъ всякой положительной причины войну, — англійское министерство нашло удобнымъ съ чрезвычайною поспѣшностью отправить въ Петербургъ сэра Фокнера, секретаря при тайномъ совѣтѣ короля англійскаго, для того, чтобы обратить въ переговоры и миръ, и войну. Съ другой стороны высокіе союзники не во всемъ согласны между собой; они взваливаютъ одинъ на другого ошибки въ томъ, что произошло, сознавая какъ тѣ, такъ и другіе подъ рукой, что Очаковъ и его территорія до Днѣстра (которую никакая человѣческая сила не можетъ отнять у насъ, потому что я желаю только прочнаго мира и это, какъ вы знаете, ставлю очень умѣреннымъ условіемъ sine quâ non, возвращая всѣ другія мои завоеванія) не соста-

---

intention de donner au moins une aparence sincere au desir qu'Il, a marqué de ce lier avec moi par une Alliance. Je n'entrerai point dans la discussion si cette grande affiche d'empressement vis a vis de Vous, n'avoit pas pour motif, ou n'était pas dictée par l'envie qu'il pouvoit avoir de voir hausser les offres des Cours Alliés Anglo Prussiennes. L'assurance que Vous me donnés que ce Prince n'a encore rien conclu jusqu'içi avec les memes Cours me tranquilise pour le moment, le depart du Roy pour Aix la Chapele et Spa est encor demonstratif en faveur de l'opinion: que pour cette Etée S. M. Suedoise ne c'est pas decidé pour aucune entreprise offensive vis a vis de moi, et qu'a vue de Pays il ne ce mettra pas en avant selon le bon plaisir des susdites Cours, qui auroit bien voulu l'y porter de nouveau en Lui promettant de le seconder et de le soutenir, amorce a laquelle il ne seroit pas sans danger pour le Roy de Suedeque de ce preter dé rechef, le peu de secours qu'il en a obtenu si devant, lorsqu' Il croyoit jouer leurs jeu, a du Lui en faire éprouver tout le desagrement. Outre cela Vous ne devés pas ignorer que tout en negoçiant avec le Roy de Suede pour le lacher contre Nous, ces memes Cours ne laissent pas que d'etre tres embarrassées dans le role qu'Elles ce sont avancés de jouer a notre égard; de cet embarras est resulté l'envoy non de la Flote Angloise dans la Baltique, comme l'adresse du Roy d'Angleterre a son Parlement a paru l'annoncer, mais

вляютъ столь важнаго предмета ни для нихъ, ни для требуемаго равновѣсія въ Европѣ, чтобы одни истощали свою казну, на половину уже пустую вслѣдствіе преждевременныхъ вооруженій, а другіе съ радостью въ сердцѣ погрузили бы на дно свою торговлю для того, чтобы принудить меня къ уступкѣ. Я говорю вамъ объ этомъ для свѣдѣнія, дабы вы видѣли, что если я съ одной стороны желаю союза и дружбы короля шведскаго для того, чтобы упрочить Верельскій миръ и спокойствіе на сѣверѣ, то съ другой стороны положеніе дѣлъ не таково, чтобы мы спѣшили заключить теперь же миръ на столь тягостныхъ условіяхъ, для избѣжанія еще бо̀льшихъ неудобствъ; миръ же, заключенный по необходимости, будетъ впослѣдствіи непроченъ, и условія его будутъ не исполнены, или неисполнимы.

Что же касается рыцарства, то вы въ отношеніи его успѣли выше всякаго ожиданія. Я отозвала барона фонъ-деръ-Палена съ приказаніемъ, какъ вы мнѣ это предложили, чтобы онъ слѣдовалъ за шведскимъ королемъ на воды, потому что самъ король желаетъ этого, и потому что баронъ Армфельдтъ находитъ это необходимымъ. Въ тоже время я отправила барону фонъ-деръ-Палену письмо, въ которомъ говорится о контръ-революціи во Франціи, и которое баронъ фонъ-деръ-Паленъ прочтетъ королю шведскому, а этотъ послѣдній въ состояніи обсудить его лучше, нежели я. Но онъ найдетъ тамъ воспламеняющіе матеріалы по этому дѣлу, въ особенности, если оно уже пустило корни въ его головѣ, что̀, какъ кажется, доказываетъ ваше третье письмо отъ $\frac{20}{31}$ мая, которое мнѣ принесли, когда я писала на-

---

a la suite du peu d'envie que temoigne la Nation Angloise de commencer une guerre tout a fait injuste et sans motifs reel avec la Russie, le ministere Britanique a jugé a propos de depecher a Petersbourg en toute diligence le Sr. Fawkener, secretaire du Conseil privé du Roy d'Angleterre afin de tourner et la Paix et la guerre en Negoçiation. D'un autre coté les hauts Alliés ne sont pas tout a fait d'accord entre eux, et rejette la faute l'un sur l'autre de tout ce qui c'est passé, avouant sous mains tant les uns que les autres qu'Otzacof et son territoire jusqu'au Dnester (qu'aucune puissance humaine ne sauroit Nous oter, parce que je ne veut qu'une Paix stable, et dont j'ai fait comme Vous le saurés une condition si no qua no bien moderée rendant toutes mes autres Conquetes) n'est pas un objet tant considerable pour eux, et la pretendue balance de l'Europe, pour que les uns épuisassent leurs Tresors dejà a moitié widé par des armement precoçes, et les autres coulassent a fond de guayeté de Coeur leur Commerce, pour m'obliger de m'en departir. Je Vous dit ceci pour Votre information et afin que Vous voyés, que si d'un coté je souhaite l'amitié et l'Alliance du Roy de Suede pour consolider la Paix de Verela et la Tranquilité du Nord, d'un autre coté l'état des choses n'est pas tel, que nous eussions a Nous hater de faire aujourd'huy un Traité a des Conditions tellement onereuses pour éviter de plus grands inconvenients, et que fait par necessite il

стоящее мое письмо, и на которое я буду отвѣчать послѣ того, какъ исчерпаю до дна все, что имѣю сказать вамъ по поводу вашихъ двухъ первыхъ писемъ.

Анекдотъ, который вы мнѣ передаете объ отвѣтѣ короля шведскаго его прусскому брату и кузену, очень хорошъ и остроуменъ. Хотя оба государя близкіе родственники, но, по моему, они не симпатизируютъ другъ съ другомъ по уму. Засвидѣтельствуйте барону Армфельдту мою признательность за всѣ его добрые и честные поступки въ отношеніи къ намъ. Приходится имѣть дѣло съ такимъ свѣтскимъ человѣкомъ, который всю жизнь былъ чрезвычайно щекотливъ на счетъ признательности. Я охотно свела бы счеты съ этимъ истиннымъ и полезнымъ патріотомъ; научите меня, чѣмъ и какъ? Я, по истинѣ, ничего такъ не желаю, какъ сдѣлать изъ шведскаго короля такого друга и союзника, на котораго бы я могла разсчитывать

Перехожу теперь ко второму вашему письму отъ $\frac{15}{26}$ мая. Я съ удовольствіемъ вижу, что моя матерія, сдѣланная въ Москвѣ на турецкій манеръ, была получена еще во-время, прежде отъѣзда короля на воды, и что она была принята имъ, какъ знакъ моей дружбы, что и было на самомъ дѣлѣ.

Англо-пруссаки не должны ни на минуту задерживать нашъ союзъ, особенно въ такое время, когда шведскій король спрашиваетъ васъ о важныхъ проектахъ и о такомъ, который вы должны были представить ему, какъ дѣло и предположеніе, соединенныя съ болѣе вѣрною славою, нежели химерическія и дурно задуманныя системы

---

ne seroit consequenment que peu stable ou meme resteroit inexecuté ou inexecutable. Pour ce qui regarde le point de la Chevalerie, je vois que Vous y avés reussi au dela de toute esperance. J'ai envoyée au Baron van der Pahlen son rapel avec ordre comme Vous me l'avés proposé de suivre le Roy de Suedę aux Eaux puisque ce Prince le souhaite Lui meme et que le Baron d'Armfeldt le trouve necessaire. En meme tems j'ai envoyé au Baron van der Pahlen un écrit qui traite des affaires de la contre Revolution en France, et que le Baron van der Pahlen fera lire au Roy de Suede et dont celui-çi est mieux en état que moi d'en juger, mais il y trouvera des alimens inflamatoire sur cette matiere surtout si elle a deja poussé raçine dans sa tete comme paroit le prouver Votre troisieme lettre du $\frac{20}{31}$ May qu'on m'a aporté tandis que j'ecrivois celle ci et a laquelle je repondrai tout de suite quand j'aurai coulé a fond, ce que j'ai a Vous dire sur les deux premiere. L'anecdote que Vous me mandés sur la reponse faite par le Roy de Suede a Son Frere et Cousin de Prusse est bien bonne et spirituelle, les deux Princes quoique proches parents, selon moi ne sauroit sympatiser ensemble par l'esprit. Temoignés au Baron d'Armfeldt ma sensibilité pour tous ces bons et honnetes procedés a notre égard, il a a faire a la personne du monde qui s'est toute la vie le plus picqués de reconnoissance. Volontiers je m'acquiterés vis a vis de ce vray et utile patriote, mandé moi

высокихъ союзниковъ. Вы найдете ниже мои размышленія объ этомъ проектѣ и контръ-проектѣ короля шведскаго. Вы хорошо сдѣлали, что ослабили подозрѣніе е. в. противъ моего министерства; генералъ Стедингъ говорилъ уже мнѣ объ этомъ, и я была очень удивлена, услышавъ, что онъ называетъ имена принца Нассаусскаго *) и г. Маркова **), какъ главныхъ, по его выраженію, противниковъ моего желанія заключить союзъ съ Швеціей.

Я ему сперва сказала, что принцъ Нассаускій не принимаетъ иного участія въ дѣлахъ, кромѣ начальствованія надъ дивизіей гребной флотиліи, и что это хотя и даетъ ему доступъ въ адмиралтейцъ-коллегію, но что тамъ никогда не разсуждаютъ о политикѣ. Что же касается г. Маркова, то хотя онъ и состоитъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но, конечно, нелѣпо было бы предполагать, что онъ можетъ противиться дѣламъ, мною однажды рѣшеннымъ и оконченнымъ. Потомъ я отозвалась обо всемъ этомъ, какъ о такихъ сплетняхъ со стороны подчиненныхъ, которыя не стоятъ того, чтобы на нихъ обращалъ государь свое вниманіе, и я удивляюсь, что король говорилъ вамъ обо всемъ этомъ. Вообще кажется, что этотъ государь

*) См. примѣчаніе на стр. 482-й.

) Марковъ или правильнѣе Морковъ, Аркадій Ивановичъ, впослѣдствіи графъ (р. 1747 † 1824 г.), былъ при Екатеринѣ II посланникомъ въ Голландіи, потомъ временнымъ посломъ въ Парижѣ, гдѣ въ 1783 году содѣйствовалъ заключенію версальскаго мира. Въ то время, къ которому относится письмо императрицы, онъ былъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и пользовался большимъ вліяніемъ. **Ред.

---

avec quoi et comment. Je ne demande pas mieux en verité que de me faire du Roy de Suede un Ami et un Allié sur lequel je puisse compter. J'en vient presentement a Votre seconde lettre du $\frac{15}{26}$ May. C'est avec plaisir que j'ai vuë que mon étoffe a la façon Turque faite a Moscou est encore venue a tems avant le depart du Roy pour les eaux et qu'elle a été reçue par ce Prince comme une marque de mon amitié ce quelle étoit en effet. L'Anglo Prussiennes me ne devroit pas tenir un moment vis a vis de Notre Alliance, et surtout dans un tems, ou le Roy de Suede Vous demande des Projets de l'importance de celui que Vous avés été obligé de Lui presenter sur des affaires et des objets d'une Gloire bien plus sure, que les systemes Chimeriques et mal conçus des hauts Alliés. Vous trouverés si dessous mes reflexions sur ce projet et contre projet du Roy de Suede. Vous avés bien fait de diminuer les soupçons de S. M. Suedoise contre mon Ministere; le General Steding m'en avoit deja parlé, et j'ai été fort etonnée de lui entendre articuler les noms du Prince de Nassau et du Sr Marcof, comme principaux opposans, ce ce qu'il disoit, a ma bonne volontée pour la confection de mon Alliance avec la Suede. Je lui ai dit d'abord, que le Prince de Nassau, n'avoit d'autre part aux affaires que le Commandement de la division de la flotille a rames, qui lui donne entrée a la verité au College de l'Amirauté, mais que la on ne traitoit jamais de la Politique; pour le Sr: Marcof quoiqu'il

видитъ способность въ умѣніи возбуждать нѣкотораго-рода тревогу, которая столько же вредитъ его собственному спокойствію, сколько и спокойствію другихъ. Надобно желать, чтобы онъ имѣлъ болѣе постоянства въ своемъ умѣ. Если онъ еще способенъ къ тому, такъ это по дѣламъ французской контръ-революціи, которая можетъ ему это доставить. Если онъ можетъ согласить свою славу съ своими наклонностями и въ состояніи будетъ удовлетворить себя чѣмъ-либо, то онъ разовьетъ всѣ дарованія, какія далъ ему Господь, и изъ которыхъ каждаго у него не въ избыткѣ. Но такъ какъ мы наконецъ пришли къ тому убѣжденію, что мы—король шведскій и я,—имѣемъ довольно сходныя мысли на счетъ дѣлъ во Франціи, то хорошо было бы обсудить: первое, какое право имѣемъ мы оба вмѣшиваться въ эти дѣла? Отвѣтъ на это незатруднителенъ: такъ какъ Швеція гарантировала вестфальскій миръ *), и Россія сдѣлала тоже самое въ силу Тешенскаго договора **), то относительно такого права нѣтъ никакого сомнѣнія. Итакъ, имѣя право, мы посмотримъ, что нужно сдѣ-

*) Миръ этотъ, окончившій тридцатилѣтнюю войну, былъ заключенъ въ 1648-мъ году, въ городахъ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ. Постановленныя въ немъ условія считались до вѣнскихъ трактатовъ 1815-го года главнымъ основаніемъ всей европейской политики; поэтому Екатерина II и придаетъ такое важное значеніе вестфальскому миру. Ред.

**) Договоръ этотъ былъ заключенъ въ 1779-мъ году въ городѣ Тешенѣ (въ Силезіи) собственно между императрицею Маріею-Терезіею и прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, по случаю столкновенія за баварское наслѣдство. Рос-

se trouve au College des affaires étrangeres, assurement sans absurdité l'on ne sauroit suposer qu'il pourroit s'oposer aux affaires une fois resolues et deçidées par moi. J'ai traité alors tout cela de Comerage de subalterne qui ne meritoit pas un moment d'occuper l'attention d'un souverain, et je suis surprise que le Roy Vous en aye encore parlé, il paroit en general que ce Prince fait consister l'habileté en partie dans une sorte d'inquietude qui nuit a son repos tout autant qu'a celui des autres, il seroit a souhaiter qu'il y eut plus d'assiette dans son esprit; s'Il est encore susceptible d'en prendre, se seront les affaires de la contre revolution en France qui pourroit la Lui donner. Si sa gloire et son inclination pourront etre d'accord et auront de quoi ce satisfaire, et Il sera a meme de deployer tous les talens que Dieu Lui a donné, et n'en aura aucun de trop. Mais puisqu'enfin Nous sommes parvenus a la conviction que le Roy de Suede et moi, nous avons conçus des idées assés conformes sur les affaires de la France, il sera bon d'examiner Primo: la question, quels droits l'un ou l'autre Nous pourrions avoir pour Nous en meler? A ceçi la reponse n'est pas diffiçile: la Suede se trouvant garant de la Paix de Westphalie et la Russie ayant garantie aussi cette meme Päix dans le Traité de Techen, il ni a pas de doute sur ce droit. Or dont Nous trouvant en droit, voyons presentement ce qu'il y auroit a faire et de quoi convenir. Secondo: Le Roy de Suede et

лать, и о чемъ договориться. Второе: шведскій король и я согласны въ томъ, что вестфальскій миръ очевидно нарушенъ многими декретами, посягающими на этотъ миръ и провозглашенными національнымъ собраніемъ*). Имперскіе князья, которыхъ декреты эти касаются ближайшимъ образомъ, и у которыхъ они отнимаютъ обезпеченныя за ними владѣнія, соглашаются уже между собой, чтобы помочь этому, и какъ только они условятся на счетъ способовъ, то имъ и нужно будетъ обратиться къ поручителямъ. Это они сдѣлаютъ сами по себѣ, или же ихъ нужно будетъ побудить къ тому и договориться съ ними по этому предмету. Какъ кажется, изъ всѣхъ имперскихъ князей такимъ соглашеніемъ наиболѣе заинтересованъ курфюрстъ Майнцкій. По моему мнѣнію, его отвѣтъ французскому двору и на ноту г. Окелли, министра этой державы, не оставляетъ никакого сомнѣнія касательно его чувствъ. Съ другой стороны князь Туръ-Таксисъ, уполномоченный императора**), снова вручилъ Ратисбонскому***) сейму запросы, для представленія ихъ на разрѣшеніе государствъ, обсуждавшихъ это дѣло. Слѣдовательно, вѣнскій дворъ, или, точнѣе,

---

сія приступила къ этому договору въ качествѣ союзницы Австріи, и допустивъ тѣ территоріальныя перемѣны, какія произошли вслѣдствіе него, въ то же время признала statu quo, установленное вестфальскимъ миромъ. **Ред.**

*) Рѣчь идетъ о французскомъ національномъ собраніи.

**) Леопольдъ II, бывшій императоромъ съ 1790 по 1792 года.

***) Ратисбонъ (въ Баваріи), въ немъ въ теченіе времени отъ 1656 до 1806 года происходили засѣданія германскаго имперскаго сейма. **Ред.**

---

moi, nous sommes d'accord sur ce que la Paix de Westphalie se trouve lezées visiblement par nombre de decret attentoire a cette Paix, promulguées par l'assemblée Nationale; les Princes de l'Empire que Ses decrets regardent de plus près, et auquels ils otent des possessions garanties, ce concertent deja pour y porter remedes, des qu'ils seront convenus de Ses remedes, il leurs apartient de reclamer les garants. Ils feront d'eux meme cette reclamation, ou il faudra les y porter, et a cet effet s'entendre avec eux. Le plus porté pour ce concert des Princes de l'Empire, paroit etre l'Electeur de Mayence dans ce moment; selon mes avis Sa reponse a la Cour de France et a la Note du Sr: Okelly Ministre de cette Puissance, ne laisse aucun doute de Ses sentimens; d'un autre coté le Prince de la Tour et Taxis pleinipotentiaire de l'Empereur a remis a la Diete de Ratisbonne nouvellement des question pour etre porté a la resolution des Etats qui ont traits a la meme affaire, par consequent dont la Cour de Vienne ou plutot le Chef de l'Empire agit ou est obligé d'agir, selon sa qualité, si ce n'est d'apres sa volonté, laquelle pourroit etre retenue en premier lieu par la delicatesse de la situation du Roy et de la Reine de France, dans la crise presente des choses; et en second par la crainte de S'engager dans de nouveaux embarras avant que ceux dans lesquels la Cour de Vienne se trouve presentement ne soyent tout a fait terminés. La Russie est

глава имперіи дѣйствуетъ, или обязанъ дѣйствовать, сообразно съ своимъ званіемъ, если не по доброй волѣ, которая могла быть сдержана прежде всего щекотливостью положенія французскихъ короля и королевы при настоящемъ кризисѣ, и во-вторыхъ изъ боязни вдаться въ новыя затрудненія прежде, нежели уничтожатся тѣ, въ какихъ нынѣ находится вѣнскій дворъ.

Россія находится въ томъ же точно положеніи, какъ и римскій императоръ. Каковы бы ни были желанія ея, чтобы Франція заняла свое мѣсто въ системѣ европейскаго равновѣсія, намъ все-таки нужно кончить одну войну и еще предотвратить многія другія войны. Ни одна изъ державъ не заинтересована настолько продолженіемъ французской анархіи, какъ Англія, а, быть можетъ, и вся англо-прусская лига; нужно ожидать, что она употребитъ много различныхъ средствъ для того, чтобы разрушить спасительные виды на счетъ возстановленія порядка и тишины во Франціи — такого предположенія, которымъ равномѣрно заняты, и король шведскій, и я, и относительно котораго мы сдѣлали другъ другу взаимныя конфиденціальныя сообщенія. Но эти размышленія не воспрепятствуютъ мнѣ понять, поставить третій пунктъ и войти въ секретное соглашеніе съ королемъ шведскимъ относительно этого дѣла, не только для возстановленія Вестфальскаго трактата, — старѣйшимъ поручителемъ котораго состоитъ король, — но и для того, наконецъ, чтобы возвратить королю Франціи его законныя права и преимущества, смотря на это, какъ на дѣло государей, и предоставить французскому королю и его государству, то мѣ-

---

precisement dans le meme cas que l'Empereur des Romains, quelque interet qu'Elle aye a voir a reprendre la France Sa place dans la balance de l'Europe, nous avons une guerre a finir, et plusieurs autres a prevenir. Aucune Puissance n'a plus d'interet a voir durer l'anarchie Françoise que nommement l'Angleterre, et peut etre toute la Ligue Anglo Prussienne, et il faut s'attendre a Lui voir employer bien des moyens divers, pour contrecasser les vuës salutaires pour le retablissement de l'ordre et de la Tranquilité en France; projet dont le Roy de Suede et moi sont également occupé et nous nous en avons fait une confidence mutuelle. Mais les reflexions ne sauroit m'empecher de m'entendre moi, d'etablir Tertio: et de m'engager a un concert secret avec le Roy de Suede sur cette matiere non seulement pour le redressement du Traité de Westphalie dont le Roy est le plus ancien garant, mais encore a la fin de remettre le Roy de France dans ses justes droits et prerogative, regardant Sa cause comme celle des Roys et pour rendre au Roy de France et son Royaume la plaçe qui Lui est due dans la balance reelle et non chimerique de l'Europe. Quarto: je m'engage a sonder la Cour de Vienne et de communiquer au Roy de Suede les Notions les plus sures que je pourrés me procurer des resolutions et des moyens que l'Empereur de Romains voudroit employer pour le secour de S. M. Tres Chretienne tant en Sa qualité d'Empereur qu'en Sa qualité de Souverain des

сто, какое слѣдуетъ ему занимать для дѣйствительнаго, а не химерическаго равновѣсія въ Европѣ. Четвертое: я приняла на себя провѣдать объ этомъ у вѣнскаго двора и сообщить шведскому королю самыя достовѣрныя, — какія только я могу достать, — свѣдѣнія о рѣшеніи и о тѣхъ способахъ, какіе римскій императоръ пожелаетъ употребить для того, чтобы помочь его наихристіаннѣйшему величеству, какъ въ качествѣ императора, такъ и въ качествѣ владѣтеля наслѣдственныхъ государствъ австрійскаго дома, съ тѣмъ, чтобы, пятое, король шведскій далъ мнѣ обѣщаніе съ своей стороны, что онъ сообщитъ мнѣ тѣ свѣдѣнія, какія онъ можетъ пріобрѣсти касательно средствъ и намѣреній курфюрстовъ, князей и другихъ имперскихъ государствъ относительно французскихъ дѣлъ. Шестое: я готова войти въ соглашеніе на счетъ плана по водворенію во Франціи порядка, согласно съ принятыми нами основаніями. Седьмое: поручители договоровъ Вестфальскаго и Тешенскаго не должны дѣйствовать послѣ сдѣланнаго имъ объ этомъ предупрежденія иначе, какъ черезъ представителей. Восьмое: но въ случаѣ, если этотъ способъ будетъ недѣйствителенъ, то король шведскій обязуется лично привести въ исполненіе условленный планъ, и хотя онъ будетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать отъ своего имени, но будетъ совѣтоваться и обсуждать образъ дѣйствій со мною. Девятое: я не буду помогать въ этомъ предпріятіи королю шведскому прежде, чѣмъ заключу миръ съ турками. Послѣ этого я могу обезпечить полмилліона рублей, выплаченныхъ съ разу и приготовленныхъ въ Генуѣ или въ Ливорно, съ тѣмъ,

---

Etats hereditaires de la Maison d'Autriche, pourvu que: Quinto: le Roi de Suede me fasse la meme promesse de Son coté de me faire communiquer les Notions que le Roy pourra acquerir sur les moyens et intentions des Electeurs, Princes et autres Etats de l'Empire relativement aux affaires de la France. Sexto, je suis prete a m'entendre avec le Roy de Suede sur un plan de reintegrassion des affaires de la France selon les Principes convenu. Septimo: Les garants des Paix de Westphalie et de Techen ne devroit agir après somation a eux fait en premier lieu que par representation. Huitiememet mais en cas que les representation n'auroit effet: le Roy de Suede s'engageroit a executer et. conduire en personne l'execution d'un plan convenu, et il en portera Seul le nom, mais il consultera et traitera des operation avec moi. Neufiemement Je ne sauroit aider le Roy de Suede dans cette operation ou entreprise avant que ma Paix avec les Turks ne soye terminés, ensuite de quoi je pourroi etre caution pour un demi million de Roubles une fois payé et pret a Gene ou Livourne a condition que de cet argent seront entretenu et soldée selon notre calcul dix mille hommes de Troupes, qui ensuite devroit etre entretenu a la charge de la France des qu'elles y entreroit. Pour ce qui regarde le Port d'Ostende et autres des Pays bas, je pense qu'il est douteux de conter sur pareille Negociation, parce qu'il y a pour Ostende nomement des

чтобы на эти деньги, по нашему разсчету, производилось содержанье и жалованіе десяти тысячамъ войска, которое потомъ должно быть содержимо на счетъ Франціи, когда туда вступитъ.

Что же касается Остендскаго порта и другихъ портовъ Голландіи, то я думаю, что было бы сомнительно разсчитывать на подобные переговоры, потому что собственно на счетъ Остенде существуютъ трактаты между Англіей и австрійскимъ домомъ. Между тѣмъ я смотрю на Англію, какъ на державу, всего болѣе противящуюся возстановленію порядка и тишины во Франціи, такъ какъ никто столько не выигрываетъ, какъ Англія, отъ нынѣшней анархіи въ этомъ государствѣ. Англо-прусская лига крѣпко подозрѣвается въ соглашеніи съ клубомъ якобинцевъ, членамъ котораго м-ръ Питтъ не упускаетъ выдавать гинеи, когда это требуется, между тѣмъ, какъ еврей Ефаимъ*) играетъ около этихъ господъ роль чиновника короля прусскаго, во имя котораго онъ возбуждаетъ умы.

Я думаю еще, что всякое морское вооруженіе и переправа войска, съ цѣлью употребить его для контръ-революціи во Франціи, несомнѣнно привлечетъ вниманіе Англіи, и, быть можетъ, она сама вооружится, чтобы воспрепятствовать этому. Итакъ, десятое: нужно озаботиться на такой случай о безопасности Балтійскаго моря. Въ отношеніи Даніи я приму на себя не только побудить тамошній дворъ

*) По настоящему Ефраимъ, одинъ изъ богатѣйшихъ берлинскихъ банкировъ того времени, вліявшій своими оборотами на политику. Онъ былъ извѣстенъ Екатеринѣ II и по польскимъ дѣламъ. Ред.

Traités qui existent entre l'Angleterre et la maison d'Autriche; or je regarde l'Angleterre comme la Puissance la plus contraire au retablissement de l'ordre et de la Tranquilité en France, personne ne gagnant plus a l'anarchie presente de ce Royaume que l'Anglettere. La Ligue Anglo-Prussienne est fortement soupçoné de s'entendre avec le Cloub des Jacobins, aux individus duquel Mr: Pith ne laisse pas que de lacher des Guinées lorsque le cas l'exige tandis que le Juif Ephaim joue auprès de ses Messieur le rôle d'Employé du Roy de Prusse au nom du quel il fomente les esprits. Je pense encore que tout armement Maritime et transport de Troupes a employer pour une contre revolution en France attireroit infailliblement l'attention de l'Angleterre, et peut etre armeroit elle, meme pour l'empecher: Donc dixiemement faudroit il pourvoir a la sureté de la Baltique pour ce cas. Eu egard au Danemark, je m'engagerai non seulement a porter cette Cour a la Neutralité mais encore a l'empecher d'attaquer la Suede, et en cas d'attaque je ne ferai aucune difficulté de defendre meme la Suede de toute entreprise injuste et attaque offensive, ce qui d'ailleurs fera un point du traité d'Alliance. Onzieme: la convention sera tres secrete de meme que tous ces points. Douzieme: Toute cette convention n'auroit force ni rigueur avant la signature du Traité d'Alliance entre la Russie et la Suede. Le Treizieme point seroit celui du terme de la ratification. Je n'ai pas trouvé necessaire de

къ нейтралитету, но и воспрепятствовать его нападенію на Швецію, а въ случаѣ такого нападенія я не затруднюсь защитить Швецію отъ всякаго несправедливаго и наступательнаго предпріятія. Это составитъ, впрочемъ, одинъ изъ пунктовъ союзнаго договора. Одиннадцатое: договоръ долженъ быть весьма секретный, равно какъ и всѣ его условія. Двѣнадцатое: вся эта конвенція не будетъ имѣть ни силы, ни дѣйствія прежде подписанія союзнаго трактата между Россіей и Швеціей. Тринадцатымъ пунктомъ будетъ назначеніе срока ратификаціи. Я не считаю нужнымъ упоминать о 9-й статьѣ королевскаго проекта, потому что Франція,—если удастся возстановить ее,—сама займетъ соотвѣтствующее ей мѣсто. Я была бы очень довольна, еслибы вы черезъ барона Армфельдта могли получить нѣкоторыя, болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Испаніи и сардинскаго двора, потому что мои собственныя справки до сихъ поръ обнаружили весьма мало признаковъ по этому предмету, которыя, впрочемъ, заставляютъ предполагать только совершенно пассивную роль этихъ дворовъ.

Поговоривъ съ вами о дѣлахъ, занимающихъ въ настоящее время короля шведскаго, я хочу поговорить о нашихъ дѣлахъ съ этимъ государемъ. Во-первыхъ, я никогда не видѣла надобности измѣнять границу, такъ какъ со времени Абоскаго мира въ продолженіи 50-ти лѣтъ довольствовались тою, какая существовала. Но такъ какъ въ Верельскомъ, а также и въ Абоскомъ трактатахъ упоминается объ опредѣленіи границы, то и нужно обратиться къ этому. Когда вся Финляндія, въ 1743-мъ году, была въ рукахъ Россіи, то для того, чтобы возвести на шведскій престолъ отца нынѣ царствующаго короля, Рос-

---

faire mention du point neuvieme du projet du Roy, parce que la France si on reussira a la retablir prendra d'Elle meme la place qui Lui convient. Je serois bien aise si par le Baron d'Armfeldt Vous pouviés Vous procurer quelques Notions plus precises sur les intentions de l'Espagne et de la Cour de Sardaigne, car mes informations a moi jusqu' ici ne m'ont procuré que fort peu d'indiçe a se sujet, encore ne font elle pas presumer beaucoup autre chose qu'un role tout a fait passif de leurs part. Apres Vous avoir parlé des affaires qui ocupent l'esprit du Roy de Suede pour le present, je m'en vais Vous parler des Notres avec ce Prince. D'abord, je n'ai jamais bien vuë la necessité de changer de frontiere tandis que depuis la Paix d'Abo on s'est contenté depuis cinquante ans de celle qui existoit. Mais puisqu'il est parlé dans le Traité de Verela comme dans celui d'Abo de demarcation de limite, il faudra bien en venir la. Lorsque toute la Finlande Suedoise etoit entre les mains de la Russie l'année 1743, pour plaçer sur le Trone de Suede, le Pere du Roy Regnant la Russie rendit a la Suede la Finlande depuis Abo jusqu'au Fleuve Kimen, elle ne ce reserva au dela du lac Saima que Nislot et ce qui nous apartenu de ce coté la depuis a Paix d'Abo, et ce qui nous est resté et confirmé selon la teneur de la Paix

сія отдала Швеціи Финляндію отъ Або до р. Кюменя. Она сохранила для себя за озеромъ Сайма только Нейшлотъ и то, что принадлежало намъ въ этой сторонѣ со времени Абоскаго мира, и что осталось и было утверждено за нами по смыслу Верельскаго трактата. Кромѣ того, благодаря Бога, не уступивъ еще ни разу, по договору, ни одной пяди земли, я до сихъ поръ не знаю, какъ это дѣлается, но думаю, что оно не можетъ быть исполнено иначе, какъ при условіи справедливыхъ вознагражденій. Шведы должны предложить мнѣ такія вознагражденія, потому что касается меня, то, говоря по правдѣ, я охотнѣе сохранила бы то, что предшественники мои считали своею собственностью, и не вижу никакой необходимости отступаться отъ этого, а также и вновь пріобрѣтать что-либо. Если же шведскіе уполномоченные будутъ дѣлать вамъ новыя предложенія на счетъ Нейшлота, то вы отстраняйте ихъ, сколь возможно долѣе, не рискуя однако ни миромъ, ни союзомъ, который мы имѣемъ заключить съ шведскимъ королемъ. Но если миру и союзу будетъ угрожать неудача, а между тѣмъ, если миръ съ турками не будетъ заключенъ, тогда намъ нуженъ будетъ по крайней мѣрѣ, взамѣнъ срытаго Нейшлота, Пумула-Зундъ съ частію земли, прилегающей къ Кареліи, какъ вамъ объ этомъ предпишется подробно въ приказаніяхъ, которыя къ вамъ будутъ посланы согласно подписанному уже протоколу моего совѣта, который я имѣю теперь передъ собою. Что касается обмѣна Геекфорса, то я не могу слышать объ этомъ и признаюсь, что лучше предпочту дать деньги, нежели уступить хоть одну пядь земли; но пусть это останется между нами. Относительно этихъ денегъ вы будете слѣдовать предписаніямъ, которыя получите изъ коллегіи.

---

de Verela. Outre cela, n'ayant grace au Ciel jamais encore cedé un pouçe de terre par une convention, j'ai ignorée jusqu'ici comment cela ce fait, mais je pense que cela ne sauroit avoir autrement lieu, que par de justes compensations, ses compensations c'est au Suedois a me les offrir; car pour moi a dire la verité je garderé volontier ce que mes Predecesseurs ont jugés etre de leurs convenances, et je ne vois aucune necessité de m'en defaire, ni meme d'acquerir de ce coté la. Si dont les Plenipotentiaires Suedois, au sujet de Nislot Vous faisoit de Nouveau des propositions, Vous les ecarterés aussi longtems que possibles, sans cependant mettre en risque ni la Paix ni l'Alliance que Nous avons a conclure avec le Roy de Suede. Mais si la Paix et l'alliance courroit risque d'echouer tandis que Notre Guerre avec les Turks n'est pas terminés alors il Nous faudroit pas moins pour l'echange de Nislot Rasé que Poumula Sund avec la partie de Pays qui s'étend du coté de la Carelie, comme cela Vous sera prescrit fort au long, par des ordres a cet effet qui vont s'expedier d'apres le protocol de mon Conseil deja signé et que j'ai dans ce moment sous mes yeux. Pour de l'echange de Heckfors je n'en puis entendre parler et je Vous avoue que j'aimerai mieux encore donner de l'argent que de ceder un

Прощайте, будьте здоровы и старайтесь одолѣть ту скуку, какую вамъ причиняетъ Стокгольмъ. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, 27-го мая, 1791 г.

P. S. Я имѣю извѣстія о томъ, что ландграфъ Кассельскій не возобновитъ вовсе договора съ Англіей. Объ этомъ нужно было бы предувѣдомить короля шведскаго: его войска хороши и надежны и могли бы быть взяты на субсидію.

XLIV.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Вслѣдствіе моего письма отъ 27-го мая, въ которомъ вы въ точности должны были усмотрѣть мое мнѣніе о дѣлахъ вашихъ съ королемъ шведскимъ, я передамъ вамъ то, что дошло до меня въ эти дни касательно поведенія берлинскаго двора въ отношеніи дѣлъ Франціи; вы узнаете и тутъ то двоедушіе, которое проглядываетъ во всѣхъ дѣлахъ этого двора уже нѣсколько лѣтъ. Король прусскій обѣщаетъ золотыя горы германскимъ принцамъ, оскорбленнымъ въ своихъ правахъ національнымъ собраніемъ; онъ опорожнитъ свои карманы и заставитъ дѣйствовать войска въ ихъ пользу. Во Франціи же онъ распускаетъ, что императоръ—душа затѣваемой контръ-революціи и что слѣдовательно онъ тутъ ни причемъ; въ сущности же, не измѣняя заключенному имъ договору съ Англіей, онъ не можетъ дѣйствовать иначе, чѣмъ потребуютъ того интересы Великобританіи. Что же касается Испаніи, не думаю, чтобы она приняла какое бы то ни было участіе, не будучи вполнѣ увѣрена въ благопріятномъ исходѣ. Вслѣдъ за этимъ я вывѣдаю намѣренія вѣнскаго двора и извѣщу васъ о всемъ томъ, что я узнаю; надѣюсь

---

pouce de terre, mais que ceci reste entre nous, sur cet argent encore Vous suivrés les prescriptions que Vous recevrés du College. Adieu portés Vous bien et tachés de vaincre l'ennuy que Stokholm Vous donne. Catherine.

a Czarsko Selo ce 27 May 1791.

Postscript. J'ai des nouvelles qui disent que le Landgrave de Cassel ne renouvelle point son traité avec l'Angleterre, il faudroit en avertir le Roy de Suede, ses troupes sont bonnes et sure et pourroit etre prise a subside.

XLIV. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur Le Comte de Stakelberg. A la Suite de ma lettre du 27 de May dans laquelle Vous avés vu a fond ce que je pensoit sur les affaires que Vous traités avec le Roy de Suede, je Vous dirés, ce qui m'est revenu ses jours çi de la Conduite de la Cour de Berlin eu égard au affaires de la France, Vous y reconnoitré la dupliçité de la Conduite que cette Cour met dans tout ses procedés depuis plusieurs années. Aux Princes d'Allemagne lezées par l'assembléеs nationale dans leurs droits le Roy de Prusse fait promettre monts et merveille il va vuider ses poches et faire agir des Troupes en leurs faveur. Mais en France il divulgue que c'est l'Empereur qui est l'ame de la Contre revolution qui ce trame et que par con-

въ скоромъ времени получить извѣстія. Прощайте, будьте здоровы. Вы увидите изъ рескрипта, что я ничего болѣе не имѣю сказать. Екатерина.

Царское Село, 7 іюня 1791.

Передайте мой поклонъ барону Армфельту и сообщите ему содержаніе этого письма, чтобы онъ воспользовался имъ у своего государя *).

XLV.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Я только-что узнала изъ письма вашего отъ $\frac{5}{16}$ іюня, поданнаго мнѣ вчера, что баронъ**) Паленъ уже четыре дня какъ въ дорогѣ, желая нагнать шведскаго короля. Я знаю, что послѣдній переѣхалъ въ Ростокъ, гдѣ графъ Левенгауптъ,

*) Баронъ Густавъ-Маврикій Армфельтъ (р. 1757 г.), человѣкъ замѣчательный по своему уму и по предпріимчивому характеру, былъ другомъ короля шведскаго Густава III. Въ 1790 году онъ заключилъ съ Россіею миръ въ Верелѣ. Послѣ смерти Густава III, Армфельтъ, опасаясь регента, герцога Зюдерманландскаго, какъ личнаго своего врага, бѣжалъ въ Италію, а въ Швеціи былъ заочно приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства. По уничтоженіи регентства, Густавъ IV пригласилъ Армфельта въ Швецію и оказывалъ ему особенное довѣріе. При вступленіи на престолъ герцога Зюдерманландскаго (Карла XIII) баронъ Армфельтъ переселился въ Россію и въ 1811 году вступилъ въ русское подданство: при этомъ онъ былъ пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантомъ, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта. Въ 1812 году императоръ Александръ I возвелъ его въ графское достоинство. Онъ умеръ въ Царскомъ Селѣ въ 1814 году. Ред.

**) Баронъ Петръ Алексѣевичъ (Петръ Людвигъ), р. 1745 † 1824 году впослѣдствіи графъ, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ при императорѣ Павлѣ. Въ это время онъ былъ губернаторомъ прибалтійскаго края.

---

sequent il n'a garde d'y prendre part. Au fond sans manquer a Son Traité avec l'Angleterre il ne sauroit agir autrement dans cette affaire que l'interet de la Grande Bretagne ne le Lui prescrira. Pour ce qui regarde l'Espagne je ne croit pas qu'Elle entre en lisse sans etre bien sure de l'entreprise. Je suis apres a sonder les intentions de la Cour de Viene et je Vous ferés parvenir ce que j'en aprendrés, j'espere d'en peu d'en avoir des nouvelles. Adieu. Portés Vous bien, Vous verrés par le rescript que je n'ai rien a y ajouter. Catherine.

a Czarsko Selo ce 4 Iuin 1791.

Salués le Baron d'Armfeldt de ma part et comuniqués lui le contenu de cette lettre afin qu'il en fasse employ auprès de son Maitre.

XLV. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur Le Comte de Stackelberg. Par Votre lettre du $\frac{5}{16}$ de Juin qui ma été rendu hier, je vient d'aprendre que le Baron van der Pahlen étoit deja en chemin depuis quatre jours pour suivre a la Traçe les pas du Roy de Suede, je sais que celui çi est debarqué a Rostock ou le Cte: de Loevenhaupt, la presence duquel le Baron d'Armfeldt

присутствія котораго баронъ Армфельтъ казалось боялся изъ патріотическихъ видовъ, заболѣлъ и отсталъ; такимъ образомъ и съ этой стороны всякія попытки могли бы на время прекратиться. Впрочемъ, если вѣрить выраженіямъ письма короля къ названному барону Армфельту, копію съ котораго вы отъ него получили, то кажется, что король шведскій теперь именно чуть ли поддастся вліянію, которое могло бы отклонить его отъ его любимаго предмета *), однако надо посмотрѣть, каковъ будетъ тонъ его писемъ по разлукѣ съ герцогомъ брауншвейгскимъ **) и спасется ли онъ отъ остроумнаго, хотя лукаваго и обманчиваго, краснорѣчія этого кузена, который два раза сказался больнымъ перемежающеюся лихорадкой, чтобы прилично отдѣлаться отъ начальства надъ войскомъ противъ насъ въ Пруссіи; но я думаю, вполнѣ вѣрно то, что оба друга на самомъ дѣлѣ питаютъ къ политическимъ и военнымъ дѣйствіямъ третьяго не больше довѣрія и уваженія, чѣмъ мы сами ***).

Князь Потемкинъ вѣроятно хотѣлъ сдѣлать свое письмо черезъчуръ прекраснымъ и потому оно до сихъ поръ не написано; онъ изъ тѣхъ людей, которые не знаютъ ни часа, ни числа, ни года. Мнѣ досадно, что я не узнала этого вò-время, а то бы я сама написала письмо и послала бы ему его только для пòдписи. Вы, вѣроятно,

*) Дѣло идетъ о проектѣ Густава III, касательно возстановленія королевской власти во Франціи. Ред.

**) Герцогъ Фридрихъ-Карлъ Вильгельмъ (р. 1735 † 1806), состоялъ въ прусской службѣ и пріобрѣлъ громкую извѣстность въ семилѣтнюю войну. Онъ былъ врагомъ французской революціи и въ 1792 году командовалъ австропрусскими войсками, дѣйствовавшими противъ Франціи. Ред.

***) Намекъ на короля прусскаго Фридриха Вильгельма II. Ред.

---

paroissoit aprehender par des vuës patriotiques, est tombé malade et est resté en arriere ainsi de ce coté la les atteintes aussi pourroit etre ralentis pour quelques tems. Au reste a en croire les expressions de la lettre du Roy au susdit Baron d'Armfeldt et dont celui çi Vous a donné Copie, il paroit que le Roy de Suede devroit etre pour le moment peu susceptible a toute insinuation qui le detourneroit de son objet favori. Cependant il faudra voir quel sera le ton de ses lettres en quitant Bronswig et s'il échapera a l'Eloquence spirituelle, mais double et trompeuse de ce Cousin la, qui Lui meme s'est dit malade deux fois de la fievre quarte afin de ce defaire honnetement du Comandement qu'on Lui destinoit contre Nous en Prusse, ce qu'il y a de sure je pense s'est que les deux Cousins fonçierement ne sauroit avoir pas plus de confiance que d'estime pour les operations Politique et Militaire du troisieme l'un et l'autre que Nous en avons Nous meme. Je pense que le Prince Potemkin a voulu faire sa lettre trop belle et que s'est pour cela qu'elle n'est pas faite encore il est aussi de ses gens la: qui ne connoissent ni l'heure ni la date ni l'année, je suis fachée de n'avoir pas sut a tems cette circonstance j'aurois fait la lettre et la lui auroit envoyé a signer. Vous aurés vuë par ma grande lettre du 27 May

усмотрѣли изъ моего длиннаго письма отъ 27-го мая то, что я думаю о проектѣ, изложенномъ вами на бумагѣ, на что вы уполномочены не были. Оба письма, которыя вы сочли нужнымъ отправить королю шведскому, я нахожу очень дѣльными и такими, какими они должны были быть для поддержанія хорошихъ отношеній съ нами этого государя. Я вижу, что замѣтки, посланныя Палену, произвели свое дѣйствіе и на него; его письмо ко мнѣ преисполнено усердія; это очень хорошо. Я не сомнѣваюсь, что это усердіе сообщится и другимъ. Надѣюсь, что письма ваши къ королю шведскому отправлены съ курьеромъ во избѣжаніе того, чтобы великій проектъ не былъ разглашенъ прежде времени и въ особенности, чтобы онъ не попалъ въ злыя руки чиновниковъ толстаго и тяжеловѣснаго друга *). Фокенеръ**), прочтя отвѣтъ, данный обоимъ союзникамъ***), въ которомъ не прибавлено ни слова къ тому, о чемъ мы уже сто разъ говорили, счелъ нужнымъ найти его прекраснымъ и на другой день онъ просилъ вице-канцлера выхлопотать ему аудіенцію у меня, чтобы представить кредитивъ на званіе уполномоченнаго министра. Аудіенція эта будетъ въ воскресенье, послѣ чего мы еще увидимъ, чего онъ

*) На кого дѣлается тутъ намекъ—неизвѣстно, но можно полагать, что дѣло идетъ о прусскомъ королѣ, который, по мнѣнію Екатерины, поддерживалъ, изъ своихъ политическихъ разсчетовъ, анархію во Франціи и слѣдовательно былъ противникомъ того проекта, который противъ нее составляли Екатерина II и Густавъ III. Ред.

**) Дипломатическій агентъ великобританскаго кабинета, съ которымъ въ ту пору Екатерина II находилась въ холодныхъ отношеніяхъ по случаю вмѣшательства Англіи въ войну Швеціи съ Россіею. Ред.

***) Англіи и Пруссіи.

---

ce que je pense du projet que Vous avés mis par écrit sans y etre autorisé. Je trouve les deux lettres que Vous avés trouvés a propos d'écrire au Roy de Suede trés bien écrites et telles qu'il le falloit pour entretenir les bonnes dispositions de ce Prince. Je vois que le Cahier envoyé a van der Palen a fait son effet aussi sur Lui, et sa lettre a moi me paroit toute enflamée de zele, ceçi est fort bon, je ne doute pas qu'il n'en comunique des eteincelles aux autres. J'espere que Vos lettres au Roy de Suede sont partie par Courier, afin que le Grand Projet ne s'ébruite pas avant le tems et surtout qu'il ne tombe pas dans les mains perverse des employé du Gros et lourd Cousin. Fawkener ayant vu la reponse donné au deux Allié dans laquelle il ni a pas un mot de plus que ce que Nous avons dit cent fois, a jugé a propos de la trouver charmante et le lendemain il a demandé au Vice Chancelier de lui procurer une audience de moi pour s'accrediter comme Ministre Plenipotentiaire cette audience il l'aura Dimanche, après quoi nous verrons ce qu'il Nous voudra, mais on ne manquera pas de Lui demander par écrit tout ce qu'il dira car il est fort douteux qu'il soye autorisé a quoi qu'il soit qui ne soit Verbal. Si cette negoçiation dure jusqu'a la St: Pierre il y aura aparence que la flotet

отъ насъ хочетъ; но передъ тѣмъ не преминуть спросить у него письменное изложеніе всего того, о чемъ онъ намѣренъ говорить; крайне сомнительно, чтобы онъ былъ уполномоченъ на что-нибудь такое, чего нельзя было бы передать письменно. Если эти переговоры протянутся до Петрова дня, то очень вѣроятно, что англійскій флотъ появится въ Балтійскомъ морѣ не ранѣе осени и бурь; правда, бури этихъ странъ ничто въ сравненіи съ тѣми, съ которыми англичанамъ приходилось встрѣчаться въ моряхъ Америки и Индіи. Что же касается моихъ кораблей, то они все еще стоятъ на якорѣ на кронштадтскомъ рейдѣ. Я разрѣшила на этихъ дняхъ барону Стедингу *), но только ему одному, осмотрѣть наши вооруженія, такъ какъ я знаю, что онъ достоинъ этого довѣрія, что онъ благонамѣренный человѣкъ, любитъ своего государя и отечество, и наконецъ у меня нѣтъ никакой причины ему не довѣрять. Онъ можетъ писать докладную записку, и въ слѣдующее воскресенье я ему лично скажу: я боюсь только Бога, дорогой Абнеръ, и не знаю другой боязни. Я разрѣшаю всѣмъ вамъ не бояться за меня, потому что я всегда слыхала, что страхъ ни къ чему не ведетъ. Что же касается разъясненія, вами просимаго, насчетъ тѣхъ 500,000 рублей, которые шведскій король можетъ взять за моимъ поручительствомъ, то я думаю, что по справедливости это должно быть такимъ долгомъ или такой выдачей, которая когда-нибудь будетъ уплачена Франціей своими средствами, насчетъ чего, я полагаю, шведскій король условится съ ними. Прощайте; будьте здоровы. Екатерина.

сего 13 іюня, 1791.

*) Шведскій посолъ въ Петербургѣ.

Angloise ne viendra dans la Baltique qu'avec l'Autonne et les Tempetes, il est vray que les Tempetes de ses parages çi ne sont rien en comparaison de celles dont les anglois ont l'experience dans les Mers de l'Amerique et des Indes. Pour mes Vaisseaux ils sont toujour a la Rade de Kronstadt a s'ennuyer a l'anker, j'ai permis ses jours si au Baron Steding, mais a lui seul d'aller voir nos armement parce que je sait qu'il merite cette confiance, qu'il n'a pas l'esprit malfaisant et qu'il aime son Roy et sa patrie et que je n'ai aucune raison au monde de me defier de lui. Il pourra en faire son raport, et Dimanche que vient j'espere de lui dire en persone. Je craint Dieu cher Abner et n'ai point d'autre crainte. Je Vous dispense tout tant que Vous étes d'avoir peur pour moi, parceque j'ai toujour entendu dire que la peur n'étoit bonne a rien. Pour ce qui regarde l'eclaircissement que Vous me demandés sur les 500,000 roubles que le Roy de Suede peut prendre sur mon credit je pense qu'il est juste que ce soit une dette ou avance comptée pour etre remboursée un jour par la France et a ses depend, c'est sur quoi je pense que le Roy de Suede ne manquera pas de stipuler avec eux. Adieu porté Vous bien. Catherine.

ce 13 Juin 1791.

XLVI.

Господинъ тайный совѣтникъ, графъ Стакельбергъ. Я получила вашу депешу отъ $\frac{11}{22}$ октября съ извѣстіемъ о заключеніи союза съ шведскимъ королемъ, вслѣдствіе переговоровъ, которые были поручены вамъ. Я довольна вашими трудами и дѣйствіями по этому дѣлу. Вице-канцлеръ передастъ вамъ, что я утвердила этотъ трактатъ, несмотря на тѣ измѣненія, которыя вы сочли нужнымъ сдѣлать въ проектѣ, присланномъ вамъ отсюда.

Условія договора, рѣшенныя и подписанныя вами и уполномоченными Швеціи, такъ точны и опредѣленны, что не допускаютъ никакихъ перетолкованій или новыхъ требованій. Льщу себя надеждой, что и въ протоколахъ вашихъ переговоровъ вы позаботились выразиться настолько точно, что не представляется ни малѣйшей возможности потребовать отъ меня чего-либо сверхъ условленнаго.

Пишу сегодня письмо къ королю, прилагая его къ вашему, вы доставите его его величеству. Въ немъ главнымъ образомъ говорится о дѣлахъ Франціи. При передачѣ письма вы заявите королю о неизмѣнности моего расположенія помогать ему и дѣйствовать съ нимъ заодно во всемъ, что касается этихъ дѣлъ; кромѣ того выразите ему самымъ энергическимъ образомъ, какъ я довольна нашимъ новымъ союзомъ. Но если онъ при этомъ случаѣ вновь выскажетъ желаніе видѣться со мною нынѣшней зимой, постарайтесь отклонить его отъ этого, выставляя на видъ неудобства времени года; скажите, что я въ этомъ году разстроила свое здоровье, и что, наконецъ, нахожусь въ грустномъ расположеніи духа, вслѣдствіе смерти фельдмаршала

XLVI. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé, Comte de Stackelberg. J'ai reçu Votre dépêche du $\frac{11}{22}$ Octobre dernier par laquelle Vous m'annoncez la conclusion d'un Traité d'Alliance avec le Roi de Suède, dont la négociation a été confiée à Vos soins. Je Vous sais gré du zèle et de l'activité que Vous y avez portés. Le Vice-Chancelier Vous dira que j'ai ratifié ce Traité malgré les changemens que Vous avez jugé necéssaire de faire au projet, qui Vous en a été envoyé d'ici. Les stipulations arrêtées et signées entre Vous et les plénipotentiaires Suédois sont d'une nature à ne devoir laisser aucun lieu à des interprétations ou des demandes ultérieures quelconques. Aussi me flatte ce que dans les protocoles de Vos conférences Vous avez pris soin d'écarter de ces stipulations le moindre prétexte d'exiger de moi rien au delà de leur stricte observation. J'écris aujourd'hui au Roy et Vous lui remettrez ma lettre que Vous trouverez ci-jointe. Elle roule en grande partie sur les affaires de France. En la remettant, Vous assurerez le Prince de la constance de mes dispositions à l'assister et à me concerter avec lui dans tout ce qui aura rapport à ces affaires, et Vous y ajouterez les expressions les plus énergiques pour lui témoigner la satisfaction, que j'éprouve du nouveau lien, que je

князя Потемкина-Таврическаго, одного изъ полезнѣйшихъ и вѣрныхъ моихъ слугъ, вслѣдствіе смерти человѣка, отличавшагося особеннымъ усердіемъ и преданностью мнѣ. Однимъ словомъ, приложите всѣ старанія, чтобъ убѣдить короля отложить исполненіе своего намѣренія на болѣе удобное время, когда я буду имѣть возможность принять его со всѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ моего двора. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Екатерина.

С.-Петербургъ, 10 ноября 1791 годъ.

XLVII.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Баронъ Паленъ передалъ мнѣ письмо ваше отъ $\frac{18}{29}$ октября, которымъ вы извѣщаете меня о тайнѣ, повѣренной вамъ кавалеромъ Экартомъ касательно новаго проекта бѣгства французскаго короля; тайна эта читается во всѣхъ газетахъ; я уже и безъ того дала знать принцамъ, братьямъ короля, что тайны ихъ плохо хранятся, что всѣ ихъ предпріятія слишкомъ извѣстны всюду, и что это часто мѣшаетъ ихъ успѣху.—Вы хорошо-бы сдѣлали, еслибъ по дружбѣ внушительно поговорили объ этомъ съ кавалеромъ Экартомъ и намекнули ему, на это. Поздравляю васъ съ успѣхомъ въ вашихъ переговорахъ; я своею подписью вчера утвердила оборонительный трактатъ. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина.

Сего 11 ноября 1791 года.

---

viens de contracter avec lui. Mais si à cette occasion il renouvelle l'ouverture qu'il Vous a faite au sujet de Son désir de se ménager une entrevue avec moi pendant cet hiver, Vous tâcherez de le détourner de cette idée, en lui représentant l'inconvénient de la saison où nous sommes, et que cette année a influé sur ma santé, ainsi que celui qui résulte de l'état de tristesse, où je me trouve par la perte, que j'ai faite dans la personne du défunt Maréchal Prince Potemkine Tawrichesky, d'un de mes plus utiles et plus fidèles serviteurs, et d'un homme particulièrement distingué par son zèle et son attachement pour moi. Enfin Vous ne négligerez rien pour déterminer le Roi à remettre son projet jusqu'à un temps plus convenable, où je puisse me livrer entièremeut au plaisir de le voir et lui faire les honneurs de ma Cour. Sur ce je prie Dieu qu'Il Vous ayt, Monsieur le Conseill:r Privé Comte de Stackelberg, en Sa sainte et digne garde. Catherine.

St.-Pétersbourg ce 10 Novembre 1791.

XLVII. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur Le Comte de Stakelberg. Le G. M. Baron de Pahlen ma remis Votre lettre du $\frac{18}{29}$ d'Octobre par laquelle Vous me mandé le secret que le Chevalier d'Escart Vous a confié d'un nouveau projet de fuite du Roy de France; ce secret la est dans toute les Gazettes et outre cela j'ai deja fait avertir les Princes Freres du Roy que leurs secret sont tres mal gardée et que toutes leurs entreprises ont une publiçité qui pourroit souvent nuire au bien de leurs affaires. Vous ferés bien d'en parler amicalement au Chevalier Descart et de lui en toucher quelque chose. Je Vous feliçite de la

XLVIII.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Король шведскій освѣдомился у меня, допущу ли я новый французскій флагъ въ моихъ портахъ и не считаю ли нужнымъ воспротивиться этому? Я велѣла ему сказать, что такъ какъ французскій король самъ утвердилъ постановленіе объ измѣненіи флага націи, и каждый народъ имѣетъ право дѣлать у себя какія угодно перемѣны особенно въ отношеніи цвѣта, то я думаю, что мнѣ не подобаетъ вмѣшиваться, что къ тому же дѣло французскаго короля— дѣло всѣхъ королей и государей міра; это было сказано конфиденціально генералу Стедингу, такъ какъ король шведскій видимо хотѣлъ знать мое мнѣніе о французской революціи. Но при случаѣ, который не замедлитъ представиться, когда шведскій король будетъ говорить съ вами о французской революціи, вы повторите ему мои слова и скажете, что это дѣло всѣхъ государей послѣ водворенія мира достойно вниманія, что зная умъ и рыцарскій духъ короля шведскаго и его заботливый характеръ, я полагаю, что можно было-бы представить ему возстановленіе французской монархіи, какъ дѣло въ высшей степени славное и достойное его политическихъ и военныхъ соображеній, что я далеко не буду противиться успѣху этого предпріятія, но что, напротивъ того, была-бы не прочь способствовать ему.

---

reussite de Votre Negociation, j'ai signé hier la Ratification du Traité defensif. Adieu porté Vous bien. Catherine.

Ce 11 de Nov: 1791.

XLVIII. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Stakelberg. Le Roy de Suede m'ayant fait consulter si j'admettrai le nouveau Pavillon Français dans mes ports et si je ne jugeoit pas a propos de m'oposer à son admission? Je Lui ait fait repondre que puisque le Roy de France avoit sanctionné lui meme le decret du changement du Pavillion de la Nation, et que toute Nation pouvant faire telle changement ches Elle qu'il lui plaisoit surtout en fait de couleur, je pensoit qu'il n'étoit pas convenable de s'en meler, mais qu'assurement d'ailleurs la cause du Roy de France étoit la cause de tout les Roys et souverains de la Terre, ceçi fut dit tres confidentiellement au General Steding, parce que il étoit visible que le Roy de Suede souhaitoit de savoir ce que je pensois sur la revolution Françoise. Or si Vous en trouvée l'occasion qui assurement ne manquera pas et que le Roy de Suede Vous parlera de la Revolution Française, Vous Lui repeterai mes Paroles et Lui dirai que cette cause de tous les Rois est un objet qui merite assurement aprés la Paix retablie a etre prise en consideratiou, et connoissant l'esprit et la tournure chevaleresque du Roy de Suede et Son inclination inquiete je pense qu'on pourroit lui faire envisager le retablissement de la Monarchie Françoise comme un objet infiniment glorieux et digne de ses talens, Politiques et militaires, et a la reussite de laquelle entreprise assurement je serai bien loin de m'oposer, et qu'au contraire je pourrais etre tres disposée d'y contribuer.

Сообщ. гр. О. О. Стакельбергъ и гр. Ѳ. К. Чапскій.

УКАЗЫ и РАСПОРЯЖЕНІЯ,

состоявшіеся въ царствованіе Павла I *).

1796 г.

I. Приказаніе генералъ-прокурора князя Куракина исправляющему должность санктпетербургскаго губернскаго прокурора **).

По полученному изъ правительствующаго сената указу, съ объявленіемъ въ немъ именнаго его императорскаго величества повелѣнія, о пожалованіи статскому совѣтнику барону Николаю въ вѣчное и потомственное владѣніе 1500 душъ, въ Нарвскомъ уѣздѣ состоящихъ, исполненіе не чинить.

1797 г.

II. Именной указъ, данный сенату *).**

Предписать тому мѣсту, въ которомъ производится дѣло артиллеріи подполковника Николая Богданова, чтобъ онъ къ тому дѣлу потребованъ былъ не прежде, какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и когда явится,

---

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. томъ второй, стр. 515—522: «Указы и распоряженія императора Павла I-го», сообщенные А. Г. Пупаревымъ изъ царевококшайскаго архива.—Въ настоящій сборникъ, имъ же весьма обязательно доставленный, вошли указы и распоряженія того же царствованія, найденныя А. Г. Пупаревымъ въ разныхъ архивахъ. Само собою разумѣется, что мы печатаемъ только тѣ изъ указовъ и распоряженій, которые не вошли въ Полное Собраніе Законовъ, либо помѣщены въ немъ съ нѣкоторыми различіями. Ред.

**) Изъ указа с.-петербургскаго губернскаго правленія подчиненнымъ мѣстамъ, даннаго 31 декабря 1796 года. Неизвѣстно, было ли потомъ дано барону Николаи, въ замѣнъ пожалованнаго въ Нарвскомъ уѣздѣ, имѣніе въ другомъ мѣстѣ; но можемъ по документамъ удостовѣрить, что въ С.-Петербургской губерніи ему не назначалось. А. П.

***) Изъ циркулярнаго указа с.-петербургскаго губернскаго правленія 22 мая 1797 года. А. П.

то о приведеніи къ скорѣйшему окончанію, дабы онъ могъ отправиться къ своей командѣ.

III. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ въ письмѣ къ присутствующему въ Царскосельской дворцовой конторѣ Изъѣдникову, отъ 30 апрѣля 1797 года, № 4,313.

По случаю требованія в. пр. отъ графа Николая Петровича Румянцова разрѣшенія касательно управленія Царскосельскою волостью и его—ко мнѣ о семъ обстоятельствѣ, долгомъ поставляю увѣдомить васъ, что государь императоръ высочайше повелѣлъ: между крестьянами, къ дворцамъ приписанными, частные разборы производить конторамъ, къ управленію ихъ учрежденнымъ.

IV. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ въ письмахъ къ губернаторамъ *).

Въ отвращеніе зла, происходящаго отъ монополистовъ, перекупающихъ сѣно внутри и внѣ столичныхъ (и) другихъ городовъ, его императорское величество высочайше соизволяетъ: дабы начальники обратили все свое вниманіе ко обузданію такого рода людей наистрожайшими запрещеніями покупать имъ сѣно на самомъ корнѣ, внушая поселянамъ, дабы они избытки свои, по всегдашнему ихъ обыкновенію, сами въ городъ возили, или же продавали на мѣстахъ казеннымъ чиновникамъ, равно и частно людямъ на казенную и собственную необходимость, а не на продажу покупающимъ.

V. Именной указъ, данный сенату 28 іюля 1797 года.

Дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Тобольскаго губернатора Толстова, по прошенію его, повелѣваемъ отъ службы уволить; и хотя за долговременное служеніе и могъ онъ получать пенсіонъ, но за попущеніе усилиться между имъ и тамошнимъ комендантомъ, генералъ-майоромъ княземъ Мещерскимъ враждѣ, и самой службѣ вредъ нанести могущей, онаго ему не производить.

VI. Именной указъ, данный сенату 11 августа 1797 года.

Извѣстившись съ крайнимъ прискорбіемъ о кончинѣ начальницы общества благородныхъ дѣвицъ Делафонъ, которой заслуги тѣмъ болѣе для насъ памятны, что она была первою участницею при основаніи сего полезнаго заведенія и въ уваженіе представленія ея императорскаго величества нашей любезнѣйшей супруги, яко главноначальствующей надъ тѣмъ обществомъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ

---

*) Изъ циркулярнаго указа с.-петербургскаго губернскаго правленія 28 іюня 1797 года. А. П.

быть въ ономъ начальницею Пальменбахъ, присвоя ей по сему мѣсту титулъ „превосходительства“.

VII. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ сенату *).

Прилагая, „по высочайшему повелѣнію, къ нему обращенное прошеніе жены находящагося въ Землянскомъ уѣздномъ судѣ канцеляристомъ Яковлева, объ оставленіи его при нынѣшней должности, не отсылая въ военную службу“, генералъ-прокуроръ писалъ сенату: „что его императорскому величеству благоугодно, дабы какъ сей проситель, такъ и всѣ прочіе ему подобные священническія и церковнослужительскія дѣти, которыя до изданія указа о обращеніи въ военную службу, а паче до послѣдней ревизіи вступили въ статскую и во оной дѣйствительно находятся, оставлены были при нынѣшнихъ ихъ мѣстахъ“ **).

VIII. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ с.-петербургскому гражданскому губернатору *).**

Его императорское величество высочайше указать соизволилъ, дабы съ селеній вѣдомства Гатчинскаго и Павловскаго настоящій наборъ произведенъ былъ единственно начальствомъ сихъ мѣстъ, безъ участія со стороны чиновъ губернскихъ и собственно губернатора, и чтобъ собранные рекруты съ селеній сихъ были представляемы въ гвардію.

IX. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ въ письмѣ с.-петербургскому губернскому прокурору отъ 12 ноября 1797 года, № 13,126.

Его императорское величество, получивъ отъ губернскаго секретаря Секерина прошеніе съ жалобою, что онъ, бывъ опредѣленъ сенатомъ въ Великолуцкой нижній земскій судъ, командированъ противъ желанія его, Псковскимъ губернскимъ правленіемъ къ производству нѣкоторыхъ тяжебныхъ дѣлъ, въ тамошній городовый маги-

*) Когда дано предложеніе генералъ-прокурора и вслѣдствіе его указъ сената—не упомянуто въ циркулярномъ указѣ с.-петербургскаго губернскаго правленія отъ 12 октября 1797 года. А. П.

**) Считаемъ нужнымъ пояснить, что именнымъ указомъ, даннымъ сенату 22 декабря 1796 года (Полн. Соб. № 17,675), велѣно было дѣтьми духовенства наполнить мѣста штатныя священническія и церковно-служительскія, также учительскія въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ; «всѣхъ прочихъ, остающихся за тѣмъ излишними, обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались». Ред.

***) Изъ циркулярнаго указа с.-петербургской казенной палаты 23 октября 1797 года. А. П.

стратъ, высочайше повелѣть изволилъ: то прошеніе, яко не дѣльное, съ надраніемъ возвратить Секерину, а самаго его за прихотливое желаніе посадить на хлѣбъ и воду на недѣлю, о исполненіи чего сдѣлано уже отъ меня куда слѣдуетъ отношеніе; а дабы и по судебнымъ мѣстамъ Санктпетербургской губерніи, въ случаѣ прихотей отъ секретарей и канцелярскихъ служителей подобнымъ образомъ поступаемо было, я долгомъ моимъ поставляю рекомендовать вамъ о наблюденіи за онымъ *).

X. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ въ письмѣ къ с.-петербургскому гражданскому губернатору **).

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: наступающее возобновленіе дворянскихъ выборовъ произвесть въ Таврическомъ замкѣ, сократя при томъ прежніе обряды.

1798 г.

XI. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ губернаторамъ *).**

Дабы въ губерніяхъ чиновники, силою повелѣнія, въ 7 день декабря 1796 года даннаго и чрезъ правительствующій сенатъ объявленнаго, отставные безъ мундира, не дерзали нигдѣ и никогда носить онаго; и какъ скоро гдѣ-либо противно сему высочайшему повелѣнію поступлено будетъ, правительство имѣетъ, снявъ мундиръ съ виновнаго, арестовать его и доносить о немъ непосредственно его императорскому величеству.

XII. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ губернаторамъ **).**

Его императорскому величеству благоугодно, дабы всѣ началь-

*) Указъ этотъ приводимъ съ печатнаго экземпляра. Помѣщенный въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, на стр. 519-й, подобный-же со списка указъ, по сличеніи его съ найденнымъ нами нынѣ печатнымъ экземпляромъ того времени нѣсколько разнится: а именно дѣло идетъ о стряпчемъ Могилевскаго верхняго земскаго суда, Стахорскомъ, а не о Анахорскомъ, который и назначенъ въ Рогозевскій уѣздъ коммисаромъ. А. П.

**) Въ циркулярномъ указѣ с.-петербургскаго губернскаго правленія, разосланномъ 25 декабря 1797 года, не упоминается, когда послѣдовало это повелѣніе. А. П.

***) Въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія, разосланномъ 20 февраля 1798 года, не упоминается время, когда состоялось это повелѣніе. А. П.

****) Въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія, разосланномъ 28 февраля 1798 года, не упоминается, когда состоялось это повелѣніе. А. П.

ствующіе губерніями приняли въ особенное свое попеченіе доставлять установленный правительствомъ Воспитательному дому доходъ съ находящихся въ порученныхъ управленію ихъ губерніяхъ публичныхъ увеселеній и позорищъ, разумѣя подъ сими какъ навсегда существующіе, такъ и временно-общественные и въ частныхъ домахъ отправляемые театры, съ которыхъ поелику ни каковаго въ нихъ сбора быть не можетъ, то назначить взносъ нѣкоторой суммы съ каждаго представленія.

Вслѣдствіе этого генералъ-прокуроръ предлагаетъ: „собрать чрезъ кого слѣдуетъ въ непродолжительномъ времени вѣрныя свѣдѣнія: гдѣ именно и какія общественныя или домовыя публичныя увеселенія въ губерніи состоятъ и какой содержащіе театры или другія публичныя увеселенія дать могутъ съ каждаго представленія доходъ, также и поскольку они собираютъ за представленіе, и о всемъ томъ дать ему знать, для соображенія сходственно высокомонаршей воли (о) назначеніи извѣстнаго количества въ пользу Воспитательнаго дома суммы“.

XIII. Ордеръ казанскаго гражданскаго губернатора царевококшайскому городничему, 25 апрѣля 1798 года.

По дошедшему ко мнѣ прошенію отъ царевококшайскаго градскаго главы **Пчелина**, о позволеніи ему съ гражданами явиться у его императорскаго величества съ хлѣбомъ и солью во время когда государь императоръ прибыть соизволитъ въ Казань, вашему высокоблагородію предписываю объявить означенному градскому главѣ, что я имѣя предписаніе о запрещеніи всѣмъ чиновникамъ, городскимъ и сельскимъ жителямъ чинить его императорскому величеству встрѣчи и приготовленія, на то похожія, не могу надъ (?) сіе запрещеніе дать просимаго имъ позволенія.

XIV. Именной указъ, данный сенату 19 мая 1798 года.

Въ проѣздъ нашъ чрезъ Владимірскую губернію, съ удовольствіемъ видѣли мы, какъ въ самомъ губернскомъ городѣ Владимірѣ, такъ и во всѣхъ прочихъ селеніяхъ, по тракту нашему лежащихъ, порядокъ и благоустройство повсюду господствующіе. Относя оное къ попеченію и трудамъ начальствующаго въ сей губерніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника **Рунича** *), о нашемъ къ нему благоволеніи

---

*) П. С. **Руничъ**—авторъ замѣчательныхъ записокъ о Пугачевскомъ бунтѣ, помѣщенныхъ во II-мъ томѣ „Русской Старины“ изд. 1870 г. Руничъ назначенъ Владимірскимъ губернаторомъ въ январѣ 1797 года, съ производствомъ изъ бригадировъ въ дѣйств. ст. совѣтники. А. П.

извѣщаемъ сенатъ нашъ, повелѣвая дать знать о томъ всѣмъ губерніями управляющимъ.

XV. Секретный ордеръ казанскаго гражданскаго губернатора царевококшайскому городничему отъ 21 іюля 1798 года № 1954, послѣдовавшій по именному повелѣнію, вслѣдствіе предписанія генералъ-прокурора.

Предписываю вашему высокоблагородію сильнѣйше наблюдать дабы отнюдь не было никакихъ сочиненій, кои могли бы или нарушать общее благосостояніе, или же наносить и самый тому вредъ, стараясь, ежели бы гдѣ оказались оныя, тотчасъ изслѣдуя чрезъ кого они произошли, виновныхъ взять подъ караулъ и доносить мнѣ съ нарочными, а сочиненія таковыя и самыя отъ нихъ послѣдствія истреблять и недопускать распространиться имъ ни до какой степени, а на сей конецъ имѣете вы обращать вниманіе свое и на всѣхъ иностранцевъ, въѣзжающихъ въ имперію, дабы о состояніи своемъ имѣли они законныя удостовѣренія и не покушались бы разсѣвать какихъ-либо разглашеній или сочиненій своихъ.

XVI. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ гражданскимъ губернаторамъ *).

Чтобы въ отклоненіе затруднительныхъ средствъ при возвращеніи въ Россію для торгующихъ иностранцевъ, высочайшимъ его императорскаго величества, въ 28 день іюня даннымъ, указомъ предположенныхъ, намѣревающіеся по коммерческимъ дѣламъ отъѣхать въ чужіе краи и желая возвратиться сюда назадъ, прежде, нежели поступятъ на просьбы о снабженіи ихъ пропускомъ изъ Россіи **) представляли о намѣреніи своемъ къ начальнику губерніи, дабы сей относился къ генералъ-прокурору, для предварительнаго о таковыхъ донесенія его величеству.

XVII. Именныя повелѣнія, переданныя генералъ-прокуроромъ Лопухинымъ казанскому военному губернатору, въ копіяхъ съ предписаній на имя санктпетербургскаго оберъ-полиціймейстера Лисаневича, присланныя къ царевококшайскому городничему 20 ноября № 18,884.

Августа 20. Во исполненіе высочайшей его императорскаго величества воли, предписываю въ здѣшнемъ городѣ до кого принадлежать будетъ объявить, дабы будущаго сентября съ 1-го никто дрожками въ городѣ не ѣздили, а также не ѣздилибъ и цугами въ хомутахъ.

---

*) Когда состоялось высочайшее повелѣніе и отъ котораго числа послѣдовало предложеніе генералъ-прокурора — въ циркулярномъ указѣ губернскаго правленія, разосланномъ 21 августа 1798 года, не упоминается. А. П.

**) Вѣроятно пропущено: разрѣшенія, или другое однозначущее слово.

Октября 1. Его императорское величество, усмотря, что многіе въ здѣшнемъ городѣ разнаго званія люди, къ войскамъ не принадлежащіе, ходятъ въ шинеляхъ съ разноцвѣтными воротниками,— ваше превосходительство прикажите немедленно объявить о томъ здѣсь живущимъ съ подписками, и наблюдать дабы никто неслужащій въ войскѣ шинелей съ разноцвѣтными и отложистыми воротниками не носили, а имѣли бы таковыя съ умѣренными стоящими воротниками.

Октября 2. Его императорское величество высочайше дозволяетъ употреблять здѣсь въ городѣ для ѣзды желающимъ дрожки. Вслѣдствіе чего вашему превосходительству предлагаю: таковое государя императора соизволеніе обвѣстивъ въ городѣ обывателямъ и извощикамъ, имѣя же въ виду мое предписаніе отъ 28 числа сентября о постановленіи таксы извощиками, стараться о соглашеніи, дабы они имѣли на площадяхъ коляски и кареты, для желающихъ нанимать оныя.

XVIII. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ *).

Высочайше конфирмованнымъ въ 25 день минувшаго октября о Вспомогательномъ банкѣ докладомъ постановлено: дабы впредь оному банку какъ заводовъ, такъ и прочихъ имѣній по доходамъ, выключая губерніи Курляндскую, Лифляндскую и Естляндскую, въ залогъ свой не принимать, и какъ сія статья въ высочайше изданномъ въ тотъ же день манифестѣ не включена, то Государственный для дворянства банкъ отнесся къ нему, г. генералъ-прокурору, дабы по всѣмъ губерніямъ таковая высочайшая воля приведена была въ исполненіе и потому требовалъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, до кого сіе относится, предписанія, чтобы впредь никому на таковыя имѣнія и подъ заводы и фабрики свидѣтельствъ не выдавать.

1799 г.

XIX. Распоряженіе государя наслѣдника, объявленное казанскому гражданскому губернатору Казинскому **) генералъ-прокуроромъ въ предложеніи отъ 13 марта 1799 года.

По случаю требованія отъ генералъ-маіора барона Тизенгаузена

*) Въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія, 31 декабря 1798 г. время посылки предложенія генералъ-прокурора не обозначено.

А. П.

**) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Степановичъ Казинскій назначенъ казанскимъ губернаторомъ 14 декабря 1797 года изъ новороссійскихъ вице-губернаторовъ; прибылъ въ Казань 10 февраля 1798 года, уволенъ отъ службы 4 апрѣля 1799 года. А. П.

доставленія для гарнизоннаго имени его полка, расположеннаго нынѣ на непремѣнныхъ квартирахъ, соломы, государственной военной коллегіи вице-президентъ Ланбъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ государю наслѣднику, на что его императорское высочество указать изволилъ: чтобы снабдѣвать полки соломою для постели солдатамъ только во время ихъ похода, и то когда случатся трудно больные, дабы доставить имъ нѣкоторое спокойствіе, пока могутъ отданы быть въ полевые или гарнизонные госпитали, какіе по дорогѣ случатся.

XX. Рескриптъ изъ гор. Павловска, отъ 18 мая 1799 года*), на имя казанскаго гражданскаго губернатора Муханова).**

Г. дѣйствительный статскій совѣтникъ и казанскій гражданскій губернаторъ Мухановъ.

Въ сей день любезная наша невѣстка ея императорское высочество великая княгиня Елисавета Алексѣевна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ намъ внуки великой княжны, нареченной Маріею. О таковомъ благопріятномъ для насъ и дому нашему промыслѣ Всевышняго извѣщая васъ, повелѣваемъ объявить сіе всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, въ губерніи вамъ ввѣренной обитающимъ.

XXI. Именной указъ, объявленный с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ фонъ-деръ-Паленомъ въ сношеніи*) къ казанскому военному губернатору де-Лассію.**

Дабы никто изъ мущинъ въ мундирахъ и нѣмецкомъ платьѣ не имѣли тупеевъ, на лобъ отпущенныхъ.

XXII. Синодскій указъ отъ 20 мая 1799 года архіепископу казанскому и свіяжскому.

По полученіи указа о благополучномъ выздоровленіи отъ оспы ихъ императорскихъ высочествъ благовѣрнаго государя и великаго князя Николая Павловича и благовѣрной государыни и великой княжны

*) Въ Полномъ Собраніи Законовъ находится, подъ № 18,920, манифестъ по этому же предмету, но другой редакціи. А. П.

**) Александръ Ильичъ Мухановъ назначенъ казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ изъ новороссійскихъ вице-губернаторовъ 5 апрѣля 1799 года, съ производствомъ изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вмѣстѣ съ военнымъ губернаторомъ генералъ-майоромъ Павломъ Петровичемъ Пущинымъ 1-мъ отрѣшенъ отъ должности 17 октября 1801 г. А. П.

***) Когда состоялось это повелѣніе и отъ котораго числа послѣдовало сношеніе генералъ-прокурора, въ указѣ губернскаго правленія, отъ 7 мая 1799 года за № 6,623, къ царевококшайскому городничему не упомянуто. А. П.

Анны Павловны, отправить Господу Богу благодарственное молебствіе, съ цѣлодневнымъ звономъ въ городскихъ церквахъ.

XXIII. Сенатскій указъ отъ 16 іюня 1799 года, вслѣдствіе высочайше утвержденнаго, 6 іюня 1799 года, доклада сената:

По именному его императорскаго величества высочайшему указу, состоявшемуся на поднесенномъ отъ сената докладѣ, которымъ сенатъ, по разсмотрѣніи дѣла объ отданныхъ калужскою казенною палатою собою майору Невекину бывшихъ въ казенномъ вѣдомствѣ подъ названіемъ выморочныхъ крестьянъ княгини Дуловой въ селѣ Терюкинѣ 19 душахъ, и о выключкѣ усилившейся на нихъ оброчной недоимки изъ окладныхъ книгъ, найдя, по открывшимся въономъ обстоятельствахъ, тѣхъ крестьянъ не выморочными, но принадлежащими по послѣднему праву владѣльцу, не могъ однако самъ собою къ выключкѣ ихъ изъ казеннаго вѣдомства приступить, но всеподданнѣйше представилъ оное высокомонаршей волѣ, а до воспослѣдованія на сей высочайшаго указа предписалъ палатѣ оныхъ крестьянъ, яко исключенныхъ ею несоотвѣтственно съ силою именнаго высочайшаго 1781 года марта 24 дня указа, имѣть въ вѣдомствѣ казенномъ, а сверхъ того полагалъ поступокъ палаты, что она отнюдь не властна была исключать сама собою бывшаго въ казенномъ вѣдомствѣ имѣнія, опубликовать во всѣ мѣста; на которомъ докладѣ, въ 6 день сего іюня, послѣдовала высочайшая конфирмація такова: быть по сему. Правительствующій сенатъ приказали: во исполненіе сей высочайшей его императорскаго величества конфирмаціи о изъясненномъ казенной палаты поступкѣ опубликовать во всѣ мѣста указами, святѣйшему же правительствующему синоду и московскимъ сената департаментамъ сообщить вѣдѣніями.

XXIV. Высочайше утвержденный докладъ вице-президента государственной адмиралтействъ-коллегіи графа Кушелева*).

Его императорское величество, на подносимый отъ г. вице-президента графа Кушелева докладъ, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ какъ по Вятской, такъ и по прочимъ губерніямъ, гдѣ, по малоимѣнію помѣщичьихъ лѣсныхъ дачъ, продажа дровъ по городамъ, чрезъ непривозъ крестьянами, остановилась, не могли бѣднаго состоянія инвалиды, отставные солдаты, ремесленники и другаго рода люди въ продовольствіи дровами на отопку понести крайняго изну-

---

*) Прописанъ въ указѣ губернскаго правленія къ царевококшайскому городничему отъ 5 сентября 1799 г. № 13,691, безъ указанія времени, когда утвержденъ докладъ и отъ какого числа послѣдовало объ этомъ къ гражданскому губернатору сообщеніе лѣснаго департамента адмиралтействъ-коллегіи. А. П.

ренія, сдѣлать по лѣсному департаменту положеніе сколько бы для нихъ понадобилось въ годичное время дровъ, и истребовавъ нужныя къ оному свѣдѣнія отъ гражданскихъ губернаторовъ, и постановя оное на мѣрѣ представить на высочайшее утвержденіе; при томъ же заготовленіе дровамъ симъ чинить не иначе какъ изъ одного токмо валежника, имѣющаго въ казенныхъ лѣсахъ; а дабы при семъ не могло вкрасться какого либо злоупотребленія и чтобъ таковою монаршею милостью могли воспользоваться единственно только тѣ, кои совершенно неимущими окажутся по усмотрѣнію гражданскихъ начальствъ, для заготовленія по извѣстному количеству, дѣлать въ губернскихъ городахъ приказамъ, а по уѣзднымъ земскому суду, отъ коихъ и продажу чинить по тѣмъ цѣнамъ, по коимъ вывозкою обойдутся.

1800 г.

XXV. Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору генералъ-прокуроромъ *).

Чтобы начальники губерній доставляли къ его величеству двунедѣльные, отъ 1 и 15 чиселъ каждаго мѣсяца, рапорты о разныхъ случившихся въ губерніи происшествіяхъ, по приложенной при томъ формѣ, а о случаяхъ уваженья достойныхъ и смертоубивствахъ доносили особенно безъ всякаго отлагательства.

Форма. Пожары. Такого-то числа, въ такомъ (уѣздѣ) или городѣ, отъ такой причины сдѣлался пожаръ, сгорѣло то и то и т. д. по порядку одно мѣсто за другимъ.

Скотскіе падежи. Такого-то числа, въ такомъ уѣздѣ или городѣ, въ такой деревнѣ оказался между такимъ скотомъ падежъ, изъ здороваго такого числа пало столько и т. д.

Умершіе нечаянно. Число и мѣсто какъ и выше: найденъ мертвой такой человѣкъ, умеръ отъ удару, или отъ такой и такой причины и т. д.

О разныхъ случаяхъ, причинахъ и слѣдствіяхъ, какъ-то:

XXVI. Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору генералъ-прокуроромъ въ предписаніи, полученномъ 7 февраля 1800 г.

Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: сдѣлать повсемѣстное подтвержденіе о неупустительномъ наблюденіи

---

*) Прописанъ въ ордерѣ губернатора Муханова отъ 6 февраля 1800 г. № 343 царевококшайскому городничему—времени сообщенія не обозначено.

и взысканіи, дабы отставные безъ мундира отъ службы оныхъ нигдѣ носить не дерзали.

XXVII. Высочайше утвержденное опредѣленіе государственной военной коллегіи *).

Государственная военная коллегія, по представленной при рапортѣ отъ г. генерала отъ инфантеріи, его императорскаго величества генерала-аудитора, оной коллегіи члена князя Шаховскаго, ради надлежащаго исполненія, копіи съ высочайше конфирмованной выписки, поднесенное отъ него о преступленіи сужденнаго заочно въ генералъ-аудиторіатѣ солдата Софронова, въ которой значится: по всевысочайшему его императорскаго величества повелѣнію, его императорскимъ высочествомъ государемъ цесаревичемъ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ генералъ-аудитору словесно объявленному, сужденъ въ генералъ-аудиторіатѣ по заочности солдатъ Никифоръ Софроновъ въ ложномъ на управляющаго провіантскимъ департаментомъ генералъ-лейтенанта Обольянинова доносѣ, якобъ изъ санктпетербургскихъ магазейновъ провьянтъ и крупа, для войскъ отпускаемыя, ко употребленію въ пищу негодны, во исполненіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, особо назначенными чиновниками чинимо было въ магазейнахъ свидѣтельство, по коему какъ мука такъ и крупа оказались въ слѣдуемой добротѣ и каша, равномѣрно и печеной хлѣбъ отъ с.-петербургскаго военнаго губернатора генерала отъ кавалеріи графа фон-дер-Палена всеподданнѣйше подносимъ былъ на усмотрѣніе и признанъ непорченнымъ и ко употребленію годнымъ, а доносъ оказался ложнымъ, назвавшагося же солдатомъ Никифора Софронова, какъ упомянутый военный губернаторъ графъ фон-дер-Паленъ генералъ-аудитора увѣдомилъ, тамъ въ гарнизонѣ не оказалось, а ложной доносъ, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, на публичномъ мѣстѣ палачомъ сожженъ, генералъ-аудиторъ полагалъ: хотя оный, назвавшійся солдатомъ Софроновъ, за ложный и единою клеветою наполненный доносъ, по содержанію военнаго сухопутнаго устава 149 арт. и подлежалъ къ наказанію кнутомъ и къ отсылкѣ, съ постановленіемъ знаковъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей, въ каторжную работу, но поелику онъ не сысканъ, то объявить его за безчестнаго и о томъ повсемѣстно публиковать, впрочемъ всеподданнѣйше передавалъ во всевысочайшее его императорскаго величества благосоиз-

---

*) Прописано въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія 21 февраля 1800 г., безъ обозначенія времени, когда утверждено опредѣленіе и послано сообщеніе коллегіи. А. П.

воленіе. На той выпискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: „согласенъ“.

XXVIII. Именной объявленный казанскому гражданскому губернатору въ предложеніи генералъ-прокурора *).

Г. генералъ-прокуроръ, генералъ-провіантмейстеръ Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ въ присланномъ мнѣ предложеніи, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія предписываетъ о строгомъ и неупустительномъ наблюденіи дабы штатскіе чины, и приказные служители, и всѣ отставные отнюдь не носили жилетовъ, куртокъ, панталоновъ, толстыхъ галстуховъ и никакихъ фраковъ, и другихъ платьевъ кромѣ мундировъ по высочайше апробованнымъ образцамъ, гдѣ кто служитъ, а буде по мѣсту оныхъ не положено, то тѣхъ губерній мундиры, гдѣ пребываніе, или жительство и вотчины имѣютъ, а кафтаны нѣмецкіе не запрещаются. Сіе высочайше повелѣніе поставляя въ виду вашемъ господинъ городничій, рекомендую имѣть неупустительное вниманіе въ исполненіи онаго.

XXIX. Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору въ предложеніи генералъ-прокурора **).

Государь императоръ, усматривая съ негодованіемъ, по разнымъ доходящимъ случаямъ, крайній развратъ, безбоязненно, противъ всякаго благонравія и доброй вѣры производимой ростовщиками, подъ разными видами дающими займы деньгами и галантерейными вещами, картинами и другими товарами за непомѣрныя цѣны, со взятьемъ векселей, которые и безденежно впередъ берутъ, для сыску на нихъ въ займы денегъ, въ число коихъ давъ малѣйшую часть, въ полной суммѣ векселя у себя оставляютъ, каковыми коварствами приводятся слабоумные, а иногда и обстоятельствами стѣсненные люди въ запутанность и конечное разореніе, а правительства и мѣста во многія затрудненія,—высочайше указать соизволилъ, чтобъ таковые вредные ростовщики, сущіе чужаго хищники, строжайше преслѣдуемы и укрощаемы были и, по представленнымъ таковымъ ихъ искамъ и заведеннымъ дѣламъ, не только законнымъ пособіемъ и покровительствомъ не пользовались, но напротивъ подвергались неослабно сужденію и наказанію по законамъ.

---

*) Ордеръ губернатора Муханова отъ 19 марта 1800 г. № 846 царевококшайскому городничему, послѣдовавшій по этому случаю, приведенъ вполнѣ.
А. П.

**) Прописанъ въ указѣ губернскаго правленія отъ 5 мая 1800 г. № 7,037 царевококшайскому городничему, безъ указанія времени посылки предложенія.
А. П.

XXX. Именной указъ, объявленный казанскому губернатору генералъ-прокуроромъ въ предписаніи отъ 13 іюля 1800 года.

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: чтобы всѣ гражданскіе губернаторы, при донесеніяхъ ихъ о пожарахъ и несчастныхъ приключеніяхъ, доносили вмѣстѣ и о мѣрахъ, принятыхъ ими къ поправленію, какъ-то: о снабженіи крестьянъ погорѣвшихъ лѣсомъ, или введеніемъ землянаго битаго строенія; къ чему отъ правительства во многихъ губерніяхъ отправленіемъ мастеровъ и даны уже способы. Въ случаѣ же града и другихъ сего рода происшествій о доставленіи крестьянамъ вспоможенія на пропитаніе и засѣвъ изъ хлѣбныхъ магазейновъ, наблюдая, чтобъ во всѣхъ сихъ случаяхъ не только нужныя распоряженія были сдѣланы, но чтобъ они были приведены къ точному исполненію, подъ отвѣтомъ тѣхъ, коимъ сіе въ каждомъ уѣздѣ поручено будетъ.

XXXI. Именной указъ, данный сенату 4 декабря 1800 года.

Взятое въ казну имѣніе генерала отъ инфантеріи князя Зубова и генерала отъ кавалеріи графа Зубова всемилостивѣйше повелѣваемъ возвратить, по прежнему, въ ихъ владѣніе *).

XXXII. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ **).

Его императорское величество высочайше указать соизволилъ: отнестись ко всѣмъ военнымъ, а гдѣ есть и гражданскимъ губернаторамъ, чтобы мѣщанскія и цѣховыя собранія, прежде называемыя клубами, уничтожить во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существуютъ, и впредь нигдѣ таковыхъ не заводить.

Сообщ. **А. Г. Пупаревъ.**

*) Объ исполненіи сего разосланы были изъ сената указы во всѣ губернскія правленія 6-го декабря 1800 года. А. П.

**) Въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія, разосланномъ 29-го декабря 1800 года, не сказано когда послѣдовало повелѣніе и дано предложеніе. А. П.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

УКАЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

I.

О подаркѣ камеръ-юнкеру Возжинскому.

1743.

„Господинъ генералъ-лейтенантъ и казанской губернаторъ. Понеже посланному отъ насъ камеръ-юнкеру Возжинскому, для дальнаго разстоянія правинцій Казанской губерніи, ѣздить вовсе невозможно, ибо мы велѣли ему, немного мѣшкавъ въ Казани, возвратиться къ намъ; того для, до кого касается за такую радостную вѣдомость его дарить, тѣмъ, а особливо купечеству, какъ въ Казани, такъ и во всѣхъ городахъ Казанской губерніи, вы объявить имѣете, чтобъ собрали въ одно мѣсто чѣмъ его подарить и оное ему въ Казани отдать, и дабы то съ нашею честію и его чиномъ сходно было. Елисаветъ.

Въ 1-й день сентября 1743 года, въ С.-Петербургѣ».

Копія съ этого рескрипта была прислана отъ свіяжскаго провинціальнаго воеводы къ царевококшайскому воеводѣ, при слѣдующемъ письмѣ, отъ 20-го октября 1743 года:

„Благородный господинъ и царевококшайской воевода. Понеже сего октября 19-го дня, въ ордерѣ отъ его высокопревосходительства господина генерала-лейтенанта кавалера и Казанской губерніи губернатора Артемья Григорьевича Загряжскаго ко мнѣ написано, чтобъ, по силѣ ея императорскаго величества всемилостивѣйшаго указа, съ котораго, при особливомъ указѣ, сообщена копія о подаркѣ присланному въ Казань съ имяннымъ ея императорскаго величества указомъ, для объявленія о вѣчномъ мирѣ съ швецкою короною, ея императорскаго величества камеръ-юнкеру господину Возжинскому, и для того подарка собрать со всей правинціи по приложенному реестру

неотмѣнно; буде-же съ кого надлежитъ по разсужденію и сверхъ онаго собрать, то и лучше; и чтобъ оное къ прибытію его господина камеръ-юнкера собрано было неотложно. Того ради, по полученіи сего, соблаговолите, по приложенному при семъ, показанное число денегъ, такожъ и сверхъ того, съ кого надлежитъ, по разсужденію вашему, взявъ, соблаговолите прислать въ свіяжскую правинціальную канцелярію въ неукоснительномъ времени съ нарочно-посланнымъ свіяжскимъ солдатомъ Иваномъ Потемкинымъ, дабы оныя могли здѣсь получены быть до пріѣзду того господина камеръ-юнкера Возжинскаго, а по принятіи намъ отъ васъ тѣхъ денегъ въ губернскую канцелярію нарочно рапортовать, зачѣмъ присланъ изъ губернской канцеляріи нарочной розсыльщикъ Илья Голубковъ, для взятія тѣхъ рапортовъ, которой и нынѣ ожидаетъ тѣхъ присланныхъ отъ васъ денегъ въ Свіяжску. Вашего благородія слуга Семенъ Мякишевъ".

Примѣчаніе. Гельбихъ, въ «Russische Günstlinge, Tübingen, 1809», упоминаетъ, что Возжинскій былъ сначала придворный конюхъ и прозваніе получилъ отъ возжей, которыми обыкновенно правилъ при царской каретѣ. При Елисаветѣ онъ произведенъ былъ въ камергеры, жалованъ и получилъ значительныя помѣстья.

Если принять въ соображеніе тогдашнее пространство Казанской губерніи, съ ея провинціями, и что незначительный городокъ Царевококшайскъ долженъ былъ собрать въ подарокъ по крайней мѣрѣ сто тогдашнихъ рублей,— то получится весьма почтенная цыфра рублей для подарка, предназначеннаго Возжинскому.

Сообщ. **А. Г. Пупаревъ**.

II.

Указъ о высылкѣ ко двору котовъ.

1745 г.

Сего ноября 2-го дня, въ указѣ ея императорскаго величества изъ высочайшаго ея императорскаго величества кабинета въ казанскую губернскую канцелярію, писано: октября 13-го дня ея императорское величество указала: сыскавъ въ Казани здѣшнихъ породъ кладеныхъ самыхъ лучшихъ и большихъ тридцать котовъ, удобныхъ къ ловленію мышей, прислать въ С.-Петербургъ ко двору ея императорскаго величества съ такимъ человѣкомъ, который бы могъ за ними ходить и кормить, и отправить ихъ, давъ подъ нихъ подводы и на нихъ прогоны и на кормъ сколько надлежитъ немедленно. Того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію генерала-лейтенанта кавалера и Казанской губерніи губернатора Артемья Григорьевича Загряжскаго съ товарищемъ, велѣно объ ономъ въ Казани въ народъ публиковать, и публиковано, и выставлены листы. И ежели кто имѣетъ у себя таковыхъ кладеныхъ котовъ, оныхъ бы,

для скорѣйшаго отправленія, объявили въ губернскую канцелярію конечно отъ публикованія въ три дни, опасаясь за необъявленіе, кто оныхъ имѣетъ а не объявитъ, штрафа по указамъ; такожъ къ имѣющимся въ Казанскомъ уѣздѣ вальтмейстерамъ и въ ближніе къ Казанѣ провинціи и въ городъ Уржумъ о публикованіи и о сыску таковыхъ же котовъ въ самомъ скоромъ времени и о присылкѣ въ губернскую канцелярію послать указы.

Примѣчаніе. Выписано изъ указа свіяжской провинціальной канцеляріи въ царевокошкайскую воеводскую канцелярію, отъ 4-го ноября 1745-го года за № 4,050. Подъ Казанскимъ уѣздомъ нужно разумѣть тѣ мѣстности Казанской губерніи, которыя не входили въ составъ провинцій и находились въ непосредственномъ завѣдываніи губернатора. Находящійся нынѣ въ Вятской губерніи уѣздный городъ Уржумъ считался приписнымъ къ Казанскому уѣзду. Вальдмейстеры завѣдывали корабельными лѣсами.

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

„Подщипа", шуто-трагедія И. А. Крылова.

По поводу изданія этого остроумнаго произведенія нашего баснописца, мы получили изъ Олонецкой губерніи, отъ Александра Петровича Нордштеина письмо съ любопытными и довольно существенными варіантами къ шуткѣ Крылова. Съ удовольствіемъ приводимъ сообщеніе г. Нордштеина:

„Въ III-мъ томѣ „Русской Старины" 1871 г. стр. 161 — 200 напечатано шуточное сочиненіе Ивана Андреевича Крылова: „Подщипа".

„Я имѣю рукописный экземпляръ этого сочиненія, доставшійся мнѣ отъ родного дяди и писанный, можетъ быть, около 1810-го года, или непозже 1815-го, въ которомъ году я, будучи ребенкомъ, слышалъ чтеніе по этому экземпляру. Упоминаю объ этомъ въ доказательство, что у меня не поздній списокъ. По преданію, у меня сохранился въ памяти и способъ чтенія рѣчей и выговоровъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

„Считаю себя обязаннымъ сообщить разности моего экземпляра съ напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ":

1) Разностей очень много, но тѣ разности, которыя произошли отъ разности выговора Слюняя и Трумфа и другія неизмѣняющія нисколько смысла, — отмѣчать было бы слишкомъ затруднительно и даже безполезно. Я приведу здѣсь только существенныя разности.

2) Стран. 168. Вмѣсто словъ:

Подщипа.

Не сонъ-ли это все? — Не брежу-ль я?

Чернавка.

Ахъ, нѣтъ!

Но укрѣпись, княжна! Се твой женихъ грядетъ!

У меня въ спискѣ:

Чернавка.

А, вотъ и Трумфъ идетъ, любовникъ милый твой!
Смотри, какъ онъ трясетъ нѣмецкой головой!

Это явно не описка, а варіантъ сочинителя.

3) Стран. 169. Въ словахъ Подщипы, вмѣсто:

Противны слизни вамъ....

У меня въ спискѣ:

Противны сочни вамъ.....

Я считаю слово слизни чистой ошибкой, потому что не слыхалъ, чтобы въ старину кто-нибудь въ Россіи ѣлъ слизни; тогда какъ Подщипа, любя ватрушки, могла любить и сочни, особеннаго рода печенье, употребляемое еще и нынѣ во многихъ губерніяхъ.

4) Стран. 169. Вмѣсто словъ:

Кахта на цѣпки насъ Амуръ сафяшетъ фѣшна..

У меня въ спискѣ:

Когта на сфѣтѣ насъ лупофъ завѣшитъ вѣшна..

5) Стран. 171. Явленіе 4,—слова Слюняя:

Вмѣсто словъ:

Князня! усой, и онъ?...

У меня:

Князна! Усой-и онъ?...

То-есть, ушелъ-ли онъ? Я думаю, что у меня вѣрнѣе.

6) Стран. 171. Вмѣсто словъ:

Узъ тамъ за двейю я ёзомъ сзай себя

У меня въ спискѣ:

Ну, такъ за двейю-то, езóмъ и сзай себя...

Я полагаю, что у меня вѣрнѣе, потому что у меня вѣрнѣе удареніе въ словѣ езомъ (т.-е. ежомъ).

7) Стран. 171. Вмѣсто словъ Подщипы:

Ужели-бъ симъ мечемъ....

У меня въ спискѣ:

Ужели-бъ самъ мечемъ....

Очевидно самъ вѣрнѣе, чѣмъ симъ, такъ какъ на сценѣ не было (?) никакого меча.

8) Стран. 184. Вмѣсто словъ:

Гдѣ букля толще есть...

У меня въ спискѣ:

Гдѣ губки толще есть....

Я полагаю, что тутъ губки умѣстнѣе, и потому вѣрнѣе.

9) Стран. 185. Вмѣсто словъ:

Я, прафо, подшутилъ...

У меня въ спискѣ:

Я, прафта, безъ шутилъ...

Мнѣ кажется слово подшутилъ тутъ не имѣетъ смысла, и „безъ шутилъ" вѣрнѣе.

10) Стран. 185 и 186. Напечатанное не выписываю, но у меня такъ:

Слюнай.

Отецъ!

Труифъ.

Фай!

Слюнай.

Гьяфчикъ!

Труифъ.

Всторъ!

Слюнай.

Сокіовисце мое!

Сіятельный!

Труифъ.

Молшать!

Слюнай.

Свѣтьѣйшій!

Труифъ.

Ну!

Слюнай.

Мусье,

Помиюй!

Труифъ.

Нѣтъ, тебѣ тамъ добра передряка....

Я полагаю, что у меня вѣрно, потому что у меня вѣрны риѳма мое-мусье; вѣрно число слоговъ въ стихахъ; вѣрно слово всторъ или фсторъ (вздоръ), а не фетеръ; и слово передряка имѣетъ болѣе смысла.

11) Стран. 189. Въ словахъ Слюняя:

И гоёву съ меня, какъ кацейску схватитъ..

Надъ буквой и въ словѣ коцеиску, не нужно краткаго знака и тогда будетъ ясно: голову какъ кочерыжку.

12) Стран. 190. Вмѣсто словъ:

Чтобъ я избавила....

У меня въ спискѣ:

Чтобъ я оставила....

Второе по смыслу вѣрнѣе.

13) Стран. 191. У меня въ спискѣ: слова Слюняя:

Сто-съ дѣять! Со стьястей зивотъ весь пеемыіо....

Пеемыіо (перемыло) мнѣ кажется вѣрнѣе, чѣмъ покьивило (покривило).

14) Названіе пьесы у меня: Трумфъ, драма въ двухъ дѣйствіяхъ.

Сдѣлаю еще общее примѣчаніе. Переписываніе драмы очень трудно, потому что трудно не сдѣлать ошибки при переписываніи произношенія словъ Слюняя и Трумфа. Еслибъ кто захотѣлъ возстановить текстъ, то надо бы было отыскать особенности выговора этихъ двухъ лицъ и стараться держаться этихъ особенностей, такъ напримѣръ: князь Слюняй невыговариваетъ вовсе буквы *л*, замѣняя ее смягченіемъ, то-есть буквою *ь*, которую придется ставить даже и въ началѣ словъ; вмѣсто *ж* онъ выговариваетъ *з* и такъ далѣе. Такимъ образомъ рѣчи Слюняя можно возстановить. Но рѣчи Трумфа трудно написать правильно или, лучше сказать, сообразно съ его выговоромъ, потому что онъ, не зная языка, можетъ даже и въ неправильностяхъ своего произношенія быть въ одномъ мѣстѣ правильнымъ, а въ другомъ, на счетъ тѣхъ же буквъ, неправильнымъ. Косноязычность Слюняя можетъ быть выражена буквамч, но перевиранье буквъ, словъ и грамматики Трумфа нельзя подвесть подъ какія-нибудь условныя правила.

У меня въ моемъ спискѣ также были небольшіе пропуски противъ напечатаннаго „Русской Стариной"; но каждый пропускъ не болѣе какъ въ два стиха. Въ изд. „Русской Старины" противъ моего не было пропусковъ.

Разность въ названіи драмы Подщипа или Трумфъ не указываетъ-ли на два разные списка драмы самого сочнителя? Отсюда могутъ происходить и разности въ текстѣ, какъ, напримѣръ, выше, подъ № 2 и оказавшіеся у меня пропуски.

Сообщ. **А. П. Нордштейнъ.**

Поправки: Штофъ роспилъ вейновой . . . («Русск. Стар.», т. III, стр. 179, 8-я строка). Въ выноскѣ сказано: «Этого слова нѣтъ въ Акад. Слов.» но по свидѣтельству стариковъ еще въ 20-хъ годахъ употреблялось выраженіе вейновая въ значеніи пѣнника».

«По моему мнѣнію—пишетъ къ намъ г. Турбинъ—это не совсѣмъ вѣрно: вейновою называлась лучшая водка, приготовляемая изъ винограднаго спирта. Въ Варшавѣ и теперь еще самые высокіе сорта сладкихъ водокъ называются винными (vinny) на томъ же основаніи».

Во II-мъ томѣ «Русской Старины» 1870 г., стр. 637, въ замѣткѣ о С. И. Шешковскомъ, Радищева, сына знаменитаго автора: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».—мы забыли оговорить, что статья эта собственно принадлежитъ Гельбигу (Rüssische Günstlinge. Тюбингенъ, 1808 г., стр. 455), Радищеву же принадлежитъ переводъ ея изъ названной книги, составляющей библіографическую рѣдкость.

Въ III-мъ томѣ, на стр. 209, примѣч. 4-е, читай такъ: «Муравьева, жена Михаила Николаевича и мать декабристовъ Никиты и Александра». Ред.

Замѣтка о „Войнаровскомъ“, поэмѣ Рылѣева.

„Мнѣ было около двадцати лѣтъ, когда появилась въ первый разъ въ печати поэма К. Рылѣева: „Войнаровскій“. Напечатана она была съ пропусками, и по рукамъ ходили списки ея съ дополненіями пропущенныхъ мѣстъ. При хорошей памяти, я зналъ наизусть всю поэму отъ перваго стиха до послѣдняго и всѣ дополненія. Но прошли десятки лѣтъ, что я не вспоминалъ объ ней. Нынѣ, при чтеніи поэмы въ „Русской Старинѣ“, старая моя память подсказала мнѣ четыре стиха въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ изданіи „Русской Старины“, т. III, на 511-й страницѣ, стоятъ двѣ строки точекъ, послѣ стиховъ:

«Мнѣ надо жить; еще во мнѣ
«Горитъ любовь къ родной странѣ»...

А вотъ и тѣ четыре стиха:

«Еще, быть можетъ, другъ народа
«Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
«И, достояніе отцовъ,
«Воскреснетъ прежняя свобода».

Въ концѣ статьи, на 524-й стр., почтенная редакція говоритъ: „мы очень рады, что могли представить на страницахъ „Русской Старины“ возможно полный и исправный текстъ“ и т. д.

Но неужели во всѣхъ, имѣющихся у редакціи спискахъ, этихъ четырехъ стиховъ вовсе нѣтъ и они ей неизвѣстны?

Между тѣмъ, они такъ умѣстны, такъ вѣрно и хорошо дополняютъ мысль Войнаровскаго, что невозможно предположить, чтобъ они были придѣланы чужой рукою, и нельзя не приписать ихъ самому К. Рылѣеву.

Или, быть можетъ, не составляютъ-ли эти четыре стиха и до сихъ поръ запретный плодъ?

Какъ бы то ни было, но глядя на ихъ, единственно съ литературной стороны, я не могъ удержаться, чтобъ не сообщить ихъ „Русской Старинѣ“; сердце не камень.“....

Примѣчаніе. Настоящую замѣтку мы получили отъ неизвѣстнаго по городской почтѣ. Искренно благодаря нашего кореспондента, мы считаемъ долгомъ завѣрить его, что сообщенныхъ имъ стиховъ,—дѣйствительно нѣтъ въ

нашихъ спискахъ, — вездѣ они выпущены и замѣнены точками. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что эти строки, воскрешенныя памятью NN., несомнѣнно принадлежатъ Рылѣеву. Кстати сказать, Татьяна Петровна Пассекъ, вдова извѣстнаго писателя Вадима Пассека, говорила намъ, что у нея въ Москвѣ былъ печатный экземпляръ «Войнаровскаго» изд. 1825 г., испещренный поправками и дополненіями собственной руки Рылѣева. Этотъ интересный экземпляръ украденъ у нея однимъ изъ московскихъ букинистовъ въ 1840-хъ годахъ. Не вынырнетъ-ли онъ въ Москвѣ у кого-нибудь изъ библіомановъ?

Ред.

О подпискѣ на сооруженіе памятника А. С. Пушкину.

Мы получили отъ академика Я. К. Грота слѣдующее письмо:

„М. г., гг. издатели „Русской Старины". По порученію Высочайше учрежденнаго комитета для сооруженія памятника Пушкину *), имѣю честь обратиться къ Вамъ, милостивые государи, съ покорнѣйшею просьбою не отказать ему въ обязательномъ содѣйствіи вашемъ открытіемъ подписки и пріемомъ пожертвованій на этотъ предметъ при редакціи издаваемой вами, „Русской Старины", и о рѣшеніи, какое вамъ угодно будетъ принять, почтить меня увѣдомленіемъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ согласія Вашего, Комитетъ могъ немедленно публиковать о томъ въ общемъ своемъ извѣщеніи о мѣстахъ, гдѣ будетъ устроена подписка.

Примите увѣреніе и проч. Як. Гротъ."

Съ искреннимъ удовольствіемъ принимая это приглашеніе, — мы открываемъ страницы нашего изданія для пріема пожертвованій на сооруженіе памятника геніальному нашему поэту. Списокъ тѣхъ лицъ, которыя пришлютъ въ редакцію „Русской Старины" пожертвованія на памятникъ Пушкину,—будетъ напечатанъ въ нашемъ изданіи, а деньги сданы, по принадлежности, въ распорядительный комитетъ для сооруженія памятника.

Отъ редакціи „Русской Старины"—25 руб.

Отъ И. С.— 2 руб.;—Н. Г. Аврамовой — 3 руб.; А. Г. Пупарева— 2 руб.

Ред.

---

*) Составъ комитета: баронъ М. А. Корфъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, Ѳ. П. Корниловъ, Я. К. Гротъ, К. К. Гротъ, Н. А. Шторхъ и А. И. Колемнинъ.

О подпискѣ на памятникъ Пушкина *).

Въ 1860 году открыта была, съ Высочайшаго разрѣшенія, повсемѣстная въ Россіи подписка на сооруженіе памятника Пушкину. Она доставила сумму, хотя и довольную, значительную **), но недостаточную для сооруженія памятника въ тѣхъ размѣрахъ, какъ было бы желательно.

Между тѣмъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пожертвованія прекратились. Это произошло, конечно, не отъ охлажденія общества къ памяти самаго популярнаго изъ русскихъ поэтовъ, а скорѣе отъ недостатка своевременныхъ распоряженій для распространенія и поддержанія подписки.

Такъ какъ первоначальная мысль о памятникѣ возникла по поводу 50-ти-лѣтней годовщины основанія Царскосельскаго лицея, и подписка была вызвана преимущественно стараніями бывшихъ его воспитанниковъ, то на нихъ же лежитъ теперь нравственная обязанность возобновить ее, чтобы сдѣланныя пожертвованія могли быть употреблены по назначенію и задуманное дѣло не рушилось окончательно. Сознавая этотъ долгъ въ дѣлѣ общаго интереса, нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, уполномоченные на то своими товарищами, приняли на себя дальнѣйшее веденіе дѣла и, съ Высочайшаго дозволенія, образовали комитетъ при участіи нѣкоторыхъ товарищей Пушкина по первому выпуску изъ лицея *). Государю Императору благоугодно было разрѣшить, чтобы памятникъ поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде было назначено, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія Пушкина, гдѣ этотъ памятникъ получитъ вполнѣ національное значеніе и гдѣ, по выраженію самого поэта: „къ нему не заростетъ народная тропа“. Въ лицѣ Пушкина русскій писатель въ первый разъ будетъ почтенъ

---

*) Настоящую статью мы получили отъ Акад. Я. К. Грота при слѣдующихъ строкахъ: «Мм. гг. Вслѣдствіе обязательно изъявленнаго вами согласія открыть при редакціи «Русской Старины» подписку на памятникъ Пушкину, имѣю честь, по порученію учрежденнаго съ этою цѣлью комитета, обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою напечатать въ издаваемомъ вами журналѣ прилагаемую статью. Примите и проч. Як. Гротъ».

Мы получили также и книгу на записку пожертвованій на сооруженіе памятника Пушкину. Ред.

**) Всего было собрано 17,114 руб., которые, поступивъ на храненіе въ государственный банкъ, возросли съ накопившимися по сіе время процентами до 18,254 рублей.

***) Вотъ составъ комитета: Баронъ М. А. Корфъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, Ѳ. П. Корниловъ, Я. К. Гротъ, К. К. Гротъ, Н. А. Шторхъ и А. И. Колеминъ.

памятникомъ въ древней нашей столицѣ, которой, какъ любящій сынъ, пѣвецъ Онѣгина говорилъ:

«Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва! я думалъ о тебѣ.
Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!»

Что касается до выбора въ Москвѣ самаго мѣста, гдѣ поставить памятникъ, то, независимо отъ соображеній, въ какія войдетъ комитетъ, желательно, чтобы вопросъ о томъ подвергся гласному обсужденію въ нашей печати.

По Высочайшемъ утвержденіи избраннаго мѣста и приблизительномъ исчисленіи издержекъ сооруженія, будетъ немедленно объявленъ конкурсъ на составленіе проекта памятника.

Въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ, кажется, надобности придумывать доводы для привлеченія жертвователей. Значеніе Пушкина такъ сознается всѣми, права̀ его на памятникъ такъ несомнѣнны, что къ сказанному прибавлять нечего. Пусть только всякій, сочувствующій великому поэту, принесетъ свою посильную лепту: какъ бы ни была она ничтожна сама по себѣ, она получитъ свой вѣсъ въ итогѣ пожертвованій и средства для осуществленія достойнымъ образомъ общаго желанія могутъ быть собраны въ короткое время.

По приглашенію комитета, редакціи слѣдующихъ періодическихъ изданій обязательно изъявили готовность открыть при своихъ главныхъ конторахъ подписку на памятникъ Пушкина:

Въ С.-Петербургѣ: С.-Петербургскія Вѣдомости, Голосъ, Вѣстникъ Европы, Русская Старина.

Въ Москвѣ: Московскія Вѣдомости, Современныя Извѣстія, Русскій Архивъ (при Чертковской библіотекѣ), Русская Лѣтопись.

Пріемъ пожертвованій открываютъ у себя, сверхъ того, книжные магазины:

Въ С.-Петербургѣ: А. Ѳ. Базунова, И. И. Глазунова, Д. Е. Кожанчикова, и Я. А. Исакова.

Въ Москвѣ: А. И. Глазунова.

Если впослѣдствіи подписка устроится еще въ другихъ мѣстахъ, то о нихъ будетъ объявлено особо.

избранія потомъ въ академики по соображеніямъ, постороннимъ для науки; о затрудненіяхъ, встрѣчавшихся въ старину для представителей нѣкоторыхъ наукъ въ Академіи высказывать добытыя ими истины въ современномъ имъ обществѣ. Вслѣдъ за историческимъ очеркомъ въ книгѣ помѣщены біографіи и обозрѣнія ученой дѣятельности пятидесяти, первыхъ по времени, представителей нашей Академіи, вступившихъ въ нее въ 1725—1742 гг. Въ этой первой фалангѣ подвижниковъ науки, пересаженной съ иноземной почвы на русскую, только одинъ русскій — это Адодуровъ, Василій Евдокимовичъ, математикъ; прочіе всѣ — чужеземцы, преимущественно нѣмцы. Біографіи Мюллера, исторіографа, замѣчательнаго ученаго, оказавшаго русской исторіи громадныя заслуги—отведено въ книгѣ наиболѣе мѣста, именно болѣе ста страницъ. — Производство справокъ весьма облегчено превосходнымъ алфавитнымъ указателемъ: одинъ онъ занимаетъ почти пятьдесятъ страницъ.

Трудъ г. Пекарскаго высоко-замѣчателенъ по той массѣ свѣдѣній, которыя онъ представляетъ—въ рамкѣ исторіи нашего ученаго учрежденія, — вообще для исторіи наукъ и просвѣщенія въ первую половину прошлаго столѣтія; если почтенный академикъ доведетъ свое сочиненіе до конца, то «Исторія Академіи» займетъ мѣсто въ числѣ главнѣйшихъ произведеній русской исторической литературы, которыми отмѣчена переживаемая нами эпоха—царствованіе Александра II. Во всякомъ случаѣ, уже вышедшій томъ на многіе десятки лѣтъ пребудетъ однимъ изъ капитальныхъ источниковъ для составителей отдѣльныхъ сочиненій, а также статей относительно русской исторіи первой половины прошлаго столѣтія. — Съ нетерпѣніемъ ждемъ втораго тома: въ немъ явиться Ломоносовъ. С.

Гайдамачина, историческая монографія Д. Мордовцева, Спб. 1870 г. въ 8 д., стр. 484.

Изслѣдованіе г. Мордовцева о гайдамачинѣ довольно одностороннее и написано преимущественно на основаніи польскихъ источниковъ. Его воззрѣнія ограничиваются сравненіемъ гайдамачины и уманьской рѣзни съ пугачевщиной и понизовой вольницею. Объясненія и желаніе доказать, что крестьянину въ XVIII вѣкѣ въ Малой Россіи, въ гетманьщинѣ, житье было хуже несравненно, чѣмъ въ польской украйнѣ, не принадлежащей еще Россіи, не приводятъ къ тому убѣжденію, къ которому авторъ стремится въ своемъ изслѣдованіи. Переходы крестьянъ на предковскія мѣста, находившіяся въ чертѣ польскихъ владѣній не составляютъ еще доказательства, будто въ XVIII в. у польскихъ помѣщиковъ малоросу крестьянину жилось вообще лучше, чѣмъ въ гетманщинѣ. Не смотря на эти недостатки, монографія Мордовцева имѣетъ интересъ и читается легко. Разсказы о вождяхъ — гайдамакахъ, предшествовавшихъ Гонтѣ и Желѣзняку основаны имъ на народныхъ пѣсняхъ, и на запискахъ очевидца поляка Закревскаго; эти мемуары были впервые напечатаны въ запискахъ о Южной Руси П. А. Кулиша.

М—чъ.

Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 г. Соч. А. Н. Попова. Спб. 1871 г. въ 8 д., стр. 273.

Книга эта составляетъ оттискъ статей, помѣщенныхъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; въ ней, по документамъ либо мало извѣстнымъ, либо совершенно недоступныхъ публикѣ, трактуется объ одной изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ эпохъ въ исторіи отношеній русскаго правительства къ главѣ католической церкви; здѣсь мы находимъ: описаніе прибыванія императора Николая Павловича въ Римѣ въ 1845 г., переговоры его съ Григоріемъ XVI, изложеніе записки представленной ему папою и отвѣта на нее императора; описаніе переговоровъ съ Римомъ гр. Нессельрода,— чрезвычайнаго посольства гр. Блудова, заключеніе пресловутаго конкордата и проч. Новый трудъ нашего уважаемаго ученаго, уже по самому обилію заключающихся въ немъ новыхъ данныхъ, независимо отъ его политическаго значенія, — составляетъ цѣнное пріобрѣтеніе въ литературѣ изслѣдованій новѣйшей отечественной исторіи.

Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія съ 1656 по 1856 г. Состав. Ѳ. Ѳ. Веселаго. Спб. въ листъ, стр. 48.

Это изящное, даже роскошное изданіе интересно и полезно не для однихъ моряковъ, а и вообще для любителей отечественной исторіи. Атласъ русской морской исторіи, составленный Ѳ. Ѳ. Веселаго, заключаетъ въ себѣ одинадцать картъ; на нихъ условными знаками обозначены: мѣста сраженій, годъ, мѣсяцъ и день сраженія, число русскихъ и непріятельскихъ судовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ; число судовъ, потерянныхъ въ битвѣ каждымъ изъ противниковъ и участье въ сраженіи береговыхъ укрѣпленій и сухопутныхъ войскъ или дессанта. — Система знаковъ весьма проста, карты даютъ полное понятіе о всемъ ходѣ сраженія, объясненія кратки и отчетливы.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ и Москвѣ**, — **семь рублей** за весь годъ, т.-е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Өедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и въ д. Трута.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ С.-Петербургъ, **Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.**

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, кн. Щербатова, Добрынина, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голенищева-Кутузова, кн. Куракиныхъ, гр. Стакельберговъ, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина, — записки: гр. Г. П. Чернышова, адмир. Колзакова, зап. И. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевскаго, кн. Барклай-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партиз. Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева; В. К. Кюхельбекера (1831—1841 гг.); поч. лейбъ-хирур. Д. К. Тарасова, ак. жив. А. В. Ступина (1776—1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Рунича; зап. Н. И. Греча (біографія Ө. В. Булгарина); зап. А. В. Никитенко, И. И. Свіязева; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; біографія А. Н. Сѣрова состав. В. В. Стасовымъ; записки Я. П. Бакланова; С. Н. Глинки; К. Ө. Опочинина (о 1831 г.) Н. В. Берга: воспомин. о Гоголѣ; и др. Письма А. П. Волынскаго (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Панинныхъ, Сальдерна, Пикара (1782 г.); 50 неиздан. писемъ Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра Павловича, императр. Елизаветы Алексѣевны; Кулибина; гр. Аракчеева, кн. Васильчикова, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, мнѣнія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховит.; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова, Н. Н. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина, архит. Витберга; проекты и статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ө. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; П. К. Щебальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣляева и Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова; П. А. Степанова; Н. П. Дурова; А. Н. Неустроева; сообщ. П. А. Муханова, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова, Ө. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ө. Крузе, гр. Э. К. Чапскаго, кн. Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ө. А. Бюллера, М. Ө. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя **Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. ІЮНЬ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

VI-я книга «Русской Старины» вышла 1-го іюня.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. Трудъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Спб. 1871 г., въ 8-ю д., т. I-й. стр. LXXXVII и 558. т. II-й стр. 448.

Въ нашей литературѣ отдѣлъ изслѣдованій въ области финансовъ весьма не богатъ не только оригинальными, но даже переводными сочиненіями. Тѣмъ замѣчательнѣе появленіе обширнаго и многосторонняго труда А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, труда самостоятельнаго, основаннаго на массѣ оффиціальныхъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ матеріаловъ по всѣмъ отраслямъ финансоваго управленія и вообще финансовъ Прусскаго государства. Возведенная необыкновеннымъ развитіемъ и блестящимъ устройствомъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій на высоту первенствующей державы въ Европѣ, Пруссія, въ настоящее время, по справедливости, можетъ служить образцомъ и въ дѣлѣ устроенія своего государственнаго хозяйства. Отсюда понятно, какъ своевременно и важно появленіе замѣчательнаго изслѣдованія г. Заблоцкаго-Десятовскаго для нашего отечества, въ которомъ самые существенные еще вопросы въ области финансовъ, каковы напр. вполнѣ уравнительное распредѣленіе налоговъ, переводъ податей съ душъ на земли, способы взиманья налоговъ, правильное употребленіе государственныхъ доходовъ, вполнѣ сообразный съ достоинствомъ государства Европейскаго порядокъ утвержденія государственныхъ расходовъ, и т. д. и т. д. ждутъ еще правильныхъ разрѣшеній.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ шестой, съ портретомъ Державина: «Переписка» (1794—1816) и «Записки». Спб. 1871 г. въ б. 8-ю д. стр. XXX и 904.

Изящество, даже роскошь этого изданія въ типографскомъ отношеніи, обстоятельность его плана, изобиліе примѣчаній историческихъ, біографическихъ, библіографическихъ и друг., составленныхъ съ необыкновенною тщательностью и знаніемъ дѣла, давно уже обратили на себя вниманіе лицъ искренно интересующихся исторіей родной словесности, въ которой Державинъ занимаетъ столь видное мѣсто. Вышедшій томъ этого, по истинѣ, великолѣпнаго изданія, самый интересный изъ всѣхъ шести объемистыхъ книгъ настоящаго собранія. Здѣсь читатель найдетъ до 500 писемъ изъ переписки за послѣдній періодъ жизни маститаго поэта — сановника съ лицами самыхъ разнообразныхъ положеній въ обществѣ и «Записки Державина», сдѣлавшіяся въ первые извѣстными въ 1859 году въ неисправномъ и не совсѣмъ полномъ изданіи «Русской Бесѣды». Нынѣ текстъ этихъ Записокъ является въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно долженъ быть изданъ столь важный историко-литературный матеріалъ. Г.г. издателямъ историческихъ и историко-литературныхъ сочиненій мы рекомендуемъ трудъ Я. К. Грота, какъ образецъ библіографическаго труда: такъ полны и обстоятельны въ немъ перечни вошедшихъ въ него документовъ, замѣчателенъ алфавитный указатель личныхъ именъ и предметовъ, такъ обстоятельны всякаго рода примѣчанія къ документамъ, и ихъ объясненія.

Царствованіе Өедора Алексѣевича. Сочиненіе Е. Замысловскаго. Часть I: Введеніе. Обзоръ источниковъ. Спб. 1871. стр. 076, 216 и LXV с. Ц. 2 р.

Въ введеніи г. Замысловскій дѣлаетъ обзоръ сочиненій относящихся къ исторіи XVII вѣка, не отдѣляя при этомъ въ особую группу сочиненія, касающіяся исключительно царствованія Өедора Алексѣевича. При этомъ онъ останавливается (какъ онъ выразился 17-го мая насвоемъ диспутѣ) лишь на тѣхъ трудахъ, которые внесли новое воззрѣніе на этотъ періодъ русской исторіи. Обзоръ этотъ составленъ весьма обстоятельно и съ большимъ знаніемъ литературы предмета и потому будетъ весьма полезенъ для начинающихъ заниматься исторіею XVII стол. Но самостоятельнаго тутъ нѣтъ ничего, кромѣ новаго дѣленія Русской Исторіи, предлагаемаго г. Замысловскимъ. Несоглашаясь съ дѣленіемъ г. Соловьева, начинающимъ новую русскую исторію съ царствованія Өедора Алекс., г. Замысловскій предлагаетъ начинать ее съ царствованія Мих. Өед., а смутное время считать переходною эпохою между древнею и новою Русью. Кромѣ того онъ разсматриваетъ какъ отдѣльное цѣлое время отъ вступленія на престолъ Михаила до смерти Өедора. Впрочемъ эта мысль мало развита г. Замысловскимъ и не подтверждена обстоятельными соображеніями. Что касается до основныхъ взглядовъ автора, то несмотря на заявленіе въ 3-мъ изъ своихъ положеній, что ни воззрѣнія на XVII в. школы западнической, ни

(смотр. окончаніе на обертке).

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ

или

ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1827.

---

§ XXVIII*).

1776 годъ.

1776 года, въ августѣ мѣсяцѣ, собрался преосвященный посѣтить города Трубчевскъ и Брянскъ.

Отъ недавно прошедшей трехдневной моей лихорадки оставшаяся слабость, была мнѣ причиною къ отговоркѣ отъ путешествія, котораго отъ меня архіерей требовалъ.

При самомъ уже выѣздѣ, преосвященный сѣлъ на канапе подлѣ библіотеки, погрузился въ задумчивость и сказалъ: «не помню, когда бы мнѣ столько было скучно и прискорбно, какъ при теперешнемъ моемъ выѣздѣ».

«Сердце, сердце! ты вѣщунъ, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать намъ тебя!»

Такъ говорила одна горькая дѣвушка.

Не прошло еще дней 8 по выѣздѣ, какъ получена въ домѣ преосвященнаго непріятная вѣсть слѣдующаго содержанія:

Преосвященный, будучи у Трубчевскаго воеводы Колюбакина въ гостяхъ съ обѣда до полуночи, разсудилъ для пріятнаго препровожденія времени, или по привычкѣ, назвать хозяина «свиньею», и выплеснуть ему въ глаза покалъ вина. Колюбакинъ, не бывши лихъ, но будучи великъ и силенъ, отвѣсилъ начинщику**)

---

*) См. «Русскую Старину», т. III, стр. 119, 247, 395 и 562. Ред.

**) Зачеркнуто: «своему непріятелю». Ред.

большимъ кулакомъ по уху такой ударъ, что ударенный палъ пластомъ на земь и растянулся. Единый ужасъ штата архіерейскаго, при поверженіи своего владыки, былъ бы недостаточенъ для спасенія. Его подняли и уѣхали изъ дому воеводскаго и изъ города въ Чолнскій монастырь, отстоящій отъ Трубчевска верстъ около семи; чему Колюбакинъ и не препятствовалъ.

По пріѣздѣ,— какъ повѣствовали тогда всѣ исторіографы,— «самовидцы и слуги»—архіерей предпринялъ всѣ предосторожности, дабы не наскочилъ въ расплохъ Колюбакинъ, который мечтался ему съ кулакомъ въ глазахъ.

Колюбакинъ на другой день явился не привидѣніемъ, однакожъ и не съ тѣмъ намѣреньемъ, чтобъ бить, но чтобъ просить прощенія и разрѣшенія въ содѣянномъ грѣхѣ. Недопущенъ онъ. Чего ради и сталъ среди монастыря противъ самыхъ оконъ архіерейскаго покоя, на колѣняхъ и будучи въ полпьяна, воздѣлъ къ верху руки и возопилъ велегласно: «Отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою!» Архіерей, смотря изъ окна, возгласилъ ему:

— «Говори паршивая овца въ стадѣ Христовомъ: сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ твоихъ».

Колюбакинъ повторяетъ.

Архіерей: «Гряди сѣмо, сынъ геенны!»

По допущеніи въ покои, архіерей читалъ ему челобитную, заготовленную имъ къ посылкѣ въ Синодъ. Въ ней не позабыты были: Номоканоны, Кормчая книга, отлученіи отъ церкви и самыя анаѳемы. И начались переговоры. Главные оныхъ артикулы состояли *) со стороны Колюбакина въ томъ: что, обѣ договаривающіяся стороны, вмѣстѣ наѣлись, напились, поссорились, подрались, и, кто былъ начинщикъ драки. А со стороны архіерея **) въ томъ, чтобы Колюбакинъ въ теченіи мѣсяца пріѣхалъ къ нему въ катедральной его, Сѣвскій архіерейскій домъ, гдѣ и дастъ онъ грѣшнику совершенное прощеніе и разрѣшеніе. Сіи статьи обѣ договаривающіяся стороны обязались честнымъ вза-

---

*) Далѣе зачеркнуто: «.... въ томъ, что Колюбакинъ, съ своей стороны не пропустилъ включить въ прелиминары, что обѣ договаривающіеся...» и проч. Ред

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «архіерей же, съ своей стороны, включилъ и заключилъ, чтобы Колюбакинъ» и т. д. Ред.

имнымъ словомъ, исполнить свято и ненарушимо. Такимъ образомъ преосвященный, посѣтивъ Трубчевскъ, далъ ему свое благословеніе, а самъ получа таковое же отъ Колюбакина, и сдѣлавъ съ нимъ счастливое армистиціумъ, продолжалъ путешествіе свое въ Брянскъ, гдѣ съ нимъ ничего подобнаго не случилось, потому ли, что тамъ не было Колюбакина, или потому, что онъ никому виномъ глазъ не заливалъ и свиньею не называлъ.

По возвратѣ изъ Брянска домой, напрасно преосвященный ждалъ Колюбакина. Уже наступалъ праздникъ Рождества Христова, какъ архіерей позвалъ меня, приказалъ писать, подъ титуломъ пастыря Сѣвскія церкви, запрещеніе, дабы никто изъ священниковъ ни съ какою святынею въ домъ Колюбакина не входилъ.

Сіе запрещеніе собственноручно имъ подписано, запечатано и отправлено, при особомъ повелѣніи, къ Трубчевскому протопопу для объявленія Колюбакину.

Протопопъ по пріѣздѣ послѣ праздниковъ къ архіерею донесъ: что «онъ идучи на самой праздникъ Рождества ко служенію обѣдни, зашелъ къ Колюбакину и объявилъ ему запретительную архіерейскую грамату. Колюбакинъ въ отвѣтъ угощалъ его чаемъ, котораго протопопу пить было нельзя передъ служеніемъ». Тѣмъ кончилось протопопское посланничество *).

Архіерей не остановясь на семъ, послалъ Брянскаго протопопа въ Петербургъ, съ изъясненіемъ чрезъ партикулярныя письмы обиды, къ нѣкоторымъ духовнымъ и свѣтскимъ особамъ. Но сіе посольство ничего не произвело, кромѣ смѣха въ такомъ испорченномъ городѣ, который вѣритъ, что зачинщиковъ драки вездѣ бьютъ**). Къ тому же жители столицы, вѣроятно по недостатку любви къ ближнему, толковали, что у архіерея дурное было на мысляхъ прощеніе, если онъ Колюбакина заманивалъ изъ Трубчевска въ Сѣвскъ.

Вскорѣ послѣ сего, писалъ къ нему синодальный членъ, преосвященный Самуилъ Миславскій, чтобъ онъ просился на обѣщаніе***), увѣряя, что ему дадутъ въ правленіе такой мо-

*) Въ подлин. зачеркнуто: «При открытіи Орловскаго намѣстничества Колюбакинъ помѣщенъ членомъ въ какую-то палату суда и поѣхалъ, не безпокоясь, что его земля не приметъ. Архіерей же» и проч. Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «должно бить». Ред.

***) Такъ у духовныхъ называется отставка. Г. Д.

настырь, какой онъ самъ пожелаетъ. Нельзя сомнѣваться, что Самуилъ смотря на существо внесеннаго въ Синодъ, произведеннаго коммиссіею дѣла, и зная, сверхъ того, лично Кирилла Фліоринскаго, писалъ къ нему съ согласія и довѣренности всего Синода, дабы поступить съ подсудимымъ снисходительнѣе, по обыкновенію благословенныхъ временъ Екатерины Великія. Но духъ мудреный моего архіерея, отвѣтствовалъ на сіе тако: «Если ваше преосвященство не нашли ничего лутчева мнѣ присовѣтывать, то я не жалѣю, что не могу благодарить за такой совѣтъ, которой никуда не годится. Благодареніе Богу, я еще не дошелъ до такого несчастія, чтобъ имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ» и проч.*). Самуилъ не оставилъ гордаго отвѣта безъ отвѣта. Онъ написалъ точными словами, которыя безъ старанія, во мнѣ затвердились: «весьма вы горячо пишете; ваша горячесть во всякомъ и каждаго сердцѣ производитъ ужасную холодность; вы позабыли нашу русскую **) пословицу: «тише ѣдешь, далѣ будешь». Берегитесь, чтобъ вы съ горяча не наскочили на братскую порцію» ***).

. Подобныя симъ и отъ другихъ особъ (дружескія) предложенія, произвели въ моемъ владыкѣ подозрѣніе на весь свѣтъ. Онъ увеличилъ****) волю своему языку, и умножилъ питіе не вкушая брашна надлежащей мѣры; отъ чего, натурально жаръ къ жару. Въ такихъ обстоятельствахъ пришелъ онъ единожды ночью къ моей горницѣ и велѣлъ бить въ сѣнныя двери, которыя были заперты. Я пробудясь отъ стука и услыша непрерывной крикъ преосвященнаго, узналъ, что сіе нашествіе не есть иноплеменныхъ, но своихъ домашнихъ непріятелей. Прежде всего положилъ я твердое и непремѣнное намѣреніе обороняться всѣми силами въ моихъ стѣнахъ и несдаваться даже ни на какую капитуляцію. Вслѣдствіе чего схватилъ мое косаговское незаряженное ружье, изъ котораго я никогда не стрѣливалъ, выста-

---

*) Въ подобномъ сему случаѣ Гедеонъ епископъ Смоленскій, сильному въ синодѣ архіепископу Новгородскому Прокоповичу отвѣтствовалъ лаконически изъ Давидова псалма: «пою Богу моему дондеже есмь». Г. Д.

**) Я не знаю почему онъ говоритъ нашу русскую, ибо они оба были малороссіяне. Г. Д.

***) Братская порція въ монастыряхъ—хлѣбъ съ квасомъ, худо свареный борщъ или щи съ дурною сухою рыбою (или ни съ чѣмъ) да каша. Г. Д.

****) Вмѣсто зачеркнутаго: «далъ полную волю». Ред.

вилъ его въ окно и призвавъ на помощь духа древнихъ рицарей, (и своихъ россійскихъ) храбрыхъ витязей, возопилъ изо всей силы: «кто только подвинется къ окну, или отважится вломиться въ двери, того перваго встрѣтитъ пуля». Осаждающіе меня были добрые донъ-кишоты, но тактики худые. Глава въ епархіи въ молчаніи сдѣлалъ отступленіе и вся ландмилиція двинулась *) за нимъ. Одинъ только остался, или оставленъ, канцеляристъ Матвѣй Самойловъ, для переговоровъ въ нашей странной акціи. Онъ мнѣ сказалъ, что я напрасно ружье выставилъ, а я припомнивши архіерейской отвѣтъ Самуилу преосвященному, отвѣчалъ ему: что «я еще не дошелъ до этого несчастія, чтобъ имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ».

— «Развѣ вы не знаете, продолжалъ Самойловъ, архіерейскаго нрава? можетъ быть онъ до сѣхъ поръ уже и заснулъ».

Мой отвѣтъ состоялъ въ требованіи, чтобы и онъ пошолъ спать. Чему онъ и не попротивился.

Къ неожиданному моему удивленію, по утру усмотрѣлъ я, что двери моихъ сѣней съ наружи укрѣплены, и около оконъ ходятъ безсмѣнные часовые, т. е. сторожа; изъ чего понятно мнѣ стало**), что я нахожусь въ осадѣ. Нужно ли разрѣшить загадку, что побудило архіерея къ такому противъ меня дѣйствію? И неимѣлъ-ли онъ правильныхъ, а затѣмъ и побудительныхъ къ сему причинъ? (Отвѣтствую):—нѣтъ, его таково свойство, которое дѣйствуетъ не только при рожденіи мѣсяца, но и при продолженіи пиршества ***). Въ такомъ его положеніи, кто первой ему встрѣтится, или вспадетъ ему на мысль, тотъ и бываетъ жертвою его странности, и самой обиды. Въ такомъ его положеніи часто случалось, что онъ будучи въ дорогѣ въ зимнюю пору, выскочитъ изъ дормеса ****) на морозъ, которой свыше двадцати градусовъ. Велитъ пѣть пѣвчимъ, и самъ съ ними поетъ. Всѣ стоятъ среди поля на открытомъ воздухѣ, безъ шапокъ, а онъ попеременно

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «поволоклась». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «изъ чего привыкшему мнѣ къ подобнымъ приключеніямъ понятно было, что...» и проч. Ред.

***) Послѣднія двѣ строки были прежде такъ изложены: «нѣтъ, его таковъ характеръ — не только при рожденіи мѣсяца или при продолженіи пиршествъ, но даже въ трезвомъ положеніи, если онъ чѣмъ нибудь внутреннѣ тронутъ или озабоченъ, или огорчается...» и проч. Ред.

****) Вмѣсто зачеркнутаго: «кареты». Ред.

то поетъ, то бранитъ, то бьетъ одного, или другого, и держитъ въ голой рукѣ стаканъ до тѣхъ поръ, пока англійское въ немъ пиво обратится въ льдины; въ семъ послѣднемъ бываетъ тотъ виноватъ, кто подносилъ. Правда, что и самъ онъ часто платилъ недешево за свои подвиги. Онъ получилъ въ ножныя икры ревматизьмъ, а потомъ въ палецъ правой руки онемѣлость, или нечувственность *), на которомъ и носилъ, по совѣту лекарей, заячей мѣшокъ, вмѣсто воздержанія отъ напитковъ и сбереженія себя отъ холода; но дѣло не о томъ: я сѣжу въ заключеніи.

Архіерей проснувшись въ полдень, уѣхалъ обѣдать въ городъ къ воеводѣ Пустошкину. Уже сближался лѣтній день къ пяти часамъ по полудни, а я нахожусь въ моей фортеціи безъ вкушенія вина и елея, кромѣ хлѣба и воды.

Кто первой сказалъ: «все къ чему-нибудь годится», тотъ былъ въ подобномъ моему приключеніи. Діета натурально очищаетъ мысли; почему и я послѣ нѣсколькой душевной тревоги почувствовалъ пріятную унылость и нѣкоторое утѣшеніе. Я нашелся въ состояніи разсуждать, и разсуждалъ не только о прошедшемъ и настоящемъ, но и на будущее время старался что-нибудь прочное для себя примыслить **).

Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ какъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь, кажутся ему неограниченными временемъ; но, въ самомъ дѣлѣ, одна уже, во мрачной ужасъ облеченная смерть, достаточна его просвѣтить, что обитаемой нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго! Такъ что-жъ я могъ прочное для себя примыслить ***)?

Сидя въ моей кельи, я такъ не думалъ; но при писаніи моей повѣсти, разсудилъ изобразить мысли, истинну которой въ теченіе моей жизни видѣлъ и осязалъ. А въ тогдашнемъ обстоя-

---

*) Зачеркнуто: «двухъ составовъ». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «для себя предуготовить....». Ред.

***) Въ семъ мѣстѣ богословы имѣютъ свой долгъ вспыхнуть: «Чѣмъ смерть ужасна? а вѣра гдѣ?» Отвѣтствую: «Вѣра при мнѣ и непріятность смерти, и чувствованіе горестей въ жизни при мнѣ и при богословахъ» — «Ето маловѣріе, ето не вѣра!» опять закричатъ. Отвѣтствую: «Споровъ и умствованій на свѣтѣ много, а чувствительность сердца одна. Одна и столь благородна, что она не любитъ, когда ее съ пути сбиваютъ». Г. Д.

тельствѣ нужно было скорѣе всего мыслить о способѣ освобожденія себя. И вотъ, что я выдумалъ:

Взялъ алмазной перстень, полученной отъ архіерея въ знакъ имѣющаго быть сочетанія меня, съ его племянницею, завернулъ его въ бумажку, потомъ на другой написалъ слѣдующее: «Преосвященнѣйшій владыко! Пожалованный мнѣ перстень, въ знакъ имѣвшаго быть бракосочетанія моего съ вашею племянницею, возвращаю въ знакъ вѣчнаго моего разлученія съ нею, съ вами и со всѣмъ свѣтомъ».

Сіе посланіе я, подозвавъ сторожа подъ окно, отдалъ ему съ перстнемъ, завернутымъ въ бумагу и сказалъ: «спѣши отдать самому преосвященному»; а самъ набивалъ въ его глазахъ пистолетъ, будучи въ твердомъ и непремѣнномъ намѣреніи выстрѣлить изъ него послѣ въ рощи, для забавы. Преосвященный,— какъ мнѣ послѣ пересказали,—пробѣжавъ глазами короткое мое письмо, бросился опрометью изъ воеводскихъ покоевъ, и выскоча на крыльцо, кричалъ самъ: «карету-карету!» Всѣ гости и хозяинъ выбѣжавшіе за нимъ были въ недоумѣніи, а онъ, не сказавъ имъ ни слова, ускакалъ по-курьерски. Такимъ образомъ нерѣдко смѣшили мы людей и портили себя. Мы были истинные люди, которые заражаютъ себя и атмосферу.

Не было и часа разстоянія въ 3-хъ верстахъ въ оба пути, какъ застучалъ онъ въ мои двери, которыя и съ моей стороны были укрѣплены,—возглашая со стукомъ:

— «Живъ ли ты? полно дурачиться, оттвори, и я вчера дурачился. Полно смѣшить людей, послушай меня, оттвори».

«Я инако не оттворю, какъ на тѣхъ условіяхъ, чтобъ ваше преосвященство уволили меня изъ вашего дому съ письменнымъ отъ васъ и отъ консисторіи аттестатомъ; въ противномъ же случаѣ, пистолетъ мой всегда при мнѣ».

— «Все сдѣлаю, что тебѣ надобно».

Я впустилъ добраго пастыря въ мою ограду. Онъ долго со мною сидѣлъ, велъ продолжительной и постоянной разговоръ. Мнѣ приписывалъ вспыльчивость, а о себѣ помалчивалъ, какъ будто онъ прошедшей ночи и прошедшихъ дней, недѣль, мѣсяцевъ и годовъ,—не онъ былъ. Онъ попытался еще сдѣлать мнѣ милостивое предложеніе; чтобъ я перешолъ въ его покой и принялся за первую должность, а за сіе послушаніе, поелику я же-

лалъ вступить въ коронную службу, — включенъ я буду, по просьбѣ его и рекомендаціи, въ штатъ при фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ. Но я знавъ изъ десятилѣтняго опыта (всего, всю сію) особу и качества, ничего бы простѣе не сдѣлалъ, какъ еслибъ ему повѣрилъ и понадѣялся, почему и отвѣтствовалъ ему большею частію молчаніемъ.

Итакъ, изъ длинной нашей аудіенціи, вышло только то, чего я и желалъ, то-есть, я освободился изъ-подъ стражи и остался въ прежней участи даже до тѣхъ поръ, пока певущееся Провидѣніе, учреждающее все,—какъ говорятъ,—на благой конецъ, перемѣнило ее вотъ какимъ образомъ:

§ XXIX.

1777 годъ.

1777 г. Невѣста моя, бывши 9 мѣсяцовъ больна, въ великой постъ 1777-го года скончалась. Она рѣшила*) и волю своего дяди и мою колеблемость быть мнѣ зятемъ и мужемъ. Смерть ея перенесъ я неравнодушно, однако-жъ ето было больше дѣйствіе чувствительнаго моего отъ природы сердца, нежели страстной влюбчивости, потому что сія потеря рѣшила меня избавиться отъ такого владыки, которой не рожденъ быть ни другомъ, ни благодѣтелемъ. Итакъ, первой шагъ сдѣлалъ я къ моему облегченію**) отъѣздомъ, съ дозволенія преосвященнаго, въ Молчанскую Софроніеву пустынь, отстоящую отъ Сѣвска на 150 верстъ.

Сей монастырь или пустынь, въ разсужденіи возвышеннаго мѣстоположенія, въ разсужденіи четырехъ каменныхъ церквей и другихъ зданій, такъ же окружающаго ея лѣса, садовъ, винограда, и прочихъ пріятныхъ зрѣлищъ и изобилія, было наипрекраснѣйшимъ жилищемъ для любящихъ тишину. И въ сей-то расхваленой мною пустыни, прожилъ я съ половины великаго поста по 9-е число маія, въ настоятельскихъ кельяхъ и на содержаніи монастыря. Въ продолженіе моего тамъ бытія жилъ я прямо по-монашески, то-есть, я ничѣмъ не занимался. А по открытіи весны, которая, по тамошнему климату, начинается

*) Зачеркнуто: «...какъ съ архіерейской, такъ особливо съ моей стороны— быть мнѣ зятемъ преосвященнаго...». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «избавленію». Ред.

почти съ первыхъ чиселъ апрѣля,—ходилъ по лѣсамъ, по горамъ и по монастырскимъ возвышеніямъ. Все же вообще время провождалъ съ настоятелемъ и посѣщалъ монаховъ, изъ которыхъ, правду сказать, ни одного не находилъ занимающагося какимъ-нибудь рукодѣліемъ. Бывалъ я часто у одного изъ двухъ схимниковъ, отца Григорія, которой тѣмъ больше мнѣ полюбился, что жилъ съ хорошимъ запасомъ. У него были разныя водки, настоянныя на разныя лечебныя травы, садовые плоды и медовыя варенья, а сахарными—снабдѣвали его богомольцы, отъ имяни богомольщицъ, ибо надобно знать, что отецъ Григорій, будучи близко семидесяти лѣтъ, лично съ богомолицами никогда не видывался во избѣжаніе искушенія отъ дьявола. Всѣмъ своимъ запасомъ онъ для меня не скупился, хотя былъ старъ и монахъ.

Къ бо́льшему его дарованію, онъ охотникъ былъ говорить и судить о слабостяхъ, порокахъ или удовольствіяхъ человѣческихъ снисходительно. Онъ съ сожалѣніемъ самъ о себѣ говорилъ, что не въ силахъ любить своихъ непріятелей, и былъ со мною согласенъ, что дѣлать врагамъ нашимъ добро состоитъ въ нашей волѣ, или возможности; «но любить и не-любить — якоже глаголетъ Сумароковъ — не въ воли состоитъ; ибо сердце наше есть такое нѣжное и своеобычливое дитя, которое не подвергается приказаніямъ». Мой отецъ Григорій по сей матеріи часто приводилъ въ примѣръ, что онъ не можетъ любить схимника Іоанна, понеже Іоаннъ не умѣетъ читать псалтири, и не былъ на Аѳонской горѣ, а думаетъ о себѣ, что онъ великой святой и достоинъ третьего неба. Настоятель той пустыни, по мнѣнію отца Григорія, былъ не лутче схимника Іоанна. Въ протчихъ пустынножителяхъ ненаходилъ онъ подобныхъ пороковъ, потому, что всѣ они просили отъ него благословенія.

Пользуясь его угощеніемъ, требовала вѣжливость выслушивать, когда онъ повѣствовалъ мнѣ о своихъ трудахъ и подвигахъ, употребленныхъ имъ во время младыхъ его лѣтъ на Аѳонской горѣ, и состоявшихъ большою частію въ томъ, что онъ долженъ былъ своеручно выработывать и на своемъ хребтѣ носить реви́тъ, маѳрли и стри́дію, дабы не умереть съ голоду.

«Что такое, батюшка,—спросилъ я его—за пища безсмертія?»

— «Они тоже значатъ, отвѣчалъ онъ, что у насъ въ Малороссіи горохъ, пшеница и чечевица».

Можетъ быть онъ и не вѣрно перевелъ, или я не вѣрно припомнилъ, ни за то, ни за другое не ручаюсь. Знающія греческой языкъ, могутъ исправить.

«Я — продолжалъ онъ — былъ прежде въ Россіи гусаромъ. Но оставя всѣ свѣтскія забавы и роскоши, бѣжалъ въ Аѳонскую гору, гдѣ препроводя время почти до старости, переселился наконецъ въ сію пустыню, дабы продолжить и кончить время въ богомысліи и молитвахъ за себя и за других» *).

Слушая отца Григорія, я не сомнѣвался**), что для пользы общественной и своей, лутче быть схимникомъ и молиться, нежели быть гусаромъ и проливать кровь свою и чужую для доставленія покоя соотечественникамъ, какъ одинъ изъ молодыхъ и холостыхъ дворянъ г. Бавыкинъ, пріѣхавшій на ту пору въ пустынь больше для гулянья, нежели для моленья, испортилъ мою вѣру разсказомъ слѣдующей повѣсти:

«Недавно предъ симъ,— говоритъ Бавыкинъ,— отецъ Григорій недопустилъ-было меня къ себѣ въ келью, когда я пришелъ къ нему для испрошенія отъ него благословенія. Мнѣ показалось это забавно, и я разсудилъ поусилиться, дабы показать, что имѣю нужду въ его молитвахъ, что я горячій почитатель его особы, и чтобы узнать: за что гнѣвъ и немилость! Вслѣдствіе чего отецъ Григорій, отверзая дверь толкущему, встрѣтилъ меня жестокимъ выговоромъ, называя безъ дальнихъ околичностей, «мучителемъ» и проч. и въ жаркомъ своемъ гнѣвѣ, увѣрялъ меня, что ему «о моемъ, по его словамъ, грѣхѣ, духъ святый возвѣстилъ». Но какъ отецъ Григорій въ своихъ ретивыхъ увѣщаніяхъ наклепалъ на меня много такихъ дѣйствій, которыхъ никогда не бывало и даже природа моя отвращается быть столько злымъ или, лутче сказать, сумасшедшимъ, что я на святаго духа осмѣлился возъимѣть подозрѣніе въ томъ, что онъ кому-нибудь похлѣбствуетъ потому, что отцу Григорію много возвѣстилъ небылицы. Догадка моя была справедлива. Слуга мой, которому я, по выходѣ отъ отца Григорья, погрозилъ, разсказалъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «и подвиги за спасеніе душъ человѣческихъ». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «уже начиналъ я вѣрить». Ред.

мнѣ всю-на-все жалобу, которую онъ приносилъ на меня отцу Григорію, за то, что я его за многія шалости, и даже плутни, наказалъ единожды».

Сею повѣстію Бавыкинъ увѣрилъ себя и меня, что въ наши грѣшныя времена не могутъ мѣститься на земли великія чудотворцы *), кромѣ обыкновенныхъ чудодѣевъ.

Возвращеніе мое изъ пустыни не прямо послѣдовало въ Сѣвскъ. Я увѣдомленъ отъ преосвященнаго, что сестра его, а моя недоставшаяся быть тещею, будетъ дожидаться меня въ назначенное время въ Глуховѣ, дабы съѣхавшись, сопутствовать ей въ Ахтырку для поклоненія чудотворному образу. Но по прибытіи моемъ въ Глуховъ, нашелъ отъ преосвященнаго другое письмо, въ которомъ увѣдомлялъ меня, что ему разсудилось назначенной прежде путь сократить, и вмѣсто Ахтырки назначить мѣстечко Дубовичи, гдѣ такая же чудотворная икона, какъ и въ Ахтыркѣ, а можетъ быть и полутче, смотря по тому какъ кто помолится.

Тещу мою нашелъ я въ Глуховѣ съ двумя малолѣтными дочерьми и сотовариществующею ей одною дамою моею же кумою. Такимъ образомъ собрались мы цѣлою роднею и ѣхали въ самую лутчую весеннюю пору до Дубовичъ. Дубовичи отъ Глухова на день, или меньше ѣзды. Но не припомню точно, къ которому принадлежатъ городу.

Дубовицкой храмъ былъ храмомъ нашего благоговѣнія и поклоненія. Я не знаю чего которой изъ моихъ сопутницъ хотѣлось выпросить; а я просилъ, чтобы меня Сѣвскій архіерей отпустилъ изъ монастыря для пріисканія основательнаго и значущаго состоянія, а какого? я и самъ не зналъ и не могъ примыслить. Я, уединившись отъ нихъ, пролилъ обильныя слезы съ колѣнопреклоненіемъ.

Говорятъ, что слезы въ подобномъ случаѣ, есть даръ Божества, почему и я ощущалъ чрезъ нихъ нѣкоторое утѣшеніе и надежду въ томъ, что я услышанъ.

Возвратяся въ Сѣвскъ, водворился я паки въ мою отшельническую келью. Мать возобновила посѣщенія своему сыну. Мы бесѣдовали съ нею, какъ такіе родные, которымъ общежитіе не

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «святители». Ред.

наскучило, ибо—какъ изъ исторіи моей видно—жребій выпалъ, чтобы отецъ и мать оставили сына въ малолѣтствѣ: первый—отшествіемъ на вѣчность, а другая—разномѣстнымъ со мною обитаніемъ. Говоря все какъ мать съ сыномъ, она припомнила мнѣ дату *), или время своего бракосочетанія и моего рожденія и послѣднія слова отца моего: «Когда сидѣла я съ духовникомъ нашимъ, отцемъ Григоріемъ при головѣ лежащаго на смертномъ уже одрѣ отца твоего и, по тогдашней моей простотѣ и молодости, будучи притомъ въ горькомъ замѣшательствѣ, тревожила его пустыми вопросами: «какъ мнѣ жить безъ тебя? что мнѣ начать? итти-ли мнѣ замужъ или нѣтъ?» онъ отвѣчалъ:—«ты можешь найти мужа, но сыну моему отца не найдешь». Увы! сколь много значилъ для сына такой отвѣтъ! и сколь много было для умирающаго присутствія ума!

Меня посѣщалъ часто капитанъ Иванъ Михайловичъ Лихаревъ, обитавшій въ Площанской пустынѣ, а иногда, съ дозволенія архіерея, я посѣщалъ его въ его обиталищѣ. Онъ былъ лѣтъ около 30-ти, человѣкъ съ природными и пріобрѣтенными достоинствами, свѣдущъ во многихъ такихъ вещахъ, о которыхъ многіе и маіоры понятія не имѣютъ. Къ сему успѣлъ уже испытать душевныя скорби и несчастія. Онъ былъ уже въ какой-то крѣпости во время войны противъ турковъ, плацъ-маіоромъ; но за нѣкую съ протчими въ крѣпости оплошность, былъ пониженъ однимъ чиномъ. Сердясь на суровую участь и непостоянство счастія, возжелалъ въ Площанской пустынѣ умножить число набожныхъ жителей; но повидимому и въ семъ духовномъ мірѣ не нашедъ успокоенія **), возвратился—проживши года съ три въ монастырѣ, въ казанскія свои деревни, о чемъ я извѣстился будучи уже въ Бѣлоруссіи. Между тѣмъ какъ онъ жилъ въ стадѣ избранныхъ, былъ онъ наиполезнѣйшимъ для меня собесѣдникомъ.

Еще гонимый злобною судьбою, молодой дворянинъ, по фамиліи Луцевинъ, бывая у меня часто, раздѣлялъ и соединялъ со мною горькую свою участь. Онъ отъ 12-ти лѣтъ своего возраста,

*) Дата, по-польски значитъ то, что по-россійски въ четырехъ рѣченіяхъ годъ, мѣсяцъ, число и день. Эра и эпоха, въ нашемъ языкѣ суть такіе почтенные техническіе гости, которыхъ выжить жаль, а за родныхъ признать нельзя. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «ничего добраго». Ред.

проходя въ рыльской воеводской канцеляріи и въ рыльскомъ магистратѣ канцелярскія должности, испыталъ просиживать надъ бумагами цѣлыя ночи, не спавши. Имѣлъ чувствительное мученье сидѣть съ пьяными приказными, былъ отъ нихъ посаженъ въ желѣза; а глупой секретарь смотрѣлъ на это съ равнодушнымъ смѣхомъ; былъ отъ воеводы, носившаго всегда за губою табачную жвачку, битъ палками за переписаніе челобитной, посыланной на него отъ гражданства къ губернатору или въ сенатъ *). Потомъ былъ онъ счастливъ въ Путивльскомъ магистратѣ, зажиточенъ, покоенъ, отъ всѣхъ гражданъ почитаемъ и любимъ; но безъ чиновъ, и безъ возможности къ полученію оныхъ. Такія обстоятельства загнали его въ Сѣвскую консисторію, гдѣ получилъ онъ чинъ канцеляриста. Ставши мы съ нимъ равными чиновниками, заботились объ увольненіи и выѣздѣ изъ Сѣвска для поиску счастія.

Уже мой архіерей, чѣмъ далѣ, тѣмъ болѣ видѣлъ, что я ему не слуга, не собесѣдникъ, не секретарь и не истопникъ; почему и позволилъ консисторіи на поданныя отъ насъ просьбы, дать намъ съ Луцевинымъ аттестаты, а отъ собственной его персоны мнѣ отказалъ, говоря нѣкоторымъ, что я безъ онаго выѣхать не рѣшусь; а я доволенъ будучи, что онъ исплошилъ самъ себя такимъ обо мнѣ мнѣніемъ, безъ котораго непроминулъ бы, по своей странности, задержать меня и съ аттестатомъ и съ пашпортомъ консисторскимъ, отправился 1777 года іюля 1-го дня на 26-мъ году отъ моего рожденія, не теряя времяни, съ Луцевинымъ изъ дома архіерейскаго въ городъ, въ самую ту пору, когда архіерей занимался принятіемъ у себя сенатора Дмитрія Васильевича Волкова, который обозрѣвалъ губернію и приуготовлялъ ее къ переобразованію въ намѣстничество по новому учрежденію Екатерины великія **).

---

*) Тогдашнія времена имѣли еще, хотя уже и на излетѣ, остатки древняго варварства. Но вскорѣ мудрость великія Екатерины, по раздѣленіи имперіи на намѣстничествы, истребила сіи звѣрства, непринадлежащія человѣчеству и образованному правленію. Г. Д.

О вліяніи учрежденія намѣстничествъ на смягченіе нравовъ и улучшеніе вообще администраціи см. свидѣтельство сенатора Рунича въ его запискахъ, напечатанныхъ во II-мъ томѣ «Русской Старины», изд. 1870 г., стр. 366—370. Ред.

**) Объ этомъ Волковѣ, одномъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Петра III, смотр. во II-мъ томѣ Записокъ Болотова, стр. 158, 225, 231 и друг. изд. «Рус-

Казна моя при выѣздѣ состояла изъ 1300 рублей, изъ которыхъ имѣлъ я при себѣ только 300 р., а прочіе оставались на процентахъ у короннаго повѣреннаго Москвитинова, жившаго въ Сѣвскѣ. Сопутникъ же мой Луцевинъ, хотя имѣлъ во что одѣться даже до щегольства, но будучи впротчемъ не великій крезъ, помѣстился на счетъ моихъ прогоновъ и содержанія.

Пожитки мои, состоявшія въ книгахъ, небольшомъ серебрѣ, и другихъ мелочахъ, оставилъ у товарища того же повѣреннаго, по прозванію Арменинова. Оба они дѣлали мнѣ пособіе въ путевыхъ надобностяхъ, а особливо Армениновъ, который далъ своихъ лошадей до первой упряжки, а коляску на весь путь.

Секретари, купцы и другіе знакомые, узнавъ о нашемъ отъѣздѣ, желали намъ отъ добрыхъ сердецъ счастливаго пути и благополучнаго успѣха въ намѣреніяхъ, и засвидѣтельствовали то личнымъ прощаніемъ. А мать моя! обыкновенно проводила какъ провожаютъ матери! слезъ—было—не покупать.

Нагрузивши нашу коляску и взявъ съ собою по одному вольному слугѣ, сѣли и пустились съ Луцевинымъ изъ города, около седьмаго часа пополудни.

Лишь выѣхали изъ города—непонятное движеніе побудило меня стать въ убѣгающей колясқѣ и смотрѣть на городъ и на архіерейской домъ. Теряя ихъ изъ глазъ, чувствовалъ я въ молчаніи звонъ, который растрогивалъ мою душу и вѣщалъ: «прощай, любезное мое гнѣздо! прощай, городъ и архіерейскій домъ! прощайте всѣ горести и тревоги, которыя я вкусилъ! прощайте пріятныя минуты, которыя промчались какъ не были! прощай мать, родившая сына для того, чтобъ онъ странствовалъ и не былъ утѣхою твоему зрѣнію!»

Неизвѣстность будущаго причиною была, что мнѣ казалося будто я ѣду на край свѣта, гдѣ—по сказкамъ бабушекъ,—прачки моючи бѣлье, мыло на небо кладутъ. И правда, что мы не знали куда ѣдемъ, знали только отъ чего бѣжимъ и чего хотимъ. Пашпорты, данные намъ отъ консисторіи, были до Москвы и Петербурга. Но вмѣсто сихъ столицъ, товарищъ мой посовѣтовалъ

ской Старины», также—въ нашемъ «Очеркѣ царствованія Петра III» (Отеч. Зап., 1867 г., кн. VIII, стр. 597—601). Ред.

вдругъ, по непонятному движенію, направить полетъ нашъ въ новопріобрѣтенный Бѣлорусскій край.

— «Тамъ—говорилъ онъ—скоро будетъ открываться намѣстничество; тамъ государевъ намѣстникъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и губернаторъ М. В. Коховскій, по имянному императорскому дозволенію, сами жалуютъ въ штатскіе оберъ-офицерскіе чины, не спрашиваясь сената».

— Поѣдемъ же туда, отвѣтствовалъ я, авось-либо и намъ дадутъ штатскіе оберъ-офицерскіе чины, только мнѣ за бумагами сидѣть не хочется.

— «И мнѣ не хочется, подхватилъ Луцевинъ; мнѣ ужъ онѣ надоѣли въ Путивлѣ и въ Рыльскѣ, хотя мнѣ и 20-ти еще не исполнилось».

— Мнѣ и воинская служба не нравится—говорилъ я,—воинскіе офицеры мечтаютъ о себѣ что они принцы, а голы какъ бубны.

— «Однако-жъ она первая изъ службъ, сказалъ Луцевинъ, хотя мой дѣдъ и въ цѣховые изъ дворянъ записался, когда государь Петръ Великій требовалъ дворянъ на смотръ. Хорошо еще быть,—продолжалъ Луцевинъ,—у богатыхъ подрядчиковъ или откупщиковъ конторщикомъ или письмоводителемъ. Они знакомы съ большими господами и съ генералъ-прокуроромъ, чрезъ которыхъ не только сами для себя выпрашиваютъ чины, но и другимъ имѣютъ случай выпросить, а особливо при заключеніи въ сенатѣ контрактовъ».

— Я желалъ бы—сказалъ я—служить при таможни, тамъ денегъ, суконъ, полотенъ, матерій и всякихъ вещей пропасть, а съ ними подрядчикомъ и откупщикомъ сдѣлаться можно, и выпрашивать чины въ сенатѣ при заключеніи контрактовъ.

— «Хорошо, сказалъ Луцевинъ, теперь въ Бѣлорусской Рогачевской таможнѣ находится директоромъ оберъ-провіантмейстеръ Петръ Савичъ Звягинъ. Онъ изъ одного со мною города. Я зналъ его, когда онъ былъ такимъ же канцеляристомъ, какъ мы теперь. Поѣдемъ въ Рогачевъ».

— Поѣдемъ — подхватилъ я — погоняй поскорѣй! погоняй!

Продолжая съ восторгомъ наше «погоняй», и повторяя его нѣсколько минутъ безпрерывно, мы подняли такой крикъ, что извощикъ почелъ насъ, безъ сомнѣнія, не за послѣднихъ шалу-

новъ, и не замѣтили какъ проскакали 30 верстъ слишкомъ до Серединой-буды, гдѣ остановились у священника кіевской епархіи Ивана Карповича Лузанова, знакомаго архіерею и мнѣ.

Хозяинъ былъ мнѣ радъ, угостилъ насъ ужиномъ, а на завтра въ церкви проповѣдью,—поелику день былъ воскресный, и обѣдомъ. Онъ былъ священникъ съ латинью, съ умомъ и съ нравственностью. Вѣжливъ, скроменъ, веселъ, гостепріименъ. Густые и чорные его волосы скрывали непроницаемо цѣлую половину рясы отъ плечъ по сѣдалище, а окладистая и чрезвычайно густая того же цвѣта борода, расширяясь по груди, примыкалась съ обѣихъ сторонъ къ головнымъ волосамъ; а все сіе совокупно представляло особу самую важную и украшенную особливымъ трудомъ и тщаніемъ природы, которая не поскупилась волосами *). Онъ будучи тогда лѣтъ подъ 40, имѣлъ попадью не старѣ 20-ти лѣтъ, и не выше аршина и 3-хъ четвертей, хотя я и не мѣрилъ. Она чистосердечно за пріятнымъ ихъ обѣдомъ разсказывала, что когда мужъ ея, будучи студентомъ въ Кіевской академіи, искалъ съ нею жениться, то она, не ощущая въ себѣ къ нему ни малѣйшей склонности, всегда его убѣгала. И матери-тещи—не малаго стоило труда возвращать ее къ соблюденію благопристойнаго съ женихомъ обращенія. «А теперь мнѣ кажется,—говорила она,—я одна во всемъ мірѣ такая счастливая изъ женъ, которая имѣетъ столь хорошаго мужа».

Послѣобѣденное време провели мы въ пріискиваніи лошадей; а въ понедѣльникъ послѣ обѣда отправились на Стародубъ.

§ XXX.

Стародубъ и Черниговъ.

Въ Стародубѣ, остановившись на постояломъ дворѣ, имѣли необходимость паки стараться о лошадяхъ, потому что извощики наняты были только до сего мѣста и дальше вести не соглашались. А понеже я жилъ столь долго у средоточія духовныхъ, то и стародубскій протопопъ Зубрицкій, хотя чужой епархіи, былъ мнѣ знакомъ потому, что ему случалось гостить у моего архіерея. Сіе знакомство обязываетъ меня приостановиться надъ отцемъ Зубрицкимъ и его побіографить и по марало-графить.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «не пощадила волосъ». Ред.

Онъ былъ мужъ старый; сѣдая его борода, оставя совершенно-голыми счоки, начиналась только отъ устъ и подбородка, слѣдственно не шире была двухъ съ половиною вершковъ, и продолжаясь черезъ грудь и брюхо, оканчивалась тамъ, гдѣ природа раздѣляетъ человѣка на двѣ равныя развалины. Слѣдственно, длина въ разсужденіи ширины или ширина въ разсужденіи длины дѣлали ее тясьмо-образною. И толь необычайнаго колибра борода списана была еще въ Сѣвскѣ, по приказанію архіерейскому, домовымъ живописцемъ. «Примѣчанія достойно,—по собственнымъ тогдашнимъ его словамъ,—что гдѣ сія борода ни показывалась, вездѣ ее за рѣдкость списывали», а какъ портреты его изображались всегда въ грудномъ или поясномъ положеніи, то и никому не удавалось на портретахъ видѣть конца его бороды, такъ какъ никто не видалъ начала рѣки Нила. Къ такому-то отцу протопопу я явился. Онъ принялъ меня съ моимъ товарищемъ безъ вниманія, и я имѣлъ причину подозрѣвать, что онъ меня не узналъ, почему за нужное почелъ засвидѣтельствовать ему архипастырское благословеніе Сѣвскаго архіерея, не объявляя ему, что я лишилъ себя права развозить благословеніе. Но когда увидѣлъ, что онъ и послѣ сего не любопытнѣе знать ни объ архіереѣ, ни обо мнѣ, то я не счелъ за лишнее напомнить ему, что онъ у сѣвскаго архіерея обѣдывалъ, ужинывалъ, пивалъ вино, пуншъ, англійское пиво и наливки.

— «Да! отвѣчалъ онъ, какъ будто пробудившись, у васъ они есть, а у меня ихъ нѣтъ».

— Такъ нѣтъ ли у васъ лошадей, батюшка? спросилъ я. Если вы не имѣете, по крайней мѣрѣ знаете гдѣ что въ Стародубѣ есть. Вы здѣшній древній житель, а мы вамъ деньги дадимъ».

— «Деньги! сказалъ Зубрицкій, приподнявши впалые глаза,—за деньги все можно достать. Сынъ мой помоложе, онъ куда-то пошолъ въ городъ; а какъ возвратится, онъ для васъ постарается, а я уже старъ».

«О неблагословенное сѣме Авраамле! сказалъ я, вышедши отъ него, гласомъ архіерейскимъ моему Луцевину; когда исполнится съ вами обѣщаніе Бога, обѣщавшаго вмѣсто этакихъ негодяевъ воздвигнуть отъ камней чадъ Аврааму? Пойдемъ искать

лошадей индѣ. Можно-ль намъ надѣяться на сына, когда у него таковъ отецъ?»

Ходя нѣсколько часовъ по городу безъ успѣха, принуждены возвратиться опять къ протопопу въ надеждѣ, что у него есть сынъ помоложе. Мы нашли на дворѣ человѣка лѣтъ 28-ми, въ худой изношенной синей епанчѣ, съ отвислою губою, пьянаго. Ето былъ сынъ его. Онъ, завидя насъ, сказалъ:

— А! вамъ-то надобны лошади? Дайте мнѣ 20 руб., я вамъ дамъ лошадей.»

— За что такъ много?

— «За то, что они васъ повезутъ, куда вамъ надобно».

— Нельзя тому статься? мы ѣдемъ въ Бѣлоруссію, которая отселѣ не близко.

— «Вы на нихъ доѣдете хоть на край свѣта».

— Слышишь ли? сказалъ я Луцевину, хоть на край свѣта.

Луцевинъ сказалъ: «чего-жъ лутче!»

Между тѣмъ какъ мы съ Луцевинымъ разсуждали, похаживали, и не знали какъ кончить нашу надобность, у пьянаго дуръ изъ головы нѣсколько вышелъ, и онъ насъ увѣрилъ, что онъ почтмейстеръ, что до самой Бѣлоруссіи на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ лошади подъ его вѣдомствомъ, что онъ человѣкъ чиновной, асаулъ, и что ему, по всѣмъ симъ правамъ и преимуществамъ, надобно заплатить напередъ всѣ прогонныя деньги 20 р., а онъ намъ дастъ за своею рукою для проѣзда формальной открытой листъ, называемой: «цѣдула».

Чтобъ не сидѣть въ Стародубѣ, молодая наша неопытность рѣшилась на цѣдулу и я заплатилъ ему 20 сребренниковъ и бездѣльникъ имѣлъ смѣлость начать ее тако: «Ея императорскаго величества цѣдула, по которой слѣдуютъ такіе-то, которымъ давать по всѣмъ станціямъ почтовыхъ лошадей» и проч.

На первой отъ Стародуба почтѣ, требовали уже отъ насъ прогонныхъ денегъ; но мы уповая на цѣдулу, съ нерадѣніемъ отвѣтствовали, что уже заплочены разомъ асаулу. Извощикъ нашъ, безъ сомнѣнія, успокоилъ почту прогонами по наставленію асаула. На второй почтѣ, сколько мы ни увѣряли, что мы заплатили прогоны разомъ почтмейстеру, но намъ отвѣтствовано, что безъ прогоновъ нѣтъ лошадей. Плутъ имѣлъ уловку и имя свое подписать разведеннымъ съ углемъ черниломъ, которое по первомъ завертѣ бумаги затерлось до безобразія. Итакъ, мы

дополняя недостатокъ нашей цѣдулы, повтореніемъ прогонныхъ денегъ, добрались, противъ чаянія, и безъ надобности до Чернигова, которой намъ отъ Стародуба къ Бѣлоруссіи почти столько же былъ по пути, какъ бы ѣдучи отъ Москвы до Кіева, заѣхать къ Петербургу; въ которой однакожъ нельзя было не заѣхать потому, что насъ такъ везли по цѣдулѣ.

Въ черниговской ратушѣ безъ подорожной ни за какія прогоны не дали намъ лошадей, а надъ цѣдулою нашею смѣялись. Мнѣ весьма досадна была невѣжливость сихъ простыхъ людей, которые шутятъ надъ ближнимъ въ такую пору, когда ему надобно скоро ѣхать. Надлежало бы требовать лошадей на почтѣ, но тамъ подорожная еще нужнѣе, нежели въ ратушѣ. Итакъ, не заводя споровъ за достоинство цѣдулы, спросилъ я у сихъ цѣдулоборцевъ: «дома-ль преосвященный и Елецкаго монастыря архимандритъ Ероѳей*). Ратушники, оставя цѣдулу и посмотря на меня съ бо́льшимъ уваженіемъ, отвѣтствовали мнѣ, что архіерея нѣтъ, а архимандритъ дома. Они замѣтили, безъ сомнѣнія, что человѣкъ, которой нарицаетъ столь фамиліарно особъ владѣющихъ великими деревнями и руководствующихъ душами правовѣрныхъ, долженъ и самъ быть немаловаженъ. Не теряя времени или лутче сказать не жалѣя потерять дурное время, пошелъ я къ архимандриту. Я нашелъ его дома. Онъ тотчасъ меня узналъ, и ласковой его пріемъ далъ мнѣ еще болѣе возчувствовать грубость протопопа Зубрицкаго. Архимандритъ, узнавъ отъ меня на сей разъ не больше, какъ только о путешествіи въ Бѣлоруссію, далъ мнѣ тотчасъ свой екипажъ **) до ратуши, дабы я коляску мою препроводилъ въ его Елецкій монастырь, и имѣлъ бы съ сопутникомъ продовольствіе и отдохновеніе въ его настоятельскихъ кельяхъ до выѣзда въ Бѣлоруссію.

Учредя такимъ образомъ, по милости отца архимандрита, наши дѣла, его высокопреподобіе вступилъ со мною въ пространный разговоръ; я увѣдомилъ его чистосердечно, что уволненъ отъ преосвященнаго и отъ консисторіи навсегда.

---

*) Архіерея зналъ я по бытности его на коммиссіи, а архимандритъ знакомъ, потому что посвященъ моимъ сѣвскимъ архіереемъ, по указу синода, во время междуархіерейства въ Черниговѣ. Г. Д.

**) Въ подлин. зачеркнуто: «По-польски поѣздъ, а по-россійски — не знаю какъ. Надобно учинить выправку съ академіею россійскою, которая скупа на словарь. Видно ей много дѣла». Г. Д.

— «И вы уже не возвратитесь къ преосвященному?» спросилъ скоропоспѣшно архимандритъ.

— Нѣтъ, отвѣтствовалъ я и продолжалъ: теперь въ Бѣлоруссіи открываются два намѣстничества. По новости присоединенія сего края къ Россіи можетъ быть настоитъ больше нужды въ людяхъ для штатской службы, нежели во внутреннихъ губерніяхъ. А еслибы и не нашли ничего для себя полезнаго, то мы имѣемъ пашпорты до Москвы и Петербурга. Когда ничего вѣрнаго не видно нигдѣ, такъ надобно поискать его вездѣ» и проч.

Время нашего разговора сближилось подъ самой ужинъ. Отецъ архимандритъ, выслушавъ изъясненія моихъ намѣреній, пожелалъ мнѣ спокойной ночи, и пошолъ въ дальніе покои, не говоря больше ни слова. Еще я не опомнился хорошенько, и не зналъ за что почесть неожидаемой побѣгъ нашего хозяина, какъ подошелъ ко мнѣ его келейный и сказалъ: что, «его высокопреподобіе кушать не изволитъ, такъ неугодно-ль вамъ откушать съ нами?»

Бывши я почотною особою при сѣвскомъ неуступчивомъ архіереѣ, не почиталъ уже новымъ дѣломъ презирать и самыхъ архимандритовъ; почему и отказался спѣсиво отъ предложенной мнѣ чести *). Вслѣдствіе сего, потащились мы съ Луцевинымъ къ своей коляскѣ, стоящей подъ повѣтью. На столовой припасъ мы не имѣли нужды; но я не помню, ужинали мы, или нѣтъ. Того только нельзя забыть, что мы съ своимъ сопутникомъ, имѣя одни намѣреньи, имѣли различныя съ нимъ природныя свойства. Я когда бываю въ душевномъ прискорбіи, тогда не могу спать и ѣсть, а онъ, въ подобномъ случаѣ, погружался въ крѣпкой сонъ. Онъ, пользуясь симъ преимуществомъ, тотчасъ въ коляскѣ успокоился; а я цѣлую, хотя іюльскую ночь, ни глазомъ не сомкнулъ, размышляя почеловѣчески о неизвѣстности будущаго моего жребія, хотя размышленія таковыя приводятъ только въ изнеможеніе душевныя силы; да и для чего бы тревожить себя размышленіями о томъ, чего намъ природа не позволила ни пред-

---

*) Тогда носился слухъ, что сѣвскій архіерей переведенъ будетъ въ Черниговъ, а черниговскій—на другую епархію. Архимандритъ, услыша отъ меня, что я уже къ архіерею моему не возвращусь, почувствовалъ для себя тягостію продолжить гостепріимство. Г. Д.

видѣть, ни предъузнать? Но съ другой стороны, тотъ же гласъ природы всегда мнѣ внушалъ такъ: «ты родился сиротою и живешь ты безъ друзей. Ежели ты самъ о себѣ не потревожишься, то никто другой вмѣсто тебя не потревожится».

Уже на разсвѣтѣ я заснулъ. Но въ самомъ моемъ спокойствіи пробудилъ меня необыкновенной шумъ. Это было вотъ какое дѣйствіе: человѣкъ съ 8-мъ монастырскихъ служителей тащили женщину, которая, изъ-подъ общаго ихъ шума, просила пощады воплемъ,—какъ говорятъ въ монастыряхъ,—до небесъ досязающимъ. Втавщивши ее въ сарай, начали тиранить кнутьемъ. Мученица кричала пока могла. Потомъ вытащили ее изъ сарая и бросили въ пустую тутъ же стоящую избу и повидимому служащую для этакихъ богоугодныхъ употребленій. Вѣрные сіи исполнители милосердія на вопросъ мой отвѣчали, что это попадья, которую его высокопреподобіе приказалъ обсѣчь отъ шеи до пятъ, по жалобѣ келейнаго его хлопца.

Мое сердце, сотворенное къ сугубому состраданію всякой и чужой ранѣ, хотя бы то была и не попадья, остановясь вопрошало само себя: «Всемогущее Провидѣніе! для чего дано человѣку заблужденіе, что мы называемъ преступленіемъ, ежели онъ подвергается за него различнымъ горестямъ и страданіямъ? Для чего не дано ему столько благоразумной осторожности, чтобъ онъ, удаляясь пороковъ или ошибокъ, могъ избѣгать всѣхъ золъ, томящихъ краткую его жизнь? и для чего отъ начала міра по нынѣ, отъ нынѣ и до вѣка, сильный злодѣй утѣсняетъ безсильнаго добраго и никому за то не отвѣчаетъ?»—вопрошало, и никто ему не отвѣчалъ!

Мы выхлопотали кое-какъ при помочи денегъ лошадей съ почты, представляя, вмѣсто подорожной, наши пашпорты. Около полудня, отецъ архимандритъ увидя насъ заботящихся при коляскѣ объ отъѣздѣ, удостоилъ мимоходомъ вопросить: «что, уже на выѣздѣ?» Сей вопросъ придалъ намъ охоты къ выѣзду, и отвратилъ остатки желанія быть на отпускной аудіенціи и благодарить его высокопреподобіе за столь мудреной пріемъ и угощеніе.

Мы достигли Добрянки, гдѣ прежняя граница, раздѣлявшая Россію съ Польшею, была еще не снята. Таможенные досмотрщики приступили-было коляску нашу осмотрѣть; но будучи прак-

тики въ знаніи проѣзжающихъ, пожелали намъ благополучнаго проѣзда, не безпокоя насъ разбивкою безполезныхъ для нихъ вещей. Стоявшіе при рогаткахъ, будкахъ, притинахъ, пакхаузахъ, кланялись намъ мимоѣдущимъ и подставляли руки, чтобъ мы имъ что нибудь бросили. При выполненіи нами сего обряда, Луцевинъ говорилъ: что и въ воеводскихъ канцеляріяхъ сторожамъ такъ же бросаютъ.

Я отвѣчалъ, что въ монастыряхъ, въ праздники, на молебнахъ и попамъ въ церквахъ также кладутъ:

— «Я,—говорилъ Луцевинъ,—будучи въ Рыльскомъ магистратѣ при дѣлахъ, никогда не прашивалъ, и меня за это любили и дарили, и называли добрымъ и честнымъ малымъ».

— Мнѣ, говорилъ я, не было необходимости просить: меня въ архіерейскомъ домѣ просители сами дарили; и я наконецъ взялъ себѣ за обыкновеніе, ниже рубля не принимать, дабы чрезъ сіе показать мое сожалѣніе и услугу тѣмъ людямъ, которые выше рубля подарить не въ силахъ. И мнѣ вслухъ накрикивали, что я доброй человѣкъ».

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВЪ ВЪ РОССИИ.

Записки князя М. М. Щербатова.

VIII *).

Сей государь (Петръ III) имѣлъ при себѣ главнаго своего любимца, Льва Александровича Нарышкина, человѣка довольно умнаго, но такого ума, который ни къ какому **) дѣлу стремленія не имѣлъ, трусливъ, жаденъ къ честямъ и корысти, удобенъ ко всякому роскошу, шутливъ и, словомъ, по обращеніямъ своимъ, и по охотѣ шутить болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ, нежели вельможею. Сей былъ помощникъ всѣхъ его страстей.

Взошедши сей государь на всероссійскій престолъ, безъ ос-

---

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. томъ второй, стр. 13—56; 99—116. Помѣщая въ настоящей книгѣ окончаніе Записокъ сенатора кн. М. М. Щербатова, считаемъ необходимымъ оговориться по слѣдующему предмету: приступивъ къ изданію этого документа на страницахъ «Русской Старины» еще въ іюлѣ 1870 г. (т. II, стр. 13—56), мы заявили въ предисловіи, что печатаемъ подлинную рукопись автора дословно, т.-е. не только ничего не выпуская, но даже приводя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ тѣ выраженія, которыя авторъ счелъ нужнымъ зачеркнуть. Въ такомъ видѣ было напечатано нами шесть главъ, т.-е. бо̀льшая половина записокъ: «О поврежденіи нравовъ»; затѣмъ, при изданіи VII-й главы, уже въ августовской книгѣ «Русской Старины» 1870 г. (т. II, стр. 99—116) мы, по обстоятельствамъ не отъ насъ зависѣвшимъ, должны были сдѣлать пропуски, всего до трехъ строкъ, которыя, при перепечаткѣ, и замѣнены точками. Нынѣ, во избѣжаніе новыхъ затрудненій при выпускѣ книги въ свѣтъ, мы сочли необходимымъ сдѣлать въ VIII-й и IX-й (послѣдней) главахъ Записокъ кн. Щербатова болѣе значительные пропуски, а именно: всего до тридцати трехъ печатныхъ строкъ. Таковыя искаженія историческаго документа намъ тѣмъ прискорбнѣе, что «Русская Старина», посвященная преимущественно изданію матеріаловъ къ новѣйшей отечественной исторіи—имѣетъ твердою задачею относиться къ дѣлу, съ полнѣйшею правдою и безпристрастіемъ. Намъ казалось, что печатая восторженные панигирики царствованію Екатерины II-й сенатора Рунича («Русская Старина» т. II, стр. 366—372) мы имѣемъ право, въ видахъ всесторонняго изслѣдованія эпохи, напечатать цѣликомъ, единственно какъ историческій матеріалъ, и желчныя строки сенатора князя Щербатова....... Ред.

**) Зачеркнуто: «доброму».

новательнаго разума, безъ знанія во всякихъ дѣлахъ, восхотѣлъ поднять вольнымъ обхожденіемъ воинскій чинъ. Всѣ офицеры его голстинскіе, которыхъ онъ малый корпусъ имѣлъ и офицеры гвардіи часто имѣли честь быть при его столѣ *), куда всегда и дамы приглашались. Какіе сіи были столы? Тутъ вздорные разговоры, смѣшенные съ неумѣреннымъ питьемъ были смѣшаны, тутъ послѣ стола поставленный пуншъ, и положенныя трубки, продолженіе пьянства и дымъ отъ куренія табаку представлялъ болѣе какой трактиръ, нежели домъ государскій; коротко одѣтый и громко кричащій офицеръ выигрывалъ надъ прямо знающимъ свою должность. Похвала прусскому королю, тогда токмо преставшему быть нашимъ непріятелемъ, и униженіе храбрости россійскихъ войскъ составляли достоинство приобрѣсти любленіе государево; и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, при бывшей пробѣ россійской и прусской, взятой въ плѣнъ, артиллеріи, за то, что старался доказать и доказалъ, что россійская артиллерія лучше услужена, не получилъ за сіе Андреевской ленты, которыя тогда щедро были раздаваемы.

Имѣлъ государь любовницу, дурную и глупую графиню Елисавету Романовну Воронцову . . . . . . **).

Примѣчательна для Россіи (одна) ночь, какъ разсказывалъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, тогда бывшій его (Петра III) секретаремъ. Петръ Третій, дабы скрыть отъ графини Елисаветы Романовны, что онъ въ сію ночь будетъ веселиться . . . . . сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла въ разсужденіи благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошелъ веселиться .. .., сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтрею какое знатное узаконеніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ дацкою собакою. Волковъ, не зная ни причины, ни намѣренія государскаго, не зналъ о чемъ зачать писать, а писать надобно; но какъ онъ былъ человѣкъ догадливой, то вспомнилъ не рѣдкія въ тверженія государю отъ графа Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянства; сѣдши, написалъ манифестъ о семъ. По утру его изъ заключе-

*) Зачеркнуто: «но какіе сіи столы были». Ред.

**) Въ этомъ мѣстѣ опущено пятнадцать строкъ. Ред.

нія выпустили, и манифестъ былъ государемъ опробованъ и обнародованъ *).

Не токмо государь, угождая своему любострастію, тако благородныхъ женщинъ для удовольствія . . . . но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены, не скрываяся ни отъ мужа, ни родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислю ли я къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдилися впадать въ такія любострастія, съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже сочиняетъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ? Нѣтъ, да сокроются отъ потомства имена ихъ и роды ихъ да не обезчещутся напамятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабокъ; и тако довольствуясь описать какой былъ развратъ, подробно о любострастіяхъ ихъ, ни о именахъ ихъ не помяну, ибо въ самомъ дѣлѣ съ угрызеніемъ сердца моего принуждаю себя и тутъ, гдѣ необходимо должно поминать, именую таковыхъ, по причинѣ сочиненія сего, опредѣленнаго сокрыться въ моей фамиліи, меня принуждаетъ.

И тако, развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго роду роскошъ и пьянство составляло отличныя умоначертанія двора; а оттуда они уже нѣкоторые разлилися и на другія состоянія людей въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, а другіе разливаться начали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная принцесса Ангальтъ-Цербская, Екатерина Алексѣевна, взошла, съ низверженіемъ его, на россійскій престолъ.

IX.

Не рожденная отъ крови нашихъ государей. . . . . корону и скиптръ россійскій получила, купно и съ именованіемъ благочестивыя государыни, яко въ церквахъ о нашихъ государяхъ моленіе производится.

Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой имперіей, естли женщина возможетъ поднять сіе иго и естли одних качествъ довольно для сего вышняго сану. Одаренна довольной красотою, умна, обходительна **),

*) Мнѣніе наше о разсказѣ Волкова по предмету составленія манифеста о вольности дворянства, смотр. въ монографіи пишущаго эти строки: «Очеркъ царствованія Петра III». (Отеч. Записки 1867, кн. XVIII, стр. 768—770).

**) Зачеркнуто: «по системѣ». Ред.

великодушна*) и сострадательна по системѣ, славолюбива, трудолюбива по славолюбію, бережлива, предпріятельна и нѣкое чтеніе имѣющая. Впротчемъ мораль ея состоитъ на основаніи новыхъ философовъ, то есть, неутвержденная на твердомъ камени закона божія, а потому какъ на колеблющихся свѣцкихъ главностяхъ есть основана, съ ними обще колебанію подвержена. Напротивъ же того ея пороки суть: любострастна и совсѣмъ ввѣряющаяся своимъ любимцамъ, исполнена пышности во всѣхъ вещахъ, самолюбива до безконечности и немогущая себя принудить къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить; принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи, и наконецъ такъ перемѣнчива, что рѣдко и одинъ мѣсяцъ одинакая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ**).

Совсѣмъ тѣмъ вошедши на престолъ и неучиня жестокаго мщенія всѣмъ тѣмъ, которые до того ей досаждали, имѣла при себѣ любимца своего, который и спомоществовалъ ей взойтить на престолъ, человѣка***) взрощаго въ трактирахъ и въ неблагопристойныхъ домахъ, ничего неучившагося и ведущаго до того развратную младаго человѣка жизнь; но сердца и души доброй. Сей, вошедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть, среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты, охоты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторыя полезныя для государства правила, равно какъ и братья его; оныя состояли: никому не мстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому мѣсту и человѣку непрерывное исполненіе ихъ должностей, не льстить государю, выискивать людей достойныхъ и не производить, какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ, отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ), послѣ бывшій графомъ, а наконецъ княземъ, до смерти своей сохранилъ. Находя, что картошная азартная игра можетъ привести другихъ въ разореніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріятели графы Никита и Петръ Ивановичи Панины, никогда ни

---

*) Зачеркнуто: «бережлива». Ред.

**) Просимъ сличить настоящія строки съ отзывами того же автора объ Екатеринѣ II-й, напечатанные въ «Русской Старинѣ». т. I, изд. перв. стр. 28—30; изд. второе, стр. 115—117. Ред.

***) Зачеркнуто: «воспитаннаго».

малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ, а напротивъ того во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву государыни.

Изрубившему измѣнническимъ образомъ брата его Алексѣя Григорьевича,.... *) не токмо простилъ, но и милости сдѣлалъ; множество льстецовъ, которые тщились обуздать его самолюбіе, никогда успѣху не имѣли и, напротиву того, болѣе грубостію можно было снискать его любовь, нежели лестью; никогда въ управленіе непринадлежащаго ему мѣста не входилъ, а естлибы и случилось ему за кого попросить, никогда не сердился, ежели ему въ томъ отказывали; никогда не льстилъ своей государынѣ, къ которой неложное усердіе имѣлъ и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостію всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце, чему и самъ я многажды самовидцемъ бывалъ; старался и любилъ выискивать людей достойныхъ, поелику понятіе его могло постигать, но не токмо такихъ, которыхъ по единому ихъ достоинству облагодѣтельствовалъ, но ниже ближнихъ своихъ любимцевъ не любилъ инако производить, какъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, и первый знакъ его благоволенія былъ заставлять съ усердіемъ служить отечеству и въ опаснѣйшія мѣста употреблять, яко учинилъ съ Севолодомъ Алексѣевичемъ Севоложскимъ, котораго въ сущую въ Москвѣ язву съ собою взялъ и тамъ употребилъ его къ дѣлу; хотя съ молоду развратенъ и роскошенъ былъ, но послѣ никакой роскоши въ домѣ его не видно было, а именно, домъ его отличнаго въ убранствѣ ничего не имѣлъ, столъ его не ровнялся съ столами, какіе сластолюбы имѣютъ; экипажи его, хотя былъ и охотникъ до лошадей и до бѣгуновъ, ничего чрезвычайнаго не имѣли и, наконецъ, какъ сначала, такъ и до конца, никогда ни съ золотомъ, ни съ серебромъ платья не нашивалъ. Но всѣ его хорошія качества были затемнены его любострастіемъ; онъ презрѣлъ, что должное ему къ своему государю и ко двору государскому, учинилъ изъ двора государева домъ распутія; не было почти ни одной фрелины у двора, которая не подвергнута бы была его исканіямъ, и коль много было довольно слабыхъ, чтобы на оныя преклониться, и сіе терпимо было государыней, а наконецъ тринадцати-

*) *Изрубилъ* А. Г. Орлова — Шванвичъ, впослѣдствіи комендантъ въ Кронштадтѣ. Ред.

лѣтнюю двоюродную сестру свою, Катерину Николаевну З.- . . . ., и хотя послѣ на ней женился, но не прикрылъ тѣмъ порокъ свой, ибо уже всенародно оказалъ свое дѣяніе и въ самой женидьбѣ нарушилъ всѣ священные и гражданскіе законы.

Однако, во время его случая, дѣла довольно порядочно шли, и государыня, подражая простотѣ своего любимца, снисходила къ своимъ подданнымъ; не было многихъ раздаяній, но было исполненіе должностей и пріятство государево вмѣсто награжденій служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбіе государево истинами любимца укрощаемо часто было.

Однако, понеже добродѣтели не толь есть удобны къ подражанію, сколь пороки, мало послѣдовали достойнымъ похвалы его поступкамъ, но женщины, видя его и братей его любострастіе, гордились и старались ихъ любовницами учиниться, и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрѣ Третьемъ, долгою привычкою во время случая Орловыхъ, совсѣмъ ее погасили, тѣмъ наипаче, что сей былъ способъ получить и милость отъ государыни.

Не паденіе, но отлученіе его отъ мѣста любимца, подало случай другимъ его мѣсто . . . . занять, и можно сказать, что каждый любимецъ, хотя уже и коротко ихъ время было, какимъ-нибудь порокомъ, за взятые милліоны, одолжилъ Россію (окромѣ Васильчикова, который ни худа, ни добра не сдѣлалъ). Зоричъ ввелъ въ обычай непомѣрно великую игру; Потемкинъ—властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошъ въ столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость и, можно сказать, всѣ другіе, знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми или самъ преисполненъ и преисполняетъ окружающихъ его, и тако далѣ въ имперіи. Завадовскій ввелъ въ чины подлыхъ малороссіянъ; Корсаковъ приумножилъ безстыдство любострастія въ женахъ; Ланской жестокосердіе поставилъ быть въ чести; Ермоловъ не успѣлъ сдѣлать ничего, а Мамоновъ вводитъ деспотичество въ раздаяніи чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ.

Сама императрица, яко самолюбивая женщина, не токмо примѣрами своими, но и самымъ одобреніемъ пороковъ являемое

желаетъ ихъ силу умножить; она славолюбива и пышна, то любитъ лесть и подобострастіе. Изъ окружающихъ ее, Бецкій, человѣкъ малаго разума, но довольно пронырливъ, чтобы ее обмануть; зная ея склонность къ славолюбію, многія *) учрежденія сдѣлалъ, яко: сиропитательные домы, дѣвичій монастырь, на новомъ основаніи кадецкій сухопутный корпусъ и академію художествъ, ссудную и сироцкую казну, поступая въ томъ яко александрійскій архитекторъ, построющій фару, на коемъ зданіи на алебастрѣ имя Птоломея царя изобразилъ, давшаго деньги на строеніе, а подъ алебастромъ, на мраморѣ, свое изваялъ, дабы, когда отъ долготы временъ алебастръ отпадетъ, единое его имя видно было. Такъ и Бецкій, хотя показывалъ видъ, что все для славы императрицыной дѣлаетъ, но не токмо во всѣхъ проектахъ его, на разныхъ языкахъ напечатанныхъ, имя его яко перваго основателя является, но ниже оставилъ монархинѣ и той власти, чтобы избрать правителей сихъ мѣстъ, а самъ повсюду начальникомъ и деспотомъ былъ, до паденія его кредиту. Дабы закрыть сіе, всѣ способы были имъ употреблены ей льстить: повсюду похвалы гремѣли ей, въ рѣчахъ, въ сочиненіяхъ и даже въ представляемыхъ балетахъ на театрѣ, такъ что я самъ единожды слышалъ, при представленіи въ кадецкомъ корпусѣ балета Чесменскаго боя, что она сказала: «il me loue tant, qu'enfin il me gâtera». Щастлива бы была, естлибы движеніи душевныя послѣдовали симъ рѣчамъ, но нѣсть! Когда сіе изрекла, душа ея пышностію и лестію упивалась.

Не меньше Иванъ Перфильевичъ Елагинъ употреблялъ стараній приватно и всенародно ей льстить. Бывъ директоромъ театру, разныя сочиненія въ честь ея слагаемы были, балеты танцами возвѣщали ея дѣла, иногда слова возвѣщали пришествіе россійскаго флота въ Морею, иногда бой Чесменскій былъ похваляемъ, иногда воспа съ Россіею плясала.

Также кн. А. А. Вяземскій, генералъ-прокуроръ, человѣкъ неблистательнаго ума, но глубокаго разсужденія, бывшій генералъ-прокуроромъ и имѣвшій въ рукахъ своихъ доходы государственные, искуснѣйшій способъ для лщенія употребилъ. Притворился быть глупымъ, представлялъ ей совершенное благоустрой-

*) Зачеркнуто: «установленія». Ред.

ство государства подъ властію ее, и говоря, что онъ, бывъ глупъ, все едиными ея наставленіями и бывъ побужденъ духомъ ея, дѣлаетъ, и иногда премудрость ея не токмо ровнялъ, но и превозвышалъ надъ Божіей, а симъ самымъ учинился властителемъ надъ нею. Безбородка, ее секретарь, нынѣ уже графъ, членъ иностранной коллегіи, гофмейстеръ, генералъ-почтъ-директоръ, и все въ разсужденіи правительства, за правило имѣетъ никогда противу ее не говорить, но похваляя, исполнять всѣ ея велѣнія, и за сіе непомѣрныя награжденія получилъ.

Дошедшая до такой степени лесть при дворѣ и отъ людей въ дѣла употребленныхъ, начали другими образами льстить. Построитъ ли кто домъ на данныя отъ нея отчасти деньги, или на наворованныя, зоветъ ее на новоселье, гдѣ на люменаціи пишетъ: «твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая»; или подписываетъ на домѣ: «щедротами великія Екатерины», забывая приполнить, «но разореніемъ Россіи»; или, давая праздники ей, дѣлаетъ сады, нечаянные представленіи, декораціи, вездѣ лесть и подобострастіе изъявляющія *) . . . .

. . . . стараясь закрывать ущербъ, лѣтами приключенной, отъ простоты своего одѣянія отстала, и хотя въ молодости и не любила златотканныхъ одѣяній, хотя осуждала императрицу Елисавету Петровну, что довольно великій оставила гардеробъ, чтобъ цѣлое войско одѣть, сама стала ко изобрѣтенію приличныхъ платьевъ и къ богатому ихъ украшенію страсть свою оказывать; а симъ нетокмо женамъ, но и мущинамъ подала случай къ таковому же роскошу. Я помню, что вошедъ ко двору въ 1768 году, одинъ былъ у всего двора шитый золотомъ красный суконный кафтанъ у Василья Ильича Бибикова; въ 1769 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ императрица разгнѣвалась на графа Ивана Григорьевича Чернышева, что онъ въ день рожденія ея въ шитомъ кафтанѣ въ Сарское Село пріѣхалъ, а въ 1777 году, когда я отсталъ отъ двора, то уже всѣ и въ простые дни златотканныя съ шитьемъ одѣяніи носили, и почти уже стыдились по одному борту имѣть шитье.

Не можно сказать, чтобы императрица была прихотлива въ кушаньѣ, но можно сказать, что еще слишкомъ умѣренна; но

*) Здѣсь опущено пятнадцать строкъ. Ред.

бывшій ея любимецъ, а оставшись всемогущимъ ея другомъ, кн. Григорій Александровичъ Потемкинъ, нетокмо прихотливъ въ ѣдѣ, но даже и обжорливъ; неосторожность оберъ-гофъ-маршала кн. Николая Михайловича Голицына приготовить ему какого-то любимаго блюда, подвергла его къ подлому ругательству отъ Потемкина и принудила итти въ отставку; то послѣ сего каждый да разсудитъ,—наслѣдники князя Голицына, Григорій Никитичъ Орловъ и князь Өедоръ Сергѣичъ Борятинскій не употребляютъ-ли таперь все свое тщаніе, дабы удовольствовать сего всемогущаго въ государствѣ обжору; и подлинно, столъ государевъ гораздо великолѣпнѣя и лутче нынѣ сталъ, а также, дабы угодить сему другу монаршу, повсюду стали стараться умножать великолѣпіе въ столахъ (хотя и до него оно довольно было), и отъ вышнихъ до нижнихъ болѣзнь сія роскоша и желаніе лутчими вещами насытиться распространилась.

Общимъ образомъ сказать, что жены болѣе имѣютъ склонности къ самовластію, нежели мущины; о сей же со справедливостію можно увѣрить, что она наипаче въ семъ случаѣ есть изъ женъ жена. Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ то, когда докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея законы поставляютъ и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ— «развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить?» Но не нашла никого, кто бы осмѣлился отвѣтствовать ей,—что «можетъ, яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и повѣренности народной». Дѣла многія свидѣтельствуютъ ея самовластіе: 1) возвращеніе Марьѣ Павловнѣ Нарышкиной отъ Талызина деревень, утвержденныхъ купчими и самымъ владѣніемъ; 2) дѣло дѣтей кн. Бориса Вас. Голицына о прадѣда ихъ Стрешневскихъ деревняхъ, беззаконно отписанныхъ; сенатомъ сіе беззаконіе признано и докладомъ испрашивано было позволеніе ихъ законнымъ наслѣдникамъ возвратить и подписъ на докладѣ: быть по сему, являлся сдѣлать справедливое удовлетвореніе онымъ; но послѣ изъ комнаты было истолковано, что быть по сему знаменовало: быть въ описи. Акимъ Ивановичъ Апухтинъ докладывалъ ей по военной коллегіи объ отставкѣ одного генералъ-маеора, получилъ повелѣніе отставить безъ чина; но какъ онъ зачалъ представлять, что законы точно повелѣваютъ

генералъ-маеорамъ давать чины при отставкѣ, получилъ въ отвѣтъ, что она превыше законовъ и дать ему не хочетъ сего награжденія. Таковые примѣры, видимые въ самомъ государѣ, не побуждаютъ ли и вельможъ къ подобному же самовластію и къ несправедливостямъ, и стенящая отъ таковыхъ наглостей Россія ежедневные знаки представляетъ, коль есть заразителенъ примѣръ государскій.

Такое расположеніе мыслей, а паче въ особѣ, преданной своимъ любимцамъ, естественно влечетъ за собою пристрастіе и неправосудіе; многіе могъ бы я примѣры представить одному и другому, но довольно ежели я скажу, что не любя Сахарова, яко человѣка дурныхъ нравовъ (которой однако, долгое время бывъ камердинеромъ ея, пользовался ея довѣренностію, хотя не лутче былъ), дѣло его безъ разсмотрѣнія было отдано въ архивъ, якобы дурные нравы должно было дѣломъ по деревнямъ наказать, въ каковомъ случаѣ и развратной человѣкъ можетъ имѣть справедливость, и тутъ не нравы и расположеніе судится, но что кому принадлежитъ исключительно до всего другова. И дѣло Вахмейстера о беззаконно отписанныхъ у дѣда его лифляндскихъ имѣніяхъ, признанное справедливымъ всѣми департаментами сената, рѣшеніе получило, что оныя таки отданы генералу Броуну, за которымъ и осталися *). Графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, во все время своей жизни признанный здоимцемъ, былъ опредѣленъ въ намѣстники во Владиміръ и не преставалъ обыкновенныя свои здоимства производить; несокрыты оныя были отъ государя, который токмо двоезнаменующимъ знакомъ, присылкою большаго кошелька, его укорилъ**). Но какъ онъ уже умеръ и разоренье народа дошло до крайности, тогда повелѣно слѣдовать его и губернаторскій поступокъ; но хотя и семь лѣтъ разоренье народное продолжалось, а слѣдствіе повелѣно учинить токмо за два года. Таковые примѣры, часто слу-

---

*) Зачеркнуто: «примѣръ такой, обнаруженный въ государѣ не подаетъ ли подданнымъ поводу». Ред.

**) Фактъ присылки кошелька, длиною болѣе аршина, намѣстнику Владимірскому, Тамбовскому и Пензенскому, совершился 27 ноября 1783 года. Въ этотъ самый день, день ангела Романа Ларіоновича Воронцова, ему, во время торжественнаго обѣда, посланный отъ государыни вручилъ роковой подарокъ. Семидесятишестилѣтній старецъ не перенесъ вполнѣ заслуженнаго удара: чрезъ три дня его не стало. Гр. Р. Л. Воронцовъ род. 1707 года

чающіися, не подають ли подданнымъ побужденія подобнымъ поступкамъ для пользъ своихъ подражать? Случилось мнѣ читать въ одной книгѣ ясный примѣръ, что тщетно будетъ стараться начертить вѣрный кругъ, когда центръ невѣренъ и колеблющъ, никогда черта круга вѣрно не сойдется; и слова св. писанія ясно же означающія должность начальниковъ: «учителю, исправься самъ».

Можно ли подумать, чтобы государь, чинящій великія раздаянія, государь, къ коему стекаются большей частью сокровища всего государства, могъ быть корыстолюбивъ? Однако сіе есть: ибо инако я не могу назвать введеніе толь всѣми политическими писателями охуляемаго обычаю чины за деньги продавать, а сему есть множество примѣровъ: развратный нравами и корыстолюбивый откупщикъ Лукинъ, давъ восемь тысячъ двору, изъ наворованныхъ денегъ и подаря его въ народное училище, чинъ капитанскій получилъ; и Прокофей Демидовъ, привоженной подъ висилицу за пашквили, бывшій подъ слѣдствіемъ за битье въ домѣ своемъ секретаря юстицъ-коллегіи, дѣлавшій безпрестанно наглости и проказы, противныя всякому благоучрежденному правленію, за то, что, съ обидою дѣтей своихъ, давалъ деньги въ сиропитательный домъ, чинъ генералъ-маеорской получилъ, а за даяніе пяти тысячъ въ пользу народныхъ школъ, учинено ему всенародно объявленное чрезъ газеты благодареніе, якобы государь не могъ полезныхъ учрежденій завести безъ приниманія денегъ отъ развратныхъ людей, и якобы деньгами могли искупиться развратные нравы. Примѣръ сей еще другихъ заразительнѣе учинился. Чины стали всѣ продажны, должности не достойнѣйшимъ стали даваться, но кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали сіе вымѣщать.

Купцы, воровствомъ короны обогатившіеся, большіе чины получили, яко Логиновъ, бывшій откупщикъ и не токмо воръ по откупамъ, но и приличившійся въ воровствѣ комиссиріатской

и умеръ кавалеромъ ордена св. Андрея—30 ноября 1783 г. Изслѣдовать всѣ злоупотребленія покойнаго намѣстника посланъ былъ въ 1784 году сенаторъ кн. М. М. Щербатовъ, авторъ печатаемыхъ здѣсь записокъ; онъ изобличилъ множество взяточничества и проч. Вообще кн. Щербатовъ отличался замѣчательнымъ безкорыстіемъ и, по свидѣтельству его біографа: «любилъ полезными совѣтами и убѣжденіями возстановлять спокойствіе въ семействахъ».

Ред.

суммы, чины штатскіе получилъ; Θалѣевъ, въ подрядахъ съ государемъ взимая вездѣ тройную цѣну, нетокмо самъ штатскіе чины и дворянство получилъ, но и всѣхъ своихъ прислужниковъ въ штапъ-офицеры и въ офицеры произвелъ.

Торговля впала въ презрѣніе, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, развратность ободрена, а все подъ очами и знаніемъ государя; то можно ли послѣ сего правосудія и безкорыстности отъ нижнихъ судей требовать?

Все царствованіе сей самодержицы означено дѣяніями, относящимися къ ея славолюбію. Множество учиненныхъ ею заведеній, являющихся для пользы народной заведенныхъ, въ самомъ дѣлѣ не суть, какъ токмо знаки ея славолюбія; ибо естли бы дѣйствительно имѣла пользу государственную въ виду, то учиня заведенія, прилагала бы стараніи и о успѣхѣ ихъ, не довольствуясь заведеніемъ и увѣреніемъ, что въ потомствѣ она яко основательница оныхъ вѣчно будетъ почитаться; о успѣхѣ не радѣла и, видя злоупотребленія, ихъ не пресѣкала.

Свидѣтельствуетъ сіе заведеніе сиропитательнаго дому, дѣвичьева монастыря для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, переправленіе кадецкаго корпуса и пр., изъ которыхъ въ первомъ множество малолѣтныхъ померло, а и по нынѣ, чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, мало или почти никого ремесленниковъ не вышло; во второмъ, ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, поелику природа ихъ симъ снабдила; и воспитаніе болѣе состояло играть комедіи, нежели серце, нравы и разумъ исправлять; изъ третьяго вышли съ малымъ знаніемъ и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія. Зачатыя войны еще сіе свидѣтельствуютъ: по пристрастію возвели на польскій престолъ Понятовскаго, хотѣли ему, противу вольностей польскихъ, прибавить самовластія; взяли въ защищеніе десидентовъ и вмѣсто, чтобъ стараться сихъ утѣсненныхъ за законъ, въ Россію къ единовѣрнымъ своимъ призывать, ослабить тѣмъ Польшу и усилить Россію, чрезъ сіе подали причину къ турецкой войнѣ, щастливой въ дѣйствіяхъ, но болѣе Россіи стоющей, нежели какая прежде бывшая война; послали флотъ въ Грецію, которой божескимъ защищеніемъ побѣду одержалъ; но мысль въ сей посылкѣ была единое славолюбіе. Раздѣлили Польшу, а тѣмъ усилили Австрійскій и Бранденбурскій домы и

потеряли у Россіи сильное дѣйствіе ея надъ Польшею; приобрѣли, или лутче сказать, похитили Крымъ, страну, по разности своего климата, служащую границею россіанамъ. Составили учрежденія, которыя не стыдились законами называть и содѣланныя намѣстничества наполня безъ разбору людьми, съ разрушеніемъ всего перваго, ко вреду общества, ко умноженію ябедъ и разоренія народнова, да и за тѣми надзиранія не имѣютъ, исправляютъ ли точно по даннымъ наставленіямъ. Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлаютъ отягощеніе народу. Таковое необузданное славолюбіе также побуждаетъ стремиться къ созиданію неищетнаго числа и повсюду великихъ зданій; земледѣльцы многою работою стали отъ ихъ земли корыстію отвлекаемы; доходы государственные едвали достаютъ на такія строеніи, которыя и построившись въ тягость онымъ своимъ содержаніемъ будутъ; и приватные подражая сей охотѣ, основанной на славолюбіи, чтобъ чрезъ многіе вѣки пребывающія зданія, имя свое сохранить, безумно кинулись въ такія строеніи и украшеніи ихъ. Единые отъ избытка, многія тысячи для спокойствія и удовольствія своего въ созиданіи домовъ, огородовъ, бесѣдокъ многія тысячи полагаютъ; другой изъ пышности, а третей, наконецъ, послѣдуя вредному примѣру, тоже сверхъ достатку своего дѣлаетъ и чтобъ не отстать отъ другихъ, а всѣ обще, находя себѣ спокойствіе и удовольствіе, мало по малу въ разореніе сей роскошью приходятъ, тяготятъ себя и государство, и часто недостатокъ своихъ доходовъ лихоимствомъ и другими охулительными способами наполняютъ.

Совѣсть моя свидѣтельствуетъ мнѣ, что всѣ, коль ни есть черны мои повѣствіи, но онѣ суть непристрастны, и единая истинна и развратъ, въ которой впали всѣ отечества моего подданные, отъ коего оно стонетъ, принудилъ меня оные на бумагу преложить; и тако по довольному описанію нравовъ сея императрицы, довольно можно расположенія души и серца ея видѣть. Дружба чистая никогда не вселялась въ серце ея, и она готова лучшаго своего друга и слугу предать въ угодность любимца своего. Не имѣетъ она материнскихъ чувствъ къ сыну своему, и обо всѣхъ за правило себѣ имѣетъ ласкать без-

мѣрно и уважать человѣка, пока въ немъ нужда состоитъ, а потомъ, по пословицѣ своей, выжатой лимонъ кидать. Примѣры сему суть: Анна Алексѣевна Матюшкина, всегда и во время гоненія ея, бывшая къ ней привязана, наконецъ отброшена стала; графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, спомоществующій ей, когда она была великою княгинею, во всѣхъ ея намѣреніяхъ и претерпѣвшій за нее нещастіе, при концѣ жизни своей, всей ея повѣренности лишился и послѣ смерти его, она его бранила; графъ Никита Ивановичъ Панинъ, спомоществующій взойти ей на престолъ, при старости отъятіе всѣхъ должностей своихъ видѣлъ и можетъ быть сіе кончину его приключило; Николай Ивановичъ Чечеринъ, служившій ей со всѣмъ возможнымъ усердіемъ и носившій ея милость, толико наконецъ отъ нея гнанъ былъ, что безвременно животъ свой окончилъ; князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, фельдмаршалъ, безмолвный исполнитель всѣхъ ея велѣній, безъ сожалѣнія отъ нея умеръ; ибо хотя и извѣстно еще поутру было о его смерти, но тотъ день весела на концертъ вышла, и давъ время своему веселію, отходя, спросила любимца своего Ланскова: «каковъ кн. Александръ Михайловичъ?» и, получа извѣстіе о смерти его, сдѣлала видъ тогда заплакать, а сіе и показуетъ, колико фальшивое имѣетъ сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ея любимица и другъ, наконецъ была отъ двора отогната и съ печали умерла. Посему, да судитъ каждый, могутъ ли чистыя дружбы чувствованія возгнѣздиться по такимъ примѣрамъ въ подданныхъ.

Представивъ сію печальную картину, кажется, что уже не настоитъ нужды сказывать, имѣетъ-ли она вѣру къ закону Божію, ибо, естлибы сіе имѣла, то бы самый законъ Божій могъ исправить ея сердце и наставить стопы ея на путь истины. Но нѣсть: упоена безразмыслительнымъ чтеніемъ новыхъ писателей, законъ христіанскій (хотя довольно набожна быть притворяется) ни за что почитаетъ. Коль ни скрываетъ своихъ мыслей, но онѣ многажды въ бесѣдахъ ея открываются, а дѣянія и паче доказуютъ: многія книги Вольтеровы, разрушающія законъ, по ея велѣнію, были переведены, яко: «Кандидъ», «Принцесса Вавилонская» и прочія, и «Белизеръ» Мармонтелевъ, не полагающей никакой разности между добродѣтели язычниковъ и

добродѣтели христіанской, не токмо обществомъ, по ея велѣнію, былъ переведенъ, но и сама участницею перевода онаго была, а терпѣніе, или лутче сказать позволеніе противныхъ закону браковъ, яко князей Орлова и Голицына на двоюродныхъ ихъ сестрахъ и генерала Боура на его падчерицѣ, наиболѣе сіе доказуютъ. И тако можно сказать, что въ царствованіе ея и сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена стала.

Таковыми степенями достигла Россія до разрушенія всѣхъ добрыхъ нравовъ, о каковомъ при самомъ началѣ я помянулъ. Плачевное состояніе, о коемъ токмо должно просить Бога, чтобъ лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было; а до сего дойтить инако не можно, какъ тогда, когда мы будемъ имѣть государя искренно привязаннаго къ закону Божію; строгова наблюдателя правосудія, начавши съ себя; умѣреннаго въ пышности царскаго престола; награждающаго добродѣтель и ненавидящаго пороки; показующаго примѣръ трудолюбія и снисхожденіе на совѣты умныхъ людей; тверда въ предпріятіяхъ, но безъ упрямства; мягкосерда и постоянна въ дружбѣ; показующаго примѣръ собою своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою, и гонящаго любострастіе; щедра, безъ расточительности, для своихъ подданныхъ и искавшаго награждать добродѣтели, качества и заслуги безъ всякаго пристрастія; умѣющаго раздѣлить труды, что принадлежитъ какимъ учрежденнымъ правительствамъ и что государю на себя взять, и наконецъ, могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и предать основательныя права государству и довольно тверда, чтобы ихъ исполнять.

Тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердитъ среди градовъ и при самомъ дворѣ престолъ свой; правосудіе не покривитъ свои вѣски ни для мзды, ни для сильнаго; здоимство и робость отъ вельможъ изгонятся; любовь отечества возгнѣздится въ серца гражданскія, и будутъ не пышностію житья и не богатствомъ хвалиться, но безпристрастіемъ, заслугами и безкорыстностію. Не будутъ помышлять, кто при дворѣ великъ и кто упадаетъ, но имѣя въ предметѣ законы и добродѣтель, будутъ почитать ихъ, яко компасомъ, могущимъ ихъ довести и до чиновъ и до достатка. Дворяне будутъ въ разныхъ должностяхъ служить съ приличною ревностію званію ихъ; купцы пре-

станутъ желать быть офицерами и дворянами; каждый сократится въ свое состояніе, и торговля уменьшеніемъ ввозу, сластолюбіе побуждающихъ, чужестранныхъ товаровъ, а отвозовъ россійскихъ произведеній, процвѣтетъ; искуствы и ремеслы умножатся, дабы внутри Россіи содѣлать нужное къ пышности и великолѣпію нѣкоего числа людей.

Князь М. М. Щербатовъ.

Примѣчаніе. Когда написано сочиненіе кн. Щербатова: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи?" Этотъ вопросъ довольно важенъ для выясненія многихъ мѣстъ этихъ записокъ, и онъ получитъ свое значеніе особенно тогда, когда будущій изслѣдователь, разсмотрѣвъ въ общей связи всѣ факты какъ общественной, такъ и ученой дѣятельности исторіографа императрицы Екатерины II, выяснитъ причины тѣхъ или другихъ отзывовъ этого писателя о современныхъ ему дѣятеляхъ. Итакъ, относительно опредѣленія времени созданія сочиненія: „О поврежденіи нравовъ" надо обратиться къ нему самому: въ немъ встрѣчаются слѣдующія указанія по сему предмету. Говоря о воспитательныхъ домахъ (стр. 684) авторъ замѣчаетъ: „а и по нынѣ, чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ" и проч. Московскій воспитательный домъ учрежденъ въ 1764 г., Петербургскій — 1 октября 1770 года, слѣдовательно соч. кн. Щербатова написано между 1784 и 1790 г. (авторъ умеръ 12 декабря 1790 г.). Въ другомъ мѣстѣ — князь говоритъ о графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, какъ о лицѣ живомъ. Шереметевъ умеръ 30 ноября 1788 г. — слѣдовательно „О поврежденіи нравовъ" было написано не позже 1788 года; наконецъ исторіографъ говоритъ о графѣ Александрѣ Матвѣевичѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ, какъ о человѣкѣ пользовавшемся, во время составленія этого сочиненія, значеніемъ при дворѣ. Мамоновъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ 4 мая 1788 г. и съ этого именно времени находился въ случаѣ. Значеніе его продолжалось только до 1 іюля 1789 года; такимъ образомъ время написанія изданныхъ нами записокъ опредѣляется довольно точно: въ теченіи лѣта 1788 и зимы 1789 г.

Ред.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II

къ

ГРАФУ СТАКЕЛЬБЕРГУ.

1773—1793.

XLIX *).

Господинъ графъ Стакельбергъ. Письмомъ этимъ я повторяю вамъ рѣшительно и прямо мое приказаніе никакъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, тѣмъ болѣе во время сейма. Повелѣваю вамъ старательно избѣгать всякаго случая, который могъ бы мало-мальски замѣшать васъ въ какія бы то ни было интриги, происки или партіи, однимъ словомъ, я запрещаю вамъ вмѣшиваться. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 30-го января 1792 г.

L.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Прилагаю къ сему письмо шведскому королю; вы передадите его такъ же, какъ дѣлали до сихъ поръ. Я не посылаю вамъ копіи, предполагая, что

*) См. «Русскую Старину» 1871 г. т. III стр. 310—325; 474—484; 560—575.

XLIX. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur Le Comte de Stakelberg. Par celle ci je Vous reïtere l'ordre tres exprès et bien clairement prononcé de ne pas Vous meler d'aucune maniere dans les affaires interieure du Royaume de Suede, et encore moins dans le tems de la Diete, je Vous ordonne d'eviter avec Soin toutes les occasions qui pourroit le moins du monde donner lieu a Vous inmiscer dans quoi-que ce Soit d'intrigues de menées ou de parti, en un mot je Vous defend de Vous en meler. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous aye en Sa sainte et digne Garde. Catherine.

a St: Petersb: ce 30 Janvier 1792.

L. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg. Je vous envoie ci-joint une lettre de ma part

король дастъ вамъ подлинникъ. Дѣло идетъ все еще о Франціи. Король, надѣюсь, будетъ доволенъ тѣмъ, что я согласна съ нимъ въ этомъ случаѣ. Но я замѣтила изъ его словъ, что онъ безпокоится болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, о благопріятномъ окончаніи этого дѣла, въ виду послѣдующихъ намѣреній австрійскаго двора, который наконецъ принялся за это дѣло. Со свойственнымъ лично вамъ только умѣньемъ разсуждать, внушите королю, что австрійскій дворъ только и можно подвинуть на дѣла, оказывая ему полное довѣріе и предоставляя повидимому полную свободу въ его дѣйствіяхъ; что единственною цѣлью короля и моею въ томъ, что касается французской короны — должно быть, по возможности, возстановленіе до-революціоннаго порядка вещей, и коль скоро мы однажды возвратимъ жизнь и силу этому могучему государству, то оно уже само, съ помощью своихъ безкорыстныхъ друзей, будетъ въ состояніи противодѣйствовать всякому побужденію, вредящему его интересамъ и независимости. Затѣмъ молю Бога, господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Пребываю вамъ благосклонная Екатерина.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1792 г.

LI.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Съ ужасомъ узнала я о гнусномъ посягательствѣ на жизнь короля, моего двою-

---

au Roi de Suède que Vous lui remettrez de la manière dont Vous en avez agi avec les précédentes. Je ne Vous en fais pas communiquer la copie dans la supposition que le Roi Vous laissera voir l'original. Il n'y est toujours question que des affaires françaises. Le Roi sera, j'espère, content de l'analogie de mes idées là-dessus aux siennes. Mais j'ai observé dans les ouvertures qu'il m'a faites, qu'il s'inquiète peut-être plus qu'il ne faut pour bien acheminer cette affaire des vues subséquentes que la Cour de Vienne paraît avoir en la commençant enfin. Faites sentir à ce Prince par manière de réflexion propre à Vous personnellement que pour engager cette cour à agir, il faut lui montrer une grande confiance et un abandon entier que notre unique but au Roi et à moi doit être de rétablir les choses en France relativement au Roi sur le pied le plus approchant de celui, où elles étaient avant la révolution, et que lorsque nous avons ainsi rendu la vie et le ressort à ce corps robuste, il sera en état par lui-même et secondé de ses amis désinteressés de s'opposer efficacement à toute impulsion contraire à ses intérêts et à son intégrité qu'on voudra lui imprimer. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg, en Sa sainte et digne garde. Votre affectionnée Cätherine.

à St. Pétersb. le 3 février 1792.

LI. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg. Je n'ai pu apprendre qu'avec horreur l'attentat

роднаго брата, въ ночь $\frac{5}{16}$ числа этого мѣсяца *). Надѣюсь, что самыя послѣдствія не будутъ столь ужасны, какъ того можно ожидать. Таково по крайней мѣрѣ мое искреннее желаніе. Въ этой надеждѣ я написала королю письмо, которое прилагаю къ вашему. При передачѣ этого письма вы, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, увѣрите его во всей полнотѣ того сочувствія, которое я питаю къ нему въ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Но если Провидѣніе рѣшитъ противное моимъ желаніямъ, если дни короля сочтены,—все это сочувствіе естественнымъ образомъ перенесется на его наслѣдника. Вы не только передадите ему самыя сильныя и положительныя увѣренія въ моихъ чувствахъ, но постараетесь, насколько хватитъ силъ, охранить его законныя и неоспоримыя права отъ всѣхъ посягательствъ, какія только могутъ измыслить злонамѣренность и честолюбіе. Не теряя времени, я посылаю вамъ это письмо съ господиномъ Всеволодскимъ, офицеромъ гвардіи, чтобъ, какъ можно скорѣе, извѣстить васъ о моихъ намѣреніяхъ и дать возможность сообщить ихъ королю, если Господь не лишилъ насъ его, и принцу, сыну короля. Такъ какъ при выборѣ курьера я имѣла главнымъ образомъ въ виду освѣдомиться о состояніи здо-

*) Партія, недовольная ограниченіемъ правъ дворянства, составила заговоръ противъ Густава III. Жребій убить его палъ на одного изъ офицеровъ, Анкарстрема, который въ маскарадѣ и ранилъ смертельно короля выстрѣломъ изъ духового пистолета. Ред.

---

exécrable commis sur la personne du Roi, mon cousin, la nuit du $\frac{5}{16}$ de ce mois. J'espère encore que les suites n'en seront point aussi funestes qu'il y a lieu de l'appréhender. Tels sont du moins mes voeux les plus sincères. C'est dans cet espoir que j'écris au Roi la lettre ci-jointe. En la remettant à Sa Majesté, Vous l'assurerez dans les termes les plus énergiques de toute l'étendue de l'intérêt que je prends à cet affreux évènement. Mais si la Providence ne daigne pas exaucer mes voeux et qu'elle eut marqué là le terme des jours de ce Prince, tout cet intérêt se transporte naturellement sur son successeur. Vous aurez soin non seulement de lui en donner les assurances les plus fortes et les plus positives, mais Vous veillerez aussi autant qu'il sera de Votre ressort d'écarter de ses droits légitimes et incontestables toutes les atteintes que la malveillance et l'ambition injuste des autres pourraient imaginer de leur porter. C'est pour Vous mettre plutôt au fait de mes intentions et en état de les manifester au Roi, si Dieu nous l'a conservé, et au Prince, son fils, que je Vous fais dépêcher sans perte de temps le porteur de cette lettre, le Sr. Vsevolodsky, officier de mes gardes du corps. Mon but dans ce choix de courrier ayant été principalement de s'informer de l'état de la santé du Roi et d'en recevoir les nouvelles les plus promptes et les plus détaillées, Vous tâcherez de le réexpédier le plutôt possible. Comme je ne doute pas que la Reine et toute la famille royale ne partagent également la douleur et l'effroi que ce sinistre accident doit inspirer, Vous leur témoignerez aussi la

ровья короля и имѣть самыя скорыя и подробныя извѣстія, то и вы постараетесь отправить его, какъ можно, скорѣе. Я вполнѣ увѣрена въ томъ, что королева и все семейство короля раздѣляютъ горе и ужасъ, внушаемые этимъ зловѣщимъ событіемъ, и потому прошу васъ засвидѣтельствовать имъ также мое сочувствіе въ горѣ, которое они испытываютъ. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ, господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ, своею милостью. Пребываю вамъ благосклонная Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 14-го марта 1792 г.

LII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Вамъ не безъизвѣстны нескромныя и неприличныя выходки, которыя позволила себѣ покойная вдова шведскаго короля при рожденіи наслѣднаго принца. Въ то время распространился слухъ, что герцогъ Зюдерманландскій *) за одно съ матерью искалъ случая воспользоваться этимъ, чтобъ ослабить права племянника на престолъ. Я не дѣлаю никакихъ предположеній на счетъ того, какъ поступитъ принцъ на самомъ дѣлѣ,

*) Младшій братъ Густава III (р. 1758 † 1818); по достиженіи совершеннолѣтія его племянникомъ Густавомъ IV, онъ сложилъ съ себя званіе регента и жилъ частнымъ человѣкомъ до 1809 года, когда, вслѣдствіе революціи противъ Густава IV, онъ самъ вступилъ на шведскій престолъ подъ именемъ Карла XIII. Ред.

part que je prends aux sentiments qu'elles éprouvent dans cette circonstance, et sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg, en sa sainte et digne garde. Votre bien affectionnée Catherine.

à St. Pétersb: le 14 Mars 1792.

LII. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg. Vous n'ignorez pas les éclats indiscrets en indécents que la feue Reine douairière de Suède s'est permis à la naissance du Prince Royal. On a fait courir alors le bruit que le Duc de Sudermanie d'accord avec sa mère cherchait à s'en prévaloir en temps et lieu pour infirmer les droits de son neveu au trône. Je ne veux point préjuger sur la conduite que ce Prince tiendra en effet, mais je dois dès à présent la recommander à Votre vigilance. Si la providence dispose ou a déjà disposé de la vie du Roi, je veux que Vous manifestiez hautement l'intérêt que je prends à ce que Son fils ne soit nullement troublé dans ses droits légitimes et incontestables à mes yeux. Cette époque pourra amener le rassemblement d'une nouvelle Diète. Peut-être y-a-t-il déjà dès à présent des esprits qui s'occupent d'une certaine modification de la forme du gouvernement que Gustave III a introduite. Rien n'est plus probable que l'on s'en ouvre avec Vous. Votre marche dans ce cas doit être de tout écouter, tout accueillir et ne s'engager à rien, jusqu'à ce que Vous recevrez de ma part des

но я должна заранѣе обратить на это ваше вниманіе. Если король умираетъ или уже умеръ, то объявите отъ моего имени сильное участіе, которое я принимаю въ томъ, чтобъ его сынъ никакимъ образомъ не былъ обиженъ въ своихъ правахъ, которыя на мой взглядъ вполнѣ законны и неоспоримы. Эти обстоятельства могутъ повлечь за собою собраніе новаго сейма. Быть можетъ, нѣкоторыя головы уже теперь работаютъ надъ измѣненіями формы правленія, введенной Густавомъ III. Вамъ, по всей вѣроятности, повѣряютъ это. Ваше дѣло въ этомъ случаѣ все выслушивать, все принимать и ничего не обѣщать до тѣхъ поръ, пока не получите отъ меня точныхъ и положительныхъ приказаній. Имѣя въ рукахъ мнѣнія обѣихъ сторонъ, мы имѣемъ возможность выбирать, а такимъ образомъ избѣгаемъ неудобства замѣшательства, которое не подобаетъ намъ. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ, господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ, своею милостью. Остаюсь вамъ доброжелательная Екатерина.

С.-Петербургъ, 14-го марта 1792 г.

Я положительно поддержу права наслѣднаго принца, вы можете заявить объ этомъ при случаѣ.

LIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Чѣмъ менѣе я была приготовлена вашими успокоительными доводами касательно положенія покойнаго короля Швеціи, тѣмъ сильнѣе поразила и огор-

---

ordres précis et positifs. En voyant venir les deux partis, nous nous rendons maîtres du choix et nous évitons les inconvéniens des embarras, dans lesquels il ne nous conviendrait peut-être pas de nous engager. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg, en Sa sainte et digne garde. Votre bien affectionnée Catherine.

à St: Pétersb. le 14 Mars 1792.

(Собственноручно Екатериною II). Tres decidement je Soutiendrés les droits du Prince Royal c'est ce que Vous pourrés assurer en tems et lieu.

LIII. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg. Moins je me suis attendue après les nouvelles rassurantes que Vous nous avez données sur l'état du feu Roi de Suède au coup fatal qui vient de nous l'enlever, plus j'en ai été frappée et affligée. Obligée de me résigner à ce décret irrévocable de la providence, je n'ai pas voulu retarder aucune des consolations qui sont en mon pouvoir et dont le jeune Roi peut avoir besoin pour les lui offrir. Elles sont consignées dans la lettre ci-jointe que je lui adresse et que Vous aurez soin de lui remettre incessamment. J'en écris une autre au Duc de Sudermanie, déclaré Régent du Royaume par la volonté du défunt Roi. Vous la trouverez également ci-jointe et Vous aurez la même attention de la faire parvenir sans aucun délai. L'officier de mes gar-

чила меня неожиданность его смерти. Смиряясь предъ неумолимой волей Провидѣнія, я, немедля, посылаю юному королю *) тѣ утѣшенія, которыя только были въ моей силѣ, и въ которыхъ онъ, быть можетъ, нуждается. Онѣ заключаются въ письмѣ на его имя, тутъ же приложенномъ; вы потрудитесь передать ему его безъ отлагательства. Пишу другое письмо герцогу Зюдерманландскому, провозглашенному регентомъ Швеціи по волѣ покойнаго короля. Вы найдете его тутъ-же и немедленно доставите его. Офицеръ конной-гвардіи Всеволодскій уже вручилъ вамъ ввѣренные ему приказы. Приказы эти заключаютъ въ себѣ все тѣже неизмѣнныя мои намѣренія, съ которыми вы должны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ.

Такъ какъ вѣрительная грамата, вамъ дарованная, какъ назначенному мною посланнику при стокгольмскомъ дворѣ, не была предъявлена и нынѣ не можетъ болѣе служить вамъ, то необходимо, чтобъ вы прежде, чѣмъ я пришлю вамъ новую, увѣдомили меня объ рас-

*) Густавъ IV (р. 1778). Екатерина II хотѣла выдать за него свою внучку, великую княжну Александру Павловну. Быть можетъ, этимъ обстоятельствомъ и объясняются усилія ея сблизиться, какъ можно тѣснѣе, со Швеціею, гораздо болѣе, нежели желаніемъ начать войну съ Франціею и возстановить королевскую власть. Въ 1796 году, Густавъ IV пріѣхалъ женихомъ въ Петербургъ, но когда уже все было готово къ браку, и духовенство ожидало жениха и невѣсту, король внезапно выѣхалъ изъ Петербурга. Впослѣдствіи онъ потерялъ престолъ и умеръ въ Швейцаріи въ 1837-мъ году, подъ именемъ полковника Густавсона. **Ред.**

---

des à cheval le Sr. Vsevolodsky Vous aura déjà mis en possession des ordres que je Vous ai adressés et dont il a été porteur. Ces ordres renferment mes intentions qui sont toujours les mêmes et qui doivent faire la règle de Votre conduite. Les lettres de créance pour le caractère d'Ambassadeur, dont je Vous ai revêtu à la cour de Stockholm, n'ayant pas encore été déployées et ne pouvant plus Vous servir, il m'importe avant que je Vous en fasse parvenir de nouvelles, que Vous nous assuriez des dispositions actuelles de cette cour relativement à l'entretien des Ambassades respectives. Vous direz qu'à cet égard mes intentions et mes démarches se régleront entièrement sur les désirs de cette cour, et sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le Conseiller privé Comte de Stackelberg, en sa sainte et digne garde. Catherine.

St. Pétersbourg, ce 4 d'Avril 1792.

LIV. (Подлинникъ собственной руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Stakelberg. Je Vous fait ses lignes au depart du Courier pour Vous dire que Vous m'écriviés dans le plus grand detail sur les choses qui ce passeront en Suede après le deçès du Roy et particulierement sur ce qui aura trait aux dispositions du Duc de Sudermanie et de la Reine Mere du Roy. Il paroit que cette Princesse n'a jusqu'ici montré aucune Sorte d'esprit d'intrigue et que Si il S'en fera autour d'Elle ce Sera plutot par des intriguant que par

поряженіяхъ этого двора касательно поддержанія взаимныхъ дипломатическихъ отношеній. Вы скажете, что въ этомъ случаѣ мои намѣренія и дѣйствія вполнѣ будутъ согласоваться съ желаніями этого двора; затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ, господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ, своею милостью. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 4-го апрѣля 1792 года.

LIV.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Я пишу эти строки съ курьеромъ для того, чтобы вы извѣстили меня самымъ подробнымъ образомъ о всемъ томъ, что будетъ происходить въ Швеціи послѣ смерти короля, и въ особенности о томъ, что касается распоряженій герцога Зюдерманландскаго и королевы, матери короля. Эта королева до сихъ поръ, какъ кажется, не выказала ни малѣйшей склонности къ интригамъ, и если таковыя окажутся, то это будетъ скорѣе дѣломъ какихъ-нибудь интригантовъ. Къ тому же я нисколько не удивляюсь, что покойный король не сдѣлалъ своей супруги членомъ совѣта регенства; она, какъ датская принцесса, не могла разсчитывать на одобреніе націи, всегда соперничавшей съ той, въ которой она родилась. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина.

6-го апрѣля, 1792 г.

P. S. Я снова повторяю вамъ свои точныя приказанія рѣшительно не принимать участія въ интригахъ никакой партіи въ Швеціи. Но я

Elle meme, d'ailleurs je ne m'étonne pas du Tout de ce que dans le Conseil de Regence le feu Roy n'aye pas plaçé la Reine Son Epouse qui comme Princesse Danoise ne pouvoit guere pretendre a l'aprobation d'une Nation toujour rivale de celle parmi laquelle Elle a vue le jour. Adieu portés Vous bien. Catherine.

ce 6 d'Avril 1792.

PS. Je Vous reïtere mes ordres très strictes de n'entrer absolument dans aucune sorte d'intrigues d'aucun parti en Suede. Mais ce que je regarde comme une chose essentiele pour ce Pays c'est qu'on s'en tienne bien exactement au terme du Testament du feu Roy, a la Succession primo par Lui établi, Secondo a la Tutele par Lui Statué, Tertio le Conseil de Regence composé de la façon qu'il a jugé a propos et des gens qu'il y a plaçé. Si l'on touche la moindre chose ou qu'on change quoique ce Soit a Son Testament on causera le malheur de la Suede et l'on donnera lieu a des Troubles et changement Sans fin ni cesse. Vous pouvés faire usage de ceçi selon les circonstances et Vous en ouvrir a M-r d'Armfeldt ou meme au Duc de Sudermanie Selon que la Sagesse Vous le dictera. Il me paroit encore que pour remettre au plutot le calme dans les esprit après la punition inevitable des plus coupables de ceux qui on trempé dans l'horible complot qui a tranché les jours du feu Roy il faudroit couper court au plutot aux recherches ulterieurieuses afin d'avoir moins de

считаю вещью необходимою для государства, чтобы вполнѣ держались точнаго смысла завѣщанія покойнаго короля, во-первыхъ, касательно престолонаслѣдія, имъ утвержденнаго, во-вторыхъ, касательно попечительства, имъ установленнаго; въ-третьихъ, касательно совѣта регенства, составленнаго такимъ образомъ, какъ онъ считалъ нужнымъ, и изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ назначилъ. Если затронутъ малѣйшую вещь или измѣнятъ что-бы то ни было въ его завѣщаніи, то этимъ причинятъ зло Швеціи и дадутъ мѣсто замѣшательствамъ и измѣненіямъ безъ конца. Вы можете воспользоваться этимъ, смотря по обстоятельствамъ, поговорите объ этомъ съ господиномъ Армфельдтомъ или даже съ герцогомъ, какъ вы тамъ заблагоразсудите. Мнѣ кажется также, что для успокоенія умовъ послѣ неизбѣжнаго наказанія главныхъ виновниковъ ужаснаго заговора, который пресѣкъ дни покойнаго короля, должно, какъ можно скорѣе, прервать дальнѣйшіе розыски, чтобы было менѣе людей, подлежащихъ наказанію, и притомъ такъ, чтобы народъ не осмѣлился и подумать, что пользуются этимъ для преслѣдованія извѣстныхъ фамилій или партій; это привлекло бы даже неразысканныхъ виновниковъ на сторону милосердаго правительства, предпочитающаго прощеніе розыскамъ, которые только увеличили бы число несчастныхъ, не помогши самому дѣлу. Я вполнѣ искренно интересуюсь юнымъ королемъ, моимъ крестникомъ, и прошу васъ это ему передать и увѣрить его въ томъ, что онъ найдетъ во мнѣ друга и вѣрную союзницу, на которую можетъ разсчитывать.

---

gens a punir, et pour que le public ne S'avise pas de croire qu'on use de persecution contre tel et tel autre famille ou faction et ceçi rangeroit les coupables meme non dècouvert du coté du gouvernement misericordieux qui auroit preferé l'amnistie a une recherche qui n'auroit augmenté que le nombre des malheureux sans remedier a la chose. Je m'interresse infiniment et bien sincerement au jeune Roy mon fillieul, je Vous prie de le Lui dire et de l'assurer qu'il trouvera en moi une Amie et une Allié fidele sur la quelle Il peut compter. Adieu porté Vous bien. Salué M-r d'Armfeldt de ma part et dite Lui que je le regarde comme un des plus fideles serviteur du feu Roy et du jeune Roy Son fils, j'entre dans la douleur qu'il doit avoir Senti dans Ses affreux moments.

LV. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. J'apprends par Vos derniers rapports que le Baron de Taube alloit s'éloigner incessamment de Stockholm, qu'il serait suivi immédiatement du Baron d'Armfeldt, que le comte de Vachtmeister était déjà réellement absent et qu'ainsi tout le conseil de régence établi par le feu Roi, se trouvait dispersé de fait.

Je ne prétends point m'ingérer dans les détails de l'administration confiée aux soins de mon cousin le Duc de Sudermanie. Mais je crois devoir à la fran-

Прощайте, будьте здоровы. Передайте мой поклонъ господину Армфельдту и скажите ему, что я считаю его однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ покойнаго короля и молодого короля, его сына, и вполнѣ понимаю тѣ страданія, которыя онъ долженъ былъ испытывать въ эти ужасныя минуты.

LV.

Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Изъ вашихъ послѣднихъ донесеній я усматриваю, что баронъ Таубе въ очень скоромъ времени удалится изъ Стокгольма, что за нимъ немедленно послѣдуетъ баронъ Армфельдтъ, что графъ Вахтмейстеръ уже уѣхалъ, и что, такимъ образомъ, весь совѣтъ регенства, учрежденный покойнымъ королемъ, въ дѣйствительности разсѣялся.

Я нисколько не хочу вмѣшиваться въ подробности администраціи, возложенной на моего двоюроднаго брата, герцога Зюдерманландскаго, но я считаю невозможнымъ, при полной откровенности, съ какою я отвѣчала на доказательства дружбы и довѣрія этого герцога, которыя онъ являлъ до сихъ поръ относительно меня, умолчать объ образѣ своихъ мыслей въ обстоятельствахъ, могущихъ повліять на благосостояніе и спокойствіе этой самой администраціи.

Швеція, которой дорога память покойнаго короля, видитъ въ личностяхъ, только что мною названныхъ, людей, пользовавшихся полнымъ его довѣріемъ, вслѣдствіе того, что они были самыми дѣя-

---

chise, avec laquelle j'ai répondu aux démonstrations d'amitié et de confiance, que ce Prince a manifestées jusqu'à présent à mon égard, de ne pas dissimuler ma façon de penser dans des occurrences qui peuvent influer sur la prospérité et la tranquillité de cette même administration.

La Suède, a qui la mémoire du feu Roi est chère, considère dans les personnages, que je viens de nommer, les principaux dépositaires de sa confiance, après avoir été les compagnons et les instruments les plus actifs et les plus utiles de ses travaux pour le bien et la gloire de l'état. A mes yeux ils ont le mérite d'avoir travaillé et concourru efficacement à l'établissement du système heureux, qui unit maintenant la Russie et la Suède. En partant de ce point de vue, il est aisé de se figurer, à quel point leur éloignement des affaires peut exciter des ombrages, des soupçons et des inquiétudes capables de troubler tous les rapport internes et externes du Royaume. A la vérité, sûre des sentiments personnels du Duc envers moi, je les crois à l'abri des changements ministériels qu'il jugera à propos d'opérer. Mais il ne peut pas raisonnablement se flatter d'une appréciation aussi strictement équitable de ses intentions de la part de la multitude accoutumée à juger superficiellement et à se laisser aller à des craintes et des alarmes, dont le Roi régnant pourrait devenir un des objets. Je souhaiterais que Vous fassiez sentir au Duc, sans blesser sa délicatesse, tout le poids

тельными и полезными товарищами и исполнителями его трудовъ на благо и славу государства. Въ моихъ глазахъ они имѣютъ большую заслугу въ томъ отношеніи, что дѣйствительно работали и содѣйствовали установленію той счастливой системы, которая теперь связываетъ Россію съ Швеціей. Съ этой точки зрѣнія легко себѣ представить, до какой степени ихъ удаленіе отъ дѣлъ можетъ возбудить недовѣріе, подозрѣнія и безпокойства, способныя поколебать всѣ отношенія государства, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Вполнѣ увѣренная въ искренности чувствъ герцога ко мнѣ, я ихъ считаю безопасными отъ министерскихъ измѣненій, которыя онъ сочтетъ нужными; но онъ не можетъ похвалиться вполнѣ справедливой оцѣнкой его намѣреній большинствомъ, привыкшимъ судить поверхностно и допускающимъ всякія опасенія и безпокойства, предметомъ которыхъ можетъ сдѣлаться самъ царствующій король. Я желала бы, чтобы вы, нимало не оскорбляя герцога, дали почувствовать всю важность этихъ, мною приведенныхъ соображеній. Если вамъ не будетъ стоить много труда убѣдить его въ истинной причинѣ моего безпокойства въ этомъ отношеніи, какъ въ слѣдствіи моей къ нему дружбы, моего сочувствія къ юному королю, благу и спокойствію государства, то вамъ нетрудно будетъ убѣдить его, чтобъ онъ призвалъ и удержалъ при себѣ выше названныхъ лицъ, какъ существенно нужныхъ для поддержки нынѣшнихъ отношеній. Вы скажете ему, что то вниманіе и

---

des considérations que je viens d'exposer. Si Vous n'avez pas de peine à le convaincre du véritable motif de ma sollicitude à cet égard provoquée par mon amitié pour lui, mon intérêt pour le jeune Roi et pour la prospérité et le repos du Royaume, Vous n'en aurez pas non plus à l'engager à rappeler et à conserver auprès de lui les personnes ci-dessus mentionnées comme essentiellement nécessaires au maintien des rapports actuellement existants. Vous l'assurerez que les égards et la déférence, qu'il voudra bien me marquer dans cette occasion, me serviront de nouvelle preuve de ses dispositions à mon égard et lui assureront un nouveau droit à celles que je lui porte. Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg, en sa sainte et digne garde. Fait à Zarsko Selo ce 14 juillet 1792. Catherine.

LVI. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur l'ambassadeur comte de Stakelberg. En réponse à l'apostille annexée à votre dépêche à moi du $\frac{4}{15}$ fevrier, je Vous fais passer ci-joint en ducats d'Hollande effectifs la somme de quatre mille Rixdahlers qui Vous a été demandée par le comte Guldenstolpe. Vous aurez soin de lui remettre cette somme, en le chargeant d'assurer son jeune maître de la constance de l'intérêt, que je prends à lui et du désir, qui m'anime de lui être utile en toute occasion. Mon ministre Vous instruira de la démarche que le Régent a faite auprès de moi à votre sujet et de la résolution, que j'ai crue devoir prendre en conséquence. Il Vous commu-

снисхожденіе, которыя онъ соблаговолитъ оказать мнѣ въ настоящемъ случаѣ, будутъ для меня новымъ доказательствомъ его ко мнѣ расположенія и утвердятъ за нимъ полное право на взаимность съ моей стороны. Затѣмъ, молю Бога, господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ, да сохранитъ онъ васъ своею милостью. Писано въ Царскомъ Селѣ, 14 іюля, 1792 г. Екатерина.

LVI.

Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Въ отвѣтъ на postscriptum вашей депеши ко мнѣ, отъ $\frac{4}{15}$ февраля, я пересылаю вамъ при этомъ письмѣ наличными голландскими дукатами сумму въ четыре тысячи рейхсталеровъ, которую просилъ у васъ графъ Гюльденстольпе. Вы передадите ему эти деньги съ порученіемъ увѣрить своего юнаго государя въ постоянствѣ моего къ нему расположенія и желанія быть ему всегда полезной. Мой министръ сообщитъ вамъ о ходатайствѣ регента у меня за васъ и о послѣдовавшемъ моемъ рѣшеніи. Онъ передастъ вамъ при этомъ копію съ моего отвѣта герцогу, которая убѣдитъ васъ въ томъ, что я отдаю вамъ справедливость. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ онъ васъ, господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ, своею милостью. Екатерина.

С.-Петербургъ, 24 февраля 1793.

---

niquera aussi la copie de ma réponse à ce Prince, laquelle Vous convaincra de la justice que je Vous rends. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, monsieur l'ambassadeur comte de Stakelberg, en sa sainte et digne garde. Catherine.

S-t. Pétersbourg, 24 fevrier, 1793.

Сообщ. гр. О. О. Стакельбергъ и гр. Э. К. Чапскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ*).

I.

ПИСЬМО КЪ КНЯЗЮ АДАМУ ЧАРТОРЫСКОМУ.

21 ноября 1804 г.

Статья эта,—равно какъ и другая, помѣщенная ниже, того же автора, (записка о метеорологіи, 1810 г.) получены редакціею отъ Ф. В. Каразина при слѣдующихъ строкахъ: «Мм. гг.! Несмотря на то, что статьи моего покойнаго отца, напечатанныя въ «Р. С.», удостоились не совсѣмъ-то лестныхъ отзывовъ со стороны нѣкоторыхъ нашихъ газетныхъ критиковъ, придерживающихся, какъ видно, больше крайнихъ (?) взглядовъ, чѣмъ среднихъ, которые были свойственны В. Н. Каразину,—посылаю вамъ еще двѣ его бумаги, въ надеждѣ видѣть ихъ помѣщенными на страницахъ вашего прекраснаго изданія. Первая изъ этихъ бумагъ (письмо къ кн. Чарторыскому, 1804 года, о Сербахъ) можетъ служить дополненіемъ политической характеристики В. Н. Каразина, а другая (записка о метеорологіи, читанная имъ въ императорскомъ московскомъ обществѣ естествоиспытателей, въ 1810-мъ году), дастъ нѣкоторое понятіе о его дѣятельности на пользу наукъ. Обѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ, почему прилагаю вмѣстѣ съ переводомъ и подлинный текстъ, который весьма желательно было-бы видѣть напечатаннымъ en regard, какъ для удовлетворенія вѣроятнаго любопытства нѣкоторыхъ читателей, такъ и для доказательства основательнаго изученія авторомъ французскаго языка, который хотя и былъ въ его время у насъ почти въ такой же модѣ какъ и теперь, но рѣдко, однакожъ, изучался грамматически, какъ то можно видѣть даже изъ писемъ великой Екатерины, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ». Что бумаги эти были писаны самимъ Василіемъ Назаровичемъ, въ томъ можно удостовѣриться изъ прилогаемыхъ черновыхъ**). А употребленъ имъ иностранный языкъ, вмѣсто родного, потому, что князь Чарторыскій лучше понималъ по-французски, чѣмъ по-русски; московское же общество естествоиспытателей имѣло обыкновеніе печатать акты свои не на отечественномъ языкѣ. Какъ письмо къ князю Чарторыскому, такъ и записка о метеорологіи были напечатаны: первое въ газетѣ М. П. Погодина «Русской», въ 1868-мъ году, а второе отдѣльной брошюрой, въ Харьковѣ, въ 1812-мъ году ***); но какъ упомянутая газета имѣла, къ сожалѣнію, весьма немного подписчиковъ, а пятидесятилѣтняя брошюрка составляетъ теперь библіографическую рѣдкость, немногимъ, конечно, извѣстную, то и полагаю, что читатели «Русской Старины» не взыщутъ за помѣщеніе этихъ историческихъ документовъ на ея страницахъ, тѣмъ болѣе, что письмо къ Чарторыскому было напечатано съ нѣкоторыми пропусками и безъ французскаго подлинника». **Ф. К.**

---

*) См. «Русскую Старину», т. II, стр. 307 и 532; т. III, стр. 16 и 326.

) Что эти черновыя дѣйствительно подлинныя, судя по бумагѣ и по извѣстному почерку В. Н., въ томъ не представляется сомнѣнія. **Ред.

***) Вотъ подлинное заглавіе этой весьма рѣдкой брошюры: «Mémoire, lû à la société Impériale des Naturalistes (de Moscou), dans la Séance du 15 Mars 1810, par le membre ordinaire B. H. Karasinn». Kharkoff, de l'imprimerie de l'Université; an 1812. Avec la permission du comité de censure, constitué pour l'arrondissement de l'Université Impériale de Charkow. 9 Janvier 1810. (Signé) Antoine Dugour, professeur ordinaire. 10-ть страницъ, въ 8°. **Ред.**

Исполняя желаніе уважаемаго нашего сотрудника, мы дали мѣсто въ «Русской Старинѣ» вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ и французскому подлиннику письма 1804 г.; что же касается до записки о метеорологіи, то мы ограничиваемся печатаніемъ одного русскаго перевода. Кстати, считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку, забытую нами при помѣщеніи въ мартовской книжкѣ «Р. С.» (т. III стр. 326—366) письма В. Н. къ губернатору Бахтину, 1810 г., что это письмо напечатано нами съ подлинной рукописи В. Н. того времени, которую мы имѣли въ рукахъ. И вообще, нами принято за правило не помѣщать ничего не подлиннаго, безъ надлежащей о томъ оговорки. Содержаніе этого письма (устройство поселянъ села Кручика) почти тоже, что было напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» 1861 года (смѣсь, стр. 136—176), подъ заглавіемъ: «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ», и пр.; но какъ подъ этимъ заглавіемъ у насъ есть подлинная рукопись В. Н совсѣмъ иного содержанія (съ которою мы надѣемся познакомить читателей «Р. С.» въ непродолжительномъ времени), и какъ, при томъ, письмо къ Бахтину (черновое, находившееся у насъ, съ собственноручною помѣтою В. Н., что оно «при перепискѣ во многомъ измѣнено»), дѣйствительно разнится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ вышесказанной статьи, напечатанной въ «Чтеніяхъ», то мы и сочли не лишнимъ помѣстить въ нашемъ изданіи этотъ историческій матеріалъ въ первоначальномъ его видѣ. Ред.

Свѣтлѣйшій князь!

Милостивое участіе, принимаемое вами въ моемъ горестномъ положеніи, даетъ мнѣ смѣлость представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости нѣсколько относящихся къ этому положенію мыслей, которыя, можетъ быть, обратятъ на себя вниманіе ваше, даже какъ министра иностранныхъ дѣлъ, и тѣмъ дадутъ вамъ, болѣе чѣмъ одно простое великодушіе, поводъ замолвить за меня предъ государемъ императоромъ слово, которое бы рѣшило мою участь.

Двѣ недѣли тому назадъ узналъ я изъ писемъ, полученныхъ мною

---

21 Novembre 1804. Au Prince Czartoryskij.

(Черновое письмо собственной руки В. Н. Каразина).

Mon Prince! Enhardi par la manière tout-à-fait généreuse, dont Votre Altesse daigne prendre part à ma triste situation, j'ose lui soumettre une combinaison d'idées y rélative, qui m'a paru n'être pas indigne de son examen même en qualité de Ministre, et qui, par là, lui donnant d'autres motifs d'agir en ma faveur que ceux d'une simple bienveillance, n'en pourra pas moins déterminer mon sort.

Il y a plus de quinze jours que des lettres de l'Ukraine (qui seront présentées à Votre Altésse aussitot qu'Elle l'ordonnera) m'ont informé de l'éxistence d'une mission secrète auprès de notre Souverain de la part des Serbes turcs insurgés, mes ci-devant compatriotes *). Le but de cette mission doit être d'implorer un prompt secours dans les circonstances où se trouve ce peuple, tyrannisé de tout tems, et maintenant réduit au désespoir par les horreurs de la guerre intéstine de ses maîtres. Il est facile à prédire que ce secours, indéterminé même par les plein-pouvoirs des Serbes, ne saurait être de quelque efficacité pour eux, qu'en compromettant plus ou moins nos relations avec la Porte, et, vraisemblablement, encore d'avantage avec l'Autriche. La politique de cette

---

*) Mon grand-père en était originaire.

изъ Малороссіи (которыя, по первому вашему требованію, буду имѣть честь вамъ представить), что въ Сербіи готовится тайное посольство къ нашему всемилостивѣйшему государю отъ возставшаго тамъ народа, родного мнѣ по происхожденію *). Цѣль этого посольства умолять о безотложной помощи въ тѣхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ которыя Сербія поставлена какъ всегдашнею тираннією туровъ, такъ, въ особенности, теперешнею ихъ жестокостію по случаю возникшихъ у нихъ междоусобій. Легко предвидѣть, что для оказанія этой помощи, не опредѣленной даже самими отправителями посольства, необходимо, если только захотятъ сдѣлать ее дѣйствительною для сербовъ, нарушить дружескія наши сношенія не только съ Портой, но и съ Австріей; и съ послѣдней еще преимущественно, такъ какъ держава эта всегда страшится, и не безъ причинъ, многочисленныхъ славянскихъ племенъ, находящихся подъ ея гнетомъ и привыкшихъ дѣйствовать дружно съ своими собратьями, несмотря на отдаленность разстояній и различіе правительствъ. Она заподозритъ, въ малѣйшемъ нашемъ оффиціально-выраженномъ желаніи улучшить судьбу несчастныхъ, преднамѣренныя съ нашей стороны революціонныя цѣли, угрожающія ей самой.

А между тѣмъ можетъ ли верховный повелитель свободныхъ славянъ, единственный защитникъ православной церкви, смотрѣть равно-

---

*) Дѣдъ мой по происхожденію сербъ. В. К.

---

dernière cour a toujours redouté, non sans raison, les nombreuses tribus Slaves opprimées par son despotisme et accoutumées de faire cause commune avec leurs semblables, malgré les distances des lieux et la diversité des gouvernemens. Elle soupçonnera dans le moindre mouvement officiel pour adoucir le sort de celles-ci, des réactions soutenues et guidées par notre ministère; elle craindra des suites révolutionnaires pour elle-même.

Cependant le chef illustre des tribus libres des Slaves, l'unique chef Suprême de leur église, pourrait-il laisser leurs infortunés frères en proie aux fléaux les plus désastreux? Son cœur magnanime saurait-il refuser toute assistance et anéantir d'un seul coup l'espoir des millions d'hommes, dont les yeux sont tournés vers Lui, comme vers un Dieu-libérateur, qu'ils adorent déjà comme un Méssie vainement attendu pendant des siècles *)?

Il me parait qu'il existe un milieu entre ces deux extrémités: celui d'influence active non-avouée, qui, pour ne pas donner la plus légère inquiétude aux Puissances pourrait même être réduite à une simple approbation tacite que Sa

---

*) Ceci n'est pas une figure de réthorique, mais une vérité à la lettre, que d'autres que moi pourront constater: il n'y a pas un Slave, tant soit peu à son aise, qui n'ait chez lui, comme un objet de vénération, le portrait de Sa Majesté.

душно на всѣ скорби народовъ, близкихъ имъ и по крови и по религіи? Великодушное его сердце захочетъ ли, отказавшись отъ всякой имъ помощи, погасить въ милліонахъ сердецъ надежду на него, какъ на Бога-избавителя, какъ на ожидаемаго ими столько вѣковъ Мессію, которому они уже заранѣе поклоняются *).

Между этими двумя крайностями есть, кажется мнѣ, середина, именно: вліяніе активное неоглашенное, которое, для отклоненія всякаго опасенія державъ, могло бы ограничиться безмолвнымъ высочайшимъ одобреніемъ мѣръ, предпринимаемыхъ Сербами, внутри их страны, для своего избавленія.

Удостойте, свѣтлѣйшій князь, доложить государю императору, что я предлагаю себя въ руководители такихъ мѣръ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ не только не нарушили мирнаго настроенія нашей внѣшней политики, но и не были бы ни въ какомъ отношеніи невыгодны для Россіи (кромѣ развѣ собственной моей гибели, о которой и говорить не стòитъ). Отецъ мой, Екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла передъ открытіемъ славной кампаніи, кончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, — и успѣхъ его превзошелъ ожиданія: ему, по словамъ многихъ тогдашнихъ генераловъ, не

*) Это не риторическая фигура, а истина, — которую могутъ удостовѣрить другіе кромѣ меня: нѣтъ ни одного славянина въ Турціи, сколько-нибудь зажиточнаго, который бы не имѣлъ у себя въ домѣ, какъ предметъ особеннаго почитанія, портрета нашего государя. В. К.

Majesté Impériale accorderait aux mésures intérieures du pays, capables d'avoir pour les Serbes des suites salutaires.

Mon Prince! veuillez bien rapporter à l'Empereur que je m'offre pour conduire des mesures pareilles, qui, loin de compromettre les opérations pacifiques de Votre ministère, ne présenteront pas même la moindre chance désavantageuse pour la Russie (si ce n'est, peut-être, la perte totale de ma chétive personne). Mon père, colonel sous Catherine II, avait été employé à une commission à peu-près semblable avant la fameuse guerre avec les Turcs; il y a réussi au delà de l'espérance, et c'est à lui,—si l'on doit en croire l'avœu de plusieurs généraux, que l'armée victorieuse de Roumanzoff doit une grande partie de ses succès. Il n'a risqué que ses jours. Que ferai-je de plus moi, qui, peut être avec le même courage, a cent fois plus de raisons d'indifférence pour la vie; moi qui, dans l'espoir de faire des choses utiles, ayant mis au jeu ma modique fortune et, plus encore, les bonnes grâces du meilleur des Souverains, ai tout perdu, tout sans reserve, hormis cette pauvre imagination, qui, m'éloignant sans césse des affaires ordinaires, ne céssera, apparémment jamais, de me porter à des grandes et sublimes... visions!.. Prince! Vous connaissez à peu près mon état, ruiné totalement par ces éfforts insensés de contribuer éminemment à la civilisation et à l'industrie de l'Ukraine, ma province-patrie. Ne pouvant, sans douleur, la voir, malgré ses richesses et les talents qui s'y offrent en foule, abandonnée à la chi-

мало была обязана армія Румянцова своими побѣдами. Онъ рисковалъ только своею жизнію. Тоже могу сдѣлать и я, имѣя, при неменьшей, можетъ быть, отважности, гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями; ибо, рискнувши, въ надеждѣ быть полезнымъ моему отечеству, поставить на карту не только все мое скудное достояніе, но даже и милости лучшаго изъ монарховъ, я проигралъ все, рѣшительно все, кромѣ несчастнаго моего воображенія, которое, унося меня безпрестанно внѣ сферы обычныхъ дѣлъ, не перестанетъ, вѣроятно никогда, творить... сладкія мечты!. Князь! Вамъ извѣстно, отчасти, до какой степени разстроено мое состояніе безумными усиліями содѣйствовать блистательно къ просвѣщенію и процвѣтанію Украйны, моей родины. Мнѣ больно было видѣть ее, богатую и дарами природы и талантами ея обитателей, въ поруганіи и презрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобъ уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ. Словомъ, чтобъ не утомлять вашу свѣтлость повтореніемъ моихъ сѣтованій, скажу только, что теперь, не имѣя уже ничего болѣе терять, я хочу попробовать еще быть полезнымъ кому-нибудь своею личностію; но на этотъ разъ не для Малоросіи уже, которая начинаетъ смѣяться и надъ моими потерями и надъ собственными своими выгодами, потому только, что сіи послѣднія, несмотря на всю ихъ очевидность, подверглись, въ лицѣ моемъ, неодобренію начальства.

Изложивъ предъ вами, свѣтлѣйшій князь, такимъ образомъ, безъ

---

cane et au mépris, je me suis persuadé que mon zèle et mes pauvres moyens suffiront pour vaincre les obstacles qui s'opposaient à ses progrès. Enfin, pour ne pas Vous fatiguer par une répétition de mes élégies, désormais n'ayant plus rien à perdre, absolument rien, je veux encore faire usage de mon propre individu, et cela hors de cette Ukraine, qui commence à se moquer et de mes pertes personnelles et de ses propres avantages, puisque celles-ci, malgré leur évidence, ont subi, dans ma personne, l'improbation du gouvernement.

Après avoir ainsi exposé les motifs de ma résolution, sans les revêtir d'aucun masque, quel qu'il puisse être, j'aurais dû soumettre aussi à Votre Altesse mes moyens. Mais—un simple coup-d'oeil, jeté sur la carte de la Turquie européenne, coup-d'œil, guidé par Vos lumières; cet Empire, déchiré par mille dissensions, tombant de toutes parts sans le moindre éspoir de rétablissement; la position actuelle des affaires en Europe, qui, probablement, bien long-tems encore absorberont l'attention et le savoir faire de tous les cabinets; l'histoire de toutes les nations Slaves; les forces intérieures d'un peuple, habitant un des paÿs du monde les plus riches en productions,—d'un peuple qui, avec sa barbarie a conservé la pureté des mœurs, l'attachement le plus inviolable à ses principes, à sa religion, d'un peuple, enfin, qui a conservé tout ce qui constitue un grand caractère national: ses ésperances dans le siècle où nous vivons et dans le trône de Russie, sa haine exaltée contre ses opprésseurs, haine qui

всякой утайки, побудительныя причины моего намѣренія, мнѣ оставалось бы объяснить вамъ также и средства, которыя я имѣю въ виду къ исполненію его. Но — одинъ простой взоръ, брошенный, при вашихъ, князь, познаніяхъ, на карту европейской Турціи; состояніе этого государства, раздираемаго внутренними междоусобіями, падающаго со всѣхъ сторонъ безъ всякой надежды на поднятіе; нынѣшнія дѣла въ Европѣ, обѣщающія долго и долго еще поглощать все вниманіе и умѣнье кабинетовъ; исторія всѣхъ славянскихъ племенъ; внутреннія силы народа, обитающаго одну изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ своими произведеніями странъ; народа, сохранившаго, вмѣстѣ съ своимъ невѣжествомъ, чистоту нравовъ, непоколебимую привязанность къ своимъ правиламъ, къ своей религіи, — народа, наконецъ, который сберегъ все, что составляетъ высокій національный характеръ: надежду въ настоящій вѣкъ и въ царей русскихъ, отъявленную ненависть къ своимъ притѣснителямъ, ненависть, начинающую уже одерживать верхъ надъ придавленностію и страхомъ, — всѣ эти факты, усмотрѣнные собственною вашею, князь, проницательностію, выскажутъ вамъ гораздо яснѣе, чѣмъ я могъ бы объяснить, средства, на которыя я надѣюсь. Одно могъ бы я прибавить: хотя я имѣю въ виду вліять на дѣла сербовъ только по инструкціи, какую вы мнѣ изволите дать, но одинъ уже постъ мой тамъ дастъ мнѣ всевозможныя удобства направить національный духъ къ предназначенной мнѣ [illegible]ли. Я потребую весьма мало денежнаго пособія, и то только передъ

---

commence à rompre les barrières de l'abrutissement et de la crainte,—tout ces faits, mon Prince, se présenteront d'eux mêmes à Votre pénétration et Vous parleront bien plus énergiquement que je ne le saurais faire. Je n'ai, peut-être, qu'une réflexion à ajouter: quoique mon projet doit se borner à influencer les opérations des chefs Serbes d'après les instructions qui me seront données, par Votre Altesse, ce poste me donnera néanmoins toutes les facilités imaginables pour diriger l'esprit national vers le but qui me sera indiqué. Je ne demande que fort peu de secours et cela avant mon départ seulement. Je n'implorerai de Sa Majesté que la consérvation de mon pauvre patrimoine et de mon existence politique pour le cas où je serai assez heureux que de retourner mourir chez moi après avoir prouvé à mon adoré Souverain que je n'étais pas tout-à-fait indigne de ses bontés et de sa confiance... Faisant sacrifice total de tout encouragement, que je serais même à portée d'obtenir, je ne demande point de caractère diplomatique; je changerai même de nom, s'il le faut. Un Serbe, retourné parmi ses compatriotes, après un service de quelque valeur dans la capitale de la Russie, un homme récommandé à leurs députés au nom de l'Empereur,—serait bien maladroit s'il ne parvenait pas à exécuter les choses même les plus hardies. Vous savez, mon Prince, que dans les entreprises de cette sorte, outre un peu des lumières, il ne faut que du zèle, de l'activité et de persévérance; et il me semble que je n'en manquerai pas.

отправленіемъ моимъ туда. Одной высочайшей милости смѣлъ бы я ожидать: сохраненія моего малороссійскаго имѣньица и политической жизни на случай, еслибъ мнѣ посчастливилось возвратиться въ мое отечество, и кончить въ немъ дни мои, доказавши моему государю, что я не совсѣмъ былъ недостоинъ его милостей и довѣрія... Отказываясь заранѣе отъ всякихъ наградъ, еслибъ даже я и могъ ихъ заслужить, я желалъ бы, чтобъ мое отправленіе не имѣло никакого политическаго вида; думалъ бы даже перемѣнить самое мое имя, еслибъ это оказалось нужнымъ. Сербъ, возвращающійся къ своимъ соотечественникамъ послѣ нѣкотораго, не совсѣмъ безполезнаго служенія Россіи, человѣкъ, рекомендованный народнымъ депутатамъ именемъ самого государя, былъ бы очень неловокъ, еслибъ не умѣлъ совершить тамъ самыхъ даже отважныхъ дѣлъ. Вы знаете, князь, что въ подобныхъ предпріятіяхъ нужно, кромѣ нѣкотораго образованія, только сильное желаніе, дѣятельнось и устойчивость; и мнѣ кажется, что я не имѣлъ бы въ нихъ недостатка.

Сдѣлайте, ваша свѣтлость, какое угодно употребленіе изъ этого письма, лишь бы только оно не стало преждевременно извѣстнымъ нѣкоторымъ изъ вашихъ сотоварищей, которые истолкуютъ его непремѣнно въ смѣшную сторону, какъ это уже не разъ случалось съ моими идеями; но что этого не случится теперь, въ томъ порукой мнѣ благородство души вашей, князь, и доброта сердца государя.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю

Je laisse ma lettre sans reserve à la disposition de Votre Altesse; il n'y a qu'une suite que j'en pourrais vraiment redouter: c'est d'être interprété d'une manière à me rendre ridicule par quelques-uns de vos collègues, si j'avais le malheur d'en être découvert aussi mal-à-propos que bien des fois ci-devant. Mais je dois être tranquille sur ce point: sans doute ni Vous, mon généreux Prince, ni le cœur noble de l'Empereur, ne voudront pas m'y exposer.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute éstime et le plus sincère attachement de Votre Altesse le très-humble et tres-obéissant serviteur Basile Karasine.

Supplément à me lettre du 21 Novembre (à Son Altesse le Prince Czartoryskiј).

Le projet de rendre à l'éxistence politique les tribus Slaves, souffrantes sous le joug étranger, n'est pas nouveau. J'en trouve les traces bien marquées dans les archives diplomatiques de Moscou, dès l'année 1710, quoique l'histoire très-détaillée que nous avons de ce tems, n'en offre aucune notion. Sous l'Impératrice Elisabeth, on a fait venir douze enfants Monténegrins pour les instruire, dans le dessein, à ce qui parait, de les renvoyer, adultes, dans leur pays, et d'établir par là un commencement de communication des lumières et de l'esprit public entre la Russie et ces tribus. Ces mesures,—à en juger d'après quelques indices du tems,—devaient être sérieusement continuées; mais peu-à-peu des changemens survenus dans le Ministère et son système, surtout ceux qui sont

честь быть вашей свѣтлости всепокорнѣйшій слуга **Василій Каразинъ.**

Дополнительная къ этому письму записка, представленная В. Каразинымъ князю Чарторыскому недѣлю спустя.

Мысль о возвращеніи политическаго существованія славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иноплеменниковъ, — не нова. Я находилъ слѣды ея, весьма замѣтные, въ дипломатическихъ дѣлахъ московскаго архива, еще съ 1710 года, хотя исторія того времени, имѣющаяся у насъ въ довольно пространномъ видѣ, и не упоминаетъ о ней ни слова. При Елисаветѣ взяты были изъ Черногорья двѣнадцать дѣтей, съ цѣлію образовать ихъ и потомъ возвратить на родину, дабы положить тѣмъ начало духовнаго общенія этого народа съ Россіею. И мѣру эту предполагалось поддерживать серьезно, какъ видно изъ многихъ тогдашнихъ распоряженій; но мало по малу, перемѣны, происшедшія въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ ея системѣ, въ особенности послѣ родственнаго союза двора нашего съ австрійскимъ, прекратили эти попытки совершенно. Не буду упоминать о мысляхъ и предпріятіяхъ Екатерины II-й, которыя можно было бы отнести также къ этой цѣли, такъ какъ онѣ, собственно говоря, были только побочными нитями славнаго ея намѣренія возстановить христіанскую Византію и ея имперію, — намѣренія, кончившагося, увы! послѣ столькихъ истраченныхъ милліо-

---

résultés de l'alliance de notre Cour avec l'Autriche, les ont fait oublier complètement. Je ne parlerai pas des idées et des entreprises de Catherine II, qui pourraient de même y avoir rapport, car elles n'étaient, à proprement dire, que les accéssoires de Son grand projet, de ressusciter la Bizance chrétienne et son Empire. Ce magnifique projet, hélas, après avoir couté des millions en armemens et la vie à bien des braves, tant russes, que moldaves, grecs, et slavons, sans compter les ennemis,—n'a fini que par la prise de la Crimée, changée en désert du païs délicieux et très peuplé qu'elle était sous les Turcs. Il sembl e en effet, que nos destinées nous portent à dévaster tout, en étendant nos limites; c'est à la manière des Vandales et des Huns que nous avons, jusqu'à présent, fait usage et de nos victoires et des forces incomménsurables intérieures, qui nous en ont donné les moyens. Je suis persuadé que le génie pacifique, le génie réparateur qui est maintenant sur le trône, a des idées bien différentes et plus salutaires pour le total de l'humanité; et voila pourquoi, entr'autre, j'ose renouveller le projet en question.

Il y a trois chôses dans ce projet, comme dans tout autre, à considérer: 1) Son utilité, ou plutot nécessité pour l'époque; 2) Sa possibilité, ou les moyens de son exécution; et 3) ses suites (humainement parlant).

новъ и пролитія столько крови, и русской, и молдавской, и греческой, и вообще славянской, не считая уже непріятельской,— покореніемъ только Крыма, который мы превратили въ пустыню изъ прекрасной и многолюдной страны, какою онъ былъ у турокъ! Намъ, по истинѣ, какъ будто уже судьбой назначено: опустошать все распространяя наши предѣлы, пользоваться на манеръ вандаловъ и гунновъ и побѣдами нашими и неисчерпаемыми внутренними силами, дающими средства побѣждать. Я увѣренъ, что геній мира и благотворнаго созиданія, возсѣдающій нынѣ на престолѣ русскомъ, мыслитъ иначе и заботится болѣе о благѣ всего человѣчества; поэтому-то, между прочимъ, и взялъ я смѣлость возобновить славянскій вопросъ.

Въ предлагаемомъ мною проэктѣ, какъ и во всякомъ другомъ, должны быть приняты въ соображеніе три вещи: 1-е) его польза, или, скорѣе, необходимость его относительно настоящаго времени; 2-е) его возможность, или средства къ исполненію; 3-е) его послѣдствія въ отношеніи люда Божьяго.

1.

Всякое государство, также какъ и всякой человѣкъ въ отдѣльности, должно, кажется, имѣть цѣлію своего существованія благоденствіе общее; исключительное же себялюбіе ведетъ, напротивъ, также мало къ истинному и прочному преуспѣянію массъ людей, какъ и каждаго въ частности; это доказано тысячами примѣровъ. Но если

1.

Il parait que l'existence d'un Etat, de même que celle de chaque individu est faite pour contribuer à la félicité générale: l'égoïsme exclusif, au contraire, procure aussi peu un bonheur réel et durable pour les masses d'hommes que pour les hommes séparément; ce que mille exemples ont assez prouvé.

Mais, si régner pour le bonheur des autres est une maxime applicable à tout Empire, à tout gouvernement, elle doit l'être d'autant plus naturellement à ceux de la Russie. Sa civilisation, restée en arrière, l'immensité de son étendue à raison de sa population, et son síte pour ainsi dire sur les confins du monde, la faisant jouir de tout bien-être, de tout progrès, même les plus éloignés pour elle, ne lui présentent nul avantage à tirer des désastres des autres paÿs. On peut dire plus: le rôle sublime de la Russie semble être celui de défendre la cause du genre humain: aussi grande par ses forces internes, que naturellement indépendante sous tous les rapports, c'est à elle d'être la protectrisse des opprimés, comme elle sera un jour l'arbitre des puissances.

Il existe un peuple attaché à elle par des liens moraux le plus généralement respectés. Etant assujéti par des barbares, dont les principes ne respirent que le mépris, la haine et la destruction de tout ce qui n'est pas eux, — ce peuple, opprimé, abruti, hors de toute liaison, de toute utilité pour les autres,

„владычествовать для блага другихъ" должно быть правиломъ каждаго государства, каждаго правительства, то правило это слѣдуетъ въ особенности примѣнить къ царству русскому и къ правительству русскому. Отсталость въ просвѣщеніи, обширность пространства сравнительно съ народонаселеніемъ, и самое положеніе отечества нашего на краю, такъ сказать, свѣта, даютъ ему возможность идти впередъ и дѣлать успѣхи въ процвѣтаніи, не посягая на благосостояніе другихъ государствъ. Скажу болѣе: Россіи, повидимому, предназначена завидная доля быть защитницей рода человѣческаго: богатая внутренними силами, независимая во всѣхъ отношеніяхъ, она должна быть покровительницей угнетенныхъ, какъ будетъ, современемъ, судьею другихъ царствъ.

Есть народъ, связанный съ нею узами нравственными, наиболѣе уважаемыми повсюду. Порабощенный варварами, поставившими себѣ правиломъ презирать, ненавидѣть и истреблять все, что не составляетъ ихъ самихъ, народъ этотъ, угнетенный, придавленный, лишенный всякой общительности съ себѣ подобными, не имѣющій возможности быть полезнымъ ни себѣ, ни другимъ, изнывающій отъ всякаго рода недостатковъ среди природныхъ своихъ богатствъ, взываетъ, цѣлый уже вѣкъ, къ Россіи, моля ее о помощи. Отчаявшись наконецъ въ ней, и доведенный до изступленія несчастіями, возраставшими по мѣрѣ его покорнаго терпѣнія и неурядицы безсмысленнаго и жестокаго его правительства, онъ поднимается, берется за

---

dépérissant de misère au milieu des bienfaits de la nature, depuis cent ans demande à grands cris l'assistance de la Russie. Lâs d'attendre enfin, et réduit au désespoir par ses malheurs, qui se sont accumulés à mésure de sa servile patience et des désordres de son inepte et féroce gouvernement, il se lève dans une grande partie du paÿs, s'arme à la hâte, et, sans sévir encore contre ce gouvernement, il expédie ses envoyés auprès du trône de cette Russie, sur laquelle il a fondé son unique espoir et qu'il n'a jamais cessé de regarder comme sa véritable patrie. Comment refuser un secours dans des circonstances pareilles? Surtout lorsque ce secours, nécessairement voilé, peut se réduire à quelques moyens d'encouragement, à quelques conseils? Comment ne pas s'empresser de répondre à son impatience dans ces momens critiques, où tout va le porter aux excès les plus funestes et où, à la vérité, son irrésolution lui sera éminemment dangereuse? Il est aisé à prévoir, que même un refus décisif de notre part aux voeux des Serbes, augmentant leurs malheurs, ne sera à la Porte elle-même d'aucune utilité, car une fermentation pareille, une fois commencée dans un peuple à demi-barbare, ne s'arrête pas tout-à-coup. Agissant sans principes et sans plan, il n'en continuera pas moins ses efforts, et cela en raison de la faiblesse du gouvernement-maître qui perd chaque jour de son énergie et s'anéantit aux yeux de ses sujets plus visiblement encore qu'à ceux de l'Europe.

оружіе; но прежде чѣмъ употребить его въ дѣло, шлетъ отъ себя посланныхъ къ царю той державы, на которую онъ возлагаетъ всѣ свои надежды, которую привыкъ считать настоящимъ своимъ отечествомъ. Какъ отказать въ пособіи при такихъ обстоятельствахъ, и притомъ въ пособіи, которое, бывъ, по необходимости, прикрыто, можетъ ограничиться однимъ поощреніемъ, однимъ совѣтомъ? Какъ не поспѣшить откликнуться на нетерпѣливое ожиданіе въ такую критическую минуту, когда онъ готовъ броситься въ самыя пагубныя крайности, и когда, дѣйствительно, колебаніе его можетъ быть для него гибельно? Не трудно предсказать, что рѣшительный отказъ нашъ сербамъ увеличитъ только ихъ несчастія, не принеся никакой пользы самой Портѣ, ибо подобное броженіе, разъ начавшись въ народѣ непросвѣщенномъ, не останавливается вдругъ. Дѣйствуя безъ правилъ и безъ плана, возставшій народъ будетъ тѣмъ не менѣе сопротивляться упорно и тѣмъ съ большою силою, чѣмъ слабѣе будутъ становиться его властители, теряющіе съ каждымъ днемъ энергію и идущіе къ рѣшительному паденію быстрѣе еще въ глазахъ своихъ подданныхъ, чѣмъ въ глазахъ Европы.

2.

Я далекъ отъ мысли, чтобы правительство наше, измѣнивъ мгновенно свою политику, объявило Портѣ, что оно беретъ подъ свою защиту мятежныхъ сербовъ. Такая мысль была бы дѣйствительно достойна воспаленной головы (tête chaude, какъ угодно нѣкоторымъ

2.

Je ne prétends pas que la cour de Russie, manquant subitement à son système actuel, aille déclarer à la Porte qu'elle protège l'insurrection des Serbes. Loin de moi cette idée, vraiment digne d'une tête chaude (épithète dont on a bien voulu m'honorer maintes fois, mais que je n'ai pas la prétention de mériter). Voici, au contraire, in extenso, à quoi pourraient se réduire les mésures à suivre, que je prends la liberté de soumettre aux lumières de mon adoré Souverain et de son ministre.

1) Les députés Serbes seront incontinent congédiés, après qu'il leur aura été déclaré que Sa Majesté, vû l'identité de l'origine et de religion de leurs commettans avec celles de Ses sujets et de Sa propre personne, ne peut ne pas prendre part sincère à leur situation; que, toutefois, ne trouvant pas convenable, pour le moment, de rompre Ses liaisons amicales avec leur Souverain, Il veut bien appuyer par Son crédit auprès de la Sublime Porte les respectueuses démarches de la nation Serbe, auxquelles, d'après leur aveu, elle est contrainte par les circonstances alarmantes où elle se trouve. A cette déclaration officielle, le ministre ajoutera de sa part, verbalement, à la dernière audience, que, considérant la position nouvelle et tout-à-fait critique de leurs commettans par les représentations conditionnelles avec lesquelles ils vont se

называть меня, безъ сознанія съ моей стороны поводовъ къ тому). Напротивъ, вотъ, въ сущности, тѣ мѣры, которыя я думалъ бы возможнымъ въ настоящемъ случаѣ предпринять, и которыя рѣшаюсь представить на благоусмотрѣніе обожаемаго мною государя и его министра.

Во-1-хъ, депутаты сербскіе должны быть отпущены немедленно послѣ того, какъ имъ объявлено будетъ, что его величество, въ уваженіе тождественности происхожденія и вѣры ихъ довѣрителей съ происхожденіемъ и вѣрою его самого и его подданныхъ, не можетъ не принять искренняго участія въ ихъ положеніи; но что однакожъ, не находя удобнымъ прерывать, въ настоящее время, дружественныхъ своихъ отношеній къ султану, онъ можетъ только ходатайствовать съ своей стороны о томъ, чтобы Высокая Порта обратила вниманіе на подданническія представленія Сербовъ относительно претерпѣваемыхъ ими, по их словамъ, бѣдствій. Послѣ такого офиціальнаго объявленія, ваша свѣтлость, съ своей стороны, изволили бы имъ сказать конфиденціально, на прощальной аудіенціи, что такъ какъ довѣрители ихъ будутъ поставлены въ довольно затруднительное и новое положеніе передъ турецкимъ правительствомъ требованіями себѣ, хотя и почтительными, но тѣмъ не менѣе смѣлыми, улучшенія участи Сербіи, то, въ видахъ облегченія имъ этой задачи, а также для предохраненія ихъ отъ такихъ дѣйствій, которыя бы могли набросить тѣнь, какъ въ Константинополѣ, такъ и внутри ихъ страны, на политику Россіи, и тѣмъ

---

présenter devant le ministère Ottoman, et afin de les préserver tant chez eux, qu'à Constantinople, d'une façon d'agir qui, blessant les rapports politiques de la Russie, pourrait plutôt nuire que répondre aux résultats souhaités, Sa Majesté Impériale a jugé à propos de leur indiquer de Sa part une personne affidée qui pourra les guider dans leurs démarches; et que cette personne (c'est-à-dire moi, qui sera nommé et présenté aux députés dans cette audience) va partir, pour se rendre à sa destination par des voies et dans le tems que le ministère jugera convenable. Cependant, que Sa Majesté désire que cette grâce particulière, à laquelle Son cœur compatissant l'a porté, reste parfaitement inconnue, même à la nation Serbe, et que (pourrait - on ajouter encore) d'avance Elle est disposée à désapprouver hautement tout ce qui resulterait de la publicité de cette assistance.

2) Je supplierai, après cela, qu'il soit permis à quatre personnes, de mon choix, toutes sans la moindre liaison entr'elles, de quitter l'Empire, pour parvenir, chacune selon sa disposition et à son propre risque, à me joindre dans le campement des insurgés. Une de ces personnes sera un officier militaire; une—mécanicien; une—chimiste et minéralogue; enfin la dernière, secrétaire, habile en plusieurs langues européennes et celles de la Turquie, qui doit être mon unique aide dans les nombreuses rédactions à faire. Trois de ces messieurs, que j'ai déjà dans la pensée, sont des gentilshommes russes, bien élevés et d'un

самымъ скорѣе повредить, чѣмъ сдѣлать пользу ихъ дѣлу, государь императоръ счелъ возможнымъ указать имъ на человѣка, который могъ бы руководить ихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ; и что этотъ человѣкъ (т.-е. я, котораго ваша свѣтлость и изволили бы тутъ же назвать и представить имъ) отправится къ мѣсту своего, по этому случаю, назначенія тѣмъ путемъ, и въ такое время, которыя вы признаете удобными; но что при этомъ его величеству угодно, чтобъ такая его, особенная, милость, къ которой влечетъ его только чувство состраданія, оставалась совершенно неизвѣстною самому даже народу сербскому, и что,—можно было бы прибавить,—всякія дѣйствія сербовъ, могущія обнаружить эту милость, заслужатъ непремѣнно гласное неодобреніе его величества.

Во-2-хъ, затѣмъ я просилъ бы, чтобъ дозволено было четыремъ, по выбору моему, лицамъ, неимѣющимъ ничего общаго между собою, ѣхать за границу по собственному ихъ усмотрѣнію и на собственный страхъ, для присоединенія ко мнѣ въ лагерѣ инсургентовъ. Одинъ изъ нихъ будетъ военный, другой механикъ, третій химикъ и минералогъ, и четвертый секретарь, знающій европейскіе и турецкіе языки, для письменныхъ при мнѣ работъ, которыхъ предвидится немало. Трое изъ этихъ господъ, которыхъ я имѣю уже на примѣтѣ,— русскіе дворяне, хорошо образованные и готовые на всякія опасности; четвертый—сербъ. Я совершенно увѣренъ, что всѣ они охотно послѣдуютъ за мною, и конечно не будетъ риску сообщить имъ за-

---

caractère à affronter tous les périls imaginables; le quatrième est de la nation même. Je suis parfaitement sûr qu'il me suivront tous avec plaisir, et sans doute je ne compromettrai rien en leur communiquant en partie ce plan, j'entends à chacun en particulier. Ils recevront des passeports en forme jusqu'à des lieux respectivement différents à proximité de la Serbie, c'est-à-dire les plus proches où ils puissent parvenir sans réveiller des soupçons. Il n'y a pas même d'inconvenient si l'un d'entr'eux m'accompagne. Je parts, sans perdre de tems, pour l'étranger, muni d'un passeport de voyageur, sous mon véritable nom; je me dirige d'abord pour Berlin, y commets quelque soi-disante faute, qui puisse donner au gouvernement russe motif d'être mécontent de moi au point de me déclarer hors des lois. Heureusement tout est préparé pour faire accroire au public ma culpabilité, puisque déjà actuellement l'on me prend pour un homme perdu sans ressource dans l'idée de Sa Majesté, et il se trouvera, sans doute, assez de personnes de ma connaissance qui feront retentir au loin cette nouvelle histoire et rendront par là, à leur insu, un service patriotique justifiant notre ministère d'avance dans tout ce qui pourrait arriver de moi. Après cela je quitte Berlin et prends la route de Raguse par Vienne et Triest. Une fois dans les montagnes, je brûle mes papiers et me produis, sous le nom supposé d'un national, qui, après un long service en Prusse, retourne dans ses foyers. C'est alors que commencera ma dangereuse indépendance de

благовременно, разумѣется каждому особо, часть моихъ намѣреній. Они должны будутъ получить паспорты до разныхъ, каждый, мѣстъ, по близости Сербіи, чтобъ отклонить всякія подозрѣнія на счетъ цѣли ихъ поѣздки. Одному изъ нихъ можно было бы даже ѣхать вмѣстѣ со мною. Отправлюсь я, не теряя времени, съ заграничнымъ паспортомъ, какъ путешественникъ, подъ настоящимъ моимъ именемъ, черезъ Вѣну и Тріестъ, въ Рагузу. Какъ скоро достигну горъ, уничтожаю мои бумаги и пускаюсь странствовать подъ видомъ серба, возвращающагося на родину послѣ долгой службы въ Пруссіи. Тогда-то начнется опасная моя независимость отъ всего и отъ всѣхъ (Vogelfreyheit), кромѣ инструкцій вашихъ, которыя я сохраню только въ памяти.

Въ-3-хъ. Когда депутаты сербскіе, возвратившись на родину, представятъ меня главному ихъ начальнику, чтобъ дать мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, вѣсъ, я не замедлю познакомиться, чрезъ его посредство, съ людьми вліятельными.

Въ-4-хъ. Первымъ моимъ дѣломъ будетъ учрежденіе временнаго правительства, которое бы и отправило отъ себя депутатовъ въ Константинополь для поступленія какъ сказано въ пунктѣ 1-мъ.

Въ-5-хъ. Если послѣдствія этой депутаціи, подкрѣпленной оффиціальнымъ ходатайствомъ со стороны нашего посланника въ Константинополѣ, будутъ удачны, т.-е. если Порта дастъ Сербіи самоуправленіе, съ условіемъ только платить извѣстную дань,

---

tout au monde (Vogelfreyheit!) hormis des instructions données par le ministère, que je conserverai uniquement dans ma mémoire.

3) Après que les députés Serbes, de retour chez eux, m'auront introduit auprès du chef principal, afin de m'accréditer en quelque sorte, je ne tarderai pas de me procurer par lui, peu à peu, la connaissance des principaux personnages du pays.

4) Mon premier soin sera de les porter à organiser une espèce de Gouvernement et de faire nommer de sa part quelques députés pour Constantinople, qui agiront conformément à ce qui a été dit ci-dessus, dans l'article 1-er.

5) Si cette démarche, soutenue par l'entremise officiel de notre Ambassadeur, réussit, c. à d. si la Porte accorde aux Serbes le privilége de se gouverner eux-mêmes, sous les deux obligations: de payer un tribu irrévocablement déterminé, et de défendre, comme sujets turcs, la cause de cet empire contre ses ennemis, notre cour aura gain de cause en faveur des opprimés et tout l'honneur aux yeux de l'Europe lui en reviendra, comme de raison. Dans le cas contraire, elle les abandonne à leur sort, étant sensée d'avoir fait tout ce que lui imposaient son humanité et sa religion. En un mot, elle ne se compromet d'aucun côté.

6) Dans le premier cas,—qui, cependant, est peu probable, vû que le Divan ne possède pas assez de sagesse et de froideur, pour préférer l'unique parti avan-

однажды навсегда опредѣленную, и защищать, въ случаѣ нужды, какъ подданная Турціи, имперію отъ непріятелей, то русское правительство достигло своей цѣли — освобожденія Сербіи, и вся честь этого дѣла, въ глазахъ Европы, принадлежать будетъ ему. Въ противномъ же случаѣ оно оставляетъ сербовъ на произволъ ихъ собственной судьбы, имѣя полное право сказать, что сдѣлало съ своей стороны все, что требовало человѣколюбіе и религія. Словомъ, ни въ какомъ разѣ оно себя не уронитъ.

Въ первомъ случаѣ, который, однакожъ, мало вѣроятенъ, судя по недостатку въ турецкомъ правительствѣ того благоразумія и сдержанности, которыя должны были бы заставить его рѣшиться на единственный выгодный для него, въ настоящихъ обстоятельствахъ, шагъ,— полное освобожденіе Сербіи совершится постепенно, незамѣтнымъ образомъ: съ одной стороны просвѣщеніе, которое необходимо начнется въ Сербіи послѣ дарованія ему самоуправленія, а съ другой неминуемый упадокъ могущества Порты сами собою будутъ къ тому содѣйствовать.

Въ случаѣ же отказа Порты на прошеніе сербовъ, возстаніе быстро распространяется и достигаетъ грозныхъ размѣровъ. Взбунтовавшимся пашамъ, которыхъ удерживали только славянскія племена, дадутъ полную волю дѣйствовать; могучему Пасванъ-Оглу помогутъ даже подойти къ Стамбулу. Боснія не замедлитъ присоединиться къ Сербіи, какъ единокровная и единоязычная, а отчасти даже и единовѣрная,

---

tageux à prendre dans ses propres circonstances,—l'affranchissement des Serbes se fera dans son tems, par degrès presque insensibles: leur civilisation, qui, dans leur état de tributaires, va commencer immanquablement, d'un côté,—et la chûte progressive de l'Empire turc de l'autre, contribueront le plus à le préparer.

Dans le cas de refus du privilege demandé, l'insurréction, se repandant de tous côtés d'une manière rapide, prendra l'aspect le plus imposant. On laissera faire les Pachas revoltés, qui ont été jusqu'ici contenus uniquement pas les tribus Slaves. On facilitera même au puissant Paswan-Oglou l'approche du Stamboul. La Bosnie ne tardera pas à se joindre à la Serbie, vû l'identité de l'origine et du langage, en partie aussi celle de religion (car presque deux tiérs des Bosniaks sont encore restés chrétiens); mais on doit compter le plus sur le mécontentement et sur le mépris général dans lesquels le gouvernement turc est tombé dans toutes ses domaines.

Non, jamais le temps n'a été et ne pourra être plus favorable à cette entreprise, qui, sans produire des secousses funestes aux états civilisés de l'Europe, et presque sans éffusion de sang, conservant même l'existence, quoique précaire, de l'Empire turc, va fonder, dans 5 ou 10 années d'ici, un royaume Slave pour y placer sur le trône un des augustes frères d'Alexandre! Il semble que la Providence y a déjà tout préparé. Je ne parle même plus de l'absence presque

ибо двѣ трети Босняковъ остались христіанами. Но главнѣйшая надежда будетъ на проявляющееся уже, во всѣхъ частяхъ турецкаго царства, недовольство правленіемъ, и на общее къ нему презрѣніе.

Нѣтъ, никогда время не было и не можетъ быть благопріятнѣе для выполненія подобнаго предпріятія, и можно сказать навѣрно, что не пройдетъ 10-ти, или даже только и 5-ти лѣтъ, какъ, безъ всякихъ потрясеній, гибельныхъ для образованныхъ государствъ Европы, и почти безъ кровопролитія, съ сохраненіемъ притомъ даже нужнаго еще пока призрака турецкой имперіи, возникнетъ славянское царство, на престолъ котораго возсядетъ одинъ изъ августѣйшихъ братьевъ Александра. Провидѣніе какъ будто все уже къ тому приготовило. Не стану говорить объ отсутствіи, почти совершенномъ, препятствій,—отсутствіи очевидномъ для всякаго, кто только, не будучи посвященъ въ тайны дипломаціи, разсуждаетъ хотя нѣсколько о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Но позволю себѣ только, избѣгая всякой рѣчи о политикѣ, спросить васъ, свѣтлѣйшій князь, что соединяетъ людей въ одно цѣлое, способное составить изъ себя государство? Не мнѣніе ли, не убѣжденіе ли этихъ людей? Не оно ли поддерживаетъ властителей на престолахъ? Не ему ли прилично болѣе всего названіе силы, одерживающей побѣды? Отнимите убѣжденіе, заставляющее повиноваться начальникамъ — и громадная власть, только-что повелѣвавшая необъятнымъ пространствомъ, мгновенно рушится! А это мнѣніе, это убѣжденіе уже существуетъ въ

---

totale des obstacles: elle est palpable à tout homme, qui, sans être initié dans les mystères des cabinets, aura un peu réfléchi sur les affaires présentes de l'Europe. Mais, abrégeant toute discussion politique, je me permettrai seulement de Vous demander, mon Prince: qu'est-ce qui lie les individus d'un Etat de manière à leur donner une existence collective? N'est-ce pas l'opinion, la conviction? N'est-ce pas elle qui soutient les gouvernements et les trônes? N'est-ce pas à elle que convient le plus le nom de force, quand elle réside dans les corporations armées? Otez la conviction, qui fait exécuter les volontés des chefs, et l'appareil formidable, qui naguères dominait le pays, tombe soudainement!... Or cette opinion, cette conviction existe déjà dans les tribus toutes armées des Slaves: elle n'attend qu'un centre pour s'y réunir.

3.

Je ne prends pas sur moi, je n'essayerai même pas d'esquisser toutes les suites de l'affranchissement des Slaves. Mais voici quelques traits qui se presentent d'elles mêmes sans approfondir le sujet.

Le royaume des Slaves (Царство Словенъ) pourra occuper, avec le tems, tous les pays, baignés par la mer Adriatique, à sa droite, et s'étendant de l'Albanie à la partie septentrionale de la Macédoine, de là, le long des frontières de la Valachie, jusqu'à la rivière Maroch; comprendra aussi le Banat, la Sir-

племенахъ славянскихъ, поднявшихъ оружіе: они ждутъ только центра, къ которому бы все примкнуло.

3.

Не беру на себя, не имѣю даже претензіи на описаніе, хотя въ краткомъ очеркѣ, будущности, которая ожидаетъ славянъ послѣ ихъ освобожденія. Но не могу не набросать главныхъ чертъ, представляющихся воображенію при самомъ поверхностномъ даже размышленіи. Царство Славянъ должно занять, современемъ, всѣ земли, прилегающія къ восточному берегу Адріатическаго моря, начиная отъ Албаніи и идя по сѣверной части Македоніи, вдоль границъ Валахіи, до рѣки Марохъ; въ него войдутъ: и Банатъ, и Сирмія, и часть Венгріи, и Австрійская Славонія, и Кроація, вплоть до сказаннаго моря. Но какъ опредѣлить географическія границы, среди восторга, который меня обнимаетъ! Я вижу уже, какъ густыя переселенія славянскихъ народовъ, увлеченныхъ однимъ именемъ своего царства, стекаются со всѣхъ сторонъ и занимаютъ даже пустыни; вижу, какъ это царство, достигшее въ короткое время благоденствія и просвѣщенія и ставшее вѣрной союзницей Россіи, родной ему и по крови и по вѣрѣ, любимой имъ по чувству признательности, мѣняется уже съ нею своими произведеніями, служитъ ей точкой опоры во всѣхъ ея предпріятіяхъ, во всѣхъ ея сношеніяхъ съ южной и западной Европой, а также съ Африкой. Пресытившись вскорѣ славой; достигши обширныхъ размѣровъ, оно занялось все устройствомъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Торговля и

---

mie, une partie de la Hongrie, la Slavonie autrichienne et la Croatie, inclusivement jusqu'à la mer nommée. Mais les commotions de l'enthousiasme ne reconnaissent point de limites géographiques: bientôt le charme irrésistible du nom seul de cette belle région, entrainant des émigrations des tribus Slaves qui habitent plus loin, elles viennent peupler ses parties encore désertes, et ce royaume, dans peu florissant et civilisé, attaché à l'Empire de Russie par les liens du culte, de la consanguinité et de la reconnaissance, devient son entrepôt et son point d'appui naturel dans toutes les entreprises, dans toutes les relations avec l'Europe, ainsi qu'avec l'Afrique. Sous peu l'immense Empire, rassasié de gloire, n'a plus en perspective que la culture, tant physique que morale, de son intérieur. Le commerce des lumières et des choses devient surtout le mobile d'activité de ses provinces méridionales, qui, sans doute, auront sous ce rapport plus à offrir et à gagner avec un Etat monarchique, gouverné par des lois stables qui permettent à un chacun de jouir pleinement de son existence et de son bien-être, qu'avec un empire despotique et barbare, qui lui est entièrement étranger et dont le gouvernement abhorre tout progrès de civilisation et craint les suites des liaisons les plus naturelles aux peuples; gouvernement, qui rend inutiles et à peu près non existents pour l'Europe son sol,

науки дѣлаются достояніемъ особенно южныхъ его частей, выгоды которыхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, влекутъ ихъ скорѣе къ державѣ монархической, управляемой непремѣнными законами, дающими всякому право наслаждаться вполнѣ жизнію, чѣмъ къ державѣ деспотической, совершенно для нихъ чуждой, и гдѣ варварское правительство, нетерпящее успѣховъ просвѣщенія и боящееся послѣдствій самыхъ естественныхъ международныхъ союзовъ, дѣлаетъ безполезными, какъ-бы вовсе несуществующими для Европы, плодороднѣйшую въ свѣтѣ почву и климатъ, превосходящій, во многихъ отношеніяхъ, благорастворенностію своею всѣ другіе климаты Европы.

Съ другой стороны, соображая событія христіанской церкви, видится мнѣ, что ученіе Спасителя воспринимаетъ чистое и величественное свое владычество. Какое вліяніе окажетъ оно въ странѣ, гдѣ, втеченіи стольких вѣковъ, оно было единственной охраной противъ неисправимаго варварства, служило единственнымъ утѣшеніемъ въ бѣдственномъ, и гражданскомъ и домашнемъ, состояніи жителей! О! конечно, божественное это ученіе будетъ всею своею силою дѣйствовать на неиспорченныя еще ложною философіею и ложною политикою сердца. Преподаваемое по истиннымъ его началамъ, вспомоществуемое мудрыми учрежденіями гражданскими и охраняемое добродѣтельною властію, какой народъ оно образуетъ! Въ упоеніи восторга я вижу этотъ народъ, столь способный еще быть управляемымъ чувствомъ моральнымъ, несуществующимъ уже, увы! для насъ,—полный характера и энергіи, которымъ мы принуждены удивляться уже только въ исторіи,—вижу этотъ народъ, не болѣе какъ

---

le plus fertile, et son climat, qui, à plusieurs égards, surpasse en bonté celui des meilleurs pays de cette partie du monde.

D'un autre côté, concluant de ce qui s'est passé jusqu'ici dans le monde chrétien, il est facile de prédire que sa religion va se relever partout plus pure, plus majestueuse que jamais. Quelle iufluence ne doit-elle pas produire dans un pays, dont elle a été pendant des siecles la seule sauvegarde contre une barbarie sans retour, pour qui elle seule a servi de guide et de consolation dans l'état déplorable, tant civil que domestique de ses habitants! Oh, sans doute cette divine religion agira dans toute sa force sur des cœurs simples encore et non-corrompus par les ravages d'une fausse philosophie et d'une fausse politique. Enseignée selon ses vrais principes, secondée par des sages institutions et par un prince vertueux, quel peuple ne doit-elle pas former! Je tréssaille de bonheur en voyant déjà, ce peuple, si propre encore à être guidé par le sens moral, qui n'existe plus pour nous autres, plein de caractère et d'énergie, que nous sommes réduits à n'admirer que dans l'histoire,—devenir, dans deux ou trois générations tout au plus, le peuple le plus véritablement éclairé et par conséquent le plus fortuné de la terre!.. B. Karasine.

27 de Novembre 1804. St.-Pétersbourg.

послѣ двухъ поколѣній, истинно-просвѣщеннымъ и слѣдовательно истинно счастливымъ на землѣ!...

27-го ноября 1804 г. С.-Петербургъ.

II.

Идея 1803 или 1804 годовъ, или 1801 еще, но написана когда я занимался Сербами въ 1804 году *).

Народъ, охранительный сенатъ, государь, министры. Государь, предлагающій только проэкты законовъ и министерскіе годичные отчеты охранительному сенату; впрочемъ дѣйствующій неограниченно.

Охранительный сенатъ, по опредѣленію $^2/_3$ можетъ посылать ему свои замѣчанія, по опредѣленію $^3/_4$ остановить его дѣйствія обнародованіемъ оныхъ. Присяга сообразуется сей постепенности: народъ, сенатъ, государь. Въ присягу воиновъ включается обязательство къ тому относительное, т. е. полагающее предѣлы повиновенію.

Министры: внутренняго благоустройства, внѣшнихъ сношеній, военныхъ дѣлъ, государственнаго хозяйства. Министръ внутренняго благоустройства долженъ быть духовная особа; прочіе могутъ быть, разумѣется кромѣ военныхъ дѣлъ.

Верховное разсмотрѣніе тяжебныхъ частныхъ дѣлъ (въ рѣдкихъ случаяхъ могущее встрѣтиться) и разсмотрѣніе тяжебныхъ дѣлъ между казною и частнымъ человѣкомъ, можетъ быть поручено сословіямъ для сего учреждаемымъ изъ охранительнаго сената и по его опредѣленіямъ. Избранное сословіе назначаетъ себѣ, по жребію, президента, имѣющаго преимущество только ограниченное, и въ одномъ семъ отношеніи. Тоже самое и во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя могутъ вчинаться по извѣтамъ чиновниковъ, подвѣдомственныхъ министру внутренняго благоустройства, или по частнымъ жалобамъ. Государь на охранительный сенатъ не имѣетъ никакого вліянія. Присутственныхъ **) мѣстъ одинъ только родъ, и три постепенности: уѣздныя, областныя (или губернскія) и временныя собранія сената. Въ каждомъ селеніи сверхъ того должность примирителей отправляютъ священники.

Гражданъ десять разрядовъ, или постепенностей. Они избираютъ членовъ охранительнаго сената и судей. Гражданинъ вступаетъ въ свои

---

*) Эта идея набросана В. Н. Каразинымъ на небольшомъ клочкѣ бумаги, безъ сомнѣнія только какъ тэма, для особаго сочиненія, котораго, однакожъ, въ фамильныхъ бумагахъ Каразиныхъ не сохранилось. Ред.

**) Т.-е. судебныхъ. В. К.

права на 21 году. Члены охранительнаго сената принадлежатъ къ первому разряду, немедленно по своемъ избраніи, равно и министры; ко второму военачальники, государственный казначей, блюстители надъ просвѣщеніемъ (кои составляютъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ министра внутренняго благоустройства), и прочіе.

III.

Записка, читанная въ императорскомъ московскомъ обществѣ естествоиспытателей дѣйствительнымъ членомъ онаго, В. Н. Каразинымъ, 15-го марта 1810 года.

Несмотря на быстрые успѣхи, въ нашъ вѣкъ, естественныхъ наукъ, одна изъ частей физики остается до сихъ поръ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ была во времена Аристотелевы. Это метеорологія. Занимались ею, правда, многіе ученые: труды Сосюра, Делюка, Котта, Ламарка, имѣютъ право на нашу благодарность; это маяки, разсѣянные во мракѣ ночи, скрывающей отъ насъ тайны природы въ явленіяхъ воздушныхъ. Но нѣтъ до нынѣ ни одного по этому предмету сочиненія, изъ котораго можно было бы извлечь пользу безусловную и прямую. Вы, мм. гг., не отнесете, надѣюсь, словъ моихъ къ безумному желанію унизить знаменитыя имена. Вы согласитесь, конечно, что не столько открытіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ истинъ, сколько общій выводъ изъ нихъ; не столько теоріи, сколько удачныя приложенія ихъ къ дѣлу, составляютъ эпохи въ исторіи людей и наукъ.

Не имѣю надобности, передъ такими слушателями, доказывать пользу метеорологіи, приведенной въ правила. Наука, которая бы, руководя земледѣльца въ его работахъ, предотвращала неурожаи; наука, которая видимо содѣйствовала бы развитію торговли, мореплаванія и военнаго искуства; наука, наконецъ, которая могла бы указывать правительству время когда должно ожидать скудныхъ сборовъ земныхъ произрастеній и принимать мѣры, сли не къ воспрепятствованію ихъ недостатка, то по крайней мѣрѣ къ отклоненію голода,—такая наука не требуетъ многорѣчивыхъ похвалъ. Но чтобъ метеорологія достигла до степени такой науки, до степени науки точной, нужны нѣкоторые пріемы, указаніе на которые и составляетъ предметъ настоящей моей записки.

Человѣкъ не можетъ, конечно, дойти до первоначальныхъ причинъ безчисленныхъ явленій въ природѣ; до тѣхъ причинъ, которыя, безъ сомнѣнія, изумили бы насъ своею простотою, еслибъ мы ихъ открыли,

и которыя показали бы всю ничтожность нашего разума. Познаніе этихъ причинъ Творецъ предоставилъ себѣ. Напрасно стали бы мы, напримѣръ, доискиваться до сущности центробѣжной и центростремительной силы, движущей все въ природѣ. Всѣ наши объ этомъ догадки будутъ только пустыя слова, неудовлетворяющіе нисколько разсудка нашего: sunt verba et voces, prœtereaque nihil!

Но намъ позволено искать причинъ второстепенныхъ и выводить изъ нихъ правила, которыя бы служили на пользу общественную. Такимъ образомъ, напримѣръ, правила употребленія магнита привели насъ къ возможности безбоязненно переплывать океаны и огибать земной шаръ; правила сосредоточенія электричества обезпечили насъ отъ громовыхъ ударовъ, которые прежде считались неотразимыми и предоставлялись волѣ Божіей.

Недойдемъ мы, вѣроятно, никогда и до познанія первоначальныхъ причинъ атмосферическихъ перемѣнъ, познанія, которое бы дало намъ возможность производить ихъ по нашему произволу. Но должны-ли мы отчаяваться дойти до второстепенныхъ причинъ этихъ перемѣнъ, узнать способы направлять ихъ на свою пользу и отвращать возможный ихъ вредъ? Не руководствуется-ли уже и теперь земледѣлецъ,—по одному только преданію и навыку, что такой-то вѣтеръ приноситъ дождь, а такой-то полетъ ласточекъ предвѣщаетъ вёдро,—этими признаками въ своихъ работахъ?

Собраніе такихъ признаковъ, соединенное съ научными изслѣдованіями, при помощи физическихъ инструментовъ, не было до сихъ поръ производимо въ достаточной степени, чтобъ составить сводъ правилъ. Разрозненность, малочисленность, неодновременность и неточность наблюденій причиною тому. Если справедливо, что наблюденіе, въ научномъ смыслѣ, должно быть непремѣнно всестороннее разсмотрѣніе предмета; что даже нѣсколько наблюденій тогда только могутъ привести къ желаемымъ результатамъ, когда они обняли все пространство созерцаемаго явленія, то какое множество наблюденій должно быть дѣлаемо для изслѣдованія явленій, происходящихъ на пространствѣ всего земнаго шара! Чтó тутъ значитъ одинъ человѣкъ? Какую частицу цѣлаго можетъ онъ обнять? Слѣдовательно, если до сихъ поръ мы имѣемъ только гадательныя понятія о воздушныхъ перемѣнахъ, то приписывать это должно не слабости средствъ нашихъ, а недостаточному только употребленію ихъ. Земля въ нашихъ рукахъ. Намъ свойственно распознавать все, что поражаетъ наши чувства. Необходимо только соединить наши силы. Всѣ частныя наблюденія, еслибъ даже ихъ производили ученѣйшіе и неутомимѣйшіе люди, не приведутъ ни къ какимъ результатамъ; они умножатъ только, можетъ

быть, нѣсколькими свѣтлыми идеями массу нашихъ познаній, возбудятъ наше любопытство и заставятъ воображеніе наше строить разныя остроумныя ипотезы, но не дадутъ намъ данныхъ для вывода точныхъ правилъ.

Въ астрономіи мы видимъ уже пользу отъ постоянныхъ и связныхъ наблюденій. Нельзя не желать, чтобъ подобныя же наблюденія были удѣломъ и метеорологіи. И какая страна, мм. гг., представляетъ столько, какъ наше отечество, средствъ къ тому?

Пространство Россіи, занимающей чуть не шестую часть всей обитаемой поверхности земнаго шара; уѣздныя училища, находящіяся въ разныхъ ея пунктахъ, отъ Колы до Тифлиса, и отъ Либавы до Нижнекамчатска; подчиненіе сихъ училищъ одному начальству и обязанность ихъ имѣть у себя физическіе инструменты,—все это обѣщаетъ наблюденіямъ, производимымъ постоянно и разумно, счастливые результаты.

Для облегченія наблюдателей, можно не обязывать ихъ сноситься письменно самимъ съ ихъ собратьями; довольно если все записываемое будутъ они присылать, въ подлинникѣ, въ какое-нибудь общество ученыхъ, которые займутся уже выводомъ правилъ. Отъ времени до времени можно дѣлать, невзначай, повѣрку наблюденій на мѣстахъ и поощрять наградами особенную исправность. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ скоро такія мѣры будутъ у насъ приняты и неустанно исполняемы хотя только одинъ годъ, то ученыя общества всего земнаго шара, узнавъ о нихъ, не преминутъ принять участіе. Командиры судовъ дальнаго плаванія будутъ также содѣйствовать своими наблюденіями. Таблицы, повсюду единообразно составляемыя, приведутъ къ разрѣшенію задачъ тѣмъ болѣе не трудному, что въ нихъ не будетъ данныхъ неизвѣстныхъ.

Дѣйствительно, причинъ скрытыхъ не можетъ быть въ перемѣнахъ нашей атмосферы *). Мы теперь не вѣримъ уже, какъ вѣрили наши предки, въ таинственное управленіе небесныхъ свѣтилъ нашими временами года. Все, не исключая дѣйствія свѣта на разныхъ точкахъ земли, можетъ быть математически опредѣлено; потребны только данныя къ тому. Можетъ быть я ошибаюсь, мм. гг., но я увѣренъ, что если мы будемъ изслѣдовать ближайшія причины атмосферическихъ явленій: если будемъ дѣлать сравненія, въ разныя времена года и въ разныхъ точкахъ земнаго шара, направленія вѣтровъ, измѣненій маг-

*) Признаюсь, что, говоря въ строгомъ смыслѣ, я ошибся: мнѣ не пришли на мысль подземныя волненія, вліяющія, при горныхъ изверженіяхъ, на движеніе и электричество атмосферы. Но этимъ, кажется и ограничиваются исключенія; да и то, современемъ, придемъ мы, можетъ быть, къ возможности наблюдать причины и этихъ волненій. Примѣчаніе В. Н. Каразина при напечатаніи записки въ 1812 году.

нитной стрѣлки, тяжести воздуха и количества въ немъ электричества; если будемъ сопоставлять періодическія перемѣны погоды съ непеперіодическими, которыя однакожъ должны бы имѣть также нѣкоторую правильность, безъ вліянія какихъ-нибудь посторонних причинъ; если будемъ принимать въ расчетъ возвышенность наблюдательныхъ пунктовъ надъ уровнемъ моря, состояніе ихъ почвы, лѣсной-ли, степной-ли, болотистой-ли, каменистой-ли, песчаной-ли, солонцоватой-ли и т. д.; если будемъ обращать вниманіе на дѣйствіе солнечныхъ лучей при различномъ ихъ отраженіи и рефракціи,—то мы дойдемъ до теоріи неподверженной сомнѣнію, которая и дастъ намъ возможность предсказывать погоду на данное время года, и на данное мѣсто за цѣлый годъ впередъ, съ такою же покрайней мѣрѣ точностію, какъ теперь предсказываемъ дождь за день впередъ по пониженію барометра въ данной мѣстности.

Удерживаюсь отъ болѣе подробнаго и болѣе научнаго развитія моей мысли. И это не безъ причины. Если она удостоится вашего, мм. гг., одобренія, то я буду просить назначить особую коммиссію для спеціальнаго обсужденія этого предмета и составленія доклада нашему именитому президенту, отъ содѣйствія котораго болѣе всего зависитъ успѣхъ. Этимъ и кончу мою записку, въ надеждѣ, что вы изволите принять ее только какъ посильную мою дань на преуспѣяніе естественныхъ наукъ. В. Каразинъ.

Примѣчаніе. Послѣ этой записки авторъ хлопоталъ, въ продолженіи болѣе тридцати лѣтъ, объ устройствѣ, въ пространной Россіи, метеорологическихъ обсерваторій, обращая вниманіе на необходимость наблюденій надъ электричествомъ преимущественно въ высшихъ слояхъ атмосферы, для чего и были придуманы имъ особаго устройства аэростаты, которые должны были держаться на разныхъ высотахъ и сообщаться съ землей посредствомъ металлическихъ проводниковъ съ надлежащими указателями (какъ объяснено имъ въ разныхъ запискахъ, которые явятся также въ «Русской Старинѣ»). И въ послѣдній годъ его жизни онъ имѣлъ уже полную надежду на приведеніе своей мысли въ исполненіе, но неожиданная смерть, постигшая его въ 1842 году, все пріостановила. Ал. Гумбольдъ, въ бытность свою въ Москвѣ, вполнѣ сочувствовалъ этой мысли и обѣщалъ свое содѣйствіе за-границей; но какой имѣло это результатъ,—мнѣ неизвѣстно. У насъ, послѣдствіемъ идеи В. Н. о возможности примѣнить метеорологію къ пользамъ домоводства были такіе: 14 лѣтъ спустя послѣ перваго заявленія этой идеи, гр. Аракчеевъ, проѣзжая черезъ г. Богодуховъ (Харьковск. губ.) сказалъ мужичкамъ, просившимъ о помощи, по случаю неурожая: «странно, что вы голодаете: подъ бокомъ у васъ живетъ колдунъ, который сводитъ съ небесъ дождь и громъ когда захочетъ; обратитесь къ нему». 44 года спустя, К. А. Полевой, въ одной газетной статьѣ, подобнымъ же образомъ поднялъ В. Н. на смѣхъ, какъ проектера фабрикаціи атмосферы. Любопытно знать, что скажутъ теперь, 60 лѣтъ спустя, и въ виду тѣхъ предсказаній погодъ, которыя уже дѣлаются за границей въ охрану мореплавателей. Ф. В. Каразинъ.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Я. Б. КНЯЖНИНА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ,
1793.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рурикъ, князь Новгородскій.

Вадимъ, посадникъ и Полководецъ.

Рамида, дочь его.

Пренестъ } посадники.
Вигоръ }

Изведъ, наперсникъ Рурика.

Селена, наперсница Рамидина.

Воины.

Народъ.

Дѣйствіе въ Новѣгородѣ на площади.

Трагедія „Вадимъ" имѣетъ теперь исключительно библіографическое значеніе, но въ свое время она надѣлала много шуму и даже удостоилась преслѣдованія. Впрочемъ причина преслѣдованія была чисто внѣшняя: трагедія явилась въ печати въ 1793 году, т. е. въ самый разгаръ французской революціи, когда въ Россіи говорилось и писалось, что „Мирабоа не единой, но многіе висельницы достоинъ", когда въ невинныхъ вещахъ видѣли какія-то „вылазки" и „французскій ядъ" или „предложеніи уничтожающіе законы и совершенно те, отъ которой Франція верхъ дномъ поставлена", когда было „говорено о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы: тутъ разсѣяніе французской заразы: отвращеніе отъ начальства; авторъ Мартинистъ... онъ бунтовщикъ хуже Пугачева... хвалитъ Франклина" *). Все это было высказано года за три до появленія Вадима, поэтому понятно, что съ подобной точки зрѣнія и Вадимъ могъ показаться набатомъ, какъ говоритъ митр. Евгеній въ своемъ словарѣ свѣтскихъ писателей. Въ настоящее время такіе ужасные взгляды неприложимы къ невинной трагедіи Княжнина, ибо вообще Вадимъ не только не заключаетъ ничего вреднаго, но даже восхваляетъ монархическій принципъ. Лица, запретившія пьесу, взглянули на нее крайне односторонне: они не хотѣли вникнуть въ ея идею, а остановились на двухъ, трехъ стихахъ, показавшихся имъ рѣзкими и „якобинскими", забывая, что не могутъ же всѣ лица въ пьесѣ говорить одно и тоже и что мнимо-рѣзкія тирады ничего не значатъ при общемъ впечатлѣніи пьесы, представляющей Рюрика благодушнымъ властителемъ, снабженнымъ всѣми возможными добродѣтелями и спасителемъ Новгорода отъ необузданностей свободы, междоусобій и самоуправствъ. Будь Вадимъ напечатанъ раньше пятью, шестью годами и онъ прошелъ бы, не возбудивъ осужденія, какъ это и было съ трагедіею Николева: „Сорена и Замиръ", въ которой между прочимъ есть стихи гораздо болѣе рѣзкіе, чѣмъ въ Вадимѣ, напр.:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ?
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца,
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца! **)

) Записки Храповицкаго, въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ 1862 г., кн. III, стр. 226—227. П. Е.

*) Сорена и Замиръ, стр. 292. Перепечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1860 г., № 4, стр. 639 и въ «Петерб. Листкѣ» 1865, № 146. Во всемъ «Ва-

Московскій главнокомандующій гр. Брюсъ запретилъ представленіе этой трагедіи и донесъ о томъ императрицѣ Екатеринѣ, а она отвѣтила ему, что этого дѣлать не слѣдовало, ибо „авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью", и велѣла кн. Дашковой напечатать трагедію Николева въ „Россійскомъ ѳеатрѣ" (ч. V, стр. 235 — 323).

Но это было въ 1786 году.

Впрочемъ подобные примѣры не рѣдкость: еще на нашей памяти не печатался до 1857 г. одинъ отрывокъ „Изъ новгородской повѣсти Вадимъ", А. С. Пушкина *):

Вадимъ.

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:
Скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Рогдай.

Вадимъ! надежда есть! народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя, влачитъ позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ;
Къ пришельцамъ ненависть я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Унынiе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Умы встревожены — и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ...

Вадимъ.

Безумные! давно-ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали съ торжествомъ властителей чужихъ,
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь...
Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь!....

Въ этихъ стихахъ рѣшительно нѣтъ ничего противу-цензурнаго и теперь невольно дивишься долговременному ихъ запрещенію.

Княжнинъ написалъ свою трагедію въ 1789 г. и вотъ что разсказываетъ о ней сынъ автора **):

Трагедія была отдана для представленія на театръ и уже были

димѣ» только и есть одно мѣсто въ 4 стиха, нѣсколько подходящее къ рѣзкости выписанныхъ стиховъ изъ «Сорены», но болѣе мягкое и ужъ никакъ не превосходящее ихъ, именно въ 4-мъ явленіи 2-го дѣйствія: «Самодержавіе повсюду» и пр. Эти 4 стиха были перепечатаны въ запискахъ С. Н. Глинки «Мое цензорство» (Современникъ, 1865, № 9, стр. 221). П. Е.

*) Соч. Пушкина, т. II, стр. 170, изд. Я. Исакова.

**) Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ. В. Я. Стоюнина. «Рус. Вѣстн.» 1860 г., № 10, стр. 103 — 108 (совр. лѣт.). П. Е.

розданы роли: Плавильщикову — Вадима, Шушерину—Рюрика, Барановой—Рамиды, но вскорѣ началась революція во Франціи и Княжнинъ самъ увидѣлъ, что пьеса его приходится не ко времени. Онъ взялъ ее назадъ и она пролежала у него въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, до самой его смерти. 14 января 1791 г. онъ умеръ. Имѣніе, по молодости дѣтей, поступило подъ опеку зятя Княжнина псковскаго помѣщика П. Я. Чихачева. Отыскавъ между рукописями покойнаго трагедію Вадимъ, комедіи: Чудаки, Трауръ, оперу Мужья-женихи своихъ женъ, поэму Попугай и пр., Чихачевъ все это продалъ книгопродавцу Глазунову за 200 р. Княгиня Дашкова, узнавъ объ этой покупкѣ, вытребовала рукописи отъ Глазунова, и разсмотрѣвъ ихъ, возвратила для представленія въ цензуру, но Вадима удержала у себя и немедленно передала въ академическую типографію... Отпечатанную трагедію *) она пустила въ продажу и въ то же время помѣстила ее въ 39-й части Россійскаго театра**). Въ первые десять дней трагедія раскупалась медленно, но потомъ въ два, три дня было продано нѣсколько сотъ экземпляровъ***), ибо узнали, что гр. И. П. Салтыковъ (конечно не самъ, но по чьему-то указанію) нашелъ въ ней что-то предосудительное и представилъ императрицѣ. Екатерина, встревоженная французской революціей, „обратила болѣе вниманія на выраженія Вадима и его двухъ сотоварищей, чѣмъ на слова разсудительнаго и благотворительнаго Рюрика". Она приказала конфисковать трагедію, отобрать раскупленные экземпляры у кого окажутся, и все сжечь. Ал. Як. и Б. Як., два старшіе сына Я. Б. Княжнина, служившіе сержантами въ измайловскомъ полку, были вытребованы генералъ-прокуроромъ гр. А. Н. Самойловымъ, который по приказанію Екатерины долженъ былъ узнать отъ нихъ: дѣйствительно-ли Вадимъ писанъ ихъ отцомъ, а не кѣмъ-нибудь другимъ, только выдавшимъ трагедію подъ именемъ покойнаго? Удостовѣрившись, что трагедію написалъ Княжнинъ, Самойловъ спросилъ: не читалъ ли онъ эту „богоотступную" пьесу кому-нибудь? Дѣти Княжнина указали на

---

*) Вадимъ Новгородскій, трагедія въ стихахъ въ пяти дѣйствіяхъ; сочинена Як. Княжнинымъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1793 года. Въ 8 д. л., 73 стр. П. Е.

**) Россійскій театръ или полное собраніе всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій. Часть XXXIX. Въ Санкпетербургѣ, при импер. акад. наукъ, 1793 года, 286 стр. (Вадимъ занимаетъ стр. 123—195). П. Е.

***) Этимъ можно объяснить, почему печатные экземпляры «Вадима», хотя и очень рѣдко, но все таки встрѣчаются въ продажѣ. Принадлежащій мнѣ экземпляръ изданія 1793 года, съ котораго печатается нынѣшнее, купленъ мною не болѣе 5 лѣтъ тому назадъ, а въ прошедшемъ году продавался еще одинъ экземпляръ. П. Е.

Н. Ѳ. Эмина и В. В. Ханыкова и были тотчасъ отпущены. Эминъ и Ханыковъ были допрошены, а потомъ взятъ подъ стражу книгопродавецъ Глазуновъ и вытребованъ изъ деревни Чихачевъ, для объясненій. Они оказались совершенно неповинными и немедленно отпущены.

Княгиня Дашкова разсказываетъ исторію напечатанія Вадима нѣсколько иначе и намъ кажется — вопреки установившемуся мнѣнію — что разсказъ ея имѣетъ менѣе вѣроятія. Она скорѣе оправдывается, нежели излагаетъ дѣло. Недаромъ, видно, Б. Я. Княжнинъ замѣтилъ, что, печатая Вадима, „княгиня Дашкова была чѣмъ-то недовольна государыней, которая не всегда находила для себя удобнымъ исполнять ея требованія“ *). Княгиня видимо увертывается, групируетъ факты по своему усмотрѣнію, освѣщая одни и преднамѣренно затемняя другіе, какъ это встрѣчается во многихъ мѣстахъ мемуаровъ этого „семинариста въ жолтой шали и академика въ чепцѣ“.

Вотъ что разсказываетъ княгиня:

„Вдова одного изъ нашихъ знаменитыхъ трагиковъ (Княжнина) просила меня напечатать, въ пользу ея дѣтей, послѣднюю трагедію мужа, еще не изданную въ свѣтъ **). — Эта просьба была представлена мнѣ однимъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи (Козодавлевымъ); я сказала ему, что съ моей стороны не будетъ никакого препятствія, если онъ просмотритъ пьесу и поручится мнѣ, что въ ней нѣтъ ничего противнаго нашимъ законамъ или религіи; — и тѣмъ охотнѣе я поручила ему эту рецензію, что онъ былъ совершенный знатокъ отечественнаго языка и очень строгій судья въ цензурномъ отношеніи.

„Козодавлевъ доложилъ мнѣ, что трагедія основана на историческомъ событіи, происходившемъ въ Новгородѣ, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго ни по мыслямъ, ни по языку, и что развязкой пьесы служитъ торжество монарха надъ покореннымъ Новгородомъ и бунтомъ.

„На основаніи этого доклада я приказала напечатать трагедію (Вадимъ), сколь возможно больше облегчивъ расходы бѣдной вдовы. Нельзя не изумляться, какимъ образомъ эта ничтожная вещь могла поднять такую нелѣпую суматоху при дворѣ.

„Графъ Иванъ Салтыковъ, цѣлую жизнь не читавшій ни одной книги, по наслышкѣ отъ кого-нибудь утверждалъ, что трагедія, будто-

*) «Русскій Вѣст.» 1860 г., № 10, стр. 105. П. Е.

**) Кн. Дашкова ошибочно относитъ это событіе къ 1796 г., замѣчая, что оно случилось черезъ полтора года послѣ увольненія отъ службы ея брата въ 1794 году. Вадимъ изданъ въ 1793 году. П. Е.

бы прочитанная имъ, очень опаснаго содержанія для настоящаго времени, и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія побѣжалъ къ фавориту, чтобъ сообщить ему свое мнѣніе. Не знаю, читала-ли ее Екатерина или Зубовъ *); но вскорѣ послѣ того явился ко мнѣ полиційместеръ и очень вѣжливо попросилъ позволенія войти въ книжные магазины, принадлежавшіе академіи и, согласно съ приказаніемъ императрицы, отобрать всѣ экземпляры трагедіи, признанной по мнѣнію Екатерины за очень опасное сочиненіе.

„Я допустила его, замѣтивъ при томъ, что едва-ли онъ найдетъ хоть одинъ оттискъ; но такъ какъ эта пьеса помѣщена въ послѣднемъ томѣ „Россійскаго Θеатра", издаваемаго въ пользу самой академіи, то, если угодно, онъ можетъ вырвать ее изъ книги **); затѣмъ я прибавила, что очень смѣшно считать опаснымъ это несчастное произведеніе, которое на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе враждебно монархической власти, чѣмъ многія французскія трагедіи, представляемыя въ Эрмитажѣ..

„Послѣ обѣда Самойловъ, генералъ-прокуроръ сената, пришелъ ко мнѣ съ выговоромъ отъ императрицы за напечатаніе этого сочиненія. Чего хотѣли — оскорбить или испугать меня этой цензурой, — я не знаю; но преслѣдователи мои не успѣли ни въ томъ, ни въ другомъ. Я отвѣчала гр. Самойлову очень холодно и твердо, выразивъ удивленіе, на какомъ основаніи императрица могла заподозрить меня въ желаніи распространять что-нибудь враждебное ея интересамъ; и когда онъ сообщилъ мнѣ намекъ Екатерины на произведеніе Радищева, съ которымъ она сравнила „опасную" трагедію Княжнина, я повторила, что лучше сравнили-бы ихъ, особенно послѣднюю пьесу, возбудившую съ ихъ стороны столько мести, съ ходячими французскими драмами, представляемыми какъ на общественныхъ, такъ и

---

*) Отъ императрицы княгиня получила, между прочимъ, записку такого содержанія: «Недавно появилась русская трагедія «Вадимъ Новгородскій», которая, судя по заглавному листу, напечатана въ академической типографіи. Говорятъ, эта книга очень ѣдко нападаетъ на авторитетъ верховной власти. Вы хорошо сдѣлаете, если остановите продажу, пока я ее посмотрю. Доброй ночи. А вы читали ее?» (Ст. Иловайскаго въ От. Зап. 1859 г., № 11, стр. 305). П. Е.

**) Полицейскіе такъ и сдѣлали: они вырвали цѣликомъ 6 листовъ, не замѣтивъ, что при этомъ зацѣпили съ поллиста предыдущей и столько же слѣдущей за Вадимомъ пьесы. Два экземпляра полной 39 части находятся: у С. Д. Полторацкаго и въ Эрмитажной библіотекѣ, а жалкіе остатки этой книги въ продажу пущены только въ 1857 году. — Г. Иловайскій говоритъ, что одинъ иностранецъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, будто произведены были обыски въ частныхъ домахъ и отобраны раскупленные экземпляры отдѣльныхъ оттисковъ Вадима (От. Зап. стр. 306). П. Е.

на частныхъ театрахъ. Относительно либеральнаго ея направленія я просила принять во вниманіе, что она предварительно была отдана на просмотръ одному изъ академическихъ совѣтниковъ, прежде чѣмъ Княжниной было позволено печатать ее въ свою пользу; поэтому я надѣюсь, что мнѣ не будутъ больше говорить объ этомъ.

„Въ тотъ же вечеръ я не замедлила навѣстить Екатерину. Когда я вошла въ комнату, на лицѣ ея, видимо, выражалось неудовольствіе. Я подошла къ ней и спросила о здоровьи. „Все хорошо, отвѣчала она; но скажите пожалуста, что я вамъ сдѣлала, что вы распространяете противъ меня и моей власти такія опасныя правила?“

— Неужели вы считаете меня способной на это? воскликнула я.

— Знаете-ли, что я думаю объ этой трагедіи: ее надобно сжечь рукой палача.

„Это выраженіе было вовсе не въ характерѣ Екатерины, и потому я съ удовольствіемъ примѣтила, что она говорила языкомъ другаго лица, руководившаго мнѣніемъ ея.

— Государыня, возразила я; если она будетъ сожжена палачемъ, то не мнѣ прійдется краснѣть за это. Ну, ради Бога, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на поступокъ, столько несообразный съ вашимъ характеромъ, позвольте мнѣ прочитать вамъ эту гонимую драму; вы увидите, что развязка ея именно въ томъ духѣ, въ какомъ вы и всякій приверженецъ вашей власти желалъ бы ее. Въ тоже время прошу васъ вспомнить, что заступаясь за пьесу, я не авторъ и не заинтересованный издатель ея.

„Дальше возражать было нечего и потому разговоръ кончился. Затѣмъ императрица сѣла за карточный столъ и я послѣдовала ея примѣру.

„На другое утро я пришла съ офиціальнымъ рапортомъ къ государынѣ и напередъ рѣшилась доложить за-урядъ съ другими и потомъ просить уволить меня отъ должности, если она не приметъ меня съ обычнымъ довѣріемъ, не допуститъ въ свою туалетную „брильянтовую“ комнату и не станетъ говорить со мной по прежнему запросто.

„Въ пріемной встрѣтилъ меня Самойловъ, только что вышедшій изъ кабинета государыни; онъ шопотомъ замѣтилъ мнѣ вести себя хладнокровно, ибо императрица покажется скоро; „кажется она нисколько не гнѣвается на васъ“, прибавилъ онъ.

„Я отвѣчала обыкновеннымъ тономъ голоса, такъ чтобы слышали всѣ окружавшіе: „Милостивый государь, я не имѣю особеннаго повода безпокоиться, потому что мнѣ не за что упрекать ни себя, ни другихъ; что же касается государыни, мнѣ остается жалѣть, если она сердится или по-

дозрѣваетъ меня. Впрочемъ я такъ привыкла къ несправедливости, что какъ бы она ни была велика, меня трудно удивить".

„Вскорѣ за тѣмъ вышла императрица и, давъ поцаловать руку своимъ утреннимъ посѣтителямъ, обратилась ко мнѣ и съ обычной лаской сказала: „Очень рада васъ видѣть, княгиня! Пожалуйста идите за мной".

„Надѣюсь, что читатели этихъ записокъ повѣрятъ мнѣ и не упрекнуть меня въ тщеславіи, если я скажу, что это ласковое приглашеніе было пріятно мнѣ не столько за себя, сколько за императрицу, потому что мнѣ было бы больно въ противномъ случаѣ оставить академію и Петербургъ, что отнюдь не отнеслось бы къ чести Екатерины.

„Довольная тѣмъ, что цензурная бездѣлица не разлучила меня съ государыней, я едва вошла въ слѣдующую комнату, какъ съ жаромъ протянувъ руку просила Екатерину дать мнѣ поцаловать свою и забыть прошлое.

— Но согласитесь, княгиня...

— Да, да, государыня, продолжала я, перервавъ ея рѣчь и повторивъ русскую пословицу: „сѣрая кошка пробѣжала между нами; не зовите ее черной".

„Императрица согласилась, что дѣло не стоило особеннаго вниманія и, засмѣявшись, обратила разговоръ на другой предметъ. Я осталась обѣдать при дворѣ и замѣтила, что на ея душѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда гнѣва. Обѣдъ шелъ очень весело; находясь въ особенномъ припадкѣ юмора я, повидимому, заразила имъ и Екатерину; она отъ всего сердца хохотала при всякой ничтожной шуткѣ, которыя я расточала съ рѣдкой веселостью".

„Послѣ приведенныхъ разсказовъ сына Княжнина и Дашковой, непонятно, какимъ образомъ могли составиться два преданія: 1) будто княгиня за напечатаніе трагедіи лишилась мѣста президента академіи, тогда какъ она удалилась изъ Петербурга черезъ два года послѣ этого событія, и 2) будто Княжнинъ подвергся допросамъ Шешковскаго, вслѣдствіе чего впалъ въ жестокую болѣзнь и умеръ*). О послѣднемъ обстоятельствѣ упоминаетъ Бантышъ-Каменскій въ своемъ „словарѣ достопамятныхъ людей русской земли", а знаменитый поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ, въ своихъ историческихъ отрывкахъ, еще опредѣлительнѣе замѣчаетъ, что „Княжнинъ умеръ подъ розгами". Откуда явилось такое сказаніе—рѣшить трудно, ибо Княжнинъ, какъ сказано, умеръ 14 января 1791 г., а трагедія напечатана только въ 1793 г. и при жизни автора объ ней разговоровъ не было.

*) Это извѣстіе о смерти Княжнина недавно повторено въ безграмотномъ изданіи г. Шигина: «Радищевъ и его книга» (Спб. 1868). П. Е.

Добавимъ еще, что трагедія Княжнина собственно запрещена не была и изъятіе ея изъ продажи дѣлалось весьма секретно. Генералъ-прокуроръ гр. Самойловъ, сообщая московскому главнокомандующему кн. Прозоровскому о допросѣ поѣхавшаго тогда въ Москву книгопродавца Глазунова и объ отобраніи у него непроданныхъ экземпляровъ „Вадима", прибавлялъ: „Благоволите, ваше сіятельство исполнить все оное съ осторожностію и безъ огласки по данной вамъ власти, не вмѣшивая высочайшаго повелѣнія".

Такъ именно и сдѣлано было кн. Прозоровскимъ, который даже не отобралъ сочиненій Княжнина, о чемъ ему было тоже писано, „если въ нихъ окажутся, подобно (Вадиму), нелѣпыя изрѣченія", или „если и безъ таковыхъ изрѣченій покажутся сумнительны". Гр. Самойловъ писалъ, что Глазуновъ повезъ въ Москву 400 экз. „Вадима", но отобрано ихъ было только 160 и только изъ книжныхъ лавокъ, отъ публики-же книга не отбиралась, ибо „продавалась по публикаціямъ въ газетахъ и кто именно купилъ неизвѣстно".

Самое дѣло объ изъятіи книги производилось до того медленно, что успѣла даже появиться рецензія на „Вадима", которая не была пріостановлена, несмотря на преслѣдованіе самой трагедіи. Рецензія эта принадлежитъ А. Клушину и напечатана въ журналѣ „С.-Петербургскій Меркурій" 1793 г. (ч. III, стр. 124—144, авг.), издававшемся Клушинымъ вмѣстѣ съ И. А. Крыловымъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ русской литературѣ упоминалось о Вадимѣ довольно часто. Наиболѣе замѣчательныя статьи были помѣщены въ „Отеч. Запискахъ" и „Русскомъ Вѣстникѣ":

1) Екатерина Романовна Дашкова. Біографическій очеркъ. 4 статьи Д. Иловайскаго (От. Зап. 1859, № 9—12). О Вадимѣ подробно говорится въ 3-й статьѣ (№ 1, стр. 305—308).

2) Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой. Статья А. Н. Аѳанасьева (От. Зап. 1860, № 3).

3) Яковъ Борисовичъ Княжнинъ и трагедія его Вадимъ. Статья М. Н. Лонгинова (Рус. Вѣстн. 1860, № 4, стр. 631—650).

4) Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ. Статья В. Я. Стоюнина (Р. Вѣстн. 1860, № 10, стр. 103—108).

5) О Княжнинѣ, также и о его трагедіи см. въ Исторіи русской словесности древней и новой А. Д. Галахова (Спб. 1863 г., т. I, стр. 445—455).

6) Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина Вадимъ (Русскій Архивъ 1863 г., № 5—6, стр. 467—473).

7) Записки С. Н. Глинки. Въ „Современникѣ" 1865, № 9, стр. 221.

П. Ефремовъ.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ,

трагедія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(ночь)

ПРЕНЕСТЪ И ВИГОРЪ.

Вигоръ.

Уже Вадимъ, свершивъ со славою войну,
Приходитъ наконецъ въ отеческу страну;
Но свой возвратъ почто отъ всѣхъ гражданъ скрываетъ
И только лишь двоихъ зрѣть насъ удостояетъ?
Почто назначилъ онъ свиданья съ нами часъ,
Доколь не освѣтитъ лучъ солнца нашихъ глазъ,
На самой площади, намъ прежде столь священной,
Новградской гдѣ народъ, свободой возвышенной,
Подвластенъ только бывъ законамъ и богамъ,
Уставы подавалъ полнощнымъ всѣмъ странамъ.

Пренестъ.

Самодержавна власть все нынѣ пожираетъ
И Рурикъ многихъ здѣсь вѣковъ плоды сбираетъ:
Вотъ, мыслю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Гдѣ, уклоняяся предъ смертнымъ на престолѣ,
Увидитъ онъ себя въ одной съ рабами долѣ.
Се онъ! и въ слѣдъ за нимъ тѣхъ ратниковъ толпы,
Которыхъ славы въ путь вели его стопы.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАДИМЪ (за нимъ нѣсколько военачальниковъ, бывшихъ съ нимъ на войнѣ), **ПРЕНЕСТЪ и ВИГОРЪ.**

Вадимъ.

Я васъ-ли зрю, Вигоръ, Пренестъ, великодушны!

Пренестъ.

Мы, повелѣніямъ твоимъ всегда послушны,
Для насъ священный твой исполнили приказъ.

Вадимъ.

Друзья, въ отечествѣ-ль моемъ я вижу васъ?...
Уже заря верьхи тѣхъ башенъ освѣщаетъ,
Которыя Новградъ до облакъ возвышаетъ:
Се зримъ Перуновъ храмъ, гдѣ громъ его молчитъ—
Въ недѣйствіи Перунъ, злодѣйства видя, спитъ!
И се, тѣ славные, священные чертоги,
Вельможи наши гдѣ—велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшимъ изъ гражданъ,
Ограды твердыя свободы здѣшнихъ странъ,
Народа именемъ, который почитали,
Трепещущимъ царямъ законы подавали.
О, Новградъ! что ты былъ и что ты сталъ теперь?
(Обращаяся ко всѣмъ)
Героевъ сонмъ! его величье ты измѣрь;
А я, отъ горести, его въ оковахъ видя,
Безсиленъ то свершить, я жизни ненавидя...
Вы содрогаетесь?... И какъ не трепетать,
Когда изъ рабства безднъ осмѣлимся взирать
На прежню высоту отечества любезна!
Вся сила Сѣвера, предъ онымъ безполезна,
Его могущество, незнающе враговъ,
Равняла въ ужасѣ съ могуществомъ боговъ.
А днесь сей пышный градъ, сей Сѣвера владыка—
Могли-ли ожидать позора мы толика!—
Сей гордый исполинъ, владыки самъ у ногъ
Поверженъ, то забылъ, что прежде онъ возмогъ!
Забылъ?... Но какъ забыть? Что взоръ ни поражаетъ,
Все славу падшую его изображаетъ!

Воззримъ-ли на поля—еще звучитъ тамъ громъ,
Которымъ Готѳъ сраженъ, дерзнувъ намъ быть врагомъ;
Иль очи обратимъ на внутренности града,
Рѣками гдѣ текла съ свободою отрада,
Повсюду тѣ стези, гдѣ гордые цари
Покорство намъ несли, по тщетной съ нами при.
Вотъ мѣсто самое, тѣхъ почестей свидѣтель,
Когда здѣсь нашъ народъ, владыкамъ благодѣтель,
Гонимаго царя Варягъ пріявъ подъ кровъ,
Заставилъ въ трепетѣ молчать его враговъ.
Граждане! вспомните то славой полно время;
Но вспомните—дабы низвергнуть гнусно бремя!...
О стыдъ! Сей царь, тогда покоренъ, удрученъ,
Съ моленіемъ представъ, въ срединѣ нашихъ стѣнъ
Свое чело на прахъ предъ нами уклоняетъ;
А днесь—о грозный рокъ!—онъ нами обладаетъ...
Сей Рурикъ!... Не могу я болѣ продолжать;
Но ваше чувство вамъ то можетъ докончать,
Чего въ отчаяньи свершить мой гласъ не можетъ.

Вигоръ.

И наше сердце грусть твоей подобна гложетъ.
Отечество мы зря низверженно въ напасть,
Въ отчаяньи его оплакиваемъ часть.

Вадимъ.

Оплакиваете?... О страшныя премѣны!
Оплакиваете?... Но кто-же вы?... Иль жены?
Иль Рурикъ столько могъ вашъ духъ преобразить,
Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ—разить?

Пренестъ.

Мы алчемъ въ слѣдъ тебѣ на вѣкъ себя прославить,
Разрушить гордый тронъ, отечество возставить;
Но хоть усердіе въ сердцахъ у насъ горитъ,
Однако способовъ еще къ тому не зритъ.
Пренебрегая дни и гнусны и суровы,
Коль должно умереть—мы умереть готовы;
Но чтобы наша смерть не тщетная—отъ зла
Спасти отечество любезное могла,
И чтобы узы рвать стремяся мы въ неволѣ,

Не отягчили-бы сихъ узъ еще и болѣ.
Познаешь самъ, Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
Который Рурикъ здѣсь воздвигнулъ безъ препонъ,
Прошеньемъ призванный отъ цѣлаго народа;
Увѣдаешь, какъ имъ отъятая свобода
Прелестной властію его замѣнена;
Узнаешь, какъ его держава почтена,
И истинныхъ сыновъ отечества сколь мало,
Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
Стыдилися-бъ того, что въ свѣтѣ смертный есть,
Въ рукахъ котораго ихъ вольность, жизнь и честь.
Коварствомъ Рурика граждански слабы силы;
А воинствомъ Варягъ наполненъ градъ унылый.
Намъ должно помощи безсмертныхъ ожидать,
И боги случай намъ удобный могутъ дать.

Вадимъ.

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться
И въ стадѣ человѣкъ безъ славы пресмыкаться?
Но боги дали намъ свободу возвратить:
И сердце—чтобъ дерзать, и руки—чтобъ разить!
Ихъ помощь въ насъ самихъ! Какой еще хотите?
Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите;
А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
Подвигнусь умереть, владыки не терпя!
О рокъ! Отечества три лѣта отлученный,
За славою его побѣдой увлеченный,
Оставя вольность я, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
На насъ воздвигшихся свергаю гордость въ прахъ;
Я подвиговъ моихъ плоды несу народу;
Что-жъ вижу здѣсь? Вельможъ, утратившихъ свободу,
Во подлой робости согбенныхъ предъ царемъ
И лобызающихъ подъ скиптромъ свой яремъ.
Скажите: какъ вы, зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить —
Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить?

Вигоръ.

Какъ прежде, мы горимъ къ отечеству любовью...

Вадимъ.

Не словомъ доказать то должно-бъ вашей кровью!
Священно слово толь изъ вашихъ бросьте словъ.
Или отечество быть можетъ у рабовъ?

Вигоръ.

Имѣя праведно духъ грустью огорченный,
Напрасно, противъ насъ ты гнѣвомъ омраченный,
Тягчишь невиннѣйшихъ толь лютою виной.
Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многіе, къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ.
Жилище тишины преобратилось въ адъ;
Святая истина отселѣ удалилась;
Свобода, встрепетавъ, къ паденью наклонилась;
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ сограждан воздвигло смерти домъ.
Стремяся весь народъ быть пищей алчныхъ врановъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящейся кипѣлъ.
Плачевный Новградъ! ты спасенія не зрѣлъ!
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И плача не о нихъ — о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рурика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время, лѣтами и бѣдствомъ изнуренъ,
Дни кончилъ Гостомыслъ, отрадой озаренъ,
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но отходя къ богамъ, чтя Рурика геройство,
Народу завѣщалъ, да сохранитъ онъ власть,
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ, тронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой.

Вадимъ.

Владыкой! Рурика! кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь намъ, что дѣлалъ онъ для насъ?

Онъ долгъ платилъ!... Но коль его благодѣянья
Казалися вамъ быть достойны воздаянья—
Иль должно было вамъ свободою платить
И рабство ваше въ даръ заслуги положить?
О души низкія! падущія предъ рокомъ,
И увлекаемы случайности потокомъ,
Ахъ! если-бъ вы себя умѣли почитать!
Блаженъ-бы Рурикъ былъ, когда-бъ возмогъ онъ стать,
Въ порфирѣ облеченъ, гражданамъ нашимъ равенъ:
Великимъ титломъ симъ между царей ввѣкъ славенъ,
Сей честью былъ-бы онъ съ избыткомъ награжденъ.
Гласите: Гостомыслъ, геройствомъ убѣжденъ,
Вамъ узы завѣщалъ, чтобъ кончить ваше бѣдство.
Иль вольность согражданъ была его наслѣдство?
Иль могъ онъ васъ равно какъ тѣхъ животныхъ дать,
Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?
Закрытый, въ гордости, отечества любовью
И кровь соединя свою со царской кровью,
Подъ видомъ прекратить всеобщую напасть,
Онъ сыну дочери своей здѣсь отдалъ власть;
А я тому дамъ дочь мою единородну,
Имѣя душу кто не рабску, благородну,
Стремясь отечества къ спасенью мнѣ во слѣдъ
И жизни не щадя, всѣхъ смертныхъ превзойдетъ.
Рамида та цѣна, котору предлагаю.
Тирановъ врагъ—мой сынъ!... Къ ней страсть я вашу знаю,
Вы знаете, ея прельщенны красотой
Алкали чести быть цари въ родствѣ со мной;
Но я пренебрегалъ пріять тирана въ сына,
И гражданинъ—хотѣлъ Новградска гражданина.
Явите, имени сего достойны-ль вы?
Иль идола рабовъ воздвигнувъ на главы,
Меня, и честь, и все ему предайте въ жертву.
Увидьте и мою вы дщерь сраженну, мертву.

Вигоръ.

Чтобы достойнымъ быть дражайшей толь руки,
Готовъ одинъ презрѣть несмѣтные полки,
Которыми престолъ свой Рурикъ утверждаетъ.

Пренестъ.

Колико счастія сего мой духъ алкаетъ,

И сколько я мое отечество люблю—
Съ оружіемъ въ рукахъ я то тебѣ явлю.

Вигоръ.

Клянусь Перуновымъ я именемъ священнымъ,
Клянуся сердцемъ я, Рамидою прельщеннымъ,
На все дерзать.

Пренестъ.

Прими ты клятву и мою.

Вадимъ.

О жаръ героевъ! Васъ я нынѣ познаю!
Надежда вы гражданъ, отечества отрада!
(Къ военачальникамъ, съ нимъ пришедшимъ)
Поборники мои! оставимъ стѣны града,
И пользуясь еще остаткомъ слабой тьмы,
Въ тѣ дебри мрачныя отсель отъидемъ мы,
Гдѣ ратники мои, побѣдою вѣнчанны,
Питая ярости стремленья несказанны,
Котору въ нихъ возжегъ отечества уронъ,
Рѣшились умереть или низвергнуть тронъ.
Вигоръ къ героямъ симъ послѣдуетъ за нами,
Пренестъ останется здѣсь правити сердцами.
Ступайте!.. (Военачальники и Вигоръ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАДИМЪ И ПРЕНЕСТЪ.

Вадимъ.

Я тебѣ ввѣряю нашу часть:
Потщись воспламенить къ отечеству ту страсть,
Которая гражданъ героями творила,
Которую въ сердцахъ держава затворила,
Что можешь чувствовать, дай чувствовать то имъ.
Сравняй себя, Пренестъ, съ почтеніемъ моимъ.
Хоть въ равной путь Вигоръ съ тобою и стремится,
Но твой успѣхъ моимъ желаньемъ становится.
Блаженъ, когда тебя обязанъ награждать,
Къ Рамидѣ возмогу твой пламень увѣнчать.

Пренестъ.

И дочерью твоей прекрасною прельщенный,
И лестнымъ мнѣ твоимъ почтеньемъ восхищенный,
Стыжуся я, неся мою на жертву кровь,
Что жаръ къ отечеству дѣлитъ моя любовь!
И можетъ быть твое почтенье уменьшаетъ
Награда, чѣмъ Вадимъ мнѣ сердце утѣшаетъ.
Вѣрь мнѣ, хотя всего превыше чту сей даръ,
Но должности моей—любви не вреденъ жаръ,
Въ которомъ все мое я счастье обрѣтаю;
И если къ горести Рамидою я таю,
Хотя несклонна мнѣ пребудетъ навсегда,
Несчастенъ быть могу, безчестенъ—никогда!
Увидишь ты меня, надежды всей лишенна,
За общество въ твой слѣдъ геройскій устремленна,
Какъ и съ надеждою равно несуща грудь,
Пренебрегая жизнь, въ кровавый славы путь.

Вадимъ.

Сего надѣюсь я, Пренеста сердце зная;
Но дочь Вадимову такъ мало почитая,
Почто ты думаешь ее несклонну зрѣть
И общества въ тебѣ спасителя презрѣть?
Въ ней кровь моя; она не будетъ малодушна
И—только должности своей всегда послушна—
Тѣ сердца слабости умѣетъ обуздать,
Которы нѣга въ насъ удобна возрождать.
Воспитанныя мной, ты будешь въ томъ свидѣтель,
Ей власть моя—законъ, а счастье—добродѣтель.
Прости, ужъ солнца лучъ, распространяя свѣтъ,
Въ дремучіе лѣса меня отсель зоветъ.
Увы! когда уже здѣсь все порабощенно,
Здѣсь нѣтъ отечества—оно все тамъ вмѣщенно,
Герои наши гдѣ, взносяся надъ судьбой,
Готовы умереть иль скиптръ попрать ногой!

Пренестъ.

Но дочь, незнающу Вадима возвращенья,
Почто узрѣть тебя лишаешь утѣшенья?

Вадимъ.

Прибытіе мое берегись открыти ей:
Хоть горько для души родительской моей,
Что часъ свиданія я съ нею отдаляю;
Но я отечество себѣ предпочитаю.
Спѣшу устроить все, чтобы въ грядущу ночь,
Свободу здѣсь узрѣвъ, мою увидѣть дочь.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РАМИДА И СЕЛЕНА.

Селена.

Се, приближается тотъ часъ, тобой желанный,
Въ который твой отецъ, побѣдою вѣнчанный,
Вадимъ, прибытіемъ обрадовавъ сей градъ,
Рамидѣ принесетъ съ собою тьму отрадъ.
Узришь возлюбленна родителя-героя,
Который общества спокойствіе устроя,
Ко прекращенію любезной дщери мукъ
Приходитъ, изъ своихъ побѣдоносныхъ рукъ
Отдать ее въ вѣнцѣ пылающему ею.
Увѣрена твоей чувствительной душею,
Твое величіе не чту себѣ въ уронъ.
Супруга Рурика, возшедшая на тронъ,
Надѣюсь, для меня Рамидою пребудетъ
И дружества во-вѣкъ Селены не забудетъ.

Рамида.

Ты знаешь чувствія Рамидиной души.
Селена, ты меня сей дружбы не лиши,
Которая мое блаженство возвышаетъ;
Она равно мой духъ плѣненный утѣшаетъ,
Какъ та безсмертная, неодолима страсть,
Безъ коей всякое мнѣ счастіе — напасть.
Вѣрь мнѣ, сей блескъ вѣнца, престола возвышенье,

Для чувствъ Рамидиныхъ презрѣнно утѣшенье!
Въ корысти, въ гордости я сердца не гублю:
Не князя въ Рурикѣ, я Рурика люблю.

Селена.

Душою обладать героя ты достойна;
Но въ ожиданіи твоихъ отрадъ спокойна,
Готовясь къ счастью быть спряженной бракомъ съ нимъ,
Не огорчаешь-ли предчувствіемъ какимъ
Души нѣжнѣйшею любовью упоенной?
Не вопіетъ-ли гласъ свободы сокрушенной?
Не вображается-ль великій твой отецъ
Во гнѣвѣ, въ ярости, зря царскій здѣсь вѣнецъ?

Рамида.

Почто-жъ смущать мое блаженство сей напастью?
И что свобода вся предъ Руриковой властью?
Вѣрь мнѣ, родитель самъ, героя зря сего,
Свободу, гордость, все — забудетъ для него.
Возможно-ль Рурика кому возненавидѣть?
Чтобъ обожать его, лишь надобно увидѣть.
Своею вольностью лишенный всѣхъ отрадъ
Не то-ли чувствовалъ, что я, и весь сей градъ,
Какъ Рурикъ къ намъ привелъ торжественное войско.
Вообрази себѣ сіе чело геройско,
Престолъ божественныхъ его души добротъ,
Надежду будущихъ властителя щедротъ;
Тѣ очи молніей и кротостію полны,
Когда, смиривъ онъ здѣсь смятенья страшны волны,
Народъ признательный привлекъ къ своимъ ногамъ.
Коль можетъ человѣкъ подобенъ быть богамъ,
Конечно, Рурикъ имъ единый только равенъ.
Воспомни ты, какъ онъ, побѣдоносенъ, славенъ,
Доволенъ только тѣмъ, что намъ благотворилъ,
Въ своей душѣ за то награду находилъ
И, мужествомъ прервавъ плачевны наши стоны,
Отрекся здѣшнія завидной всѣмъ короны.
Тогда народъ, страшась своихъ возврата бѣдъ,
Слезами орошалъ сего героя слѣдъ.
Въ какія горести весь градъ сей погружался;
Казалося, намъ часъ послѣдній приближался.

Всему отечеству мой духъ сотрепеталъ,
И съ Рурикомъ весь міръ Рамидинъ погибалъ.
Ты видѣла то все. Селена, ты безстрастна!
Скажи? Когда-бъ тебѣ вселенная подвластна
Съ подобострастіемъ у ногъ твоихъ была,
Иль власти-бъ ты своей ему не отдала?
И міра къ радости, противъ себя правдива,
Подъ властью Рурика ты какъ была-бъ счастлива?

Селена.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, достоинъ власти онъ;
Но если-бъ твой отецъ, которому здѣсь тронъ
Гражданскихъ всякихъ бѣдъ несноснѣе казался,
Противу Рурика къ несчастью ополчался,
Когда-бы, не смотря на плачущую дщерь.....

Рамида.

Отъ мысли сей мой духъ трепещетъ и теперь!
Увы! коль мнѣ судьба толико будетъ злобна,
Хоть скорби не снесу мученья безподобна,
Колико Рурика я смертно ни люблю,
Умру, но должности моей не преступлю;
И повинуяся родительской я власти,
У ногъ его мои окончу всѣ напасти...
Но нѣтъ, почто, почто мнѣ сердце разрывать
И грудь стенящую слевами обливать?
Чего не можетъ быть — почто мнѣ тѣмъ терзаться
И горестнѣйшимъ толь мечтаньемъ устрашаться?
Мы лютость отъ себя сихъ мыслей удалимъ.
Не можетъ къ Рурику питати злость Вадимъ,
Не можетъ... И герой героя обожаетъ.
Твое сомнѣніе обоихъ унижаетъ.
Во славѣ равные, что можетъ ихъ смутить?
Что можетъ къ зависти родителя склонить?...
То свойство гнусное лишь подлыхъ душъ и черныхъ,
Чтобъ зря достоинства на высотахъ безмѣрныхъ
И бывъ безсильными до оныхъ возлетѣть,
Во мрачности своей ихъ блеска не терпѣть.
А истинный герой, упитанъ свѣтомъ славы,
Доволенъ самъ собой, превыше сей отравы.
Но пусть Вадима-бы встревожилъ здѣсь вѣнецъ,

Иль мною Рурику не будетъ онъ отецъ?
Отвергнемъ тщетный страхъ и лютыя толь мысли.
Селена, ты мои отрады всѣ изчисли!
Но какъ возможно ихъ себѣ вообразить!
Скажи, счастливѣе меня кто можетъ быть?
Се, Рурикъ шествуетъ и зракъ его любезный
Являетъ, сколь твои сомнѣнья безполезны.

ЯВЛЕНІЕ II.

РУРИКЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА, ПРОВОЖАТЫЕ РУРИКОВЫ.

Рурикъ.

На быстрыхъ крыліяхъ ужъ тѣ часы парятъ,
Которы счастіе мое несутъ въ сей градъ;
Въ которы твой отецъ, толь алчно жданный мною,
Во лаврахъ возвращенъ отечеству судьбою,
За всѣ труды меня Рамидой наградитъ
И бракомъ все мое блаженство утвердитъ.
Вельможи и народъ мнѣ дали здѣсь корону,
И сердцемъ моему покорствуя закону,
Превыше вольности мою считаютъ власть:
Велика честь сія; но мнѣ была-бъ напасть,
Когда-бы ты меня отъ сердца отвергала
И тронъ украсить мой собою не желала.
Однако, пламень мой къ тебѣ каковъ ни лютъ,
Хоть жизнію не чту я горькихъ тѣхъ минутъ,
Въ которы, удаленъ твоей красы, страдаю,
Я счастливымъ себя еще не почитаю,
Коль равной страстію Рамида не горя,
Мнѣ счастье подаетъ, свою въ немъ должность зря;
И за гражданъ своихъ, въ награду ихъ спасенья,
Хоть малыя себѣ потерпитъ принужденья.
Чтобъ словомъ чувствіе мое изобразить,
Тобой — тебѣ одной хочу я долженъ быть.
Хоть прелести твои моей души питанье,
Хотя, лишась тебя, мнѣ будетъ жизнь страданье;
Но горьку часть сію той части предпочту,
Чтобъ зря всегда твою въ уныньи красоту,
Встрѣчая съ ужасомъ моей супруги взоры
Всечасно находить смертельны въ нихъ укоры...
Притворства чуждому вѣрь сердцу моему:

Стократъ пріятнѣй мнѣ терзаться самому,
Какъ, изъ тоски другихъ извлекши люту радость,
Вкушати свойственну однимъ тиранамъ сладость.
Открой мнѣ чувствіе ты сердца твоего:
Не огорчаю-ли хоть мало тѣмъ его,
Что жизни счастіе въ тебѣ одной включаю,
Что я въ тебѣ себя съ душою сочетаю?

Рамида.

Какъ можешь, государь, ты то вообразить,
Чтобы Рамидинъ духъ умѣлъ себя склонить
Къ притворству низкому, безъ страсти принуждаться
И узамъ тягостнымъ къ мученью предаваться?
И чтò-бъ, скажи, тому виною быть могло?
Или увѣнчанно короною чело?
Вѣрь мнѣ, когда-бы кто вселенной на престолѣ,
Открывши гордости моей безмѣрно поле,
Вѣнцами безъ числа глазамъ моимъ блисталъ
И за любовь мою власть міра отдавалъ,
Коль сердцемъ-бы его Рамида не избрала,
Она-бы скиптры съ нимъ и троны презирала;
А если-бы свою онъ призвалъ въ помочь власть,
Умѣла-бъ смертію отвергнуть я напасть.
Гражданку здѣшнюю, возросшую въ свободѣ,
Не можетъ удивить ничто во всей природѣ.
Подвластна лишь богамъ и моему отцу,
Всѣмъ сердцемъ я къ тебѣ стремлюся, не къ вѣнцу.
Ты внемлешь гласъ души безъ лести, безъ искусства;
Къ притворствамъ никакимъ мои несродны чувства;
И если-бъ Рурика любить я не могла,
Я съ откровенностью то равною-бъ рекла,
Какъ и теперь мой духъ прельщенный то вѣщаетъ:
Коль Рурикъ счастье все въ моей любви включаетъ,
Когда зависитъ то отъ сердца моего,
Такъ нѣтъ счастливѣе на свѣтѣ никого.

Рурикъ.

О часъ драгой! моей всей жизни драгоцѣннѣй!
Я вѣчно не вкушалъ отрады совершеннѣй;
Внимая сладостнымъ изъ устъ твоихъ словамъ,
Завистна кажется моя судьба богамъ.

Увѣренъ, восхищенъ признаньемъ вожделѣннымъ,
Я съ сердцемъ, новою днесь жизнью укрѣпленнымъ,
Иду, куда меня правленья долгъ зоветъ:
Въ немъ Рурикъ бремени ужъ больше не найдетъ;
И сколь ни тягостны несмѣтны попеченья,
Труды, прискорбія, душевны огорченья,
Которыхъ требуетъ монарховъ тяжка власть,
Мнѣ будетъ счастіемъ и самая напасть;
Хоть Рурикъ жизнь свою за твой народъ утратитъ,
За все единый взоръ Рамиды мнѣ заплатитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАДИМЪ (сокрытъ во одеждѣ простаго воина), **РАМИДА, СЕЛЕНА.**

Вадимъ (въ отдаленіи, не видя Рамиды).

Ужасная мое пронзила сердце вѣсть!
О дочь жестокая! Какъ то Вадиму снесть!
Рамида къ Рурику любовію пылаетъ...
Уже послѣдняго меня тиранъ лишаетъ...
Но се она....

Рамида.

Тебя-ль я зрю, родитель мой?
Герой! позволь въ твоихъ объятіяхъ....

Вадимъ (отвергая ее).

Постой!

Рамида.

Что вижу?... Ты моимъ восторгамъ отвѣчаешь
Презрѣньемъ!... Или дочь свою пренебрегаешь?
Украшенъ лаврами ее не познаешь
И въ жертву гордости природу отдаешь?

Вадимъ.

Несчастна! Если-бъ я тебя возненавидѣлъ,
Я съ равнодушіемъ восторгъ-бы твой увидѣлъ
И, ласки воспріявъ, тебя-бы не отвергъ.
Но—о несчастія неизмѣрима верьхъ! —
Воззри, и по сему познай прискорбну виду:
Гнушаясь, не могу я не любить Рамиду.

Рамида.

Ахъ, каждая твоя ужаснѣйшая рѣчь,
Вонзаясь въ сердце мнѣ, разитъ какъ острый мечь.
Чѣмъ винна я, скажи, возлюбленный родитель?
Что духъ терзаетъ твой, герой и побѣдитель?
Открой мнѣ, плачущей родителя у ногъ,
За что, лиша тебя, мой рокъ мнѣ столько строгъ?
Чтобъ сердцемъ ты опять къ Рамидѣ обратился,
Что дѣлать мнѣ, скажи?... Твой болѣ зракъ смутился!
Гласи, повелѣвай — за отческу любовь,
Мнѣ должно-ли въ сей часъ пролить мою всю кровь?
Пролей! она твоя! возьми твой даръ обратно!

Вадимъ.

Гласъ должности твоей какъ слышать мнѣ пріятно!
Я чувствъ родительскихъ къ тебѣ не истребя,
Не жизни требую, но чести отъ тебя.

Рамида.

Что слышу?... Или дочь свою подозрѣваешь?...
Ты чести требуешь—или меня не знаешь?

Вадимъ.

Не знаю.... Ты сама теперь въ себя вошедъ,
Отрады полный мнѣ дать можешь-ли отвѣтъ:
Что чести въ правилахъ Вадима непремѣнна,
Ты таже дочь моя, любезна и безцѣнна?
Блистая какъ всегда заразой красоты,
Рамиду прежнюю найдешь-ли въ сердцѣ ты?

Рамида.

Меня вопросами какъ громомъ изумляешь!
Ты судію въ себѣ, а не отца являешь...
Богами и тобой самимъ я въ томъ клянусь,
Что та-жъ Рамида я, что вѣкъ не премѣнюсь;
Что дочь достойная Вадима, но несчастна;
Что чести правиламъ его всегда подвластна;
Что паче я всего родителя люблю;
Что я, не знавъ вины, ужасну казнь терплю.
Открой проступокъ мой!

Вадимъ.

Ты страстію пылаешь
Къ носящу здѣсь вѣнецъ, а ты вины не знаешь...
Быть можетъ, клевета Рамиду тѣмъ мрачитъ.
Разруши вѣсть сію, чѣмъ городъ сей звучитъ...
Ахъ, ежели меня не истина сразила;
Коль чувствія мои Рамида сохранила;
Коль врагъ мой — врагъ тебѣ въ сіяніи вѣнца,
Дерзай, любезна дочь! въ объятія отца...
Несчастна! плачешь ты и грудь твоя томится!...
Мое безславіе мнѣ ясно становится!

Рамида.

Когда порокъ — любить спасителя гражданъ,
Который отъ боговъ къ отрадѣ смертнымъ данъ;
Который, прекратя общественные стоны,
Отрекся здѣсь ему представленной короны;
Который, умоленъ народа токомъ слезъ,
Небесны благости съ собой на тронъ вознесъ;
Которой, какъ отца, Вадима ожидаетъ:
Виновною себя Рамида почитаетъ!
Достойна казни я. Вотъ грудь моя, пронзай!
Имъ сердце плѣнное на части растерзай!
Теряя съ нимъ я все, и небеса и землю,
Ударъ смертельный твой за даръ драгой пріемлю.

Вадимъ.

Обрушься на меня небесъ пресвѣтлыхъ твердь!
Ты просишь смерти, ты вкусить достойна смерть!
Злодѣйскимъ пламенемъ и пагубнымъ пылая,
Отцеубійца ты, меня во гробъ вселяя;
Измѣнница! твое отечество предавъ,
И вольность согражданъ, и святость нашихъ правъ!
О ты, сообщница коварнаго тирана,
Которымъ съ кротостью дана намъ смертна рана!
Поди къ нему, поди, скажи: твой здѣсь отецъ;
Что хочетъ онъ сорвать съ главы его вѣнецъ.
Да придетъ онъ свое предупредить паденье,
И сердце мнѣ пронзя, скончать мое мученье.
Поди, и мечь направь злодѣя моего

На грудь родителя несчастна твоего:
И смертію отца препонъ освобожденна,
Взойди на тронъ, моей ты кровью обагренна!...

Рамида.

Постой, родитель мой! ахъ, сжалься надо мной!
Твои укоры, видъ толико грозный твой,
Твой гнѣвъ — то болѣе мнѣ смерти страхъ наноситъ,
Которой у тебя дочь бѣдна тщетно проситъ...
Познай, родитель мой, познай въ сей часъ меня:
Тебя достойна я, хоть мучуся стеня...
Сей нѣжный огнь любви, мнѣ толь пріятный прежде,
Заслугой Рурика обманута въ надеждѣ,
Сей огнь, которымъ я питала жизнь мою,
Смертельно мучима, зря ненависть твою,
Сей лютый огнь кляну и въ немъ порокъ мой вижу,
И сердце слабое, терзаясь, ненавижу
За то, что я, стремясь въ немъ пламень потушить,
Съ симъ пламенемъ должна и жизни свѣтъ гасить...
Оставь мнѣ то, оставь, что сердце открывая,
Кажу его, тебя лишь болѣ прогнѣвляя;
Я искренностію родителю должна
И помощь въ горести несносной мнѣ нужна.
Отца я въ нѣдра грусть смертельну проливаю,
Родителя къ моей отрадѣ призываю...
Отеческимъ воззри ты окомъ на меня
И пожалѣй о мнѣ, несчастную виня.
Жалѣй — превозмогусь, явлюсь тебя достойна,
И волю соверша твою, умру спокойна.
Повелѣвай; меня послушну будешь зрѣть.

Вадимъ.

Достойна ты меня, а хочешь умереть.
Кто? Ты? Вадима дочь! и дочь свободна града!
Превозмогись, живи и будь моя отрада.
Клянись покорствовать во всемъ твоей судьбѣ.

Рамида.

Клянусь!... Чѣмъ быть могу подобна я тебѣ?

Вадимъ.

Изъ сердца истребя жаръ гнусныя отравы,

Со мною шествуя ко храму вѣчной славы,
Къ тирану въ ненависть любовь преобратить.

Рамида.

Клянусь... хоть не могу сего я совершить...
Клянусь... коль должно мнѣ... всечасно умирая,
Не зрѣть его во вѣкъ, иль видѣть отвергая.

Вадимъ.

Клянись—чтобъ могъ я дочь мою во всемъ познать
И міру безъ стыда Рамиду показать —
Клянись, что одолѣвъ душъ рабскихъ страстну муку,
Изъ нашихъ сограждан тому отдашь ты руку,
За вольность общества кто паче всѣхъ герой
Покажетъ, что владѣть достоинъ онъ тобой.
Клянись, наградой быть тирана за паденье.

Рамида.

Чего ты требуешь! увы! сіе мученье
Превыше силъ моихъ! иль мало жертвы той...

Вадимъ.

Поди отъ глазъ моихъ,-изчезни предо мной!
Быть дочерью моей я способъ предлагаю;
А ты... Нѣтъ! ты не дочь и я тебя не знаю!
Храня любовь отца, я только что крушусь.

Рамида.

Постой, родитель мой! я все свершить клянусь!
Коль мало лютыхъ мукъ, которы предпріемлю,
Ты вымысли еще...

Вадимъ.

Я дочь мою объемлю!
Не плачь, умѣрь тоску, что грудь твою тѣснитъ!
Чтò можетъ насъ терзать, коль слава предстоитъ? (Увидя Пренеста)
Пренестъ, отечества къ спасенью есть-ли виды?
Ужель достоинъ ты руки моей Рамиды?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВАДИМЪ, РАМИДА, ПРЕНЕСТЪ.

Пренестъ.

Всѣ чувства устремя тебѣ подобнымъ быть
И, обществу служа, Рамиду заслужить,
Лишь только ты меня, спѣша за градъ, оставилъ,
Тотчасъ мои стопы къ вельможамъ я направилъ,
Которыхъ гордый духъ противъ вѣнца роопталъ
И гнѣва молнію въ молчаніи питалъ.
Собравъ ихъ, я имъ рекъ: „Се часъ тотъ наступаетъ
Въ который небо намъ судьбу гражданъ вручаетъ;
Въ который городъ нашъ, сей прежде царь царей,
Сіе питалище великихъ толь мужей,
Съ свободой своего сіянія лишенный,
Подъ игомъ скипетра позорно удрученный,
Возможетъ вознестись на высоту опять,
Чтобъ Сѣверу всему законы подавать.
Уже извнѣ на тронъ направлены удары:
Ужъ съ воинствомъ Вадимъ принесъ тиранству кары.
Коль также, какъ ему, противенъ вамъ вѣнецъ,
Паденья своего не избѣжитъ гордецъ,
Который, намъ дая вкушать соты коварства,
Насъ клонитъ къ горести самодержавна царства.
Великодушенъ, днесь, онъ кротокъ, справедливъ,
Но укрѣпя свой тронъ, безъ страха горделивъ,
Коль чтитъ законы днесь, во всемъ равняясь съ нами,
Законы послѣ всѣ и насъ попретъ ногами!
Проникнувъ въ будуще вы мудростью своей,
Не усыпляйтеся блаженствомъ власти сей:
Что въ томъ, что Рурикъ сей героемъ быть родился,
Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
Величья своего отравой упоенъ —
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращенъ?
. . . . *)
. . . .
. . . .
. . . .

Воззрите на владыкъ вы разныхъ царствъ и вѣковъ,

*) Въ этомъ мѣстѣ мы вынуждены сдѣлать пропускъ въ 4 строки. Ред.

*

Ихъ власть — есть власть боговъ, а слабость — человѣковъ!"
Потомъ, чтобъ яростны противъ лучей вѣнца
И паче раздражить ихъ гордыя сердца,
Изобразилъ я имъ народовъ страшны бѣдства;
Тѣ самовластія плачевны, люты слѣдства,
Вокругъ котораго съ кадильницею лесть,
Безстудно принося богамъ пристойну честь,
Преступниковъ въ вѣнцахъ съ безсмертными равняетъ
И кровью подданныхъ на тронахъ упояетъ.
Гнѣвъ болѣ пламеня моихъ чертами словъ,
„Представьте, я сказалъ, вы смертныхъ сихъ боговъ,
Въ надменности свою закономъ чтущихъ волю,
По гнуснымъ прихотямъ влекущихъ нашу долю
И первенство дая рабамъ своихъ страстей,
Предъ ними тотъ великъ — кто паче всѣхъ злодѣй.
Дождемся-ли и мы такой ужасной части,
Когда властитель нашъ, въ своей спокоенъ власти,
Личину хитрости со горда снявъ лица,
Явилъ чудовище подъ блесками вѣнца?
Всечасно окруженъ свирѣпостью и страхомъ,
Подножья своего считать насъ будетъ прахомъ;
И присвояя плодъ трудовъ несмѣтныхъ лѣтъ,
Отниметъ все у насъ и даже солнца свѣтъ,
Чтобъ подлость наградить своихъ льстецовъ прегнусныхъ.
Ужъ есть событіе такихъ предвѣстій грустныхъ;
Его Варягами наполненъ весь нашъ градъ;
Ужъ съ нами становя своихъ рабовъ онъ въ рядъ,
Остатки вольности и нашихъ правъ отъемлетъ;
А вашъ великій духъ на краѣ бездны дремлетъ!
Проснитесь!..." Вдругъ ихъ вопль остановилъ мой гласъ:
Идемъ пронзити грудь тирану сей-же часъ!
Ихъ рвенье описать я сколько-бъ ни старался,
Какъ мракъ предъ пламенемъ глаголъ-бы мой казался.
И какъ изобразить движенье сихъ мужей,
Сихъ ненавистниковъ и рабства и царей;
Ихъ слезы на очахъ отъ гнѣва и позора,
Летящи молніи отъ яростнаго взора,
Багряность мрачныхъ лицъ, сей образъ грозныхъ тучь,
Изъ коихъ вольности блисталъ надежный лучь
И неминуемо тираново паденье.
Въ послѣдокъ, премѣня свой гнѣвъ во изступленье,

Забывъ опасности и всѣ исторгнувъ мечь,
Стремятся тотъ-же часъ злодѣя дни пресѣчь!
„Друзья, сказалъ я имъ, безвременно геройство
Отъемля плодъ, не есть сердецъ великихъ свойство.
Что въ томъ, коль вашу днесь погибель вы презрѣвъ,
Повергните себя въ разверстый смерти зѣвъ?
Не крови вашея отечество желаетъ:
Оно отъ вашихъ рукъ спасенья ожидаетъ.
Великимъ толь дѣламъ намъ должно дать созрѣть;
Въ грядущу ночь у стѣнъ Вадима будемъ зрѣть;
Въ грядущу ночь врата отворимъ мы герою,
А съ нимъ ведущему свободу нашу строю."
По семъ, какъ вихрями смущенна бездна водъ,
Стремленью ярости почувствовавъ оплотъ,
Стѣсненная кипитъ, реветъ и тщетно рвется,
Таковъ героевъ сонмъ во гнѣвѣ остается
И проситъ солнце путь свой ясный сократить,
Чтобъ мракъ привелъ тотъ часъ, въ который имъ разить.
(При сихъ словахъ выходитъ Вигоръ).

Вадимъ.

Сего я ожидалъ, героевъ нашихъ зная
И добродѣтели Пренеста почитая. (Указывая на дочь)
Се, воздаяніе, вѣнецъ трудовъ твоихъ.

Пренестъ.

Судьба моя теперь въ ея устахъ драгихъ,
Не смѣю счастливымъ дотолѣ я назваться.

Рамида.

Мой долгъ родителю во всемъ повиноваться. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАДИМЪ, ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

Вигоръ (въ сторону).

Что слышу? Вѣрить-ли мнѣ чувствіямъ моимъ?... (Къ Вадиму)
Смятенно воинство отсутствіемъ твоимъ...

Вадимъ.

Иду. (Къ Пренесту) Свершай все такъ, какъ начато тобою!

ЯВЛЕНIЕ VI.

Вигоръ (одинъ).

Итакъ я былъ, о рокъ, коварства ихъ игрою!
Спасенью общества назначенна цѣна—
Пренесту, а не мнѣ, Рамида отдана.
Что сдѣлалъ сей Пренестъ? Вадимъ, какая слава,
Какой успѣхъ ему даетъ отмѣнны права?
Почто тобою такъ я люто пораженъ?
Но тщетно быть Вигоръ не можетъ униженъ,
И если должно мнѣ лишитися Рамиды...
Вострепещи, творя столь смертны мнѣ обиды!

ДѢЙСТВIЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНIЕ I.

РАМИДА И СЕЛЕНА.

Селена.

Горчайшихъ слезъ твоихъ потоки осуши,
Не погружай твоей въ отчаянье души.

Рамида.

Селена, все мое почувствуй ты терзанье!
О доля лютая! о страшно состоянье!
О долгъ, долгъ варварскій! мнѣ должно жизнь хранить
И не для Рурика, а для инаго жить.
Мнѣ должно, какъ врага, того возненавидѣть,
Въ комъ духъ плѣненный мой привыкъ блаженство видѣть...
Его всечасно зрѣть, его любви внимать,
Взаимной нѣжностью за нѣжность воздавать,
Въ томъ находила я, надеждой ослѣпленна,
Чего не можетъ мнѣ отдать и вся вселенна...
Возлюбленный! въ сей день предвидѣть я могла-ль,
Что я, смертельную во сердцѣ скрывъ печаль
Которо безъ тебя не можетъ утѣшаться,
И зрѣть тебя должна я буду ужасаться;

Что душу зря мою въ тебѣ, — о грозный рокъ! —
Нѣжнѣйшу страсть должна считати за порокъ,
И что, — о верхъ злыхъ мукъ, неслыханныхъ и въ адѣ! —
Злодѣйству мздою ставъ въ неблагодарномъ градѣ,
Должна, о страхъ, я съ тѣмъ себя соединить,
Кто мечь свой долженъ въ грудь дражайшую вонзить!...
Одна отрада смерть въ несносномъ толь мученьи;
Но отнято и то несчастныхъ утѣшенье;
Пристанища сего лишаетъ рокъ меня;
Умрети не могу, отцу не измѣня...
Селена! ты меня отверженную, сиру,
И не привязанну ничѣмъ ужъ болѣ къ міру,
Подъ игомъ должности ліющу токи слезъ,
Оставленну отцемъ, забыту отъ небесъ,
Не оставляй въ сіи жестокія минуты!
Когда и смертные ко мнѣ и боги люты,
Во дружбѣ лишь твоей отрада вся моя.
Недолго отягчать Селену стану я;
Недолго!... И души я въ Рурикѣ лишенна,
Уже вкушаю смерть съ собою разлученна.

Селена.

На дружбу ты мою надежду возлагай;
Исполнитъ все она, лишь только пожелай.
Мнѣ должно-ль, Рурику открывъ твое мученье
И твоего отца порочно ополченье,
Явити всѣ ему опасности его?

Рамида.

Желаю смерти я, и болѣ ничего!
Ты хочешь, чтобы я, дочь люта и порочна,
Страдая отъ того, что страсть моя безпрочна,
Противъ родителя измѣной воружась,
Отраду обрѣла, къ злодѣйству преклонясь.
Нѣтъ! надъ собой не дамъ я року столько власти;
Умру въ мученіяхъ, не заслужа напасти.
Я не безчестія отъ дружества ищу,
Той помощи одной, Селена, я хощу,
Чтобъ стоны ты мои смертельны воспримала;
Чтобъ состраданіемъ ты муки облегчала,
И чтобъ, какъ смерть прерветъ несчастну жизнь сію,
Явила-бъ Рурику невинность всю мою.

Селена.

Се, Рурикъ шествуетъ.

Рамида.

Мой духъ изнемогаетъ...
Сокроемся!

ЯВЛЕНІЕ II.

РАМИДА, СЕЛЕНА, РУРИКЪ И ИЗВЕДЪ.

Рурикъ.

Меня Рамида убѣгаетъ!
То зря, повѣрить я могу-ль моимъ глазамъ?
Когда касаюся тѣмъ радостнымъ часамъ,
Въ которы принесетъ отецъ твой въ здѣшни стѣны
Блаженство все мое, какія зрю премѣны?...
Ты отвращаешь взоръ, трепещуща, блѣдна!...
Ты знаешь, счастье все мое лишь ты одна...
Или ты быть могла противъ меня коварна?...
Спасенье твоего народа благодарна,
Другъ вѣрный общества, герой нашъ, твой отецъ,
Все то, что свято намъ, и боги наконецъ
Могли-бъ способствовать моей любви обѣтамъ;
Но сердце не стремилъ къ священнымъ толь предметамъ:
То было-бы ничто безъ сердца твоего...
Дражайшихъ слово устъ превыше мнѣ всего;
Симъ словомъ отъ тебя я въ счастіи увѣренъ,
Считалъ увѣнчаннымъ мой жаръ къ тебѣ безмѣренъ,
И зная, что въ сей день отецъ твой внидетъ въ градъ,
Для ускоренія души моей отрадъ
Ко брачну торжеству ужъ все теперь готово.
Ты повтори еще дражайшее то слово,
Съ которымъ такъ въ сей часъ несходенъ сталъ твой зракъ,
Преобращая мнѣ свѣтъ солнца въ смертный мракъ;
Ты любишь-ли меня, какъ прежде увѣряла?...
Иль чтобъ лютѣй сразить, надежду подавала?

Рамида.

Оставь къ несчастію рожденную на свѣтъ,
Будь счастливъ безъ меня, инаго средства нѣтъ.

Рурикъ.

Что слышу? Счастливымъ мнѣ быть повелѣваешь,
А сердце изъ меня, жестока! исторгаешь.
Могу-ли безъ тебя я душу ощущать?
Тебя лишеннаго чѣмъ можетъ свѣтъ прельщать?
Рамиду потерявъ, что наградитъ утрату?
За нѣжность всю мою готовишь гробъ въ отплату.

Рамида.

Коль дочь Вадимова, стеняща и слаба,
Возможетъ, мучася, не быть страстей раба:
Такой какъ ты герой, давъ счастіе народу,
Удобенъ возвратить души своей свободу.

Рурикъ.

Какой ужаснѣйшій изъ устъ драгихъ совѣтъ;
Рѣчь каждая твоя, какъ буря, духъ мятетъ;
Колеблются въ глазахъ затмѣнныхъ здѣшни стѣны;
Поняти не могу незапной толь премѣны...
О страшна мысль! иной тебя возмогъ тронуть?
Свершай свирѣпости, пронзая вѣрну грудь!

Рамида.

О, мысль смертельная! сему ты можешь вѣрить,
Что можетъ предъ тобой Рамида лицемѣрить,
Что можетъ свѣтъ сносить и жить не для тебя?...
Ахъ, что я дѣлаю?... Разсудокъ погубя,
Стремлю смятенный духъ въ сладчайше наступленье.
Все то, что льстило мнѣ, все стало преступленье.
Могу-ль я то сказать... рокъ! о грозный рокъ!...
Мнѣ даже зрѣть тебя ужаснѣйшій порокъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

Рурикъ.

Скрывается! А я, какъ небомъ пораженный,
Недвижимъ, громовымъ ударомъ изумленный,
Въ окаменeніи, всѣ чувства истребя,
Не вижу ничего, не помню самъ себя.

Рамида-ль здѣсь была? Она-ли мнѣ вѣщала?
Иль злѣйшая мечта во снѣ мой духъ смущала?
Рамида то была: все было на яву;
А тщетно изъ ея оковъ я сердце рву.

Изведъ.

Отвергни страсть, тебя котора унижаетъ,
Тебя, котораго весь Новградъ обожаетъ,
Которому за трудъ—безсмертна слава мзда!
Не допусти себя унизить до стыда,
Чтобъ для совмѣстника и мрачна и презрѣнна
Рамидою себя узрѣть отриновенна.

Рурикъ.

Могу-ль я сей ударъ смертельный перенесть.
Иль можетъ до того ея гнусна быть лесть,
Чтобы, закрывъ себя ко мнѣ нѣжнѣйшей страстью,
Ругатися моей священнѣйшею властью,
И чтобы гордости того меня предать,
Не стоитъ, можетъ быть, кто и на свѣтъ взирать!
Искореню любви изъ сердца всю отраву.
Мнѣ должно сохранить пріобрѣтенну славу,
И не любовникомъ, монархомъ здѣсь пребыть,
И даже имя сей Рамиды позабыть;
Мнѣ должно одолѣть толь гнусное терзанье...
Но, ахъ! почто-жъ сей стонъ, сей плачь и воздыханье?
Прерванны рѣчи тѣ и то смятенье словъ?
Почто-бы все сіе, когда бы не любовь?
Есть тайна нѣкая, что сердце ей снѣдаетъ;
А тайны сей со мной она не раздѣляетъ. (Къ Изведу)
Окончи смерть мою, ударъ свой доверши!
Остатка моея лишай меня души!
Надежду всю мою отъемли ты, жестокій!
И ядомъ наполняй тѣ раны преглубоки,
Которы къ горести Рамидой мнѣ даны!
Кто дерзкій врагъ, кѣмъ дни мои отравлены?
Кто сердце у меня Рамиды похищаетъ?

Изведъ.

Когда властитель мой мнѣ то повелѣваетъ,
Открыть я долженъ...

Руривъ.

Нѣтъ! Я вѣдать не хощу;
Я самъ себя страшусь; восторговъ трепещу,
Которы возмутя мой духъ, ослабшій въ страсти,
Подвигнутъ къ низостямъ, позорнымъ царской власти,
И устремивъ меня отмщать подвластну мнѣ,
Представятъ Рурика тираномъ въ сей странѣ.
Коль должно мучиться — страдать одинъ я стану;
Но скрывъ отъ глазъ мою смертельну въ сердцѣ рану,
Моимъ губителямъ я не подамъ отрадъ,
Чтобъ мной спасенъ меня возненавидѣлъ градъ.
Всечасно самому себѣ пребывъ я равенъ,
Хотя несчастенъ я, останусь ввѣкъ славенъ;
И благостями скрывъ стенящую любовь,
Коль подлыя сердца презрѣнныхъ мной враговъ
Удобны мукою моею утѣшаться,
Съ ихъ подлостью твой князь не хочетъ уравняться.

Изведъ.

Се, мысль достойная возвышенныхъ на тронъ.
Возможетъ кто своимъ давать страстямъ законъ,
Кто сердце средь ихъ волнъ, какъ камень, утверждаетъ,
Тотъ смертными одинъ достойно обладаетъ!
Одинъ достоинъ онъ безсмерныхъ представлять,
И ихъ владычество въ порфирѣ раздѣлять.
(При сихъ словахъ вдали показывается Пренестъ).
Увѣренъ, что твой духъ въ волненіи спокоенъ,
Не будетъ твоего величья недостоинъ,
Чтобъ сердце страстно могъ ты легче исцѣлить,
Я долженъ низкаго совмѣстника открыть. (Указывая на Пренеста)
Се онъ, ничтожный врагъ спокойствія царева!
Спасителя сихъ странъ достоинъ-ли онъ гнѣва?

Руривъ.

Пренестъ!... О небеса, скрѣпите вы мой духъ!

Изведъ.

По граду носится о томъ повсюду слухъ,
Что съ сердцемъ отдаетъ ему Рамида руку.

Рурикъ.

Мнѣ должно подтвердить мою несносну муку.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РУРИКЪ, ПРЕНЕСТЪ, ИЗВѢДЪ.

Рурикъ (Пренесту).

Приближься ты ко мнѣ, счастливый гражданинъ!
Хоть къ страху множество имѣешь ты причинъ,
Хоть долженъ предъ твоимъ владыкой содрогаться,
Но ты безъ трепета возможешь мнѣ признаться.
Вѣщай безъ ужаса.

Пренестъ (въ сторону).

Открылось все теперь! (Къ Рурику)
Порывы гордости властителя умѣрь!
Могу-ль твоею быть я злобой востревоженъ.
Кому не страшна смерть, предъ тѣмъ твой скиптръ ничтоженъ!

Рурикъ.

По чувствамъ ты твоимъ судя и о моихъ,
Ужъ казни смертныя ты мыслишъ видѣть въ нихъ.
Когда-бъ владѣлъ Пренестъ—къ тому-бъ онъ былъ удобенъ;
Но Рурикъ можетъ-ли Пренесту быть подобенъ?
Напрасно ты на смерть готовишься дерзать
И скипетръ тщетно мой ты смѣешь презирать!
Ты съ горделивостью твою вину являешь,
Чтобъ раздражить меня, но ты не раздражаешь.
Ко гнѣву на тебя я скиптръ не преклоню
И, страсти слѣдуя, себѣ не измѣню.
Спокоенъ предъ тобой, что ты мой врагъ, я знаю—
И зная все, тебя съ Рамидой презираю.

Пренестъ.

Коль есть толь низкія среди граждан сердца,
Которы, ослѣпясь блистаніемъ вѣнца,
Вкругъ трона ползая, корыстью уловленны,
Открыли подвиги героевъ сокровенны
И предали тебѣ отечество и честь,
Не думай, чтобы я, закрывся въ робку лесть,

Въ изгибахъ гнусной лжи возмогъ-бы пресмыкаться,
И что я врагъ тебѣ отъ чести отрицаться
Славнѣй за общество съ Вадимомъ умереть,
Какъ ради милостей твоихъ свѣтъ солнца зрѣть!

Рурикъ (въ сторону).

Что слышу! люта вѣсть!

Пренестъ.

Твой тронъ стоитъ надъ бездной!...
Отмщай, коль хочешь ты, мнѣ казнью безполезной;
Но знай, когда себя желаешь сохранить,
Сражай весь градъ, чтобъ всѣхъ героевъ истребить:
Владѣй надъ мертвыми или сойди со трона.

Рурикъ.

Твои угрозы мнѣ не могутъ быть препона
Ко счастью вашего народа обладать.
На то-ль я спасъ сей градъ, чтобы его предать
Вельможамъ, гордецамъ, мятежнымъ и крамольнымъ,
Тѣмъ только властію моею недовольнымъ,
Что ихъ я обуздалъ народу зло творить
И въ мнимой вольности свое тиранство крыть?
Вы скиптръ мнѣ дали здѣсь къ скончанію напасти
И скипетръ сей отнять не въ вашей болѣ власти.
На добродѣтели престолъ мой утвержденъ;
Зрю ясно я, что онъ богами покровенъ:
Они твой духъ въ сей часъ повергнувъ въ заблужденье,
Сокрыто отъ меня явили преступленье;
И самъ ты измѣнилъ сообщникамъ твоимъ;
Да вострепещутъ всѣ и даже самъ Вадимъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Пренестъ (одинъ).

Что сдѣлалъ я? Его вопросами смятенный,
Далъ видѣть на него Вадимовъ мечь взнесенный
И на составленный героевъ заговоръ
Я просвѣтилъ его покрытый мракомъ взоръ.
Горя любовію къ Рамидѣ онъ прелестной,
Онъ только зналъ, что я... Но кто-же тотъ безчестной,
Который могъ открыть?... Вигоръ совмѣстникъ мой,

Онъ мукой ревности тѣснимъ ядъ пролилъ свой,
И вѣдая ко мнѣ Вадима предпочтенье,
Путемъ коварствъ однихъ стремился въ отомщенье.
Се онъ....

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

Пренестъ.

Скажи, кто могъ тирану то внушить,
Что возмогу его Рамиды я лишить?
Не ты-ль, ея отца познавъ ко мнѣ пристрастье,
Повергъ его, меня и общество въ несчастье,
И ревностью твоей...

Вигоръ.

Не я.

Пренестъ.

Въ сердцахъ у насъ
Священна тайна та отъ прочихъ скрыта глазъ.
Могу-ли обратить сомнѣнье на инова,
И чѣмъ увѣришъ ты?

Вигоръ.

Не я. Довольно слова
Ко оправданію всей чести моея.
Россіянинъ—таковъ какъ ты, таковъ какъ я —
Коль слово изрѣчетъ, должны и боги вѣрить!
Единые рабы удобны лицемѣрить.
Въ сомнѣніи твоемъ прощаю я тебя:
Ты, мысля, что я подлъ, унизилъ самъ себя.
Хотя въ тебѣ врага счастлива ненавижу;
Но подлостью себя во гнѣвѣ не обижу.
Дабы совмѣстника счастлива истребить,
Такъ много я себя не возмогу забыть,
Чтобъ уклоня мой духъ ко гнусну наущенью,
Черезъ тирана злость достигнуть къ отомщенью
И пресмыкаяся толь мерзко, какъ змія,
Не скрою ненависть мою цвѣтами я.
Тобой лишаяся Рамиды, смертно стражду;
Я врагъ тебѣ, и кровь твою пролить я жажду;

Но насъ отечество его спасти зоветъ —
И вотъ, Пренестъ, теперь единый мой предметъ!
Одинъ тиранъ мое отмщенье привлекаетъ,
Мою напасть — напасть народа помрачаетъ.
Но послѣ, какъ здѣсь тронъ — свободы нашей страхъ —
Низверженъ, сокрушенъ, преобратится въ прахъ,
Когда отрадныя лучь вольности проглянетъ,
Тогда Вигоръ тебѣ твоимъ врагомъ предстанетъ
И жить кому изъ насъ—оружіе рѣшитъ! (Уходитъ).

Пренестъ.

Стремленье грозно толь меня не устрашитъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

Изведъ.

Злодѣйски умыслы ужъ всѣ теперь открыты
И видны вкругъ тебя всѣ пропасти изрыты.
Хоть гордый сей Пренестъ изъ градскихъ стѣнъ исчезъ
И таинство съ собой злодѣйствія унесъ;
Но мной уловлены здѣсь воины Вадима.
Толпа злодѣевъ сихъ, подъ стражею хранима,
Призналася во всемъ, открыла лютый ножъ,
Который ненависть готовила вельможъ
На грудь спасителя сего мятежна града.
Исполненныхъ къ тебѣ свирѣпѣйшаго яда
Я знаю имена...

Рурикъ.

Я знать ихъ не хощу!
Не зря измѣнниковъ, измѣну отвращу.
Что нужды вѣдать мнѣ, кто гнусенъ предо мною.
Которою ихъ спасъ—спасусь я той рукою;
Какъ началъ, шествуя всегда путемъ прямымъ,
Народу покажу—кто я, и кто Вадимъ!

Знать всѣхъ предателей, то робости признаки.
Да скроютъ подлость ихъ забвенья вѣчны мраки;
Презрѣнны мной, во мглѣ преступка своего,
Неудостоенны и гнѣва моего,
Незримы въ гордости, котору воспріяли,
Да упадутъ во прахъ, отколь главу подъяли!
Коль боги поразятъ Вадима сей рукой,
Исчезнутъ всѣ, сихъ странъ смущающи покой!...
Поди и уготовь моихъ Варяговъ къ брани;
Пойдемъ, подъ сѣнію боговъ безсмертной длани,
Не тронъ мой—истину святую защищать....
О вы, могущіе всечасно проницать
Сквозь завѣсу притворствъ сердецъ въ изгибы темны,
О вы, которыми и пропасти подземны
Толь ясно видимы какъ свѣтлы небеса;
На духъ мой обратя вы ваши очеса,
Узрите, боги, какъ я сердце разрываю,
Что кровь гражданъ пролить по долгу приступаю. (Къ Изведу)
Свободу воинамъ Вадима возврати;
Моей щедротою за злобу заплати;
Чтобы представъ предъ нимъ, явили то герою,
Что дружбы я его, не злости гнусной стою;
Но не страшась его, стремлюся отразить
Ударъ, которымъ мнѣ дерзаетъ онъ грозить.

Изведъ.

Щедрота ко врагамъ ихъ гордость воздымаетъ;
Великодушіе намъ бѣдственно бываетъ
И стоитъ-ли Вадимъ почтенья твоего?

Рурикъ.

Когда не стоитъ онъ, достоинъ я того.
Новградцамъ, въ гордости своей жестокосердымъ,
Симъ вредной вольности защитникамъ толь твердымъ,
Могу я показать примѣромъ чувствъ моихъ,
Что добродѣтель есть стократъ превыше ихъ.
Поди и кротости моей исполни волю.
Я правъ—и небесамъ мою вручаю долю!

ЯВЛЕНІЕ II.

Рурикъ (одинъ).

Надъ пропастями здѣсь мой тронъ постановленъ;
За благости мои я злобой окруженъ,
И сердце горестью мое всечасно сжато.
Се участи владыкъ, свой долгъ хранящихъ свято:
Всечасно мучася, отрады не видать.
Не стоютъ смертные, чтобъ ими обладать;
Благотворителямъ содѣтели мученья —
Не стоютъ никогда они благотворенья!...
Стыдися мысли сей, возвышенный на тронъ!
Когда властители въ сіяніи коронъ
Величія боговъ подобіе неложно,
Сравняться должно имъ и духомъ непреложно.
Хоть слабы смертные погружены въ порокъ,
Хоть сами тяготя въ безуміи свой рокъ,
Неблагодарностью громъ неба привлекаютъ,
Но боги солнечнымъ лучемъ на нихъ блистаютъ;
Въ дарахъ природы всей вселенной ставя пиръ,
На злобу не смотря, ліютъ щедроты въ міръ.

ЯВЛЕНІЕ III.

РУРИКЪ, РАМИДА.

Рамида.

Встревоженъ городъ весь — я паче всѣхъ смущенна!
Хладѣетъ кровь во мнѣ, вся къ сердцу обращенна.
Тѣснится грудь моя и меркнетъ солнца свѣтъ.
Воставшу бурю зрю, пристанища мнѣ нѣтъ...
Ужъ къ сердцу твоему не смѣю обратиться;
Рамида бѣдная ужъ тѣмъ не можетъ льститься;
Уже трепещуща предъ взоромъ я твоимъ,
Я какъ преступница предъ судіей моимъ...
Но боги зрятъ...

Рурикъ.

Почто такое дерзновенье?
Страшись безсмертныхъ звать на клятвопреступленье!
Или ты искренность стремяся мнѣ явить,
Въ прерванну сѣть меня вновь хочешь уловить?

Не мысли, чтобы я, подобно какъ и прежде,
Униженъ, ослѣпленъ, въ постыдной мнѣ надеждѣ,
Притворства всѣ твои во сердце воспрималъ,
Которыми твой духъ такъ люто мной игралъ;
И продолжая млѣть предъ взорами твоими,
Злодѣю моему былъ жертвованъ я ими.
Открылось все теперь — и тѣ прошли часы,
Въ которые твои невѣрныя красы
Плѣненный духъ тобой всечасно наполняли,
И мнѣ въ тебѣ одной все счастіе являли.
Не льстися болѣ тѣмъ и въ гордости твоей
Не ожидай, чтобы горчайшихъ слезъ ручей
У ногъ твоихъ лія, страны сея властитель
Былъ милостей любви презрѣннѣйшій проситель;
Или чтобъ ревностью я въ ярость приведенъ,
То сердце-бъ отнималъ, которымъ я презрѣнъ...
Укоры, жалобы и нѣжны изступленья,
Восторги, ревности, сердечны изъясненья,
Тѣ стоны горести, порывы гнѣва тѣ,
Которы лестны такъ надменной красотѣ,
Суть сердца моего чувствительнаго ниже.
Вѣрь, чтобы ни терпѣлъ, но я стократно ближе
Умреть, какъ слабостямъ моимъ свободу дать —
Презрѣвшую меня симъ средствомъ привлекать.
Чего-бъ ни стоило, но сердце ужъ рѣшилось
Невѣрную забыть — и все теперь свершилось;
Свершилось все; уже твоей избавленъ лести,
Превыше мукъ любви, превыше низкой мести,
Себя умѣю я толико почитать,
Чтобъ сердце одолѣвъ, его иной отдать.
Иная моея любви познаетъ цѣну;
Иная за твою заплатитъ мнѣ измѣну;
Иныя прелести твои красы затмятъ
И тщетной жаръ къ тебѣ изъ сердца истребятъ.
Будь счастлива ты тѣмъ, кѣмъ пламенно пылаешь,
Иною счастливъ я... Ты слезы проливаешь,
Рамида!

Рамида.

Ты, судьба, лишивъ меня всего,
Къ усугубленію свирѣпства твоего
Мою невинность тьмой порока помрачила

И утѣшенія послѣдняго лишила:
Когда для Рурика воспрещено мнѣ жить,
Во гробѣ Рурикомъ оплаканною быть!

Рурикъ.

Ты плачешь и умреть, Рамида, ты желаешь;
А сердце ты твое такъ люто отторгаешь
Отъ сердца моего, живущаго тобой.
Коль слезы искренность ліетъ передо мной —
Оставь, Рамида, я не долженъ сомнѣваться,
Не можешь лестію ты гнусной унижаться —
Оставь мнѣ, если тѣмъ тебя я оскорблялъ,
Что хладность горькую мой духъ тебѣ являлъ.
Оставь! я самъ себя въ досадѣ ослѣпляя,
Быть чаялъ исцѣленъ, смерть въ сердцѣ заключая.
Не вѣрь, не вѣрь словамъ отчаянной любви
И токи изъ очей ліющися прерви.
Кто? Я? Чтобъ я престалъ тебя любить, Рамида?
Лишиться твоего возлюбленнаго вида
Иль свѣта солнечна не зрѣть мнѣ, то равно;
Мнѣ сердце для тебя единой лишь дано.
Мой пламень никогда, ничѣмъ не истребится.
Коль любишь ты меня, пусть твой отецъ стремится
Вознесенный на меня низринуть свой ударъ;
Ко дщери я его храня во сердцѣ жаръ,
Несправедливости его опровергая,
Умру иль побѣжду, Рамиду обожая.

Рамида.

О клятвы страшныя, которыхъ я раба!
О долгъ, о лютый долгъ! о грозная судьба!
Лишенна всякой я надежды и отрады,
Неодолимыя межъ нами суть преграды!

Рурикъ.

Преграды?....

Рамида.

Если мой отецъ падетъ тобой
(Великихъ чувство душъ ты вѣдаешь, герой!),
Дочь сверженна врага могу-ли быть твоею?
И если слабостью оплаканный моею,

Изгнанный ты изъ сихъ печалью полныхъ стѣнъ
Пребудешь отъ меня на вѣки удаленъ,
Могу-ли быть твоей? Назначенна цѣною
Иному...

Рурикъ.

Ежели неправедной судьбою
Опредѣленно мнѣ на полѣ брани пасть,
Паду — но мертвъ, и вся моя свершится часть.
Когда-жъ побѣду мнѣ дадутъ безсмертны боги,
Иль чувствія отца, несправедливо строги,
Во сердце воспріявъ и духъ преобразя,
За всю любовь мою мнѣ томну грудь разя,
Возможешъ слѣпо ты ему повиноваться?

Рамида.

О томъ ты можешь-ли хоть мало сомнѣваться?
Привыкнувъ власть отца священной почитать,
Мой долгъ, исполнивъ все, въ молчаніи страдать
И пренося мое безъ ропота мученье,
Въ несчастіи ему содѣлать утѣшенье.
Разстаться мнѣ съ тобой, пусть жизни стоитъ то,
Но—даръ отца — предъ нимъ мнѣ жизнь моя ничто!
Глубоко заключа мою я въ сердцѣ муку
Иному я отдамъ трепещущую руку
И совершу отцемъ желанный, лютый бракъ.

Рурикъ.

И се любви твоей ко мнѣ неложный знакъ!
Не чувствовала ты любви ко мнѣ ни мало.
Притворства твоего то было покрывало,
Чѣмъ нѣжну страсть мою мрачила ты въ сей часъ,
Тѣ стоны, слезы тѣ твоихъ коварныхъ глазъ.
Завѣса лишь одна твоей къ иному страсти,
Къ Пренесту гордому, моей злодѣю власти.

Рамида.

Могла-бъ я низкія сомнѣнія презрѣвъ
И сей — котораго превыше я — твой гнѣвъ,
Въ молчаньи удалясь, безъ ропота, спокойно,
Пренебреженіемъ отвѣтствовать достойно;

Но время дорого: познай, что средство есть,
Коль любишь ты меня, прервать Вадима месть
И дружбы узломъ съ нимъ навѣкъ соединиться.
Мы счастливы, когда ты можешь согласиться.

Рурикъ.

Коль должно, я всю кровь мою пролить готовъ.

Рамида.

Герой, спаситель нашъ — не выше-ль ты вѣнцовъ,
Чѣмъ украшаются цари обыкновенны
И кои истиннымъ героямъ суть презрѣнны?...
Гражданка, пріучась я равенство любить,
Обманываюся симъ чувствомъ, можетъ быть,
Что властолюбіе величію безчестно
И что съ мучительствомъ однимъ оно совмѣстно.
Не вѣрю, чтобъ твой духъ быть могъ властолюбивъ,
Остави ту мечту, чѣмъ, гордость оскорбивъ,
Ты злобу на себя отвсюду привлекаешь
И чѣмъ себя на вѣкъ съ Рамидой разлучаешь.
Зря цѣну всю себѣ во сердцѣ лишь твоемъ,
Не въ бренныхъ пышностяхъ, довольствуйся ты тѣмъ,
Что ты достоинъ быть на небесахъ съ богами;
Всѣмъ равный гражданинъ попри вѣнецъ ногами
И бурей окруженъ разруши сей престолъ,
Жилище горестей и бездну страшныхъ золъ.

Рурикъ.

То поздно!... Знаешь ты, какъ тронъ уваженъ мною?
Ты помнишь, какъ сей градъ, прельщенный тишиною
По грозныхъ буряхъ, я которы укротилъ,
За счастіе свое престоломъ мнѣ платилъ;
Отвергъ я власть тогда и могъ отвергнуть съ славой.
Велико пренебречь величіе съ державой!
Но послѣ, какъ народъ съ стенаньемъ, съ токомъ слезъ,
Моленія свои къ ногамъ моимъ принесъ,
Страшась опять нести мной сверженную тягость,
Принудилъ въ долгъ мою преобратиться благость.
Какъ счастья общаго залогомъ мой вѣнецъ
И стала власть моя отрадою сердецъ,
Сколь гнусно, зря мечи противъ меня мятежны,

Низвергнуть все опять въ напасти неизбѣжны.
Коль прежде честь снискалъ, отрекшись власти я,
Унизился-бъ теперь, я право отдая,
Въ сердцахъ твоихъ гражданъ начертанно любовью;
Я долженъ защитить его моею кровью!
Владѣя, какъ отецъ, я долженъ жизнь презрѣть;
Достойнѣй я иныхъ на тронѣ умереть.
Не привлекай меня ты къ низостямъ толикимъ!
Чтобы мнѣ другомъ быть съ отцомъ твоимъ великимъ
Не подлость — средство! нѣтъ! — Рамида, ты сама,
Когда-бъ исчезла тѣмъ напастей нашихъ тьма,
Предъ свѣтомъ-бы меня увидя постыженна,
Любя достойнаго, презрѣла-бъ униженна.
На лаврахъ взросшая, героя славна дщерь,
Межъ чести и любви будь судія теперь!

Рамида.

Я чувствую твой долгъ, какъ горько ни стонаю!
Я плача, не тебя, но рокъ мой обвиняю!
Могу-ль порочить то, что честь твою храня,
Ты славѣ жертвуешь несчастную меня.
Виновна въ томъ моей судьбины непреложность!
Почувствуй-же и ты мою священну должность,
И, чести слѣдуя, не воспрещай мнѣ въ томъ!
Любя меня, отцу ты долженъ быть врагомъ,
И я тебя любя, какъ въ горести ни млѣю,
Чтя честь равно тебѣ, не буду я твоею.
Жаръ нѣжный во вражду стараясь премѣнить,
Хотя не возмогу я сердца покорить,
Но должности моей могу повиноваться,
Тебя лишась, всякъ часъ съ душою разставаться.

Рурикъ.

О грозная судьба!

Рамида.

О часть, смертельна часть!

Рурикъ.

Въ сей день предвидѣлъ-ли толь лютую напасть,
Отъ сердца твоего я счастья ожидая?..

Рамида.

На сердцѣ я твоемъ надежду утверждая,
Заслугой къ обществу твоей себя маня,
Могла-ль я предузнать, что лютый рокъ меня
Близъ края счастія низвергнетъ смерти въ бездны!

Рурикъ.

Погибло все для насъ!

Рамида.

О стоны безполезны!

ЯВЛЕНІЕ IV.

РУРИКЪ, РАМИДА, ИЗВѢДЪ.

Изведъ.

Спѣши, о государь! ужъ съ воинствомъ Вадимъ,
Быть чая въ гордости своей непобѣдимъ,
Поля у здѣшнихъ стѣнъ въ сей часъ обременяетъ.

Рурикъ.

Иду, куда меня долгъ лютый призываетъ! (Къ Рамидѣ)
Иду, лишась тебя, тебя достойнымъ быть;
То помня — что монархъ, любовника забыть
И, обществу моей пожертвовавъ отрадой,
Мученье вѣчное иль смерть принять наградой!
Коль чести на пути суждёнъ я мертвъ упасть,
Воспомнивъ-бы мою къ тебѣ толь нѣжну страсть,
Въ награду мнѣ за то, узрѣвъ меня во гробѣ,
Содѣлавши конецъ отца жестокой злобѣ,
Слезами ты мой гробъ драгими удостой
И стономъ тѣнь мою печальну успокой.

Рамида.

Свершивъ къ отцу мои я должности жестоки,
Не слезы по тебѣ пролью, но крови токи!

— — — —

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рамида (одна).

Ужъ люта брань кипитъ и кровь течетъ рѣкой!
И Рурикъ и Вадимъ убійственной рукой
Другъ въ другѣ жизнь мою въ сей часъ отнять стремятся.
На то-ль герои вы, чтобъ только истребляться?...
О какъ несчастна я! любовникъ и отецъ!
Дражайши имена для счастливыхъ сердецъ,
А мнѣ, а мнѣ и вы источники страданій!...
Въ пучинѣ горестей, смятеній, колебаній,
Мой духъ трепещущій, обоихъ васъ любя,
Въ сей часъ желалъ-бы самъ избѣгнуть отъ себя...
Я въ горести отъ всѣхъ оставлена, забыта,
И ты, Селена, ты отъ глазъ моихъ сокрыта,
Не придешь смертну грусть со мною раздѣлить,
И дружествомъ тоску смертельну утолить!...
Увы! въ сей страшный часъ сама себѣ я въ тягость...
Могу-ли умолить, безсмертны, вашу благость,
Могу-ли къ жалости васъ, боги, преклонить,
Чтобъ жизнь мою прервавъ, то время упредить,
Когда поражена я брани окончаньемъ,
Или прогнѣваю отца моимъ стенаньемъ
Иль въ лаврахъ Рурика со ужасомъ узрю!
Когда противнымъ вамъ я пламенемъ горю,
Разите, боги, грудь несчастіемъ порочну,
Исторгните съ душой сію любовь безпрочну...
Но звукъ пронзаетъ слухъ!... Свершилось все!... О страхъ!...
Колеблется земля и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАДИМЪ (обезоруженный, съ толпою плѣнниковъ, въ провожаніи стражи изъ Руриковыхъ воиновъ), **РАМИДА**.

Рамида.

Тебя-ли вижу я, возлюбленный родитель?

Вадимъ.

Увялъ мой лавръ, увы, и Рурикъ побѣдитель!
О стыдъ! низверженъ я въ оковы наконецъ...
Невольникъ Руриковъ — Рамидѣ не отецъ!
Поди, не умножай моей тоски ужасной!...
О солнце! помрачи твой лучь инымъ прекрасный,
А ненавистный мнѣ и злѣйшій вѣчной тьмы!
Свершилось все теперь, рабами стали мы!...
Рабами?... Нѣтъ! Вадимъ превыше сей напасти!
Вселенну, боги, вы вратя по вашей власти,
Возможете весь міръ тиранамъ предавать
И счастью и себя слѣпому подвергать,
Злодѣямъ счастливымъ пусть все порабощенно,
Но сердце изъ того Вадима исключенно.
Не можете души моей поколебать
И, громомъ вооружась, властителя мнѣ дать...
Чего я жду?... О дщерь, несчастна и любезна!
Когда отечеству жизнь наша безполезна,
Ставъ праздными его свидѣтельми оковъ,
Намъ ползать-ли въ толпѣ тирановыхъ рабовъ?...
Ты плачешь, горестью моею пораженна?
Не плачь! утѣха есть несчастнымъ откровенна!
Она для робкихъ душъ ужасна и горька,
Великодушію пріятна и сладка:
Не быть, престать сей свѣтъ—тирановъ жертву—видѣть;
Смерть благо, ежели жизнь должно ненавидѣть!
Умремъ, уклонимся отъ подлости и злобъ,
Въ одно несчастливымъ убѣжище — во гробъ!
Умремъ!... Но что? О рокъ!... Я жизни ненавижу,
А средства и умреть несчастный я не вижу.
Съ мечемъ послѣдней сей надежды я лишенъ! (Къ Рамидѣ)
О ты, въ которой духъ мой долженъ быть внушенъ,
О дочь отечества, упавшаго со мною!
Когда потченъ равно въ несчастьи я тобою,
Коль въ узахъ я тебѣ, какъ въ лаврахъ былъ, отецъ —
Содѣлай бѣдствіямъ ты нашимъ всѣмъ конецъ,
Желанной смерти мнѣ орудіе достави;
И отъ позора жить себя со мной избави!
Лети на крыліяхъ и ускори принесть,
Чѣмъ должно въ сей же часъ избавить нашу честь

От зрѣнья лютаго врага побѣдоносна!...
Трепещешь!... Жизнь твоя тебѣ безъ чести сносна?
Я чувствую, что дочь отъемлетъ у меня!
Злодѣйствуешь отцу, еще твой жаръ храня!...
Се робости твоей прегнусная причина!
Се лютой участи Вадимовой вершина!...
О вы! за общество навѣкъ закрывши взоръ,
Сколь счастливѣй меня вы днесь, Пренестъ, Вигоръ!
Неувядаемымъ покрыты лавромъ оба,
Вы славы на поляхъ сошли во мраки гроба!
Еще отечество дышало въ оный часъ;
Надежда сладкая сопровождала васъ;
А я — игралище меня гоняща рока,
И жертва низкая Рамидина порока,
Я долженъ горести несмѣтныя вкусить...

Рамида.

Не можетъ болѣе несчастна дочь сносить
Сихъ молнiй изъ твоихъ мнѣ столько грозныхъ взоровъ,
Сихъ смертныхъ для меня неправедныхъ укоровъ!
Коль должно свергнуть мнѣ сей жизни тяготы,
Спокойся, государь, доволенъ будешь ты!
Мнѣ жизнь моя ничто, когда ея лишенье,
Тебѣ, родитель мой, быть можетъ утѣшенье.
Клянусь у ногъ твоихъ, клянусь въ сей лютый часъ,
Что я тебя уже въ послѣднiй вижу разъ
И что въ послѣднее, мои являя муки,
Слезами горькими твои кроплю я руки.
Блаженна, коль мою проливъ несчастну кровь,
На гробъ мой возвращу родительску любовь
И стоны привлеку жалѣнiя сердечна!
Но ты не ожидай, чтобъ, дочь безчеловѣчна,
Съ отчаяньемъ твоимъ согласна я была
И къ смерти-бы отцу я средство подала;
Чтобъ ставъ участницей отцеубiйству люту,
Кляла сама себя въ послѣдню я минуту.
Прости, родитель мой, въ послѣднiй разъ прости! (Хочетъ идти).

Вадимъ.

Не оставляй меня ты гнусну жизнь нести!
Минута каждая, мигъ каждый мнѣ позоры!

Куда ни обращу мои смятенны взоры,
Къ мученью моему все мой являетъ стыдъ.
Мнѣ кажется все здѣсь, пріявъ унылый видъ,
Свободы требуетъ, утраченныя мною!
Вздохъ каждый мой моей быть кажется виною!
Сей воздухъ—чѣмъ дышу, земля—гдѣ я стою
И стѣны вопіютъ, кляня днесь жизнь мою:
Ужъ нѣтъ отечества, а ты на свѣтъ взираешь;
Не могъ его спасти, а ты не умираешь!...
О мысль смертельная, грызуща сердце мнѣ,
Подобна яростной въ часъ бурныхъ грозъ волнѣ,
Опровергающа мой духъ, толь прежде твердый:
Се скоро придетъ къ намъ сей Рурикъ милосердый,
И въ благость лютую преобратя свой громъ,
Мнѣ сердце разорветъ прощенія стыдомъ!
О крайность страшная! о бездна посрамленья!
Не дай дожить мнѣ толь несноснаго видѣнья...
Все поздно!... Се мой врагъ!... Разверзися земля
И въ пропастяхъ закрой несчастнаго меня!

ЯВЛЕНІЕ III.

РУРИКЪ (за нимъ вельможи, воины, народъ), **ВАДИМЪ**, **РАМИДА**, **ИЗВЕДЪ**.

Рурикъ (Вадиму).

Хоть былъ я принужденъ съ тобой, Вадимъ, сражаться,
Побѣдой не могу моею наслаждаться,
Когда она въ тебѣ питаетъ ту вражду,
Которой отъ твоихъ я чувствъ себѣ не жду.

Вадимъ.

Что право подаетъ тебѣ надеждой льститься,
Когда ты побѣдилъ, со мною примириться?
Не сей-ли на главѣ блистающій вѣнецъ,
Сіе гнушеніе свободныхъ всѣхъ сердецъ?
Хоть иго днесь твое побѣдой оправданно,
Презрѣнно право мной, одною силой данно.
Побѣда можетъ-ли вѣнца закрасить зло?
Желалъ-бы я, когда-бъ сбыться то могло,
Чтобъ счастіемъ въ числѣ безсмертныхъ помѣщенный,
Хотѣлъ мнѣ другомъ быть ты громомъ воруженный;

Я-бъ съ радостью тебя возмогъ на небѣ зрѣть,
Чтобъ съ силою твоей тебя и тамъ презрѣть!

Рурикъ.

Сей тщетной гордости безплодное паренье
Достойно, можетъ быть, привлечь къ себѣ презрѣнье,
Но чту въ несчастіи Рамидина отца,
Въ сей день отечеству кровавыхъ бѣдъ творца.

Вадимъ (къ народу).

Для возвращенья вамъ потерянной свободы,
Почто не могъ пролить всю кровь мою, народы!

Рурикъ.

Вельможи, воины, граждане, весь народъ!
Свободы вашея какой былъ прежде плодъ?
Смятеніе, грабежъ, убійство и насилье,
Лишеніе всѣхъ благъ и въ бѣдствахъ изобилье!
И каждый здѣсь, когда лишь только силенъ онъ,
Одно закономъ чтилъ, чтобы свергать законъ;
Мечемъ и пламенемъ раздора вооруженный,
Ко власти текъ въ крови граждaней погруженный.
Священны узлы всѣ вашъ рушилъ смутный градъ.
Сыны противъ отцовъ, отцы противу чадъ,
Тиранамъ чтобъ служить, простерши люты длани,
Отцеубійствію искали гнусной дани.
Граждане видѣли другъ въ другѣ лишь враговъ,
Забыли честность всѣ, забыли и боговъ.
Прибытокъ здѣсь одинъ былъ всѣхъ сердецъ владѣтель;
Сребро — единый богъ, а алчность — добродѣтель...

Вадимъ.

На мѣсто вольности небесной красоты,
Ты, своеволія являя намъ черты.......

Рурикъ.

Дай кончить мнѣ все то, что я сказать желаю.
Межъ нами судіей народъ я поставляю.
Хотя побѣда днесь подвергла мнѣ тебя.....

Вадимъ.

Подвергла?... Можешь-ли, разсудокъ погубя,

Воображать себѣ, о ты, рабовъ властитель!
Что ты Вадимова и духа побѣдитель?

Рурикъ.

Я правы счастія умѣя позабыть,
Принужу истиной тебя мнѣ другомъ быть.

Вадимъ.

Мнѣ другомъ? Ты? Въ вѣнцѣ? Престани тѣмъ плѣняться!
Скорѣе небеса со адомъ съединятся!...

Рурикъ.

Желалъ-ли я вѣнца, ты вѣдаешь то самъ.
Я несъ не для себя спасенье симъ странамъ:
Народомъ призванный, закрывъ его я бездну,
Доволенъ тѣмъ, что часть окончилъ вашу слезну,
Благотвореніе хотѣлъ-ли я продать
И цѣну дѣлъ моихъ издой трона унижать?
Искалъ-ли власти я, отъ коей отрицался?
И можетъ-ли то быть, чтобъ скиптромъ я прельщался?
Иль славы придалъ мнѣ тронъ пышностью своей?
Кто спасъ народъ отъ бѣдъ—превыше тотъ царей,
Въ утѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнію короны!
Но согражданъ твоихъ тогда плачевны стоны
Мой духъ принудили—ихъ счастья не лишить.
Начавъ благотворить, былъ долженъ довершить.
Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
Чтобъ вашему для васъ покорствовать закону.
Я чѣмъ мрачу мой тронъ? Гдѣ первый судія?
Вы вольны, счастливы; стонаю только я!
Который гражданинъ, хранящій добродѣтель,
Возможетъ укорить, что былъ я зла содѣтель?
Единой правды чтя священнѣйшій уставъ,
Я отнялъ-ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
И если иногда отъ строгости закона
Изъ устъ несчастливыхъ я слышалъ жалость стона,
Чего я правдою стонающихъ лишалъ,
За то — щедротою моею утѣшалъ.
Скажите: истину-ль, граждане, я вѣщаю?
Въ свидѣтели и васъ я, боги, призываю!
Вы знаете, что я, имѣя вашу власть,

Страшился слабостей подъ бременемъ упасть;
И прихоть гордости я долгомъ удручая,
Несъ иго скипетра, себя не примѣчая.
Я помнилъ завсегда, что есть на небесахъ
Судьи гремящіе земныхъ владыкъ въ сердцахъ,
Которые царя колебля на престолѣ,
Всечасно вопіютъ его всевластной волѣ:
„Намъ каждая слеза текущая видна,
„Котора пышностью твоей допущена;
„Мы слышимъ каждый стонъ, невнемлемый тобою,
„Изъ слабаго влекомъ насильственной рукою;
„Мы каплю каждую пролитой крови зримъ—
„Вострепещи со всѣмъ сіяніемъ твоимъ!
„Не оправдай себя, великъ обремененьемъ,
„Необходимостью—тирановъ извиненьемъ".
Вѣщай, народъ, моей державою хранимъ,
Гнѣвилъ-ли я боговъ правленіемъ моимъ? (Къ Вадиму)
Но ты не помышляй, что власти вышней жаденъ,
На то являю я мой скипетръ толь отраденъ,
Чтобы склонить народъ, мной счастливъ въ сей странѣ,
Изъ милости вѣнецъ еще оставить мнѣ
И чтобы гордости, не славѣ я покоренъ,
Противу воли всѣхъ одинъ владѣть упоренъ,
Хотѣлъ я удержать правленія бразды,
Ища насиліемъ моей заслугѣ мзды.
Когда-жъ противъ тебя подвигся я ко брани,
Не властолюбію платилъ, но чести дани:
Я долженъ былъ мою и славу поддержать,
И общества ко мнѣ почтенье оправдать;
Я долженъ былъ, мою желая власть оставить,
И тѣнью робости себя не обезславить,
И съ трона нисходя—иль прямо въ гробъ вступить,
Иль жало клеветѣ побѣдой притупить. (Къ народу, снимая вѣнецъ)
Теперь я вашъ залогъ обратно вамъ вручаю;
Какъ принялъ я его, столь чистъ и возвращаю.
Вы можете вѣнецъ въ ничто преобратить,
Иль оный на главу Вадима возложить.

Вадимъ.

Вадима на главу! Сколь рабства ужасаюсь,
Толико я его орудіемъ гнушаюсь!

Изведъ (Рурику, указывая народъ, ставшій передъ Рурикомъ на колѣна, для упрошенія его владѣть надъ нимъ).

Увиди, государь, у ногъ твоихъ весь градъ!
Отецъ народа! зри твоихъ моленье чадъ;
Оставь намѣренья, ихъ счастію претящи!

Вадимъ.

О гнусные рабы, своихъ оковъ просящи!
О стыдъ! Весь духъ гражданъ отселѣ истребленъ!
Вадимъ! Се общество, котораго ты членъ!

Рурикъ.

Коль власть монаршу чтишь достойной наказанья,
Въ сердцахъ гражданъ мои увиди оправданья;
И что возможешь ты противъ сего сказать?

Вадимъ.

Вели отдать мнѣ мечъ и буду отвѣчать!
(Рурикъ подаетъ знакъ, чтобъ Вадиму отдали мечъ).

Рамида (въ сторону).

Се мой послѣдній часъ и все теперь свершится!

Вадимъ (къ принесшему мечъ).

Подай!... (Къ Рурику)
Теперь Вадимъ съ тобою примирится.
Се способъ лишь одинъ, чтобъ другомъ быть твоимъ.

Рурикъ.

Будь болѣ и отцемъ содѣлайся моимъ.
Въ великой ты душѣ почувствуй гласъ природы.
Иль тотъ, кого твои толико чтутъ народы,
Кто ихъ отецъ, твоимъ не стоитъ сыномъ быть?
Чтобъ гнѣвъ неправедный твой вовсе истребить—
Коль мало счастія отечества любезна,
Котораго моей рукой закрыта бездна;
Коль мало и самихъ мнѣ щедрыхъ толь небесъ—
Стенящей дочери воззри на токи слезъ,
Которы горестна моей душѣ отрава;
Въ ея ты сердцѣ зри мои священны права,
Чтобъ ею ты себя со мной соединилъ.

Вадимъ.

Все кончилось теперь, коль мечъ ты возвратилъ.
О небо! болѣ сей не требую награды! (Къ Рурику)
Межъ нами рушатся всѣ страшныя преграды:
Доволенъ будешь ты, народъ, и дочь, и я!

Рурикъ.

О небо! чѣмъ воздамъ щедротѣ твоея?
О часъ, блаженный часъ, нечаянна премѣна! (Къ Вадиму)
Позволь и дочери и мнѣ объять колѣна
Героя и отца. (Къ Рамидѣ). Ты слезъ ліешь потокъ,
Когда престалъ быть намъ родитель твой жестокъ!
О, ты награда мнѣ одна за добродѣтель,
Въ которой мнѣ любовь гражданъ твоихъ свидѣтель,
Душа души моей! какой ужасный мракъ
Дражайшихъ прелестей затмилъ прекрасный зракъ?

Вадимъ (въ сторону).

Я болѣ не могу сносить толь гнусна вида!...
Внемли ты, Рурикъ, мнѣ, народъ и ты Рамида. (Къ Рурику)
Я вижу, власть твоя угодна небесамъ.
Иное чувство ты гражданей далъ сердцамъ.
Все пало предъ тобой; міръ любитъ пресмыкаться;
Но міромъ таковымъ могу-ли я прельщаться? (Къ народу)
Ты хочешь рабствовать, подъ скипетромъ попранъ!
Нѣтъ болѣ у меня отечества, гражданъ! (Къ Рамидѣ)
Ты предана любви и сердцемъ и душею.
Итакъ, и дочери я болѣ не имѣю......

Рамида.

Постой, родитель мой! не довершай сихъ словъ...
Постой! мой духъ тебя изобличить готовъ,
Что дочь несчастную напрасно презираешь...
Я знаю то, что ты въ сей часъ предпринимаешь
И твой великій духъ предъ мною весь открытъ,
Что должно дѣлать мнѣ, мнѣ ясно говоритъ.
Исполню я твою ужаснѣйшую волю
И въ нѣжной младости мою разрушу долю,
Котора для меня сплеталась изъ цвѣтовъ.
Когда содѣлалась порочной та любовь,

Для коей жизнію прельщалась я моею,
Смотри—достойна-ль я быть дочерью твоею? (Заколается).

Рурикъ.

О изступленіе, погибельное мнѣ!

Вадимъ.

О радость! Все, что я, исчезнетъ въ сей странѣ!
О дочь возлюбленна! Кровь истинно геройска! (Къ Рурику)
Въ срединѣ твоего побѣдоносна войска,
Въ вѣнцѣ, могущій все у ногъ твоихъ ты зрѣть,
Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть? (Заколается).

Рурикъ.

О рокъ! о грозный рокъ! о праведные боги!
За что хотѣли вы ко мнѣ быть столько строги,
Чтобъ смертію меня Рамиды поразить?
Умѣли въ сердце вы мечъ вѣчный мнѣ вонзить,
Лиша меня всего и счастья и отрады!...
За добродѣтель мнѣ ужъ въ свѣтѣ нѣтъ награды!...
Въ величіи моемъ лишь только тягость мнѣ!
Страдая, жертвой я быть долженъ сей странѣ
И, должности моей стонающій блюститель,
Чтобъ быть невольникомъ, быть долженъ я властитель!...
Я буду, и себя съ пути не совращу,
Гдѣ, вамъ подобенъ ставъ, вамъ, боги, отомщу!

КОНЕЦЪ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Разсказы извѣстныхъ лицъ.

Памятныя замѣтки В. Д. Давыдова*).

I.

Покойный свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ былъ, съ самой молодости своей, въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ моимъ и, въ память его, часто удостоивалъ меня своими разговорами и нѣкоторыми разсказами. Припоминаю одинъ изъ нихъ, весьма характеризующій нравы и обычаи временъ царствованія Елисаветы Петровны.

Дворецъ императрицы, во время стройки Зимняго дворца извѣстнымъ Растрелли, находился на Мойкѣ у Пѣвческаго моста, напротивъ дома графа Строгонова; въ немъ былъ большой балконъ въ видѣ террасы, подъ которымъ проходила и проѣзжала публика. На этомъ балконѣ, въ весеннее и лѣтнее время, сиживала императрица, послѣ обѣда, и большею частію обыкновенно въ веселомъ расположеніи духа. Рядомъ съ домомъ графа Строгонова находился домъ фельдмаршала графа Салтыкова, на дворѣ котораго помѣщался почетный караулъ. Отецъ князя Александра Сергѣевича Меншикова былъ адъютантомъ у графа Салтыкова, и вотъ что онъ объ немъ разсказывалъ своему сыну. Графъ Салтыковъ обѣдалъ у графа Строгонова, и, по тогдашнему обыкновенію, всѣ пили очень много. За обѣдомъ графъ Салтыковъ сталъ утверждать, что его венгерское вино лучше, и послѣ сильнаго и бурнаго спора, было рѣшено идти

*) Василій Денисовичъ Давыдовъ, старшій сынъ славнаго партизана 1812 года, независимо отъ этихъ разсказовъ, передалъ въ распоряженіе «Русской Старины» составленную имъ біографію своего родителя и уступилъ право изданія весьма интересныхъ записокъ партизана Давыдова о Польской кампаніи 1831 г. Какъ эти, такъ равно и другія бумаги, сообщенныя В. Д. мы надѣемся постепенно помѣстить на страницахъ «Русской Старины». **Ред.**

всѣмъ въ домъ графа Салтыкова испробовать и оцѣнить его венгерское вино. Но когда собесѣдники пожелали встать, то увидали, что только у нѣкоторыхъ ноги могли еще служить. Рѣшено было послать за почетнымъ карауломъ, дабы съ помощью солдатъ дойти до фельдмаршальскаго дома, что и было немедленно исполнено. Императрица въ то время находилась на балконѣ и увидала эту странную процессію. Впереди двое солдатъ вели старика графа Салтыкова, за нимъ графа Строгонова и всѣхъ адъютантовъ и гостей. Она послала спросить: куда ихъ ведутъ? Отвѣтъ былъ: пробовать венгерское вино графа фельдмаршала, который хвастается, что его вино— лучше Строгоновскаго. Тогда императрица Елисавета снова послала сказать имъ, что ея венгерское еще лучше салтыковскаго и что она проситъ всѣхъ пожаловать пить его къ ней. Такъ и случилось, и она такъ угостила своихъ гостей, что тѣ уснули на балконѣ, въ виду всей проѣзжающей публики.

II.

Всю зиму, съ 1868 года по 1869 годъ, жилъ я въ Дрезденѣ, гдѣ въ то время проводилъ постоянно зимы, въ послѣдніе годы своей жизни, бывшій генералъ-адъютантъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ. Онъ жилъ въ „Саксонской гостинницѣ“ и очень радушно принималъ немногихъ русскихъ, находившихся въ Дрезденѣ. Я почти каждый день навѣщалъ его и съ наслажденіемъ заслушивался умныхъ рѣчей его и вѣрныхъ сужденій объ лицахъ и обстоятельствахъ, занимавшихъ тогда вниманіе всѣхъ. Однажды я спросилъ его: не знаетъ ли онъ причины немилости Екатерины II-й къ Александру Ильичу Бибикову, послѣ того, что онъ былъ выбранъ маршаломъ собранныхъ со всей Россіи депутатовъ для составленія новаго уложенія? Вотъ что отвѣчалъ мнѣ на это Дмитрій Гавриловичъ:

Въ залѣ засѣданій находились большія ширмы, за которыми стояло кресло императрицы и откуда она обыкновенно слушала пренія депутатовъ; тѣ изъ нихъ, которые своими мыслями обращали ея вниманіе, приглашались ею за-просто, и она часто и долго бесѣдовала съ ними. Въ предпослѣднее засѣданіе депутатовъ, когда Александръ Ильичъ объявилъ имъ, что труды ихъ кончаются, что ихъ надняхъ, вѣроятно, приметъ императрица и распуститъ по домамъ, одинъ изъ депутатовъ (сколько ему помнилось, изъ Ярославской губерніи, онъ зналъ его фамилію, да забылъ) спросилъ Бибикова: какъ, думаетъ онъ, будетъ впредь поступать императрица? будетъ ли она вновь собирать депутатовъ, всякій разъ что пожелаетъ издать новый законъ или впредь будетъ издавать ихъ сама безъ призыва ихъ? На это Бибиковъ отвѣчалъ: „что онъ не можетъ знать волю и намѣреніе всеми-

лостивѣйшей монархини, но предполагаетъ, что, по примѣру этого собранія, если императрица будетъ довольна ихъ трудами и найдетъ въ нихъ пользу, она и впослѣдствіи, по премудрости своей, вѣроятно уже не приступитъ къ какой-либо важной мѣрѣ, касательно интересовъ всѣхъ, не собравши снова депутатовъ". Не успѣлъ онъ кончить свой отвѣтъ, какъ услыхалъ за ширмами съ шумомъ отодвинутое кресло и шуршаніе удаляющагося платья императрицы. Съ тѣхъ поръ она стала холодна къ Бибикову, и онъ снова былъ вызванъ на политическое поприще только въ виду развитія и опасности Пугачевскаго бунта.

III.

„Съ дядею, Александромъ Ильичемъ, былъ странный случай,—разсказывалъ мнѣ Дмитрій Гавриловичъ:—когда дядя прибылъ въ Москву проѣздомъ въ Казань, то остановился въ нашемъ домѣ у брата своего Гаврилы Ильича, а моего отца, на Пречистенкѣ, нынѣ домъ Аладьина, бывшій барона Розена и Давыдова. Мать моя приняла его какъ подобало, въ то время, встрѣчать старшаго брата мужа ея, то-есть со всѣмъ возможнымъ почетомъ, и на другое утро, узнавши что онъ проснулся, пошла сама узнать объ его здоровьѣ и спокойно ли онъ провелъ ночь. Вошедши въ комнату, она нашла его весьма блѣднымъ и разстроеннымъ и на вопросъ ея, не боленъ ли онъ? Александръ Ильичъ отвѣчалъ ей, что онъ, слава Богу, здоровъ, но его очень смущаетъ видѣнный имъ сонъ, по которому онъ чувствуетъ, что не придется ему оправдать довѣріе императрицы и кончить порученіе ему данное. „Видѣлъ я нынѣ ночью, сказалъ онъ, что я будто дьякономъ служу при архіерейской службѣ, и будто у меня длинные, предлинные волосы; обѣдня шла своимъ чередомъ, но какъ только запѣли вѣрую, то увидѣлъ я, что всѣ волосы мои упали къ моимъ ногамъ и что на моихъ плечахъ мертвая голова. Отъ страха я проснулся, сотворилъ молитву, и когда уснулъ снова, то опять увидалъ себя съ мертвою головою. Это ясное предзнаменованіе, что я скоро умру; я не жалѣю о жизни, но горюю о томъ, что не исполню воли всемилостивѣйшей нашей монархини". Несмотря на убѣжденія матушки, на развлеченія, которыя ему предлагали въ Москвѣ, Александръ Ильичъ во все время пребыванія своего въ столицѣ былъ задумчивъ и грустенъ, и дѣйствительно, какъ мы знаемъ, умеръ въ деревнѣ, около города Бугульмы, а не въ самой Бугульмѣ, какъ то думаютъ. Онъ, какъ извѣстно, не успѣлъ докончить пораженіе Пугачева.

IV.

Въ одинъ изъ проводимыхъ мною вечеровъ у Дмитрія Гавриловича я его спросилъ: слыхалъ ли онъ про анекдотъ съ однимъ изъ депута-

товъ, который при видѣ Екатерины II-й, отъ страха, упалъ въ обморокъ и ослабѣлъ, какъ малое дитя? Я этотъ анекдотъ слышалъ еще отъ отца моего. Дмитрій Гавриловичъ подтвердилъ мнѣ его, прибавивши слѣдующее: то былъ депутатъ Костромской губерніи, добрый и хорошій старичекъ, котораго императрица, по указанію Бибикова, часто приглашала къ себѣ вечеромъ и съ которымъ бесѣдовала глазъ на глазъ. Въ одинъ изъ предпослѣднихъ вечеровъ она сказала ему, что она скоро приметъ депутатовъ въ полномъ торжествѣ, сидя на тронѣ.

„Радъ, государыня, сказалъ старикъ, что Богъ приведетъ меня увидать такое торжество".

—„Льстецы мои увѣряютъ меня, прибавила императрица, что будто въ это время у меня лицо преображается и взглядъ мой бываетъ такъ суровъ, что невольно внушаетъ страхъ; я вижу, вы человѣкъ правдивый и простой, вы, откровеннѣе всякаго другого, скажете мнѣ, правда ли это?"

На это депутатъ отвѣчалъ: „Матушка, не знаю какъ для другихъ, а ты на меня страха не наводишь; ты такъ милостива ко мнѣ, къ старику, такъ привѣтлива, что пусть другіе боятся тебя, а я только могу молить за тебя Бога и вѣкъ благодарить за твои милости".

—„Ну прощайте, сказала императрица, помните же, послѣ моего пріема скажите мнѣ откровенно, показалась ли я вамъ страшна на тронѣ."

Въ день поднесенія депутатами императрицѣ титула великой, старый депутатъ шелъ на ряду со всѣми другими опустивши глаза, по своему обыкновенію; онъ поднялъ ихъ тогда только, какъ очутился передъ трономъ и, взглянувши на императрицу, такъ испугался, что впалъ въ совершенно дѣтскую слабость.... Старика вынесли безъ чувствъ *).

V.

Покойный оберъ-егермейстеръ Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ всегда былъ ко мнѣ очень милостивъ, и въ мою молодость я каждую осень охотился у него въ продолженіи болѣе 4 лѣтъ; онъ разсказывалъ всѣмъ намъ очень часто эпизоды изъ царствованія Павла Петровича;—къ несчастію, я тогда не записывалъ его разсказы, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще помню.

Однажды императоръ Павелъ упалъ, вальсируя съ княжной Лопухиной и немедленно отдалъ приказъ, чтобъ вальсъ былъ исключенъ изъ танцевъ, и никто не смѣлъ бы впредь вальсировать. Такъ про-

*) Настоящій разсказъ, равно и другіе, мы приводимъ только какъ легенды. Весьма вѣроятно, что память измѣняла разсказщикамъ въ передачѣ нѣкоторыхъ подробностей, почему и могли вкрасться неточности, за которыя мы не беремъ на себя отвѣтственности. В. Д.

шелъ годъ. Васильчиковъ былъ въ то время камергеръ или камеръ-юнкеръ, несмотря на свою молодость, и весьма ловкимъ и смѣлымъ молодымъ человѣкомъ безъ страха и упрека. Онъ, не боясь навлечь на себя гнѣвъ государя, ухаживалъ за княжной Лопухиною. Какъ-то разъ на балѣ она ему призналась, что очень желала бы провальсировать. Желая понравиться прелестной княжнѣ, Васильчиковъ рѣшился на поступокъ, который могъ бы обойтись ему весьма дорого. Онъ смѣло подошелъ къ оркестру и объявилъ ему, именемъ государя, что велѣно играть вальсъ, и какъ только раздались первые звуки, онъ съ княжною Лопухиною полетѣлъ по залѣ къ изумленію всѣхъ. Государь вошелъ въ это время въ залу, посмотрѣлъ, нашелъ, что эта пара отлично вальсируетъ, похвалилъ ихъ, и съ тѣхъ поръ помину не было о запрещеніи танца.

Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ часто мнѣ разсказывалъ, что несмотря на строгость и страшные капризы Павла, никогда такъ весело не бывало, какъ при его дворѣ. Всѣ пользовались минутою, всѣ жили настоящимъ, а потому веселились до упаду и повѣсничали на славу.

VI.

Покойный мой дядя, Иванъ Петровичъ Поливановъ, былъ адъютантомъ или квартирмейстеромъ у генерала Талызина, командира Преображенскаго полка. Во время моихъ пріѣздовъ въ отпуски въ Москву, я всегда останавливался у него въ домѣ на Молчановкѣ, и несмотря на молодость и вѣтреность моихъ лѣтъ, часто заслушивался его разсказовъ о старыхъ временахъ. Отъ него слыхалъ я много анекдотовъ о царствованіи Павла, но увы! во многомъ уже измѣнила мнѣ моя память и я передамъ только тѣ, которые помню явственно.

Сумрачное и грозное состояніе духа императора Павла находило всего болѣе на него, когда дулъ южный вѣтеръ, и наслѣдникъ престола, Александръ Павловичъ, бывши тогда генералъ-губернаторомъ Петербурга, хаживалъ бывало въ 4 часа утра, чтобы посмотрѣть на флюгеръ, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ. Въ одинъ изъ такихъ ненастныхъ дней, государь передалъ наслѣднику, что онъ намѣренъ сдѣлать въ Петербургѣ войскамъ внезапную тревогу, причемъ настрого приказалъ ему о томъ никому не говорить. Александръ Павловичъ, по добротѣ своей души и боясь, чтобъ эта неожиданная тревога не причинила много несчастій, объявилъ каждому полковому командиру, подъ строжайшей тайной, о намѣреніи государя, прося ихъ быть бдительными; тѣ, въ свою очередь, говорили тоже вступающимъ въ караулъ офицерамъ, и такимъ образомъ всѣ были въ страхѣ и ожиданіи. Въ такомъ же вол-

неніи находился молодой офицеръ, стоявшій въ караулѣ на одной изъ улицъ, сколько мнѣ помнится, на Галерной; желая кромѣ того выслужиться, онъ не сходилъ съ платформы, все прислушиваясь не забьютъ ли гдѣ тревогу. На тотъ грѣхъ въ это время ѣхала пустая бочка по улицѣ. Лошадь, или испугавшись чего-либо, или отъ другихъ причинъ, поскакала по мостовой; пошелъ отъ бочки громъ, весьма похожій на барабанный бой; офицеръ, бывшій на сторожѣ, какъ только услыхалъ этотъ шумъ, немедленно велѣлъ ударить тревогу; ближайшіе караулы подхватили—и пошла потѣха.

Доложили государю, что въ городѣ бьютъ тревогу; онъ немедленно велѣлъ подать себѣ верховую лошадь, по имени „Чортъ", и съ пылающимъ лицомъ выскакалъ изъ дворца. Отъ всѣхъ полковъ неслись туда офицеры съ командами для принятія знаменъ, и каждаго встрѣчнаго государь спрашивалъ: „куда бѣжите?" и на отвѣтъ: „во дворецъ, за знаменемъ", немедленно раздавались приказанія государя: „въ крѣпость! въ солдаты! въ Сибирь!". Наслѣдникъ первый разобралъ въ чемъ дѣло и чувствуя, что это его вина, рвалъ на себѣ волосы съ отчаянія; но видя, что гнѣвъ государя, понимающаго дѣло иначе, все растетъ, рѣшился ему признаться во всемъ. Долго еще не успокоивался государь и только распросивши всѣхъ полковыхъ командировъ, помиловалъ разжалованныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые стояли уже на часахъ солдатами.

VII.

Въ царствованіе Павла, какого-то гусарскаго полка ротмистръ пришелъ съ своимъ эскадрономъ на дневку. Пока эскадронъ размѣщался по квартирамъ, ротмистръ остановился у помѣщика, и послѣ сытнаго обѣда засѣлъ въ карты. Въ это время ему докладываютъ, что явился къ нему вахмистръ. Онъ хотѣлъ къ нему выдти, но хозяинъ, дабы не перерывать партіи, сказалъ ему: „зовите его сюда".

Вошелъ вахмистръ: „Ну что?"—Ваше благородіе, все благополучно, люди разставлены по квартирамъ; сѣно нашелъ, но жидъ меньше столькихъ-то копѣекъ не беретъ, какъ прикажете?—„А у другихъ жидовъ развѣ нѣтъ?"—Никакъ нѣтъ-съ, одинъ только съ сѣномъ, ваше благородіе.—„Ну, дѣлать нечего, не оставаться-же безъ сѣна, возьми, да жида повѣсь", сказалъ шутя ротмистръ продолжая играть.

Проходитъ нѣсколько времени; снова приходитъ вахмистръ. „Что?" —Сѣно принялъ, ваше благородіе, столько-то пудовъ.—„Ну, хорошо".— Жида, какъ изволили приказать, я повѣсилъ.—„Какъ повѣсилъ?"—Точно такъ-съ, какъ сами изволили приказать.—„Ахъ чортъ тебя возьми, да я

пошутилъ".— Не могимъ знать, ваше благородіе, а онъ уже съ часъ какъ виситъ.

Дѣлать было нечего. Рапортуетъ объ этомъ происшествіи несчастный ротмистръ, ожидаетъ грозы. Она явилась въ слѣдующей сентенціи Павла: „Ротмистръ такой-то за глупыя и незаконныя приказанія разжалывается въ рядовые", а дальше: „рядовому такого-то полка возвращается чинъ ротмистра, съ производствомъ въ маіоры, за введеніе такой отличной субординаціи во ввѣренной ему командѣ, что и глупыя его приказанія исполняются немедленно".

VIII.

Дядя мой двоюродный, Петръ Львовичъ Д*, во время царствованія Павла служилъ въ кавалергардахъ, и славился своимъ отмѣннымъ щегольствомъ и ловкостію; онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, un élégant officier. Княжна Лопухина стала съ нимъ кокетничать и, вѣроятно, такъ явно, что вызвала неудовольствіе императора Павла. Однажды, на балѣ во дворцѣ, Д* стоялъ за стуломъ княжны и разговаривалъ съ нею. Въ то время всѣ офицеры носили палки при всякой формѣ. Во время разговора онъ почувствовалъ, что кто-то легко ударилъ его палкою по ногѣ; думая, что кто-нибудь изъ его товарищей шутитъ съ нимъ, онъ на это не обратилъ вниманіе, но ударъ повторился сильнѣе и Д*, обернувшись, увидѣлъ императора, стоящаго передъ нимъ съ выраженіемъ на лицѣ сильнаго гнѣва.

„Какъ вы смѣете, сударь, стоять спиною къ великимъ княжнамъ?" сказалъ ему Павелъ.

Д* оглянулся и явственно увидалъ, что великія княжны впереди его, а не позади. Онъ понялъ настоящую причину гнѣва и улыбнулся невольно. Негодованіе императора выражалось въ весьма сильныхъ эпитетахъ, но при видѣ улыбки, онъ приказалъ немедленно разжаловать Д* въ солдаты и, наконецъ, повелѣлъ: „въ Сибирь".

Д* свели на дворцовую гауптвахту, надѣли уже солдатскую шинель, какъ вдругъ пришло помилованіе, самымъ неожиданнымъ образомъ. Княжна Лопухина, которая тоже поняла настоящую причину гнѣва императора, бросилась ему въ ноги, умоляя о пощадѣ Д* и представляя ему, что какъ ей ни дорога благосклонность императора, но что, по милости ея, она будетъ ненавидима всѣми, ибо она стала невольною причиною несчастій людей. Мольбы княжны тронули Павла и онъ приказалъ вернуть Давыдова; но съ тѣмъ, чтобы онъ весь вечеръ улыбался....... Къ концу однако вечера, невиновность ли дяди моего, или послушаніе его, такъ полюбились Павлу, что онъ его поздравилъ камергеромъ, несмотря на молодость его лѣтъ.

Это званіе сдѣлало то, что Петръ Львовичъ очень еще молодымъ человѣкомъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и имѣлъ придворную должность гофмейстера. При открытіи кампаніи 1805 г. онъ сталъ проситься въ армію, но государь Александръ Павловичъ велѣлъ ему сказать, что онъ его приметъ, только капитаномъ. Д* отвѣчалъ, что— хоть солдатомъ, и его приняли за это маіоромъ. Онъ былъ отмѣнно храбръ и вернулся изъ Парижа уже генералъ-маіоромъ съ Георгіемъ 4-го класса, и потомъ снова переименованъ въ тайные совѣтники.

IX.

Въ послѣдній годъ царствованія Павла однажды былъ приглашенъ къ обѣду графъ Орловъ-Чесменскій и кто-то еще. Императоръ обѣдывалъ въ часъ пополудни. Къ этому времени императрица и великія князья съ приглашенными дожидались прибытія государя, а онъ, обыкновенно весьма аккуратный въ домашней жизни, на этотъ разъ опоздалъ. Проходитъ ¼ часа, наконецъ ½ часа, государя нѣтъ; всѣ присутствовавшіе въ недоумѣніи и смущеніи. Вдругъ донесли, что государь пріѣхалъ; онъ вошелъ со шляпою на головѣ съ самымъ сердитымъ лицомъ, и подойдя къ императрицѣ, сказалъ ей, стуча объ полъ палкою: „я, сударыня, нигдѣ не потерплю измѣнниковъ, нигдѣ, ни даже въ моей семьѣ, слышите-ли вы", продолжалъ онъ, бросая грозные взгляды на великихъ князей. Императрица, весьма смущенная, съ низкимъ поклономъ отвѣчала ему „что она не знаетъ за собой вины и потому проситъ государя сказать ей, въ чемъ она провинилась?"—„Это вы всѣ скоро узнаете", отвѣчалъ онъ, и быстро вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью. Всѣ остались въ страхѣ и оцѣпенѣніи. Наконецъ, боясь снова прогнѣвить государя позднимъ обѣдомъ, не въ урочное время, императрица обратилась къ графу Орлову, прося его сходить къ императору и доложить ему, что обѣдъ готовъ. На это графъ отвѣчалъ. „Нѣтъ, государыня, я хотя сжегъ турецкій флотъ и кажись неробкаго десятка, но, воля ваша, не пойду, хоть казните". Одинъ графъ Кутайсовъ вызвался идти и спросить Павла. Онъ постучался въ запертыя двери и на вопросъ: кто тамъ? отвѣчалъ кто онъ и зачѣмъ посланъ. „Сейчасъ буду, ждать!" былъ отвѣтъ. Прошла еще томительная четверть часа, и наконецъ, государь вышелъ съ улыбающимся лицомъ, потирая себѣ руки, подошелъ къ императрицѣ и сказалъ ей „что очень видно напугалъ я васъ, сударыня, всѣхъ моей шуточкой. Пойдемте обѣдать".

Этотъ разсказъ я слышалъ отъ моего отца.

X.

Изъ того же источника я слышалъ слѣдующее:

Павелъ I выѣзжалъ обыкновенно прогуливаться въ 12 часовъ пополудни, или одинъ или съ кѣмъ-либо изъ своихъ приближенныхъ. Большей частью ему сопутствовали Обольяниновъ, гр. Кутайсовъ и весьма рѣдко гр. Ростопчинъ, и когда государь бывалъ не въ духѣ, то горе бывало многимъ. Однажды лѣтомъ государь, находившійся въ Петербургѣ, выѣхалъ кататься въ свое урочное время. Проѣзжая мимо одного дома, гдѣ окошки были открыты, онъ услыхалъ сильный и нѣсколько разъ повторяющійся звонъ колокольчика, съ криками: „Парашка, Парашка!!" Онъ остановился и послалъ узнать, кто это звонитъ и отчего такъ сильно кричатъ? Посланный нашелъ старушку, очень удивленную его приходомъ: „Вы, сударыня, звонили сейчасъ?"—„Я, батюшка".—„Государь здѣсь и велѣлъ васъ спросить, отчего вы такъ крѣпко звонили, и такъ сильно кричите?"—„Батюшка мой, виновата, звала мою дѣвку, Парашку, до сихъ поръ обѣдать не подаетъ, я въ это время обѣдаю, а ужъ первый часъ". Посланный, узнавши имя старушки, вернулся съ отвѣтомъ. „Сказать ей, чтобы она въ это время никогда не обѣдывала", сказалъ Павелъ. Посланный передалъ ей приказъ.—„Скажите государю, что если его величеству угодно, я никогда больше обѣдать не буду". Павелъ поѣхалъ далѣе.

XI.

Императоръ Александръ I, по наущенію враговъ Ермолова, долго вѣрилъ, что онъ отложится отъ Россіи вмѣстѣ со всѣмъ Кавказомъ. Долго онъ скрывалъ эту мысль, но разъ рѣшился вывѣдать тайну у генерала Миллера-Закомельскаго, зная, что онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Алексѣемъ Петровичемъ. Баронъ Миллеръ-Закомельскій всѣми средствами и всѣми доводами старался разувѣрить государя, и, къ счастію, достигъ этого. По возвращеніи государя изъ Лайбаха онъ, однажды передъ обѣдомъ, какъ будто не замѣчая Ермолова, обратился къ барону Миллеру-Закомельскому и сказалъ ему полушутя, указывая на Ермолова: „онъ, кажется, не хочетъ болѣе отложиться".

XII.

Въ 1821 г., когда государь Александръ I былъ въ Лайбахѣ, кн. Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ командовалъ гвардіей. Къ нему явился офицеръ, имя котораго онъ, передавая этотъ разсказъ, не хотѣлъ назвать, и просилъ у ген. разговора наединѣ. Когда Васильчиковъ ввелъ его въ свой кабинетъ, то этотъ офицеръ не только объявилъ ему о

заговорѣ, но представилъ ему списокъ заговорщиковъ. На замѣчаніе генерала, что это дѣло не относится до него, а до министра полиціи генерала Балашева, офицеръ отвѣчалъ, что онъ обращается къ генералу Васильчикову не такъ, какъ къ командиру гвардейскаго корпуса, но какъ къ генералъ-адъютанту и что, въ случаѣ его отказа принять отъ него этотъ списокъ, онъ прямо обратится къ государю съ заявленіемъ, что онъ уже объ томъ обращался къ его генералъ-адъютанту безъ успѣха. Тогда Васильчиковъ спросилъ его, чѣмъ онъ подтвердитъ справедливость своихъ показаній? и офицеръ указалъ ему на городъ Тверь, въ которомъ въ такой-то день будетъ совѣщаніе заговорщиковъ. Тверскою дивизіею командовалъ въ то время братъ Илларіона Васильевича, генералъ-маіоръ Николай Васильевичъ Васильчиковъ. Секретно были наведены справки и оказалось, что все справедливо. По возвращеніи государя изъ Лайбаха, Васильчиковъ доложилъ ему обстоятельства этого важнаго дѣла и представилъ государю полученный имъ списокъ заговорщиковъ. Государь взялъ его, не раскрывая положилъ передъ собою, закрывши лицо руками и долго сидѣлъ въ молчаніи; наконецъ сказалъ Васильчикову эти замѣчательныя слова:

«Personne mieux qûe Vous, mon cher Wassilchikoff, ne connait le commencement de mon règne, où par mes actions et mes actes j'ai donné prise a les effervescences des mécontents. C'est donc ma faute et ce n'est donc pas à moi a sevir. Reprenez cette liste, je ne veux pas la voir».

(„Никто лучше васъ, любезный Васильчиковъ, не знаетъ, какое было начало моего царствованія, гдѣ я моими дѣйствіями и моими узаконеніями далъ поводъ этому волненію недовольныхъ. Это моя вина, и не мнѣ ихъ за это наказывать. Возьмите назадъ этотъ списокъ, я не хочу его видѣть“).

XIII.

Разскажу эпизодъ, относящійся до брата Марьи Антоновны Нарышкиной—князя Бориса Четвертинскаго.

Во время политическихъ смутъ въ Польшѣ въ 1791 году, отецъ князя Четвертинскаго, князь Антонъ, былъ повѣшенъ черныо въ Варшавѣ за преданность его Россіи. Императрица Екатерина немедленно выписала дѣтей его въ Петербургъ, призрѣла и облагодѣтельствовала сиротъ. Обѣ дочери были сдѣланы фрейлинами, а молодой князь Борисъ былъ сначала помѣщенъ въ Кадетскій корпусъ, но вскорѣ произведенъ въ офицеры, несмотря на почти ребяческіе его годы. Вся семья пользовалась особеннымъ благоволеніемъ императрицы. Милости не прекращались и при воцареніи императоровъ Павла и Александра. Эти, почти родственныя, отношенія царствен-

ныхъ особъ были причиною тому, что въ царствованіе императора Александра, князь Борисъ долго не могъ подозрѣвать возрастающее влеченіе государя къ его сестрѣ Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной. Онъ служилъ тогда полковникомъ въ Л. Г. гусарскомъ полку въ Царскомъ Селѣ. Однажды онъ встрѣтилъ императора у сестры и тотъ передалъ ему о расположеніи своемъ къ Марьѣ Антоновнѣ.

Князь Четвертинскій, бывшій всю свою жизнь рыцаремъ безъ страха и упрека, удалился отъ сестры, сталъ жить почти безвыѣздно въ своемъ эскадронѣ, и когда наступили Наполеоновскія войны, принялъ блистательное участіе въ кампаніяхъ 1805, 1806, 1807 годовъ, уже въ Александровскомъ гусарскомъ полку. Въ 1808-мъ г. онъ вышелъ въ отставку, несмотря на желаніе государя сохранить его на службѣ и на убѣжденія цесаревича Константина. Эти натянутыя отношенія не лишили его однако уваженія императора Александра; никому не бывало отказа, если государь узнавалъ, что того желаетъ кн. Четвертинскій. Самъ же онъ во всю свою жизнь ничего никогда не просилъ.

Двѣ дочери князя Антона Четвертинскаго были: Марья Антоновна Нарышкина и Жанета Антоновна Вышковская, жена польскаго шляхтича. Обѣ умерли въ 1853 году, первая на озерѣ Старенбергѣ, въ 2-хъ часахъ отъ Мюнхена, вторая въ самомъ городѣ, гдѣ обѣ и похоронены.

Князь Борисъ Антоновичъ умеръ въ Москвѣ 23 января 1865 года, въ чинѣ оберъ-шталмейстера, въ казенномъ домѣ у Колымажнаго двора, нынѣ пожалованный его женѣ.

3-го марта 1871 г. Москва.

В. Д. Давыдовъ.

Повелѣніе императора Николая I о подвигѣ Вержбицкаго, 1838 года.

Волынской губерніи, Островскаго уѣзда, деревни Хотня, дѣти однодворца Вержбицкаго: 6-ти-лѣтній сынъ Николай и полугодовая сестра его Анна, по случаю смерти матери и внезапной отлучки отца ихъ, неизвѣстно куда бѣжавшаго въ 1837 году, остались въ крайней бѣдности и безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Мальчикъ поддерживалъ существованіе свое милостынею и, заботясь о сестрѣ, кормилъ ее молокомъ ощенившейся суки, клалъ ее между щенятъ для предохраненія отъ холода, и тѣмъ спасъ жизнь ребенка.

По удостовѣреніи въ дѣйствительности этого событія, главное мѣстное начальство, чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ, ходатайствовало объ испрошеніи у государя отъ монаршихъ щедротъ вознагражденія 6-ти-лѣтнему мальчику Николаю Вержбицкому, который,

несмотря на круглое сиротство и безпомощное состояніе, спасъ столь необыкновеннымъ образомъ жизнь своей сестры. Министръ внутреннихъ дѣлъ, признавая необходимымъ дать средства къ обезпеченію участи сихъ дѣтей, поручилъ — мальчика отправить, на счетъ суммъ Волынскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ городъ Калугу, для помѣщенія въ тамошнемъ сиротскомъ домѣ, а сестру его отдать на попеченіе того же приказа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о поступкѣ однодворческаго мальчика Вержбицкаго доводилъ до свѣдѣнія государя императора, чрезъ комитетъ гг. министровъ. Комитетъ, выпискою изъ журналовъ 12 іюля и 16 августа 1838 года, сообщилъ, что по статьѣ о подвигѣ мальчика Вержбицкаго, послѣдовало собственоручное его императорскаго величества повелѣніе:

„Вержбицкаго за примѣрный поступокъ—въ александровскій кадетскій корпусъ, а сестрѣ его—пенсіонъ до замужества въ 400 руб., и когда будетъ въ состояніи по лѣтамъ, перевесть въ Москву, въ александровскій сиротскій институтъ“ *).

Сообщ. К. Н. Тихонравовъ.

Письма графа Бенкендорфа къ Н. В. Кукольнику.

I.

Милостивый государь Несторъ Васильевичъ! Историческій разсказъ «Сержантъ или всѣ за одно», обратилъ на себя вниманіе публики желаніемъ вашимъ выказать дурную сторону русскаго дворянина и хорошую -- его двороваго человѣка. Государь императоръ удивляется, какъ можетъ человѣкъ, столь просвѣщенный и обладающій такимъ хорошимъ перомъ какъ вы, милостивый государь, убивать время на занятія васъ недостойныя и на составленіе статей до такой степени ничтожныхъ.

Хотя разсказъ вашъ вы почерпнули изъ дѣяній Петра Великаго, но предметъ вами описанный, въ анекдотѣ, составляя прекрасную черту великаго государя, въ вашемъ сочиненіи совершенно искаженъ неумѣстными выраженіями и получилъ совершенно дурное направленіе. Желаніе ваше безпрерывно выказывать добродѣтель податнаго состоянія и пороки высшаго класса людей, не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій, а потому не благоугодно-ли вамъ будетъ на будущее время воздержаться отъ печатанія статей, противныхъ духу времени и правительства, дабы тѣмъ избѣжать взысканія, которому вы, при меньшей какъ нынѣ снисходительности, подвергнуться можете.

*) О подвигѣ Вержбицкаго было тогда же объявлено въ кіевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1838 г. № 38. Ред.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть, вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугой графъ Бенкендорфъ.

С.-Петербургъ, 6 января 1842 г.

II.

Милостивый государь Несторъ Васильевичъ! Получивъ письмо ваше, отъ 27 сего января, спѣшу успокоить васъ, милостивый государь, что изъ памяти государя императора совершенно изгладилось то впечатлѣніе, которое произведено было повѣстію вашею: «Сержантъ Ивановъ», и въ мысляхъ его величества не осталось противъ васъ ни малѣйшаго гнѣва; если же вамъ и сообщено было о замѣченныхъ недостаткахъ въ вашей повѣсти, то единственно потому, что его величество, памятуя всѣ другія произведенія ваши по части литературы былъ нѣсколько остановленъ тѣмъ, что въ новой повѣсти вашей встрѣчаются мѣста, не вполнѣ достойныя пера вашего, и его императорское величество соизволилъ замѣтить это именно потому, что считаетъ васъ въ числѣ отличныхъ писателей, всегда ожидалъ отъ васъ произведеній, равныхъ вашему таланту, и что вы трудами своими можете приносить пользу и честь нашей литературѣ.

Вмѣстѣ съ симъ мнѣ весьма пріятно удостовѣрить васъ въ моемъ истинномъ къ вамъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою графъ Бенкендорфъ.

30 января 1842 г. Сообщ. И. А. Пузыревскій.

О столѣтнемъ юбилеѣ дня рожденія графа Михаила Андреевича Милорадовича.

1-е октября 1770 г.—какъ значится въ надписи на надгробной плитѣ гр. Милорадовича—есть день его рожденія.

1-го октября 1870 г.—истекаетъ ровно сто лѣтъ съ этого дня.

Рыцарская личность графа Михаила Андреевича Милорадовича, его доблести на ратномъ полѣ стяжали ему при жизни чувства безпредѣльной любви и уваженія отъ его сподвижниковъ, отъ всего русскаго воинства... Имя его сдѣлалось славно по всей Россіи...

Напоминаемъ тѣмъ изъ современныхъ представителей военнаго сословія, которые дорожатъ преданіями славной нашей арміи, о необходимости достойнымъ образомъ ознаменовать приближающійся день столѣтняго юбилея рожденія одного изъ славнѣйшихъ на Руси героевъ отечественной войны. Ред.

О подпискѣ на памятникъ А. С. Пушкину.

Поступили пожертвованія: отъ Е. М. Протопоповой—15 руб.; А. Ѳ. Базунова—10 руб.; А. Н. Петрова—10 руб.; И. А. Пузыревскаго—3 руб.; Г. Д. К.—1 руб.; А. И. Семевскаго—5 руб.; всего—съ прежде поступившими—76 руб. Ред.

ОГЛАВЛЕНІЕ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1871 ГОДА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ. ФЕВРАЛЬ. МАРТЪ. АПРѢЛЬ. МАЙ. ІЮНЬ.

стр.

*

Приложенія къ третьему тому «Русской Старины»:

Это первая половина второго тома «Записокъ Болотова» должна быть выдѣлена изъ книгъ (1 по 6-й, 1871 г.), къ которымъ она приложена и переплетена въ одну книгу со второю половиною

Примѣчаніе. Разосланный при III-мъ томѣ «Русской Старины» (при январской и февральской книгахъ) — «Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» 1870 г.» (стр. 1—141) долженъ быть помѣщенъ въ концѣ II-го тома «Русской Старины» изд. 1870 г.

школы славянофильской «не имѣютъ своимъ основаніемъ непосредственнаго изученія историческихъ явленій», на стр. 041 введенія онъ говоритъ: «значеніе ученія славянофиловъ раскрыто въ статьяхъ К. Н. Бестужева-Рюмина, совершенно справедливо замѣтившаго, что... никто еще ближе Славянофиловъ не подходилъ къ русской дѣйствительности»... Изъ этого видно, что симпатіи автора болѣе склоняются къ славянофильской школѣ.

Что касается до самаго обзора источниковъ, то мы прежде всего должны заявить о томъ громадномъ, кропотливомъ трудѣ, который понадобился для его составленія. Къ сожалѣнію въ основаніе этого обзора положена совершенно ложная система. Справедливо упрекая изданія Археографической Коммиссіи и другихъ ученыхъ обществъ въ томъ, что при напечатаніи актовъ не было строгой системы, не было отдѣляемо важное отъ неважнаго, авторъ не сдѣлалъ этого раздѣленія и самъ, а ограничился свѣркою документовъ, относящихся къ царствованію Ѳед. Алек., гдѣ могъ съ рукописями, а то съ другими изданіями, обстоятельно отмѣтилъ всевозможныя мельчайшія ошибки, но ничуть не облегчилъ труда человѣка, который захотѣлъ бы заняться царствованіемъ Ѳедора Алекс., и захотѣлъ бы найти въ этомъ трудѣ прежде всего указаніе на самыя важныя изъ громадной массы источниковъ. Такимъ образомъ этотъ обзоръ источниковъ дѣлается полезнымъ чуть ли не для одного г. Замысловскаго и будущихъ томовъ его труда. Это замѣчаніе было сдѣлано И. И. Срезневскимъ на диспутѣ 17-го мая и не могло быть опровергнуто диспутантомъ.

Не можемъ не пожалѣть, что кропотливая работа автора не принесетъ всей той пользы, которую она должна была бы принести при лучшей системѣ труда.

Мы подождемъ однако произносить рѣшительный приговоръ, до выхода слѣдующихъ частей обширнаго труда г. Замысловскаго.

Судьба малороссійскаго крестьянства въ XVII — XVIII в. соч. К. Козловскаго. Кіевъ. 1871 г. въ 16 д., стр. 141.

Оттискъ изъ Кіевскаго Вѣстника 1870—1871, составленъ на основаніи статьи Лазаревскаго «Малороссійскіе посполитые крестьяне», историко-юридическій очеркъ 1648 —1783 г., помѣщенный въ Запискахъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, (книга первая, Черниговъ 1866 г. стр. 152), и разныхъ лѣтописей Южнорусскихъ. Книга представляетъ интересъ легкаго очерка. Новаго г. Козловскій ничего не сказалъ, послѣ Лазаревскаго, коего трудъ довольно важенъ и поучителенъ, такъ какъ онъ составленъ на основаніи достовѣрныхъ, и до сихъ поръ не извѣстныхъ документовъ.

Извѣстіе о книгѣ «Благоутробіе Марка Аврелія», напечатанной во Львовѣ 1745 года, въ листъ, на 40 стр. М. Максимовича. Кіевъ. 1871 г.

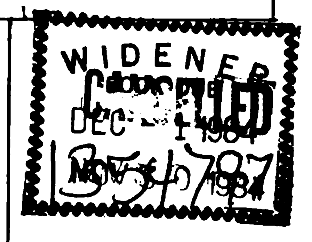
Оттискъ изъ Кіевскихъ Епархіальныхъ Извѣстій 1871 г. Брошюра даетъ преинтересное извѣстіе о сочиненіи Михаила Козачинскаго, малоизвѣстное до сихъ поръ нашимъ библіографамъ, въ томъ числѣ и преосвящ. Филарету Черниговскому, въ его обзорѣ русской духовной литературы. По случаю пріѣзда императрицы Елисаветы Петровны въ Кіевъ въ 1744 году, студентами Кіевской академіи представленъ былъ, въ день тезоименитства императрицы, 5 Сентября 1744 года, діалогъ съ прологомъ и эпилогомъ, сочиненіе Ковачинскаго: «Благоутробіе Марка Аврелія», изъ котораго точнѣе опредѣляются нѣкоторыя подробности достопамятнаго пребыванія Елисаветы Петровны въ Кіевѣ. Благодаря соч. Казачинскаго, открывается вымышленность разсказа о встрѣчѣ императрицы Елисаветы, въ Кіевѣ, въ «Исторіи Руссовъ», приписываемой Георгію Кониссному. Максимовичъ этимъ самымъ подтверждаетъ свое прежнее мнѣніе, высказанное въ «Кіевлянинѣ» 1865 года, что Исторія Руссовъ, сочинена не Кониссинымъ, а другимъ лицомъ, весьма даровитымъ, но для насъ неизвѣстнымъ, потому что Кониссій, принадлежа, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, академіи Кіевской, не могъ не знать и не помнить всего того, что дѣлалось въ пріѣздъ Елисаветы въ Кіевъ.

Што таке Ібн-Дастова «Русь»? Праця і компт. К. В. Шейковського. Кыів. 1870 г.

Авторъ доказываетъ, что г. Хвольсонъ издавъ переводъ арабскаго писателя Абу-Али-Ахмедъ-Бен-Омар-Ібн-Даста, начала X вѣка, неправильно подъ именемъ Русь, считаетъ теперешнихъ великороссовъ, потому что, читая про характеръ Ібн-Дастовыхъ Руссовъ, и зная характеръ малороссійскаго люда, смѣло можно сказать, что его Русы, предки малороссіянъ, и что Ібн-Даста описываетъ не цѣлый народъ, а только часть его малороссійскую. Въ подтвержденье этого авторъ переводитъ 13 параграфовъ, на малороссійскій языкъ, изъ Ібн-Даста.

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**


WIDENER
CANCELLED
DEC 1 1984
NOV 1984